This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Stanford University Libraries
3 6105 115 527 595

XIV 1/152

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

76.736.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Д. КАВЕЛИНА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЭТНОГРАФІЯ И ПРАВОВѢДѢНІЕ.

III/1

I. Бытъ русскаго народа. — II. Исторія русскаго права и законодательства. — III. Гражданское право и правовѣдѣніе вообще. — IV. Гражданское уложеніе.

Съ примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1900.

AC65
K34
v.4

1921

ЭТНОГРАФІЯ и ПРАВОВѢДѢНІЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ

К. Д. КАВЕЛИНА.

Съ примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типография М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-го ТОМА.

страницы.

I. ЭТНОГРАФІЯ.

Бытъ русскаго народа. Соч. А. Терещенки. Спб., 1848. . . . . 5—166
Нѣкоторыя извлеченія изъ собираемыхъ въ И. Р. Геогр. Обществѣ этнографическихъ матеріаловъ о Россіи, съ замѣтками о ихъ многосторонней занимательности и пользѣ для науки. . . . . 167—178
Нѣсколько словъ о примѣтахъ . . . . . 179—190
О вѣдунѣ и вѣдьмѣ. По поводу статьи г. Аѳанасьева въ альманахѣ „Комета“. 191—204

II. ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ . . . 205—420
Рецензіи и замѣтки.—Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г. Соч. И. Михайлова, Спб., 1848. . . . . 421—435
Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. Соч. Конст. Троцины. Спб., 1851. . . . . 436—446
О вотчинахъ и помѣстьяхъ. Соч. Ал. Лакіера. Спб., 1848 . . . 447—489
Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства, соч. Ник. Рождественскаго. Спб., 1849. . . . . 490—493
Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. П. Иванова. . М., 1850 . . . . . 494—502

III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВѢДѢНІЕ ВООБЩЕ.

О теоріяхъ владѣнія . . . . . 503—531
О книгѣ г. Ник. Рождественскаго, „Руководство къ россійскимъ законамъ“, Спб. 1848. . . . . 532—535
Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ, 1860 . . . . . 536—625

	страницы.
Отвѣтъ г-ну Лохвицкому.	626—644
Объ ограниченіи гражданской правоспособности въ Россіи по состояніямъ и званіямъ	645—701
О неполномъ правѣ собственности по Своду законовъ	702—726
Объ учетѣ до-срочныхъ платежей по обязательствамъ	727—737
Замѣтка о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ	738—747
* Записка о различіи законовъ и постановленій.	748—759
Что̀ есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?	760—861
Изъ книги: „Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ“ . .	862—869
Какое мѣсто занимаетъ гражданское право въ системѣ права вообще? . . .	870—902

IV. ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.

Чего желательно для Россіи: новаго свода законовъ или уложенія? . . .	903—921
Русское гражданское уложеніе	921—1005
Права семейственныя. Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза. Спб., 1884	1006—1181
Право наслѣдованія. Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имущества. Спб. 1885.	1182—1320

Примѣчанія къ четвертому тому, проф. Д. А. Корсакова	1321—1324
Списокъ сочиненій и статей К. Д. Кавелина въ хронологическомъ порядкѣ.	1325—1336
Списокъ статей о К. Д. Кавелинѣ.	1337—1348

(Статьи, отмѣченныя звѣздочкою, напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи).

ЭТНОГРАФІЯ и ПРАВОВѢДѢНІЕ.

I. ЭТНОГРАФІЯ.

БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА.

Соч. А. Терещенки. Спб. 1848. Въ семи частяхъ.

I.

Книга г. Терещенки имѣетъ двѣ стороны, которыя непремѣнно надо различить, чтобы получить о ней правильное понятіе и оцѣнить ее безпристрастно. Во-первыхъ, она представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраній матеріаловъ для теперешняго и древнѣйшаго быта русскаго народа. Эти матеріалы тѣмъ важнѣе, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простого народа, непосредственныхъ, живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему, интересующихся предметомъ. При быстромъ исчезаніи старыхъ обычаевъ, увѣковѣченіе такихъ наблюденій печатью — заслуга немаловажная, за которую нельзя довольно благодарить автора. Для исторіи нашего языка, гражданственности, образованія, для изученія древнѣйшаго русскаго быта, собраніе г. Терещенки—драгоцѣнное пріобрѣтеніе и вмѣстѣ съ трудами гг. Сахарова, Максимовича, Снегирева, Даля, Кирѣевскаго должно быть настольной книгой русскаго археолога, историка и филолога. Но, составляя свою книгу, г. Терещенко не думалъ ограничиться однимъ сообщеніемъ матеріаловъ. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ претензіи на трудную роль самостоятельнаго систематическаго изслѣдователя и критика. Г. Терещенко не только собралъ матеріалы: онъ ихъ обработываетъ, располагаетъ извѣстнымъ образомъ, объясняетъ, дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Эта вторая сторона книги весьма слаба. Скажемъ болѣе: она ниже посредственности. Самые простые законы исторической критики неизвѣстны автору; какъ изслѣдователь, онъ безпрестанно впадаетъ въ самыя забавныя ошибки. Будучи, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ теперешнимъ простонароднымъ бытомъ, онъ нисколько не воспользовался этимъ знаніемъ, и оно ему нимало не послужило къ открытію его главныхъ, характеристическихъ чертъ. А открыть ихъ было не такъ трудно при множествѣ собранныхъ данныхъ, ярко освѣщающихъ туземные письменные памятники старины и отрывочныя, разновременныя свидѣтельства иностранныхъ писателей и путешественниковъ по славянскимъ землямъ. Народные обычаи, у насъ и вездѣ, удерживаются весьма долго. Потерявъ первоначальное живое значеніе, они преобразуются въ символы, обрядовыя дѣйствія, и въ этомъ видѣ сохраняются народами въ продолженіе многихъ вѣковъ. Ихъ первоначальный смыслъ наконецъ исчезаетъ, часто влагается въ нихъ новый смыслъ, болѣе соотвѣтствующій настоящимъ понятіямъ и быту народа, хотя и невѣрный, произвольный; но они все-таки повторяются потомками и для исторической критики служатъ драгоцѣнными матеріалами при возстановленіи отдаленнѣйшей древности, первоначальнаго быта, отъ которыхъ не осталось ни письменныхъ памятниковъ, ни преданій. По указаніямъ этихъ обрядовыхъ, символическихъ, торжественныхъ дѣйствій можно прослѣдить внутреннюю жизнь народа, ея постепенныя измѣненія, вліяніе раз-

личныхъ элементовъ, привходившихъ въ нее извнѣ или вызванныхъ внутреннимъ послѣдовательнымъ развитіемъ. Г. Терещенко не обратилъ никакого вниманія на это значеніе обычаевъ; кажется, онъ его и не подозрѣвалъ. Никакого единства, цѣлости въ трудѣ, кромѣ единства предмета, которое не зависѣло отъ автора; никакого взгляда, и потому отсутствіе плана въ расположеніи цѣлаго и частей, отсутствіе мысли въ изслѣдованіяхъ. Выходитъ, что авторъ оказалъ бы великую услугу, еслибъ скромно и добросовѣстно ограничился изданіемъ однихъ матеріаловъ, не подмѣшивая къ нимъ своихъ разсужденій. Послѣднія совершенно безполезны, ни къ чему не ведутъ, нерѣдко искажаютъ факты. Дѣйствительно, разглагольствованіями авторъ часто заслоняетъ отъ читателей живой источникъ, откуда черпалъ данныя, такъ что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, что повѣрье народа, что соображенія, не всегда глубокомысленныя, г. Терещенки.

Это обстоятельство, а именно, что авторъ приступилъ къ дѣлу неприготовленный, безъ научнаго взгляда, безъ критики, безъ достаточнаго изученія, конечно, и было причиной, почему его книга не заняла почетнаго мѣста въ нашей исторической литературѣ и осталась мало замѣченной. Нѣкоторые критики были къ ней даже несправедливы, обративъ исключительное вниманіе на ея слабую сторону; къ счастію, есть и другая, которую мы усердно рекомендуемъ читателямъ. То, что почерпнуто изъ народнаго быта —описанія праздниковъ, хороводовъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, игръ и т. д., такъ важно и содержитъ такіе богатые матеріалы для узнанія теперешней и давно прошедшей нашей жизни, что мы позволимъ себѣ войти въ подробное разсмотрѣніе книги г. Терещенки.

Она раздѣляется на семь частей. Въ первой говорится о народности, жилищахъ, домоводствѣ, нарядѣ, образѣ жизни, музыкѣ; во второй—о свадьбахъ, въ третьей—о времясчисленіи, крещеніи, похоронахъ, поминкахъ, Дмитровской субботѣ; въ четвертой о забавахъ, играхъ и хороводахъ; въ пятой —о простонародныхъ обрядахъ: первомъ жарта, встрѣчѣ весны, красной горкѣ, радуницѣ, запашкѣ, кумушкѣ, купалѣ, ярилѣ, обжинкахъ, бабьемъ праздникѣ; въ шестой — объ обрядовыхъ праздникахъ: недѣлѣ Вай, Пасхѣ, русальей недѣлѣ, семикѣ, Троицынѣ днѣ, первомъ апрѣля, первомъ мая; наконецъ въ седьмой—о святкахъ и масляницѣ.

Изъ этого перечня содержанія книги г. Терещенки видно, что программа его обширна. Онъ задумалъ огромный трудъ, почти невыполнимый для одного человѣка. Кто не знаетъ, какихъ средствъ и усилій нужно для собранія однихъ матеріаловъ! Сверхъ того авторъ не опредѣлилъ границъ, не уяснилъ себѣ предмета предпринятой работы, и этимъ создалъ самъ для себя новыя трудности. Хотѣлъ ли онъ подробно описать бытъ русскаго народа, какимъ мы его видимъ, или думалъ прослѣдить этотъ бытъ и исторически до нашего времени, заимствуя данныя о прошедшемъ изъ книгъ, о теперешнемъ—изъ живыхъ обычаевъ и обрядовъ? Далѣе, входило ли въ его планъ изложить только бытъ собственно коренно-русскій, или и всѣ тѣ измѣненія, которыя въ немъ произошли вслѣдствіе постороннихъ вліяній, особенно европейскаго? Эти вопросы вовсе не обратили на себя вниманія г. Терещенки; онъ объ нихъ и не думалъ, принимаясь писать книгу. Этотъ недосмотръ, ошибка—отозвались въ его трудѣ. Въ одной главѣ находимъ только описаніе стараго, по письменнымъ источникамъ, въ другой —только теперешняго, на основаніи непосредственныхъ наблюденій и замѣтокъ. Вообще авторъ не охотникъ до новыхъ обычаевъ; старые кажутся ему лучше, и онъ ихъ описываетъ съ особенною любовью. Согласны, этотъ взглядъ имѣетъ свою полезную сторону, побуждая собирать и сохранять въ печати, для будущихъ изслѣдователей, то, что съ каждымъ днемъ уходитъ и изглаживается. Но г. Терещенко описываетъ же мѣстами и новизну. Только эта новизна у него неполна, не обнимаетъ всѣхъ слоевъ общества и, какъ по всему замѣтно, списана не съ высшаго круга. Будь разбираемое нами сочиненіе не болѣе какъ собраніе матеріаловъ, мы бы не обратили вниманія на эту неполноту и сказали спасибо и за то, что нашли; но авторъ хочетъ быть изслѣдователемъ, розыскателемъ, слѣдовательно заставляетъ быть требовательнымъ. Въ систематическомъ разсужденіи такая неопредѣленность—важный недостатокъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало остаться вѣрнымъ главной, хотя и не высказанной задачѣ; слѣдовало описать обычаи простого народа, прослѣдить ихъ въ прошедшемъ, сколько дозволяютъ источники, и пожалуй, ихъ измѣненія или иска-

жении въ тѣхъ классахъ, которыхъ европейское вліяніе коснулось слегка: о привычкахъ и образѣ жизни образованныхъ слоевъ общества, менѣе извѣстныхъ автору, можно бы и не говорить вовсе: читатели не стали бы жалѣть объ этомъ, да и наука бы ничего не потеряла.

Разсматривая, далѣе, программу, мы находимъ, что она и неполна по заглавію книги: „Бытъ русскаго народа", и совсѣмъ безсвязна. Она неполна, потому что въ ней нѣтъ отдѣла для пословицъ, пѣсенъ, поговорокъ — этихъ неразлучныхъ спутниковъ русскаго человѣка: нѣтъ еще и многаго другого, что составляетъ бытъ народа. Она безсвязна, потому что нельзя никакъ понять, на какомъ основаніи г. Терещенко дѣлитъ свое сочиненіе на части, части на главы: почему народность составляетъ особенную главу, тогда какъ вся книга—картина русской народности, почему братчины, запашки, обжинки отнесены къ числу простонародныхъ обрядовъ; почему всѣ народные праздники отнесены къ этому отдѣлу, а хороводы, свадьбы, похороны не отнесены, какъ будто и они не сопровождаются простонародными обрядами, не суть простонародные обряды. Такихъ почему, при разсмотрѣніи программы г. Терещенки, множество приходитъ въ голову. Довольно и этихъ. Они достаточно обнаруживаютъ, что сочиненіе написано безъ мысли, безъ систематическаго взгляда на предметъ, безъ критической оцѣнки обрядовъ простого народа, что мы ужъ и прежде сказали.

Надобно замѣтить, что предисловіе автора скромнѣе его книги, и кто остановится на немъ, на предисловіи, тотъ назоветъ насъ и слишкомъ строгими и придирчивыми. Судя по послѣднему, г. Терещенко „имѣлъ намѣреніе изобразить жизнь нашей Руси, но всегда былъ останавливаемъ мыслью: трудъ не по силамъ. Эта мысль, дѣйствительно справедливая, отнимала всякую надежду приступить когда-нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, онъ рѣшился начертить его въ бытѣ русскаго народа. Не безъ робости представляетъ онъ его своимъ соотечественникамъ" (стр. III). Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что „изложить бытъ народа, сколько можно съ должною вѣрностью, нѣтъ возможности одному человѣку: это трудъ многихъ". Поэтому онъ „старался представить его сколько могъ по своимъ силамъ, и отнюдь не думаетъ, чтобъ его трудъ не былъ измѣненъ, даже въ самое короткое время" (стр. VI). Но въ книгѣ этого скромнаго тона, этого недовѣрія автора къ своимъ силамъ мы уже не находимъ: тутъ онъ судитъ и рядитъ смѣло, рѣшительно; подумаешь, подъ названіемъ „быта русскаго народа" авторъ издалъ курсъ нравственности и психологіи: нѣкоторыя статьи даже какъ будто цѣликомъ взяты изъ какой нибудь физіологіи женскаго сердца и попали сюда ошибкой. Ясно, предисловіе — вѣжливая фраза, обыкновенная, условная свѣтская любезность, обращенная къ публикѣ,— никакъ не болѣе. Этому мы увидимъ не одно доказательство.

Мы сказали, что предметъ первой главы— народность. Это слово такъ объемисто, совмѣщаетъ въ себѣ столько различныхъ значеній, что едва ли можно сказать что-либо дѣльное, основательное о народности на какихъ-нибудь полутораста страницахъ разгонистой печати. Народность — цѣлая исторія народа со всѣми ея сторонами, цѣлая народная жизнь, во всѣхъ ея выраженіяхъ. Мы думаемъ, лучше было бы вовсе не посвящать народности особой главы. Авторъ думалъ иначе. Чѣмъ же онъ наполнилъ эту главу?

А вотъ посмотримъ.

Сначала авторъ говоритъ о различіи людей вслѣдствіе климатическихъ вліяній,—различіи, которое выражается въ очертаніи лица и образованіи тѣла. По этимъ признакамъ онъ дѣлитъ весь человѣческій родъ на пять расъ, или породъ, и описываетъ ихъ. Почему онъ остановился именно на той системѣ, которая принимаетъ пять породъ, — мы не знаемъ. Обыкновенно писатели излагаютъ сперва главныя классификаціи человѣческаго рода и ужъ въ заключеніе объясняютъ, какой они сами придерживаются. Пока вопросъ окончательно не уясненъ, такая метода самая естественная и потому самая лучшая. Автору она вѣроятно почему-либо не нравится. Но это бы еще ничего; а вотъ что странно: вслѣдъ за описаніемъ породъ говорится на полутора страничкахъ, что славяне принадлежатъ къ кавказскому племени и старожилы въ Европѣ, а потомъ авторъ прямо переходитъ къ описанію ихъ свойствъ. Въ книгѣ, посвященной быту русскаго народа, старожитность славянъ въ Европѣ, ихъ отношенія къ другимъ расамъ, ихъ раздѣленіе на племена и разселеніе, конечно, должны бы обратить на себя нѣкоторое вниманіе. Еслибъ г. Терещенко даже увлекся тутъ подробностями, и ничего не ска-

зать о раздѣленіи цѣлаго человѣческаго рода —все было бы простительнѣе, чѣмъ вовсе не говорить о славянскомъ племени. Чтобы читатели могли составить себѣ понятіе о томъ, какъ авторъ принимается за ученые вопросы, вотъ образчикъ:

„Конечно, мы ничего не можемъ сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они жили тогда, или чтобы славились уже своими дѣлами; но то должно быть достовѣрно, что они издревле заселили Европу, и по этому суть коренные европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что славяне наружностію и умомъ ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ кореннымъ европейцамъ—германцамъ и франкамъ, что они очеркомъ лица, бѣлизною тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе европейцы, что они, въ первыя столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибнули отъ раздоровъ внутреннихъ, но и среди лютыхъ испытаній и переворотовъ не упадали духомъ,—были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, стоивъ вѣковыми несчастіями, проложили путь къ будущему величію ихъ потомковъ". (Г. I, стр. 5 и 6).

Эти ничего не значащія слова — безъ малаго все, что сказано о происхожденіи славянъ. Свойства ихъ описаны не лучше; нѣсколько выписокъ изъ древнѣйшихъ туземныхъ и иностранныхъ сказаній о полудикомъ бытѣ этого племени конечно не даютъ еще ни малѣйшаго понятія о его свойствахъ. Да и старая манера описывать свойства народа давно ужъ брошена, потому что не ведетъ ни къ чему и не характеризуетъ нисколько народа. Въ разныя эпохи, при разныхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же народъ такъ измѣняется, что его едва можно узнать. Примѣровъ много. Описать свойства народа значитъ написать его исторію, а не начинить книгу выбранными наудачу характеристиками, часто случайными, пристрастными, односторонними, составленными за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, по поверхностному знакомству съ народомъ чужеземцевъ и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Какъ мало вѣсятъ такія описанія свойствъ, видно ясно изъ книги г. Терещенки. Славяне, по его описанію, были добродушны, гостепріимны, кротки, воинственны, храбры, набожны, любили пѣсни, музыку, пляску. Прекрасно! Но какъ составить себѣ по этимъ признакамъ хоть какое-нибудь понятіе объ отличительныхъ чертахъ славянскаго племени? Сколько народовъ имѣютъ описанныя свойства? Наконецъ, они — общіе если не всѣмъ, то наиболѣе большей части народовъ въ первобытномъ состояніи.—Слѣдующее за тѣмъ описаніе свойствъ русскихъ славянъ составлено совершенно въ томъ же тонѣ, и потому мы надъ нимъ не останавливаемся. Замѣтимъ только, что, описавъ эти свойства, авторъ разсказываетъ, какъ прекрасныя качества нашихъ предковъ были искажены и уничтожены татарскимъ игомъ, какъ, спустя двѣсти лѣтъ, началось возрожденіе, и наконецъ новыя бѣдствія, въ началѣ XVII вѣка, насъ возвеличили. Потомъ говорится о веселости, неизмѣнномъ свойствѣ русскихъ, о народности, сохранившейся въ древнихъ сочиненіяхъ. „Въ первыхъ вѣкахъ нашей гражданственности – говоритъ авторъ— познанія тѣсно сливались съ народностію, могуществомъ, роскошью, изобиліемъ, удальствомъ и силою" (стр. 45). Эта не совсѣмъ понятная фраза подаетъ ему поводъ привести отрывокъ изъ пѣсенъ Кирши Данилова, въ сокращеніи разсказать теперешнимъ языкомъ „Слово о полку Игоревѣ" и бросить нѣсколько словъ о древнемъ, преимущественно духовномъ, просвѣщеніи. Въ слѣдующей за тѣмъ статьѣ, подъ заглавіемъ: „непоколебимость народа и его слава", риторически, по образцу Кайданова, разсказана русская исторія XVII—XIX вѣковъ на одиннадцати страницахъ. Нѣсколько озадаченный всѣмъ этимъ, читатель смиренно слѣдуетъ за авторомъ, не зная куда онъ его ведетъ. Наконецъ вотъ, кажется, и пришли къ желанной цѣли. Рѣчь идетъ о „дѣйствіи народности".

„При всѣхъ переворотахъ гражданственности, русскій любилъ богатыя одежды и роскошь, гордился своимъ хлѣбосольствомъ и пиромъ. Любилъ грѣть кафтанъ и не боялся идти на него, прямо, съ однимъ топоромъ или съ рогатиной; тѣшился плясками и веселилъ себя пѣснями. Въ самомъ горѣ онъ услаждалъ себя ими, пѣлъ почти безумолкно. И теперь онъ тотъ же самый: работаетъ ли онъ, или сидитъ въ праздничный день у ворота своей избы, поетъ и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины, дороги для его сердца, все сочувствуетъ съ нимъ, все ему знакомое. Голубое небо, усѣянныя поля душистыми цвѣтами, нѣжные плоды южныхъ жителей, не производятъ въ душѣ его столько сладкихъ воспоминаній, какъ сумрачный день, снѣгъ бури и снѣжныя долины; она напоминаетъ ему родное. Воздухъ морозный, зелень дикая, могилы его предковъ, гробы его родныхъ, все тутъ его! Его предки тутъ родились и уснули,—и онъ здѣсь успокоится съ ними. Конечно, испытывать тѣму вездѣ все равно, но покоится прахъ среди родныхъ, на своей родинѣ, усладительно для памяти, она не умираетъ, переходитъ по наслѣдству, по чувству безсмертія, и самый прахъ оживаетъ тогда! — И дикіе звѣри и хищныя птицы, знаютъ свое рожденіе, свое

гнѣздо, берегутъ и защищаютъ его вопленъ, ревомъ и стономъ. А человѣкъ царь природы, не достоитъ за свою родину! Это чудовище, а не гражданинъ, и произведшая его на свѣтъ должна проклясть день рожденія! Нѣтъ въ мірѣ ни одной былинки, ни одного насѣкомаго, которое бы не любило бы свою родину. Пересадите растеніе въ страну ему не свойственную, оно зачахнетъ и умретъ. Перенесите самое презрѣнное насѣкомое въ область ему чуждую, оно не перенесетъ потери своего отечества, и самое презрѣнное любитъ свой земля! Нѣтъ ничего въ природѣ, что бы не дорожило своимъ собственнымъ, не любило бы и самыя страшности, но только свои. Онѣ страны для тѣхъ, которые рождены съ каменнымъ сердцемъ, тупымъ разумомъ, летучимъ умомъ. Но и самый ледъ, перенесенный въ теплую страну, таетъ, — онъ таетъ отъ любви къ своему сѣверу разрушается и оставляетъ слезы. Все плачетъ, все рыдаетъ по своемъ родномъ, по своей жизни! Магнитъ устремляется на сѣверъ и указываетъ каждому: вотъ гдѣ мое отечество. Не разлучайте меня съ нимъ! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мнѣ любовь" (Т. I, стр. 68—70).

„Никогда русскій не потерпитъ, чтобы кто наругался надъ его святыней. Уже тотъ непримиримый ему врагъ, кто посягаетъ на его православіе,—и горе ухитрителю! Съ православіемъ тѣсно связано отечество. Кто нападаетъ на его вѣру, тотъ нападаетъ на его отечество, потому прежде надобно истребить вѣру, чтобы, не говорю, уничтожить народъ, даже завладѣть имъ! Нашествіе Французовъ въ 1812 г. никогда не могло бы достигнуть цѣли, — цѣли завоевания Россіи, потому что они были враги православной вѣры. Положимъ даже, что они могли бы имѣть торжество надъ нами, и попелѣвать имперіею! но, на долго ли?— это торжество обрушилось бы въ погибели властелиновъ. Рано или поздно, но русскіе не снесли бы иноземнаго владычества. Скажутъ, какъ же татары господствовали надъ нами болѣе двухъ сотъ лѣтъ? Какъ мы терпѣли это? — Татары господствовали надъ нами потому, что наши князья безпрестанно находились въ междоусобныхъ раздорахъ, изъ личныхъ выгодъ: но религія была покровительствуема самими угнетателями, для того только, чтобы усыпить насъ. Когда же укрѣпилась единодержавная власть, тогда всѣ кончились крамолы. Доколѣ пребудетъ единство чувствъ и согласія, доколѣ благодѣтельное самодержавіе будетъ управлять нами, -доколѣ никто не овладѣетъ Россіею!" (Т. I, стр. 72 и 73).

„Мѣстная потребность, привязанность къ своей землѣ есть физическая народность, а не нравственная. Нравственная народность выше всякаго могущества; она всегда неразлучна съ господствующимъ языкомъ, и у насъ имъ говорятъ по всѣмъ отдаленнымъ концамъ обширной монархіи... Языкъ сближаетъ всѣхъ, одинаковый слухъ и народную гордость, но гдѣ говоритъ сердце или умъ, тамъ обрѣтаетъ вкусъ и умъ: гдѣ кипятъ страсти, тамъ унижается небесный даръ слова; гдѣ чистый пламень мыслей, тамъ присутствіе добраго генія, котораго вдохновеніе всѣ раздѣляемъ невольно; оживаемъ въ его дыханіи, вникаемся въ его пѣснопѣнія, —и чье сердце можетъ быть безчувственнымъ къ трогательнымъ звукамъ слова?—Даже простонародье, объясненное, но умѣло пользоваться своимъ роднымъ... Звѣри узнаютъ другъ друга, въ страшномъ рыканіи, и не терзаютъ; птицы привѣтствуютъ птицъ, пріятнымъ для нихъ щебетаніемъ; змѣи и гады ползутъ другъ къ другу на свистъ и шипѣніе, для насъ страшное—но для нихъ сладостное; деревья преклоняютъ свои вѣтви: они говорятъ, перешептываются, цвѣточекъ склоняетъ свою головку къ другому, вмѣстѣ съ нимъ родившемуся, и своимъ колебаніемъ выражаютъ взаимно тихую радость, какъ бы переговариваясь ужасной между собою. Языкъ природы разлитъ повсюду. И чувство его столь пламенное, столь горячее, что оно двигаетъ самими металлами. Одинаковый металлъ сродняется съ однородными. Языкъ, таинственный узелъ народности, скрѣпляетъ еще болѣе людей между собою" (Т. I, стр 76—78).

Авторъ очень вѣрно изобразилъ въ этихъ словахъ православіе, самодержавіе и народность, какъ тройственное основаніе русской жизни и быта. Но одно изъ этихъ основаній, народность, онъ больше характеризуетъ какъ чувство, слѣдовательно въ субъективномъ, а не реальномъ, объективномъ значеніи слова. Послѣ весьма внимательнаго чтенія, мы все-таки не могли себѣ уяснить, въ чемъ именно, по мнѣнію автора, заключается русская народность. Въ заключеніе, г. Терещенко говоритъ о способности русскихъ къ просвѣщенію, о сохраненіи народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣснях и сказкахъ и уклоненіи отъ самобытности. Наклонность къ просвѣщенію доказываетъ авторъ бѣглымъ очеркомъ, хронологическимъ перечнемъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ Россіи, извлеченнымъ изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія о числѣ училищъ и учащихся съ 1832 года по настоящее время, наконецъ очеркомъ русской литературы со времени Ломоносова. Особенно интереснымъ показался намъ взглядъ на изящную литературу.

„Сознаніе русской словесности, въ прямомъ смыслѣ, принадлежитъ Ломоносову. Творецъ языка и слога, онъ первый началъ писать чисто и правильно. Въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Петрова слогъ возвысился. Тогда возникла у насъ лирическая, эпическая, драматическая и сатирическая поэзія. Здѣсь прославились Богдановичъ, Хемницеръ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Дмитріевъ, Княжнинъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Бобровъ, Измайловъ, кн. Шаховской, Карамзинъ, преобразователь языка и слогъ нищаго слога, Муравьевъ (Мих. Никит.), Озеровъ, Шишковъ, Крыловъ, народный баснописецъ Жуковскій, Батюшковъ, Козловъ, Пушкинъ не подражаемый, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ, Востоковъ, Боевъ, Вяземскій, Давыдовъ, баронъ Дельвигъ, князь Кюхельбекеръ, графъ Ростопчина, Баратынскій и др — Гречъ, Булгаринъ и Сѣверный, дали новое направленіе языку, очистивъ его отъ многихъ неправильныхъ грамматическихъ формъ; Кукольникъ, Загоскинъ, Гоголь, Даль,—прославившіеся народными сказками — всѣ они представили образцы сочиненій въ народномъ

духъ и жизни русской. Но гораздо сильнѣе и умилительнѣе плилось русское слово, въ сочиненіи Цыганова. Его народныя пѣсни трогательныя и поучительныя, увлекательныя и восхитительныя", (Т. I, стр. 84 и 85).

О народныхъ пѣсняхъ и отношеніи къ нимъ теперешней литературы авторъ выражается весьма краснорѣчиво. Вотъ его мнѣніе:

„Весьма жаль, что многіе изъ нашихъ съ большими способностями литераторовъ, уклонялись отъ своей народности, замѣняли русскія выраженія иностранными, и подражали слѣпо чужеземному. Старинныя народныя и нынѣшнія пѣсни убѣждаютъ насъ, что можно писать безъ слѣпого подражанія къ другимъ народамъ. Какая сила и простота чувствованій сохранились во многихъ нашихъ пѣсняхъ! Какой въ нихъ стройный языкъ, и какая неизъяснимая пріятность, въ оборотахъ и мыслях! Потому что все плило изъ сердца, безъ умысла, натяжки и рабольпной перемѣнчивости. Въ нихъ все трогаетъ насъ, потому что оно близко къ нашимъ мыслямъ, потому что все это наше русское, неподдѣльное, все пропитано любовью къ родинѣ, отечеству. Народныя пѣсни суть драгоцѣнный памятникъ самобытной поэзіи нашей. Это наша слава, безъ подражанія вполезной.—Конечно, пѣсни наши не всѣ стройны, но полны страстей вечно льется рѣкою томительныхъ страданій; разочарованная горькая безнадежность омываетъ слезами грудь, и сушиваетъ сердце и оно умираетъ безъ утѣшенія; любовь или тонетъ въ морѣ сладостныхъ упоеній, или погибаетъ безъ участія въ ней. Отвага, молодечество, радость, веселіе и забавы, воспѣваются безъ хитрыхъ затѣй, складываются въ простотѣ лепета и высказываются по вдохновенію собственнаго сердца" (Т. I, стр. 89 и 90).

Затѣмъ, приведя въ доказательство множество образцовъ русскихъ и малороссійскихъ пѣсенъ, авторъ въ трогательныхъ выраженіяхъ обнаруживаетъ желаніе, чтобъ наша литература обратилась, какъ онъ говоритъ, „къ своему собственному назначенію".

„Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языкомъ и чудесными оборотами, стремилась преимущественно къ своему собственному назначенію. Не надобно заимствовать не свойственнаго намъ; ни красокъ, ни оборотовъ для слова и мысли. У насъ всего въ избыткѣ. Какихъ хотите народныхъ предметовъ?—Знаніе въ отечественную исторію,—тамъ неисчетное число событій величественныхъ и печальныхъ, отрадныхъ и убійственныхъ поучительныхъ и любопытныхъ. А гдѣ краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучіе лѣса и безбрежныя пространства, воды и океаны, богатства полюсныхъ и горячихъ странъ, климаты отъ береговъ Ледовитаго моря до упоительной роскоши,—предметовъ безчисленное множество! Человѣкъ съ пламенной душою, возвышенной мыслію, чистымъ сердцемъ, съ даромъ по всему прекрасному, великому и благородному, найдетъ вездѣ себѣ пищу—ему не надобно удаляться.—Но можно ли найти для предметовъ и красокъ приличные обороты и мысли?—Не только приличные, но возвышенные и глубокіе. Это зависитъ отъ выбора предмета, который часто самъ возбуждаетъ, и отъ мѣста, поражающаго наши чувствованія, потрясающія душу и вызывающія, такъ сказать, слова и мысли, изъ пространства безпредѣльныхъ размышленій: тутъ онѣ стаями вились, налетятъ на нашу душу, на наше благородное сердце, стиснутъ его жемчужными словами и разорвутся предъ нами брилліантовою струей, въ ослѣпительномъ сіяніи. Рой звонкихъ выраженій и плачевныхъ отголосковъ отзовется въ оледѣнѣвшей душѣ, и сольется съ лучезарной свѣточью мыслей блестящія украшенія. Повѣрьте, можно достигнуть украшеній, плавно умѣть чувствовать. Я уклонился отъ предмета, но онъ такъ близокъ къ нашему сердцу, что невольно увлекаетъ" (Ib. стр. 126 и 127).

„Пора уже намъ оставить чужеземные восторги, восхищаться однимъ заморскимъ, и слѣпо думать, что мы не въ состояніи создать собственнаго прекраснаго; что нашъ языкъ не замѣнитъ приторныхъ выраженій: comme c'est beau! que j'ai envie! Vraiment c'est un ange! и т. п.—Оставимъ это доказывать прекрасному полу, и кто смѣетъ спорить съ нимъ? Кто будетъ столько нечувствителенъ, чтобы осмѣлился сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно!" Мужчинамъ не одарены нѣжнымъ свойствомъ судить ложно, и не всѣ они такъ пристрастны, какъ римскій императоръ Карлъ V, который утверждалъ, что на испанскомъ языкѣ говорятъ съ Богомъ, на французскомъ съ друзьями, на нѣмецкомъ съ непріятелями, а на италіанскомъ съ женщинами потомъ. — Мы знаемъ, что нашъ языкъ сладкозвученъ и чувствителенъ, громокъ и живописенъ, силенъ и богатъ". (Т. I, стр. 128 и 129).

Объяснивъ, что русскій языкъ „не только существуетъ, но что онъ богатѣйшій въ мірѣ, послѣ аравійскаго" (стр. 130), авторъ благоразумно предостерегаетъ всѣхъ благомыслящихъ людей противъ двухъ, равно опасныхъ крайностей: излишняго пристрастія къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и къ книжному слогу.

„Мы знаемъ на опытъ, что въ образованномъ обществѣ говорятъ нарѣчіемъ правильнымъ и очищеннымъ. Это доказываетъ, что эти люди изучивали его свойство, силу и духъ, что они знаютъ, гдѣ надобно избѣгать не свойственныхъ выраженій, привычныхъ одному какому-нибудь мѣсту, городу или деревнѣ; что они сами признаютъ тотъ правильнымъ языкъ, который освобожденъ отъ мѣстныхъ привычекъ. Смѣшно было бы, если бы кто сталъ изъясняться книжными словами. Были примѣры, что многія изъ прекрасныхъ поэтическихъ произведеній говорили цѣлыми статьями изъ какого-нибудь любимаго ими романа или повѣсти, написанной, правда, увлекательно,—но это обнаруживаетъ явное незнаніе языка, слабой вкусъ и неумѣстное желаніе блеснуть чужими оборотами выраженій, которыя весьма кстати были сказаны писателями, но изуродованы легкомысленными подражателями" (Т. I, стр. 135 и 136).

Эта истина блистательно подтверждается примѣромъ одного именитаго купца (вѣроятно короткаго знакомаго г. Терещенки), который,

какъ видно, въ самомъ дѣлѣ довелъ злоупотребленіе книжнаго языка до крайности.

„Одинъ изящный кунецъ, любящій говорить высокопарно, всегда начинаетъ свой разговоръ краснорѣчиво, отвергнувъ напередъ тему украшеній, коихъ не помышляетъ онъ силы, продолжаетъ разговоръ съ жаромъ пылкаго и дарованнаго витіи. Его слушаютъ и не понимаютъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго ораторства для всего самого, онъ оканчиваетъ свои рѣчи тѣмъ, что у него продается лучшій табакъ, или: разъ того чего нибудь, совокупнаго—совокупленія, пріятнаго пріятства, для нашего дружественнаго компанства, — табакъ дешево продаю, и самый лучшій-съ, право-съ, да-съ". (Т. I, стр. 136. въ выш.)

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій г. Терещенко выводитъ слѣдующее заключеніе:

„Любовь къ собственному счастію рождаетъ любовь къ своему отечеству, благородное честолюбіе каждаго, народную гордость.—Народная гордость не можетъ существовать безъ сознанія собственнаго достоинства, слава народа не можетъ проявляться безъ любви къ отечеству. Напрасно нѣкоторые говорятъ, что любовь къ отечеству можно внушить умствованіями. Кто не гордится народностію, тотъ не можетъ питать любви какъ къ чему родному. Кто не знаетъ, что народность есть истинная любовь, основа къ благоденствію царства, тотъ только можетъ быть всемірнымъ гражданиномъ. Божественный свѣтъ религіи, скрѣпляетъ всѣ общественныя связи, а народность утверждаетъ въ любви къ своему отечеству. Религія есть тайный союзъ человѣка съ Богомъ, внутреннее, невыразимое чувство съ небомъ: она выше всего земного, выше всѣхъ мудрыхъ законовъ: но народность есть душа отечества, врожденное чувство его жизни, перенимая силы соотечественниковъ, сближаетъ ихъ съ одними чувствами, съ одними мыслями, и она всѣхъ единствуетъ на землѣ съ самоотверженіемъ, какъ дѣйствовала прежде. — слѣдовательно, народность, есть выраженіе любви къ отечеству.—Но какимъ образомъ можно пріобрѣсть народность? Странный вопросъ! какъ будто бы народное чувство можно купить, какъ сребролюбивое сердце. Не тотъ, который продаетъ себя, продаетъ себя всѣмъ безотчетно — Какъ же мы можемъ имѣть народность, и гдѣ можемъ ее изучать? Вопросъ весьма важный, но отвѣтъ написанъ въ сердцѣ каждаго русскаго въ воспитаніи народномъ". (Т. I, стр. 110 -112)

Итакъ, всѣ пространныя разсужденія, историческія и статистическія изслѣдованія, которыми наполнена первая глава, привели автора къ тому окончательному результату, что „народность есть выраженіе любви къ отечеству". Мы совершенно согласны, что любовь къ отечеству есть чувство, если можно такъ выразиться, посредственное сознаніе народности: но она все же не есть сама народность. Въ чемъ же состоитъ русская народность, что она такое — этого вопроса авторъ не разрѣшилъ. Къ чему же вся глава? Какъ ни справедливы положенія автора, какъ ни роскошенъ и краснорѣчивъ его слогъ—не стоило расточать столько глубокомыслія и таланта, чтобъ доказать, что въ любви къ отечеству выражается чувство народности. Эта истина сама по себѣ такъ очевидна и проста, что ее нечего доказывать; довольно прочесть ее въ эпиграфѣ.

Вторая глава посвящена жилищамъ русскаго народа. Предметъ любопытный! Мы прочли эту главу съ большимъ вниманіемъ, надѣясь въ ней найти подробное описаніе крестьянскаго двора, со всѣми его строеніями, клѣтями, сараями, и т. д. и съ мѣстными названіями разныхъ принадлежностей и частей крестьянскаго жилья. Какую важную услугу оказалъ бы г. Терещенко русской археологіи такимъ описаніемъ! Сколько темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ прояснилось бы разомъ! Но мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ. Авторъ взглянулъ на предметъ иначе, нежели мы. Вмѣсто того, чтобъ обратиться къ настоящему и съ его помощію допросить потомъ памятники старины, онъ, напротивъ, углубился въ старину, а о теперешнемъ говоритъ весьма мало, почти ничего. Глава начинается общими разсужденіями о превосходствѣ европейскаго климата передъ климатомъ прочихъ частей свѣта, совсѣмъ не кстати, не у мѣста. Повторяются давно извѣстныя древнѣйшія географическія свѣдѣнія о теперешней Россіи. Мы ихъ называемъ давно извѣстными, потому что авторъ выписываетъ ихъ, кажется, изъ Карамзина, и съ новыми изслѣдованіями мало знакомъ или незнакомъ вовсе. Общія мѣста о томъ, что славяне жили сперва въ лѣсахъ и пещерахъ, потомъ стали строить хижины — все это разумѣется есть. Собственно археологическая часть предмета обработана тщательно. Множество данныхъ о разныхъ жилыхъ строеніяхъ древней Руси собраны авторомъ изъ лѣтописей и иностранныхъ писателей (съ которыми, сколько мы могли замѣтить, онъ хорошо знакомъ) и расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Трудъ конечно полезный; но мы не думаемъ, чтобъ онъ могъ повести къ важнымъ результатамъ, пока во всей подробности не будетъ описано теперешнее крестьянское жилье, ибо многое заставляетъ предполагать, что въ старину крестьянскій домъ и каменныя палаты боярина различались только убранствомъ, числомъ покоевъ, а не внутреннимъ расположеніемъ

[illegible] [illegible] [illegible] [

Et tait à ses amants, trop fables d'estomac,
Redontet ses baisers, plein d'ail et de tabac.

„Нѣтъ непріятнѣе смотрѣть на пожилую женщину, когда зубы ея покрыты табакомъ, но жить отвратительнѣе видѣть старика, когда онъ комфортно набиваетъ свой носъ, пачкаетъ вокругъ себя и самого себя: свою одежду, свой ротъ, и къ довершенію течетъ изъ носа по губамъ въ ротъ, — часто капаетъ еще. Одинъ этотъ грубый видъ не убѣждаетъ ли, что это происхожденіе отъ растрепанныхъ уже нервовъ; поэтому нюхать табакъ не вредно ли?" (Т. I, стр. 298 и 299).

„За границей менѣе его пьютъ (кофе) нежели у насъ, и напрасно думаютъ, что нѣмки страстныя охотницы. Я видѣлъ, что онѣ пьютъ мало и не крѣпкій, по причинѣ опасныхъ послѣдствій къ нѣжностямъ", (Ib. стр. 279).

Особенно краснорѣчиво ораторствуетъ г. Терещенко противъ пьянства. Прочтите: это громъ и молнія.

„Между простымъ народомъ водка до такой степени въ употребленіи, что объ ней заботятся едва ли не болѣе, нежели о самой пищѣ,—даже послѣднее несутъ въ питейный домъ. Есть особо нанятые цѣловальницы, которые всю свою жизнь проводятъ въ кабакахъ. Цѣловальники нарочно заманиваютъ такихъ, и поятъ ихъ сколько возможно безденежно. Обязанность записныхъ пьяницъ состоитъ въ томъ, чтобы завлекать сюда всѣхъ проходящихъ, и посѣять въ нихъ страсть къ непозволенной жизни. Получая даромъ каждодневно четыре чарки водки, они являются поутру, предъ обѣдомъ, предъ полуночникомъ и вечеру, и стараются заводить ссору или драку съ гуляющими. Цѣловальникъ же, пользуясь симъ случаемъ, грозитъ имъ полицейскимъ усмиреніемъ. Тогда поссорившіеся прибѣгаютъ къ мировой, требуютъ штофъ водки, за этимъ другой и т. д. Вмѣсто того, чтобы поссорившійся выпилъ самъ себѣ, дѣлаютъ три чарки, онъ выпиваетъ уже нѣсколько штофовъ и поитъ записнаго пьяницу, который гуляетъ въ чужомъ платьѣ, — а цѣловальникъ тогда безжалостно обманываетъ пьющихъ обшитываетъ и защитываетъ на нихъ.—Если записной пьяница не можетъ поссорить кого-либо, то онъ имѣетъ изъ десятой чарки. Пьющіе, допивая десятую чарку, подносятъ десятую записному пьяницѣ, который сторожитъ свою добычу,—какъ ефіръ (?) котъ. Если бы пьющіе не поднесли ему десятой чарки, то онъ самъ выражаетъ имъ ихъ рукъ. Удовольствіе отъ опьянѣнія такъ сильно, что оно губитъ каждаго. Сначала оно пріятно возбуждающее, потомъ производитъ ослабленіе тѣла, а наконецъ умственныхъ силъ, и пьяница обращается тогда въ полусумасшедшаго: онъ пьетъ до нельзя, и разсудокъ его помрачается. Такой человѣкъ... на что не можетъ рѣшиться? Благосостояніе гражданъ ему не понятно... потому что благоразумные граждане чуждаются его. Чѣмъ больше пьющихъ, тѣмъ они вреднѣе, сердце у нихъ черствѣетъ и развращается, совѣсть не пробуждается... Надобно имѣть необыкновенную силу собственнаго убѣжденія, чтобы вырваться изъ оковъ продолжительнаго опьянѣнія, потому что власть нашихъ старостъ, столь же пражебное, сколько злое адскаго духа, противу счастія смертныхъ. Большую часть преступленій должно приписать пьянству"

Предоставляемъ знатокамъ дѣла разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли, какъ утверждаетъ г. Терещенко, „въ продолженіе существованія цѣлаго поколѣнія, теряется во всемъ государствѣ отъ пьянства, деньгами и временемъ 245,755,623,189 р." (стр. 227); дѣйствительно ли открытіемъ свекловичнаго сахара мы обязаны тому, что французскія колоніи, возвращенныя во время реставраціи своей метрополіи и подчинившись снова ея управленію, устремили всѣ свои усилія о воспрещеніи ввоза во Францію иностраннаго сахара" (стр. 269). Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что недурно сдѣлалъ бы авторъ, доказавъ существованіе въ Россіи сахарныхъ фабрикъ въ XVIII вѣкѣ (стр. 271) и распространеніе мельницъ въ XIV (стр. 209). Сказать только мало. Не понимаемъ, потомъ, какимъ образомъ въ концѣ XVIII вѣка пироги, хлѣбы и сладкія кушанья могли доставляться въ Петербургъ изъ Парижа въ шесть дней (стр. 174); это и теперь невозможно.

Въ археологическомъ отношеніи статья о домоводствѣ, какъ и предыдущая, имѣетъ свои достоинства. Но, сколько мы могли замѣтить, авторъ не воспользовался всѣми древними источниками; напримѣръ, каталогъ русскихъ яствъ и питей XVII вѣка у него весьма неполонъ.

Наряды занимаютъ четвертую главу. Не правильнѣй ли назвать ихъ одеждами? Между тѣмъ и другимъ есть разница. Какъ бы то ни было, существенные недостатки этой главы опять тѣ же: авторъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія только о старинной русской одеждѣ, заимствуя ихъ отовсюду. Жаль, что онъ не составилъ подробнаго реестра и описанія старинныхъ матерій, изъ которыхъ она дѣлалась; въ археологическомъ изслѣдованіи это необходимо; притомъ предметъ трудный и не разъяснетъ. О теперешней одеждѣ простолюдина почти ничего не сказано: повторены, безъ всякой нужды, одни общеизвѣстныя вещи. Это замѣтили пробѣлъ въ книгѣ. Сколько мы знаемъ, авторъ много путешествовалъ по Россіи и хорошо знакомъ съ обычаями и нравами крестьянъ. Отчего бы не сообщить читателямъ наблюденія и замѣтки объ особенностяхъ въ крестьянскихъ одеждахъ, особливо женскихъ, по разнымъ мѣстамъ? Съ каждымъ днемъ древніе наряды, головныя украшенія исчезаютъ. Сохранить ихъ для будущихъ изслѣдованій — великая заслуга, и во всякомъ случаѣ стоитъ хронологической выборки из-

вѣстій изъ письменныхъ памятниковъ. Какіе важные и богатые матеріалы для древнѣйшей исторіи и этнографіи доставилъ бы такой трудъ, исполненный добросовѣстно и подробно!

Въ пятой главѣ, подъ заглавіемъ: образъ жизни, говорится о всякой всячинѣ, относящейся къ разнымъ главамъ и частямъ. Оно и понятно. Образъ жизни—выраженіе такое неопредѣленное, что подъ него и подходитъ и не подходитъ все, что хотите. Независимо отъ этого, въ числѣ множества общихъ мѣстъ, ничего не говорящихъ, отчасти доказывающихъ, что авторъ не довольно вникнулъ въ историческое происхожденіе и образованіе нашихъ обычаевъ и правовъ, попадаются и любопытныя замѣтки. Укажемъ на нѣкоторыя.

Мнѣніе, будто бы мужъ побоями доказываетъ женѣ свою любовь, такъ что она печалится, если мужъ ее не билъ, видя въ этомъ признакъ холодности, — это странное мнѣніе заслуживаетъ ли вѣроятія?

„Я однажды слыхалъ — говоритъ авторъ — жаловавшуюся жену на своего мужа, что онъ не любитъ ее. Когда я спросилъ ее отчего она такъ думаетъ?—тогда она отвѣчала мнѣ, что онъ ее ни разу не билъ.—Да развѣ въ этомъ любовь? О, батюшка, жена не вѣритъ любви мужней безъ битья. Чѣмъ крѣпче и больше побиваетъ мужикъ, тѣмъ-то жена боится мужа и хитритъ его. Бабій волосъ длинный, а умъ коротокъ. Не потрепли ея косынки, не остынь синева на плечикахъ и дѣвахъ румяныхъ, и что за любовь!"—Путешественникъ еще видѣлъ, что мужъ билъ свою жену и весьма жестоко. Когда я замѣтилъ, что онъ поступаетъ съ ней безсловѣчно, тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: „Ишь, батюшка, что ужъ такая ваша поведенція. Не бей жену, она ругается, ты меня не любишь.—Коли любить, то бей меня!" Во время серединыхъ побоевъ, жена не плачетъ и не кричитъ, она переноситъ терпѣливо, и этимъ еще гордится между своими пріятельницами". (Т. I, стр. 116, вторая пая.)

По скорому исчезанію этого и множества другихъ подобныхъ обычаевъ уже можно судить, какъ мы быстро идемъ впередъ. Теперь доказывать женѣ любовь побоями уже преданіе и въ простомъ народѣ. А еще самъ Авторъ былъ свидѣтелемъ побоевъ въ знакъ любви! Впрочемъ, такое понятіе весьма замѣчательно и характеристично. Оно тѣсно связано съ нашимъ древнѣйшимъ родовымъ бытомъ, а не заимствовано отъ татаръ, какъ утвердительно говоритъ г. Терещенко (стр. 417). Ниже, на разборѣ свадебныхъ обрядовъ, мы еще къ нему возвратимся.

Извѣстно, что русскія женщины и дѣвицы вели въ старину затворническую жизнь и не могли, не нарушая приличія, выходить не только къ гостямъ, даже къ родственникамъ и братьямъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ этотъ уставъ однако нарушался. Вотъ какъ описываетъ г. Терещенко появленіе жены и дочерей хозяина къ гостямъ. Его разсказъ заимствованъ изъ иностранныхъ путешественниковъ.

„Было великимъ праздникомъ для женскаго пола, когда мужья, изъ уваженія къ почетнымъ гостямъ, позволяли своимъ женамъ приходить послѣ обѣда въ столовую, и поднести каждому гостю по чаркѣ вина, за что отъ каждаго онѣ получали поцѣлуй. Когда же выходило нѣсколько женъ къ гостямъ, еще до обѣда, тогда гости становились у дверей; жены привѣтствовали ихъ небольшимъ наклоненіемъ головы (это называлось малымъ обычаемъ), а гости кланялись имъ въ землю (большимъ обычаемъ). Хозяинъ, кланяясь въ землю гостямъ, отдавалъ имъ челомъ, чтобы они изволили цѣловать его жену, но гости просили его, чтобы онъ цѣловалъ прежде. Потомъ гости, одинъ за другимъ, кланялись женамъ до земли, подходили и цѣловали каждую въ губы; поцѣловавъ же, отступали на нѣсколько шаговъ назадъ и опять кланялись въ землю, поздравляя благодарили каждаго наклоненіемъ головы. Затѣмъ жена хозяина подносила гостямъ по чаркѣ двойного или тройного зелейника, чарка вмѣщала мѣрою въ четверть кварты. Хозяинъ между тѣмъ упрашивалъ гостей, чтобы они изволили пить вино изъ рукъ его жены, но по прошенію гостей, хозяинъ приказывалъ выкушать женѣ, послѣ пилъ самъ, а наконецъ подносили гостямъ. Предъ питьемъ и послѣ питья, каждый гость, отдавая чарку кланялся въ землю. Кто не пилъ водки, тому подносили кубокъ романеи или ренскаго. Обѣсши кругомъ, хозяйка раскланивалась и шла въ покои своихъ гостей (?). Женскій полъ никогда не обѣдывалъ вмѣстѣ съ мужескимъ, исключая ближнихъ родственниковъ и свадебъ. За обѣдами пили, послѣ каждаго кушанья, по чаркѣ водки, романеи, ренскаго, пива подѣльнаго, простого и разныхъ медовъ. Когда подавали на столъ круглые пироги, тогда выходили невѣстки и замужнія дочери или жены ближайшихъ родственниковъ; гости же, встанъ изъ-за стола, становились у дверей и кланялись имъ: мужья женъ кланялись и просили гостей, чтобы они цѣловали ихъ и приняли вино изъ ихъ рукъ. Поцѣловавъ женъ и выпивъ вина, гости садились за столъ, а жены отправлялись въ свои покои. Дочери не выходили къ гостямъ, и ихъ никому не показывали: онѣ жили въ особыхъ дальнихъ покояхъ. Послѣ обѣда хозяинъ и гости пили за здоровье другъ друга, и потомъ расходились по домамъ. Такимъ точно образомъ обѣдали жены, угощая взаимно напитками: за ихъ столомъ находились дѣвицы, но никто изъ мужескаго пола.

Олеарій и Корбъ говорятъ, что наибольшая честь какую оказывалъ хозяинъ гостю, состояла въ томъ, когда его жена подноситъ чарку водки. Баронъ Мейербергъ пишетъ, что въ его время (1661 г.) женщины стали показываться мужчинамъ чаще, и всякій разъ, по окончаніи стола, выходила хозяйка въ гостямъ въ сопровожденіи двухъ горничныхъ въ наилучшемъ одѣяніи. Хозяйка, войдши въ столовую, поднесла сначала чарку водки одному изъ почетнихъ гостей, при-

коснувшись къ чаркѣ своими губами. Потомъ она уходила въ свою комнату, переодѣвалась въ новое платье, пила тостъ пить, и снова выходила подносить другому гостю, и до тѣхъ поръ уходила и выходила, всякій разъ въ другомъ платьѣ, пока всѣмъ не поднесетъ. По окончаніи подношенія она становилась подлѣ стѣны, потупивъ глаза въ землю, и каждый изъ гостей подходилъ къ ней поочередно и цѣловалъ въ губы. — Теперь добавляетъ къ этому извѣстію, что жены выходили, только по сильной просьбѣ гостей, въ богатомъ нарядѣ, и положивъ руки назадъ, становились у печи. Тогда гости подходили цѣловать, и за это получали отъ нихъ во чарѣ водки. Во время Таинера были уже примѣры, что жены бесѣдовали съ мужчинами, въ отсутствіи своихъ мужей. Знатные люди дозволяли выходить дочерямъ, и онѣ подносили водку въ серебряной чарѣ. Отецъ просилъ своихъ гостей цѣловать ихъ, въ знакъ дружбы къ нему. Красавицы стояли неподвижно, гости подходили одинъ за другимъ, кланялись и цѣловали не въ губы, а въ шею". (Т. I, стр. 138—142).

Затворничество, сначала чрезвычайно строгое, незадолго передъ преобразованіями Петра Великаго начало смягчаться.

„Частое посѣщеніе иностранцевъ и введеніе ими многихъ обрядовъ, замѣняли постепенно строгость уединенной жизни. Когда царица Наталія показалась однажды въ водоотрытой колымагѣ, тогда народъ роптать на нее. По прибытіи въ Москву цесарскихъ посолъ фонъ-Боттоніи и фонъ-Гуммана (въ 1675 г.), царица Наталія уговорила царя дать имъ аудіенцію въ Коломенскомъ селѣ, чтобы все происходившее могла сама видѣть. Въ смежности съ пріемной залой находилась покой съ дверьми, въ коихъ были сдѣланы небольшія отверстія, и чрезъ нихъ она смотрѣла, но малолѣтній сынъ ея Петръ открылъ, по своей рѣзвости, двери въ пріемной прежде выхода особы и этимъ обнаружилъ потаенное ея убѣжище.

Спустя нѣсколько времени, царь совершалъ съ нею набожное путешествіе въ Троицко-Сергіевскій монастырь: она тогда ѣхала въ открытой колымагѣ, чтобы всѣ ее видѣли; но народъ, пораженный этимъ поступкомъ, потупилъ глаза въ землю и не смѣлъ смотрѣть на нее. При въѣздѣ польскихъ послов въ Москву (1678 г.), были зрителями уже многія посторонніе дѣвицы. Эти примѣры дали повадъ царевнѣ Софіи обходиться съ мужчинами вольно, не закрывая лица и не скрываясь отъ людей. Она не только разговаривала открыто съ сановниками, но назначала аудіенціи иностраннымъ посламъ, выходила къ народу и стрѣльцамъ, принимала тайно челобитныя и сама судила. Быстрый переходъ отъ затворничества къ свѣтскости не нравился закоренѣлымъ старобычникамъ, но они сами неудостовѣрительно перенимали нововведенія, а народъ постепенно привыкалъ къ нимъ. Во время пребыванія цесарскихъ уполномоченныхъ (1698 г.), уже никому не казалось страннымъ, что царица и царевна, стоя у растворенныхъ оконъ, смотрѣли на пышный посольскій выѣздъ. Петръ I, спустя весь этого нѣсколько мѣсяцевъ, угощалъ многихъ иностранныхъ министровъ въ домѣ своего любимца Лефорта, и заключилъ угощеніе великолѣпнымъ баломъ. Въ то время царевна Наталія и многія придворныя дамы находились подлѣ танцовальной залы и смотрѣли сквозь полуоткрытый занавѣсъ". (Т. I, стр. 145 и 146).

Весьма любопытно также описаніе первыхъ *каррусели*, введенныхъ у насъ Екатериной II.

„Каррусель представленъ у насъ въ первый разъ въ присутствіи Екатерины II, на площади(ѣ) зимняго дворца (въ 1766 г. іюня 16). Распорядитель каррусели былъ кн. П. И. Репнинъ, а церемоніймейстеромъ кн. П. А. Голицынъ, отъ коего были розданы билеты всѣмъ желавшимъ видѣть рыцарское представленіе. Каррусель состояла изъ 4 кадрилей: 1) славянскаго, коимъ предводительствовалъ гр. И. П. Салтыковъ; 2) римскаго, имъ предводительствовалъ генералъ-фельдцейхмейстеръ гр. Г. Г. Орловъ; 3) индѣйскаго, подъ начальствомъ кн. П. И. Рѣпнина, и 4) турецкаго, подъ начальствомъ гр. А. Г. Орлова. — Въ день представленія, въ два часа пополудни, былъ данъ пушечный сигналъ съ крѣпости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные дѣйствовать въ кадрилиѣ, собирались въ назначенныя мѣста. Славянскій и римскій собирались на Царицыномъ лугу въ шатрахъ, а турецкій и индѣйскій въ Малой морской въ своихъ шатрахъ. Ничего не щадили для пышности. Двѣ богатыя ложи были устроены предъ зимнимъ дворцомъ на концѣ цирка: одна для императрицы, а другая для наслѣдника престола. Посреди цирка стоялъ тронъ, на коемъ сидѣлъ главный судья бонцевъ, его окружали 40 офицеровъ, 2 герольдмейстера и 2 трубача. По четыремъ угламъ цирка играли трубачи и музыка. Вокругъ амфитеатра были устроены мѣста для зрителей. По прибытіи государыни на свое мѣсто, началось шествіе кадрилей. Славянскій и римскій, шли изъ Царицына луга по Большой Милліонной, а индѣйскій и турецкій по Малой морской; каждый кадриль проходилъ чрезъ свои тріумфальныя ворота, сопровождаемый своею музыкою. Отдѣленіе зрителей было чрезвычайное. Участвовавшіе въ каррусели были въ пышныхъ одѣяніяхъ, покрытыхъ жемчугомъ и драгоцѣнностями. Дамы ѣхали на колесницахъ, коими управляли особые ямщики, а кавалеры рисовались на богатыхъ лошадяхъ: всѣ они остановились предъ своими судьями, коихъ было 12, а главнымъ восьмидесятилѣтній старецъ фельдмаршалъ гр. Миних. — По данному знаку съ сѣдалища главнаго судьи, трубнымъ звукомъ, начался бѣгъ на колесницахъ, а потомъ на лошадяхъ. Офицеры, занимавшіе мѣста секретарей, записывали по указанію судьи отличавшихся. По окончаніи бѣга главный судья съ прочими 12 судьями и всѣ участвовавшіе вступили въ амфитеатръ и остановились стройными рядами въ залу дѣтскаго дворца, для разбиранія и назначенія наградъ. Императрица встрѣтила ихъ на крыльцѣ. Когда всѣ прибыли въ залу, тогда пышели на золотыхъ подносахъ награды и главный судья сталъ посреди своихъ судей, произнесъ: „Знаменитыя дамы и кавалеры! — Извѣстно вамъ, что ни одинъ не проходитъ день, въ который бы наша императрица не прилагала матерняхъ попеченій о славѣ своей имперіи, благоденствіи ея всѣхъ подданныхъ и возвышеніи знаменитаго дворянства. Всѣ примѣрами въ исторіи монархини избрали этотъ безсмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успѣхами оружія. Кто не раздѣлитъ со мною чувство удивленія къ покровительницѣ нашей, которая, со свойственною ей проницательно-

сти и нѣжности матери, назначила каррусель, чтобы видѣть въ немъ отличія знаменитаго дворянства! Дамы и кавалеры! съ высокимъ рожденіемъ вашимъ первые вступаете на тяжелыя достоинства; они служатъ вѣрнымъ залогомъ вашихъ побѣдъ, милостей нашей императрицы, благо-склонности наслѣдника престола и всеобщихъ похвалъ". Потомъ, обратясь къ меньшой дочери (ср. П. Г. Чернышева, Натали Петровнѣ, сказала: „Графиня!—императрица уполномочила меня вручить вамъ первую награду. Позвольте мнѣ поздравить васъ съ этимъ высокимъ отличіемъ и съ тѣмъ правомъ, какое предоставлено вамъ раздавать всѣмъ дамамъ и кавалерамъ остальныя награды. Я, покрытый сѣдинами шестидесятилѣтней службы, старѣйшій воинъ въ Европѣ, водившій много разъ русскихъ героевъ къ побѣдамъ, я считаю единственной себѣ наградой, что былъ свидѣтелемъ и судіею вашихъ блистательныхъ доблестей". — Послѣ этого привѣтствія, онъ вручилъ ей богатый брилліантовый вѣнокъ. — Она стала по правую его руку и раздавала награды. 1) фрейлинѣ Ан. Вас. Шишиной, золотую табакерку съ бриллиантами, 2) гр. Ек. Ал. Бутурлиной, бриллиантовый перстень, 3) кн. Ив. Ал. Шаховскому, брилліантовую эгрэтку и бриллиантовую пуговицу на шляпу, 4) полк. Ребиндеру трость съ бриллиантовой головкой, 5) гр. фонъ-Штейнбоку бриллиантовый перстень. Возницамъ за ихъ искусное управленіе, 1) поручику конной гвардіи фонъ-Фермину, золотую записную книжку съ финифтью; 2) секунд-ротмистру конной гвардіи Щепотьеву, золотую табакерку съ финифтью; 3) камергеру гр. Дм. М. Матюшкину, золотую готовальню съ финифтью. — Потомъ читанъ былъ приговоръ, подписанный главнымъ и 12 судьями, а именно: 1) фельдмаршалом гр. Бутурлинымъ; 2) обер-егермейстеромъ Нарышкинымъ; 3) генералъ-аншефами: кн. Голицынымъ, 4) Глѣбовымъ, 5) гр. Чернышевымъ, 6) Панинымъ, 7) Олицемъ, 8) генералъ-поручиками: Вейсманомъ, 9) Бергомъ, 10) Дицемъ, 11) Бибиковымъ и 12) маіоромъ конной гвардіи кн. Голицынымъ. Приговоръ былъ слѣдующаго содержанія: „Ничто не можетъ быть такъ лестно для рожденныхъ отъ благородной крови, какъ предъ лицомъ монарших и многочисленныхъ зрителей отличиться искусствомъ въ бѣганіи, заслужить всеобщую похвалу и награду. Изъ исторіи храбрыхъ народовъ извѣстно, что они удержали въ мирное время военныя забавы, чтобы не вдаваться праздностію. Эти забавы воспламеняютъ похвальное стремленіе къ битвамъ, возвышаютъ душу и укрѣпляютъ тѣло, и съ тѣмъ вмѣстѣ открываютъ путь къ геройскимъ подвигамъ. Наша монархиня, возвеличенная во всемъ свѣтѣ своимъ милосердіемъ, исполнена истиннымъ геройскимъ духомъ. Она, воодушевляя сердца храбростію, желаетъ заблаговременно прінскать самую мысль къ вожделѣннымъ побѣдамъ, чтобы, при необходимости ополченія за вѣру, отечество и престолъ, умѣли поражать враговъ. Каррусель есть школа для воиновъ: онъ, соединяя пріятное съ полезнымъ, доставилъ нынѣ дорогой случай къ отличіямъ и прекрасному полу.—Мы ожидали, что въ этомъ каррусели примутъ участіе пріѣзжіе иноземцы, изъ дальнихъ предѣловъ царствъ, чтобы показать свое искусство; но они не явились,—хотя еще въ прошедшемъ году было объ этомъ объявлено,—не явились безъ сомнѣнія потому, что не надѣялись восторжествовать надъ нами. Отличившіеся въ бѣгу достойно почтены наградами и мы поименовали ихъ безпристрастно". За этимъ слѣдовали имена награжденныхъ подарками. По прочтеніи приговора, императрица угощала участвовавшихъ въ каррусели — обѣденнымъ столомъ, за которымъ играла духовая и инструментальная музыка. Послѣ обѣда начался маскированный балъ, который продолжался до пятаго часа утра. Этимъ закончился первый каррусель. Второй, возобновленный чрезъ нѣсколько недѣль, происходилъ въ томъ же самомъ порядкѣ, предъ зимнимъ дворцомъ (листъ 11), и первая награду снова получила гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальныя: 1) фрейлинамъ Елизав. Ник. Чеглоковой, 2) граф. Ан. Петр. Шереметевой, 3) гр. Штейнбоку, 4) Ферлину, 5) подпоручику Щербацову, 6) камергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но какъ между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный судья не зналъ кому изъ нихъ отдать первенство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и награды, потому положено было рѣшить соперничество главнымъ ристалищемъ. На другой день явились графы Орловы въ бронях, и съ прежними живыми шестью квадрігами. По данному знаку трубою они оба начали бѣгать съ такою стремительностію, искусствомъ и ловкостію, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдалъ преимущество Григ. Григор. Орлову, поднесъ присужденную ему награду, и другую тайно изготовленную, по собственному его распоряженію, лавровую вѣтвь. — Это вѣнчало всѣмъ. — Дамы поднесли ему букеты цвѣтовъ, поздравляли его съ побѣдою, и потомъ съ торжествомъ проводили его въ театръ, въ которомъ давали тогда оперу Дидона. Государыня и весь дворъ, бывъ свидѣтелями торжества Орлова, присутствовали въ театрѣ. Тутъ встрѣтило его рукоплесканіе и оно раздавалось безпрерывно. Гр. Алексѣя Григорьевича почтили одними лестными адресами" (Ib. стр. 453—459).

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманіе на то, какими глазами смотрѣли наши предки на сценическое искусство и музыку.

„Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года сказано о комическихъ играхъ: „тѣшили великаго государя клик Алаферна царица царю голову отсѣкла, и на органахъ играли нѣмцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева", далѣе „какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана и въ органы играли, и на фіолахъ и на инструменты и танцовали", далѣе „тѣшили великаго государя за заговѣнье нѣмцы и люди Артамона Сергѣевича на органахъ и фіолахъ и на инструментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами разными". Народъ смотрѣлъ на это съ изумленіемъ. Онъ долго никакъ не могъ вѣрить, чтобы все это дѣлалось людьми: онъ думалъ, что нечистый духъ вселился въ нихъ и забавляется зрителями. Многіе изъ простолюдиновъ боялись говорить съ актерами, полагая, что въ нихъ поселился дьяволъ; не смѣли ѣсть изъ одной съ ними чаши, почитая осквернительнымъ, хлѣбъ, одежду и деньги неохотно принимали отъ нихъ, какъ по прочтеніи молитвы; избѣгали всякаго сообщества съ играющими на театрѣ, даже чуждались самихъ зрителей; душу актеровъ считали погибшею. Такое мнѣніе въ народѣ господствовало долго, до начала XIX вѣка. Тѣла актеровъ часто не предавали погребенію, считая ихъ за богохульниковъ и за людей, живущихъ въ дружбѣ съ чертями (Т. I, стр. 460 и 461).

„Селящіеся у насъ нѣмцы вводили постепенно раз-

нообразные инструменты. Духовенство осуждало русскихъ, пристрастившихся къ музыкѣ, и оно запрещало имъ веселиться ею. Патріархъ, говоритъ Олеарій, запретилъ всѣ музыкальные инструменты, употреблявшіеся русскими во время пиршествъ и увеселеній. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, онъ велѣлъ обыскать всѣ дома частныхъ людей, и найденные инструменты, связавъ сложены на пяти большихъ возахъ, привезли свезти на рѣку Москву и сжечь. Однимъ только нѣмцамъ позволялось имѣть музыку и веселиться. Это однако же не воспрепятствовало многимъ боярамъ держать музыку и веселиться ею; боярин Матвѣевъ, былъ страстный ея любитель, и онъ не только имѣлъ своихъ музыкантовъ, но выписалъ еще иностранную труппу актеровъ, которые представляли комическія пьесы и балеты, сопровождавшіеся музыкой Такое нововведеніе стоило было непріятно всѣмъ поклонникамъ старины, что во время изгнанія Матвѣева, ему ставили въ вину, между многими несправедливыми на него обвиненіями, что онъ любилъ музыку и занимался чернокнижіемъ. Тогда это считали преступленіемъ государственнымъ. – Боярин Языковъ, первый министръ и любимецъ царя Осодора, не препятствовалъ распространенію музыки и не обращалъ вниманія на тѣхъ, которые считали ее дьявольскимъ увеселеніемъ. Царевна Софія, вопреки невѣжественному мнѣнію, поддержала любителей музыки, такъ что въ началѣ XVIII столѣтія Петру Великому менѣе уже стоило труда ввести музыку, хотя и тогда простой народъ и нѣкоторые изъ бояръ смотрѣли на нее съ негодованіемъ, и избѣгали слушать ее, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры Веселившихся считали погибшими на томъ свѣтѣ, раскаявшихся не допускали къ причастію Семь поколѣній.

Входившее въ обыкновеніе нѣкие рано было осуждаемо думали, что разнообразное измѣненіе голоса по нотамъ нельзя выполнить человѣку безъ содѣйствія злыхъ духовъ Такое мнѣніе, поддерживаемое тонителями добра и полезнаго, невольно укрѣпляло невѣжество въ ложномъ мнѣніи, за всѣмъ тѣмъ многіе уже стали музыку и нѣкие, и если не смѣли открыто заниматься ими, то и не упускали случая участвовать во время игры и пѣнія. Петръ Великій успѣлъ разсѣять мракъ невѣжества, успокоить совѣсть старовѣровъ и убѣдить, что музыка, доставляя веселіе невинное, смягчаетъ грубость нравовъ, возвышаетъ чувство и ведетъ непосредственно ко всему изящному" (Т. I, стр. 492—495).

Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь, кстати, одно замѣчаніе. У нѣкоторыхъ первобытныхъ восточныхъ народовъ было такое же отвращеніе къ инструментальной музыкѣ. Все, что выводило человѣка изъ внутренняго созерцанія и давало внѣшнее, отдѣльное существованіе, дѣйствительность его внутреннимъ чувствамъ, казалось преступнымъ и преслѣдовалось законами. Это потому, что въ младенческомъ возрастѣ и у народа и у отдѣльнаго лица чувства чрезвычайно неопредѣленны, не имѣютъ ясно очерченнаго содержанія. Они только на степени стремленій, порываній къ чему-то неизвѣстному, и такими остаются долгое время. Ихъ обнаруженіе въ такомъ видѣ невозможно, потому что они не укладываются ни въ какую форму. Отсюда и нежеланіе выразиться во внѣшнемъ образѣ или дѣйствіи. Такова первая любовь: она ограничивается одними тайными воздыханіями. Юноши отличаются своей нелюбовью къ практическому міру, къ внѣшней дѣятельности. Поэтому, упадку предразсудковъ противъ музыки, театра, въ русскомъ человѣкѣ можно искренно радоваться, какъ успѣху въ нравственномъ развитіи, какъ выходу изъ міра неопредѣленныхъ чувствъ въ міръ дѣйствительности и реальности.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ, правоописательныхъ страницъ изъ книги г. Терещенки. Къ сожалѣнію, роль повѣствователя, спокойнаго наблюдателя обычаевъ его не удовлетворяетъ. Его остроуміе ищетъ болѣе широкой арены. Вотъ образцы:

„Каждый народъ имѣетъ свой особый духъ и такія качества, которыя только ему одному свойственны Женскій полъ отличается во всемъ свѣтѣ чувствительностію и нѣжностію сердца, но при этомъ онъ обнаруживаетъ свои наклонности. Нѣмки хорошія хозяйки голландки постоянныя, англичанки вѣрныя, испанки пламенныя, португалки страстныя, швейцарки патріотки, француженки любезныя, италіянки ревнивыя, а русскія нѣжныя матери Мужчины же въ своихъ страстяхъ такъ измѣнились, что всѣ они болѣе или менѣе на одинъ лишь непостоянные, но этотъ недостатокъ они вознаграждаютъ твердостію воли, глубокомыслемъ и проницательностію" (Ч., стр 418).

„Если приходите къ чиновнику, барину и т. п., и спрашиваете у горничной или у лакея: дома ли баринъ? то всегда отвѣчаютъ: нѣтъ ихъ дома, и никогда не скажутъ: нѣтъ его дома.—Случается слышать часто подобные отвѣты отъ самихъ чиновныхъ, напримѣръ, спрашиваете: у себя ли его превосходительство? Отвѣчаютъ: у себя, но они заняты. Такая нѣжность, противная свойству языка, употребляется постоянно въ семейномъ кругу. Спросите у дѣтей, даже взрослыхъ: у себя ли маменька?—У себя, отвѣчаютъ вамъ, но онѣ не здоровы. – А папенька? Онъ только что вышли Подобныя выраженія можно допустить одной нѣжности дѣтей, особенно чувствительнымъ дѣвушкамъ, боящимся оскорбить самый слухъ; но никакъ нельзя извинить изъ этомъ знающихъ языкъ. Величіе Божіе не мало не оскорбляется, когда говорятъ о Немъ: Онъ могущественъ.—Его воля святая, а не: Онъ могущественъ,—Ихъ воля святая. Изъ устъ прекраснаго пола проистекаютъ болѣе всѣхъ несправедливыя слова".

Мы замѣтили также въ этой главѣ нѣсколько ошибокъ. На стр. 419, въ выноскѣ авторъ говоритъ, между прочимъ, что нашъ обычай изъ вѣжливости придавать къ каждому слову *съ* заимствованъ отъ лакеевъ. А они откуда его взяли—не сказано, слѣдовательно вопросъ не разрѣшенъ. Мы думаемъ,

что *сс*ъ—сокращенное сударь, что въ древности не означало господина надъ холопами, а судью: сударь, съ придыханіемъ государь, по этимологическому производству, значитъ судья. А что *сс*ъ есть сокращенное сударь—на это указываютъ слѣдующія данныя. Въ правыхъ грамотахъ, напечатанныхъ въ собраніи юридическихъ актовъ, встрѣчается нѣсколько разъ частичка *су*, повидимому съ значеніемъ нашего *сс*ъ; кромѣ того мы положительно знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тульской губерніи крестьяне говорятъ *су* вмѣсто *сс*ъ: да-су, я-су, пѣтъ-су и т. д. Эта форма уже больше напоминаетъ корень, отъ котораго повидимому она ведетъ свое начало. —„Паріцаніе подлый человѣкъ, подлые люди дано крестьянамъ потому, что они жили подлѣ своихъ господъ, тоже самое, что дворовый человѣкъ, дворовые люди, и какъ они отъ вольныхъ людей отличались большею несправедливостью, хитростями, неправдами и бѣдностью, то мѣстное прозваніе обращено было на всѣхъ тѣхъ, кои поступали подобно имъ" (стр. 423 примѣч.). Тутъ—что ни слово, то неправда! Производить подлый отъ подлѣ, все равно, что боярина отъ бой ярый; подлыми людьми, далѣе, назывались не одни крестьяне, а всѣ лица низшихъ классовъ, безъ различія, и притомъ – просимъ автора замѣтить это—сначала слово подлый не было ни бранью, или унизительнымъ прозвищемъ: оно означало только низкую ступень, занимаемую человѣкомъ въ обществѣ, или его происхожденіе изъ низшихъ классовъ. Сколько мы можемъ припомнить, оно не было извѣстно въ древнемъ русскомъ языкѣ и появилось у насъ не ранѣе Петра. Это заставляетъ думать, что оно не русское и взято изъ какого-нибудь другого славянскаго нарѣчія, можетъ-быть изъ польскаго. Корень его очевидно не подлѣ, а подъ—частичка, съ которою въ переносномъ смыслѣ соединяется понятіе о подластности, подчиненности, зависимости.

Послѣдняя глава первой части содержитъ извѣстія о музыкѣ. Авторъ, не знаемъ почему, ограничился исчисленіемъ однихъ музыкальныхъ инструментовъ, извѣстныхъ въ древней Россіи и употребительныхъ теперь въ простомъ народѣ. Какъ-будто вся музыка въ каталогѣ этихъ инструментовъ и оркестровъ! О нашемъ церковномъ пѣніи, о народныхъ напѣвахъ—ни слова. А мы знаемъ, что теперь нѣкоторые артисты серьезно занимаются изученіемъ русскихъ пѣсенныхъ мотивовъ: ихъ изслѣдованія были бы въ этой главѣ совершенно у мѣста. Наконецъ авторъ могъ бы выбрать нѣсколько русскихъ мотивовъ, особенно замѣчательныхъ, или новыхъ и отпечатать ихъ въ своей книгѣ—и то ужъ было бы пробрѣтеніе; но онъ и этого не сдѣлалъ.

Разборомъ первой части „Быта русскаго народа" мы познакомили читателей съ самой слабой стороной книги. Конечно, мѣстами, и эта часть имѣетъ свои достоинства; но они относятся къ частностямъ, отдѣльнымъ фактамъ, а не къ цѣлому ея составу. По своему главному назначенію она должна бы заключать, въ отдѣлахъ общаго содержанія (о народности, образѣ жизни), взглядъ автора на бытъ русскаго народа, преобладающія черты этого быта, и ихъ объясненіе историческое и философское: ничего подобнаго мы однако не находимъ. Одаренный способностью наблюдать простонародный бытъ и передавать подмѣченное, авторъ впадаетъ въ общія мѣста, когда дѣло идетъ о характеристикѣ народа, его настоящаго и прошедшаго. Высшее воззрѣніе, міръ отвлеченнаго разумѣнія ему совершенно недоступны. Нельзя не пожалѣть, что г. Терещенко самъ не понялъ, въ чемъ онъ силенъ и въ чемъ слабъ. Еслибъ онъ это понялъ, онъ конечно и не принялся бы за трудъ, не только превышающій его силы, но едва-ли и вообще возможный и выполнимый въ настоящее время. Фактовъ собрано слишкомъ мало; собранные слишкомъ мало обработаны.—Слѣдующіе томы гораздо интереснѣе и богаче содержаніемъ. И въ нихъ часто проблескиваетъ желаніе автора поразить читателей остроуміемъ, свѣтскостью, любезностью къ прекрасному полу, и въ нихъ видѣнъ поверхностный критикъ-моралистъ; но здѣсь по крайней мѣрѣ предметъ опредѣленъ и совершенно положителенъ, слѣдовательно поводовъ къ общимъ воззрѣніямъ, сравнительно, гораздо меньше. Авторъ большею частью разсказываетъ одни факты, а они ему хорошо и подробно извѣстны, — и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается рѣшительное превосходство послѣднихъ шести частей книги передъ первой: общее и въ нихъ поверхностно, безцвѣтно или ошибочно: за то оно рѣже встрѣчается.

Содержаніе этихъ частей чрезвычайно разнообразно, такъ что почти невозможно подвести его подъ какія-нибудь общія рубрики.

Всѣ обряды, примѣты, повѣрья русскаго человѣка, относящіяся къ его обыденной, будничной и праздничной жизни, вошли въ составъ книги. Этимъ, хотя и отрицательно, опредѣляется ея содержаніе. Частная жизнь человѣка и преимущественно простолюдина —ея начало, важнѣйшія минуты и конецъ.— жизнь семейная, домашняя и общинная, во сколько она опредѣляется не законами, а обычаями и нравами, описана г. Терещенкой весьма подробно; быта общественнаго и государственнаго въ ихъ разнообразныхъ выраженіяхъ онъ едва коснулся. Мы уже сказали, что по заглавію книги это содержаніе не довольно полно, что, принимая быть даже въ томъ тѣсномъ значеніи, которое придаетъ ему авторъ, все-таки многаго недостаетъ въ его сочиненіи. Теперь разсмотримъ то, что въ немъ есть, что собрано авторомъ.

Наши простонародные обряды, примѣты и обычаи, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь имѣемъ, очевидно сложились изъ разнородныхъ элементовъ и въ продолженіи многихъ вѣковъ. Все, что имѣло на Россію болѣе или менѣе продолжительное вліяніе извнѣ, всѣ эпохи ея внутренняго историческаго возрастанія проводили какую-нибудь черту въ обрядахъ и обычаяхъ, прибавляя къ нимъ новое, измѣняя, уничтожая или переиначивая старое. Вслѣдствіе этой безпрестанной, хотя и медленной, перестройки наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому безсвязное, сочетаніе разнороднѣйшихъ началъ. Развалины эпохъ, отдѣленныхъ вѣками, памятники понятій и вѣрованій самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ другъ другу въ нихъ какъ бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкѣ. Подвести ихъ подъ систему, объяснить изъ одного общаго начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порожденіе единой творческой мысли. Чтобы внести сколько-нибудь свѣта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и послѣдовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примѣру геологіи, критика должна найти ключъ къ этимъ некопаемымъ исчезнувшаго историческаго міра.

Такая работа гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Не говоря объ условіяхъ, которыя она необходимо предполагаетъ въ изслѣдователѣ и которыя рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ, она представляетъ на каждомъ шагу почти непобѣдимыя матеріальныя трудности. Въ безчисленномъ множествѣ фактовъ, изъ которыхъ слагаются обычаи, повѣрья и торжественные обряды, очень немногіе сохранились во всей первоначальной свѣжести, оригинальности, животрепещущими свидѣтелями исчезнувшаго порядка вещей; большая часть представляется въ искаженномъ видѣ, съ поправками, передѣлками, относящимися къ разнымъ эпохамъ, и подъ вліяніемъ различныхъ понятій и элементовъ. При подвижности, если можно такъ выразиться, чувствительности и воспріимчивости обычныхъ обрядовыхъ дѣйствій и понятій, малѣйшее измѣненіе часто переиначиваетъ первоначальный ихъ смыслъ такъ, что его и узнать нельзя, тѣмъ болѣе, когда обрядъ или повѣрье подвергались нѣсколькимъ послѣдовательнымъ передѣлкамъ, и каждый разъ въ иномъ смыслѣ. Окаменѣлости, находимыя въ землѣ, по крайней мѣрѣ навѣки удерживаютъ свою форму, видъ; обычаи не имѣютъ этой неподвижности, и вотъ почему часто всѣ усилія отдѣлить въ нихъ одинъ элементъ отъ другого остаются безъ успѣха и не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ есть факты, очевидно весьма древніе, но до того сгладившіеся и потерявшіе всякую форму, что по нимъ ужъ ничего нельзя прочесть.

Къ этой трудности, заключающейся въ самыхъ данныхъ, и ихъ печальной для изслѣдователя судьбѣ, присоединяется еще и другая, часто столько же непреодолимая. Многіе обряды-повѣрья, торжественныя дѣйствія и слова имѣютъ, по понятіямъ народа, извѣстное значеніе, опредѣленный смыслъ. Казалось бы, это должно облегчать изысканія; надъ смысломъ того, что объясняетъ самъ народъ, не для чего ломать себѣ голову,— вотъ повидимому прямое и самое естественное заключеніе. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Вмѣсто того, чтобы облегчить трудъ, такія объясненія часто запутываютъ еще болѣе, вводя въ ошибки, выдавая фантазіи народа за дѣйствительные факты, — словомъ,

сбивая критика съ толку на каждомъ шагу.

Какъ образуются эти историческіе миражи въ самомъ народѣ, объяснить, кажется, нетрудно. Всякій обрядъ, повѣрье, обычай, непремѣнно имѣютъ исторически, въ основаніи своемъ, дѣйствительный фактъ, естественный или бытовой. Сначала они не повѣрье, не обрядъ, а простое понятіе или живое дѣйствіе. Проходитъ время, измѣняются тѣ естественныя и бытовыя условія, при которыхъ образовалось понятіе, установился образъ дѣйствія; начинаютъ появляться новыя условія: тогда прежнее представленіе становится освященнымъ преданіемъ, повѣрьемъ, образъ дѣйствія—обрядомъ. Они къ жизни не имѣютъ того непосредственнаго, живого отношенія, какъ при прежнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ; но уже есть къ нимъ привычка, уваженіе, потому что такъ думали и поступали прежде. Что жъ выходитъ? Мало-по-малу первоначальный смыслъ обрядовъ и повѣрій, съ значительнымъ измѣненіемъ естественныхъ и житейскихъ условій, вовсе утрачивается. Народъ ихъ придерживается, чтитъ, но ужъ не понимаетъ. А какъ потребность понимать есть, то онъ и придаетъ постепенно этимъ памятникамъ старины значеніе, сообразное съ его новымъ бытомъ, примѣняя къ настоящему и не стѣсняясь старымъ, по мѣрѣ того, какъ оно изглаживается изъ памяти. Такъ образуется различіе между первоначальнымъ смысломъ факта и его толкованіемъ или объясненіемъ въ народѣ. Мало того: подъ вліяніемъ этихъ толкованій самъ фактъ измѣняется. Внѣшняя форма обряда, повѣрья не можетъ устоять противъ новаго содержанія, которое въ нихъ вкладывается, и она по немъ современемъ становится другая, болѣе близкая, болѣе доступная для народа.

Путешественники и самые изслѣдователи древностей не всегда обращали должное вниманіе на это различіе обряда, повѣрья и значенія, которое народъ съ нимъ связываетъ. Вмѣсто того, чтобъ видѣть въ послѣднемъ матеріалъ, источникъ для изученія настоящаго быта—и источникъ чрезвычайно обильный—они пользовались имъ какъ средствомъ объяснить прошедшее и тѣмъ закрывали для себя всякую возможность доискаться до настоящаго, историческаго смысла обычая. Трудно исчислить, сколько ошибокъ, недоразумѣній и превратныхъ понятій объ отдаленной древности проистекло отсюда! Въ этомъ отношеніи, книга г. Терещенки представляетъ много поучительныхъ примѣровъ. Онъ не только на вѣру принимаетъ первое народное толкованіе обычаевъ и ихъ дѣйствительный смыслъ, но даже, если мы не ошибемся, нерѣдко выдаетъ свое толкованіе за народное. То по крайней мѣрѣ вѣрно, что въ большей части случаевъ, объясняя смыслъ обычая, онъ не говоритъ, что это личная догадка, или мнѣніе простолюдиновъ. Это важная неточность, значительно умаляющая историческое и ученое достоинство сборника г. Терещенки. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Авторъ говоритъ, что poisson d'Avril названа во Франціи апрѣльская шутка, чтобъ означить, „что людей такъ легко обманывать, какъ пѣмыхъ рыбъ" (ч. VI, стр. 202). Это толкованіе принадлежитъ автору, но такъ высказано, что можетъ быть принято за народное. Въ другомъ мѣстѣ „У простолюдиновъ есть поговорка: тонко прясть, долго ждать; это значитъ, что работа, производимая съ отчетливостью, требуетъ терпѣнія, что не много выработать, но хорошо—хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ, что тонкая пряжа, хотя ее дожидаться долго, несравненно прибыльнѣе" (Ч. V, стр. 156, въ выноскѣ). Это тоже объясненіе автора, и очевидно неправильное, натянутое: а приведено оно такъ, что не знаешь, кому оно принадлежитъ: автору или народу. Еще примѣръ: авторъ говоритъ, что въ честь Іоанна, списателя лѣствицы (марта 30), пекутъ у насъ пшеничныя маленькія лѣствицы, и потомъ прибавляетъ: „Пѣсенки пекутъ еще въ день Вознесенія Іисуса Христа. Значеніе этого обычая есть милостыня, которая есть лѣствица духовная для восхода души на небо" (Ч. VI, стр. 20). Хотя бы авторъ прибавилъ: вѣроятно, можетъ-быть, а то и подумать нельзя, что это, совершенно невѣроятное, объясненіе не есть народное, а собственнаго изобрѣтенія автора. Еще примѣръ: „поднявши ихъ (новобрачныхъ) съ постели, одѣваютъ и ведутъ къ гостямъ, которые отъ радости бьютъ горшки, стаканы, и все что попадается имъ на глаза" (Ч. II, стр. 286). Вмѣсто выраженія радости, это очень извѣстный символическій обрядъ на свадьбахъ благополучныхъ. Онъ могъ стереться и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превратиться въ шумное выраженіе радости. Такъ какъ авторъ рѣдко вникаетъ въ эти мелочи, онъ и не передалъ намъ по

точности оттѣнковъ обычая. Такимъ
ъ, его исторія, несмотря на слова
остается для насъ сомнительной и
. Мыло (которое укладываютъ послѣ
ѣнія въ ящикъ, вмѣстѣ съ гостин-
означаетъ благодарность за материн-
аботливость объ ея дочери" (Ч. II,
69. 1 выноска). Опять тоже недо-
ніе! Толкованіе совершенно невѣ-
Но если оно принадлежитъ народу
должно что-нибудь да скрываться.
ъ поставленъ въ затрудненіе и не
оставить ли это толкованіе безъ вни-
какъ выдумку автора, или доискаться
источника. Въ заключеніе, вотъ еще
ыхъ рѣзкихъ примѣра. „Въ иныхъ
ъ—говоритъ авторъ—молодой, прежде
вится въ домъ невѣсты, пріучаетъ
коня не бояться огня, а потому пе-
ваетъ съ нимъ черезъ костеръ пы-
" (Ч. II, стр. 469, въ выноскѣ). Объ
же обычаѣ, въ той же части: „Моло-
ре́жаютъ чрезъ огонь въ томъ мнѣ-
о огонь очищаетъ ихъ отъ всякой не-
силы и предохраняетъ отъ порчи"
стр. 532, въ выноскѣ). Вотъ два раз-
ъясненія одного и того же обряда.
е изъ нихъ справедливо, предостав-
рѣшить читателю. Мы того мнѣнія,
—догадки автора, или —это ужъ на-
—теперешнія мѣстныя объясненія
первоначальный смыслъ котораго
и потерянъ народомъ. Тоже самое
домъ обсыпанія молодыхъ хмѣлемъ.
сатели, одинъ за другимъ, повторяли,
выраженіе желанія, чтобъ молодые
жіточны и въ довольствѣ. Это гово-
т. Терещенко. „Родители встрѣчаютъ
къ на крыльцѣ, съ хлѣбомъ солью и
а одна женщина стоитъ въ сѣняхъ
ль, съ блюдомъ овса и хмѣлемъ, и
они идутъ въ избу, тогда она осы-
ихъ, желая имъ богатства" (Ч. II,
86). Но такое толкованіе опровер-
или по крайней мѣрѣ значительно
ется описаніемъ того же обряда въ
ской губерніи. Здѣсь „по возвраще-
олодыхъ изъ-подъ вѣнца ихъ встрѣ-
свекровь въ шубѣ, вывернутой шерстью
и съ чашею, въ которую насыпанъ
ремѣшанный съ хмѣлемъ: этимъ она
ъ новобрачныхъ. Дружко гоняется
время за свекровью съ плетью и
приговаривая: зачѣмъ ты мнѣ за-
сорила молодыхъ?" (Ч. II, стр. 457). Судя
по этому разсказу, обсыпанье овсомъ и хмѣлемъ не было ни хорошимъ предзнаменованіемъ, ни желаніемъ богатства. Любопытно бы узнать, кому же принадлежитъ толкованіе этого обычая въ хорошую сторону? Неужели писатели его выдумали? Немудрено! Это случается часто, въ ущербъ науки и истины. Еслибъ они, толкуя обычаи, больше придерживались фактовъ, историческихъ свидѣтельствъ, и не замѣщали ихъ дѣйствительнаго смысла фантазіями и легковѣрной догадкой по первому взгляду, они увидѣли бы въ древности многое, чего не примѣтили или что положительно отрицали.

Эти замѣчанія могутъ показаться болѣе придирками, мелочными нападками, чѣмъ дѣйствительными, серьезными возраженіями. Въ примѣненіи къ какому-нибудь современному предмету, гдѣ тысячи данныхъ освѣщаютъ точку зрѣнія и вопросъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ повѣрка на лицо,—это было бы такъ. Совсѣмъ другое, когда идетъ дѣло о правахъ, установленіяхъ, понятіяхъ, отъ которыхъ сохранились двѣ, три черты, да и тѣ большею частью искаженныя, долженствующія пройти сначала чрезъ самый строгій критическій анализъ, чтобы предстать въ настоящемъ свѣтѣ. Тутъ каждое слово должно быть взвѣшено, каждый оттѣнокъ опредѣленъ на основаніи самыхъ подробныхъ, микроскопическихъ наблюденій. Придайте немногимъ, дошедшимъ до насъ фактамъ отдаленной древности произвольный смыслъ, —что такъ легко сдѣлать: стоитъ только на одну минуту ослабить вниманіе,—и въ результатѣ получится совсѣмъ не та эпоха, люди, понятія, какими они дѣйствительно были. Смыслъ мелкой, скучной, дрязгливой работы, веденной такъ или иначе, вполнѣ обозначается лишь въ своихъ послѣднихъ, окончательныхъ выводахъ, въ исторической картинѣ, для которой она приготовляетъ тѣни и краски.

Обратимся теперь назадъ. Мы сказали, что нашихъ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій нельзя уложить въ догматическую систему, —что ихъ нужно сперва разобрать на группы, какъ старинныя вещи въ музеѣ, и потомъ уже пользоваться ими для историческихъ изысканій. Какъ это сдѣлать? —какая нить будетъ руководить въ этомъ безпокойномъ лабиринтѣ? —какъ найтись въ этомъ сборномъ мѣстѣ всѣхъ вѣковъ, періодовъ, понятій русской земли, гдѣ они смѣшаны безъ разбора?

рѣшить этотъ вопросъ мы не беремся: онъ превышаетъ наши силы. Передадимъ читателямъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній — результатъ набладеній надъ обычаями и еще болѣе надъ ошибками изслѣдователей. Быть можетъ, современемъ, они послужатъ къ чему-нибудь при созданіи науки русской археологіи, въ чемъ уже чувствуется настоятельная потребность.

Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ, очевидныхъ парадоксовъ, положенныхъ въ основаніе русской археологіи, заключается въ объясненіи нашихъ обычаевъ чужими обычаями, нашихъ нравовъ — чужими нравами. Странно! Не только русская археологія, даже русская исторія долго разработывались по этой ложной мысли. Въ недавнее время въ исторіи противъ этого направленія явилось противодѣйствіе, и оно приноситъ свои плоды, хотя само вдалось въ крайность: но въ археологіи оно преобладаетъ до сихъ поръ. Замѣтитъ ли изслѣдователь какое-нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ, онъ смѣло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ отъ евреевъ; съ греческимъ или римскимъ отъ грековъ и римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ — отъ персовъ, индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, все равно какого: была бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія. Мы понимаемъ, почему г. Погодинъ объясняетъ все, что у насъ ни было въ IX, X, отчасти въ XI вѣкѣ, изъ скандинавскаго элемента: тутъ есть по крайней мѣрѣ историческій поводъ, вѣроятная или хоть правдоподобная основа гипотезы, въ которую авторъ влюбился до крайности: его ошибка — въ страстномъ развитіи своей мысли до ея крайнихъ послѣдствій. Можно съ нимъ не соглашаться, но можно понять путь, которымъ онъ пришелъ къ ложнымъ выводамъ. Большая часть изслѣдователей нашей старины, напротивъ, поступали такъ совершенно безкорыстно и съ рѣдкой наивностью, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Имъ было все равно, изъ какого народа выводить обычаи — только бы выводить.

Откуда взялась эта манера — любопытный вопросъ, который, кажется, можно рѣшить такимъ образомъ. Началомъ критической разработки русской исторіи были изслѣдованія объ образованіи государства, о происхожденіи варяговъ-Руси. Варяги пришли изъ-за моря, изъ Скандинавіи; слѣды скандинавскихъ элементовъ сохранились въ нашей первоначальной, лѣтописной исторіи: вдобавокъ первые критическіе изслѣдователи русской исторіи были иностранцы; будучи ближе знакомы съ германскимъ элементомъ, чѣмъ съ славянскимъ (надобно помнить, въ какомъ состояніи находилась тогда славянская филологія и исторія!), они весьма естественно обратили большее вниманіе на первый, чѣмъ на послѣдній, и тамъ, гдѣ оба были только сходны почти тожественны, увидѣли заимствованіе. Въ эту ошибку впасть было тѣмъ легче, что въ отдаленной древности оба элемента (дѣйствительно имѣли много общаго и представляютъ не одну черту разительнаго сходства между собою. Вотъ какимъ путемъ въ частномъ вопросѣ, въ отношеніи къ одной только эпохѣ русской исторіи, впервые получилъ у насъ право гражданства ученый пріемъ — объяснять туземный бытъ и исторію посторонними, чуждыми элементами. Но затѣмъ весь ходъ нашей внутренней исторіи и быть въ XVIII вѣкѣ долженъ былъ способствовать къ распространенію на всю исторію, возведенію въ главное, общее начало исторической критики этого взгляда, конечно, справедливаго въ частностяхъ и въ приложеніи къ отдѣльнымъ историческимъ явленіямъ. Въ это время иноземные обычаи, литература, понятія, учрежденія вводились одни за другими, быстро проникали въ жизнь и высоко цѣнились нами въ сравненіи съ туземными, своими, которые вытѣснялись и сглаживались. Подъ этими впечатлѣніями невольно, безсознательно должна была воспитаться мысль, что мы и прежде жили чужимъ, а не своимъ; ибо человѣкъ не въ силахъ совсѣмъ оторваться отъ своего времени: изъ него смотритъ онъ на прошедшее и окружающее и непремѣнно переноситъ частицу самого себя во взгляды, понятія, повидимому чисто объективныя, исключительно и строго основанныя на осязательныхъ, непреложныхъ данныхъ. Въ эпоху заимствованій было естественно объяснять прошлое такими же заимствованіями. Чувство національности этому не противилось; оно не было слышно изъ-за высшихъ требованій государственной жизни и просвѣщенія. Потомъ этотъ ложный взглядъ на старину обратился въ привычную рутину, пробитую колею, о которой никому не хотѣ-

ерьезно подумать. По ней продолжаютъ
насъ и до сихъ поръ въ археологіи.
стоитъ труда доказывать, какъ ложна,
о себѣ, такая рутина. Это и безъ того
ѣнно ясно и очевидно. Народъ, имѣю-
ой языкъ, свою физіономію, не могъ
аимствовать у другихъ; что-нибудь было
него свое, природное. Возьмемъ, для
ер, отдѣльное лицо и начнемъ въ него
ваться. Что мы найдемъ въ немъ? Въ
тоже время родовые признаки, общіе
лицамъ, и въ нихъ особенныя, только
ану свойственныя черты. Вотъ чѣмъ
ается сходство и различіе лицъ между
и то и другое существуетъ рядомъ,
шеніи и постоянномъ взаимномъ воз-
іи. Еслибъ мы теперь вздумали опре-
ъ, въ чемъ же именно заключаются
ности даннаго лица, отличающія его
ѣхъ другихъ, какъ бы мы поступили?
амъ, мы стали бы анализировать его
айшей подробностью. Что жъ бы
ъ этого? Зарапѣе можно сказать,
пришли къ нулю; ибо, разматривая
а, принадлежности этого лица въ от-
сти, мы непремѣнно найдемъ точно
е свойства и принадлежности въ дру-
ицахъ; чѣмъ подробнѣе такой анализъ,
безплоднѣе результаты, тѣмъ менѣе
я за лицомъ исключительно ему при-
ащаго. Вмѣсто него мы получимъ
признаковъ, свойствъ, принадлежащихъ
или менѣе всему человѣческому роду,
отвлеченное, а не данное лицо. А
тѣмъ послѣднее запечатлѣно особен-
индивидуальностью; слѣдовательно,
ать изысканія противорѣчитъ факту,
искать другого пути, чтобы достиг-
тины. Этотъ путь -разсмотрѣніе всѣхъ
ъ данная лица въ ихъ совокуп-
въ единствѣ, въ органической цѣлости,
ой они являются въ этомъ лицѣ. Изу-
взаимнаго отношенія его свойствъ и
лежностей, какъ они сводятся въ немъ
ому цѣлому, приводитъ насъ къ цѣли,
ижимой путемъ аналитическаго и срав-
наго ихъ изслѣдованія въ отдѣль-

о самое и съ изученіемъ народа. Онъ
ляетъ такое же органическое суще-
акъ и отдѣльный человѣкъ. Начните
ать отдѣльно его нравы, обычаи, по-
и остановитесь на этомъ: вы его не
. Всѣ его обычаи, повѣрья, подъ ору-

діемъ подробнаго, отвлеченнаго анализа, превратятся непремѣнно въ общія принадлежности всѣхъ, многихъ или нѣсколькихъ народовъ. Выводить изъ этого, что они заимствованные — не тоже ли, что утверждать, будто одно лицо заимствовало отъ другого таланты, умъ, глаза, выраженіе физіономіи, потому только, что они сходны? Всѣ эти свойства, улетученныя ошибочной методой въ общія принадлежности человѣческаго рода или присвоенныя другимъ племенамъ, суть неотъемлемая принадлежность этого народа: онъ ими живетъ и выражаетъ свою жизнь. Умѣйте взглянуть на нихъ въ ихъ взаимной связи, въ ихъ отношеніи къ цѣлому народному организму, и вы подмѣтите особенности, отличающія одинъ народъ отъ всѣхъ прочихъ. Только такимъ образомъ откроется безконечное различіе между фактомъ отрывочнымъ и заключеннымъ въ организмъ, во внутренней связи съ другими.

Вотъ почему мы думаемъ, что и къ нашимъ обычаямъ, нравамъ, повѣрьямъ, особенно самымъ древнимъ, которыхъ сохранилось очень немного, надо приступать съ предположеніемъ, что они туземные, а не заимствованные; ихъ сходство съ чужими не должно сбивать насъ съ толку. Есть факты, дѣлающіе, при большомъ сходствѣ, заимствованіе возможнымъ или вѣроятнымъ: есть прямыя, непреложныя свидѣтельства заимствованія—тогда другое дѣло; но гдѣ ихъ нѣтъ, одна близорукая критика, теряющаяся въ общихъ категоріяхъ, лишенная всякихъ положительныхъ основаній, можетъ озираться кругомъ, не найдетъ ли гдѣ-нибудь близкое, похожее, напоминающее, чтобъ выводить оттуда обычаи другой земли. Словомъ, мы думаемъ, что какъ въ правильномъ гражданскомъ судопроизводствѣ истецъ доказываетъ свои права на вещь, а не владѣлецъ ея, такъ и въ археологіи вѣроятность, возможность или дѣйствительность заимствованія чужихъ обычаевъ должна быть доказана; нѣтъ доказательствъ — обычай остается за народомъ, его національной собственностью, фактомъ его, а не чужой жизни. Это столько же относится къ нашимъ хорошимъ качествамъ, сколько къ человѣческимъ жертвамъ и другимъ подобнымъ явленіямъ древняго славянскаго быта, на которыя иные изслѣдователи такъ великодушно уступали право собственности германскому племени.

Г. Терещенко, по слѣдамъ большей части

русскихъ археологовъ, выводитъ наши обычаи, обряды, повѣрья изъ чужихъ земель.

„Въ первыхъ вѣкахъ монархическаго правленія римлянъ было... въ обыкновеніи похищеніе дѣвицъ. По разрушеніи Римской Имперіи это обыкновеніе продолжалось долго между германскими народами (слѣдовательно, у римлянъ оно не прекращалось? Какъ же понять сказ?) и потомъ *перешло* къ славянскимъ племенамъ радимичамъ, вятичамъ и сѣверянамъ" (Ч. II, стр. 11). „Семицкія пѣсни, въ коихъ воспѣвается липа и береза, напоминаютъ остатки языческихъ обрядовъ. *Украшеніе же вѣнками есть также остатокъ обычаевъ древняго міра* (т.-е. греко-римскаго, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ) (Т. VI, стр. 149). „Колядованье вошло въ обычай прежде на югѣ Россіи, а *потомъ распространилось* по всей Россіи... Если бы колядованье праздновалось во время лѣтописца Нестора, то нѣтъ сомнѣнія (ну, конечно!), что онъ упомянулъ бы о немъ въ своей лѣтописи... Ближе всего можно думать, что Коляда *произошла отъ польскаго Коленда*, значущая поздравленіе" (Ч. VII, стр. 12, 13 и 15). „Въ какое время появились святки въ Россіи? Откуда они *перешли къ намъ*"? (Ч. VII, стр. 130).

Итакъ, первая мысль, первый вопросъ, при началѣ на обычай, праздникъ: отъ кого они взяты! Отчего жъ прежде всего не приходитъ въ голову, что онъ нашъ? Непостижимо! „Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, въ половинѣ XVII вѣка малороссіяне начали мало-по-малузаимствовать нѣкоторые святочные обряды отъ русскихъ" (Ibid. стр. 132). Вѣрно до этого времени тоже нигдѣ не упоминается въ источникахъ о малороссійскихъ святкахъ, какъ у Нестора о колядѣ. Бѣдная русская археологія! „По мѣрѣ ознакомленія Россіи съ Европою, перешли къ намъ многіе иностранные обряды и повѣрья, но есть обычаи и увеселенія, перешедшіе также отъ грековъ и римлянъ" (Ibid. стр. 133). Кто же упомянулъ объ этомъ г. Терещенко? А вотъ и цѣлая теорія, какъ въ руки переходили обычаи и повѣрья.

„Чародѣи, волшебники, колдуны, гадальщики, вѣдьмы, вѣщуны, волхвы, астрологи, чаровники, обаятели и морочители имѣли чернокнижіе. Но все это есть ли произведеніе воображенія русскаго народа, или перенесено къ намъ изъ другихъ странъ? Отвѣчать не трудно. Индія, колыбель чудовищныхъ вымысловъ, обольщала ихъ таинственными предзнаменованіями, которыя производили чудеса между грубымъ народомъ палкіе и хитрые жрецы направляли мысли къ слѣпому вѣрованію, управляли людьми и царствами! Явились толпы поклонниковъ всего таинственнаго, и потомъ образовались общества чернокнижниковъ, или маговъ, къ коимъ благоговѣли самые властители народовъ. Все вошло маговъ, и ихъ толкованія принимали за гласъ боговъ. Египтяне, малоазійскіе греки, вавилоняне, древніе мидяне, ведя торговыя сношенія съ Индіею, перенесли въ свое отечество сокровенныя знанія, которыя нашли между ними не только вѣрованіе и еще ревностныхъ распространителей. Отсюда (?) распространились повѣрья и чудеса по Персіи, евреямъ, Греціи и римскимъ владѣніямъ. Въ Персіи утвердились восточныя вѣрованія магами, а въ Греціи и Римѣ жрецами Европа ознакомилась съ нимъ этого міра еще до паденія Греціи и Рима, но они пересоздала ихъ по своему времени, оставивъ потомъ разгадывать темные и глубокомысленные мины Ихъ коихъ основная идея была: поверье міра и зла. Образованная Греція заставила своихъ мудрецовъ философовъ доискиваться начала міросозданія. Мно изъ нихъ, быв проникнуты чистымъ свѣтомъ науки, понимали таинственную природу, какъ созданіе высшаго духа, вездѣ и повсюду парящаго и творящаго по тѣ, разумѣнію коихъ тайны натуры были недоступны, остались при однихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Отсюда произтекло вѣрованіе въ то, что народъ не понималъ, и міръ увидѣлъ созданіе новыхъ понятій о самомъ себѣ, его жизни, назначеніи, и вмѣстѣ гаданія и предсказанія слились съ хаосомъ заблужденій и суевѣрій. Такъ Европа приняла въ свои нѣдра весь запасъ тысячелѣтнихъ догадокъ и мнѣній. Наши предки, славяне, считались по Европѣ, въ числѣ необразованные и суевѣрные, позаимствовали многое отъ германскихъ народовъ; потомъ, когда познали осѣлую жизнь, привили ихъ понятія къ своимъ обычаямъ.—Вѣрованія и знанія, которыя существовали въ Греціи и Римѣ подъ названіемъ: *авгуровъ*, изслѣдователей, *аэромантіи*, гаданіе по состоянію воздуха, *астрологовъ*, по теченію планетъ и созвѣздій, *антроломантіи*, по внутреннимъ частямъ тѣла, *гаруспиціи*, по жертвамъ животныхъ, *гидромантіи*, по движенію и цвѣту воды, *гоэтіи*, призыванье духовъ и вызываніе тѣней умершихъ изъ гробовъ (и т. д. слѣдуетъ исчисленіе разныхъ *мантій*)—всѣ эти гаданія и суевѣрія перешли къ намъ и перемѣшались съ предразсудками. Простой народъ, и даже посвященные въ таинства черноннижія, не имѣя свѣдѣній о греческихъ и римскихъ жертвенныхъ обрядахъ, дѣйствовали по своимъ правиламъ, примѣняли ихъ къ своимъ гаданіямъ и обманамъ, и съ особеннымъ рвеніемъ изучали черноннижіе, которое было верхомъ человѣческихъ познаній и чудесъ. Русскій народъ, веселый и страстный къ забавамъ, присоединилъ къ своимъ праздностямъ предразсудки и гаданія, и мало-по-малу они вошли въ кругъ святочныхъ вечеровъ, гдѣ образовался отдѣльный міръ толковъ, предзнаменованій и вѣрованій" (Т. VII, стр. 288—291).

Игра въ бабки, казалось бы, ужъ безспорно наша. Нѣтъ! „Игра въ бабки собственно есть греческая и называлась *астрагалосъ*. Отъ грековъ она распространилась по Европѣ, а русскіе такъ ее усвоили, что она понынѣ составляетъ первое удовольствіе мальчиковъ... Должно замѣтить, что въ бабки любили играть татары Золотой Орды" (Ч. IV, стр. 61). Откуда же взяли ее татары?—Русалки тоже перешли къ намъ отъ грековъ и римлянъ (Ч. IV, стр. 121). „У іудеевъ, украшеніе домовъ и городовъ цвѣтами и деревьями,

утвердилось въ воспоминаніе заповѣдей, полученныхъ Моисеемъ отъ Бога, на горѣ Синаѣ. У нихъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ которомъ праздновались ихъ зеленыя святки, украшали подсѣчники, потолки, окна, зданія и храмы зеленью, цвѣтами, цвѣточными вѣнками и многочисленными деревьями. Сей обычай, безъ сомнѣнія, перешелъ отъ нихъ къ прочимъ народамъ".

Въ другомъ мѣстѣ глубокомысленно изслѣдуется вопросъ, откуда взялось у насъ поминовеніе по усопшимъ: отъ грековъ или германцевъ? (Ч. III, стр. 119). Авторъ склоняется въ пользу послѣдняго мнѣнія и этимъ рѣшаетъ дѣло. Можно бы привести еще нѣсколько такихъ же заключеній г. Терещенки. Но и эти ясно показываютъ, что авторъ держался старой рутины, не вникая въ дѣло, не имѣя оправданій, которыя могутъ привести въ свою защиту первые изслѣдователи русской исторіи и нѣкоторые изъ новыхъ. У нихъ была своя опредѣленная точка зрѣнія: у г. Терещенки ея нѣтъ! Не понимаемъ, какъ онъ можетъ съ особенной любовью говорить о русской народности; ибо гдѣ жъ она, если все, даже поминаніе усопшихъ, такой свойственный всѣмъ людямъ и народамъ обрядъ—и то иноземное нововведеніе?

Другое, чего не должно терять изъ виду при изученіи народныхъ повѣрій, обычаевъ и торжественныхъ обрядовъ—это постепенность, внутренняя послѣдовательность, съ которою происходитъ различныя измѣненія въ народной жизни, на какой ступени мы ее ни возьмемъ. Какъ живой организмъ усвоиваетъ, уподобляетъ себѣ пищу и питье самыя разнородныя, превращаетъ ихъ въ свою плоть и кровь,—какъ нравственная природа человѣка осваиваетъ внѣшнее—отчего одинъ и тотъ же предметъ производитъ разныя впечатлѣнія на лицо въ разное время и возрасты: такъ и цѣлый народъ. Подобно всякому живому существу, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія, обусловленной его характеромъ, исторіей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, что внѣ этого опредѣленнаго круга его понятій, внѣ окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видитъ и не понимаетъ. Внесетъ ли исторія новый элементъ, условіе въ народную жизнь,—случай ли броситъ въ все данное, взросшее на другой исторической почвѣ, плодъ другого порядка вещей и понятій—они или передѣлываются, или остаются тѣже, но народъ соединяетъ съ ними другое понятіе, присущее ему; слѣдовательно, внѣшній образъ или смыслъ ихъ,—все равно—становится другими, и, принимая чужое, вводя въ себя посторонніе элементы, народъ остается собой и себѣ вѣренъ. Такъ сначала, а это иногда долго продолжается; потомъ начинается обратное дѣйствіе воспринятыхъ элементовъ и данныхъ на народный организмъ. Увеличивъ собою число фактовъ, изъ которыхъ слагается и около которыхъ вращается народная жизнь, умноживъ свѣдѣнія народа, они въ свою очередь измѣняютъ народный организмъ; но это измѣненіе, обновленіе, перерожденіе его является естественнымъ, какъ будто совершающимся изъ собственныхъ внутреннихъ силъ народа; ибо дѣйствительно, все то, что его обогатило, увеличило его содержаніе, сначало было имъ усвоено, введено въ кругъ его понятій.

Насильственные, внезапные историческіе перевороты какъ будто опровергаютъ то, что мы сказали. Но это только кажется. Они измѣняютъ одни внѣшнія условія человѣческаго общества, и потому не въ силахъ вдругъ измѣнить народнаго организма. Оттого и плоды ихъ—добрые и злые—обозначаются, по времени, гораздо позднѣе, когда новые факты успѣютъ совершить въ народной жизни свой обычный кругъ, какъ пища въ человѣческомъ тѣлѣ. Народы могутъ погибать вслѣдствіе враждебныхъ вліяній и внутреннихъ измѣненій,—безспорно; но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. И человѣкъ можетъ умереть отъ яду, что не опровергаетъ основной формулы его органическаго существованія. Бываетъ, что цѣлые народы стираются съ лица земли до единаго человѣка; но это не возраженіе противъ общихъ, непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Мы старались опредѣлить формулу, по которой совершаются внутреннія измѣненія народнаго быта—живого и живущаго, а не мертваго или умирающаго, въ которомъ нормаленъ только законъ смерти, а не законъ жизни.

Единственный случай, когда вѣчная постепенность измѣненій народнаго быта и понятій нарушается—это при смѣшеніи двухъ или нѣсколькихъ разныхъ народовъ въ одинъ. Чѣмъ быстрѣе, насильственнѣе оно происходитъ, тѣмъ нарушеніе рѣзче; когда одно племя мало-по-малу поглощается другимъ, оно обнаруживается общимъ отклоненіемъ

отъ начальнаго типа, новыми чертами; но послѣдовательность не прерывается. Впрочемъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ изъ чуждыхъ народностей слагаются новые организмы, живущіе по тѣмъ же законамъ, и къ которымъ, слѣдовательно, приложимо все, что мы досель сказали.

Эти мысли не новы; мы ихъ не выдаемъ за новость. Но, слишкомъ понятныя и очевидныя въ ихъ общей формѣ, какъ положеніе, правило, онѣ очень рѣдко, почти никогда не примѣняются къ дѣлу. Въ исторіи народныхъ обычаевъ безпрестанно встрѣчаются примѣры органическаго слитія старыхъ туземныхъ понятій съ новыми, пришедшими вмѣстѣ съ народною жизнью. Особенно часты эти примѣры въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій. Здѣсь новые предметы обожанія, какъ бы они ни были различны отъ прежнихъ, немедленно заступаютъ ихъ мѣсто, имъ воздаются тѣже почести, отношенія къ нимъ остаются тѣже, что и къ прежнимъ; въ понятіи народа послѣдніе нисколько не измѣнились и продолжаютъ жить въ новыхъ. Итакъ, первый результатъ полное поглощеніе новаго элемента старымъ, совершенное преобразованіе его по образцамъ, представленіямъ, существующимъ и готовымъ въ народныхъ понятіяхъ. Въ святомъ Витѣ сѣверные славяне обоготворили Святовида. Съ именемъ св. Власія смѣшали у насъ Волоса, Велеса, „скотьяго бога". Лишь позднѣе начинается переработка прежняго подъ вліяніемъ новаго. Этимъ объясняется, почему установлялись иногда новые, прежде несуществовавшіе обряды, празднества, совершенно по старому, и слагались вполнѣ изъ старыхъ элементовъ; почему новые предметы поклоненія, тамъ, откуда принесены, и у народа, ихъ вновь принявшаго, безконечно различны между собою. Вмѣсто того, чтобъ уловить въ кажущемся новомъ старое и искать пристально слѣдовъ начала дѣйствительнаго перерожденія прежнихъ элементовъ, подъ вліяніемъ и вслѣдствіе вліянія новыхъ, археологи, не пускаясь въ даль, разнимаютъ обыкновенно оба элемента, изслѣдуютъ каждый отдѣльно, самъ по себѣ, въ его рѣзкой особенности, обусловленной ихъ разной исторической судьбой до соединенія, и на основаніи такого анализа дѣлаютъ выводы, важно заключая о существованіи у народа такихъ-то элементовъ и началъ въ данное время. Среднія звенья, которыми въ жизни соединяется разное и противоположное, измѣняютъ при комъ разъятіи; вмѣсто картины процесса кѣрнаго воспроизведенія самой жизни, какъ она была, мы получаемъ отвлеченности, которыя точно входили въ нее какъ составныя части, но сочетавались и относились въ ней другъ къ другу иначе, нежели въ словаряхъ и книгахъ изслѣдователей. Если бъ кто-нибудь органическое тѣло, естественный испытатель удовлетворялся разложеніемъ его на составные элементы и упустилъ изъ виду свойство и различные фазисы химическаго процесса, соединившаго ихъ въ одно цѣлое, вѣдь мы бы сказали, что онъ его не знаетъ этого тѣла. Но въ исторіи, въ изслѣдованіи древностей на этой первой ея ступени обыкновенно останавливаются, въ увѣренности, что все сдѣлано, изысканія кончены, истина открыта и явленіе понято. Какая ошибка! Мы думаемъ, что проникли въ самую жизнь, а на дѣлѣ хватаемъ одни призраки. Одно и тоже понятіе, представленіе привитое народу, имѣетъ у него въ разныя времена разное значеніе. Чтобъ это понять, надо забыть на время, что оно значило на той почвѣ, гдѣ развилось, откуда перешло, и изучить въ его условіяхъ, по понятіямъ народа, который его принялъ. Хронологія, раздѣленіе на періоды, предстанутъ тогда въ новомъ видѣ. По внѣшнимъ отвлеченнымъ признакамъ, по голымъ названіямъ мы теперь нерѣдко относимъ къ цѣлымъ преобразованія народной жизни къ отдаленному времени, тогда какъ въ народныхъ понятіяхъ—въ чемъ вся и важность—оно совершалось гораздо, иногда нѣсколькими вѣками позднѣе. Мы иногда удивляемся появленію новыхъ установленій у народа, въ старомъ духѣ, и не знаемъ, что о нихъ думать: правда ли то, что они новыя?—не существовали ли они гораздо прежде? Начинаются изслѣдованія, расточается страшная ученость, часто совершенно безполезно, и вмѣсто того, чтобъ выяснить вопросъ, его окончательно запутываютъ. А дѣло бываетъ просто. Часто новое понятіе окружается старыми установленіями, потому что въ народномъ сознаніи оно отражается по старому; хронологическія изслѣдованія не могутъ въ такомъ случаѣ привести ни къ чему, потому что не во времени дѣло. Другіе доискиваются въ такихъ установленіяхъ слѣдовъ старинаго, исконнаго явленія народной жизни, искаженнаго новымъ эле-

ть, и стараются проникнуть въ его
его первоначальное значеніе. Опять
вопрасну! По источникамъ, поня-
ію мысли они старыя установленія и.
ть смыслѣ, матеріалъ для изученія
ни. По ихъ началу, по времени, новое.
ложеніе народныхъ понятій и вѣро-
которыя перерождаются не скоро; но
и они—не древніи историческій фактъ
омъ смыслѣ не памятникъ отдален-
ины.

вѣсть, одна изъ главныхъ путеводныхъ
ъ изученіи народныхъ обрядовъ, по-
обычаевъ есть ихъ непосредственный,
буквальный смыслъ. Это положеніе
каемъ здѣсь не въ томъ общемъ
, что всякое историческое изслѣдова-
жно быть основано на положитель-
ыхъ: оно само по себѣ очевидно
ребуетъ доказательствъ. Напоминая
стную истину, мы имѣли въ виду
ное, чрезвычайно обширное прило-
ъ изслѣдованіи древнѣйшаго народ-
та. Тамъ, гдѣ предъ историкомъ одна
кая груда разновременныхъ и разно-
рныхъ, большею частью отрывоч-
актовъ, и нѣтъ никакихъ извѣстій,
когда они появились, измѣнялись и
ись другими,—буквальное истолкова-
ма часто замѣняетъ до нѣкоторой
хронологію и историческія доказа-
а и ведетъ къ открытію не только
, послѣдовательности, въ которой
ись одни формы быта другими, но
ричинъ, послѣдствіе которыхъ онѣ смѣ-
именно въ этой, а не въ другой по-
кости. Цѣлый отжившій и давно из-
ій міръ, съ его понятіями и истори-
ь значеніемъ, иногда вдругъ оживаетъ
ихъ краскахъ отъ одного устраненія
наго значенія двухъ, трехъ старин-
ычаевъ, которое вкладывали въ нихъ
ватели, и отъ возвращенія имъ ихъ
наго, непосредственнаго, прямого смы-
древнѣйшему римскому праву, кре-
имѣлъ право изрубить на куски не-
го должника. Долго понимали это
не въ переносномъ значеніи; ду-
что это усиленное, фигуральное вы-
полныхъ правъ, которыя полу-
ридиторъ надъ неоплатнымъ должни-
впослѣдствіи ученые должны были
ь, что сначала дѣйствительно кредиз
зрубали должниковъ на части. Еще
примѣръ изъ римскаго права: по формамъ
древняго гражданскаго судопроизводства, тя-
жущіеся о какой-нибудь вещи, явясь на судъ,
вступали передъ судьей въ борьбу между со-
бою: одинъ отнималъ вещь у другого. Это
былъ символъ: дѣйствительной борьбы не
происходило, она дѣлалась для виду. Но въ
этомъ символѣ сохранилось живое преданіе,
что было время, когда тяжущіеся дѣйстви-
тельно боролись и силой рѣшали, кому вла-
дѣть спорной вещью,—словомъ, когда сим-
волъ былъ фактомъ. Приходятъ ли по на-
шимъ свадебнымъ обрядамъ сваты съ посо-
хомъ и ведутъ рѣчь съ родителями невѣсты,
какъ-будто чужіе, никогда не слыхавшіе о
нихъ—хотя и живутъ дворъ объ дворъ,—
вѣрьте, что эти теперь символическія дѣй-
ствія были когда-то, въ отдаленной древно-
сти, событіями, живыми фактами ежедневной
жизни. Плачетъ ли невѣста по волѣ, выра-
жаетъ ли свадебная пѣснь ея неохоту, страхъ
ѣхать въ чужую, незнакомую сторону эти
символы были тоже въ старину живой дѣй-
ствительностью и въ этомъ значеніи явля-
ются однимъ изъ самыхъ богатыхъ истори-
ческихъ источниковъ. Думаетъ ли народъ
что на распутіяхъ водится лихой человѣкъ,—
вѣрно когда-нибудь это было въ самомъ дѣлѣ
такъ. Какая драгоцѣнная черта для древ-
нѣйшей общественности! Словомъ, ищите въ
основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ,—бы-
лей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ,
нормальныхъ, естественныхъ условій быта, и
вы откроете цѣлый историческій міръ, кото-
раго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ,
даже въ самыхъ преданіяхъ; ибо народъ
иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ
отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣ-
довъ этой жизни въ настоящемъ.

Конечно, эта точка зрѣнія на обычаи, по-
вѣрья и обряды не можетъ и не должна
одна исключительно руководить археолога.
Едва ли нужно доказывать, что ею не только
не разрѣшить всѣхъ трудностей дѣла, можно
даже изуродовать факты, отдалиться отъ ихъ
истиннаго смысла, прилагая ее безъ разбо-
ра и не у мѣста. Вообще, гдѣ можно и гдѣ
нельзя, какъ можно и какъ нельзя—рѣшаетъ
здравый смыслъ; замѣтимъ только, что въ
изслѣдованіи семейнаго, домашняго, обще-
ственнаго и юридическаго быта эта точка
зрѣнія всего чаще находитъ прямое прило-
женіе; въ изслѣдованіи религіозныхъ вѣро-
ваній рѣдко прямое; они должны быть под-

вергнуты особенной критикѣ, основанной на законахъ развитія и измѣненія религіозныхъ вѣрованій у младенческаго народа (объ этихъ законахъ мы скажемъ подробно въ своемъ мѣстѣ). Но, объясненныя этой предварительной критикой, они совершенно подходятъ подъ изложенный взглядъ. Мало этого: чтобъ сдѣлать ихъ совершенно понятными, необходимо взглянуть на нихъ съ этой точки зрѣнія и уловить простой, естественный фактъ нравственнаго или физическаго міра, лежащій въ ихъ основаніи.

Въ пользу буквальнаго объясненія обычаевъ, повѣрій, торжественныхъ словъ говорить не только простота, очевидная разумность такого способа понимать и толковать историческіе памятники, но и естественный ходъ образованія и развитія обычаевъ. Здѣсь кстати будетъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Откуда взялись обычаи, изъ какихъ элементовъ они сложились? Чтобъ уяснить себѣ этотъ вопросъ, возьмемъ примѣръ, къ которому мы не однажды прибѣгали, говоря о народѣ: возьмемъ человѣка. Исторія и наблюденія показываютъ, что всѣ понятія, вѣрованія, вся нравственная и умственная сторона человѣка, развиваются непремѣнно подъ вліяніемъ опыта, внѣшнихъ впечатлѣній. Ихъ содѣйствіе играетъ такую существенную, необходимую роль въ образованіи его нравственной, духовной стороны, что она, при отсутствіи этихъ внѣшнихъ впечатлѣній и опытовъ, остается совершенно неразвитою и какъ бы не существуетъ въ немъ вовсе. Самымъ яркимъ доказательствомъ этой истины служатъ люди, съ младенчества, случайно, прожившіе внѣ человѣческаго общества: имъ извѣстны только грубыя физическія потребности, въ ихъ непосредственной, первоначальной формѣ, и ничего болѣе; они даже не умѣютъ говорить: слово, этотъ органъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, замѣняютъ безсвязные дикіе звуки. Таковъ человѣкъ, поставленный внѣ условій, дѣлающихъ его человѣкомъ!

Отъ этого положенія, основаннаго на опытѣ, сдѣлаемъ теперь посылку назадъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что теперешнія наши понятія, убѣжденія,—словомъ, та нравственная, духовная атмосфера, въ которой живетъ современный человѣкъ, образовалась и сложилась постепенно и есть результатъ прошедшаго. Чѣмъ жилъ человѣкъ, какимъ вліяніемъ опредѣлялась жизнь цѣлыхъ народовъ, когда этой нравственной атмосферы еще не было, а была только одна темная, неразвитая и несознаваемая способность создавать ее. Очевидно, они жили, и ихъ жизнь могла опредѣлиться только внѣшней, ихъ окружавшей природой. Общественныя отношенія—если они на этой степени развитія могутъ быть названы общественными—были совершенно не опредѣлены, не устроены, и потому, поскольку они зависятъ отъ воли человѣка, совершенно случайны, или исключительно опредѣлялись непосредственными требованіями внѣшней природы.

Итакъ, прежде понятій, прежде обычаевъ—первой формы правильныхъ общественныхъ и житейскихъ отношеній, неразрѣльно и исключительно преобладалъ непосредственный, грубый фактъ, во всей случайности или внѣшней необходимости: за нимъ ничего не было. Слѣпо покорялся ему первобытный человѣкъ. Онъ не научился еще обладать природой, приспособляя ея непреложные законы и отправленія къ своимъ нуждамъ и требованіямъ; онъ еще не пытался подчинить случайность отношеній съ подобными себѣ постояннымъ, опредѣленнымъ, общимъ правиламъ. Онъ еще не имѣлъ мысли, сознанія. Таковъ младенецъ.

Первымъ актомъ сознанія, первымъ шагомъ къ возобладанію надъ случайностью и непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ законовъ, было явленіе, повидимому совершенно противоположное тому и другому, а именно обобщеніе и случайности и слѣпой внѣшней необходимости, признаніе ихъ дѣйствія за вѣчный, непреложный законъ. Казалось бы, этимъ ихъ господство было увѣковѣчено. Но, вглядываясь пристальнѣе, мы увидимъ въ этомъ обобщеніи, въ этомъ признаніи дѣйствительнаго факта первое выраженіе потребности существовать подъ владычествомъ разумнаго закона, первую попытку высвободиться изъ-подъ власти слѣпого случая.

Здѣсь зародышъ убѣжденій и обычаевъ. Ихъ содержаніе не отвлеченная мысль, не психологическая или философская истина, а непосредственныя отправленія и дѣйствія внѣшней природы или грубыя, случайныя явленія еще хаотической, первоначальной общественности. Съ этой стороны древнѣйшія вѣрованія и обычаи, какъ они ни важны исторически, представляютъ мало поучительнаго. Но это содержаніе въ нихъ впервые

является потъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ мысли, сознанія человѣка; въ нихъ оно подвергается первоначальной, грубой обработкѣ, и вотъ съ какой стороны они имѣютъ чрезвычайно важное психологическое и антропологическое значеніе.

Однажды признавъ случайныя и внѣшнимъ образомъ необходимыя явленія, факты за непреложный, вѣчный законъ, преобразивъ ихъ въ понятія, человѣкъ хранитъ ихъ, слѣпо повинуется имъ весьма долго. Обстоятельства и условія его существованія измѣняются, мѣстность не та, подъ вліяніемъ которой сложились эти вѣрованія, общественный бытъ другой, а понятія остаются все тѣже; ибо фактъ, послужившій имъ матеріальной основой, преобразился въ нихъ въ неразлучное достояніе человѣка, переносимое имъ съ мѣста на мѣсто, неизмѣнное, несмотря на новую обстановку. Вѣка проходятъ, а они все тѣже, пока наконецъ новыя впечатлѣнія мало-по-малу не вытѣснятъ прежнихъ и не создадутъ новыхъ обычаевъ и убѣжденій.

На эту, чисто фактическую, простую, такъ сказать, внѣшнюю основу обычаевъ и убѣжденій изслѣдователи не всегда обращали должное вниманіе. Правда, они ее знаютъ и видятъ; иногда она такъ очевидна и несомнѣнна, что надобно нарочно закрыть глаза, чтобъ ея не замѣтить. Но мы думаемъ, что, вообще говоря, она еще не играетъ той важной и рѣшительной роли въ объясненіи первобытныхъ обычаевъ и убѣжденій, какъ бы слѣдовало. Привыкнувъ во всякомъ маломъ явленіи теперешней общественности видѣть плодъ сознательной мысли, анализа, результатъ обдуманной переработки, надъ которой трудились многія поколѣнія, мы невольно смотримъ такими же глазами на бытъ отдаленной древности, ищемъ въ немъ символовъ великихъ истинъ какой-то первобытной мудрости, которая, если не была выше, то навѣрное не ниже теперешней; всюду мерещатся намъ аллегоріи, иносказанія, иероглифы, разладица между содержаніемъ и формой, какія теперь видимъ. Что мудренаго, если усильныя вопрошенія древности съ этой задней мыслью и привели повидимому къ открытію философскихъ системъ, поражающихъ глубиной и зрѣлостью своихъ положеній? Что ищешь, то и найдешь, особливо перетолковывая скудные, отрывочные и большей частью искаженные факты. Результатъ такихъ изслѣдованій — призраки, мысли, принадлежащія изыскателю, а не старина, какой она была въ самомъ дѣлѣ. Фактическая основа этой такъ называемой мудрости, забытая, затертая на второй планъ, утрачиваетъ подъ перомъ изслѣдователей свои живыя, яркія краски, и простое разумѣніе дѣлается невозможнымъ.

Причина такого неестественнаго способа изслѣдовать древности первобытныхъ народовъ—кромѣ весьма понятнаго перенесенія теперешнихъ понятій на прошедшее,—заключается, какъ намъ кажется, еще въ томъ, что законы исторической критики сложились преимущественно подъ вліяніемъ изученія древняго, классическаго міра, а послѣ ихъ стали безразлично прилагать ко всѣмъ народамъ, не обращая вниманія на существенныя различія въ быту и исторической судьбѣ послѣднихъ. Но одни изъ нихъ успѣли вполнѣ раскрыться, достигнуть высокой степени цивилизаціи, и, высказавшись всѣми своими сторонами, пройдя всѣ фазисы развитія, сошли со сцены. Таковы нѣкоторые изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи: китайцы, индійцы, персы, арабы; таковы египтяне въ Африкѣ; таковъ греко-римскій міръ. Ихъ развитіе представляетъ оконченное, въ себѣ замкнутое цѣлое. За періодомъ непосредственнаго состоянія, младенчества, у нихъ была своя эпоха сознательности,—конечно болѣе или менѣе исключительно національной, и потому тѣсной, ограниченной, слишкомъ проникнутой историческими элементами, чтобъ сравниться съ теперешней, охватывающей всѣ племена и народности; но все же преданія и первобытныя вѣрованія этихъ народовъ, утратившія живой, естественный смыслъ, стали служить формой, матеріаломъ, для выраженія философскихъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ понятій и представленій. Образовались мифы, система мифовъ, потъ сказочной и причудливой оболочкой народныхъ преданій и вѣрованій, скрывавшіе философское воззрѣніе. Объяснить эти мифы можно только угадавъ или понявъ мысль, подъ какимъ которой они сложились; фактъ, чисто-историческая или природная основа не даютъ къ нимъ ключа. Но вѣдь далеко не всѣ народы успѣли такъ пройти всѣ историческіе возрасты. Многіе изчезли на полу-пути, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ; еще большая часть живутъ и развиваются до сихъ поръ. Прилагать къ первобытнымъ представленіямъ и вѣрованіямъ этихъ народовъ способъ изслѣ-

дованія многихъ этихъ памятниковъ древней мудрости, иносказательныхъ или символическихъ выраженій мысли и истинъ, добытыхъ сознаніемъ, значитъ совершенно не понимать естественнаго хода исторіи, не понимать законовъ психологическаго развитія народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Для объясненія первоначальнаго быта—не по времени, къ которому онъ относится во всемірной исторіи, а по степени развитія, которую выражаетъ—непосредственный, живой фактъ есть самый вѣрный источникъ, самый надежный руководитель.

Г. Терещенко, конечно, не видитъ въ нашей старинѣ многихъ: этого упрека нельзя ему сдѣлать! Но, избѣгнувъ ошибки ученыхъ, онъ сдѣлалъ другую, совершенно не ученую. Рѣдкій обычай, примѣты остались у него въ книгѣ безъ самаго наивнаго и нравственнаго толкованія. И какъ легко онъ приступаетъ къ дѣлу! Спокойно, не ломая головы надъ задачей, онъ послѣ всякаго обряда и повѣрья озирается, и первое толкованіе, которое придетъ ему на умъ, онъ тотчасъ же заноситъ въ книгу. Системы, плана, общей мысли въ этихъ объясненіяхъ, разумѣется, нѣтъ. Авторъ справляется не съ исторіей, не съ данными; а только съ личными ощущеніями. И просто, и назидательно! Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Читатели знаютъ, что понедѣльникъ считается несчастнымъ днемъ. Почему? Авторъ не обинуясь говоритъ: „по принятіи христіанской вѣры, наши предки вѣроятно обязаны были являться по воскресеньямъ въ церковь; не исполнившіе же этого, подвергались наказанію, и понедѣльникъ былъ днемъ расплаты" (Т. VI, стр. 55). Какъ легко и просто! „Сохранилось еще повѣрье, что въ дни русальные не должно бросать скорлупу отъ выѣденныхъ яицъ, а надобно раскрошить на мелкія части, потому что если скорлупа попадетъ въ воду, то русалки построятъ изъ нея кораблики и будутъ плавать на зло людямъ. Если же кто выброситъ на дворъ скорлупу, потомъ накопится въ ней вода и напьется сорока, то на того нападетъ лихоманка". Вотъ кажется, есть надъ чѣмъ задуматься и стать втупикъ. Но авторъ не останавливается надъ непонятной вещью. У него все объясняется очень скоро. „Смыслъ этого повѣрья,—говоритъ онъ—конечно (разумѣется!), состоитъ въ одной остраткѣ, чтобы выбрасываемыя скорлупы не прячали собакъ таскать яица и не повадились бы домашнюю птицу разбивать свои яица и выпивать ихъ" (!). Тамъ же на 130 и 1.. страницахъ авторъ сообщаетъ заговоры противъ русалокъ на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Извѣстно, что у насъ такихъ заговоровъ и заклинаній много; г. Сахаровъ собралъ ихъ нѣсколько. Опять есть надъ чѣмъ подумать и серьезно потрудиться, но авторъ и тутъ отдѣлывается нѣсколькими словами. Въ выноскѣ онъ говоритъ: „Заговоръ списанъ со словъ кіевскихъ ворожеи. У нихъ кромѣ сихъ заклинаній, находятся и другія по столько же безсмысленныя (?), непонятныя и безтолковыя (?), какъ самыя ворожеи (sic). Онѣ часто сами составляютъ, по произволу, всякаго рода заговоры... Всѣ заговоры звучатъ татарскими словами". И только! Поучительный способъ изслѣдовать древности! „Семикъ, при всѣхъ мѣстныхъ разнообразіяхъ, у насъ во всеобщемъ употребленіи. Онъ только въ Сибири называется тюльпов вѣроятно (?) оттого, что на празднество собирались толпами" (!) (Т. VI, стр. 144).— „Бить въ это время (на свадьбѣ) посуду, или во время крестинъ и пирушекъ—хорошая примѣта. Это повѣрье выдумано, какъ должно думать (авторъ могъ бы, съ большимъ правомъ, сказать, что онъ такъ думаетъ), для того, чтобы разбитыя вещи не нарушали спокойствія и удовольствія хозяевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лишали бы веселости гостей" (Т. II, стр. 138, въ выноскѣ). „Масло, которое несла мать (послѣ несчастливой свадьбы), означаетъ, что она болѣе занималась коровами, нежели нравственностью дочери" (!) (Т. II, стр. 228). „Невѣста (у донскихъ казаковъ) не отправляется въ церковь съ своими пріятельницами, но за нею пріѣзжаетъ самъ женихъ верхомъ. Лошадь его обвѣшивается колокольчиками, чтобы невѣста могла слышать его пріѣздъ" (!) (Т. II, стр. 617).—Четвертая часть, въ которой собраны игры и хороводы, преисполнена такихъ толкованій; на каждой страницѣ они встрѣчаются, и по нѣскольку. Напримѣръ игра теребить носъ имѣетъ, по мнѣнію г. Терещенки, высшее, философское (кто бы могъ подумать?) значеніе. „Эта игра—говоритъ онъ —повидимому ничего не объясняетъ собою; но, вникнувъ въ нее, видимъ носы, которые слышатся безпрерывно; то за пѣжные вздохи и любовныя дѣлишки, то за дурачество и житейскіе промахи—однимъ словомъ, повсю-

ту носы,—кто не получалъ ихъ? „Обращаясь къ вамъ, не сердитесь за носъ. Безъ носа нельзя быть.—Безъ носа только дурные люди,—фи!—Носъ! носъ! дайте носъ; безъ носа никто не можетъ жить" (Т. IV, стр. 10 и 14). Игра сѣрый волкъ—указаніе на то, что „много на свѣтѣ людей, подобныхъ волкамъ" (ib., стр. 16). Бумажный змѣи—аллегорическое выраженіе истины, что „скрытные друзья опаснѣе змѣя" (ib. стр. 23).—Огарушекъ изображаетъ „засидѣвшихся дѣвицъ, которыя, подсмѣиваясь надъ тихими и счастливыми въ любви, клевещутъ на нихъ изъ злости. Женское злословіе проистекаетъ наиболѣе изъ устъ старыхъ дѣвъ" (ib., стр. 47). —Игра въ чушки „повидимому намекаетъ на то, что кто въ свѣтѣ проворенъ, тотъ и успѣваетъ" (ib., стр. 58). —Игра дригунъ „обнаруживаетъ (?) сладкіе поцѣлуи любовниковъ. Парень всегда выбираетъ ту дѣвушку, которую онъ любитъ; а дѣвушка нарочно упрямится скакать, пока онъ ее не расцѣлуетъ. Дѣвушки страстно любятъ поцѣлуи (ну, это смотря по дѣвушкѣ, г. Терещенко!), думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество въ тѣсной дружбѣ" (ib., стр. 88).

Мы бы никогда не кончили, еслибъ хотѣли выписать всѣ подобныя объясненія, щедро разсыпанныя авторомъ въ четвертой части. Довольно и приведенныхъ. Бѣдная русская археологія! Чего она не должна вытерпѣть, пока наконецъ наступитъ и для нея чередъ строгаго, серьезнаго, добросовѣстнаго изученія. А время уходитъ, факты исчезаютъ, и ихъ не воскресить!

II.

Разборъ книги г. Терещенки естественно привелъ насъ къ нѣсколькимъ общимъ замѣчаніямъ о происхожденіи, развитіи и объясненіи обычаевъ, повѣрій, торжественныхъ обрядовъ и словъ. Но мы бы исполнили только половину своей задачи, еслибъ этимъ ограничились. Русско-славянскій бытъ—главный предметъ этой статьи—имѣетъ свою исторію, свои составные элементы, слѣдовательно, свои особенности, необъяснимыя изъ однихъ общихъ началъ и законовъ. Чтобъ его понять, надо вглядѣться въ эти особенности, опредѣлить ихъ. Только тогда исторія русскихъ обычаевъ, народныхъ вѣрованій и обрядовъ представитъ предъ нами какъ живое, органическое цѣлое, при общихъ чертахъ имѣющее свою особенную физіономію.

Постараемся теперь разрѣшить эту вторую, самую важную и самую трудную половину задачи.

Довольно одного бѣглаго, поверхностнаго взгляда на русскій простонародный бытъ, чтобъ открыть въ немъ присутствіе двухъ рѣзко противоположныхъ элементовъ, видимо преобладающихъ надъ всѣми прочими. Мѣстные, отрывочные слѣды монгольскаго вліянія, примѣсь финскихъ элементовъ тамъ, гдѣ русскіе сосѣдили съ финскими племенами, слились съ ними или ихъ обрусили,—слабое, большею частью внѣшнее, и только около большихъ центровъ имперіи и въ образованныхъ слояхъ общества замѣтное воздѣйствіе европейскихъ понятій и нравовъ—все это ничто въ сравненіи съ двумя началами, опредѣлившими почти исключительно жизнь простого русскаго народа. Мы разумѣемъ: восточное православное христіанство, перенесенное къ намъ изъ Греціи, и первобытное, древнее язычество.

По времени христіанство вошло въ нашу жизнь позднѣе язычества. Считая у насъ сперва немногихъ послѣдователей, неприлаваемое, нерѣдко гонимое, и потому сначала тайное, христіанство въ X вѣкѣ стало наконецъ господствующей религіей въ Россіи. Великій князь Владиміръ крестился съ народомъ и торжественно уничтожилъ язычество. Съ этого времени незыблемо водворилась у насъ христіанская церковь, устроилась и съ каждымъ днемъ пріобрѣтала большія и большія силы. Онѣ были ей нужны. Церкви предстоялъ важныя подвиги въ Россіи и большія трудности.

Язычество, несуществовавшее явно съ самаго крещенія Руси, не могло исчезнуть вдругъ. Если въ Кіевѣ, гдѣ уже издавна было много христіанъ, народъ плакалъ, когда низвергнули древнихъ боговъ и ругались надъ ними, что жъ было въ другихъ, отдаленныхъ, полудикихъ странахъ тогдашней Россіи? Мы видимъ, что въ лицѣ кудесниковъ, волхвовъ, прорицателей, язычество безпрестанно возставало; въ XII вѣкѣ нѣкоторые христіанскіе проповѣдники приняли у насъ даже мученическій вѣнецъ. Церковь, поддерживаемая князьями, неутомимо боролась съ язычествомъ, разрушала его. Эта борьба язычества съ христіанствомъ, мало изслѣдованная, большею частью происходившая не-

замѣтно, но въ высокой степени любопытная, продолжалась долго. Еще въ XVI вѣкѣ слѣды ея видны въ Стоглавѣ. Правда, капища и боги исчезли гораздо прежде, но быть и тогда дышалъ язычествомъ. Только къ XVII вѣку оно было окончательно обезсилено, до основанія разрушено церковью, и съ того времени слѣды его удержались только въ обычаяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ и обрядахъ, какъ смутное воспоминаніе старины, какъ привычка, утратившая всякое живое значеніе. Въ основаніи борьбы христіанства съ язычествомъ въ древней Руси лежала не одна противоположность ихъ, какъ религій. Оба предполагали и обусловливали не только разныя религіозныя убѣжденія, но совершенно разный общественный и гражданскій бытъ. Поэтому ихъ столкновеніе не могло ограничиться одной чисто религіозной сферой. Язычество и христіанство встрѣчались враждебно на каждомъ шагу въ ежедневномъ быту, въ общественной и частной жизни. Съ этой стороны церковь является въ древней Руси одѣнимъ изъ самыхъ сильныхъ дѣятелей гражданственности и цивилизаціи. Ей стоило большихъ усилій насадить у насъ сѣмена лучшаго общественнаго и частнаго быта; она сдѣлала это и приготовила насъ къ послѣдующей исторической жизни.

Славянское язычество—не только какъ религія, но какъ извѣстный общественный и частный бытъ, выражало естественное, природное состояніе славянина, и притомъ въ первоначальной, грубой, полу-дикой формѣ. Всѣ явленія, перемѣны и свойства внѣшней природы, имѣющія непосредственное отношеніе къ человѣку и вліяніе на его бытъ и судьбу, всѣ условія, отъ которыхъ зависѣли его частная жизнь и отношенія къ другимъ лицамъ,—все это рано сдѣлалось для него предметомъ поклоненія и обожанія. Такихъ предметовъ было много; ибо первобытный человѣкъ не понимаетъ законовъ природы, не знаетъ основныхъ пружинъ и двигателей общественной и частной жизни. Онъ по необходимости слѣпо, безусловно покоряется тому, что около него дѣлается и на него вліяетъ, потому что не умѣетъ приспособить законовъ природы къ своимъ нуждамъ, заставить ихъ служить своимъ пользамъ, вызывая и производя извѣстнымъ образомъ тѣ или другія явленія природы. Міръ общественныхъ и частныхъ отношеній для него также невѣдомъ: онъ для него существуетъ въ томъ непосредственномъ, необработанномъ видѣ, какимъ вышелъ изъ рукъ природы. Отсюда естественно, что тѣмъ слабѣе, безхарактернѣе и безсвязнѣе съ подобными себѣ былъ человѣкъ, тѣмъ грубѣе было его поклоненіе, тѣмъ больше предметовъ обожанія.

Уже въ этомъ между прочимъ заключается огромное различіе нашего первобытнаго язычества и христіанства. Послѣднее принесло съ собою нравственныя идеи, вѣру въ истину, лежащую внѣ видимаго, дѣйствительнаго міра, передъ которой ничто всѣ блага и сокровища земли. Его призваніе, цѣль—внутреннее очищеніе, освященіе человѣка, любовь къ Богу и ближнимъ, слѣдовательно смягченіе отношеній между людьми. Язычество не знало ничего подобнаго. Нравственная сторона человѣка была ему неизвѣстна. Рожденное невѣжествомъ и страхомъ, оно и выражало одинъ страхъ и невѣжество; нравственныя обязанности замѣнялись въ немъ обрядовыми дѣйствіями. Христіанство перерождаетъ, воспитываетъ человѣка: язычество не перерождало, не преобразовывало. Въ немъ высказывалось грубое признаніе того, что существовало на фактѣ. Отсюда-то оно было мѣстное, національное, и не имѣло всеобщности, отличительной черты всемірнаго христіанскаго ученія.

Какъ ни грубо первоначальное славянское язычество, какъ ни скудны о немъ историческія извѣстія, видно однако, что оно имѣло свою исторію. Оно нѣсколько разъ измѣнялось, и, если вглядѣться ближе, очень послѣдовательно и постепенно.

Разсмотримъ эти измѣненія въ вѣрованіяхъ и бытѣ.

Славянская миѳологія до сихъ поръ мало разработана и темна. Причина этой неизвѣстности лежитъ, кажется, не столько въ предметѣ, сколько въ пріемахъ ученыхъ, ихъ способѣ изслѣдованія. Въ славянской миѳологіи, какъ и во всемъ славянскомъ, искали покуда чего нѣтъ, проходили безъ вниманія, что есть, задавали себѣ вопросы невозможные, оставляли въ сторонѣ естественные и близкіе. Ходъ и развитіе понятій не занимали: занимали названія, число и назначеніе боговъ, ихъ взаимныя отношенія, ихъ историческое происхожденіе по племенамъ: славянскихъ боговъ тоже производили невѣсть откуда, въ нихъ тоже, во что бы ни стало, влагали высокія философскія и психологиче-

…тины или нравственныя качества.— …, какъ нарочно, затемнили дѣло.

…ервой статьѣ мы видѣли, что въ осно…сѣхъ первобытныхъ вѣрованій, обы… торжественныхъ обрядовыхъ дѣйствій …ъ непремѣнно лежитъ естественный …товой фактъ,—что въ младенчествѣ и …ъ и народъ возводитъ на степень не…ыхъ истинъ не аксіомы духовнаго, …еннаго міра, а явленія и дѣйствія …, непосредственныя, подлежащія чув… Такъ и славяне-язычники. Ихъ древ…сослуженіе, ихъ религіозныя вѣрова…зываютъ на обожаніе природы, ея …явленій и тѣхъ взаимныхъ отношеній …людьми, которыхъ древній славянинъ …ъ устроить и опредѣлить правиль…разумнымъ образомъ, и потому предо…ъ на произволъ случая. Къ этимъ …категоріямъ сводится весь славянскій …, такой же грубый, непосредственный, …иальный, какъ среда, въ которой онъ …лся.

…торые изслѣдователи думаютъ, что …кое язычество началось монотеизмомъ, …рѣшить, правы они или нѣтъ. Повто… думать — ихъ нельзя отрицать— …ерьезительны. Главный существовавшимъ …лавянъ верховнаго божества, чтимаго …щественно передъ другими. Но если …жъ и былъ исходной точкой славян…ычества, то онъ очень рано долженъ …ерейти въ многобожіе. Во-первыхъ, …кое весьма древнее; во-вторыхъ, къ …необходимо вела сущность язычества. …ло обожаніемъ природы и случай… …лѣдовательно и языческій монотеизмъ …ть только первичной, самой неопре…ой, неразвитой формой поклоненія …, матеріальной силѣ природы или …а это предполагаетъ крайнюю бѣд… понятій и совершенное отсутствіе …-нибудь устроенной общественной и …жизни. Стало быть, языческій моно… …жетъ существовать только пока чело… …умѣлъ даже различать явленія и …овъ. Лишь только онъ ознакомился …дѣльнымъ и вреднымъ дѣйствіемъ …го его окружало, младенческій язы… …монотеизмъ долженъ былъ уступить …многобожію. Послѣднее не только …нно и необходимо смѣнило моноте… …о было даже во многихъ отношеніяхъ …къ, высшей степенью развитія, ибо выражало сравнительно лучшій, болѣе опредѣленный взглядъ на вещи.

На эту внутреннюю связь и преемство языческихъ вѣрованій изслѣдователи не обратили вниманія. Судя обо всемъ по своему времени, они увидѣли въ языческомъ монотеизмѣ славянъ слѣды ихъ первобытной глубокой мудрости, стертой послѣдующимъ невѣжествомъ и варварствомъ. Но когда и гдѣ она была—они не позаботились доказать. Они ухватились за единобожіе и, не разбирая, какое оно было, создали по готовому о немъ понятію цѣлую небывалую историческую эпоху. Вотъ что значитъ строить системы, основываясь на однихъ названіяхъ, а не сущности, содержаніи вещей! Стоитъ внимательно вникнуть въ дѣло, чтобъ убѣдиться, что между нашимъ единобожіемъ и языческимъ монотеизмомъ древнѣйшихъ, полу-дикихъ племенъ безконечное разстояніе, и нѣтъ возможности судить о послѣднемъ по первому: отклоненіе евреевъ и христіанъ къ языческому политеизму—преступленіе и упадокъ; переходъ славянъ отъ природнаго безсмысленнаго монотеизма къ многобожію былъ, напротивъ, успѣхомъ, шагомъ впередъ въ развитіи понятій.

Итакъ, во времена язычества славяне боготворили природу и бытовыя случайности. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ и другомъ поклоненіи.

Натуральный, природный политеизмъ состоялъ первоначально въ непосредственномъ обожаніи предметовъ и явленій природы. Но онъ не могъ навсегда остановиться на этой ступени. Современемъ онъ долженъ былъ мало-по-малу привести къ болѣе отвлеченному вѣрованію. Конечно, грубое, непосредственное обожаніе предметовъ осязательныхъ, видимыхъ, физически и постоянно существующихъ, по опредѣленности ихъ удерживалось весьма долго въ первоначальномъ видѣ. Но обожаніе перемѣнъ силъ, быстро проходящихъ явленій природы не могло быть такъ прочно. Ихъ дѣйствія, вліяніе были ощутительны, а движущее, дѣйствующее не имѣло ни наглядности, ни пребываемости, ни опредѣленнаго существованія. О немъ можно было судить по явленіямъ, но оно само было невидимо, не подлежало чувствамъ. Какое же оно было? Этотъ вопросъ не могъ не представиться первобытному человѣку. Да и къ самимъ видимымъ предметамъ человѣкъ долженъ былъ, современемъ, различить то, что

онъ видѣлъ, отъ того, что побуждало видимое къ дѣйствію, руководило имъ, внушало то или другое,—словомъ, различить внутреннее отъ внѣшняго. Какое же было это внутреннее—другой вопросъ, столько же трудный для отвѣта, какъ и первый. Сначала эти отвлеченныя вѣрованія не имѣли никакого положительнаго содержанія: съ невидимыми и невѣдомыми дѣятелями не связывалось никакихъ представленій, никакихъ опредѣленныхъ понятій: только существованіе ихъ, безличное и безобразное, предчувствовалось смутно. Нужна была нѣкоторая степень образованности и большія усилія, чтобъ облечь эти предчувствія въ какую-нибудь форму, вложить въ нихъ какое-нибудь содержаніе. Мы не знаемъ, какъ долго совершался этотъ переходъ и какъ онъ совершился у разныхъ племенъ. Въ короткое время онъ не могъ сдѣлаться; это очевидно, ибо предполагаетъ развитіе сознанія, и есть самъ по себѣ умственный и психологическій актъ, невозможный безъ воображенія, анализа и отвлеченнаго мышленія.

Къ эпохѣ неопредѣленнаго предчувствія невѣдомыхъ силъ, смѣнившаго грубое обожаніе видимыхъ предметовъ, относится замѣчаніе, сдѣланное о древнѣйшемъ язычествѣ г. Терещенко. „Вѣрованіе въ существованіе высшаго бытія говоритъ онъ господствовало въ незапамятныя времена язычества; но изображеніе его не дерзали ни вырѣзывать, ни рисовать, страшась навлечь гнѣвъ невидимаго бога, коему молились съ трепетомъ" (Ч. VI, стр. 119). Отбросивъ фигуральное въ этихъ словахъ, мы получимъ вѣрный взглядъ на тѣ времена, когда человѣкъ не находилъ образа для своихъ религіозныхъ представленій. Буквально мнѣніе г. Терещенки примѣнимо только къ тому періоду, когда въ народныхъ понятіяхъ божества уже начали облекаться въ опредѣленныя формы; но вѣковѣчный обычай противился и останавливалъ первыя попытки выразить представленія во внѣшнемъ образѣ.

Какое же содержаніе и какую форму далъ современемъ первобытный язычникъ невидимымъ силамъ, которымъ поклонялся? Весьма естественно, онъ представилъ ихъ себѣ людьми, перенесъ въ нихъ самого себя. Правда, эти люди были не такими, какъ онъ; все было въ нихъ сверхъестественно: и сила, и власть, и размѣры, и всѣ принадлежности. Даже ихъ внѣшній видъ не находилъ подобнаго между человѣческими существами, мѣтимъ, что сверхъ того человѣкъ со... зналъ искусства, не умѣлъ, слѣдовательно, произвести свою мысль въ художественномъ изящномъ образѣ. Но для насъ важно не полненіе, не формы, а то, что имѣлось выразить этотъ первобытный языкъ онъ очевидно хотѣлъ представить человѣ...

Вотъ начало и происхожденіе антропоморфизма въ языческихъ религіяхъ. Идолы, истуканы —олицетвореніе древнѣйшихъ предметовъ обожанія: сперва эти предметы были явленія природы, потомъ невидимыя неопредѣленныя силы; наконецъ силы преобразились въ живыя, человѣко-подобныя существа. Вотъ почему каждое славянское божество непремѣнно имѣетъ атрибуты, напоминающіе древнѣйшую натуральную религію. Сквозь человѣческій образъ боговъ проступаютъ первобытные естественные предметы обожанія. Стоитъ только совлечь съ нихъ обыкновенную внѣшнюю форму, присвоенную человѣкомъ, чтобы понять ихъ происхожденіе. Съ превращеніемъ явленій и силъ природы въ живыя, человѣческія существа языческій міръ вступаетъ въ новую эпоху развитія. Его натуральная основа мало-по-малу начинаетъ уходить на второй планъ, постепенно забывается. На первый выступаютъ человѣческія свойства и принадлежности боговъ, и они то постепенно развиваются. Боги болѣе и болѣе становятся похожими на людей и совершенно подчиняются условіямъ народной жизни, быта, понятій. Но мѣрѣ того, какъ они измѣняются, измѣняются и качества, свойства, принадлежности живыхъ боговъ. Успѣхи народа отражаются въ миѳологіи, которая становится хранилищемъ народныхъ понятій и вѣрованій. Оттого языческое божество, имѣвшее сначала одно значеніе, часто получаетъ потомъ совсѣмъ другое, или съ прежнимъ соединяется новое, вызванное новыми условіями народнаго быта; нѣкоторыя божества входятъ въ славу у цѣлаго племени, даже у нѣсколькихъ племенъ, иногда по причинамъ совершенно случайнымъ: удачнымъ прорицаніямъ, знатности или богатству храма племени, и т. д. Появляется іерархія между языческими богами, сперва равными между собою, нерѣдко идолы переносятся отъ одного племени къ другому и имѣютъ съ туземными дѣлаются здѣсь предметомъ поклоненія; наконецъ у одного и того же племени, по разнымъ мѣстностямъ, можетъ быть

го божествъ съ однимъ и тѣмъ же
мъ, или однимъ только въ началѣ,
ичнымъ впослѣдствіи, при измѣнив-
обстоятельствахъ. Словомъ, величай-
правильность, случайность и произ-
сподствуютъ въ первоначальной ми-
когда она выработывается изъ перво-
естественнаго язычества. Такова
славянская миѳологія. Напрасно ста-
ученые исчислить славянскихъ бо-
дробно опредѣлить свойства и зна-
ждаго изъ нихъ, порядокъ и стар-
напрасно надѣются они когда-ни-
вести хаотическій славянскій Олимпъ
ему, разрѣшить въ немъ проти-
объяснить различія тождествен-
кленій. Этимъ путемъ можно сдѣ-
ого любопытныхъ наблюденій, даже
важныхъ открытій; достигнуть пред-
ной цѣли —нельзя: противорѣчія, тож-
ые факты, отсутствіе системы, пра-
ти, единства —лежатъ въ самомъ пред-
ъ нельзя устранить, не затемнивши
ла. Неопредѣленность есть его опре-
неправильность—его правило, его
ный видъ.

ышее развитіе первоначальнаго ан-
физма состоитъ въ томъ, что боже-
ершенно перестаютъ быть олицетво-
силъ и явленій природы и становятся
ніемъ нравственныхъ, философскихъ
ическихъ идей: вмѣсто природы боги
тъ внутренній міръ человѣка. Наука
ософія впослѣдствіи обработываютъ
атеріалъ, придаютъ ему искусствен-
стематичность и единство. Является
илософская миѳологія, или филосо-
миѳологическихъ образахъ. Таковы
я и римская миѳологія. Въ ихъ окон-
й, наукой обдѣланной формѣ нѣтъ и
первоначальной естественной рели-
зыческая миѳологія не успѣла пройти
послѣднія ступени полнаго развитія
ихъ религіозныхъ вѣрованій: она не
далѣе олицетворенія силъ природы и
ъ зародышѣ была подавлена и уни-
христіанствомъ. То, что мы о ней
служитъ тому убѣдительнымъ дока-
ъмъ: дошедшіе до насъ слѣды сла-
о язычества представляютъ одни остат-
аго первоначальнаго антропоморфиз-
ичего болѣе.

ыя условія, общественныя и частныя
ія, важныя въ жизни первобытнаго
человѣка, но отъ него независящія, непред-
видимыя и неотвратимыя, были тоже пред-
метомъ религіознаго почитанія, ибо казались
дѣйствіями и велѣніями божества. Мысль о
такомъ божествѣ могла явиться позднѣе обо-
женія природы, какъ и потребность сколько
нибудь опредѣленнаго и устроеннаго обще-
житія, которую она выражала. Впрочемъ, рѣ-
шительно этого утверждать нельзя, потому
что бытовыя отношенія и условія были тогда
такъ же случайны и мало зависѣли отъ воли
и сознанія людей, какъ силы и явленія внѣш-
ней природы, и слѣдовательно могли совер-
шенно съ ними сливаться.

Въ бытовой религіи, какъ и въ естествен-
ной, предметами обожанія могли быть и жи-
выя существа—лица и невидимыя силы, обна-
руживающіяся въ дѣйствіяхъ. Которыя изъ
нихъ прежде стали предметомъ поклоненія,
трудно рѣшить. Кажется, лица прежде. Къ
этому заключенію приводитъ слѣдующее.
Прежде племенъ и племенныхъ союзовъ,
прежде общинъ и міровъ, существуютъ
семья и родъ. По естественному закону,
господствующему у первобытныхъ народовъ
исключительно, глава семьи и рода полно-
властно господствовалъ надъ ними; въ его
рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ: онъ
ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ спо-
ровъ, каратель преступныхъ; словомъ, онъ—
ихъ воплощенная судьба, все для нихъ.
Только съ разрожденіемъ и распаденіемъ
семей, съ соединеніемъ родовъ въ племена
мало-по-малу сглаживается значеніе домона-
чальниковъ. Они удерживаютъ свою власть
у себя дома: но рядомъ съ внутренними ро-
довыми отношеніями появляются междусе-
менныя и междуродовыя, надъ которыми
они не имѣютъ такого исключительнаго гос-
подства. Послѣднія сперва случайны. Обще-
житіе представляетъ хаосъ. Этому-то состоя-
нію и соотвѣтствуетъ поклоненіе невидимой
силѣ, опредѣляющей общественный бытъ.
Побѣды, пораженія, насилія — нормальныя
явленія первобытныхъ обществъ, —припису-
ваются божеству, такъ что оно играетъ ту
же роль въ междусемейныхъ и междурода-
выхъ отношеніяхъ, какую домоначальники
въ семейномъ и родовомъ. Впрочемъ, изъ
этого только слѣдуетъ, что языческое покло-
неніе судьбѣ, управляющей дѣлами челове-
ческими, установилось и развилось позднѣе
обожанія домоначальниковъ: происхожденіе
его все-таки остается темнымъ, ибо оно

могло также скрываться въ рѣдкихъ, случайныхъ столкновеніяхъ семей и родовъ, въ войнахъ и походахъ, которые они предпринимали другъ противъ друга, или нападеніяхъ пришлыхъ и сосѣднихъ народовъ.

Поклоненіе усопшимъ предкамъ есть первобытная форма обоготворенія лицъ. Его источникъ—вѣра въ личное безсмертіе, причина — огромное значеніе домовладыкъ въ первоначальномъ быту. Чѣмъ онъ ближе подходилъ къ природному, естественному, тѣмъ больше сосредоточивался въ семейныхъ союзахъ, тѣмъ больше была власть и роль домоначальниковъ. Слѣдовательно, ихъ обоготвореніе по смерти было весьма естественно; послѣ нихъ семья, родъ оставались безъ главы, безъ устройства. Имъ поклонялись, къ нимъ взывали во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, съ ними совѣщались въ рѣшительныя минуты жизни. Трудно объяснить историческое происхожденіе домашнихъ боговъ (домовыхъ), духовъ-покровителей общинъ, городовъ, даже цѣлыхъ областей и племенъ. Были ли они сначала обоготворенные предки, или возникли позднѣе, съ установленіемъ постоянныхъ внѣсемейныхъ и внѣ-родовыхъ отношеній, — вотъ чего нельзя рѣшить. Историческія извѣстія слишкомъ скудны. Быть можетъ, первое предположеніе вѣрно, но очень вѣроятно, что уже въ незапамятныя времена оно потеряло смыслъ. Тождество домашнихъ божествъ съ усопшими предками еще могло долго продолжаться, но боги-покровители цѣлыхъ общинъ и союзовъ во всякомъ случаѣ рано отрѣшились въ народномъ сознаніи отъ своихъ историческихъ прототиповъ - родоначальниковъ. Такъ заставляетъ думать несомнѣнно давнишее отсутствіе единовластительства въ древнѣйшихъ славянскихъ общинахъ.

Впрочемъ, основанія бытового язычества и естественнаго были тѣ же: развитіе ихъ совершалось по тѣмъ же законамъ и въ той постепенности. Сначала язычникъ безсмысленно покорился случайности, потомъ приписалъ ей разумъ и волю. Въ этомъ безсознательно выразилъ онъ и то, чего онъ требовалъ отъ общественности и чего ему въ ней недоставало. Съ вѣрой въ рокъ, судьбу, найдена первая точка опоры противъ хаотическаго состоянія быта, и установляется связь между нимъ и языческими вѣрованіями, такъ что дальнѣйшее ихъ развитіе идетъ уже рядомъ, опираясь одно на другое: бытъ измѣняетъ религіозныя бытовыя вѣрованія; они въ свою очередь измѣняютъ бытъ. Какъ естественной религіи, такъ и въ бытовыхъ языческихъ вѣрованіяхъ современемъ утрачиваетъ свою непосредственную, грубую основу.

Въ заключеніе остается сказать о третьемъ языческомъ богослуженіи.

Первобытное богослуженіе слишкомъ тѣсно связано съ развитіемъ ихъ языческихъ вѣрованій; съ ними оно измѣнялось, отъ нихъ заимствовало характеръ и особенности. Въ непосредственномъ обожаніи грубой силы, дѣйствующей помимо сознанія и воли человѣка, какъ неизбѣжный законъ, неотвратимый рокъ, поклоненіе и богослуженіе были невозможны. Со страхомъ и трепетомъ подчинялся человѣкъ своей судьбѣ. Въ безсловесной покорности состояло обожаніе. Съ первыми зачатками антропоморфизма появляются и первые, слабые зачатки богослуженія и поклоненія въ языческихъ вѣрованіяхъ. Лишь только человѣкъ приписалъ волю, хотя еще и непонятную, неодушевленнымъ предметамъ, силамъ природы, случайностямъ бытовыхъ отношеній, — лишь только онъ предположилъ въ нихъ разумность и сознательность, хотя и дѣйствующую по особеннымъ, сверхъестественнымъ предначертаніямъ, онъ перенесъ на нихъ свои тогдашніе отношенія къ земнымъ властителямъ, сталъ изъявлять имъ знаки покорности и подчиненія, просить о томъ, что ему было нужно, умилостивлять, приносить имъ дань, выбирая ту, которая могла быть имъ пріятнѣе и угоднѣе. Формы языческаго богослуженія — самое правдивое свидѣтельство о древнѣйшихъ отношеніяхъ между главами семействъ и семьями, господами и ихъ подвластными. Но вмѣстѣ съ поклоненіемъ и самое исполненіе волѣній божества составляло необходимую, существенную часть богослуженія, получило религіозный характеръ. Для примѣра укажемъ на древнія славянскія сатурналіи и вакхическія празднества, совершавшіеся въ опредѣленное время со всей торжественностью религіозныхъ обрядовъ: въ основаніи ихъ лежитъ внѣшній физическій законъ возведенный на степень языческаго священнодѣйствія. Таковы и многія другія древнія языческія торжества, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ съ олицетвореніемъ божествъ въ человѣческомъ образѣ, съ появленіемъ идоловъ и кумировъ, языческое богослуженіе впервые получаетъ правильную форму. Являются жилища боговъ—капища и храмы; въ нихъ со-

ивается поклоненіе, съ самаго начала
ее опредѣленнаго мѣста, потомъ про-
ее подъ открытымъ небомъ, въ лѣ-
щахъ, у рѣкъ, источниковъ, на по-
рахъ и возвышеніяхъ, освященныхъ
ъ или народными вѣрованіями. Вмѣстѣ
ними и богослуженіе начинаетъ сла-
себя первобытную, грубую, непосред-
о форму и становится искусственнѣе,
ать, отвлеченнѣе. Образуется сосло-
овыхъ служителей — жрецовъ. Они,
ано, становятся посредниками между
людьми, органами божескихъ вель-
ителями тайнъ того, что пріятно и
кумирамъ, какъ лучше имъ угодить.
слугами являются сперва древнѣйшіе
щенники — родоначальники: потомъ,
ованіемъ общинъ и союзовъ—выбор-
знатнѣйшихъ родовъ и старѣйшинъ;
ь, у нѣкоторыхъ племенъ, должность
становится наслѣдственною, какъ и
олжности тамъ, гдѣ исключительно
уетъ родственный бытъ.

вѣроятно, что къ этому же времени
и появленіе кровныхъ и человѣче-
ертвъ у славянъ. Онѣ, кажется, тѣсно
съ антропоморфизмомъ. Только упо-
себѣ боговъ, человѣкъ могъ начать
имъ человѣческія почести. Языче-
ества пили, ѣли, одѣвались какъ и
е. Жертвы -дары, приношенія—сооб-
сь съ этимъ понятіемъ. У хищныхъ,
ыхъ племенъ, въ странѣ, гдѣ жили
вы андрофаги, человѣческія жертвы
е представляли исключенія изъ ежед-
ъ привычекъ людей, и боги могли
обны людямъ. До утвержденія антро-
зма человѣкъ, кажется, не могъ такъ
ко приписывать богамъ свои наклон-
привычки; по крайней мѣрѣ это трудно
едставить. Представленія о богахъ
икомъ шатки, сбивчивы, а потому и
имъ не могло имѣть опредѣленнаго,
ного характера.

первобытныхъ вѣрованіяхъ и ихъ разви-
реемъ теперь къ древнѣйшему об-
ному и домашнему быту славянъ.

е думаютъ — и это сдѣлалось почти
мѣстомъ всѣхъ разсужденій что внут-
ыть этого племени, особенно русскихъ,
ялился въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.
казать, что онъ вовсе не измѣнился.
ніе совершенно ошибочно. На добро
знать племени, его исторію, его пре-
даній и древнихъ памятниковъ, чтобъ утверждать подобныя вещи. Измѣненія эти такъ существенны, теперешній бытъ такъ не похожъ на прежній, что, не имѣй мы предъ глазами несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ и живыхъ слѣдовъ прошедшаго, нельзя бы вообразить себѣ наше прежнее, какимъ оно дѣйствительно было. Надо наконецъ убѣдиться въ этой истинѣ и отбросить однажды навсегда застарѣлыя предразсудокъ, который только потворствуетъ нашему невниманію къ самимъ себѣ и очень удобенъ для поверхностнаго разрѣшенія важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ.

Древнѣйшій славянскій бытъ, какъ уже мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, былъ чисто природный, естественный. Еслибъ мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ развитія языческихъ вѣрованій славянъ, мы пришли бы къ тому же заключенію: въ этихъ вѣрованіяхъ первобытный славянинъ выразился всѣми своими сторонами. Его миѳологія, олицетвореніе силъ природы и разныхъ естественныхъ и бытовыхъ случайностей, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи всякихъ нравственныхъ началъ, всякаго порядка и правильности во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Внѣшняя сила, слѣпая случайность играли, суди по той же миѳологіи, важную и рѣшительную роль въ тогдашнемъ быту, а формы языческаго богослуженія въ рѣзкихъ чертахъ выставляютъ всю непосредственность, грубость нравовъ.

Главная характеристическая черта древнѣйшей славянской общественности заключалась въ томъ, что послѣднія не имѣли никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешнія человѣческія общества. Вѣками пріобрѣтенная опытность, научившая общественному порядку, правильнымъ отношеніямъ между людьми и перешедшая въ нравы, привычки, ежедневную практику, не существовала для первобытнаго славянина. Дитя природы, не получившее воспитанія, онъ слѣпо, безотчетно слѣдовалъ внушеніямъ ея, не стѣснялся нравственными правилами и общественными условіями. Его ничто не опредѣляло, не обуздывало, кромѣ страха и внѣшней силы.

Поэтому уже не трудно составить себѣ картину первоначальнаго славянскаго общежитія и открыть основанія тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Кровное родство было сперва единственною, исключительною связью между людьми, семьи и роды—единственными чле-

вѣческими союзами и обществами, семейный и родственный распорядокъ—единственнымъ общественнымъ устройствомъ. Чтобы понять этотъ первоначальный патріархальный бытъ и вѣрно оцѣнить всѣ его явленія, надо замѣтить особенность, свойственную однимъ первоначальнымъ обществамъ и изчезающую со временемъ: мы разумѣемъ совершенную неопредѣленность первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Исторія представляетъ много обществъ, построенныхъ на началахъ кровнаго родства. Таково было сперва римское; таковъ весь Китай; наконецъ такова Россія XVI и XVII вѣковъ. Но всѣ эти общества не даютъ понятія о древнѣйшей патріархальности, потому что въ нихъ послѣдняя болѣе или менѣе опредѣлена, подчинена правиламъ, юридической формалистикѣ и разсчитана съ математической точностью. Ничего подобнаго не было въ древнѣйшемъ патріархальномъ быту. Родственныя начала не были возведены въ юридическія, опредѣленныя начала. Они существовали на фактѣ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали. Въ отдаленнѣйшей древности семейный распорядокъ не былъ даже прототипомъ гражданскаго общества, какимъ онъ сталъ послѣ, когда сдѣлалась ощутительна потребность въ общественномъ устройствѣ и порядкѣ. Іерархическое подчиненіе однихъ лицъ другимъ по началамъ родства было уже развитіемъ, высшей ступенью первобытной патріархальности; но сначала ей была чужда даже эта, самая скудная, самая первичная опредѣленность; одно физическое старшинство, поддерживаемое изрѣдка силой, напоминало невысказанныя, безсознательно присущія быту начала и какъ бы намекало на ту форму, которую современемъ должно было принять патріархальное общежитіе.

Итакъ, въ незапамятныя времена славянскій бытъ представлялъ множество семей и родовъ. Они были разрознены, чужіе между собою. Но тогдашнимъ понятіямъ, это значило совсѣмъ не то, что теперь. Мы теперь видимъ въ чужомъ только незнакомаго, но какъ мы ограждены международными, государственными и гражданскими законами; тогда чужой стоялъ внѣ всякихъ законовъ, и если не собственная сила, его ничто не ограждало, ибо никто не имѣлъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ чужому, могъ съ нимъ поступить какъ хотѣлъ. Это не значитъ, чтобы съ чужимъ непремѣнно обращались какъ съ врагомъ; но не всякій разъ принимали его и по-дружески, съ распростертыми объятіями. Разныя славянскія племена различно смотрѣли на чужихъ; это зависѣло отъ нравовъ, образа жизни, предшедшихъ отношеній къ сосѣдямъ и пришлымъ; для многихъ чужіе были только незнаемые. Этому не противорѣчитъ древнеславянское гостепріимство, и строгое наказаніе хозяина дома и цѣлой общины за нарушеніе безопасности, неприкосновенности гостя. Принятый подъ домашній кровъ не могъ быть оскорбленъ безъ нарушенія неприкосновенности домашняго очага, который имѣлъ религіозное значеніе. Это священное значеніе жилища удерживалось весьма долго. Слѣды такихъ вѣрованій находимъ даже въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича.

Слѣдовательно, сначала не только не было между отдѣльными родами и семьями гражданскихъ отношеній: они даже не были соединены въ международный союзъ, какъ теперешнія европейскія общества. Каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ, отдѣльно независимо отъ другихъ и находился въ непостоянныхъ, случайныхъ сношеніяхъ съ ними. Внутри себя онъ представлялъ замкнутое цѣлое, устроенное по началамъ естественнаго, физическаго родства, въ его самомъ первобытномъ, неопредѣленномъ, грубомъ видѣ. Оттого рѣзкія противорѣчія уживались одно возлѣ другого въ отношеніяхъ между членами семьи и рода. Послѣ, когда патріархальный бытъ сталъ формулироваться юридически, они выказались: сначала они не были чувствительны. Отсюда невозможность подвести эти отношенія подъ какое-нибудь начало или правило.

Сперва глава семьи имѣлъ, какъ мы видѣли, огромную, безусловную власть надъ домочадцами. Это было полное господство, не знавшее границъ, вдобавокъ не смягченное нравственнымъ чувствомъ, лежащимъ въ основаніи теперешнихъ семейныхъ отношеній. Въ современномъ обществѣ семейный бытъ очень сложенъ. Онъ условливается не однимъ чувствомъ любви, взаимной преданности, узами крови, но и всѣми основаніями гражданскаго общежитія: состраданіе, нѣжность къ слабымъ существамъ, уваженіе къ человѣческому достоинству, живое сознаніе высокихъ гражданскихъ обязанностей, налагаемыхъ вос-

питаніемъ дѣтей, имѣютъ теперь рѣшительное вліяніе на внутренній бытъ семьи. Пока образованіе не развило этихъ нравственныхъ элементовъ, ихъ нѣтъ и въ семейномъ быту; послѣдній поддерживается только привычкой, властью, силой. Вотъ почему дѣти и рабы не различаются въ первобытныхъ обществахъ и носятъ общее названіе домочадцевъ. Вирюемъ, и власть, какъ основаніе семейнаго союза, была тогда иною, чѣмъ теперь. Она не была еще сознана, опредѣлена какъ начало, послѣдовательно проведенное въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно, неопредѣленно; безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя бы и подозрѣвать ея присутствія въ бытѣ. Оттого рядомъ съ данными, свидѣтельствующими о безграничной власти и господствѣ первобытныхъ родоначальниковъ, встрѣчаются другія данныя, доказывающія напротивъ, неподвластность, неподчиненіе домочадцевъ главамъ семей и какъ бы равенство между ними: собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику, и управляется съ общаго согласія членовъ послѣдней; домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ всѣхъ членовъ семейнаго союза. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ древности дѣти расхищали общее имущество во предъ отцовъ, такъ что законодательство должно было взять послѣднихъ подъ свою защиту. Наконецъ шаткость власти выборныхъ домоначальниковъ, замѣнившихъ впослѣдствіи природныхъ, и страшный обычай убивать престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителей—указываютъ тоже на отсутствіе строгой подвластности и подчиненности домочадцевъ естественнымъ начальникамъ семейныхъ союзовъ.

Эти противорѣчія были до сихъ поръ камнемъ преткновенія для славянскихъ археологовъ, источникомъ самыхъ противоположныхъ мнѣній и самыхъ странныхъ ошибокъ. Каждый выбиралъ факты, которые ему больше нравились, казались ему правдоподобнѣе, естественнѣе, и умалчивалъ о другихъ или упорно ихъ отвергалъ. Образовались разныя воззрѣнія: одинъ утверждалъ одно, другой другое, оба съ равнымъ основаніемъ, опираясь на доказательства. Одни идеализировали древній славянскій бытъ въ хорошую сторону, другіе въ дурную, всѣ были согласны только въ отрицаніи того, что не подходило подъ ихъ систему. Однако искусныя натяжки, разныя ученыя уловки и хитрости не могли совсѣмъ затемнить дѣла, потому что факты не легко вычеркнуть изъ исторіи. Вопросъ о древнѣйшемъ славянскомъ бытѣ остался и до сихъ поръ нерѣшеннымъ, потому что ни одному изъ славянскихъ археологовъ не пришло въ голову обратить вниманіе на источникъ, причину противорѣчащихъ извѣстій. Это еще предстоитъ будущимъ славянскимъ ученымъ.

Тѣми же условіями опредѣлялось и положеніе женщины въ первобытной славянской семьѣ; но къ нимъ приводили еще другія. Многіе думаютъ, что женщина была тогда рабой: но что значитъ эта фраза? Юридическаго характера, уравнивающаго людей съ вещами, рабство не имѣло въ отдаленной древности, и мы видѣли, что дѣти не различались отъ рабокъ. Нельзя не сознаться, что опредѣлить и въ нѣсколькихъ словахъ выразить значеніе женщины въ древнѣйшемъ обществѣ чрезвычайно трудно. Оно имѣло столько разныхъ сторонъ и такъ измѣнялось по возрасту, положеніямъ, племенамъ, что не можетъ быть подведено подъ общее начало. Женщина покупалась и продавалась какъ товаръ: мужъ имѣлъ надъ женой такую же безусловную власть, право жизни и смерти, какъ надъ домочадцами; многоженство и конкубинатъ унижали ее, семейныя добродѣтели требовались отъ нея насильственно и строго охранялись членами семьи, такъ что онѣ очевидно болѣе интересовали семью, чѣмъ женщину, и заслуга ихъ соблюденія болѣе относилась къ первой, чѣмъ къ послѣдней. Наконецъ всюду, и преимущественно у славянъ, на замужнихъ женщинахъ лежали всѣ, даже самыя трудныя домашнія работы. Вотъ данныя, по которымъ, казалось бы, можно думать, что тогдашняя женщина не выходила изъ разряда прочихъ домочадцевъ, даже стояла ниже ихъ: мужской полъ имѣлъ многія преимущества передъ женскимъ: притомъ въ началѣ женщина не принадлежала къ роду, мужчины имѣли на ихъ судьбу и бытъ большое вліяніе. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ, что жена домовладыки, какую бы второстепенную роль она ни играла въ семьѣ, была однако матерью его сыновей, и уже по одному этому стояла выше остальныхъ домочадцевъ. Какъ мать, она естественно, по законамъ природы, не могла не пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны дѣтей; положимъ даже, что въ грубомъ,

неопредѣленномъ быту оно было слабо и часто нарушалось, особенно сыновьями пришедшими въ совершеннолѣтній возрастъ, все же оно было, и мы знаемъ, что у первобытныхъ народовъ привязанность и уваженіе сыновей къ матеряхъ очень сильны. Кромѣ того, рано появилось приданое, составлявшее отдѣльную собственность жены; также рано жена, по смерти мужа, становилась главою семьи, управляла домомъ и получала часть изъ мужнина имѣнія. Мнѣніе, что женскій полъ есть слабѣйшій, не вполнѣ оправдывается исторіей, и потому не можетъ быть принято за аксіому въ историческихъ изслѣдованіяхъ о женщинѣ. Напримѣръ, что значитъ сказаніе объ амазонкахъ? Его нельзя признать за чистый вымыселъ. Нѣкоторые замѣчаютъ даже именно у славянскаго племени какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужескимъ; притомъ изъ исторіи славянскаго народа мы знаемъ, что у однихъ племенъ женщины покупались и продавались, у другихъ, напротивъ, женщины добровольно вступали въ бракъ, даже выбирали себѣ женіховъ. Наконецъ у всѣхъ славянскихъ племенъ дѣвушки жили на волѣ, не работали и не знали тягостей домашней жизни.

Соображая эти рѣзкія противоположности, мы выводимъ изъ нихъ вотъ что: въ первоначальномъ быту, управляемомъ естественными, природными, а не нравственными законами, физіологическое назначеніе женщины быть женой, матерью, должно было выдаваться очень ярко и играть важную роль въ опредѣленіи общественнаго положенія женскаго пола. Но это назначеніе, какъ всѣ первобытныя отношенія, не было возведено въ общее, строго выдержанное и послѣдовательно проведенное начало. Сверхъ того, оно понималось грубо, слишкомъ матеріально, и потому не мѣшало обращаться съ женщиной какъ со всѣми прочими домочадцами. Вотъ источникъ противорѣчій, которыми наполнена жизнь первобытной женщины. Ея дѣвичество было приготовленіемъ къ браку, ожиданіемъ супружества. Дѣвушка, не вступившая въ бракъ, была, по тогдашнимъ понятіямъ, существомъ неполнымъ, не достигшимъ своего назначенія. Слѣды этихъ понятій удержались у насъ долго. Вышедши замужъ, она переходила въ полную власть супруга, становилась подчиненной ему наравнѣ съ прочими членами семьи [1]; но съ нимъ она не была равна: ея отношеніе къ домовладыкѣ и еще болѣе ея значеніе матери нѣкоторымъ изъ членовъ семьи, если не всѣхъ, дѣлали ея положеніе особеннымъ, исключительнымъ. По смерти мужа-домовладыки, роль ея измѣнялась. Она была послѣ него главою семьи, старшей, естественной властительницей своихъ дѣтей, и потому вступала въ его права. Въ юридически установленномъ обычаѣ развивается власть старшаго сына надъ матерью на основаніи юридическаго предположенія, что сынъ заступаетъ мѣсто умершаго отца, слѣдовательно пріобрѣтаетъ власть и надъ матерью; въ естественномъ быту это невозможно, потому что слишкомъ неестественно. Мать остается во всякомъ случаѣ матерью, по закону природы, и потому старшею надъ сыномъ. Это заставило нѣкоторыхъ думать, что у славянъ не было отческой власти, была родительская власть, другими словами, что власть надъ домомъ принадлежала не одному отцу-домовладыкѣ, а имѣетъ съ нимъ и его женѣ, матери семейства. Но такое мнѣніе несправедливо: мать сама была подвластной отцу, какъ и остальные домочадцы. Только смерть послѣдняго дѣлала ее господиномъ, при жизни домовладыки она пользовалась, какъ мы видѣли, особеннымъ, исключительнымъ положеніемъ, а не властью. Наконецъ жены домочадцевъ, кромѣ ближайшей власти мужей, стояли еще подъ господствомъ главы

---

[1]) Нѣкоторые думаютъ, что славянамъ была извѣстна опека надъ женщинами, и видятъ въ этомъ характеристическую, народную особенность славянскаго племени. Это мнѣніе и справедливо и нѣтъ. Оно справедливо въ томъ смыслѣ, что у славянъ власть мужа надъ женой дѣйствительно не развилась въ юридическую власть, и потому не переходила по смерти мужа къ другимъ лицамъ, т.-е родовое начало у насъ не формулировалось въ строгій, опредѣленный законъ, какъ, напримѣръ, въ римскомъ правѣ. Отсюда эта власть и не была у насъ проведена послѣдовательно. Но что она существовала, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: историческія свидѣтельства, весьма опредѣлительныя, не допускаютъ никакого сомнѣнія. Итакъ, мнимая особенность сводится къ общимъ законамъ развитія внутренняго быта всѣхъ племенъ и народовъ. Зная мы что-нибудь о древнемъ бытѣ римлянъ, пока они не установились юридически, мы вѣроятно нашли бы тоже, что и у насъ. Конечно, важное преимущество славянъ передъ римлянами и германцами состоитъ въ томъ, что нашъ бытъ началъ принимать опредѣленную форму гораздо позже времени христіанства, но это особенность исторіи, а не народнаго характера

семейства, которое не прекращалось со смертью первыхъ. Итакъ, общественное положеніе женщины въ первобытной семьѣ условливалось ея значеніемъ матери, жены, и измѣнялось по лицамъ, по членамъ семейства, по возрасту. Внѣ этихъ отношеній она была рабочницей, слугой, наравнѣ съ прочими, подлежащей самому полновластному, хотя и непререкаемому, произволу домовладыки.

Всего рѣшительнѣй, ярче высказывается первобытный взглядъ на женщину въ древнѣйшемъ бракѣ. Его естественная сторона очень развита, нравственная совершенно забыта. Женихъ покупалъ невѣсту или увозилъ ее насильно: всего чаще браки заключались по волѣ домовладыкъ, какъ договоръ купли и продажи: согласія будущихъ супруговъ не требовалось. Главное условіе брака— чистота невѣсты; главное въ бракѣ—соединеніе брачущихся. Взглядъ былъ самый матеріальный. Любимая невозможная тамъ, гдѣ личность женщины и личныя къ ней отношенія какъ къ человѣческому существу играютъ хоть какую-нибудь роль въ бракѣ—полигамія была нормальнымъ явленіемъ въ первобытномъ обществѣ; наконецъ бракъ и конкубинатъ не только существовали рядомъ, но даже почти не различались. Единственное ихъ различіе состояло, кажется, только въ томъ, что въ конкубинатѣ не было сожительства въ одномъ домѣ. Другихъ мы не знаемъ, да и подозрѣвать нельзя.

Вотъ начальная славянская семья. Изъ такихъ-то семей, сначала чуждыхъ другъ другу, сложилась древнѣйшая общественность этого народа. Самымъ естественнымъ ближайшимъ путемъ ея образованія было расположеніе семьи въ многочисленный родъ и племя. Важныя перемѣны во внутреннемъ быту, которыя мы показали въ своемъ мѣстѣ, сопровождали это постепенное расширеніе домашняго порядка въ племенной и общественный. Но такой путь не былъ единственнымъ. Былъ и другой, который условливался враждебными и мирными соприкосновеніями между собою чуждыхъ семей. Эти соприкосновенія, неизбѣжныя при сосѣдствѣ и сожительствѣ на одномъ пространствѣ, должны были породить съ одной стороны войны, грабежи, хищническіе набѣги и завоеванія, съ другой — договоры, миры и сдѣлки. Въ послѣднихъ, равно какъ и во внутреннихъ отношеніяхъ размножившихся семей, скрывались первые зачатки правильныхъ, гражданскихъ отношеній между посторонними, чужими, первобытнымъ. Постараемся поближе вглядѣться въ эти мирныя и договорныя отношенія.

Они были условныя, въ самомъ невещественномъ, грубомъ значеніи слова. Теперешнія внутреннія и общественныя отношенія не даютъ о нихъ ни малѣйшаго понятія. Теперь гражданскія сдѣлки и договоры происходятъ между людьми, уже связанными государственною жизнью или международнымъ правомъ въ одно цѣлое. Столѣтія утвердили эту связь; общіе интересы, общія условія бытія, образованіе, и вслѣдствіе того чувство законности, и сознаніе человѣческаго достоинства въ себѣ и другихъ, сильно ослабили, если не совершенно уничтожили, разобщенность, враждебность или чуждость людей другъ къ другу. Въ основаніи теперешней общественности лежитъ насажденное христіанствомъ нравственное начало уваженія, любви къ ближнему. Это начало поддерживается и развивается учрежденіями, администраціей, и предшествуетъ всякой частной сдѣлкѣ, всякому гражданскому договору, такъ что они—только ближайшее примѣненіе общаго начала союза, любви, единства къ тому или другому данному отношенію между извѣстными людьми, сообразно съ ихъ частными удобствами и пользами. Первобытное общежитіе не знаетъ этого начала ни въ его нравственной, ни въ юридической формѣ: въ немъ нѣтъ сознанія единства, нѣтъ установленій, которыя обезпечивали бы союзъ внѣшнимъ образомъ. Если поэтому первоначальныя взаимныя отношенія не представляютъ положительной враждебности между людьми, то они и не показываютъ положительнаго расположенія, довѣренности ихъ другъ къ другу: возможная до нѣкоторой степени внутри первобытныхъ семей, довѣренность была невозможна, какъ общее правило, въ сношеніяхъ между посторонними, чужими. Вотъ почему договоры, условія, сдѣлки имѣли тогда чрезвычайно важное значеніе. Не будучи основаны на общемъ государственномъ и гражданскомъ союзѣ между договаривающимися лицами, сдѣлки и договоры играли первостепенную, а не вторую роль, какъ теперь, и рѣшительно опредѣляли всѣ отношенія людей. Посмотрите пристально на первоначальный внѣ-семейный бытъ: онъ весь слагается съ одной стороны изъ насилій грубыхъ, физическихъ фактовъ, съ другой — изъ договоровъ, условій, сдѣлокъ. Этимъ обла-

пяется, почему судопроизводство въ отдаленной древности было такъ страшно дорого, и судьи продавали каждое свое дѣйствіе по процессу на вѣсъ золота; почему проценты съ должникомъ взимались непомѣрные, почему кредиторы были такъ неумолимы и жестоки.

При такомъ порядкѣ вещей миры—первыя договорныя общины—были важнымъ и многозначительнымъ явленіемъ въ древнемъ славянскомъ быту. Они представляютъ первый, хотя и грубый еще, зачатокъ гражданскихъ отношеній. Формы мировъ—чисто патріархальныя: видно, что они созданы народомъ, не знавшимъ никакого другого быта, кромѣ семейнаго, построеннаго на родственныхъ отношеніяхъ. Притомъ миръ — гражданское общежитіе, созданное на основаніи договоровъ и сдѣлокъ въ ихъ исключительномъ, первоначальномъ значеніи. Миры не выражали начало единства, союза между людьми: напротивъ, они вели ихъ къ гражданскому союзу. Это его первая, безсознательная, отчасти случайная форма. Разные выводы изъ этимологическаго тожества словъ *миръ*—община, *міръ*—вселенная, и *миръ*—согласіе, могутъ быть остроумны, но не ведутъ ни къ чему; это историческіе каламбуры, не болѣе. Вселенная названа нашими предками *міромъ* не потому, что они понимали назначеніе, послѣднюю цѣль человѣческаго рода; напротивъ, они на вселенную перенесли тѣ понятія, въ которыхъ воспитала ихъ ближайшая общественность; словомъ *миръ* они выражали прекращеніе войны, несогласій, безпрестанныхъ враждебныхъ отношеній, а не начало любви и единства.

Впрочемъ, при хаотическомъ безпорядкѣ и неустроенности всѣхъ отношеній, миры, не обезпеченные ни учрежденіями, ни общественной нравственностью, безпрестанно нарушались и не имѣли прочности. Несмотря на договоры, условія, довѣренность не могла родиться. Въ чемъ же искалъ обезпеченія первобытный человѣкъ? Что могло утвердить едва возникавшую гражданственность?

Вѣрованія. За недостаткомъ дѣйствительности онъ прибѣгнулъ къ вымыслу; бытовая религія обратила всѣ случайности и насилія, столько обыкновенныя и неизбѣжныя въ древнѣйшія времена, въ велѣнія боговъ, управляющихъ общежитіемъ. Этимъ положено первое прочное основаніе разумной и правильной общественности. Понятія о томъ, что было угодно и не угодно богамъ, измѣнялись вмѣстѣ съ бытомъ. Вотъ какимъ образомъ договоры и сдѣлки получили съ самаго начала религіозный характеръ. Языческіе боги принимали участіе въ ихъ заключеніи: ихъ нарушеніе было имъ непріятно; они рѣшали праведнымъ судомъ, правы или неправы сворящіе и ведущіе войну, и карали преступныхъ; общественныя дѣла міровъ, пиры подъ общимъ управленіемъ замиренныхъ враговъ и при отсутствіи правильной администраціи, тоже разрѣшались по внушеніямъ боговъ. Словомъ, все, чего не могъ собственными силами сдѣлать или устроить первобытный человѣкъ, онъ приписывалъ дѣятельности невидимыхъ, божественныхъ силъ.

Этимъ вполнѣ объясняется, почему древнѣйшій общественный бытъ славянъ такъ глубоко былъ проникнутъ языческими религіозными вѣрованіями, почему такъ тѣсно были связаны религіозное и общественное устройство. У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ они даже совпадали. Жрецы имѣли огромное вліяніе на общественныя дѣла, уважались иногда болѣе князей. Народныя собранія, договоры, суды совершались въ храмахъ или около храмовъ, съ участіемъ жрецовъ, потому что никакое дѣло, домашнее или народное, не предпринималось безъ совѣщанія съ богами, безъ испрошенія ихъ согласія. Наконецъ, народныя празднества, на которыя собирались цѣлыя общины и которыми скрѣплялся союзъ и миръ между ихъ членами, были чисто религіозные; они отправлялись около капищъ, оканчивались пирами и братчинами, съ шумнымъ веселіемъ. Нарушеніе однообразнаго, разобщеннаго быта семей языческими торжествами, съ которыми обыкновенно совпадали и всѣ общественныя дѣла, показываетъ, какое важное значеніе и вліяніе на поддержаніе и утвержденіе древней общественности имѣли языческія вѣрованія. Въ нихъ образовался первый оплотъ младенческой гражданственности противъ чистой случайности и дикаго произвола, первое обезпеченіе противъ наглаго нарушенія частныхъ отношеній и гражданскаго союза.

Вотъ главныя, характеристическія черты древнѣйшаго языческаго быта славянъ. Очевидно, онъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма низкую степень развитія, и если мы не называемъ ее прямо низшей, первой, то это потому только, что этотъ бытъ, какъ мы видѣли, измѣнился и постепенно двигался къ лучшему.

На такую-то грубую, полу-дикую почву пало христіанство и съ X вѣка стало единственно признаваемой религіей, господствующей наперекоръ язычеству. Христіанскіе храмы стали на мѣстѣ капищъ; Іисусъ Христосъ и его святые угодники вытѣснили языческихъ боговъ изъ народныхъ вѣрованій; вмѣсто жрецовъ явились служители алтарей, вмѣсто идолослуженія -безкровныя христіанскія жертвы и молитвы, вмѣсто языческихъ торжествъ — христіанскіе церковные праздники. Церковь получаетъ сильную власть и рѣшительное вліяніе на управленіе, необходимыя для перерожденія языческаго общества въ христіанское. Она борется проповѣдью любви и церковными наказаніями съ общественностью, дышащею еще недавно и слабо подавленной враждой и раздорами; подчиняется христіанскій бракъ, съ единоженствомъ и христіанскими началами семейныхъ отношеній. Съ тѣмъ вмѣстѣ византійскіе государственные и гражданскіе законы, и юридическія понятія, стоявшія несравненно выше нашихъ туземныхъ, постепенно проникаютъ къ намъ, дѣлаются идеаломъ русскаго внутренняго быта, и содѣйствуютъ церкви въ измѣненіи стараго языческаго порядка и установленіи новаго. Долго упорствовало язычество во всѣхъ своихъ видахъ. Наконецъ жизнь, исторія взяли свое. Языческій міръ сталъ преданіемъ, котораго стертые слѣды, отрывочныя и забытыя развалины сохранились еще, какъ памятникъ прошедшаго, въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и обрядахъ. Но съ каждымъ годомъ исчезаютъ и эти послѣдніе его остатки. Быстро идетъ дѣло разрушенія рядомъ съ созиданіемъ и возрастаніемъ началъ истинной гражданственности.

Послѣ этого бѣглаго очерка древняго русско-славянскаго быта обратимся снова къ книгѣ г. Терещенко. Послѣдніе шесть частей содержатъ важные, драгоцѣнные матеріалы не только для языческаго періода Россіи, но и для исторіи постепеннаго замѣненія языческихъ понятій и представленій христіанскими. Вся заслуга автора, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, состоитъ въ томъ, что онъ собралъ факты; обработка, самое расположеніе ихъ ложны, ошибочны, основаны на превратныхъ понятіяхъ о русской старинѣ. Поэтому мы не станемъ слѣдить за всѣми выводами и заключеніями г. Терещенки, какъ въ разборѣ первой части, гдѣ это было нужно; не станемъ держаться его плана, ни на чемъ не основаннаго. Воспользуемся фактами, которыми такъ изобильна книга, и укажемъ на рѣзкія, бросающіяся въ глаза ошибки автора, когда онѣ затемняютъ дѣло.

Прежде всего обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ изложены остатки языческихъ вѣрованій. Они, какъ и естественно, занимаютъ большую часть сочиненія. Выключивши изъ круга своихъ изслѣдованій пословицы и пѣсни, авторъ почти не имѣлъ повода говорить объ общественномъ и домашнемъ быту. Самое интересное о послѣднемъ собрано имъ въ отдѣлѣ свадебныхъ обрядовъ; есть кое-что въ главѣ о простонародныхъ играхъ, въ статьѣ о праздникахъ. Сравнительно, эти свѣдѣнія довольно скудны.

Самый богатый источникъ для изученія языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ суть простонародные праздники и соединенные съ ними обряды, повѣрья и преданія. Преслѣдованія церкви и время много ихъ измѣнили. Несмотря на то, въ нихъ еще можно разглядѣть слѣды древнихъ языческихъ торжествъ и богослуженія.

Главные простонародные праздники раздѣляются, по времени, на двѣ группы. Одни празднуются зимой, другіе лѣтомъ. Время первыхъ въ концѣ и началѣ нашего гражданскаго года; время вторыхъ въ концѣ мая и іюнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ постояннаго времени, другіе отправляются въ опредѣленные дни. Это разнообразіе происходитъ оттого, что почти всѣ народные праздники совпадаютъ съ церковными и сообразуются съ ихъ распорядкомъ. Было ли такъ и до введенія христіанства неизвѣстно; вѣроятно, что всѣ имѣли опредѣленное время, и что подвижность нѣкоторыхъ произошла вслѣдствіе уничтоженія языческихъ торжествъ и замѣны ихъ христіанскими, отчего первыя потеряли свою самостоятельность и слились съ послѣдними. Главные зимніе простонародные праздники суть: коледа, авсень, святки (субботки) и масляница; главные лѣтніе: купало, семикъ и троицынъ день (зеленыя святки). Разсматривая эти двѣ группы праздниковъ, нельзя не замѣтить между ними какого-то соотвѣтствія, соотношенія. Между отдѣльными торжествами есть даже аналогія и сходство. Это-то сходство невольно приводитъ къ мысли, что въ распредѣленіи праздниковъ, зимнихъ и лѣтнихъ, долженъ скрываться какой-нибудь общій законъ; они должны находиться въ связи съ какими-нибудь

постоянными важными измѣненіями въ природѣ и имъ соотвѣтствовать. Дѣйствительно, нетрудно замѣтить, что простонародные праздники группируются зимой около вступленія солнца въ знакъ козерога, лѣтомъ—около вступленія его въ знакъ рака. Поворотъ солнца на лѣто и его поворотъ на зиму—центры, около которыхъ вращался языческій богослужебный календарь нашихъ предковъ. Зная это и соображая время празднованій съ характеромъ торжествъ, можно уже составить себѣ приблизительное понятіе о главныхъ чертахъ древняго славянскаго язычества. Исходнымъ пунктомъ служили ему жизнь и смерть природы. Оживленіе, дѣятельность, развитіе ея силъ были жизнію; ихъ омертвѣніе, усыпленіе — смертью. Эти два начала, враждебныя, вѣчно борющіяся между собою, управляли міромъ и раздѣляли все существующее на два враждебныя царства, такъ что всѣ явленія, силы и предметы видимой природы были отнесены къ тому или другому. Все напоминало о нихъ, все къ нимъ сводилось. Въ суткахъ день и ночь, въ жизни человѣка — бодрствованіе и сонъ, жизнь и смерть, въ жизни природы — весна, лѣто, осень и зима безпрестанно представляли эти враждебныя начала и ихъ борьбу. Первое было благодѣтельнымъ, добрымъ началомъ; второе—вреднымъ, злымъ, потому что оно представлялось не только какъ отрицаніе перваго, но какъ самостоятельное, положительное само въ себѣ. Оно было не уничтоженіемъ, но измѣненіемъ, преобразованіемъ, метаморфозой живущаго, его особеннымъ, ненормальнымъ, сверхъестественнымъ способомъ существованія. Были ли оба эти начала олицетворены въ двухъ божествахъ, слѣдовательно сознаны, или славянское язычество ограничилось однимъ олицетвореніемъ атрибутовъ того и другого начала и не возвысилось до теоріи, сознанія дуализма, лежащаго въ его основаніи, трудно рѣшить. Послѣднее гораздо вѣроятнѣе, потому что въ разныхъ праздникахъ упоминаются все разныя божества. Притомъ, какъ мы уже сказали, славянское язычество очевидно не успѣло развиться до общихъ началъ и остановилось на первой степени грубаго антропоморфизма, на которой сознаніе невозможно.

Разсмотримъ праздники по группамъ, придерживаясь данныхъ, собранныхъ г. Терещенкой.

Зимніе представляютъ имѣетъ и встрѣчу весны и поклоненіе зимѣ. Замѣчательно, что первая предшествуетъ въ нихъ второму. Почему,—трудно рѣшить. Быть, можетъ, этотъ порядокъ условливался тѣмъ, что тогда наступалъ поворотъ солнца къ лѣту; быть можетъ и то, что древній порядокъ языческихъ праздниковъ измѣнился подъ вліяніемъ христіанства. Самое невѣроятное, что перемѣна произошла со введеніемъ гражданскаго времясчисленія, ибо оно далеко не такъ сильно отозвалось въ простонародномъ быту, какъ церковное. Въ заключеніе скажемъ, что христіанское отправленіе церковныхъ праздниковъ, по времени совпавшихъ съ древними до-христіанскими, такъ сильно измѣнило обряды послѣднихъ, такъ съ ними слилось и перемѣшалось, что почти невозможно провести между ними черту и указать, что относится къ старому, что къ новому.

Передъ Рождествомъ и въ рождественскіе дни праздновалась колядa, которая носитъ разныя названія у разныхъ славянскихъ племенъ.

Коляда, самый ранній весенній праздникъ. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: „Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи празднуютъ наканунѣ Р. Х. бѣдай. У нѣкоторыхъ задунайскихъ славянъ... въ тотъ вечеръ сожигаютъ истуканъ бѣдай. Поселяне отправляются въ лѣсъ рубить дубовые чурбаны называемые бадникомъ... Вносящіе бадникъ въ избу привѣтствуютъ... Ихъ осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ" (ч. VII, стр. 19 и 20). „Карпато-Россы совершаютъ наканунѣ Р. Х. Крачунъ, который у нихъ есть покровитель домашнихъ животныхъ и птицъ... Домашнія животныя у Карпато-Россовъ начинаютъ линять съ Р. Х. какъ въ Россіи, съ поворота солнца на лѣто, и это линянье извѣстно подъ именемъ искраканья... Когда начинаетъ смеркаться, тогда приступаютъ къ принятію крачуна. Отъ порога сѣни до главнаго стола, покрытаго полотномъ, устилаютъ дорогу чистой соломой. На столѣ ставятъ большую миску, наполненную домашними овощами и хлѣбнымъ зерномъ... Съ появленія звѣзды возвѣщаютъ шестіе крачуна... Двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный снопъ, и ставятъ его въ уголъ избы, прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски". Послѣ того поется пѣсня о томъ, какъ страшный волкъ пришелъ „подъ ломище", на которое влѣзла коза. „Пѣсня оканчивается изгнаніемъ волка въ горы, а

спасается" (Ib., стр. 20—23). Въ Гер-
ніи обычаи, имѣющіе тотъ же самый
ъ. Гость-полажайникъ, олицетворяющій
, „посыпаетъ избу зерновымъ хлѣбомъ".
къ-турбанъ изображаетъ зиму; пола-
къ разбиваетъ кочергой догорающія
ни бадняка. Разныя предзнаменованія
дущій урожай и изобиліе заключаются
ствіяхъ полажайника. Почти то же у
огорцевъ. „Въ Польшѣ, Галиціи, Чер-
ой Руси... коляда начинается накануѣ
ества Христова, послѣ солнечнаго за-
Того же вечера поселяне устилаютъ
ность избъ соломою или сѣномъ; но
ъ ставятъ снопы; подъ образомъ и на
сѣномъ покрытомъ, кладутъ предъ
мъ человѣкомъ головку чесноку, для
нія всѣхъ болѣзней. Въ нѣкоторыхъ
хъ кладутъ на столъ земледѣльческое
е отъ (?) плуга... Послѣ ужина выдер-
ятъ нѣсколько колосьевъ изъ сноповъ,
рожатъ ими на полетѣ. Хозяинъ пересчи-
отъ съ заботливостью: сколько полныхъ
олныхъ въ снопѣ колосьевъ, и по нимъ
казываетъ будущій урожай" (Ib., стр. 27
). „Въ другихъ мѣстахъ празднуютъ (де-
23) субботу, съ особой таинственностью.
нимъ животнымъ даютъ немного свя-
го, и съ большимъ раченіемъ затво-
ъ двери сараевъ, чтобы не проникали
здныя чары" (Ib., стр. 30). „Молодцы,
ные въ праздничное платье, водятъ за
, вечеру этого дня, чучело быка или
" (Ib., стр. 31). „Дарятъ яблоки" (Ib.,
3). „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной
точной полосы Россіи коляда назы-
я авсенемъ и таусенемъ, а въ Ма-
сіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ удержано древ-
азваніе; однако въ нѣкоторой части
я иногда она называется вечеромъ ко-
ъ или „вечеръ блокковъ", и вездѣ гото-
кутья изъ пшеничнаго зерна, и каша
ечневыхъ крупъ; по уваркѣ гадаютъ о
ѣмъ урожаѣ и неурожаѣ хлѣбовъ" (Ib.,
7). „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологод-
и Архангельской губерніи донынѣ при-
ваютъ изъ пшеничнаго тѣста различныя
ажевія животныхъ, какъ-то: овецъ, ко-
биковъ, разныхъ птицъ и пастуховъ"
„Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ
ъ накануѣ Рождества Христова въ
рубашкѣ дѣвушку, которая называется
ловъ. Въ пѣсни, которую поютъ при
, есть намекъ, что колядѣ приносили
въ жертву козла" (Ib., стр. 57). „Въ Россіи
и Малороссіи ходятъ мальчики по домамъ,
еще до обѣдни, поздравляютъ хозяевъ съ но-
вымъ годомъ. Въ это время обсѣваютъ ихъ
(т.-е. мальчики хозяевъ) ячменемъ, пшени-
цею и овсомъ" (Ib., 108). „Въ другихъ мѣ-
стахъ кормятъ посыпальнымъ зерномъ птицъ,
и по ихъ клеванію замѣчаютъ о будущемъ
урожаѣ" (Ib., стр. 109). „Обрядъ обсѣванья
сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточ-
ной Россіи... онъ именуется авсенемъ, овсе-
номъ, усенемъ, говсенемъ, бауценемъ,
баусенемъ и таусенемъ. Всѣ эти слова
суть испорченныя отъ мѣстнаго употребленія.
Нѣтъ сомнѣнія(?), что они означаютъ овесъ(?),
коимъ обыкновенно посыпаютъ въ то время,
и самое поздравленіе потому называется
овсеномъ... Ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ
изъ лукошка или рукавицы; зерно это соби-
раютъ для весенняго посѣва" (Ib., стр. 110).
„Овсень... употребляется часто вмѣсто ко-
ляды" (Ib., стр. 111). „Коляда... такъ иска-
жена народомъ, что она иногда поется на
Васильевъ вечеръ, какъ обыкновенная коляда,
а иногда замѣняетъ посыпальный обычай"
(Ib., стр. 116). И такъ, коляда и авсень со-
ставляли во времена язычества одинъ боль-
шой праздникъ. Въ одной колядной пѣснѣ
ихъ даже упоминаютъ вмѣстѣ: „коледа тау-
сень" (стр. 123)

Коляда была языческимъ божествомъ. Про-
тивъ этого г. Терещенко ратуетъ всѣми си-
лами. „Нѣкоторые изъ нашихъ писателей
думаютъ —говоритъ онъ—что русскіе языч-
ники славили коляду, бога торжествъ и мира,
и что въ Кіевѣ стоялъ ему кумиръ. Ни бога
мира и торжествъ, ни идола въ Кіевѣ ни-
когда не было" (Ib., стр. 12). А почему жъ
коляда воспѣвается? Почему есть ея чучелы,
люди одѣваются колядой? „Изъ вышеприво-
димыхъ пѣсней—продолжаетъ авторъ видно,
что коляда означала то подарокъ, то поздра-
вленіе, то славленіе" (Ib., стр. 33). Но какъ
не видитъ авторъ, что поздравляющіе, сла-
вящіе, дарящіе, въ лицахъ представляли ко-
ляду, приносили съ собой земные плоды, и
именно за то были принимаемы съ особенной
благосклонностью? Этого не замѣтилъ?

Поклоненіе враждебнымъ богамъ, олице-
творенiямъ смерти, сна, зимы, ночи, проис-
ходило въ святки и масленицу. Враждеб-
ныхъ боговъ не призывалъ первобытный че-
ловѣкъ; онъ старался ихъ умилостивить, смяг-
чить ихъ гнѣвъ, и потому называлъ имъ

покорность, приносилъ жертвы, совершалъ въ честь ихъ празднества. Эти празднества обыкновенно отправлялись ночью; необходимой ихъ принадлежностью были личины, маски, ибо на праздникахъ, посвященныхъ духамъ тьмы, первобытные язычники въ лицахъ представляли враждебныя силы, которыя сами были не что иное, какъ олицетворенное измѣненіе, сверхъестественный ненормальный видъ всего живого, существующаго.

Обожаніе враждебныхъ силъ оставило по себѣ гораздо менѣе слѣдовъ, чѣмъ поклоненіе дѣятельнымъ, живымъ силамъ природы. Причины этого должно искать, кажется, въ преслѣдованіяхъ церкви. Христіанство, не допускающее никакихъ сдѣлокъ между добромъ и зломъ, научившее міръ познавать побѣду перваго, ниложеніе второго, не могло равнодушно смотрѣть на поклоненіе духу тьмы. Оно было тѣмъ нетерпимѣе въ христіанствѣ, что въ народныхъ понятіяхъ дьяволъ и языческіе злые духи слились въ одно. Другая причина заключалась, можетъ быть, еще и въ томъ, что большая часть важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ бываетъ зимой или къ веснѣ, слѣдовательно, именно въ то время, когда язычники совершали обычныя поклоненія враждебнымъ богамъ; съ утвержденемъ христіанства эти поклоненія не могли не исчезнуть передъ церковными торжествами. Наконецъ безнравственность языческихъ вакханалій, обыкновенно происходившихъ въ одно время съ праздниками въ честь враждебныхъ боговъ и составлявшихъ необходимую принадлежность богослуженія, вызвали противъ себя всю строгость нашего духовенства, что также должно было не мало содѣйствовать искорененію этихъ праздниковъ.

„У скандинавскихъ и германскихъ племенъ—говоритъ г. Терещенко—отправлялись на Рождество Христово готскія игры, подъ другими названіями. Въ Саксоніи они извѣстны подъ именемъ Рупертовыхъ слугъ. Въ продолженіе 12 дней Рождества Христова они одѣвались въ звѣриныя шкуры, натирали лицо сажею, украшали голову рогами, во рту носили раскаленныя угля, и бѣгали по улицамъ съ крикомъ, пѣніемъ и плясками подъ музыку. Въ другихъ мѣстахъ проводили канунъ Рождества Христова въ чувственномъ пресыщеніи и пѣніи стыдливыхъ (вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: безстыдныхъ) пѣсенъ“ (ib., стр. 3). Такіе же обряды соблюдались и у насъ. Какъ мы сказали, они означали служеніе враждебнымъ, нечистымъ духамъ. „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣверо-восточной Россіи бьютъ... на Рождественскіе праздники свиней и пекутъ пироги: въ тотъ кабакъ окропляютъ водой, окуриваютъ и обрызгиваютъ огонь кровью, на которомъ обжигали его. Это дѣлаютъ въ томъ предположеніи, чтобы нечистая сила не хотѣла къ скотнымъ хлѣвамъ наканунѣ Рождества Христова и не портила бы ихъ домашній скотъ“ (ib., стр. 4). Ясно, что во времена язычества свинья приносилась въ умилостивительную жертву нечистой силѣ. „У насъ на Руси было непремѣннымъ кушаньемъ въ Рождество Христово начиненный поросенокъ, какъ изъ кабанья голова съ хрѣномъ“ (ib., 6). „Женщины не оставляютъ вечеромъ кудели на прилкахъ, чтобы дьяволъ не сѣлъ прясть вмѣсто нихъ. Такое повѣрье господствуетъ во всей западной Россіи, гдѣ еще думаютъ, что если не допрядутъ кудели, то она будетъ ходить за ними... Остаются ли витки на мотовилѣ, то не снимаютъ ихъ, а перерѣзываютъ“ (ib., стр. 6). „Изъ Стоглава извѣстно, что наканунѣ Рождества Христова и св. Крещенія мужчины и женщины сходились на ночное плещованье, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни“ (ib., стр. 38). „Иные по выходѣ изъ крещенской заутрени запрягаютъ сани, въ нихъ насаживаютъ ребятишекъ и съ ними скачутъ во весь духъ по деревнѣ. Причина этому та, чтобы уродился хорошій и долгій ленъ“ (ib., стр. 38). „На Рождество Христово не должно выпускать домашняго скота изъ хлѣвовъ, для безопасности отъ нечистой силы и знахарей“ (ib., стр. 39). „Древнее обыкновеніе бросаться въ прорубь воды (въ Крещенье) давно здѣсь (въ Петербургѣ) неизвѣстно, и тутъ живетъ оно въ одномъ воспоминаніи... Еще попыкѣ во многихъ мѣстахъ Россіи существуетъ это обыкновеніе“ (стр. 41). „Наканунѣ новаго года женщины Саратовской губерніи Хвалынскаго и Петровскаго уѣздовъ сносятъ огромныя омети (кучу) соломы, и зажигаютъ его посреди улицы. Горящій ометъ называется тогда костромою, которая окружается дѣвушками и ими величается“ (ib., стр. 116). „У литвиновъ... нынѣ наканунѣ коляды таскаютъ изъ селенія въ селеніе колодки, перескакиваютъ чрезъ нихъ и потомъ сожигаютъ при пѣніи и обрядахъ“ (ib., стр. 60). „У венгерскихъ

овъ ходитъ (колядовать) съ деревян-
ужемъ, который сжимается и раздви-
по произволу; пасть его красная, на
рона изъ позолоченой бумаги" (ib., стр.
Такъ, поклоненіе водѣ (впрочемъ, быть
, и даже вѣроятно, что это не покло-
водѣ, а почитаніе богоявленской воды,
тельно, не остатокъ язычества), огню,
сеніе кровныхъ жертвъ составляли при-
ность предрождественскихъ и рожде-
кихъ языческихъ праздниковъ".

тки, продолжающіяся отъ Рождества
ова до крещенскаго сочельника, по
автора, „происходя отъ глагола свя-
находятся въ тѣсной связи съ воспо-
емъ о рожденіи Спасителя міра" (ib.,
80). Но почему-жъ Духовъ день назы-
„зелеными святками"? Можетъ быть,
и правъ, отвергая (стр. 127) произ-
о святокъ отъ Святовида; но его до-
не лучше. Мы думаемъ, что названіе
окъ", присвоенное двумъ праздникамъ
у, зимнему и лѣтнему, показываетъ
обенную важность во время язычества.
етъ быть, ихъ сродство между собою,
бы то ни было, святки имѣли въ древ-
совсѣмъ не то значеніе, какое припи-
ть имъ г. Терещенко. Онъ увѣренъ, и
другихъ увѣрить, что „предметъ свя-
хъ забавъ... выражаетъ народное весе-
семейную жизнь въ гаданіяхъ и пере-
ніи" (стр. 132). Онъ и не подозрѣ-
что святки и святочные обряды были
мя язычества поклоненіемъ мрачнымъ
, враждебнымъ силамъ. Всѣ факты это
ваютъ: „въ Орловской губерніи осо-
опасаются чертей, и ихъ называютъ
святошными и святошами. Никто не
ночью поздно въ гости, и никто ни
не согласится ходить въ полночь, изъ
ія попасться въ руки чертей. Въ нѣ-
хъ мѣстахъ Россіи доселѣ думаютъ,
святочныя ночи бѣгаютъ черти" (ib.,
32). „Хари, личины или маски, упо-
вшіяся у насъ издревле, были преслѣ-
духовенствомъ" (стр. 133). Гаданья,
женья, святочныя игры и гулянья
составляли существенную принадлеж-
святокъ. Еслибъ авторъ вглядѣлся въ
начальное значеніе этихъ теперь не-
хъ предпровожденій времени, онъ уви-
бы въ нихъ несомнѣнные слѣды покло-
нечистымъ духамъ и вакханалій. Пере-
ваніе, напѣваніе личинъ было, какъ мы
замѣтили, принадлежностью всѣхъ языческихъ праздниковъ въ честь злыхъ духовъ; ибо они сами были не что иное, какъ олицетвореніе смерти, измѣненіе живыхъ существъ. Самъ г. Терещенко говоритъ, что всего чаще переряживались въ буку, медвѣдя, ягу-бабу, козу, плясуновъ, дорожныхъ, а эти образы представляли враждебное человѣку. У буки „лицо... было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обверпуты лохмотьями, руки изъ соломы, ноги толстыя и кривыя, тѣло обивалось чѣмъ-нибудь косматымъ, съ привѣшенными бубенчиками; во рту онъ держалъ раскаленныя уголья, изъ онаго выпускалъ онъ дымъ" (ib., стр. 162). Но вѣдь это образъ дьявола! Курящаго табакъ сравнивали съ дьяволомъ, издыхающимъ огонь, и потому-то церковью запрещалось курить. Слѣдовательно, забаннаго въ образѣ буки ничего не было, хотъ г. Терещенко и находитъ его забавнымъ. Коза сопровождала буку; ужъ одно это заставляетъ думать, что она не была символомъ благодѣтельной силы. Потомъ яга-баба „въ ступѣ, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой слѣдъ и правила костылемъ. Зубы имѣла она черные, и открытое лицо, старое, морщиноватое, дѣлала загадки и сама отгадывала" (ib., стр. 162). Яга-баба тоже не благодѣтельное существо. Весьма замѣчательны ея загадки: онѣ аллегоріи, иносказанія, и совершенно естественны въ устахъ существа, принадлежащаго къ царству смерти; ибо смерть, по понятіямъ язычниковъ, то же существованіе въ иномъ образѣ. Плясуны едва ли принадлежали къ личинамъ язычниковъ; но они совершенно подходятъ подъ общій тонъ масокъ: извѣстно, что плясуны, фигляры, какъ и актеры, по прежнимъ понятіямъ, чтили дьявола. Наконецъ дорожные, притѣжіе — обыкновенно сваты; мы увидимъ доказательства этому въ разборѣ второй части „Быта русскаго народа". Итакъ, вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ маскарадъ; къ нимъ присоединялась еще смерть: „иногда въ веселый кругъ является смерть, одѣтая въ саванъ; голова ея покрыта наметкою, глаза и носъ красные изъ свеклы, огромные клыки изъ рѣдьки. Въ лѣвой рукѣ она держитъ свѣчу со свитокъ бумаги, или чашу съ зажженной водкой, а въ правой деревянную косу" (ib., стр. 187). Если прибавимъ къ этому, что въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ святки назывались кудесами, а наряженные — кудесниками

(ib., стр. 195 и 224), что „въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губерніи святочные вечера носятъ названіе субботокъ" (ib., стр. 224). — то окончательно увѣримся, что святки имѣли прежде не то значеніе, какое имѣютъ теперь: ибо съ словомъ кудесникъ соединяется понятіе волшебника, чародѣя, а названіе субботокъ слишкомъ напоминаетъ шабаши, справляемые, по преданіямъ, вѣдьмами на Лысой горѣ. Что субботки имѣли много общаго съ шабашемъ, видно изъ того, какъ онѣ праздновались въ Псковской губерніи. „Имя раскоряжается извѣстная безпорочною жизнью вдова... Вечеръ проводили въ пѣни и гадани... Мужчины прежде не имѣли права участвовать въ субботкахъ, но время измѣнило обрядъ... невѣсты и женскій полъ соблюдаютъ строгое благочиніе" (ib., стр. 225). Въ обрядѣ опахиванья полей, во время скотскаго падежа, соблюдалось тоже самое: соху везетъ вдова; мужчины не принимаютъ участія въ обрядѣ и подвергаются опасности, если встрѣтятъ процессію. „Во Франціи, говоритъ самъ же г. Терещенко,—простой народъ вѣритъ, что маски суть покрывало дьяволовъ. Такъ и у насъ, прибавляетъ онъ, — нѣкоторые изъ простолюдиновъ думаютъ". Далѣе: „въ прежнія времена маскированные корчили изъ себя демоновъ и страшилищъ, наряжались волками, лягушками, быками и т. п. Женщины переряживались въ мужскія, а мужчины въ женскія платья, бѣгали по городу съ зажженными факелами, били въ бубны, кричали и ревѣли голосами разныхъ животныхъ... Нашъ простой народъ донынѣ думаетъ, что со дня Рождества Христова до Богоявленія посѣщаютъ дома ихъ дѣвицы, подъ образомъ оборотней, вулкулакъ, букъ, и хватаютъ маленькихъ дѣтей. Есть еще мнѣніе: кто во время святокъ наряжался чортомъ, особенно если кто надѣвалъ на себя рожу (маску), тотъ страшный грѣшникъ, и грѣхъ не иначе можетъ быть смытъ, какъ только рѣшимостью окунуться три раза въ крещенскомъ прорубѣ" (стр. 295, 296).

Вотъ о переряживаніи. Теперь нѣсколько словъ о ночныхъ святочныхъ забавахъ и играхъ. „Наканунѣ Рождества Христова, Василія Великаго, Богоявленія и св. Іоанна мужчины и женщины сходились ночью, пѣли, играли, плясали... Въ утро великаго четверга... живые пророки бѣгали изъ села въ село—нагіе, босые, съ распущенными волосами, тряслись, падали на землю и бласловили о небесныхъ видѣніяхъ; скоморохи шатались по деревнямъ; мужчины и женщины мылись по какому-то обряду, въ одной банлхъ", и дѣлались другія безчинства (стр. 299 и 300). „Изъ наряжавшихся по наибольшимъ безчинствамъ извѣстны новгородскіе окрутники. На святочныхъ вечерахъ и на масляницѣ нарушали они всякое благочиніе и приличіе: буйство и чувственное наслажденіе увлекали ихъ" (ib., стр. 300). Слово патріарха Іоакима о святочныхъ забавахъ въ концѣ XVII вѣка свидѣтельствуютъ тоже самое: онѣ были не что иное, какъ остатки языческихъ вакханалій. Конечно, теперь не то. Теперь въ томъ же Новгородѣ, переряженные „со второго дня Рождества Христова до крещенія ходятъ въ тѣ дома, гдѣ увидятъ на окнахъ свѣчи, тѣшатъ хозяевъ пѣснями и шутовскими представленіями. Въ Тихвинѣ... украшаютъ разноцвѣтными знаменами лодку, кладутъ ее на нѣсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкѣ, въ разнообразныхъ одеждахъ и личинахъ, сидятъ окрутники: они поютъ и играютъ" (ib., стр. 304 и 305). Что такое святочныя игры, перенесенныя съ улицы въ комнату, смягченныя приличіемъ и христіанской нравственностью развалины прежнихъ вакханалій. Суженый, суженая—альфа и омега святочныхъ игръ; а мы знаемъ, что это могло значить въ отдаленныя времена язычества. Самъ г. Терещенко говоритъ, что святочныя пляски позволяютъ „нѣкоторыя вольности" (ib., стр. 180). Всѣ игры позволяютъ то же: напримѣръ, онѣ обыкновенно оканчиваются поцѣлуемъ. Наконецъ, гаданья святочныя состоятъ въ тѣсвѣйшей связи съ языческими нѣрованіями въ духовъ тьмы. Мы видѣли, что яга-баба предлагаетъ загадки. Замѣтимъ, что святочныя гаданья происходили ночью съ разными таинственными обрядами. Петухъ котораго крикъ прогонялъ нечистыхъ духовъ, является охранителемъ дѣвушки противъ нечистаго духа, когда онъ приметъ видъ суженаго, и чураніе ея не помогаетъ (стр. 227). Всѣ гаданья, -пытаніе невѣстино, которое открывается иносказательно, въ аллегоріяхъ, имѣютъ связь съ надѣваніемъ маски, и слѣдовательно съ поклоненіемъ божествамъ мрака, смерти. Въ гаданіяхъ, какъ замѣтно, входитъ и вызываніе нечистыхъ духовъ. Слѣды всего этого ясно видны во множествѣ гаданій, собранныхъ и описанныхъ

г. Терещенко весьма подробно (ч. VII, стр. 225—287).

Наконецъ масляница представляетъ какое-то странное смѣшеніе всѣхъ зимнихъ языческихъ празднествъ. Кажется, она по преимуществу была праздникомъ въ честь мертвыхъ: на это указываетъ употребленіе блиновъ, неразрывныхъ спутниковъ поминанія, и нѣкоторые обычаи: „по древнему обычаю— говоритъ г. Терещенко — нашъ народъ поминаетъ усопшихъ блинами: потому въ Тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею мѣстахъ первый испеченный блинъ кладется на слуховое окошко, въ томъ предположеніи, что души родственниковъ, знакомыхъ, особенно родителей невидимо съѣдаютъ его. Если онъ остается нетронутымъ, то думаютъ, что злые духи до него не допускаютъ: въ такомъ случаѣ прогоняютъ ихъ заклинаніями. Набожныя женщины, садясь за столъ, ѣдятъ первый блинъ за упокой усопшихъ, а слѣдующими блинами встрѣчаютъ масляницу" (ib. стр. 330). „Есть въ Россіи мѣстами обыкновеніе, что въ послѣдній день, прощаясь другъ съ другомъ, ходятъ просить отпущенія грѣховъ у своихъ священниковъ, и потомъ отправляются къ могиламъ родныхъ и знакомыхъ" (ib. стр. 346). Сверхъ того, масляница была, кажется, и праздникомъ злыхъ, враждебныхъ духовъ. На это тоже много указаній. „Въ Костромской губерніи... въ послѣдній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мужчинъ, съ соломенными на головѣ колпаками, верховая поѣздка, называемая обозъ. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются—это значитъ сожигать масляницу... По деревнямъ поютъ пѣсни, а вечеромъ мужчины и женщины, конецъ своего двора по пуку соломы, складываютъ все вмѣстѣ и зажигаютъ, что называется сжечь соломеннаго мужика" (ib. стр. 331). „Во Владимірской и частью Вятской губерніяхъ... возятъ на саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью лошадьми, наряженнаго мужика. Онъ сидитъ на колесѣ, утвержденномъ среди саней; въ рукахъ держитъ полуштофъ съ виномъ и калачи. Съ нимъ сидятъ наряженные мужиками, которые поютъ и играютъ. Почти такое же дѣйствіе происходитъ въ Симбирской, Саратовской, Пензенской и Нижегородской губерніяхъ. Сколотивъ вмѣстѣ нѣсколько дровень, застилаютъ ихъ досками, посрединѣ ставятъ толстое, высокое дерево съ воткнутымъ на верху его колесомъ; на этомъ колесѣ усаживается наряженный, который веселитъ народъ своими забавами и продѣлками. Потомъ возятъ по всѣмъ улицамъ сани съ деревомъ и лошадьми, наряженными въ разныхъ другихъ животныхъ; все нарочно на нихъ испещрено странными уборами. Многіе, вмѣсто масокъ, вымарчиваютъ лицо угольями и сажею, надѣваютъ на себя платье на выворотъ, или шкуры животныхъ съ рогами и скелетомъ головы: при шествіи скачутъ и поютъ. Вмѣсто музыки ударяютъ въ бубны и тазы. Шествіе это называется проводами честной масляницы; и обыкновенно случается въ прощеное воскресенье". Такой же почти обычай и въ Рязанской губерніи. Тамъ, послѣ проводовъ „вечеромъ сходятся на общую пирушку и гуляютъ до разсвѣта. Блины не сходятъ со стола въ продолженіе даже ночи". (ib., стр. 335 и 336). „По нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи было прежде въ обыкновеніи съ пѣснями носить по улицамъ чучело: толпа дѣтей сопровождала его крикомъ и бросала въ него снѣжные комки... Въ другихъ мѣстахъ возили на саняхъ масляницу—деревянное изображеніе женщины, съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ, и потомъ бросали въ воду, или сожигали за городомъ въ воскресенье" (ib., стр. 4 (3) 43 и 344). „Господствуетъ между суевѣріями еще предубѣжденіе, что кто хочетъ пріобрѣсть дешевою цѣною талисманъ, съ коимъ можно являться повсюду и пріобрѣтать все, что пожелаетъ душа, въ такомъ случаѣ надобно, въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, положить въ ротъ кусокъ сыра, во время полуночи, и держать его три дня сряду, не вынимая изо рта, и не дозволяя чертямъ отгрызаться до него... Многіе увѣряютъ, что для успѣха въ томъ впередъ надобно продать душу чорту" (ib. стр. 345). „Въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни разводить огня, ни зажигать свѣчъ" (ib. стр. 346). Въ чистый понедѣльникъ „во многихъ городахъ поутру собираются кучами ребятишки, идутъ толпою къ дому каждаго хозяина съ ухватами, кочергами, помелами, скородками и кричатъ: „мы масляницу прокатили, сыты вечера проиграли, мы рожественъ постъ проиграли" и т. д. (ib., стр. 348). Во всѣхъ этихъ обрядахъ и поѣздкахъ, относящихся къ масляницѣ, видны слѣды служенія злымъ духамъ. Къ этимъ же слѣдамъ должно отнести ночныя гуляніи и катанья, обычныя на ма-

сляницѣ (стр. 340, 342); въ Литвѣ ѣздятъ на необъѣзжанныхъ лошадяхъ (стр. 348); сюда же относятся переряживанье и маски (стр. 338). Что въ масляницу во времена язычества происходили вакханаліи, весьма вѣроятно изъ приведенныхъ фактовъ. Но есть еще одинъ, очень замѣчательный. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на масляницѣ „самыя дѣвушки надѣваютъ на голову повойники и кички" (ib., стр. 342). Наконецъ масляница есть, отчасти, и празднованіе весны. Въ Ярославской губерніи въ это время поютъ коляду (стр. 328). Въ Саратовской встрѣчаютъ масляницу подъ видомъ деревяннаго истукана съ веселыми пѣснями; но въ воскресенье вечеру истукана погребаютъ съ слѣдующими обрядами: „наряжаютъ старика въ черное рубище и, навязавъ на веревочку осколки битой посуды, подаютъ ему въ руку; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ" (стр. 332 и 333). Что значатъ эти встрѣчи и похороны? Ихъ можно толковать различно. Можетъ быть, масляница въ самомъ дѣлѣ олицетворена въ этомъ истуканѣ; можетъ быть, истуканъ, играющій роль масляницы, соединялъ въ себѣ олицетворенную весну, которую встрѣчали, и зиму, которую провожали. Такое смѣшеніе часто встрѣчается въ народныхъ обычаяхъ. Какъ бы то ни было, встрѣча совершается съ весенними обрядами, а проводы или похороны напоминаютъ торжества въ честь враждебныхъ силъ. Въ заключеніе замѣтимъ вообще, что въ празднованіи масляницы, обрядовъ, сопровождающихъ весенніе праздники, несравненно меньше, чѣмъ относящихся къ служенію злымъ духамъ и мертвымъ.

Весенніе и лѣтніе праздники, подобно зимнимъ, представляютъ обожаніе живительныхъ, благодѣтельныхъ силъ природы и поклоненіе злымъ духамъ. Слѣды перваго мы находимъ въ празднованіи красной горки, Семика, Троицына дня, ярилы и наконецъ купалы: слѣды второго очень замѣтны въ обрядахъ русальной недѣли.

У чеховъ и словаковъ весна встрѣчалась радостными пѣснями. У первыхъ, кажется, при этомъ выносилась изъ села чучела, которая называлась смертью и была олицетвореніемъ зимы, и приносилась другая, олицетворявшая наступающее лѣто (ч. V, стр. 6). Въ Малороссіи носятъ чучело марену, или мару, тоже олицетвореніе прошедшей зимы, или ласточку — образъ наступающаго лѣта. Веснянки, по мнѣнію русскихъ писателей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, — пѣсни появляющіеся весною, какъ зимнянки — зимой, осянки или осенянки — осенью (ib., стр. 8 и 9). Съ этимъ соединяется множество разныхъ повѣрій о цѣлебной силѣ перваго весенняго дождя, купанья въ опредѣленные дни, иногда въ весенніе праздники, о черпаньи воды весной съ особенными обрядами, разныя воззванія къ солнцу и т. д. Г. Терещенко собралъ о встрѣчѣ весны интересные факты. Не знаемъ только, почему онъ говоритъ, что „въ Польшѣ веснянки почти забыты, а въ Россіи малоизвѣстны" (ibid., стр. 8). Изъ его же словъ видно совершенно противное. Красная горка и вьюнишникъ (какъ справедливо замѣчаетъ авторъ отъ юный, юность, ib. стр. 16), оставляющіе, по мнѣнію однихъ, особенные праздники, и нераздѣльные, по мнѣнію другихъ, въ томъ числѣ и г. Терещенко, — не только представляютъ празднованіе весны, по кажется, даже и слѣды языческихъ вакханалій, которыя вездѣ и всегда происходили въ опредѣленное время, напоминая тѣмъ о когда-то бывшемъ чисто природномъ состояніи человѣка. Темное преданіе о немъ сохранилось въ поздравленіи молодыхъ, обычномъ на красную горку: въ хороводахъ, примѣтѣ, что „время красной горки почитается благопріятнѣйшимъ для свадьбъ" (ib., стр. 1 и). Красная горка называется мѣстами толищемъ (ib., стр. 17). Въ другихъ она празднуется „въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле сопровождается служеніемъ молебновъ, для предохраненія его отъ всѣхъ недуговъ, а потомъ радостными пѣснями и ночнымъ хожденіемъ около стадъ, въ томъ мнѣніи, что этимъ дѣйствіемъ прогоняется нечистая сила, которая въ то время бываетъ самая злая и чрезмѣрно портитъ скотъ" (ib. стр. 18).

Въ ярилѣ во времена язычества несомнѣнно обожали производительную, творящую силу природы. Праздникъ его, разумѣется, бывалъ въ началѣ нашего лѣта. Замѣчательно, что въ концѣ іюня ярилу хоронили съ плачемъ и рыданіями. Начало и конецъ жизни сопровождаются тоже обрядами, напоминающими язычество. Божество плодородія (если оно было) олицетворяется снопомъ, который одѣваютъ въ женское платье (названія снопа, именинникъ, кумушка, едва ли древнія,

и около него празднуютъ жатву, съ пѣснями, плясками и разными обрядами, очевидно старинными остатками язычества.

Семикъ и Троицынъ день — два праздника, очень сходны между собою, какъ зимніе Коледа и Авсень. Это, кажется, празднованіе окончанія весны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Троицынъ день справляются проводы весны. Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня „погребаютъ Кострому, а во Владимірѣ на Клязьмѣ погребаютъ въ это самое время Ладу“ (ч. VI, стр. 192). Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ Троицынъ и Духовъ день сопровождаются страннымъ обычаемъ. „Дѣвушки, одѣвшись въ простыя платья, сходятся на условленное мѣсто; тамъ, избравъ одну изъ своихъ подругъ, съ названіемъ Костромы, кладутъ ее на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду“ (ib., стр. 189). Кострома—символъ любви, наслажденій любовью, что до сихъ поръ сохранилось въ народныхъ поговоркахъ; ладъ, ладо—не „общепринятыя для обрядныхъ и хороводныхъ пѣсенъ окончанія“, какъ утверждаетъ г. Терещенко (ч. V, стр. 56, въ выноскахъ), а весьма опредѣленно значатъ мужъ, что видно изъ имъ же приведенныхъ пѣсенъ, напр.: Ищу ль я, ищу, ласкова ладу... добрый молодчикъ, будь моимъ ладой (ч. VI, стр. 166 и 167). (Тутъ ладъ очевидно означаетъ мужа, а не жену, какъ думаетъ г. Терещенко ib., въ выноскѣ) или: „да не быть рѣпю, съ тыномъ равну, да не быть ладу, супротивъ братцевъ моихъ (ч. IV, стр. 218). Похороны Лады самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что Ладо не только могло быть, но и дѣйствительно было языческимъ божествомъ, противъ чего г. Терещенко совершенно неосновательно споритъ съ гг. Снегиревымъ и Савельевымъ-Ростиславичемъ (ibidem). По тому смыслу, который имѣетъ въ нашихъ пѣсняхъ слово ладъ, кажется, Ладо было олицетвореніемъ любви и наслажденій. Множество фактовъ, относящихся къ простонародному празднованію Семика и Троицына дня, приводитъ къ этому заключенію. „Въ Московской, Владимірской и Рязанской губерніяхъ сгибаютъ молодыя плакучія березы, вьютъ изъ нихъ вѣнки и кумятся чрезъ нѣнки (цѣлуются)“ (ч. VI, стр. 151). Вѣнокъ—символъ дѣвичества. Это видно, напр., изъ пѣсни: „кому вѣнокъ износить? Носить вѣнокъ старому, старому вѣнокъ не сносить, мою молодость не сдержать“ (ib., стр. 171). Поэтому принѣвъ въ Семикъ, когда дѣвушки кумятся: „покумимся, кума, покумимся, чтобы намъ съ тобою не браниться, вѣчно дружиться“ (ib., стр. 151), не выражаетъ первоначальнаго смысла этого обряда; да и большая часть хороводныхъ пѣсенъ и припѣвовъ такъ: обороты древніе остались, а слова измѣнились. Далѣе, покумившись, онѣ „дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Во Владимірской губерніи ходятъ еще дѣвушки, поутру, съ пирогомъ на яйцахъ, собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, ѣдятъ пирогъ и яичницу. У волжскихъ жителей дѣвицы пекутъ козули,—лепешки на яйцахъ, въ видѣ вѣнка“ (ib., стр. 152). Въ другихъ мѣстахъ дѣйствующими лицами являются кумъ и кума; мужчины и дѣвушки ставятся посерединѣ хоровода (ib., стр. 153). „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ костромской губерніи... мѣняются при кумовствѣ кольцами и серьгами (очень можетъ быть, что такъ дѣлалось между дѣвушками и мужчинами. Еще доселѣ у насъ мужчины въ простомъ народѣ носятъ серьгу въ ухѣ). Въ Саратовской губерніи „по свитіи вѣнка каждая пара кумится. Это состоитъ въ томъ, что одна другой (дѣвушки) подаетъ сквозь вѣнокъ по яйцу; потомъ, обмѣнявшись ими, цѣлуются сквозь вѣнокъ. За этимъ приступаютъ къ выбору: которой изъ нихъ быть старшей кумою“ (ib., стр. 165). „Надобно замѣтить, что въ Троицынъ день дѣвушки спрашиваютъ у зозуль (кукушекъ), когда онѣ кукуютъ: долго ли имъ быть еще въ домѣ отца?“ (стр. 178). „На другой день недѣли (т.-е. авторъ хотѣлъ вѣроятно сказать: воскресенья), поутру рано, отправляются дѣвушки купаться. У каждой изъ нихъ на головѣ вѣнокъ, а въ рукѣ полынь. Съ ними онѣ входятъ въ рѣку и ныряютъ; вѣнки сплываютъ съ ихъ головъ; послѣ онѣ выходятъ на берегъ и слѣдятъ глазами за вѣнками. Чей вѣнокъ принесется водою первымъ къ берегу, та думаетъ, что она прежде всѣхъ своихъ подругъ выйдетъ замужъ, и т. д.“ (ib., стр. 180). Съ этимъ въ связи „существовало обыкновеніе, которое мѣстами отправляется понынѣ, что парень, задумавшій жениться, долженъ вытащить изъ воды вѣнокъ для той, которую проситъ за себя“ (ib., стр. 184). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, наканунѣ Троицына дня, „поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь ярилы“ (ib., стр. 187). „Въ Орловской губерніи пекутъ на Троицынъ день два ко-

ровая: это печенье называется моленіемъ коровамъ. Одинъ ѣдятъ за столомъ, а съ другимъ ходятъ дѣвушки въ рощу завивать вѣнки" (ib., стр. 192). Коровай, какъ извѣстно, игралъ большую роль на свадьбѣ. „Въ Семикъ и Троицынъ день разыгрываютъ, въ сѣверной части Россіи, хороводную игру жениха и невѣсты при завиваніи вѣниковъ" (ib., стр. 195). Эта игра „оканчивалась въ старину расплетеніемъ косы" (ib., стр. 196); расплетеніе косы — обрядъ свадебный. „Между суевѣрными предметами народъ сохранилъ на берегу р. Мечи, въ селѣ Козьемъ (около Тулы), кучу камней, расположенныхъ хороводнымъ кругомъ. Тамъ думаютъ, что этотъ кругъ состоялъ изъ хороводныхъ дѣвушекъ, которыя за неистовыя пляски на Троицынъ день превращены небеснымъ громомъ въ камни" (ib., 197). Впрочемъ мы никакъ не смѣемъ утверждать навѣрное, что въ Семикъ и Троицынъ день праздновались исключительно супружеская любовь и наслажденія. Очень можетъ быть, что Лado было олицетвореніемъ не только этой любви, но семейнаго согласія и пріязни вообще. На это есть даже указанія въ фактахъ, собранныхъ г. Терещенко. Во всякомъ случаѣ остается, кажется, внѣ всякаго сомнѣнія, что сначала Лель, Лado, было божествомъ любви въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; потомъ значеніе его могло расшириться, даже еще во времена язычества, и измѣнить сущность празднованія.

По нѣкоторымъ примѣтамъ можно думать, что Семикъ и Троицынъ день во времена язычества составляли одинъ и тотъ же праздникъ: Семикъ — начало, а Троицынъ день — конецъ. Замѣтимъ, что въ хороводныхъ пѣсняхъ оба не называются часто вмѣстѣ: „Семикъ да Троица" (ib., стр. 190, 191, 164), что въ Семикъ завлекали вѣнки, а въ Троицынъ день ихъ развивали (ib., стр. 166), что наконецъ въ Семикъ кумились, въ Троицынъ день раскумливались (ib., стр. 191).

Впрочемъ, эти праздники не были однимъ почитаніемъ Лады: въ нихъ праздновалась весна; и то и другое сливалось, по причинамъ весьма понятнымъ, въ естественномъ, природномъ состояніи человѣка. „Въ старину дѣвушки и пожилыя женщины сходились на окрестный блинъ. Киевъ лугъ и пили разныя сладострастныя пѣсни, или длинная толпа выходила изъ города и деревни съ зелеными въ рукахъ вѣтвями, и плыла около поставленнаго въ водѣ истукана, который украшался цвѣтами полевыми, сучьями зе[лен]ыми деревьевъ и разноцвѣтными лоскутьями" (ib., стр. 141). „Изъ пѣсенъ и обычаевъ [ви]дно, что въ Семикъ производились гадан[ія] рѣкѣ и колодезю: дѣвки тамъ вопрос[ы]вали глаза водою, чтобы они не бо[ле]бросали туда мелкую монету" (ibid.). Въ Россіи, въ Семикъ, „обставляютъ храмы, [и] дома и покои молодыми кленовыми дер[ев]ца[ми], иногда липовыми и березовыми. Внутре[нн]комнатъ посыпаютъ травою и цвѣтам[и]. Велико-Россіи такой же обычай" (ib., стр. 146). „Дѣвушки бросаются толпою въ [ре]камъ, плетутъ вѣнки, перевиваютъ ихъ [ле]тою, и несутъ березку домой, съ пѣ[сня]ми" (ib., стр. 156). „Въ Тульской губерніи [на]ваютъ кумою семицкую березу" (стр. [1]). Въ другомъ мѣстѣ: „Въ Троицынъ де[нь] ряжаются дѣвушки, поутру рано, въ [но]сарафаны, и потомъ отправляются вм[ѣ]ту рощу, гдѣ завивали въ Семикъ вѣ[нки], рутъ съ собой березку, украшаютъ [ее] тами и приносятъ съ пѣснями въ изб[у], ими для празднованія избу" (ib., стр. 18[9]). нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской губер[ніи] ваютъ березку въ пестрое платье, и [по]ее въ клѣть до Троицына дня. Это [де]изъ березки называется гостейкою. В[ъ] цынъ день послѣ обѣдни выносятъ д[ѣ]съ парнями гостейку за селеніе, ла[ютъ] въ рощѣ вѣнки и пляшутъ около [ея]" (ib., стр. 192). Въ Воронежской губерн[іи] праздника строили шалашъ за городом[ъ], рали его вѣниками, цвѣтами и душист[ою] лью: внутри его ставили чучело, о[дѣ]богатое платье, мужское или женское, [въ] шалаша толпились люди обоего пол[а], кладывали на заставленныхъ скатертью [ст]или на землѣ нарочно приготовлен[ныя] шанье и ставили разнаго рода напитки: пиво, варенуху и водку, садились и у[го]цугъ друга. Затѣмъ начинали пѣть [и] сать около шатра" (ib., стр. 194). „И[ду]шли ходили въ священныя рощи с[ъ] кору съ деревьевъ, березы, липы и [ве]прикладывали ее къ ранамъ. Добывал[и] изъ священныхъ деревьевъ помощью [ко]хранили его дома. Другіе брали кусоч[ки] тлѣвшаго дерева, или щепочку с[ъ] люль[ки], рели у себя, думая предохранить[ся] [от] раны" (ib., стр. 197).

Съ празднованіемъ церковью памяти [Ио]Крестителя св. Аѳронимы и св. апо[стол]Петра и Павла совпало древнее яз[ы]

ство, котораго слѣды удержались до
оръ. Какое божество праздновалось въ
мл—неизвѣстно. Въ народныхъ обря-
пѣсняхъ на эти дни упоминаются
ь, коледа. Самое время празднованія
ется во многихъ мѣстахъ соботкой и
ой (часть V, страница 54), что на-
ѣтъ вмѣстѣ и святки, носившія мѣ-
ваніе субботокъ и шабаша. Изъ
естественно возникаетъ вопросъ: не
и праздникъ купалы установленъ въ
враждебныхъ боговъ? Многія причины
ютъ съ перваго взгляда такъ думать.
ыхъ, праздникъ купалы имѣлъ непо-
ственное отношеніе къ повороту солнца
у. „Почти во всей Европѣ говоритъ
ещенко—празднуется Иванъ Купало, и
падаетъ съ лѣтнимъ (солнцестояніемъ"
. 53). „Въ Силезіи Ивановскій огонь
ъ ниже) называютъ огненнымъ пово-
солнца" (ib., стр. 67). „У Сербовъ
ствуетъ мнѣніе, что въ Иванов день
останавливается три раза на своемъ
" (ib., стр. 54). „Въ Иванов день
по мнѣнію людей, выѣзжаетъ изъ
чертога на трехъ коняхъ: серебря-
золотомъ и бриллантовомъ къ своему
мѣсяцу; въ пріѣздъ свой пляшетъ
и разсыпаетъ по небу огненныя искры,
могутъ видѣть только при его вос-
(ib., стр. 75). Оттого во многихъ мѣ-
сохранился обычай наканунѣ Иванова
ютрока дня ожидать солнечнаго вос-
(стр. 78). Во-вторыхъ, въ тѣсной связи
ми поверьями находятся другія, пред-
щія ночь наканунѣ купалы страшной,
венной, въ которую нечистыя силы со-
ютъ заговоръ противъ людей и до-
хъ животныхъ. „Наканунѣ субботки или
Купалы—говоритъ авторъ—не выпу-
земледѣльцы въ поле своихъ коней,
ъ мнѣніи, чтобы вѣдьмы не ѣздили на
въ Кіевъ на Лысую гору, гдѣ въ то
бываетъ ихъ сборище" (ib., стр. 75).
ская ночь почитается въ Малороссіи
ой ночью. Тамъ думаютъ, что въ это
хаты и скотные загоны посѣщаются
ми и вукулаками (оборотнями). Для
денія ихъ посѣщенія раскладываютъ
камъ, порогамъ и стойламъ жгучую кра-
ли напоротникъ. Одинъ яги-бабы, кол-
и кіевскія вѣдьмы, которыя собираютъ-
да во множествѣ, летаютъ на помелѣ
сую гору или чортово беремище, на-
ходящееся подъ Кіевомъ, гдѣ онѣ совѣтуют-
ся на пагубу людей и животныхъ" (ib., стр.
87). „Простой народъ въ Литвѣ вѣритъ, что
въ ночь предъ Ивановымъ днемъ, вѣдьмы
высасываютъ молоко у коровъ" (стр. 74, 81
и 73). Кромѣ этихъ данныхъ есть извѣстія
о празднованіи Купалиной ночи у поляковъ
и русскихъ въ XVI вѣкѣ; изъ нихъ видно,
что она, кажется, была посвящена злымъ ду-
хамъ (стр. 58, 59 и 70). Въ Силезіи „предъ
днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, тан-
цуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и по-
чести дьяволу" (?) (стр. 67). „Ночь купалы
исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чаро-
дѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что по-
верхность рѣкъ бываетъ тогда подернута
серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ
съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей
разговариваютъ между собою" (стр. 79). Въ
томъ же мнѣніи, т.-е. что Ивановская ночь
была посвящена злымъ духамъ, повидимому
утверждаетъ нѣкоторое сходство этой ночи
съ святочными. Напр., въ древности въ эту
ночь тоже происходили вакханаліи. Польскій
ботаникъ Мартинъ говоритъ, что „въ день
св. Іоанна никого не бывало въ церкви, по-
тому что все проводило собутки съ бѣсами,
со всякимъ безчинствомъ... Пѣли сатаниче-
скія пѣсни, скакали" (стр. 59). Игуменъ Пан-
филъ писалъ псковичамъ: „егда бо прійдетъ
праздникъ во святую нощь, мало не весь
градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся:
въ бубни и въ сопели и гуденіемъ струн-
нымъ, плесканіемъ, и плясаніемъ: женамъ же
и дѣвамъ и главами киваніемъ и устнами
ихъ непрязненъ кликъ, вся скверные пѣсни,
и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ ска-
кание и топтаніе; туже есть мужемъ и отро-
комъ великое падение; туже и женское и дѣ-
вичье шептаніе, блудное имъ воззрѣніе, и
женамъ мужатымъ осквернение и дѣвамъ рас-
тлѣніе" (стр. 70). То же находимъ въ Сто-
главѣ. На такое происхожденіе Ивановской
ночи есть намеки и въ теперешнихъ обы-
чаяхъ. Славяне приносили жертву купалѣ.
Потомъ, юноши, дѣвицы, мужчины и женщины...
раскладывали огонь, плясали около него,
взявшись за руки и пѣли пѣсни при пере-
прыгиваніи. Въ день Петра и Павла стано-
вили качели, съ тѣми же обрядами; качал-
ись, пѣли, плясали и скакали на доскахъ
(ib., стр. 73 и 74). Качели запрещались ду-
ховенствомъ. Далѣе: „Въ Витебской губер-
ніи наканунѣ Иванова дня... молодыя дѣ-

вушки надѣваютъ на голову вѣнокъ" (стр. 79), т.-е. женскій головной уборъ. „Въ иныхъ мѣстахъ молодые обоего пола купаются въ рѣкахъ предъ закатомъ солнца. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ. Дѣвушки и мужчины, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. Если при скаканіи не разойдется пара, то явная примѣта, что она соединится бракомъ" (стр. 83). Но всѣ соображенія, что ночь наканунѣ купала была посвящена злымъ духамъ, разрушаются тѣмъ, что въ обряды той ночи не входили переряживанье и гаданія. Правда, г. Терещенко упоминаетъ о гаданіи дѣвушекъ вѣнками (стр. 59), о гадательныхъ пѣсняхъ и примѣтахъ (ibid.); но такія гаданья и примѣты сопровождали всѣ языческія празднества и ничего не доказываютъ; притомъ, какъ видно, они даже не играли большой роли въ Ивановъ день. Что же такое было предметомъ поклоненія на праздникѣ купалы? Это трудно рѣшить: ихъ столько, и столько разнообразныхъ обрядовъ соблюдается въ этотъ праздникъ, что всякое соображеніе теряется. Во-первыхъ, однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ поклоненія былъ огонь. Его доставали посредствомъ тренія досокъ (стр. 59 и 67). Въ Далмаціи этотъ огонь поддерживали дѣти: они наблюдаютъ, чтобы онъ не погасъ (ib., стр. 66). Называется онъ огненнымъ поворотомъ солнца (?), въ Новгородской губерніи—живымъ, лѣснымъ, царь-огонь, лекарственнымъ (ib., стр. 71). У германцевъ Ивановскій огонь былъ очистительный, предохранялъ отъ заразы и болѣзней и умилостивлялъ тѣни усопшихъ (стр. 57). Въ Польшѣ и Галиціи есть повѣрье, что онъ исцѣляетъ головныя боли (стр. 60); у насъ думаютъ, что онъ не даетъ злымъ духамъ доить молоко и предохраняетъ стада отъ лѣшихъ (стр. 73). Наконецъ древніе чехи приносили въ жертву дѣтей (стр. 61), а силезяне, теперь, богородицкую траву (стр. 67). Ивановскіе огни разводятся ночью въ поляхъ, лѣсахъ, близъ рѣкъ. Около нихъ собираются мужчины и женщины, старые и молодые, поютъ пѣсни, пляшутъ и перепрыгиваютъ чрезъ него, иногда босыми ногами. „Скаканіе (черезъ огонь) имѣетъ свое особое значеніе. У иныхъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней: у другихъ, когда высоко скачутъ, предзнаменовываютъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь на лошади, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить [illegible] колдуновъ" (стр. 524. Очевидно онъ былъ предметомъ поклоненія и имѣлъ священное значеніе (стр. 58, 59, 57, 71 [illegible] 80 и 81). —Такое же почти значеніе имѣетъ и съ этого дня вода. Это [illegible] ваетъ воспѣваніе купалы, которая [illegible] ся въ Ивановъ день, подъ видомъ [illegible] „На Подолѣ и Волыни дѣвицы сходятся [illegible] то мѣсто, гдѣ поставлена убранная вѣнками и цвѣтами верба, называемая купалой, [illegible] ходя вокругъ нея поютъ печальныя [illegible] ни" (стр. 74). „Въ Бѣлоруссіи вбиваютъ [illegible] канунѣ Ивана, по солнечномъ заходѣ, [illegible] въ землю: обкладываютъ его соломою и [illegible] поплемъ, а на самый верхъ кладутъ [illegible] соломы, называемый Купало" (стр. 76). [illegible] Малороссіи „одна изъ дѣвушекъ беретъ [illegible] менную, одѣтую въ женское шестое платье куклу, ставитъ ее подъ дерево; другія дѣвушки убираютъ ея голову лентами, очипкомъ и украшаютъ шею монистомъ. Это чучело называется купалою" (стр. 80). Несмотря на столь очевидные слѣды обожанія имени Купала, г. Терещенко утвердительно говоритъ, что „въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ нѣкоторые считаютъ его богомъ земныхъ плодовъ... Таковое ошибочное (?) мнѣніе ввелъ Гизель въ своемъ Синопсисѣ: ему послѣдовалъ св. Дмитрій Ростовскій" (стр. 55 и выноска 2). Другія повѣрья доказываютъ тоже священное значеніе воды въ этотъ праздникъ, и какъ будто ея обожаніе. Въ Сербіи „нѣкогда купали истукана въ водѣ и обливали его водой" (ib., стр. 5[illegible]. Купанья, начинавшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ Аграфенина дня, составляли необходимый религіозный обрядъ этого праздника. „Около старой Ладоги производится купанье при огнѣ, раскладываемомъ на горѣ Поддубицѣ" (ib., стр. 71). Изъ Стоглава это видно еще яснѣе: „О Иванѣ днѣ и въ напечерыя Р. Х. и Крещенія сходятся мужи, жены и дѣвицы на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе, и бываетъ отрокамъ осквернение и дѣвамъ растлѣніе... и егда ночь мимоходитъ, отходятъ къ рѣкѣ съ великіемъ кричаніемъ и умываются водою" (стр. 71, выноска 1, стр. 83). Вода считается въ эти дни цѣлебною (стр. 71). Наконецъ во многихъ мѣстахъ умываются въ Купалинъ день росою (стр. 71), думая, что она придаетъ свѣжесть лицу и здоровье (стр. 60 и 73); въ Литвѣ Купалинъ день даже называет-

сово (стр. 71).—Растеніе—третій предмет поклоненія въ Ивановъ день. Люнебургцы приносили въ жертву священному у пѣтуха (стр. 68). „У дравскихъ вен въ высокомъ почитаніи деревья вѣнеч (березовое) и пѣтушиное (Hahnbaum). ное употребляется женщинами въ Ива день. Онѣ одни только могутъ его ру возить и ставить въ землю. Всякая ина, какъ бы она ни была дряхла, могущая ходить на костыль, отправ смотрѣть, гдѣ будутъ ставить дерево. рубятъ наканунѣ праздника, снимаютъ его всѣ вѣтки, оставивъ одну только шку на подобіе вѣнка. Въ Ивановъ берутъ женщины телѣгу, сами въ нее ются вмѣсто лошадей... и отправляют рощу. Молодыя и здоровыя женщины возлѣ телѣги, поютъ и веселятся, а атери везутъ... Новое дерево становит и торжественномъ восклицаніи: оно увѣ ется вѣнками и цвѣтами... Обычай ста ь дерево совершается ежегодно съ осо почитаніемъ" (ib., стр. 68 и 69). Въ ностяхъ Петербурга ижоряне, во вре Петра Великаго, приносили въ жертву бѣлаго пѣтуха (стр. 73). На поклоне ревьямъ въ Ивановъ день указываютъ цѣни и почести вербѣ, называемой ой (стр. 74). Кромѣ деревьевъ, травы ы были во времена язычества тоже етомъ обожанія въ Купалинъ день. Ихъ сили въ жертву (стр. 58); сила ихъ цѣлебна (стр. 60), предохраняла про нечистыхъ духовъ (стр. 81 и 87), не й и болѣзней (стр. 67), вообще имѣла йственную силу (стр. 59). Оттого травы ались на Ивановъ день съ особенными ами (стр. 60); это было необходимымъ емъ въ Купалинъ день (стр. 74 и 75). равъ плелись вѣнки; травами и цвѣта крались боги и люди въ этотъ празд Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли особенную и таинственное значеніе (стр. 59). У рещенки есть цѣлый имъ списокъ и ие (стр. 87—95). Можетъ быть, по именно и сожигались травы и расте ь Купалинъ день съ торжественными ами. У сербовъ зажигаютъ „факелы и ту, и обходятъ съ ними хлѣва и пас потомъ идутъ на горы, и сожигаютъ ласкахъ факелы и бересту" (стр. 54). къ же „пастухи, наканунѣ Иванова дня, около хлѣвовъ березовыя и черешне выя лыки (стр. 58). Можетъ быть, сожженіемъ лыкъ объясняется слѣдующій странный обычай въ Литвѣ: „въ день Купалы складываютъ костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ и лубяныхъ вещей и зажигаютъ ихъ; скачутъ и поютъ... Послѣ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель" (стр. 75). Въ Далмаціи за десять дней до Иванова дня „толпа поселянъ складываетъ можжевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаетъ ее, сопровождая танцами и пѣснями" (стр. 66). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи „въ день св. Агриппины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія, клали въ купу и скакали чрезъ нихъ" (стр. 72).

Всѣ эти данныя заставляютъ думать, что праздникъ купалы былъ празднованіемъ лѣта и живительныхъ силъ природы, такъ благодатно развивающихся и дѣйствующихъ лѣтомъ. Іюнь—апогея лѣта. Но эта высшая точка раскрытія силъ природы наступаетъ именно въ то время, когда солнце переходитъ въ знакъ рака, поворачиваетъ къ зимѣ. Отсюда таинственность Ивановской ночи: повѣрья о заговорѣ враждебныхъ силъ, шабашѣ вѣдьмъ, свирѣпости русаловъ, лѣшихъ, домовыхъ и проч. Это предчувствіе упадка лѣта. Но оно еще въ полномъ цвѣтѣ. Враждебныя силы не властны надъ нимъ. Оттого въ этотъ праздникъ сожигаютъ или бросаютъ въ воду марену, дерево смерти (стр. 79, 81, 83). Нѣкоторыя отступленія отъ этого обычая: сожиганіе коляды (стр. 66), обрываніе купайлы у дѣвушекъ парнями (стр. 71), наконецъ общее чествованіе марены и купалы (стр. 80—82) показываютъ только, что прежніе обычаи спутались въ понятіяхъ, и относящееся къ одному перенесено на другое.

Вообще видно, что Купалинъ праздникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ языческихъ праздниковъ. Это и понятно: въ естественной религіи, гдѣ силы и явленія природы —единственный предметъ поклоненія, лѣто должно было быть предметомъ особеннаго обожанія. Напрасно спрашиваетъ г. Терещенко: „откуда же перешелъ купало въ Россію?" Напрасно думаетъ онъ разрѣшить этотъ глубокомысленный вопросъ словами: „на это нельзя отвѣчать утвердительно, но можно сказать (sic!), что это восточныхъ народовъ празднованіе, измѣненное вѣками и разныя наслоенія и обряды" (ib., стр. 55). Дѣло само по себѣ ясно: у насъ было естественное, при-

родное язычество, и слѣдовательно было поклоненіе лѣту. Приходить или переходить ему къ намъ было не откуда и не для чего.

Въ заключеніе замѣтокъ о праздникѣ купалы позволимъ себѣ высказать догадку. День купалы совпалъ у насъ съ Ивановымъ днемъ. Не потому ли имя Ивана такъ распространено въ русскомъ народѣ? Что оно у насъ издревле одно изъ самыхъ употребительныхъ собственныхъ именъ, видно изъ того, что „простой народъ въ Болгаріи доселѣ называетъ всѣхъ русскихъ Иванами. Греки же, тамъ живущіе, именуютъ Россію Ивановщиной (οι Ἰβάνδες)" (ч. III, стр. 56). Названіе народа по собственному имени приводитъ насъ къ другой мысли: не потому ли все славянское племя такъ названо, что имена на *славъ* въ немъ были очень обыкновенны? Предоставляемъ оба предположенія на судъ знатоковъ.

Совершенно иной характеръ имѣетъ русальная недѣля. Русальная недѣля (т.-е. семицкая), какъ показываетъ ея названіе, посвящена русалкамъ. Что такое русалки? Объяснить это чрезвычайно трудно. Онѣ олицетвореніе силъ природы: это видно изъ всѣхъ признаковъ, которые народныя повѣрья приписываютъ русалкамъ. Но повѣрья эти такъ искажены позднѣйшими, совершенно произвольными приставками и придѣлками, такъ много примѣшано къ нимъ новаго подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, что почти невозможно добраться до первоначальнаго источника. Были ли русалки олицетвореніе водъ, рѣкъ, источниковъ, какъ ундины, наяды, остается еще вопросомъ; ибо, правда, отношеніе, сродство ихъ съ водой весьма близкое, тѣсное; но вода не исключительный ихъ элементъ. „Въ Малороссіи — замѣчаетъ г. Терещенко — говорятъ, что русалки являются съ страстнаго четверга, какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы и зазеленѣютъ деревья и поля, и живутъ на землѣ до глубокой осени" (Ч. VI, стр. 124). „Въ Украйнѣ и Малороссіи господствуетъ еще повѣрье, что дѣти, умершія безъ крещенія, превращаются въ мавокъ, малокъ и гречухъ, сопутниковъ русалокъ; что злые духи мучатъ этихъ младенцевъ, которые освобождаются отъ ихъ власти только на зеленыя святки (т.-е. въ Духовъ, нашъ Троицынъ день)" (ib). „У насъ бѣгаютъ русалки по лѣсу, рощамъ или травѣ, или плещутся въ рѣкахъ и озерахъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ донынѣ сохранился обычай, что въ русальную недѣлю развѣшиваютъ по деревьямъ полотно, которое будто бы мавки и русалки берутъ себѣ на рубашки. Иные... раскладываютъ еще горячій хлѣбъ по окнамъ, думая что паромъ его бываютъ сыты русалки" (ib. стр. 126). „Въ днѣпровской Россіи утверждаютъ поселяне, что огни, которые свѣтятъ ночью на могилахъ, насыпныхъ курганахъ, въ рощахъ, лѣсахъ и на поляхъ, развелись днѣпровскими русалками для того, чтобы заманить къ себѣ людей... Наканунѣ Троицына дня русалки, по мнѣнію малороссіянъ, бѣгаютъ по полямъ, засѣянымъ хлѣбомъ, и хлопаютъ въ ладоши". Далѣе: „Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ (это опровергается другимъ повѣрьемъ „что въ Троицынъ день русалки падаютъ съ деревьевъ" ч. VI, стр. 175), на берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ пряжу, которую уносятъ отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы. (Въ клечальной недѣли (семицкой) онѣ аукаютъ въ лѣсахъ и зазываютъ къ себѣ съ хохотомъ прохожихъ" (ib., стр. 129 и 130). Русалки „на зеленую недѣлю становятся чрезвычайно сердитыми, даже до бѣшенства, и все, что ни попадется имъ, портятъ, особенно молодыхъ супруговъ" (ib., стр. 131 въ выноскѣ). „Въ Тульской губерніи сохранилось преданіе о лѣсовой русалкѣ;... она поетъ и живетъ въ густомъ лѣсу. Русалка эта совершенно безопасна, во все время года, кромѣ русальной недѣли" (ib., стр. 184). Наконецъ, недѣлю спустя послѣ Троицына дня и Духова дня, въ понедѣльникъ, праздновались проводы русалки (стр. 137). Какъ ни противорѣчатъ между собой эти извѣстія, но изъ нихъ видно, во-первыхъ, что русалки не были только водяными существами; потомъ — ихъ появленіе съ ранней весны, ихъ ожесточеніе, свирѣпость въ русальную недѣлю и вскорѣ затѣмъ проводы въ началѣ нашего лѣта показываютъ, что собственно этимъ временемъ и ограничивается дѣйствіе развитія той силы природы, которая была въ нихъ олицетворена. Но какая? — все-таки не видно. Притомъ на русалкахъ есть странный отпечатокъ. Онѣ имѣютъ много общаго съ враждебными силами и принадлежатъ къ нимъ. Извѣстно, что общее повѣрье приписываетъ имъ страсть

щекотывать людей до смерти. Но вотъ другіе факты, еще важнѣе: „Онѣ между народами (въ дѣдровской Руси) изображаются страшными, и ими пугаютъ дѣтей, какъ кіевскими вѣдьмами" (стр. 129). „На русальную недѣлю никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши, потому что въ это время веселье русалокъ и хлопанье страшное... На ихъ удары стекаются и прочія русалки: одни кіевскія вѣдьмы только могутъ купаться съ ними. На зеленой недѣлѣ въ четвергъ никто не долженъ работать, чтобы русалки не попортили домашній скотъ, птицу и все хозяйственное заведеніе. Этотъ день называется великъ день русалокъ" (ib., стр. 132). „На Руси господствуетъ мнѣніе, что всѣ эти духи (водяные, лѣсные, лѣшіе, домовые и т. д., при низверженіи Вельзевула со всею нечистою его силою въ адъ, частью попадали въ воду, другіе разсѣялись по полямъ, а прочіе скрылись то въ лѣсахъ, то въ домахъ" (ib., стр. 133). „На русальной недѣлѣ во вторникъ крестьяне поминаютъ удавленниковъ. Родня умершаго приноситъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваетъ на могилѣ за упокой души удавленника: потомъ пьютъ вино и закусываютъ блинами, при чемъ призываютъ русалку" (стр. 134). „Русалки и водяные представляются вообще тоскующими и враждебными. Онѣ — то души младенцевъ, плодъ незаконной любви, или умершіе безъ крещенія; то злые духи, преслѣдующіе человѣка, и принимающіе на себя разные виды, по произволу" (ib., стр. 135 и 136). „Праздновавшіе русальи представляли бѣснованіе чертей. Одни въ видѣ человѣка ходили по улицамъ, били въ бубны, играли на волынкѣ и на свирѣли; другіе надѣвали на себя... скураты или личины (маски)" (ibid). Этотъ способъ празднованья, какъ мы видѣли, доказываетъ, что русалки принадлежали къ злымъ, враждебнымъ духамъ. „Между малороссійскими поселенцами Саратовской губерніи... думаютъ, что онѣ (русалки) безобразныя: косматыя, горбатыя, съ большимъ брюхомъ и острыми когтями, длинной гривой и желѣзнымъ крючкомъ, коимъ онѣ ловятъ проходящихъ" (ib., стр. 127). Русалки, подобно ягѣ-бабѣ, задавали загадки, и тѣхъ, кто ихъ не разгадывалъ, защекотывали до смерти. Наконецъ самые проводы русалокъ чрезвычайно замѣчательны и выражаютъ такое же понятіе о русалкахъ: „Дѣвицы и женщины собирались съ разныхъ улицъ деревни, или города, съ пѣніемъ веселыхъ пѣсней... Онѣ становились по угламъ съ чучелою, которое было въ видѣ женщины и представляло русалку; потомъ составляли хороводъ, въ срединѣ коего женщина съ чучелою производила сильныя тѣлодвиженія и скакала. Простясь тѣнь, онѣ раздѣлялись на двѣ половины: оборонительную и наступательную. Одни защищали свое чучело отъ нападенія, другія бросали имъ въ глаза песокъ и обливали водою. Наконецъ всѣ толпою отправлялись въ поле; тамъ разрывали чучело и разметывали его по воздуху" (ib., стр. 137). Итакъ, смерть русалки была насильственною. Трудно понять всѣ эти обряды и повѣрья. Они показываютъ въ русалкахъ какое-то непостижимое соединеніе враждебныхъ силъ и олицетворенія обыкновеннаго порядка и явленій природы, болѣе благодѣтельныхъ, чѣмъ вредныхъ. Существованіе ихъ прерывается, какъ будто къ радости людей, хотя г. Терещенко и говоритъ, что наши предки „выдумали (?) противъ нихъ изгнанія и проводы" (ib., стр. 137); очевидно, слово-производство русалокъ отъ *русло*, „потому что онѣ были обитательницы источниковъ, рѣкъ и озеръ" (ib., 123), слишкомъ поверхностно и не стоитъ опроверженія.

Въ заключеніе статьи о праздникахъ остается сказать нѣсколько словъ о праздникахъ въ честь мертвыхъ. Когда именно они отправлялись во времена язычества, трудно опредѣлить. Сроки теперешнихъ общихъ поминаній усопшихъ — родительская суббота, радоница, Дмитріева суббота и т. д. не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Они отчасти узаконены церковью, отчасти условливаются какими-нибудь важными историческими событіями, напримѣръ октябрьскія поминанія или Дмитріевская суббота. Языческія поминанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣли постоянное отношеніе къ временамъ года, потому что поклоненіе мертвымъ находилось въ тѣсной связи съ поклоненіемъ враждебнымъ богамъ, олицетворенiямъ смерти, сна природы. Всѣ данныя указываютъ на эту связь. „Въ Силезіи, Польшѣ, въ верхнемъ, и нижнемъ Лузицѣ,—говоритъ г. Терещенко,—народъ ходилъ, съ разсѣтомъ дня, марта 1, съ зажженными факелами на кладбище и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Богемии... представляли усопшихъ въ личинахъ, а въ память ихъ совершали игры" (ч. III, стр. 119 и 120). „На буйхъ и буйницахъ (такъ назы-

вается кладбища Псковской и Тверской губерній) до нынѣ дѣлаютъ гаданія, какъ въ святки" (ч. VI, стр. 144). Скоморохи, и прежде и теперь даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, играютъ на поминаньяхъ (ib., стр. 145). „Въ утро великаго четверга жгли солому и кликали мертвыхъ" (ч. VII, стр. 299); другими словами, мертвымъ совершалось поклоненіе съ такими же обрядами, какъ и враждебнымъ духамъ.

Отъ этого теперь остались еще нѣкоторые слѣды въ поминальныхъ обычаяхъ. Боготвореніе мертвыхъ, разумѣется, исчезло; но съ ними бесѣдуютъ, ихъ призываютъ, ихъ угощаютъ пищею, питьемъ, какъ будто они живутъ подъ тѣми же условіями, какъ и мы. „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи,—говоритъ г. Терещенко, катаютъ на кладбищѣ, на Оомицкой недѣлѣ во вторникъ, окрашенныя яица, поливаютъ могилу пивомъ, брагою, водкою и потомъ ставится купанье. Приступая къ поминальной трапезѣ, дѣлаютъ воззваніе къ родителямъ: „святые родзицили! ходзице къ намъ хлѣба-соли откушаць". Потомъ садятся въ кружокъ.—Послѣ пира обращаются къ могилѣ покойника съ извиненіемъ: „вы бачете, наши родзицели, и не дивицесь; що маемъ, то и несемъ" (ч. III, стр. 122). Еще замѣчательнѣе обычаи въ Олонецкой губерніи. Здѣсь „поминовеніе совершается иногда цѣлой деревнею: для этого назначаютъ день и налагаютъ на себя постъ. За два или за три дня до срока собираются къ кому-нибудь изъ сосѣдей, у кого побольше изба, и начинаютъ стряпню сами гости. Хозяева выдаютъ только припасы, и ходятъ по угламъ избы съ плачемъ и причитаньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другой въ сѣняхъ, третій въ комнатѣ, и толпою выходятъ на встрѣчу воображаемымъ покойникамъ, привѣтствуя ихъ: „вы устали, родные, покушайте чего-нибудь". Послѣ угощенія на крыльцѣ, идутъ тѣмъ же порядкомъ въ сѣни, и наконецъ въ избу.—Тутъ хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, предполагая ихъ присутствующими невидимо, говоритъ: „чай, вы зазябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то, можетъ быть, было не тепло. Погрѣйтесь, родные, на печкѣ".—Живые садятся между тѣмъ за столъ и кушаютъ. Передъ кисельмъ же, когда по обыкновенію поютъ вѣчную память, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ изъ него на улицу холстъ, на коемъ опускали покойника въ могилу, и начинаютъ провожать съ печки невидимыхъ покойниковъ: „Теперь вамъ пора бы домой, да нежели васъ устали: не близко вѣдь было идти. Вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ." — Изъ такого обряда выбираютъ обыкновенно урожайный годъ. Здѣшніе поселяне чинятъ свои могилы родныхъ во время поминокъ, т. е. сметаютъ съ могилы соръ, стелютъ на нее платокъ и потомъ разсказываютъ водки покойникамъ, что случилось послѣ ихъ смерти (ib. стр. 123).

Трапеза мертвыхъ, въ которой нѣкогда участвовали живые, естественно вела къ играмъ и веселостямъ на могилахъ. Этимъ объясняется происхожденіе такъ называемыхъ игръ въ честь мертвыхъ. Названіе неточно и затемняетъ смыслъ дѣла: игры были слѣдствіемъ пирушки, а не обрядовымъ дѣйствіемъ. Поминки въ Малороссіи до сихъ поръ наглядно показываютъ, откуда взялись и какъ происходили эти игры. Вотъ любопытное описаніе малороссійскихъ поминокъ.

„Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся на Щековицу не только простой народъ, но почетные граждане. Тамъ сначала отправляютъ панихиды по умершимъ, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близъ родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что дорого для ихъ сердца. Вдругъ и плачутъ за упокой желаютъ усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ добрыя дѣла, прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не желая препятствовать имъ идти прямо въ рай,—и просятъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляются тогда заставляютъ семинаристовъ или учениковъ сверстныхъ духовнаго содержанія стихи, но печальные и погребальнымъ напѣвомъ. Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для сокрытія своихъ слезъ, запиваютъ горе пивомъ, приговоря: „о, якъ ще жалостливо! сховавъ рыдного и рыдненьку, хто жъ мене приголубе? Чи чуете вы, мій батиньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучше, чи намъ тутечки?" Послѣ многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковъ обращается къ плачущимъ, и говоритъ: давайте жъ скорій чарку горилки — утолимъ горе! Когда и это не помогаетъ, тогда обращаются къ скрипачамъ, и говорятъ: музыка! нуте жъ заиграйте да такъ, щобъ плакало усе навкругъ. Скрипачи играютъ заунывныя или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ. Годи! чи перестанете жъ играть? Не бачите якъ вси вокругъ плачутъ, мовъ сынка рыдного хоронятъ. Скрипачи начинаютъ играть веселія, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетной разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь.—На другой день говорятъ только: ой болитъ моя головонька.—Чтобы прогнать головную боль, похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней сряду.—Почти то же самое происходитъ въ Полтавской, Черниговской и Харьковской губерніяхъ" (ч. V, стр. 29 и 30).

…вания мертвыхъ носятъ различныя на-
…: вселенской родительской субботы, Дми-
…кой субботы, радоницъ, осепзинъ, боль-
…осепзинъ, хавтурей (зп. похороны), дзя-
…и дѣлинъ (ч. III, стр. 121). Поминанья
…ются у насъ теперь осенью въ ок-
…ь, весной съ 1 марта до Семика.

…слѣ праздниковъ, важнѣйшимъ источни-
… для изученія славянскаго язычества
…ъ простонародные святцы и календарь,
…итанный естественной, натуральной ре-
…и, въ ея самой непосредственно перво-
…ышной формѣ, славянинъ не могъ вдругъ
…гнуть всю глубину евангельскаго уче-
…стать въ уровень съ недосягаемой для
… высотой христіанства. Поэтому, сдѣлав-
…ь христіаниномъ, онъ весьма естественно
…ь въ чистое ученіе церкви свои пред-
…ки, невѣжество, примѣнилъ это ученіе
…оимъ издавна укоренившимся понятьямъ,
…стать воздавать святымъ угодникамъ на-
…ши почести, приписывать имъ отношенія
…шему быту, какое только и былъ способенъ
…ать. Слѣдствіемъ этого было то, что
…шая часть святокъ, чтимыхъ нашей пра-
…авной церковью, получила въ его пони-
…ъ опредѣленное назначеніе, ближайшее къ
…вседневной жизни, къ его насущнымъ
…ебностямъ и матеріальнымъ пользамъ и
…у, выгодамъ и невыгодамъ. Въ этомъ не
… ничего противнаго чистотѣ христіанства,
…амъ православной церкви: этимъ выража-
… только нравственное несовершенноліѣ-
…новопросвѣщенныхъ, недостатокъ глубо-
… духовнаго проникновенія въ таины бо-
…ественнаго ученія. Вотъ почему церковь,
…оей стороны, не только не воспрещала
… почитаніе святыхъ, напротивъ, она со-
…твовала ему, видя въ немъ самое вѣр-
…средство навсегда отклонить неофитовъ
…язычества и привязать ихъ къ истинно-
…ученію. Это средство было тѣмъ вѣрнѣе,
…оно дѣйствовало не вдругъ, не представля-
…евозможнаго рѣзкаго перехода отъ стараго
…ному, но постепенно исподволь воспиты-
…непросвѣщенные умы до высоты христіан-
…ъ истинъ. Мудрость такой терпимости
…ялись самимъ опытомъ. Языческіе бо-
…ыли забыты. Теперь почти всюду исчез-
…или быстро исчезаютъ сами собою и тѣ
…рія, предразсудки, невѣжественныя по-
…ія, которыя сначала по необходимости
…тѣшивались къ ученію церкви въ народ-
…ъ обычаяхъ.

Простонародные святцы и календарь составлены г. Терещенкой, сколько мы можемъ судить, тщательно и полно, но помѣщены въ книгѣ подъ совершенно имъ несвойственнымъ названіемъ обрядныхъ праздниковъ (ч. VI). Авторъ смотритъ на предметъ очень правильно, какъ рѣдко съ нимъ бываетъ. Вотъ его собственныя слова:

„Досель сохранились въ простонародіи чествованія дней угодниковъ, извѣстныхъ вотъ именемъ благотворителей или карателей, ибо они наказываютъ не уважающихъ ихъ святость истребленіемъ хлѣба и травы на поляхъ, громомъ, молніею, дождемъ и засухою, или ниспосылаютъ изобиліе на богобоязливаго поселянина. Простолюдины воображаютъ что угодники, облетая на небѣ, имѣютъ человѣческій видъ, одѣваются и живутъ тамъ, какъ люди; но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что постоянно находятся въ дружбѣ между ангелами и добрыми людьми, и нисходятъ на землю, чтобы смотрѣть за поведеніемъ и трудолюбіемъ поселянъ. Таковые угодники могутъ принимать на себя разные виды, являться среди грома и бурь въ молніеносныхъ одеждахъ, или на конѣ верхомъ, или парящими на облакахъ въ видѣ ангеловъ. Народъ увѣренъ, что ничего не совершается безъ представительства святыхъ, приносятъ имъ жертвы и оказываетъ почести совершенно Божескія. Въ дни угодниковъ не работаетъ, боясь прогнѣвить ихъ. Крестьянинъ скорѣе согласится работать въ другой церковный праздникъ, нежели въ день праздника своего святого. Каждая деревня, каждый городъ, или лучше сказать, каждый приходъ имѣетъ своего защитника. Самые дни помѣстнаго празднества приноровлены къ мѣстности и времени. Въ глубокой древности они совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдѣлками. Повсюду они, составляя отдохновеніе отъ работъ, содѣлались извѣстными подъ именемъ праздниковъ.

Поныкѣ *Волосъ* считается хранителемъ скотовъ, какъ Николаевскаго для купцовъ и производителемъ плодовъ; *Аргишна*, сынъ его кущальницею... пророкъ Илія превращенъ въ небесную грозу, св. Іеремія въ запрягальника, св. Неодосія въ колосницу и проч., всѣ они носятъ отпечатокъ превратныхъ понятій народа.

Отчего народъ далъ особыя названія праздникамъ? — Славяне, изстари земледѣльческій народъ, имѣли въ язычествѣ своихъ боговъ покровителей, которые, по мнѣнію ихъ, способствовали ихъ благосостоянію, какъ въ полѣ, такъ и въ семейномъ бытѣ. Со введеніемъ христіанской вѣры, они долго уклонялись отъ чествованія церковныхъ праздниковъ. Правительственная власть употребляла усилія, а суевѣріе и преданность къ старымъ обычаямъ слили съ христіанскими понятіями языческія чествованія; потому къ именамъ многихъ святыхъ придали свои особыя значенія и прозванія... Если присоединить, къ этому укоренѣлые предразсудки, суевѣрные толки по разнымъ примѣтамъ, вѣщамъ и дѣйствіямъ, извлекаемымъ изъ явленій природы и дѣйствій человѣка, то все это суть слѣдствія того состоянія, въ какомъ находился народъ нашъ до образованія своего.

Напрасно было бы упрекать, что искаженныя об-

родныя празднества не останутся навсегда въ простонародіи: уже измѣнилось много съ того времени, когда появились хорошіе пастыри; когда общежитіе проникло въ избы, а образованіе начинаетъ дѣйствовать повсюду, хотя нахалка. Но что особенныя обрядныя празднества, много уже измѣнены, то это можно видѣть изъ отправленій ихъ: въ иныхъ мѣстахъ они или оставлены, или уже соединены съ чистотою Евангелія, или что въ одномъ мѣстѣ чествуется особенно, то въ другомъ уже совсѣмъ неизвѣстно". (Ч. VI, стр. 3, 4, 6—7, 13—16).

Народные святцы дѣлятся собственно на двѣ части. Во-первыхъ, нѣкоторымъ святымъ присланы простымъ народомъ названія по времени года и важнѣйшимъ перемѣнамъ въ природѣ, или событіямъ въ его ежедневномъ быту, совпадающимъ съ днемъ празднованія этихъ святыхъ. Такъ, напримѣръ, преподобный Герасимъ названъ грачевникомъ, потому что, по народнымъ примѣтамъ въ этотъ день (4 марта) прилетаютъ грачи; пророкъ Іеремія—запрягальникомъ, потому что съ 1-го мая, когда церковью чтится его память, начинаются большія сельскія работы; на такомъ же основаніи св. Пантелеимонъ названъ зажинальнымъ, Акулина — гречишницею, и т. д. Преподобная Ксенія (24 января) названа полухлѣбницею, или полузимницею, потому что по дню ея празднованія заключаютъ объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ на весь годъ; великомученица Екатерина—женотдѣлицею, потому что ей молятся о здоровьи мужей и хорошей женѣ. Во-вторыхъ, къ нѣкоторымъ святымъ примѣщаютъ преимущественно передъ другими въ такихъ случаяхъ, [illegible] предстательство передъ Богомъ и чудотворная сила кажутся наиболѣе въ этихъ случаяхъ удобнѣе, пріятнѣе [illegible] другихъ угодниковъ. Напримѣръ [illegible] и молятъ [illegible] Іоаннъ Предтеча [illegible] Іоаннъ Богословъ [illegible] Іоаннъ Милостивый [illegible] Іоаннъ Мученикъ [illegible] Іоаннъ Воинъ [illegible] Іоаннъ Постникъ [illegible] Іоаннъ Лѣствичникъ [illegible] Іоаннъ Златоустъ [illegible] Іоаннъ Новгородскій [illegible] Іоаннъ Рыльскій [illegible] Іоаннъ Кронштадтскій [illegible] Іоаннъ Сочавскій [illegible] Іоаннъ Милостивый

глубокой, языческой древности. Этихъ остатковъ мы не найдемъ; всѣ подробности, за исключеніемъ очень немногихъ, и то отрывочныхъ, восходятъ къ недавнему времени. „Время сочиненія хороводныхъ пѣсней, говоритъ г. Терещенко, неизвѣстно. Судя по слогу, онѣ относятся къ разнымъ вѣкамъ; за исключеніемъ немногихъ, а именно „синичка", „макъ роститъ", „просо сѣять", которыя должны быть XVI вѣка, всѣ прочія XVII и XVIII в.; но и эти искажены мѣстностью до того, что нельзя опредѣлить настоящей ихъ эпохи" (ч. IV, стр. 135). Но общій складъ хороводовъ, хороводная форма, тонъ, смыслъ этихъ народныхъ увеселеній,—очевидно весьма древніе, и начало ихъ теряется въ незапамятныхъ временахъ. Авторъ „Быта русскаго народа" справедливо замѣчаетъ, что хороводы „составляли первоначально часть языческихъ религіозныхъ обрядовъ" (ib., стр. 133). Впрочемъ, чтобъ это доказать, вовсе не нужно искать начала ихъ у ассиріянъ, вавилонянъ и грековъ, какъ дѣлаетъ г. Терещенко. Онъ забылъ, что и у насъ было язычество: съ нимъ-то наши хороводы связаны самымъ тѣснымъ образомъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, съ какими обрядами происходили наши древнія языческія торжества: ни одно не обходилось безъ круговой пляски и пѣсенъ около какого-нибудь божества, дерева, вообще какого-нибудь предмета поклоненія. Эти пѣсни и пляски выражали первоначально чувства, ощущенія человѣка, вызываемыя въ разныя времена природой, которую боготворили древніе славане, и потому-то естественно необходимо совпадали съ временемъ празднованія разныхъ божествъ. Одно другому вполнѣ соотвѣтствовало, ибо обоготворялась, праздновалась именно та сила, то явленіе природы, то время года, которыя внушали тѣ или другія ощущенія и чувства. Вотъ почему, далѣе, языческія празднованія нерѣдко сопровождались дѣйствіями, не только богослужебными, вытекавшими изъ олицетворенія предметовъ, явленій и силъ природы, но и такими, въ которыхъ самымъ фактомъ, дѣломъ, выражались чувства и ощущенія. Эти дѣйствія потому же именно и имѣли религіозное значеніе, и составляли необходимую, существенную часть празднествъ. Таковы были по преимуществу, языческія вакханаліи.

Въ пляскахъ, пѣніи и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ языческое богослуженіе, и должно искать начала хороводовъ. Сперва они не были игры, представленія. Они выражали то, что дѣйствительно ощущалъ человѣкъ; это былъ фактъ, облеченный въ богослужебную форму и возведенный на степень языческаго священнодѣйствія. Поэтому поклоненіе разнымъ божествамъ, въ разное время, сопровождалось и разными хороводами. Каждый праздникъ имѣлъ свои, опредѣленные, отличавшіеся отъ другихъ, какъ различались между собою и праздники. Сверхъ того, какъ живое дѣйствіе, фактъ, хороводы не могли имѣть установленнаго ритуала и вѣроятно разнообразились до чрезвычайности съ каждымъ новымъ отправленіемъ праздника.

Успѣли ли они принять правильный видъ, получить извѣстную форму и опредѣленность еще во времена язычества—это трудно рѣшить. Судя по грубости, непосредственности нашего язычества, это невѣроятно. Какъ бы то ни было, но то вѣрно, что, рано или поздно, до христіанства или послѣ его водворенія, эти пѣсни, пляски, дѣйствія должны были выработаться въ обряды—опредѣленныя, формулированныя, торжественныя дѣйствія. Съ перемѣнами въ самыхъ языческихъ вѣрованіяхъ, съ нѣкоторой отвлеченностью ихъ, а тѣмъ больше съ уничтоженіемъ ихъ, подвореніемъ христіанства и обращеніемъ древнихъ праздниковъ въ простые, безсмысленные обряды, эти пѣсни, пляски и дѣйствія не могли не утратить первоначальной непосредственности. Они обратились мало-помалу въ обрядовыя, символическія дѣйствія, игры, представленія, изображенія. Ихъ первоначальная, естественная, природная основа является въ этой новой формѣ измѣненной, символизированной. Они не живыя дѣйствія, не выраженія того, что дѣлается въ человѣкѣ и съ человѣкомъ, а ритуалъ, имѣющій самостоятельное значеніе, независимо отъ чувствъ и ощущеній тѣхъ, которые принимаютъ въ немъ участіе, играютъ въ немъ какую-нибудь роль.

Христіанство и болѣе очищенныя нравственность внесли много измѣненій въ этотъ остатокъ древняго язычества. Христіанство отняло у хороводовъ религіозное значеніе и обратило ихъ въ простыя забавы. Не связанные болѣе съ извѣстными языческими праздествами, они утратили почти все то, что показывало ихъ отношеніе къ тому или другому богослуженію; особность ихъ исчезла, формы смѣшались. Остались, и то какъ смут-

ныя воспоминанія, нѣкоторые общіе признаки, когда именно они происходили въ язычествѣ; по догадкамъ, можно приблизительно судить, къ какимъ праздникамъ относились разные хороводы. Нравственность и предписанія церкви, въ свою очередь, изгладили изъ хороводовъ все, что слишкомъ живо напоминало ихъ естественное натуральное происхожденіе. Какъ и когда все это сдѣлалось — не знаемъ; но исторія хороводовъ ясными чертами написана въ ихъ теперешней формѣ. Быть можетъ, современемъ откроются и другіе источники.

Г. Терещенко показалъ мало ученаго, археологическаго такта и въ описаніи хороводовъ. До какой степени полно и хорошо его собраніе хороводныхъ игръ, предоставляемъ судить знающимъ [illegible] лучше насъ. Обработка ихъ весьма слаба. Во-первыхъ, не понявъ первоначальнаго значенія хороводовъ, авторъ разумѣетъ ихъ слишкомъ буквально. [illegible] только тѣ игры, которыя [illegible] или лѣсомъ, поетъ открытымъ [illegible]. Если и онъ знакомъ съ древнимъ смысломъ хороводовъ, онъ [illegible] совершенно соотвѣтствующее [illegible] въ свадебныхъ играхъ, которыя [illegible] на [illegible] другую [illegible] въ [illegible] играхъ [illegible] [illegible] [illegible]

быта. Послѣдній составляетъ главный ихъ предметъ. Отдѣльныя сцены изъ частной, семейной жизни разыгрываются здѣсь въ лицахъ и дѣйствіяхъ; пѣсни поясняютъ то, что представляется. Въ иныхъ хороводахъ принимаютъ участіе и мужчины и женщины; въ другихъ одни первые, что̀ зависитъ частью отъ теперешняго смысла хороводныхъ игръ, частью, можетъ быть, отъ праздника, съ которымъ онѣ были связаны. Наши хороводы очень разнообразны; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ сельскимъ занятіямъ: посѣву льна, проса, сажанью хрѣна и т. д. Такихъ сравнительно немного. Изъ этого содержанія видно, что хороводы сопровождали лѣтніе и весенніе языческіе праздники.

III.

Отъ языческихъ вѣрованій, которыя оставили по себѣ болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды въ простонародныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, обрядахъ, примѣтахъ и обрядовыхъ пѣснях, переидемъ теперь къ древнѣйшему языческому частному и общественному быту нашихъ предковъ. Мы уже замѣтили, что въ собраніи г. Терещенки матеріаловъ для изученія этого быта, сравнительно, меньше, чѣмъ для языческихъ вѣрованій. Авторъ не юристъ. Онъ смотритъ на русскій бытъ какъ-то по своему, не только съ ошибочной, но и съ весьма ограниченной точки зрѣнія. Оттого подробности домашней жизни и общественныхъ отношеній его мало интересуютъ. Несмотря на то, есть въ его собраніи любопытныя данныя, поясняющія эту жизнь и отношенія. Особенно изобилуетъ ими, какъ и естественно, второй томъ, посвященный свадебнымъ обрядамъ. Онъ заключаетъ въ себѣ описаніе древнихъ великокняжескихъ и царскихъ свадебъ; свадебъ лицъ высшихъ и низшихъ сословій по Котошихину, Петрею и Олеарію; тринадцать описаній теперешнихъ простонародныхъ свадебъ въ разныхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малороссійскихъ и литовскихъ губерніяхъ; замѣтки о свадебныхъ обрядахъ другихъ губерній, у казаковъ и въ Сибири; наконецъ есть въ этомъ собраніи главы общаго содержанія: обозрѣніе древнихъ свадебныхъ обрядовъ, ихъ измѣненія и очеркъ теперешнихъ. Изъ этого уже видно, какъ тщательно составленъ отдѣлъ свадебныхъ обрядовъ. Прибавить должно, что нѣкоторые изъ нихъ описаны удивительно подробно, и съ большимъ знаніемъ дѣла, другіе хуже —но интересны всѣ. По нашему мнѣнію, это лучшая часть въ цѣлой книгѣ, и сама по себѣ есть уже драгоцѣнное пріобрѣтеніе для русской археологіи; ибо, сколько намъ извѣстно, подобнаго собранія свадебныхъ обрядовъ у насъ еще не было. Мы его очень рекомендуемъ всѣмъ, кого интересуютъ русскія древности.

Попытаемся, по указаніямъ этой части и извѣстій, разбросанныхъ въ другихъ, составить себѣ живое, наглядное представленіе о нашемъ древнѣйшемъ внутреннемъ бытѣ.

Выше мы сказали, что въ незапамятныя времена роды и семьи были у насъ единственными общинами, что эти родовыя, патріархальныя общины ничѣмъ не были тогда связаны между собою и не имѣли одна къ другимъ никакихъ правильныхъ, постоянныхъ отношеній. Письменные памятники не сохранили извѣстій объ этомъ времени; Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всей свѣжестью живого преданія. Во всѣхъ обрядовое, церемоніальное сватовство (которому обыкновенно предшествуютъ предварительные, неоффиціальные сговоры и условія) представляетъ людей пріѣхавшихъ издалека, въ незнакомую сторону, въ которой и ихъ никто не знаетъ. Они просятъ у родителей невѣсты, къ которымъ зашли нечаянно, позволенія отдохнуть послѣ долгаго пути. Эта тема разнообразится въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

„Сватъ одѣвается въ новый армякъ, подпоясывается краснымъ поясомъ, натягаетъ на голову щегольскую шляпу съ кистью или перомъ павлинымъ; шею обязываетъ пестрымъ, преимущественно краснымъ платкомъ. —Этотъ нарядъ тороватъ больше и важничаетъ деревенскихъ. Онъ отправляется въ домъ съ посольствомъ, сначала одинъ. У дверей принимаютъ его какъ незнакомаго; онъ кланяется св. образамъ, потомъ хозяевамъ, а наконецъ во всѣ четыре стороны. „Здравствуй, хозяинъ съ хозяйкой“, начинаетъ онъ говорить первый, „съ твоими дѣтьми и твоей красной дѣвицею! Ѣхалъ я мимо и заблудился: ночь темная и не мѣсячная, тутъ засвѣтился у васъ въ теремѣ огонекъ“ — Родимый, отвѣчаетъ хозяинъ, для добрыхъ нашъ огонекъ,— добро жаловать. Но кто ты, батюшка? гость-ли, баринъ, али купецъ? товары или какіе вещи, и что далече. Сватъ, поглаживая бороду и посматривая на сторону, говоритъ: „мы товары разные, батюшка родимый, для праздниковъ разгостныхъ, для дѣвицъ суженыхъ“ (т. II, стр. 118—119)

Сватъ, пріѣхавши съ женихомъ, подходитъ къ избѣ,

но замѣтя, что дверь заперта, начинаетъ стучать.— Кто тамъ? спрашиваютъ изъ избы.—„Прохожіе добрые люди". Что надо?—„Впустите обогрѣться, сбился съ дороги".—А откуда прохожіе?—Здѣсь пускается сватъ въ сказки и присказки, по коимъ судятъ о достоинствѣ свата, а потому избираютъ для этого случая опытнаго балагура. Во время разсказовъ отворяется дверь.—Прохожіе, чай, перезябли съ холоду-то, говоритъ отворяющій дверь, и подноситъ полный стаканъ водки. Сватъ входитъ въ избу, выпиваетъ и говоритъ: „водка водкою, а старички говорятъ: пей да ума не пропей, и хлѣбъ разумѣй" (Ч. II, стр. 195).

Входятъ въ хату двое старостъ, въ синихъ жупанахъ (кафтанахъ), подпоясанные англійскою каламайкою (англійскою сахрамою) и съ палками въ рукахъ. Старшій староста держитъ въ рукахъ святый хлѣбъ, молится Богу и потомъ кланяется хозяину и хозяйкѣ.—Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть и спрашиваетъ: что они за люди? куда идутъ и зачѣмъ ихъ Богъ сюда принесъ? Отецъ, хотя уже знаетъ, за чѣмъ они пришли, однако спрашиваетъ ихъ по общему обыкновенію.— Старшій староста говоритъ: „прежде всего позвольте намъ помолиться вамъ, и добрымъ словомъ прислужиться". Не дослушавшись выслушать васъ, и коли будетъ [illegible] если же наше слово не въ [illegible] мы [illegible] А что мы люди честные и [illegible] вашу, то вотъ вамъ святый хлѣбъ въ руки". Отецъ [illegible] кладетъ его, кладетъ на [illegible] хлѣба и говоритъ: „хлѣбъ святый примемъ, а [illegible] Садитесь, добрые люди. Что [illegible] у васъ, а [illegible] кому не [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] гости въ насъ. [illegible] [illegible] [illegible]

авляющіе поѣздомъ всегда являются въ
дѣ дорожныхъ (стр. 136).
Послѣ этого обрядовый плачъ невѣсты
ень понятенъ: ея разставанье съ родными
близкими было когда-то не одной необхо-
мой церемоніей, а дѣйствительнымъ отъ-
домъ изъ семьи въ незнакомую сторону,
незнакомымъ людямъ; разставанье было
долго, всего вѣроятнѣй навсегда. Тутъ
ло чему кручиниться: „Пришелъ же на меня
чальный день! Въ воскресенье свѣтъ рас-
етутъ русу косу, разлучатъ меня съ от-
мъ матерью, съ родомъ со племенемъ, съ
изкими пріятелями, съ подружками-ластуш-
ми“ (стр. 150). Оттого трижды бросаетъ
вобрачная женскій головной уборъ, кото-
й надѣваетъ на нее сваха (стр. 527 и
8). Ей не хочется замужъ!
Обычай отдавать дѣвушекъ замужъ въ
ьюю сторону показываетъ, между про-
мъ, что древнѣйшія общины состояли каж-
я изъ одной семьи, рода, между членами
горыхъ не бывало браковъ. Опять и этотъ
:тавъ первоначальныхъ общинъ доказы-
ется свадебными пѣснями. Въ нихъ без-
естанно плачется невѣста, что она раз-
ается съ своимъ родомъ-племенемъ и пере-
дитъ въ чужой, незнакомый родъ-племя.
ыдаетъ меня сударь-батюшка, снаряжаетъ
дна матушка, къ чужому отцу къ матери,
чужому роду племенц“ (стр. 124). „Хо-
ть они разлучить меня съ отцомъ съ ма-
рью, съ родомъ племенемъ“ (стр. 343).
Въ какихъ отношеніяхъ были эти разоб-
енные роды между собою? Объ этомъ мы
ходимъ множество любопытныхъ указаній
свадебныхъ обрядахъ. Плачъ невѣсты,
) она уѣзжаетъ въ чужую, незнакомую
орону, доказываетъ, что между чужими
ть было не хорошо. Въ ея устахъ чужой
врагъ однозначительны.

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
Благослови-ка ты меня, батюшка.
Во чужи люди, во незнамые,
Во незнамне, незнакомые.
Какъ-то мнѣ, батюшка,
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?
Какъ-то мнѣ, родимой.
Чужимъ людямъ будетъ служить?

Во чужихъ людяхъ жить горькохонько.
Во чужихъ незнамыхъ,
Служить тяжелехонько.(Ч. II, стр. 352 и 353).

Надо жить во чужихъ людяхъ
Умѣючи,
Разумѣючи.—
Чужи люди,
Равно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ мороза сердце вызябнетъ.
Во чужихъ людяхъ будь:
И покорна,
И пословна (ласковая) (Ч. II, стр. 340).

Забросили дѣтище въ *нелюбиму сторону*
Да на *горюшко*, на *кручинушку*,
Да на *плаканье*, да на *вѣчное*. (стр 240).

Именно тѣмъ, что чужіе были почти враги, а только свои — друзья, объясняется враждебное отношеніе родныхъ мужа къ его женѣ. Названіе лютая свекровь, лютой свекоръ стали поговоркой. Какой бы, кажется, быть причинѣ немилостиваго обращенія съ невѣсткой? Она чужая! И теперь, натравливая на кого-нибудь собаку, говорятъ: чужой, чужой! Въ свадебныхъ пѣсняхъ тоже не разъ упоминается о враждебности родныхъ мужа къ его женѣ. Жениху поется про его будущую жену:

Не давай ее въ обиду
Ты ни свекору, ни свекрови,
Ни деверямъ, ни золовушкамъ;
Ты давай выспаться ей
До девятаго часу (стр. 133).

Вотъ другія пѣсни:

Что отставала свѣтъ,
Да княгиня да боярыня,
Свѣтъ княгиня Елисаветъ Петровна,
Прочь отъ роднаго государя отъ батюшки,
Отъ родной государыни матушки;
Прочь отъ роду, отъ племени,
И отъ ближнихъ пріятелей,—
Что приставала лебедушка,
Свѣтъ княгиня боярыня,
Княгиня Елисаветъ Петровна,
Что ко чужому ко роду, ко племени,
Ко чужому свекру государю батюшкѣ,
Ко чужой свекрови государынѣ матушкѣ.
Не успѣла, свѣтъ, головушки оправить,
Началъ свекоръ батюшка журить,
А свекровь матушка бранить,
А свѣтъ княгиня боярыня плакать,
И роднаго батюшку кликать:
Что вы меня, свекоръ батюшка, журити?
И что вы меня, свекровь матушка, бранити?
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Не своей неволей,
Но большой нестодой;
Завезли меня добры кони,
Добры кони вороны,
Свѣтъ великаго князя Андрея Григорьевича (стр. 153).

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!
(имя и отечество невѣсты)
Собрала подружекъ за свой столъ,
Садила подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ придти въ чужи люди?
Какъ будетъ называть люты свекра?
Батюшкомъ называть не хочется,
Свекромъ *называть—разсердится.*
Убавлю спеси гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Лечу свекровушку матушкою. (стр. 216).

Ты поплачь, поплачь дѣвица,
Поплачь дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ,
Не повадно, не весело:
Всѣ не добры и не ласковы,
Ко тебѣ молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ,
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи.—
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорливо.
Молотому поклонитися,
Старому покоритися.—
На чужой-то на сторонѣ,
Растутъ лѣса-то вязовые,
Да живутъ люди лукавые,
Ѣдятъ да и выкушаютъ,
Просятъ да и выпросятъ
Они тебя молодешеньку (стр. 242)

[illegible]

Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку—
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темные,—
Чужи люди, не знакомые;
Что медвѣдь съ медвѣдицей,
Богоданный-то батюшка.
Съ богоданною матушкой.
Шипица колючая,
Богданы милы братцы;
Крапива-то жгучая,
Богоданныя сестрицы (стр. 246 и 247)

Кромѣ этого, взаимная враждебност
довъ выражается почти во всѣхъ свадеб
обрядахъ тѣмъ, что родители брачу
благословляютъ и встрѣчаютъ молодыхъ
тые въ вывороченную шубу или стоя
вороченной шубѣ (стр. 225, 359, 457,
По мнѣнію г. Терещенки, вывороченную
и малахай (овчинную шапку съ дли
ушами) надѣваютъ для того, чтобы по
на медвѣдей (стр. 539, вып. 2). Это об
ніе, можетъ-быть слишкомъ буквальное,
дывается отчасти тѣмъ, что въ Мало
мать молодой встрѣчала у себя нов
ныхъ въ вывороченной шубѣ, сидя
лахъ или на кочергѣ (стр. 517): оче
этимъ нарядомъ выражалось нѣчто вр
ное. На это указываетъ и то, что дру
поддружья погоняютъ мать жениха
(стр. 576).

Кромѣ того, изъ всѣхъ свадебныхъ
довъ видно, что роды жили, въ отда
древности, на-заперти и неохотно п
кого-либо къ себѣ въ домъ. Только
прекратилъ стуки въ окно или у дв
увѣренія пѣвшихъ, что они добрые
ихъ впускали въ избу. Изъ этого
выяснѣетъ близость жизни съ чужими,
ре къ чужимъ.

[illegible]

жанами, дружка стучитъ въ ворота, говоря
: Нельзя, отвѣчаютъ ему, не сядя вамъ до-
хотите проѣхать, заплатите. — Сколько на-
—А сколько васъ людей? спрашиваетъ предво-
Цять двѣсти, отвѣчаетъ дружка.—По рублю
жка, да и то мало, говоритъ предворот-
) насъ княгини молодыя, никому не велитъ
треть ея земли.—А у насъ князь молодой, то-
дружка, мы люди обрюйные, ворота отобьемъ
выѣдемъ. — Онъ начинаетъ стучать покрѣпче,
воротникъ говоритъ ему, не шуду! развѣ силой
. — Тогда дружка начинаетъ объясняться съ
ласковѣе: ей, любезный другъ! намъ некогда
ать, намъ пора ѣхать. Хочешь ли выпить
ного?—Почему же не такъ,—отвѣчаетъ пред-
къ, —береть стаканъ съ водкою и выпиваетъ,
даетъ еще, потомъ еще и дотолѣ подаетъ, пока
тъ.—Тогда поѣзжане сами отворяютъ ворота,
ѣзжаютъ съ шумомъ на дворъ. Дружка, войдя въ
женихомъ и поѣзжанами, бьетъ кнутомъ по
камъ: гости выходятъ изъ-за стола, а поѣз-
ются на ихъ мѣста" (Ч. II, стр. 272).

роды были такъ разобщены между
почти враждебны вслѣдствіе чуждо-
жно представить себѣ, что дѣлалось
довъ. Тутъ царили совершеннѣйшій
олъ и страшная неурядица; никто не
безопасенъ внѣ домашняго крова. Вос-
ніе объ этомъ сохранилось въ повѣрь-
перекресткахъ. „При поѣздѣ въ цер-
при отъѣздѣ изъ церкви, объѣзжаютъ
рестокъ, молясь и крестясь, чтобы из-
ся отъ лихого человѣка, который будто
ячется здѣсь" (стр. 349). По другимъ
мъ повѣрьямъ, „на перекресткѣ черти
катаютъ, въ свайку играютъ" и т. д.
рестокъ—мѣсто, гдѣ сходились дороги
ивались люди съ разныхъ сторонъ,
е другъ другу. При отсутствіи граждан-
ости и необезпеченности обществен-
порядка, мѣсто это не могло не быть
мъ. Такъ же смотрѣли и на дорогу. На
въ церковь къ вѣнцу „угощаютъ встрѣч-
шомъ, чтобы никто не сглазилъ или
решелъ дороги, вѣря, что это можетъ
дить супружество" (стр. 349). Крестья-
не строятъ дома „на томъ мѣстѣ, гдѣ
кала дорога: тутъ, по его мнѣнію, на-
дьполъ" (ч. V, стр. 151, вып. 1).
объясняется торжественность и мно-
ленность свадебныхъ поѣздовъ. Поѣз-
оторавлялись какъ бы въ походъ, по-
ные, со всѣми воинскими принадлеж-
ми. Теперь это церемоніалъ, а прежде
ктомъ, совершенно необходимымъ при
тіи гражданственности, при малона-
ности края, при большихъ разстояніяхъ
отъ рода жениха до рода невѣсты и опасно-
стяхъ путешествія. „При выѣздѣ (къ вѣнцу)
дѣлаютъ выстрѣлъ" (стр. 351). У мордвы за
кибиткой невѣсты стоитъ дружко съ длин-
нымъ торомъ (пожомъ), „которымъ онъ пере-
сѣкаетъ колдовство" (стр. 349); „поддружья
садятся по своимъ возкамъ и съѣзжаютъ со
двора, стрѣляя изъ ружьевъ или пистолетовъ"
(стр. 358). Въ Енисейской губерніи „впереди
ѣдутъ дружко и поддружье, главные распо-
рядители: они охраняютъ поѣздъ на пути
отъ всѣхъ непріятныхъ встрѣчъ: сворачи-
ваютъ съ дороги встрѣчныхъ, отворяютъ и
запираютъ ворота" (стр. 601). „Сопутствую-
щіе въ поѣздѣ невѣсты и жениха называются
поѣзжанами. Въ дружки избираются луч-
шіе друзья и пріятели жениха; тысяцкіе и
бояры составляютъ свиту молодыхъ; чѣмъ
она многочисленнѣе, тѣмъ болѣе чести и ува-
женія для молодыхъ" (стр. 125).

Да кому у насъ быть бояриномъ?
Кому слить воеводою?
Быть бояриномъ Иванушкѣ,
Воеводою слить Данилычу,
Сберечь своего князя молодого,
Нашего гостя дорогого. —
Ты слышишь ли, Данилушка?
Тебѣ пѣснь поемъ,
И честію величаемъ.—(стр. 300).

Далѣе: „У богатыхъ людей бываютъ еще
дворяне, кои набираются для увеличенія
поѣзда. Дружка завѣдываетъ всей свадьбою,
поддружье помогаетъ ему въ распоряженіи,
тысяцкій оберегаетъ приданое молодыхъ"
(стр. 321). Тысяцкому въ честь поется на
свадьбѣ:

У тысяцкаго у свѣта борода хорома,
По бородѣ его царь побитъ,
Во большія мѣста его сажаетъ,
Воеводою называетъ.
Воевода ль ты, воеводушка?
Поѣзжай-ка ты во чисты поля,
Въ чисты поля, въ татары
Осмотри *силу вонсходную,*
Донеси мнѣ о ней здоровицю
Разскажи мнѣ объ всѣхъ начальникахъ.
Слышишь ли, тысяцкій?
Тебѣ пѣсню поемъ. (стр. 332).

У донскихъ казаковъ поѣзжане назывались
въ старину храбрымъ поѣздомъ. „Подлѣ же-
ниха шелъ вѣдунъ (обереватель), котораго
приискивалъ дружко заблаговременно, и онъ
не отлучался отъ жениха до окончанія брака,
наблюдая, чтобы на порогахъ и на притол-

кахъ не было чародѣйства, и чтобы въ пищу и питье не примѣшивалъ кто порчи" (стр. 613).

Составъ свадебнаго поѣзда достаточно показываетъ, что онъ значилъ въ первобытныя времена. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ удивительное сходство состава древне-русскаго княжескаго двора и свадебнаго штата. Молодой называется княземъ, молодая княгинею. Мы видѣли, что при нихъ были тысяцкій—воевода и бояре, даже дворяне. Объяснить это тожество мудрено. Оно можетъ указывать на первоначальное царственное значеніе отдѣльныхъ родовъ. Княженіемъ называется власть родоначальника даже въ Несторовой лѣтописи. Еще въ XVII вѣкѣ составъ боярскаго двора и царскаго были почти одинаковы (не говоримъ уже о томъ времени, когда бояре переходили на службу отъ одного князя къ другому). Очевидно, одинъ типъ лежалъ въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта. Но, кажется, гораздо проще объяснять это сходство тѣмъ, что бытъ княжескій и боярскій былъ идеаломъ для низшихъ классовъ. Основанный на однихъ началахъ съ простонароднымъ бытомъ, онъ былъ его продолженіемъ, какъ бы высшей степенью, и потому предметомъ удивленія и подражанія. Многія свадебныя пѣсни, сохранившіяся теперь въ простомъ народѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сложены и пѣлись сначала на боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ. Богатство, роскошь, упоминаемыя въ нихъ, могли быть дѣйствительностью между одними высшими, зажиточными сословіями, и только идеаломъ, мечтой для простого народа. Да вѣроятно, и не одинъ свадебныя пѣсни такъ произошли. Многія изъ тѣхъ, которыя теперь поются одними крестьянами, носятъ на себѣ слѣды стариннаго боярскаго и княжескаго житья-бытья. При всей безыскусственности, наши пѣсни, о [illegible] старинѣ, представляютъ что-то полное, обдѣланное съ [illegible], закончен[illegible]. Онѣ [illegible] [illegible] [illegible]

ствуетъ собраніе наклоненіемъ головы, мая шапки. Всѣ они идутъ въ конецъ занимаютъ мѣста за столомъ; жениховъ въ углу подъ иконами, подлѣ него далѣе дружки и наконецъ музыканты, емый преимущественно изъ родственъ. Остальные разсаживаются, гдѣ есть Долго не говорятъ: на лицахъ выра- какое-то неудовольствіе: одинъ сватъ ритъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ, бо- е съ дѣвушками, но и онѣ избѣгаютъ оровъ" (стр. 479). На насильственный невѣсты указываетъ еще слѣдующій : „дружко съ обнаженною саблею въ въ казацкомъ парицѣ и въ шапкѣ на ъздитъ верхомъ около сѣнника мо- . Никто тогда не смѣетъ подойти" 32, 183). Обереганіе молодыхъ ночью кепкимъ дружкой было у насъ въ ста- непремѣннымъ обычаемъ. Наконецъ мно- другихъ обычаевъ, которые мы здѣсь емъ (см. стр. 344, 351—356, 465, 496, жено свидѣтельствуютъ о бывшемъ у кого-то похищеніи или насильствен- увозѣ невѣстъ. Догадка, предположеніе, е одни робко защищали, другіе съ увѣ- тью отвергали, какъ невозможное и очное, оказывается по свадебнымъ об- ъ историческимъ фактомъ, не подлежа- сомнѣнію.

очемъ, наѣзды не всегда оканчивались еніемъ рода. Они могли быть неудачны, на иногда оканчивалась полюбовной ой о невѣстѣ. Доказательства опять въ ыхъ обрядахъ. „Въ Саратовской гу- молодой, посаженый отецъ, тысяцкій поѣздъ ѣдутъ верхами. Если свадьба ходитъ зимою, то молодые садятся въ отъѣхавъ немного отъ дома, поѣзжа- останавливаются и смотрятъ: не скры- ли княгини?—а дружко и подружье въ домъ молодой, чтобы выкупить ея . Здѣсь даритъ дружко деньгами остав- дѣвушекъ. Послѣ выкупа постели, безостановочно до церкви" (ч. II, 49). Въ той же губерніи, передъ от- емъ къ вѣнцу соблюдается слѣдую- ычай. „Всѣ входятъ въ избу, дружко при- ствуетъ вмѣстѣ съ поѣздомъ: здорово сва- и свахонька! Можете ли вы горазды?— вѣтаютъ, слава Богу!—Дружко, не говоря ова, обращается къ брату, который си- ъ скалкою: что ты, другъ, сидишь здѣсь? коть отсюда! -Поддружье замахивается на него кнутомъ и бьетъ по столу. Братъ невѣсты сидитъ и говоритъ: не боюсь! Вотъ! (скалку) не дюжа прыгайте, упрыгаетесь.— Потомъ дружко начинаетъ говорить ему ласково: намъ надо сажать жениха. —Братъ невѣсты отвѣчаетъ: выкупи сперва мѣсто.— Дружко спрашиваетъ: сколько ты возьмешь? Золотую гривну да пива рѣпнаго. „Дружко и братъ невѣсты спорятъ, пока не сойдутся въ условіи" (стр. 355—356). Въ Малороссіи, послѣ вѣнчанія „молодой сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре, сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Слюбивъ его, они ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говоритъ: прошу выкушать. Тотъ ему кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его, и, наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты: онъ опять отказывается. — Снова дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно? -Денегъ. -Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади: тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается къ сѣнянымъ дверямъ и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты. Князь съ свахою и свитилкою стоятъ въ сѣняхъ; мать невѣсты выходитъ изъ избы, зажигаетъ у свитилки, съ тройной ея свѣчи, прилѣпленной къ ея саблѣ, свою восковую свѣчу; цѣлуется съ свитилкою черезъ порогъ и, съ дозволенія старосты, вводитъ молодого къ невѣстѣ, окруженной уже дружками. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ, или тотъ самый, который ѣздилъ на лошади молодого. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру. -Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.— А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ, -говоря о лѣтахъ невѣсты, не насчитываютъ болѣе восемнадцати,—а вы хотите взять даромъ! Что же ты издержалъ?—спрашиваетъ дружко. —Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двѣнадцать кабановъ, двадцать овецъ, двѣсти гусей, триста курицъ, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива пятнадцать бочекъ, меду пятьдесятъ бочекъ, водки сороковую бочку,—а платья, а

уборовъ, а черевикъ, и счету нѣтъ!—Чѣмъ болѣе выставляется расходъ, тѣмъ почетнѣе для молодой.—Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки, потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ" (стр. 517 и 518). „Въ другихъ мѣстахъ сидятъ, по обѣимъ сторонамъ невѣсты, два мальчика съ палками, изображающими мечъ: на концахъ ихъ наверчено по шишкѣ коровайной и по платку. Когда женихъ приближается къ невѣстѣ, тогда начнутъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги, и платитъ имъ. Они снова бьютъ его. Дружко спрашиваетъ: сколько же вамъ надобно? Богато (много), и чуже богато (и очень много), отвѣчаютъ они. А якъ не дасте, то за стигъ не пустимо. — По продажѣ мѣста, мальчики выходятъ изъ-за стола и уступаютъ мѣсто женихамъ" (стр. 584). Въ Эстляндіи существуетъ слѣдующій странный обычай. Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу женихъ посылаетъ туда дружку „но въ коротахъ, при въѣздѣ въ село или въ ограду церкви, собравшіеся мальчики, будто изъ родственниковъ молодыхъ, останавливаютъ его плетьми, и онъ долженъ откупить право въѣзда бросивъ имъ нѣсколько мелкихъ монетъ, а если этихъ денегъ мало, то мальчики задерживаютъ дружку. Тогда женихъ видя, что дружко не встрѣчаетъ его и догадавшись о причинѣ, посылаетъ впередъ себя другого дружку; случается со вторымъ тоже тогда посылается третій. Щедрость этого послѣдняго, или смѣтливость продавцовъ права въѣзда отворяетъ наконецъ ворота и желанный встрѣчаетъ молодыхъ уже въѣхавшими" (стр. 606).

Нельзя не видѣть, какую противоположность представляетъ изъ всѣхъ другихъ формъ брака, описываемая между прочими основательными знатоками русскихъ семейныхъ и брачныхъ отношеній и обычаевъ покойнымъ Е. Въ первыхъ историческихъ памятникахъ о немъ не говорится ни слова. Такъ онъ былъ въ Малороссіи и у кавказскихъ горцевъ по свидѣтельству [illegible] Но уже по Уложенію царя Алексѣя [illegible] Уже въ XVII столѣтіи [illegible] между членами [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

ъ просятъ ихъ (дружка съ подружьемъ) сѣсть. …адится за столъ; ихъ подчуютъ пивомъ и под… дружка напоминаетъ свату, что пора показать … и увѣнчать ее, просятъ снарядить въ благо… ный путь. Отецъ соглашается, дружка беретъ ее … сажаетъ за столъ, подноситъ свату кружку …*ожевстъ отца посадить подлѣ ее стражу, …она не ушла. Случалось, что невѣста, не …ивъ жениха, уходила изъ-за стола: по…жали подлѣ нея стражу изъ подружекъ, …е берегли ее до прибытія жениха. — Отецъ …ется приставить стражу*, дружко на-кры… …ываетъ смотрѣть за быстроногой, совѣтуетъ …ать ее словецъ и беречь княгиню молоду…" …ъ и 189).

ъ отецъ вмѣстѣ съ дружкой хлопочутъ, дочь не ушла: указаніе на совершенное …стіе ея въ этомъ торгѣ. Постоянно же… называется купцомъ, невѣста това… (стр. 194, 201, 231). Въ Вологодской …ии смотрины, т.-е. показъ невѣсты (бы… …ъ вездѣ), въ полномъ смыслѣ осмотръ …ъ

…азначенный день отправляются родители съ …ыномъ и ближними родственниками въ то …ъ живетъ невѣста, и останавливаются у сосѣ… …то время наряжаютъ невѣсту ея подруги: по…ка, отецъ и мать приглашаютъ жениха, со всѣми …оими. Они, входя въ избу, молятся Богу; по…аются и становятся въ переднемъ углу. „Ну, …ей Аѳанасьевичъ, говоритъ отецъ жениха, мы …ли къ тебѣ за дѣломъ: посмотрѣть свою любез…ъ". Тогда подруги выводятъ невѣсту изъ кути …ую избы, и сажаютъ ее на скамейку: *Же…родные подходятъ и осматриваютъ: лицо, …ки, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то …сальчею въ рукахъ. — Осмотрѣли, невѣста …равится. Но еще просятъ ее пройдти по …ы*" (стр. 231 и 232).

…е менѣе любопытны смотрины въ Сара…ой губерніи.

…ка выглядитъ изъ-за стола, подходитъ къ не… спрашиваетъ, улыбаясь: скажи, красавица, …бя звать?—Дуняша, отвѣчаетъ она. Между …ха поднимаетъ ея руки вверхъ, для удосто…ія не выломаны ли у ней руки? Или, не без… ли она? Ворочаетъ ее туда и сюда, чтобы …ать: нѣтъ ли за ней какого порока? Затѣмъ …одитъ жениха изъ-за стола, беретъ зажжен…ую свѣчу или зажженный пучекъ, и подноситъ его …ца жениха, чтобы убѣдить смотрящихъ, что …е слѣпой. Потомъ она заставляетъ его пройдтись …ъ избѣ, для показанія невѣсты, что онъ не хромой" …30).

…омъ идутъ переговоры о приданомъ. …бѣ стороны сойдутся, то „отцы жениха …ѣсты, закрывъ полою кафтана правую …подаютъ ее одинъ другому, въ присут… …священника, въ знакъ вѣрности, или, какъ говорится здѣсь: „бьютъ по рукамъ и мо…лятся Богу" (стр. 232). Оттого и сосватанье называется обрученьемъ, порученьемъ, руко…битьемъ. Это формальный договоръ (стр. 208, 266). Въ Енисейской губерніи „отецъ... об…вертываетъ свою руку бѣлой ширинкою, бе…ретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который также принимаетъ ее обвернутой ру…кою въ ширинку" (стр. 602). До сихъ поръ еще такъ продаютъ у насъ лошадей. Невѣста поетъ:

Что не ключики брякнули,
Да не замочки щелкнули,—
По рукамъ прiударили.
Запоручалъ сударь-батюшка.
И родимая матушка,
Да меня молодешеньку
За поруки за крынкiи,
Да за заряды великие (стр. 282 и 283).

Отсюда названіе невѣсты—ряженая, отъ рядъ, договоръ (стр. 229): первоначальное значеніе этого названія имѣетъ отношеніе къ куплѣ, а не къ брачному условію, по общему смыслу свадебныхъ обычаевъ. Отсюда самое названіе невѣсты. Она была невѣдомая, незнаемая, невѣсть. Въ XVII вѣкѣ личная неизвѣстность невѣсты жениху подавала, какъ извѣстно, поводъ къ подмѣну невѣсть. На возможность такого подмѣна указываетъ слѣдующій свадебный обычай въ Бѣлоруссіи:

„Рано съ вечера приходятъ въ домъ невѣсты сваты жениховы и приносятъ отъ себя воду, а отъ жениха кольцо. Гостей уже полная изба, но невѣсты еще нѣтъ. Заслышавъ, что идутъ сваты, она вмѣстѣ съ подружками выходитъ въ сѣни; тамъ надѣваютъ на нее шубу, и потомъ подруги, побравшись за руки плотно, ста…ютъ на одномъ концѣ младшую изъ подругъ, а на другомъ невѣсту, входятъ всѣ въ избу и останавли…ваются передъ сватами. Сваты невѣстины указываютъ на младшую подругу и говорятъ: *вось ваша нявеста!— Нѣста не нявеста*, отвѣчаютъ жениховы сваты, и смѣются громко.—Сваты показываютъ на другую: *вось яна!— Й ета не яна*, отвѣчаютъ свати. Такимъ образомъ перебираютъ всѣхъ дѣвушекъ" (стр. 460 и 461).

Наконецъ на продажу невѣсть указываетъ выкупъ невѣстиной постели, который обыкновенно бывалъ послѣ отъѣзда молодыхъ къ вѣнцу; покупка мѣста подлѣ невѣсты у ея брата, родственника или даже ребенка (стр. 343, 483, 583 и т. д.), наконецъ покупка тоже у брата ея косы, которая отрѣзывалась свяхой и хранилась у родныхъ или у самой невѣсты (стр. 112, 142, 201, 344) бывалъ также, какъ видно изъ другихъ обычаевъ, вы-

купъ косы у брата невѣсты, чтобы онъ ея не отрѣзывалъ: стр. 459, выш. 21. Вообще смыслъ этихъ обычаевъ очень ясенъ. Но что именно могутъ значить они въ частности, какое ихъ историческое происхожденіе, почему братъ, даже посторонній мальчикъ или родственникъ продаетъ мѣсто подлѣ невѣсты и косу ея, а не отецъ, почему они, а не онъ защищаютъ невѣсту, —почему отецъ, по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, даже не былъ въ избѣ, когда за невѣстой пріѣзжалъ женихъ, и входилъ въ нее послѣ самыхъ усиленныхъ просьбъ, — вотъ загадки, надъ которыми напрасно ломали мы себѣ голову. Изъ нихъ можно только вывести, что братъ имѣлъ большое вліяніе на судьбу сестры. Больше мы не рѣшаемся покуда ничего сказать въ объясненіе этихъ странныхъ обрядовъ.

Покупка невѣсть, важный шагъ въ сближеніи родовъ между собою, не могла измѣнить взаимныхъ отношеній брачущихся. Въ отдаленную старину, при заключеніи супружества, дѣло шло собственно не о невѣстѣ или женихѣ, а о связи, союзѣ родовъ, между которыми, вслѣдствіе и посредствомъ браковъ, устанавливались договорныя и мирныя отношенія. Судьба дѣвушки, переходившей по куплѣ въ новую семью, была такъ же печальна, какъ и при ея насильственномъ увозѣ. О ней не заботились, потому что она играла въ этихъ сдѣлкахъ второстепенную роль. Всѣ свадебные обычаи, обряды и повѣрья доказываютъ это. Новобрачная переходила изъ подъ власти отца или брата подъ власть мужа. Въ Костромской губерніи послѣ вѣнчанья „отецъ слегка бьетъ плетью по спинѣ новобрачныхъ три раза (съ цѣлью, выдуманной г. Терещенко), чтобы она забыла прежнихъ жениховъ и любила одного мужа" (стр. 181); тоже дѣлаетъ и новобрачный: въ первый день свадьбы, садясь на постель, онъ бьетъ свою жену три раза плетью (стр. 144). Даже въ Малороссіи „молодой, по выѣздѣ изъ тестева двора, бьетъ плетью по спинѣ своей молодой нѣсколько разъ, приговаривая: покидай нравы отца и матери и привыкай къ моимъ" (стр. 502). Этотъ обычай онъ новобрачную, здѣсь собственникомъ, тамъ мужемъ, очевидно не что иное, какъ символъ власти, принадлежавшей отцу и переходившей послѣ брака къ мужу. Въ старину у нѣмецкихъ калмыковженихъ, пріѣзжая къ невѣстѣ первый разъ, находятся не въ передней избѣ, подъ связями. „Подлѣ всѣхъ связей одинъ или два мальчика, ея братья, съ держакомъ, т. е. съ простой или шелковой плеткою" (стр. 619). Названіе державы, присвоенное плети, показываетъ, что значила послѣдняя въ свадебномъ обрядѣ. Эта держава, по свидѣтельствамъ иностранцевъ, даже прямо передавалась отцомъ новобрачной зятю: „отецъ, вручая жениху дочь свою, билъ ее слегка плетью и говорилъ: любезнѣйшая дочь моя! я бью тебя въ послѣдній разъ; ибо власть моя надъ тобою кончилась; теперь ты должна повиноваться своему мужу; онъ заступилъ мое мѣсто и этой плетью онъ будетъ наставлять тебя, если забудешь свой долгъ. Тогда онъ передавалъ плеть ея мужу, который говорилъ въ оправданіе своей невѣсты: я не думаю, чтобъ была надобность въ плети" (стр. 90).

Переходъ новобрачной подъ власть мужа доказывается и другими, не менѣе характеристическими данными. Въ одной свадебной пѣснѣ невѣста называетъ себя вольнымъ, вѣрнымъ и безотвѣтнымъ слугой отца и матери (стр. 327). Послѣ брака она становилась слугой мужа. Это символически выражалось тѣмъ, что послѣ женитьбы жена снимала съ него сапогъ: если въ сапогѣ оказывалась плеть, то онъ билъ ею жену; если деньги, то онъ отдавалъ ей деньги (стр. 5 и 532). Обѣ власти, отцовская и мужняя, были совершенно одинаковы и не имѣли юридическаго характера. Въ патріархальномъ быту онѣ и не могли его имѣть. Господство понималось въ условіяхъ родственнаго быта; поэтому и наказаніе не было казнью, местью, средствомъ устрашить и обуздать преступниковъ: оно было исправительной мѣрой, назиданіемъ, и въ этомъ смыслѣ доказательствомъ вниманія, заботливости, любви, а не гнѣва. Такой взглядъ преобладалъ въ древней Руси. Наказаніе и всѣ слова того же корня имѣли это значеніе, теперешнему наказанію соотвѣтствовала тогда казнь. Вотъ почему простолюдины благодарили за тѣлесное наказаніе, жена видѣла въ побояхъ мужа доказательство любви; если онъ не наказывалъ жены, это значило, что онъ не заботился о ней, былъ къ ней невнимателенъ, —словомъ не любилъ ея. Намъ, воспитаннымъ въ понятіяхъ личнаго достоинства и чести, такія понятія кажутся безсмысленными, но они послѣдовательно вытекали изъ патріархальнаго быта и составляютъ одну изъ его главныхъ отличительныхъ чертъ.

то положеніе женщины не измѣнилось, а ее стали покупать, а не насильственно ить, видно изъ того, что какъ при настоящемъ увозѣ, такъ и при продажѣ ъ, горько плакалась невѣста:

...дѣтка, моя любимая вольная волюшка, за горенки ..., за лѣсенки темные, за озерушки широкія! ...хотили меня желанные родители за чужого чу..., на чужую сторону. Какъ-то будетъ привы...нѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родите... къ чужой сторонѣ? Мнѣ не долго красоватися ...кой у своихъ родителей и у братцевъ, лешихъ ...ковъ. -Видно я имъ покупна, видно была не ра...ка и не заботница. Пристали, видно, мои роди... меня поутру корючи, уки плечики одѣлючи, ...ожки обувалючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ ...ую добровушку, посмотрю на всѣ четыре стороны: ...жу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? ...усь я, красная дѣвица, къ косящету окошечку; ...утро на широкую улицу исполна ли печетъ красно...шко? исполна ли свѣтитъ свѣтелъ мѣсядъ? ...жу я, красная дѣвушка, на брусовую гладкую ла..., исполна ли сидятъ мои родители на брусовой ...ой лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей ...ой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ ...ть желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ, ...я у бѣдной горюшницы расущена косынька, ...моей полной волюшки! Не держите вы ее по ...имъ теремкамъ, а держите по головымъ праздникамъ! Подвинься, ручка правая, противъ вдоха тя...ко. Первый поклонъ поклонюсь я на кормилица ба...ку, второй поклонъ за родитель-матушку, тре...поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ ...крестную матушку. Еще поклонюсь, ручка правая, ...ремячную головушку. Ты, Покровъ Богородица! ...ой меня дѣвушку пелесной своею вотчинов, или ...ую сторону! Введенье мать Богородица! введи ...на чужу сторонушку! Срѣтенье мать Богоро...! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!" (стр. 225 ...6)

...ъ объясненіе этого плача должно замѣ..., что здѣсь волей называется дѣвичій ...вной уборъ. Передъ благословеніемъ его ...лаютъ на невѣсту, а потомъ она сни...тъ его, и отдаетъ родной сестрѣ, а если ...ъ сестры, то одной изъ подругъ (стр. 224, ...). Плачъ невѣсты—необходимая принад...ность свадебныхъ обрядовъ во всѣхъ ...хъ Россіи. Кое-гдѣ онъ уже выводится, ...имѣръ въ Пермской губерніи (стр. 599); ...лъ вездѣ. Замѣчателенъ плачъ въ Са...ской губерніи:

Сидѣть ты, моя волюшка!
Сидѣть ты, моя вѣтошка!
З ротимой у матушки,
Когда то мою волюшку,
Мнѣ пустить будетъ?
Пущу я мою волюшку,
Во чисто поле,
Пущу я мою волюшку,
Во темный лѣсъ
Во темномъ лѣсу она запутается
Нѣтъ, пущу я мою волюшку,
По моимъ подруженькамъ.
Покрасуйтеся подруженьки,
Покрасуйтеся любезныя,
Поволь вы у батюшки,
Поволь вы у матушки,
А я горькая горемычная,
Я уже открасовалася,
Отпутяла я съ вами,
Всѣ шутки шутивыя (ч. II, стр. 341)

Въ Малороссіи невѣста благодаритъ отца за безпаботное житье-бытье въ дѣвичествѣ.

Уналa Ганся батиньки пяко.
Спасибо тоби, мій батинько,
За твое кохання.
Що я у васъ гуляла,
Вальяно дила не знала,
Тильки шила до свиточку
Та на улицу,
Та за вiночокъ,—
Та въ гопочокъ (стр. 531).

Съ дѣвичествомъ оканчивались безпаботность и воля женщины. Въ Костромской губерніи женихъ, наканунѣ свадьбы, подноситъ невѣстѣ ключи (стр. 175) и этимъ какъ бы передаетъ ей всѣ паботы и хозяйство внутри дома; въ Саратовской, молодую послѣ свадьбы подымаютъ слонами: „вставай невѣстка! ребенокъ плачетъ, корова ревѣтъ, овцы блѣютъ, корму у нихъ нѣтъ" (стр. 361). Тамъ же, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, новобрачную передаютъ „родственницамъ жениха или свахъ, которая приводитъ къ разложенному огню въ чуланѣ и покалываетъ молодой, какъ она должна стряпать" (стр. 360). Въ другихъ мѣстахъ, на другой день свадьбы, новобрачную учатъ носить воду (стр. 371, 458) и прясть (стр. 551). Всѣ эти указанія на паботы и труды, которыхъ не знала дѣвушка до замужества.

Покупка невѣсты, свидѣтельствующая о дружелюбныхъ или по крайней мѣрѣ мирныхъ отношеніяхъ между семьями и родами, ст. большимъ ихъ сближеніемъ, съ утвержденіемъ между ними болѣе постоянныхъ отношеній, должна была мало-по-малу перейти въ брачный договоръ. Новѣйшему различіе между тѣмъ и другимъ ничтожно, но въ сущности оно чрезвычайно важно, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не вдругъ обозначилось. Въ куплѣ и продажѣ невѣсть есть покупщикъ, есть продавецъ; первый требуетъ товаръ,

осматриваетъ его, прицѣнивается; второй его сбываетъ. Отношенія купца и продавца, равныя, когда идетъ рѣчь о вещи, весьма неравны, когда предметъ торга—женщина, будущая жена покупщика. Семья жениха выбираетъ, семья невѣсты играетъ пассивную роль; первая постановляетъ свои требованія и условія: вторая не имѣетъ права предъявить такихъ же требованій; она соглашается на предлагаемое, или не соглашается, но не смотритъ жениха и не дѣлаетъ выбора. Эта форма браковъ такъ безобразна, такъ неестественна, что необходимо перерождается въ обоюдные договоры. Въ послѣднихъ условливаются о бракѣ двѣ семьи: каждая изъ нихъ выбираетъ и постановляетъ свои условія. Тутъ нѣтъ покупщика, нѣтъ и продавца, хотя прежнія формы купли и продажи и удержаны по преданію. Собственно это договоръ двухъ семей о брачномъ союзѣ ихъ членовъ.

Такой переходъ долженъ былъ отразиться въ характерѣ нашихъ свадебныхъ обычаевъ. Вглядываясь въ теперешніе, естественно приходитъ къ мысли, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, они окончательно сложились и получили свою настоящую форму именно подъ вліяніемъ этого новаго вида браковъ: такъ сильно преобладаютъ въ нихъ черты, напоминающія этотъ видъ, надъ всѣми остальными—остатками похищенія и покупки невѣстъ, или слабыми зачатками лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ и облагороженныхъ понятій о бракѣ. Рядомъ со смотромъ невѣсты появляется смотръ жениха. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онъ происходитъ въ одно время съ осмотромъ невѣсты; такъ въ Вологодской губерніи (стр. 232); но въ другихъ, напримѣръ въ Нижегородской, для него назначается особенный день, и онъ называется глядинами.

„По взаимному соглашенію, родители дочери отправляются на другой день, или въ какой-нибудь другой условленный, глядѣть жениха, и это называется глядинами. Тутъ ихъ принимаютъ со всею почестью: отецъ и мать жениха встрѣчаютъ ихъ на крыльцѣ, кланяются и привѣтствуютъ, потомъ, введя въ избу, всѣ молятся Богу, а женихъ между тѣмъ, одѣтый въ лучшее платье, стоитъ у порога и кланяется имъ. — Родителей невѣсты сажаютъ въ красномъ углу, разговариваютъ съ ними дружески и весело, и спустя нѣсколько времени накрываютъ столъ бѣлою скатертью и ставятъ на него закуску съ виномъ. Во все это время пріѣхавшіе на глядины смотрятъ украдкой на молодаго жениха, и замѣчаютъ всѣ его движенія, по которымъ гадаютъ о счастливой будущности. Когда женихъ имъ покажется, тогда они просятъ садиться съ ними за столъ, онъ сначала не соглашается, но потомъ нѣсколько разъ кланяется имъ. Во совѣщаніи нѣсколько разговорившись, его родители говорятъ ему: „поотказывайся, честь поподчивать гостей. Онъ подходитъ къ нимъ, садится, потупивъ глаза. Отецъ же его наливаетъ чарку водки и сначала угощаетъ глядѣльщиковъ, а тѣмъ, свою жену, а потомъ тебя, произнося тостъ: „здоровье добрыхъ гостей!—Иногда смотрѣть еще нѣсколько жениха, глядѣльщики, если имъ во сердцѣ ложится, просятъ его къ себѣ въ гости и потомъ уѣзжаютъ домой. Если женихъ не по нихъ мѣстямъ, то отказываются отъ другой чарки водки и уѣзжаютъ, поблагодаривши за хлѣбъ соль" (стр. 264).

Эти глядины жениха имѣютъ разительное сходство со смотринами невѣсты. Тѣ же пріемы родителей невѣсты, та же пассивная роль жениха. Ясно, что право выбора жениха не столько же принадлежало, сколько родителямъ послѣдняго выборъ невѣсты. На это право есть и другія указанія. „Выборъ невѣсты между уральскими казаками, говоритъ г. Терещенко, зависитъ отъ жениха, родители не препятствуютъ ему; но избраніе жениха зависитъ отъ родителей" (стр. 317). Тоже въ Малороссіи. Здѣсь не только обѣ договаривающіяся стороны равны, но семья невѣсты имѣетъ даже, въ брачномъ договорѣ, видимый перевѣсъ надъ семьей жениха. Боплянъ, оставившій описаніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка, прямо говоритъ, что здѣсь, „наперекоръ всѣмъ народамъ, не мужчины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мужчинъ" (стр. 485). Это странное извѣстіе подтверждается теперешними малороссійскими свадебными обычаями. Если дѣвушка любитъ жениха, она сама упрашиваетъ родителей отдать ее за него замужъ (стр. 493); а если не любитъ, рѣшительно отказывается (стр. 494).

„Со времени засватанья,—говоритъ г. Терещенко,—до свадьбы, помолвленные видятся между собою почти каждый день; они вмѣстѣ ходятъ и цѣлуются, вмѣстѣ закупаютъ вещи для домашняго обзаведенія, и новыя платья для радостнаго своего праздника; проводятъ вмѣстѣ не только день, но и ночь, и женихъ строго наблюдаетъ благопристойность" (стр. 505). Невѣста повязываетъ жениха рушникомъ. Это значитъ, какъ видно изъ словъ старостъ (сватовъ), назадъ приводца (т.-е. приведеннаго), чтобы онъ не убѣжалъ изъ хаты (стр. 497). Оттого и поется:

Скажи матери
Що *твоїхъ онучокъ* звязали

Тюхъ литокъ
Одинъ литокъ,
Тонесенькимъ, белесенькимъ
Рушничкомъ (стр. 522).

объясняетъ, далѣе, древній обычай при
ахъ: брачущіеся разрѣзывали полотенце
одились въ разныя стороны. Потомъ,
лороссіи, послѣ вѣнца, молодая ѣдетъ
ѣ въ домъ, а новобрачный къ себѣ; от-
послѣдній пріѣзжаетъ къ родителямъ ея
справляетъ свадьбу, а уже послѣ того
въ свой домъ (стр. 516—532). Далѣе,
лороссіи, въ число свадебныхъ обря-
ходитъ ловля жениха. „Передъ вече-
говоритъ г. Терещенко—подъѣзжаетъ
ъ съ боярами къ дому невѣсты. Дружко
новится у воротъ, съ кувшиномъ квасу
лѣбомъ, и начинаетъ ловить жениха,
й съ боярами проскакиваетъ мимо его
хъ разъ. Потомъ онъ подъѣзжаетъ ти-
дружко хватаетъ лошадь за повода и
ъ его къ невѣстѣ на дворъ" (стр. 581).
ъ жениха еще иначе. Родственники
ы выходятъ на улицу съ палками, и
время, когда женихъ подъѣдетъ къ во-
, они забѣгаютъ и гонятъ его палками
ръ въ невѣстѣ: онъ бьетъ плетью сво-
на и ускакиваетъ съ боярами; это дѣ-
имъ до трехъ разъ. Когда загонятъ
дворъ, тогда мать невѣсты беретъ у
лошадь и привязываетъ къ столбу. Же-
ходитъ съ своими боярами въ сѣни,
рѣчастъ его невѣста" (ibid. въ выпискѣ).
ецъ дружки и подружки должны выку-
женихову шапку у ея сестры или свахи
581).

рытно было бы знать, отчего здѣсь
а играетъ роль жениха и множество сва-
ъ обычаевъ имѣютъ обратный смыслъ въ
ми съ великорусскими? Конечно, юморъ,
ляющій отличительную черту малорос-
(ср. юмористическое наставленіе моло-
стр. 497), играетъ въ этомъ немало-
о роль; но всего ему одному приписать
особливо зная свидѣтельство Боплана.
ная особенность тоже не рѣшаетъ во-
ибо, рядомъ съ приведенными обыча-
ть тамъ множество другихъ, указы-
хъ на бывшее и здѣсь похищеніе и
у невѣсть,—словомъ, на брачныя от-
я совершенно одинакія съ великорус-
То вѣрно, что въ этомъ противорѣчіи
лись обѣ крайности ненормальныхъ,
ственныхъ отношеній брачущихся въ
ъ древнихъ бракахъ. Пассивная роль
жениховъ только окончательно убѣждаетъ, что мнѣніе, будто женскій полъ—слабѣйшая половина человѣческаго рода, и потому занимаетъ въ быту второстепенное мѣсто—далеко не аксіома и не можетъ быть принято исходной точкой въ историческомъ изслѣдованіи. Впрочемъ, такое неправильное проявленіе взаимныхъ отношеній между мужчинами и женщинами въ первоначальномъ быту есть необходимая принадлежность древнѣйшей общественности. По отсутствію опредѣленности и правильности, она непремѣнно выражается въ крайностяхъ и рѣзкихъ противорѣчіяхъ. Сдавленное и стнетенное здѣсь, необуданно, чрезмѣрно обнаруживается тамъ. Игра силъ и потребностей, не приведенная въ опредѣленную норму, не уравновѣшенная образованностью и гражданственностью, представляетъ всюду необычайное и рѣзкое.

Согласіе брачущихся на вступленіе въ супружество, когда браки обратились въ договоры родовъ и семей, все еще не нужно и не требуется; ибо эта относительно высшая форма брачныхъ союзовъ все-таки не болѣе какъ сдѣлка, условіе. По крайней мѣрѣ въ этой формѣ открывается больше простора для личныхъ наклонностей жениха и невѣсты. Ихъ желаніе или нежеланіе вступить въ бракъ принимается уже иногда въ уваженіе домоначальниками. Конечно, оно не обязательно для послѣднихъ; но они могутъ обратить на него вниманіе, и иногда обращаютъ, потому что бракъ, при сожительствѣ и постоянныхъ отношеніяхъ семей и родовъ, перестаетъ быть предметомъ временныхъ столкновеній между ними, но образуетъ и устанавливаетъ связи, пріязни, которыя скрѣпляются или ослабляются согласіемъ или раздорами новобрачныхъ. Вотъ зачатки непринужденнаго, свободнаго выбора супруга.

Эти зачатки нетрудно открыть въ нашихъ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ. Почти вездѣ замѣтно участіе, дѣятельное или хоть пассивное, отрицательное, самихъ будущихъ супруговъ въ опредѣленіи выбора жениха и невѣсты. Оно конечно не юридическое, и потому не офиціальное, не торжественное. Главными дѣйствующими лицами являются старшіе; младшіе не имѣютъ рѣшительнаго голоса въ дѣлѣ, которое однакожъ ихъ непосредственно касается, и потому безпрестанно могутъ заключать и заключаютъ браки противъ своего желанія. Но обыкновенно ихъ спрашиваютъ или имъ самимъ предоставляютъ выборъ. Патріархальность нашего быта при-

чиной, что и то и другое даже чаще бываетъ, чѣмъ можно заключать по строгимъ символическимъ свадебнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ слышатся времена увоза и покупки невѣсть.

Изъ множества данныхъ, доказывающихъ участіе брачущихся въ выборѣ жениха или невѣсты, приведемъ здѣсь нѣсколько болѣе рѣзкихъ. У Мордвы и до сихъ поръ невольное вступленіе невѣсты въ бракъ наглядно выражается въ слѣдующемъ обычаѣ: „когда молодая увидитъ дверь клѣти, тогда она останавливается и не хочетъ идти. Молодой бьетъ по ея спинѣ плетью три раза, чтобы она не упрямилась впередъ. Сваха, передавая молоду, говоритъ новобрачному: „волкъ, на тебѣ овцу" (стр. 361). Но мѣстами видно уже другое. Въ Нижегородской губерніи, „невѣста, подслушивая ихъ разговоры (совѣщанія родителей съ родственниками, выдать ли имъ дочь замужъ), съ волненіемъ ожидаетъ приговора, и когда услышитъ выдать, тогда она немедленно отправляется къ своимъ подругамъ совѣтоваться: выходить ли ей замужъ? и не знаютъ ли онѣ что дурное про него? Знающія или слышавшія что-либо дурное про него, остерегаютъ ее и не совѣтуютъ выходить замужъ. Тогда начинается сумятоха въ домѣ ея родителей: ее уговариваютъ не слушать и не вѣрить разсказамъ, и если не убѣдятъ, то расходятся до ея успокоенія. Въ противномъ случаѣ женихъ получаетъ отказъ" (стр. 265). По мнѣнію г. Терещенки, слово **успокоеніе** значитъ раздумье. Но это несправедливо. Успокаиваться слово въ слово значитъ раскаяться; въ данномъ случаѣ оно очень характеристично, представляя непослушаніе дочери волѣ родителей не какъ преступленіе, а какъ грѣхъ, слѣдовательно придавая ему религіозно-нравственное, а не юридическое значеніе. Иначе и не могло представляться отступленіе отъ обычая, не юридическаго акта. Любопытно также описаніе [illegible] въ Литвѣ, въ день сватовства, женщины, находящейся въ домѣ, звонятъ въ [illegible] невѣсту.

[illegible]

ни пьяница, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья добрая,—никто объ ней не скажетъ худого. Какъ думаешь, мое дитятко? Отвѣчай, вѣдь ты у насъ ребенокъ.—Молчаніе.—Наконецъ дочь, потупивъ глаза въ землю, отвѣчаетъ тихо: какъ хотите себѣ?—или мать говоритъ ей: нѣтъ, моя родная! говори яснѣе: любишь ли его? Ты у насъ не лишняя, изъ дома тебя не гонимъ. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы покинуть тебя. Какъ думаешь?—Она, отворотясь отъ стѣны, отвѣчаетъ: что жъ дѣлать? выходить за мужъ, такъ выходить,—пусть по моей будетъ! — Послѣ этого она выступаетъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Каждый изъ гостей дѣлаетъ ей личное привѣтствіе, и разговоръ становится общимъ (стр. 475 и 476).

Но если уже согласіе невѣсты на [illegible] допускается какъ условіе брачныхъ сдѣлокъ, то тѣмъ болѣе допускаются согласіе и [illegible] выборъ жениха. Нерѣдко онъ являетъ [illegible] смотръ невѣсты (стр. 232), самъ выбираетъ ее при жизни родителей (стр. 617) и [illegible] лаетъ къ ней сватовъ (стр. 288); иног[illegible] лняется на сватовство вмѣстѣ съ [illegible] (стр. 207 и 492).

Когда бракъ сталъ обоюднымъ [illegible] равныхъ договаривающихся между собо[illegible] довъ, должно было появиться и при[illegible] Пока невѣсты продавались, ихъ родные [illegible] чали калымъ, или плату за вѣно[1]: ко[illegible] бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, с[illegible] двухъ родовъ, скрѣплявшей и упрочив[illegible] ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно [illegible] ный разрывъ новобрачной съ своимъ [illegible] не могъ имѣть мѣста, какъ прежде—[illegible] ственники, весьма естественно, старал[illegible] возможности, обезпечить хозяйство и [illegible] ство молодыхъ. Вотъ первый поводъ [illegible] за невѣстой приданое. Оно стало [illegible] предметомъ соревнованія между родам[illegible] горыхъ члены соединялись бракомъ [illegible] ственники невѣсты выказывали свое до[illegible] ство, честь, богатство передъ родн[illegible] мужа, такая за ней большое придано[illegible] ным образомъ [illegible] далѣе стало необхо[illegible] [illegible] брачныхъ союзовъ. (

[illegible] отъ [illegible]? [illegible] первого. Какъ [illegible] принадлежи[illegible] Въ [illegible] онѣ являлись [illegible] супружествѣ. [illegible] [illegible] семьи. „Въ Ма[illegible] [illegible] [illegible] и съ широкого [illegible] матеріи. *На* [illegible] [illegible] [illegible] грудь и [illegible]

примѣръ, у Уральскихъ казаковъ „о приданомъ не спрашиваютъ: что дадутъ родители, тѣмъ довольны; молодые всегда надѣются, что ихъ надѣлять достаточно“ (стр.).

получивъ значеніе добровольнаго, на обоюдномъ согласіи семей основаннаго договора, которомъ обѣ стороны играютъ равную браки мало-по малу теряютъ характеръ первоначальной, грубой непосредственности и случайнаго факта. Они становятся разумнымъ союзомъ, актомъ многозначительнымъ въ частномъ быту семьи и во всѣхъ отношеніяхъ родовъ. Вотъ почему и во времена язычества они получили религіозное значеніе. Бракъ—велѣніе божества; —судъ Божій (стр. 110). Отсюда названіе суженый, суженая (стр. 470), т.-е. приговоренный. Въ Костромской губерніи, передъ поѣздомъ къ вѣнцу, поютъ:

Вотъ новобрачной князь
Съ новобрачной княгинею,
Ко вѣнчанію.
Вотъ вѣнецъ стоитъ,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженую взять.
По Божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору (стр. 192).

Эти слова весьма замѣчательны. Изъ нихъ видно, что бракъ былъ опредѣленіемъ, приговоромъ, судьбой. Есть извѣстіе, что у казаковъ атаманъ давалъ невѣсту, какъ въ семьяхъ глава семьи. Въ одной хороводной игрѣ поется:

Пошли ли я на матушку на Волгу
Къ наибольшему атаману
Чтобъ онъ меня подарилъ,
Подарилъ меня женою (ч. IV, стр. 194).

Послѣ этого бракъ по мірскому приговору не представляетъ ничего удивительнаго. Судя по остаткамъ, сохранившимся въ теперешнихъ свадебныхъ обычаяхъ, необходимою принадлежностью языческихъ свадебныхъ празднествъ были, между многими другими, курица и пѣтухъ, коровай и перешагиваніе черезъ огонь. Курица и пѣтухъ играли въ древнихъ свадьбахъ очень важную роль. Молодымъ послѣ вѣнца подавали у насъ, въ XVII вѣкѣ, жаренаго пѣтуха (стр. 100). Въ Смоленской губерніи, послѣ благословенія, и теперь дарятъ священнику чернаго пѣтуха (стр. 457). Въ Малороссіи пѣтуха впускаютъ въ хату, если въ домѣ жениха сдѣлается что-нибудь нехорошее до пріѣзда молодой (стр. 582, въ выноскѣ); здѣсь же дружки приносятъ молодой, на другой день свадьбы, жареную курицу (стр. 534); въ другихъ мѣстахъ родители, благословивъ невѣсту, даютъ ей съ хлѣбомъ-солью и черную курицу (стр. 589) и т. д. Наконецъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ Тульской, крестьянинъ, приходя къ помѣщику просить о женитьбѣ сына, непремѣнно приноситъ курицу.

Коровая пекутся въ Малороссіи съ торжественными обрядами, показывающими ихъ прежнее, религіозное значеніе.

„Дня за два до свадьбы, пекутъ большіе и малые короваи т.-е. пшеничные хлѣбы, окрашенные красною краскою; по верхъ ихъ наѣпливаютъ хлѣбныя птички, которыя имѣютъ съ короваемъ покрываются золотой мишурой и украшаются прапорками (спичками). Печеніе коровавъ сопровождается пѣснями, сколько можно веселыхъ, думая, что въ это время онѣ имѣютъ вліяніе на судьбу молодыхъ. Самую закваску свадебнаго хлѣба сопровождаютъ пѣснями, по той же самой причинѣ.—Когда коровай будетъ спеченъ и онъ возвышается высоко, тогда женщины поднимаютъ радостный крикъ, бьютъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и столамъ, и вакханскимъ напѣвомъ рапортуютъ свадебныхъ дѣвушекъ“. (Ч. II, стр. 510).

За свадебнымъ обѣдомъ ставится „посреди стола коровай, покрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутою въ него вѣтвью, еловою или калиновою... Старшій дружко, прочитавъ послѣ благословенія старосты „Отче нашъ“, снимаетъ съ коровая рушники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ подружкѣ и перевязываетъ себѣ и ей черезъ плечо; потомъ разрѣзываетъ коровай на части и дѣлитъ между гостями; каждый даетъ за то по нѣсколько денегъ“ (стр. 526 и 527). Обычай переѣзжать черезъ огонь тоже употребителенъ на свадьбахъ и почти повсемѣстенъ. Огонь раскладывается или у ворота невѣстина дома, когда въ него въѣзжаетъ женихъ со своими поѣзжанами (стр. 469), или когда свадебный поѣздъ возвращается изъ церкви въ домъ жениха (стр. 589). Съ этимъ переѣздомъ черезъ огонь соединяются разныя повѣрья, которыя показываютъ, что это былъ когда-то религіозный обрядъ. Такъ г. Терещенко говоритъ, что „это дѣлается въ очи-

щеніе молодыхъ отъ порчи и злыхъ чаръ" (стр. 589, вып.). Но мы знаемъ, что значатъ эти повѣрья: они указываютъ на прежнее священное значеніе обряда, которому потомъ приписана чудодѣйственная сила.

Что значатъ всѣ эти и многія другія принадлежности свадебныхъ обычаевъ? Онѣ не представляютъ никакихъ существенныхъ отличій отъ прочихъ языческихъ обрядовъ. Въ послѣднихъ тѣ же предметы играли важную роль. Курица, пѣтухъ приносились въ жертву; такъ же и пироги. Въ свадьбахъ — они несомнѣнно остатокъ языческихъ жертвоприношеній. Такое сходство невольно приводитъ къ мысли, что въ незапамятныя времена свадьбы были существенною частью извѣстныхъ языческихъ праздниковъ, можетъ быть даже развились изъ вакханалій, которыми сопровождались эти праздники. Не смѣемъ утверждать этого положительно, но нѣкоторыя данныя какъ будто подтверждаютъ догадку. Всѣмъ извѣстно классическое свидѣтельство Нестора о бракахъ у сѣверянъ, родимичей и древлянъ. Едва ли можно сомнѣваться, что лѣтопись говоритъ здѣсь о языческихъ вакханаліяхъ, служившихъ уже тогда началомъ послѣдующихъ брачныхъ отношеній. Вспомнимъ и то, что и теперь, по народнымъ понятіямъ, есть въ году времена, слывущія временемъ свадебъ: такъ Красная горка. Должна же быть этому причина. Мы думаемъ, что въ эпоху дикаго состоянія племени, происходили въ это время года языческія вакханаліи; къ нимъ побуждала природа. Потомъ, когда человѣкъ началъ выходить изъ этого состоянія, и стали появляться сколько-нибудь постоянныя отношенія между отдѣльными родами, вакханаліи уже подавали поводъ къ бракамъ. Браки, происходившіе такимъ образомъ, получили религіозное значеніе отъ языческаго торжества, при которомъ совершались въ опредѣленное время. Послѣ они отдѣлились отъ этихъ торжествъ и совершались особливо, но обряды, напоминавшіе поклоненіе извѣстнымъ языческимъ божествамъ, удержались при нихъ, хотя и потеряли первоначальный смыслъ. Разумѣется, могло быть и то, что, совершаясь въ разныя времена, они остались вѣрны своему историческому происхожденію и соединялись съ поклоненіемъ тому божеству, съ празднованіемъ котораго и первоначально были тѣсно связаны. Объ этомъ объясненіи религіознаго характера древнихъ свадебъ не противорѣчатъ другъ [illegible] та и другая причина, но всѣмъ вѣро[illegible] дѣйствовали вмѣстѣ и образовали [illegible] время. Какъ бы то ни было, все [illegible] думать, что браки получили сим[illegible] рактеръ въ одно время съ установ[illegible] нѣкоторой правильности, постоянс[illegible] взаимныхъ отношеніяхъ первобы[illegible] патріархальныхъ союзовъ, съ перв[illegible] чатками гражданскаго сожительства [illegible] шихся родовъ и сблизившихся, сно[illegible] дыхъ между собой семей. Выражая [illegible] условія жизни, новый ея видъ, рел[illegible] характеръ браковъ содѣйствовалъ р[illegible] этихъ уголкахъ, этого поваго вида об[illegible] наго быта. Вотъ почему въ исторіи [illegible] цивилизаціи, до которой только мо[illegible] выситься древнѣйшая Русь, въ ме[illegible] и ограниченныхъ успѣхахъ нашей т[illegible] зать до-исторической общественно[illegible] новое значеніе браковъ играетъ [illegible] чайно важную роль и заслуживаетъ [illegible] наго вниманія.

Сдѣлавшись предметомъ дружелюб[illegible] ношеній и связей между семьями и [illegible] браки стали сопровождаться пир[illegible] сельемъ, согласіемъ и замиреніемъ [illegible] Свадьбы были однимъ изъ древнѣ[illegible] самыхъ частыхъ поводовъ для мирны[illegible] новеній чуждыхъ другъ другу людей [illegible] изъ самыхъ обыкновенныхъ выраженій [illegible] начальнаго общежитія.

На все это мы находимъ ясныя [illegible] въ теперешнихъ свадебныхъ обряд[illegible] стого народа. Въ нихъ сохранилось [illegible] наніе о томъ времени, когда дѣйств[illegible] лицами въ свадьбахъ были не брачу[illegible] ихъ роды. Послѣ сватовства, цѣлый [illegible] которому принадлежала невѣста, [illegible] совѣтъ, отдать ли ее, или нѣтъ. Та[illegible] перь дѣлается между крестьянами ([illegible] 488). Въ Нижегородской губерніи эт[illegible] ные совѣты, состоящіе изъ родни, [illegible] сосѣдей, называются совѣтливыми [illegible] рами и до сихъ поръ имѣютъ рѣши[illegible] голосъ въ принятіи или непринятіи [illegible] жепія (стр. 265). Подобные совѣты е[illegible] недавно играли важную роль въ [illegible] быту высшихъ, образованныхъ класс[illegible] скаго общества и полновластно ра[illegible] лись семейными дѣлами. По свадебны[illegible] нымъ, бракъ есть веселье рода се[illegible] честь невѣсты — честь рода (стр. 592[illegible] но всѣмъ видно, что свадьбы сближа[illegible]

жениха и невѣсты. Послѣ свадьновобрачнаго и его жены попереятъ другъ къ другу на пиры (стр. Саратовской губерніи братъ нежихъ ея, послѣ продажи послѣдются между собою (стр. 345). Отдругъ отъ друга до свадьбы, роды послѣ брака знакомыми и входили ныя отношенія: „коли породниемъ будемъ ходить другъ къ дружкѣ", въ нѣкоторыхъ губерніяхъ родо изъ молодыхъ на приглашеніе другого (стр. 371). „Много радости сійскомъ веселіи (свадьбѣ),—говерещенко—и оно, выражая вполнѣ лья, обращается въ праздникъ нео околодка. Поселяне и горожане ются толпами; двери избы открыдля всѣхъ, званыхъ и незваныхъ; питье, танцы,—все для всѣхъ. Родыхъ принимаютъ чистосердечсвоихъ враговъ; угощаютъ ихъ мъ торжествующей добродѣтели (!). да не врагъ; самые злые недруги ся, и веселье молодыхъ часто соедружбою (?) многихъ непріязненр. 487). Мысль, выраженная здѣсь вски, въ основаніи вѣрна. Свадьба ьемъ, миромъ; это ея существен-

Вражды невольно должны прикъ, гдѣ ихъ не допускаетъ обрядъ, йся подъ вліяніемъ когда-то бывтвительнаго сближенія чуждыхъ, разрозненныхъ и враждебныхъ въ ь. Но какъ это сближеніе было торожно, недовѣрчиво, какъ люди себѣ на умѣ, видно изъ многихъ ей свадебныхъ обычаевъ. Мы уже вѣдупѣ, не покидавшемъ жениха ремя свадьбы, и который долженъ трѣть, чтобъ не околдовали молоспортили его (стр. 613): доказа-что ненависти не потухали на дѣйствовали тайно. Да и могло ли е? Исторія человѣческаго общеалась не миромъ, а враждой, не чуждостью или ненавистью. Внѣшеніе людей, юридическія отношеніе другихъ личностей и общаго ано охраняющаго всѣхъ и каравителей міра,—все это плодъ долтій, великихъ усилій и жертвъ, каждымъ обществомъ, а не даромъ Нѣкоторые изслѣдователи начинаютъ исторію извѣстныхъ народовъ съ того времени, когда отношенія между семьями и родами уже установились по образу тѣхъ, которыя существовали внутри семьи между членами родовъ,—другими словами, съ появленія и упроченія міровъ. Они забываютъ, что этотъ семейно-патріархальный бытъ, обнимающій цѣлый народъ, цѣлое племя, есть результатъ длинной эпохи вражды и страшнаго разъединенія, и уже поэтому не могъ быть такъ простодушно наивенъ и искренекъ, какъ обыкновенно думаютъ. Кто не знаетъ, какъ долговѣчны и непримиримы вражды у первобытныхъ, младенческихъ народовъ? Онѣ передаются изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и оттого длятся Богъ знаетъ сколько времени. Посмотрите пристально на свадебные обряды: они на каждомъ шагу напоминаютъ объ этой особенности, или, если можно такъ выразиться, сдержанной враждебности, на время нарушенной чуждости родовъ. Вездѣ видимъ выкупъ, плату за каждое дѣйствіе. Дѣвушки выманиваютъ у жениха невѣсту, свою подругу, и не отдаютъ ее безъ выкупа (стр. 598). Свахи и дружко не выпускаютъ молодыхъ изъ бани, пока не сторгуются о подаркахъ (стр. 602). Это примѣры изъ множества подобныхъ и взяты на угадъ. Все оплачивается. Роды не берутъ на себя издержекъ праздника: участвующіе въ немъ приносятъ свою долю (стр. 327, 482), или онѣ падаютъ на счетъ жениха, который платитъ напримѣръ за угощенье на сговорѣ (стр. 610). Въ Пензенской губерніи „уговариваются въ кладкѣ: отецъ невѣсты получаетъ нѣсколько денегъ, вина, мяса, масла и другихъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для совершенія пира" (стр. 281). Подарки—самое положительное доказательство сближенія, пріязни и дружбы; всѣ дарятъ другъ друга на свадьбѣ; но эти подарки взаимны, или они—спасибо за угощенье; наконецъ они опредѣляются по ряду, условію, что показываетъ, что они не были выраженіемъ искренней пріязни, а дѣлались съ задней мыслью, съ разсчетомъ, съ опредѣленной цѣлью (стр. 291). По всѣмъ этимъ даннымъ можно судить, какую важную роль играли свадьбы въ исторіи нашего внутренняго быта. Онѣ завязывали узелъ общественности, воспитывали ее и поддерживали. Въ нихъ, и посредствомъ ихъ, всего чаще происходило сближеніе между людьми и устанавливались

постоянныя отношенія. Поэтому ихъ должно по всей справедливости признать однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ двигателей древней гражданственности.

Отъ браковъ, въ формахъ которыхъ отпечатлѣлось, какъ мы видѣли, постепенное образованіе общежитія, перейдемъ теперь къ прочимъ явленіямъ гражданской жизни—міражъ, собраніямъ, судамъ и сдѣлкамъ всякаго рода.

Въ незапамятныя времена, общежитіе, какъ мы сказали, сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были, современемъ, разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ, потому что изъ семей онѣ образовались, и слѣдовательно семьи были ихъ историческимъ первообразомъ.

Съ другой стороны—между отдѣльными и ничѣмъ несвязанными родами должны были происходить столкновенія, и вслѣдствіе того установиться отношенія и связи. Мы видѣли, каковы они были сначала. Вызванныя внѣшней необходимостью или случайными обстоятельствами и ничѣмъ необезпеченныя, они оставались долгое время внѣшними и не проникали глубоко въ бытъ. Установились міры—эти первые зачатки гражданскаго общежитія, а чуждость и вражда долго еще не могли прекратиться. Роды были по прежнему замкнуты внутри себя, и жили отдѣльно другъ отъ друга. Теперь они только замирились и въ опредѣленное время сходились вмѣстѣ. Вотъ почему союзы, собранія съ самаго начала получили религіозный характеръ: не имѣя внутренней связи, они должны же были имѣть какую-нибудь внѣшнюю опору. Такой опорой и внѣшней связью служили имъ вѣрованія въ языческое божество, охранявшее міръ или общину, управлявшее его дѣлами, обличавшее виновныхъ и каравшее злыхъ. Оно было для первоначальной общественности, что теперь правительство и администрація, и очень несовершенно замѣняло ихъ, ибо выражало требованія возникающей гражданственности, а не удовлетворяло имъ.

Изъ всего этого можно составить себѣ слѣдующее представленіе о первоначальной общественности. Она имѣла тѣсную связь съ языческими вѣрованіями, была ими проникнута, и потому ими опредѣлялась и поддерживалась. Внѣ религіозныхъ условій бытъ оставался по прежнему грубымъ и разобщеннымъ. Отдѣльность, обособленность, въ которой проходила жизнь семей и ро… рушилась, по временамъ, религіозными … нествами и общимъ богослуженіемъ … торыхъ всѣ принимали участіе, на во… рѣшались общественныя дѣла и сове… вались гражданскіе обороты, отча… зависимости общественныхъ дѣлъ от… ній божества, отчасти потому, что и… щества собирался весь міръ, вся общ… и въ этихъ сходбищахъ отдѣльност… дость людей обнаруживались безпре… даже въ самыхъ празднованіяхъ и… ствахъ. На все это есть множество … въ книгѣ г. Терещенки. Онъ описыв… стоящее, но въ этомъ настоящемъ е… сохранились слѣды незапамятной с… несмотря на измѣнившіяся условія … ственной и частной жизни.

Во-первыхъ, весьма замѣчательно, … всей Россіи многіе церковные праз… всѣ приходскіе или, такъ называемые … вые, обыкновенно сопровождаются … Эти пиры, называемые братчинами и… товщинами, семычинами, складчинам… ваютъ послѣ обѣдни, въ приходском… въ нихъ участвуютъ всѣ или многіе … ные крестьяне, отчего эти пиры и … исчисленныя названія. „Въ день Ни… говоритъ г. Терещенко—собираются … вать у знакомыхъ и родныхъ, на отк… воздухѣ, близъ храмовой церкви. Въ … приготовляли на этотъ праздникъ … вино, пироги и варили въ полѣ пи… ную кашу. Иногда поселяне, сдѣлавъ … чину, пировали всѣ вмѣстѣ. При тако… чаѣ избирался изъ среды ихъ особый хо… который назывался старостою: онъ все у… валъ для общаго веселія. Бѣдные и … принимались всѣми радушно.—Иногда … вали по нѣсколько дней сряду,—но п… начинался и не оканчивался безъ хра… священника. При разгульномъ весе… ставлялись хороводы, въ которые вм… лись и женщины и старики“ (Ч. IV, стр… „Въ день великомученика Прокопія по… празднуютъ общимъ міромъ (не пиром… наступившую жатву. Наканунѣ Прокоп… пекутъ нѣсколько череповъ и пекутъ … въ день праздника отслуживаютъ мо… за счастливое окончаніе сельскихъ ра… потомъ пируютъ“ (Ч. VI, стр. 19). Та… пиръ въ день св. Власія, послѣ молеб… стр. 38). Дѣвушки дѣлаютъ склад… семычины и пируютъ въ Покровъ …

нѣкію по Косьмы и Даміана (ib. 2 и слѣдующіе), наканунѣ Троицына . стр. 188). „Пермяки собираются въ Ильи, изъ двухъ или трехъ деревень ъ, приводятъ сюда быка или теленка, каютъ и готовятъ общій пиръ" (ib. 51). „Главныхъ братчинъ суть двѣ: ковская и Никольская: первая въ честь ратника Михаила (сентября 6), а вто- честь св. Николы зимняго (дек. 6). два дня поселяне сталотъ общимъ ъ церкви большую свѣчу и служатъ ъ о ниспосланіи нам ихъ всякихъ . Послѣ угощаютъ на свой счетъ посе- ъ своего околотка: остатки отъ стола ъ пищимъ; хлѣбныя крохи бросаютъ духъ, чтобы нечистые духи не пор- ли деревьевъ, ни полей. По многимъ ъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные дываютъ складчину изъ благогошѣнія къ ику какого-нибудь святого, или такого ка, который почитается покровителемъ деревни, или во имя того праведника, ть коего выстроена церковь, по ка- нибудь чудесному событію... Въ вто-за Россіи и въ большей части сѣверо- ной празднуютъ еще братчину по слу- ложенія или окончанія церкви. Тогда жане отправляютъ братчину съ особой стью: со всѣхъ окружныхъ мѣстъ съѣза- ся къ нимъ на праздникъ: тутъ прово- время въ забавахъ и играхъ. Лѣтомъ дуютъ обыкновенно подъ открытымъ не- бливь церкви, а зимою въ домѣ свя- ника или церковно-служителя" (Ч. V. 150). „Въ старые годы было даже обя- тью, чтобы ѣздить на братчины: это ходило изъ уваженія къ храмовому нику" (ib. стр. 151). Въ Малороссіи мѣ- такое разгулье называется кононом. присутствовалъ,—говоритъ г. Терещенко, одномъ конопѣ. Послѣ совершенія ы, это было лѣтомъ, прихожане чинно сь за приготовленными столами, подъ лми благоухающими; священникъ, бла- вивъ кушанье, поздравлялъ гостей съ никомъ, и потомъ пили чарку водки, ую подноситъ ему староста, распоряжав- общимъ пиромъ, и такая чарка обхо- всѣхъ кругомъ. Подали пироги и пали- со сметаной, за тѣмъ горячее кушанье. ченнику подавали прежде всѣхъ, за нимъ таршинству остальнымъ. Угощеніе со- изъ разныхъ сытныхъ блюдъ: во время кушанья пили, кто что хотѣлъ. Послѣ обѣда молодыя женщины, дѣвушки и парни занялись играми и хороводами. Прочіе веселились плясками и пѣніемъ (ib. 151 и 152). „Съ братчинами имѣютъ больше сходства сельскія ярмонки, Юровый день, Никольщина и колки. Всѣ они служатъ предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого-нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное кушанье.—Не одинъ мужской, но и женскій полъ принимаетъ участіе въ веселіи, которое продолжается за полночь. Во время сельчинъ бываютъ часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, прощаютъ другъ другу убытки, нанесенные имъ въ продолженіе лѣтнихъ работъ, какъ-то: потравы хлѣба и травы, закосъ въ чужихъ лугахъ и т. п.—Молодки, дѣвушки и парни пускаются въ присядку и поютъ пѣсни" (ib. стр. 152). „Пирующіе, разгорячаясь виномъ болѣе и болѣе, употребляютъ часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ, какъ говорится, уши вянутъ.—Конецъ пированья, сельчины или братчины, иногда бываетъ причиною ссоръ и новыхъ попоекъ на мировую.—Юровый день, получившій свое названіе отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы.—Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, если въ деревнѣ есть церковь во имя св. Николы, и послѣ службы пируютъ. Гдѣ нѣтъ церкви во имя св. Николая, тамъ отпѣваютъ молебенъ въ обыкновенной приходской заступнику Николаю, и потомъ предаются общему радостному разгулу" (ib. стр. 153 и 154).

Не въ одни церковные праздники бываютъ такіе пиры и братчины; простонародные праздники—остатки языческихъ торжествъ—точно такъ же сопровождаются пирами и складчинами. „На святкахъ бываютъ вечеринки безденежныя и со взносомъ денегъ. На первыя зовутъ хозяева. Вечеринка со взносомъ денегъ составляется молодыми людьми изъ одной какой-либо деревни. Выбравъ по общему согласію горницу, просятъ у хозяина позволенія сдѣлать въ его домѣ вечеринку и потомъ отправляются въ сосѣднія деревни съ вѣдомомъ, что въ такомъ-то

домѣ будетъ вечеринка. Молодежь обоего пола, запасшись кормомъ для лошадей и мелкими деньгами для музыкантовъ, съѣзжается на зовъ, пируетъ до разсвѣта; при концѣ вечеринки музыканты подходятъ къ каждому изъ пирующихъ съ тарелкою, куда кладутъ деньги. Веселье на этой вечеринкѣ сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходятъ ряженые на сцену" и т. д. (Ч. VII, стр. 185 и 186). На этихъ вечеринкахъ бываетъ женитьба бахоря. Онъ и его жена обыкновенно выбираются изъ пожилыхъ „представляютъ изъ себя родителей всей играющей молодежи" и послѣ женитьбы „пляшутъ... на долгій ленъ" (стр. 187 и 188). Послѣ запашки бываютъ такіе же пиры и братчины.

„Въ деревнѣ варятъ тогда брагу и пиво, и по окончаніи работъ, угощаютъ взаимно. При засѣваніи яроваго хлѣба, женщины готовятъ яичницу и пирушку; но обычаю онѣ пируютъ одни. Въ праздничный день сходятся поселяне въ церковь отслушать благодарственный молебенъ, другіе приноситъ въ церковь, на освященіе, часть баранины или что-нибудь изъ птицъ, особенно чернаго пѣтуха и хлѣбы. Послѣ молебна берутъ съ собою мясное, оставивъ хлѣбы священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общій пиръ священника, своихъ родственниковъ и всѣхъ своихъ сосѣдей, чтобы отпраздновать опашку или запашку" (Ч. V, стр. 34 и 35).

Такія же празднованія и пиры бываютъ послѣ засѣва (ibid.) и жатвы (ib. стр. 109). Что всѣ эти праздники остатки языческихъ празднествъ—не только само по себѣ очевидно, но доказывается положительными историческими свидѣтельствами о языческомъ торжествѣ въ честь Перкрубія въ Пруссіи, Самогитіи, Литвѣ, БѢлоруссіи и Лифляндіи (ib. стр. 107 и 108).

Эти обычаи восходятъ къ глубокой древности. Они показываютъ, что въ незапамятныя времена религіозныя празднества соединяли людей, примиряли ихъ. Пиры—остатки жертвоприношеній. Складчины и сеяпчины напоминаютъ раздѣльность родовъ, отсутствіе гостепріимства, которое такъ ошибочно и въ такомъ несвоевременномъ нашей старинѣ смыслѣ приписывали древнѣйшимъ славянамъ. Не имѣя другихъ формъ для общественныхъ отношеній кромѣ семейныхъ, патріархальныхъ, наши предки перенесли эти семейныя формы на общественный бытъ. Люди чуждые между собою братались, становились близкими какъ братія. Отсюда братчины. Такъ общественность возникла у насъ подъ покровомъ языческихъ вѣрованій и поддержалась ими. Страхъ, трепетъ, благоговѣніе передъ божествомъ мѣшали нарушить миръ и тишину на общихъ празднованіяхъ въ честь боговъ. Какой видъ общественныхъ пиршествъ народныхъ собраній ни взять,—будутъ ли они административные, или праздничные для веселья,—всѣ безъ исключенія, женскія и мужскія, дѣвичьи и обоего пола, непремѣнно восходятъ по своему началу къ какому-нибудь языческому празднеству и имѣли сперва, религіозный характеръ; таковы хороводы и посидѣлки, таковы дѣвичники, вечеринки, субботки и бесѣды. Эти, сначала общественныя и богослужебныя собранія, послужили первообразомъ для частныхъ; по ихъ образцу устроилось частное гостепріимство. Но чтобъ правильно уразумѣть особенности того и другого, не надобно терять изъ виду того, что̀ исторически имъ предшествовало и ихъ вызвало.

Г. Терещенко совершенно неправильно смотритъ на братчины и объясняетъ ихъ какъ то очень странно.

„Мірскія сходки—говоритъ онъ—въ древнее время были въ большомъ обыкновеніи. На нихъ рѣшались семейныя и частныя дѣла и весьма часто оканчивались домъ, во братски. Послѣ примиреній предавались взаимнымъ угощеніямъ, обращавшимся иногда какъ бы въ особое празднество, извѣстное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовщиковъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось единодушіе, миролюбіе и побратимство. Время однако измѣнило значеніе братчинъ, переобразовавъ это въ народное празднество, и эта перемѣна произошла послѣ введенія повсемѣстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскіе старшины, головы и старосты сочли свой міръ изъ одной обязанности, но по окончаніи ихъ старые люди не покидали стариннаго обычая гостепріимства: приглашали другъ друга на хлѣбосольство и чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами собой мало по малу измѣнились, и народъ сталъ сходиться только въ извѣстные праздники, для однѣхъ пирушекъ, которыя составлялись изъ дружелюбной складчины" Въ другихъ мѣстахъ тогда варили пиво, на собранныя деньги, и готовили кушанье" (ч. V, стр. 149)

Эти слова ясно показываютъ, что, несмотря на огромный запасъ фактическихъ знаній нашей старины, авторъ все-таки ее недостаточно понимаетъ. Все, что онъ тутъ ни говоритъ, во первыхъ—его догадки; ибо нѣтъ доказательствъ, что сходки сопровождались пирами, что братчины стали празднествами, когда ввелись суды и сельскія расправы; во вторыхъ, въ словахъ и положеніяхъ автора—

ная безсвязица, непостижимое проти-
ie съ тѣмъ, что онъ самъ же разсказы-
ъ своей книгѣ.

аторыхъ, съ языческими пирами и бого-
іемъ, отъ которыхъ удержались брат-
складчины и т. д., совпадали всѣ обще-
ныя дѣла и гражданскіе обороты. „Са-
дни поисемѣстнаго празднества, гово-
г. Терещенко, приноровлены къ мѣст-
и времени, и въ глубокой древности
дали со днями народныхъ судовъ и тор-
срочными работами и мировыми сдѣл-
(ч. VI, стр. 6 и 7). Такими днями
Юрьевъ день, празднуемый дважды
ду: весною 23 апрѣля и осенью 26 но-
(ib. стр. 26). У насъ онъ былъ срочъ
днемъ для перехода крестьянъ отъ
владѣльца къ другому (ib. стр. 34).
Борисъ Годуновъ сдѣлалъ крестьянъ
стными (ibidem), какимъ указомъ опре-
онъ ихъ послѣдній переходъ къ 1-му
бря, послѣ чего они были записаны за
льцами, на землѣ которыхъ жили (ч. VII,
95) — про то знаетъ, кажется, одинъ
рещенко. Источники повѣствуютъ объ
иначе). Въ Малороссіи и у южныхъ
ъ тоже существовали Юрьевы сроки
ргонъ и разныхъ сдѣлокъ (ч. VI, стр. 35).
Семена лѣтопроводца (1-го сен-
), съ котораго начинался новый годъ,
у насъ торжественнымъ днемъ празд-
я и... разборомъ срочныхъ условій, со-
ія оброковъ, податей и личныхъ су-
(ч. VII, стр. 94, ч. V, стр. 143). И Ни-
щина была тоже въ прежніе годы срочъ
днемъ для сдѣлокъ, платежей и повин-
(ч. V, стр. 154). Въ заключеніе нельзя
ожинуть о пятницѣ — днѣ, посвящен-
чтить память этой святой одинъ разъ
у, именно 28 октября, по народъ праздъ
нѣсколько пятницъ (девять и десять),
тно, что пятница имѣетъ у насъ рели-
е значеніе; въ то же время мы знаемъ,
на была сборнымъ днемъ для торговъ.
ородамъ и деревнямъ съѣзжались земле-
льцы и купцы для сбыта произведеній
ршенія торговыхъ сдѣлокъ". Въ пят-
происходили также судъ, расправа
и (ч. V, стр. 55, 64). Послѣдніе, со-
е съ торговыми днями, были даже на-
торговыми, а связь торговли и гра-
кихъ сдѣлокъ съ праздноваиіями со-
лась въ происхожденіи словъ торгъ и
ество отъ одного корня.

Смыслъ всѣхъ этихъ данныхъ очень ясенъ. Сходбища для богослуженія были, во времена язычества, единственными случаями столкновенія между отдѣльными родами, и потому на нихъ производились общественныя дѣла, суды, происходила мѣна произведеній, заключались условія и сдѣлки,—словомъ, здѣсь сосредоточивалось все то, что съ постепеннымъ уничтоженіемъ обособленности людей, съ расширеніемъ потребностей, усиленіемъ оборотовъ, появленіемъ частыхъ сношеній между членами одного и того же гражданскаго союза, вообще съ возростаніемъ гражданственности, вошло въ составъ ежедневной, будничной жизни, и потому не имѣло болѣе нужды происходить въ извѣстные дни и на извѣстномъ пространствѣ. Одна бѣдность гражданскихъ оборотовъ и потребностей, возможность каждаго самому, безъ помощи другихъ, удовлетворять своимъ нуждамъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ощущаемая необходимость въ сношеніяхъ съ другими были причиной, что торгъ, сдѣлки, условія, суды, составляли исключеніе изъ обыкновеннаго порядка жизни, имѣли опредѣленные дни и соединялись съ религіозными торжествами.

Но когда первобытная чуждость людей, отдѣльность родовыхъ союзовъ мало по малу сгладились, и, подъ вліяніемъ религіи, уступили мѣсто связи, частымъ сношеніямъ и сдѣлкамъ, первоначальный бытъ долженъ былъ существенно измѣниться. Между семьями установились мало по малу такія же отношенія, какія сперва существовали внутри семей и родовъ, между ихъ членами. Цѣлое общество приняло видъ большой семьи, въ которой всѣ относились между собой какъ будто были связаны родствомъ. Это распространеніе семейныхъ отношеній на весь бытъ было великимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ въ нашемъ древнѣйшемъ внутреннемъ быту. Оно собственно создало и упрочило общественность: отсюда, по всей справедливости, должна начинаться ея исторія. Все, что предшествовало, было только приготовленіемъ, какъ бы предисловіемъ къ ней. Древняя русская исторія упрочила, развила, утвердила эту семейно-патріархальную общественность — исторически первую ступень и необходимое основаніе всякаго гражданскаго союза. Реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя сѣмена иного быта...

Вотъ содержаніе книги г. Терещенки. Если

обнаруженіемъ ея мы успѣли возбудить въ большинствѣ читающей публики хотя нѣкоторый интересъ къ предмету, мало извѣстному и почти не обработанному, мы достигли своей цѣли; ибо намъ прежде всего хотѣлось указать на историческую важность нашихъ повѣрій, обрядовъ и примѣтъ, на которыя обыкновенно не обращаютъ вниманія или смотрятъ съ насмѣшкою. Потомъ надо было уяснить точку зрѣнія на эти памятники старины, опредѣлить, что можно и чего нельзя въ нихъ искать. Большаго мы не имѣли въ виду. При младенческомъ состояніи русской археологіи, страшно было бы мечтать о полнотѣ и ученомъ достоинствѣ работы, основанной на тѣхъ только фактахъ, которые собраны въ разбираемой книгѣ. Оттого мы не входили въ критическій разборъ самыхъ данныхъ, не пользовались другими источниками: не оцѣнка сочиненія, а оцѣнка предмета казалась намъ особенно важной.

Въ заключеніе скажемъ, что по отзывамъ знатоковъ книга г. Терещенки въ самомъ изложеніи обычаевъ и обрядовъ исполнена ошибокъ и неточностей. Перечислять ихъ и исправлять мы не только не хотѣли, но сознаемся — и не могли: такая задача превышаетъ и наши силы, и наши знанія. Что мы замѣтили, то было указано въ своемъ мѣстѣ. Прибавимъ къ этому еще нѣсколько примѣровъ.

Описывая разныя травы, имѣющія чудесную силу и собираемыя обыкновенно наканунѣ Иванова дня, авторъ такъ говоритъ о мѣдяницѣ или курячьей (?) слѣпотѣ.

„По мнѣнію народа она срывается невидимой рукою и нахарма закалять мертвый сонъ на того, кто сорвалъ ее про себѣ, потому мстительные суевѣры даютъ имя ей (т. е. ней) отварь думаютъ еще, что она можетъ зрѣніе, кто ее положитъ себѣ подъ голову. Нѣкоторые утверждаютъ, что мѣдяница вырастаетъ изъ пятенъ звѣриныхъ слюнъ, что она растетъ сѣмя, получаетъ зрѣніе только въ Иванову ночь, и когда увидитъ человѣка или другое животное, то кидается на него стрѣлою и пробиваетъ его насквозь" (ч. V, стр. 94).

Трава, растущая слѣпою, прозрѣвающая и кидающаяся съ быстротою стрѣлы — явно безсмыслица. Авторъ смѣшалъ траву медуницу съ змѣей мѣдяницей. Странная ошибка, особенно въ книгѣ, гдѣ излагаются повѣрья и примѣты.

Въ первой части, стр. 114, г. Терещенко оплакиваетъ смерть П. В. Кирѣевскаго, изъ нѣтнаго знатока русскихъ древностей и ставившаго драгоцѣнное и полнѣйшее собраніе нашихъ пѣсенъ. Мы не вправѣ спорить съ г. Кирѣевскаго, онъ не только, слава Богу, живъ и здоровъ, но, какъ мы достовѣрно знаемъ, дѣятельно приготовляетъ свое собраніе къ печати. Подобныя извѣстія, особенно о такихъ лицахъ, какъ г. П. Кирѣевскій, могутъ быть печатаны нѣсколько осмотрительнѣе.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки совершенно перевираны г. Терещенкой. Такъ, мѣръ, извѣстная пословица: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ, у него передана на выворотъ: „встрѣчаютъ по головѣ, провожаютъ по одежѣ" (ч. I, стр. 321). Въ этой версіи она намъ совершенно неизвѣстна; мы думаемъ, что ее и вовсе нѣтъ такой версіи. Другой примѣръ: пословица говоритъ: начать за здравіе, кончить за упокой; у автора: „начинаютъ за упокой, кончаютъ за радость" (ч. III, стр. 130). — Мы замѣтили еще слѣдующіе промахи: авторъ называетъ целѣбностью извѣстіе, что умершимъ вкладывались у насъ листы въ руки (ч. III, стр. 94), а этотъ обычай и до сихъ поръ соблюдается, кумъ и волчекъ, по его словамъ, одно и то же (ч. IV, стр. 27), это неправда; и т. д.

Книга написана языкомъ, испещреннымъ безчисленными грамматическими ошибками въ родѣ: расчесывали, блюдовъ, ружья схватывали, дочерь, церковь, старосвятъ, брячатъ, перешепчиваются, гридей, татаръ привезъ, (вмѣсто приведя), и т. д. На каждомъ шагу встрѣчаемъ удивительныя фразы, „идетъ къ зятнему отцу (ч. II, стр. 360) чугунъ, столпи въ печи съ водою (ч. VII, стр. 165); умываются водою изъ подбодныхъ пѣсенъ (ib. стр. 234); еслибъ я была колдуномъ (какъ мило въ устахъ дѣвушки!) (ч. IV, стр. 112); драконъ есть таинственное значеніе (ч. VI, стр. 26); боль въ ревматизмѣ (ч. стр. 69); бабскими трудами" (ч. V, стр. 144) и мн. др. Изданіе самое неисправное: опечатокъ нѣтъ конца; ихъ тысячи въ каждой части. — Общихъ разсужденій въ послѣднихъ шести частяхъ, какъ мы уже замѣтили, меньше, чѣмъ въ первой, но они есть; нѣкоторыя изъ нихъ курьезны. Вотъ на выдержку.

„Въ бѣлой одеждѣ она столько написано привѣтственныхъ стиховъ и сонетовъ нѣжныхъ возможныхъ и такихъ какими только говорить смертный и говорить имъ, что нѣтъ возможности исчислить ихъ. А

...ще писать будутъ! Но сколько ни писали, ...ишли въ виду подарочекъ посему поэтому тоже назвать можно подарочными. Если бы кому-...удалось сосчитать, сколько уже сдѣлано подарковъ ...новый годъ, съ того времени, какъ міръ стоитъ, ...вѣрно бы онъ сказалъ: „китайге сами, если ...сошли съ ума. Нынѣ каждый новый годъ завалили ...грудами пестрыхъ карточекъ, коими поздравляютъ ...каждому сюзерэ, почетей и богатыхъ. ...емъ, чтобы каждый встрѣчать новый годъ съ ...ими встрѣчами, полагается въ почетахъ и на ...ихъ земныхъ счастіемъ, но желаемъ этого нѣмъ ...сказать въ поздравительныхъ стихахъ, но болѣе ...желаемъ и просимъ Бога, чтобы Онъ посылалъ ...русскимъ покровителей наукъ, если не каждый ...годъ, то по крайней мѣрѣ чрезъ каждое сто-...(Ч. VII, стр. 125 и 126).

...кое остроуміе!

...ѣдніе два дня на сырной недѣлѣ (суббота и ...ресенье), одни изъ приличія, другіе по набожно-...владаютъ на испрашиваніе другъ у друга про-...встрѣтясь даже на улицѣ, они цѣлуются, го-...ворятъ: меня въ чемъ я тебя обидѣлъ, умыш-...и безумышленно, дѣломъ или словомъ". Богъ ...проститъ и Божія Матерь, - отвѣчаетъ ему дру-...въ знакъ примиренія цѣлуются. *Люди высшаго ...ія не стыдятся видать такого къ своимъ ори-...желаются с нами.* Иностранецъ Альбертъ Кои-...ленная реляція русскихъ въ началѣ XVI вѣка, ...ѣтъ, что они *гораздо лучше* слѣдуютъ учени-...ія, нежели католики. *Эта похвальная черта не ...бывать новыхъ у насъ*" (Ч. VII, стр. 315).

...о же послѣ этихъ словъ усомнится, что ...рещенко между людьми высшаго сословія ...къ у себя дома? Но онъ имѣетъ пе-...ними страшное преимущество: между ...какъ они вполнѣ отдаются своему обыч-...образу жизни, г. Терещенко разгуж-...Зная хорошо пружины свѣтскихъ от-...ій, онъ видитъ всю ихъ ничтожность. ...о изъ-подъ его великосвѣтскаго пера ...вылиться слѣдующее, тонкое описа-...етербургскихъ пикниковъ, проникнутое ...ой, но ужъ черезчуръ злой иронiей.

...мнѣ въ Петербургѣ знатныя дамы катаются съ ...къ горъ, хорошо для ихъ состроенныхъ, какъ ...ли маленькихъ, такъ и въ нѣкоторые дни по-...по *модному языку*, называется *pointer* folle ...ронятъ дамы, а *по обыкновенному*—пикникъ ...ъказываются, чтобы порѣзвиться на свободѣ, тамъ ...то и катаются съ горъ на самолетныхъ сколо-...въ то время избранная дама сидитъ на колѣнахъ ...кавалера.—Цвѣтъ высшаго круга, утомленный ...ми концертами пѣтаго поэта, бесконечными ...ными живыхъ картинъ и фантастическихъ ...задумалъ разбить себѣ ногу на катаніи ...И одна изъ нихъ пріѣхала къ Гентскому ...подѣ какъ она обогатитъ мигомъ дамскіе ...и петербургскіе салоны.—Всѣ собираются ...дружно за условленный часъ, и всѣ, не на шутку ста...ваются на указанномъ домѣ. Говорятъ молодежь и ...мянутый дипломатъ и пожилой мужъ летятъ въ ...полозьяхъ, въ плетеныхъ прозрачныхъ салазкахъ и на ...ныхъ ходцѣ: все торопится, все спѣшитъ боясь опо...ниться и заставить ждать себя.—Когда все собра...тся, тогда каждая дама сопровождается избранным...своимъ кавалеромъ. Длинный рядъ богатой роскоши ...ется пестрой вереницей по горѣ. Разноцвѣтныя ...поны удалой зрѣлки и узорчатые ковры саней, бар...хатные кафтаны кучеровъ съ бобровой опушкой, ма...линовыя и голубыя шапки на бекрень, выглядываютъ на ...первомъ мѣстѣ картины; богатыя съ развѣвающимися ...перьями шляпки и пуховые душныя муфты, вышлося бѣ...лымъ пухомъ, обхватывающія очаровательныя головки ...красавицъ; сребристыя бобры и черный лисій мѣхъ, ...оттѣняютъ нѣжный станъ счастливыхъ сибиряковъ; ...сверкающіе бѣлизной разнаго сала, шутки и остро...ты красавицъ,—занимаютъ середину прекрасной ...картины. Избранные кавалеры, стоящіе на запяткахъ, до...рисовываютъ картину неумолкаемой болтовнею, все ...мчится съ восторженной быстротою. Ухабы, мятель, ...даже грязь и лужи ни почемъ. Поѣздъ другъ оста...навливается предъ назначеннымъ домомъ. Дамы, едва ...войдя въ пышно убранныя комнаты немедленно садятся за туалетъ: пышныя вновь наряжаются, а другія ...поправляютъ свои уборы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, ...всѣ сходятся въ блестящихъ уборахъ: говоръ, шумъ и ...хохотъ разносятся повсюду. Подаютъ завтракъ, и каж...дый кавалеръ старается угостить свою даму, потомъ ...раздается музыка и начинаются танцы. Въ вихрѣ вальса ...забываютъ и время страстныхъ дней, все кружится ...до упаду. Безпрерывные танцы, смѣняемые утонченной ...изобрѣтательностію, никому не даютъ покоя. Отчаянно ...пѣсенье въ полномъ разгарѣ, и только приостанавливается ...то время, когда позовутъ къ обѣду, ...торый не ранѣе начинается шести часовъ вечера. За ...обѣдомъ тотъ же кавалеръ угощаетъ свою даму, и ...тотъ же кавалеръ послѣ обѣда танцуетъ первый ...танецъ съ своею дамою. Танцы продолжаются до позд...ней ночи, потомъ всѣ разъѣзжаются, какъ сонныя, ...безъ сожалѣнія, и весьма равнодушно приглашаютъ ...одни—„завтра ко мнѣ на вечеръ!" другіе—„ко мнѣ ...послѣ завтра на балъ!" Пикникъ, полный странностей ...и противуположностей, выходитъ изъ круга *обыкно...венныхъ* явленій. Отсюда-то онъ и нравится и что же ...онъ? *Ни не балъ, и вѣрное изображеніе пресы...щенныхъ пирами и роскошью*" (Ч. VII, стр. 324 и 326).

Какъ хорошо извѣстны автору обычаи высшаго круга, видно и изъ слѣдующей замѣтки о петербургскихъ нравахъ:

„Празднованіе именинъ такъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, что даже не только между вліятельнымъ сословіемъ, но и между *нижними чинами* (?) оно совершается съ особой роскошью. Для этого дня никакихъ не жалѣютъ издержекъ, и чѣмъ болѣе гостей, *даже незнакомыхъ* (?), тѣмъ болѣе *чести* имениннику. Кто живалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, что порядочный сколько нибудь человѣкъ угощаетъ кулебякой и обѣдомъ, виноградными винами и шампанскимъ. Для него было бы обидно, если-бы гости разошлись не весьма довольные, чтобы всѣ помнили его праздникъ, и почему рѣдкіе возвращаются домой пѣшкомъ" (Ч. III, стр. 61).

Не менѣе глубоко проникнулъ г. Терещенко въ тайны женскаго сердца. Вотъ въ доказательство нѣсколько выписокъ:

По поводу игры горѣлка.

„Любовь давно тревожитъ сердце дѣвушки, и дѣвушка давно ищетъ мысленно ихъ любимаго и горитъ къ нему. Для дѣвушки не существуетъ имя. Въ ея воображеніи создается заранѣе предметъ. Дѣвица въ шестнадцать лѣтъ,—не гонь меня она тогда еще не рѣшительная, боязливая, а въ восемьнадцать лѣтъ: задумчивая, мечтательная и вспыхиваетъ какъ порохъ" (Ч. IV, стр. 29).

Игра драгунъ подаетъ поводъ къ слѣдующему замѣчанію:

„Эта игра обнаруживаетъ сладкіе поцѣлуи любовниковъ (?). Парень всегда выбираетъ ту дѣвушку, которую онъ любитъ, а дѣвушка нарочно упряме(н)тся сказать, пока онъ ее не разцѣлуетъ. Дѣвушки страстно любятъ поцѣлуи, думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество въ тѣсной дружбѣ" (ib. стр. 88).

Вотъ еще остроумная замѣтка объ игрѣ: выборъ невѣстъ.

„Указать на невѣстъ, т.-е. на всѣхъ дѣвушекъ, предоставляется парнямъ выборъ любой, и не рѣдко отъ шутокъ доходитъ до дѣла. – Кому изъ дѣвушекъ не пріятно скорѣе замужъ?—Но то бѣда, что женихи разборчивы. – Не смотря на странную привычку женіховъ, а всего болѣе на ихъ вкусъ причудливый: кому нравится чернобровая, а кому голубоокая, кому чернявая, а кому толстенькая, дородная, румяная, пышнокипящая лукавымъ страстей, а кому чтобы и тихая и жіткая, — причудливый вкусъ мущинъ! — а какой вкусъ дѣвушекъ?—мы не знаемъ, только знаемъ то, что онѣ чрезчуръ взыскательныя, разборчивыя и за сто рады, когда отыщутъ имъ жениха: хоть кривого, да лишь бы не просидѣть въ дѣвушкахъ. Счастіе-грѣхъ, что женіху нерѣдко понравится сатана, а невѣсты сокола. Кто жъ послѣ этого не разборчивъ?— Дѣвушки? — нѣтъ! – Мущины? — нѣтъ! Неразборчивъ тотъ, кто перечтетъ, и въ доказательство этого дѣвушки говорятъ: вотъ вамъ невѣсты, выбирайте кто вамъ понравится, — это значитъ, что онъ былъ уже женившимся невѣсты, а теперь перечтено ему тому выбирайте: вотъ вамъ невѣсты!" (Ч. IV, стр. 46 и 140).

Всѣ эти выходки удивительно какъ кстати и у мѣста въ археологическихъ изслѣдованіяхъ! Онѣ и смѣшны и досадны. Иному онѣ послужатъ развлеченіемъ при чтеніи такой сухой книги, какъ „Быть русскаго народа". Другому прискорбно станетъ при мысли, что за такой важный и любопытный предметъ принимаются у насъ недостойнымъ образомъ. Это впечатлѣніе произвела на насъ книга г. Терещенки. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе труды по этой части будутъ серіознѣе, дѣльнѣе и тщательнѣе.

(Современникъ, 1845, кн. 9—12).

НѢКОТОРЫЯ ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ СОБИРАЕМЫХЪ ВЪ И. Р. Г. ОБЩЕСТВѢ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ О РОССІИ, СЪ ЗАМѢТКАМИ О ИХЪ МНОГОСТОРОННЕЙ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ И ПОЛЬЗѢ ДЛЯ НАУКИ.

Извѣстно, что вскорѣ послѣ основанія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества къ нему начали поступать этнографическія описанія различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Это подало мысль воспользоваться рвеніемъ частныхъ лицъ въ большемъ объемѣ. Составлены были подробныя этнографическія и статистическія программы, по которымъ должны были доставляться описанія, и вскорѣ усердіе добровольныхъ дѣлателей въ пользу науки превзошло ожиданія. Такъ по крайней мѣрѣ было по этнографическому отдѣленію. Въ теченіе трехъ лѣтъ поступило ихъ около четырехсотъ нумеровъ описаній изъ всѣхъ краевъ имперіи. Нѣтъ ни одной губерніи, изъ которой не была бы принесена лепта на пользу науки.

Множество накопившихся матеріаловъ побудили этнографическое отдѣленіе приступить къ ихъ разработкѣ. Опредѣлено было ходатайствовать о напечатаніи нѣкоторыхъ, несомнѣнно лучшихъ описаній мѣстностей вполнѣ, изъ другихъ же сдѣлать сводъ. Эти работы возложены на г. предсѣдательствующаго въ этнографическомъ отдѣленіи, и вмѣстѣ съ гг. дѣйствительными членами общества, П. П. Срезневскимъ, И. И. Сахаровымъ

С. Савельевымъ, я былъ удостоенъ че-
нять участіе въ приготовленіи къ пе-
этого обширнаго и важнаго собранія
ловъ, именно того отдѣла ихъ, кото-
асается собственно славянскаго насе-
имперіи.
ество и разнообразіе доставленныхъ
ловъ поразительно. Обнимая всѣ сто-
народнаго быта въ малѣйшихъ подроб-
ъ, они представляютъ полную картину
ennаго русскаго простолюдина, начи-
его наружнаго вида, одежды, пищи,
до тончайшихъ оттѣнковъ его рѣчи,
, печалей и радостей въ домашней и
венной жизни. Конечно, не всѣ до-
шныя описанія, отдѣльно взятыя, въ
степени важны. Но, въ замѣнъ, нѣтъ
ого, которое не заключало бы какого-
любопытнаго факта. Дополняя и по-
другъ друга, они, въ совокупности,
авляютъ картину быта если не совер-
полную, то по крайней мѣрѣ довольно
робную для того, чтобъ видѣть, чего
въ нихъ недостаетъ. Такимъ обра-
они даютъ возможность прослѣдить
ческую нить и послѣдовательность въ
языка, понятій, обычаевъ и вѣро-
въ трехъ вѣтвяхъ русскаго племени:
русской, малороссійской и бѣлорусской.
доставленные въ общество матеріалы
составляющіе уже болѣе пятисотъ
могутъ быть раздѣлены на двѣ
группы. Первая представляетъ пол-
саніе извѣстныхъ мѣстностей, болѣе
нѣе обширныхъ, даже цѣлыхъ пле-
напримѣръ: малороссіянъ, бѣлоруссовъ;
губерній, уѣздовъ, приходовъ, воло-
родовъ и селъ. Вторая группа состав-
изъ матеріаловъ, которые относятся
ому-нибудь отдѣлу этнографическихъ
й, или къ нѣсколькимъ отдѣламъ вмѣ-
описанія могутъ быть названы мо-
ческими. Такъ, нѣкоторыя содержатъ
словари; другія —сказки и пѣсни;
— пословицы; четвертыя—примѣты, по-
, народные праздники и т. д. Этотъ
описаній не бѣднѣе перваго. Особен-
ать онъ матеріалами о свадьбахъ, при-
и для мѣстныхъ словарей. Конечно,
ство ихъ неодинаково, но многія со-
ы весьма подробно и, какъ видно,
нымъ умѣньемъ прислушиваться къ
рѣчи и приглядываться къ быту
одина.

Нельзя безъ особеннаго участія и уваженія смотрѣть на эту громаду частныхъ трудовъ, предпринятыхъ безкорыстно, изъ одного усердія, и составляющихъ богатѣйшее собраніе этнографическихъ матеріаловъ едва ли не въ цѣлой имперіи. По нѣкоторымъ отдѣламъ, напримѣръ пословицъ, пѣсенъ, есть конечно у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ собранія еще драгоцѣннѣйшія, но они обнимаютъ одну какую-нибудь часть, тогда какъ здѣсь описанъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это собраніе должно служить сокровищницею, основаніемъ для знакомства съ нашимъ бытомъ. Безъ этого знакомства намъ и неловко, да и нельзя обойдтись: иначе мы будемъ впадать въ безпрестанныя ошибки. Такъ, напримѣръ, въ одной современной повѣсти, написанной съ большимъ талантомъ, авторъ заставляетъ новобрачнаго крестьянина выдти изъ-за свадебнаго „княжаго" стола и горевать о томъ, что ему не дали каши, тогда какъ новобрачный, по вѣковѣчному церемоніалу, не можетъ оставить княжаго пира и не долженъ ѣсть ничего до вечера. Странно встрѣчать ошибки, когда рѣчь идетъ о народѣ, среди котораго мы родились, выросли, и къ которому имѣемъ честь принадлежать.

Но кромѣ непосредственнаго знакомства съ настоящимъ бытомъ, эти матеріалы имѣютъ особенную важность въ историческомъ отношеніи. Въ большей части записаны повѣрья и преданія мѣстныя, сказанія о церквахъ, деревняхъ и жилыхъ, теперь исчезнувшихъ, объ историческихъ лицахъ, которыя жили въ описываемыхъ мѣстностяхъ. Въ этихъ историческихъ данныхъ, равно какъ и въ разныхъ подробностяхъ быта, слышится нерѣдко голосъ отдаленной старины, и живыми наглядными примѣрами поясняются намеки и мимоходныя указанія письменныхъ памятниковъ, безъ этого совершенно непонятныя. О внутреннемъ бытѣ древней Руси наши памятники, какъ извѣстно, весьма молчаливы. Этнографическія описанія показываютъ, что этотъ весьма ощутительный пробѣлъ можетъ, до нѣкоторой степени, быть пополненъ изъ теперешняго быта, даже несмотря на необработанность этнографическихъ матеріаловъ. Представимъ два примѣра.

Изъ письменныхъ памятниковъ мы знаемъ, что суды Божіи, ордаліи или судебныя испытанія, были въ Россіи: послѣдніе остатки судебныхъ поединковъ исчезли не ранѣе второй половины XVI вѣка. Но въ чемъ именно

они состояли, и какъ происходили—объ этомъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Въ числѣ доставленныхъ матеріаловъ замѣтили мы преданіе объ одномъ ихъ видѣ. Г. Сырохновъ, учитель Вербиловскаго села (Себежскаго уѣзда) говоритъ, что въ Порховскомъ уѣздѣ (Псковской губерніи) есть гора *Судома*, о которой сохранилось слѣдующее повѣрье. Надъ этой горой висѣла съ неба цѣпь. Въ случаѣ споровъ, или бездоказательныхъ обвиненій, соперники приходили на Судому и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; а цѣпь позволяла себя взять только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и засыпалъ ихъ въ толстую палку, выдолбленную въ серединѣ. Обворованный какъ разъ попалъ подозрѣніемъ на виновнаго. Оба пошли на Судому, причемъ воръ, вмѣсто путевой дубинки, взялъ свою палку съ деньгами. Сперва цѣпь досталъ хозяинъ, торжественно складывая вину покражи на своего товарища. Потомъ воръ отдалъ хозяину подержать свою палку и доставая цѣпь, сказалъ: „деньги у тебя". Цѣпь и ему далась, но съ тѣхъ поръ неизвѣстно какъ и куда исчезла.

Этотъ разсказъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ псковскій, чѣмъ можетъ быть и объясняется, почему это мѣстное преданіе о судѣ Божіемъ сохранилось и до нашего времени: потомъ, онъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ производились ордаліи; наконецъ, самое, можетъ-быть, любопытное въ этомъ преданіи—то, что оно показываетъ, какъ исчезало довѣріе къ ордаліямъ, и какъ напослѣдокъ онѣ пали въ народномъ сознаніи.

Другой примѣръ. Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ очень часто встрѣчаются извѣстія о пирахъ и братчинахъ. Во всѣхъ почти жалованныхъ грамотахъ монастырямъ и сельскимъ обществамъ находимъ запрещеніе ѣздить на пиры и братчины безъ зова, подъ страхомъ, что оскорбленія, нанесенныя незваннымъ, останутся безъ наказанія. Мы знаемъ также, что на пирахъ бывали пивные старосты: наконецъ, нѣсколько словъ Псковской Судной Грамоты даютъ поводъ думать, что братчины имѣли какое-то судебное значеніе и могли постановлять судебные приговоры: этимъ почти и ограничивается все, что мы знаемъ о братчинахъ и пирахъ въ древней Россіи. Они такъ далеки отъ современныхъ намъ понятій, что по этимъ скуднымъ даннымъ трудно заключить, что за такое были. Но описанія простонародныхъ бытъ дополняютъ свѣдѣнія о пирахъ и братчинахъ какъ нельзя лучше. Изъ нихъ мы узнаемъ, что братчины и пиры производятся складчиною въ храмовые праздники, что они бываютъ не только между крестьянами, но и между крестьянскими дѣвушками. Наконецъ, нѣкоторыя описанія объясняютъ намъ внѣшній распорядокъ этихъ праздниковъ и проливаютъ свѣтъ на загадочный смыслъ письменныхъ памятниковъ. Напримѣръ, неизвѣстный авторъ описанія села Соколовки, черниговской губерніи мглинскаго уѣзда, такъ пишетъ объ этихъ братчинахъ. „Въ день какого-либо святого, особенно чтимаго сельскимъ обществомъ, варятъ медъ и продаютъ его. Отъ продажи меду собираются общественныя деньги; деньги же на покупку меду собираются женщинами изъ міра. За недѣлю или менѣе передъ днемъ святаго онѣ ходятъ по своему и сосѣднимъ селамъ и просятъ на свѣчу святому. Кто даетъ деньги, кто что-либо другое. Собранныя такимъ образомъ вещи—ленъ, посконь, холстъ—продаются, а вырученныя за нихъ деньги, такъ же какъ и собранныя отъ подаянія, отдаются обществу. Общество передъ тѣмъ избираетъ изъ своей среды одного старосту, который покупаетъ медъ и варитъ его. Сваривъ медъ, староста собираетъ общество, и крявотъ выбитъ медъ кружкою (мало что не въ квартуу) и устанавливаютъ цѣну за кружку меду".

Итакъ, вотъ пировые старосты. Такъ какъ пиры обнимали цѣлое селеніе, иногда цѣлую волость, то есть приходъ, то понятно, почему, на время пировъ, пировые старосты судили судъ, особенно когда въ этихъ празднествахъ, какъ видно изъ лѣтописей, принимали участіе всѣ жители, а не одни крестьяне, какъ теперь. Братчинами и складчинами они назывались потому, что составлялись обыкновенно (какъ и теперь) складчиной: каждый приносилъ свою часть на необходимыя издержки. Пировали же всѣ вмѣстѣ: братчиною назывался кубокъ, ходившій кругомъ, изъ рукъ въ руки.

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ дальнѣйшія розысканія о первоначальномъ происхожденіи и древнѣйшемъ значеніи этихъ братчинъ. Здѣсь достаточно было показать, какъ письменные источники пополняются и объясняются живыми преданіями и обычаями.

Чтобъ дать читателямъ, не имѣвшимъ

…видѣть доставленныя въ Общество …фически описанія въ подлинникѣ, хотя …рое понятіе о томъ, какъ они состав… …мы представимъ краткій обзоръ ихъ …анія.

…кновенно описанія начинаются подроб… …очеркомъ мѣстности—географическимъ …тическимъ. Первая затѣмъ статья …графическаго содержанія заключаетъ въ …почти всегда, свѣдѣнія о наружности …ей. Эта статья особенно интересна въ …ыхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сидятъ на …ъ мѣстѣ, рядомъ, нѣсколько различныхъ …ь, напримѣръ описаніе Слободскаго …Вятской губерніи) священника Ки… …а, въ которомъ, по наружному виду …ея, различается населеніе русское— …ое, и туземное, отчасти обрусѣвшее— …е.

…мъ слѣдуетъ статья о языкѣ. Предо… …другимъ оцѣнку сообщаемыхъ здѣсь …ловъ въ филологическомъ отношеніи, …тимъ, что мѣстные словари, которые …вѣнно здѣсь помѣщаются, во многихъ …яхъ сообщаютъ матеріалы для весьма …тныхъ сближеній и выводовъ.

…ставимъ два примѣра.

…чень разныхъ народныхъ праздниковъ, …хъ значеніе неизвѣстно или потеряно, …мъ и праздникъ Костромы. Онъ …лнется лѣтомъ, а по свидѣтельству …ешенки, въ Хвалынскомъ и Петров… …уѣздахъ (Саратовской губерніи) и за… …канунѣ новаго года. „Лѣтомъ „кострому", …ъ молодое деревцо или чучелу, бро… …въ воду; зимою женщины сносятъ …оломы, зажигаютъ ее посреди улицы, …ъ онѣтъ называется „костромой" (т. VII, …). Какая же этимологія этого слова? …начитъ оно? Одинъ мѣстный словарь, …ленный изъ села Липицъ (Тульской гу… …), разрѣшаетъ вопросъ. Тамъ слово „ко… …" значитъ прутъ, розга, и это значе… …ъ видно, вполнѣ соотвѣтствуетъ мо… …у дереву, бросаемому въ воду, или кучѣ …го хворосту и соломы.

…той примѣръ. Почти во всей Россіи …не на свадьбахъ повязываются черезъ …, или по шеѣ, полотенцами (рушниками), …расными кушаками. Что значитъ этотъ …? Надъ этимъ многіе думали, но не …разрѣшили загадки. И здѣсь вопросъ …тъ мѣстные словари. Въ одномъ изъ …читаемъ, что свадебный дружко, обыкно… …венно избираемый въ деревняхъ изъ знахарей или колдуновъ, для охраненія свадебнаго поѣзда и молодыхъ отъ злыхъ людей раз… …ными таинственными обрядами, называется опаснымъ. Это слово, употребляемое теперь только въ переносномъ значеніи, очевидно одного корня съ польскимъ pas—поясъ. Такимъ образомъ пояса или повязки служили прежде на свадьбахъ однимъ изъ предохранительныхъ средствъ противъ чаръ и порчи.

Затѣмъ, во всѣхъ этнографическихъ очеркахъ мѣстностей, слѣдуетъ болѣе или менѣе подробное описаніе крестьянскаго жилья, любопытное въ двоякомъ отношеніи. Крестьянская архитектура и расположеніе жилища представляютъ довольно замѣтныя различія у различныхъ вѣтвей русскаго народа, и слѣдовательно являются важною составною частью этнографіи; нерѣдко по измѣненіямъ въ устройствѣ и расположеніи избы въ одной и той же мѣстности, можно открыть составныя части ея народонаселенія. Но особенно важными представляются эти описанія для нашей археологіи, которая изъ письменныхъ памятниковъ можетъ извлечь одни намеки и неясныя указанія, и только съ помощью описаній современнаго быта въ состояніи представить довольно полную картину старины. Наконецъ, этого рода описанія служатъ богатымъ источникомъ и пособіемъ для объясненія нашихъ древнихъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, отчасти сохранившихся до нашего времени въ видѣ обычаевъ и повѣрій. Всѣ сдѣланныя досель розысканія болѣе и болѣе приводятъ къ мысли, что русская (въ особенности великорусская) миѳологія не успѣла развиться до идолослуженія, то есть до обожанія олицетворенныхъ во внѣшнемъ образѣ предметовъ поклоненія. Она представляетъ ту эпоху въ развитіи языческихъ вѣрованій, когда первоначальное, непосредственное поклоненіе различнымъ предметамъ и явленіямъ природы едва только начинаетъ переходить къ религіи болѣе отвлеченной, когда впервые человѣкъ открываетъ въ себѣ чаяніе невидимыхъ силъ, управляющихъ природою и его судьбой. Въ эту эпоху развитія—о которой не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній въ миѳологіи другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ, и напротивъ дошли весьма ясныя воспоминанія въ миѳологіи славянъ, въ особенности русскихъ—разные бытовые обряды, повѣрья, примѣты обнимаютъ собою весь кругъ вѣро-

ваній и содержать зародышъ дальнѣйшаго развитія миѳологіи.

Отсюда понятно, какъ важна для этой, такъ сказать, бытовой религіи обстановка обрядовъ. У насъ множество такихъ обрядовъ и повѣрій тѣснымъ образомъ соединены съ жилищемъ и привязаны къ нему; оттого, безъ подробнаго знакомства съ послѣднимъ, невозможно узнать и первые. Для примѣра укажемъ на обычаи, соединенные съ вѣрованіями о домовыхъ, но въ особенности на обряды, сопровождающіе сватовство и свадебный пиръ. Здѣсь всѣ подробности имѣютъ ближайшее отношеніе къ жилищу и различнымъ его частямъ, и совершенно непонятны безъ подробнаго знанія ихъ назначенія въ крестьянскомъ быту.

За описаніями жилья слѣдуетъ описаніе одежды и пищи. Этнографическое значеніе одежды слишкомъ извѣстно и всѣми признано и потому не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Что касается до пищи и различныхъ ея видовъ, то, входя главнымъ образомъ въ составъ статистическаго изученія, она, въ тоже время, одною своею стороною служитъ весьма важнымъ матеріаломъ для миѳологическихъ и археологическихъ розысканій. Одно поверхностное знакомство съ народными праздниками и обрядами убѣждаетъ, что извѣстныя яства постоянно являются при извѣстныхъ торжествахъ, и когда-то составляли ихъ необходимую принадлежность: такъ курникъ (пирогъ съ курицею) и коровай непремѣнно являются на свадьбахъ; яица, окрашенныя въ желтую краску, и яичница составляютъ необходимую принадлежность празднованія Троицына дня и Семика, а свинина—Коледы. Очевидно, эти яства были когда-то жертвоприношеніями, и потому ближайшее знакомство съ ними непремѣнно послужитъ къ раскрытію и объясненію значенія многихъ народныхъ праздниковъ, которыхъ смыслъ теперь потерянъ. Для доказательства укажемъ на остроумныя и любопытныя изслѣдованія г. Соловьева о русалкахъ. Авторъ приходитъ къ важнымъ результатамъ относительно значенія русалокъ въ нашей миѳологіи, между прочимъ на основаніи той роли, какую яйцо играетъ въ русальныхъ обрядахъ и преданіяхъ о русалкѣ. И въ этомъ отношеніи различныя мѣстныя названія народныхъ кушаній заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія. Въ нихъ часто скрывается смыслъ, который неожиданно освѣщаетъ новымъ свѣтомъ вѣрованія, теперь забытыя и потерянныя.

Затѣмъ слѣдуетъ, весьма интересныя по своимъ подробностямъ и по тѣсному отношенію къ древнѣйшимъ народнымъ вѣрованіямъ, отдѣлъ обрядовъ и повѣрій, относящихся къ рожденіямъ, бракамъ, похоронамъ и поминовенію усопшихъ.

Свѣдѣнія о рожденіи и малолѣтствѣ дѣтей вообще довольно однообразны. Но между ними также попадаются весьма любопытныя и многозначительныя данныя для русской археологіи и миѳологіи. Приведемъ два, на примѣръ.

Извѣстно повѣрье, довольно общее въ Россіи, что младенцу до году не должно стричь волосъ и ногтей. Откуда взялось оно? Доставленное неизвѣстно кѣмъ описаніе г. Щара (Курской губерніи) вполнѣ объясняетъ загадку. Тамъ черезъ годъ по рожденіи младенца надъ нимъ совершается обрядъ постриганія. Когда соберутся родные и близкіе знакомые, младенца сажаютъ на стулъ на подушку, и по правую его сторону кладутъ на тарелкѣ ножницы; послѣ того крестные отецъ и мать выстригаютъ у него крестообразно волосы, а на тарелку кладутъ ему деньги, что дѣлаютъ и остальные гости. Это извѣстіе, объясняя примѣту, общую въ Россіи, въ тоже время служитъ любопытнымъ пополненіемъ и дополненіемъ лѣтописныхъ извѣстій о „постригахъ“, которыя совершались однако позднѣе и, кажется, съ прибавленіемъ другихъ обрядовъ.

Не менѣе любопытна одна примѣта о дѣтяхъ въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи. Здѣсь, чтобы дѣти не умирали и росли, ставятъ кресты на распутьяхъ и намащиваютъ мосты на ручьяхъ. Это повѣрье, какъ ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, находится въ тѣсной связи съ древнѣйшими народными вѣрованіями, и поясняетъ лѣтописныя извѣстія. Еще у Нестора находимъ свидѣтельство, что Вятичи, Кривичи и другіе язычники, совершивъ тризну надъ умершимъ, сожигали его тѣло и собранныя послѣ него кости влагали въ сосудъ и ставили на столпахъ по путямъ. Множество вѣрованій сохранили воспоминаніе объ этомъ обрядѣ до нашего времени. Распутье, перекрестокъ считаются страшнымъ мѣстомъ, жилищемъ злыхъ духовъ. Здѣсь живетъ „викорь“; здѣсь совершаются молитвы свадебнымъ поѣздомъ, когда онъ поѣдетъ въ цер-

мли изъ церкви домой. Поставленіе
на распутіи во здравіе ребенка со-
въ связи съ этими вѣрованіями: это
еніе злыхъ духовъ и смерти. Такъ же
значительно, повидимому, и намощеніе
ъ черезъ ручьи. Есть поводъ думать,
древнѣйшимъ народнымъ вѣрованіямъ
и происходили изъ воды; въ отноше-
лихорадкамъ это, кажется, не подле-
оненію. Такимъ образомъ приведен-
ми символическое дѣйствіе поясняетъ
ияетъ кругъ нашихъ древнѣйшихъ
авленій и понятій.

беннымъ обиліемъ матеріаловъ и раз-
ріемъ ихъ отличается отдѣлъ свадеб-
обычаевъ. На сто нумеровъ описаній,
двадцати содержатъ подробныя, тща-
составленныя описанія свадебъ со
ихъ обстановками, примѣтами, пѣснями,
ными и торжественными обрядовыми
и всѣхъ участвующихъ лицъ. Кромѣ
какъ бы ни было скудно описаніе, каж-
премѣнно сообщаетъ что-нибудь о свадь-
Это главный, важнѣйшій изъ всѣхъ
въ, изученіе котораго вводитъ насъ въ
сердце нашего древняго быта и вѣро-
я въ исторію ихъ постепеннаго раз-
Предметъ этотъ слишкомъ многосло-
и важенъ, чтобы, говоря о немъ, отра-
ься нѣсколькими словами. Боясь выйти
редѣловъ краткаго очерка, мы перей-
къ слѣдующимъ отдѣламъ описаній.

похоронныхъ и поминальныхъ
ихъ сохранились живые слѣды тризны
ческихъ вѣрованій. Приведемъ здѣсь
ько обычаевъ наиболѣе замѣчатель-
и подающихъ поводъ къ археологиче-
соображеніямъ.

губерніяхъ Астраханской, Харьковской
якутскаго уѣзда) и Томской (Каинскаго
) до сихъ поръ сохраняется обычай бро-
ъ могилу или класть въ гробъ мѣдныя
е серебряныя деньги. Разныя толкова-
ридаетъ народъ этому обычаю, очевидно
древнему. Почти во всей Россіи со-
лось также обыкновеніе творить помин-
ые пиры, на которыхъ кормятъ родныхъ,
ыхъ, друзей усопшаго, и нищимъ по-
обильная милостыня. Въ нѣкоторыхъ
къ, какъ напримѣръ Тобольской губер-
ъ Петропавловскомъ уѣздѣ, нищимъ не
раздаютъ холстъ, но даже что-либо
нѣлія, оставшагося послѣ усопшаго. На-
въ нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ
сохранились воспоминанія, хотя и не со-
всѣмъ ясныя, о какихъ-то домашнихъ ре-
ігіозныхъ обрядахъ, совершавшихся у нашихъ
предковъ язычниковъ по случаю похоронъ,
въ память усопшаго. Такъ, г. Кутеновъ, учи-
тель мценскаго уѣзднаго училища (Орловской
губерніи) сообщаетъ слѣдующій странный
обычай въ описываемой имъ мѣстности: по-
стель мертвеца, тотчасъ по смерти его, вы-
носятъ въ куникъ на три дня „для опѣва-
нія пѣтуховъ". Въ Астраханской и Харьков-
ской губерніяхъ по выносѣ покойника хату
посыпаютъ житомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,
напримѣръ Ядринскомъ уѣздѣ (Казанской гу-
берніи), по возвращеніи съ похоронъ смо-
трятъ въ печку. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ
видно, что когда человѣкъ умиралъ, прежде,
въ незапамятную старину, совершались ка-
кіе-то обряды, кажется въ честь домового,
нашего пената. Разработка доставленныхъ
свѣдѣній и безпрестанно поступающія въ Об-
щество новыя описанія, надѣемся, въ ско-
ромъ времени разъяснятъ этотъ предметъ.

Наконецъ, проходя молчаніемъ множество
другихъ любопытныхъ указаній, сюда отно-
сящихся, обратимъ вниманіе на одинъ стран-
ный обычай, подтверждающій существованіе
у насъ когда-то вѣрованія въ невыясненное
еще отношеніе между смертью и водою. Въ
Тверскомъ уѣздѣ стружки, оставшіяся послѣ
гроба, не сожигаютъ въ печи, но пускаютъ
по водѣ. Есть много и другихъ примѣтъ въ
этомъ родѣ.

За этими отдѣлами слѣдуютъ описанія
обычаевъ и обрядовъ, соблюдаемыхъ во время
разныхъ народныхъ бѣдствій, какъ-то повальныхъ
и заразительныхъ болѣзней, пожаровъ,
неурожая; свѣдѣнія о народной медицинѣ,
народномъ хозяйствѣ, праздникахъ, играхъ и
забавахъ, о юридическихъ обычаяхъ, умствен-
ныхъ и нравственныхъ способностяхъ и обра-
зованіи, наконецъ о мѣстныхъ преданіяхъ и
памятникахъ. По каждому изъ этихъ отдѣ-
ловъ, описанія, доставленныя въ общество,
содержатъ драгоцѣнные матеріалы для исто-
ріи, археологіи и миѳологіи, отъ разработки
которыхъ наука вправѣ ожидать любопыт-
ныхъ и важныхъ результатовъ. Здѣсь, въ
бѣгломъ обзорѣ, мы по необходимости ога-
ничились одними намеками, указаніями, не
входя въ подробныя изслѣдованія. Одно
позволимъ себѣ замѣтить въ заключеніе:
изданіемъ собранныхъ описаній И. Р. Гео-
графическое Общество окажетъ чрезвы-

чайную услугу не одной этнографіи, но и исторіи, ибо только ученыя общества славянскихъ земель могутъ обладать матеріалами, которыхъ напрасно будемъ искать въ другихъ странахъ—именно данными о древнѣйшемъ, до-историческомъ бытѣ, который слишкомъ смутно, неясно выказывается изъ преданій другихъ древнихъ и новыхъ индо-европейскихъ народовъ.

(Геогр. Вѣст., 1850, кн. 3)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРИМѢТАХЪ.

Давно уже слышатся у насъ со всѣхъ сторонъ безпрестанныя жалобы на невѣжественное легкомысліе, съ которымъ мы обыкновенно смотримъ на свои историческіе памятники и обращаемся съ ними. Упреки эти, къ несчастію, вполнѣ справедливы. Если можно указать на нѣсколько счастливыхъ, даже блистательныхъ исключеній, то все же они покуда—капли въ морѣ: такъ много памятниковъ, и такъ мало еще сдѣлано для сохраненія ихъ отъ утраты, большею частью невознаградимой.

Историческіе памятники, живущіе въ устахъ и обычаяхъ народа, и слѣдовательно болѣе другихъ подверженные измѣненіямъ и уничтоженію, обратили на себя въ послѣднее время особенное вниманіе нѣкоторыхъ ревнителей русской старины. Пѣсни, пословицы, народные праздники и обряды нашли усердныхъ, добросовѣстныхъ собирателей, даже имѣютъ свою литературу; для языка и мѣстныхъ нарѣчій также собраны богатые матеріалы. Словомъ, для всѣхъ этихъ частей русской этнографіи и археологіи кое-что уже уже сдѣлано и обнародовано, еще болѣе хранится въ рукописяхъ. Но по какому-то странному случаю, нѣкоторые устные памятники остались какъ будто забытыми, и до сихъ поръ не обращали на себя, сколько мы знаемъ, почти никакого вниманія.

Къ числу ихъ относятся примѣты. Г. Сахаровъ, оказавшій столь существенныя услуги русской археологіи, помѣстилъ въ своемъ драгоцѣнномъ собраніи „Сказаній Русскаго народа" много примѣтъ, относящихся къ извѣстнымъ днямъ, временамъ года, народнымъ праздникамъ и обрядамъ; кромѣ того, въ программѣ, предпосланной изданію, онъ обѣщалъ посвятить имъ и поверьямъ цѣлую книгу (Тома IV книгу XXV). Къ сожалѣнію, эта часть „Сказаній" еще не вышла; съ тѣхъ поръ появилось только два тома, изданія г. Сахарова, и, судя по числу примѣтъ, встрѣтившихъ между выходомъ въ свѣтъ первой и второй части, нельзя ожидать скораго появленія четвертой. Что же касается до примѣтъ, относящихся къ обрядамъ, праздникамъ, или днямъ и временамъ года, съ которыми такъ тѣсно съ ними связаны, такъ объясняются и взаимно ихъ объясняютъ, нельзя ихъ отдѣлить, какъ придаточныя отъ главной, не затемнивъ ихъ смысла, того онѣ и не подлежатъ отдѣльному разсмотрѣнію.

Мы не осмѣливаемся сообщить здѣсь извѣстныя намъ примѣты и придать имъ какое-нибудь названіе собранія примѣтъ. Какъ много мы ихъ не знали—все это ничто въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которыя живутъ и до сихъ поръ въ ходу между славянскимъ населеніемъ Россіи. Еще менѣе можемъ, не имѣя подъ руками богатыхъ матеріаловъ по этому предмету,—дать сколько-нибудь полный, удовлетворительный отчетъ о немъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важномъ источникѣ русской археологіи. Ограничимся тѣмъ, что въ нашихъ силахъ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ сдѣланныхъ замѣчаній о происхожденіи, значеніи примѣтъ и о томъ, какъ должно за нихъ [illegible]. Послѣднее труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Историческіе памятники, говорящіе словами, какъ обряды, религіозныя вѣрованія, предразсудки, и т. д., хранятъ тайну своего значенія и [illegible]. Чтобъ заставить ихъ говорить, нужны извѣстные пріемы, извѣстная манера, [illegible] спрашивать.

Что такое примѣта? Это примѣчаніе человѣкомъ **постоянное**, но непонят[illegible]

ѣніе между какими нибудь явле-
событіями въ ежедневномъ быту,
омъ или физическомъ мірѣ — все
ная законовъ того и другого міра, не
язи между причиною и дѣйствіемъ,
его слѣдствіемъ, человѣкъ наблю-
язь своихъ наблюденій выводитъ
что между извѣстными предме-
вленіями существуетъ какая-то
не умѣя вывести началъ, зако-
оторыхъ она основана, онъ по не-
повѣряетъ памяти плоды сво-
дній. Такъ образуется множество
ѣе или менѣе вѣрныхъ, смотря
нимъ.

ѣ этого, есть и другой способъ
нія примѣтъ. Всѣ вещи, предметы
имѣющія въ глазахъ человѣка ре-
ыческое значеніе, должны имѣть
на природу таинственное, сверхъ-
е вліяніе и дѣйствіе. Отсюда ро-
ный рядъ примѣтъ. Примѣты та-
основаны не на посредственномъ
блюденіи, а суть слѣдствіе пред-
вѣрованій. Онѣ весьма справед-
ы предразсудками, потому что
a priori, синтетически, а не ана-

тѣми и другими примѣтами, не-
очевидное ихъ различіе по про-
, существуетъ самая тѣсная связь.
что вѣка прошли съ тѣхъ поръ
появились; что въ продолженіи
въ многія понятія, а съ ними и
змѣнились въ своей формѣ; что
ослѣдуя язычество, истребила мно-
имѣтъ, въ другихъ существенно
ла первоначальный характеръ и
ромѣ того, истина и ложь, факты
ьно подмѣченные и вымышленные,
тѣшаны между собою въ первопа-
понятіяхъ и вѣрованіяхъ, что нѣтъ
возможности провести между ними
граничительную черту. Примѣ-
доказательствъ тому множество.
ько вспомнить пріемы нашей на-
диціи. Нерѣдко при народномъ
отребляются травы, дѣйствительно
но употребленіе ихъ обставлено
дѣйствіями, которые очевидно
ъ языческихъ вѣрованій. Откуда
и? Разематривая ближе, мы на-
ходимъ, что цѣлебное свойство
, даже самые предметы — олице-
творены, получили религіозное значеніе, и вслѣдствіе того имъ приписаны сверхъестественныя свойства. Основаніемъ слѣд. и здѣсь служитъ дѣйствительный фактъ, наблюденіе, но преобразованные, искаженные ходомъ развитія понятій первобытнаго человѣка, отчего примѣшалось къ факту многое такое, чего въ немъ нѣтъ. Тоже повторяется въ нашихъ языческихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и народныхъ праздникахъ. Тоже находимъ и въ примѣтахъ. Вслѣдствіе многочисленныхъ искаженій, которымъ онѣ подверглись, вслѣдствіе того, что они возникли не въ одно время и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ различнаго историческаго возраста человѣка, весьма трудно, иногда невозможно опредѣлить, откуда возникла примѣта: изъ дѣйствительнаго наблюденія и опыта, или изъ священнаго значенія въ язычествѣ того предмета или явленія, къ которому она относится. Часто примѣта, повидимому, не что иное, какъ результатъ наблюденій надъ явленіями природы, привычками животныхъ, и т. д., а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что ее породили не наблюденія, а вѣрованія.

Чтобы различить одинъ примѣты отъ другихъ, необходимо глубокое и весьма подробное знаніе всѣхъ сторонъ нашего древняго язычества и не менѣе глубокое знаніе естественныхъ наукъ въ самомъ обширномъ смыслѣ. Только съ помощью этихъ предварительныхъ знаній, да и то при тонкой, осторожной критикѣ, можно надѣяться внести свѣтъ въ эту область русской археологіи, обильной матеріалами и фактами, для научнаго возстановленія нашего древнѣйшаго быта и вѣрованій.

Какъ ни бѣдны, ни недостаточны теперешніе наши способы различенія примѣтъ, все же мы можемъ, хотя приблизительно, раздѣлить ихъ на двѣ большія группы. Одни указываютъ на дѣйствительную, или мнимую связь и постоянныя отношенія, существующія, или предполагаемыя между различными явленіями природы; другія указываютъ на такую же связь между явленіями природы и событіями большею частью случайными въ жизни человѣка и народа, или же на связь и отношенія между сими послѣдними событіями.

Первыхъ примѣтъ множество. Большая часть изъ нихъ суть плодъ опыта, наблюденій надъ естественными явленіями: „на мо-

лотомъ мѣсяцѣ рыба клюетъ"; „лошади фыркаютъ передъ дождемъ"; „толкунцы толкутся передъ ведромъ": „рыба не клюетъ передъ дождемъ": „курица стоитъ на одной ногѣ—стужа будетъ", и т. д. Конечно, и между ними есть многія, первоначальнаго происхожденія которыхъ должно искать въ древнѣйшихъ языческихъ представленіяхъ. Не всѣ онѣ справедливы: стало быть не всѣ объясняются опытомъ, а должны быть объяснимы чѣмъ нибудь другимъ. Предметы, которые въ нихъ упоминаются, также заставляютъ, не безъ основанія, подозрѣвать, что если не многія, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ имѣли первоначально другую форму, носили на себѣ болѣе замѣтные признаки языческаго происхожденія, но признаки эти впослѣдствіи сгладились, отчего и примѣты потеряли смыслъ, или получили обманчивое значеніе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, наша археологія покуда слишкомъ необработана, чтобы умѣть разбирать эти стертые гіероглифы и возстановлять ихъ. Со временемъ естествовѣдѣніе, особливо изученіе нравовъ и привычекъ органическихъ существъ, покажутъ намъ, что въ этихъ примѣтахъ взято изъ наблюденій и что имѣетъ другой источникъ. Покуда мы, по необходимости, оставимъ ихъ въ сторонѣ, и обратимъ вниманіе на тѣ примѣты, въ которыхъ высказывается связь и отношенія между явленіями природы и быта, или между событіями какъ частной, такъ и общественной жизни.

Языческое происхожденіе примѣтъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Конечно, не всѣ образовались и сложились въ язычествѣ: многія, по времени, составились очевидно позднѣе, но смѣло можно сказать, что всѣ примѣты, сюда относящіяся, возникли прямо или косвенно подъ вліяніемъ языческаго міросозерцанія, проникнуты однимъ духомъ, имѣютъ, если можно такъ выразиться, одну общую генеалогію.

Несчастная, хотя и заслуженная судьба постигла ихъ. Церковь, очень хорошо понимая ихъ языческое происхожденіе и значеніе, преслѣдовала ихъ вмѣстѣ съ народными игрищами, обычаями, праздниками и другими атрибутами язычества. Когда послѣднее было ослаблено и окончательно проиграло свое дѣло, свѣтское образованіе не менѣе дѣятельно стало продолжать дѣло, начатое церковью. Примѣты, вмѣстѣ съ другими от… язычества, быстро исчезаютъ. Уже т… даже въ простомъ народѣ, многія изъ… извѣстны только старымъ женщинамъ, … рестали существовать для большинства … десятка два лѣтъ и останется ихъ оче… много.

Конечно, это весьма отрадное и … тельное явленіе. Но нельзя не … что справедливое пренебреженіе къ … остаткамъ старины не сопровождается … сильнымъ попеченіемъ сохранить ее … науки, какъ драгоцѣнные историческ… памятники не только быта, но и психол… скаго состоянія и развитія младенче… щаго человѣка. Примѣты изчезаютъ бы… чѣмъ записываются,—это фактъ несом… Уже теперь многое утрачено навсег… картинѣ древнѣйшаго быта останутся … бѣлы, которыхъ нельзя будетъ напо… Потеря невознаградимая, которая испол… нится тогда лишь, когда мы поймемъ, … первобытная исторія важна для раз… послѣдующей и теперешней, и какъ м… ее знаемъ.

Огромный отдѣлъ примѣтъ, начал… рыхъ коренится въ языческихъ вѣрова… представляетъ чрезвычайно разнооб… примѣненіе язычества въ дѣйствительно… ни, въ ежедневномъ и частномъ быт… казуистика всѣхъ возможныхъ сторон… чества, объясняющая его въ подробно… частностяхъ и этимъ самымъ раскрыв… многое, что истребилось уже въ пов… сказаніяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и … доживающихъ преданіяхъ незапамятно… рины. Примѣты относятся къ тысячи… метамъ и явленіямъ для насъ весьма … новеннымъ, дѣйствіямъ, по теперешни… нятіямъ незначительнымъ, или без… нымъ. Онѣ обставляютъ жизнь подр… кодексомъ условій, въ которыхъ она … совершаться, во всемъ указываютъ не… ную связь, и вѣрно передаютъ нам… тину того младенческаго состоянія чел… когда онъ безпрекословно подчинялся … жавшему его міру, смотрѣлъ на него … страстно, приписывая каждому пр… явленію, дѣйствію жизнь, произвольност… вомъ все, что находилъ въ себѣ. Конеч… жизнь, эта произвольность по его понят… свою очередь, зависѣли отъ какой-то … невѣдомой силы, и такое представлен… весьма естественно въ человѣкѣ по…

какъ бы поглощенномъ внѣшнимъ,
ющимъ его міромъ: онъ не могъ имѣть
о совершенно добровольномъ дви-
и дѣйствованіи, потому что въ дѣй-
ьности и то и другое было ему со-
но неизвѣстно. Но представленіе объ
ысшей, всѣмъ управляющей силѣ было
ть весьма смутно, неопредѣленно. Онъ
, ощущалъ ея присутствіе и власть
въ явленіяхъ исполненныхъ для него
естественнаго значенія.

ы получить хотя поверхностное по-
о быгѣ, который долженствовалъ нѣ-
сложиться подъ вліяніемъ такого міро-
нія, и въ свою очередь породилъ по-
е, разсмотримъ нѣсколько извѣстныхъ
примѣтъ, относящихся къ внѣшней при-
быту человѣка. Ихъ объясненіе бу-
мѣтѣ и попыткой возбудить къ этому
ету интересъ, участіе, которыхъ онъ
заслуживаетъ.

мъ извѣстно, какое значеніе имѣла ночь
хъ миѳологіяхъ древняго и новаго міра.
арство тьмы, злыхъ и враждебныхъ ду-
въ противоположность дню, царству
дѣятельности благодѣтельныхъ силъ и
стоитъ только вспомнить наши святки
ь наканунѣ Ивана Купалы. Это же
ставленіе выразилось и въ примѣтахъ.
ышко закатилось—не брюсай соръ на
—пробросаешься". „Когда солнышко
лось—не починай новой ковриги: раз-
ся богатство". „Не гляди въ окно до
ней зори—грѣшно". Въ этихъ примѣ-
высказывается мысль, что дѣйствія,
принятыя при отсутствіи солнца, совер-
я подъ дурными предзнаменованіями,
дутъ несчастіе, или будутъ неудачны.
и ночи соотвѣтствовали зима и лѣто,
и тепло. „Если звенитъ въ правомъ
тепло будетъ, если въ лѣвомъ—стужа
". Оттого другая примѣта: „утопленъ
къ стужѣ". „Если филинъ сядетъ на
дома и станетъ кричать — приклю-
смерть одному изъ домашнихъ". „Гдѣ
ятся ласточки — счастливое мѣсто".
изъ этихъ примѣтъ понятенъ. Правое со-
лается хорошему, доброму; лѣвое
му, злому; утопленникъ, погибшій, какъ
ается, не своею смертью, поставленъ въ
тствіе стужѣ; филинъ, ночная птица—
щее предзнаменованіе; ласточка, про-
тница весны —добрые, счастливое пред-
нованіе.

Извѣстная примѣта: „увидишь народив-
шійся мѣсяцъ съ правой стороны—неожи-
данное будетъ тебѣ счастіе", по многимъ
признакамъ принадлежитъ къ остаткамъ глу-
бокой древности. Во-первыхъ, луна была пред-
метомъ обожанія; это видно не только изъ
древнѣйшихъ свидѣтельствъ, но и изъ на-
шихъ живыхъ преданій старины. Въ заговоро-
ахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохра-
нились остатки языческихъ моленій лунѣ:
„Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряные рожки, зо-
лотыя твои ножки! Сойди ты, мѣсяцъ, сними
мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака.
Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила
могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей
силѣ перенесть. и проч. (Сказаній т. I. кн. II.
Чернокнижіе. № 15). Отсюда понятно, по-
чему появленіе мѣсяца имѣло въ глазахъ на-
шихъ предковъ таинственное, сверхъесте-
ственное, дѣйствіе на судьбу человѣка. Во-
вторыхъ, не менѣе замѣчательно, что примѣ-
ты относятся къ народившемуся молодому
мѣсяцу: это тоже черта, указывающая на
древнѣйшія вѣрованія. Въ заговорахъ нерѣд-
ко упоминаются „рожки" луны, что показы-
ваетъ, что съ мольбами обращались къ мо-
лодому мѣсяцу; кромѣ того должно замѣтить,
что первое, новое, впервые рожденное имѣло
у насъ изстари особенное значеніе и силу.
Такъ въ народѣ есть примѣта о первосе-
ченномъ яйцѣ: если съ нимъ обойти заго-
рѣвшееся строеніе, то пожаръ не распростра-
нится далѣе, хотя бы не было принято ни-
какихъ предосторожностей. Наконецъ, благо-
пріятное знаменованіе праваго и неблаго-
пріятное лѣваго—фактъ, повторяющійся без-
престанно въ нашихъ повѣрьяхъ. „Если пра-
вая ладонь чешется—деньги получать; если
лѣвая—отдавать". „Если звенитъ въ правомъ
ухѣ—тепло будетъ; если въ лѣвомъ—стужа".
По всѣмъ признакамъ должно думать, что
примѣта о мѣсяцѣ по началу своему восхо-
дитъ къ древнѣйшимъ, языческимъ време-
намъ; только съ этой точки зрѣнія она и
становится понятной. Быть можетъ, она обра-
зовалась изъ гаданій и пророчаній, имѣв-
шихъ въ язычествѣ религіозное значеніе, ко-
торое они впослѣдствіи утратили.

Но не станемъ вдаваться въ гипотезы.
Перейдемъ къ другимъ примѣтамъ.

Какъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, гахъ и огонь
имѣлъ священное значеніе. Роль, которую
играли костры въ празднествѣ наканунѣ Ивана
Купалы, доказываетъ это несомнѣнно. Но

кромѣ того, огонь былъ предметомъ особеннаго почитанія, какъ принадлежность, символъ и выраженіе очага—средоточія и важнѣйшей части жилья. Въ любопытномъ обрядѣ перезыванія домового изъ одного жилья въ другое, домового представляютъ горящіе уголья, вынутыя изъ печки оставляемаго жилища. (См. „Сказанія Русскаго народа", т. II, кн. VII, Народн. дневникъ, стр. 54). Отсюда объ огнѣ множество примѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, задувая огонь вечеромъ, творятъ молитву и крестятся. „Погасъ огонь нечаянно—нечаянный гость будетъ". Близка къ этой другая примѣта. „Если погасить нечаянно свѣчу—гости будутъ". Вслѣдствіе этого значенія очага и огня, горящаго въ очагѣ, и всѣ дѣйствія, случаи, малѣйшія подробности, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ горѣнію огня въ очагѣ, получили такое же значеніе. „Не клади дрова въ печь востриками—ссора будетъ". „Головня упала (изъ печи) нечаянно на шестокъ—нечаянный гость будетъ". „Полѣно упало (когда несли дрова, на улицѣ или на дворѣ)—чужіе гости будутъ". „Уголь вылетѣлъ изъ топящейся печки—гости будутъ". Развалились въ печи дрова—гости будутъ". „Не бей человѣка лучиной—чахотка будетъ". „Когда печется хлѣбъ—не садись на печь, хлѣбъ неудаченъ будетъ" и „не мети въ избѣ: сторину вымететь". „Печекутся именинные хлѣбы или пироги хорошо—именинникъ проживетъ годъ благополучно: неудачно—умретъ". Черные тараканы, любящіе тепло и потому живущіе въ особенности около печки (отсюда тараканъ запечный), именно вслѣдствіе этого слывутъ въ народѣ вѣстниками счастія: „ Въ домѣ много черныхъ таракановъ—къ богатству". Убивать ихъ не должно.

Во всѣхъ этихъ примѣтахъ, конечно, многое остается непонятнымъ, по крайней мѣрѣ для насъ. Почему погашеніе огня и прибытіе гостей сближается такъ постоянно въ столькихъ примѣтахъ—мы не беремся объяснить, хотя, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такое сближеніе не даромъ встрѣчается. Какъ бы то ни было, но основная мысль и причина всѣхъ приведенныхъ нами примѣтъ ясна. Горѣніе огня въ печкѣ имѣло религіозное значеніе, исполненное таинственнаго смысла. Посторонія занятія въ это время, движенія, въ которыхъ выражалось отсутствіе благоговѣнія, строго воспрещались, и подвергались карѣ невидимыхъ силъ. Все, что происходило отъ горѣнія и при горѣніи, исполнено смысла и служило предзнаменіемъ: то, что огонь привлекалъ къ себѣ, было ему пріятно, и слѣдовательно служило своею очередью, отражало на себѣ сверхъестественный его характеръ.

Мы говорили объ очагѣ и его важномъ значеніи въ язычествѣ. Такое же значеніе получило жилье и все, что въ немъ находилось, или къ нему принадлежало. Множество примѣтъ доказываютъ это. „Не стучи ножами—ссора будетъ". „Не играй столомъ—ссора будетъ". „Не шагай черезъ кого-нибудь—судороги потянутъ". „Не наступи на помело, и не шагай черезъ него—судороги потянутъ". „Не клади прялку на столъ—сорокъ грѣховъ наживешь". Прялка неотъемлемый аттрибутъ вѣдьмы, какъ ступа—бабы-яги. Положить прялку на столъ, мѣсто обѣда, такъ же безчинно, какъ садиться на печь, когда она топится: это величайшее оскорбленіе домашней святыни, особенно по значенію, которое, какъ мы видѣли, имѣла прялка. Обѣдъ, равно какъ и вся поваренная и обѣденная посуда, тоже имѣли въ глазахъ нашихъ предковъ религіозное значеніе. Причину отгадать не трудно. Общественные (царскіе) и семейные столы находились въ неразрывной связи съ жертвоприношеніями: отъ послѣднихъ перешло оно и къ обыкновенному обѣду, обѣденной и поваренной посудѣ. „Перекрестившись послѣ стола, не садись опять ѣсть—крестники умрутъ". „Не выходи изъ-за стола въ другую сторону въ противоположную той, куда зашелъ)—забудишься". „Не стели скатерть (на столъ) вдвое—двойниковъ принесешь". „Зубы (во время ѣды) заскрипѣли—на чужой хлѣбъ". Далѣе. „Не оставляй на ночь на столѣ ножъ—лукавый зарѣжетъ". Извѣстно гаданіе о суженомъ на святкахъ: дѣвушка накрываетъ на столъ, кладетъ на немъ приборъ и садится къ зеркалу, ожидая суженаго. Когда онъ придетъ, нужно произнести заклинаніе, чтобъ онъ не зарѣзалъ ножомъ. „Ложкой въ край чашки не стучи—ссора будетъ". „Мутовкой въ край кринки, чашки и т. п. не стучи—ссора будетъ".

Значеніе порога также всѣмъ извѣстно. „Черезъ порогъ не здоровайся—разсоритесь". „Не садись на порогъ—женихъ или невѣста воротятся (т.-е. бракъ не состоится)". Въ этихъ примѣтахъ сохранилется воспоминаніе о прежней отдѣльности, обособленности, зам-

ети жилищ. Находиться съ кѣмъ либо
шеніяхъ черезъ порогъ, значитъ обра-
съ нимъ какъ съ чужимъ, т.-е. вра-
Царинѣ съ помеломъ имѣло особен-
ачение и метеніе. „Не мети вдругъ
напримѣръ въ избѣ, въ тоже время въ
ѣ—разойдется богатство". „Въ одной
е мети многими вѣниками—разойдется
ямъ богатство". „Мети избу чище—
тся хорошіи женихъ".
всѣ неодушевленныя принадлежности
имѣли въ язычествѣ религіозный ха-
ъ, то тѣмъ болѣе живыя существа,
лежащія къ дому, живущія во дворѣ,
ли для человѣка. Вотъ нѣсколько при-
. „Когда кошка чихнула — скажи
тную: зубы не заболятъ". „Кошка за-
ть лапами — гости будутъ". Кошка,
моему, дѣйствовала подъ наитіемъ злыхъ
, что легко объясняется изъ свойствъ
животнаго, ея зоркости, бдительности
въ темнотѣ, и т. д. Нельзя возить
на лошадяхъ послѣднія отъ того
ъ. Вспомнимъ также, что изъ черепа
вываривается, съ разными таинствен-
обрядами, косткa невидимка. „Не пи-
баку—судороги потянутъ". „Собака
лась на человѣка — корысть будетъ"
же примѣта есть и о „кошкѣ". „Со-
аетъ передъ домомъ къ низу—покой
будетъ; къ верху — пожаръ будетъ";
обака воетъ, подымъ голову къ верху—
неурожай хлѣба: опустивъ къ низу
болѣзнь, отъ которой умрутъ многіе".—
хій свиньею—скорбь выступитъ".
особенно важную роль играютъ въ на-
народныхъ суевѣріяхъ пѣтухъ и ку-
Изъ разныхъ повѣрій и примѣтъ объ
тицѣ можно составить цѣлую весьма
есную и для нашей археологіи важную
рафію. Въ свадебномъ обрядѣ курица
ъ замѣчательную роль. Ее приносятъ
ященнику или помѣщику, прося позво-
женить сына; курицу въ разныхъ ви-
подлятъ молодымъ въ день свадьбы;
бленіе въ пищу именно этой птицы
ржественномъ обрядѣ, каковъ свадебный,
ѣетъ на совершающееся въ это время
ичествѣ жертвоприношеніе курицы. По
Кажется, домовому. На эту догадку
ано наводятъ странныя обычаи, собліо-
въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи
адебныхъ обрядахъ: когда молодые вхо-
въ избу, въ домъ новобрачнаго, одна
изъ старшихъ женщинъ (не помнимъ, его
мать, сваха, или другая) тайно отъ всѣхъ
бросаетъ подъ печку жареную курицу, чтобы
молодые были счастливы и богаты.

Въ народномъ дневникѣ г. Сахарова чи-
таемъ, что 28 января умиряютъ домоваго
чудесами. Чудесы заключаются въ томъ, что
колдунъ, въ самую полночь, зарѣзываетъ пѣ-
туха, вышускаетъ кровь на солнце, и выме-
таетъ имъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ
причитаніемъ заговоровъ. Въ Вологодской гу-
берніи простой народъ думаетъ, что ѣсть
пѣтуховъ грѣшно. Послѣ всего сказаннаго
было бы странно, еслибъ эта птица была за-
быта въ примѣтахъ. Повѣрье, что кто крадъ
куръ—у того руки трясутся,—вовсе не было
шуткой въ устахъ нашихъ предковъ-язычни-
ковъ. При ихъ понятіяхъ это повѣрье имѣло
полный смыслъ, проистекавшій изъ значенія
курицы.

Весьма замѣчательная также примѣта: „Со-
лома пристанетъ къ хвосту курицы —въ домѣ
покойникъ будетъ". Солома имѣла какое-то
значеніе въ языческихъ празднествахъ въ
честь умершихъ. „Въ великій четвертокъ.—
сказано въ Стоглавѣ (вопр. 26), — по рану
солому палятъ и кличутъ мертвыхъ". Замѣтимъ
также, что на Семицкой недѣлѣ, въ
которую совершались поминки, совершались
и проводы русалокъ, и русалку представляла
въ этомъ обрядѣ соломенная чучела.

Довольно этихъ нѣсколькихъ примѣровъ,
чтобъ убѣдиться, что примѣты, повидимому
безсмысленныя и совершенно произвольно вы-
думанныя, коренятся, по своему происхожде-
нію, въ языческомъ бытѣ и вѣрованіяхъ, и
въ этой сферѣ находятъ полное объясненіе,
и сами, въ свою очередь, поясняютъ и до-
полняютъ въ ней многое. Конечно, примѣты
нелѣпость съ догматической точки зрѣнія.
Но странно и смотрѣть на нихъ — такимъ
образомъ. Историческія эпохи, дѣятелей мы
не судимъ же съ точки зрѣнія современныхъ
намъ понятій и требованій, а переносимся
въ ихъ время, подводимъ ихъ подъ мѣрило,
которое даетъ намъ ихъ эпоха. Такъ же
должно поступать и въ отношеніи къ преда-
ніямъ, повѣрьямъ, памятникамъ, которые
только тогда и дѣлаются понятными, когда
станемъ разсматривать ихъ въ связи съ тѣми
историческими данными, посреди которыхъ
они образовались, имѣли значеніе и смыслъ.

Основаніе всѣхъ примѣтъ языческаго проис-
хожденія — таинственное свойство предметовъ,

явленій, дѣйствій или событій, или самихъ по себѣ, или по ближайшему отношенію, связи ихъ съ другими предметами или явленіями, которыя почитались нѣкогда священными. Это свойство заключалось въ ихъ зависимости отъ высшей силы. Оттого они не были случайны или произвольны, и имѣли для человѣка значеніе пророчаній или предзнаменованій, хорошихъ или дурныхъ, смотря по предмету, явленію или дѣйствію. Вотъ почему многія примѣты имѣютъ характеръ пророчаній, сентенцій, или служили текстомъ для гаданій, или для узнанія неизвѣстнаго.

Въ заключеніе замѣтимъ, что таинственное отношеніе между различными явленіями и предметами нравственнаго и физическаго міра, на которое указываютъ примѣты, весьма часто ограничивается одной внѣшней или случайной аналогіей, вполнѣ высказывающей младенческія понятія человѣка. Стукъ [illegible] чей, мутовки и шумъ отъ сохи; лазня кошки лапами, напоминающее движеніе [illegible] манимъ кого-нибудь къ себѣ, могутъ слу[illegible] примѣрами этой дѣтской аналогіи. Прис[illegible] къ объясненію примѣтъ, прежде всего [illegible] опредѣлить предметъ, къ которому онѣ [illegible] ятся, и значеніе, которое онѣ имѣли, [illegible] могъ имѣть въ языческомъ быту. Это п[illegible] и главное, иногда довольно трудное: о[illegible] ное понять легко. Философскія схемы, [illegible] начала и воззрѣнія, глубокомысленныя [illegible] логіи тутъ не у мѣста; предметъ та[illegible] хитеръ и не сложенъ, что можно впасть [illegible] смѣшныя, иногда вредныя для нашей [illegible] ологіи ошибки, приступая къ нему во[illegible] оружія высшей, философской критики.

(Архивъ Калачова. 1850, кн. I[illegible]

О ВѢДУНѢ И ВѢДЬМѢ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. АѲАНАСЬЕВА, НАПЕЧАТАННОЙ ПОДЪ ЭТИМЪ ЖЕ ЗАГЛАВІЕМЪ ВЪ АЛЬМАНАХѢ „ВОМПА".)

Статья г. Аѳанасьева „О Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ" чрезвычайно интересна. Несмотря на то, что предметъ, повидимому, знакомъ всѣмъ и каждому, кто живалъ въ деревнѣ и хоть сколько нибудь прислушивался къ нашимъ простонародными поверьямъ, въ немъ много такого, надъ чѣмъ можно подумать. До сихъ поръ монографіи о вѣдьмѣ и вѣдунѣ у насъ не было! Аѳанасьевъ впервые тщательно собралъ объ этомъ предметѣ множество данныхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ источникахъ, и первый представилъ опытъ научнаго изслѣдованія [illegible] это неотъемлемая заслуга автора.

[illegible] и вѣдьма имѣетъ между людьми и нечѣмъ [illegible] чается отъ обыкновенныхъ людей" (стр. 59).

Что къ такое и вѣдунъ и вѣдьма? О[illegible] кловъ въ народѣ это представленіе? О[illegible] находимъ на стр. 98—106. Приведем[illegible] сколько мѣстъ, всего ближе объясняю[illegible] когутъ автора на происхожденіе и зна[illegible] вѣдуна и вѣдьмы.

[illegible]

родоначальника на князей, отправленіе богослуженія перешло къ этимъ послѣднимъ, разумѣя богослуженіе общинное, публичное. Родоначальники отдѣльныхъ родовъ и даже отцы семействъ удерживали, по крайней мѣрѣ, свое священное значеніе, но только въ кругу своего отдѣльнаго рода и семьи. Но верховнымъ жреческимъ священнослужителемъ для цѣлой общины, соединявшей въ себѣ многія племена и роды, былъ князь, который и обязанъ былъ рѣшать всѣ религіозные вопросы вообще съ старшими. Отсюда объясняются слова Ипатьевской лѣтописи о совѣщаніи Владиміра Великаго съ старцами градскими относительно измѣненія вѣры, о приговорѣ ихъ бросить жребій на отрока и дѣвицу—для принесенія богамъ въ жертву. Вмѣстѣ съ постепеннымъ разложеніемъ общиннаго быта у славянъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ княжескаго управленія, необходимо начинаетъ измѣняться и публичный характеръ ихъ богослуженія, празднествъ и игрищъ религіозныхъ. На мѣстахъ, гдѣ прежде рода начинаютъ сходиться „межи собою“ и совершать ихъ вмѣстѣ божества, вошедшія въ кругъ образы человѣческіе, изображаются въ истуканахъ (кумирахъ), которые поставляются на открытыхъ мѣстахъ народнаго поклоненія. Въ это время становится необходимымъ, чтобъ выдѣлились изъ общества народа люди, которымъ можно бы было поручить надзоръ за чистотою священныхъ мѣстъ и изображеній отъ внѣшнихъ физическихъ вліяній. Съ этого, къ этой эпохѣ языческаго развитія, когда религія начинаетъ принимать характеръ общественности, публичности—относится начало затемнѣнія и образованія тайнаго религіознаго языка. Языкъ этотъ былъ общедоступенъ, и языкъ, которымъ говорилъ, его мысль и его соотношенія съ другими мыслями для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ явленій природы облекаются въ человѣческія формы, получаютъ субъективность и всѣ человѣческія чувства и побужденія, тогда миѳъ затемняется, и тѣ явленія, которыя положены въ приложеніи къ процессамъ природы, дѣлаются загадочными къ отношеніи къ его персонификаціи. Языкъ религіозный принимаетъ характеръ таинственный: является *загадка*, какъ смыслъ жизни, количества, понимать языкъ загадокъ уже не могутъ всѣ, а только нѣкоторые избранные, посвятившіе себя этому священному *тайному знанію*. Мало по малу, путемъ чисто фактическимъ, начинаютъ выдѣляться изъ народа люди, одаренные большими способностями и пользующіеся помощью языка. Дѣйствуя болѣе или менѣе религіознымъ увлеченіемъ, они являются народными учителями и прозорливцами; имъ поручаетъ народъ хранить преданія древнихъ жизнью и религіознаго языка, они въ состояніи разгадывать и объяснять всѣ явленія природы и таинственную силу ихъ имѣютъ также и очищенія могутъ совершать все чародѣйною силою заклинанія. Это—вѣдуны и вѣдуньи, волхвы или кудесники и кудесницы. Въ народѣ рождается убѣжденіе, что они ближе къ божествамъ и понимающіе ихъ рѣчи, одарены даромъ предвидѣнія, знаютъ волю ихъ и могутъ открывать правду. Вѣдунъ, слѣдовательно, тотъ, кто болѣе знаетъ религіозныя тайны, обладаетъ своими умомъ, рѣчью, политическимъ тактомъ, выдается изъ всѣхъ другихъ. Къ подобнымъ людямъ и начинаетъ прибѣгать народъ за совѣтомъ, для испрошенія помощи и совѣта. Помощь вѣдуновъ состояла въ томъ, что они возносили молитвы и приносили жертвы, ибо имъ извѣстна была могущая сила молитвы (впослѣдствіи—заговоровъ, нашептываній и заклятій), жертвы (впослѣдствіи—чаръ) и связанныхъ съ ними очищеній. Вѣдуны нисколько не мѣшали религіозно-богослужебному значенію родоначальниковъ, тѣ и другіе не исключали взаимно себя, и одинаково пользуются народнымъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что первоначально вѣдуны выдѣляются изъ числа тѣхъ же старшинъ, начальниковъ родовъ и семей, и особеннаго класса не составляютъ. За такое же положеніе говорятъ даже современныя представленія колдуна и вѣдьмы и всѣ преданія и повѣрья, имѣющія соотношенія съ древнимъ языческимъ богослуженіемъ. Въ народѣ даже существуетъ убѣжденіе, что тайная наука волшебства хранится въ семействахъ, передается изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. Первое извѣстіе о волхвахъ-кудесникахъ находимъ въ лѣтописи, въ разсказѣ о княженіи Олега; слѣдовательно, появленіе волхвовъ совпадаетъ съ извѣстіемъ о кумирахъ. Впослѣдствіи, изъ волхвовъ должно было образоваться сословіе *жрецовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ это слово. Въ старинномъ нашемъ языкѣ слово *жрецъ* было извѣстно. Кириллъ Туровскій говоритъ въ одномъ словѣ: „не окрошива его зависти *жрьци*“. Іоакимовская лѣтопись также упоминаетъ о жрецахъ, но какъ понимать эти мѣста? Жрецъ здѣсь—особенное названіе волхва, и ему принадлежало то же значеніе, что и волхву. Приписывать нашимъ славянамъ отдѣльное сословіе (классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ вполнѣ развитую миѳологію, не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія о ихъ бытѣ. Филологически слова *жрица* и *волхвъ*—тождественны; они оба указываютъ только на одну сторону языческаго богослуженія, на служеніе огню и сожженіе жертвъ, какъ другія синонимическія названія указываютъ на другія стороны богослуженія. Впрочемъ, колдунъ также означаетъ жертвоприносителя, а кудесами называются: а) коледа, праздникъ, въ который совершалось заклаяніе свиньи, и b) жертва домовому. Съ большимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослуженіи славянъ, волхвы могли бы усвоить себѣ религіозное значеніе исключительно и образовать отдѣльное сословіе (классъ), но такой переворотъ въ религіи требовалъ медленнаго долгаго процесса, который далеко не успѣлъ совершиться, когда появилось на Руси христіанство. Вообще надо замѣтить, что конечное развитіе количества у насъ представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорятъ объ его переходномъ состояніи и о религіи отдѣльныхъ родовъ и племенъ въ религіи „публичную“» (стр. 102—106).

•

Вотъ какъ авторъ смотритъ на предметъ. Вся статья есть не что иное, какъ развитіе этой мысли въ частныхъ ея выраженіяхъ и примѣненіяхъ.

При всемъ уваженіи къ знаніямъ и несомнѣнному таланту г. Аѳанасьева, доказанныхъ многими прекрасными трудами по русской исторіи, мы несогласны съ нимъ въ основной мысли его статьи, не согласны и во многихъ частностяхъ.

Что касается до основной мысли, то она намъ кажется несовсѣмъ вѣрною, потому что

предполагаетъ степень развитія языческихъ религіозныхъ вѣрованій гораздо высшую той, до которой, по нашему мнѣнію, достигло язычество славянъ, въ особенности русскихъ. Вѣдуны и вѣдьмы, по словамъ г. Аѳанасьева, были жрецы и жрицы, и притомъ боговъ свѣтлыхъ. Для этого нужно было бы по крайней мѣрѣ указать, какіе это были боги, и разрѣшить вопросъ, успѣло ли у насъ язычество развиться до поклоненія богамъ, то-есть до изображенія боговъ въ искусственныхъ образахъ, до построенія имъ капищъ и до полнаго языческаго богослуженія. Вопросъ этотъ намъ кажется еще далеко нерѣшеннымъ. Мы знаемъ что говоритъ о нихъ лѣтопись Несторова, но свидѣтельство ея еще не уяснено критически, и на основаніи того, что она говоритъ, столько же есть основанія считать боговъ, исчисленныхъ у Нестора, туземными, сколько признавать ихъ нетуземными. Правда, нѣкоторыя славянскія племена сохранили и до сихъ поръ воспоминаніе о Перунѣ и Волосѣ; за то другіе, именно славяне великорусскіе, не сохранили ни о нихъ, ни о другихъ языческихъ богахъ никакихъ воспоминаній. А между тѣмъ повѣрья о вѣдунѣ и вѣдьмѣ распространены вездѣ и живо сохранились до сихъ поръ. Не доказываетъ ли это, что вѣдьмы и вѣдуны не имѣли необходимой, тѣсной связи съ поклоненіемъ языческимъ богамъ? Не ясно ли отсюда что эти вѣрованія должны имѣть другое значеніе и происхожденіе, кромѣ собственно богослужебнаго?

Г. Аѳанасьевъ говоритъ, что вѣдьмы и вѣдуны были жрецами боговъ чистыхъ, свѣтлыхъ. Мы прочли съ большимъ вниманіемъ всѣ доводы въ пользу этого мнѣнія, такъ добросовѣстно и тщательно собранные въ разсматриваемой нами статьѣ и признаемся, не нашли ни одного доказательства въ пользу этого мнѣнія. Вѣдьмы и вѣдуны находятся въ сношеніяхъ съ нами-нашими силами, нечистыми духами и съ помощью ихъ причиняютъ людямъ и скотинѣ и вредъ всякій что хотятъ. Но какое именно отношеніе имѣютъ эти силы къ богамъ — этого нигдѣ, ни изъ чего не видно. Повѣрья приписываютъ вѣдьмамъ и вѣдунамъ разныя [illegible] силы, отрасли языческаго культа, сохранившіяся въ [illegible] языческихъ [illegible] и только [illegible] [illegible] [illegible]

стрѣчаемъ здѣсь довольно натянутое объ-
ие, почему вѣдуны представлялись ста-
ми, вѣдьмы — и старухами и молодыми.
этому, говоритъ авторъ, „что языческое
ужение и жертвоприношенія совершал
старшими въ родѣ, стариками и старух
и что во всѣхъ (?) религіозныхъ обря-
дѣлы принимали живое и непремѣнн
?) участіе. Священно-служебное значе-
старѣйшихъ вполнѣ объясняется родо-
патріархальнымъ бытомъ славянъ, а
ино-служебное значеніе дѣвъ — самымъ
ктеромъ язычества, которое выше всего
ставило творческую силу молодости, кра-
и плодородія... Полнота дѣвственныхъ
обѣщающихъ развитіе новой, юной
и, не могла не вызвать особеннаго ува-
ія (?) и сочувствія".

отивъ этого можно сказать многое. Еслибы
ые, что вѣдьмы и вѣдуны — старики и
хи, было въ связи съ родовымъ харак-
мъ язычества, то всѣ старшіе въ родѣ
лись бы вѣдунами и вѣдьмами. Однако
не такъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что
ество обрядовъ совершалось въ домѣ не-
ѣнно стариками, того или другого пола,
Аѳанасьевъ совершенно правъ, говоря,
ычество славянъ имѣло первоначально
вой характеръ. Слѣды этого сохранились,
вольно живо. Что жъ слѣдуетъ отсюда?
то вѣдьмы и вѣдуны не входили въ раз-
обыкновенныхъ жрецовъ и жрицъ (если
пустить, что жрецы и жрицы дѣйстви-
но существовали у насъ когда-то, въ чемъ
озволимъ себѣ сомнѣваться), но состав-
нѣчто особенное, выходящее изъ обык-
наго порядка. Потомъ, странно, какимъ
омъ г. Аѳанасьевъ смѣшиваетъ дѣвъ и
ыхъ женщинъ, говоря о вѣдьмахъ? Тѣ
упія во всѣхъ обрядахъ различаются, и
ихъ въ язычествѣ далеко не была оди-
ва. Наконецъ, признаемся, для насъ со-
ѣнно непонятна фраза, что „язычество
всего поставляло творческую силу мо-
сти, красоты и плодородія". Язычество,
же всего, поставляло весьма высоко все
что имѣло большее или меньшее вліяніе
ыть и судьбу человѣка, и степень почи-
соотвѣтствовала степени вліянія. Плю-
ие и безплодіе, свѣтъ и мракъ, лѣто и
, ночь и день — въ этомъ отношеніи было
почитаемы язычниками, да иначе и не
быть. Что же касается до символиче-
объясненія мнимаго уваженія и сочув-
ствія къ дѣвѣ у славянъ-язычниковъ, то оно намъ потому кажется весьма далекимъ отъ истины, что вовсе нейдетъ къ характеру и степени развитія славянскаго язычества. Послѣднее, по всѣмъ даннымъ, едва-едва начинало выходить изъ непосредственнаго обожанія видимой природы, не успѣло даже создать опредѣленныхъ образовъ для невидимыхъ дѣятелей. Какъ же могло быть при этомъ символическое развитіе вѣрованій?

Послѣднее замѣчаніе еще въ большей мѣрѣ относится къ объясненію повѣрья о доеніи вѣдьмами коровъ, лошадей и овецъ. Авторъ весьма подробно и учено выводитъ, что божества свѣта олицетворены были въ образѣ коровъ во многихъ языческихъ религіяхъ, особенно въ индійской, и у славянъ тоже. Поэтому повѣрье о доеніи коровъ вѣдьмами не должно принимать буквально; это есть не что иное, какъ затемненный позднѣйшими передѣлками миѳъ о томъ, что вѣдьмы (то есть жрицы) своими жертвоприношеніями и мольбами призывали на землю плодотворные лучи солнца и дождь, даръ божествъ свѣтлыхъ... Изумительный tour de force учености, свидѣтельствующій только о томъ, какъ могутъ увлекаться дѣльные и талантливые изслѣдователи, когда погружаются въ мракъ до-историческихъ преданій безъ путеводной нити общаго взгляда и строгаго метода! Простота, непосредственность, первоначальность нашихъ повѣрій опровергаютъ это хитрое объясненіе сами собою, безъ всякаго аппарата учености и критики. Гдѣ, въ которомъ изъ нашихъ народныхъ повѣрій можно встрѣтить подобные символы? Всѣ эти повѣрья объясняются житейскими фактами, явленіями природы: непосредственный ихъ смыслъ всегда ближайшій и вѣрнѣйшій. И въ этой-то самой первобытной языческой религіи изъ всѣхъ намъ досель извѣстныхъ у народовъ индо-европейскаго племени, авторъ съумѣлъ отыскать философскій миѳъ. Удивительно! Авторъ обращается къ индійскимъ вѣрованіямъ, чтобы объяснить повѣрье о доеніи коровъ. Не знаемъ, почему онъ, прежде чѣмъ пустился въ этотъ обманчивый и сомнительный путь, на которомъ заблудилось столько талантливыхъ нашихъ ученыхъ, зачѣмъ, говоримъ мы, не осмотрѣлся онъ около себя поближе, по тому правилу, что русское повѣрье правильнѣе объяснить русскимъ бытомъ, чѣмъ индійскимъ или другимъ. Еслибы онъ это сдѣлалъ, онъ нашелъ бы весьма

простое объясненіе и повѣрья о доеніи коровъ вѣдьмами и колдунами. Въ „Земледѣльческомъ Календарѣ“ г. Э. Рудольфа, примѣненномъ къ хозяйству сѣверной и средней полосъ Россіи (изд. 2-е, Спб., 1849), читаемъ:

Подъ мѣсяцемъ декабремъ: „Доказано опытомъ, что животныя, поставленныя во дворѣ и ничѣмъ не обезпокоиваемыя, лучше отъѣдаются (при одинаковомъ кормленіи, чѣмъ животныя, кормящіяся на пастбищахъ“ (стр. 298).

Подъ мѣсяцемъ январемъ: „Для расположенія или для приплода лучшіе телята тѣ, которые родятся въ январѣ и февралѣ, и лучше пусть теленіе будетъ ранѣе этихъ мѣсяцевъ, чѣмъ позже“ (стр. 306).

Подъ мѣсяцемъ апрѣлемъ: „Рогатый скотъ можно въ концѣ апрѣля выпускать на пастьбу; но рѣдко случаются такіе годы, въ которые онъ могъ бы наѣдаться до сыта прежде первыхъ чиселъ мая“ (стр. 20). „Природное побужденіе животныхъ къ отыскиванію, по волѣ, свѣжаго корма оказывается въ апрѣлѣ столь сильно, что одно лишь задаваніе лучшаго корма и приправленіе его солью можетъ производить одинаковое состояніе животныхъ съ тѣмъ, въ какомъ они находились прежде“ (тамъ же). „Если рогатый скотъ въ апрѣлѣ линяетъ или уже вылинялъ прежде, то это знакъ, что уходъ за скотомъ хорошъ, и можно быть увѣреннымъ, что и доходъ отъ него будетъ хорошій“ (стр. 22).

Подъ мѣсяцемъ іюнемъ: „Наибольшее количество доброкачественнаго молока надоиваетъ отъ тѣхъ коровъ, которыя не только продовольствуются изобильнымъ и питательнымъ кормомъ, но которыя, при съѣданіи этого корма, употребляютъ мало усилія и времени, и которыя большую часть времени проводятъ въ совершенномъ покоѣ. На этомъ явленіи основано замѣчаніе, что молочный скотъ, кормящійся круглый годъ на стойлѣ, даетъ наибольшее количество молока“ (стр. 14).

Подъ тѣмъ же мѣсяцемъ: „Въ концѣ іюня, когда всѣ травы въ совершенномъ ихъ развитіи, и скотъ на привольныхъ пажитяхъ, даже и послѣ зимней безкормицы и сопряженнаго съ ними голода, отгуливается... когда скотъ наѣдается совершенно, и на пастьбѣ находитъ не только достаточную, но изобильную пищу: то съѣдаемый имъ кормъ можетъ оказывать полное дѣйствіе на тѣ произведенія, которыя потребуются сотрапезниками скота. Въ іюнѣ мѣсяцѣ должно обратить особенное вниманіе на молочныя коровы“... (стр. 139 и 140).

Подъ мѣсяцемъ іюлемъ: „Пастьба становится весьма обильною по уборкѣ луговъ сѣна; но гдѣ нѣтъ вблизи лѣсовъ, которыхъ бы скотъ могъ найдти защиту отъ палящихъ лучей солнца, тамъ должно его въ полдень съ пастьбы пригонять домой... Кто живя въ деревнѣ, не замѣчалъ, съ какимъ наслажденіемъ домашній скотъ, кромѣ овецъ, по цѣлымъ часамъ стоитъ въ водѣ! Это охлажденіе ему необходимо, и гдѣ эта потребность не удовлетворяется, тамъ бываютъ разныя болѣзни, каковы: ящуръ, коровья язва, сибирская язва и пр.“ (стр. 182).

Довольно этихъ выписокъ. Онѣ достаточно показываютъ, что времена года, къ которымъ повѣрья относятъ преимущественно дѣла коровъ вѣдьмами, суть имѣютъ важныя эпохи въ годичной жизни этого, столько почитаемаго въ крестьянскомъ быту домашняго животнаго. Въ апрѣлѣ корову впервые выпускаютъ на пастьбу: къ этому времени за нею должно быть особенно тщательный уходъ: къ тому же времени относится случка и линяніе рогатаго скота. Въ концѣ іюня корова даетъ отличное и обильное молоко; въ іюлѣ, отъ сильнаго жара, она подвержена болѣзнямъ; въ декабрѣ „откармливаютъ скотъ; въ январѣ или февралѣ коровы телятся. Вообще же зимою коровы, содержимыя въ хлѣвахъ и теплыхъ закутахъ, даютъ обильное и хорошаго качества молоко. Не проще ли этимъ образомъ жизни коровы, этими данными нашего крестьянскаго домоводства, объяснить повѣрья, которыя кажутся столь темными и загадочными г. Аѳанасьеву? Наши предки-язычники не понимали причинъ естественныхъ явленій и не знали, какъ ихъ устранить или, напротивъ, вызвать. Оттого они и приписали ихъ таинственнымъ дѣятелямъ, вредящимъ враждебнымъ силамъ, или дѣйствію злыхъ людей. Попробуйте похвалить здоровое дитя: нянька, если она придерживается предразсудковъ, придетъ въ ужасъ: ей будетъ мерещиться порча, и забота, набѣду, ребенокъ — навѣрное вы его сглазили. Точно такъ же боятся крестьяне въ іюнѣ, что вѣдьмы заѣдятъ коровъ: въ это время коровы богаты хорошимъ молокомъ. А болѣзни, чахлость скота, чему же могли приписать язычники, какъ не порчѣ? Такой же

сти подвергалась скотина и въ то время,
телилась, и т. д. Замѣтимъ кстати, что
коровъ только вѣдьмы, а не колдуны.
дніе и вовкулаки сосутъ, а не доятъ
ъ. Это потому, что доятъ коровъ, по
ъ обычаямъ, только женщины, такъ
жчины, принимаясь за это бабье дѣло,
ютъ непремѣнно на голову платокъ,
имѣть видъ женщины.
наемся, насъ столько же удивило на-
ое объясненіе повѣрья о доеніи коровъ,
г. Аѳанасьевымъ, сколько и странное
ніе изъ виду самаго простого, ближай-
его смысла.
стр. 111—127 авторъ подробно объ-
ъ значеніе повѣрья, что вѣдьмы и кол-
два раза въ году летаютъ на шабашъ,
сую гору. Нельзя не отдать полной
едливости тому тщанію и добросовѣст-
съ которыми изложены и разсмотрѣны
нія, сюда относящіяся, и ни одинъ
ставленъ безъ толкованія и критиче-
разбора. Къ сожалѣнію, мы и здѣсь
жемъ согласиться съ авторомъ, ни въ
ъ, ни въ частностяхъ. Г. Аѳанасьевъ
тъ, что въ этомъ преданіи сохраняется
инаніе о двухъ языческихъ праздне-
ъ, совершавшихся въ незапамятныя пре-
и соотвѣтствующихъ Коледѣ и Купалѣ.
е это кажется весьма правдоподобнымъ.
на авторъ прибавляетъ къ этому, что
сой горѣ совершались языческія богос-
нія и жертвоприношенія, и весьма по-
о выводитъ это изъ разныхъ обстоя-
въ, сопровождавшихъ, по народнымъ
ъмъ, полеты вѣдьмъ, то трудно съ
согласиться, потому что онъ очевидно
ается своею любимою мыслью и, такъ
ъ, прурочиваетъ эти повѣрья къ такой
развитія язычества, до которой у сла-
оно не успѣло развиться. Повѣрье о
вѣдьмъ просто говоритъ, что колдуны
ьмы собираются на Лысую гору для со-
ія и общаго веселья, для пиршества,
е тутъ богослуженіе, гдѣ жертвопри-
ніе? Совѣщаются колдуны и вѣдьмы,
видно изъ приведенныхъ авторомъ по-
на пагубу людей и домашнихъ живот-
Тутъ — ни тѣни богослуженія. Общее
селье и пиршество (гуляньe), очевидно,
ское игрище. Игрище безспорно могло
богослужебное значеніе у язычниковъ.
кое? Въ разныя эпохи развитія языче-
вѣрованія оно имѣетъ различное. Въ
языческихъ религіяхъ, болѣе развитыхъ, игрище есть принадлежность богослуженія; въ религіяхъ болѣе древнихъ оно есть только зародышъ послѣдняго, а прямой его смыслъ и значеніе — непосредственное выраженіе чувствъ и ощущеній. На этой степени развитія игрище—не обрядъ, а фактъ безсознательный. Таковы были первоначально многіе хороводы, таковы были тризны и другіе пиры; таковы могли быть отчасти игрища, упоминаемыя Несторомъ при описаніи русско-славянскихъ племенъ. Игрище вѣдьмъ и колдуновъ на Лысой горѣ имѣетъ, очевидно, соотвѣтствіе съ купальскими игрищами, въ которыхъ не видно слѣдовъ богослуженія. Не имѣя положительныхъ доказательствъ, что у нашихъ предковъ-язычниковъ были боги, и, по общему характеру и свойству ихъ языческихъ повѣрій, считая невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, что они были, мы позволимъ себѣ усомниться въ богослужебномъ значеніи игрищъ на Лысой горѣ, тѣмъ болѣе, что прямой смыслъ относящихся сюда повѣрій не даетъ права дѣлать этотъ выводъ.

Наконецъ, начиная съ 150 страницы, г. Аѳанасьевъ говоритъ о превращеніяхъ вѣдьмъ и колдуновъ. Вопросъ весьма любопытный въ исторіи языческихъ вѣрованій! Авторъ приводитъ вѣрованіе въ обращеніе въ близкое соотношеніе съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ умершихъ, и выводитъ оба изъ смутныхъ представленій, которыя имѣли язычники о загробной жизни. Весь этотъ предметъ, какъ замѣчаетъ и самъ авторъ, дѣйствительно весьма теменъ. Совѣмъ тѣмъ, намъ кажется, что и тутъ путь, избранный г. Аѳанасьевымъ для отысканія ключа къ разрѣшенію вопроса — слишкомъ далекъ и невѣренъ. Мы думаемъ, что это вѣрованіе ведетъ свое начало съ того времени, когда непосредственное обоженіе предметовъ и явленій природы стало мало-по-малу смѣняться обоженіемъ невидимыхъ силъ, которыя, по представленіямъ язычниковъ, въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствовали и проявлялись. Представить себѣ эти силы отвлеченно первобытные язычники не могли. Они должны были воображать ихъ себѣ живыми существами съ разумомъ и волею, другими словами — съ атрибутами нравственной природы человѣка. Отъ этого вѣрованія къ вѣрованію въ такъ-называемыхъ оборотней и въ переселеніе душъ переходъ былъ очень нетрудекъ, особенно при помощи живой фантазіи, необуздываемой ничѣмъ и

незнающей другого предѣла, кромѣ своего безграничнаго произвола.

Не входя въ дальнѣйшее развитіе этой гипотезы, о которой надѣемся поговорить когда-нибудь подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, замѣтимъ здѣсь только, что способность оборачиваться, приписываемая повѣрьями колдунамъ и вѣдьмамъ, недовольно обратила на себя вниманіе г. Аѳанасьева. Будь вѣдьмы и колдуны обыкновенными жрецами и жрицами древняго язычества, отчего бы, кажется, не имѣть этой способности всѣмъ старѣйшимъ въ семействѣ и домѣ? Они, какъ мы сказали, могли до нѣкоторой степени имѣть когда-то богослужебное значеніе и быть служителями домашняго божества—а между тѣмъ они обращаться не могутъ, а обращаются только вѣдьмы и колдуны. Ясно, что и тѣ и другія, по народнымъ повѣрьямъ, имѣли особенное какое то значеніе, обладали сверхъестественными, чрезвычайными силами.

Послѣ всего этого остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ такое, по нашему мнѣнію, были вѣдьма и вѣдунъ во времена язычества. Г. Аѳанасьевъ весьма справедливо замѣтилъ, что они не олицетворенія дѣйствительныхъ предметовъ или представленій, но живыя лица. Вѣдуны и вѣдьмы были люди, обладающіе таинственнымъ знаніемъ благодѣтельныхъ и вредоносныхъ свойствъ и силъ природы, и потому язычники приписывали имъ сношеніе съ невидимыми духами. Имъ была открыта и доступна тайная наука. Отъ того таинственный, сверхъестественный характеръ ихъ. Вѣдьмы и вѣдуны могли, поэтому, явиться тогда только, когда образовалось вѣрованіе въ этихъ невидимыхъ духовъ между язычниками, вслѣдъ за постепеннымъ упадкомъ непосредственнаго обожанія видимыхъ предметовъ и явленій природы. Вѣдуновъ представляютъ повѣрья стариками, вѣдьм старухами, потому что лѣта и опытност не систематическое ученіе давали мудро и эта мудрость дѣйствительно могла б пріобрѣтена только временемъ и лѣтами. вицами же и молодыми женщинами п ставляютъ вѣдьмъ потому, что только он крайне рѣдко, мужчины могли имѣть на ность къ галлюцинаціи, составлявшей, по вѣжественному понятію язычниковъ, нес вержимый признакъ сношенія съ духами. кимъ образомъ вѣдьмы и колдуны не ни жрецами, ни жрицами, а просто вѣщіе мужи и женщины, что̀ доказывае ихъ названіемъ. Они всегда стояли внѣ с новенной, установленной обычаями и п ніями языческой религіи, и потому не ставляли и не могли образовать сослові касты, будучи явленіями необыкновен исключеніями изъ общаго правила. Там они были и гдѣ ихъ было много, они и большое вліяніе и значеніе; это безс и объясняется весьма легко ихъ таинс нымъ знаніемъ и силою. Такихъ вѣдун вѣдьмъ находимъ, подъ разными назва почти у всѣхъ первобытныхъ язычн Вездѣ они являются отдѣльно отъ об венныхъ жрецовъ и съ тѣмъ же значен какъ наши вѣдуны и вѣдьмы.

Вотъ главныя замѣчанія и возраже статью г. Аѳанасьева. Объ ней можно бы сказать гораздо больше, ибо каждая страница представляетъ спорные пун по моему мнѣнію, неправильные выво объясненія. Здѣсь ограничимся сказан предоставляя себѣ возвратиться къ статьѣ при первомъ удобномъ случаѣ.

(Отеч. Записки, 1851, кн. 6

II. ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА
РУССКАГО СУДОУСТРОЙСТВА
И
ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,*
ВЪ ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ ОТЪ УЛОЖЕНІЯ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ [1]).

ВВЕДЕНІЕ.

ного лѣтъ протекло съ того времени, реформа, произведенная въ Россіи ь Великимъ, еще была предметомъ и безусловнаго удивленія. Едва пре- атель совершилъ свой трудный по- акъ уже подданные его почувствовали ть предначатаго дѣла, и превозносили о государя, первоначальника новой творца нашего политическаго могу- и устроителя внутренняго быта. Съ ръ имя Петра Перваго благоговѣйно алось изъ устъ въ уста отъ предковъ ву. Такъ продолжалось почти до по- о двадцатипятилѣтія.

о этого времени впервые появилась направленію, данному Россіи преоб- іемъ Петра. Силы, вызванныя имъ къ воспитанныя и доведенныя до созна- ытіями послѣдней эпохи—начали тя- и чужеземнымъ вліяніемъ, подъ кото- овершалось ихъ развитіе со времени Великаго, и породили требованіе само- ьности. Отсюда ведетъ начало обра- къ старинѣ, сочувствіе къ быту Рос- едшедствовавшему реформѣ, который, е былъ чуждъ вліянію европейскихъ ъ, то, по крайней мѣрѣ, не былъ по- нъ этимъ вліяніемъ. Это новое на- іе должно было ослабить прежнее вное удивленіе къ преобразованію Великаго; доведенное до крайности, опо стало въ противоположность съ преж- нимъ направленіемъ, и почитатели старины также безусловно начали порицать перево- ротъ, какъ другіе прежде превозносили его. Такимъ образомъ мнѣнія о реформѣ раздѣ- лились; въ ихъ враждѣ, рѣчь идетъ не о частномъ событіи русской исторіи, но о судь- бахъ Россіи, о ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Образованіе противоположныхъ мнѣній о реформѣ Петра, есть, безспорно, отрадное явленіе. Оно служитъ признакомъ пробуждаю- щагося въ Россіи сознанія ея самостоятель- ности, индивидуальности; это зачатки обнов- ленія нашей жизни, свидѣтельствующіе о пе- реходѣ ея изъ одной степени развитія въ другую, высшую. Но основываясь на непо- средственномъ убѣжденіи, на догадкахъ и предположеніяхъ, на фактахъ отрывочныхъ, и потому допускающихъ различныя и произ- вольныя толкованія, эти мнѣнія не могутъ разрѣшить спора. Въ этомъ скрывается при- чина и необходимость возникающаго у насъ историческаго направленія. Теперь бо- лѣе, нежели когда-нибудь обратились къ изу- ченію фактовъ нашей исторіи; стали соби- рать источники. Уже много сдѣлано совокуп- ными усиліями правительства и частныхъ лицъ; многіе весьма важные памятники нашего древняго быта открыты, обнародованы и не перестаютъ обнародываться.

---

* Диссертація на степень магистра.

При такомъ преобладаніи историческихъ интересовъ, при общемъ стремленіи рѣшить великій вопросъ о переворотѣ Петра, въ выборѣ темы для юридическаго разсужденія нельзя было колебаться. Мы остановились на реформахъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и по слѣдующимъ причинамъ:

1) Несмотря на то, что переворотъ Петра Великаго почти весь сосредоточился въ сферѣ государственнаго права (въ обширномъ смыслѣ слова), вліяніе его на гражданское законодательство было также чрезвычайно сильно. Онъ отразился съ большею или меньшею силою въ правахъ имущественныхъ (вещныхъ), и правахъ по обязательствамъ (личныхъ), въ наслѣдственномъ правѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ.

2) Степень и значеніе реформы въ каждой отдѣльной вѣтви гражданскаго права были различны. Въ большей части изъ нихъ она была только отраженіемъ переворота, происшедшаго въ государственномъ законодательствѣ, и потому была временная.—Почти всѣ измѣненія, сдѣланныя въ гражданскихъ правахъ Петромъ Великимъ, и которыя подходятъ подъ эту категорію, уступили мѣсто прежде бывшимъ законоположеніямъ. Они имѣютъ болѣе интересъ древностей.

3) Изъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ со времени Петра Великаго въ гражданскомъ законодательствѣ, только тѣ, которыя относились къ судопроизводству, имѣли постоянный характеръ, и служатъ главнымъ основаніемъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ. Поэтому, кромѣ историческаго интереса, онѣ имѣютъ еще интересъ практическій, тѣсно связующій ихъ съ настоящимъ законодательство и заслуживаютъ особеннаго вниманія

Направленіе, данное законодательству П ромъ Великимъ, продолжало развиваться в немъ во всѣ послѣдующія царствованія, изданія Свода законовъ. Время отъ рефо Петра Великаго до Свода законовъ сос ляетъ поэтому особливый періодъ въ исто русскаго законодательства. Царствованіе им ратрицы Екатерины II, при которой впер установилась реформа, дѣлитъ этотъ пер на двѣ части; при ней опредѣлилось о шеніе новыхъ и старыхъ началъ прав всѣ нововведенія приведены въ строй обдуманную систему. Въ отношеніи къ гр данскому судопроизводству царствованіе К терины II не представляетъ ни одного коненія, которое составляло бы эпоху; в судоустройствѣ Екатерина II заключила форму изданіемъ Учрежденія для управл губерній, съ которымъ судебное управл Россіи. административная сторона судо изводства, получило правильную организа Мы ограничимся изложеніемъ перемѣнъ, шедшихъ въ русскомъ гражданскомъ с производствѣ со времени реформы до У жденія о Губерніяхъ (1775 года, ноября 7

Такимъ образомъ настоящее разсуж должно раздѣлиться на двѣ части. Пе будетъ заключать въ себѣ ученіе о граж скомъ судопроизводствѣ, по Уложенію и К указнымъ статьямъ, вторая—измѣненія, изведенныя въ гражданскомъ судопроиз ствѣ Петромъ Великимъ и узаконеніями слѣдующихъ царствованій до Учрежде губерніяхъ.

Часть первая.

Ученіе о русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ по Уложенію и Новоуказнымъ статьямъ.

(1649—1696).

Періодъ времени отъ Уложенія до единодержавія Петра Великаго по справедливости можетъ быть названъ цвѣтомъ древняго юридическаго быта, вѣнцомъ самостоятельнаго развитія началъ, которыя лежали непосредственно въ народномъ обычаѣ. Каждое юридическое положеніе, или непосредственно, или какъ результатъ, основывалось на обычаѣ областей, вошедшихъ въ составъ Россіи; слѣд. законодательство было почти исключительно историческое.

Отсюда объясняется казуистическій характеръ Уложенія и всѣхъ постановленій, относящихся къ этому времени. По мѣрѣ того, какъ юридическія гражданскія отношенія становились многосложнѣе, приложеніе основныхъ началъ обычнаго права къ частнымъ случаямъ дѣлалось труднѣе и требовало законнаго опредѣленія; это опредѣленіе касалось потому однихъ частныхъ случаевъ; начала, руководившія при рѣшеніи ихъ, оставались невысказанными, потому что жили въ обычаѣ: не было никакой нужды утверждать ихъ законами. Отсюда видимая бѣдность юридическихъ началъ въ Уложеніи, и внутреннее богатство ихъ, сокрытое подъ оболочкою частныхъ рѣшеній. Казуистическій характеръ Уложенія въ особенности высказывается тѣмъ, что оно, будучи по своему назначенію Уложеніемъ всей Россіи, по формѣ относилось къ одной Москвѣ [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что главная причина этого заключается въ самыхъ источникахъ, изъ коихъ преимущественно составлено Уложеніе; ибо можно догадываться, что наибольшая часть статей его почерпнута изъ рѣшеній московскихъ приказовъ; несмотря на то, удержаніе казуистической формы этихъ приговоровъ ясно свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ ходѣ развитія законодательства и вообще всего юридическаго быта.

Несмотря на преобладаніе обычнаго права въ Уложеніи и послѣдующемъ законодательствѣ, мы замѣчаемъ во весь этотъ періодъ постепенное усиливаніе начала собственно такъ называемаго законодательнаго, реагирующаго противъ обычныхъ вѣрованій, и которое такъ сильно воспреобладало со временъ Петра Великаго. Но эта законодательная дѣятельность вполнѣ подчинялась формамъ и духу юридической жизни того времени, и отличалась тѣмъ-же казуистическимъ характеромъ, какъ и положенія, непосредственно развившіяся изъ обычая. Измѣненія въ законодательствѣ не проистекали изъ началъ чуждыхъ намъ; обычаю противодѣйствовали средствами, изъ него же заимствованными; такимъ образомъ весь юридическій бытъ составлялъ одно органическое, стройное цѣлое. Вотъ что должно было замѣтить о состояніи права и законодательства въ этомъ періодѣ, для лучшаго уразумѣнія нашего предмета. Вникая въ юридическіе памятники, дошедшіе до насъ отъ времень Уложенія, всматриваясь глубже въ едва понятное намъ тождество быта и формъ, въ которыхъ онъ выражался—въ твердость началъ юридическихъ и необходимое ея слѣдствіе, способность нашихъ предковъ правильно прилагать эти начала къ даннымъ случаямъ ежедневной жизни,—всматриваясь во все это, нельзя не удивляться тому, какъ могло образоваться мнѣніе, будто бы у насъ не было до Петра Перваго ни законовъ, ни даже понятія о правѣ, а и то и другое дано Россіи ея преобразователемъ. Въ наше время этотъ предразсудокъ мало-помалу искоре-

[1]) Доказательствъ этому множество. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя: 1) Улож., гл. X, ст. 140: „велѣти его (отвѣтчика) приставу привести къ отвѣту къ *Москвѣ* съ собою", ст. X, ст. 141, „да какъ приставъ того отвѣтчика изъ *Москвы* привезетъ". См. также гл. X, ст. 139 и множество другихъ мѣстъ. 2) Въ Уложеніи нѣтъ упоминанія о *боякахъ*, а они, какъ извѣстно, были только въ московскихъ приказахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ съ воеводами. 3) Улож., гл. X, ст. 111 повелѣваетъ вины и явки того, кто чрезъ всѣхъ по собраніи по немъ порукой сыщется не явится къ суду, очевидно, эта статья относится только къ городскимъ жителямъ, или къ живущимъ въ близкомъ разстояніи отъ города. Она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ древнѣйшему времени. 4) Слѣдствіе вездѣ назначается въ Уложеніи *сроками*, а это можно приложить исключительно тѣмъ, которые встрѣчаются въ московскихъ приказахъ. Улож., гл. X ст. 251, и т. д.

няется и уступаетъ мѣсто другому, лучшему взгляду на допетровскій бытъ, его достоинства и недостатки.

При всей несостоятельности, это мнѣніе имѣетъ однако и свою справедливую сторону. Подъ конецъ этого періода обычныя вѣрованія замѣтно ослабѣли; зачатки ослабленія ихъ мы замѣчаемъ еще до Уложенія; но около самаго начала новой эпохи они были почти совершенно разрушены. Буква закона замѣнила духъ его, который жилъ прежде въ народномъ убѣжденіи; это было причиною и слѣдствіемъ порчи, вкравшейся въ жизнь общественную. Доказательствомъ могутъ служить безчисленныя злоупотребленія, которымъ уже подавали теперь поводъ формы быта, нѣкогда вылившіяся изъ самой жизни, и въ свою очередь служившія ей опорою и основаніемъ. Самое свойство злоупотребленій того времени свидѣтельствуетъ объ обветшалости, дряхлости этихъ формъ. Вспомнимъ только дѣла о мѣстничествѣ, которыя уже были анахронизмомъ; дѣла о бо между боярами, которыя доныли наво такихъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ крак что обратили на себя вниманіе законо ства [1] превратныя „лѣдиническія" т ныя законовъ; сухой безжизненный лизмъ, укоренившійся въ судахъ, об прежде органомъ развитія обычнаго п приложенія законовъ къ жизни; ве значеніе, которое получилъ въ это языкъ; наконецъ, приведемъ себѣ на злоупотребленія стряпчихъ того вре которыхъ столько говорится въ законо эпохи, и есть даже свидѣтельства со никовъ Петра Великаго.

Такт. мѣсто единаго, первостепенна жденія, которое сказывалось въ законо ствѣ, заступило раздвоеніе закона и —вѣрный признакъ наступленія пере

Глава I.

ОРГАНЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Отдѣленіе I.

Судоустройство.

Судоустройство Россіи временъ Уложенія лишено догматическаго интереса, это потому, что оно основывалось на однихъ историческихъ началахъ, которыя подъ конецъ этого періода уже нѣсколько сгладились. Это дѣлаетъ судоустройство той эпохи чрезвычайно сбивчивымъ и непонятнымъ.

Историческіе элементы, изъ коихъ развилось судоустройство Московскаго государства, въ настоящій періодъ суть: древнѣйшая форма управленія въ Россіи и образованіе Россійскаго государства, чрезъ присоединеніе къ Московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ.

Древнѣйшая форма управленія въ Россіи со временъ пришествія въ Новгородъ варяго-руссовъ состояла въ томъ, что князь назначалъ изъ своей дружины „мужей" правителями областей и городовъ. Разсматривая эту форму администраціи и сообразя ее съ историческими данными той эпохи, мы выводимъ слѣдующіе результаты:

1-е. Вся власть надъ городомъ или об сосредоточивалась въ одномъ лицѣ; коллегіальнаго, по главному назначе сти, военному и финансовому, не б быть не могло.

2-е. По тому же военному и финан характеру власти „мужей", посылаемы земь, власть судебная въ дѣлахъ гр скихъ de facto отдѣлялась отъ самаго носила на себѣ характеръ чисто-адми тивный. Намѣстники были блюстители т и порядка, поэтому вѣдали дѣла угол которыя первоначально разсматривалис ко съ этой, такъ сказать, полицейской зрѣнія; поэтому, далѣе, намѣстники

[1] Въ Полномъ Собраніи Законовъ помѣщ сколько указовъ, которыми запрещалось вчин сные и нелѣпые" иски о безчестіи. Такъ въ изъ нихъ упоминается о челобитной, которы приносилъ на другого за то, что послѣдній сл *на него звѣрообразно*, и тѣмъ будто бы нан безчестіе

...ню съ нарушителей порядка: вотъ ...ждение судебныхъ пошлинъ по дѣламъ ...скимъ, ибо эти дѣла, въ древній и ... періодъ нашей исторіи, обыкновенно ...сь вслѣдствіе насильственныхъ правоотношеній. Самый судъ, произнесеніе приговора, что право, и что не право, ...жало общинѣ или городу; сперва, ...о, старѣйшинамъ, впослѣдствіи лучшимъ, выборнымъ, цѣловальникамъ. Наконецъ, какъ князь поручалъ управленіе своимъ приближеннымъ, такъ нам...стно отдавали города и области избранникамъ своей дружины. Такимъ образомъ ...его мужи и правители, ими назначенные ...ставляли цѣлую лѣстницу чиноначалія; ...ступени ея представляли въ меньшемъ объемѣ то же, что и высшіе.

...е самая система управленія лежитъ ...нніи судоустройства и въ настоящій ...

Начало единовластнаго управленія ... если не исключительнымъ, то по ... мѣрѣ преобладающимъ во времена ...я. Начиная отъ думы государевой ...ленія населеннымъ помѣстьемъ или ...ю, всѣ власти были основаны на единствѣ. Въ наше время возникла мысль, ...ы коллегіальное начало существовало ... Петра Великаго. Это мнѣніе имѣетъ ...праведливую и несправедливую сторону по тому, съ какой точки зрѣнія ...мъ разсматривать судоустройство на...го періода. Съ исторической точки ...ята мысль кажется намъ неосновательною. Управленіе вѣрилось первоначальному лицу: такъ было еще во времена ...ка [1]. Въ царствованіе Алексѣя Ми...ича московскими приказами, областями ...жи, уже завѣдывалъ не одинъ, а много...ова съ товарищи" [2]: вотъ что подводъ думать, будто судоустройство въ ...мъ было коллегіальное; ту же мысль ...енности подтверждаетъ и одно мѣсто въ Уложеніи [3]. Несмотря однако на эти данныя, мы можемъ сказать утвердительно, что коллегіальнаго управленія не было. Правда, въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія приказомъ или уѣздомъ уже скрывался зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства, но до Петра Великаго онъ находился подъ вліяніемъ прежнихъ началъ управленія и поэтому не могъ развиться. Доказательства:

а) Назначеніе нѣсколькихъ судей и нѣсколькихъ воеводъ для управленія однимъ приказомъ или областью, дѣлалось потому, что многосложность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Такъ думаетъ профессоръ Рейцъ. Отсюда объясняется характеръ приказовъ того времени. Товарищи боярина, вѣдавшаго приказъ, или городоваго воеводы были его помощники, совѣтники, а не самостоятельные члены, имѣющіе къ нему опредѣленное юридическое отношеніе. Этимъ объясняется, далѣе, почему нѣтъ никакихъ постановленій объ отношеніи воеводы къ товарищамъ его: если-бъ эти отношенія были юридическія, то они необходимо опредѣлялись бы закономъ, ибо обычаи здѣсь не могъ имѣть дѣйствія.

b) Лучшимъ доказательствомъ того, что коллегіальнаго управленія не было, а было управленіе личное, служитъ устройство думы государевой, по образцу которой, вслѣдствіе единства происхожденія всѣхъ властей того времени, были организованы правительственныя мѣста Московскаго государства. Власть государя, предсѣдательствовавшаго въ ней, была неограничена, и если онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступалъ отъ своего мнѣнія и принималъ мнѣніе одного изъ членовъ, то это совершенно зависѣло отъ его произвола; думные люди были его совѣтниками и имѣли на него вліяніе de facto; юридическаго ограниченія его власти не было.

c) Наконецъ коллегіальное устройство имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда часть, вѣренная многимъ лицамъ, была обширна и многосложна; во всѣхъ прочихъ случаяхъ удерживалось начало личнаго управленія; вотъ почему мы находимъ у Котошихина, что въ нѣкоторыхъ московскихъ приказахъ было по нѣскольку членовъ; напротивъ, въ дру-

---

Судебникъ (Татищева, Москва, 1786 г., 2-е изд.) ...89.

Описаніе Россіи въ царствованіе Алексѣя ...ича, Григорія Котошихина (С.-Петербургъ, ...) гл. VI и VII, Московскіе и другіе старинные ..., Новикова (въ Древней Россійской Вив...Москва, 1791 года, 2-е изд., Т. XX стр. 271—...ско грамоты, указы и боярскіе приговоры того ...въ особенности пѣшей указъ, данный боя...ну Милославскому, 1680 года, апрѣля 30. ...ое Собр. Законовъ, № 820.)

[3] Улож. гл. X 23: „вершити ... судное дѣло... судьямъ всѣмъ вопче".

гихъ только одинъ. То же должно замѣтить и о городовомъ и областномъ управленіи, которое находилось въ рукахъ и одного, и двухъ, и трехъ воеводъ.

Мы видѣли, что власть вручалась лицамъ. Поэтому все судоустройство временъ Уложенія сохранило личный характеръ. Вникая въ значеніе приказовъ, — правительственныхъ мѣстъ, которыя вѣдали различныя отрасли государственнаго и гражданскаго управленія [1]), мы легко убѣдимся, что по происхожденію своему они были не что иное, какъ бы канцеляріи тѣхъ сановниковъ, которымъ царь московскій поручалъ извѣстную отрасль управленія (быть-можетъ по этой-то причинѣ многіе приказы при Петрѣ Великомъ переименованы въ канцеляріи: такъ Дворцовый [2]), Ямской [3]), даже Посольскій [4]) и другіе). Въ названіи четей дьяка Вароломея Иванова сохранилось намъ драгоцѣнное историческое свидѣтельство о такомъ значеніи приказовъ въ древнія времена.—Во весь періодъ отъ Уложенія до Петра Великаго и далѣе, указы, грамоты, отписки и проч., почти никогда не писались на имя приказа, но на имя тѣхъ, которые завѣдывали имъ. Личнымъ же характеромъ судоустройства объясняется непостоянство приказовъ: ихъ безпрерывное уничтоженіе, возстановленіе и соединеніе съ другими, это дѣлалось большею частью съ перемѣною тѣхъ, которые ими завѣдывали, или съ вѣреніемъ двухъ или нѣсколькихъ приказовъ въ управленіе одному лицу [5]). Отсюда недостатокъ порядка, системы при распредѣленіи вѣтвей управленія между приказами; даже при Петрѣ Великомъ солиное управленіе отнесено къ предметамъ вѣдомства помѣстнаго приказа. Въ заключеніе замѣчу о томъ, что нѣкоторые приказы помѣщались въ домахъ тѣхъ бояръ, которые ихъ присутствовали [6]).

Въ древнѣйшія времена намѣстника… рилось управленіе областью или … такимъ образомъ территоріею опре… власть намѣстниковъ, а не предмета… домства; всѣ отрасли сѣдскаго упр… соединялись въ рукахъ воеводъ, и … не было особливыхъ чиновниковъ, … ныхъ исключительною властью … въ дѣлахъ гражданскихъ. Отсюда … правило: кто управляетъ, тотъ имѣетъ … суда въ дѣлахъ гражданскихъ наль… мыми.—Эти начала развиваются и … мена Уложенія. Не говоря уже о … ціальномъ устройствѣ, которое … нихъ основано, мы укажемъ на … московскіе приказы (Новгородскій … скій и другіе), которые управляли … областями и судили жителей ихъ въ … гражданскихъ между собою и съ … ними по общимъ правиламъ подсуд…

Какъ первоначально отдавалась … леніе цѣлая область или городъ, … послѣдствіи были отдѣлены другъ … различныя отрасли управленія, … изъ нихъ сдѣлалась предметомъ … администраціи. Управленіе по отрас… искусственно, нежели завѣдываніе … вишнею, и потому, безъ сомнѣнія, … къ позднѣйшему времени (Холоп… Большой приходъ. Помѣстный прик… которые другіе впервые упоминаются … XVI и началѣ XVII вѣка). Оно обр… совершенно по аналогіи съ территор… управленіемъ; вотъ почему, напр., со… стей вѣдалось судомъ въ приказѣ … казны; кушкари, поротники, затин… Пушкарскомъ приказѣ; рудокопы … Рудокопныхъ дѣлъ; многіе города … съ помѣстными, вотчинными и суд… лами въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Р… т. д. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ почти … приказа, который бы не судилъ … данскихъ и потому не относился … нію о гражданскомъ судопроизвод…

2) Раздѣленіе власти давать … самаго суда (judicium), между … цѣлованиками, выборными лучшим… съ одной стороны, и приказными …

---

[1]) О приказахъ мы имѣемъ слѣдующія статьи, первая по своему достоинству и полнотѣ статья Новикова въ XX томѣ Россійской Библіотеки. Изъ нея сдѣлано сокращеніе Максимовичемъ въ I томѣ Указателя Законовъ VI и VII главы сочиненія Котошихина о Россіи послѣдняя московскимъ приказамъ, какъ писанныя современникомъ, онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Затѣмъ есть еще статьи о приказахъ Голикова въ III томѣ Прибавленій къ „Дѣяніямъ Петра Великаго“ Въ ней мы находимъ много новыхъ извѣстій, которыхъ нѣтъ ни у Новикова, ни у Котошихина, но не указано, откуда они почерпнуты.

[2]) 1708 года, авг. 20 (№ 2204), приборо. Главной Расправы 1728 года, сент. 12 (№ 5453), указъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

[3]) 1728 года, іюня 30 (№ 5299), п. 6 сенатскій.

[4]) 1719 года, 3 марта (№ 3518) и 25, Регламентъ (Уставъ) Государственной Коммерцъ-Коллегіи.

[5]) 1711 года, ноября 20 (№ 2451) сенатскій.

[6]) 1670 года, марта 11 (№ 1161, имѣнно

[illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

ть въ полномъ смыслѣ слова госу-
ными, потому что предметы вѣдом-
причинамъ, нами уже изложеннымъ.
строго отдѣлены другъ отъ друга
дѣлялись по разнымъ приказамъ.
ы были историческія начала, на ко-
основывалось судоустройство въ на-
мъ періодѣ. Дальнѣйшее развитіе ихъ
въ томъ, что они мало-по-малу на-
утрачивать характеръ непосредствен-
торическихъ данныхъ; въ прежнюю
же влагается новое содержаніе, ко-
ходимо должно было, въ свою оче-
лѣе или менѣе измѣнить ее. Такое
измѣненіе въ характерѣ законода-
никогда не производится отвлечен-
началами права; ибо эти начала сами
результатъ историческаго развитія.
двигателями реформы являются
судобство, которыя не замѣняютъ
началъ новыми, но, сдѣлавшись глав-
лью законодательной дѣятельности,
дятъ къ видоизмѣненію существую-
ныхъ, и тѣмъ приготовляютъ тре-
ысшихъ, философскихъ началъ права.
котораго времени законодательства
ть интересъ догматическій. Въ по-
ложеніи онъ начинаетъ появляться
ующихъ чертахъ судоустройства Мо-
го государства:

дѣленіе на провинціи по прежнимъ
намъ и царствамъ мало-по-малу на-
измѣняется; на мѣсто его появляется
распредѣленія областей по большимъ
ъ, къ которымъ приписывались малые
ихъ окружавшіе. Это новое устрой-
овинцій, появившееся весьма есте-
должно было изгладить историче-
ды образованія Русскаго государства,
что рѣдко совпадало съ прежнимъ
ѣномъ. Въ основаніи новаго раздѣле-
астей, очевидно, лежитъ новый рас-
ъ городовъ на большіе, средніе и
, о которомъ часто упоминаетъ Ко-
. Такимъ образомъ приготовлено было
ѣйшее устройство провинцій, кото-
чало положено въ царствованіе Петра
го.

мѣрѣ того какъ внутреннее единство
болѣе и болѣе сознавалось, и исче-
ды прежней разрозненности частей
инѣніе областныхъ намѣстниковъ
ымъ правительственнымъ мѣстамъ
ало терять прежній политическій ха-
рактеръ, и получило наконецъ чисто-юридическое значеніе. Такъ произошли инстанціи, которыя, разумѣется, были еще чрезвычайно неправильны, потому что не основывались на единомъ твердомъ началѣ.

3) Необходимымъ слѣдствіемъ того, что централизація властей получила чисто юридическій характеръ, было правильнѣйшее понятіе о значеніи воеводъ и тѣхъ, которые вѣдали московскіе приказы: и тѣ и другіе постепенно дѣлаются въ настоящемъ смыслѣ слова судьями; значеніе ихъ становится чисто юридическимъ. И прежде это понятіе было связано съ лицомъ княжескаго военачальника или царедворца; но оно никогда не обращало на себя такого вниманія, какъ теперь, когда политическій характеръ воеводъ замѣтно исчезалъ, вслѣдствіе внутренняго совокупленія частей Московскаго государства, замѣнившаго собою вѣчное. Отсюда объясняется появленіе множества узаконеній, имѣющихъ цѣлью оградить тяжущихся отъ пристрастія, несправедливостей и лихоимства судей. Вотъ значеніе Судебника. Въ настоящій періодъ такихъ узаконеній вышло весьма много.

4) Личный, временный характеръ приказовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, начинаетъ сглаживаться. Уже въ названіяхъ приказовъ (Помѣстный, Холопій, Судный и т. д.) проглядываетъ мысль о постоянныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторые, напр. Розрядный приказъ, приказъ Помѣстный (см. Иванова „О помѣстныхъ правахъ"), и другіе, получили уже въ этомъ періодѣ весьма правильную организацію.

5) Завѣдываніе приказовъ и областей не однимъ, а многими лицами, должно было, de facto, ослабить власть главнаго начальника; этимъ приготовлено появленіе новаго, въ настоящемъ смыслѣ коллегіальнаго судоустройства.

Наконецъ, 6) появленіе новыхъ, философско-догматическихъ началъ въ системѣ управленія обнаруживается въ постепенномъ сосредоточеніи извѣстнаго рода дѣлъ всей Россіи въ одномъ приказѣ. Такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя, которыя вѣдались сперва въ Помѣстномъ приказѣ и четяхъ, къ концу этого періода сосредоточиваются въ одномъ первомъ. Гораздо ранѣе дѣла „татинныя, разбойныя, убивственныя и пожегшія" и другія были подвѣдомственны одному Разбойному приказу. То же должно сказать о Розрядѣ, быть-можетъ о Казачьемъ и другихъ приказахъ.

Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ общія начала судоустройства во времена Уложенія, приступимъ теперь къ изложенію самаго судоустройства.

А. Суды крестьянскіе.

Устройство судовъ крестьянскихъ, какъ мы замѣтили выше, оставалось въ настоящій періодъ то же самое, которое во времена Судебника было общимъ для всѣхъ областныхъ судовъ Московскаго государства.

a) Суды монастырскихъ крестьянъ. Спорныя гражданскія дѣла между монастырскими крестьянами судилъ монастырскій слуга, который посылался управителемъ отъ монастырей въ вотчины, имъ принадлежавшія. Съ нимъ вмѣстѣ производили судъ мѣстные священникъ, староста, цѣловальникъ и лучшіе крестьяне [1]. Спорныя гражданскія дѣла, превышавшія судебную власть монастырскаго слуги („ему... судъ давати и судить въ пяти рублехъ... а больше пяти рублевъ не судить"), или по челобитью тяжущихся на неправый приговоръ, поступали на судъ и окончательное рѣшеніе монастырскихъ властей [2].

b) Суды дворцовыхъ крестьянъ. О судѣ дворцовыхъ крестьянъ мы находимъ драгоцѣнное извѣстіе у Кошихина (гл. XI, ст. 1): „Царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судятъ ихъ и расправу чинятъ на Москвѣ, во Дворцѣ, и въ селѣхъ и въ волостяхъ прикащики, по грамотамъ, во всякихъ дѣлѣхъ (кромѣ уголовныхъ). А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказчиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: и судятъ межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ (кромѣ уголовныхъ дѣлъ)".

Дополненіемъ и объясненіемъ этого мѣста служатъ еще слѣдующія слова того же Кошихина (гл. XI, ст. 2): „Патріархъ и Митрополиты и Архіепископы и Епископы и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ, противъ того жъ, какъ вѣдаютъ въ Дому его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ".

Итакъ, устройство судовъ дворцовыхъ крестьянъ было одинаково съ монастырскими: слѣд. приказчики были въ дворцовыхъ селахъ и селахъ то же, что монастырскіе слуги въ монастырскихъ вотчинахъ. Но также могли находиться староста и цѣловальники, о которыхъ забылъ упомянуть Кошихинъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ тѣхъ, гдѣ приказчиковъ не было, судили выборные крестьяне („судейки"); въ Уложеніи упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ дворцовыхъ селъ (Улож., гл. X, ст. 1[illegible]; противъ въ другихъ мѣстахъ объ нихъ говорится ни слова [3]). Высшею инстанціей судовъ дворцовыхъ крестьянъ былъ [illegible]вый судный приказъ.

c) Суды патріаршихъ крестьянъ. Что сказано выше о судахъ дворцовыхъ крестьянъ, вполнѣ относится и къ судамъ крестьянъ патріаршихъ и вообще всѣхъ духовенства. Весьма вѣроятно, что [illegible] принимали также участіе выборные [illegible] ловальники, хотя мы этого и не можемъ утверждать несомнѣнно; въ источникахъ упоминаются только приказные люди, приказчики, которые вѣдали судъ въ патріаршихъ селахъ и селахъ. Изъ этихъ судовъ дѣла гражданскія между крестьянами переходили въ Патріаршіе приказы (которыхъ, какъ извѣстно, было много), или на судъ [illegible] скоповъ, епископовъ и т. д.

d) Суды помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ. Сюда преимущественно относится мѣсто изъ сочиненія Кошихина (гл. XI, ст. 16): „въ домѣхъ боярскихъ учинены приказы... для сыску и росправы межъ своихъ выхъ людей и крестьянъ". Изъ другого мѣста мы видимъ, что крестьянами помѣщичьими и вотчинными управляли (а слѣд. и судили ихъ) приказчики; въ Уложеніи и въ законахъ упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ въ вотчинныхъ и помѣстныхъ деревняхъ и селахъ [4]. Споры между помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ (между собою), нерѣшенные крестьянскими судами, рѣшались окончательно помѣщиками и вотчинниками. — Быть-можетъ, домо[illegible] —

[1] См. Наказы монастырскимъ слугамъ въ Актахъ Археографической Коммиссіи (С.-Петербургъ 1836 г.), Т. IV, 1) 1675 года, декабря 25 (№ 67), 2) 1689 декабря „27" (№ 112). Изъ этого наказа видно, что при сходахъ монастырскихъ селъ и деревень судные списки писали списки, или церковникъ деячекъ. Въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею (С.-Петербургъ 1838 года), № 334.

[2] См. упомянутые наказы.

[3] Улож., гл. XIII, ст. 3, 1684 года, октября [illegible] Грихова новгородскому воеводѣ и боярину [illegible] Ртищеву.

[4] Улож., гл. X, ст. 161, 1684 года, октября [illegible] Грамота новгородскому воеводѣ Ртищеву.

вы, о которыхъ упоминаетъ Кошихинъ (гл. XI, ст. 3), судили крестьянъ во второй, ей инстанціи.

Какъ спорныя гражданскія дѣла, возникавшія между жителями слободы, волости, села и деревни, подлежали вѣдомству мѣстнаго крестьянскаго суда, такъ тяжбы, которыя проходили между жителями города, области и уѣзда, судились въ городахъ.

B. Суды городовые.

Въ городахъ судъ въ дѣлахъ гражданскихъ принадлежалъ воеводамъ. Юридическое значеніе городовыхъ воеводъ весьма различно, нерѣдко опредѣлялось самимъ городомъ. По извѣстіямъ Кошихина, города раздѣлялись уже въ настоящій періодъ на большіе (первые), середніе и меньшіе (гл. VIII, ст. 3). Въ большіе города посылались изъ Москвы (въ Разряда) воеводами бояре и окольничьи, съ ними товарищи, съ боярами—окольничьи, стольники и дьяки, а съ окольничьими—стольники и дьяки (гл. VIII, ст. 1). Въ середніе города, равнымъ образомъ посылались воеводы стольники, дворяне, дьяки и жильничіе, вмѣсто дьяковъ (гл. VIII, ст. 3). Въ меньшихъ городовъ нѣкоторые были приписаны къ большимъ и середнимъ, и поэтому нерѣдко называются пригородами (гл. VIII, ст. 2). Въ нихъ, какъ и въ большихъ и среднихъ городахъ, тоже были воеводы, но не назначались воеводами тѣхъ городовъ, къ которымъ пригороды были приписаны. Напротивъ, были малые города, не приписанные къ большимъ, въ которые воеводы посылались изъ Москвы: но эти воеводы не были ни бояре, ни окольничьи, а обыкновенно назначались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (гл. VIII, ст. 2).

Мѣсто, въ которомъ воевода съ товарищи назначенъ судъ въ дѣлахъ гражданскихъ, называлось вообще Городовымъ приказомъ (Кошихинъ, гл. VII, ст. 36), Съѣзжею избою (Акты юридическіе, № 307, II, IV), Приказною избою или Приказною палатою. Послѣднее названіе, какъ кажется, давалось приказамъ большимъ, а иногда-быть и среднихъ городовъ. Это доказывается тѣмъ, что въ Ярославѣ, съ присвоеніемъ ему названія отчины, велѣно Приказную избу именовать Приказною палатою [1]; въ всѣхъ сибирскихъ городовъ, только въ Тобольскѣ была Приказная палата; въ прочихъ были Приказныя избы [2].

Судебная власть воевода по дѣламъ гражданскимъ простиралась на жителей города и его уѣзда [3]. Не подлежали ей, какъ мы видѣли, тѣ, которые были подвѣдомственны по гражданскимъ тяжбамъ судамъ крестьянскимъ. Отсюда можно заключить, что крестьяне различныхъ селеній судились въ гражданскихъ дѣлахъ воеводою; то же должно сказать о спорахъ гражданскихъ между свободными и свободныхъ съ крѣпостными [4]. Ограниченія права суда, принадлежавшаго воеводамъ, относились или къ лицамъ, или къ предметамъ и цѣнѣ иска.

1) Многія лица освобождались отъ подсудности мѣстному воеводѣ, напр.: a) именитый родъ Строгановыхъ [5]; b) вся гости, ихъ дѣти, племянники и приказчики [6]; c) патріаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники, старцы; приказные патріаршіе люди, дѣти боярскіе и ихъ люди; патріаршіе крестьяне; слуги и крестьяне его монастырей; вотчинныя и благопріобрѣтенныя имѣнія патріаршихъ приказныхъ людей [7]; d) нѣкоторые монастыри (иногда только извѣстныя лица монастырскаго вѣдомства [8]);

[1]) 1692 года, іюля 27 (№ 1445); именный.

[2]) 1695 года, декабря 30 (№ 1527), именный, объявленный Сибирскому приказу боярином Рѣпнинымъ.—Однако странно, что въ Рязани и Володимірѣ были приказныя избы (1657 года, авг 23 (№ 213); именный 1653 года, февр 5 (№ 92); именный, 1661 года, іюля 2 (№ 302), грамота стольнику Собурову) Вообще трудно рѣшить, съ котораго времени образовалось это различіе въ названіяхъ, и имѣло ли оно какое-либо историческое или юридическое значеніе

[3]) 1657 года, февр. 23 (№ 200), Жалованная грамота царя Бориса Осод ровича патріаршему престолу. 1657 года, авг 23 (№ 213), именный 1669 года, іюл. 22 (№ 431), ст. 3, Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ. Кошихинъ, гл VIII, ст 1.

[4]) Улож. гл. XIII, ст 3.

[5]) Опыть Исторіи Росс. зак. и гр зак., соч. Рейца, изд проф Мордвинцевымъ М 1836, § 96, стр. 265, Жалованная грамота 1610 г. въ Собр гос грам и дог, т II, стр. 386

[6]) Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова, т. III, стр 495.

[7]) 1657 года, февр 23 (№ 200), Жалованная грамота патріаршему престолу 1653 февр (№ 93), именный. 1672 года, янв 28 (№ 505), именный, помѣщенія въ думнымъ дьякомъ

[8]) 1654 года, мая 6 (№ 124), Жалованная грамота Иверскому монастырю, 1657 года, февр 25 (№ 201), Жалованная грамота патріаршему престолу, 1657 года, мая 20 (№ 205); Подтвержденіе жалованной грамоты Троицкому Сергіеву монастырю, 1677 года, марта 9 (№ 681); Подтвержденіе жалованной грамоты Грузина-

с) освобожденные отъ судебной власти городоваго воеводы вслѣдствіе челобитной, и подчиненные суду воеводы смежнаго города. Это дѣлалось посредствомъ судимыхъ грамотъ [1].

Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ уничтожить изъятіе изъ общей подсудности, и для этого постановилъ въ Уложеніи не давать болѣе никому несудимыхъ грамотъ, и тѣ, которыя были уже розданы, отобрать назадъ [2].

2) Судебная власть городовыхъ воеводъ была ограничена и въ отношеніи къ предметамъ и цѣнѣ гражданскихъ исковъ. Воеводы, при которыхъ не было дьяковъ, не могли судить тяжбъ, цѣною свыше 20 рублей. Они не могли, далѣе, судить дѣлъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ [3]. Такія дѣла, если они возникали въ пригородахъ, были судимы въ большихъ и среднихъ городахъ, къ которымъ малые города были приписаны, хотя и здѣсь не могли они быть рѣшены окончательно, безъ указа царскаго [4].

Право судить дѣла помѣстныя, вотчинныя и холопьи, и иски, цѣною выше 20 рублей, принадлежало еще воеводамъ новгородскимъ, псковскимъ и казанскимъ [5]; но по свидѣтельству Кошихина, при нихъ находились дьяки, слѣд. и въ этихъ случаяхъ то же юридическое начало опредѣляло степень воеводской власти [6].

Гражданскія дѣла, неподсудныя [illegible] вымъ воеводамъ и судамъ крестьян[illegible] судились въ московскихъ приказахъ.

С. Суды центральные.

(Московскіе приказы).

Начало московскихъ приказовъ от[illegible] къ отдаленному времени. Подъ на[illegible] судовъ, избъ, дворовъ, многіе су[illegible] вали уже въ XVI вѣкѣ. По свидѣ[illegible] Новикова, московскіе приказы упом[illegible] въ записныхъ книгахъ, боярскихъ [illegible] и книгахъ съ 1573 года (Большой [illegible] Бронный, Постельный); нѣкоторые [illegible] (Посольскій), 1596 (Чепь дьяка Ва[illegible] Иванова) и 1599 (Казанскій дворецъ). Древнѣйшій изъ всѣхъ московскихъ [illegible] зовъ есть Холопій судъ, который с[illegible] валъ уже до 1500 года; всѣ прочіе [illegible] наются въ XVII вѣкѣ [7].

Въ періодъ Уложенія каждый при[illegible] стоялъ изъ одного, двухъ, трехъ, [illegible] даже иногда изъ пяти членовъ. О[illegible] большею частью бояре, окольничіе, [illegible] люди, думные дьяки, въ немногих[illegible] ники, дворяне и дьяки. Почти во вс[illegible] казахъ, сверхъ означенныхъ членов[illegible] дьяки, одинъ, или два, иногда даж[illegible] и непремѣнно извѣстное число п[illegible] (Кошихинъ, гл. VI и VII).

Право суда и расправы въ дѣлах[illegible] данскихъ имѣли всѣ приказы безъ [illegible] ченія; но предметы и лица, на кото[illegible] стиралась судебная власть каждаго пр[illegible] особенности, опредѣлить чрезвычайно [illegible] Причины изложены нами выше; они [illegible] чаются въ несправедливомъ распр[illegible] предметовъ вѣдомства между прик[illegible] записки отъ историческаго развит[illegible] устройства въ этомъ періодѣ. Чтоб[illegible] вить себѣ понятіе о кругѣ дѣйствія [illegible] скихъ приказовъ, должно обратить [illegible] на юридическія начала, опредѣлявшія

кому Покровскому монастырю, 1677 года, августа 22 (№ 703). Жалованная грамота Успенскому Ипатіеву монастырю, 1668, октября 26 (№ 438) Тарханная грамота Иверскому монастырю.

[1]) 1663 года, января 4 (№ 331), именный

[2]) Улож., гл X, ст 153 Кажется однако, что это постановленіе относится къ отдѣльнымъ лицамъ, освобожденнымъ отъ подсудности, а не къ сословіямъ Иначе нельзя объяснить, почему исключенія изъ подсудности оставались на прежнемъ основаніи и послѣ Уложенія, и даже давались вновь

[3]) Улож гл XIII, ст 3 Кошихинъ, гл. VIII, ст 3

[4]) Кошихинъ, гдѣ же Иски, подлежавшіе суду воеводъ, при которыхъ находились дьяки, могли простираться до 10 000 рублей

[5]) Улож гл XI ст 20 Здѣсь постановлено, что вольные люди, хотѣвшіе вступить къ кому-либо въ крестьянство, должны записываться въ Москвѣ Новгородѣ, Псковѣ и Казани, а не въ другихъ городахъ Въ гл XIII, ст 9, прямо повелѣвается въ поименованныхъ городахъ, подлежащихъ Казанскому двору давать судъ въ дѣлахъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопьихъ, и въ искахъ выше 20 рублей

[6]) Кошихинъ, гл VIII, ст 1 На чемъ основывалось различіе взятія воеводъ, при которыхъ находились дьяки, отъ взятія тѣхъ, при которыхъ дьяковъ не было—это досель неизвѣстно Кажется, оно совпадало съ различіемъ кормленій на большое съ [illegible] суд—мъ, и малое безъ боярскаго суда, но кр[illegible] изъ Судебника (ст. 63, 65 и 66) видно, что [illegible] ники безъ боярскаго суда не могли давать [illegible] и докладныхъ грамотъ на крѣпостныхъ; от[illegible] напоминающее о неподсудности холопьихъ дѣ[illegible] съ которымъ не было дьяка.

[7]) См. статью Новикова о московскихъ [illegible] въ XX томѣ Россійской Библіотеки.

…ихъ началъ было много. Исчислимъ …ія изъ нихъ.

…о управленія областями или сигна-
нами.

…ъ, коему было вѣрено управленіе … Московскаго царства, имѣлъ въ ней …а и расправы во всѣхъ дѣлахъ граж- … и между всѣми лицами. Для нѣ- … приказовъ мы имѣемъ объ этомъ …торическія свидѣтельства; о про- …ежъ заключать по аналогіи.

… началомъ опредѣляется подсуд- … приказахъ: 1) Казанскаго дворца; …скомъ; 3) въ Четвертныхъ прика- …Володимірскомъ; b) Галицкомъ; c) Ко- …ъ; d) Нижегородскомъ; e) Новаго- …; f) Устюжскомъ; 4) Великороссій- …Литовскомъ; 6) Лифляндскихъ дѣлъ; …россійскомъ; 8) Смоленскомъ.

…риказы состояли подъ вѣдомствомъ …твеннаго Посольскаго приказа и упра- …лыми областями и царствами, под- …ми московскому государю (такъ, при- …анскаго дворца управлялъ царствами …мъ и Астраханскимъ; Сибирскій — …ъ Сибирскимъ). Они учреждались, … по мѣрѣ присоединенія этихъ обла- …царствъ къ Россіи (объ нѣкоторыхъ …ъ на это указанія въ источникахъ, …приказѣ Малыя Россіи (Кошихинъ, …гл. 29) и Литовскомъ (Новиковъ въ …ал. т. XX, стр. 328). Судебная власть …тиралась на всѣ гражданскіе споры, …ше въ подвѣдомственной имъ об-

…о отдѣльнаго управленія гражданс-
кими сословіями.

…ая власть приказовъ, подъ вѣдом- …ихъ состояли цѣлыя гражданскія со- …раничивалась, какъ кажется, одними, …ъ смыслѣ слова, судными дѣлами, …возникали между лицами, принадле- …ъ этимъ сословіямъ [2]).

Приказы, завѣдывавшіе въ этомъ періодѣ цѣлыми сословіями, были слѣдующіе: 1) Аптекарскій, имѣвшій судебную власть въ исковыхъ дѣлахъ между иностранными докторами и лекарями, которые находились въ Россіи, и молодыми русскими, отданными имъ на обученіе; 2) Иноземскій, между иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ; 3) Казачій, между атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, кормовымъ и бѣломѣстнымъ, конными и пѣшими, въ Москвѣ и городахъ; 4) Монастырскій, между митрополитами, архіепископами, епископами, приказными людьми, дѣтьми боярскими (состоявшими на службѣ у духовенства), ихъ дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всѣмъ монашескимъ и священническимъ чиномъ, монастырскими слугами и крестьянами и церковнослужителями; 5) Патріаршій розрядъ, между всѣми, состоявшими на службѣ у патріарха: патріаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми и всѣми, живущими въ его домовыхъ вотчинахъ; 6) Пушкарскій, между пушкарями, засѣчными головами, затинщиками, воротниками, городовыми, селитряными и колодезными мастерами; 7) Рейтарскій, между рейтарами; 8) Розрядный, между дворянами нижнихъ чиновъ до стольниковъ; 9) Стрѣлецкій, между стрѣльцами московскими и городовыми; 10) Ямскій, между ямщиками; 11) Посольскій, между всѣми иностранцами, какого бы званія они ни были (исключая тѣхъ, которые вѣдались въ Иноземномъ приказѣ), жившими въ Россіи, или подвластными ей; 12) Большаго дворца, между дворцовыми крестьянами; 14) Большія казны, между гостями, гостиными и суконными сотнями и многихъ городовъ купцами (купцы нѣкоторыхъ городовъ вѣдались судомъ въ таможняхъ гостемъ съ товарищи и таможенными головами; въ Новоторговомъ уставѣ 1667 года, апрѣля 22 (№ 408), въ ст. 88 и 89 предполагалось все купеческое сословіе во всемъ Русскомъ царствѣ подчинить одному приказу; но кажется, эта мѣра не была приведена въ исполненіе).

…года, мая 18 (№ 471): именный: „Стольнику …рово... вѣдать въ Новгородскомъ приказѣ …Смоленскъ (и проч.) и тѣхъ... городовъ …й... судомъ и росправов и помѣстными и …ными дѣлами". 1682 года, іюля 2 (№ 935); …ъ Новгородскомъ указѣ 1693 года, іюня 3 (№ 1169), …ъ: „Гусарскаго и копейнаго... строемъ Гене-

…разовъ и Полковниковъ и проч. (исчисляются лица, подсудныя Иноземскому приказу)... во всякихъ *исковыхъ искахъ* судомъ ихъ и управою вѣдать и *исковъ* …своихъ имъ... *искать* въ Иноземномъ приказѣ". — Въ Уложеніи (гл. XIII, ст. 1) сказано, что всѣмъ, состоящимъ подъ управленіемъ Монастырскаго приказа, судъ давать „во всякихъ *исковыхъ искахъ*". И т. д.

с. *Начало администраціи по различнымъ отраслямъ управленія.*

Отдѣленіе различныхъ отраслей государственнаго и гражданскаго управленія и особливое завѣдываніе каждой изъ нихъ, появилось весьма рано, и въ періодъ Уложенія получило уже нѣкоторую правильность. Мы видѣли, что часть военная была отдѣлена отъ другихъ и вѣрена нѣсколькимъ приказамъ; то же самое должно сказать объ управленіи финансовомъ, полицейскомъ и уголовномъ. Судебное управленіе (по дѣламъ гражданскимъ) отдѣлилось подобно другимъ отраслямъ, но не достигло систематической правильности и большею частью сливалось съ прочими частями администраціи. По различію предметовъ гражданскаго судопроизводства, оно подраздѣлялось на нѣсколько вѣтвей, и каждая изъ нихъ была завѣдываема особливымъ приказомъ. Дѣла о помѣстьяхъ и вотчинахъ судилъ Приказъ помѣстный; Приказъ холопій завѣдывалъ спорныя дѣла о крѣпостныхъ людяхъ [1]; споры и тяжбы, возникавшіе вслѣдствіе договоровъ и гражданскихъ преступленій (delicta privata), судились въ судныхъ приказахъ [2]. Лица, подвѣдомственныя имъ, были, по словамъ Котошихина, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, стряпчіе и дворяне и всякіе помѣщики и вотчинники (Котошихинъ, гл. VII, ст. [illegible] конецъ Патріаршій розрядъ судил[illegible] о духовныхъ и рядныхъ записяхъ [illegible].

Вотъ главныя начала, которыми опр[illegible] лась судебная власть московскихъ пр[illegible] въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ какомъ отношеніи находились [illegible] чала между собою, рѣшить весьма [illegible] потому что оно не основывалось ни [illegible] кихъ постоянныхъ правилахъ. Замѣтим[illegible] ко, что начало управленія областям[illegible] по-малу вытѣсняется и уступаетъ мѣ[illegible] ленію отдѣльными отраслями админис[illegible] Вслѣдствіе этого, дѣла однородныя [illegible] были сосредоточиться въ одномъ [illegible] такъ, дѣла помѣстныя и вотчинныя [illegible] мѣстномъ приказѣ и т. д. [4]). Но [illegible] замѣтили выше, законодательство не [illegible] еще въ этомъ періодѣ до точнаго и [illegible] наго разграниченія предметовъ вѣдо[illegible]

Въ отношеніи къ областнымъ су[illegible] ковскіе приказы составляли высш[illegible] станцію; ибо всѣ гражданскія дѣл[illegible] рыхъ не могли рѣшить городовые [illegible] и которыя превышали степень ихъ [illegible] власти, судились тѣми приказами, „[illegible] торымъ приказомъ который городъ ве[illegible] или въ которомъ приказѣ кто судим[illegible]

Тяжбы, возникавшія между лицам[illegible] судными двумъ различнымъ прика[illegible]

---

[1]) Котошихинъ, гл. VII, ст. 31: „А вѣдаютъ въ томъ приказѣ бодрскихъ и ближнихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабальныхъ и записныхъ, и записныхъ служилыхъ людей.“ О крестьянахъ не упоминается; они вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ.

[2]) Судныхъ приказовъ (кромѣ Патріаршаго и Дворцоваго) было сначала три: Новгородскій, Московскій и Володимірскій. По уничтоженіи Новгородскаго, Московскій и Володимірскій продолжали существовать отдѣльно, пока наконецъ именнымъ указомъ императора Петра Перваго, 1699 года ноября 3 (№ 1713), Володимірскій судный приказъ уничтоженъ, и дѣла его переданы въ Московскій судный приказъ. Дальнѣйшая судьба судныхъ приказовъ принадлежитъ къ послѣдующему періоду. Первоначально судные приказы вѣроятно учреждены для суда въ областяхъ, какъ то показываетъ и самое названіе ихъ. Было ли такъ и въ періодѣ Уложенія мы не знаемъ. Взаимныя отношенія судныхъ приказовъ никѣмъ не опредѣлены; даже нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, по которымъ было бы возможно дѣлать какія-нибудь заключенія. Изъ одного указа, даннаго въ царствованіе Анны Іоанновны, видно только, что въ Московскомъ судномъ приказѣ судили были изъ московскихъ чиновъ люди, въ Володимірскомъ городовые дворяне, вольные и другіе нижнихъ чиновъ люди (См. высоч. резолюцію на докл. сената, 1730 года, марта 20, № 5521).

[3]) 1667 года, мая 28; Соборныя статьи [illegible] реніи См. Акты Археографической Коммис[illegible] № 155. Причина, почему судъ о завѣщаніях[illegible] лежалъ къ духовному, а не свѣтскому вѣдо[illegible] ключается въ историческомъ происхожденіи [illegible] вѣщаній и въ характерѣ ихъ. Профессоръ [illegible] кинъ первый сдѣлалъ это замѣчаніе и [illegible] казалъ въ рѣчи объ Уложеніи (стр. 52). По [illegible] указу 1692 года, ноября 7 (№ 1152), вел[illegible] нымъ животамъ и рядными записямъ и по[illegible] норнымъ росписямъ и духовнымъ и инымъ [illegible] дѣламъ (о которыхъ въ указѣ писано: хто р[illegible] тѣ дѣла напередъ сего вѣдомы были въ Пат[illegible] Розрядѣ, быть по прежнему указу въ Мо[illegible] Судномъ приказѣ, а въ Патріаршѣ Духовно[illegible] и въ иныхъ... Патріарших домовых приказ[illegible] не вѣдать“. Итакъ мысль объ исключеніи упо[illegible] тыхъ изъ подвѣдомственности духовному су[illegible] лись еще до единодержавія Петра Великаг[illegible] указъ подаетъ даже поводъ думать, что по[illegible] этихъ дѣлъ духовнымъ судамъ была поставл[illegible] прежде того они вѣдались въ судахъ свѣтски[illegible] по прежнему указу въ Московскомъ судномъ п[illegible] Можетъ быть также, что этотъ указъ былъ [illegible] жденіемъ перваго. Изъ послѣдующихъ указовъ [illegible] что этотъ указъ остался неисполненнымъ.

[4]) Въ именномъ указѣ 1651 года, августа [illegible] мы находимъ замѣчательное положеніе: *служи*[illegible]

ъ томъ приказѣ, въ вѣдомствѣ коего
ответчикъ [1]). Изъ этого правила были
нѣкоторыя исключенія, а именно:
ный искъ судили въ приказѣ, кото-
ть подчиненъ истецъ [2]). Если кто-
вялъ искъ, и по рѣшеніи дѣла отвѣт-
сходя съ суда, вчинялъ другой искъ
своего истца, то послѣдній искъ на-
встрѣчнымъ. Это исключеніе до-
ля избѣжанія излишней проволочки
при переносѣ дѣла въ приказъ отвѣт-
Въ періодъ времени отъ Уложенія
Великаго многимъ дано было право
отвѣчать къ одномъ и томъ же при-
водомъ къ такой привилегіи служило
желаніе освободить извѣстныя лица,
я сословія отъ разорительной воло-
разнымъ приказамъ. Этой привиле-
ользовались: купцы [3]), патріаршихъ
монастырей архимандриты, игумены,
ки и старцы, приказные патріаршіе
дѣти боярскіе, ихъ люди и вотчинные
: патріаршихъ домовыхъ монастырей
крестьяне [4]); жители попизовыхъ го-

родовъ, подсудные приказу Казанскаго дворца [5]); иноземцы, подсудные Посольскому приказу [6]); московскихъ дворцовыхъ селъ тяглые люди; дворцовыхъ городовъ и селъ посадскіе люди и крестьяне [7]); подъячіе Разряднаго приказа [8]); гусарскаго, копейнаго, рейтарскаго и солдатскаго строевъ генералы, полковники и начальники, русскіе и иноземцы, всѣхъ полковъ [9]); можетъ-быть и другія лица.

Высшимъ, въ настоящемъ смыслѣ слова центральнымъ судомъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ въ цѣлой Россіи была Государева Большая Дума, состоявшая изъ думныхъ людей (бояръ и окольничьихъ), думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Въ ней засѣдалъ самъ царь [10]). Отношеніе думы къ приказамъ по дѣламъ гражданскимъ было то же, какое имѣли областные приказы къ городовымъ воеводамъ, состоявшимъ подъ ихъ вѣдомствомъ. Въ нее переносимы были на судъ царя и бояръ тѣ дѣла, „которыхъ за чѣмъ въ приказахъ вершити было не мочно“ [11]).

судныхъ приказахъ, а посадскіе въ чет. цѣлостнаго управленія областей четверт-
ями тогда уже не было Съ другой сто-
ная власть судныхъ приказовъ расши-
лась предѣлы прежняго Московскаго государства.
дъ этого періода Помѣстный приказъ вѣ-
всѣ земли въ Россіи (см. упомянутое со-
ніе о помѣстныхъ правахъ), многіе област-
ы болѣе не упоминаются, можетъ-быть по-
они были уже уничтожены и области, ими
вія, введены въ общую систему управленія
тимъ также замѣчательный фактъ, сообщен-
нымъ (см Приб къ Дѣян Петра Великаго,
149), что въ 1691 году Сибирскій приказъ
одними сибирскими пошлинными дохо-
это справедливо, то вотъ лучшее доказа-
о кругъ дѣятельности областныхъ прика-
ончился наконецъ одною какою-либо от-
раслью управленія (сначала Сибирскому
ѣрено было цѣлостное управленіе Сибирью)

гл XII, ст. 1, 3; гл. XIII, ст. 1, 2,
3;—гл. XXIII, ст. 2; 1692 года, ноября 7
именный.

гл. XII, ст 3; гл. XIII, ст. 2;—гл XXIII,
года, октября 26 (№ 438); тарханная
ереславу монастырю.—1672 годъ, лип. 28
менный, помѣченный думнымъ дьякомъ.

года, апр. 22 (№ 108), Новоторговый Уставъ,

года, янв. 28 (№ 505); именный, помѣченный
ьякомъ Этотъ указъ не совсѣмъ ясенъ.
Іоасафъ просилъ государя, чтобъ дѣла, по
исленныя имъ въ челобитной лица отдуть
ъ (во встрѣчныхъ искахъ) въ судныхъ и
риказахъ, быти снесены въ одинъ приказъ.
ъ всѣмъ одномъ и вѣдались. Государь указа-
чилъ для этого Помѣстный приказъ. Слѣдствіемъ того
было, что изъ патріаршихъ людей вчинали искъ въ
одномъ приказѣ (Патріаршемъ), а патріаршіе люди
искали на посторонихъ и отвѣчали во встрѣчныхъ ис-
кахъ въ другомъ (Помѣстномъ) Другого подобнаго
исключенія мы не встрѣчаемъ въ источникахъ.

[5]) 1672 года, іюля 12 (№ 526); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[6]) 1678.. (№ 792); именный (по частному дѣлу) — 1679 года, марта 12 (№ 805), именный, помѣченный думнымъ дьякомъ.—1691 года, марта 31 (№ 1398); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[7]) 1685 года, декабря 15 (№ 1145), именный

[8]) 1688 года, октября 18 (№ 1351), именный.

[9]) 1693 года, іюня 3 (№ 1469), именный.

[10]) Новиковъ, въ Росс Вивл т. XX, стр. 280. - Татищевъ въ примѣч. къ Судебнику, стр 35, прим. (а)

[11]) Улож. гл. X, ст. 2.—Изъ настоящаго періода дошли до насъ два замѣчательныхъ указа, одинъ 1669 года, ноября 29 (№ 409), именный; другой 1676 года, авг 1 (№ 656), именный. Въ нихъ сдѣлано росписаніе, въ какіе дни изъ какихъ приказовъ вносить дѣла „передъ бояръ къ слушанію и вершенію“, и видно, что засѣданія думы были каждый день, кромѣ субботы и воскресенья, и въ каждое засѣданіе докладывались дѣла изъ нѣсколькихъ приказовъ —Новиковъ исчисляетъ многія присутственныя мѣста (палаты), въ которыхъ разсматривались дѣла, переносимыя въ приказную (Золотая, Расправная палата, Золотая женская палата, Переспная, Отвѣтная и Расправная палаты). Были ли онѣ то же, что Большая Дума, или отдѣленія ея, или временные, каждый разъ вновь назначаемые суды бояръ, и называемые различно, по различнымъ палатамъ, въ которыхъ имѣли засѣданія этого мы вѣрно не знаемъ (Миллеръ считаетъ Золотую Расправную палату за одно учрежденіе съ Большою Думою См. Голиковъ, Прибавленія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. III, стр. 414).

Кромѣ исчисленныхъ нами общихъ, постоянныхъ судовъ, были еще суды особливые, временные. Сюда относятся:

а) Третейскій судъ (судъ третьихъ). Въ Уложеніи ему посвящена отдѣльная статья, въ которой довольно подробно изложены права и обязанности третьихъ и подсудныхъ имъ, и юридическія положенія о третейскомъ приговорѣ [1].

Третейскій судъ носитъ вполнѣ характеръ частнаго, гражданскаго договора. Лица, между коими возникаетъ гражданскій споръ, добровольно соглашаются подвергнуть его рѣшенію не общихъ судебныхъ мѣстъ, которымъ они подвѣдомственны, а третьихъ лицъ, ими самими, по обоюдному и непринужденному согласію избранныхъ. Посредствомъ такого договора соединенные какъ бы сказать въ одно юридическое лицо, спорящіе заключаютъ условіе съ третьими лицами. Это условіе состоитъ въ томъ, что противныя стороны, по взаимному согласію, подвергаютъ свое спорное дѣло суду этихъ третьихъ лицъ, ими избранныхъ, и обязуются почитать ихъ рѣшеніе наравнѣ съ приговоромъ судебнаго мѣста. Всѣ эти взаимныя условія составляютъ содержаніе записи о судѣ третейскомъ, которая сообщаетъ имъ обязательный характеръ и даетъ рѣшенію третьихъ силу закона.

Третейскихъ судей было, какъ кажется, обыкновенно двое. Если они давали единогласное рѣшеніе, то на него не могъ ни одинъ изъ тяжущихся приносить апелляціонной жалобы, „потому что онъ тѣхъ третьихъ самъ себѣ излюбилъ". Если тяжущіеся, вопреки условію, выраженному въ записи, не слушали третейскаго приговора, то должны были платить третьимъ безчестіе. (Быть-можетъ именно потому, что должность третейскаго судьи была почетною, въ законѣ не упомянуто о платѣ за судъ.)

Разногласное рѣшеніе третьихъ имѣло различныя послѣдствія. Если въ записи была назначена государева пеня съ судьи, рѣшившаго неправильно, то недовольный могъ, посредствомъ челобитной, просить о перенесеніи суднаго дѣла въ приказъ. Тамъ оно рѣшалось по суду, и третейскій судья, рѣшивши его неправильно, кромѣ пени на государя, принужденъ былъ платить по гривнѣ на день истцу и волокитъ тому, кто чрезъ его несправедливое рѣшеніе подвергся [illegible] нимъ издержкамъ и потерѣлъ убытки. [illegible] о пени не было сказано въ договор[illegible] апелляція на разногласное рѣшеніе [illegible] скихъ судей не допускалась; а потому [illegible] было требовать и вознагражденія за [illegible] и волокиты. Итакъ, въ первомъ случа[illegible] тейскій судъ имѣлъ характеръ част[illegible] суда; въ послѣднемъ, онъ ничѣмъ [illegible] чался отъ мнѣнія частныхъ, лицъ не [illegible] щаго никакой обязательной силы.

b) Суды полковые. Они составля[illegible] время походовъ и судили дѣла объ о[illegible] между ратными людьми. Этими судам[illegible] дывали полковые воеводы, или судьи, [illegible] рымъ полковые воеводы прикажутъ. [illegible] шенію ихъ не подлежали споры, нач[illegible] до похода, и разбирались въ судахъ [illegible] рымъ были подвѣдомственны тяжущі[illegible] общимъ правиламъ подсудности (Улож. ст. 149).

c) Въ указѣ 1693 года, января 10 [illegible] минается о судѣ, наряженномъ для р[illegible] дѣла о безчестьи между боярами Але[illegible] Семеновичемъ Шеинымъ и Михаилом[illegible] горьевичемъ Ромодановскимъ (судьею [illegible] чемъ князь Борисъ Алексѣевичъ Гол[illegible] Быть-можетъ, для подобныхъ дѣлъ меж[illegible] ными государственными сановниками [illegible] назначались временные суды, которые [illegible] тяжались по рѣшенію спора.

Отдѣленіе 2.

ТЯЖУЩІЕСЯ.

Въ періодъ Уложенія ученіе о тяжу[illegible] лицахъ основывалось на одномъ об[illegible] правѣ, и не перешло въ законъ пис[illegible] Юридическія положенія, къ нему относя[illegible] если и излагаются въ постановленіях[illegible] времени, то мимоходомъ, или же съ [illegible] измѣнить обычай. Полнаго, систематич[illegible] ученія о тяжущихся мы не находимъ [illegible] въ законодательствѣ настоящей эпохи.

Тяжущіеся суть необходимые органы [illegible] дайскаго судопроизводства. Они дѣ[illegible] являются дѣятелями въ процессѣ, или [illegible] ихъ въ судѣ заступаютъ другія лица (су[illegible] представители).

[1]) Улож. гл. XV, ст. 5.—Она отдѣлена отъ прочихъ и имѣетъ особливое заглавіе (о третейскомъ судѣ).

[1]) № 1460, писный, объявленный изъ при[illegible] заказа дворца.

A. Тяжущіяся лица.

...дое спорное гражданское дѣло, ставшее ...мъ судопроизводства (искъ гражданский) ...необходимо предполагаетъ: во 1-хъ, ...или многія лица, которыя вчиняютъ ...во 2-хъ, одно или нѣсколько лицъ, про...оторыхъ этотъ искъ направленъ. Первые ... называются въ Уложеніи истцами, ... отвѣтчиками [1]). Такимъ образомъ ...ми и отвѣтчиками были всѣ тѣ, которые ... и отвѣчали въ судѣ; исчислить ... кто ..., невозможно. Поэтому въ законахъ ...ы только нѣкоторыя исключенія изъ ...го правила.

...могли быть истцами:

...Крестьяне и люди въ своихъ дѣлахъ, ...зволенія господина [2]). Очевидно само ... что это ограниченіе не простиралось ...ія, вчиняемые упомянутыми лицами въ ...ихъ судахъ. b) Малолѣтніе и не...вершеннолѣтніе [3]). c) Дѣти противъ роди...[4]). d) Обличенные три раза въ поклепѣ [5]). e) Давшіе ложную присягу [6]). ...сматривая всѣ эти исключенія, мы за...имъ, что они частью были основаны на ... сущности вещи (таковы запрещенія ...тнымъ и крѣпостнымъ вчинять искъ), ...го же проистекали изъ посторонннихъ при-

[1]) Судебникъ объ тяжущіяся стороны нерѣдко ...ются *истцами*. Слово *отвѣтъ* значило *возра...* откуда *отвѣтчикъ*.

...ож. гл. X, ст. 142; гл. XIII, ст. 7;—гл. XIV, ...гл. XX, ст. 4 и 54.

[2]) ...ож. гл. XVII, ст. 13: „а какъ они будутъ въ ...лѣ"; ср. гл. XVII, ст. 54; гл. XVI, ст 23.— ...ли мѣсто по нашему древнему законодатель...*возстановленіе въ первобытное состояніе* (in ... restitutio),—напр. опекуномъ сдѣлано ущ...бо предъ малолѣтнаго: могъ ли на это приво...вшій жалобу и требовать, напр., уничтоженія ...совершенной сдѣлки (купли, найма, и т. д.) ...тяженіи совершеннолѣтія?—этотъ вопросъ рѣ...трудно. Въ гл XVII, ст. 13, это дозволяется, ...лка совершенъ безъ вѣдома и согласія малолѣт...ъ, ...ъ искавшими братьями не поговоря"). То же ...о въ ст 54 (тамъ же) Итакъ настоящей за...ти тяжбами для малолѣтнихъ, какъ кажется, ...о -Срокомъ для наступленія совершеннолѣтія ...но 15 лѣтъ. Но кажется, что онъ опредѣлялся ...ахическою способностью пользоваться правами, ...волено было допускать къ очнымъ ставкамъ и ... 15-ти лѣтъ, если того пожелаетъ самъ не...вершеннолѣтній Улож. гл. XVII, ст. 54

[3]) ...ож гл XXII, ст 6.—Новоуказныя статьи о ...хъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, 1669 го...аря 22 (№ 431), ст. 92

[4]) ...ож. гл. X, ст 188.

[5]) ...ож. гл. IX, ст. 27,—гл. XX, ст. 49.

чинъ, и въ послѣднемъ случаѣ являются прямыми ограниченіями права. Поэтому они и отнесены въ законодательствѣ къ истцамъ; ибо, по понятіямъ того времени, быть истцомъ считалось правомъ, а отвѣчать въ судѣ считалось обязанностью, и обязанностью тяжелою. Изъ узаконеній этой эпохи видно, что отвѣтчики всѣми мѣрами старались отклониться отъ судебнаго отвѣта; вотъ почему такъ подробно развито въ Уложеніи ученіе о позывѣ къ суду. Страхъ и отвращеніе отвѣтчиковъ къ процессамъ въ особенности происходили отъ судебной ябеды („сутяжничества"), которая до того усилилась въ этомъ періодѣ, что всѣ косненныя мѣры, принятыя законодательствомъ къ ея искорененію и появившіяся теперь во множествѣ, оказывались недѣйствительными. Такъ до Петра Великаго.

B. Судебные представители.

Судебное представительство можетъ быть различныхъ родовъ. Здѣсь должно быть изложено ученіе о заступленіи въ судѣ тяжущихся, истца или отвѣтчика.

Представленіе въ процессѣ одной изъ спорящихъ сторонъ бываетъ необходимое и свободное.

1) Необходимое представительство. Нѣкоторыя лица не могли быть, сами собою, непосредственно, ни истцами по своимъ искамъ, ни отвѣтчиками по спорамъ, противъ нихъ вчиняемымъ. Обязанность искать и отвѣчать за нихъ лежала на другихъ лицахъ, которыя потому и могутъ быть названы необходимыми судебными представителями. Подъ сей разрядъ подходятъ:

a) Опекуны. Они искали и отвѣчали по всѣмъ тяжбамъ малолѣтнихъ.

b) Помѣщики, вотчинники и господа —за своихъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей. Но вѣроятно, что господа нерѣдко позволяли своимъ людямъ и крестьянамъ самимъ искать и отвѣчать по своимъ дѣламъ [7]).

c) Монастырскіе стряпчіе [8]).

d) Дворцовый стряпчій — за дворцовыхъ крестьянъ [9]).

2) Свободное представительство. По началу свободнаго представительства заступленіе кѣмъ-либо мѣста истца или отвѣтчика

[7]) Улож. гл. X, ст 229,—гл. XIII, ст. 7,—гл XIV, ст. 7, гл. XXI, ст 66, 67 и 77.

[8]) Такъ, напр. въ тарханной грамотѣ Иверскому монастырю, 1668 года, октября 26 (№ 438), и мн. др.

[9]) 1686 года, апрѣля 24 (№ 1185); именный, съ боярскимъ приговоромъ.

въ судѣ не было обязанностью, налагаемою закономъ, а зависѣло отъ доброй воли тяжущихся и—исключая немногіе случаи—отъ согласія на то самихъ представителей. Они носятъ общее названіе повѣренныхъ, потому что истецъ или отвѣтчикъ „имъ въ томъ (т.-е. въ ведении процесса) вѣрятъ".

Отношенія между довѣрителемъ и повѣреннымъ не были, въ строгомъ смыслѣ, юридическія. Это видно изъ того, что объ нихъ не упоминается въ узаконеніяхъ настоящей эпохи. Причина фактическаго характера этихъ отношеній открывается намъ въ Уложеніи. Оно показываетъ, что повѣренными были, большею частью, родственники [1]: дѣти, братья, племянники [2], дворовые люди и крестьяне тяжущихся [3]; друзья [4]. Обычай избирать повѣренныхъ изъ родственниковъ или подчиненныхъ власти довѣрителя былъ такъ силенъ, что тотъ, кто не имѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ, и самъ не могъ явиться къ суду (напр., по болѣзни и т. д.), даже освобождался отъ отвѣта [5]. Итакъ свободное судебное представительство основывалось въ настоящемъ періодѣ исключительно на началѣ нравственномъ, на взаимномъ полномъ довѣріи между довѣрителемъ и повѣреннымъ, которое проистекало изъ связей родственныхъ, патріархальныхъ и признп. Только этою, чисто нравственною связью объясняется мысль, что тотъ, кто ищетъ или отвѣчаетъ по одному иску за кого-либо, обязанъ, въ случаѣ нужды, отвѣчать за него и по другому [6]. Подъ этою мыслью скрывается убѣжденіе, что довѣренность не ограничивается однимъ искомъ, но есть полная; она въ свою очередь проистекаетъ изъ тѣсныхъ родовыхъ, семейственныхъ и патріархальныхъ отношеній. Послѣ всего сказаннаго трудно рѣшить, какъ должно смотрѣть на судебное представительство родственниковъ и людей? Кажется, оно мало средину между необходимымъ и вольнымъ заступленіемъ тяжущагося, дучи наиболѣе употребительнымъ, дѣла лишнюю формальную довѣренность, в чему она и не требовалась закона времени.

Начало дѣйствительно свободнаго п вительства лежитъ въ наймѣ повѣр Объ немъ упоминается еще въ указѣ Васильевича, 1582 года, марта 12 [7], довѣритель названъ наимщикомъ, а томъ, а повѣренный наемнымъ до комъ. Взаимныя отношенія ихъ основы на связи юридической—на договорѣ и опредѣлялись порученіемъ, даваемы помъ стрячему, ходатайствовать по ному гражданскому процессу (поэто нятый повѣренный не былъ обязанъ или отвѣчать по всѣмъ тяжбамъ наш если о томъ не постановлено въ услов говоръ найма повѣренныхъ и юри положенія, изъ него вытекающія, не дѣлены въ законахъ настоящаго періо вышеприведеннаго указа видно тол довѣритель могъ вчинять искъ прот вѣреннаго, въ случаѣ явнаго съ его злоумышленія и стачки съ противно роною [8]).

Распространеніе ябеды, упадокъ вза довѣрія и ослабленіе связей родстве патріархальныхъ породили множеств употребленій во взаимныхъ отношеніях довѣрителями и повѣренными; отсюда и волокиты, которыя неблагопріятно д вали на гражданское правосудіе и зат ходъ судопроизводства. Чтобъ отклонить вредное вліяніе на процессы, указомъ января 27, постановлено не допуск вѣренныхъ къ веденію тяжбы, если въ челобитной явкѣ подписи довѣритед онъ дѣйствительно поручаетъ имъ иск отвѣчать въ судѣ [9]). Чрезъ это вес ленный характеръ свободнаго судебнаг ставительства долженъ былъ измѣнит опредѣленный, юридическій.

[1]) „Родимцы" Улож. гл. X, ст. 185 и 108.

[2]) Улож. гл. X, ст. 109 и 149,—гл. XVI, ст. 59.

[3]) Улож. гл. X, ст. 149 и 185,—гл. XVI, ст. 59.

[4]) Улож. гл. X, ст. 149.

[5]) Улож. гл. X, ст. 108. „А будетъ кто объ немъ учнетъ бить челомъ, что онъ конечно болѣетъ, *а къ суду сму въ свое мѣсто прислать некого, что онъ бесемейной и безлюдной человѣкъ*". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и законодательство обязывало родственниковъ и приличныхъ людей отвѣчать за своего родственника, или товарища. Улож. гл. X, ст. 149.

[6]) Улож. гл. XVI, ст. 59. „А челобитчики учнутъ бити челомъ Государю, чтобъ за тѣхъ людей, которые будутъ по службамъ, и которые учнутъ сказываться больны, на очную ставку *осмотри быти* дѣтямъ ихъ и братьямъ и племянникамъ и людемъ, *которые за нихъ въ иныхъ приказѣхъ ищутъ и отвѣчаютъ...*"

[7]) Судебникъ Татищева, ст. 162, стр. 21 мится у истца или отвѣтчика стояти въ судѣ

[8]) Тамъ же.

[9]) № 1363; именный съ боярскимъ приго которые истцы и отвѣтчики въ судѣ имѣю вать кого инаго, и тѣмъ истцомъ и отвѣтч вѣковымъ челобитчикамъ въ рукахъ своихъ въ писать именно, что того человѣка въ судъ послалъ онъ, и въ томъ иску тому человѣку

Глава II.

ПРЕДМЕТЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(ГРАЖДАНСКІЕ ИСКИ).

ны гражданскаго судопроизводства— и тяжущіеся являются дѣятелями въ ск: предметъ ихъ дѣятельности есть гражданскій.

ъ именемъ гражданскаго иска вообще о разумѣть всякое требованіе одного ица отъ другаго, на правѣ основанное водимое въ исполненіе чрезъ посред- установленныхъ отъ правительства судей бныхъ мѣстъ. Если это требованіе при- ся за справедливое тѣмъ, противъ кого правлено, то искъ будетъ безспор- , въ противномъ случаѣ онъ можетъ званъ спорнымъ. Спорный искъ (искъ номъ смыслѣ) и есть предметъ граж- аго судопроизводства.

иски, какъ мы замѣтили, должны быть ны на правѣ иска. Это право есть не ое, какъ процессуальная сторона граж- ихъ правъ—возможность ограждать ихъ рушеній посторонними лицами. Но какъ жное гражданское право необходимо ъ право иска, то послѣднее можетъ и о быть отдѣлено и разсмотрѣно особ- отъ правъ гражданскихъ, на которыхъ новляется.

ово вчинять гражданскій искъ необхо- предполагаетъ какое-нибудь гражданское ближайшее же основаніе его есть за- ій способъ пріобрѣтенія гражданскихъ . То же самое должно сказать и о пе- ѣ права вчинять искъ; она совпадаетъ обрѣтеніемъ другимъ лицомъ граждан- правъ, на основаніи законныхъ спо- ъ. Но будучи пріобрѣтено другимъ, оно же самое время остается за тѣмъ, кому же принадлежало. Отсюда слѣдуетъ, что прекращеніемъ права гражданскаго еще екращается право иска; оно уничтожает- обленными способами. Такими признаются законодательствѣ настоящей эпохи:

Давность. Въ періодъ Уложенія не одной общей давности. Это видно ого, что срокъ погашенія права на искъ всегда былъ одинаковъ. Начало, опредѣ- ляющее это различіе сроковъ, уловить трудно. Главнымъ образомъ оно лежало въ различіи предметовъ иска [1]).

2) Смерть. Смертью прекращается право иска только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно основано на чисто-личномъ правѣ, не переходящемъ къ наслѣдникамъ, и не передаваемомъ другимъ лицамъ. Таковы напр.: право иска о безчестьи, о боѣ, и т. д. [2]).

Право отыскивать свои гражданскія права судомъ осуществляется въ искѣ.

Каждый искъ (т.-е. по прежнему опредѣленію, каждое требованіе одного лица отъ другого, на правѣ основанное, и приводимое въ исполненіе чрезъ посредство установленныхъ отъ правительства судей и судебныхъ мѣстъ) можетъ-быть разсматриваемъ во 1-хъ,

---

[1]) Въ Уложеніи упоминаются въ различныхъ мѣстахъ слѣдующіе виды погашающей давности: a) Право иска о родовой вотчинѣ погашается *въ сорокъ лѣтъ*. Улож. гл. XVII, ст. 13 и 30. b) О передѣлѣ помѣстья —*въ одинъ годъ* послѣ помѣстной дачи. Улож. гл. XVI, ст. 55; c) По земнымъ кабалямъ —*въ пятнадцать лѣтъ*. Улож. гл. X, ст. 256; d) О принадѣ животныхъ—*въ одинъ годъ* Улож. гл. X, ст 285, e) О бѣглыхъ крестьянахъ и бобылахъ—„*въ указные лѣта*" Улож гл. XI, ст. 8. (Въ указѣ царя Василія Іоанновича, 1607 года, марта 9-го, сроками погашенія права иска о бѣглыхъ крестьянахъ положено *пятнадцать лѣтъ*: „впредь за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давать" См Судебникъ Татищева, § 172, стр. 242 и стр 243 примѣч (г.)). f) Право иска малолѣтнихъ *въ пять лѣтъ* по наступленіи совершеннолѣтія, т.-е когда они достигнутъ 20-ти-лѣтняго возраста (по крайней мѣрѣ такъ въ отношеніи къ мѣнѣ помѣстій). Улож. гл. XVII, ст. 54. Но если предметъ иска малолѣтнихъ допускалъ продолженіе права иска и послѣ 20-ти-лѣтняго возраста, то погашающая давность, установленная для предмета, одерживала верхъ надъ давностью установленною для малолѣтнихъ Улож гл. XVII, ст. 13.

[2]) Улож. гл. X, ст. 207. „А будетъ кто кому *учинитъ какое насильство, или бой и раны, или какое нибудь убытки и обиды, и будутъ на него тѣмъ челобитчики, и съ суда про то его насильство сыщется до прямы, а онъ въ томъ въ искѣ не разбольется умрети*, и послѣ его останутся вотчины или животы, а въ тѣхъ его вотчинахъ и животахъ будутъ жена его и дѣти: и истцомъ вельти искъ ихъ доправить того умершаго на женѣ и дѣтяхъ".

самъ по себѣ, отдѣльно; во 2-хъ, въ отношеніи къ другимъ искамъ.

1. Существо исковъ.

Двѣ стороны представляются намъ въ каждомъ искѣ: формальная-внѣшняя, и матеріальная-внутренняя.

1) Формальная сторона исковъ опредѣляется правомъ иска. Оно, какъ мы видѣли, основывается, во 1-хъ, на гражданскомъ правѣ, и есть процессуальная сторона его; во 2-хъ, на законномъ способѣ пріобрѣтенія этого гражданскаго права. Эти два основанія права вчинять иски и служать данными, опредѣляющими внѣшнюю сторону всякаго гражданскаго иска.

a) По главному, основному раздѣленію всѣхъ гражданскихъ правъ на вещныя (имущественныя) и на права по обязательствамъ, иски бываютъ вещные (actiones in rem) и личные (actiones in personam). Основаніе этого различія заключается въ томъ, что предметъ вещнаго иска есть вещь физическая (res corporalis), личнаго — дѣйствіе лица. Поэтому вещь можетъ быть требуема отъ всякаго, у кого бы она ни находилась; дѣйствія—только отъ того, кто обязался что-либо сдѣлать. Отсюда, если предметъ дѣйствія есть вещь физическая, ее можно требовать только отъ того, кто обязался къ дѣйствію, а не отъ всякаго, у кого та вещь находится. Итакъ гражданскими правами, лежащими въ основаніи иска, опредѣляется его направленіе. Сообразно со всѣмъ сказаннымъ, искъ вещный можетъ быть направленъ противъ всякаго посторонняго, не состоящаго съ нами въ обязательствѣ; искъ личный—только противъ того лица, которое состоитъ съ нами въ обязательствѣ. Раздѣленіе исковъ на вещные и личные такъ естественно, такъ сообразно съ существомъ гражданскихъ правъ, что оно необходимо находится въ каждомъ положительномъ законодательствѣ. Оно замѣтно и въ Уложеніи, но въ немъ не развилось до общаго правила, и потому должно быть открываемо изъ частныхъ случаевъ [1].

Вѣроятно, что въ практикѣ больше употреблялся искъ личный: ибо процессы имущественно начинались вслѣдствіе гражданскихъ преступленій [2].

b) Пріобрѣтеніе какого-либо гражданскаго права только тогда даетъ право иска, если это пріобрѣтеніе дѣйствительно по правилу законодательства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство не иначе считаетъ пріобрѣтеніе права дѣйствительнымъ, если оно выражено въ законно-составномъ письменномъ актѣ (по Уложенію — мяти, записи, кабалѣ или крѣпости. Сюда должно отнести и записку крѣпостей и сказахъ; безъ чего онѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, почитаются недѣйствительными: такая записка, очевидно, есть то же, что крѣпость). Напротивъ, въ другихъ случаяхъ такого письменнаго акта для удостовѣренія въ подлинности пріобрѣтенія законодательство не требуетъ. Итакъ право гражданскаго иска можетъ имѣть крѣпостное и некрѣпостное основаніе. Отсюда другое раздѣленіе нашихъ исковъ. По основанію своему гражданскіе иски бываютъ крѣпостные и некрѣпостные [3]. Различіе ихъ состоитъ въ томъ, что иски, которые по закону должны быть основаны на крѣпостяхъ, недѣйствительны, если не имѣютъ этого основанія [4]. Некрѣпостные иски, напротивъ, могутъ быть основаны на всякаго рода доказательствахъ [5].

---

[1] Для этого въ статьяхъ, въ которыхъ по Уложенію [illegible] Уложенія, ст. XVI, ст. 37.—гл. XIX, ст. 10; гл. XVII, ст. 4, 91 и др.—И изъ личные происходятъ говорятъ (изъ займовъ, купли, поклажи и т. д.) [illegible] дѣянія, вредящія и т. д. Улож. гл. VII, ст. XXII, ст. 17—гл. XVII, ст. 35, 36,—гл. XVI, 37, 54 [illegible]—гл. XXI, ст. 32, 90, 99),—гл. X, ст. 53, 105, 135, 199, 206, 214, 219, 222, 223, 254. И др. мѣста.

[2] Рѣчь объ Уложеніи, проф. Мрошкина.

[3] Улож. гл. XVIII, ст. 34 „Суднаго по кр[illegible] ст. 36 „Безкрѣпостные иски".

[4] Улож. гл. X, ст. 105, 199, 102.

[5] Гражданскіе иски, возникающіе изъ преступ[illegible] не могли быть основаны на крѣпостяхъ, это [illegible] существѣ преступленій. Въ Уложеніи крѣпостные иски [illegible] и отличаются отъ всѣхъ [illegible] Улож. гл. X, ст. 105 и 107. Трудно [illegible] [illegible] крѣпостные иски [illegible] [illegible] Улож. гл. X, ст. 189, [illegible] [illegible] [illegible]

2) Матеріальная, внутренняя сторона исковъ опредѣляется содержаніемъ, предметомъ ихъ. По качеству, эти предметы дѣлятся на вещи физическія въ собственномъ смыслѣ (помѣстье, вотчина, домашній скотъ, и т. д.), и на вещи тоже физическія, но выражающія собою цѣнность всѣхъ прочихъ вещей деньги [1]. По количеству, предметы гражданскихъ исковъ могутъ быть опредѣленные и неопредѣленные.

Въ нашемъ древнемъ законодательствѣ не было и не могло быть строгаго различія между исками денежными и неденежными. Нѣкоторые предметы по своей опредѣленности, положительной извѣстности, могли быть предметомъ иска и безъ опредѣленія денежной цѣны ихъ (напр. извѣстное помѣстье, вотчина, холопъ и т. д.). За то другіе, напротивъ, такъ неопредѣленны, такъ малоцѣнны, и потому, въ отдѣльности взятые, такъ неудобочисляемы; наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ, по существу своему, такъ подвержены скорому повреждению, и даже совершенному уничтоженію, что отыскивать судомъ эти самые предметы невозможно (таковы всѣ убытки, наносимые разбоемъ, пожаромъ, потравою, потолокою, насиліемъ и проч.); отсюда, когда они составляютъ предметъ гражданскаго иска, послѣдній легко можетъ обратиться въ искъ денежный. Съ этою цѣлью, какъ кажется, постановлено въ Уложеніи писать въ пристанныхъ памятяхъ иски съ цѣною [2]. Законодательство, принуждая истца опредѣлить величину требованія и этимъ ограничивая произволъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ допускало какъ-бы единовременное вчиненіе цѣлыхъ исковъ, вмѣсто одного: неденежнаго и денежнаго; денежный искъ служилъ замѣною неденежнаго, если послѣдній не могъ имѣть мѣста. По причинамъ, нами изложеннымъ, это правило не могло равно простираться на всѣ иски; многіе вчинялись безъ означенія цѣны въ челобитныхъ и пристанныхъ памятяхъ, какъ мы то видимъ изъ Уложенія и современныхъ ему юридическихъ актовъ [3].

Кромѣ исковъ неденежныхъ, которые по свойству предметовъ обращались въ денежные, были другіе иски, исключительно денежные. Сюда преимущественно относятся иски по заемнымъ кабалямъ и иски о безчестьи и увѣчьи [4].

Наконецъ изъ Уложенія видно, что были иски, въ которыхъ ни предметы, ни цѣна ихъ, не означались. Таковы были, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, иски о сносѣ бѣглыми людьми [5], иски объ убыткахъ [6]. Точное количественное опредѣленіе такихъ исковъ совершалось въ самомъ процессѣ.

2. *Взаимныя отношенія гражданскихъ исковъ.*

Недостатокъ юридической опредѣленности и самостоятельнаго существованія гражданскихъ исковъ въ нашемъ древнемъ законодательствѣ былъ причиною, что нерѣдко различные иски смѣшивались между собою и вчинялись подъ формою одного иска, другіе, напротивъ, произвольно отдѣлялись. Эта неопредѣленность ихъ взаимныхъ отношеній видна и въ Уложеніи. Общихъ правилъ, устанавливающихъ отношенія гражданскихъ исковъ, не было, да и не могло быть. Поэтому мы должны ограничиться разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ частныхъ положеній объ этомъ предметѣ.

1) По древнему русскому законодательству иски, относящіеся къ одному предмету, нерѣдко соединялись въ одинъ. Въ особенности это замѣчаніе прилагается къ гражданскимъ искамъ, возникающимъ изъ преступленій. Основаніе скрывается въ полномъ, цѣлостномъ чувствѣ обиды или оскорбленія, которое высказывается въ одной жалобѣ, соединяющей въ себѣ такимъ образомъ многіе иски, существенно отличающіеся другъ отъ друга. Итакъ это слияніе многихъ исковъ не введено положительнымъ законодательствомъ и основывалось болѣе на обычаѣ [7], но впослѣдствіи оно, въ извѣстныхъ случаяхъ, уже предписывалось закономъ; поводомъ къ тому служило, повидимому, желаніе

---

[1]) Мы упустили здѣсь третій разрядъ вещей—дѣйствія лицъ, потому что всякое дѣйствіе необходимо выражается въ какомъ-либо физическомъ предметѣ, и въ этомъ видѣ составляетъ содержаніе гражданскаго иска, т.-е. подходитъ подъ категорію вещей физическихъ.

[2]) Улож. гл. XI, ст. 21.—гл. XXIV, ст. 3

[3]) Акты юридическіе, № 35 и 57.

[4]) Улож. гл. XXII, ст. 10.—гл. XXIV, ст. 1.—гл. X, ст. 28—33, 94.

[5]) Улож. гл. XI, ст. 24.

[6]) Улож. гл. X, 223, 224, 242, и мн. другіе

[7]) Уложеніе представляетъ намъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ примѣровъ, какъ различные иски соединялись въ одинъ. Сюда относятся: Гл. XVII, ст. 13: „А будетъ большой братъ тую отцовскую вотчину кому продастъ или заложитъ, съ меньшими братьями не поговоря; а какъ они (меньшіе братья) будутъ въ возрастѣ, *и они о той отцовской вотчинѣ на того место большаго брата, и на купца кто у кого ту*

сократить волокиты, уменьшить число дѣлъ и поклепныхъ исковъ [8]).

2) Гражданскіе иски, возникавшіе вмѣстѣ съ уголовными дѣлами, не отдѣлились отъ нихъ и рѣшались вмѣстѣ съ ними. Вотъ почему всѣ такіе иски носили характеръ уголовныхъ дѣлъ, съ которыми были связаны. По Уложенію и Новоуказнымъ статьямъ, иски гражданскіе, къ коимъ причислялись дѣла татиныя и разбойныя, когда „истцы бьютъ челомъ... именно (т.-е. называя отвѣтчиковъ) безъ поличнаго и безъ язычной молки, и не по лихованнымъ обыскамъ"), изъ которыхъ возникало уголовное дѣло („а будетъ... сыщется про то до прама, что тѣ дѣла разбойныя и дошли до пытокъ"), судились судомъ уголовнымъ („а тѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ изъ суднаго приказа отсылать въ разбойной приказъ") [9]). Далѣе: когда судились гражданскіе иски, основанные на уголовномъ преступленіи, употреблялась пытка, форма инквизиціоннаго процесса, которая чрезвычайно рѣдко является въ гражданскомъ судопроизводствѣ, да и то въ видѣ крестоцѣлованія; обязанность отвѣчать по такимъ искамъ опредѣлялась участіемъ въ преступленіи, которое служило имъ основаніемъ [10]); наконецъ, величина такихъ гражданскихъ исковъ опредѣлялась по показаніямъ отвѣтчиковъ „съ пытокъ", или, въ случаѣ незнанія самого отвѣтчика (вора, грабителя, или разбойника), по показаніямъ истцовъ, уменьшеннымъ вчетверо.

Таковы характеристическіе признаки гражданскихъ исковъ, возникающихъ и рѣшавшихся вмѣстѣ съ уголовными дѣлами. Они [illegible] отличаютъ ихъ отъ обыкновенныхъ гражданскихъ исковъ, ибо въ послѣднихъ мы не находимъ ничего подобнаго [11]). Начала [illegible] женія ихъ должно искать въ уголовномъ правѣ тогдашней эпохи. Слѣдовательно, гражданскіе иски, возникавшіе на основаніи уголовныхъ дѣлъ, не могутъ быть, въ строгомъ смыслѣ, почитаемы за особливые иски, представляютъ только другую, такъ сказать, гражданскую сторону уголовныхъ дѣлъ [illegible] болѣе.

Бываютъ однако случаи, въ которыхъ уголовное преступленіе является какъ бы существующимъ; но отъ этого убытокъ, потерпѣнный отъ преступленія другимъ лицомъ, не перестаетъ быть убыткомъ. Въ этихъ случаяхъ гражданскій искъ отдѣляется отъ уголовнаго дѣла, получаетъ самостоятельность, но уже утрачиваетъ уголовный характеръ, и является чисто гражданскимъ, какъ всѣ другіе гражданскіе иски. Въ уложеніи такихъ случаевъ упоминается только [illegible]

10) Кто предварительно не подалъ [illegible] (явочнаго прошенія) о вещахъ покраденныхъ, [illegible] потраченныхъ или взятыхъ разбоемъ [illegible] деныхъ у кого-либо („поличное"), тотъ [illegible] могъ отыскивать ихъ уголовнымъ порядкомъ. Въ замѣнъ того законодательство дало [illegible] право вчинать одинъ гражданскій искъ, который и излагается гражданскимъ порядкомъ, т.-е. судомъ. Здѣсь гражданскій искъ, возникающій вслѣдствіе преступленія, является самостоятельнымъ [illegible].

отца изъ вотчины купить, или въ закладъ возметъ кто: Государю быть челомъ, и съ суда про то сыщется до прама". Здѣсь въ одномъ вчинаются два иска: *искомый* противъ покупщика, или залогопринимателя вотчины, *тяжный* противъ старшаго брата — Гр XVII, ст 35: „а будетъ послѣ того (т.-е. послѣ продажи или отдачи подъ закладъ вотчины не самимъ хозяиномъ, а другимъ лицомъ) тотъ чья та вотчина, учнетъ на него быть челомъ Государя что онъ той своей вотчины никому самъ не продавалъ и не закладывалъ, и никому продавати и руки къ купчей или закладной на свое мѣсто прикладывати не велѣлъ, и сыщется про то до прама и та вотчина по крѣпостямъ отдати тому вотчинно, чья та вотчина. А что отъ него продажа или закладчикъ въ той вотчинѣ продажей тому, чья та вотчина, учинится хлопота и тѣ убытки на немъ взяти, отдати тому, чья та вотчина". Искъ о предметѣ и искъ объ убыткахъ соединены въ одномъ. Ср. также гр XVI, ст 57.—Поимочные иски (вообще розыски) никогда не тянулись отдѣльно, гр VII, ст 42: „судятъ онъ (служилой человѣкъ) на отца духовнаго старого или на кого кто обязался или у кого тряслись что возмутъ и на немъ всѣмъ дворянъ безчестья и правежъ дѣлать". Гр IX, ст 4 —гр XVII, ст 17,—гр XV, ст 4 —гр XVI, ст 57 и пр.

9) Первоначальнымъ законодательствомъ соединялись въ одинъ искъ уголовныя и гражданскія дѣла (когда истецъ вчинялъ искъ о своемъ имуществѣ, [illegible] похищенномъ): Уст гр XX ст 50 и ст 17 и 18 тѣхъ же. 2 Иски старинные и возникшіе по дѣламъ новѣйшимъ не отличались отъ новыхъ содержаніемъ. — Поимочныя статьи о [illegible] 1677 года, ак Ю № 705, ст 9 и 10.

[illegible] Грановитыя статьи о татиныхъ разбойныхъ и [illegible] дѣлахъ, ст 2.—Уст гр XXI, ст 49. —Ср. также Уст гр XXI, ст 1, § 6 7.

кто поймаетъ вора (татя) и, вмѣсто
чтобы привести его въ приказъ, ста-
ытать его у себя дома, тотъ теряетъ
отыскивать вещей, имъ покраденныхъ,
ымъ порядкомъ, но можетъ вчинять
ъ татя обыкновенный гражданскій искъ
звать суда [1]).

тношенія между вещными и личными
совсѣмъ не опредѣляются въ Уложе-
слѣдующихъ законахъ. Такъ всѣ иски
омъ, насильственномъ, или подложномъ
ніи имущества [2]) колеблются между
двумя основными формами граждан-
исковъ; такъ возможность объ одномъ
же предметѣ вчинять два иска, вещ-
личный, и слѣд. возвращать себѣ
предметъ вдвое, не предотвращались
оложеніями, а только обычаемъ: сліяніе
обоихъ исковъ въ одинъ [3]). Отступле-
этого правила и несправедливое вчи-
двухъ исковъ, вмѣсто одного, вѣроятно
довалось и наказывалось какъ вчиненіе
всякаго покленнаго иска („бить че-
е по дѣлу"), хотя объ этомъ случаѣ
не упоминается въ источникахъ [4]).

родѣленность отношеній между вещ-
и личными исками въ періодъ до Петра
го объясняется отчасти тѣмъ, что въ
кѣ, какъ мы замѣтили, они сливались
ъ искъ; еще болѣе тѣмъ, что вещ-
искъ не развился еще во времена Уло-
до чистой формы вещнаго иска, и но-
на себѣ рѣзкіе слѣды иска личнаго —
ности, первоначальной и исключитель-
ормы всѣхъ вообще русскихъ граждан-
исковъ [5]).

на то поличное, и на иные свои животы .. не
и по такому поличному тѣхъ людей, у кого
ся, *не имати*, потому что на то поличное
ть, а имати въ такомъ слѣ истцомъ на тѣхъ
кого они за что поймаютъ, *суду*, и съ суда
ыру, крестное цѣлованіе".
ак гл. XXI, ст. 88.
да относятся: иски о награбленныхъ, покра-
и разбоемъ взятыхъ вещахъ, иски о бѣглыхъ
въ извѣстномъ отношеніи иски о утаенныхъ
ъ, кунныхъ вотчинахъ, злоумышленной про-
жѣ и залогѣ вотчины, помѣстья и т. д.
ыше, взаимныя отношенія исковъ, стр. 246
7.
Уложеніи говорится о подобномъ случаѣ, а
когда кто-либо вчинялъ одинъ за другимъ два
ъ одномъ и томъ же предметѣ. Ст. гл. X,
древнѣйшій періодъ нашей исторіи всѣ тра-
иски были личные. Это явленіе объясняется
о они вчинались первоначально только всѣхъ-

4) Когда между двумя тяжущимися лицами происходило какое-нибудь спорное гражданское дѣло, и, вслѣдъ за нимъ, между тѣми же тяжущимися сторонами, возникало новое, то эти два дѣла, преемственно слѣдующія одно за другимъ, имѣли въ нѣкоторыхъ слу-

---

ствіе гражданскихъ или уголовныхъ преступленій. Примѣромъ личнаго характера вашихъ гражданскихъ исковъ могутъ служить иски о покражѣ; они, какъ очевидно, могутъ быть и *личные*, когда направлены противъ самаго вора, и *вещные*, когда вчиняются противъ всякаго владѣльца покраденной вещи, кто бы онъ ни былъ, слѣд. не обращая вниманія на то, воръ ли онъ, или нѣтъ. По нашему древнему законодательству искъ о покраденной вещи и въ послѣднемъ случаѣ былъ личный. Во времена Правды хозяинъ, нашедшій у кого либо поличное, требовалъ, чтобъ онъ показалъ ему, гдѣ онъ пріобрѣлъ эту вещь („пойдемъ на сводъ, гдѣ еси взялъ"). Это положеніе чрезвычайно важно въ ученіи объ искахъ; оно знакомитъ насъ съ внутреннимъ характеромъ первоначальнаго обычнаго права, которое стремилось обратить въ личные, иски по существу своему вещные. Ибо какъ иначе объяснить сводъ? Онъ установленъ для того, чтобъ узнать вора. Но воровство не имѣло еще въ то время характера уголовнаго преступленія (см. Опытъ Ист. Росс. Гос. и Гражд. Зак., стр. 61 и далѣе, доказывать, что вещь принадлежитъ ему, былъ обязанъ хозяинъ, а не владѣлецъ вещи, ибо когда число сводовъ было ограничено, хозяину отдавалась вещь послѣ послѣдняго свода, хотя бы воръ и не былъ отысканъ; наконецъ сводъ установленъ и не для того, чтобы, отыскавши прямаго вора, можно было требовать отъ него возвращенія тѣхъ вещей, или цѣны ихъ, которыя были украдены вмѣстѣ съ поличнымъ, ибо 1) какая возможность доказать, что имъ украдены и прочія вещи, кромѣ поличнаго, когда такія дѣла разбирались не уголовнымъ судомъ, а гражданскимъ? 2) сводъ не ограничивался только тѣми случаями, когда съ поличнымъ украдены и другія вещи, но всегда употреблялся, когда хозяинъ находилъ поличное. Итакъ, хозяинъ хотѣлъ отыскать настоящаго вора, чтобы взыскать съ него трехъ-гривенную виру, которая замѣтимъ это является въ періодъ Правды субституцомъ мести.

Первое ограниченіе свода (сводъ, находокъ) было первымъ появленіемъ отдѣльнаго вещнаго иска въ нашемъ законодательствѣ. По Русской Правдѣ, находъ ограничивался областью (въ другую область не переходилъ); въ городѣ онъ продолжался до конца; въ деревняхъ только до третьяго пріобрѣтателя поличнаго. Іоанская грамота допускаетъ находъ до шестаго пріобрѣтателя (Опытъ Ист. Росс. Гос. и Гр. Зак., § 51, прим. 1, и § 70, прим. 4. Акты Археогр. Экс., т. 1, № 13 и далѣе. Статья К. Калачова о Судебникѣ Іоанна Вас., въ Юридическихъ Запискахъ, издаваемыхъ проф. Рѣдкинымъ, т. 1, М. 1841 г., стр. 125). Какова бы ни была историческая причина такого ограниченія (кажется, ихъ должно искать въ уничтоженіи семнутости, отдѣльности родовъ и общинъ и въ появленіи болѣе тѣсныхъ отношеній между городами и деревнями), это явленіе въ исторіи русскихъ гражданскихъ исковъ чрезвычайно важно. Иски о поличномъ должны были вслѣдствіе этого ограниченія раздѣлиться на два раз-

чаяхъ тѣсную, необходимую связь между собою. Связь эта состояла въ слѣдующемъ: свидѣтели и общая правда, принятые обоими тяжущимися по первому дѣлу, не могли быть отводимы и во второмъ, если на нихъ ссылалась одна изъ спорящихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ тотъ, кто отводилъ, былъ обвиняемъ въ искѣ.

Это положеніе, по основанію своему, весьма справедливо. Нѣтъ никакой причины подозрѣвать въ пристрастіи свидѣтеля или общую правду во второмъ дѣлѣ, если они не были опозорѣны въ первомъ, особливо когда обратимъ вниманіе на то, что это правило принято только въ отношеніи къ искамъ, немедленно слѣдующимъ другъ за другомъ. Въ практикѣ, лѣность и сутяжничество не рѣдко ложно перетолковывали это положеніе въ свою пользу: вотъ почему въ Уложеніи мы находимъ нѣсколько статей, съ цѣлью—точнѣе опредѣлить это правило, измѣнить его и даже ограничить въ извѣстныхъ случаяхъ [1]).

б) Выше мы видѣли, что слiяніе нѣсколькихъ исковъ, вчиняемыхъ однимъ лицомъ, въ одинъ, случалось довольно часто; но не наоборотъ. Никогда многіе истцы не были обязаны по одному общему дѣлу соединяться какъ бы въ одно юридическое лицо и вчинять одинъ общій искъ. Они могли это дѣлать; но отъ произвола каждаго изъ нихъ и

раза. Одни, по-прежнему, продолжали быть личными; такъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сила простиралась до самаго вора. Другіе обратились въ вещные, сохранивъ на себѣ слѣды историческаго своего происхожденія изъ личныхъ исковъ; подъ ту категорію подходилъ всѣ иски, въ которыхъ сила ограничивалась извѣстнымъ числомъ пріобрѣтателей и не доходила до прямого вора. Въ посягательствѣ на воровство начали смотрѣть какъ на уголовное преступленіе (Опыт Ист. Росс. Пос. и Гр. Зак. § 51 прим. 2) потомство отвода (имя нынѣшнихъ прежній сводъ исковъ, въ Уложеніи) имѣло значеніе: онъ теперь освобождалъ того, у кого „вымолится за полличное“ отъ пытки и наказанія (Улож. гл. XXI ст. 50, 51), какъ прежде отъ трехъ-правежной муки.

Въ періодъ Уложенія личный характеръ гражданскихъ исковъ очень рѣдко встрѣчается въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ. Кто держалъ у себя бѣглаго холопа, противъ того могъ господинъ его вчинять искъ отъ отвѣта не избавляло его и самое бѣгство холопа: даже полное незнаніе того, какъ бѣглый холопъ убѣжалъ. Тотъ, у кого онъ жилъ, былъ обязанъ найти его и возвратить основываясь на противномъ случаѣ цѣлаго дѣла его (Улож. гл. XX, ст. 6 и 10 — Что всѣ иски не суть вещные, сходно съ первою статьею. Они всѣ личные потому что привязаны къ лицу только обязательствомъ, а не вещно.

Изъ приведенныхъ нами статей Уложенія не видно, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя брались того, кто первый принялъ къ себѣ за живыхъ бѣглыхъ холопей или отъ того, у кого впослѣдствіи они были взяты, и которыя только имѣли что они держали у себя его холопа. При первомъ предложеніи всѣ о бѣглыхъ холопахъ личный; при послѣдующихъ вещный по возможности (Однако есть въ Уложеніи примѣры чисто вещныхъ исковъ. Такъ гл. XI въ ст. 7, и др.)

[1]) Источникъ этого юридическаго положенія—обычное право, поэтому оно видѣ не выходило изъ формъ правила и должно быть выводимо изъ его случаевъ. Подъ него подходитъ и *остроумное* — несмотря на то, что въ немъ прежніе истецъ и отвѣтчикъ мѣняются ролями, причина та, что онъ только непосредственно слѣдуетъ за предыдущимъ искомъ „сходя съ суда“) Улож. гл. X, ст. 180

(*NB* Вотъ, вотъ еще новое объясненіе, почему встрѣчный искъ судился судомъ истца. Сила этого иска съ предыдущимъ не была бы извѣстна сторонѣ, если-бы онъ судился по общему правилу подсудности судомъ отвѣтчика. Отвѣта родилась бы по поводу неправильно отводить свидѣтелей и общую правду противныхъ по предыдущему иску; но всякомъ случаѣ предупрежденіе этихъ злоупотребленій повело бы къ новымъ запутаннымъ сношеніямъ между судебными тяжами по встрѣчному иску, сей къ новымъ недоразумѣніямъ, проторямъ, новымъ волокитамъ, неправдамъ и обидамъ)

Ближайшія опредѣленія этого правила въ Уложеніи состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Въ малолюдномъ иску одинъ тяжущійся, во стачкѣ ссылался на свидѣтелей Противныхъ, „не хотя въ такомъ поклепномъ малолюдномъ искѣ душевредства учинити“, ссылался на того же свидѣтеля дѣло, разумѣется, рѣшалось въ пользу первотяжущагося, но оно было однимъ предлогомъ для того, чтобы начать противъ того же отвѣтчика другой такой же искъ, тоже поклепный, и тотъ же свидѣтель приводился къ подтвержденію новаго иска. Но было принято прежній отвѣтчикъ долженъ былъ не больше ссылаться на того же свидѣтеля и повѣрное проиграть процессъ лишая несправедливость“ Уложеніе здѣсь о этомъ случаѣ отвѣтчику право отводить свидѣтеля или общую правду, не теряя иска „потому что надъ нимъ истецъ его то учинилъ душевредствомъ“. (Это и клеветы и по духу, и по самому выраженію употребленному въ статьѣ, совершенно сходно съ римскими delatio и exercere delatio) См. Улож. гл. X. ст. 179 — Если мы станемъ помнить это положеніе съ его основной мысли и къ общему юридическому положенію, то по духу слѣдуетъ правило ограничить отъ прежнихъ отводовъ свидѣтелей и общей правды противъ новаго иска, причинивъ къ тому, что доказательство они были взяты ложно съ противниками. Уложеніе опредѣляетъ также промежутокъ времени между тѣми противными исками, которые признаетъ о тождествѣ прежнихъ свидѣтелей и общей правды теряетъ свою силу. Если второй искъ вчиненъ чрезъ годъ послѣ перваго, то отводъ прежнихъ свидѣтелей и общую правду позволялось только тѣ, которые противопоставлены съ тяжущимися могли уже впервые Улож. гл. X, ст. 181.

„на отвѣтчикѣ искати одного своего
ы“ (т.-е. своей части въ общемъ искѣ).
ложеніи это общее правило излагается
ошеніи къ искамъ объ обидѣ, пане-
нѣсколькимъ лицамъ „вопче“ [1]).
обиженъ многими лицами съ-общa (по-
видно изъ смысла закона, хотя и не
но), тотъ могъ вчинять противъ всѣхъ
ковъ одинъ искъ, и въ такомъ случаѣ
ли обязаны отвѣчать вмѣстѣ. Уложе-
отритъ на такой искъ не какъ на одно
ческое, нераздѣльное цѣлое, но видитъ
ъ простое соединеніе нѣсколькихъ ис-
ъ одинъ. Поэтому и отвѣтчики не со-
ютъ одного юридическаго лица; слѣд.,
е каждаго изъ нихъ не есть дѣйствіе
прочихъ отвѣтчиковъ, если одинъ отвѣт-
сознается въ винѣ и помирится съ
ъ до суда, то по этому одному не
о безъ суда признавать виноватыми и
прочихъ отвѣтчиковъ [2]).
къ, въ Уложеніи признается личное
ѣніе исковъ: по общій искъ не можетъ
ить въ одно юридическое лицо нѣ-
ихъ истцовъ или отвѣтчиковъ, исклю-
если они захотятъ того сами [3]).
ъ нѣсколько положеній, опредѣляющихъ
ыя отношенія гражданскихъ исковъ въ
щую эпоху русскаго законодательства.
никакого сомнѣнія, что мы не исчер-
дѣсь всѣхъ юридическихъ правилъ,
ія сюда относятся и скрыты въ Уло-
подъ оболочкою частныхъ случаевъ.
е мы сказали, что право вчинять ка-

кой-либо искъ осуществляется въ этомъ искѣ. Это осуществленіе есть полное, совершенное, поглощающее въ себѣ право иска. Словомъ, въ искѣ право вчинять этотъ искъ уничтожается. Отсюда положеніе: кто однажды искалъ по какому-нибудь гражданскому дѣлу, и оно окончилось, тотъ не можетъ вчинять объ немъ новаго иска [4]).

Искъ, а съ нимъ вмѣстѣ и право на этотъ искъ, уничтожаются по Уложенію:

1) Полюбовною сдѣлкою. Полюбовною сдѣлкою можно было прекращать спорное дѣло во всякое время, съ подачи приставной памяти и до рѣшенія дѣла, до суда и послѣ суда [5]). Взаимное согласіе на полюбовное прекращеніе тяжбы выражалось въ мировыхъ челобитныхъ, подаваемыхъ тяжущимися въ тотъ судъ, гдѣ производилось ихъ дѣло; условія мировой сдѣлки утверждались письменнымъ актомъ, который назывался мировою записью, иногда просто мировою, и составлялся по образцу всѣхъ прочихъ, договоровъ и обязательствъ того времени [6]).

2) Судебнымъ приговоромъ. Судебный приговоръ, постановленный о спорномъ дѣлѣ на какомъ бы то ни было основаніи (будетъ ли то признаніе, или судъ, или исправка, или сыскъ, или крестоцѣлованіе и т. д.), навсегда уничтожаетъ искъ [7]). Апелляція не опровергаетъ этого положенія; она имѣетъ совсѣмъ другое основаніе, рѣзко отличающее ее отъ обыкновеннаго иска (см. ниже).

ож. гл. X, ст. 189.—Кажется, эта статья на-
ъ противъ обычнаго права, которое требовало,
о общему дѣлу былъ вчиняемъ и общій искъ
ие, въ которомъ высказывается начало родовое,
общинное.

ож. гл. X, ст. 184: „А будетъ кто живетъ въ
ложѣлѣ или въ поставѣ съ братьями и съ
ожѣлцами вопче, и учинятъ они кому какую
тотъ обиженный въ обидѣ своей приставитъ
ко всѣмъ вопче, и изъ нихъ одинъ учнетъ
ну съ истцомъ помирится до суда, а достальные
суда не помирятся, и истцу на тѣхъ осталь-
ти судъ . . а безъ суда ихъ по раздѣлкѣ това-
ъ не винити“. Эта статья можетъ быть истол-
двоякимъ образомъ въ судебной практикѣ ви-
ъ суда всѣхъ отвѣтчиковъ, если одинъ изъ нихъ
ъ себя виноватымъ, 1) или на основаніи ро-
общиннаго начала (см. выше, примѣч. 1.
о 184-ой статьи), 2) или же потому, что при-
одного изъ отвѣтчиковъ считали доказатель-
виновности всѣхъ прочихъ, и на этомъ осно-
ничали уже судъ пятнимъ.

ож. гл. XVIII, ст. 37, 38.

[4]) Улож. гл. X, ст. 154: „А будетъ который истецъ
въ иску своемъ съ суда обвиненъ, а отвѣтчикъ его въ
томъ иску оправленъ, или который отвѣтчикъ въ чьемъ
иску крестнымъ цѣлованіемъ отойдетъ, или кто въ
своемъ искѣ съ кѣмъ помирится до суда, *и послѣ
того на тѣхъ же людяхъ учнетъ онъ того же
своего иску въ другорядъ искати, и ему въ томъ
искѣ суда не давати*“.

[5]) Улож. гл. XI, ст. 8;—гл. XV, ст. 1 и 2.—гл. X,
ст. 121, 154.

[6]) См. примѣч. 1 о Акты Юридическіе, № 269—
275.—Замѣнялись ли мировыми челобитными мировыя
записи, или наоборотъ, или же и тѣ и другія были
необходимы для того, чтобъ полюбовная сдѣлка имѣла
законную силу—этого нельзя рѣшить по издавнымъ
источникамъ. Въ приведенныхъ нами статьяхъ Уло-
женія и юридическихъ актахъ записи и мировыя че-
лобитныя упоминаются отдѣльно, какъ средства полю-
бовнаго прекращенія иска, а не вмѣстѣ; поэтому есть
вѣроятіе, что мировыя челобитныя тогда записи на-
писаны, и мировая запись достигала своей цѣли безъ
предварительной подачи челобитной.

[7]) Улож. гл. X, ст. 154, 120, 118 и мн. др. О собственномъ признаніи („будетъ кто отвѣтчикъ на судѣ
противъ чьей исковой челобитной учнетъ виниться“),
см. Улож. гл. X, ст. 186.—гл. XX, ст. 39.

Смерть тяжущихся не можетъ быть отнесена къ способамъ прекращенія исковъ. Она переноситъ только искъ отъ одного ли другому, не измѣняя его прежняго в

Глава III.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Предметъ, на которомъ сосредоточивается дѣятельность судей и тяжущихся, есть, какъ мы видѣли, гражданскій искъ. Единствомъ предмета эта дѣятельность ихъ необходимо поставляется во взаимныя отношенія, которыя, очевидно, не могутъ быть оставлены на произволъ самихъ судей и тяжущихся, и потому извѣстнымъ образомъ опредѣляются въ каждомъ положительномъ правѣ, будетъ ли оно обычное право, или законодательство въ настоящемъ смыслѣ слова. Такъ образуется у каждаго народа, въ каждомъ государствѣ, цѣлая система положеній и правилъ, юридически опредѣляющихъ дѣятельность судьи въ отношеніи къ иску и тяжущимся; дѣятельность тяжущихся въ отношеніи къ судьѣ, спорному дѣлу и ихъ самихъ другъ къ другу.

Далѣе, вся дѣятельность судьи и тяжущихся направлена къ одной цѣли: спорный гражданскій искъ обратить въ безспорный. Въ этомъ смыслѣ, для судьи—рѣшить дѣло, для тяжущихся — выиграть процессъ—суть выраженія однозначительныя.

Но такое обращеніе иска изъ спорнаго въ безспорный также не можетъ совершаться иначе, какъ по извѣстнымъ, постояннымъ и опредѣленнымъ правиламъ. Они необходимы для того, чтобъ искъ обращался изъ спорна- го въ безспорный свободно, согласно с тиной и независимо отъ произвола ли ляющихся дѣятелями. Совокупность пр опредѣляющихъ взаимныя отношенія тяжущихся, и спорнаго гражданскаго и постепенный, правильный ходъ обр гражданскаго иска изъ спорнаго въ б ный и образуетъ ученіе о гражданск допроизводствѣ.

На этомъ основаніи мы раздѣли главу на двѣ части. Въ первой будут жены формы (виды) гражданскаго с изводства по Уложенію и Новоуказным ямъ; во второй—постепенное движен производства (ходъ процесса).

Отдѣленіе 1.

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРО СТВА.

О формахъ судопроизводства во Уложенія существуютъ у насъ два Оба проистекаютъ изъ одного источ разнятся между собою только въ д шихъ своихъ приложеніяхъ.

Сводъ законовъ Россійской импер

[1]) Улож. гл. X, ст. 245: „А будетъ кто кому далъ на себя въ заемныхъ деньгахъ кабалу, или въ вотчинномъ очищеніѣ, или въ иномъ въ какомъ дѣлѣ какую-нибудь крѣпость да умретъ, а послѣ его въ животахъ его останутся жена его и дѣти, или иные кто его роду, а какъ онъ живъ былъ, и у него по тѣмъ кабаламъ въ заемныхъ деньгахъ и по записямъ въ вотчинномъ очищеніѣ съ истцы судъ былъ, а судныя дѣла по смерть его не вершены, а по тѣмъ судными дѣламъ довелось его обвинити, и истцомъ по тѣмъ дѣламъ вѣтви искы ихъ правити того умершаго на женѣ и на дѣтяхъ, или на иныхъ роду его, кто послѣ его въ животахъ его останется, и кому даны будутъ вотчины его".

Это, кажется, единственная статья въ цѣломъ Уложеніи, въ которой прямо сказано, что искъ можетъ переходить по наслѣдству, но и то сказано въ отношеніи къ отвѣтчику. Статьи 132, 133, 205, 207 и вторая половина 245-й (которая здѣсь опущена) о переходѣ по наслѣдству *права иска* и об отвѣчать по иску, или права требовать уплат зависимости уплачивать по рѣшенному иску (с слѣдственности обязательства, а не иску).

Могло ли одно лицо передавать свой искъ Кажется, нѣтъ. Улож. гл. X, ст. 214: „А б на комъ учнетъ искати вотчины, или двора, или мельницы, или иного чего вотчинного или пашнаго строенія, и отвѣтчикъ, засудился съ и нездождався по судному дѣлу указу, то, что истецъ искалъ, кому продастъ, или заложитъ, ду и по сыску доведется его въ томъ обман того, кому онъ что продастъ, взяти и отда А тому, кто у него то купилъ, указати на вычей и по накладной цѣнѣ изъ денег чемъ, эта статья допускаетъ различныя толк невозможно на основаніи ея рѣшить вопрос

въ русскомъ гражданскомъ судопро-
ѣ двѣ основныя формы: форму вот-
и исковую (Св. Зак. т. X, ст. 1591,
2 г.г.; то же самое раздѣленіе суще-
, по мнѣнію редакторовъ, и по вре-
женія (Св. Закон. т. X, ст. 1592,

атривая обѣ формы гражданскаго су-
одства и видя въ различіе ихъ,
димъ, что оно заключается собствен-
личіи доказательствъ, употребляе-
исковомъ и вотчинномъ судопро-
ѣ: въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ вотчин-
допроизводствомъ, нельзя доказывать
ска свидѣтелями и присягою (Св.
X, ст. 2053); въ дѣлахъ же, суди-
ковою формою, допускаются всякаго
казательства.

ніе доказательствъ, употребляемыхъ
или другимъ спорнымъ граждан-
лямъ, условливается посторонними,
айными обстоятельствами, и потому
ъ служить основаніемъ раздѣленія
зводства на виды. Уложеніе объ-
поклажу и заемъ недѣйствительны-
они не утверждены крѣпостью; вотъ
если о поклажахъ и займахъ могли
ько крѣпостными, т.-е. основанными
стныхъ доказательствахъ. Бой, брань
могли быть совершены при мно-
одяхъ, или при одномъ свидѣтелѣ,
конецъ, безъ свидѣтелей; поэтому
тотъ же искъ о боѣ, брани или
могъ быть въ одномъ случаѣ доказы-
ыскомъ, въ другомъ послушествомъ
емъ—крестнымъ цѣлованіемъ: доказа-
различны, а форма судопроизвод-
а и та же.

ніе формъ гражданскаго судопроиз-
условливается не различіемъ дока-
въ, а различными отношеніями су-
жущимся и спорному дѣлу, и тяжу-
ъ судьѣ и спорному дѣлу. Если въ
зводствѣ является дѣятелемъ судья,
и онъ какъ бы отыскиваетъ своего
амъ собою, безъ просьбы тяжущихся,
ѣтъ кого суду, отыскиваетъ тѣхъ или
доказательствъ для того, чтобъ убѣ-
ъ правости или неправости подсуд-
то въ такомъ случаѣ мы называемъ
изводство инквизиціоннымъ, слѣд-
ымъ. Если же, напротивъ, дѣятели-
судопроизводствѣ являются сами тя-
т.-е. если искъ вчиняется, по просьѣ-
бѣ одного изъ нихъ, а не по произволу судьи; если приведеніе доказательствъ въ пользу и противъ спорнаго дѣла, между ними возникшаго, есть ихъ обязанность, а не дѣло судьи; если, наконецъ, пропущеніями ими доказательства не обязанъ приводить вмѣсто нихъ судья, и онъ, какъ будто лицо постороннее, посредникъ, произноситъ свое мнѣніе о правости и виновности тяжущихся сторонъ по однимъ доказательствамъ, ими приведеннымъ, не обращая вниманія на всѣ прочія, ими забытыя, или умышленно оставленныя – то эта форма судопроизводства есть обвинительная и обыкновенно называется обвинительнымъ, гражданскимъ процессомъ (processus accusatorius).

Конечно, такого рѣзкаго различія между этими двумя основными формами судопроизводства мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ положительномъ законодательствѣ. Ни одна изъ этихъ формъ (особливо первая) не развивается во всей чистотѣ и послѣдовательности, какой бы требовало основное начало каждой изъ нихъ. Въ форму инквизиціоннаго процесса болѣе или менѣе всегда вливается начало процесса обвинительнаго, и наоборотъ; процессъ обвинительный иногда видоизмѣняется нѣсколько формою инквизиціоннаго судопроизводства. Несмотря на то, основныя начала, изъ которыхъ развивается каждая изъ этихъ формъ, такъ противоположны и такъ рѣзко обозначены, что ихъ не возможно смѣшивать.

Есть еще другое мнѣніе о формахъ русскаго гражданскаго судопроизводства до Петра Великаго, которое подкрѣпляется многими историческими доказательствами и потому имѣетъ большое вліяніе на правильное разумѣніе нашего судопроизводства до Петра и послѣ Петра. Это мнѣніе заключается въ слѣдующемъ:

Издавна, еще до Судебника, мы находимъ въ Москвѣ два приказа, въ которыхъ преимущественно передъ всѣми другими сосредоточивались спорныя гражданскія дѣла; это приказы Помѣстный и Судный. Въ Помѣстномъ приказѣ вѣдались спорныя дѣла о правахъ на недвижимости, основанныхъ на крѣпостяхъ (письменныхъ актахъ), особливо же дѣла о правѣ собственности. Напротивъ, въ Судномъ приказѣ вѣдались спорныя дѣла по обязательствамъ, возникшимъ вслѣдствіе договора или преступленія. Такое раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между двумя

приказами, во первыхъ, свидѣтельствуетъ о какомъ-то тайномъ, безсознательномъ можетъ быть, сочувствіи нашего древняго законодательства съ римскимъ правомъ: ибо въ основаніи этого раздѣленія спорныхъ дѣлъ скрывается мысль о различеніи всѣхъ гражданскихъ исковъ на вещные (in rem) и личные (in personam, ad rem). Но какъ эта мысль не была ясно сознаваема, то въ распредѣленіи спорныхъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Судными приказами сдѣланы отъ нея нѣкоторыя отступленія. Такимъ образомъ спорныя дѣла, которыя должно бы, сообразно съ основнымъ началомъ, судить въ Помѣстномъ приказѣ, судились въ Судномъ, и которыя должны бы вѣдаться Судными приказомъ, судились въ Помѣстномъ. Но это были отступленія, которыя ни мало не опровергаютъ главной мысли. Во-вторыхъ, въ Помѣстномъ приказѣ сосредоточились спорныя дѣла о недвижимыхъ, основанныя на однихъ крѣпостяхъ, или вообще на письменныхъ документахъ и актахъ, дѣла крѣпостныя. Но такъ какъ эти дѣла разбирались и рѣшались по крѣпостямъ, то въ Помѣстномъ приказѣ должна была развиться преимущественно форма судопроизводства слѣдственная, сыскная, розыскная. Напротивъ, въ Судномъ приказѣ, гдѣ судились дѣла, основанныя на всякаго рода доказательствахъ, а не на однихъ крѣпостяхъ, должна была развиться другая форма судопроизводства, процессъ обвинительный, по преимуществу гражданскій и древнѣйшій изъ всѣхъ — судъ, въ технически-опредѣленномъ значеніи этого слова. Безъ сомнѣнія, розыскъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ не ограничивался исключительно одними спорными дѣлами Помѣстнаго приказа: мы знаемъ также, что судомъ рѣшались иногда и дѣла вотчинныя; но это были исключенія изъ общаго правила. Несмотря на эти исключенія, судъ все же былъ главною, основною формою судопроизводства для спорныхъ дѣлъ, судимыхъ въ Судномъ приказѣ: розыскъ для спорныхъ дѣлъ, вѣдаемыхъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Это мнѣніе, очевидно, дастъ болѣе глубокое значеніе раздѣленію судопроизводства на исковое и вотчинное, нежели первое. Оно не останавливается на одномъ различіи доказательствъ, но проникаетъ въ смыслъ этого различія и возводитъ его къ истинному основанію дѣленія судопроизводства на виды. Несмотря на то, мы дозволяемъ себѣ находить это мнѣніе не вполнѣ согл[асно] со всѣми историческими данными нашего законодательства. По послѣдовательности своей оно даетъ неправильное [на]правленіе дальнѣйшему развитію русскаго гр[ажданс]кого судопроизводства, и потому [за]служиваетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

1. Раздѣленіе спорныхъ гражданских[ъ дѣлъ] между Помѣстнымъ и Судными пр[иказами] есть главное основаніе изложенія [нашего]. Мы видѣли, что вопросъ, который [есте]ственно возникаетъ: почему одни [гра]жданскія вѣдались въ Помѣстномъ [приказѣ], а другія въ Судномъ—рѣшается [только] въ законодательствѣ времень Уложе[нія]. Мы открываемъ смутную мысль о раз[личіи] исковъ личныхъ и вещныхъ. Отсюда [вытек]аетъ отдѣлить ихъ другъ отъ друга, [что] выразилось въ различіи формъ судо[производ]ства, принятыхъ въ Помѣстномъ и [Судномъ] приказахъ. Это рѣшеніе вопроса [кажется] намъ неправильнымъ:

а) Во времена Уложенія не было [никакого] раздѣленія гражданскихъ исковъ на [вещные] и личные. Главный, основный, исклю[чительный] характеръ всѣхъ гражданскихъ [исковъ] того времени есть характеръ личный, [а не] вещный. Только въ нѣкоторыхъ, и то [въ] немногихъ случаяхъ, необходимость [иска] вещнаго была такъ очевидна, так[ъ убе]дительна, скажемъ даже—такъ не[обходимо], что обычное право и законодательство [должны] бы непроизвольно уступали ей — но [не] Это важное юридическое положеніе [старал]ись, по возможности, уяснить въ [слѣдующ]ихъ гражданскихъ искахъ.

b) Поэтому не мысль о различіи [вещных]ъ и личныхъ исковъ, по какое-нибудь [другое] основаніе должно было руководить [древ]нихъ законодателей при распредѣленіи [гражд]анскихъ дѣлъ между приказ[ами По]мѣстнымъ и Судными. Соображая [историч]ескія данныя того времени съ общ[имъ ха]рактеромъ законодательства, мы [должны] что этого основанія должно искать [въ раз]личіи предметовъ гражданскихъ пра[въ]. личіи, которое при томъ опредѣл[ялось] гражданскою, а административною [точкою] зрѣнія.

Цѣль учрежденія Помѣстнаго при[каза], главному своему назначенію, была [административ]ная. Помѣстья давались всяк[ому] исковъ служилымъ людямъ для гос[ударевой] службы, преимущественно военной

вхъ помѣстій размножилось и они
нно переходили отъ одного лица
у по мѣнѣ, поступкѣ, новому пер-
раздѣлу, наслѣдству и т. д., опре-
кому принадлежитъ извѣстное по-
должно было сдѣлаться затрудни-
и слѣд. допускать подлоги и не-
а присвоенія помѣстій, а это могло
ома вредныя послѣдствія: ибо на
испомѣщенія основывался въ то
боръ войска. Отсюда необходимость
нить, кто владѣетъ помѣстьемъ и
ленно, которая и подала поводъ къ
о Помѣстнаго приказа.
помѣстій за извѣстными лицами
стномъ приказѣ имѣла важныя по-
для гражданскаго права. Справ-
ѣмъ-либо помѣстье можно было не
къ если способъ пріобрѣтенія имѣлъ
вое основаніе. Поэтому и пріобрѣ-
ѣтья должно было подчиниться не-
ному надзору Помѣстнаго при-

ъ же основаніи какъ помѣстья, вѣ-
Помѣстномъ приказѣ вотчины и
и помѣстные крестьяне. Когда
лись къ вѣдомству Помѣстнаго
отчины—неизвѣстно. Вѣроятно, ос-
служили сродство, издавна суще-
е между вотчиною и помѣстьемъ,
купка помѣстій въ вотчины, пожа-
омѣстій въ вотчины, наконецъ не-
оторыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, были
что помѣстные и вотчинные кре-
ѣдались въ Помѣстномъ приказѣ;
тьяне были крѣпки землѣ, и по
началамъ должны были находить-
ѣдываніи того же приказа, въ ко-
ѣдались земли.
главное, первое назначеніе Помѣ-
риказа заключалось въ утвержденіи
ѣніи помѣстій, вотчинъ, помѣстныхъ
ныхъ крестьянъ за помѣщиками и
ами. А потому что онъ утверждалъ
лъ права на помѣстья и вотчины,
лъ спорныя помѣстныя и вотчин-
. Основаніе весьма просто: въ ис-
омѣстьяхъ и вотчинахъ истецъ дол-
казывать, что помѣстье или вот-
адлежатъ ему на основаніи закон-
обрѣтенія; а пріобрѣтеніе помѣстья
ны, какъ мы сказали, совершалось
осредственнымъ надзоромъ Помѣст-
каза.

Напротивъ, главное назначеніе Суднаго приказа, какъ показываетъ и самое названіе его, было судебное, а не административное; поэтому нельзя ставить его въ параллель съ Помѣстнымъ, и между ними не могло быть ничего общаго.

Чтобъ доказать еще яснѣе, что Помѣстный приказъ, по главному своему назначенію, былъ мѣстомъ административнымъ, а не судебнымъ, укажемъ на Холопій приказъ. Для дѣлъ холопьихъ онъ было то же, что Помѣстный приказъ для дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ; въ немъ укрѣплялись и утверждались права господъ на холопей и судились спорныя холопьи дѣла.

Напрасно будемъ мы искать причины установленія Холопьяго приказа въ какой либо особливой формѣ судопроизводства, исключительно употреблявшейся въ спорныхъ дѣлахъ о холопяхъ; эти дѣла судились судомъ, какъ и всѣ прочія гражданскія дѣла до временъ Петра Великаго. Вѣдомство Холопьяго, какъ и Помѣстнаго приказа, опредѣлялось не юридическимъ началомъ, а предметомъ; поэтому естественно, что въ немъ сосредоточились всѣ дѣла холопьи: безспорныя и спорныя, административныя и судныя, по началу: кто управляетъ или завѣдываетъ, тотъ и судитъ. Итакъ, изъ раздѣленія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ приказомъ нельзя еще заключать о существованіи, въ періодъ Уложенія, двухъ различныхъ формъ гражданскаго судопроизводства.

II. По изложенному нами мнѣнію, спорныя дѣла о правахъ на недвижимыя, преимущественно о правѣ собственности, вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ. А въ этомъ приказѣ никогда не давали суда. Поэтому эти дѣла судились не судомъ, а какою-нибудь другою формою судопроизводства.

И это положеніе кажется намъ несправедливымъ. Въ Помѣстномъ приказѣ вѣдались дѣла: a) о помѣстьяхъ; b) о вотчинахъ; c) о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ.

Спорныя дѣла о вотчинахъ судились судомъ. Это доказывается всѣми источниками русскаго права: Судебникомъ, юридическими актами изъ періода Уложенія, самымъ Уложеніемъ и наконецъ Новоуказными статьями.

Въ Судебникѣ статья 84-я имѣетъ заглавіе: „о земляхъ судъ“; изъ самой статьи видно, что спорныя дѣла о земляхъ (помѣстьяхъ и

вотчинахъ) судились судомъ [1]; к статьи 85—90: „о вотчинахъ судъ". Что о правѣ на вотчину производился судъ—это ясно видно изъ статьи 85; прочія говорятъ о потравѣ, о нарушеніи межъ и границъ, о переходѣ крестьянъ, слѣд. ничего не доказываютъ въ отношеніи къ судопроизводству о правѣ вотчинномъ на недвижимыя.

Между юридическими актами, изданными Археографическою Комиссіею, помѣщено до двадцати семи правыхъ грамотъ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ [2]. Большая часть изъ нихъ относится и къ дѣламъ о правѣ собственности на земли и угодья; изъ всѣхъ этихъ грамотъ видно, что дѣла вотчинныя судились судомъ [3].

Въ Уложеніи мы находимъ много мѣстъ, изъ которыхъ ясно видно, что дѣла о правѣ собственности на вотчины судились судомъ. Здѣсь мы ограничимся приведеніемъ двухъ изъ нихъ: гл. X, ст. 244: „А будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины или дворы, или лавки, или мѣльницы... а по суду и по сыску доведется его въ томъ обвинити..." Гл. XVIII, ст. 58: „А кому даны будутъ правые грамоты всякимъ людемъ о вотчинахъ и о всякихъ дѣлѣхъ... а написано будетъ въ грамотѣ все судное дѣло подлинно..." [4].

Наконецъ въ Новоуказныхъ статьяхъ помѣстныя, вотчинныя и земляныя называются судными [5].

Спорныя дѣла о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ судились судомъ. Это мнѣніе доказывается всею XI-ю главою положенія, которая даже носитъ заглавіе „о крестьянѣхъ" (см. ниже, примѣч.).

Наконецъ спорныя дѣла о полѣ также судились обвинительною, а не инквизиціонною формою процесса. Эта форма выражалась очными ставками и въ своемъ была то же, что судъ, отличаясь отъ него только нѣкоторыми частностями.

Итакъ слѣдственная форма судопроизводства не употреблялась въ спорныхъ земельныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ.

III. Далѣе сказано: дѣла о правѣ собственности на недвижимыя были исключительно крѣпостныя. Это положеніе кажется также несправедливымъ; ибо мы знаемъ какъ теперь, такъ и въ періодъ Уложенія, что законодательство признавало одною изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія права, въ особенности давность. Итакъ, когда кто-либо предъявлялъ искъ о вотчинѣ, которою владѣлъ безъ крѣпостей, этотъ искъ, казалось, не могъ быть крѣпостнымъ. Изъ Уложенія видно, что иски о вотчинахъ и помѣстьяхъ въ нѣкоторыхъ еще случаяхъ могли быть некрѣпостными.

---

[1]) Судебн. Татищева, ст. 84. Изъ примѣчаній къ этой статьѣ видно, что Татищевъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: *о земляхъ судъ*, судъ о владѣніи, а не о правѣ. Но это несправедливо. Самая статья не подаетъ никакого повода къ тому толкованію. См. гл. 2, примѣчаніе 4.

[2]) См. Юридическіе Акты, № 1—26, 29.

[3]) Онѣ обыкновенно начинаются такъ: *се судъ судимъ* Поздѣйшія (1610 года, № 25, и 1612, № 26) имѣютъ другую форму: *перед такимъ-то судомъ искалъ такой-то на такомъ-то*.

[4]) См. также Улож. гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 33.—Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: если спорныя дѣла о вотчинахъ вѣдались *судомъ*, то почему же о нихъ такъ мало говорится въ судной статьѣ (X главѣ Уложенія)—именно тамъ, гдѣ должно бы, по видимому, ожидать подробнаго изложенія этого предмета?—Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, замѣтимъ предварительно, что всѣ иски о правѣ собственности имѣютъ двѣ стороны: а) юридическую, о правѣ, и b) фактическую о владѣніи. Вопросъ о правѣ на вотчину есть вопросъ о законномъ способѣ ея пріобрѣтенія. А въ какихъ именно случаяхъ вотчина, по законодательству временъ Уложенія, почитается законнымъ образомъ пріобрѣтенною—это подробно изложено въ статьѣ помѣстной и вотчинной (XVI и XVII гл. Уложенія); слѣд. нечего было упоминать о томъ въ статьѣ судной.—Весьма замѣчательно, что эти статьи по главному, основному своему характеру, не суть процессуальныя, а догматическія: онѣ представляютъ собраніе догматическихъ, а не судебныхъ казусовъ. Въ нихъ излагается послѣдованія преимущественно какъ основаніе владѣнія, а не какъ наслѣдственное право. Такой характеръ этихъ статей объясняется тѣмъ, что онѣ частью вѣроятно заимствованы изъ положеній бывшихъ въ Помѣстномъ приказѣ—мѣстѣ, по своему назначенію, административномъ, а не судномъ. Искъ о правѣ на недвижимое никогда не являлся, въ періодъ Уложенія, отдѣльно отъ иска о дѣлѣ, или правильнѣе о завладѣніи. Что означаютъ правыя грамоты, помѣщенныя въ Юридическихъ Актовъ, и многія статьи Уложенія (напр. гл. X, ст. 211, 212, 213, 234). Поэтому справедливо замѣчаетъ проф. Мордовцевъ, что женію „безспорное судопроизводство слишкомъ жебнымъ, а владѣніе смѣшивалось съ собственностью (Разсужденіе о владѣніи по началамъ Россійскаго законодательства. М., 1837. стр. 100), въ то время о владѣніи былъ вмѣстѣ и искомъ о собственности. Вотъ почему въ Уложеніи и во всѣхъ современныхъ ему источникахъ безпрестанно говорится, что владѣніи разбираются судомъ, а что право собственности на недвижимыя рѣшается тою же формою судопроизводства—объ этомъ мы такъ рѣдко прямыя свидѣтельства.

[5]) 1683 года, 22 іюня (№ 1020), именными указами приговорами.—1686 года, марта (№ 1) именными съ боярскими приговорами.

[6]) Улож. гл. XVI, ст. 41, 51,—гл. XVII,

IV. Но если даже и допустить, что всѣ спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла были крѣпостныя, то изъ этого еще нельзя заключать, что эти дѣла, потому именно что они крѣпостныя, судились розыскомъ, а не судомъ, ибо въ десятой главѣ Уложенія мы находимъ множество мѣстъ, изъ которыхъ ясно и несомнѣнно видно, что дѣла крѣпостныя могли быть дѣлами судными [1]. Слѣдовательно, если спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла и въ самомъ дѣлѣ судились розыскомъ, то причина не въ томъ, что они крѣпостныя [2].

Въ періодъ Уложенія русское гражданское судопроизводство имѣло двѣ формы: судъ и очныя ставки. Очными ставками преимущественно судились спорныя дѣла о правахъ на помѣстья и вотчины; судомъ всѣ прочія спорныя гражданскія дѣла.

1. Судъ (въ томъ техническомъ, опредѣленномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ оно употребляется въ памятникахъ нашего законодательства до Петра Великаго) есть основная, общая, и по своему происхожденію древнѣйшая форма русскаго гражданскаго судопроизводства.

По внѣшней сторонѣ, судъ есть юридическій споръ двухъ тяжущихся въ присутствіи судьи [3]. Поэтому нѣтъ суда, когда нѣтъ юридическаго спора передъ судьями [4]; судъ начинается, когда начинается споръ (Улож. гл. X, ст. 116 и др.); судъ прекращается, когда прекращается этотъ споръ (Улож. гл. X, ст. 123 и др.). Итакъ въ Уложеніи судъ является юридическимъ, опредѣленнымъ моментомъ всего гражданскаго судопроизводства. Но эту опредѣленность получилъ онъ уже въ позднѣйшія времена. Всматриваясь въ него глубже, мы открываемъ въ немъ самую естественную, простую, общую всѣмъ народамъ и древнѣйшую обычную форму судопроизводства. Поэтому-то нигдѣ и нѣтъ логическаго ея опредѣленія; корень этой формы — изстаринный обычай, который жилъ въ народномъ сознаніи; вотъ почему о судѣ упоминается въ древнѣйшихъ источникахъ русскаго права [5]; законодательство только опредѣлило и юридически установило его внѣшнюю, формальную сторону.

По внутренней, юридической сторонѣ, судъ есть форма чисто-обвинительнаго, гражданскаго процесса.

1) Судъ никогда не открывался по произвольному назначенію или предписанію судьи, но всегда по просьбѣ истца; безъ этой просьбы судъ не могъ имѣть мѣста. Отсюда выраженіе дати судъ.

2) Доказывать и опровергать искъ было дѣломъ тяжущихся. Поэтому они изыскивали и приводили доказательства въ свою пользу. Если какія-нибудь доказательства были ими пропущены умышленно, или неумышленно, судья не напоминалъ имъ объ этомъ, и рѣшалъ спорное дѣло на основаніи однихъ тѣхъ доказательствъ, которыя были ими представлены.

3) Дѣятельность судьи въ отношеніи къ тяжущимся и спорному дѣлу ограничивалась: а) администраціею суда. Онъ назначалъ время, въ которое долженъ былъ начаться судъ. Въ продолженіе самаго суда назначалъ, кому должно говорить. Изъ правыхъ грамотъ мы видимъ, что когда одинъ тяжущійся оканчивалъ изложеніе иска, или доводовъ, судья обращался къ другому и говорилъ ему: отвѣчай. Итакъ, внѣшняя, формальная сторона суда, установленіе его и опредѣленіе пра-

---

[1] Улож. гл. IV, ст. 4; — гл. X, ст. 22, 108, 109, 189, 192, 245, 247, 353, 256, 259, 261; — гл. XXIV, ст. 1.

[2] Выраженіе *дѣло* весьма часто подаетъ поводъ къ самымъ ошибочнымъ толкованіямъ. Оно иногда означаетъ искъ, развивающійся въ процессѣ, иногда вообще всякаго рода дѣлопроизводство. Поэтому, при чтеніи источниковъ, не должно придавать этому слову по произволу то или другое значеніе, а должно выводить его изъ общаго смысла мѣста, въ которомъ оно употребляется. Мы увидимъ впослѣдствіи какимъ важнымъ заблужденіямъ подало поводъ произвольное толкованіе выраженія *сыскное, розыскное дѣло*.

[3] Отсюда слѣдующія выраженія, *судъ судити*. Оно съ перваго взгляда кажется плеоназмомъ; но въ самомъ дѣлѣ судьи судили судъ, т.-е. этотъ юридическій споръ тяжущихся. Далѣе: *судомъ судить, передъ судомъ искать или отвѣчать, обвинить или оправдать не въ судѣ, вершити дѣло по суду* и проч.— Улож. гл. X, ст. 195: „А кого судьи велятъ поставити въ *судѣ*, и истцу и отвѣтчику стати *передъ судомъ искати и отвѣчати* тихонько и смирно и не шумно, и *передъ судомъ* никакихъ неподобныхъ словъ не говорити *и между себя* не бранитися".

[4] Улож. гл. X, ст. 22. — Теперь подъ именемъ *суда* мы разумѣемъ обыкновенно присутственное мѣсто гдѣ разбираются и рѣшаются спорныя дѣла. Но въ древнихъ источникахъ слово *судъ* никогда и нигдѣ не употребляется въ этомъ смыслѣ („а будетъ кто ни будь *пришелъ въ которой приказъ къ суду*". Улож. гл. X, ст. 106). Ср. Улож. гл. X, ст. 109.

[5] Такъ въ Русской Правдѣ, договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою 1228 года, и т. д.

вильнаго его хода было дѣломъ судьи, а не тяжущихся. b) Опредѣленіемъ силы и дѣйствительности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Эта дѣятельность судьи была юридическая. Онъ взвѣшивалъ доказательства и оцѣнялъ ихъ по ихъ внутреннему и относительному достоинству. Такимъ образомъ, если тяжущіеся представляли крѣпости, или какіе-нибудь письменные документы, судья разсматривалъ ихъ въ судѣ. Въ періодъ Уложенія образовались многія правила, опредѣляющія взаимныя отношенія доказательствъ (наприм., послѣ ссылки на обыскъ нельзя было ссылаться на свидѣтелей и т. д.). На основаніи этихъ правилъ, доказательство, само по себѣ признаваемое закономъ и обычаемъ, не имѣло силы послѣ другого какого-нибудь доказательства. И это относительное достоинство доказательствъ опредѣлялъ судья. Поэтому судья, на основаніи дѣйствующаго права, иногда не принималъ приводимаго доказательства, или, что все равно, объявлялъ его недѣйствительнымъ, но никогда не приводилъ вмѣсто его другаго, ни въ пользу истца, ни въ пользу отвѣтчика.

Вотъ въ чемъ заключалась внутренняя, юридическая сторона суда въ періодъ Уложенія. Этотъ чисто-обвинительный, чисто-гражданскій характеръ древняго суда объясняется:

1) Исторіею происхожденія судей, вѣдавшихъ судъ во времена Уложенія. Гражданскіе судьи временъ Уложенія были, по своему происхожденію, судьи княжескіе. Говоря о судоустройствѣ, мы сказали, что правители областей и городовъ издревле назначались княземъ, и завѣдывали первоначально частью военною, финансовою и полицейскою. Поэтому и судомъ завѣдывали они только въ отношеніи финансовомъ и административномъ: взыскивали пошлины и давали судъ. Это первоначальное, древнѣйшее значеніе княжескихъ правителей было, безъ сомнѣнія, одною изъ важнѣйшихъ причинъ развитія чисто-обвинительной формы гражданскаго судопроизводства въ законодательствѣ [1]).

2) Самымъ существомъ гражданскихъ правъ, составляющихъ исключительную, полную, неотъемлемую принадлежность частныхъ лицъ, и потому вносящихъ въ гражданское судопроизводство по преимуществу элементъ обвинительный, гражданскій.

[1]) Рѣчь объ Уложеніи, проф. Морошкина, стр. 57

Мы сказали, что судомъ судились періодъ Уложенія всѣ дѣла граждан какія дѣла почитались гражданск трудно рѣшить. Трудность заключ слѣдующемъ:

1) Мѣрило, по которому одни и права должно относить къ уголов ступленіямъ, а другія къ граж имѣетъ въ большей части случаевъ ческое основаніе. Отсюда невозмож вести его подъ извѣстныя, опре юридическія начала. Въ этомъ мѣр жается вся предыдущая жизнь всѣми ея направленіями, оттѣнка чайностями.

2) Это мнѣніе вполнѣ вѣрно въ къ русскому законодательству пре женія. Въ немъ были смѣшаны на сенныя греческимъ правомъ, на вившіяся вслѣдствіе утверждены станія государства и государств сти, и начала древнѣйшія, обы коихъ нѣкоторыя уже утратил смыслъ и значеніе. Всѣ они су одно возлѣ другаго, не соглашени собою, и не приведенныя въ од ческое, живое цѣлое.

3) Итакъ, для рѣшенія вопроса, судились въ періодъ Уложенія суд данскимъ, остается только одно ограничиться исчисленіемъ дѣлъ, къ юридическимъ началамъ, но пот отнесены къ дѣламъ гражданскимъ этомъ пути представляются важны ствія: a) Въ Уложеніи и законахъ ріода изрѣдка, и большею часть домъ, говорится о формѣ судопро которою судились извѣстныя спор

[1]) Именно потому, что въ Уложеніи на вниманіи на то, какія дѣла должно почи ными и какія гражданскими,—выражен опредѣляется форма судопроизводства въ даннымъ случаѣ, очень неопредѣленны напр. Улож. гл XX, ст. 21: „А кто возм ного, или на доклацкаго или на старо кабалу не опытавъ, безъ отпускныя, и то *сыску* отдати тому, чья крѣпость старѣе ано *по сыску*. А изъ множества другихъ вѣстно, что дѣла о холопахъ судились *с* сыскомъ должно поэтому разумѣть не фор изводства, а удостовѣреніе въ фактѣ на ос зательствъ. Выраженіе не точно. Подобн ровъ много въ Уложеніи. См. гл. VII, ст. ст. 27, 235 и т. д.—Нерѣдко употребл шенно неопредѣленное выраженіе: *а с то до ярма*. Какою формою судопро

почти единственнымъ источ-
ется слѣдовательно рѣшенныя
богатый источникъ правовѣдѣнія
поръ мало доступенъ для част-

ложеннымъ причинамъ мы огра-
тымъ исчисленіемъ тѣхъ дѣлъ,
свидѣтельству Уложенія и по-
законовъ, судились судомъ и
ись къ числу дѣлъ граждан-
дварительно считаемъ нужнымъ
торыя замѣчанія объ отношеніи,
немъ въ настоящій періодъ между
рмою судопроизводства и дѣ-
я судились по этой формѣ.
ю, какъ мы видѣли, граждан-
рѣдко сливались съ уголовными
ъ, и судились вмѣстѣ. Въ нѣко-
яхъ дѣла уголовныя судились
анскимъ [1]), а гражданскія дѣла
).
ле этой аномаліи заключалось
форма судопроизводства опре-
нымъ, основнымъ искомъ. Такъ
в или разбоѣ былъ всегда глав-
о вещахъ, взятыхъ татьбою
второстепеннымъ. Если глав-
ъ уголовный, то дѣла судились
процессомъ; если гражданскій,
амъ.
я, по которымъ изъ двухъ ис-
иныхъ въ одинъ, одинъ искъ
внымъ, другой второстепеннымъ,
ы. Для дѣлъ гражданскихъ, со-
съ уголовными исками и рѣ-
домъ уголовнымъ, такимъ осно-
ственно служила бо́льшая важ-
ныхъ дѣлъ, въ сравненіи съ
. Но когда уголовное дѣло, въ
гражданскимъ, судилось граж-
цессомъ, то основаніемъ могло

ніе преступника. Улож. гл.

ъ случаяхъ, остается неизвѣстнымъ,
ихъ имѣть, поясняющихъ это выраже-
я. X, ст. 5;—гл. III, ст. 1, 9;—гл. VI,
ст. 22;—гл. X, ст. 148 и т. д.
. гл. VII, ст. 30: „А будетъ кто рат-
утъ грабити и учинятъ смертное убій-
ому позу насильство... *и по суду* и
о ихъ воровство сыщется допряма..."
. 133 и др.
всѣ иски о покраденныхъ, или раз-
вещахъ, по поличному (см. Улож

XXII, ст. 17: „А будетъ кто... наскачетъ на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчетъ и повалитъ, и тѣмъ ея обезчеститъ, или ея тѣмъ боемъ изувѣчитъ, и беременная будетъ жена отъ того его бою дитя родитъ мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то до пряма... А будетъ отъ того его бою та жена и сама умретъ..."

Бой и увѣчье судились по Уложенію судомъ. А какъ убійство, по самому свойству преступленія, не составляло главной цѣли преступника, и было, такъ сказать, случайнымъ послѣдствіемъ боя, то все это дѣло разсматривалось какъ дѣло гражданское, и судилось поэтому гражданскимъ судомъ (см. 1-ое прим. на 269 стр.).

b) **Невозможность вчинять уголовный процессъ.** Улож. гл. X, ст. 133: „А будетъ кто помѣстной и вотчинной и прожиточной человѣкъ всякого чину учнетъ похвалятися на кого смертнымъ убивствомъ, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ Государю бить челомъ, чтобы Государь велѣлъ ему на того, кто на него похвалится, дати опасную грамоту съ большею заповѣдью... и тому дати такая опасная грамота. Да будетъ за такою грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того, кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, и того убитого женѣ и дѣтемъ роду и племени его на того убойца дати судъ, а съ суда сыскати" [3]). По Уложенію убійство судилось розыскомъ. Но розыскъ объ убійствѣ могъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда убійца или былъ извѣстенъ (захваченъ во время преступленія), или по закону предполагался убійцею (по поличному, явочной молкѣ или лихованнымъ обыскамъ). Кромѣ этихъ случаевъ нельзя было судить кого-либо въ убійствѣ судомъ уголовнымъ. Поэтому, въ при-

[3]) Слова: „да будетъ за такою грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того, кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, того убитого женѣ и проч. на того убойца дати судъ" — не точны, ибо еслибъ было извѣстно, что онъ убилъ челобитчика, то не для чего было давать судъ; далѣе: еслибъ убійца и былъ извѣстенъ, то de facto, а не de jure. Слѣд. юридически эта извѣстность до суда не существуетъ. Это доказывается послѣдующими словами той же статьи. „Да будетъ сыщется про то до пряма, что того, кому дана опасная грамота, убилъ тотъ самъ, на кого дана опасная грамота, или по его наученью кто иной то смертное убивство учинилъ..."

веденномъ нами случаѣ, наслѣдникамъ убитаго оставалось одно средство: уличить подозрѣваемаго ими убійцу судомъ гражданскимъ. Замѣтимъ, что такой искъ, по основанію своему, имѣетъ чисто-гражданскій характеръ, истцы ищутъ на отвѣтчикѣ заповѣди по оцѣнной грамотѣ, слѣд. по обязательству съ неустойкою, и выигрываютъ процессъ, если докажутъ, что договоръ нарушенъ. Итакъ въ этомъ искѣ убійство является какъ обстоятельство, нарушающее договоръ, которое обязаны истцы доказать, чтобъ требовать уплаты „заповѣди" [1].

b) Наконецъ, кромѣ татьбы и разбоя, которые сначала судились гражданскимъ судомъ, „если истцы бьютъ челомъ именно безъ поличнаго и безъ язычной молки и не по лихованнымъ обыскамъ", и уже потомъ уголовнымъ, „будетъ въ Судномъ приказѣ сыщется, что тѣ дѣла разбойныя дошли до пытокъ"—всѣ спорныя дѣла судились однимъ судомъ, а не двумя. Поэтому, если два дѣла, уголовное и гражданское, сливались въ одно, то оба судились или однимъ уголовнымъ, или однимъ гражданскимъ судомъ.

Судомъ разбирались и рѣшались дѣла:

a) О правахъ вещныхъ. О правѣ собственности на землю или потчину [2], строеніе [3], на крестьянъ и бобылей [4], на холопей [5], домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, птицъ и всѣ движимыя, даже покраденныя и разбоемъ взятыя, когда законъ, по какой бы то ни было причинѣ, запрещалъ вчинять о нихъ уголовный процессъ [6]; о пра
чужую вещь; о вещныхъ гражданск
вилюстяхъ (servitutes reales) [7]; зак

b) О правахъ по обязательствамъ.
обязательствамъ вслѣдствіе догово
займѣ [9]), ссудѣ [10]), поклажѣ [11]), най
вообще всякаго рода обязательствам
шимъ изъ договора [13]). 2) По обязател
вслѣдствіе преступленія: о брани
чести [15]), боѣ, увѣчьи и ранахъ [16]),
жѣ [17]), поджогѣ [18]), насильствѣ [19]), разор
вообще о всякаго рода обидахъ [20])
кахъ [22]).

II. Очныя ставки [23]). Очныя

---

[1]) Замѣчательно, что по убійствамъ, о которыхъ упоминается въ Уложеніи, гл. VII, ст. 30, гл. X, ст. 188, и гл. XXII, ст. 17, убійцы, кажется, не отсылались въ Разбойной приказъ для пытокъ. Съ перваго взгляда это противорѣчитъ гл. XXI, ст. 40 Уложенія, но на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ. Убійцы, о которыхъ говорится въ этихъ статьяхъ, не подходятъ подъ категорію обѣдъ, упоминаемыхъ въ XXI главѣ Уложенія. Во-1-хъ, имѣетъ ихъ обнаруживалъ уже судомъ, во-2-хъ, они не принадлежали къ числу татей или разбойниковъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что если эти убійцы были схвачены на самомъ преступленіи и представлены въ Судный приказъ, то они судились бы судомъ уголовнымъ. Улож. гл. XXI, ст. 69, 71, 73.

[2]) Улож. гл. X, ст. 211, 212, 213, 236, 244,—гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 35—гл. XVIII, ст. 38.

[3]) Улож. гл. X, ст. 241.

[4]) Улож. гл. XI, ст. 2, 3, 7, 8, 10, 12, 17, 21, 25, 27, 28, 29, 34;—гл. XIX, ст. 8;—гл. XX, ст. 6.

[5]) Улож. гл. XVIII, ст. 38,—гл. XIX, ст. 38;—гл. XX, ст. 2, 20, 25, 28, 29, 47, 54, 55, 57, 59, 60, 67, 70, 73, 81, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 101, 105, 109, 111, 119

[6]) Улож. гл. XI, ст. 14, 25, 29, гл. XX
55, 57, 67, 91, 93, 96;—гл. X, ст. 285;—гл
49, 51, 52, 59, 88, 91, -гл. XXIV, ст. 3 (
другія статьи, особливо изъ главъ X

[7]) Улож. гл. X, ст. 238, 279

[8]) Улож. гл. X, ст. 194, 197, гл. XVII,

[9]) Улож. гл. X, ст. 189, 245, 246, 247, 2
261; гл. XIX, ст. 18.

[10]) Улож. гл. X, ст. 189;—гл. XI, ст. 28,
ст. 39;—гл. XIX, ст. 18.

[11]) Улож. гл. X, ст. 189, 190, 192, 194,
ст. 39.

[12]) Улож. гл. X, ст. 274.

[13]) Улож. гл. X, ст. 133, 135, 141, 193, 2
гл. XI, ст. 23.

[14]) Улож. гл. IX, ст. 3.

[15]) Улож. гл. X, ст. 29, 30, 31, 85, 90,
136, 142, 280, 281; -гл. XXII, ст. 11, 17,
ст. 3.

[16]) Улож. гл. IX, ст. 3,—гл. X, ст. 134,
186, 207, 281,—гл. XVIII, ст. 39,—гл. XXII,

[17]) Улож. гл. VII, ст. 32; -гл. IX, ст. 3,-
136, 179, 186, 270;—гл. XVIII, ст. 39,—гл.
4, 65.

[18]) Улож. гл. X, ст. 223,—гл. XX, ст. 4.

[19]) Улож. гл. VII, ст. 6, 30, -гл. X, ст.
210, 216, 218, 220, 221, 222, 231, 238, 2
Насильственное захватное чужой земли и
убытки бой, грабежъ и смертныя убійства, со
при этомъ завладѣнія, по царскому наказу
царя (№ 1074 г. п. 67, велѣно судить ро
очными ставками.

[20]) Улож. гл. XX, ст. 4.

[21]) Улож. гл. VII ст. 6,—гл. X, ст. 184,

[22]) Улож. гл. VII ст. 6, 7;—гл. IX, ст. 1
X, ст. 118, 133, 140, 142, 155, 207, 208,
214, 217, 221, 223, 238, 240, 242, 281, 284

[23]) Источники для ученія объ очныхъ ст
спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ чрезвычай
Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться
грамотами и судными списками по спор
ственнымъ и вотчиннымъ дѣламъ изъ времени
и потому должны были ограничиться немно
ями Уложенія, въ которыхъ упоминается о
ставкахъ, немногими извѣстіями въ Но
статьяхъ, и наконецъ однимъ рукописнымъ с
мотромъ 1678 года, изъ 31-го, нынѣ хра

гражданскаго судопроизводства,
ственный характеръ. По суще-
онѣ суть не что иное, какъ об-
форма судопроизводства, и въ
ѣ не различаются отъ суда. На-
нѣкоторымъ внѣшнимъ призна-
олжны быть причислены къ фор-
наго, инквизиционнаго процесса.
ки суть слѣдующіе:
ми ставками называется форма
процесса, которая вмѣстѣ съ раз-
пыткою образуетъ то, что въ пе-
ніи носитъ техническое названіе
Въ источникахъ судъ никогда не
очными ставками и очныя ставки
эти названія вездѣ различаются [1].
порнымъ гражданскимъ дѣламъ,
дились очными ставками, присяга
лась, а въ дѣлахъ, судимыхъ су-
га была обыкновеннымъ и весьма
льнымъ доказательствомъ.
очныхъ ставокъ истцы и отвѣт-
подавать въ свое оправданіе до-
ныя челобитныя, и онѣ принима-
ображеніе при рѣшеніи спорнаго
остѣ суда такихъ дополнитель-
тенъ принимать не велѣно (Улож.
21).
ецъ по дѣламъ, рѣшаемымъ очными
ъ виновнаго не взимались судныя
).
признаки, по которымъ судъ отли-
очныхъ ставокъ, и самое названіе
доказываютъ, что онѣ не состa-
дѣльной формы судопроизводства
ставокъ, которыя употреблялись
омъ процессѣ; ибо въ XXI главѣ
не упоминается при очныхъ стак-
сяхъ, пошлинахъ съ подсудимыхъ
шнихъ обвиняемаго въ подачѣ до-
ныхъ челобитенъ. Поэтому весьма
что очныя ставки форма уголов-
роизводства перенесены на нѣ-
порныя гражданскія дѣла, соотвѣт-
характеромъ этихъ дѣлъ, и сами
мало-по-малу обратились въ форму гражданскаго судопроизводства.

Возможность такого измѣненія заключается въ самомъ существѣ ихъ. Вѣроятно въ нихъ прежде соединялись оба элемента судопроизводства: обвинительный и слѣдственный. Между тяжущимися происходилъ на очныхъ ставкахъ споръ въ присутствіи судьи. Къ этому обвинительному началу присоединялось и слѣдственное: судья разспрашивалъ тяжущихся. Поэтому во многихъ мѣстахъ Уложенія, гдѣ говорится объ очныхъ ставкахъ, упоминается о разспросѣ [2].

Двоякій характеръ очныхъ ставокъ объясняетъ причину, почему эта форма судопроизводства стала употребляться въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ (помѣстныхъ и вотчинныхъ), тогда какъ для нихъ издревле существовалъ судъ. Вѣроятно (хотя мы и не имѣемъ на то положительныхъ, историческихъ указаній) изъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ помѣстныя начали сперва судиться очными ставками. Помѣстья были земли государевы; поэтому споры о помѣстьяхъ имѣли болѣе государственный, нежели частный, гражданскій характеръ. По Уложенію, дѣла о помѣстьяхъ судились очными ставками, дѣла о вотчинахъ судомъ [3]. Но потомъ, когда помѣстья начали мало-по-малу принимать болѣе частный, гражданскій, вотчинный характеръ, очныя ставки стали употребляться и въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ. Вслѣдствіе этого, отношеніе между судомъ и очными ставками сдѣлалось неопредѣленнымъ. Возникъ вопросъ: въ какихъ случаяхъ судить спорныя вотчинныя и помѣстныя дѣла судомъ, и въ какихъ очными ставками? Изъ новоуказныхъ статей, въ которыхъ рѣшенъ этотъ вопросъ, видно, что очныя ставки мало-по-малу замѣнили судъ въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ [4]. Въ

Никитичу Лопухину на помѣстье въ Кур-
дѣ.
XX, ст. 25, — 1683 года, 13 іюня (№ 1022);
боярскимъ приговоромъ, 1683 года, 3 мая
менный — 1683 года, 22 іюня (№ 1029);
боярскимъ приговоромъ.
13 іюня (№ 1022) именный съ бояр-
воромъ. — 1683 года, 3 мая (№ 1010)

[2]) Техническое выраженіе *ставити съ очей на очи и разпрашивати*. См. Улож. гл. X, ст. 7 — гл. XX, ст. 14 — гл. XXV, ст. 15 и др.

[3]) Улож. гл. XVI, ст. 51, 59.

[4]) Въ періодъ времени отъ Уложенія до царствованія Петра Великаго появился слѣдующее правило, опредѣлявшее отношеніе между судомъ и очными ставками въ спорныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ: право на помѣстье или вотчину должно разбираться и рѣшаться очными ставками, а связанныя съ этимъ денежныя требованія и обязательства (напр. кабалы) — судомъ. 1677 года, 10 августа (№ 760). Изъ указныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ, и 31 — 1683 года, іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ.

1683 году, 8 мая, именнымъ указомъ, запрещено въ Помѣстномъ приказѣ судить дѣла очными ставками, а вмѣсто ихъ велѣно давать сухъ, „для того чтобъ пошлинныя деньги не пропадали, а истцомъ не повадно бъ было затѣвать и неправдою исковъ своихъ лишку приписать". Но въ томъ же году, 13 іюня, спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла опять велѣно судить по прежнему очными ставками. Это положеніе удержалось до 1697 года.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о розыскѣ и его отношеніи къ спорнымъ гражданскимъ дѣламъ. Слово розыскъ имѣетъ много различныхъ значеній и поэтому есть одинъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ терминовъ. Оно дѣлается употребительнымъ, кажется, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михаиловича. Въ Уложеніи оно встрѣчается только одинъ разъ, въ главѣ XVI, ст. 23, но вмѣсто его вездѣ употребляются въ Уложеніи слова сыскъ, сыскати, сыщется.

Оно означаетъ:

1) Удостовѣреніе въ подлинности какого-либо факта, на основаніи судебныхъ доказательствъ. Отсюда выраженія: „сыскать кѣмъ-либо" или „чѣмъ-либо" (Улож. гл. II, ст. 12;—гл. XX, ст. 24); „сыщется по прямѣ" (Улож. гл. XX, ст. 24); „по сыску" (Улож. гл. XX, ст. 15, 21); „сыскивати всякими сыски накрѣпко" (гл. II, ст. 16), и т. д.

2) Уголовное судопроизводство.

„Кому съ кѣмъ по чьему челобитью въ Помѣстномъ приказѣ повелется въ чемъ давать очныя ставки, и тѣмъ людемъ, вмѣсто очныхъ ставокъ межъ сеня во всякихъ дѣлахъ, или съ кѣмъ, кромѣ татиныхъ и разбойныхъ и иныхъ тѣхъ, подобныхъ имъ, которыя надлежатъ къ розыску, давать судъ".

1684 года, 3 мая (№ 1010), именный.

3) Нѣкоторыя мѣста изъ Новоуказныхъ статьяхъ позволяютъ повелѣть думать, что розыскъ былъ формою судопроизводства, которою судились дѣла гражданскія.

„Для челобитья всякихъ чиновъ людей про отдаточныя записи розыскивать въ Помѣстномъ приказѣ безъ суда".

1677 года, 20 августа (№ 700). Новоуказныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ, ст. 6).

„На которыя книги и закладныя учинятся спору и челобитье, и про то будутъ записи и закладныя розыскивать, и суде повелѣно давать и очныя ставки".

1684 года, 7 февраля (№ 1060), и
съ боярскимъ приговоромъ. Ср. также
апрѣля (№ 1074), п. 1; Писцовый
1682 года, 11 августа (№ 951); именны
ярскимъ приговоромъ.

На основаніи этихъ мѣстъ вѣро
образовалось мнѣніе, будто бы кр
дѣла судились слѣдственнымъ порядко
видно, ошибка заключается въ непра
толкованіи слова розыскъ, ибо изъ
ныхъ мѣстъ видно только, что въ
рыхъ случаяхъ гражданскія дѣла су
рѣшались безъ суда; тяжущіеся
лись на лицо передъ судьею, а
просьбы и представляли въ доказа
иска крѣпости. Въ періодъ Уложе
пости на невижимыя только тогда
лись дѣйствительными, когда онѣ б
сены въ приказахъ въ записныя кни
утверждены присутственнымъ мѣстом
гл. XVI, ст. 12;—гл. XVII, ст. 34,
1670 года, 21 іюня (№ 475); име
боярскимъ приговоромъ). Такимъ о
когда тяжущіеся о вотчинѣ или дво
ставляли судьямъ крѣпости на
основывали свой искъ, судьи розы
т.-е. справлялись въ записныхъ книг
сены ли въ нихъ представленныя
и поэтому принимали ихъ за доказа
или объявляли недѣйствительными.
въ приведенныхъ мѣстахъ подъ сло
зыскъ не только нельзя разумѣть с
наго судопроизводства, но онъ не
даже никакой формы судопроизводст

Нельзя опредѣлить времени, ко
гражданскія начали впервые рѣшат
суда. Вѣроятно, что такой порядокъ
первоначально въ отношеніи къ спор
самъ о помѣстьяхъ, что доказывает
что по крѣпостямъ розыскивали б
только въ Помѣстномъ приказѣ дѣла
ныя и вотчинныя. Всѣ прочіе кр
ности о займахъ, закладахъ, холопи
по прежнему судились судомъ.

Розыскъ безъ суда и очныя ставки
ным и вотчиннымъ дѣламъ мѣш
самомъ имѣніи, по видимому пр
ственно. Какъ тутъ, въ большей ч
ли въ розыскѣ предшествовалъ очны
ками, это показываетъ выраженіе:
вать судье повелѣно давать очныя
Слѣд. въ такихъ дѣлахъ, когда р
мости было рѣшать споръ. Г-нъ
говоритъ въ своемъ сочиненіи (Ист

рѣніе помѣстныхъ правъ и обязан-
ъ Россіи существовавшихъ. М., 1836.
что „при производствѣ спорныхъ
ихъ дѣлъ, по коимъ впрочемъ не
достаточно письменныхъ документовъ,
нно давали доносителю или истцу
ликомъ очныя ставки". Это поло-
жасти несправедливо, потому что,
ко изъ судныхъ грамотъ, очныя ставки
и тогда, когда тяжущіеся основы-
х права на письменныхъ актахъ.
ожетъ, къ очнымъ ставкамъ прибѣ-
гда розыскъ не могъ рѣшить спора
ватку данныхъ (напр., когда записныя
орялись, сгорѣли и т. д.) и судьямъ
было повѣрять подлинности пред-
го письменнаго документа.

Отдѣленіе II

ІЕ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗ-
ВОДСТВА.

(ходъ процесса).

ие каждаго гражданскаго процесса
на три рѣзко обозначенныхъ отдѣла
да. Первый отдѣлъ начинается объ-
ъ (соглашеніемъ) иска, и продолжается
Онъ можетъ быть названъ пріуготов-
мъ, потому что всѣ дѣйствія, пред-
мыя въ продолженіе этого періода
ися и судьею для процесса, клонятся
только, чтобъ приготовить и сдѣ-
можнымъ начатіе, открытіе суда.
обнимаетъ судъ, отъ начала его и
ванія.
ть главная, основная, существенная
его судопроизводства; ибо для него
имаются судьею и тяжущимися упо-
ами предварительныя дѣйствія. На-
третій отдѣлъ начинается съ окон-
а и оканчивается исполненіемъ при-
го спорному дѣлу. Онъ есть не что
развитіе, осуществленіе суда. Итакъ
узелъ, связующій всѣ части судо-
ства и дающій органическую, строй-
ость всему гражданскому процессу.
основаніи мы раздѣлимъ ученіе о
жданскаго судопроизводства на три
Въ первой изложимъ развитіе граж-
судопроизводства до суда; во вто-
витіе его въ продолженіе суда, въ
развитіе послѣ суда.

А.

Развитіе гражданскаго судопроизводства до суда.

I.

Приставная память.

Процессъ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ начинался подачею приставной памяти.

Подъ именемъ приставной памяти должно разумѣть письменное объявленіе о вчинаніи иска. Оно подписывалось истцомъ (Улож. гл. X, ст. 137) и подавалось имъ въ тотъ судъ, которому былъ подсуденъ отвѣтчикъ. Въ этомъ объявленіи означались: искъ, который намѣренъ былъ вчинять истецъ, и цѣна иска (Улож. гл. X, ст. 100), имя истца, имя отвѣтчика. Приставная память была не что иное, какъ предварительное увѣдомленіе судьи о тяжбѣ, которую истецъ намѣревался начать съ извѣстнымъ лицомъ. Такое увѣдомленіе было необходимо для того, чтобъ судья могъ сдѣлать нужныя распоряженія для открытія и начатія суда: вызвать отвѣтчика и дать его на поруки. Подача приставной памяти необходимо должна была предшествовать вчинанію гражданскаго иска, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отвѣтчикъ былъ на лицо въ судѣ, и слѣд. не было нужды вызывать его, а именно: 1) когда истецъ, тотчасъ же по окончаніи суда въ одномъ дѣлѣ, вчинялъ противъ того же отвѣтчика другой искъ (Улож. гл. X, ст. 103); 2) когда немедленно по окончаніи суда отвѣтчикъ, „не сходя съ суда", объявлялъ искъ противъ истца. Такъ по Уложенію.

Возможность вчинять искъ безъ подачи приставной памяти подавала поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Проигравшій процессъ нерѣдко, съ досады, вчинялъ противъ своего противника „недѣльные, поклепные иски" для того только, чтобъ вовлечь его въ хлопоты и издержки и тѣмъ отмстить за свою неудачу. Чтобъ отвратить это, постановлено общимъ правиломъ, что вообще гражданскій искъ не можетъ быть вчиненъ, если онъ предварительно не объявленъ въ приставной памяти. Кто намѣревался вчинять противъ одного и того же лица нѣсколько исковъ вмѣстѣ, тотъ долженъ былъ всѣ эти иски показать въ приставной памяти; который

искъ былъ пропущенъ въ приставной памяти, въ томъ не вельно давать суди. О встрѣчныхъ искахъ отвѣтчикъ долженъ былъ подавать приставную память „въ то время, какъ онъ станетъ по себѣ поручную запись въ статьѣ къ суду сбирать". По встрѣчнымъ искамъ, не показаннымъ въ этой приставной памяти, также не вельно давать суда. Съ этого времени приставная память сдѣлалась необходимою принадлежностью гражданскаго иска, а не повѣсткою для вызова къ суду отвѣтчика. Она сдѣлалась объявленіемъ, явкою объ искѣ; поэтому иски, не обозначенные въ ней, назывался въ указѣ неявленными [1].

Названіе приставной памяти можетъ быть различно объясняемо. Оно происходитъ или отъ слова „приставить", что въ нашей древней юридической терминологіи значило „начинать искъ" (Улож. гл. X, ст. 111, 103, 179); или отъ „приставъ" чиновника, состоявшаго при судьяхъ, котораго главная должность состояла въ вызовѣ къ суду тяжущихся. Въ первомъ случаѣ слово приставная память могло значить: памятная записка о процессѣ; во второмъ — памятная записка для пристава [2].

Приставная память подавалась дьяку. Дьякъ подписывалъ ее, вносилъ въ записную книгу въ самый день подписанія, а потомъ или отдавалъ приставу, для вызова по ней къ суду отвѣтчика (Улож. гл. X, ст. 100, 137), или по ней давалась истцу на отвѣтчика государева заказная грамота.

II.

Вызовъ къ суду.

Вызовъ къ суду изложенъ очень обычно, неопредѣленно, съ противорѣчіями и несообразностями. Всѣ эти недостатки объясняются тѣмъ, что Уложеніе, по главному своему назначенію, есть Уложеніе Москвы. Поэтому въ немъ излагается вызовъ къ суду въ московскіе приказы, и притомъ не одинъ, а два различныхъ вызова: 1) въ самой Москвѣ, 2) изъ городовъ „къ Москвѣ".

1) Для вызова отвѣтчиковъ къ суду въ періодъ Уложенія особенные [illegible] въ Москвѣ они были при каждомъ приказѣ, въ городахъ при воеводахъ (Акт. Юрид. въ волостяхъ при волостныхъ судьяхъ Юрид. № 283). Эти чиновники вообще назывались *приставами* [3], но между ними различіе.—Въ Москвѣ, одни приставались *недѣльщиками* [4]. Это названіе получили они отъ того, что они отправляли должность понедѣльно [5]; другіе назывались заговорщиками, потому что служили приставахъ по уговору съ недѣльщиками и были ихъ товарищи. Заговорщики назывались самими недѣльщиками „кто хочетъ" [6]; каждый недѣльщикъ имѣлъ двухъ заговорщиковъ (по Судебнику семь человѣкъ не болѣе. Судебникъ, § 47), которыхъ записывалъ въ книгу, „чтобы недѣльщикъ своихъ заговорщиковъ не отпирался

---

[1] 1682 года 17 ноября (№ 968); именный съ боярскимъ приговоромъ, помѣщенный думнымъ дьякомъ. Итакъ, отношеніе приставной памяти къ гражданскому иску сдѣлалось одинаково съ отношеніемъ письменной явки о покраденныхъ и разбоемъ взятыхъ движимыхъ (животахъ) къ уголовному иску объ этихъ движимыхъ. Улож. гл. XXI, ст. 31.

[2] Приставныя памяти, помѣщенныя въ Юридическихъ Актахъ, начинаются такъ: *память приставу*. См. №№ 55 и 56.

[3] Улож. гл. X, ст. 147. „*А быти недѣльщики всѣхъ приказныхъ* за вѣдомыми боярами".

[4] Улож. гл. X, ст. 118, 120, 123, 137, 1[illegible]

[5] Улож. гл. X, ст. 142.—Изъ неё видно, что *ставы* и *недѣльщики* одно и то же лицо. [illegible] 148 и мн. др.

[6] Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику примѣч. (6); Рейцъ, Versuch über die [illegible] Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsprechung, § 48, примѣч. 11.—Отсюда слѣдующія [illegible] *пустить въ недѣли*; какъ *недѣльщики* [illegible] *выдести*; *недѣли дѣлать*.—Суд. § 47.—Улож. ст 148. Поэтому сказано въ Судебникѣ: „А говорилъ учинить кому какову продажу, [illegible] а уличать его въ томъ, и тѣ иски всѣ взяти заговорщикахъ *того недѣли*". § 47.

[7] Улож. гл. X, ст 148. „А сколько у [illegible] ѣльщика будетъ товарищевъ, кому съ [illegible] ворѣ дѣлати".

[8] Улож. гл. X, ст 148. Знаніе недѣльщиков [illegible] порщиковъ было выгодное, полезное. Они [illegible] на трудъ извѣстную, закономъ опредѣленную [illegible] которая называлась *тожемствомъ*, когда приходилось [illegible] вать къ суду отвѣтчика, живущаго въ [illegible] *тожемство* недѣльщику въ *городѣ* имѣли [illegible] Улож. гл. X, ст 144), и *вѣдомо* („за [illegible] онъ жилъ въ уѣздѣ, или въ другихъ городахъ" [illegible] гл. X, ст 145). Именно потому, что должность [illegible] става была выгодна, многіе частные люди [illegible] городамъ и уѣздамъ подъ видомъ приставов [illegible] § 47). Съ другой стороны и недѣльщики [illegible] отказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ [illegible] порщиковъ, ибо были обязаны отвѣчать за [illegible] ному и постановлено еще въ Судебникѣ, а [illegible] въ Уложеніи сіи слова „сколько у которо[illegible] щика будетъ товарищевъ, кому съ нѣмъ [illegible] д.

дѣльщикъ, или одинъ изъ его заго-
ъ, наноситъ кому-нибудь убытки, то
отвѣчали всѣ прочіе заговорщики.
ъ образомъ недѣльщикъ и его заго-
были связаны съ нимъ и между
анимымъ довѣріемъ и отвѣтствен-
).

ставъ посылался съ приставною па-
ъ отвѣтчику. - Когда область, под-
сковскимъ приказамъ, была не слиш-
ика, такой вызовъ отвѣтчика посред-
пристава не представлялъ никакого
ія. Но съ расширеніемъ области
женъ былъ сдѣлаться затруднитель-
держки по вызовамъ и число приста-
жны были увеличиться. Чтобъ не
особаго пристава по каждому от-
иску, въ Судебникѣ дозволено было
ъ одну приставную память до двад-
овъ (Судебникъ, § 44).

а должна была происходить большая
ка для истцовъ; вызовъ къ суду нѣ-
отвѣтчиковъ долженъ былъ отъ
роисходить несравненно медленіе,
слибы по каждому иску посылался
й приставъ. Несмотря на всѣ эти не-
вызовъ тяжущихся въ Москву по-
мъ пристава продолжался весьма
ъ Судебникѣ есть роспись городовъ
каго государства (§ 46), въ которые
ходы посылались приставы; изъ нея
что уже въ то время нѣкоторые изъ
городовъ отстояли отъ Москвы на
сять и болѣе. Съ дальнѣйшимъ рас-
ъ границъ Русскаго царства эти раз-
енія увеличились, и вызовъ къ суду
ъ приставовъ долженъ былъ сдѣ-
акъ неудобенъ, что наконецъ прави-
нашло себя принужденнымъ замѣ-
другимъ. Этотъ новый вызовъ къ
ался на самихъ истцовъ, слѣд.
стили; но онъ получалъ публичный
ъ выдачею истцу на этотъ вызовъ
ительства грамоты, которая назы-
ъ Уложеніи заказною. Когда обра-
этотъ новый способъ вызова къ суду—
наемъ: вѣроятно въ періодъ времени
отъ Судебника до Уложенія; ибо въ Судеб-
никѣ объ немъ не упоминается, а въ Уло-
женіи онъ является развитымъ и установив-
шимся.

Вслѣдствіе образованія новаго вызова къ суду, прежній не уничтожился, но, кажется, ограничился; ибо отвѣтчиковъ, живущихъ въ отдаленныхъ городахъ, прежде вызывали посредствомъ приставовъ, а теперь стали вызывать посредствомъ заказныхъ грамотъ [2]).

Однако неизвѣстно, какими именно городами ограничился прежній вызовъ къ суду; вѣроятно тѣми, которые находились въ ближайшемъ разстояніи отъ Москвы. За среднее разстояніе такихъ городовъ отъ Москвы принято въ Уложеніи 100 верстъ, но на самомъ дѣлѣ оно могло быть и больше и меньше [3]).

Изложимъ каждый изъ этихъ вызововъ къ особенности.

а) Вызовъ къ суду посредствомъ пристава.

На приставѣ, посылаемомъ для вызова къ суду отвѣтчика, лежала двоякая обязанность: объявить отвѣтчику приставную память и дать его на поруки къ суду.

„... отдати (приставную) память приставу, а ему по той памяти сыскавъ отвѣтчика, дати на поруки и къ суду отвѣтчика срочити безволокитно“.

„А котораго отвѣтчика въ городѣ приставъ не сыщетъ, и приставу по того отвѣтчика идти къ его двору, и по приставной памяти дати его на поруку къ суду по тому же безволокитно“ (Улож. гл. X, ст. 137).

„А будетъ который отвѣтчикъ учнетъ у пристава укрыватися, и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и приставу, взявъ съ собою товарищей, стеречь у двора его день и два и три. Да какъ тотъ отвѣтчикъ самъ, или человѣкъ его, или дворникъ со двора сойдетъ, и того отвѣтчика, или человѣка его, или дворника, приставу взявъ привести въ приказъ, и сказати про него судьямъ; а судьямъ его потому же велѣти дати на поруки къ суду“ (Улож. гл. X, ст. 138).

„А будетъ приставъ по приставной памяти отвѣтчика или его людей поимлетъ у

---

[1]) названія *недѣльщика* и *поворщика*, въ
ѣсь другихъ названій для пристава. Но въ
къ источникахъ до Судебника такихъ на-
*подвойскіе, позовники, доводчики, собы-
ики, разсыльщики, хожіи, вожи*. См.
rasch o. a. w., § 48, примѣч. 4) Судебникъ,

[2]) Изъ Судебника мы видимъ, что въ Бѣлоозеро по-
сылали приставовъ (§ 46), а въ 1694 году, по отвѣт-
ковъ, живущихъ въ этомъ городѣ, давали заказныя
грамоты. См. Юридическіе Акты № 17.

[3]) Улож. гл. X, ст. 148. „А буду недѣльщиком
имати на сто верстъ не потщѣ, а гдѣ будетъ верстъ
больши, или меньши 100, и на тѣ версты буду имати
противъ того же, по розчету“

воротъ его, или гдѣ на улицѣ, и станетъ по немъ просити поруки къ суду, или поведетъ его въ городъ, и тотъ отвѣтчикъ, или человѣкъ его у пристава отобьются, и приставу въ томъ мѣстѣ, гдѣ они у него отобьются, являти на нихъ окольнымъ людемъ и имена окольнымъ людемъ записавъ подати въ приказѣ судьямъ за своею рукою. А судьямъ велѣти тѣми окольными людьми сыскати. Да будетъ окольные люди въ сыску скажутъ, что они то видѣли, какъ тотъ отвѣтчикъ и люди его у пристава отбилися, и по того отвѣтчика послати подъячего отъ мѣста добраго, да съ нимъ того же пристава, кто по него ходилъ, и велѣти имъ, не доходя его двора, взяти съ собою понятыхъ, тутошнихъ сторонвихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, и съ тѣми понятыми велѣти имъ идти къ нему на дворъ, и на дворѣ ему приставную память вычесть и выговорити ему, что онъ то учинилъ не гораздо, отъ пристава отбился, и по приставной памяти поруки по себѣ не далъ; а выговоря ему велѣти его по приставной памяти приставу дати къ суду на поруки, а безъ поруки его не отпускати. Да будетъ онъ поруки по себѣ не дастъ и въ городъ не пойдетъ, и въ свое мѣсто не пошлетъ, учинится приставу силенъ, и отбився отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ въ отчину или въ помѣстье, и у него взяти съ двора людей его или дворника, и велѣти ихъ дати на поруку, что имъ того своего боярина поставити въ приказѣ на срокъ, и въ томъ имъ дати повертной срокъ по указу. Да будетъ тѣ люди по себѣ порука сберутъ, и имъ велѣти быти до сроку за поруками. Да будетъ тотъ ихъ бояринъ для ихъ въ приказѣ объявится, и на него истцу дати судъ по челобитной" (Улож. гл. X, ст. 139).

„А будетъ по тѣхъ людехъ, которые послѣ его взяты будутъ въ приказъ съ двора его, поруки не будетъ, и тѣхъ его людей держати въ приказѣ до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ самъ объявится. А будетъ онъ не объявится долгое время, хотя тѣмъ истца своего наволочити, а истецъ учнетъ бить челомъ, чтобы по него въ помѣстье его или въ вотчину послати пристава, и велѣти его приставу привести къ отвѣту къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ, за поруками. А какъ приставъ къ Москвѣ его привезетъ, и ему за ослушаніе учинити наказаніе, что Государь укажетъ. А истцу на него дати судъ" (Улож. гл. X, ст. 140).

„А будетъ тотъ отвѣтчикъ у пристава и въ деревнѣ ухоронится, или учинится и приставу въ его мѣсто привести человѣка, или его крестьянина, же. А будетъ у кого людей и крестьян и взяти ему съ собою будетъ нево ставу о томъ въ приказѣ подати до за своею рукою [1]). А судьямъ по той памяти по того ослушника вс другіе иного пристава, а къ Воевод городъ, гдѣ тотъ ослушникъ живетъ Государева грамота, чтобы Воевода ослушника приставу далъ стрѣльцов карей и затинщиковъ, сколько челов гоже, чтобы приставу было съ кѣм ослушника изъимати. Да какъ прист ослушника изъимавъ къ Москвѣ и тому ослушнику за его ослушанье наказаніе... А въ иску на него ис судъ".

„А будетъ такой непослушникъ также и въ третье, у пристава ух или учинится приставу силенъ, а онъ сыщется, и по немъ истцовъ правити безъ суда" (Улож. гл. X,

Такія правила вызова наблюдали ответчикъ укрывался отъ пристава, калъ по себѣ поруки. Они относ Москвѣ и московскимъ жителямъ, к изъ самаго ихъ изложенія и изъ судьи, приказъ, которыя относил имущественно къ московскимъ при судьямъ. Тѣ же самыя правила вѣ роятно дѣйствовали и во всѣхъ пр и городахъ, быть можетъ только с рыми измѣненіями по мѣстнымъ Отвѣтчика, который не скрывался вался отъ пристава, отдавалъ пр поруки.

Подъ именемъ „поруки къ суду гл. X, ст. 135), „поруки въ статьѣ (гл. X, ст. 205), разумѣется въ наш нихъ памятникахъ обезпеченіе яв чика къ суду, состоящее въ личном тельствѣ. Ручались обыкновенно а многіе; ихъ представлялъ или са чикъ („давать по себѣ поручную ст. 111), или вызывалъ приставъ по комъ поручную", ст. 111); назыв

[1]) Здѣсь *долгъ* означаетъ донесеніе о по которымъ порученіе не можно быть ис кой себѣ подавалъ приставъ въ свое опр Юридическихъ актахъ (№ 365) помѣщено ѣзныхъ памятей, но ни одна изъ нихъ не къ гражданскому судопроизводству.

ми (ст. 121). Предметъ поруки
ъ различенъ: иногда поручики
ько въ явкѣ къ суду [1]), иногда
о отвѣтчикъ будетъ являться къ
судъ окончится („ставиться по
жамѣетъ дѣло вершится“) [2]). Въ
полненіи отвѣтчикомъ того, въ
ись за него поручики, всѣ они
каждый въ особенности, обязыва-
ь штрафъ (пеню) [3]), истцовъ искъ
Обо всѣхъ этихъ условіяхъ по-
нялась запись, которая, по сво-
анію, и называлась поручной
X, ст, 111, 131). Она писалась
подъячими и дьячками, и под-
поручиками и свидѣтелями (по-
въ ней необходимо должно было
но число, въ которое она состав-
у что съ этого числа считался
срокъ, въ который отвѣтчикъ
ть явиться къ суду (Улож. гл. X,

леніи отвѣтчику приставной па-
отобраніи поручной записи, при-
ся въ приказъ, изъ котораго былъ
доносилъ объ исполненіи своего
Это донесеніе называлось сказ-
ывалось въ приказѣ (Улож. гл. X,
Поручную запись долженъ былъ
ристав къ дьяку никакъ не позже
я послѣ ея составленія; на ней
чалъ годъ, мѣсяцъ и число, въ ко-
представлена [4]). Вѣроятно, она от-
томъ подъячему, у котораго долж-
раниться судное дѣло, ибо то же
зводство соблюдалось при соби-
ныхъ съ суда, о которыхъ мы бу-
ать въ послѣдствіи (Улож. гл. X,

ъ къ суду посредствомъ заязныхъ

къ суду посредствомъ заязныхъ
изводился иначе, нежели вызовъ
ъ пристава. Въ послѣднемъ случаѣ
зывалъ чиновника, посылаемый

ские акты № 307, III, V, VI.
I, IV, VIII. — Улож. гл. X, ст 140.
III, V, VI, VII.
II, IV, VII. — Улож. гл X, ст. 115, 116,
правити истцовы иски на поручникахъ,
чики будутъ въ лицахъ“.
учныя записи, напечатанныя въ Юрид.
7.
. 27 января (№ 1363); именный съ бояр-
ромъ.

изъ приказа; въ первомъ — самъ истецъ, или кто другой, по его приказанію.

Заязныя грамоты давались истцамъ по ихъ просьбѣ, изъ приказовъ, на отвѣтчиковъ, живущихъ не въ Москвѣ, а по городамъ (Улож. гл. X, ст. 156). Онѣ писались на имя воеводы того города, или уѣзда, гдѣ жилъ отвѣтчикъ; въ нихъ обозначалось имя истца, имя отвѣтчика, искъ, о которомъ подана истцомъ приставная память, и наконецъ заключалось повелѣніе воеводѣ, по полученіи грамоты, сыскать отвѣтчика, дать его на поруки и велѣть ему явиться къ суду въ срокъ, означенный въ грамотѣ (Улож. гл. X, ст. 116). Эти грамоты подписывались дьякомъ, справлялись, и потомъ выдавались истцу [1]). Истецъ посылалъ съ ними своего человѣка къ означенному воеводѣ. По передачѣ грамоты на ней отмѣчалось, кто и когда подалъ воеводѣ грамоту, и число, въ которое она записана въ книгу (Юрид. акты, № 57). По объявленіи отвѣтчику вызова, и по собраніи по немъ поручной записи, воевода посылалъ въ Москву, въ тотъ приказъ, который былъ означенъ въ заязной грамотѣ, донесеніе объ исполненіи по грамотѣ (отписку) и поручную по отвѣтчикѣ [2]).

„А которые люди въ городѣхъ учнуть чинитися сильны, на поруки даватися не учнуть, и воеводы учнуть на нихъ писати къ Государю, и по тѣмъ Воеводскимъ отпискамъ посылати въ городы Государевы грамоты къ Воеводамъ и велѣти по тѣхъ ослушниковъ посылати стрѣльцовъ, и пушкарей и затинщиковъ многихъ людей изъ ѣзду, и велѣти ихъ сыскивая приводити въ городъ. Да какъ такихъ ослушниковъ сыскавъ въ городъ приведутъ... и съ тѣхъ городовъ высылати ихъ за поруками къ Москвѣ. А какъ они на Москвѣ въ приказѣ объявятся, и имъ за ослушаніе чинити наказаніе... а судъ на нихъ давати по челобитнымъ“ (Улож. гл. X, ст. 119).

Если отвѣтчикъ „чинился силенъ“ противъ стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, то они подавали о томъ воеводамъ доѣздныя памяти, подписанныя ими самими и понятыми. Воеводы доносили о томъ въ Москву, въ при-

[1]) Юрид. акты, № 57. — Отсюда выраженіе *дати по него истцу Государеву заязную грамоту* Улож. гл. X, ст 111. 117.

[2]) Юридическіе акты, № 57. — Улож. гл X, ст. 115, 117, 119, 120.

кать, изъ котораго была послана заказная грамота, и къ донесенію (отпискѣ) прилагали доѣздныя памяти. Тогда давалась истцу новая заказная грамота, быть можетъ по новой просьбѣ истца, какъ мы можемъ заключать изъ характера заказныхъ грамотъ вообще, быть можетъ по распоряженію приказа, безъ просьбы истца, одинаково съ трикратною посылкою пристава за непокорнымъ отвѣтчикомъ.

„А будетъ по которыхъ отвѣтчиковъ кому дана будутъ Государевы заказные три грамоты, а они изъ городѣхъ учинятся сильны, по Государевымъ по тремъ грамотамъ поруки по себѣ недадутъ, и о томъ ихъ непослушаніи къ Государю Воеводы отпишутъ противъ всѣхъ трехъ грамотъ, и подъ отписками своими пришлютъ доѣздные памяти за руками тѣхъ людей, которые по нихъ изъ городовъ посланы будутъ, и за руками же сторонніхъ людей, которые сторонніе люди будутъ къ понятымъ, и сыщется про то допрама, что тѣ отвѣтчики вправѣ по тремъ Государевымъ грамотамъ учинятся непослушны, на поруки не дались, и по такихъ отвѣтчиковъ съ Москвы послати приставовъ, и велѣти ихъ изъ городовъ привозити въ Москвѣ и на Москвѣ тѣмъ ихъ винами, истцовы иски... правити на нихъ безъ суда“ (Улож. гл. X, ст. 120. Ср. ст. 118).

До сихъ поръ мы говорили о вызовѣ къ суду отвѣтчика, который не давалъ по себѣ поручной записи, но многіе давали и не являлись.

Объ нихъ постановлены въ Уложеніи особыя правила, различныя по различію мѣста жительства отвѣтчика.

1. Въ отношеніи къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ къ суду приставомъ наше законодательство было первоначально чрезвычайно строго. Если отвѣтчикъ, давъ по себѣ поручныя записи, не являлся къ суду въ срокъ по вызову къ иску. Такъ по [illegible] второмъ и третьемъ вызовѣ не упоминается ни слова.

Будетъ которой отвѣтчикъ въ исторіи [illegible] по своей поручной записи къ суду [illegible] и челобитья своего къ тѣмъ [illegible] и [illegible] будетъ [illegible]... а [illegible] ихъ [illegible] отвѣтчиковъ [illegible] статья [illegible] поручной записи, недѣлею“ (Улож. ст. 111).

Изъ этого правила въ Уложеніи одно только исключеніе:

„А будетъ кто ни буди въ истцо[illegible] по приставной памяти данъ будетъ [illegible] руки къ суду, и поручная запись [illegible] будетъ въ приказѣ, и по той поручной [illegible] велѣно ему стати къ суду на отс[illegible] срокъ, и онъ на отсрочной срокъ на[illegible] не станетъ, и въ свое мѣсто къ суду [illegible] не пришлетъ, а истецъ его учнетъ [illegible] бити челомъ Государю, что онъ на [illegible] ной срокъ не сталъ, и тѣмъ его не [illegible] а дати по него истцу Государеву [illegible] грамоту“ (Улож. гл. X, ст. 114).

Подъ „отсрочнымъ срокомъ“ здѣсь [illegible] кается, разумѣть срокъ, назначаемый [illegible] Государевы службы“, т.-е. службы [illegible] дипломатической и по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ государемъ. На все время правленія этой службы, тѣ, которые [illegible] находились, освобождались отъ обязанности искать и отвѣчать по вчиненнымъ [illegible] на отвѣтчиковъ запрещалось давать [illegible] грамоты и посылать къ нимъ приставовъ [illegible] приставными памятями: тѣ, которые [illegible] уже вызваны, по явленіи ихъ [illegible] освобождение отъ иска и отвѣта по [illegible] гражданскимъ дѣламъ на извѣстное [illegible] назывались отсрочкою, а срокъ, [illegible] прекращалась отсрочка, и который [illegible] назначался въ указѣ объ отсрочкѣ, [illegible] нымъ срокомъ (Улож. гл. X, ст. [illegible]

Ст. 114 это исключеніе относилось [illegible] къ тѣмъ которые служили службу [illegible] дипломатическую или по особымъ [illegible] нымъ возлагаемымъ государемъ.

„А будетъ тотъ отвѣтчикъ и по [illegible] розѣ заказной грамотѣ къ отвѣту [illegible] нетъ же и въ свое мѣсто никого [illegible] шлетъ же, а поручная запись по [illegible] детъ прислана, и про тѣмъ безъ суда [illegible] нити же и дати по него Государеву [illegible] грамоту. А будетъ онъ и по [illegible] другой грозѣ не станетъ же и [illegible] мѣсто не пришлетъ, и поручная запись по немъ будетъ [illegible] же и про то истецъ ему тѣмъ [illegible] безъ суда“ (Улож. гл. X, ст. 115).

2. Въ отношеніи къ отвѣтчикамъ [illegible] посылаемымъ къ суду заказной грамо[illegible] которые служатъ въ Уло[illegible] [illegible]

...ѣть кто по первой заѣзжей гра-
...отвѣту не станетъ, и въ свое мѣсто
... пришлетъ, а поручная запись по
...ѣть прислана, и истцу дати по него
...заѣзжая грамота... А будетъ онъ и
... заѣзжей грамотѣ ко отвѣту не
...е, и въ свое мѣсто никого не при-
...ъ и по него дати третья грамота...
...онъ и по третьей грамотѣ не ста-
...и въ свое мѣсто ко отвѣту никого
...ѣть, а поручная запись по немъ
...ристава же, и его въ истцовѣ иску
...нити, потому что онъ по тремъ Го-
...ъ грамотамъ, давъ по себѣ поруку,
... не сталъ" (Улож. гл. X, ст. 117).
...побудительныя причины заставили
...льству смягчить обычную строгость
...рикамъ, не являвшимся по поручной
... именно къ отвѣтчикамъ, вызывае-
... заѣзжей грамотѣ—этого мы не
...есьма вѣроятно, что главнымъ осно-
...нужили справедливыя причины не-
...знь, бѣдность, служба, неожиданные
...е случаи, и т. д.), которыя до срока
...могли быть заявлены отвѣтчикомъ
...правданіе, и такимъ образомъ без-
...вергали его безсудному обвиненію [1]).
...ъ на отвѣтчика заѣзжей грамоты
...цъ не иначе, какъ мѣсяцъ спустя
...ка явки къ суду: ибо послѣ первой
...сѣивались въ пользу истца проѣсти
...ты „за мѣсяцъ"; послѣ второй „за
...есяцъ" [2]).
...правила о вызовѣ къ суду по Уло-

...оказныхъ статьяхъ" сдѣланы къ
...оторыя дополненія и измѣненія.
...лено: людей, взятыхъ въ приказъ
... непослушанія отвѣтчиковъ, дер-
...приказѣ недѣлю; послѣ недѣли ве-
...ылать за ними подъячихъ „доб-
... Въ Уложеніи этотъ срокъ не поло-
...жазано вообще: „долгое время". Въ
...я вызовъ еще сокращенъ: велѣно,
...ѣтчикъ укрывается отъ пристава,
...дей его и приводить въ приказъ,
...къ мѣсяцъ послѣ привода людей
... не явится самъ и не пришлетъ
...повѣреннаго, то обвинять въ искѣ

...ода, 4 ноября (№ 109), именный
...гл. X, ст. 115, 117
...ода, 17 ноября (№ 740), именный съ бояр-
...ворцомъ.

...безъ суда [3]). Вмѣсто недѣльнаго срока для явки къ суду отвѣтчиковъ по поручной записи, постановленъ мѣсячный срокъ. Кто въ мѣсяцъ по составленіи поручной записи не явится къ суду, тотъ обвиняется въ искѣ безъ суда [4]).

Другія дополненія касаются до вызова къ суду отвѣтчиковъ, живущихъ въ городахъ. По Уложенію, приставы посылались въ города за отвѣтчиками, которые не давали по себѣ поручной записи, послѣ трехъ заѣзжихъ грамотъ и трехъ воеводскихъ отписокъ. Въ судныхъ статьяхъ постановлено посылать пристава послѣ первой отписки: если такіе отвѣтчики скроются и отъ московскаго пристава, то онъ долженъ взять съ собою въ Москву людей его, одного или двухъ (смотря по величинѣ иска), и представить въ приказъ. Если черезъ шесть недѣль, по приведеніи людей отвѣтчика въ приказъ, самъ отвѣтчикъ, или его повѣренный, не явится, то онъ обвиняется въ искѣ безъ суда [5]).

III.

Явки къ суду по отсрочной челобитной.

До сихъ поръ мы говорили о явкѣ къ суду, опредѣляемой закономъ или судьями. Кромѣ этой явки, въ Уложеніи упоминается еще о явкѣ **по полюбовному соглашенію** самихъ тяжущихся.

„А которые истцы и отвѣтчики, не ходя въ судъ, учнутъ приносити отсрочныя челобитныя за своими руками, а въ челобитныхъ у нихъ будетъ написано, что имъ межъ себя сыскиватися, а будетъ не сыщутся, и имъ обѣма стати въ приказѣ къ суду на срокъ, какъ они межъ себя договорятся; а будетъ кто изъ нихъ на тотъ срокъ не станетъ, и тому тѣмъ срокомъ быти виноватому да подаютъ такую челобитную, кто изъ нихъ одинъ на срокъ въ приказѣ станетъ... а другой на тотъ срокъ не станетъ, и того тѣмъ срокомъ по **ихъ полюбовному челобитью обвинити**" (Улож. гл. X, ст. 108).

[3]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140) п. 4, Судная статья
[4]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140) п. 1, Судная статья
[5]) 1685 года, 11 ноября (№ 1140) п. 6

IV.

Явка къ суду прежде срока.

„А кто по заказной грамотѣ пріѣдетъ къ Москвѣ и станетъ ко отвѣту... напередъ сроку, которыи написанъ будетъ въ заказной грамотѣ, а истецъ его до того же сроку учнетъ на него бити челомъ о судѣ, и ихъ и напередъ сроку судити, и расправа межъ ими чинити, до чего доведется" (Улож. гл. X, ст. 116).

Тоже самое правило вѣроятно соблюдалось и въ отношеніи къ тѣмъ отвѣтчикамъ, которые вызывались къ суду приставомъ, по приставной памяти.

V.

Ставочныя челобитныя.

Когда истецъ или отвѣтчикъ являлся въ приказъ къ суду въ срокъ, или прежде срока, онъ записывалъ въ приказѣ ставочное челобитье. Ставочныя челобитныя были не что иное, какъ объявленія, подаваемыя тяжущимися въ приказъ, въ которомъ долженъ былъ происходить между ними судъ, о явкѣ ихъ къ суду. Названіе ставочныя произошло отъ того, что явиться къ суду технически выражалось въ нашемъ древнемъ законодательствѣ словами стать къ суду (Улож. гл. X, ст. 101, 105, 108, 109), а явка къ суду называлась статьею (гл. X, ст. 111), станкою (гл. X, ст. 130). Эти челобитныя приносились, кажется, словесно, а не письменно [1]), и записывались въ приказѣ. Ими удостовѣрялась явка къ суду тяжущихся. Такое удостовѣреніе было чрезвычайно важно. Кто явился къ суду, но не могъ доказать этого, тотъ какъ бы не являлся, а это могло имѣть для него невыгодныя послѣдствія. Итакъ ставочная челобитная служила доказательствомъ явки къ суду. Далѣе: по преобладающему частному, гражданскому, обвинительному характеру въ судопроизводствѣ временъ Уложенія, обвиненіе неявкою могло имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ тяжущихся явился въ срокъ къ суду (Улож. гл. X, ст. 108, 110, 111); кажется даже, что неявкою не винили безъ просьбы противника (Улож. гл. X, ст. 110, 111).

[1]) Въ судныхъ статьяхъ 1685 года, 11 ноября (№ 1140), онѣ называются *записными* (см. вступ. и п. 8). Въ Уложеніи сказано, „да кто изъ нихъ одинъ на срокъ въ приказѣ станетъ, *и челобитье свое запишетъ*". См. гл. X, ст. 108, 110, 111.

VI.

Личный арестъ.

Если отвѣтчикъ не могъ обезпечить явки къ суду порукою, то мѣсто поручительства наступало личное задержаніе.

„Будетъ по отвѣтчикѣ поручителей нѣтъ, и его держать въ приказѣ, сколь поруки будутъ, или судное дѣло кончится, или его отдадутъ въ бережение ставомъ въ руки" (Кошихинъ, гл. VII).

Итакъ личный арестъ былъ всегда средствомъ обезпеченія явки. Къ нему прибѣгали и послѣ суда, когда никто не сомнѣвался, что они явятся для выслушанія рѣшенія и не уѣдутъ изъ того города, гдѣ происходилъ судъ по ихъ спору.

VII.

Неявка къ суду истца.

Излагая ученіе о вызовѣ къ суду, мы различали всѣ случаи, въ которыхъ сторона, не являющаяся къ суду, подвергалась такому обвиненію въ искѣ.

Такому обвиненію подвергался истецъ. Его обвиненіе необходимо условливалось искомъ отвѣтчика. Въ отношеніи къ истцу законодательство было строго: 1) если отвѣтчикъ, вызываемый приставомъ, являлся въ срокъ, а истецъ, въ продолженіе недѣли послѣ подачи приставной памяти, не подавалъ на него исковой челобитной, то послѣдній признавался въ искѣ безъ суда („искомъ своимъ пошенъ") [2]); 2) если отвѣтчикъ, явившійся къ суду заказною грамотою, являлся въ срокъ, а истецъ въ этотъ срокъ, или нѣсколько послѣ срока, не являлся, то онъ признавался въ искѣ безъ суда (Улож. гл. X, ст. 108). Ср. ст. 108).

Отъ обвиненія неявкою были освобождены въ періодъ Уложенія особливыми привилегіями, состоявшіе въ дворцовомъ вѣдѣніи

[2]) Улож. гл. X, ст. 110. Судными статьями семидневный срокъ замѣненъ въ мѣсячный; съ боярскимъ приговоромъ 1690 года, 26 мая, мѣсячный замѣненъ въ 30-ти-дневный, а изъ боярскимъ приговоромъ того же 1690 года (№ 1386), прежній 30-ти-дневный срокъ по суду истца, считавшійся съ помѣты пристава, велѣно считать съ помѣты поручной записи, гл. X, ст. 108.

[2]) 1680 года, 5 марта (№ 1173): именнымъ приговоромъ.

тары, мордва, чуваши и чере-
ѣ эти лица не обвинялись не-
емлиныхъ, крѣпостныхъ дѣлахъ и
о крестьянствѣ, по искамъ между
посторонними. Значеніе этой при-
совѣмъ ясно: ибо мы знаемъ, что
ожено запрещено винить неявкою
крѣпостныхъ (Улож. гл. X, ст. 108,
опыхъ (гл. XX, ст. 111, 119).
жно думать, что Новоуказными
то положеніе только распростра-
рцовое вѣдомство, татаръ и т. д.,
хъ оно, по извѣстной намъ при-
ого времени не имѣло силы.
послѣ Уложенія законодательство
безусловное обвиненіе тяжущихся не-
ымъ и отмѣнило его [2]). Поводомъ
о многихъ случаяхъ безвинная не-
щихся. Но полная отмѣна обви-
явкою, въ свою очередь, породила
злоупотребленій: безконечныя, зло-
окиты и разореніе тяжущихся.
этого, въ 1685 году, изданы Суд-
которыми возстановлено прежнее
явкою, съ нѣкоторыми незначи-
измѣненіями противъ Уложенія [1]).

VIII.

...ныя причины неявки къ суду.

суду истца и отвѣтчика не всегда
ожна. Ей могли препятствовать
ины, которыя поэтому и должны
бождать тяжущихся отъ обвиненія
Законодательство признало ихъ и
имъ характеръ законныхъ при-
Уложеніи изъ нихъ упоминаются

ь. Кто не могъ явиться къ суду
, тотъ долженъ былъ послать,
я, повѣреннаго. Если не было у
послать вмѣсто себя къ суду, то
осылали изъ приказа „подьячего

добраго", для освидѣтельствованія, въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ боленъ, что не можетъ явиться, и дѣйствительно ли нѣтъ у него кого послать къ суду, вмѣсто себя. Если и то и другое оказывалось справедливымъ, то тяжущійся освобождался отъ явки къ суду, до выздоровленія (Улож. гл. XVI, ст. 59; гл. X, ст. 108, 109). Но кто не могъ, по болѣзни, явиться къ очной ставкѣ, того осматривали, а не обязывали посылать вмѣсто себя повѣреннаго. Если по освидѣтельствованіи оказывалось, что неявившійся дѣйствительно не могъ по болѣзни явиться къ очной ставкѣ, то ему давали полугодичный срокъ для выздоровленія, послѣ чего онъ былъ обязанъ послать, вмѣсто себя, повѣреннаго (гл. XVI, ст. 59). О неявкѣ къ суду по болѣзни, когда не было кого послать за себя къ суду, посылалась въ приказъ челобитная, или самимъ больнымъ (гл. XXI, ст. 55), или вмѣсто его кѣмъ-либо другимъ (гл. X, ст. 115, 117).

2) Государева служба. Подъ „государевою службою" разумѣлась обыкновенно служба военная („ратная, полковая"); въ Уложеніи государевою службою называлась еще, кромѣ военной, служба дипломатическая („которые въ послѣхъ, посланникѣхъ или гонцѣхъ"), и служба по чрезвычайнымъ порученіямъ, которыя возлагались государемъ и не терпѣли отлагательства („кто посланъ будетъ куды ни буди для Государева скорого дѣла". Улож. гл. X, ст. 149). Когда назначался походъ, или сборъ войска, тогда издавался былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ, состоявшимъ въ службѣ въ этомъ войскѣ, дать отсрочку въ спорныхъ дѣлахъ. Это значило, что не могли вчинять новыхъ исковъ ни состоявшіе на службѣ, ни другіе противъ нихъ, и прекращались суды по всѣмъ вчиненнымъ искамъ, въ которыхъ служащіе были истцами или отвѣтчиками. Въ этихъ отсрочныхъ указахъ обыкновенно назначалось время, съ котораго должна была начаться отсрочка, и срокъ; въ которыя она прекращалась [1]). На кого возлагалъ государь чрезвычайныя порученія, тѣмъ давались, каждый разъ, особ-

а, 19 марта (№ 1180), именный съ боярором

а, 1 ноября (№ 109); именный. Этотъ ъ весьма не точенъ: въ немъ видно мы ли ограничить обвиненіе тяжущихся неявкою, ение во многихъ случаяхъ было неспра-ливымъ указа безусловное обвиненіе возпр Такимъ образомъ мысль закона и смыслъ указа противорѣчатъ другъ другу.

а, 11 ноября (№ 1110); Судныя статьи,

[1]) Въ Полномъ собраніи законовъ такихъ указовъ очень много; здѣсь приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1650 года, 4 февраля (№ 24), именной;—1671 года 10 января (№ 57) именный; 1673 года 10 ноября (№ 110), именный,—1674 года, 21 февраля (№ 118) именный; и проч.

бливыя отсрочки [1]). Но чтобъ имѣть такое дѣйствіе, служба Государева должна быть недобровольная („по посылкѣ, а не своею охотою": Улож. гл. X, ст. 118); ибо въ противномъ случаѣ легко открылся бы новый способъ отбывать отвѣта въ судѣ. Она должна быть дѣйствительная, а не предполагаемая (гл. X, ст. 151, 152); это постановлено потому, что многіе, считаясь въ отлучкѣ по государевой службѣ, посылали на службу, вмѣсто себя, сыновей, племянниковъ, или родственниковъ, неверстанныхъ въ службу, а сами жили въ помѣстьѣ, или вотчинѣ, пользуясь отсрочкою для возможно долгой проволочки дѣла („хотя истца тѣмъ изволочити").

3) Служба пеполковая. Служба пеполковая всегда отличается въ Уложеніи отъ ратной, военной, и не называется, какъ послѣдняя, государевою. Причина заключается въ томъ, что она, и во время Уложенія, была болѣе кормленіемъ, нежели службою [2]). На томъ основаніи, что служба по городамъ у приказныхъ дѣлъ не считалась службою, а наградою за службу, воеводство и приказная служба не освобождали отвѣтчика отъ обязанности отвѣчать въ судѣ по спорнымъ дѣламъ; а какъ воеводы и приказные люди сами отвѣчать не могли, то должны были присылать, вмѣсто себя, повѣренныхъ, въ противномъ случаѣ обвинялись неявкою (Улож. гл. X, ст. 149). Изъ этого правила сдѣланы исключенія: a) въ пользу воеводъ и приказныхъ людей, которые были на воеводствахъ и по городамъ въ Астрахани, Сибири и Теркѣ (гл. X, ст. 149); b) въ пользу всѣхъ, посланныхъ „къ дѣламъ въ городы", когда по спорнымъ помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ ихъ вызывали къ очнымъ ставкамъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не были обязаны отвѣчать прежде окончанія службы („какъ они съ Государевы службы къ Москвѣ пріѣдутъ",— гл. XVI, ст. 59).

4) Таможенные и кабацкіе откупы. Таможенные и кабацкіе откупщики и товарищи ихъ освобождались отъ отвѣта по искамъ въ тотъ годъ, въ который вчинены противъ нихъ искъ, а должны были отвѣчать по этимъ искамъ на другой годъ; если откупъ былъ имъ взятъ на два, или на три года, то [illegible] камъ, вчиненнымъ противъ нихъ въ [illegible] году, они обязаны были отвѣчать [illegible] ромъ году; по вчиненнымъ по второ[illegible] третьемъ и т. д. (Улож. гл. XVIII, ст. [illegible]

5) Неизвѣстіе. „А будетъ кто къ [illegible] будь приставитъ въ деревенской въ [illegible] нибудь обидѣ, а учинили де ту обиду [illegible] или крестьяне того, къ кому приставл[illegible] въ бѣлыхъ людѣхъ и крестьянѣхъ, [illegible] къ кому въ такомъ дѣлѣ кто пр[illegible] учнетъ бити челомъ, что люди его и [illegible] не такую обиду учинили ли, и [illegible] люди и крестьяне въ помѣстьѣ его, [illegible] вотчинѣ есть ли, про то ему нел[illegible] чтобы ему въ томъ дѣлѣ дати срок[illegible] мѣстъ, покамѣстъ онъ про то дѣло [illegible] даетъ, и такимъ челобитчикомъ въ [illegible] дѣлѣхъ, для провѣдыванія, давати по[illegible] срокъ по указу" [3]).

6) Неумѣнье отвѣчать въ судѣ. „[illegible] кто въ какомъ дѣлѣ нибуди приста[illegible] недорослю, или во вдовѣ, или въ [illegible] отвѣчати имъ за себя не умѣли, а р[illegible] у нихъ на Москвѣ нѣтъ, а скажутъ, [illegible] есть у нихъ родимцы, кому за ни[illegible] чати, и тѣмъ ихъ родимцомъ отст[illegible] людей у нихъ и крестьянъ такихъ [illegible] кому за нихъ отвѣчати: и учнутъ [illegible] челомъ Государю, чтобы за нихъ [illegible] родимцомъ ихъ на отсрочной срок[illegible] кимъ недорослямъ и вдовамъ и дѣ[illegible] истцовыхъ искѣхъ срокъ давати про[illegible] челобитья" (Улож. гл. X, ст. 185).

Вотъ всѣ законныя причины не[illegible] суду, объ которыхъ упоминается въ [illegible] нiи. Большая часть изъ нихъ (кромѣ [illegible] ревой службы и откуповъ) носитъ [illegible] характеръ фактическій и черезъ [illegible] практику перешла въ законъ. Поэт[illegible] излагаются мимоходомъ, казуистич[illegible] могли пополняться новыми причин[illegible] имствованными изъ случаевъ. Такъ въ [illegible] указныхъ статьяхъ" мы встрѣчаемъ [illegible] щее исчисленіе законныхъ причинъ [illegible] къ суду: „посылки для Государевых[illegible] пожарное свое разореніе, или иное [illegible] ніе, или болѣзнь, или иныя какія [illegible] невзгоды" [4]). Слѣд. законодательство [illegible] Уложенія заранѣе признавало закон[illegible]

[1]) Улож. гл. X, ст. 149: „и для тое скорыя посылки Государь пожалуетъ его, велитъ ему отсрочити во всякихъ расправныхъ дѣлѣхъ".

[2]) Улож. гл. XVI, ст. 59;—гл. X, ст. 149;—Рѣчь проф. Морошкина, стр. 34.

[3]) Улож. гл. X, ст. 229 — Объ указномъ [illegible] срокѣ см. ниже, примѣч.

[4]) 1653 года 1 ноября (№ 109), именны[illegible]

дѣйствительно оправдывающія пе-
суду тяжущихся, предоставляя
подводить подъ эту общую катего-
ые частные случаи.

IX.

Отводъ судей.

удетъ которой судья истцу будетъ
а отвѣтчику другъ или свой, и о
ецъ учнетъ бити челомъ Государю
что ему передъ тѣмъ судьею искати
но: также будетъ и отвѣтчикъ до
учнетъ бити челомъ, что истцу его
угъ или свой, и отвѣчать ему передъ
дьею не мощно: и тѣхъ истца и от-
тому суцьѣ, на кого будетъ такое
ье, не судити, а судити ихъ иному
ому Государь укажетъ" (Улож. гл.
).

удетъ которой истецъ или отвѣтчикъ
о свойствомъ или недружбою учнетъ
ломъ послѣ суда, и тому челобитью
ти, и дѣла изъ приказу въ приказъ
носити" (Улож. гл. X, ст. 4).

ъ въ Уложеніи признаются два осно-
которымъ можно было отводить
свойство его съ противникомъ и
ба. Но эти основанія не отклоняли
ъ сужденія спорнаго дѣла, если тя-
не выставлять ихъ на видъ въ чело-

въ отношеніи къ судьямъ, сидѣв-
приказахъ; но болре, окольничіе и
вши, засѣдавшіе въ болрской думѣ,
были сами собою оставлять думу,
ходилось рѣшать ихъ спорныя дѣла,
бы ихъ свойственниковъ [1]).

бу объ отводѣ судей должно было
до суда; послѣ суда отводъ судей
скался, ибо при недобросовѣстности
ся онъ могъ подавать поводъ къ
ной проволочкѣ процессовъ; притомъ
ьный рѣшеніемъ судьи могъ приво-
пеляціонную жалобу.

йствіе челобитной объ отводѣ, ука-
рскимъ назначался другой судья, въ
прикалѣ [2]). Если тяжущіеся отво-

дили воеводу, то судьею назначался воевода
другого города; но отводить воевода по одно-
му и тому же спорному дѣлу можно было не
болѣе двухъ разъ: одинъ разъ могъ отводить
истецъ, и одинъ разъ отвѣтчикъ [3]). Такое
же ограниченіе числа отводовъ вѣроятно
принято было и въ отношеніи къ приказ-
нымъ судьямъ.

B.

Развитіе судопроизводства въ продолженіе суда.

Судъ, какъ мы сказали, есть главная, существенная часть процесса. Судъ есть тотъ моментъ гражданскаго судопроизводства, въ который тяжущіеся излагаютъ доказательства въ пользу и противъ спорнаго иска. Это изложеніе доказательствъ такъ необходимо въ каждомъ гражданскомъ процессѣ, что нѣтъ ни одной формы обвинительнаго судопроизводства, въ которой бы его не было. Но судъ занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, ибо судомъ моментъ веденія доказательствъ такъ видимо былъ отдѣленъ отъ прочихъ, что между нимъ и прочими, предыдущимъ и послѣдующимъ моментами, можно провести ясно обозначенныя границы. Такой видимой отдѣльности не имѣлъ этотъ моментъ въ очныхъ ставкахъ; ибо послѣ нихъ можно было приводить новыя доказательства [4]). Еще менѣе рѣзко онъ былъ отдѣленъ при рѣшеніи дѣла безъ суда; ибо въ очныхъ ставкахъ по крайней мѣрѣ начало этого момента видимо отдѣлялось отъ предыдущаго; но гдѣ суда не было, тамъ и начало и конецъ сливались съ предыдущими и послѣдующими моментами.

Веденіе доказательствъ было у насъ издревле словесное, изустное [5]). Это объясняется характеромъ суда, который былъ первоначально не что иное, какъ споръ тяжущихся объ искѣ, въ присутствіи судей. Въ послѣдствіи, къ этому исключительно-словесному изложенію доказательствъ въ судѣ начало мало-по-малу примѣниваться письменное. Кажется, прежде всего стали излагать письменно исковыя челобитныя (Улож.

года, 12 августа (№ 835); именной — до
ликаго, кажется, только въ одномъ этомъ
ыскалась мысль, что судья не можетъ судить
ла.

ложеніе показываетъ, что въ приказѣ были
ди, а не многіе, иначе оно необъяснимо.

[4]) 1680 года 23 сентября (№ 837); именный, объ-
ленный боярином Волынским.

[5]) См. гл. III, отд. 1, примѣч. 2-ое на стр. 273

[5]) См. правая грамота, помѣщенная въ Собраніи
юридическихъ актовъ.

гл. X, ст. 101), потомъ уже отвѣты и возраженія; ибо мы знаемъ, что отвѣтчикъ могъ просить отсрочки съ суда. Эти отсрочки, по некрѣпостнымъ дѣламъ, могли продолжаться недѣлю, а по крѣпостнымъ и болѣе, смотря по разстоянію города, гдѣ находилась крѣпость, нужная для отвѣтчика, отъ мѣста, гдѣ происходилъ судъ. Итакъ могло быть, что послѣ отсрочки отвѣтчикъ представлялъ суду письменное возраженіе, или оправданіе, а не словесное (гл. X, ст. 22), ибо письменное изложеніе доводовъ и опроверженій должно было постепенно вытѣснить словесное, по мѣрѣ того, какъ обычное право переходило въ законъ писанный и исчезало въ непосредственномъ, живомъ, народномъ убѣжденіи; по мѣрѣ того, какъ запутанность, сложность юридическихъ отношеній, дѣлали невозможнымъ живое сознаніе сущности спорнаго дѣла и правости передъ противникомъ. Несмотря на то, судъ остался словеснымъ (гл. X, ст. 12, 21) до самаго уничтоженія его при Петрѣ Великомъ; ибо исковая челобитная „вычитывалась отвѣтчику" (Кошихинъ, гл. VII, ст. 42), а возраженіе отвѣтчика истцу.

Очныя ставки должны были впервые подать поводъ ко введенію собственно письменнаго судопроизводства; ибо доказательства, приведенныя противниками на очныхъ ставкахъ, можно было пополнить челобитными, поданными и послѣ очныхъ ставокъ. Но въ рѣшеніи дѣлъ безъ суда нѣтъ уже никакихъ признаковъ словеснаго судопроизводства. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ много общаго съ нашимъ теперешнимъ гражданскимъ судопроизводствомъ.

Далѣе: въ періодъ Уложенія судъ отличался строгою формальностью. Если искъ, означенный въ исковой челобитной, былъ или больше или меньше того, который показанъ въ приставной памяти, то истца обвиняли безъ суда (Улож. гл. X, ст. 104) „роспискою", винили и „промолкою" [1], когда тяжущіеся не выражались въ судѣ тѣми строго-опредѣленными, формальными словами, которыя издавна были приняты въ судопроизводствѣ судебною практикою и освящены обычаемъ. Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику, представляетъ весьма замѣчательный примѣръ такой судебной обмолвки. Въ Судномъ приказѣ одинъ былъ челомъ на другого въ бою и безчестьи, и показалъ свидѣте... торые при томъ присутствовали, по к... залъ: и на тѣхъ шлюся. Отвѣтчи... перся въ боѣ и безчестьи, но объявил... свидѣтели, показанные истцомъ, тогд... сутствовали, и когда его спросили ... нихъ шлешься ли?—онъ отвѣчалъ: ... самъ истецъ на нихъ не шлется и ... зываетъ ихъ свидѣтелями, то су... могутъ къ тому принудить. От... ошибки истецъ проигралъ процессъ ... женъ былъ примириться съ проти... (Судебникъ Татищева, § 70, прим. в...

Образованіе торжественнаго, стр... мальнаго, техническаго языка, котор... жущіеся обязаны говорить на судѣ, ... няется обыкновеннымъ ходомъ развитія ... и законодательства. Въ періодъ об... права, когда юридическія вѣрованія ... непосредственно въ народѣ, этотъ язы... гается. По общности, единству, ясн... живости вѣрованій, онъ, и безъ утверж... положительнымъ закономъ, всегда одн... технически-опредѣленъ и правиленъ; ... онъ не есть еще языкъ формальный, ... что не стѣсняетъ говорящаго, не пр... вается ему какъ правило, которому о... обходимо долженъ слѣдовать. Такой ... есть первоначально живая рѣчь, сам... непринужденно выливающаяся изъ ... опредѣленнаго, живого сознанія прав...

Съ упадкомъ обычнаго права изм... и характеръ судебнаго языка. Онъ ... вится формою, въ которой тяжущіеся ... ходимо должны выражать свои доводы ... верженія: ибо языкъ, которымъ бы ... хотѣли, по прежнему, свободно говор... судѣ, не имѣетъ уже ни опредѣленно... одинаковости судебнаго языка, образ... гося въ періодъ обычнаго права. Ита... лѣдній языкъ становится для нихъ ... тельнымъ, техническимъ, въ наст... смыслѣ слова. Онъ не для всѣхъ дос... и поэтому дѣлается предметомъ и... Это-то измѣненіе въ характерѣ су... языка и подаетъ впослѣдствіи поводъ ... гимъ злоупотребленіямъ: оно развивае... той, мелочной формализмъ. Отъ этог... вый истецъ или отвѣтчикъ проигрыва... цессъ противъ неправаго противника ... только, что въ судоговореніи употреб... то слово, какое должно.

[1] 1661 года, 9 января (№ 55); боярскій приговоръ.

I.

Предметъ иска.

ніе предмета иска въ продолженіи
есть одна изъ важнѣйшихъ статей въ
гражданскомъ судопроизводствѣ. Не-
а то, въ Уложеніи она опущена безъ
. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что бѣг-
ить, сдѣлавшійся предметомъ тяжбы,
быть послѣ суда отданъ на поруки
ему лицу („мимо иска и отвѣтчика"):
никто не возьметъ холопа на по-
до рѣшенія спорнаго дѣла его должно
„держати" приставу (Улож. гл. XX,
Далѣе постановлено:
ые люди поимаются у кого за своихъ
и приведутъ тѣхъ холопей въ при-
ьи тѣ холопи, и тѣ люди въ тѣ поры
а Государевѣ службѣ въ дальныхъ го-
и такихъ приводныхъ холопей до
ъ, какъ истцы ихъ пріѣдутъ изъ даль-
одовъ, отдати тѣмъ людемъ, у кото-
нихъ поимаются, и велѣти тѣмъ
кому они будутъ отданы, къ приводу
ожити. А какъ тѣхъ холопей у нихъ
ъ спросятъ, и тѣхъ холопей велѣти
я. А будетъ они тѣхъ людей дер-
себя не похотятъ, и тѣхъ приводи-
дей до истцовъ ихъ дати на поруки.
ъ по нихъ поруки не будетъ, и ихъ
беречи приставомъ, а кормити ихъ
у приставовъ тѣмъ людемъ, кто за
имается, и у кого за нихъ изымает-
детъ тотъ, кто за нихъ изымается
о изымается, кормити ихъ не учнетъ,
велѣти кормити приставомъ, а впредь
людей крюкомъ и пожелѣзное при-
велѣти доправити на виноватомъ"
гл. XX, ст. 112).

въ Уложеніи говорится объ однихъ
ъ холопяхъ; о прочихъ спорныхъ не-
о упоминается ни слова. Изъ этого
ямъ, что спорная вещь, въ продол-
процесса, оставалась за тѣмъ, у кого
ась передъ началомъ иска.

сь о состояніи спорной вещи въ про-
е процесса особенно важенъ въ отно-
ъ спорнымъ недвижимымъ. Изъ словъ
ка можно, съ нѣкоторою вѣроятно-
ключать, что прежде спорныя земли
ись у тяжущихся и на все время
отдавались приставу, но что во
время изданія Судебника это положеніе потеряло свою силу [1]). Въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ объ отписаніи спорныхъ недвижимыхъ тоже не говорится ни слова. Поэтому непонятно, откуда Татищевъ почерпнулъ извѣстіе, что въ Уложеніи постановлено отписывать земли на государя, когда возникнетъ споръ о крѣпости [2]). Изъ многихъ статей Уложенія скорѣе можно вывести противоположное заключеніе, а именно, что спорное недвижимое, въ продолженіе спора, оставалось за тѣмъ, кто имъ владѣлъ до начала иска. Сюда относятся:

Гл. X, ст. 244: „будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины, или помѣстнаго строенія, и отвѣтчикъ, засудя съ истцомъ и недождався по судному дѣлу указу, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продастъ, или заложитъ, а по суду и по сыску доведется въ томъ обвинити, и у того, кому онъ что продастъ, взяти и отдати истцу".

Итакъ отвѣтчикъ отдавалъ спорное, проданное имъ недвижимое, покупщику. Еслибъ оно отписывалось, на время процесса, на государя, то такая отдача не могла бы имѣть мѣста.

Гл. XVI, ст. 54: „будетъ сыщется (съ очные ставки)... до приказа, что... челобитчики отцовскихъ своихъ помѣстій никому не мѣнивали, а тѣ люди, на кого они о тѣхъ своихъ помѣстьяхъ учнутъ бити челомъ, тѣ ихъ отцовские помѣстья взяли себѣ мѣною въ тѣ поры, какъ они были въ робячествѣ, а не

[1]) Слова Судебника весьма замѣчательны „А которыя земли за приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати" (Суд § 84) Объ отбираніи земель у тяжущихся на время процесса въ Судебникѣ болѣе не упоминается. Итакъ, въ 84 § вѣроятно говорится о земляхъ, уже отписанныхъ до Судебника, или до изданія неизвѣстнаго намъ указа, которымъ отписаніе земель запрещено.

[2]) Судебникъ Татищева, § 84, примѣч. (г.—Гнъ Ивановъ, въ сочиненіи о помѣстныхъ правахъ и обязанностяхъ въ Россіи, держится того же мнѣнія. (стр. 72: „... если истецъ или отвѣтчикъ, послѣ данной подписки, въ теченіе мѣсяца самъ не явится, и доказательствъ на право владѣнія не представитъ, въ такомъ случаѣ описывали у него, до рѣшенія дѣла, столько дворовъ и четвертей, о сколькихъ производилось спорное дѣло".—Впрочемъ, изъ этихъ словъ видно, что Гнъ Ивановъ говоритъ объ описи недвижимыхъ въ обезпеченіе правой тяжбы, а не объ отбираніи спорнаго недвижимаго: ибо иначе описи имѣлъ у истца, который не владѣлъ спорнымъ недвижимымъ, необъяснима. Гнъ Ивановъ не показываетъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовано имъ это положеніе если не ошибаемся, его нѣтъ въ Новоуказныхъ статьяхъ.

въ совершенныхъ лѣтѣхъ, и такіе помѣстья у тѣхъ людей, кто ихъ взялъ мѣною, взявъ, отдати тѣмъ челобитчикомъ, которымъ тѣ мѣновыя помѣстья будутъ даны".

II.

Исковая челобитная.

Подъ именемъ исковой челобитной разумѣлось прошеніе о спорномъ искѣ, которое истецъ подавалъ судьямъ. Исковая челобитная первоначально излагалась словесно; это доказываютъ правыя грамоты по спорнымъ дѣламъ, помѣщенныя въ собраніи юридическихъ актовъ [1]). Въ послѣдствіи, словесныя челобитныя мало-по-малу замѣнены письменными [2]), которыя вычитывались отвѣтчику на судѣ [3]).

Главныя принадлежности исковой челобитной, въ періодъ Уложенія, были слѣдующія:

1) Означеніе цѣны иска. Это была относительно-необходимая принадлежность исковой челобитной; ибо отъ произвола отвѣтчика зависѣло отвѣчать или не отвѣчать на челобитную, въ которой цѣна не была показана (Улож. гл. X, ст. 102). Поэтому мы находимъ въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ законное опредѣленіе цѣны (таксу) тѣмъ предметамъ, „чему въ исковыхъ челобитныхъ цѣны будетъ не написано" [4]). Слѣд. такія челобитныя, писанныя безъ цѣны, принимались судьями (Улож. гл. XI. [illegible] Если отвѣтчикъ не хотѣлъ отвѣчать [illegible] лобитную, написанную безъ цѣны [illegible] ее возвращали истцу, для переписки [illegible] значенія цѣны (гл. X, ст. 102).

2) Искъ, означенный въ иско[illegible] лобитной, долженъ быть ни бо[illegible] меньше того, который означенъ [illegible] ставной памяти. Если это условіе [illegible] соблюдено, то истецъ обвинялся въ [illegible] и въ этомъ случаѣ не иначе, какъ [illegible] битью отвѣтчика. Слѣд. и эта при[illegible] ность исковой челобитной была усл[illegible] обходимая (Улож. гл. X, ст. 104).

3) Подпись. Въ Уложеніи и Но[illegible] ныхъ статьяхъ различаются подпис[illegible] подписныя (Улож. гл. X, ст. 21) и [illegible] ныя челобитныя („за своими руками") [illegible] ст. 8).

Послѣднее выраженіе очень ясно, о[illegible] чаетъ челобитную, которая подпис[illegible] лобитчикомъ. Такая подпись была в[illegible] мою принадлежностью каждой иско[illegible] битной [5]).

Смыслъ двухъ первыхъ совершен[illegible] гой, нежели какой представляется [illegible] наго взгляда. Объясненіе находит[illegible] главѣ XXIII, ст. 2 Уложенія. „А бу[illegible] торому стрѣльцу чего искати на ст[illegible] челобѣѣ въ иномъ приказѣ, и [illegible] своего иску на сторонпемъ челобѣѣ[illegible] въ иномъ приказѣ по подписны[illegible] битнымъ изъ Стрѣлецкаго приказ[illegible] подписныхъ челобитенъ стрѣл[illegible] въ которомъ приказѣ ни на кого ни[illegible] суда не давати".

Итакъ подъ именемъ подписны[illegible] битенъ должно, кажется, разумѣть[illegible] челобитныя, подаваемыя противъ та[illegible] вѣтчиковъ, которые не состояли съ[illegible] въ одномъ вѣдомствѣ. На вчинаніе[illegible] исковъ истцы необходимо должны бы[illegible] дозволеніе своего начальства, и эт[illegible] леніе свидѣтельствовалось подписью [illegible] вой челобитной. Основаніе такого [illegible] нія истцовъ вѣроятно заключалось [illegible] что веденіе исковъ отвлекало исте[illegible] ихъ службы или должности (напр[illegible] цовъ), и поэтому не всегда и не во[illegible] случаѣ могло быть допущено.

---

[1]) Изложеніе исковой челобитной обыкновенно начинается словами: *такъ реклъ, такъ рекли, а рекучи*. См. № 1—23.

[2]) Изъ правыхъ грамотъ, напечатанныхъ въ собраніи юридическихъ актовъ, первая, въ которой говорится о писанной исковой челобитной, относится къ 1571 году (№ 23) „*подлѣ судныя жалобницы, а въ жалобницѣ пишетъ*". Но изъ Судебника (§ 20) мы знаемъ, что уже въ 1550 году, и вѣроятно ранѣе, въ судъ подавались писанныя челобитныя.—Изъ всѣхъ мѣстъ Уложенія, въ которыхъ упоминается объ исковыхъ челобитныхъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что въ то время онѣ были письменныя, а не словесныя. См. Улож. гл. X, ст. 20, 21, 101, 102, 104, 108, 111,—гл. XXIV, ст. 3 (1).—Кошихинъ, гл. VII, ст. 12.

[3]) Кошихинъ. Тамъ же.—1690 года, 27 января (№ 1363), именный съ боярскимъ приговоромъ.—По этому указу отвѣтчикъ долженъ былъ подписываться подъ челобитною, что выслушалъ ее.

[4]) Улож. гл. XXIV, ст. 3 (1).—1669 года, 22 января (№ 131). Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлѣхъ, ст. 75.

[5]) 1690 года, 27 января (№ 1363); именн[illegible] скимъ приговоромъ.

III.

Отвѣтъ.

...никъ долженъ отвѣчать на исковую ...ую истца. Если онъ не отвѣчалъ, ...на то никакой причины, то обви... ...ъ суда (Улож. гл. X, ст. 101).

IV.

Ссылка.

...жущіеся, истецъ и отвѣтчикъ, должны ...повлять свои доводы и опроверже... ...доказательствахъ. Приведеніе дока... ...ъ технически называлось въ періодъ ...ссылкою (Улож. гл. X, ст. 22, ... 178); слаться на крѣпости ...ст. 158—160, 167, 174), въ обыскъ ... 161, 175, 179) и т. д. значило при... ...ъ доказательство крѣпость, обыскъ.

V.

Доказательства.

...доказательства, на которыя въ не... ...ложенія, ссылались тяжущіеся по ...ъ гражданскимъ дѣламъ, могутъ быть ...ы на три разряда.

...рвому должно отнести доказательства, ...ыя на показаніяхъ самихъ тяжущихся; ...ъ свидѣтельство тяжущихся о ... дѣлѣ. Подъ этотъ разрядъ подхо... ...обственное признаніе и крест... ...ованіе. Второй разрядъ составляютъ ...ьства, основанныя на свидѣтель... ... по не тяжущихся, а посторонних... ...и вещей. Къ свидѣтельству вещей ...преимущественно отнести письмен... ...кументы и акты; къ свидѣтельству ...нихъ лицъ—общую правду, обыскъ ...ущество. Наконецъ третій разрядъ ...ьствъ составляетъ судъ Божій. Въ ...ій періодъ, изъ различныхъ формъ ...ки, удержался одинъ только жребій.

...обственное признаніе. Въ Судеб... ... въ Уложеніи мимоходомъ упоми... ...о собственномъ признаніи, какъ о ...ьствѣ по спорнымъ гражданскимъ ... Изъ этихъ мѣстъ видно, а) что соб... ...е признаніе принималось за доказа... ...только въ такомъ случаѣ, когда ти... ...винился, т.-е. свидѣтельствовалъ не въ свою пользу; b) что собственное признаніе служило доказательствомъ только въ отношеніи къ тому, въ чемъ признавался тяжущійся. Такъ, если истецъ или отвѣтчикъ признавался (винился) только въ части иска, то его нельзя было почитать повинившимся въ цѣломъ искѣ. Изъ этого правила сдѣлано впрочемъ весьма замѣчательное исключеніе въ отношеніи къ тяжущимся, которые винились въ части иска передъ крестнымъ цѣлованіемъ: по Уложенію, ихъ велѣно обвинять во всемъ искѣ (Улож. гл. XI, ст. 29). Но въ Новоуказныхъ статьяхъ это отмѣнено, и общее правило о собственномъ признаніи по спорнымъ гражданскимъ искамъ распространено и на тяжущихся, которые винились передъ крестнымъ цѣлованіемъ [1]; с) наконецъ, чтобъ собственное признаніе тяжущихся могло служить доказательствомъ, самый фактъ признанія долженъ быть несомнѣнно и достовѣрно извѣстенъ судьямъ. Въ Уложеніи вездѣ упоминается или о признаніи въ судѣ, слѣдовательно въ присутствіи судей (Юрид. акты № 21), или передъ крестнымъ цѣлованіемъ, слѣд. въ присутствіи духовнаго лица, приводящаго къ присягѣ, дьяка и другихъ лицъ.

2) Крестное цѣлованіе. Присяга была рѣшительнымъ и послѣднимъ доказательствомъ, къ которому прибѣгали въ гражданскомъ судопроизводствѣ для рѣшенія спорнаго дѣла. Послѣ присяги, которою рѣшались только тѣ споры, для которыхъ не было никакихъ другихъ доказательствъ (Улож. гл. XIV, ст. 8), тяжущіеся не могли уже болѣе ни доказывать, ни опровергать спорнаго иска (гл. X, ст. 154). Къ присягѣ допускались всѣ лица безъ различія, и женщины (гл. X, ст. 173; гл. XX, ст. 45) и иноземцы (гл. XIV, ст. 3). Не допускались:

a) Принесшіе ложную присягу (гл. XIV).

b) Духовныя лица (черное и бѣлое духовенство), по правилу: „кому крестъ цѣловать, тому не священствовать". Для нихъ мѣсто присяги заступалъ жребій (гл. XI, ст. 27), или допросъ,—духовныхъ священническаго чина по священству, а иноковъ по иноческому обѣщанію (гл. XIII, ст. 4). Это правило не распространялось однако на слугъ и крестьянъ, принадлежащихъ духовенству (гл. XIII, ст. 6). Положеніе: кому крестъ цѣловать, тому не священствовать—показываетъ

[1] 1678 года, 19 декабря (№ 711); именный.

также, что вообще всѣ лица, принадлежавшія къ духовному званію, кромѣ духовныхъ лицъ, какъ-то: жены, дѣти и родственники ихъ, должны были присягать наравнѣ съ прочими.

c) Недостигшіе 15-ти и 20-ти-лѣтняго возраста. Присягать могли только тѣ, которые достигли 20-ти-лѣтняго возраста. Это правило во всей строгости соблюдалось въ отношеніи къ тѣмъ, которые цѣловали крестъ за другихъ (гл. XIV, ст. 1), и которые имѣли кого послать, вмѣсто себя, къ присягѣ. Но подъ это правило не подходили лица, недостигшія 20-ти-лѣтняго возраста, которыя не имѣли кого поставить за себя къ крестоцѣлованію: имъ дозволялось присягать самимъ, даже если имъ было не болѣе 15-ти лѣтъ. Лица, недостигшія 15-ти-лѣтняго возраста, ни въ какомъ случаѣ не допускались къ присягѣ (гл. XIV, ст. 5).

d) Присягавшіе трижды. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ, крестоцѣлованіе замѣнялось сыскомъ и пыткою (гл. XIV, ст. 1 и 2).

Особенность крестнаго цѣлованія, во времена Уложенія, заключалась въ томъ, что по спорному гражданскому дѣлу цѣловать крестъ могъ самъ тяжущійся, или вмѣсто его другое лицо [1]. Основаніе этой особенности должно искать въ бытѣ патріархальномъ и семейственномъ, которыя, во времена Уложенія, былъ главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ политическаго и гражданскаго быта. Вмѣсто тяжущихся присягали ихъ люди (Улож. гл. XIV, ст. 1), родственники (гл. XX, ст. 45) и судебные представители (гл. XIV, ст. 5); но не могли цѣловать креста наемные люди и посторонніе, по просьбѣ или порученію тяжущихся [2]. Если истецъ или отвѣтчикъ хотѣлъ заставить цѣловать крестъ, вмѣсто себя, своего человѣка, то вмѣсто послѣдняго представлялся противнику, кото[illegible]

[illegible]

жается въ Уложеніи словами: кому ис
или отвѣтчикъ повѣритъ (гл. XIV, ст.
Но если выбранный сбѣжитъ отъ свое
сподина, или умретъ, то право назн
другого принадлежало уже не противн
самому господину (гл. XX, ст. 96).

Цѣловать крестъ въ спорныхъ гра
скихъ дѣлахъ предоставлялось не ис
отвѣтчику (Улож. гл. XIV, ст. 3, 4, 8; г
ст. 25, 26, 29); но отъ его произвола
сѣло присягать самому („взять себѣ на д
или отказаться и предоставить цѣловать
истцу („дать истцу на душу") (гл. XIV.
Въ этомъ случаѣ, вѣроятно истецъ бы
занъ присягнуть въ спорномъ дѣлѣ
нигдѣ не говорится, чтобъ истецъ могъ
заться отъ присяги и отдать ее на
отвѣтчику. Но для исковъ русскихъ г
ныхъ съ чужеземцами (а не иновѣрцам
объясняетъ Татищевъ), т.-е. подданны
гихъ государствъ, было сдѣлано исклю
Первые, будутъ ли они истцы или отв
въ искахъ съ чужеземцами имѣли пр
приступая къ присягѣ, требовать, чтобы
рѣшилъ, кому цѣловать крестъ въ сп
искѣ „и чей жребій вымется, и тому
ловавъ крестъ, свое и взяти, или о
ватися" (гл. XIV, ст. 4).

Не во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ
принималась за доказательство. Изъ
женія тѣхъ статей Уложенія, въ ко
упоминается о крестоцѣлованіи по г
скимъ искамъ, ясно видно, что она
лась только по дѣламъ, возникавши
гражданскихъ преступленій [3]. Поэто
присягѣ по крѣпостнымъ искамъ н

[illegible]

[1] [illegible] Уложенія присяга допускалась по сл
спорнымъ дѣламъ: 1) о бѣлыхъ крестьянах
имѣніи [illegible] гл. XI, ст. 26, 27, 29; 2
лахъ, принесенныхъ ратными людьми: гл. VI
3) о [illegible] мита, перевознаго и мосто
[illegible] дей: гл. IX, ст. 2 и 3; 4) о покр
[illegible] искахъ, на которыя не было
XXI, ст. 71, 5) о поклажахъ ратны
[illegible] жителей: гл. X, ст. 190; 6)
[illegible] разрѣшеніемъ собаки: гл. X,
[illegible] разрытой и распечатанной
[illegible] на сбереженіе: гл. X,
[illegible] гл. XIII, ст. 4; 9)
[illegible] крестьянамъ
[illegible] ст. 3, 2 [illegible] сѣзанной
[illegible] которомъ были по
[illegible] гл. X
[illegible] потребленіи межевыхъ
[illegible] гл. X, ст. 232.

…. Въ этихъ искахъ единствен-…ательствомъ, какъ говоритъ Ко-…жили крѣпости (Кошихинъ, гл. VII, … не могъ доказать своего права … тотъ обвинялся въ искѣ. Дѣла …ыхъ никогда не рѣшались при-…то мы имѣемъ и прямыя свидѣ-… Наконецъ, по искамъ цѣною не …, мѣсто присяги заступалъ жребій …XIV, ст. 10). Каждый присягалъ …ѣлѣ (гл. XIV, ст. 3). По искамъ …ославными и иновѣрцами присяга …ъ періодъ Уложенія, въ прика-…которыхъ судилось спорное дѣло …т. 3); по тяжбамъ между право-…въ церкви [2]). Обрядъ принесенія …лъ совершенно одинаковъ съ те-… и подробно развитъ въ Уложеніи …ыхъ статьяхъ [3]).

…одилось цѣловать крестъ въ спор-… того отдавали на поруки (Юрид. …9); но если онъ не являлся къ … подавши предварительно о томъ … или, явившись, не присягалъ, …лилъ къ присягѣ своего человѣка, …я въ спорномъ дѣлѣ (Улож., гл. XIV, … предполагалось, что во всѣхъ …ъ случаяхъ обязанный дать при-…вался, что онъ неправъ.

…видъ присяги есть вѣра, образ-…еніе. Крестное цѣлованіе, какъ …, не принималось за доказательство …о земляхъ. Но могло случиться, …вчинялся не о правѣ или владѣніи …ъ, а только о границахъ его. …случаѣ, когда не было никакихъ …я рѣшенія спора, прибѣгали къ …жущихся. Такимъ образомъ крест-…ное внесено и въ спорныя межеподъ названіемъ вѣры образнаго … Объ образномъ хожденіи тоно-Уложеніи въ трехъ мѣстахъ. Изъ …, что этотъ способъ доказыванія …ся только въ крайнихъ случаяхъ, …а нельзя было рѣшить ни письмен-…ательствами, ни обыскомъ (гл. XVII, … X, ст. 236, 237).

…хожденіе заключалось въ томъ, … изъ тяжущихся, взявши образъ, …шелъ съ нимъ по тому мѣсту, гдѣ, по его убѣжденію, пролегала спорная межа. Это право проводить межу, и безспорно, давалось одному изъ тяжущихся по жеребью, также какъ въ спорахъ между русскими и иностранцами жребій рѣшалъ, кому приносить присягу; но въ послѣднемъ случаѣ къ жеребью прибѣгали не иначе, какъ по требованію тяжущихся; при образномъ хожденіи къ нему приступали по закону [4]). Этотъ видъ крестнаго цѣлованія уничтоженъ въ 1683 году, „чтобъ... душевредства и клятвы не было“ [5]).

3) Письменныя доказательства. Доказываніе или опроверженіе спорнаго иска письменными актами необходимо появляется вмѣстѣ съ системою укрѣпленія такими актами гражданскихъ правъ. Въ періодъ Уложенія, письменными актами укрѣплялись всѣ права гражданскія: и права на вещи, и обязательства, основанныя на договорѣ, и наслѣдственное право. Письменные акты первоначально вѣроятно составлялись для памяти (отсюда память, запись). Въ послѣдствіи, процессуальное назначеніе ихъ развивалось все болѣе и болѣе; письменные акты начали составляться уже не для памяти, а для спору. Такъ въ Уложеніи (гл. XI, ст. 4, 19). Отсюда крѣпость—названіе, усвоенное всѣмъ тѣмъ письменнымъ актамъ, которыми доказывалось какое-либо гражданское право (гл. XVIII, ст. 17; гл. XX, ст. 21, 29, 32; гл. X., ст. 246, 247, 250).

Итакъ, система укрѣпленія гражданскихъ правъ письменными актами введена сначала обычаемъ, употребленіемъ, а не положительнымъ закономъ. Но когда однажды утвердился обычай составлять о каждомъ гражданскомъ правѣ письменный актъ, законодательство начало требовать, чтобъ права доказывались крѣпостями. Такъ многіе гражданскіе иски сдѣлались исключительно крѣпостными.

„А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ бити челомъ на кого въ заемныхъ деньгахъ, или въ поклажахъ, или въ какой нибудь сеудѣ, а... на то кабалъ и заемныхъ памятей и иныхъ никакихъ крѣпостей... въ челобитьѣ своемъ и въ при-

…ка, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярворомъ.
…ка, 19 декабря (№ 741), именный.
…а. XIV, ст. 6, 10;—1685 года, 15 іюня …енный съ боярскимъ приговоромъ.

[4]) Жребій бросали въ судѣ, гл. X, ст. 186.—Весьма замѣчательно, что объ образномъ хожденіи также говорится, *отдать кому на душу*. Это указываетъ на одинаковость его съ крестнымъ цѣлованіемъ.

[5]) 1683 года, 20 мая (№ 1013), писцовый наказъ межевщикамъ, посланнымъ въ города.

старыхъ памятѣхъ не напишутъ, и имъ на тѣхъ людей суда не давати" (Улож. гл. X, ст. 189; ср. гл. XXI, ст. 71).

„А дается во всякихъ въ денежныхъ и въ заемныхъ товарныхъ и иныхъ дѣлахъ судъ по кабаламъ и по записямъ, а у кого кабалъ нѣтъ, или утеряются, или подерутся, и иная какая нибудь шкода учинится, и въ безкабальныхъ дѣлахъ суда не дается и вѣрить не велѣно ничему, хотябъ на какое дѣло двадцать человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей" (Кошихинъ, гл. VII, ст. 43).

Велѣдствіе принятія и утвержденія положительнымъ законодательствомъ системы укрѣпленія гражданскихъ правъ письменными актами, должны были образоваться извѣстныя правила составленія этихъ письменныхъ актовъ, для того, чтобъ они могли быть признаваемы за доказательство. Эти правила упоминаются въ Уложеніи, и вообще, въ судебной практикѣ того времени были развиты довольно подробно [1]).

Крѣпостями доказывались въ періодъ Уложенія почти всѣ гражданскіе иски. Подъ это правило не подходили: a) иски, основанные на давности [2]); b) гражданскіе иски, возникавшіе велѣдствіе гражданскихъ преступленій (боя, грабежа и т. д.); c) гражданскіе иски, преслѣдуемые уголовнымъ порядкомъ (напр. объ убыткахъ, нанесенныхъ покражею, мошенничествомъ, разбоемъ, подлогомъ [3]) и т. д).

Опровергать искъ, основанный на крѣпостныхъ доказательствахъ, можно было различными способами: a) крѣпостями [4]); b) опроверженіемъ подлинности крѣпостей. Такое опроверженіе технически выражалось словами: оболживить, полживить крѣпость [5]). Оно состояло въ томъ, что тяжущійся, отсутствіемъ нѣкоторыхъ формальныхъ, существенныхъ принадлежностей извѣстнаго письменнаго акта, доказывалъ подложность его („что она не прямая, а лживая").

Письменные акты доставлялись къ суду самими тяжущимися:

„Которыя крѣпости на судѣ истецъ или отвѣтчикъ въ письменныхъ или в… ныхъ своихъ ссылкахъ объявятъ а… ихъ въ то время не положатъ, и их… крѣпости допрашивати въ судѣ ко… нихъ тѣ крѣпости. Да будетъ сказ… у нихъ тѣ крѣпости на Москвѣ, и… крѣпости велѣть положити всюдѣ. А… они скажутъ, что у нихъ тѣ крѣпо… городѣхъ, и имъ въ тѣхъ крѣпостя… поверстный срокъ по Государеву ук…

Кто не явился къ суду къ крѣпо… назначенный срокъ, того обвиняли … безъ суда [7]).

4) Общая правда. (Очная прав… правда, обчая ссылка.) Подъ именем… правды" разумѣлось свидѣтельство … или нѣсколькихъ лицъ, на которое … оба тяжущіеся, и истецъ и отвѣтчи… жение даетъ ей преимущество пер… другими видами свидѣтельства: пер… слушествомъ (гл. X, ст. 167) и … (гл. X, ст. 168). Причина та, что … свидѣтеля, на котораго ссылаются … тивника, уже по этому одному дол… достовѣрнѣе всякаго другого свидѣ… Изъ этого правила сдѣлано одно толь… ченіе: общей правдѣ предпочитали … обыскъ, когда она не была ближ… когда мѣсто, гдѣ должно было п… обыскъ, было ближе мѣстопребыван… правды (гл. X, ст. 167). Она вон… прашивалась, когда находилась въ … отдаленныхъ отъ Москвы на бол… стояніе (въ Астрахани, Сибири), и т… приносилъ жалобу на своего проти… онъ, ссылаясь на такую правду, то… четъ проволочить дѣло (гл. XX, ст.

Уложеніе не рѣшаетъ весьма важ… роса, который естественно предст… при тщательномъ разсмотрѣніи общей… можетъ ли быть принята въ судѣ общ… тяжущихся на такія лица, которы… кому, не допускаются къ свидѣтельст… общая ссылка на жену одного изъ тя… на господина и т. д. Кажется, этотъ… должно рѣшать и положительно, и… тельно, смотря по различнымъ цѣ… которыми законодательство устраня… кія лица отъ свидѣтельства. Если …

[1]) Улож. гл. XX, ст. 103, гл. XXI, ст. 99, гл. X, ст. 246, 250, 252, 253, гл. XI, ст. 4.

[2]) Улож. гл. XVII, ст. 51.

[3]) Улож. гл. XVII, ст. 59, гл. XVI, ст. 23, 51, гл. XX, ст. 24, 25.

[4]) Улож. гл. XVII, ст. 34; гл. XX, ст. 21, 32, гл. X, ст. 254.

[5]) Улож. гл. X, ст. 250, гл. XX, ст. 20.

[7]) Улож. гл. X, ст. 22 — Указной повер… не опредѣленъ въ Уложеніи. Въ Судебни… срокъ полагается семь дней. Судебникъ … § 12, 69.

[1]) 1685 года, 11 ноября (1140); Судныя …

только въ обезпеченіи тяжущихся
ихъ показаній, то общая ссылка на
орыя, по закону, не могли быть
ки, должна быть допущена. Напро-
цѣль состоитъ въ наказаніи из-
лицъ (напр. клятвопреступника),
ѣнии святости и чистоты извѣст-
ленія (напр. дѣтей къ родителямъ,
жу), то допросъ такой ссылки не
тся, быть допущенъ ни въ какомъ

правда могла состоять изъ одного
167) или нѣсколькихъ общихъ
. Въ послѣднемъ случаѣ, при разно-
двухъ одинаковыхъ показаніяхъ
ось рѣшеніе (гл. X, ст. 169). Вы-
ду общей правды, какъ позывъ къ
чика, производился посредствомъ
(гл. X, ст. 144), или посредствомъ
й сыскной грамоты, посылаемой къ
ого города, гдѣ жилъ общій свидѣ-
о прибытіи къ суду его допраши-
ются, не приводя къ присягѣ; по
нѣрѣ объ этомъ нигдѣ не упоми-

ое показаніе общей правды можно
сить жалобу (Улож. гл. X, ст. 170).
тно судилось уголовнымъ судомъ,
съ ложными показаніями обыск-
ей.

скъ. (Обыскъ есть свидѣтельство
юдей, живущихъ на извѣстномъ
тѣ, на которыхъ тяжущіеся ссы-
е называя каждаго поимянно: „на
юдей безъимянно“ (Улож. гл. X,
Изъ этого опредѣленія вытекаютъ
основныя положенія:

ска отводить нельзя (гл. X,
Когда кто-либо ссылается на мно-
й вообще, не называя ихъ имен-
озможно предполагать стачки ме-
тѣми, которые допрашиваются въ
Изъ этого правила сдѣлано было
но исключеніе. Если одинъ изъ
ссылался на обыскъ въ городахъ,
къ отъ Москвы, въ Астрахани или
о другой могъ обвинять своего
, что онъ дѣлаетъ это для про-
ла, и тогда судьи отказывали въ
то исключеніе, въ строгомъ смыслѣ,

не есть исключеніе, ибо не проистекаетъ изъ сущности обыска (гл. XX, ст. 109).

2) Нельзя отводить никого изъ обыскныхъ людей. Есть мнѣніе, будто бы отводъ не допускается потому, что если нѣкоторые и покажутъ ложно, то за то другіе дадутъ справедливое свидѣтельство, и рѣшеніе, въ большей части случаевъ, будетъ правильно. Но это несправедливо. Приведенное положеніе вытекаетъ изъ основнаго начала обыска. Повальный обыскъ есть ссылка на многихъ людей безымянно. Поэтому должно спрашивать всѣхъ. Если будетъ допущенъ отводъ обыскныхъ людей, тогда въ ссылку безымянную будетъ внесено начало послушества, ссылки на извѣстныя, опредѣленныя лица, что противорѣчитъ главному, характеристическому свойству обыска, и разрушаетъ его въ самомъ понятіи. Обыскъ есть свидѣтельство людей, означенныхъ вообще, а не поимянно: слѣд. каждый изъ нихъ необходимо долженъ имѣть способность быть свидѣтелемъ. Поэтому, Новоуказными статьями запрещено допрашивать въ обыскѣ тѣхъ, которые „сами не вѣдаютъ и не видали, а скажутъ, что слышали отъ людей“; глухихъ, нѣмыхъ, „бѣсныхъ“ и „которые въ малыхъ лѣтѣхъ, а не въ возрастѣ“ [2].

Обыскъ имѣлъ различныя названія. Онъ назывался обыскомъ (Улож. гл. X, ст. 156, 157 и др.), повальнымъ обыскомъ [3], большимъ повальнымъ обыскомъ [4], большимъ сыскомъ (Улож. гл. XVI, ст. 35), большимъ обыскомъ (Юрид. акты № 59), наконецъ обыскомъ около житья (Улож. гл. XXI, ст. 28). Всѣ эти названія, конечно, не означали различныхъ видовъ обыска, юридически отличныхъ другъ отъ друга, и служили только для выраженія нѣкоторыхъ фактическихъ оттѣнковъ его въ различныхъ случаяхъ [5]; со всѣмъ тѣмъ, эти

XVIII, ст. 31 — 1678 года, 19 декабря
рскій краткорѣ

[2] 1669 года, 22 января (№ 131). Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, ст. 28.

[3] Улож. гл. X, ст. 161; гл. XXI, ст. 85, гл. XX, ст. 95, гл. X, ст. 175.

[4] Улож. гл. XXI, ст. 57; — Юридическіе акты, № 60.

[5] Улож. гл. XX, ст. 95: „А которые люди учнутъ . . . ссятися въ повальной обыскъ около своего поместья . . . версты по двѣ, и по три, и по пяти, и по шти, и по десяти“. 1669 года 22 января (№ 131). Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, ст. 28: „А сыскивать повальнымъ обыскомъ около тѣхъ мѣстъ по верстѣ, и по двѣ, и по три, и по

оттѣнки иногда имѣли значительное вліяніе на рѣшеніе спорнаго дѣла и даже на юридическій характеръ обыска. Въ доказательство мы приведемъ здѣсь одинъ случай, который разрѣшенъ Уложеніемъ.

Отличительное свойство обыска, какъ мы видѣли, именно состояло въ томъ, что на него ссылались тяжущіеся, не называя лицъ, которые должны быть допрошены („на многихъ людей безименно"). Когда такимъ образомъ допрашивалось множество лицъ, характеръ обыска сохранялся во всей чистотѣ. Но могло быть, что, несмотря на безыменную ссылку, въ обыскѣ оказывалось не болѣе двадцати, или тридцати человѣкъ. Должно ли считать ихъ показанія повальнымъ обыскомъ, или нѣтъ? Тяжущіеся могли умышленно сослаться на такой обыскъ, для того только, чтобы воспользоваться преимуществами, которыя обыскъ имѣетъ передъ показаніями послуховъ. Уложеніе рѣшаетъ вопросъ такъ: если обычикъ и оба тяжущіеся скажутъ, что кромѣ двадцати или тридцати человѣкъ на извѣстномъ, для обыска опредѣленномъ пространствѣ, нѣтъ болѣе другихъ людей, то такой обыскъ почитать повальнымъ обыскомъ (гл. XX, ст. 95).

По Уложенію, обыскъ занимаетъ средину между общею правдою и послушествомъ. Изъ трехъ упомянутыхъ нами видовъ личнаго свидѣтельства, ссылка на общую правду имѣла преимущество передъ ссылкою на обыскъ (гл. X, ст. 167), а обыскъ имѣлъ преимущество передъ послушествомъ, потому что не могъ быть отводимъ противникомъ (гл. X, ст. 161).

По гражданскимъ процессамъ обыскъ производился не иначе, какъ по требованію одного изъ тяжущихся [1]. Когда которыи нибудь изъ нихъ ссылался на обыскъ, судьи посылали государеву грамоту къ воеводѣ того города, гдѣ надлежало быть обыску, съ приказаніемъ произвести его немедленно [2]. По полученіи такой грамоты, воевода посылалъ „отставного дворянина [illegible] „изъ приказа подьячаго", или [illegible] ского, или пушкаря [3], произвести [illegible] на мѣстѣ. По порученію, на [illegible] ному, они вообще назывались обы[illegible] иногда сыщиками (Улож. гл. X [illegible] Этимъ сыщикамъ давалась память, въ которой излагались [illegible] ки и обязанность сыщика (Юр[illegible] № 345). Прибывши на мѣсто, [illegible] было производить обыскъ, сыщикъ [illegible] валъ обыскныхъ людей, какъ обы[illegible] допрашиваетъ свидѣтелей: брать [illegible] отъ каждаго за его подпись отъ [illegible] людей подъ присягою, отъ лицъ [illegible] чина по священству и иноческом[illegible] нію, и принималъ всѣ мѣры, что[illegible] кные люди „стакався не лгали" [illegible] X, ст. 191[illegible]. На обыскѣ основывал[illegible] спорнаго дѣла. Если показанія раз[illegible] то приговоръ постановлялся по бол[illegible] одинаковыхъ показаній (гл. X, ст.[illegible]

Въ періодъ времени отъ Уложе[illegible] тра Великаго обыскъ значительно[illegible] совершенно основанъ на началахъ [illegible] ства. Прежнее положеніе, что [illegible] людей отводить нельзя, сохранило[illegible] ной только формѣ; ибо Новоуказн[illegible] ями 1669 года постановлено не [illegible] вать тѣхъ, которыхъ тяжущійся и[illegible] отводить отъ свидѣтельства [4]. У[illegible] одно только существенное разли[illegible] повальнымъ обыскомъ и послушест[illegible] вый составляли показанія свидѣтел[illegible] именованныхъ тяжущимися, а пос[illegible] ло свидѣтельство лицъ, именно от[illegible] тѣмъ, кто ссылался на ихъ свидѣ[illegible]

Несмотря на формальность, опред[illegible] которую имѣетъ обыскъ въ Улож[illegible] стремленіе законодательства настоя[illegible] основать его на началахъ послуш[illegible] немъ не трудно узнать свидѣтель[illegible] ны, мира, который нѣкогда былъ

[illegible] пять, и по десяти, и по пятнадцати, а по двадцати и больше".

[1] Это доказывается тѣмъ что въ Уложеніи безпрестанно говорится „ссылался въ обыскъ", иногда съ прибавленіемъ: объ инородныхъ. Одно только мѣсто въ Уложеніи упоминаетъ объ обыскѣ, назначаемомъ безъ ссылки тяжущихся. См. Улож. гл. XVIII, ст. 33.

[2] Эти грамоты назывались *сыскными* — 1679 года, 19 декабря (№ 720), боярскій приговоръ. 1688 года, 31 марта (№ 1244), именный

[3] Юридическіе акты, № 345.—Изъ наз[illegible] ти обыщикамъ видно, что иногда посы[illegible] кихъ производить обыскъ.

[4] 1669 года, 22 января (№ 931); Новоук[illegible] о татиныхъ, разбойныхъ и убійственн[illegible] ст. 28. Такъ, не велѣно допрашивать п[illegible] скахъ о родственникахъ: большихъ тяжущихся господахъ: работникомъ о тѣхъ, у кого [illegible] быть. Весьма замѣчательно, что въ числ[illegible] отъ обыска самимъ закономъ не упомяну[illegible] рыхъ отводить именно запрещено въ[illegible] именно родственники и друзья (Улож. гл.

ъ всего нашего юридическаго бы-
характеръ мірскаго, общиннаго
обыскъ сохранилъ отчасти и въ
ни, въ дѣлахъ уголовныхъ; оговор-
въ татьбѣ, разбоѣ или убійствѣ не
не допрося въ обыскѣ, добрый ли
лихой человѣкъ. Такимъ образомъ,
что нельзя отводить обыска, объ-
и исторически. Свидѣтельство цѣ-
ны, міра, неподкупно, непреложно.
Эта мысль сохранилась въ послови-
сть народа, гласъ Божій".
ный бытъ Россіи рано пришелъ въ
Еще въ 1556 году изданы правила
веденія обыска [1]). Изъ этихъ пра-
ила недовѣрчивость къ обыску и
ъ людямъ: упоминается о многихъ
бленіяхъ обыскныхъ людей, о стач-
Законодательство должно было при-
къ различнымъ средствамъ, чтобъ
вастновать вреднымъ послѣдствіямъ,
необходимо влекли за собою ложа-
нія въ обыскѣ, и допустило даже
сть контролировать его. Когда обыскъ
такимъ образомъ значеніе непре-
неопровержимаго свидѣтельства, за-
ьство стало, мало-по-малу, вносить
начала послушества. Законъ не
и не могъ оставить обыску его
юридическаго значенія, но вос-
ся древнею, обветшалою формою,
и создалъ особый видъ послушества,
доставлялъ тяжущимся новые спо-
казыванія—многихъ, иногда имъ са-
звѣстныхъ свидѣтелей.

слушество. Подъ именемъ послуше-
умѣется въ Уложеніи свидѣтельство
имянно означенныхъ тяжущимися,
рое послѣдніе ссылаются какъ на
ьство. Чтобы свидѣтельство было
свидѣтель, „послухъ", долженъ 1)
о чемъ свидѣтельствуетъ; 2) имѣть
давать о томъ, о чемъ свидѣтель-
истинное показаніе.

предмета свидѣтельства предпола-
послухѣ: а) Способность позна-
Поэтому не могутъ быть послухами:
умные, сумасшедшіе, глухіе, нѣмые
е" [2]). Въ Уложеніи объ этихъ не-
ключеніяхъ вовсе не упоминается, можетъ
быть потому, что они разумѣлись сами со-
бою, или жили еще въ обычаѣ, какъ многія
другія юридическія положенія, не вошедшія
въ законъ писанный. Въ Новоуказныхъ стать-
яхъ нѣкоторыя изъ этихъ исключеній показа-
ны, и внесены въ наше законодательство
изъ градскихъ законовъ. b) Непосредствен-
ное знаніе того, о чемъ свидѣтельствуетъ. Поэтому не могли свидѣтельствовать тѣ, которые знали о предметѣ свидѣтельства по слухамъ [3]).

Желаніе послуха дать справедливое показаніе (по Уложенію сказку) предполагается, если нѣтъ какой-либо причины ожидать противнаго.

Такими причинами почитаются въ Уложеніи: а) Нарушеніе святости присяги. Кто однажды далъ присягу въ неправомъ искѣ, или, давши присягу, дѣлалъ ложное показаніе, тотъ не могъ уже никогда быть свидѣтелемъ [4]). b) Предрасположеніе къ истцу или отвѣтчику, проистекающее: α) изъ родства (гл. X, ст. 161). Не принималось свидѣтельство жены одного тяжущагося, по ссылкѣ другого [5]); но свидѣтельство отца или матери одного тяжущагося, по ссылкѣ другого, принималось за неопровержимое доказательство (гл. X, ст. 176); β) изъ „недружбы" (гл. X, ст. 161, 181; гл. XXI, ст. 76); γ) изъ статки свидѣтеля съ однимъ изъ тяжущихся (гл. X, ст. 182, 179); δ) изъ близкихъ, хотя не родственныхъ и не дружественныхъ отношеній свидѣтеля къ одному изъ тяжущихся. По Уложенію, отпущенные крѣпостные люди не могли быть призываемы къ свидѣтельству тѣмъ, кто имѣлъ спорное дѣло съ ихъ прежнимъ господиномъ (гл. X, ст. 174). Когда крѣпостной человѣкъ отвѣчалъ въ своемъ искѣ за своего господина, истецъ не могъ призвать послѣдняго въ свидѣтели по этому иску (гл. X, ст. 178).

---

[1]) Татищева, § 107, 109, 110, 111, 112, 115,

тода, 22 января (№ 131) Новоуказныя
ныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣ-
8.

[2]) Улож. гл. X, ст. 172.—Но указъ 1556 года видно, что въ періодъ Судебника ссылались и на тѣхъ, которые слышали о томъ, о чемъ свидѣтельствовали („съ слухъ видѣше и слышо"). Судебникъ Татищева § 108.

[3]) Улож. гл. XI, ст. 27: „и впредь ему ни въ чемъ не вѣрить".

[4]) Улож. гл. X, ст. 177. — Судебникъ Татищева § 122, указъ 1557 года 2 января „потому что жена въ его (мужа) волѣ, что ей велитъ, то она и вышетъ".

Не всѣ изложенныя нами причины одинаково отклоняли извѣстныя лица отъ свидѣтельства по спорному дѣлу. Иныя сами собою дѣлали свидѣтелей неспособными къ свидѣтельству; другія не иначе, какъ по просьбѣ тяжущагося, противъ котораго приводили свидѣтелей. Къ послѣднимъ преимущественно относятся: родство и недружба (Улож. гл. X, ст. 161, 181, 182, 179). Отклоненіе послуха отъ свидѣтельства самимъ тяжущимся технически называется въ нашемъ законодательствѣ отводомъ. Итакъ, подъ именемъ отвода должно разумѣть отстраненіе отъ свидѣтельства, однимъ изъ тяжущихся, свидѣтеля, на котораго ссылался другой, — отстраненіе, основанное на законной причинѣ и происходившее законнымъ порядкомъ. Тяжущійся подавалъ объ отводѣ просьбу судьямъ (гл. X, ст. 179), которые разсматривали ее и рѣшали, имѣетъ ли отводъ справедливое основаніе. Въ руководство они принимали Уложеніе и обычай, когда первое не опредѣляло правилъ, признаваемыхъ въ послѣднемъ.

Не могли быть отводимы: а) Родители (Улож. гл. X, ст. 176). b) Ссылка на десять человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городовыхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣлецкихъ головъ, гостей, дьяковъ, жильцовъ, дворовыхъ людей, стрѣлецкихъ сотниковъ и подъячихъ помѣстно, въ искѣ, цѣною въ 50 рублей (гл. X, ст. 158). c) Ссылка на десять человѣкъ посадскихъ людей гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ; стрѣльцовъ, казаковъ и вообще служилыхъ людей; ямщиковъ, монастырскихъ служекъ и крестьянъ, помѣстно въ искѣ цѣною въ 20 рублей (гл. X, ст. 159).

Въ означенныхъ трехъ случаяхъ свидѣтельство почиталось полнымъ, несомнѣннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ. Если „тѣ люди (на которыхъ ссылался тяжущійся) по допросу скажутъ не противъ его ссылки, или и противъ его ссылки, да не всѣ во одну рѣчь, хотя одинъ не по немъ скажетъ, или они скажутъ, что про то дѣло ничего не вѣдаютъ, и его тѣмъ обвинити, потому что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, а они сказали не противъ его ссылки“ (гл. X, ст. 160).

Свидѣтелей допрашивали въ судѣ. Это доказывается грамотами, помѣщенными въ собраніи юридическихъ актовъ и многими мѣстами въ Судебникѣ, Уложеніи и другихъ источникахъ, въ которыхъ упоминается [illegible] хоженомъ и вѣдѣ недѣльщику, посылаемомъ за свидѣтелями („на правду“). Свидѣтели, живущихъ въ городахъ и уѣздахъ, [illegible] рые посылались не приставы, а [illegible] вѣроятно не вызывали къ суду, а [illegible] вали на мѣстѣ: на это мы не имѣем[illegible] мыхъ доказательствъ, но заключаем[illegible] логіи съ вызовомъ къ суду отвѣтчика [illegible] допросомъ общей правды. Допросу [illegible] лей необходимо предшествовало при[illegible] ихъ къ присягѣ (Улож. гл. X, ст. 1[illegible] Когда это введено впервые, утверд[illegible] сказать нельзя. Въ Судебникѣ и со[illegible] ныхъ ему правыхъ грамотахъ о [illegible] свидѣтелей не упоминается. Въ У[illegible] приведеніе ихъ къ присягѣ принято [illegible] правило. Подъ него не подходили, ре[illegible] ся, лица духовнаго, жалія, и кажет[illegible] шіе сановники государства, бояре, [illegible] чьи, думные дьяки и думные люди; [illegible] ней мѣрѣ о приведеніи ихъ къ при[illegible] ре съ свидѣтельствомъ нигдѣ не упом[illegible]

Показаніе свидѣтелей технически [illegible] лось сказкою (Улож. гл. X, 158. [illegible] отобраніе показаній — допросомъ, и[illegible] воположность распросу, который, [illegible] самому названію, заключалъ въ себѣ [illegible] инквизиціонное, слѣдственное [1]).

7) Жребій. Жребій былъ одною [illegible] нѣйшихъ формъ суда Божія (ordali[illegible] Уложенія онъ принимается за судеб[illegible] казательство только въ двухъ с[illegible] 1) когда цѣна иска не превышает[illegible] (Улож. гл. XIV, ст. 10); 2) въ искахъ [illegible] цами духовнаго чина [2]). — Отсюда вид[illegible] въ періодъ Уложенія дѣйствіе жребі[illegible] весьма ограничено. Въ строгомъ [illegible] онъ былъ тогда не что иное, какъ [illegible] тутъ крестоцѣлованія, и то въ не[illegible] случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ [illegible] ограниченное дѣйствіе жребія, как[illegible] наго доказательства, объясняется сам[illegible] характеромъ. Жребій былъ остатком[illegible]

[1] Но эта древность жребія указываетъ [illegible] видно происходящая отъ одного съ нимъ [illegible] *жрецъ, жертва, жеребій*. (Мы знаемъ, что [illegible] своемъ храмѣ гадали посредствомъ жре[illegible] Исторія, т. 1, стр. 99, примѣч. 228 (до 1-[illegible]

[2] Улож. гл. XIII, ст. 4. — Впрочемъ, [illegible] шенія тяжбы жребіемъ, другой тяжущійся [illegible] спять о допросѣ духовныхъ священническаго [illegible] священству, а иноковъ по иноческому обща[illegible] гл. XIII, ст. 6.

[3] 1707 года, 22 марта (№ 2144), бояр[illegible] говора.

ческихъ вѣрованій въ судъ Божій, ...ашалъ, что право и что неправо, ...отъ усилій человѣка. Съ утвер... христіанской религіи, это вѣрованіе ...ло исчезнуть. Мѣсто суда Божія ...ѣлованіе креста, которое тоже ...актеръ ордали, но привнесло къ ...началу начало свободной, индиви... воли. Стали вопрошать совѣсть тя... подъ страхомъ неминуемаго нака... за сокрытіе истины. Ордали ...ли тогда занять второстепенное ...числѣ судебныхъ доказательствъ, ..., впослѣдствіи, почти совершенно

VI.

Отсрочка съ суда.

...ущіеся, истецъ и отвѣтчикъ, могли, ...женіе суда, просить объ отсрочкѣ ...которое время. Когда отсрочки про... тяжущійся, то она давалась ему ... какъ по какой-либо законной при... Уложенію, Новоуказнымъ статьямъ ...грамотамъ, такими законными при...знавались: а) доставленіе на судъ ...необходимой для рѣшенія спорнаго ...) когда тяжущійся не изготовился ...[1]).

...быть и другія законныя причины ... Но когда оба тяжущіеся просили ...кѣ съ суда, то она давалась имъ ...конной причины, по одному обоюд... согласію. Они заключали между ...віе о срокѣ, въ который должны ...ться къ суду, и это условіе озна... собственноручной подписи подъ суд...скою [2]). Кто не являлся послѣ от... срокъ, назначенный или зако... полюбовно самими тяжущимися, ...вялся безъ суда; истецъ терялъ ... отвѣтчикъ признавался виновъ... Ію называлось недосуженнымъ, ... объ этомъ спорномъ дѣлѣ недо...ою запискою.

VII.

Сыскъ.

Въ Уложеніи весьма часто встрѣчаемъ мы выраженіе: а съ суда сыскати (гл. X, ст. 135). Это выраженіе подавало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и было главнымъ основаніемъ неправильнаго взгляда на гражданское судопроизводство того времени.

Тяжущіеся указывали (ссылались) на доказательства; судьи удостовѣрялись въ дѣйствительности и подлинности этихъ доказательствъ. Такое удостовѣреніе технически называлось, во времена Уложенія, сыскомъ[5]). Итакъ, выраженіе съ суда сыскати значило: удостовѣриться въ подлинности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися; если они ссылались на свидѣтельство — допросить свидѣтелей; если на обыскъ—обыскать; если на крѣпости, или книги—разсмотрѣть, освидѣтельствовать крѣпости и книги. Такъ объясняются и другія выраженія, встрѣчающіяся въ источникахъ: по суду и по сыску[6]), по суду или по сыску[7]), по судному и сыскному дѣлу[8]). Слова: сыскъ, сыщется, никогда не употреблялись въ отношеніи къ собственному признанію, присягѣ и жребію. Причина вѣроятно та, что они, по существу своему, не имѣли ничего общаго съ прочими доказательствами.

VIII.

Судная записка.

Доказательства и возраженія тяжущихся, представляемыя на судѣ словесно или письменно, и вообще все, что говорилось на судѣ истцомъ, отвѣтчикомъ и судьею, записывалось подъячими того приказа, гдѣ происходилъ судъ.

„А судныя дѣла въ приказѣхъ записывати подъячимъ, а черненья бы и межъ строкъ приписки и скребленья въ тѣхъ запискахъ не было. А какъ судъ отойдетъ, и истцу и отвѣтчику къ тѣмъ запискамъ прикладывати

...гл. X, ст. 22 — 1685 года, 11 ноября ...ная статья, п. 2.

...ода, 19 января (№ 1156); именный ст боляр...говорамъ.

...е — 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Суд... п. 2.

[5]) Улож. гл. VII, ст 6, гл. X, ст. 194; гл. XX, ст 17; гл. X, ст 214, 223, 235, 258, 276; гл. XX, ст. 64, 103.

[6]) Улож. гл. VII, ст. 7, гл IX, ст. 3; гл. XI, ст. 2 31; гл XVII, ст 27, гл XX, ст 4; гл X, ст. 92, 218, 211, и др.

[7]) Улож. гл X, ст 30, 31, 85.

[8]) Юридическіе акты, № 25.

руки. А которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто прикладывати руки, кому они вѣрятъ" (Улож. гл. X, ст. 11).

„А... для записки судныхъ дѣлъ во всѣхъ приказѣхъ быти записнымъ книгамъ, за дьячими руками. А судныя дѣла въ тѣ книги записывати подьячимъ тогожде часу, какъ судъ отойдетъ, чтобы про то было вѣдомо, въ которомъ числѣ кто на комъ чего искалъ" (Улож. гл. X, ст. 128).

IX.

Судъ.

(дополнительный).

Изъ многихъ статей Уложенія мы видимъ, что послѣ суда по какому-либо спорному гражданскому иску, когда не было никакихъ рѣшительныхъ доказательствъ ни въ пользу, ни противъ этого иска, тяжущимся снова давался судъ, за которымъ, въ большей части случаевъ, слѣдовало крестное цѣлованіе.

„А будетъ кто безпомѣстный и безвотчинной, или иноземецъ кормовой, или кто нибуди, похвалится на кого смертнымъ убійствомъ въ очи, или за очи, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ на него Государю бити челомъ, и на него дати судъ, а съ суда сыскати. А будетъ кто на кого въ похвальбѣ смертнаго убойства учнетъ Государю бити челомъ, а сыскати про то нѣкимъ, и имъ въ томъ дати судъ, а съ суда учинити указъ, до чего доведется" [1]).

Слѣдовательно этотъ, если можно такъ выразиться, дополнительный судъ былъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, когда ни одинъ изъ тяжущихся не былъ обвиненъ послѣ перваго суда.—Нерѣдко доказательства, на которыя ссылался тяжущійся, или ничего не доказывали, или не могли быть приняты за основаніе при рѣшеніи спорнаго дѣла (напр. акты, которые уничтожились, послухи, умершіе до ссылки на нихъ въ послушество и т. д.). Тогда давался тяжущимся новый судъ по тому же дѣлу. Въ этомъ новомъ, дополнительномъ судѣ, они могли привести новыя доказательства. Но какъ это не всегда было возможно, то обыкновенно, подлѣ дополнительнаго суда, порой рѣшалось присягою.

Установленіе дополнительнаго суд важно. Оно давало тяжущимся возм доказывать и опровергать спорный ф ными, не приведенными прежде док стями, и чрезъ это ослабляло строго щеніе не дополнять спорнаго дѣла доказательствами послѣ суда. Такимъ ломъ все, что могли сказать тяжущ свою пользу и въ опроверженіе про злагалось ими передъ первымъ судье ляція ограничивалась уже одною жа неправое рѣшеніе, а не состояла въ ніи новыхъ доказательствъ въ польз тивъ спорнаго иска, какъ начали д послѣдствіи времени.

X.

Засуженое дѣло.

Когда судъ былъ совершенно око вмѣстѣ съ нимъ оканчивалось веде зательствъ, важнѣйшій моментъ въ изводствѣ—искъ дѣлался засуженым значило, что спорное дѣло, соста предметъ процесса, переставало быт судимымъ. Искъ засуженый не з снова опровергаемъ и доказываемъ няемъ и переговариваемъ" [1]). Теперь видѣ, въ какомъ онъ являлся по онъ становился уже предметомъ суда, а рѣшенія.

C.

Развитіе гражданскаго судопр ства послѣ суда.

I.

Ставочныя поручныя записи съ

„А съ суда по истцѣхъ и по отв имати ставочныя поручныя записи что тѣмъ истцомъ и отвѣтчикомъ шены суднаго дѣла, безъ указу с не съѣжати, а велѣти такія пору писи приставомъ збирати и къ дѣ

[1]) Улож. гл. X, ст. 135; Ср. также гл. VII, ст. 30 гл. X, ст. 178, 190; гл. XI, ст. 25, гл. XX, ст. 109, гл. XXI, ст. 54.

[1]) Улож. гл. X, ст. 113. — Объ судьѣ, п римъ происходилъ судъ, говорится по окон что онъ „засудилъ судъ". Улож. гл. X, с тяжущихся, что они „засудились". Улож. гл

иси отдавати послѣ суда вскорѣ,
уки истца и отвѣтчика послѣ суда
не велѣти, и принести приста-
ручная запись, въ приказъ къ
мѣтѣ, кончее въ третій день. А
ѣтя ту поручную запись, отдати
у кого судное дѣло будетъ. А бу-
анъ послѣ суда въ третій день по-
иси въ приказъ не принесетъ, и
у кого судное дѣло будетъ, про
дьяку, что приставъ по судному
ные записи къ дѣлу въ три дни
ъ, и по той подьяческой сказкѣ
а то учинити наказаніе... и... ве-
ло истцѣ и по отвѣтчикѣ поруч-
собравъ принести къ дѣлу того
будетъ тотъ приставъ ту поруч-
послѣ наказанія того дни къ дѣлу
ть, и ту поручную запись по истцѣ
чикѣ велѣти собрати иному при-
будетъ который приставъ поруч-
по истцѣ или по отвѣтчикѣ къ
несетъ, а подъячій про то судьямъ
ть, а истецъ и отвѣтчикъ, не давъ
руки, съ Москвы съѣдутъ, и за
цовъ и за отвѣтчиковъ по суд-
мъ Государевы пошлины и пере-
вой десятокъ правити на приста-
подъячихъ, у которыхъ дѣла бу-
будетъ послѣ суда съ Москвы
зъ порукъ одинъ отвѣтчикъ, а
на Москвѣ будетъ, а по судному
ется того истца оправити, а отвѣт-
ити, и того отвѣтчика, который
съѣдетъ, велѣти сыскивати подья-
ставу, которые его съ Москвы
отпустятъ. А давати по такихъ
подъячимъ и приставомъ Госу-
моты, и приставовъ и поверстный
сударевы пошлины и пересудъ и
ятокъ за того отвѣтчика велѣти
авити безсрочно... А будетъ та-
ика подъячій и приставъ не сы-
лицахъ того отвѣтчика не бу-
того отвѣтчика и истцовъ искъ
авити на томъ же подъячемъ и
ѣ, которые того отвѣтчика съ
ъ поруки отпустятъ, и отдавати
волокитно" (Улож. гл. X, ст. 123).

II.

Отлучка тяжущихся.

(съѣздъ)

„А который истецъ или отвѣтчикъ, съ суда давъ по себѣ поручную запись, что ему до вершенья суднаго дѣла съ Москвы не съѣхати, да съѣдетъ, и въ томъ на него будетъ челобитье отъ того, съ кѣмъ у него будетъ дѣло, и про тотъ его съѣздъ поручники, или сынъ его, или человѣкъ, или дворникъ по допросу скажутъ, и руки къ сказкѣ своей приложатъ; а на завтрее, или на другой, или на третій день, тотъ истецъ или отвѣтчикъ, на кого бьетъ челомъ съѣздомъ, на Москвѣ объявится; и такихъ истцовъ и отвѣтчиковъ съѣздомъ не винити. А которые послѣ поручиковы сказки на Москвѣ въ три дни не объявятся, и тѣхъ винити съѣздомъ" (Улож. гл. X, ст. 112);... „истецъ будетъ съѣдетъ, и онъ иску своего лишенъ, а пошлины съ суднаго дѣла и пересудъ и правой десятокъ велѣти доправити на поручникахъ его. А будетъ съѣдетъ отвѣтчикъ, и истцовъ искъ и Государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ велѣти доправити на поручникахъ же его, которые по немъ ручалися съ суда въ статьѣ" (гл. X, ст. 116).

III.

Отсрочка тяжущимся послѣ суда.

Мы видѣли, что въ періодъ Уложенія, тяжущіеся, послѣ суда и до самаго рѣшенія ихъ дѣла, ни подъ какимъ видомъ не могли отлучаться изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ (Улож. гл. X, ст. 156, 157). Изъ этого правила сдѣлано было одно только исключеніе: „для Государевы службы" давали тяжущимся отсрочку, т.-е. дозволяли имъ уѣхать изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ, и обязывали явиться въ извѣстный срокъ, опредѣленный общимъ указомъ объ отсрочкѣ. Тѣ, которымъ было отсрочено „для Государевы службы", имѣли важное преимущество, имъ однимъ исключительно принадлежавшее: ихъ ни въ какомъ случаѣ не взяли неявкою. „А отсрочнымъ срокомъ мимо судныхъ дѣлъ никого ни въ чемъ не винити". Если они не явились въ срокъ для выслушанія рѣшенія, то рѣшеніе объявляли ихъ поручикамъ, и съ нихъ взыскивали искъ и пошлины (гл. X, ст. 113).

IV.

Судной списокъ.

Изъ записки „истцовыхъ и отвѣтчиковыхъ рѣчей" подьячій составлялъ короткую выписку (судный списокъ), по которой судьи и постановляли рѣшеніе о спорномъ дѣлѣ. Судный списокъ дьякъ свѣрялъ съ запискою судного дѣла и скрѣплялъ своею подписью, а записку отдавалъ подьячему, для храненія на случай спора (Кошихинъ, гл. VII, ст. 12; Улож. гл. X, ст. 11, 22).

V.

Вершенье.

О судебномъ приговорѣ по спорнымъ гражданскимъ искамъ мы находимъ мало юридическихъ положеній въ законахъ настоящей эпохи. Въ Уложеніи упоминается только, что судьи приказа должны всѣ вмѣстѣ рѣшать дѣло. Рѣшеніе, постановленное ими, называлось приговоромъ. Подъ приговоромъ подписывались тѣ судьи, которые рѣшали дѣло, и если кто-либо изъ нихъ не былъ при рѣшеніи, то показывались причины его отсутствія (Улож гл. X, ст. 23; Юрид. Акты, № 63, 66, 67, 70). Приговоръ объявлялся тяжущимся словесно („сказывать приговоръ"). Если тѣ, которымъ для „государевы службы" дана отсрочка, не явились въ срокъ для выслушанія рѣшенія, то приговоръ объявлялся ихъ поручикамъ (Улож. гл. X, ст. 113; Юрид. Акты, № 20, стр. 71).

VI.

Правыя грамоты.

Подъ именемъ правой грамоты должно разумѣть письменный актъ, въ которомъ излагались судъ и рѣшеніе по какому-либо спорному дѣлу. Такой актъ составлялся въ томъ судебномъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ судъ, и выдавался обыкновенно тому тяжущемуся, который былъ справедливъ рѣшеніемъ. Правыя грамоты были такого рода. Онѣ давались [illegible] приговора, основанныя на томъ, что истецъ [illegible] въ срокъ къ суду [illegible] въ т. ч. Первый судъ въ строгомъ смыслѣ, правыя гра[illegible] вторыя называются въ Судебникѣ и [illegible] менныхъ ему источникахъ безсуд[illegible] Въ Уложеніи названіе безсудія [illegible] встрѣчается; быть-можетъ оно замѣн[illegible] нимъ общимъ названіемъ правыхъ г[illegible]

Правыя грамоты давались не изъ[illegible] по просьбѣ самихъ тяжущихся [5]. О[illegible] ной сторонѣ было необходимо имѣть [illegible] тельство, что извѣстное спорное [illegible] шено правительствомъ въ ея пользу [illegible] могло уже снова сдѣлаться предметом[illegible] Такимъ доказательствомъ служила [illegible] грамота, которая, какъ актъ, соста[illegible] правительственнымъ мѣстомъ, имѣла [illegible] сомнѣннаго, полнаго доказательства. [illegible] мѣняла собою крѣпость и тѣмъ, или [illegible] тельно, или отрицательно, охраняла [illegible] того, кому выдавалась. Въ нѣкоторы[illegible] чаяхъ она была обязательна только [illegible] лица, съ которымъ оправданный и [illegible] шій правую грамоту имѣлъ тяжбу; [illegible] гихъ—кругъ дѣйствія и значеніе ея [illegible] сравненно обширнѣе: она служила [illegible] стнымъ актомъ, ограждавшимъ пр[illegible] тивъ всѣхъ тѣхъ, которые объявлял[illegible] свои притязанія. Правыя грамоты [illegible] лись подписью дьяка, справлялись по[illegible] и печатались печатью судьи, которы[illegible] и рѣшилъ спорное дѣло, наложенно[illegible] вой грамотѣ [6].

VII.

Позднѣйшіе приговоры.

По различію судебныхъ рѣшеній [illegible] ымъ спорнымъ искамъ и исполнен[illegible] воровъ было различно. Когда въ п[illegible] вялся истецъ, то въ этомъ обвинен[illegible] чалось и самое исполненіе приго[illegible] истецъ лишался своего иска. Напр[illegible] приговора, по которому былъ обв[illegible]

[5] Улож. гл. XVIII, ст. 58 Юридич[illegible] № 1 — 18—27, 29

[6] Судебникъ Ѳеодосія, § 30, 31, 41, [illegible] 1687 года 28 февраля (№ 287) [illegible] [illegible] выдана такая жалованная [illegible] 1700 го[illegible] года, въ которой упоминается о [illegible] [illegible] тахъ—1677 года 9 марта (№ 681) [illegible] грамота Грузинскому Иверскому монасты[illegible] [illegible] и въ др.

[7] Улож. гл. XVIII, ст. 61 — Юридич[illegible] № 28 ст. 71.

[8] См. правыя грамоты въ Собраніи [illegible] актовъ

…никала для этого отвѣтчика обя-
…латить истцу его искъ, а для
… требовать уплаты иска отъ от-

…сковъ была различна, по различію
… и неденежныхъ исковъ. Уплата
…енежныхъ состояла въ возвра-
… отвѣтчикомъ той вещи, движи-
…едвижимой, которая составляла
…ска и процесса. Какимъ об-
…ращалась спорная вещь истцу,
…чикъ противился и не хотѣлъ
…вольно, возвратить ее, этого мы
… потому что объ этомъ не го-
…законахъ и актахъ того времени.
…пособы были тѣ же, какіе поста-
… Уложеніи для выемки поличнаго
… во владѣніе недвижимымъ иму-
Уплата исковъ денежныхъ со-
…выдачѣ истцу отвѣтчикомъ суммы
…суженной судебнымъ приговo-

…оторую отвѣтчикъ долженъ былъ
…стцу (величина иска), различно
…, по различію приговоровъ или
Если обвиняли отвѣтчика безъ
…вку, или промолвку, то величина
…лялась по приставной памяти [1]).
… когда одного изъ тяжущихся об-
…основаніи того, что̀ оказывалось
… величина уплачиваемаго иска
…ъ уже не приставною памятью,
…омъ истца, а процессомъ. Поэтому
…емъ въ Уложеніи: доправить искъ
… X ст. 238, 284), по сыску [2]).
…мъ иска могла быть также вещь
… которой, по какимъ бы то ни
…намъ, отвѣтчикъ не могъ возвра-
Въ этомъ случаѣ съ него взыски-
…вещи. Эта цѣна опредѣлялась:
… (Улож. гл. X, ст. 222), 2) или по
… указу", указная цѣна) [3]), 3) или
… истцовъ (Улож. гл. X, ст. 284,
… по оцѣнкѣ сторонних людей [4]),
…нецъ по договору (Улож. гл. XVII,

Если отвѣтчикъ не уплачивалъ истцу присужденной суммы, то ее взыскивали слѣдующимъ образомъ:

а) Отвѣтчика ставили на правежъ. „Оныхъ обвиненныхъ къ платежу выводили передъ приказъ разутыхъ передъ тѣмъ, какъ судьямъ надлежитъ въ приказъ пріѣзжать, а спускали съ правежа, какъ судья выѣдетъ. У каждаго обвиненнаго стоялъ по сторону приставъ, съ прутомъ, и билъ вдоль по голой ногѣ такъ крѣпко, какъ ему отъ истца, или отвѣтчика за трудъ заплачено; слѣдственно одни на правежѣ стоя, бою не чувствовали, другіе были изувѣчены" [5]).

Итакъ, во времена Уложенія правежъ сдѣлался такимъ же источникомъ злоупотребленій, какъ судъ и какъ почти всѣ формы тогдашняго юридическаго быта. Но первоначальное его значеніе было совсѣмъ другое. Вѣроятно правежъ былъ наказаніемъ, присуждаемымъ должнику за неуплату долга [6]). Этимъ объясняется, почему въ Уложеніи о правежѣ долга и правежѣ иска говорится вмѣстѣ, нераздѣльно [7]). Такое наказаніе весьма естественно при неумолимой строгости къ должникамъ, которую мы замѣчаемъ въ нашемъ и во всѣхъ древнихъ законодательствахъ. Поэтому едвали справедливо мнѣніе Татищева, будто бы правежъ заимствованъ нами отъ татаръ. Конечно, будущимъ изслѣдователямъ русскихъ древностей предстоитъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно; но нельзя не замѣтить, что многія установленія мы считаемъ принадлежащими къ намъ изъ другихъ законодательствъ, тогда какъ онѣ принадлежатъ намъ и суть чисто-національныя.

Въ послѣдствіи, кажется, правежъ сдѣлался средствомъ, чтобъ заставить должника уплатить долгъ. На это значеніе указываетъ Татищевъ, объясняя причину, почему не велѣно держать на правежѣ больше мѣсяца: „болѣе мѣсяца на правежѣ не стоять для того, есть ли въ мѣсяцъ ничего вымучить не

…, 11 ноября (№ 1150); Судныя статьи,

… X, ст. 223—225, 133, 208, 242
… X, ст. 209, 214, 217, 219, 220, 221,
…33 года 20 мая (№ 1013); Писцовый на-
…камъ, посланнымъ къ городы, ст. 35.
… XII, ст. 24, гл. X, ст 272; гл XVII,

[5]) Судебникъ Татищева, § 131, прим (а) —Въ источникахъ о правежѣ говорится во многихъ мѣстахъ, но какъ онъ производился — нигдѣ не изложено.

[6]) „И бити его на правежѣ безо всякія пощады, не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взяти: для того, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такъ воровати" Улож гл X, ст 153.

[7]) Улож. гл. X, ст. 265.—О правежѣ говорится отъ Уложенія (гл. X) ясьльдъ за ученемъ о займѣ и заемныхъ кабалахъ

можно, то и въ годъ бывши уже не доправить" [1]. Чрезъ это правежъ сдѣлался излишнимъ; ибо истцамъ были предоставлены законодательствомъ другія средства взысканія долга. Это и злоупотребленія, съ нимъ связанныя, приготовили отмѣну его при Петрѣ Великомъ.

Къ правежу „ставились" всѣ обвиненные, не платившіе иска, кромѣ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ: митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и думныхъ дьяковъ [2]. Такое исключеніе въ пользу этихъ лицъ вѣроятно сдѣлано потому, что они вообще не подвергались тѣлесному наказанію. Обвиненные или сами ставились къ правежу, или посылали вмѣсто себя своихъ людей (Улож. гл. X, ст. 151, 261). За сто рублей правежъ продолжался мѣсяцъ, за большую или меньшую сумму—по расчисленію [3].

Правежу предшествовало составленіе, на основаніи судебнаго приговора, правежной выписи, которая соотвѣтствовала выпискѣ къ крестному цѣлованію. По этой выписи обвиняемыхъ отдавали на поруки. Извѣстныя лица (поручики) ручались въ томъ, что обвиненный будетъ ставиться на правежъ ежедневно, до самаго его окончанія; въ случаѣ неисполненія имъ этого условія, они обязывались платить за отвѣтчика искъ и пеню. Объ этомъ поручительствѣ составлялась поручная запись за подписью свидѣтелей, и вообще по всѣмъ правиламъ составленія обыкновенныхъ поручныхъ записей [4].

Правежъ прекращался: истеченіемъ срока правежа; сдѣлкою между истцомъ и отвѣтчикомъ (Улож. гл. X, ст. 84); уплатою истцова иска за отвѣтчика кѣмъ-либо посторонними (гл. XX, ст. 46). Послѣ правежа отвѣтчикъ могъ просить отсрочки въ уплатѣ иска. Такая отсрочка, также на мѣсяцъ и болѣе, технически называлась переводомъ, потому что уплата откладывалась, переводилась на слѣдующій мѣсяцъ. Но если и по истеченіи „указнаго" мѣсяца [illegible] не платилъ иска, то приступали уже [illegible] гимъ средствамъ взысканія [5].

b) Искъ взыскивали въ помѣстьяхъ [illegible] чинахъ съ людей и крестьянъ об[illegible] (Улож. гл. X, ст. 262).

c) У кого не было людей и крест[illegible] уплату иска обращали имущество [illegible] движимое имѣніе („животы") (Улож. [illegible] ст. 262, 269; гл. XXI, ст. 68).

d) За недостаткомъ движимаго им[illegible] обращались къ недвижимому, къ [illegible] вотчинамъ (Улож. гл. X, ст. 263).

Взысканіе долга или иска изъ им[illegible] производилось слѣдующимъ образо[illegible] щество, сперва движимое, потомъ н[illegible] движимое, оцѣнялось, и или отдавало[illegible] (Улож. гл. X, ст. 262, 263), или про[illegible] постороннимъ (гл. X, ст. 263, 269, [illegible] ст. 68). Въ обоихъ случаяхъ излишек[illegible] щійся отъ цѣны имущества, возвра[illegible] вѣтчику. Но если въ уплату иска [illegible] вало имущества, тогда недостающе[illegible] вали съ обвиненнаго и людей его [illegible] положеніе, противорѣчащее тому, [illegible] сказали выше, образовалось уже по[illegible] женія) (Улож. гл. X, ст. 263, 264).

Съ постепеннымъ сближеніемъ [illegible] помѣстной съ системою вотчинною [illegible] лось правило—обращать въ плату [illegible] одни пустыя вотчины, но и пустыя [illegible] только помѣстья нельзя было про[illegible] кому, кромѣ родственниковъ отвѣтч[illegible] отдачи помѣстья въ уплату иска, [illegible] вѣтчика уничтожался, хотя бы эт[illegible] и превышалъ цѣну помѣстья. Ч[illegible] число отдаваемыхъ истцамъ головов[illegible] должно было значительно уменьши[illegible] послѣствіи, не только пустыя, но [illegible] населенныя) помѣстья и вотчи[illegible] было „описывать и цѣнить... и пр[illegible] истцомъ отдавать въ платежъ иско[illegible]

e) Когда у отвѣтчика не было [illegible] на уплату иска, тогда приступали [illegible] нему, крайнему средству удовлетв[illegible] поиъ и кредиторовъ самого отвѣтч[illegible] отдавали истцу для заработки дол[illegible]

---

[1] Судебникъ Татищева, § 141, стр. 60.

[2] Изъ духовныхъ лицъ не ставили на правежъ только архимандритовъ. Улож. гл. X, ст. 84; изъ свѣтскихъ—еще окольничихъ. Улож. гл. X, ст. 81.

[3] Улож. гл. X, ст. 261. Для правежа на всякія с[illegible] не было постоянно опредѣленнаго времени. Улож. гл. X, ст. 84.

[4] Улож. гл. X, ст. 151. Юридическіе акты, № 816, [illegible] 1. [illegible] № [illegible] Новгородскія [illegible] о частныхъ расчетахъ и указныхъ [illegible] ст. 18.

[5] Улож. гл. X, ст. 261.—Указъ съ [illegible] ноября 1680 года, 15 мая. Судебник[illegible] § 261.

[6] 1656 года, 11 мая (№ 197); именны[illegible]

[7] 1681 года, 2 октября (№ 1135); им[illegible] правилъ приложеніе.

…ка технически называлась вы…
…вою до искупу [1]).
…ловою есть древнѣйшій способъ
…я требованій на извѣстномъ
… вознаграждалъ за убытокъ, не
…, того самого отдавали истцу.
…ого установленія, несогласнаго
…перешими понятіями, объяс…
…чески. У всѣхъ народовъ, въ
…дъ ихъ существованія, обяза…
…навливаютъ не частную, ограж…
…мость, но полное, цѣлостное
…ного власти другого; обязатель…
…етъ цѣлый юридическій бытъ
…ность, семейство и имущество.
…о, слѣдствіемъ выдачи головою,
…до поступленіе выданнаго въ
…рженіе того, кому выдавали
… могъ дѣлать съ нимъ, что хо…
…за невыполненіе обязательства,
…своимъ рабомъ [2]). Но впослѣд…
…ръ выдачи головою измѣнился;
…ъ или одною пустою формою,
…она была всякаго содержанія [3]),
…шей части случаевъ, обратилась
…знагражденія, къ которому при…
…мыхъ крайнихъ случаяхъ, когда
…редства удовлетворенія истцовъ
… недостаточными. Этотъ новый
…дачи головою ясно видѣнъ въ
… Уложеніи.
…ловою, въ заработку иска, под…

…X, ст. 204, 206, 264, 265, 268, 271,
… 39, 40; гл. XXI, ст. 88.
…ложеніе оправдывается нѣкоторымъ об…
…го за убійство выданнаго человѣка при…
…ваніе по усмотрѣнію государя („что Го…
…"), а не обыкновенное, положенное за
… гл. X, ст. 268.—Итакъ наказаніе за
…является какимъ-то исключеніемъ изъ
… неопредѣленность его свидѣтельствуетъ
…о начало вводиться не задолго до Уло…
…ъясненія этого срока необходимо пред…
…ніе прежнихъ отношеній между истца…
…ъ нимъ до искупа.
…ка выдача головою боярина, окольничья…
…ровка патріарху, митрополиту, архі…
…ескому за безчестье. Улож. гл. X, ст.
…евъ (Судебникъ, § 55, примѣч. (а)).
…о была разная. (1) знатныхъ людей за
…ильныя посылали къ старшему въ родѣ
…но сіе было токмо лицемъ. Какъ онаго
…ринимающій долженъ его съ честью пріять
…оборону благодарить. Хотя-бъ приведен…
…ъ ни ругныхъ словами, онъ долженъ
… гостя съ честью отпустить".

лежали одни лица низшихъ сословій [4]). Эти лица выдавались истцу не навсегда, а „до искупа", т.-е. до того времени, пока кто-либо заплатитъ за отвѣтчика долгъ, или онъ заработаетъ его своими трудами. Для этого опредѣлена была заработная плата. Годичная работа мущины оцѣнялась въ 5 рублей, женщины въ половину: дѣтей, которые достигли 10-ти-лѣтняго возраста, въ 2 рубли, „а которые дѣти у нихъ будутъ недоросли, меньше десяти лѣтъ, и тѣмъ недорослямъ въ окупъ истцова иску ничего не зачитати, потому что такіе недоросли въ таковы лѣта не работаютъ" [5]). Кажется, что во времена Уложенія по долгамъ мужа жену не отдавали головою истцу вмѣстѣ съ мужемъ; это доказывается тѣмъ, что долги, лежавшіе на мужѣ, платились имъ, а не женою, и наоборотъ, долги жены не падали на отвѣтственность мужа [6]). Если это предположеніе справедливо, то естественно возникаетъ вопросъ: какія дѣти отдавались головою, до искупу, съ однимъ супругомъ, и какія оставались при другомъ? Судя по аналогіи съ древнѣйшими началами наслѣдованія, съ матерью должны были отдаваться дочери, съ отцомъ сыновья (разумѣется, неотдѣленные) [7]). Впрочемъ это одно предположеніе. Новоуказными статьями выдача головою мужа безъ жены и

[4]) Татищевъ говоритъ: „дѣйствительно за долги отдавали болѣе посадскихъ и крестьянъ дворцовыхъ или государственныхъ". Судебникъ, § 55, примѣч. (а).—Изъ Уложенія видно, что головою не выдавали: дворянъ и дѣтей боярскихъ, гл. X, ст. 204, служилыхъ всякихъ чиновъ людей (кромѣ дѣтей боярскихъ, „которые ходятъ въ приставѣхъ", гл. X, ст. 264, стрѣльцовъ, гл. X, ст. 265, и кромѣ казаковъ, пушкарей, затинщиковъ и иныхъ меньшихъ чиновъ служилыхъ людей, гл. X, ст. 266) Новоуказными статьями запрещено выдавать головою мѣщанъ, 1673 года, 19 марта (№ 540), именный.

[5]) Улож. гл. X, ст. 266. Наравнѣ съ работою женщинъ цѣнилась работа „сросшихъ дѣвокъ", Улож. гл. XX, ст. 40, гл. XXI, ст. 88.

[6]) 1657 года, 25 іюля (№ 210); патріаршій приговоръ, помѣченный думнымъ дьякомъ — 1660 года (№ 290); именный воеводамъ въ Нижній Новгородъ и Каргополь.—Тоже самое доказываетъ Русская Правда XIII столѣтія: „Аже холопъ крадетъ коголюбо, то господиноу выкоупати и, либо *выдати* и, съ кимь боудеть краль, а женѣ и дѣтемь не надобѣ; а оже боудоуть съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати". „Древнѣйшее русское право" *Эверса*. Спб. 1835.—Также см. Улож. гл. XXI, ст. 88. Наконецъ 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлѣхъ, ст. 16: „выдавать головою до искупу, безъ женъ".

[7]) Такъ у насъ до сихъ поръ въ крестьянскому быту, дочь наслѣдуетъ матери, сыновья отцу.

жены безъ мужа, отмѣнена. Постановлено общимъ правиломъ — не разрозненать семейства, и выдавать въ заработку обоихъ супруговъ вмѣстѣ [1]).

Съ тѣхъ, кому выдавались отвѣтчики головою, бралась порука въ томъ, что они ихъ не убьютъ, не изувѣчатъ, и вообще не нанесутъ имъ никакого вреда [2]). По заработкѣ отвѣтчиками долга, истцы обязаны были поставить ихъ въ приказѣ, изъ котораго эти отвѣтчики имъ были выданы (Улож. гл. X, ст. 266), послѣ чего ихъ отпускали на волю [3]). Съ тѣхъ, которые, по закону, не могли быть выдаваемы истцамъ, долгъ взыскивали иначе; ихъ били на правежѣ до тѣхъ поръ, пока они „раздѣлаются" съ истцами (Улож. гл. X, ст. 204), или денежное ихъ жалованье обращали въ уплату иска (гл. X, ст. 265).

VIII.

Судебныя пошлины и издержки.

„Каждый шагъ въ присутствіи суда былъ купленъ цѣною денегъ". Это замѣчаніе, впервые сдѣланное г. профессоромъ Морошкинымъ [4]), вполнѣ справедливо въ отношеніи къ судопроизводству временъ Уложенія. Не было ни одного дѣйствія, предпринимаемаго для развитія спорнаго иска, которое бы не оплачивалось тяжущимися. Историческія причины, лежащія въ основаніи этого финансоваго характера судопроизводства, доселѣ остаются невыясненными. Во времена Судебника, Уложенія и въ періодъ, предшествовавшій реформѣ Петра Великаго, пошлины съ гражданскаго судопроизводства уже сдѣлались источникомъ государственныхъ доходовъ, и взиманіе ихъ—какъ бы отраслью финансоваго управленія; такъ, судебными пошлинами жаловали Государи и монастыри, въ награду за службу [5]).

Главнаго основанія происхожденія
ныхъ пошлинъ должно, кажется, ис
древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи,
момъ происхожденіи Русскаго гос
Кто бы ни были признанные сопер
менами на княжество и владѣніе—
мнѣнія, что они внесли съ собою в
отечество начало, хотя и не враждеб
тѣмъ не менѣе чуждое. По выраже
стора, они были „находницы", а не
ницы", и уже по этому одному не мо
нимать живого участія въ дѣлахъ
ихъ добровольно подчинившихся. Вес
ственно, что они ничего не дѣлали
земцевъ безъ вознагражденія, и это
граждевіе, получивши извѣстную
ность, развилось впослѣдствіи въ
стему пошлинъ, которая, въ перо
женія, была уже опредѣлена весьма не
Если это предположеніе справедливо
нансовый характеръ нашего древня
данскаго судопроизводства, болѣе вс
гихъ доказательствъ, свидѣтельствует
обладаніи въ судопроизводствѣ эт
начала обвинительнаго, гражданск
историческія начала нашего закон
ства, съ небольшими измѣненіями,
лись до переворота Петра Великаго

Въ періодъ Уложенія, характеръ
взимаемыхъ съ тяжущихся за судопро
во многомъ измѣнился противъ пр
По Судебнику, судебныя пошлины все
надлежали судьѣ. Поэтому тѣ толь
лины принадлежали государю, котор
мались съ дѣлъ, рѣшаемыхъ имъ
или дѣтьми его [6]). По Уложенію, вс
ныя и судныя пошлины уже взима
государя, въ казну [7]). Въ этомъ зам
номъ измѣненіи отразилось то же ст
къ внутренней централизаціи всего
царства, о которомъ мы уже имѣли
замѣтить въ другомъ мѣстѣ.

Судебныя пошлины и платы были р
въ періодъ Уложенія. Одни взимались
щихся въ пользу казны („Государев

[1]) 1688 года, 14 марта (№ 1285); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[2]) Улож. гл. X, ст. 266, 271.—1688 года, 14 марта (№ 1285); именный съ боярскимъ приговоромъ.

[3]) Улож. гл. XX, ст. 40. — Обезпеченіе неприкосновенности отвѣтчиковъ порукою введено, вѣроятно, въ предупрежденіе мести истцовъ надъ выдаваемыми имъ отвѣтчиками. Такое же обезпеченіе давали господа, которымъ выдавались ихъ бѣглые холопи. Улож. гл. XX, ст. 92.

[4]) Рѣчь объ Уложеніи, стр. 56, въ концѣ.

[5]) Улож. гл. X, ст. 125. - 1654 года, 8 мая (№ 125); Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество съ путемъ.—Акты Археографической Коммиссіи. Спб 1856. Т. IV, № 145; 1683 г. 1 декабря: Жалованная грамота игумену Покровскаго монастыря съ братіею соборному старцу Пафнутію Кушинову.

[6]) Судебникъ Татищева, § 38, примѣч. (а
печатали своими печатьми, и пошлины брал
у Государя опредѣленъ былъ Печатникъ".
другихъ пошлинахъ говорится въ Судебникѣ
о первыхъ въ § 33, 34, 35, а о вторихъ въ
40, 42, 44.

[7]) Это измѣненіе сдѣлано Борисомъ Феодо
Годуновымъ. Голикова, Дополненія къ Дѣянія
Великаго. М 1790 года, т. III, стр. 424.—С
Татищева, § 38, примѣч. (а).

ругія въ пользу судей и лицъ, ко-
нимали участіе къ движеніи про-
яр., недѣльщиковъ, подъячихъ).
ну государевыхъ пошлинъ относи-

сныя и печатныя пошлины. Объ
тся вмѣстѣ [1]), потому что, перво-
приложеніе печати заступало мѣсто
). Онѣ взимались за „печатаніе“ и
наказныхъ памятей (Улож. гл.
39), зазывныхъ (гл. X, ст. 115,
ныхъ (гл. XVIII, ст. 32, 33) и
грамотъ (ст. 58). Изъ Уложенія
подписаніе и печатаніе исчислен-
въ, въ началѣ процесса, служило
ъ бы поводомъ ко взиманію иско-
челобитенныхъ пошлинъ; ибо при
и печатаніи зазывныхъ грамотъ,
вмѣстѣ и пошлины съ искового
и съ крѣпости, на которой былъ
вчиняемый искъ (ст. 34—42). Не
были обязаны платить подписныя
я пошлины. Въ видѣ привилегіи
платы освобождались: 1) жители
ко искамъ, вчиняемымъ ими въ
ротивъ жителей другихъ, отдален-
довъ (ст. 47);—2) головы и сот-
овскихъ стрѣльцовъ, и московскіе
всѣхъ приказовъ (ст. 49);—3) стрѣ-
казачьи головы, сотники, стрѣльцы
городовые, по искамъ между собою
—4) англійскіе и голландскіе гости,
съ русскими (ст. 55);—5) бояре,
, думные дворяне и думные дьяки
—6) Троицы Сергіевъ (ст. 59) и Ново-
монастыри (ст. 60);—7) Кормовые,
стные иноземцы, стараго и новаго
для ихъ бѣдности и иноземства“
—Быть можетъ, и другія лица.
ударевы судныя пошлины. Судныя
взимались за судъ, въ тогдашнемъ,
неперешнемъ смыслѣ слова. Вели-
, опредѣлялась величиною иска; съ
новой суммы положено было пла-
копѣекъ [2]). Для правильнаго взима-
пошлины постановлено въ Уложе-

гл. X, ст. 114, 115, 117, 118. Судебн
Улож. гл. XVIII, ст. 28.
для того выписки печатали что многіе
ріали“. Судебникъ Татищева, § 54, при-

гл. X, ст. 124—1654 года, 8 мая (№ 125),
я грамота боярину Бутурлину на дворечт-
тямъ.

ніи означать „сколько съ... дѣла доведется взяти государевыхъ пошлинъ“ въ особенныхъ записныхъ книгахъ, которыя находились въ каждомъ приказѣ, и подписывались дьяками (Улож. гл. X, ст. 128). Привилегію не платить судныхъ пошлинъ имѣли: 1) стрѣльцы, въ искахъ не свыше 12 рублей; 2) всѣ истцы, въ искахъ со стрѣльцами, когда эти иски не превышали ста рублей (гл. X, ст. 124); 3) атаманы и казаки въ 12-ти-рублевыхъ искахъ (гл. XXIV, ст. 1); 4) монастыри и всѣ лица духовнаго чину; 5) крестьяне нѣкоторыхъ монастырей [3]; 6) кажется, патріаршіе крестьяне также не платили этой пошлины, потому что о нихъ не упоминается въ росписи. Впослѣдствіи эта привилегія могла быть дана и другимъ лицамъ [4]).

Пошлины, которыя взимались въ пользу судей и недѣльщиковъ, были слѣдующія:

а) Пересудъ. Въ Уложеніи и послѣдующихъ узаконеніяхъ много говорится о пересудѣ, но ни изъ одного мѣста не видно, для чего была введена эта пошлина. Въ Судебникѣ, мѣсто, въ которомъ говорится о пересудѣ, весьма темно и сбивчиво: „А пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ по 20 копѣекъ, а меньше рубля пересуда нѣтъ; а съ поля всякаго пересудъ. А списокъ кто оболживитъ, да шлется на правду, и въ томъ пересудъ“ [5]). Итакъ, пересудъ (не въ смыслѣ

[3]) 1654 года, 6 мая (№ 124). Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчины и прочія угодья. — 1657 года, 20 мая (№ 205). Подтвержденіе жалованной грамоты Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины, данной въ 7133 году (1625) царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Весьма вѣроятно, что всѣ монастырскіе крестьяне были освобождены отъ платы судныхъ пошлинъ; ибо въ 124 статьѣ, X гл. Уложенія, гдѣ подробно исчислены всѣ лица, обязанныя платить судныя пошлины, объ нихъ не упоминается.

[4]) 1657 года, 20 мая (№ 205). Подтвержденіе жалованной грамоты Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины, данной въ 7133 (1625) году царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

[5]) Судебникъ Татищева, § 51. Трудности, представляющіяся при объясненіи этого мѣста состоятъ въ слѣдующемъ: 1) что значатъ слова: „а меньше рубля *пересуда* нѣтъ“ Татищевъ, въ примѣчаніи къ этому параграфу, объясняетъ такъ: въ дѣлѣ меньше рубли, пересуда нѣтъ. Это толкованіе оправдывается тѣмъ, что иски, цѣною въ рубль, рѣшались жребіемъ, а выше рубля крестоцѣлованіемъ. Слѣд. рублевые иски дѣйствительно могли имѣть прежде какое-нибудь различіе со всѣми другими исками, напр., могли окончательно рѣшаться въ первой инстанціи. Но, съ другой стороны, можно принимать эти слова Судебника и въ буквальномъ ихъ смыслѣ пошлина пересудъ (ибо о ней идетъ

пошлины) не значитъ только сужденіе дѣла во второй инстанціи, но имѣетъ и другое значеніе, которое трудно опредѣлить, по недостатку данныхъ. Намъ кажется, что пересудъ, во второмъ своемъ значеніи, именно выражаетъ то, что мы назвали выше судомъ дополнительнымъ, который давался тяжущимся, когда въ первомъ судѣ дѣло не могло быть рѣшено, по недостатку доказательствъ. Этимъ объясняется взиманіе пересуда съ дѣлъ, рѣшаемыхъ окончательно въ первой степени суда [1]: названіе могло [illegible] но самый предметъ удержаться в [illegible] мена Уложенія. Пересудъ, какъ и [illegible] пошлины, взимался съ иска: съ рубл[illegible] вой суммы взыскивали вдвое прот[illegible] ныхъ пошлинъ, а именно 20 коп[illegible] шти алтынъ, по четыре деньги" [illegible] ст. 124).

b) Правый десятокъ. Въ Судѣб[illegible] зано, что правой десятокъ взимался [illegible] скимъ. По толкованію Татищева, по[illegible] былъ то же, что теперь сторож[illegible] ственнаго мѣста. Итакъ, правый [illegible] былъ пошлиною съ иска, взимаемою [illegible] сторожей. Того же толкованія придер[illegible] г. Ивановъ, въ сочиненіи о помѣст[illegible] вахъ въ Россіи [2]. Праваго десятк[illegible] лось по копѣйкѣ съ рубля [3]. Въ Уложенія, пересудъ и правый десят[illegible] слились съ судными пошлинами, чт[illegible] съ ними составляя какъ бы одну н[illegible] ную пошлину. Это видно изъ того, [illegible] тѣ, которые были освобождены от[illegible] судныхъ пошлинъ, освобождались о[illegible] пересуда и праваго десятка; кромѣ [illegible] записывались, вмѣстѣ съ судными по[illegible] въ записныя книги, хранившіяся в[illegible] ахъ [4]. Съ исковъ, вчиняемыхъ на [illegible] подложныхъ крѣпостей („лживыхъ [illegible] записей" [illegible], и объ насильствѣ, судны[illegible] ны, пересудъ и правый десятокъ [illegible] лись вдвое [5].

рѣчь въ 1-мъ §) взимается, когда она не менѣе рубля. Это значитъ, пересудъ не взимается, когда искъ цѣною менѣе пяти рублей. Подтвержденіемъ этого толкованія можетъ служить наказъ монастырскому слугѣ, приведенный нами въ главѣ о судоустройствѣ, изъ котораго видно, что слуга могъ судить монастырскихъ крестьянъ въ искахъ не свыше 5-ти рублей. Если однако, на основаніи обоихъ толкованій (различающихся между собою только въ величинѣ иска, переходящаго, по Судебнику, на судъ второй инстанціи) и принять, что пересудъ означаетъ пошлину, взимаемую только въ второй степени суда, то все же [illegible] остается необъяснимымъ, почему пересудъ взимался съ каждаго иска, рѣшаемаго судомъ земскимъ дьякомъ („а съ кого взятъ пересудъ"). Мы имѣемъ положительно, что оное присуждалось тѣмъ же судомъ, который судилъ спорное дѣло съ самаго начала (см. правила правоти въ Собраніи древнихъ актовъ). Отсюда далѣе, невольно, [illegible] какой смыслъ имѣетъ во Судебникѣ слово *пересудныхъ*. Изъ сказаннаго видно, что *пересудчиками* не могли называться сами судьи, судившіе спорное дѣло во второй инстанціи. Итакъ пересудныя имѣютъ съ первыми только и другое значеніе пересуда. Если изъ сравненія начальной и конечной редакціи Судебника [illegible] можно заключить, что пересудъ взимался [illegible] съ исковъ, не превышавшихъ пяти рублей, [illegible] — не превышавшихъ 5 рублей, — [illegible] — то, по крайней мѣрѣ, [illegible] [illegible] [illegible]

и хоженое. Подъ названіемъ
женаго разумѣлась пошлина, взи-
ставомъ, за вызовъ къ суду от-
ки свидѣтеля. Различіе хоженаго
ѣдѣлялось мѣстомъ жительства от-
свидѣтелей. Если они жили въ
пристав получалъ **хоженое**,
ходилъ за ними; если внѣ города,
ѣзду. Хоженое было всегда оди-
ставъ получалъ за вызовъ отвѣт-
ѣвекъ, за вызовъ общаго свидѣ-
ь. Вотъ смыслъ выраженія: „А
дѣльщику въ городѣ 10 денегъ,
ду вдвое" [1]). Ѣздъ опредѣлялся
сть отъ того мѣста, гдѣ происхо-
до того, гдѣ жилъ отвѣтчикъ
ель; за каждую версту ѣзды при-
алъ по деньгѣ, полтину за сто
Судебникѣ сказано, что при вы-
свидѣтеля, приставъ получалъ
ѣзда за версту; но въ Уложеніи
того различія [2]).

лѣзное и прокормъ. Пожелѣзное
были пошлины, взимаемыя при-
то, что онъ извѣстныя лица дер-
и кормилъ. Приставамъ отдава-
ки: 1) Отвѣтчики, когда по нихъ
суда поруки. 2) Холопи, когда
али предметъ тяжбы (Улож. гл. XX,
къ въ томъ, такъ и въ другомъ
пользу пристава взималось пожe-
олина, получившая это названіе,
потому, что лица, отданныя при-
ывались и содержались въ цѣ-
прокормъ—деньги за пропитаніе
о. Первой полагалось по 1½ коп.,
2 коп. на день (гл. XX, ст. 94).
ими статьями 1658 года запреще-
амъ взимать пожелѣзное, а вмѣсто
овлено выдавать имъ жалованье
приказа [3]).

пошлины, которыя взимались съ

дѣля какое оно получило впослѣдствіи.
ж. гл. X, ст. 208), заговъ къ себѣ на
отины, безъ всякой справедливой при-
гл. X, ст. 210), завладѣніе чужою землею
ст. 211, отгонъ, покража, истреб-
бобровъ (Улож. гл. X, ст. 214), порча
ьевъ (Улож. гл. X, ст. 218), и другія,
ія насильственныя дѣйствія, назывались
убытками.—Ср. Улож. гл. X, ст. 215,
, 222, 238, 242, 279, и др.
X, ст. 144.—Судебникъ § 45.
къ § 45.—Улож. гл. X, ст. 148.
, 1 марта (№ 221); именный

тяжущихся въ продолженіе гражданскаго процесса. О другихъ не упоминается въ Уложеніи. Можетъ быть, въ московскихъ приказахъ дѣйствительно не было положено другихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя нами исчислены; но столько же вѣроятно, что иныя пропущены, или не упомянуты случайно. Таковы: **ротное**, **вѣрное**—за приведеніе къ присягѣ; **смотрѣное**—за освидѣтельствованіе на мѣстѣ (съ дозору); **судное**—за судъ; **жеребейное**—вѣроятно за рѣшеніе дѣла жребіемъ, о которыхъ упоминается въ юридическихъ актахъ, современныхъ Уложенію [4]).

Къ издержкамъ по судопроизводству должно отнести **проѣсти** и **волокиты**, платимыя за продолженіе процесса долѣе положеннаго закономъ времени. Онѣ уплачивались тѣмъ, отъ чьей вины произошла проволочка, тому, кто отъ нея терпѣлъ убытки. Несмотря на различное названіе, проѣсть и волокита составляли вмѣстѣ одну нераздѣльную плату, которая, поэтому, въ одно и то же время, была и вознагражденіемъ за издержки содержанія, и штрафомъ за волокиту.

Происхожденіе платы за проѣсть и волокиту объясняется характеромъ нашего древняго процесса. Нельзя было вести тяжбу, не явившись лично въ приказъ, къ суду; поэтому истецъ и отвѣтчикъ необходимо должны были, во все продолженіе процесса, постоянно находиться тамъ, гдѣ судилась ихъ тяжба; а это влекло иногда въ значительныя издержки на содержаніе, особливо тѣхъ, которые не имѣли постояннаго мѣста жительства въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ судъ. Вѣроятно, въ вознагражденіе этихъ-то издержекъ и въ наказаніе за проволочку и введена плата проѣстей и волокиты.

Величина вознагражденія за проѣсть и волокиту опредѣлялась числомъ дней, въ которые продолжался процессъ сверхъ обыкновеннаго, закономъ опредѣленнаго времени. За каждый день проволочки полагалось по 10 коп. проѣстей и волокиты, что составляло

---

[1]) 1658 года, 25 декабря; Наказъ Покровскаго монастыря слугѣ Гаврилѣ Воронину. Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, № 67.—1779 года, декабря; Наказъ слугѣ Иверскаго монастыря, Антину Григорьеву. Тамъ же № 112.—1669 года, 11 января; Наказъ Соловецкаго монастырскаго собора доводчику Кирилу Аникіеву. Тамъ же, № 232.—Наказы монастырскимъ приказчикамъ. См. Юридическіе акты, № 384, I, III.

по 3 рубли на мѣсяцъ [1]). Но кто вчинялъ, „поклепные" или уже однажды рѣшенные иски, съ того взыскивались проѣсть и волокита въ пользу праваго тяжущагося за все то время, въ которое продолжалась тяжба, отъ дня составленія поручной записи и до дня рѣшенія дѣла; ибо каждый день, въ который такой процессъ продолжался, былъ уже днемъ проволочки [2]).

Платить проѣсть и волокиту долженъ былъ, какъ мы уже сказали, тотъ, отъ чьей вины произошла проволочка, слѣд. 1) дьякъ и подъячій, которые тянули дѣло [3]); 2) городовый судья, который, при пересылкѣ дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, не собралъ поручной записи по тяжущихся, и отъ того одинъ изъ нихъ не явился къ суду (Улож. гл. X, ст. 130); 3) отвѣтчикъ, который не давался на поруки (гл. X, ст. 139; гл. XVIII, ст. 43), или, собравши по себѣ поруку, не явился къ суду въ срокъ (гл. X, ст. 113, 115, 119, 140, 141); 4) третейскій судья, давшій неправильный приговоръ по дѣлу (гл. XV, ст. 5); 5) поручики, которые не поставили отвѣтчика къ суду на срокъ (гл. X, ст. 229); 6) обыскные люди, которые дали ложное показаніе, и тѣмъ продолжили процессъ (гл. X, ст. 162). Изъ новоуказныхъ статей видно, что многія лица были освобождены отъ платы проѣстей и волокиты [4]). Можетъ быть, и прежде и послѣ давались подобныя привилегіи.

Мы сказали, что проѣсть и волокита платились за проволочку дѣла. По этому началу, въ различныхъ случаяхъ различно опредѣлялся день, съ котораго почитали проволочку начавшеюся: если въ проволочкѣ былъ виновенъ дьякъ или подъячій, то онъ платилъ проѣсть и волокиту съ перваго дня суда [5]), и до челобитья о проволочк… проволочка произошла отъ того, что … довый судья, вмѣстѣ съ спорным… не прислалъ поручныхъ по тяжущ… первымъ днемъ проволочки считал… въ который одинъ изъ тяжущихся … валъ свою ставку къ апелляціонно… (Улож. гл. X, ст. 130), до присылки … ной записи; если въ проволочкѣ был… вать отвѣтчикъ, не давшійся на пор… недѣлю (гл. X, ст. 139), а по Новоу… статьямъ мѣсяцъ спустя [6]) послѣ … истцомъ приставной памяти, до явки … суду; если наконецъ, кто либо вчи… клепный искъ, то обязанъ былъ плат… ѣсть и волокиту за все время, съ … по отвѣтчикѣ поручной записи, до … дѣла [7]).

Въ періодъ Новоуказныхъ статей … валось нѣсколько новыхъ, замѣчат… положеній о платѣ проѣстей и волок… Уложенію, только за поклепные и … нѣмые иски взимались проѣсти и … съ начала и до конца процесса; въ … искахъ положена была плата про… волокить за одну проволочку. Но … ными статьями это положеніе изм… дополнено: всякій истецъ, обвинен… искѣ, долженъ былъ платить отвѣтч… ѣсть и волокиту по гривнѣ на де… бы даже сумма проѣстей и волокиты … шала цѣну иска. Тому же подверг… отвѣтчики, обвиненные въ искѣ, кро… которые обвинены „какимъ безкни… дѣломъ", т.-е. проволокою, указною … и т. д. [8]).

Итакъ, различіе между поклепны… поклепными исками, въ отношеніи … проѣстей и волокиты, уничтожилось: … преступный процессъ взыскивало… штрафъ съ обвиненнаго, въ полную … ника.— Какіе бы ни были поводы к… измѣненію прежнихъ постановленій … тяхъ и волокитахъ, можно сказать …

---

[1]) Улож. гл. X, ст. 18, 180, 139, 140, 141, гл. XV, … гл. XVIII, ст. 43, гл. V, ст. 113—115, 117—119, … 169.

[2]) Улож. гл. X, ст. 18, 183—Въ ложкихъ искахъ о … указаннымъ выше началъ взыскивались тѣмъ самымъ проѣсти и … волокиты. Улож. гл. XVI, ст. 26.

[3]) Улож. гл. X, ст. 18—Они платили проѣсть и … роки и волокиту по 30 алт. на день.

[4]) … Изъ … привилегій … освобождались всѣ, состоявшіе … въ … церковныхъ … и … … и съ … … Они … … …

…ъ немъ выражается новый взглядъ …водство—взглядъ, постепенно при… …й предшествовавшимъ развитіемъ …арства, которое ясно обнаружи… …различныхъ частяхъ законодатель… …эпохи. Всѣ частныя, гражданскія …прежде безразличныя, теперь все …олѣе подводятся подъ категоріи …ыхъ или несправедливыхъ дѣй… …этой точки зрѣнія опредѣляются …ьствомъ. Многія, по прежнимъ …гражданскія преступленія, полу… …ерь отъ этого характеръ преступ… …ственныхъ; дѣйствія безразлич… …дятся на степень гражданскихъ …ій. На этомъ-то основаніи, обви… …атилъ прежде проѣсть и волокиту …время проволочки; но въ періодъ …хъ статей онъ долженъ былъ упла… …графъ за все время процесса. Ка… …ако, что число дней, за которые …проѣсть и волокита, различно опре… …ъ поклепныхъ и непоклепныхъ …первыхъ, какъ уже замѣчено, …волокита взимались со дня подачи …памяти, въ послѣднихъ—съ на… …и до дня рѣшенія. Итакъ, въ пос… …лучаѣ, время, употребленное на …суду, исключалось изъ общаго …, за которые взималась проѣсть и …).

…амѣненія въ ученіи о проѣстяхъ …ахъ произошли вслѣдствіе отмѣны …безъ суда, и поэтому не долго …свою силу. Кто не искалъ и не …въ продолженіе недѣли, съ того …но взыскивать проѣсть и волокиту …ки къ суду одного изъ тяжущихся, …оки къ суду противника [2]). Но со …прежняго обвиненія неявкою, взы… …стей и волокиты за дни, предшест… …суду, отмѣнено, и возстановлены …ложенія [3]).

IX.

…удебныхъ дѣлъ въ высшія инстанціи.

…еніе спорныхъ судебныхъ дѣлъ изъ …станціи въ высшую происходило …образомъ:

1) Излагая судоустройство временъ Уложенія, мы сказали, что судебная власть городовыхъ и пригородныхъ воеводъ была ограничена, и въ отношеніи къ цѣнѣ, и въ отношеніи къ предметамъ гражданскихъ исковъ. Когда такимъ образомъ искъ, превышающій судебную власть воеводъ, поступалъ на ихъ рѣшеніе, или когда они не знали, какъ рѣшить его, они сами собою, безъ просьбы тяжущихся, пересылали его на рѣшеніе высшей инстанціи (Улож. гл. X, ст. 2, 130). Такой порядокъ переноса дѣлъ можетъ быть названъ порядкомъ слѣдственнымъ.

2) Но могли быть случаи, что одинъ изъ тяжущихся находилъ рѣшеніе, постановленное судьею, несправедливымъ. Тогда онъ долженъ былъ приносить на то жалобу въ высшую инстанцію, и на основаніи этой жалобы, высшій судъ вытребовалъ отъ низшаго дѣло, разсматривалъ его, и постановлялъ по немъ новое рѣшеніе. Такой порядокъ перенесенія спорнаго гражданскаго дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, вслѣдствіе жалобы одного изъ тяжущихся, можетъ быть названъ гражданскимъ, апелляціоннымъ.

Судъ по каждому спорному гражданскому иску, кромѣ тѣхъ, которые особыми привилегіями были исключены изъ общей подсудности, необходимо происходилъ сперва въ низшей инстанціи (Улож. гл. X, ст. 130, 20). Если дѣло должно было быть по слѣдственному порядку перенесено въ высшую инстанцію, то списокъ этого суднаго дѣла посылался судьями въ то присутственное мѣсто, подъ которымъ они состояли. Если по порядку апелляціонному,—то пересылкѣ дѣла и рѣшенію должна была предшествовать апелляціонная жалоба, поданная недовольнымъ тяжущимся въ высшее присутственное мѣсто (гл. X, ст. 7). Но въ Уложеніи ничего не говорится ни о томъ, какимъ образомъ судный списокъ и рѣшеніе вытребовались высшею инстанціею отъ низшей, ни о срокахъ для апелляціи. Присланное въ высшую инстанцію спорное гражданское дѣло уже не судилось въ ней, потому что было заслужено (гл. X, ст. 130) въ низшей инстанціи, но, или рѣшалось, если поступало слѣдственнымъ порядкомъ, или перепершивалось,—если переносилось порядкомъ апелляціоннымъ.

Такъ было, когда судъ по какому-либо спорному гражданскому дѣлу, перенесенному на рѣшеніе высшей инстанціи, не требовалъ

…да, 11 ноября (№ 1140): Судныя статьи, п. 8.
…да, 4 ноября (№ 109), именный —Это по… …ново Судными статьями 1685 года, 11 но… …0); п. 8.
…да, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 8.

никакихъ измѣненій. Но могло случиться: 1) что одинъ изъ тяжущихся опровергалъ судный списокъ („оболживить списокъ"), т.-е. доказывалъ, что судъ по этому спорному дѣлу не такъ происходилъ въ низшей инстанціи, какъ онъ былъ изложенъ въ спискѣ, присланномъ въ высшее присутственное мѣсто, или 2) что судьи сами, по разсмотрѣніи присланнаго къ нимъ списка суднаго дѣла, находили, что судъ былъ неполонъ, неясенъ, или происходилъ не согласно съ законами.

Къ какимъ средствамъ прибѣгали въ первомъ случаѣ, для того, чтобъ удостовѣриться въ справедливости опроверженій суднаго списка однимъ изъ тяжущихся, объ этомъ ничего не сказано въ Уложеніи; но въ Судебникѣ производство по такого рода дѣламъ изложено весьма подробно (Судебникъ, ст. 69). Вѣроятно, тоже самое производство, можетъ-быть съ нѣкоторыми измѣненіями, удержалось и въ настоящую эпоху. Во второмъ случаѣ судьи приговаривали „дати судъ съ головы" (Улож. гл. X, ст. 10) т.-е. назначали подвергнуть спорный искъ новому суду. Но мы не знаемъ, происходилъ ли этотъ новый судъ въ высшей инстанціи передъ тѣми же судьями, которые опровергли первый судъ, или спорный искъ опять обращался въ низшую инстанцію, и тамъ подвергался новому суду.

Рѣшеніе и перевершеніе спорнаго иска въ высшей инстанціи не иначе, какъ на основаніи суда, произведеннаго въ низшемъ присутственномъ мѣстѣ, давало гражданскимъ процессамъ того времени весьма правильный ходъ и строгую послѣдовательность въ ихъ развитіи. Всѣ доказательства и опроверженія въ пользу и противъ спорнаго гражданскаго иска однажды навсегда излагались въ судѣ: имъ и ограничивался моментъ веденія доказательствъ; высшая степень суда только постановляла рѣшеніе, котораго не былъ въ правѣ постановить низшій судья, или давала рѣшеніе по тому же самому дѣлу, которое было уже однажды рѣшено въ низшей инстанціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ произносила свой приговоръ и о ея рѣшеніи. Апелля[illegible] жалоба заключала въ себѣ только [illegible] перевершить спорный гражданскій и[illegible] тому что низшій судъ рѣшилъ его [illegible] вильно. Доказательства, въ ней излаг[illegible] имѣли цѣлью убѣдить въ этомъ высш[illegible] сутственное мѣсто—не болѣе. Она не [illegible] заключать въ себѣ новыхъ доводовъ въ [illegible] или противъ спорнаго иска, ибо этотъ [illegible] пополненный новыми доказательствами [illegible] нился бы и образовалъ новый спорный [illegible] данскій искъ, новое спорное дѣло, что [illegible] противорѣчило бы понятію о перевер[illegible] Тогда судья неправильно подвергся [illegible] сканію за неправильное рѣшеніе, и [illegible] вильно такой искъ, пополненный новы[illegible] зательствами, рѣшался бы во второй [illegible] ціи. Итакъ, во времена Уложенія, [illegible] ционное рѣшеніе было ничто иное, к[illegible] шеніе тяжбы между судьею и недово[illegible] тяжущимся; они являлись здѣсь лиц[illegible] ными; оба равно платили другъ дру[illegible] чество и убытки, если были непр[illegible] Только въ одномъ случаѣ мы находим[illegible] пленіе отъ изложенныхъ нами прав[illegible] при назначеніи суда съ головы. Но [illegible] спорный искъ не измѣнялся, а все [illegible] производство его уничтожалось, и [illegible] лось какъ бы несуществующимъ юри[illegible] Назначали новый судъ, который про[illegible] совсѣмъ новое дѣло, не имѣющее, вро[illegible] ничего общаго съ предыдущимъ.

Скажемъ въ заключеніе, что по У[illegible] частная жалоба, подаваемая въ про[illegible] процесса, строго отличалась отъ [illegible] ціонной. Это ясно видно изъ того, [illegible] тяжущійся жаловался на судью, что о[illegible] чилъ дѣло, то это дѣло не переноси[illegible] судъ и рѣшеніе высшей инстанціи, [illegible] подвергался наказанію и ему предпи[illegible] „судныя дѣла вершити безволокитно" [illegible] гл. X, ст. 15).

[illegible] Улож. гл. X, ст. 5 и 6.—Судья платит[illegible] муся тройной искъ.—Тамъ же, ст. 9. Тяжу[illegible] бесчестье.

Часть вторая.

...рмы, происшедшія въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ при Петрѣ ...икомъ и въ послѣдующія царствованія, до учрежденія о губерніяхъ.

(1696 — 1775).

...много было говорено и писано о ...ніи Петра Великаго въ русской исторіи, ...рюсь не рѣшенъ и до сихъ поръ. Это ...ляется тѣмъ, что мы еще почти совре... ...ни Петра Великаго, и едва только на... ...ть высвобождаться изъ-подъ непосред... ...аго вліянія реформы, имъ произведен... Для насъ эта реформа не есть еще ...ь прошедшее, на которое бы мы могли ...ять прямо и безпристрастно. Оставляя ...у въ сторонѣ вопросъ о значеніи ре..., мы замѣтимъ здѣсь только вообще, ...спенія нашего предмета, что въ пе... ...ложенія обычное право замѣтно изгла...ось въ народномъ сознаніи: это дока...тся самимъ Уложеніемъ и законами, ...его изданными. Такому ослабленію ...аго права много содѣйствовали слѣ...я причины:

Въ періодъ Уложенія, юридическія отно... ...становились мало-по-малу многослож...разнообразнѣе и поэтому запутаннѣе, ...ли прежде. Каждое юридическое ...еніе, прежде простое, теперь начало ...ться на нѣсколько различныхъ отно..., по различнымъ оттѣнкамъ, въ немъ ...явшимся. Этихъ новыхъ отношеній ...уже было судить по обычному праву, ...ству своему простому, однообразному; ...ь потребность восходить къ юриди...ъ началамъ, лежащимъ въ основаніи ...аго права, а оно чрезъ это должно ...йдти въ упадокъ.

При постепенномъ развитіи законода...ства, въ немъ появлялись новыя юриди... положенія, которыя хотя и были ре...омъ предыдущаго, однако во многихъ ...еніяхъ измѣняли его. Такимъ образомъ ...продолжало существовать подлѣ но...ерѣдко противоположнаго ему по основ... своему началу. Отъ такого смѣшенія ...ихъ началъ, и отъ того, что обычай ...лъ прежнюю, исключительную силу, — обычныя вѣрованія должны были утратить свою ясность и опредѣленность.

Когда живое сознаніе права ослабѣло, буква закона, которая была его выраженіемъ, сдѣлалась мало-по-малу мѣриломъ и единственнымъ источникомъ права. Отсюда развился юридическій формализмъ, сутяжничество, ябеда, душевредство, которыя, въ періодъ новоуказныхъ статей, чрезвычайно усилились и служатъ доказательствомъ, что тогда существовали однѣ только формы древняго права, а духъ его изгладился и исчезъ изъ народнаго сознанія.

Таково было состояніе правосудія въ нашемъ отечествѣ въ концѣ XVII вѣка. Такимъ засталъ его Петръ Великій. Самымъ простымъ, скорымъ и вѣрнымъ способомъ измѣнить такой порядокъ вещей, весьма естественно, казалось дать Россіи лучшіе законы. Лучшими, разумѣется, должны были казаться тѣ, подъ которыми жили народы просвѣщенные, имѣвшіе организованное устройство и строгое правосудіе. Тогда не было и не могло быть убѣжденія, до котораго впослѣдствіи довелъ долговременный опытъ, что никакой законъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, самъ по себѣ не водворяетъ права; что чуждое, только перешедши въ сознаніе, можетъ быть усвоено и принести ожидаемые плоды. Петръ Великій вознамѣрился исправить тогдашній юридическій бытъ Россіи введеніемъ иностранныхъ законовъ. Реформою открывается новый періодъ русскаго законодательства, періодъ нововведеній и заимствованій, по своему характеру и направленію рѣзко отличающійся отъ предыдущаго, и во многихъ отношеніяхъ противоположный ему. Въ развитіи своемъ онъ подвергся многимъ существеннымъ измѣненіямъ, и наконецъ, въ наше время, выразился, въ результатахъ своихъ, въ Сводѣ законовъ Россійской Имперіи, какъ обычное право—въ Уложеніи.

Съ Петра Великаго предметомъ законода-

тельства является уже не развитіе началъ, сокрытыхъ въ обычномъ правѣ, а самыя начала, ихъ критика и установленіе. До Петра Великаго все развитіе законодательства ограничивалось: a) дальнѣйшимъ опредѣленіемъ, пополненіемъ, истолкованіемъ началъ, лежавшихъ въ основаніи тогдашняго права; поводомъ служили обыкновенно новые юридическіе случаи, представляемые судебною практикою и не рѣшенные существовавшими законами; b) нѣкоторыми незначительными измѣненіями, рѣдко выходившими изъ круга существующихъ, обычныхъ началъ права. Со временъ реформы, самыя начала права подверглись сужденію, и критеріемъ при этомъ служилъ лучшій юридическій бытъ Россіи, какъ понимали его законодатели. Такимъ образомъ, до Петра Великаго, русское законодательство преимущественно развивалось аналитически, отъ казусовъ къ началамъ; послѣ Петра Великаго, синтетически -отъ началъ къ ихъ приложенію.

Отсюда русское законодательство этой эпохи представляетъ не развитіе однихъ и тѣхъ же началъ, а безпрестанное измѣненіе ихъ, уничтоженіе существующихъ, и замѣщеніе другими. Каждый законодатель приносилъ свой собственный взглядъ на юридическій бытъ Россіи, и сообразно съ нимъ, дѣлалъ тѣ или другія измѣненія въ законодательствѣ. Поэтому, при изученіи законовъ этого періода, должно преимущественно обращать вниманіе на личность законодателей, ихъ понятія и убѣжденія, а не на внутреннюю послѣдовательность развитія юридическихъ началъ, ибо ея не было, и не могло быть во многихъ случаяхъ.

Далѣе, когда юридическія начала, лежавшія въ основаніи юридическаго быта, сами сдѣлались предметомъ критики и обсужденій, обычай долженъ былъ и юридически потерять прежнюю свою силу. Отсюда объясняется строгое предписаніе, повторявшееся въ продолженіи этого періода нѣсколько разъ, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ непремѣнно испрашивать разрѣшенія у верховной власти, и твердо придерживаться буквальнаго смысла закона. Не только обычное право ослабѣло въ этотъ періодъ, но и самый духъ законодательства измѣнился. Новыя, чуждыя начала внесены въ право. По этимъ самымъ основаніямъ законодатели весьма правильно опасались, чтобы свобода судьи въ толкованіи закона не повлекла за собою произвольныхъ рѣшеній, или рѣшеній на основаніи [illegible] пихъ обычныхъ началъ, противныхъ [illegible] крайней мѣрѣ несогласныхъ съ [illegible] отняли всю силу у обычая.

Вся сила реформы сосредоточилась имущественно на государственномъ [illegible] данскомъ управленіи древней Россіи, что ближайшею ея причиною были [illegible] требленія, вкравшіяся въ администра[illegible] конецъ замѣтимъ, что въ продолженіи періода, всѣ начала, заимствованныя [illegible] странныхъ законодательствъ и перес[illegible] на русскую почву, измѣнили свой [illegible] утратили историческую, жизненную [illegible] приняли въ себя другое содержаніе [illegible] какимъ образомъ низведены до пра[illegible] шихъ, удобнѣйшихъ, вообще лучшихъ [illegible] и формъ управленія.

Перейдемъ теперь къ краткому об[illegible] тѣхъ измѣненій, которыя произошли [illegible] стіе реформы, въ русскомъ гражд[illegible] судопроизводствѣ, до изданія упро[illegible] управленія губерній.

Судоустройство.

Въ устройствѣ гражданскихъ су[illegible] стоящей эпохи мы находимъ много[illegible] начала, которыя, конечно, были при[illegible] предыдущимъ развитіемъ, но до Пет[illegible] каго не были ясно высказаны и вп[illegible] дѣйствующее законодательство. Эт[illegible] суть: a) отдѣльное судебное управле[illegible] чества и мѣщанства отъ прочихъ [illegible] b) коллегіальное устройство судебны[illegible] c) отдѣленіе судебной власти отъ [illegible] тельной, собственно административн[illegible] чало контрольное и инквизиціонное.

1. Отдѣльное управленіе куп[illegible] и мѣщанства отъ прочихъ класс[illegible] воръ о судоустройствѣ временъ Ул[illegible] Новоуказныхъ статей, мы замѣтили, [illegible] хотимость отдѣльнаго управленія [illegible] ства отъ прочихъ классовъ была чу[illegible] еще до Петра Великаго и высказана [illegible] торговомъ уставѣ 1667 года. Петр[illegible] первый привелъ эту мысль въ и[illegible] подчинивъ купечество, посадскихъ [illegible] ремесленниковъ бурмистрамъ, замѣ[illegible] въ послѣдствіи магистратами. Вед[illegible] ство купеческихъ, мѣщанскихъ, посо[illegible] жанскихъ судовъ, всѣ чины, ими[illegible] вающіе, бурмистры, ратманы, р[illegible] т. д. очевидно заимствованы изъ [illegible]

дательствѣ. Петръ Великій ве-
тратовъ градскихъ... учинить на
скаго и Ревельскаго Регламента,
одамъ" [1]. Такимъ образомъ го-
вое создано у насъ Петромъ Ве-
страты судили не только спорныя
ающія исключительно изъ купе-
отовъ и юридическихъ отноше-
ла гражданскія между купцами,
ремесленниками.

Коллегіальное устройство судеб-
Введеніе коллегіальнаго устрой-
лицемъ смыслѣ слова, безспорно
ъ Петру Великому. До него управ-
о, или отдѣльною отраслью адми-
водилось обыкновенно въ рукахъ
товарищи, или судьи съ то-
товарищи придавались воевод-
му только, что одному управлять
ему нужны были совѣтники,
которые могли бы исправлять
ь во время его отсутствія, бо-
и т. д. Отсюда неопредѣлен-
ній ихъ къ главному воеводѣ
Вся власть, юридически, сосре-
въ его рукахъ, ограничиваясь
сто мнѣніемъ и совѣтами его
Петръ Великій видѣлъ злоупо-
роистекающія изъ такого безгра-
и правителей [2]), и для того за-
стью нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ,
ждое было совершенно незави-
отъ друга, и поэтому, участвуя
всѣми другими въ управленіи,
съ тѣмъ, контролировать ихъ
ный управитель сдѣлался съ
старшимъ членомъ своихъ то-
новластіе его изчезло. Колле-
йство, какъ и отдѣльное управ-
ихъ классовъ, заимствовано Пет-
ъ изъ шведскаго законодатель-

Отдѣленіе судебной власти отъ
ьной. Отдѣленія судебной вла-
нительной не было въ нашемъ
древнемъ законодательствѣ; ибо сосредоточеніе всѣхъ властей въ одномъ правительственномъ мѣстѣ (приказѣ) или лицѣ было, какъ мы замѣтили, одною изъ характеристическихъ чертъ нашего древняго устройства. Конечно, подвѣдомственность опредѣлялась нерѣдко по частнымъ признакамъ: но если лицо, почему бы то ни было, подчинялось извѣстному мѣсту или лицу, то оно подчинялось ему вполнѣ, по судебному, межевому, полицейскому, финансовому управленію. На этомъ основаніи и исполнительная власть не отдѣлялась отъ судебной. Въ эпоху, не задолго предшествующую реформѣ Петра Великаго, отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной начало мало-по-малу обнаруживаться; особливо это замѣтно въ опредѣленіи отношеній между духовною и свѣтскою властью. Но это отдѣленіе выражалось только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, и не было возведено до опредѣленнаго юридическаго начала. У насъ оно, очевидно, имѣло и имѣетъ цѣлью облегченіе правительственныхъ мѣстъ и лицъ, которыя были бы слишкомъ обременены, еслибъ заѣдывали и тою и другою отраслью управленія.

4. **Начало контрольное и инквизиціонное.** Установленіе особливыхъ чиновниковъ для наблюденія за присутственными мѣстами и лицами, въ отправленіи ихъ должности, и для сохраненія казенныхъ интересовъ, не было, въ строгомъ смыслѣ, нововведеніемъ при Петрѣ Великомъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ „вѣрные" таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, по окончаніи своей должности, отдавали отчетъ въ управленіи общинѣ, ихъ избравшей, и потомъ считались приказомъ, въ вѣдомствѣ котораго они состояли [3]), мы замѣтимъ, что, по свидѣтельству Кошихина, ко всѣмъ знатнымъ посланникамъ были приставлены дяки, которые наблюдали за ними въ отправленіи ихъ должностей, и обо всѣхъ отступленіяхъ доносили Государю, въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, гдѣ и были вѣдомы (Кошихинъ гл. VII, ст. 1).

Со временъ Петра Великаго, контроль чиновниковъ и присутственныхъ мѣстъ, въ отправленіи ихъ должностей, и инквизиціонное начало въ дѣлахъ казны, получили обширнѣйшее развитіе и кругъ дѣйствія, чрезъ установленіе фискаловъ и прокуроровъ. Фискалы и прокуроры, какъ и все провинціальное

[1]) 11 іюля (№ 3208); Высочайшія резолюціи шпонемца Фика, п. 8 и рез.

[2]) 22 декабря (№ 3261); именный, въ коллегіи, т.-е. собраніе многихъ первыхъ, въ которыхъ президенты или за такую мочь имѣютъ, какъ старые что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президенъ, безъ совѣщанія товарищевъ своихъ, Также и прочія обязательства великія имѣть старыя положенія дѣлать".

[3]) 1676 года, 17 мая (№ 642), именный.

устройство, заимствованныя Петромъ Великимъ изъ Швеціи. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояло различіе между ними. Кажется, фискалы, по главному своему назначенію, были истцы со стороны казны, какими стряпчіе, какъ были монастырскіе стряпчіе, по дѣламъ монастырскимъ, и патріаршіе, по имѣніямъ патріарха. Напротивъ прокуроры были, преимущественно, блюстители законовъ: они смотрѣли за тѣмъ, чтобъ присутственныя мѣста, при которыхъ они были установлены, не отступали отъ законнаго порядка и формъ [1]). Впрочемъ, строгаго различія между фискалами и прокурорами не было, и должности ихъ, во многихъ отношеніяхъ, были совершенно одинаковы.

Установленіе фискаловъ и прокуроровъ не было однимъ послѣдствіемъ нововведеній: потребность ихъ глубоко лежала въ юридическомъ бытѣ Россіи во времена Петра Великаго.

1) Когда развилось понятіе о строгомъ различіи между благомъ общимъ и частнымъ, имѣніемъ частныхъ лицъ и казны, первыя, при взаимномъ столкновеніи интересовъ частныхъ съ общими, находили себѣ дѣятельныхъ защитниковъ, а послѣдніе—интересы казны и дѣла уголовныя,—если не были связаны съ частными, оставались безъ истцовъ. Петръ Великій видѣлъ эту беззащитность казны, тѣмъ болѣе потому, что издержки, нужныя для войны, заставляли его безпрестанно помышлять о средствахъ усиленія государственныхъ доходовъ. Вотъ что и побудило его установить фискаловъ.

2) Первоначально, когда управленіе находилось въ рукахъ выборныхъ чиновниковъ, и только центральное, преимущественно политическое, военное и финансовое управленіе было вѣрено княжескимъ или царскимъ намѣстникамъ, необходимость контроля, или наблюденія надъ чиновниками, въ отправленіи ихъ должностей, не могла быть чувствуема въ такой мѣрѣ, какъ впослѣдствіи, потому что государство состояло изъ областей, соединенныхъ между собою болѣе политическою, нежели внутреннею связью. Въ послѣдствіи, когда выборные отъ общины [illegible] мало-по-малу исчезли, и правитель[illegible] наши постоянныя коллегіальныя при[illegible] утратили, каждый въ отдѣльности [illegible] лицъ, облеченныхъ особенною довѣ[illegible] самого государя: когда политическ[illegible] ство замѣнилось внутреннею центра[illegible] государства, и оно образовалось [illegible] органическое цѣлое: наконецъ, когда [illegible] дѣлопроизводство, развившееся [illegible] замѣнено новымъ, заимствованнымъ [illegible] странныхъ законодательствъ—непосре[illegible]ный надзоръ надъ присутственными [illegible] и лицами сдѣлался необходимъ. Эта [illegible] ности удовлетворилъ Петръ Велик[illegible] ніемъ прокуроровъ.

Сначала учреждены фискалы съ [illegible] съ большими правами и властью: [illegible] всякаго требовать къ суду „кто [illegible] учинитъ“, и не подвергались никак[illegible] ственности, если не доказывали [illegible] ели же они и имѣнія ихъ не бы[illegible] домственны общимъ присутственны[illegible] стамъ, но чрезъ оберъ-фискала суд[illegible] натомъ [1]). Отсюда должны были пр[illegible] большія злоупотребленія; поэтому [illegible] скаловъ, въ послѣдствіи, ограничи[illegible] чала имъ запрещено вмѣшиваться [illegible] данскія („челобитчиковы“) дѣла [2]). [illegible] ставлено доносить по безгласным[illegible] „иже не имѣютъ челобитчика о с[illegible] въ царствованіе императрицы Ека[illegible] они подчинены, по частнымъ тяж[illegible] искамъ, вѣдомству общихъ присутс[illegible] мѣстъ [3]). Въ 1722 году, впервые уст[illegible]

---

[1]) Въ Финляндіи, гдѣ удержались, съ измѣненіями и дополненіями, формы шведскаго государственнаго устройства и управленія, введеннаго у насъ Петромъ Великимъ, это различіе между фискалами и прокурорами еще сохранилось. См. *Berg*, Statistisk Framställning af Grossfurstendömmet Finnland's Finland Helsingfors. 1839 in 8°, стр. 85 и 93.

[1]) 1711 года, 2 марта (№ 2380); [illegible] сенату и 9.

[2]) 1711 года, 5 марта (№ 2381); [illegible] сенату, п. 5.

[3]) 1712 года 16 января. Объ этомъ [illegible] ется въ указѣ сената 1721 года 24 ф[illegible] Если не ошибаемся, его нѣтъ въ Полно[illegible] законовъ.

[1]) 1713 года, 24 апрѣля (№ 2669); [illegible] женный изъ сената.

[2]) 1714 года, 17 марта (№ 2786), [illegible]

[3]) 1725 года 20 апрѣля (№ 4098); [illegible] Первоначально установлены: *оберъ-фискалъ*, [illegible] калъ, и при немъ четыре *фискала*, въ [illegible] ль кунечества, но *четыре фискала* [illegible] верши, въ томъ числѣ *провинціалъ-фиск*[illegible] *калы* изъ кунечества, по одному и по до[illegible] городахъ, они назывались и *земскими*, [illegible] скалами. 1714 года, 17 марта (№ 27[illegible] Ср. 1711 года 10 августа (№ 2414) [illegible] ли докладные пункты оберъ-фискала [illegible]

…ри: въ сенатѣ генералъ- и оберъ-…, а въ коллегіяхъ прокуроры [1]). Въ …и они были уничтожены, ненавѣстно …года, и возстановлены манифестомъ …ицы Анны Іоанновны, на прежнемъ …[2]).

…вимъ теперь краткій очеркъ ре-…роизведенной Петромъ Великимъ въ …ствѣ.

…ство, провинціальное судоустройство.

…году, вся Россія раздѣлена Петромъ … на восемь губерній: Московскую, …анскую, Кіевскую, Смоленскую, …скую, Казанскую, Азовскую и Си-…[3]). Въ послѣдствіи, въ 1719 году, каждая губернія подраздѣлена еще на нѣсколько провинцій [4]). Всѣ эти губерніи, съ небольшими измѣненіями, организованы по образцу Нижегородской; ибо изъ многихъ указовъ мы видимъ, что почти тоже устройство, которое введено было во всѣхъ губерніяхъ, существовало въ Нижегородской еще до учрежденія губерній въ Россіи [5]). Въ новомъ областномъ устройствѣ, судебное управленіе было отдѣлено отъ собственно административнаго, исполнительнаго и полицейскаго (въ обширномъ смыслѣ).

а) *Областное устройство въ административномъ отношеніи.*

Высшая административная власть въ губерніи принадлежала губернаторъ. Подъ нимъ состояли: вице-губернаторъ, который заступалъ его мѣсто во время его отсутствія [6]); въ провинціяхъ, если въ нихъ находились гарнизоны, оберъ-комендантъ и комендантъ (вѣроятно по городамъ) [7]), а гдѣ гарнизоновъ не было, тамъ сначала ландраты съ комиссарами, а потомъ воеводы провинціальные [8]), по городамъ городовые [9]), а подъ послѣдними, въ пригородахъ, пригородные воеводы [10]).

…года, 26 ноября (№ 3214); именный. Ср. … (№ 3179); инструкція или наказъ земскимъ … въ губерніяхъ и провинціяхъ. …лѣдствіи мы находимъ *генерала фискала*, …ала и *государственнаго* (при сенатѣ), *оберъ*-…ковскихъ коллегій, *оберъ-фискаловъ* въ …ъ войскѣ у дивизій, *фискаловъ* въ колле…магистратѣ (1723 года, 22 февраля (№ 4170); …ашій сенату). Сверхъ того, по спорнымъ …духовные фискалы или духовныхъ особъ, …емъ *провинціаль инквизиторовъ*, при ея …*инквизиторъ*, а въ городахъ и заво…*изиторы* (1721 года (№ 3870); инструк… отъ Святѣйшаго Синода Московскаго Да…тыря строителю Іеромонаху Нафанаилу, …ему Протоинквизиторомъ, или главнымъ …по дѣламъ духовнаго вѣдомства во всей …

…года, 12 января (№ 3877); именный, данный …

…года, 2 октября (№ 5625); манифестъ.—Послѣ …*генералъ-* и *оберъ-прокуроровъ* при се…*куроровъ* въ государственныхъ коллегіяхъ, …*прокуроровъ* въ магистратахъ и надворъ… (1722 года, 18 января (№ 3880; имен… 1722 года, 27 апрѣля (№ 3981); именной), …становлены: *оберъ-прокуроръ* въ сенатѣ; …раль-прокурору (1722 года, 11 мая (№ 4001), …прокуроры при губернаторахъ (1733 года, … (№ 6175), именной) при канцеляріяхъ и (1741 года, 12 декабря (№ 8480); именной). …года, 18 декабря (№ 2218) именный, объ… ближней канцеляріи. Въ 1713 году, изъ …ковскомъ образована особливая Рижская (1713 года, 28 іюля (№ 2793), именной; по … мы находимъ уже новое раздѣленіе Рос… губерній С.-Петербургскую, Московскую, …зовскую Рижскую, Архангельскую, Сибир…скую Нижегородскую, Астраханскую. По… Нижегородская и Астраханская (1719 года, …3380), именный, состоявшійся въ сенатѣ).

[4]) С.-Петербургская губернія раздѣлена на 12 провинцій, Московская на 9, Кіевская, Азовская, Архангельская, Сибирская, Казанская, Астраханская каждая на 4 провинціи, Нижегородская на 3, Рижская на 2 (1719 года, 29 мая (№ 3380), именной, состоявшійся въ сенатѣ).

[5]) 1705 года, 3 марта (№ 2039; именный.—1708 г., 21 марта (№ 2194), докладные пункты князя Меншикова съ Высочайшими резолюціями, ст. 21.—1705 года 17 января (№ 2135), именной, объявленный князю Меншиковымъ.—1706 года, 12 марта (№ 2097) именной, объявленный княземъ Меншиковымъ Кокенгаузену коменданту Рижскому-Корсакову.

[6]) 1714 года, 17 марта (№ 2786), именной, п. 8.—Отношеніе вице-губернатора къ губернатору весьма неясно въ указахъ Петра Великаго, иногда вице-губернаторы состояли при губернаторахъ (1715 года, 28 января (№ 2879), именной), иногда они имѣли въ своемъ управленіи города (1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именной, п. 3) и провинціи (1719 года, 29 мая (№ 3378); именной, объявленный въ сенатѣ).

[7]) 1711 года, 17 марта (№ 2786), именной, п. 8.—1715 года, 28 января (№ 2879) именной.

[8]) 1719 года 19 мая (№ 3380), именной, состоявшійся въ сенатѣ.

[9]) 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій п. 9.—1728 года, 12 сентября (№ 5333) указъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 7.

[10]) 1715 года, 28 января (№ 2879) именной.

До реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ въ областномъ устройствѣ, при каждомъ воеводѣ находились помощники, товарищи, которые избирались изъ помѣщиковъ, жителями того города, гдѣ находился воевода, и вѣдали съ нимъ всѣ дѣла города и уѣзда [1]). Отношеніе ихъ къ воеводѣ было то же самое, какое существовало между судьями, вѣдавшими приказы, и ихъ товарищами: послѣдніе были помощники, совѣтники первыхъ. Это управленіе воеводами „съ товарищи" Петръ Великій замѣнилъ чисто-коллегіальнымъ, — ландратскими правленіями. Они заимствованы не изъ Швеціи, какъ вообще все областное устроиство, а изъ остзейскихъ провинцій; ибо мы знаемъ, что когда Эстляндія находилась подъ властью Даніи, мѣстное управленіе ея вѣрено было намѣстнику и земскому совѣту, состоявшему изъ 12 ландратовъ.

Ландраты учреждены въ Россіи въ 1713 г. Положеніе о нихъ состояло въ слѣдующемъ: „учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по двѣнадцати, въ среднихъ по десяти, въ меньшихъ по восьми; дѣла ихъ-то, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать. Вице-губернаторамъ по три доли, а оберъ-комендантамъ изъ полы противъ своихъ губернаторовъ имѣть ландратовъ, гдѣ будутъ оные въ особыхъ городахъ той губерніи, а не при губернаторѣ [2]). Въ губерніяхъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ гарнизоновъ нѣтъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, а быть, вмѣсто ихъ, ландратомъ, по одному человѣку надъ каждою долею (въ которой 3500 дворовъ, или по сколько будетъ удобнѣе, по разсужденію губернаторскому). Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу, или по два мѣсяца. А при окончаніи года, ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ... для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ: этого ради губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать, а судить тѣхъ ландратовъ губернаторамъ самимъ, съ вице-губернаторами и съ ландратами" [3]).

После 1719 года въ указахъ болѣе [illegible] минается о ландратахъ; когда имен[illegible] уничтожены — неизвѣстно; вѣсти вѣр[illegible] что они отмѣнены съ изданіемъ новаго [illegible] женія объ областномъ устройствѣ [illegible] 29 мая; ибо въ немъ не упоминается [illegible] раты въ числѣ прочихъ губернскихъ [illegible] винціальныхъ чиновниковъ [4]).

Въ 1722 году, когда судебное упра[illegible] было снова вѣрено губернаторамъ и [illegible] дамъ, имъ приданы были въ помощь [illegible] соры, въ главныхъ городахъ по два, [illegible] провинціальныхъ по одному. Такъ было [illegible] становлено, еще при Петрѣ Великомъ, [illegible] нее управленіе посредствомъ воевод[illegible] варищи" [5]). Мѣсто прежнихъ приказны[illegible] приказныхъ палатъ, заступили теперь [illegible] наторскія и воеводскія канцеляр[illegible] торыя вообще назывались земскими [illegible] ляріями [6]): здѣсь засѣдали губерна[illegible] воеводы, принимали челобитныя и отпр[illegible] дѣла [7]). При нихъ находился земск[illegible] кретарь или дьякъ [8]).

Отношенія между губернаторами и [illegible] піальными и городовыми воеводами [illegible] лить весьма трудно, и въ царствован[illegible] Великаго они едва ли были доведены [illegible] систематической правильности, кото[illegible] димъ впослѣдствіи, особливо со врем[illegible] данія учрежденія о губерніяхъ. Вы[illegible] замѣчено, что вице-губернаторы ни[illegible] стояли при губернаторахъ и находи[illegible] ними въ одномъ городѣ, иногда же о[illegible] вляли провинціями, наравнѣ съ про[illegible] ными воеводами. Мы знаемъ, что н[illegible] довые воеводы состояли подъ апелля[illegible] берната; но воеводы нѣкоторыхъ [illegible] по отдаленности, были подчинены над[illegible] жайшихъ провинціальныхъ воевод [9]). [illegible] того, губернаторы, вице-губернаторы [illegible] коменданты и провинціальные воев[illegible]

---

[1]) 1695 года 19 января № 2015) именный, объявленной Разряду боярину Стрешневу.

[2]) 1713 года 24 [illegible] № [illegible], именной, п. 3.

[3]) 1713 года 28 января (№ 2879) именной

[4]) Ландраты упоминаются въ послѣдней ревизской [illegible] ному указѣ, объявленномъ изъ сената, 1719 апрѣля (№ 3354).

[5]) 1722 года 12 марта (№ 3917) Сенатск[illegible] Коллегіи 1722 года 4 апрѣля (№ 3935), [illegible] стоящихъ въ сенатѣ.

[6]) 1720 года 20 апрѣля (№ 3571). Наказъ [illegible] кимъ или секретарямъ, п. 2.

[7]) Тамъ же, п. 3.

[8]) 1718 года 26 ноября (№ 3241), именной [illegible] января (№ 3294), инструкція имъ назыв[illegible] п. 11.

[9]) 1728 года 12 сентября (№ 5332). Нак[illegible] наторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

…ними управителями губерній или …, въ то же время служили первою …ю для жителей того города и уѣзда, …мъ они находились [1]).

…ное устройство въ судебномъ отношеніи.

а) Общіе суды.

…я судебная власть въ губерніяхъ при… сначала ландрихтерамъ. Изъ …ы Ингермандландской и первоначаль… ройства вообще всѣхъ нашихъ гу… …ію даже, что сперва, въ нѣкоей гу… …лъ одинъ только ландрихтеръ, и что …ъ спорныя дѣла о земляхъ [2]). Но …надлежалъ въ это время судъ во …чихъ спорныхъ искахъ—неизвѣстно. …рѣшить, откуда заимствованы ланд… Мы находимъ ихъ въ Швеціи и Эст… …о здѣсь они составляли коллегіи и …ѣ спорные иски. Напротивъ, ланд… установленные у насъ, судили соб… одни спорныя дѣла о земляхъ, и то …анію ландратской коллегіи, подъ …ни состояли [3]); сверхъ того, они не …и коллегій, но каждый изъ нихъ …ю канцелярію земскихъ дѣлъ [4]). Въ …, въ новой росписи губернскихъ чи… находимъ уже оберъ-ландрихтера и …ера [5]). Можно, съ нѣкоторою вѣроят… …ключать, что оберъ-ландрихтеры …ли отмѣнены; ибо въ 1719 году, …С.-Петербургской губерніи, снова …тся только объ одномъ ландрихтерѣ …губернію [6]). Впослѣдствіи, ландрих… …и уничтожены [7]); мы не знаемъ по…

…дно изъ устройства с.-петербургской губер… …года, 29 мая (№ 3380), именный, состоя… …ентѣ. 1722 года, 1 апрѣля (№ 3935), имен… …ающійся въ сенатѣ.

…года, 17 января (№ 2135); именный, объяв… …ямен. Мешковымъ, п. 2 и 3. 1715 года, …(№ 2879), именный „ежели... споръ какой …будетъ, и о томъ для розыску и межеванія …ландрихтеровъ".

…года, 21 апрѣля (№ 2673), именный, п. 3; …ремъ быть каждому подъ вышереченнымъ …ъ) конси[illegible]мъ въ своей провинціи".

…28 января (№ 2879), именный.

…года, 21 марта (№ 2191); докладные пункты …ажено съ Высочайшими резолюціями, ст. 24.

…года, 26 ноября (№ 3211); именный.

…года, 29 мая (№ 3380); именный, состоя… …ентѣ.

…не ошибаемся, оберъ-ландрихтеры и ланд… …послѣдній разъ упоминаются въ указѣ Юс… …ціи, 1719 года 16 ноября (№ 3153).

будительной причины ихъ уничтоженія, но можно думать, что установленіе по городамъ и провинціямъ судовъ и судей, коимъ вѣрено было рѣшеніе спорныхъ поземельныхъ и исковыхъ дѣлъ, сдѣлало ландрихтеровъ не нужными [8]).

Учрежденіе городовыхъ и губернскихъ судовъ было, впервые, предположено Петромъ Великимъ въ 1718 году [9]), и впослѣдствіи, кажется, приведено въ исполненіе. Первые называются въ указахъ уѣздными [10]), земскими [11]), нижними, нижними городовыми, провинціальными [12]) судами. Гдѣ такихъ судовъ не было, тамъ должность ихъ возлагалась на воеводъ [13]), губернаторовъ, вице-губернаторовъ, оберъ-ландрихтеровъ, ландрихтеровъ и городовыхъ судей [14]). Городовые, или нижніе суды состояли подъ апелляціей главныхъ [15]), высшихъ, надворныхъ судовъ [16]), заимствованныхъ изъ шведскаго законодательства. Надворные суды, по первоначальному предположенію, должны были находиться въ каждой губерніи, а впослѣдствіи только въ главныхъ губернскихъ городахъ (С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ,

[8]) По установленію Юстицъ-Коллегіи, вѣроятно вслѣдствіе существованія отдѣльнаго помѣстнаго приказа и ландрихтеровъ — отдѣльныхъ губернскихъ судей для спорныхъ дѣлъ о земляхъ, - возникъ слѣдующій вопросъ „помѣстнымъ ли однимъ, или судимымъ дѣламъ вмѣстѣ, какъ въ Швеціи, такъ и въ той (Юстицъ-Коллегіи) быть, и въ какой силѣ, только ли въ одномъ С.-Петербургѣ, или по провинціямъ и городамъ"? (1718 года, 9 мая (3202), Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи, п. 1. Вопросъ выраженъ не совсѣмъ ясно. Кажется, Юстицъ Коллегія испрашивала разрѣшенія на то, быть ли помѣстнымъ и судимымъ дѣламъ вмѣстѣ, и если быть, то въ одномъ ли С.-Петербургѣ, или и въ провинціяхъ и городахъ?) Петръ Великій повелѣлъ: „быть одному уставу или уложенію" (Тамъ же резолюція 1 п.) Такимъ образомъ, въ силу этой резолюціи, городовые и губернскіе суды должны были вѣдать поземельныя и исковыя спорныя дѣла, а слѣдовательно, ландрихтеры, отдѣльно вѣдывавшіе одними поземельными спорными дѣлами, должны были сдѣлаться излишними.

[9]) Тамъ же, 1718 года, 22 декабря (№ 3261); именный, п. 8.

[10]) 1719 года, января (№ 3294); инструкція или наказъ воеводамъ, п. 5.

[11]) 1722 года, 27 апрѣля (№ 3979), именный, п. 7.

[12]) 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи

[13]) 1719 года, 16 ноября (3156); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи.

[14]) 1720 года, 1 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи.

[15]) 1718 года, 9 мая (№ 3202), Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи, п. 1.

[16]) 1718 года, 22 декабря (№ 3261); именный, п. 2

Воронежѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ и Тобольскѣ [1]. Они составляли вторую, высшую инстанцію въ областномъ устройствѣ, и соотвѣтствовали нынѣшнимъ соединеннымъ палатамъ, съ тою только разницею, что послѣднія установлены для одной губерніи, а первымъ были подсудны многія губерніи, какъ гофгерихтамъ въ Швеціи. Кромѣ того, отъ неправильности тогдашней администраціи и смѣшенія управленія мѣстнаго съ центральнымъ, надворные суды были, въ одно и то же время, высшими областными судами для губерніи, причисленныхъ къ ихъ судебному округу, и низшими, городовыми, для уѣздовъ и городовъ, въ которыхъ были установлены [2]. О составѣ надворныхъ судовъ ничего не говорится въ указахъ Петра Великаго. Мы знаемъ только, что московскій надворный судъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ, и долженъ былъ управлять губерніею, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ [3]. Мѣсто надворныхъ судовъ, гдѣ ихъ не было, заступали губернаторы [4].

Въ одно время съ судами предположено было установить и городовыхъ судей [5]. Въ слѣдующемъ году, мы находимъ, что такіе суды были дѣйствительно учреждены Юстицъ-Коллегіею во всѣхъ большихъ городахъ, но въ 1722 году, они были отмѣнены, и судебная власть ихъ передана воеводамъ, а въ городахъ, гдѣ воеводъ не было, и которые находились въ значительномъ разстояніи (въ двухъ-стахъ верстахъ) отъ главнаго города провинціи, установлены для многихъ смежныхъ городовъ особенные ассессоры, съ правомъ судить дѣла, не превышающія цѣною 10 и 20 руб. [6]. Вскорѣ послѣ того, эти ассессоры замѣнены судовыми коммиссарами, съ правомъ судить дѣла, цѣною въ 50 рублей [7]. Цѣль установленія городовыхъ судей и отношеніе ихъ къ городовымъ и провинціальнымъ судамъ намъ неизвѣстны. По всѣмъ вѣроятіямъ, они должны были заступать мѣ- довъ тамъ, гдѣ ихъ не было. Это пр- женіе подтверждается тѣмъ, что со в- передачи судебной власти воеводамъ а- наторамъ, нигдѣ болѣе не упоминает- дахъ городовыхъ и провинціальныхъ

Вотъ краткій очеркъ реформъ, про- ныхъ Петромъ Великимъ въ общемъ номъ устроеніи Россіи. Отношеніе собственно судебною и администра- властью, во время раздѣленія ихъ, лялось тѣмъ, что воеводы и губерна- имѣли права судить спорныхъ тяжб- дѣлъ [8], но наблюдали надъ судами, они не волочили дѣлъ и не дѣлали ведливостей; они принимали жалоб- правляли ихъ въ надлежащій судъ [9] няли рѣшенія, дѣлая свои представле- шему судебному мѣсту, если находи- неправильными [10].

Вслѣдствіе раздѣленія власти суд административной, должны были обра- и два рода инстанцій: одинъ по адми- тивному, другія по судебному упр- Такъ и было: первоначально орга- административныя инстанціи: горо- провинціальные воеводы и комен- стояли подъ апелляціею губернаторов- 1719 года, опредѣлены и судебныя и- городовые и провинціальные суды подчинены надворному суду [11]. Уни- судей, установленныхъ по городамъ Коллегіею, и вѣреніе судебной влас- наторамъ и воеводамъ, тогда какъ гихъ городахъ оставались, по-прежн- родовые и провинціальные суды, и тельно судебная власть не слив- одномъ лицѣ съ исполнительною, стративною—должны были породить неправильность въ областномъ у- того времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1] 1708 года, 18 января (№ 2135), имен- ленный сенату Меншикову, и 5 — января (№ 3294); инструкція или наказ- п. 5.

[2] 1711 года, 5 декабря (№ 2807), имен- ленный изъ сената.

[3] 1720 года, декабря (№ 3671), наказ- тамъ или секретарямъ, п. 7.

[4] 1713 года, января (№ 3294), инструк- сать воеводамъ, п. 6.

[5] 1715 года, 31 марта (№ 3367), имен- ленный изъ сената.

[6] 1722 года, 15 іюля (№ 3965), указъ из- Коллегіи

предѣленнымъ учрежденіе о под-
присутственныхъ мѣстъ и лицъ,
принесеніи апелляціонныхъ жа-
новость областнаго учрежденія,
въ Россіи Петромъ Великимъ,
ною чрезвычайнаго умноженія жа-
емыхъ лично самому Государю.
издано указовъ, запрещавшихъ
мимо установленныхъ инстанцій;
ались безъ дѣйствія, несмотря
анныя подтвержденія.

b) Особенные суды.

осится устройство духовныхъ,
кихъ и купеческихъ, ремеслен-
ческихъ судовъ.

ные суды. Въ 1722 году, послѣ
а синода, Петръ Великій учре-
одамъ духовныхъ дѣлъ упра-
Они вѣдали, въ первой инстан-
ие гражданскіе иски, вчиняемые
ховныхъ [2]). Вторую областную ин-
тавили епархіальные архіереи [3]).
ждение особливыхъ духовныхъ су-
гражданскихъ исковъ противъ ду-
дъ, было не что иное, какъ видо-
прежнихъ началъ управленія, со-
новымъ областнымъ устройствомъ
ѣльное управленіе духовенства и
подластныхъ, въ дѣлахъ свѣт-
ржано; только введены въ немъ
ции, изъ коихъ первая соотвѣт-
городовымъ воеводамъ и судамъ,
дворнымъ судамъ.

тельскіе суды. Въ устройствѣ
вошло, въ царствованіе Петра
никакихъ существенныхъ измѣне-
установлены были коменданты и
замѣнившіе сначала воеводъ, къ
ало и право суда надъ крестья-
ахъ гражданскихъ [4]). Въ этотъ,
предыдущій періодъ, судебное
крестьянъ не сосредоточивалось
какомъ-либо присутственномъ мѣ-
но раздѣлено между различными
и. Крестьяне, приписанные къ за-
брикамъ, къ артиллеріи, судомъ
томъ управленіи, которому были
подчинены фабрики, заводы и т. д.; крестьяне помѣщичьи, вотчинные, монастырскіе, патріаршіе, епископскіе, дворцовые и ямщики, по прежнему судились въ своихъ искахъ передъ помѣщиками и приказчиками. Частыя измѣненія въ управленіи ихъ ограничивались однимъ перечисленіемъ изъ одного вѣдомства въ другое.

3) Суды городскаго сословія. Городское сословіе, какъ мы выше замѣтили, создано въ Россіи Петромъ Великимъ. Еще въ 1699 году, установлены по городамъ выборные [5]), бурмистры, съ властью судебною и административною [6]). Такъ введено отдѣльное управленіе купечества отъ прочихъ городскихъ и уѣздныхъ жителей въ дѣлахъ торговыхъ [7]). Этому управленію, впослѣдствіи, дана болѣе правильная организація; къ Новгороду, Пскову, Астрахани и „инымъ такимъ городамъ“, велѣно было приписать малые города и уѣзды. Появилось, въ отношеніи къ торговому сословію, раздѣленіе Россіи на провинціи, которое предшествовало, задолго, общему преобразованію нашего областнаго устройства. Бурмистры большихъ городовъ должны были вѣдать бурмистровъ малыхъ городовъ, и, въ свою очередь, вѣдались Бурмистерскою Палатою, которая находилась въ Москвѣ [8]), состояла изъ бурмистровъ, и вскорѣ переименована въ Ратушу, а члены ея—въ бургомистровъ [9]). Нѣкоторые посады были однако изъяты, по именнымъ указамъ, изъ этого общаго порядка управленія, и вѣдались оберъ-комендантами и воеводами [10]). Послѣднее измѣненіе въ управленіи купеческимъ сословіемъ состояло въ томъ, что по введеніи новаго областнаго устройства, городовые бурмистры подчинены по апелляціи губернаторамъ [11]). Чрезъ это Бурмистерская Палата въ Москвѣ должна была потерять прежнее свое значеніе. Въ 1718 году, предположено

---

[2]) 1699 года, 30 января (№ 1671), именный — 1699 года, 30 января (№ 1675), именный, объявленный изъ Разряда. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

[3]) 1699 года, 30 мая (№ 1686), статья, присланная изъ Воронежа въ Разрядъ.

[4]) 1699 года, 5 октября (№ 1699); именный — 1709 года, 26 іюля (№ 4708); именный.

[5]) 1699 года, 27 октября (№ 1705), именный.

[6]) 1699 года, 17 ноября (№ 1718), именный.

[7]) 1709 года, 4 января (№ 2220), именный, состоявшійся въ Преображенскомъ Приказѣ, за подписаніемъ царевича Алексѣя Петровича, и состоявшійся, на основаніи онаго, приговоръ Ратуши.

[8]) 1715 года, 28 января (№ 2879), именный.

---

[1]) 1722 года, 4 сентября (№ 4081); синодскій, п. 1.
[2]) Тамъ же, п. 10
[3]) Тамъ же, п. 3.
[4]) 1721 года, 12 марта (№ 3997); именный, объявленный Меншикомъ Конференцкому коммиссару Брюсову — 1715 года, 28 января (№ 2879).

учредить городовые магистраты на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламентовъ [1]. Имъ положено первое основаніе отдѣльному управленію городоваго сословія по всѣмъ дѣламъ, которыя до него относились [2]. Въ 1721 году, оно было подробно и систематически развито въ Регламентѣ Главнаго Магистрата [3], и такимъ образомъ, еще при Петрѣ Великомъ, установилось окончательно. Въ этомъ уставѣ, всѣ города, по числу дворовъ, раздѣлены на пять классовъ [4], изъ коихъ первые два заключали въ себѣ большіе города, два вторые—средніе, а послѣдній—малые города. Въ малыхъ городахъ были одни бургомистры съ извѣстнымъ числомъ ратмановъ; въ среднихъ бургомистры составляли магистратъ; въ большихъ городахъ устройство магистратовъ отличалось только тѣмъ, что въ нихъ одинъ изъ бургомистровъ назначался президентомъ [5]. Число бургомистровъ и ратмановъ было различно, смотря по величинѣ города. Они выбирались изъ гостей, гостиной сотни, гостиныхъ дѣтей и первостатейныхъ гражданъ „добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей“ [6].

Областныя присутственныя мѣста и лица, управлявшія городскимъ сословіемъ, дѣлились на три инстанціи; на бургомистрахъ малыхъ городовъ подавались апелляціонныя жалобы магистратамъ, въ коихъ не было президентовъ, и которые, слѣдовательно, равнялись провинціальнымъ судамъ и воеводамъ. Недовольные рѣшеніемъ этихъ магистратовъ жаловались, въ большихъ городахъ, магистратскимъ президентамъ. Итакъ, губернскіе магистраты, составляя третью инстанцію, соотвѣтствовали надворнымъ судамъ [7].

---

[1] 1714 года, 11 іюня (№ 3205). Высочайшая резолюція на мемориалъ вице-канцлера Фика. Резол. на § 11.

[2] 1721 года, 16 января (№ 3705): Регламентъ или уставъ Главнаго Магистрата, гл. IX, гл. XIV.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же, гл. V. Къ первому отнесены города, въ которыхъ было 2000 дворовъ и болѣе; ко второму [illegible]—2000; къ третьему 500—1000; къ четвертому 251—500; къ пятому города, въ которыхъ было менѣе 250 дворовъ.

[5] Тамъ же, гл. VI.

[6] Тамъ же.

[7] Тамъ же, гл. VI. Изъ инструкціи магистратамъ 1721 года (№ 4024), п. 28, видно, что вмѣсто трехъ областныхъ инстанцій, предположенныхъ Регламентомъ Главнаго Магистрата для городоваго сословія, учреждена только двѣ: въ городовыхъ бургомистровъ и магистраты приносились апелляціонныя жалобы прямо въ магистраты, уравненные съ надворными. Такая неопредѣленность числа инстанцій въ общемъ областномъ устройствѣ. Вообще изъ видно, что Петръ Великій имѣлъ не въ виду учредить три областныхъ инстанціи послѣдствіи, потому ли, что были установлены, или по какимъ-либо другимъ причинамъ всѣхъ областныхъ управленіяхъ учредилъ станціи.

Послѣ Петра Великаго, общее устройство Россіи подверглось новымъ измѣненіямъ. Начала, внесенныя имъ въ законодательство, были имъ чужды. сложное областное устройство не ное, противорѣчило простому, одноо устройству древней Россіи. При устан многихъ областныхъ чиновъ, присут ныхъ мѣстъ, инстанцій и отдѣльныхъ леній (изъ коихъ мы упомянули тол которыхъ, собственно относившихся добному управленію), при неопредѣл законовъ и частомъ ихъ измѣненіи немногіе знали, у кого искать защи тивъ нарушеній права. Содержаніе ковъ, учрежденныхъ Петромъ Велик бовало большихъ издержекъ, тяготѣ народа. Все это побудило Екатери 1727 году, „какъ надворные суды, всѣхъ лишнихъ управителей, и ка ихъ, и конторы, камериръ и земск миссаровъ и прочихъ тому подобны отставить, а положить всю расправу по-прежнему, на губернаторовъ и чтобы подданнымъ тѣмъ показано облегченіе, а вмѣсто бы разныхъ канцелярій и судей, знали токмо од лярію“ [8]. Такимъ образомъ, прежн ное устройство возстановлено и у неизмѣнно до учрежденія о губер полненія и пояснѣнія, къ нему отн въ главныхъ чертахъ, состояли и шемъ:

1) Городовые комиссары, учрежде ромъ Великимъ, замѣнены, по воеводами, и подчинены, въ поряд ляціонномъ, воеводамъ провинціал родовъ [9]. Послѣдніе имѣли при мощниковъ, которые, послѣ Петра

[8] 1727 года, 15 марта (№ 5039), именов шійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п.

[9] 1726 года, 15 іюля (№ 4929), именный ный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенат 24 февраля (№ 5017); именный, объявлен ховнаго Тайнаго Совѣта сенату, п. 2.— 15 марта (№ 5033), именный, состоявшій ховнымъ Тайнымъ Совѣтѣ, п. 2

называться ассессорами, а получили
ваніе „товарищей", какъ видно изъ
казовъ [1]).

ть административная и судебная,
ія въ одномъ лицѣ воеводы „съ
, были строго отличены другъ отъ
законахъ, и служили основаніемъ
одчиненности воеводъ въ порядкѣ
. Въ судебномъ отношеніи, воеводы
провинціальные и губернаторы
енно подчинены были Юстицъ-
[2]); въ административномъ, приго-
еводы были подвѣдомственны го-
[3]); городовые воеводы — провин-
[4]), а провинціальные воеводы —
ру [5]). Вслѣдствіе этого, по одному
спорному дѣлу, частныя жалобы
однимъ присутственнымъ мѣстамъ
а апелляціонныя—другимъ.

одъ городовыхъ положено перемѣ-
ъ каждые два года [6]). Въ этомъ,
всей реформѣ областнаго устрой-
еннаго Петромъ Великимъ, видно
возстановить наше прежнее упра-
конъ—смѣнять воеводъ чрезъ из-
число лѣтъ, существовалъ издавна [7]).
цѣлью онъ былъ возстановленъ
извѣстно. Быть можетъ, основа-
или остатки прежняго характера
которыя имѣли воеводства; но
вѣрѣ мы знаемъ достовѣрно, что по
законодательству смѣна воеводъ
вѣстное число лѣтъ (три года), была
ля отвращенія злоупотребленій, ко-
орленія подавали поводъ, а мо-
и для того, чтобъ давать воевод-

да, 15 іюля (№ 4929), именный, объявлен-
рховнаго Тайнаго Совѣта сенату.—1727 г.,
(№ 5157); именный, состоявшійся въ Вер-
номъ Совѣтѣ.—1728 года, 12 сентября
Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ

да, 18 сентября (№ 5157); именный, со-
въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.—1728 г.,
5315); сенатскій, п. 8.—1730 года, 22 іюля
енный, вслѣдствіе Высочайше утвержден-
а. 1730 года, 20 марта.—1739 года,
7815); Высочайшая резолюція на докладъ

да, 12 сентября (№ 5833); наказъ губер-
воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 7.
же, п. 6.—1728 года, 26 іюня (№ 5315);
9.
да, 26 іюня (№ 5315), сенатскій, п. 8.
да, 20 марта (№ 5622).
Доп. къ дѣян. Петра Вел., т. III,
6.

скія мѣста другимъ лицамъ, заслужившимъ награды.

По смерти Петра Великаго произошла новая реформа и въ особенныхъ областныхъ управленіяхъ. Главною цѣлью ея была централизація всѣхъ отдѣльныхъ судебныхъ управленій въ рукахъ мѣстнаго воеводы. Такимъ образомъ, послѣдовательность юридическаго начала возстановлена; единовластіе утверждено и въ особенномъ областномъ управленіи.

1) Купеческіе суды. Магистраты подчинены губернаторамъ и воеводамъ [8]). Въ этотъ же періодъ времени установлены словесные суды [9]), существовавшіе до Петра Великаго подъ названіемъ таможенныхъ, и подчинены по апелляціямъ магистратамъ и ратушамъ [10]). Впослѣдствіи мы увидимъ значеніе ихъ и цѣль ихъ учрежденія.

2) Крестьянскіе суды. Крестьяне различныхъ вѣдомствъ были подчинены суду воеводъ и губернаторовъ.—Въ законахъ говорится о такомъ подчиненіи дворцовыхъ крестьянъ [11]), ямщиковъ [12]) и крестьянъ синодскаго вѣдомства [13]). Всѣ они стали под-

[8]) 1727 года, 24 февраля (№ 5017); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату, п. 2.—1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 2, 5, ст. 1.—1732 года, 17 марта (№ 5992), сенатскій.—1737 года, 20 іюля (№ 7333), инструкція С.-Петербургской воеводской канцеляріи, п. 8.—Въ царствованіе Елисаветы Петровны, магистраты, замѣненные ратушами (1728 года, 5 іюля (№ 5302), сенатскій), возстановлены, а съ тѣмъ вмѣстѣ возстановлено и все прежнее устройство областныхъ судовъ средняго сословія, магистраты приписныхъ городовъ, по прежнему подчинены, по апелляціи, провинціальнымъ, провинціальные—губернскимъ (1744 года, 20 августа (№ 9015); сенатскій). Но Екатерина II подчинила губернскіе магистраты губернаторамъ (1764 года, 21 апрѣля (№ 12137); наставленія губернаторамъ п. IX), и такимъ образомъ возстановила устройство, введенное Екатериною I, съ тою только разницею, что прежде каждый воевода завѣдывалъ магистратомъ.

[9]) 1754 года, 5 мая (№ 10,222), сенатскій, п. 1.

[10]) 1766 года, 10 августа (№ 12721); указъ вл. Главнаго Магистрата, съ приложеніемъ инструкціи словеснымъ судамъ.

[11]) 1728 года, 12 сентября (№ 5833); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 12.—1732 года, 26 мая (№ 6068); сенатскій.

[12]) 1728 года, 30 іюня (№ 5269), сенатскій, п. 6.

[13]) 1727 года, 15 марта (№ 5034), именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 1.—1728 г., 12 сентября (№ 5833); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 13.—Въ царствованіе императрицы Екатерины II, управленіе крестьянъ синодальнаго вѣдомства, вслѣдствіе учрежденія Коллегіи Экономіи, подверглось значительнымъ измѣненіямъ.

суды воеводамъ и губернаторамъ, на основаніи прежнихъ началъ подсудности, дѣйствовавшихъ еще до преобразованій Петра Великаго, и изложенныхъ въ главѣ о судоустройствѣ въ періодъ Уложенія.

Съ изданіемъ учрежденія для управленія губерній замѣчается рядъ реформъ въ областномъ устройствѣ. Начала, внесенныя въ это устройство Петромъ Великимъ и замѣненныя прежними при его преемникахъ, были возстановлены Екатериною II, и развиты съ большею полнотою, послѣдовательностью и опредѣленностью. Періодъ Петра Великаго, въ этой отрасли законодательства, заключился: съ новымъ учрежденіемъ, управленіе губерній получило правильную, систематическую организацію, которая лежитъ въ основаніи ихъ настоящаго устройства.

1) Власть судебная, при императрицѣ Екатеринѣ II, снова отдѣлена отъ власти исполнительной. Раздѣленіе этихъ двухъ властей, какъ мы уже замѣтили, впервые появилось со временъ Петра Великаго. При его преемникахъ оно сохранилось только въ отношеніи къ высшимъ правительственнымъ мѣстамъ, въ подчиненіи губернаторовъ и воеводъ, по судебному управленію, Юстицъ-Коллегіи, а по власти исполнительной, сенату. Но, въ отношеніи къ губерніямъ, оно исчезло: ибо въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ сосредоточены обѣ власти, и они сами исполняли приговоры, по которымъ постановляли рѣшеніе. По „Учрежденію о губерніяхъ", судебная и исполнительная власти снова отдѣлены одна отъ другой, и каждая изъ нихъ имѣетъ особливыя присутственныя мѣста и лицамъ. Вся Россія раздѣлена на губерніи или намѣстничества, въ каждое должно было заключаться отъ 300 до 400 тысячъ душъ [1]; губерніи, по пылкости, могли дѣлиться на двѣ или провинціи [2]). Наконецъ, каждая губернія или область дѣлилась на уѣзды или округи, въ коихъ полагалось отъ 20 до 30 тысячъ душъ [3]). Исполнительная власть, въ губерніяхъ, вѣрена намѣстникамъ [4] или губернскимъ правленіямъ [5]), въ уѣздахъ — нижнимъ земскимъ судамъ [6], а въ городахъ — городничимъ или комендантамъ [7]. Но эти мѣста и лица не имѣли судебной власти: ею завѣдывали особливые суды и коллегіи, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Между судебными и исполнительными присутственными мѣстами и лицами установлены [8] такія отношенія. Должность исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ состояла въ приведеніи въ исполненіе приговоровъ вышнихъ мѣстъ судебныхъ. Отсюда, если откладывало спорное гражданское дѣло въ какомъ-либо не судебномъ присутственномъ мѣстѣ, оно не судило его, но передавало тому мѣсту, которому дѣло подсудно по закону. Точно по же началу, судебныя мѣста не исполняли сами своихъ приговоровъ по спорнымъ дѣламъ, но передавали для исполненія административнымъ присутственнымъ мѣстамъ.

2) Для отдѣльныхъ отраслей управленія установлены въ губерніяхъ высшія присутственныя мѣста и лица, въ которыхъ, какъ въ высшей областной инстанціи, сосредоточивались дѣла, возникавшія въ губерніи. Централизація областнаго управленія [9] однако, общая для всѣхъ управленій въ губерніи, но существовала для каждой отрасли въ отдѣльности. Центральнымъ присутственнымъ мѣстомъ исполнительной власти [10] въ цѣлой губерніи, было губернское правленіе, по дѣламъ гражданскаго судебное управленіе, по дѣламъ гражданскимъ сосредоточивалось въ гражданской палатѣ [11].

Часть этихъ крестьянъ осталась, по прежнему, въ управленіи архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, которые потому и были главными судьями по спорнымъ гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между ними (1764 года, 6 іюня (№ 11844); инструкція Высочайше учрежденной Коллегіи экономіи, п. 7); другая состояла подъ управителями и приказщиками, поставленными отъ Коллегіи экономіи, и замѣненными потомъ выборными управителями отъ крестьянъ (1764 г., 13 августа № 12226; Высочайше утвержденный докладъ Президента Коллегіи экономіи, князя Куракина), и подъ калмыками. Сверхъ того, надъ округами синодальныхъ крестьянъ установлены, по городамъ, *попечители* (см. тамъ же), а впослѣдствіи четыре *экономическихъ правленія*, въ Ярославлѣ, Казани, Кіевѣ и Вологдѣ (1770 г., 28 іюля (№ 15487 Высочайше утвержденный докладъ синода). Въ какой мѣрѣ простиралась судебная власть воеводъ и губернаторовъ на синодальныхъ крестьянъ со времени этихъ реформъ въ ихъ управленіи, не видно изъ современныхъ указовъ.

[1]) 1775 года, ноября 7 (№ 14392). Учрежденія для управленія губерній Всероссійскія Имперіи.
[2]) Тамъ же, ст. 15.
[3]) Тамъ же, ст. 16 и 17, 193 и 194.
[4]) Тамъ же, ст. 83 и 85.
[5]) Тамъ же, ст. 96, 97, 98 и 99.
[6]) Тамъ же, ст. 221, § 3.
[7]) Тамъ же, ст. 253 и 254, § 3.
[8]) Тамъ же, ст. 84, 85, 96, 97, 229, 254.
[9]) См. приведенныя статьи.

было въ губерніяхъ общихъ централь-
мѣстъ, для судебной и исполнительной
. Централизаціи областнаго управленія
дѣльнымъ отраслямъ, съ сохраненіемъ
нительности, независимости каждой изъ
не была нововведеніемъ при Екате-
II. Это начало впервые внесено въ наше
ное устройство Петромъ Великимъ, съ
аленіемъ ландрихтеровъ, а впослѣд-
емскихъ и надворныхъ судовъ, не за-
нихъ отъ воеводъ и губернаторовъ. Но
ри немъ, а еще болѣе при его преем-
, это начало уступило мѣсто прежн-
и всѣ отрасли управленія соединены
ой воеводской канцеляріи.

Учрежденіемъ о губерніяхъ возстанов-
ъ областномъ устройствѣ коллегіальное
, впервые введенное Петромъ Вели-
и замѣненное въ послѣдующія цар-
ами личнымъ управленіемъ. Это начало,
всѣ другія, проведено императрицею
риною II, съ большою послѣдователь-
, по всѣмъ инстанціямъ областнаго
ленія, и—что всего замѣчательнѣе—
ено въ основаніе устройства однихъ
ыхъ присутственныхъ мѣстъ [1]; губерн-
правленіе — мѣсто, по преимуществу
нительное, административное — удер-
старинное, совѣщательное устройство [2],
е въ древней Россіи единственной,
нительной формой судоустройства. —
ание этого различія въ устройствѣ су-

дебныхъ и исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ заключается въ томъ, что власть исполнительная по существу своему есть необходимо власть дѣятельная, выражающаяся въ единствѣ, опредѣленности и скорости дѣйствія. По этому-то она и ввѣрена лицу физическому. По обширности, многосторонности этой власти, ему приданы совѣтники, которые помогаютъ ему уяснить предѣлы, цѣль и направленіе его дѣятельности въ извѣстномъ, данномъ случаѣ. Таково было назначеніе губернскаго правленія. При городничемъ, который имѣетъ гораздо меньшій кругъ дѣятельности въ сравненіи съ губернаторомъ, не было совѣтниковъ. Напротивъ, судебнымъ присутственнымъ мѣстамъ, установленнымъ исключительно для опредѣленія права, дано коллегіальное устройство; ибо опредѣленіе права основывается на сужденіи, которое, естественно, должно быть полнѣе и многосторонѣе, когда въ немъ принимаютъ участіе не одно, а многія лица.

4) При Петрѣ Великомъ, выборные, кажется, перестали участвовать въ общемъ областномъ управленіи; по крайней мѣрѣ, въ его царствованіе объ нихъ болѣе не упоминается. Встрѣчается въ указахъ выраженіе: „выбрать изъ людей достойныхъ" [1]; но не всегда можно опредѣлить, выбирали ли тѣ, кому ввѣрено было областное управленіе, или, по прежнему, жители губерній и провинцій. Ходъ реформы, ея направленіе и отношеніе къ древнему быту, заставляютъ думать, что послѣдніе остатки избирательнаго начала въ русскомъ областномъ судоустройствѣ уничтожены при Петрѣ I. Періодъ законодательства, незадолго предшествующій перевороту, представляетъ рядъ постепенныхъ замѣнъ выборныхъ коронными чиновниками. Чужеземное устройство, введенное Петромъ Великимъ, не могло благопріятствовать избирательному началу: мы не знали этого устройства и привыкали къ нему неохотно; нужны были для службы люди ревностные и хорошо знакомые съ новымъ устройствомъ, а такихъ могло назначать одно правительство, бывшее главнымъ двигателемъ реформы. Одно устройство судовъ городоваго сословія

[1] Тамъ же, ст. 183. „большинство голосовъ дѣло
[2] Въ учрежденіи о губерніяхъ прямо гово-
только о коллегіальномъ устройствѣ верхнихъ
ъ судовъ (ст. 183, 184), губернскихъ маги-
ст. 325, 326), верхнихъ расправъ (ст. 369,
верхнихъ надворныхъ судовъ (ст. 162, 163)
ы назвали *департаментами коллегіи* уго-
— Юстицъ-Коллегіи (ст. 106), гражданская —
и Вотчинной-Коллегіи (ст. 115), каменная —
и Ревизіонъ-Коллегіи (118). Этимъ уже, вѣ-
мъ образомъ, опредѣлено и устройство ихъ: по
дныхъ судахъ и нижнихъ расправахъ, равно
о формѣ устройства прочихъ областныхъ при-
ныхъ мѣстъ, не говорится ни слова.
тамъ же, ст. 103. „*Два Совѣтника* опредѣ-
въ губернское правленіе, *для вспоможенія*
ору. Они разсуждаемъ своимъ умножаютъ
потомъ исполняютъ повелѣнія губернаторскія.
Буде же случится, что губернаторскія приказ-
соотвѣтствовать полной общей, и губернатора
ъ нимъ отъ того отвратить имъ не можно, тогда
ики должностствуютъ внести въ правленіе пись-
ое мнѣніе, *но приказанія губернаторскія*
нить не могутъ, и по онымъ исполнять обя-

[1] Изъ указа 1718 года, декабря (№ 3264), имен-
ный, п. 5, видно, что высшіе чиновники баллотиро-
вались сенатомъ, а изъ сенатскаго указа 1725 года,
23 сентября (№ 3780), что судебные комиссары, вое-
воды, камериры и ассессоры назначались герольдмей-
стеромъ.

представляетъ, въ этомъ отношеніи, замѣчательное исключеніе: они составляли изъ выборныхъ [1]).

Полное возстановленіе древняго избирательнаго начала въ нашемъ областномъ судоустройствѣ принадлежитъ Екатеринѣ II. По учрежденію о губерніяхъ, бо́льшая часть областныхъ присутственныхъ мѣстъ состояла изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, кромѣ духовенства; со времени Екатерины II, оно не принимало никакого участія въ свѣтскомъ управленіи, и не имѣло поэтому представителей въ областномъ учрежденіи. Отношеніе избирательнаго начала къ началу коронпаго управленія, и юридическія положенія, служившія основаніемъ первому, по учрежденію о губерніяхъ, опредѣлялись слѣдующимъ образомъ [2]): a) высшія губернскія присутственныя мѣста (губернское правленіе и палаты) состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Ими замѣщались и городническія должности (ст. 59, 60, 61, 71). b) Среднія инстанціи (верхній земскій судъ, верхняя расправа и губернскій магистратъ) были составлены изъ коронныхъ предсѣдателей (ст. 60, 62, 74) и выборныхъ членовъ (ст. 65, 73, 75). Такой же составъ имѣли нижнія расправы (ст. 74) и земскіе суды, въ уѣздахъ, гдѣ не было, или было немного дворянскихъ имѣній (ст. 66). c) Наконецъ, первыя инстанціи (уѣздные суды, городовые магистраты и нижніе земскіе суды) замѣщались исключительно одними выборными (ст. 66, 67, 72, 75). d) Устроиство совѣстнаго суда представляетъ замѣчательную особенность: онъ состоялъ изъ выборныхъ членовъ (ст. 65, 73, 75), подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи, который назначался намѣстникомъ, изъ кандидатовъ, выбранныхъ судебными мѣстами губерніи, а не сословіями (ст. 63). e) Выборные чиновники, состоявшіе въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ, не иначе могли вступить въ отправленіе своихъ должностей, какъ съ утвержденія губернатора, или губернскаго правленія [3]. f) По окончаніи срока своего служенія, они не давали отчета въ отправленіи своей должности сословію, ихъ избравшему, но подлежали общей отвѣтственности передъ правительствомъ, наравнѣ съ [illegible] выми чиновниками [4]). Наравнѣ съ [illegible] выборные считались въ дѣйствительной [illegible] пользовались чинами и наградами [illegible] конецъ, поселянамъ дозволено избира[illegible] ихъ засѣдателей не только изъ посе[illegible] но и изъ „дворянъ, ученыхъ людей, чи[illegible] людей и разночинцевъ" (ст. 75).

Изъ сказаннаго видно, что избират[illegible] начало, возстановленное императрице[illegible] териною II, не было основано на пре[illegible] тельствѣ, но скорѣе на представле[illegible] выборныхъ передъ правительствомъ, [illegible] захъ и выгодахъ избиравшаго ихъ с[illegible] Поэтому-то, они ничѣмъ и не отл[illegible] отъ чиновниковъ, назначаемыхъ самим[illegible] нительствомъ, утверждались имъ и [illegible] даже избираться изъ другихъ сосло[illegible] этомъ отношеніи, возстановленіе их[illegible] дѣйствительнымъ возстановленіемъ пр[illegible] „выборныхъ, добрыхъ людей".

5) До Петра Великаго, у насъ [illegible] строгаго юридическаго различія между[illegible] віями, а поэтому и управленія ихъ [illegible] строго отдѣлены другъ отъ друга и [illegible] находились въ рукахъ одного лица. [illegible] сутственнаго мѣста. Такъ, служилые [illegible] дились преимущественно воеводами; [illegible] не каждой волости, въ искахъ межд[illegible] имѣли свой судъ: по крестьянe ра[illegible] селъ ходили подъ судъ воеводъ, ка[illegible] садскіе люди; купцы, по дѣламъ купе[illegible] имѣли свои особливые, такъ называ[illegible] моженные суды, подчиняясь однако[illegible] щему управленію, власти мѣстнаго [illegible] Въ царствованіе Петра Великаго, [illegible] сословіе было отдѣлено отъ прочихъ [illegible] чило особливое управленіе. Екатери[illegible] вершила начатое Петромъ Великим[illegible] шемъ дворянской грамоты [illegible]) и [illegible] положенія [illegible]), она отдѣлила дворян[illegible] другихъ классовъ, и образовала изъ [illegible] выхъ жителей особливое сословіе. [illegible] образомъ, окончательное юридическ[illegible] дѣленіе сословій принадлежитъ он[illegible] ванію. Образованіе сословій долж[illegible]

---

[1]) См. статьи о устройствѣ городскихъ судовъ.

[2]) Мы ограничиваемся здѣсь разсмотрѣніемъ однихъ исполнительныхъ и судебныхъ присутственныхъ мѣстъ.

[3]) Ст. 63, 65, 66, 67, 75.—Объ утвержденіи градскаго главы, бургомистровъ, ратмановъ, старостъ и судей совѣстнаго суда не говорится ни слова, ст. 72.

[4]) 1784 года, 25 іюня (№ 16025); сенатскій [illegible] 8 апрѣля (№ 16177).

[5]) Учрежд. о губерніяхъ, ст. 50—53.—[illegible] 19 января (№ 17748); именной, объявленный [illegible] прокуроромъ.—1801 года, 1 августа (№ 19[illegible] ный, данный сенату, п. 3.

[6]) 1762 года, 18 февраля (№ 11444), ма[illegible] 1785 года, 19 апрѣля (№ 16186).

[7]) 1785 года, 21 апрѣля (№ 16187).

и въ областномъ управленіи. Въ
о губерніяхъ, различіе ихъ играетъ
оль и имѣло большое вліяніе на
назначеніе многихъ областныхъ
ныхъ мѣстъ.

первыхъ двухъ инстанцій дѣли-
три разряда, по тремъ свѣтскимъ
. Уѣздные и верхніе земскіе суды
для дворянъ; городовые магистра-
ши и губернскіе магистраты—для
сословія; нижнія и верхнія рас-
я сельскаго. Въ учрежденіи о та-
ченіи исчисленныхъ мѣстъ нигдѣ
; только о расправахъ говорится,
установлены для „однодворцевъ,
режнихъ службъ служилыхъ люди,
ыхъ государственныхъ крестьянъ,
ыхъ крестьянъ, приписанныхъ къ ка-
есть мѣстамъ или заводамъ, лящи-
омическихъ и дворцовыхъ крестьянъ
, временно въ коронномъ управ-
ошихъ" (ст. 335); но доказатель-
ужить:

анъ ихъ. Уѣздные суды состояли
ько изъ выборныхъ отъ дворян-
67); верхній земскій судъ изъ
ихъ засѣдателей (ст. 166); горо-
гистраты и ратуши—изъ однихъ
отъ купечества и мѣщанства
губернскіе магистраты изъ за-
отъ купцовъ и мѣщанъ [1]; нижни
рхняя расправы изъ засѣдателей
лянъ, „кои составляютъ подсудное
ихъ (ст. 75).

омъ управленіи по классамъ объ-
состанъ нижняго земскаго суда.
ъ могъ быть выборнымъ, или наз-
отъ правительства, смотря по
рнскихъ имѣній въ уѣздѣ (ст. 66);
ели были отъ дворянъ и поселянъ.
нижній земскій судъ установленъ
и другихъ. Городское сословіе не
немъ своихъ выборныхъ, и не было
домственно (ст. 23, 35, 65—67,
75, 166, 336). Напротивъ, въ совѣстномъ
судѣ, учрежденномъ для всѣхъ свѣтскихъ
сословій, были засѣдатели отъ дворянства,
городскаго сословія и поселянъ (ст. 396).
Наконецъ, въ верхнемъ и нижнемъ надворныхъ
судахъ, гдѣ судились спорныя дѣла
лицъ, не принадлежавшихъ къ сословіямъ
тѣхъ столичныхъ губерній, гдѣ эти суды
были установлены, всѣ члены назначались
отъ правительства, потому что выборъ ихъ,
очевидно, не могъ имѣть мѣста (ст. 440,
441, 476).

d) Мы выше замѣтили, что всѣ первыя
областныя инстанціи состояли исключительно
изъ однихъ выборныхъ. Только въ нижней
расправѣ предсѣдатель былъ назначаемъ правительствомъ
(ст. 74); вторыя имѣли уже коронныхъ предсѣдателей (ст. 60, 62); но высшія областныя присутственныя мѣста, намѣстническое правленіе и палаты, состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ (ст. 60, 61). Такой же постепенный переходъ отъ начала избирательнаго къ началу назначенія чиновниковъ отъ правительства, находимъ мы и въ древнемъ областномъ управленіи: могло даже быть, что послѣднее служило образцомъ первому. До Петра Великаго, первыя областныя инстанціи состояли, большею частью, изъ однихъ выборныхъ: таковы были крестьянскіе, волостные суды: воеводы, назначаемые царемъ, имѣли при себѣ выборныхъ товарищей; наконецъ, приказы, бывшіе нѣкогда для Московскаго княжества высшими областными инстанціями, состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ судей.

e) Назначеніе расправныхъ судей (предсѣдателей нижней расправы) правительствомъ было исключеніемъ въ общемъ устройствѣ низшихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, и, кажется, имѣло основаніемъ меньшую степень образованности крестьянскаго сословія, отсутствіе уѣздныхъ крестьянскихъ собраній, и вотчинное право государства на крестьянъ, не состоящихъ въ частномъ владѣніи.

f) Учрежденіемъ о губерніяхъ установлены три областныя судебныя инстанціи. Первую составляли: нижняя расправа, городовой магистратъ и уѣздный судъ; вторую—верхняя расправа, губернскій магистратъ и верхній земскій судъ; третью, высшую,—палаты (гражданская и уголовная). Но административныя, исполнительныя присутственныя мѣста и лица въ губерніи дѣлились только на двѣ

[1] Весьма замѣчательно, что засѣдатели отъ
и мѣщанства въ губернскомъ магистратѣ
изъ однихъ мѣщанъ и купцовъ того губерн-
, въ которомъ находился губернскій магиз-
какъ засѣдатели верхняго земскаго суда
расправы избирались изъ дворянъ и поселянъ
(ст. 166 и 75). Причины этого отступленія
ть въ желаніи соблюсти выгоды купече-
я отвлеченіе городскихъ купцовъ и мѣ-
промысловъ для служенія въ губернскомъ
бы для нихъ тягостно.

инстанціи: къ первой принадлежали земскіе суды и городничіе, ко второй губернское правленіе (ст. 225, 256, 258, 260, 263, 264, 270).

7) По учрежденію о губерніяхъ, судъ уголовный и гражданскій отдѣлены другъ отъ друга. Въ этомъ отдѣленіи замѣтна постепенность: первыя областныя судебныя инстанціи соединяютъ въ себѣ оба суда, и въ нихъ они не различаются (ст. 197, 283, 347); во вторыхъ инстанціяхъ оба суда, уголовный и гражданскій, хотя и сосредоточиваются въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, однако уже различены и отдѣлены другъ отъ друга. Верхніе земскіе суды, верхнія расправы и губернскіе магистраты дѣлятся на два департамента, и каждый имѣетъ своего предсѣдателя и членовъ; первый судитъ дѣла уголовныя, второй — гражданскія (ст. 67 — 169, 309 — 311, 353 — 355). Наконецъ, въ высшей областной инстанціи, оба суда совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и каждый ввѣренъ особливой палатѣ (ст. 106, 115).

Отдѣленія гражданской и уголовной судебной власти не было у насъ со времени реформъ Петра Великаго до учрежденія губерній при Екатеринѣ II. Городовые, провинціальные и надворные суды судили всѣ спорныя дѣла, уголовныя и гражданскія. Впослѣдствіи, эта судебная власть, безъ великихъ измѣненій, перешла къ губернаторамъ и воеводамъ, которые и завѣдывали ею до 1775 года. Напротивъ, по древнему законодательству, судебная уголовная власть отдѣлялась отъ гражданской, и завѣдывалась въ областяхъ особенными присутственными мѣстами, губными избами, а въ Москвѣ разбойнымъ приказомъ. Совсѣмъ тѣмъ, отдѣленіе уголовнаго и гражданскаго суда, при Екатеринѣ II, было нововведеніемъ, а не возвращеніемъ къ древнему юридическому началу: ибо до Петра Великаго, существованіе особливыхъ судовъ для дѣлъ уголовныхъ имѣло лишь историческое основаніе, а именно, прежнюю подсудность дѣлъ уголовныхъ князю. Это видно изъ множества грамотъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, самосудная власть общинъ сохранялась весьма долго, и, по свидѣтельству Котошихина, существовала даже во времена Алексѣя Михайловича въ нѣкоторыхъ волостяхъ и дворцовыхъ селахъ; духовенство сохраняло ее надъ своими подданными до царствованія императрицы Екатерины, а дворянство удержало и до сихъ поръ. Итакъ, въ отдѣльномъ завѣдываніи уголовнаго [illegible] данскаго суда выразилось различіе су[illegible] жескаго и самосуда. Впослѣдствіи всѣ части Россіи слились въ одно [illegible] внутреннее единство замѣнило княжеское различіе самосуда и суда княжескаго [illegible] малу исчезло, что доказывается измѣне[illegible] составѣ уголовныхъ и гражданскихъ [illegible] до реформъ Петра Великаго, и сохр[illegible] только въ отдѣльномъ управленіи [illegible] и гражданской судебной власти. Въ [illegible] ваніе Екатерины II, о различіи суда [illegible] скаго и самосуда не могло быть [illegible] Слѣд. причины отдѣленія дѣлъ граж[illegible] отъ уголовныхъ, въ высшихъ губ[illegible] присутственныхъ мѣстахъ, должно и[illegible] требованіяхъ судебной администраціи [illegible] личій между уголовными и гражданс[illegible] лами.

8) Учрежденіемъ о губерніяхъ в[illegible] наше областное устройство два пол[illegible] сутственныхъ мѣста, имѣющихъ ма[illegible] съ остальными, и которыхъ мы не [illegible] въ древнемъ русскомъ законодатель[illegible] новомъ до 1775 года: это — совѣ[illegible] надворные суды [1]).

Въ каждой губерніи учрежденъ [illegible] вѣстный судъ (ст. 395). Онъ не [illegible] какою-либо отдѣльною отраслью у[illegible] и не быть установленъ для извѣстна[illegible] или сословія, но судитъ дѣла, к[illegible] могутъ быть подводимы подъ форма[illegible] конъ, безъ нарушенія естественной [illegible] линости. Итакъ, кругъ дѣятельност[illegible] наго суда чрезвычайно обширенъ. [illegible] жетъ быть исчерпанъ исчисленіемъ [illegible] ныхъ дѣлъ, или какимъ-либо частны[illegible] дѣленіемъ. Поэтому въ законѣ с[illegible]

[1]) Мысль объ установленіи надворнаго с[illegible] впервые въ царствованіе императрицы Анн[illegible] Въ 1730 году, вслѣдствіе доклада сената, [illegible] учредить въ Москвѣ судный приказъ, „[illegible] всякаго чина людямъ, *которые обращают[illegible] къ Москвѣ*, суть чтать и рѣшеніе чинить [illegible] сотайную резолюцію на докладъ сената [illegible] 20 марта (№ 5521). Въ докладѣ сенатъ го[illegible] обходимость установленія такого судна[illegible] между прочимъ, прежнимъ существовані[illegible] наго Володимірскаго судного приказа, по[illegible] правильно, ибо Володимірскій судной пр[illegible] послѣ боярской чумы, высшей центральной [illegible] для извѣстныхъ областей (первоначально [illegible] одной Володимірской) московскаго госуд[illegible] Московскій судный приказъ — для всего [illegible] княжества, и слѣдовательно не имѣлъ ни[illegible] съ надворнымъ судомъ.

ыраженіяхъ, что сужденію совѣст-
подлежать всѣ „дѣла, касающіяся
хъ преступниковъ, кои иногда бо-
частливому какому ни-есть при-
либо по стеченію различныхъ об-
въ, впали въ преступленія, судьбу
ящія выше мѣры ими содѣян-
399). Подъ эту категорію, при из-
условіяхъ, могли подходить всѣ
дѣла; но нѣкоторыя, по опредѣле-
, относились къ ней постоянно и
льно. Сюда принадлежали: 1) дѣла
леніямъ, совершаемымъ безумными
ѣтними; 2) дѣла о колдовствѣ, „по-
оныхъ заключается глупость, об-
невѣжество“ (ст. 399); 3) дѣла объ
ніи изъ тюрьмы тѣхъ, которые со-
въ ней „не во оскорбленіи особы
рскаго Величества, не по измѣнѣ,
ертоубійству, не по воровству или
(ст. 401).

суди по цѣли, совѣстный судъ дол-
ъ быть органомъ естественной спра-
и въ губерніи, и этимъ-то онъ отли-
всѣхъ прочихъ областныхъ при-
хъ мѣстъ. Для всѣхъ губернскихъ
й постановлено правиломъ, „не рѣ-
ко, какъ въ силу государственныхъ
“ (ст. 124); напротивъ, совѣстному
ено въ особенную обязанность па-
ь. рѣшеніи дѣлъ: „1) человѣколю-
е; 2) почтеніе къ особѣ ближняго,
ѣку; 3) отвращеніе отъ угнетенія,
ѣсненія человѣчества; и для того
судъ никогда судьбы ничьей да
ить, по вѣряется оному совѣстный
и осторожное и милосердое окон-
ъ, ему порученныхъ“ (ст. 397).
ніе присутственнаго мѣста, судя-
имущественно на основаніи есте-
справедливости, необходимо требо-
ало опредѣленія отношеній этого
прочимъ областнымъ присутствен-
мъ, судящимъ по строгому поло-
му закону; въ противномъ случаѣ,
естественной справедливости, со-
удъ легко могъ сдѣлаться самоволь-
ыкомъ рѣшеніи всѣхъ областныхъ
ешныхъ мѣстъ, и чрезъ это стать
ноположность съ прочими судами,
по назначенію своему, онъ дол-
служить дополненіемъ. Поэтому
и постановила правиломъ, что „со-
удъ ни въ какое дѣло самъ собою
не вступаетъ“ (ст. 398). Дѣятельность его начинается только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда какое-либо областное учрежденіе найдетъ, что рѣшеніе извѣстнаго дѣла, по положительному закону, было бы въ существѣ несправедливо, и потому передаетъ его совѣстному суду, для сужденія на основаніи естественной справедливости; сюда, разумѣется, относятся и всѣ тѣ дѣла, которыя, по прямому выраженію закона, могутъ быть судимы только въ совѣстномъ судѣ; 2) по прошенію частныхъ лицъ (ст. 398).

Послѣднее требуетъ объясненія. Если бы совѣстному суду безусловно предоставлено было право судить дѣла по прошеніямъ частныхъ лицъ, то отсюда необходимо явился бы произволъ въ сужденіи дѣлъ по закону, или по естественной справедливости. Чрезъ это нарушилось бы установленное закономъ отношеніе между сужденіемъ по закону и по сущей правдѣ. Мало этого: въ подсудности дѣлъ появилась бы шаткость и неопредѣленность: одинъ тяжущійся требовалъ бы рѣшенія дѣла въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, другой—въ совѣстномъ судѣ.

Для избѣжанія этого совѣстному суду предоставлено право судить дѣла по прошеніямъ частныхъ лицъ, только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) Когда кто-либо жалуется на содержаніе въ тюрьмѣ безъ допроса и по неизвѣстной ему причинѣ. 2) „Совѣстнаго суда должность есть въ гражданскихъ дѣлахъ примирять тѣхъ тяжущихся, кои просьбою прибѣгаютъ къ разбирательству совѣстнаго суда; для примиренія же совѣстный судъ требуетъ отъ истца и отвѣтчика, или средствъ въ силу узаконеній къ ихъ примиренію, и буде согласятся, то совѣстный судъ укрѣпитъ ихъ согласіе печатью, или буде же не согласятся, то совѣстный судъ требуетъ отъ истца и отвѣтчика назначенія съ каждой стороны по одному, или по два посредника, на мѣстѣ живущихъ... когда же посредники назначены и объявлены совѣстному суду, тогда, на другой или на третій день, посредники, обще съ совѣстнымъ судомъ, разсматриваютъ дѣло и потомъ изыскиваютъ средство къ примиренію истца и отвѣтчика, и на чемъ посредники согласятся, то и предложатъ совѣстному суду, который приложитъ печать къ согласію посредниковъ, и истецъ и отвѣтчикъ теряютъ право вторично впредь о томъ просьбу по всякомъ судебномъ мѣстѣ; а буде посредники не согласятся,

тогда совѣстный судъ предложитъ посредникамъ свое мнѣніе, какъ примирить безъ разоренія, безъ тяжбы, безъ спора, ссоры или вѣсцы истца и отвѣтчика;... буде же посредники и тогда не согласятся, то совѣстный судъ призоветъ истца и отвѣтчика, и предложитъ примирительные способы, и буде оные примутъ, то совѣстный судъ укрѣпитъ печатью примиреніе ихъ; буде же не примутъ, то совѣстный судъ истцу и отвѣтчику объявитъ, что совѣстному суду до той ихъ распри уже дѣла нѣтъ, а пошли бы, куда по законамъ надлежитъ" (ст. 400).

Отсюда видно, что въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ совѣстный судъ принималъ только, такъ сказать, посредническое участіе. На этомъ основаніи, для передачи гражданскихъ дѣлъ на рѣшеніе совѣстнаго суда, совершенно необходимо было взаимное согласіе тяжущихся. Далѣе, въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, совѣстный судъ, какъ и посредники, не имѣлъ принудительной власти, ибо онъ только мирилъ, а не судилъ дѣло: если примирительные способы не достигали своей цѣли, то дѣятельность совѣстнаго суда прекращалась; въ самой возможности начать въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ спорное гражданское дѣло, уже подвергнутое однажды рѣшенію совѣстнаго суда, ясно открывается отличительный характеръ этого учрежденія –быть примирителемъ, посредникомъ, а не судьею тяжущихся.

Вникая глубже въ участіе, принимаемое совѣстнымъ судомъ въ рѣшеніи гражданскихъ тяжебъ, нельзя не замѣтить, что только такое, и никакое другое, не могло быть предоставлено присутственному мѣсту, которое, по главному своему назначенію, было органомъ естественной справедливости. Для рѣшенія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ установленъ законъ положительный, который опредѣляетъ формальную справедливость по обнаруженнымъ даннымъ; никто не можетъ принудить тяжущихся судиться иначе: если, поэтому, возможно рѣшеніе спорнаго гражданскаго дѣла иначе, какъ на основаніи строгаго положительнаго закона, то это только при взаимномъ согласіи истца и отвѣтчика разобрать дѣло по доброй совѣсти, не стѣсняясь закономъ, и возстановить нарушенное между ними согласіе. Такими добросовѣстными судьями являются въ нашемъ законодательствѣ посредники и совѣстный судъ. Только они могутъ обратить внимание при рѣшеніи тяжбы, на такія обстоятельства, которыя передъ закономъ не имѣютъ [illegible] ческой силы, напр., на бѣдность или [illegible] точное состояніе тяжущихся, на прежнія отношенія ихъ между собою, на [illegible] касающіяся предмета тяжбы, на давности основанныя на положительныхъ доказательствахъ, и т. д. Очевидно, что главная [illegible] дача при такомъ сужденіи есть не [illegible] формальное возстановленіе нарушеннаго права, но прекращеніе тяжбы, примиреніе противниковъ, съ нѣкоторыми обоюдными уступками и пожертвованіями. Безъ добраго, искренняго желанія самихъ противниковъ прекратить тяжбу, оно невозможно; [illegible] этому-то дѣятельность совѣстнаго суда прекращается, когда тяжущіеся не примутъ одного изъ примирительныхъ способовъ, предлагаемыхъ имъ, и тѣмъ докажутъ [illegible] что они хотятъ не примиренія, а возстановленія формальнаго права [1]).

Надворные суды были учреждены [illegible] лицахъ (ст. 433, 472), по два въ [illegible] Одинъ изъ нихъ назывался высшимъ, другой низшимъ. Послѣдній состоялъ [illegible] апелляціею перваго (ст. 482).

Надворные суды были установлены [illegible] тѣхъ исключительно лицъ, которыя не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія (осѣдлости) [illegible] столицахъ, и находятся въ нихъ только [illegible] службѣ военной, придворной и гражданской, [illegible] также по дѣламъ, промысламъ и [illegible] ніямъ своимъ" (ст. 477). Въ губерніяхъ [illegible] эти лица были подвѣдомственны судамъ [illegible] присутственнымъ мѣстамъ, „до которых [illegible] по званію и состоянію своему принадлежат [illegible] (ст. 477); причиною тому была, [illegible] малочисленность ихъ; но въ столицах [illegible] число ихъ чрезвычайно велико, и да[illegible]

[1]) „Буде кто не доволенъ рѣшеніемъ [illegible] суда, тотъ имѣетъ жалобу приносить въ [illegible] *высшій судъ*" Какой именно судъ разумѣ[illegible] называемъ *высшій совѣстный судъ*, не [illegible] Впослѣдствіи, это названіе усвоено сенату. [illegible] что сначала была мысль установить два [illegible] суда, высшій и низшій, какъ были два [illegible] дѣ расправы, два магистрата и два надворных[illegible] послѣ, эта мысль могла быть оставлена, но [illegible] случайно удержалось въ редакціи статьи [illegible] зак. встрѣчается названіе *нижній земскій* [illegible] строгомъ смыслѣ, на совѣстный судъ не [illegible] суда, кромѣ верховной власти, ибо на добро[illegible] нельзя жаловаться, тѣмъ менѣе присутствен[illegible] стамъ, судящимъ по закону.

исло осѣдлыхъ жителей, необхо-
установить для нихъ особливое
ное мѣсто. Ближайшее основаніе
одимости заключалось въ томъ,
кія присутственныя мѣста въ сто-
имѣли свой опредѣленный кругъ
ги. Еслибъ къ предметамъ ихъ
бавились еще всѣ дѣла граждан-
овныя, возникающія между не-
вителями столицъ, то они были
ъ обременены множествомъ дѣлъ,
замедлилось бы отправленіе пра-
подсудной имъ губерніи.
другая, юридическая причина уста-
дворныхъ судовъ, заключающаяся
устройствѣ губернскихъ присут-
мѣстъ. Составъ ихъ, какъ мы ви-
лялся сословіемъ, для котораго
установлены. Дворяне судились
верхнимъ земскимъ судомъ; го-
словіе—магистратами, сельское—
въ каждомъ изъ этихъ судеб-
были выборные засѣдатели отъ
я, которое имъ было подвѣдом-
такъ, однимъ изъ основныхъ по-
режденія о губерніяхъ было то,
хъ низшихъ инстанціяхъ всякій
судимъ только присутственнымъ
оставленнымъ изъ членовъ, при-
къ къ одному съ нимъ сословію и
уберніи. По этому началу, тѣ, ко-
имѣли осѣдлости въ столицахъ, не
судимы присутственными мѣстами
губерній, и для нихъ установ-
орные суды. Въ губерніяхъ, эта
ность юридическихъ началъ
ена по малочисленности неосѣд-
ей.
пребывающіе въ столицахъ не
ко, подсудны надворному суду по
овнымъ и гражданскимъ дѣламъ.
дается нижнему надворному суду
на въ дѣйствительной военной
ходящихся чиновъ, другія, какъ
кои войти могутъ по долгамъ и
ательствамъ гражданскимъ; дѣла
ялся до преступленій по службѣ
, да будутъ предоставлены суду
на основаніи воинскихъ узаконе-
78). 2) Спорныя гражданскія дѣла
ыхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ
ребывающимъ въ столицахъ, также
дсудны надворному суду (ст. 479,
ина та, что въ отношеніи къ нимъ
безусловно было принято начало территоріальной, земской подсудности: гдѣ недвижимое имѣніе находилось, тамъ и судился споръ о немъ, смотря по сословію, къ которому принадлежалъ его хозяинъ [1]).

9) Екатеринѣ II принадлежитъ также правильная организація контрольной и инквизиціонной власти въ губерніяхъ.

Петръ Великій первый установилъ въ Россіи фискаловъ [2]). Власть была, преимущественно, инквизиціонная: „долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надематривать и проповѣдывать про неправый судъ... и кто неправду учинитъ, то долженъ позвать его передъ сенатомъ (это сказано объ оберъ-фискалѣ) и тамо его уличать“ [3]). Такіе фискалы были установлены въ провинціяхъ [4]), и городахъ [5]). Мало-по-малу, власть ихъ опредѣлилась болѣе юридически: они сдѣлались почти исключительно ходатаями, стряпчими по дѣламъ, которыя касались казенныхъ и общественныхъ интересовъ [6]). Вмѣстѣ съ этимъ ограниченіемъ круга дѣйствія фискаловъ, сдѣлалось необходимымъ установленіе особливыхъ чиновниковъ, для контроля дѣйствій присутственныхъ мѣстъ и лицъ, коимъ вѣрено было отправленіе правосудія. Въ этомъ, если мы не ошибаемся, заключалась главная причина и основаніе установленія прокуроровъ.

Въ губерніяхъ, они впервые установлены Петромъ Великимъ въ 1722 году, при магистратахъ и надворныхъ судахъ [7]). Въ царствованіе Анны Іоанновны, прокуроры учреждены при губернаторахъ [8]), но впослѣдствіи, кажется, отмѣнены; ибо указомъ Елизаветы Петровны велѣно было возстановить ихъ на прежнемъ основаніи [9]).

---

[1]) Апелляція на рѣшеніе верхняго надворнаго суда приносились въ палаты (ст. 153); этимъ вполнѣ доказывается приведенная нами причина установленія надворныхъ судовъ; палаты состояли изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Поэтому и не могло быть никакого различія между палатами, въ отношеніи къ подсудимымъ и тяжущимся.

[2]) 1711 года, 2 марта (№ 2330; именный, данный сенату, п. 9.

[3]) 1711 года, 5 марта (№ 2331); именный, данный сенату, п. 3.

[4]) Тамъ же.—1711 года, 10 августа (№ 2411), резолюція сената на докладные пункты фискала Нелидскаго, п. 1 и 2.

[5]) 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный.

[6]) См. тамъ же, п. 2, 3, 4.—1719 года, (№ 3179), инструкція или наказъ земскимъ фискаламъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, п. 2.

[7]) 1722 года, 27 апрѣля (№ 3981); именный.

[8]) 1733 года, 6 сентября (№ 6175); именный.

немъ основаніи [1]). О фискалахъ болѣе не упоминается въ нашихъ законахъ съ 1730 года. Кажется, они были отмѣнены; ибо въ сенатскомъ указѣ того же года, 15 мая, упоминается о фискальной канцеляріи, какъ уже не существовавшей въ то время (№ 5557).

Итакъ, при изданіи учрежденія о губерніяхъ, находились въ губерніяхъ одни прокуроры. Екатерина II, предпринимая реформу нашего областного устройства, обратила вниманіе на власть контрольную и инквизиціонную. Новая организація, данная ею этимъ двумъ властямъ, какъ и большая часть учрежденій, при ней изданныхъ, основана на предъидущихъ данныхъ нашего законодательства. Всѣ постановленія о фискалахъ и прокурорахъ, изданныя со временъ Петра Великаго, приняты ею въ соображеніе, и вошли въ составъ новаго положенія о фискальской и прокурорской должности; имъ дано только единство и большая послѣдовательность.

По учрежденію о губерніяхъ, въ каждомъ намѣстничествѣ установлены **прокуроры и стряпчіе**. Губернскій прокуроръ и два губернскихъ стряпчихъ, казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ, опредѣлены при губернскомъ правленіи и палатахъ (ст. 42); при каждомъ присутственномъ мѣстѣ второй инстанціи установлены одинъ прокуроръ и два стряпчихъ (ст. 43, 44, 45); наконецъ, въ каждомъ уѣздѣ учреждено по одному стряпчему (ст. 46). Губернскій прокуроръ и стряпчіе, при немъ установленные, составляли какъ бы коллегію [2]), въ случаѣ разногласія „губернскаго прокурора голосъ перевѣсъ даетъ тому мнѣнію стряпчаго, къ которому онъ пристанетъ" (ст. 406, п. 2). Но, образуя съ прокуроромъ коллегію только въ случаѣ сомнѣнія, стряпчіе вообще были подчинены ему (ст. 405, п. 11), и вмѣсто него, и его именемъ, предлагали заключенія палатамъ [3]).

Съ перваго взгляда кажется, что должностью прокуроровъ и стряпчихъ никакого существеннаго различія; и такъ и другіе, по словамъ закона, „с и дѣяніе имѣютъ о сохраненіи вед порядка, законами опредѣленнаго и изполненіе и отправленіи самыхъ дѣ сохраняютъ цѣлость власти, установ интереса императорскаго величества, даютъ, чтобъ запрещенныхъ сборовъ рода никто не собиралъ, и долгъ имѣ всюду истреблять злоупредныя взятк 404). На этомъ основаніи, какъ пр такъ и стряпчіе, имѣли право давать заключенія и предложенія присутст мѣстамъ, подчиненнымъ ихъ надзору осли мы вникнемъ въ предметы заня курора и стряпчихъ, то увидимъ, хотя и имѣли много общаго и сходнаго собою, по основному началу, однако лись другъ отъ друга, вслѣдствіе различ правленія дѣятельности прокуроровъ чихъ на одни и тѣ же предметы.

Главное назначеніе прокуроровъ лось въ наблюденіи за исполненіемъ въ губерніи или намѣстничествѣ [4]; то, имъ предоставлено было и тол или объясненіе законовъ (ст. 405, п. 1 этого главнаго назначенія прокурор кали слѣдующія обязанности: а) набл сохраненіемъ установленнаго закон рядка и формъ дѣлопроизводства [5]) блюстителями общественныхъ инт слѣдовательно казенныхъ, обществ

---

[1]) 1741 года, 12 декабря (№ 8480); именный.

[2]) Ст. 405, п. 8. „Губернскому прокурору *для совѣта* опредѣляются губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ, и губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ, *и поэтому*, что они всѣ *трое едиными устами говорятъ*".

[3]) Ст. 406, п. 1. Весьма замѣчательныя слѣдующія слова закона (тамъ же, п. 6) „*Въ тяжебныхъ дѣлахъ* губернскій стряпчій можетъ производить дѣло и безъ согласія губернскаго прокурора, выслушивая однакоже его заключеніе. Въ уголовныхъ же дѣлахъ *и въ интересныхъ*, губернскій прокуроръ письменно дастъ свои заключенія, по коимъ губернскіе стряпчіе поступать должны". Какое различіе между тяжебными и интересными дѣлами имѣло здѣсь въ виду законодательство? Мы знаемъ, что губернскіе стряпч нимали никакого участія въ тяжебныхъ дѣл частными лицами (тамъ же, п. 4). Итакъ, *ресныя* не употреблено здѣсь въ противо частнымъ, но означаетъ только тѣ дѣла, ныхъ надзору стряпчаго. Не должно ли, шіемъ *дѣлъ интересныхъ*, разумѣть дѣла о казенномъ имуществѣ и тѣсномъ смыслѣ объ имѣніи собственно и непосредственно жащемъ государству, а подъ дѣлами тя дѣла объ общественномъ имуществѣ, свои ихъ истцовъ и защитниковъ, и потому вало такого близкаго надзора со стороны прокурора? Впрочемъ, какова бы ни была у въ законѣ различіе, для насъ важно то, что тяжебнымъ, находящимся подъ надзоромъ стряпчаго, онъ не состоялъ въ полной мѣр губернскаго прокурора. Это было исключе щаго правила.

[4]) Ст. 405, п. 6, 7 и 9.—Ст. 406, п. 3,

[5]) Ст. 405, п. 2.—Ст. 407: „коихъ долгъ взыскателями исполненія узаконеній".

[6]) Ст. 405, п. 4, § 1, 3, 4, 5, и п. 5.

ъ исковъ [1]). Итакъ прокуроры были, ...ению о губерніяхъ, живые органы, ...тели закона, и должны были напо... его существованіи во всѣхъ тѣхъ ... когда онъ нарушался въ губерніи, ...ся безгласнымъ, или приходилъ въ ...ст. 405, п. 3).

...ивъ, губернскіе стряпчіе, по главному характеру, были истцы, ходатаи, ...ственнымъ искамъ. Стряпчій казенъ ... былъ истцомъ „по казеннымъ дѣ... по дѣламъ, нарушающимъ общій по... или противнымъ власти и присажной ...", а стряпчій уголовныхъ дѣлъ „по ...ъ винамъ и преступленіямъ, нару... законы, всякій разъ тамъ, гдѣ истца ...доказательства имѣетъ" (ст. 406, п. ...Должность губернскихъ стряпчихъ, ...но съ перваго взгляда, находилась ...тѣсной, необходимой связи съ обя... прокурора; обѣ служили какъ бы ...мъ одной общей, главной цѣли — ...ъ непарушимость законовъ и общаго ...самомъ дѣлѣ, въ понятіе о наблю... общими интересами, необходимо вхо... ...ие о возбужденіи и наблюденіи за ...мъ ходомъ такихъ исковъ, которые ...сь частныхъ интересовъ каждаго ...ца въ отдѣльности, но имѣли пред... общее государственное имущество, ...е благо, не всегда имѣвшія за себя ... челобитчиковъ. Итакъ веденіе ка... уголовныхъ исковъ, и надзоръ за ...мъ ихъ развитіемъ, входило, въ ...смыслѣ, въ составъ обязанностей ...го прокурора. Но, по многосложности занятій, и невозможности быть, въ ...же время, истцомъ и блюстителемъ ... въ цѣлой губерніи, обязанность ... отдѣлена отъ прочихъ предметовъ ...сти прокуроровъ и вѣрена особли... ...никамъ.

...го юридическаго единства прокурорской и стряпческой должности вытекаютъ ...я положенія въ учрежденіи о гу...

...меты занятій прокурора и стряпчаго разграничены другъ отъ друга ..., и круги дѣятельности тѣхъ и другихъ ...ваются. Такъ, прокуроръ давалъ ...ченія по дѣламъ „такого существа, ...имѣетъ и частныя и общественныя, ...

...6 п. 1, § 2, 6, 8, 10, и п. 7, и 13.

или частныя, но касаются и до казеннаго интереса" [2]); съ другой стороны, стряпчіе, будучи, по главному своему назначенію, истцами по общественнымъ искамъ, давали „заключенія, сходственныя съ сохраненіемъ общаго, законами установленнаго порядка" [3]).

b) Стряпчіе, при веденіи общественныхъ исковъ, пользовались большими правами, нежели обыкновенные истцы [4]).

c) Стряпчіе были совѣтники прокурора (ст. 405, п. 8), его подчиненные (ст. 405, п. 11; ст. 406, п. 1 и 6), „и почитается, что они всѣ трое едиными устами говорятъ" (ст. 405, п. 8). Въ случаѣ сомнѣнія „до котораго мѣста дѣло надлежитъ, или въ сомнѣніи о узаконеніяхъ" губернскій прокуроръ и стряпчіе составляли коллегію, подъ предсѣдательствомъ прокурора, которая и рѣшала возникшій вопросъ (ст. 406, п. 2).

d) Изъ того же юридическаго единства прокурорской и стряпческой должности объясняется установленіе въ каждомъ уѣздѣ только по одному уѣздному стряпчему, вмѣсто прокурора и двухъ стряпчихъ. Ограниченный кругъ дѣятельности не требовалъ раздѣленія между многими лицами занятій, по существу своему одинаковыхъ и вытекающихъ изъ одного юридическаго начала.

Устройство центральныхъ судовъ.

Въ первой части настоящаго разсужденія было замѣчено, что центральныя учрежденія Россіи временъ Уложенія раздѣлялись, собственно, на два разряда, и составляли двѣ инстанціи; къ низшей принадлежали приказы, высшую составляла большая боярская дума. Такое же раздѣленіе сохрани-

[2]) Ст. 405, п. 7.—Ст. 406, п. 6.

[3]) Ст. 406, п. 3, § 1, п. 5: „Губернскіе стряпчіе право имѣютъ... смотрѣть и вѣдать имѣть о сохраненіи порядка, каждому мѣсту предписаннаго, и чтобы истцы и отвѣтчики надлежащее къ суду и судьямъ почтеніе сохраняли, чтобы присутственныя мѣста собирались въ свое время и засѣданія имѣли въ потребное время; въ случаѣ же подозрѣнія подлу на которого засѣдателя, буде самъ не удержится отъ присутствія, они ему о томъ приличнo напоминать могутъ".

[4]) Ст. 406, п. 4. „Губернскіе стряпчіе право имѣютъ требовать въ томъ мѣстѣ, гдѣ они опредѣлены, сообщенія всякаго дѣла, касающагося до ихъ должности". Вліяніе ихъ на присутственныя мѣста и лица, въ качествѣ блюстителей законности, соединенное съ правомъ истцовъ по общественнымъ искамъ, давало имъ важныя преимущества передъ частными истцами. Ср. ст. 405, п. 10.

лось и послѣ реформъ Петра Великаго. Коллегіи замѣнили приказы, сенатъ—боярскую думу.

I.

Со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, прежнія частныя измѣненія въ числѣ приказовъ и предметахъ ихъ вѣдомства, продолжались безпрерывно. Многіе приказы были уничтожены [1]); установлялись канцеляріи (нижерская, дворцовая, вотчинная, интерманландская, ямская и т. д.) [2]). Всѣ эти реформы происходили, однако, на основаніи прежнихъ юридическихъ началъ. Устройство приказовъ, въ сущности, не измѣнилось. Новое распредѣленіе предметовъ вѣдомства происходило не на основаніи систематическаго отдѣленія другъ отъ друга различныхъ отраслей администраціи, но вслѣдствіе временныхъ, частныхъ потребностей, особенныхъ цѣлей, иногда, попрежнему, вслѣдствіе большаго или мѣньшаго довѣрія къ лицу, завѣдывавшему приказомъ. Но въ 1717 году установлены коллегіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошла существенная, коренная реформа въ устройствѣ нижнихъ центральныхъ инстанцій.

Различіе между приказами и коллегіями преимущественно заключается въ томъ, что приказы хотя и состояли нерѣдко изъ нѣсколькихъ лицъ, однако были, по преимуществу, установленія бюрократическія, носившія на себѣ личный характеръ. Коллегіи, по самому основанію своему, суть присутственныя мѣста, въ настоящемъ значеніи слова — лица нравственныя (personae morales), постоянныя и неизмѣнныя, несмотря на перемѣну членовъ, изъ коихъ онѣ составлены. Съ учрежденіемъ коллегій появилось въ нашей администраціи систематическое раздѣленіе и отдѣльное завѣдываніе различныхъ отраслей управленія. Случайное, или, по крайней мѣрѣ, временными обстоятельствами условливающееся распредѣленіе предметовъ вѣдомства между различными правительственными учрежденіями, должно было уступить мѣсто другому, постоянному, имѣющему общее основа[ніе]. Конечно, при Петрѣ Великомъ, и то друг[ое] еще весьма несовершенно; но оно в[ело] начало правильнѣйшей организаціи, в[ъ] слѣдующія реформы центральныхъ учре[жденій] происходили уже вслѣдствіе общаго [взгляда] на цѣлый составъ и организмъ госуд[арствен]наго управленія.

а) *Общіе центральные суды.*

Петръ Великій учредилъ девять к[оллегій], а именно: Коллегію иностранныхъ [дѣлъ], замѣнившую собою прежній Посольск[ій] приказъ; Камеръ-коллегію, Юстицъ-колл[егію], Ревизіонъ-коллегію, Адмиралтейскую, В[оенную], Коммерцъ-коллегію, Штатсъ-контор[у], Берггію, Бергъ- и Мануфактуръ-коллегію [и] Ландрентерей. Преобразованіе каждой изъ нихъ повлекло за собою важныя измѣненія въ прежней [системѣ] государственнаго управленія. Мы ограничимся однимъ краткимъ очеркомъ реформъ, послѣдовавшихъ вслѣдствіе учрежденія Юстицъ-коллегіи, потому что ей вѣрено почти

---

[1]) 1699 года, 3 ноября (№ 1718); именный.—1700 г., 18 февраля (№ 1766) именный.—1700 года, 16 декабря (№ 1818), именный.—1701 года, 2 ноября (№ 1874); именный.—1711 года, 25 апрѣля (№ 2353) сенатскій.—1711 года, 8 іюня (№ 2370), сенатскій.—1712 года, 12 августа (№ 2570), сенатскій.

[2]) 1705 года, 3 марта (№ 2039), именный.—1706 года, 15 сентября (№ 2120); именный, объявленный изъ Разряда.—1723 года, 30 сентября (№ 4314), сенатскій.

[3]) 1717 года, 11 декабря (№ 3129), [1718] 1718 года, 12 декабря (№ 3255); именный [указъ] изъ сената. Коллегіи предположено [учредить] 1718 году. Уставъ ихъ заимствованъ изъ [Швеціи] (...Всѣмъ коллегіямъ написать [регламенты] по основанію *Шведскаго устава*, сочинить [ихъ] по дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ, а которые [пункты] Шведскомъ регламентѣ неудобны, или [не] сего государства не сходны, и оные оставить [по] ему разсужденію"... 1718 года, 23 апрѣля [именный]). Поэтому въ числѣ членовъ [коллегій] по закону Петра Великаго, необходимо должны [были] находиться и иностранцы. Это видно изъ [указа], любопытнаго „реестра людямъ въ [коллегіи], помѣщеннаго въ именномъ указѣ 1717 года [11] декабря (№ 3129) „*Русскіе* президентъ, [вице]президентъ (русскій или иноземецъ) четыре [совѣтника], четыре коллегіи ассессоры, одинъ [секретарь], одинъ нотарій, одинъ актуарій [и] одинъ экзекуторъ, одинъ переводчикъ, подъячіе трое. *Иностранцы* одинъ совѣтникъ или ассессоръ, [одинъ] секретарь, шкрейберъ". Генеральный Регламентъ [былъ] изданъ уже въ 1720 году, 28 февраля [1720 г.] и служитъ главнымъ основаніемъ настоящаго [устройства] коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ. Поэтому мы и ограничились, въ настоящемъ [очеркѣ] дѣянія, однимъ объясненіемъ основнаго [начала] коллегіальнаго устройства.

[4]) 1717 года, 15 декабря (№ 3138). [Именной]

удебное управленіе, составляющее
стоящаго разсужденія [1]).
мы Петра Великаго, гражданское
правленіе находилось, преимуще-
завѣдываніи двухъ приказовъ: По-
Суднаго [2]). Петръ Великій хотѣлъ
это раздѣленіе судебнаго управ-
учрежденіи коллегій, ведѣлъ всѣ
жданскія дѣла, вотчинныя и ис-
ть въ одной Юстицъ-коллегіи [3]).
жная реформа не могла, однако,
другъ. Отдѣльное завѣдываніе по-
отчинныхъ и исковыхъ дѣлъ удер-
ло, и дѣйствительно уничтожено
775 году, съ изданіемъ учрежде-
равленія губерній. По множеству
дѣлъ и правильности организаціи,
приказъ болѣе походилъ на по-

стоянное присутственное мѣсто, нежели на
прочіе приказы. Распредѣленіе предметовъ
его вѣдомства между другими присутствен-
ными мѣстами, особливо при обычности судей
къ прежнему порядку управленія, должно
было представлять большія затрудненія. Вѣ-
роятно по всѣмъ этимъ причинамъ, велѣно
было „Помѣстному приказу быть особливо
(для умноженія дѣлъ), однакожь подъ управ-
леніемъ Юстицъ-коллегіи, а спорныя дѣла,
для рѣшенія, приносить въ Юстицъ-колле-
гію“ [4]). Изъ этого мѣста видно, что Петръ
Великій хотѣлъ оставить Помѣстный при-
казъ только на время. Но уже въ 1721 году
этотъ приказъ (переименованный, въ 1720 году,
въ канцелярію вотчинныхъ дѣлъ [5]), снова от-
дѣленъ отъ Юстицъ-коллегіи, и преобразованъ
въ Вотчинную-коллегію [6]), которая судила
спорныя дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, и
уничтожена въ 1786 году [7]), послѣ введенія
учрежденія о губерніяхъ, по которому тяжеб-
ныя дѣла о недвижимыхъ должны были су-
диться областными присутственными мѣс-
тами [8]).

b) *Особенные центральные суды.*

Для городского сословія.

Говоря о присутственныхъ мѣстахъ и ли-
цахъ, коимъ вѣрено, при Петрѣ Великомъ,
судебное управленіе купеческаго сословія, мы
замѣтили, что еще въ 1699 году, всѣ город-
довые бурмистры были подчинены по апел-
ляціи Бурмистерской палатѣ, которая нахо-
дилась въ Москвѣ [9]), и переименована по-
томъ въ Ратушу [10]). Эта Ратуша и была цен-

на новую систему управленія, введен-
Великимъ, вслѣдствіе которой судебное
ершенно отдѣлено отъ полицейскаго,
ховнаго и т. д., прежнее начало, по ко-
отрасти были вѣрены одному лицу или
му мѣсту („кто управляетъ, тотъ и су-
лось даже и послѣ учрежденія колле-
мерцъ-коллегія судила „споры и тяжбы
учрежденіяхъ“ (1719 года, 3 марта
ламентъ (уставъ) Государственной Кол-
, п. 8), „споры между городами о тор-
хъ и ярмоночныхъ правахъ“ (тамъ же,
ные дѣла (тамъ же, п. 21), дѣла иноз-
цовъ (тамъ же, п. 25. 1727 года, 18 ав-
2); именный, состоявшійся въ Верхов-
Совѣтѣ). Такъ, Берг- и Мануфактур-
ія судомъ и расправою берг- и мануфа-
никовъ (1731 года, 12 ноября (№ 5875),
ланные промышленники судились Солнов
32 года, 2 октября (№ 6202); именный,
) и т. д.
мнѣ Петра Великаго видно, что до уч-
денія, жалобы и апелляціи по дѣламъ,
ся въ областныхъ инстанціяхъ, подава-
ренную палаты (1713 года, 4 сентября
тскій,—1719 года, 20 января (№ 3285),
Юстицъ-коллегія въ Расправную Палату
ковъ, въ ней сосредоточивалась судебное
сти. Она замѣнила собою Юстицъ-кол-
южена, вѣроятно, вскорѣ послѣ открытія
, какъ видно изъ указа 1719 года, 20 ян-
ложенія Расправной палаты къ прочимъ
равнымъ учрежденіямъ мы ничего не
опредѣленности законовъ, да и самыхъ
начала того времени. Учрежденіе, или,
бразованіе Расправной Палаты въ цен-
бную инстанцію, относится, кажется, къ
тра Великаго, ибо, по прежнему зако-
Расправная палата имѣла совѣтъ дру-
, и общее судебное управленіе находи-
ліи Помѣстнаго и Суднаго приказовъ.
, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолю-
Юстицъ-коллегіи, 1, и резол.

[4]) (3202) резол. на 1 п. (3282).

[5]) Указъ 1720 года, 4 іюля. См. обозрѣніе помѣст-
ныхъ правъ въ Россіи, Иванова, стр. 50

[6]) 1722 года, 18 января (№ 3881); именный, данный
сенату.

[7]) См обозрѣніе помѣстныхъ правъ, Иванова, стр. 87.

[8]) Учр. о губерніяхъ, ст. 115 „палата гражданскаго
суда ни что иное есть, какъ соединенный департа-
ментъ Юстицъ и Вотчинной коллегіи, которому отдаются апелляціи для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ“ —
Въ 1762 году, Вотчинная и Юстицъ коллегія раздѣ-
лены на три департамента, изъ коихъ каждый состоялъ
подъ апелляціею общей коллегіи (1762 года, 29 января
(№ 11422); именный, объявленный сенату генералъ-
прокуроромъ Глѣбовымъ), а въ слѣдующемъ году на
четыре, которые состояли подъ непосредственною апел-
ляціею сенатскихъ департаментовъ (1763 года 15 де-
кабря (№ 11989); манифестъ, п. 9)

[9]) 1699 года, 27 октября (№ 1705); именный

[10]) 1699 года, 17 ноября (№ 1708); именный.

тральнымъ присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ сосредоточивалось судебное управленіе купечества въ цѣлой Россіи. Съ реформою первоначальнаго областнаго управленія купечества, и съ установленіемъ коллегій, центральное судебное управленіе городского сословія подверглось новому измѣненію. Въ 1721 году учрежденъ Главный магистратъ, равный съ коллегіями, которому приносились жалобы на губернскіе магистраты [1]). Въ царствованіе Петра II онъ былъ уничтоженъ [2]), но при Елисаветѣ Петровнѣ возстановленъ на прежнемъ основаніи [3]).

Для духовенства.

Устройство центральныхъ судовъ для духовенства и подвластныхъ ему людей и крестьянъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, подверглось, въ главномъ своемъ основаніи, тѣмъ же реформамъ, какимъ и общее судоустройство. Мало-по-малу, приказы и личныя управленія замѣнились коллегіями. Но къ этому главному направленію реформы присоединилось, въ отношеніи къ гражданскимъ судамъ для духовенства, другое, не менѣе важное стремленіе, сильно обнаружившееся при Петрѣ Великомъ, и развившееся окончательно при его преемникахъ:—стремленіе разрушить отдѣльную отъ государства свѣтскую общину, образовавшуюся изъ Церкви, и ввести составныя ея части въ общій организмъ государства. Оба эти направленія реформы Петра Великаго выразились въ преобразованіяхъ судовъ, учрежденныхъ для духовенства, и должны поэтому служить намъ главнымъ руководствомъ при объясненіи этихъ преобразованій.

Новому порядку вещей въ юридическомъ бытѣ духовенства предшествовали, какъ и всѣмъ реформамъ Петра Великаго, важныя измѣненія въ древнемъ устройствѣ свѣтско-церковной общины, не касавшіяся однако юридическихъ началъ, лежащихъ въ основаніи этого устройства. Такія измѣненія появились еще задолго до Петра Великаго; при немъ онѣ только яснѣе начали выражать собою новыя направленія законодательства, рѣзко высказавшіяся впослѣдствіи, въ реформѣ. Еще въ первые годы царст… Петръ Великій уничтожилъ патріар… рядъ, и всѣ спорныя гражданскія … духовнымъ (завѣщаніямъ), и по ра… по инымъ какимъ крѣпостямъ", о по… и вотчинахъ велѣлъ передать въ поме… а прочія спорныя гражданскія дѣла, … шіяся движимаго имущества, въ кос… судный приказъ [4]). Такимъ образо… здѣсь высказалась мысль о секу… множество дѣлъ, изъ духовнаго вѣ… перешло въ гражданское.

Въ одно время съ этой реформой пр… другая. Для всѣхъ людей и крестья… властныхъ духовенству, которые до … мени вѣдались въ различныхъ пр… установлено было одно центральное … мѣсто, подъ названіемъ монастырска… каза [5]). Въ 1718 году, въ резолюціях… кладные пункты рязанскаго митропо… фана Яворскаго, Петръ Великій выс… сказалъ мысль, что „для лучшаго … управленія... мнится быть удобно … коллегіи" [6]). Это подало поводъ къ … реформамъ въ судебномъ управленіи … ства и его подчиненныхъ. Патріарш… стьянъ предположено ввѣрить въ у… патріаршему дворецкому, монастыр… мѣстнымъ губернскимъ правителъст…

---

[1]) 1721 года, 16 января (№ 3708); Регламентъ Главнаго магистрата, гл. II и IX.

[2]) 1727 года, 18 августа (№ 5112); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

[3]) 1743 года, 21 мая (№ 8734); Высочайше утвержденный докладъ сената.

[4]) 1700 года, 16 декабря (№ 1818); имен…

[5]) 1701 года, 7 ноября (№ 1876), имен… моримымъ животамъ, и рядными записями, и … и инымъ всякимъ дѣламъ, быть по преслѣд… ковскомъ судномъ приказѣ". (Но Духовн… мянту, дѣла о сомнительныхъ духовныхъ … чатныхъ особъ разсматривать и рѣшались … и Юстицъ-коллегіею 1721 года, 25 января … Регламентъ или уставъ Духовной-коллегіи, … ст. 11). Въ послѣдствіи, съ установленіем… коллегіи, всѣ дѣла о раздѣлѣ „по завѣтамъ … мѣтомъ оставшагося отъ умершихъ имѣнія … казомъ, и о причитаніи въ наслѣдство дост… о лишаемыхъ отъ наслѣдія, также и о сви… завѣтомъ, или духовницъ" велѣно также … свѣтское вѣдомство (1722 года, 12 апрѣля … Высочайшей резолюціи на докладные пунк… п. 2, и рес.) Это послѣднее постановленіе … видно, лишь поясненіемъ и дополненіем… щихъ.

[6]) 1701 года, 24 января (№ 1829); имен… явленный Розряду. — 1706 года, 20 мая … именный, объявленный изъ Розряда. Мо… приказъ не былъ, въ строгомъ смыслѣ, учр… постановленъ Петромъ Великимъ, ибо су… еще до него, но былъ впослѣдствіи уничто…

[7]) 1718 года, 20 ноября (№ 3239); Высо… золюціи на доношеніе Рязанскаго митропо… фана. Рез. на 5 п.

— духовной коллегіи [1]). Такимъ
шель о секуляризаціи сдѣлала по-
значительное число имѣній, при-
ъ духовенству, должно было пе-
тское вѣдомство. Кажется однако,
шая остался безъ дѣйствія. Хотя
ъ на то прямыхъ указаній, однако
чать изъ того, что вскорѣ послѣ
овнаго регламента (1721 г.) всѣ
архіерейскіе и монастырскіе кре-
шены, по суду въ дѣлахъ граж-
(уховному) суноду [2]).
вращеніе къ прежнему порядку
, впрочемъ, только временное.
редачъ въ свѣтское вѣдомство
отраслей управленія, которыя пе
къ духовному управленію въ на-
ысслѣ слова, но вѣдались духов-
тельствомъ, не была забыта, и
рѣ Великомъ выразилась въ пове-
ть особливую коллегію „для ро-
лъ", касающихся духовенства [3]).
я царствованія развили ее вполнѣ.
раздѣлила сунодъ на два „анар-
изъ нихъ второму поручила су-

10 декабря (№ 3252); Высочайшія ре-
ладные пункты. Рес. 10 п.
14 февраля (№ 3734). Высочайшія ре-
лахъ сунода, п. 5.—1721 года, 3 марта
тскій. Замѣтимъ здѣсь, что прежняя
тріаршаго вѣдомства отъ общаго духов-
сь даже и послѣ учрежденія сунода,
судебнаго управленія духовенства. Въ
и апелляція изъ дѣлахъ гражданскихъ
ѣшеніями сунодальному вѣдомству, со-
ъ, изъ высшей инстанціи, въ сунодъ и
ъ немъ состоявшихъ. Разділеніе спор-
ихъ дѣлъ между приказами и сино-
лѣчательно. 1) *Синодъ*. Сюда припо-
на сунодальныхъ членовъ, архіереевъ,
ора и сунодскихъ служителей, и подза-
ли на областныхъ духовныхъ судей по
ловнымъ дѣламъ (1722 года, 4 сентября
дскій, п. 4 и 5). 2) *Приказы*: Духов-
ія консулы, по спорнымъ гражданскимъ
осовшеніе жители духовнаго вѣдомства,
ли бывшей Патріаршей области (тамъ
1). Дворцовый судилъ дѣла между
бовными сунодальныхъ членовъ вот
е. ст 2). Наконецъ, Монастырскій
принималъ апелляціи по спорнымъ гра-
камъ, которыя возникали между всѣми
ми и крестьянами, подвѣдомственными
камъ, на ихъ вчиняемымъ (тамъ же,
ъ послѣдствіи, этотъ приказъ перемѣ-
мор-контору сунодальнаго правитель-
ласъ подъ апелляціею сунода.—1725 г.
1632); сенатскій
8 февраля (№ 4160), именный

дебное управленіе духовенства и его под-
властныхъ. Это отдѣльное отъ сунода присут-
ственное мѣсто, названное Коллегіею Экономіи
Сунодальнаго управленія [4]), и переименованное
потомъ въ Канцелярію Сунодальнаго Эко-
номическаго Правленія [5]) было составлено
изъ шести свѣтскихъ особъ, и находилось
подъ апелляціею сената, а не сунода, какъ
Монастырскій приказъ [6]). Императрица Анна
Іоанновна сдѣлала еще болѣе: она совер-
шенно отчислила Коллегію Экономіи изъ сино-
скаго вѣдомства, и подчинила ее, во всѣхъ
отношеніяхъ, сенату [7]), поручивъ ей въ управ-
леніе предметы вѣдомства патріаршихъ при-
казовъ, слѣдовательно всѣ отрасли свѣтской
администраціи, бывшія прежде въ завѣдыва-
ніи патріарха [8]).

Всѣми этими узаконеніями судебная власть
въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ навсегда
исключена изъ духовнаго вѣдомства.

II.

Сенатъ. Въ древней Россіи верховная су-
дебная власть сосредоточивалась въ Большой
Боярской Думѣ. Здѣсь постановлялись окон-
чательные судебные приговоры по дѣламъ,
которыя, по какимъ-либо причинамъ, не были
окончательно рѣшены въ низшихъ инстан-
ціяхъ, и рѣшались общіе юридическіе во-
просы, возникавшіе изъ частныхъ случаевъ,
въ руководство судьямъ на будущее время.
Послѣднее доказывается многими боярскими
приговорами, изданными до единодержавія
Петра Великаго, и въ первые годы его цар-
ствованія.

Въ 1711 году, Петръ Великій учредилъ се-
натъ, для управленія государствомъ во время
его отсутствія [9]). Сенатъ состоялъ, первона-
чально, изъ девяти членовъ, назначенныхъ

[4]) 1726 года, 26 сентября (№ 4959); именный, объ-
явленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, п. 1. Хотя
установленіе Коллегіи Экономіи, повидимому было тогда
мотивовано сунодъ *спиритуальнымъ*, а не *правительствую-
щимъ*.—1726 года, 14 іюля (№ 4925), именной, объ-
явленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

[5]) 1745 года, 4 іюня (№ 9166), именной, объявлен-
ный изъ сунода.

[6]) 1726 года, 12 іюля (№ 4919), именной.

[7]) 1788 года, 15 апрѣля (№ 7558), именной, данный
сенату.

[8]) 1788 года, 30 октября (№ 7679); именной, данный
сенату.

[9]) 1711 года, 22 февраля (№ 2321), именной „опре-
дѣлили быть, для отлучекъ нашихъ, Правительствующій
сенатъ, для управленія".

самимъ Государемъ [1]. Въ 1718 году постановлено, что онъ долженъ состоять изъ президентовъ коллегій [2]; но въ 1722 году это положеніе отмѣнено, и велѣно было избрать другихъ президентовъ, а прежнимъ быть въ сенатѣ, вмѣстѣ съ министрами, состоящими при иностранныхъ дворахъ [3]; изъ президентовъ коллегій членами сената оставлены только президенты Воинской, Иностранной и Берг-Коллегіи; но и они должны были присутствовать въ сенатѣ лишь въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ [4]. Такое измѣненіе въ составѣ сената сдѣлано съ тою цѣлью, „дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ, и смотрѣли бъ надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а сами, будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?“ [5]. Но впослѣдствіи, президентамъ коллегій снова повелѣно присутствовать въ сенатѣ, какъ сказано въ законѣ „для малолюдства“ [6].

Вскорѣ послѣ учрежденія, сенату присвоена высшая судебная власть въ государствѣ [7]. Въ немъ рѣшались окончательно дѣла, переносились слѣдственнымъ порядкомъ и по апелляціоннымъ жалобамъ изъ коллегій [8]. Эта власть оставалась постоянно съ сенатомъ, несмотря на возвышеніе и упадокъ его политической власти [9]. Сенатъ составлялъ первоначально одно общее присутствіе. Но в
ствованіе Анны Іоанновны онъ былъ
ленъ на департаменты (числомъ шт
нихъ четвертый былъ департаментъ
и „челобитческихъ дѣлъ“), которые
ставляли собою отдѣленій сената, а
товляли дѣла къ рѣшенію въ общемъ с
исключеніе сдѣлано только для малов
дѣлъ; они рѣшались департаментами
въ 1762 году „для разсмотрѣнія и р
юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ
апелляціонныхъ дѣлъ“ былъ учреж
сенатѣ особливый департаментъ, с
шій изъ трехъ или четырехъ сенаторов
апелляцiю общаго собранія [10]. Это
ложено первое основаніе настоящему
ству сената.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Реформа, произведенная Петром
кимъ въ судоустройствѣ, пересоздала
юридическія начала, на которыхъ о
основано и образовалось исторически
веденное имъ въ Россію, не имѣло с
нимъ ничего общаго, и хотя было от
по смерти Петра Великаго, въ об
управленіи, однако, при Екатеринѣ
лалось снова общимъ и почти исклю
нымъ въ нашемъ законодательствѣ.

Другой характеръ имѣютъ преобр
начавшіяся съ Петра Великаго въ гр
скомъ судопроизводствѣ. Въ нем
нымъ предметомъ законодательной
вости были не столько основныя юри
начала, сколько подробное опредѣлен
и уже существовавшихъ отношеній
судьями и тяжущимися, и сихъ пос
между собою. Цѣлый рядъ узаконені

---

[1]) Тамъ же.

[2]) 1718 года, декабря (№ 3264) именный, п. 1.

[3]) 1722 года, 12 января (№ 3877); именный, данный сенату, п. 1.

[4]) Тамъ же, п. 2.

[5]) Тамъ же, п. 6.

[6]) 1722 года, 16 мая (№ 4011); именный, данный сенату. Послѣдующія узаконенія о составѣ сената не представляютъ собою ничего особенно замѣчательнаго. Еще при Петрѣ Великомъ постановлено правиломъ, что сенатъ долженъ состоять изъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, по назначенію Государя (1722 года, 27 апрѣля (№ 3978), именный, п. 1). Послѣднее подтверждено Екатериною I (1726 года, 7 марта (№ 4847); именный, п. 1). Итакъ, въ составѣ сената и боярской думы не было никакого существеннаго различія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ правительственномъ хѣтѣ, находились высшіе сановники государства, назначаемые непосредственно верховною властью.

[7]) 1711 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 1.

[8]) 1718 года, декабря (№ 3261); именный, п. 2 и 3. — 1722 года, 27 апрѣля (№ 3978), именный, п. 2 и 4.

[9]) Значеніе сената въ политическихъ переворотахъ России, его усиленіе и упадокъ въ различныя царство-
ванія, относятся къ исторіи государственн
Замѣтимъ только, что по учрежденіи Верхов
наго Совѣта при императрицѣ Екатеринѣ
велѣно называть *высокимъ, а не правящ
щимъ* (1725 года, 14 марта (№ 4858); им
явленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта
при Аннѣ Іоанновнѣ ему снова дано назв
тельствующаго (1730 года, 4 марта (№
нифесть, а Елисаветою Петровною возвра
пія „сила и власть въ правленіи внутрен
ванія государственныхъ дѣлъ“ (1741 года,
(№ 8480); именный).

[10]) 1730 года, 1 іюля (№ 5570); именн
сенату.

[11]) 1762 года, 29 января (№ 11422), им
явленный сенату генералъ-прокуроромъ Гл

...ія, относящихся къ судопроизвод... ...ть главною цѣлью обезпечить тя... ...отъ корыстолюбія и несправедли... ...вій, судей отъ ябедъ тяжущихся, ...волокиты и вчинаніе пустыхъ, вы... ...хъ исковъ. Такимъ образомъ, не... ...реформы, гражданское судопро... ...я послѣ Петра Великаго, пред... ...мѣшеніе стараго съ новымъ. Этимъ ...ть и неопредѣленностью началъ объ... ...другая, важная характеристическая ...рмы въ судопроизводствѣ. На нее ...ьшое и рѣшительное вліяніе су... ...актика и толкованіе законовъ при... ...ими мѣстами. Этотъ фактъ заслу... ...особеннаго вниманія, потому что ...ключемъ къ разрѣшенію многихъ, ...взгляда необъяснимыхъ положеній ...скомъ судопроизводствѣ.

...ино два узаконенія и ихъ примѣненіе ...ои практикѣ произвели переворотъ ...скомъ судопроизводствѣ, и лежатъ ...іи нынѣ дѣйствующихъ законовъ. ...697 года, 21 февраля, отмѣнены ...ныя ставки, и введенъ розыскъ; а ...723 года, 5 ноября, установлена ...а; всѣ прочіе законы, относящіеся ...изводству, служатъ поясненіемъ или ...мъ этихъ двухъ указовъ. Судебная ...опредѣлила взаимное отношеніе раз...рмъ судопроизводства, установлен...ромъ Великимъ, и въ этомъ заклю... ...важное вліяніе на послѣдующее ...раждансказо судопроизводства.

...реформъ въ гражданскомъ про...осится къ 1697 году. Петръ Ве... ...я безчисленныя злоупотребленія, ...шія изъ суда и очныхъ ставокъ, ...ихъ и ввелъ розыскъ. Послѣдующія ...зкладили слѣды этого важнаго пере... ...древнемъ гражданскомъ судопро... ...въ нынѣшнемъ законодательствѣ ...ся, отъ него только нѣкоторыя по... ...относящіяся къ свидѣтельству. Но, ...Петра, этотъ переворотъ былъ такъ ...ителенъ по своему характеру, по... ...ъ и вліянію на послѣдующія ре... ...го мы считаемъ необходимымъ изло... ...подробнѣе и въ связи съ древнимъ ...водствомъ.

...водъ Уложенія, главною, основною ...раждансказо судопроизводства былъ ...ующіеся являлись предъ судьями, ...ъ присутствія, словесно, излагали свои доказательства и опроверженія. По особеннымъ причинамъ, въ гражданское судопроизводство введены, впослѣдствіи, для дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ, очныя ставки и сужденіе спорныхъ дѣлъ безъ суда.

Словесное судопроизводство достигаетъ своей цѣли лишь въ первыя эпохи народной жизни, и въ періодъ возмужалости, періодъ полнаго юридическаго сознанія. Въ первомъ случаѣ, живое сознаніе обычнаго права и простота отношеній уже опредѣляютъ правильность словеснаго изложенія и опроверженій; въ послѣднемъ—логическая послѣдовательность и опредѣлительность началъ права, и большая или мѣньшая степень юридическаго образованія. Въ эпоху незадолго предшествующую реформѣ Петра Великаго, непосредственныя юридическія вѣрованія изчезли, а время сознанія начала права еще не наступало. Въ эту переходную эпоху, обветшавшія формы юридическаго быта стали служить поводомъ и предлогомъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и неправдамъ, прикрытымъ видомъ законности.

Таковы были и судъ и очныя ставки во время Петра Великаго. Современные указы служатъ тому яснымъ доказательствомъ: „въ судѣхъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искѣхъ отвѣчаютъ неправдою жъ, составными вымыслы своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйливыми отвѣты прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій; а иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душевредцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавствомъ, въ вершеньи тѣхъ дѣлъ, правымъ и маломочнымъ людемъ въ оправданіи чинится многая волокита и напрасные харчи и убытки и разоренье, а виновнымъ, что довелось... учинить указъ, отъ того отбывательство и продолженіе, а ябедникамъ и ворамъ поживки“ [1]). Итакъ, пустые, злонамѣренные иски и оправданія, безконечное продолженіе процессовъ, неправильное раскрытіе тяжебнаго дѣла—вотъ чему подавали поводъ суд-

[1]) 1697 года, 21 февраля (№ 1672), именной.

и очныя ставки. Петръ Великій хотѣлъ пресѣчь зло въ самомъ его основаніи, и для этого уничтожилъ обѣ эти формы судопроизводства, и установилъ, вмѣсто нихъ, розыскъ.

Мы уже замѣтили, что подъ розыскомъ разумѣлась, до Петра Великаго, форма уголовнаго судопроизводства. Обвиняемый въ какомъ-либо преступленіи допрашивался судьею „противъ доноса или извѣта" т.-е. по тѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, которые заключались въ доносѣ. Если онъ не сознавался, то его ставили съ очей на очи съ обвинителемъ, дѣлали объ немъ повальный обыскъ, и наконецъ пытали. Итакъ, главное различіе между судомъ и розыскомъ заключалось въ томъ, что въ судѣ тяжущіеся являлись сами передъ судьями и вступали въ словесный споръ объ искѣ. Здѣсь приводились ими доказательства и опроверженія, и судьѣ оставалось только наблюдать за правильностью развитія спора, и удостовѣряться въ подлинности и достовѣрности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Напротивъ, сущность розыска заключалась въ допросѣ; въ немъ, поэтому, не могло быть рѣчи о словесномъ спорѣ между истцомъ и отвѣтчикомъ. Поэтому, въ розыскѣ, судьи должны были имѣть гораздо бо́льшее вліяніе на ходъ и развитіе процесса, нежели въ судѣ; ибо въ розыскѣ все движеніе процесса совершалось чрезъ посредство судьи. Во весь моментъ веденія доказательствъ онъ не былъ простымъ свидѣтелемъ того, что говорили тяжущіеся, и, такъ сказать, блюстителемъ правильнаго хода спора, но живымъ средоточіемъ тяжбы, въ которомъ сужденіе о спорномъ дѣлѣ, весьма естественно, шло рядомъ съ выслушиваніемъ доводовъ, и не могло оставаться безъ вліянія на допросъ.

Отсюда дѣлается яснымъ, съ какою цѣлью Петръ Великій уничтожилъ судъ и очныя ставки въ дѣлахъ гражданскихъ, и замѣнилъ ихъ розыскомъ. Онъ вовсе не хотѣлъ, какъ думаютъ нѣкоторые, замѣнить гражданское судопроизводство уголовнымъ, обвинительное—слѣдственнымъ [1]). Видя жалкое состояніе правосудія, вслѣдствіе явнаго, всѣми признаннаго и перечисленныхъ неправдъ тяжущихся, о... мялъ, что словесное судопроизводство и очныя ставки поощряли зло, ... весь ходъ процесса во власть тяжущ... тѣмъ открывая поле ихъ дѣятельнос... казалось лучшимъ средствомъ проти... извола тяжущихся, подчинить ихъ ... развитіе процессовъ, контроль судей ... уже по званію своему должны быть ... телями правосудія. Съ этою мыслью ... денъ имъ розыскъ, какъ такая форма ... производства, по которой судья при... дѣятельное участіе въ ходѣ и развит... наго дѣла, и тѣмъ стѣсняется пр... истца и отвѣтчика [2]).

Введеніе розыска въ дѣлахъ гражд... вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, имѣл... важныя послѣдствія для судебной п... Современники Петра не поняли цѣл... которою онъ замѣнилъ суды розыск... трудно имъ было понять ее; ибо ... было просто сказано, что вводится ... а слово розыскъ, какъ мы видѣ... въ то время нѣсколько различныхъ ... и чаще всего употреблялось въ см... лоннаго судопроизводства. Отсюда ... шаткость, неопредѣленность пра... судопроизводства того времени. Изв... что въ дѣлахъ чисто гражданскихъ

[1]) Доказательствомъ можетъ служить указъ 1697 г. 16 марта (№ 1576), изданный въ дополненіе и пояснение указа 1697 года, 21 февраля. Въ этомъ указѣ излагаются правила о допросѣ отвѣтчиковъ, о взиманіи пошлинъ и положить „въ нынѣшнихъ розыскныхъ дѣлахъ", а въ концѣ сказано: „А которыя статьи въ Уложеніи надлежатъ къ *розыску*, и по тѣмъ статьямъ *розыскивать по прежнему*". Очевидно, что Петръ Великій отличалъ розыскныя дѣла гражданскія, отъ розыскныхъ уголовныхъ, и что розыскъ, ... ный имъ для первыхъ, имѣлъ существенно ... отъ розыска, которымъ судились послѣднія.

[2]) Въ рѣчи объ Уложеніи, г. проф. М... говоритъ, что одни дѣла *некрѣпостныя* су... *заёмомъ*, слѣдственное формою судопро... приводитъ въ доказательство слѣдующее мѣс... взятое изъ указа 1697 года, 21 февраля „дѣл... по крѣпостямъ, некрѣпостныя по розыск...

Это мнѣніе кажется намъ не совсѣмъ ... вымъ. Розыскъ, какъ видно изъ предыду... ношенія къ дѣламъ гражданскимъ не о... судопроизводства, а сужденіе и рѣшеніе ... суда. Что же касается до мѣста, на кото... розыскомъ основываетъ свое мнѣніе, будто ... скомъ судились одни дѣла некрѣпостныя, ... данныя слова указа „А *быть* по ... вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, *розыску* ... *постныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ*, а *некрѣпостныхъ дѣлахъ по розыску*" (п. 12). ... то мѣста очевидно того: всѣ дѣла, крѣпост... крѣпостныя, судить розыскомъ, и первыя ... стямъ, а послѣднія по некрѣпостнымъ докум... какова свидѣтельство, обыскныя грамоты, ... и т. д. Въ этомъ смыслѣ розыскъ употр... многихъ мѣстахъ Уложенія и указовъ то... и здѣсь, очевидно, не означаетъ формы су... ства.

…кѣ; съ другой стороны судьи и …люди, воспитанные на старыхъ …ава, очень хорошо понимали, что …нымъ и гражданскимъ судопро… должно быть существенное раз… …кую слово розыскъ въ смыслѣ …роцесса, старались удержать судъ …жданскихъ. Какъ бы то ни было, …то, что въ практикѣ прежнее раз… судъ и розыскъ удержалось [1]). …особности, какъ должно думать, …ъ гражданскихъ уголовнымъ по… …удили Петра Великаго, въ 1723 г. …стное въ нашемъ законодатель… …ше о формѣ суда [2]). Объ этой …производства существуютъ у насъ …ложныхъ мнѣнія. Одни думаютъ, …ла тѣкимъ же нововведеніемъ, …шая часть учрежденій, данныхъ …мъ Великимъ; другіе, напротивъ, …ей возстановленіе нашего древ… …формы гражданскаго судопроизвод… …ѣется видоизмѣненной сообразно …тями времени. Послѣднее мнѣніе …казано г. профессоромъ Морош… …ала на лекціяхъ, потомъ печатно, … Уложеніи [3]).

…е разсмотрѣніе формы суда не …какъ намъ кажется, никакого со… …праведливости послѣдняго пред…

…о суда введено словесное, обви… …судопроизводство. Тяжущіеся …ъ являтся на судъ сами, или по… …ѣби повѣренныхъ [4]); но явкѣ ихъ, …тались обвинительные пункты …ъ долженъ былъ отвѣчать на нихъ …принимать отъ него письменные …о строго запрещено закономъ [5]). …судопроизводства имѣетъ такое …сходство съ нашимъ древнимъ …не возможно отвергать ихъ близ… …ва между собою, не имѣя поло… …доказательствъ противнаго.

…мъ вникнемъ въ отдѣльныя поло… …допроизводствѣ, постановленныя …формѣ суда, то увидимъ, что всѣ …ы исключительно къ исправленію …

…) 5 ноября (№ 5344); именной.
…) въ началѣ.
…) Уложеніи.
…) 5 ноября (№ 1344), именной, п. 7.
…) п. 3 „*Отвѣчать словесно*, а пись… …откуда не принимать“.

и поясненію тѣхъ частей нашего древняго гражданскаго судопроизводства, которыя наиболѣе подавали поводъ къ злоупотребленіямъ. Это отношеніе между законоположеніями о древнемъ судѣ и формѣ суда, при одинаковости основныхъ началъ сихъ послѣднихъ, служитъ еще сильнѣйшимъ доказательствомъ ихъ внутренняго и историческаго сродства между собою.

а) Главный недостатокъ нашего стариннаго суда заключался въ томъ, что онъ не обезпечивалъ тяжущихся отъ безконечнаго продолженія тяжебъ. Неправые истцы и отвѣтчики, разумѣется, пользовались этимъ, и вводили своихъ противниковъ въ большія издержки, и даже разоряли въ конецъ; то и другое происходило отъ того, что судъ требовалъ, необходимо, личнаго присутствія тяжущихся или ихъ повѣренныхъ. Нерѣдко тяжущіеся, не имѣя кому повѣрить своей тяжбы, должны были сами пріѣзжать издалека въ то мѣсто, гдѣ происходилъ судъ, и проживали тамъ, до окончанія процесса, послѣднее имущество. Средствъ къ продолженію суда было много. Одинъ изъ тяжущихся могъ безусловно требовать отсрочки суда для доставленія нужной крѣпости, или для того, чтобъ изготовиться къ отвѣту. Онъ могъ также безконечно волочить процессъ неявкою по первымъ вызовамъ, поздною явкою, просрочкою и т. д. Именно на эти-то возможные случаи промедленія процесса, которымъ подавала поводъ неопредѣленность прежнихъ законовъ, Петръ Великій обратилъ особенное вниманіе при введеніи формы суда. По подачѣ истцомъ прошенія, отвѣтчикъ призывался въ судъ (о позывѣ въ судъ не постановлено никакихъ правилъ), и ему сообщалась тамъ копія съ прошенія „для вѣдѣнія къ оправданію“, и очевидно съ тою цѣлью, чтобъ отнять возможность требовать отсрочки суда для соображенія отвѣта. Черезъ семь дней послѣ полученія копіи, отвѣтчикъ попрежнему долженъ былъ явиться на судъ, въ чемъ и давалъ реверсъ при полученіи копіи съ прошенія. Впрочемъ, отвѣтчика отпускали изъ суда только въ такомъ случаѣ, если его движимое и недвижимое имѣніе могли обезпечить искъ; въ противномъ случаѣ, по немъ собирали поруки, но не далѣе пятёли, а если порукъ не было, его держали подъ арестомъ [6]).

Итакъ, во всякомъ случаѣ, между обыкно-

[6]) Тамъ же, п. 5.

ніемъ отвѣтчику объ искѣ и сообщеніемъ ему копіи съ прошенія, и началомъ суда, не должно было, по формѣ суда, проходить болѣе одной недѣли. Тотъ же самый срокъ, и въ продолженіи того же самаго времени, давался и истцу; это отнимало у него всякую возможность и право требовать отсрочки для собранія нужныхъ документовъ, кромѣ развѣ въ случаѣ непредвидимаго возраженія со стороны отвѣтчика. Но и эта отсрочка давалась только одинъ разъ въ продолженіи всего процесса. Такъ же строго опредѣленъ и самый ходъ суда. Въ положеніяхъ, сюда относящихся, видно стремленіе законодательства противодѣйствовать волокитамъ и ябедническимъ отговоркамъ. Тяжущіеся должны были явиться на судъ не позднѣе 8 часовъ; кто являлся позднѣе, тому предписывали явиться на другой день. Если то же повторялось во второй разъ, то его удерживали въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, до слѣдующаго утра.

Неявившійся тяжущійся (исключая тѣхъ, которые представляли законныя причины неявки) отыскивался съ барабаннымъ боемъ, и публиковался указъ, чтобъ онъ явился въ продолженіи недѣли; если онъ не являлся, или явившись, не представлялъ законной причины неявки, то обвинялся въ искѣ [1]).

b) По древнему судопроизводству, ходъ обвиненій истца и возраженій отвѣтчика былъ чрезвычайно произволенъ. Сперва вычитывали отвѣтчику челобитную истца. Нерѣдко она была длинна, утомительна, и заключала въ себѣ нѣсколько различныхъ исковъ, смѣшанныхъ въ изложеніи, такъ что отвѣтчикъ затруднялся, какъ и на что отвѣчать ему, и просилъ отсрочки. Съ другой стороны и отвѣтчикъ, вмѣсто того чтобъ возражать на обвиненіе истца, самъ обвинялъ его въ чемъ либо, или вводилъ допросъ, или объяснялъ искъ враждою, старыми обидами и т. д., словомъ, отклонялся отъ дѣла и запутывалъ процессъ, вводя въ него посторонніе предметы, новые иски, и нарушалъ правильное развитіе доказательствъ и опроверженій — одно изъ самыхъ существенныхъ условій судопроизводства.

Для того чтобъ дать правильный, логическій ходъ процессу, Петръ Великій измѣнилъ прежнюю форму челобитенъ, и велѣлъ писать ихъ по пунктамъ: каждый пунктъ долженъ былъ заключать въ себѣ особливо [illegible] отдѣльную статью жалобы, со всѣми относящимися доказательствами, так[illegible] объ этой же статьѣ болѣе не упо[illegible] въ другихъ пунктахъ [2]). Въ этомъ ра[illegible]номъ видѣ, искъ дѣлался предмет[illegible] говоренія. Сперва отвѣтчику читался пунктъ. Отвѣтъ долженъ былъ при[illegible] посредственно относиться только к[illegible] пункту; строго было запрещено [illegible] отвѣтѣ о посторонненъ, или о други[illegible]тахъ [3]). Если отвѣтъ заключалъ [illegible] ссылку на „дальнюю справку" то „время не тратить", приступали къ [illegible] другого пункта; если же отвѣтъ самъ [illegible] былъ полонъ, то предоставлялось [illegible] истцу, потомъ опять отвѣтчику. Для [illegible]нія хода суда, строго было запрещено [illegible] тяжущимся отсрочки. Только отвѣт[illegible]вался поверстный срокъ, для достав[illegible]кументовъ нужныхъ къ дѣлу [4]). Так[illegible] дѣленіе челобитной на пункты, при [illegible] степени юридическаго образованія, [illegible] какое мы имѣли во времена Петра В[illegible] дѣйствительно могло имѣть результ[illegible]лѣе послѣдовательное, строгое и ло[illegible] необходимое движеніе тяжбы въ су[illegible]дый пунктъ, по намѣренію Петра В[illegible] долженъ былъ заключать въ себѣ от[illegible] часть иска. Меньшій объемъ и мень[illegible]ность, запутанность этой части, въ [illegible]нін съ цѣлымъ искомъ, нерѣдко [illegible]шимъ въ себѣ нѣсколько разнороди[illegible]ковъ, очевидно должны были упрост[illegible]

[1]) Тамъ же, п. 6.

[2]) Тамъ же, п. 1: „какъ челобитныя, так[illegible]ненія, писать пунктами, *мяко чисто, добр[illegible]сано въ одномъ пунктѣ, въ другомъ бы[illegible]было*".

[3]) Тамъ же, п. 3. „Когда станутъ чет[illegible]пунктъ, тогда отвѣчать . . на оной только [illegible]и не только посторонняго, но ниже о други[illegible]тахъ говорить, ниже обличать отвѣтчику [illegible]бетъ челомъ, или допоснтъ, въ какихъ с[illegible]ныхъ дѣлахъ, кромѣ того пункта" .

[4]) Тамъ же, п. 4. Въ положеніи о форм[illegible]опредѣлено именно, сколько разъ можн[illegible]вопремѣнно, доказывать и опровергать сво[illegible]иска, но кажется, что при изданіи указа, В[illegible]кій имѣлъ въ виду только два сюра по [illegible]пункту: одинъ главный, другой дополнитель[illegible]тому оставилъ этотъ предметъ безъ ближай[illegible]дѣленія. Это видно изъ слѣдующихъ слов[illegible](отвѣтчикъ) первый пунктъ совсѣмъ очистит[illegible]спросить истца: имѣетъ ли онъ еще что д[illegible]ства, и потомъ отвѣтчика, что онъ имѣетъ [illegible]къ оправданію, и буде не имѣетъ, нечѣ[illegible]ложить"...

…ореніе, и дать большую возмож-
… предупреждать всякія отклоне-
…ксы отъ предмета тяжбы, и на-
…строгою правильностью и послѣ-
…тью судоговоренія. Поэтому со-
…лобитенъ по пунктамъ въ началѣ
…онсе пустою формою, а должно
… весьма важное значеніе въ дви-
…есса.

… медленности и проволочки, въ
…ихъ укоренились, отъ неопредѣ-
…коновъ, и многія другія злоупо-
…Мы знаемъ, напримѣръ, что въ
…ьпостныхъ винили и безъ суда
… Ябедники, разумѣется, воспольз-
…мъ. Когда срокъ явки къ суду
…, одинъ изъ тяжущихся вчинялъ
…его противника другой искъ, и
…приказѣ. По новому иску, послѣд-
…али къ суду, между тѣмъ какъ,
…у, въ другомъ приказѣ, онъ про-
… обвинялся въ искѣ, очевидно
… вины. Противъ этого въ формѣ
…овлено правиломъ, чтобъ никакое
…тоящее мѣсто не задерживало
…рые имѣютъ гдѣ либо тяжбу, или
… немедленно извѣщало о томъ,
…ть, чтобъ не подвергнуть тяжу-
…правильному обвиненію неявкою [1]).
…ами. Въ древнихъ постановленіяхъ
…водствѣ, отношенія между довѣ-
… повѣренными по спорнымъ дѣ-
… чрезвычайно неопредѣленны, да
…дались вѣрители подъ челобитною,
…инъ былъ подать повѣренныя,
… не задолго до Петра Великаго,
… воспользовались и этимъ. Про-
…тралныя повѣренныя, довѣритель
…ова, подъ тѣмъ предлогомъ, что
…ѣрилъ никому нести тяжбы. Слу-
…ке, что отъявленный ябедникъ,
…ъ съ однимъ изъ тяжущихся, на-
…ли родственникомъ, другомъ или
…другого, принималъ на себя веде-
…жбы, и проигрывалъ процессъ
… Петръ Великій дозволилъ допу-
…ду повѣренныхъ „только съ пись-
…ними, что оный (повѣренный) учи-
…довѣритель) прекословить не бу-

…ецъ, доказательствомъ того, что

…я 6.
…я 7.

подъ названіемъ формы суда Петръ Великій возстановилъ наше древнее гражданское судопроизводство, служатъ слѣдующія слова указа 1723 года, 5 ноября: „понеже о формѣ суда многіе указы прежде были сочинены, изъ которыхъ нынѣ собрано, и какъ судить надлежитъ, тому форма яснѣе изображена, по которой во всякихъ дѣлахъ, какого бъ оныя званія ни были, исполнять должно, а не по старымъ указамъ; ибо въ судахъ много даютъ лишняго говорить, и много ненадобнаго пишутъ, что весьма запрещается; и не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ"... Здѣсь упоминаются старые указы о судопроизводствѣ, служившіе основаніемъ при составленіи формы суда; послѣдняя должна, по словамъ указа, яснѣе изображать то, что заключалось въ первыхъ. Спрашивается, о какихъ именно указахъ упоминается здѣсь? Очевидно, не объ Уставѣ Воинскаго Процесса изданномъ въ 1716 г., ибо онъ не былъ отмѣненъ изданіемъ формы суда, и продолжалъ дѣйствовать послѣ 1723 г.; не къ розыску — потому что розыскъ, по главнымъ своимъ началамъ, не имѣлъ ничего общаго съ формою суда, и, слѣдовательно, не могъ служить ей основаніемъ; остается предположить, что подъ старыми указами Петръ Великій разумѣлъ Уложеніе и Новоуказныя статьи, въ которыхъ дѣйствительно судъ изложенъ довольно подробно.

Итакъ, въ 1723 году, Петръ Великій возстановилъ нашъ древній судъ, отмѣненный розыскомъ. Причины этого возвращенія къ прежней формѣ судопроизводства, задолго до того времени найденной неудобною, съ точностью неизвѣстны. Главною изъ нихъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, требованія судебной практики. Сужденіе гражданскихъ процессовъ уголовнымъ порядкомъ, вслѣдствіе ложнаго толкованія слова розыскъ, заставило почувствовать необходимость гражданскаго, обвинительнаго судопроизводства. Въ практикѣ, послѣднее продолжало существовать подъ формою суда. Вѣроятно по этому, Петръ Великій снова обратился къ суду, и возстановилъ его съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какихъ требовала недостаточность и неопредѣленность прежнихъ законовъ о судѣ, обнаруженныя практикою и злоупотребленіями.

Возстановленіе суда было послѣднею важною реформою общаго гражданскаго судопроизводства въ избранный нами періодъ

времени. Послѣдствія ея были неисчислимы. Въ послѣдующемъ періодѣ они породили потребность новыхъ реформъ, которыя продолжались до позднѣйшаго времени, и теперь продолжаются. Реформа 1723 года была тѣмъ несравненно важнѣе предыдущихъ, что ею уголовное и гражданское судопроизводство, дотолѣ строго отдѣленныя другъ отъ друга, слиты въ одно; розыскъ въ дѣлахъ уголовныхъ уничтоженъ [1]). Даже Уставъ Воинскаго Процесса, дѣйствовавшій до того времени независимо, и неподвергавшійся никакимъ существеннымъ реформамъ, уступилъ мѣсто суду [2]). Раскрытіе послѣдствій этого переворота въ уголовномъ и военномъ судопроизводствѣ не входитъ въ предѣлы настоящаго разсужденія.

Примѣчанія. I. Въ общемъ обзорѣ реформъ гражданскаго процесса, мы коснулись однихъ главныхъ, основныхъ положеній, и опустили измѣненія, сдѣланныя въ частяхъ судопроизводства. Такихъ измѣненій было много. Большая часть изъ нихъ принадлежитъ Петру Великому. Важнѣйшія суть слѣдующія: 1) въ ученіи о тяжущихся лицахъ. Нѣкоторымъ лицамъ, какъ то: архимандритамъ, игуменамъ, монахамъ и монахинямъ, запрещено быть самимъ ходатаями по дѣламъ. 1727 года, 31 іюня (№ 5135); синодскій. 1738 года, 23 января (№ 7403); синодскій.— 2) О судебномъ представительствѣ. Со временъ Петра Великаго, свободное судебное представительство получило чисто-гражданскій характеръ; безъ вѣрющаго письма повѣренный не допускался къ суду. 1700 года, 14 февраля (№ 1755); именный. 1713 года, 24 апрѣля (№ 2671); именный, объявленный изъ сената, п. 6. 1719 года, 15 января (№ 3282); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 28 декабря (№ сенатскій. 1721 года, 16 февраля (№ именный, состоявшійся къ сенатѣ, дѣли, что въ постановленіи о форм содержаніе вѣрющаго письма «ар точнѣе („что оный учинитъ, онъ ... вить не будетъ"; 1723 года, 5 ноября (№ п. 7); въ послѣдствіи запрещено по повѣренныхъ къ апелляціи, если об правѣ не упомянуто въ вѣрющихъ ... 1775 года, 21 октября (№ 14382 ... Военной Коллегіи.— 3) Объ отводѣ дей. Отводъ судей служилъ, по Петра Великаго, предлогомъ къ при тяжебъ. Иногда тяжущіеся объявля вѣнія противъ судей, безъ всякой тельной причины, для того только выиграть время. Вслѣдствіе этого, ... даны многія узаконенія объ отводѣ 1697 года, 7 октября (№ 1597; ... 1720 года, 5 января (№ 3480 ... данный сенату. 1720 года, 4 мая (№ именный, объявленный въ Юстиц-к 1723 года, 25 октября (№ 4338, 17 20 мая (№ 4506); именный, объя изъ сената, въ пополненіе указа 17 25 октября. 1724 года, 13 ноября (№ именный. 1743 года, 28 октября (№ сенатскій. На основаніи этихъ указ жущійся долженъ былъ подавать объ челобитную, до подписанія срочныя о явкѣ къ суду: если онъ отводилъ дента, то прошеніе его представлялос шему суду, который переносилъ дѣ другой судъ; если же отводили од членовъ, то дѣло оставалось въ судѣ, но отводимый не принималъ въ рѣшеніи. Главными законными ... отвода были свойство или подружес того, допущены и другія; нѣкоторыя ... исчислены въ указѣ 1724 года, 16 ... и вошли въ Сводъ гражданскихъ зак 4) Объ обезпеченіи иска. Поста собирать поруки по истцахъ. 10 6 мая (№ 1631); боярскій приговоръ ... дешемъ формы суда, личная порук ... пена вещною: искъ обезпечивался ... ствомъ, движимымъ и недвижимымъ; при недостаткѣ имущества прибѣгал ... рукѣ.—5) О доказательствахъ: за ... допускать къ свидѣтельству раскольн ... три года небывшихъ у исповѣди. 17 ... 4 іюня (№ 4526); именный, объявле ... сената. 1745 года, 17 декабря (№ у

[1]) 1723 года, 5 ноября (№ 4344); именный, въ наказѣ „не надлежитъ разсматривать (какъ прежде бывало) *одинъ судъ, другой розыскъ*, но только одинъ судъ", п. 5 „надлежитъ прежде суда (кромѣ сихъ дѣлъ, измѣны, злодѣйства или словъ противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію и бунтъ) дать списокъ отвѣтчику съ пунктовъ" ... Указомъ сената, 1725 года, 3 мая (№ 4713), объявлено, что въ *злодѣйственномъ* должно разумѣть богохульство, церковный мятежъ, расколъ, смертоубійство, разбой, кражу съ поличнымъ. Въ концѣ „всѣ суды в розыскныя дѣла по сей формѣ отправляться, *не толкуя, что сія форма суда къ тому служитъ, а къ другимъ не служитъ*"...

[2]) 1721 года, 30 ноября (№ 4607); Указъ изъ Военной Коллегіи.

щено допускать къ крестоцѣ- лицо вмѣсто другого („А у щу и отвѣтчику самимъ, а не ойственникомъ, и не людемъ омъ"). 1697 года, 21 февраля ный, п. 7. —6) О мѣрахъ взы- ожень правежъ, и замѣненъ алеры, отдачею въ работу и домъ; за каждый мѣсяцъ ра- ся рубль въ уплату долга. января (№ 3140); именный, изъ сената. 1720 года, 12 де-); именный. 1722 г., 6 апрѣля ный. 1722 года, 18 септября тский. Уничтожена выдача го- ена ссылкою. 1701 года, 4 іюля ный.—7) О частныхъ и апел- жалобахъ изданы весьма важ- енія, служащія основаніемъ аконоположеній объ этомъ пред- трицею Екатериною II, уста- ціонный обрядъ: подписка удо- неудовольствія, годичный апел- ъ, и отсылка дѣлъ изъ низ- шняго мѣста въ высшее, въ би. 1762 года, 30 іюля (№ 11629); ръ Великій установилъ полу- ъ для рѣшенія дѣлъ присут- тами, и дозволилъ тяжущимся, этого срока, приносить жалобу ъ и проволочку дѣла. 1714 г., 2865); именный, объявленный 1720 года, 4 мая (№ 3577); вленный къ Юстицъ-коллегіи. № 4624); Инструкція маги- 4. При всѣхъ этихъ измѣне- инстанціи остались, по преж- ому смыслѣ судебными, а про- ми; это видно изъ того, что ѣ велѣлъ представить сенату я" тѣхъ просителей, которые ть Рекетмейстеру дополнитель- ыя послѣ суда и допросовъ. февраля (№ 3900); Наказъ Ре- . 4,—и что въ высшихъ ин- лись только выписки изъ дѣлъ, дили новаго суда. Тамъ же, а, 29 апрѣля (№ 3776); сенат- другие. По учрежденію для ерніи, изъ областныхъ инстан- ли судебныя, вторыя и судеб- ныя, и высшія (уголовныя и алаты) чисто ревизіонныя (ст. 323, 367).

II. Кромѣ реформъ въ общемъ гражданскомъ судопроизводствѣ, произошли въ этотъ періодъ важныя перемѣны и нововведенія и въ особенныхъ его формахъ. При Петрѣ Великомъ изданъ уставъ военнаго [1]), а при Петрѣ Второмъ уставъ таможеннаго суда. Форма военнаго суда была издана, первоначально, исключительно для военныхъ (гл. I, п. 3, 2) и 5) и рѣзко отличалась отъ всѣхъ прочихъ формъ судопроизводства, принятыхъ въ нашемъ законодательствѣ, тѣмъ, что допускала письменное производство, вмѣсто словеснаго (гл. IV, п. 2). Поэтому, хотя указомъ Петра Великаго и постановлено, что Воинскій Уставъ „касается до всѣхъ правителей земскихъ" (1716 года, 10 апрѣля (№ 3010); именный, данный сенату), однако форма военнаго суда не могла сдѣлаться основною формою гражданскаго судопроизводства, особливо послѣ указа 1723 года, 5 ноября, которымъ строго запрещено было принимать на судѣ письменные отвѣты. Итакъ, все вліяніе воинскаго процесса на гражданское судопроизводство должно было, въ то время, ограничиться однимъ примѣненіемъ устава о военномъ судѣ къ тѣмъ частямъ гражданскаго судопроизводства, которыя, въ первомъ, были развиты полнѣе и лучше, напримѣръ, къ ученію объ отводахъ, свидѣтельствѣ, присягѣ, и т. д. Такъ дѣйствительно и было. Мы не знаемъ навѣрное, въ какой степени сильно было это вліяніе, но можемъ сказать утвердительно, что форма суда, изданная Петромъ Великимъ, оставалась главною основною формою гражданскаго судопроизводства долгое время послѣ него, и даже въ царствованіе Екатерины II. (1752 года, 30 іюня (№ 10002); указъ изъ юстицъ-коллегіи. 1761 года, 4 января (№ 11181); сенатскій. 1763 года, 10 сентября (№ 11913); сенатскій, послѣдствіе Высочайше утвержденнаго доклада августа 25). Напротивъ, въ настоящее время письменное судопроизводство, введенное впервые съ изданіемъ положенія о воинскомъ процессѣ, составляетъ основную форму общаго гражданскаго процесса, а судъ по формѣ—словесное судопроизводство — сдѣлалось второстепеннымъ, дополнительною формою, къ которой прибѣгаютъ тяжущіяся и при установленныхъ мѣста только въ крайнихъ случаяхъ, когда

[1]) 1716 года, 30 марта (№ 3366) Воинскій уставъ, III часть Краткое изображеніе процессовъ, или судебныхъ тяжебъ.

обыкновеннымъ, письменнымъ производствомъ невозможно рѣшить, кто правъ, истецъ или отвѣтчикъ. Когда произошла эта реформа—неизвѣстно, потому что не было указа, которымъ бы словесное производство спорныхъ гражданскихъ дѣлъ велѣно было замѣнить письменнымъ. Первый поводъ ко введенію письменнаго производства въ гражданскій процессъ должно было, по всѣмъ вѣроятіямъ, подать учрежденіе для управленія губерній; ибо въ немъ или вовсе не говорится о формѣ, по которой должны быть судимы спорныя гражданскія дѣла (такъ въ статьяхъ объ уѣздномъ судѣ, городовомъ магистратѣ, и нижней расправѣ), или упоминается одно письменное производство. Особенно замѣчательно то, что о послѣднемъ упоминается только въ статьяхъ о судебныхъ мѣстахъ второй инстанціи, которыя, по главному своему назначенію, были суды ревизіонные, и именно въ отношеніи къ спорнымъ дѣламъ, судимымъ впервые (ст. 181, 323, 367). Можетъ быть, на основаніи этого мимоходнаго указанія и введено письменное судопроизводство въ гражданскихъ судахъ. Этому вѣроятно содѣйствовало и то, что словесное судопроизводство становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ (что доказывается рѣдкимъ употребленіемъ этой формы въ наше время) и не представляло важныхъ удобствъ, связанныхъ съ письменнымъ производствомъ. Словесное судопроизводство необходимо требовало личнаго присутствія тяжущихся, или ихъ повѣренныхъ, тамъ, гдѣ происходилъ судъ, а письменное судопроизводство этого вовсе не требовало. При томъ, послѣднее давало болѣе средствъ тяжущимся обдумать и правильно изложить свои доказательства и опроверженія, нежели словесное; случайныя обстоятельства (замѣшательство, робость, неожиданность, возраженія и т. п.) не имѣли почти никакого вліянія на хоть тяжбы въ письменномъ судопроизводствѣ, а въ словесномъ могли рѣшать окончательно судьбу процесса. Эти, а можетъ быть и другія причины, заставили судей и тяжущихся предпочесть письменное судопроизводство словесному, и ввели первое во всеобщее употребленіе. Но какъ форма суда не была отмѣнена указомъ, то и было предоставлено тяжущимся избирать ту или другую форму судопроизводства. Это положеніе, развившееся изъ обычая и судебной практики, перешло и въ Сводъ законовъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить, на основаніи форма суда получила въ законодательствѣ значеніе дополнит судопроизводства. Причины, которы дятся обыкновенно, недостаточны и держиваютъ критики. Многіе думаю форма суда даетъ тяжущимся такія с защиты, которыхъ не представляетъ и ное судопроизводство. Какія же имѣ должно забывать, что какъ обыкн гражданское судопроизводство, такъ суда, требуютъ, чтобъ въ дѣлахъ г скихъ доводы и опроверженія были на положительныхъ, формальныхъ дока ствахъ, ибо въ гражданскомъ судоп ствѣ улика не имѣетъ юридическо Итакъ, если улика—единственное защиты, котораго не даетъ письмен производство,—не имѣетъ никакого въ судѣ по формѣ, то какія же пре ства можетъ онъ имѣть, для тяж предъ письменнымъ судопроизводств рѣе, и съ большимъ основаніемъ мо мать, что письменное судопроизводст ставляетъ тяжущимся несравненно средствъ глубоко вникнуть въ сущест наго дѣла, и воспользоваться всѣмъ, жетъ только служить къ опроверже тивника и защищенію своего прав кажется, что образованіе изъ формы полнительной формы судопроизводств одно историческое основаніе, и мож объяснено не иначе какъ положеніе хомъ древняго судопроизводства, во времена Екатерины II, не сов исчезъ въ нашей судебной практикѣ дѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ одному и тому же дѣлу давался д Если по первому суду нельзя было дѣла, по недостатку доказательствъ, щимся снова давали судъ, и уже по шали дѣло, или на основаніи прив доказательствъ, или на основаніи Когда спорныя гражданскія дѣла ст водиться письменно, и въ граж процессѣ образовались двѣ различны коихъ взаимное отношеніе не был опредѣлено ни закономъ, ни прак къ этимъ формамъ легко могло быт жено прежнее правило, по которому одномъ и томъ же дѣлѣ, при недоста доказательствъ, давался два раза. А м менное судопроизводство сдѣлалось основною формою, то судъ по форм

рактикѣ мѣсто прежняго дополнитель-
суда, и сохранилъ это назначеніе и до
его времени. Это объясненіе, не будучи
вано ни на какихъ положительныхъ, исто-
скихъ данныхъ, есть не болѣе, какъ
предположеніе. Только разработка архи-
и старыхъ судебныхъ дѣлъ, относя-
ся къ этой эпохѣ, можетъ пролить свѣтъ
оселѣ загадочную исторію развитія на-
ъ процессуальныхъ формъ; ибо опредѣ-
е ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ боль-
или меньшая употребительность, нахо-
ясь въ большой зависимости отъ судеб-
практики, и почти исключительно на ней
ой и основывались.

I. Таможенные словесные суды. По
шнему русскому законодательству, тамо-
ный судъ былъ установленъ для споровъ
ду купцами, по дѣламъ, исключительно
жившимся къ купеческимъ оборотамъ, и
чался отъ обыкновеннаго гражданскаго
только тѣмъ, что во-1-хъ, производился
ѣе, съ меньшею формальностью; во-2-хъ,
скать по спорнымъ дѣламъ о займахъ,
жахъ и ссудахъ некрѣпостныя доказа-
ства, которыя, въ обыкновенномъ судѣ,
ались въ такихъ дѣлахъ недѣйствитель-
и, и въ 3-хъ, производился безпошлинно.
эти отступленія отъ обыкновеннаго судо-
изводства, очевидно, образовались вслѣд-
е приспособленія древняго суда къ дѣ-
ъ купеческимъ, которыя, по существу сво-
требовали скораго производства, не могли
строго формальны по быстротѣ, неожи-
юсти торговыхъ операцій, и началу взаим-
довѣрія, доброй совѣсти, необходимо
бладающему въ купеческихъ сдѣлкахъ.
ами 1701, 1703 и 1720 годовъ, Петръ
кій постановилъ „никому... ни какихъ
юстей и заемныхъ памятей и росписокъ
машнихъ писемъ... мимо учиненныхъ крѣ-
ныхъ и письчихъ избъ, также и бурми-
мъ въ таможенныхъ книгахъ никакихъ
долговыхъ денегъ вмѣсто крѣпостей, писать,
а у кого такія явятся, онымъ не вѣрить“ [1]).
Такимъ образомъ, всѣ некрѣпостныя денеж-
ныя сдѣлки и условія объявлены недѣйстви-
тельными передъ судомъ, и вслѣдствіе этого,
таможенный судъ долженъ былъ самъ собою
уничтожиться.

Отсюда произошло большое стѣсненіе ку-
ческихъ и торговыхъ оборотовъ. Часто
успѣхъ важной торговой операціи зависѣлъ
отъ одной минуты, послѣ которой сдѣлка не
могла уже принести никакой пользы; совер-
шить же ее въ одну минуту крѣпостнымъ
порядкомъ было невозможно. Съ признаніемъ
юридической недѣйствительности некрѣпост-
ныхъ денежныхъ обязательствъ, должны были
уничтожиться и договоры, основанные на
честномъ словѣ, составленные при свидѣте-
ляхъ, или за однимъ изустнымъ поручитель-
ствомъ, а чрезъ это подорвано взаимное до-
вѣріе—главный двигатель быстраго и успѣш-
наго хода торговли.

Такія послѣдствія юридической недѣйстви-
тельности некрѣпостныхъ обязательствъ по
торговлѣ, побудили сначала императрицу Ека-
терину I, по представленію главнаго маги-
страта, отмѣнить, въ отношеніи къ купече-
ству, общее постановленіе Петра Великаго
о заключеніи денежныхъ договоровъ и усло-
вій, и возстановить древній таможенный судъ.

Впослѣдствіи, въ царствованіе Петра II
(1727 года, 17 іюня (№ 5102) и императрицы
Екатерины II (1766 года, 10 августа (№ 12721);
указъ изъ главнаго магистрата, съ приложе-
ніемъ инструкціи словеснымъ судамъ), объ
этомъ судѣ изданы важныя постановленія,
давшія ему большую всеобщность и юриди-
ческую опредѣленность, и служащія глав-
нымъ основаніемъ теперешнихъ законополо-
женій о словесныхъ судахъ.

[1]) 1726 года, 1 февраля (№ 4828); сенатскій.

Положенія.

I. Устройство приказовъ основано на началѣ личнаго управленія.

II. Исторія русскаго судоустройства, до реформы Петра Великаго, представляетъ постепенное замѣненіе суда міркаго судомъ книжескимъ.

III. Цѣловальники древней Россіи суть происхожденія родоваго, патріархальнаго.

IV. Устройство писцовій имѣло, до Петра Великаго, политическое основаніе.

V. Свободное судебное представительство, по древнему русскому праву, почти исключительно основывалось на патріархальномъ, родовомъ и семейственномъ бытѣ.

VI. Иски вещные и личные не были строго различены въ Уложеніи.

VII. Установленіе строго крѣпостныхъ исковъ не принадлежитъ Петру Великому, а относится къ древнему русскому законодательству.

VIII. *Судъ* былъ основною, древнѣйшею формою обвинительнаго, гражданскаго судопроизводства.

IX. *Очныя ставки* были формою древняго уголовнаго процесса, но въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ имѣли характеръ обвинительнаго судопроизводства.

X. Судомъ судились дѣла вотчинныя и исковыя. Различіе между вотчиннымъ и исковымъ судопроизводствомъ, по древнему праву, не есть существенное.

XI. Въ Уложеніи смѣшаны два различныхъ вида вызова къ суду: *публичный* — по приставной памяти, и *частный* — по данной грамотѣ.

XII. Древній судъ [illegible]

XIII. Цѣловальный обыскъ былъ первоначально свидѣтельствомъ общины, міра, и только съ удаленіемъ общиннаго была основана на началахъ [illegible]

XIV. Въ Уложеніи [illegible] начало состяза [illegible] и обвинительное судопроизводство.

XV. По Уложенію, судъ [illegible] судахъ, есть принадлежность высшаго судебнаго мѣста такъ и два раза [illegible] тому же суду.

XVI. [illegible]

XVII. [illegible]

XVIII. [illegible]

XIX. Въ русскомъ законодательствѣ со Петра Великаго замѣтно постоянное стремленіе соединить въ однихъ судебныхъ присутственныхъ спорныя дѣла вотчинныя и исковыя.

XX. Отдѣльное судебное управленіе городскихъ сословій впервые введено Петромъ Великимъ.

XXI. При Екатеринѣ II, въ губернское устройство введены оба начала управленія: древнее—начало личнаго управленія и новое—коллегіальное.

XXII. Выборные члены областныхъ (губернскихъ и уѣздныхъ) судовъ, установленные Екатериною, суть древніе цѣловальники, юридически, не различные другъ отъ друга.

XXIII. По Учрежденію о губерніяхъ, различіе сословій играетъ весьма важную роль въ областномъ судоустройствѣ.

XXIV. Отдѣленіе суда уголовнаго отъ гражданскаго имѣетъ различныя основанія въ древнемъ и новомъ русскомъ законодательствѣ.

XXV. Совѣстный судъ, по Учрежденію о губерніяхъ, есть органъ естественной справедливости.

XXVI. Участіе сословій въ областномъ судопроизводствѣ есть главное юридическое основаніе учрежденія въ столицахъ надворныхъ судовъ.

XXVII. Должности прокурора и стряпчихъ, отличаются другъ отъ друга, однако имѣютъ юридическое основаніе.

XXVIII. Въ основаніе реформъ судебнаго устройства со временъ Петра Великаго легло стремленіе секуляризировать свѣтско-церковную, развившуюся въ древней Россіи.

XXIX. Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ о русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ временъ Петра Великаго есть судебная практика.

XXX. Подъ названіемъ *розыска*, Петръ I [illegible] не слѣдственное, а обвинительное [illegible] отличавшееся отъ суда одною [illegible]

XXXI. Изъ [illegible] *формы суда* Петръ Великій [illegible] древнее, гражданское судопроизводство.

XXXII. [illegible] древнему гражданскому суду [illegible] судебною практикою [illegible] обычаевъ.

XXXIII. [illegible] судопроизводство [illegible] потребностей времени [illegible] положительнаго закона.

[illegible] К. Рѣзкина. 1842. т. II.

РЕЦЕНЗІИ И ЗАМѢТКИ.

Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до ложенія 1649 года *Сем. И. Михайлова. Спб. 1848 г.*

рія русскаго гражданскаго судопроиз- особенно древняго, обработана тща- всѣхъ прочихъ сторонъ исторіи рус- законодательства. Въ изслѣдованіяхъ Рейца, Неймана, въ многочисленныхъ дѣпяхъ и сочиненіяхъ о „Русской ", въ статьѣ г. Калачова о „Судеб- арина Грознаго", гражданское судопро- во не однажды было предметомъ тру- ыхъ и дѣльныхъ обслѣдованій. Этого му посвящены даже отдѣльныя моно- —мое сочиненіе о русскомъ судоустрой- гражданскомъ судопроизводствѣ отъ я до учрежденія губерній импера- Екатерины II; изслѣдованіе поковнаго на о древнемъ судопроизводствѣ въ преимущественно новгородскомъ. Тре- я г. Михайлова увеличиваетъ собою суждений и изслѣдованій объ этомъ тѣ — и, къ чести автора должно ска- е однимъ только новымъ заглавіемъ книги. Г. Михайловъ знаетъ предметъ, ъ его основательно, по источникамъ; его вообще вѣренъ, точка отправле- торическая; словомъ, онъ соединяетъ всѣ главныя условія, необходимыя го, чтобы изъ-подъ его пера вышло изложеніе одного изъ самыхъ любо- предметовъ въ исторіи русскаго за- нодательства. Мы, по крайней мѣрѣ, на- что книга г. Михайлова имѣетъ не стоинства диссертаціи; какъ ученый она представляетъ многія хорошія сто- которыя упрочиваютъ ея дальнѣйшее вованіе въ русской историко-юридиче- литературѣ: и отличаютъ ее отъ множе- другихъ эфемерныхъ статей и книжекъ, дихся въ свѣтъ тоже подъ фирмой дис- ціи на ученую степень.

Книжка г. Михайлова состоитъ изъ двухъ частей. Первая представляетъ очеркъ историческаго образованія и развитія русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія и по Уложенію; вторая — такой же исторический очеркъ составныхъ частей гражданскаго судопроизводства въ отдѣльности. По самому объему разсужденія (151 страница, in 8°), въ немъ нельзя искать ни критическихъ розысканій, ни подробнаго изслѣдованія и изложенія такого многосложнаго и вмѣстѣ труднаго предмета. Но ни одно изъ прежнихъ сочиненій по этой части не даетъ такого цѣльнаго, связнаго обозрѣнія его исторіи до Уложенія, какъ диссертація г. Михайлова. Это заслуга, и немаловажная. Признаемся, мы не знаемъ, почему авторъ повидимому не удовлетворяется этимъ и, составляя книгу, какъ будто мѣтитъ на что-то другое.

„Наша юридическая литература"—говоритъ онъ во введеніи—„не имѣла еще сочиненія, въ которомъ бы исторія нашего древняго судопроизводства была изложена въ истинно-историческомъ духѣ. Въ наше время отъ историка мы требуемъ не только изложенія фактовъ въ ихъ исторической послѣдовательности, но имѣемъ съ тѣмъ и преимущественно историческаго взгляда на предметъ. Для любознательнаго духа мало о времени, мало сухаго чтенія фактовъ, мало знать что было, онъ хочетъ знать почему было такъ, а не иначе. Поэтому не поверхностнаго взгляда, но только глубокое, всестороннее познаніе предмета, основанное на изслѣдованіи его сущности, свойствъ внутреннихъ и отношеній внѣшнихъ, удовлетворяетъ требованіямъ нашего времени. До сихъ поръ, по отношенію къ предмету настоящаго сочиненія, весьма мало было обращено вниманія на это существенное условіе историческихъ сочиненій. Ученый историческаго труда взялъ нерѣдко одинъ фактъ, изложенный въ послѣдовательности времени, иногда же одинъ взглядъ, болѣе или менѣе отвлеченный, оставляющимъ въ сторонѣ самые факты. Отъ этого происходило то, что исторія-

ческій трудъ представлялъ собою или одни факты, не разъясненные взглядомъ, или напротивъ былъ отвлеченнымъ воззрѣніемъ, не имѣвшимъ положительнаго основанія, потому что основаніемъ его былъ субъективный взглядъ автора, а не самые факты. Избѣжать того и другаго недостатка, по нашему мнѣнію, возможно только тогда, когда въ изложеніи будетъ отдѣлено историческое обозрѣніе фактовъ, ихъ связи причинъ и слѣдствій, отъ историко-философскаго взгляда на тѣ же самые факты. Подобнаго рода сочиненіе должно заключать въ себѣ, съ одной стороны, массу фактовъ, матеріаловъ собранныхъ и подвергнутыхъ критическому разбору, въ отношеніи ихъ содержанія и съ другой стороны ученый взглядъ данной эпохи каждому факту. Каждое явленіе выражаетъ въ себѣ свое внутреннее начало, раскрыть это начало, дать ему значеніе въ ряду другихъ явленій, есть цѣль такого взгляда. Когда взглядъ будетъ слѣдствіемъ анализа фактовъ, а факты будутъ подтвержденіемъ взгляда, тогда сочиненіе сохранитъ свою пользу даже и въ томъ случаѣ, когда бы факты были поняты не въ настоящемъ ихъ значеніи, потому что хотя взглядъ представленъ въ этомъ случаѣ ложнымъ, обнаруживаетъ сторону предмета, но факты всегда останутся вѣрны самимъ себѣ и заблужденіе автора наведетъ на истину того, чей взглядъ проницательнѣе и чей научный тактъ вѣрнѣе" (стр. 7 и 8).

Все это совершенно справедливо и основательно. Но спрашивается: восполняетъ ли книжка г. Михайлова пробѣлъ, указанный имъ въ нашей юридической литературѣ? Исправляетъ ли она обнаруженные имъ, существенные недостатки того, что уже сдѣлано? Мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Сочиненіе г. Михайлова далеко не критическое изслѣдованіе: оно и не историко-философское построеніе избраннаго предмета. Мы сказали, что это весьма хорошо составленный очеркъ, но не болѣе, и конечно всякій, кто прочтетъ эту книгу, согласится съ нами. Настоваемъ на этомъ, чтобъ предупредить слишкомъ строгія сужденія и требовательность читателей и критиковъ, чему слова самого автора могутъ подать поводъ. Составляя свою программу, авторъ конечно имѣлъ въ виду будущія работы по этой части, а не свою диссертацію. Взглянемъ теперь на ея содержаніе.

Авторъ разсматриваетъ сначала развитіе нашего гражданскаго судопроизводства вообще, отъ древнѣйшихъ временъ до Уложенія, и показываетъ, какимъ образомъ первоначальная семейная расправа главы семейства малопомалу измѣнялась въ древнѣйшемъ обращеніи быть въ періодъ господства варяговъ, по „Русской Правдѣ" во время удѣловъ, и потомъ при единодержавіи московскихъ царей, въ общихъ Судебникамъ, послѣдующихъ за ними законамъ, конецъ въ Уложеніи получила [illegible] видъ и окончилась на степени [illegible] дробно опредѣленной и развитой [illegible] гражданскаго процесса. Эта часть [illegible] намъ весьма интересной и во многихъ [illegible] шеніяхъ полной, удовлетворительной. Мы встрѣчаемъ здѣсь счастливыя мысли и новыя гипотезы. Въ особенности [illegible] пытнымъ показалось намъ объясненіе [illegible] шенія между туземнымъ-славянскимъ [illegible] лымъ варяжскимъ или германскимъ [illegible] тами въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. М[illegible]

„Князья вносятъ съ собою въ [illegible] ихъ общественный бытъ новый элементъ [illegible] Съ ними является новая система управленія, [illegible] учрежденія и обычаи, новое начало въ [illegible] и расправѣ. Если то состояніе племенъ [illegible] ражать лѣтописецъ словами „не бысть [illegible] и всякъ родъ на родъ и была въ нихъ усобица [illegible] было существенною причиною призванія [illegible] безъ сомнѣнія первая дѣятельность ихъ [illegible] на возстановленіе тишины, внутренняго порядка [illegible] жденія правды. Но, какимъ образомъ [illegible] полнить эту высокую, священную обязанность [illegible] нечно, введеніемъ въ жизнь племенъ, [illegible] ихъ систему расправы и суда, законовъ [illegible] обычаевъ германскихъ, которыя они [illegible] имѣютъ и которыя по ихъ убѣжденію [illegible] наилучшими, наисправедливѣйшими. Князь [illegible] всего замѣтивъ, что междоусобія [illegible] возникали изъ обычая мести, получившаго [illegible] и значеніе и не имѣя возможности [illegible] обычай, хотѣли обуздать его по крайней [illegible] нѣкоторыхъ случаевъ въ которыхъ [illegible] могла быть употреблена. При этомъ случаѣ [illegible] ственнѣе было то что князья опредѣляли [illegible] ному такъ какъ это было у германскихъ [illegible] манскихъ народовъ, право личной мести [illegible] чено тѣмъ, что оно составляло особое [illegible] только свободныхъ, принадлежало только [illegible] и его родственникамъ и было ему [illegible] тяжкихъ обидахъ, такъ точно это [illegible] принадлежало въ Руси только время [illegible] бывшей Руси мѣрой, для ограниченія [illegible] ленныхъ [illegible] было учрежденіе [illegible] ныхъ вмѣсто [illegible] [illegible] [illegible]

...ніи. Подобнымъ образомъ отвѣчали хо-
...ихъ слугъ и господа за своихъ рабовъ,
...ей свободнаго состоянія люди находи-
...ствѣ Freeburgh, согласясь взаимно отвѣ-
...дение и безопасность своихъ согласно
...ленныя въ „Русской Правдѣ“ за разныя
...съ тѣхъ нѣдоимокъ (?), гдѣ они учинены
...рушители имѣли мѣстожительства, должно
...ть, какъ это замѣтилъ г. Куницынъ, въ
...ждений для сохраненія мира и взаимной
...ей свободныхъ. Съ нашей стороны,
...ъ это мнѣніе, однако не раздѣляемъ его
...нымъ полно: намъ кажется естествен-
...е искать начало этого учрежденія въ тѣхъ
...нихъ этому времени общинахъ, о кото-
...помянули выше, потому что сущность об-
...мы показали то, и состояла въ этой
...щитѣ. Такимъ образомъ, мы полагаемъ,
...ставши и учась это учреждение сходное
...мъ, но застали въ такомъ ослабленіи, въ
...хъ, что они должны были снова и вполнѣ
...что, и при этомъ возстановленіи суще-
...ленія остались та же, но количество, мѣра,
...взыскания и лица, подлежащія ему, ко-
...опредѣлены княземъ тождественно съ
...обычаями и законами“ (стр. 20—22).

...ѣе высказана эта мысль въ слѣ-
...словахъ:

...мо того, въ какой степени и въ какомъ
...элементы славянскій и германскій отра-
...„Русской Правдѣ“, наше мнѣніе есть слѣ-
...дующее: первыхъ князей было преимуще-
...ственно на водвореніе повсемѣстной, общей
...имъ объясняется то обстоятельство, что
...ихъ опредѣленія вирь, дѣйствія частной
...мести ея, они не обращали особеннаго
...на внутренній бытъ возстановленныхъ ими
...въ частности на самый обычай суда и рас-
...пая вниманіе на судъ, какъ на одинъ изъ
...дохода, они поставляли при судѣ своихъ
...роковъ, вирниковъ, для сбора пошлинъ су-
...дное же производство разбора и отысканія
...спорамъ дѣлъ предоставляли усмотрѣнію
...сти самихъ частныхъ лицъ. Такимъ обра-
...е германскаго элемента необходимо должно
...ражаться въ судоустройствѣ, чѣмъ въ са-
...производствѣ“ (стр. 26 и 28).

...мы можемъ припомнить, загадоч-
...ченіе двухъ элементовъ нигдѣ еще
...объяснимо такимъ образомъ. Во
...лучаѣ, мысль, здѣсь высказанная,
...быть весьма обильна результатами
...ченія и ученой обработкѣ древнѣй-
...ской исторіи и должна повести къ
...новымъ, неожиданнымъ объясненіямъ
...ей сторонѣ и доселѣ неразрѣши-
...тиворѣчій.

...ъ согласиться со всѣмъ, что го-
...ворить въ этой первой части. Такъ
...онъ объясняетъ различіе новгородскаго су-
...допроизводства отъ гражданскаго процесса
...въ остальныхъ частяхъ Россіи вліяніемъ гер-
...манскаго элемента, который будто бы укрѣ-
...пился въ Новгородѣ вслѣдствіе постоянныхъ
...и частыхъ торговыхъ сношеній съ Ганзою.
...На чемъ основано это объясненіе? Гдѣ факты?
...Мысль о вліяніи заимствованныхъ, въ такую
...отдаленную эпоху исторіи не новая и вы-
...звала столько сомнѣній и возраженій, особ-
...ливо въ послѣднее время, что автору слѣдо-
...вало бы по крайней мѣрѣ подтвердить ее
...хотъ нѣсколькими доказательствами, а не вы-
...сказывать въ видѣ всѣмъ извѣстной и без-
...спорной исторической истины. Чѣмъ болѣе
...мы вникаемъ въ нашу старину, тѣмъ болѣе
...невѣроятной становится гипотеза о заимство-
...ваніи новгородцами своихъ учрежденій отъ
...германцевъ. Взгляните только на древнѣй-
...шіе памятники различныхъ славянскихъ за-
...конодательствъ, даже на теперешній бытъ
...нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, остав-
...шихся на первоначальной степени развитія,
...—и вы увидите между этими законодатель-
...ствами, этимъ бытомъ и древнѣйшимъ нов-
...городскимъ устройствомъ такое разительное
...сходство, что невольно посмотришь на пред-
...метъ совсѣмъ съ другой стороны. Скажемъ
...болѣе: столкновенія славянъ съ германцами,
...въ древнія времена, не только не подавали
...повода къ вліянію послѣднихъ на первыхъ:
...напротивъ, они только рѣзче, выпуклѣе раз-
...вили національныя особенности и учрежде-
...нія славянъ, разумѣется покуда переселенія,
...завоеванія германцевъ, наконецъ истребле-
...ніе всего или части славянскаго народона-
...селенія и замѣна его германскимъ не внесли
...въ жизнь новыхъ матеріальныхъ данныхъ.
...Примѣры не далеки. Древнѣйшія польскія и
...чешскія учрежденія гораздо опредѣленнѣе,
...точнѣе, гораздо болѣе развиты юридически,
...чѣмъ древнѣйшія русскія, а между русскими
...новгородскія и псковскія гораздо болѣе, чѣмъ
...остальныя. Это явленіе столько же понятно
...и естественно, какъ непонятно и неестес-
...твенно вліяніе, въ отдаленныя времена,
...когда національности сознавались рѣзче, бо-
...лѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ впослѣдствіи,
...и когда не было еще общей для европей-
...скихъ народовъ образованности.

...Это не все, съ чѣмъ мы не можемъ согла-
...ситься съ г. Михайловымъ, или что нахо-
...димъ неудовлетворительнымъ въ первой ча-
...сти его ученаго труда. Есть и многое дру-

рое сомнительное и даже, по нашему крайнему разумѣнію, невѣрное. Указаніе и опроверженіе всего такого завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы ограничимся нѣсколькими указаніями на особенно важное.

Авторъ весьма ясно показываетъ постепенныя измѣненія и переходы домашней расправы въ общинный судъ, роль, которую игралъ германскій элементъ въ развитіи судопроизводства (что мы видѣли выше), значеніе къ этомъ отношеніи „Русской Правды" и жалованныхъ, уставныхъ судебныхъ грамотъ въ періодъ удѣловъ. Не такъ внимательно прослѣдилъ онъ, какъ намъ кажется, исторію судопроизводства въ періодъ единодержавія московскихъ царей до половины XVII вѣка. Но крайней мѣрѣ изложеніе слабѣй и какъ-то стерто. А между тѣмъ, безспорно, это самая важная и практически самая главная половина первой части разсужденія г. Михайлова. Откуда могъ произойти этотъ недостатокъ? Мы думаемъ, что авторъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на административную, государственную сторону судопроизводства въ этотъ періодъ времени и слишкомъ исключительно, отчасти односторонне, вникалъ въ одну юридическую часть предмета, тогда какъ съ половины XV до половины XVII вѣка административный элементъ играетъ самую существенную, первую роль въ развитіи судопроизводства. Основатели Московскаго государства, Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный, ученикъ и преемникъ послѣдняго — Годуновъ, наконецъ новая династія Романовыхъ, которымъ предстояло трудное дѣло возстановить и утвердить Россію, глубоко потрясенную предшествовавшими смутами, — могли ли они смотрѣть на судопроизводство иначе, какъ преимущественно съ политической точки зрѣнія? Тоже повторилось и послѣ нихъ: преобразованія Петра Великаго въ судопроизводствѣ были программой, указаніемъ для того, что должно было развиться и юридически опредѣлиться позднѣй, какъ и сдѣлалось на самомъ дѣлѣ и теперь дѣлается. Юридическаго характера реформы Петра въ судопроизводствѣ не имѣли, какъ вообще все то, что имъ сдѣлано въ отношеніи къ гражданскому праву. Вотъ что г. Михайловъ опустилъ изъ виду. Существенныя преобразованія Іоанна Грознаго въ судопроизводствѣ и особливо въ судоустройствѣ у него означены, но такъ въ тѣни, что, не зная дѣла, подумаешь, будто особенно важнаго въ это время ничего не произошло, какъ законоположенія Грознаго составляютъ въ исторіи нашего судопроизводства эпоху и эпоху весьма блистательную. Онъ далъ въ самомъ основаніи систему и нанесъ такіе сильные удары характеру судопроизводства, что с времени оно стало болѣе и болѣе пятиться на степень отрасли государственнаго управленія, пріобрѣтать начала и частнаго произвола, изъ котораго не могло выбиться. За то съ его оно никогда уже не возвращалось нее положеніе, хотя преемники его вали другими путями и употребляли средства. Г. Михайловъ оцѣнилъ и лилъ весьма правильно значеніе Судебника въ отношеніи къ судопроизводству ріи русскаго законодательства. Поэтому ему оставалось только сгруппировать дательныя распоряженія Грознаго о изводствѣ и судоустройствѣ, чтобы щая цѣль, значеніе въ исторіи и тельность въ развитіи судопроизв это время обнаружились сами собо этого не сдѣлалъ, и потому говорит метѣ въ слишкомъ общихъ, неопредѣ выраженіяхъ.

Изъ этого же недостатка объясня чему г. Михайловъ ничего не говори чинахъ и ходѣ постепеннаго отдѣле данскаго судопроизводства отъ уст Заключившись въ тѣсныхъ рамка предмета, онъ и не могъ ничего ска этихъ причинахъ и этомъ ходѣ вопросъ въ только что возникающ дарствахъ есть по преимуществу ский, тѣсно связанный съ самымъ шемъ и установленіемъ государств и гораздо послѣ, отдѣленіе этихъ двух судопроизводства формулируется т ски, становится предметомъ умозр опредѣленія и разграниченія: сначала леніе происходитъ вслѣдствіе админи ныхъ и государственныхъ потребн нѣтъ возможности объяснить дѣла нибудь общими началами. Такъ было. Еще по Уложенію, татьбы и с ству судились и уголовнымъ и граж порядкомъ, смотря по дѣлу и по убійцѣ. Какъ же тутъ примѣнить будь общее начало? Но когда мы по что первые зачатки особеннаго у судопроизводства появляются въ ро

бойниковъ и убійцъ, которые про-
тимъ дѣломъ и обратили на себя
внимание правительства уже въ
го всѣ эти странности, непослѣ-
ость и неправильности въ сужденіи
овнымъ порядкомъ или судомъ объ-
летко сами собою. А ключъ къ
другимъ подобнымъ явленіямъ въ
русскаго судопроизводства съ уста-
единодержавія скрывается въ тре-
и направленіи тогдашнея админи-
развитіи Московскаго государства.
ромѣ этихъ недостатковъ и другія
кости и противорѣчія. Въ двухъ
своей книги (стр. 29 и 38) г. Ми-
оворитъ, что „Судебникъ" въ отно-
мѣстнымъ законамъ былъ общимъ
ельнымъ закономъ. Собственно объ
раженіи нельзя было бы спорить:
частный, мѣстный, особенный за-
яетъ дѣйствіе общихъ законовъ въ
къ тому предмету, для котораго
ъ, такъ что въ этомъ данномъ слу-
законъ является вспомогательнымъ,
имъ. Но все дѣло въ томъ, какъ
на отношеніе мѣстныхъ законовъ
во времена Судебниковъ? Состав-
мѣстные законы правило, а Судеб-
ключеніе изъ него и только тамъ
ть, гдѣ не было мѣстныхъ зако-
наоборотъ, мѣстные законы были
ей, льготой, исключеніемъ изъ об-
на, изложеннаго въ Судебникахъ?
ть, что послѣднее, если не по факту,
зительности, то по намѣренію и
о законодателей гораздо вѣроятнѣе,
полагаемъ, что считать Судебники
ельнымъ закономъ, вообще говоря,
отрицая, впрочемъ, что въ тѣхъ
льныхъ случаяхъ, гдѣ были осо-
стные законы, Судебники не имѣли
общаго, непремѣннаго закона и ни-
ъ разрядъ вспомогательныхъ по-
й, подобно нѣкоторымъ другимъ,
шимъ въ это время и позднѣе въ
стр. 32, г. Михайловъ говоритъ,
ъ изъ результатовъ уставныхъ и
рамотъ, появившихся въ періодъ
была „замѣна прежняго словеснаго
водства письменными формами".
еніе не точно. Судъ, судоговореніе
словеснымъ до преобразованія
никаго; да и онъ послѣ возстано-
ное судопроизводство указомъ о
формѣ суда, такъ что окончательное измѣ-
неніе словеснаго судопроизводства относится
къ позднѣйшему времени, хотя и нельзя опре-
дѣлить года, когда именно это сдѣлалось,
ибо нѣтъ на то прямого указа. Но пока удер-
жалось судоговореніе, судъ въ древнемъ, тех-
ническомъ значеніи этого слова, нельзя утвер-
ждать, что судопроизводство стало письмен-
нымъ: составленіе суднаго списка, вызовъ
отвѣтчика и другія дѣйствія, такъ сказать,
административныя принадлежности суда могли
стать письменными и весьма рано; но отсю-
да, до обращенія судопроизводства въ письмен-
ное — разстояніе еще велико. Наконецъ,
авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, приписы-
вая, на стр. 33, утвержденіе въ нашемъ су-
допроизводствѣ судебныхъ поединковъ влія-
нію германскаго права, тогда какъ на стр. 19,
онъ весьма основательно выводитъ самосудъ,
самоуправство изъ естественнаго хода раз-
витія древнѣйшаго патріархальнаго общества,
а на стр. 140, самъ признаетъ самоуправ-
ство и самосудъ первообразомъ и основнымъ
началомъ судебныхъ поединковъ. „Что ка-
сается до поединковъ въ значеніи способовъ
рѣшенія дѣла,—говоритъ онъ,—то они должны
быть отнесены по началу своему къ древ-
нѣйшимъ временамъ самоуправства и само-
суда. Впослѣдствіи общественная власть,
прекращая самоуправство и самосудъ, не
могла искоренить обычая частной мести, и
замѣнила обычай самоуправства болѣе пра-
вильною формою судебныхъ поединковъ".

Пропуская нѣкоторыя другія неточности и
можетъ быть неправильности, перейдемъ ко
второй части, посвященной историческому
обозрѣнію составныхъ частей гражданскаго
судопроизводства въ отдѣльности. Эта часть
слабѣе первой. Мы находимъ ее слабѣе пер-
вой потому, что она неполна какъ собраніе
фактовъ, да и какъ ихъ обозрѣніе неудовле-
творительна. Чего мы вправѣ требовать отъ
обозрѣнія? Очерка главныхъ, существенныхъ
сторонъ предмета. Если вы избираете сво-
имъ предметомъ историческое образованіе
юридическаго учрежденія, изложите его такъ,
чтобы главныя измѣненія его и причины
этихъ измѣненій были ясно обозначены. Тѣмъ
болѣе это необходимо, когда предметъ слож-
ный, и перемѣны, уничтожая или ослабляя
одно, выводятъ и развиваютъ другое, какъ
бы указывая этимъ на связь и взаимное от-
ношеніе различныхъ частей одного и того
же цѣлаго. Находимъ ли мы такого рода из-

ложеніе во второй части диссертаціи г. Михайлова? Нѣтъ, не находимъ. Здѣсь говорится въ отдѣльности о подсудности, тяжущихся сторонахъ, началѣ иска, вызовѣ къ суду и судоговоренію, судебныхъ доказательствахъ, рѣшеніи и исполненіи судебныхъ рѣшеній. Каждая изъ этихъ частей разсмотрѣна исторически; то, что авторъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ хорошо и основательно. Но онъ сдѣлалъ мало, и не то, что слѣдовало. Историческій перечень фактовъ, расположенныхъ по извѣстной системѣ, впрочемъ не полный перечень, во всякомъ случаѣ не можетъ замѣнить того, что только и могло дать сочиненіе такого малаго объема, не замѣнитъ обозрѣнія главныхъ началъ предмета и ихъ развитія во взаимномъ отношеніи другъ къ другу. Чтобы доказать справедливость нашихъ словъ, приведемъ нѣсколько фактовъ.

Какъ относились между собою различныя судебныя доказательства въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ, какъ они появлялись и исчезали, иногда смѣняя собою другъ друга, и почему это происходило въ извѣстномъ порядкѣ? Вотъ, конечно, самые важные и самые любопытные вопросы въ предметѣ, избранномъ авторомъ. Съ разрѣшеніемъ ихъ половина задачи рѣшена и предметъ необходимо выяснится. Къ сожалѣнію, именно этого-то разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ мы и не находимъ у г. Михайлова. Правда, есть намеки, есть мимоходныя замѣтки, но авторъ ими не воспользовался, а главное—онъ и ихъ не изложилъ такъ, чтобы они выдавались рѣзко и выпукло. Оттого пятая глава второй части (о судебныхъ доказательствахъ), самая важная по предмету, какъ-то безцвѣтна и не даетъ никакихъ результатовъ, не оставляетъ по себѣ ничего, послѣ внимательнаго чтенія. Объ историческомъ значеніи и происхожденіи различныхъ судебныхъ доказательствъ ничего не сказано. Мы думали найдти въ статьѣ о повальномъ обыскѣ что-нибудь, и не нашли ничего, кромѣ сухого разсказа фактовъ. А исторія повальнаго обыска сама по себѣ уже могла бы составить интересную монографію; объясненіе причинъ, почему обыскъ современемъ измѣнился, и очень послѣдовательно, дало бы множество важныхъ результатовъ для исторіи всего гражданскаго судопроизводства. Испытаніе желѣзомъ и водой, подобно поединкамъ, не знаемъ хорошенько почему, признается авторомъ за германское учрежде-

ніе или обычай, перешедшій къ нам
какъ достовѣрно извѣстно, что испыт
той изстари существовало у чеховъ
судебныхъ поединковъ—какая интер
поучительная часть исторіи русскаг
производства! Какъ же она изложена
какъ-будто сами просятъ, чтобы на
ратили вниманіе. Напримѣръ, это
ное ограниченіе, отмѣненіе судеб
единковъ, очевидное недовѣріе закон
ства къ ихъ приговору, чисто слав
у автора все это какъ-то сглажено
мѣтно. Кто, не занимаясь самъ пред
подумаетъ, прочитавъ диссертацію г.
лова, что дополнительныя статьи къ
нику, изданныя въ 1556 году, отмѣня
или судебные поединки, и замѣняют
гими, болѣе раціональными доказател
Потомъ, почему, спрашивается, оста
нѣйшаго, жрѣческаго языческаго с
подства—испытаніе желѣзомъ и в
дебные поединки, изложены послѣ в
тихъ доказательствъ, а не прежде
мени эти формы суда были первы
чала онѣ не были доказательствами
судами Божьими. Замѣтимъ, что нел
не упомянуть даже жребій, которы
тельно рѣшалъ дѣла между русски
странцами еще въ XVI вѣкѣ. Исто
сами тоже любопытная и важная часть
гражданскаго судопроизводства; но и
воспользовался авторъ какъ и многи
Говоря о судебныхъ пошлинахъ г.
ловъ силится доказать, что онѣ в
носятся къ исторіи судопроизводст
части мы съ этимъ согласны, но не
Дѣйствительно, судебныя пошлины, к
лись источниковъ доходовъ, относятс
ри нашихъ древнихъ финансовъ
имѣютъ и другую сторону, котор
относится къ исторіи судопроиз
именно ихъ виды и подраздѣленія
ленные древнимъ судопроизводст
томъ мы знаемъ, что судебныя по
ставляли доходъ судей, и только
ствіи, мало-по-малу, сдѣлались до
государевой казны. Это измѣненіе
и назначенія судебныхъ пошлинъ
нечно принадлежитъ къ исторіи с
водства, ибо прибавляетъ новую
историческому значенію и характер
разныя эпохи. Наконецъ, дошед
что говорить о судебныхъ пошли
изложеніи судопроизводства не сл

ки по процессу – провѣсти и во-
вѣръ, разныя судебныя пени
ника по тяжбѣ, ѣздъ и хо-
, почему же онѣ не изложены?
есть неправильности. Вотъ нѣ-
тр. 65, авторъ говоритъ: „Въ
стахъ, напримѣръ, во Псковѣ,
ялъ какія именно лица могутъ
ренныхъ, и затѣмъ запрещалъ
ылать ихъ, а обязывалъ тя-
Такъ въ Псковской Судебной
имъ: „А на судъ помочью не
въ судебницу дѣема сутяжни-
бниковъ бы не было ни съ
, опричь жонки, или за дѣ-
черньца, или за черницу, или
вкъ старь вельми, или глухъ,
пособнику быти". Тутъ рѣчь
ѣменныхъ, которыхъ тяжущійся
то себя на судъ, а о тѣхъ ли-
приходили на судъ вмѣстѣ съ
тобъ помогать, пособлять
ъ справедливость своего дѣла.
и до сихъ поръ сохранился во
хъ, въ деревняхъ, гдѣ нерѣдко
приходитъ съ тяжущимися нѣ-
ъ крестьянъ; они не замѣшаны
но не касается до нихъ; они
ъ, по дружбѣ, или по родству
и отвѣтчикомъ, или просто, безъ
тельной причины: принимаютъ
удѣ, поправляютъ тяжебщика,
ва него, хотя бы иной и самъ
нихъ объяснить, въ чемъ дѣло.
ть безпорядокъ, впаденье въ
непрестанное перекрещиванье
урядица на судѣ такъ же не-
ъ, какъ и четыреста лѣтъ тому
непріятны. Онъ и теперь отсы-
этихъ лишнихъ и ненужныхъ
горлановъ, какъ о томъ же оза-
е время законъ во Псковѣ, до-
шеніе на судъ помощниковъ и
олько въ тѣхъ случаяхъ, когда
чему либо самъ не могъ защи-
но. Между такими пособниками
я большая разница. Характеръ
оты тоже невполнѣ опредѣлилъ
. Можетъ быть она и „имѣла
е почетнаго вызова" (стр. 79),
это такъ вездѣ и всегда было.
о вѣроятнѣе, что вызовъ зазы-
быть такой же вызовъ, какъ и
, но отличавшійся отъ нихъ на-
званіемъ по мѣстности, или, и безъ всякой причины, по однимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Но въ Уложеніи зазывной грамотой называется актъ, которымъ вызывали къ суду въ Москву отвѣтчика, живущаго внѣ круга, непосредственно подсуднаго московскимъ приказамъ. Эти зазывныя грамоты отвозились на мѣсто, кажется, самимъ истцомъ или кѣмъ-либо по его распоряженію, тогда какъ въ территоріи, непосредственно подсудной московскимъ судьямъ, вызовъ совершался посредствомъ прикальнаго пристава, для чего выдавалась ему приставная память. Изъ другихъ невѣрностей укажемъ еще только на то, что авторъ говоритъ о вотчинномъ приказѣ, никогда не существовавшемъ (стр. 56).

Несмотря на эти недостатки и вторая часть, вообще, имѣетъ свои хорошія стороны. Во-первыхъ, авторъ воспользовался богатыми матеріалами, напечатанными Археографической коммиссіей. Уже это одно придаетъ его книгѣ большую цѣну. Кромѣ того здѣсь, какъ и въ первой части, мы находимъ удачныя и вѣрныя замѣчанія, которыя, если память насъ не обманываетъ, еще никѣмъ не были сдѣланы печатно. Такъ напримѣръ, г. Михаиловъ указываетъ на двоякое значеніе пристава и дьяка. „Обязанность пристава, въ прежнія времена говоритъ онъ—не ограничивалась только доставленіемъ къ суду отвѣтчика. Они были закономъ назначенные защитники и ходатаи по дѣламъ" (стр. 76). „При воеводѣ—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—былъ дьякъ, и хотя обыкновенно его сравниваютъ по значенію съ нынѣшнимъ секретаремъ, однако въ судебномъ отношеніи онъ имѣлъ большее значеніе. Такъ въ грамотахъ часто встрѣчаются выраженія: воевода да дьякъ слушали, приговорили, велѣли дать правую грамоту, обвинили, или оправили—которыя указываютъ на то, что дьякъ имѣлъ участіе въ самомъ сужденіи и рѣшеніи дѣла; также встрѣчается ясное предписаніе воеводѣ объ этомъ предметѣ: всякія дѣла судить и рѣшать (ему воеводѣ) съ подъячимъ, а одному никакихъ дѣлъ не судить" (стр. 58, 59). Жаль только, что авторъ не объясняетъ, почему дьяки и подъячіе получили такое значеніе, и что у него ничего не сказано о различіи, въ отношеніи къ судопроизводству, большого кормленія съ боярскимъ судомъ и малаго кормленія безъ боярскаго суда,—различіи, которому въ послѣдствіи вполнѣ соотвѣтствовало различіе власти воеводъ въ сужденіи и

рѣшеній дѣлъ, смотря потому, былъ ли при нихъ дьякъ, или не былъ. Такъ же удачно обозначеніе суда двѣнадцати мужей, о которомъ упоминается въ „Русской Правдѣ".

„Судъ 12 выборныхъ, какъ первое судебное учрежденіе, мы объясняемъ тѣмъ, что по многочисленности членовъ рода, обсужденіе каждаго дѣла всѣми или главными изъ нихъ было затруднительно: необходимо было предоставить разборъ дѣла нѣкоторымъ немногимъ членамъ рода, наиболѣе опытнымъ; отсюда произошелъ обычай избирать такихъ, и имъ въ особенности поручать разборъ дѣла. Княжескій судъ былъ послѣднимъ средствомъ защиты. Дѣла первоначально не различались по содержанію, но судились и разбирались отдѣльно, всѣ были *такъ сказать подсудны* суду 12 выборныхъ. Этотъ судъ составлялъ какъ бы средину между мировымъ семейнымъ разборомъ и судомъ князя, выше его былъ судъ князя, ниже судъ главы семьи" (стр. 46).

Сверхъ того, само изложеніе основательно, дѣльно и добросовѣстно. Нигдѣ не проглядываетъ желаніе натянуть факты по извѣстной готовой мысли, истолковать ихъ какъ-нибудь хитро и замысловато. Ошибки автора именно поэтому не вредятъ цѣлой книгѣ.

Въ концѣ диссертаціи отпечатаны положенія, въ числѣ двадцати шести. Они заимствованы изъ самого разсужденія, и потому мы не считаемъ нужнымъ долѣе на нихъ останавливаться. Мимоходомъ замѣтимъ только, что въ 25-мъ тезисѣ авторъ ошибочно признаетъ тождественность рѣшенія и правой грамоты. Они не одно и то же. [illegible] есть только приговоръ, правая же [illegible] кѣтъ, которымъ удостовѣрялось, что [illegible] ное дѣло было судимо и рѣшено въ [illegible] такого-то лица. Это лицо и получало [illegible] дей правую грамоту. Она заключала [illegible] не одно рѣшеніе, но имѣетъ и [illegible] дѣли, доказательствъ и оправданія [illegible] тяжущихся сторонъ. Древнѣйшія [illegible] моты очевидно были копіи съ судо[illegible] ковъ, къ которымъ присоединялся [illegible] ніи приговоръ.

Вотъ все главное, существенное [illegible] имѣли сказать о трудѣ г. Михай[illegible] что имъ сдѣлано, заставляетъ, по[illegible] шія, ожидать большаго и лучша[illegible] слѣдствіи. Ибо, повторяемъ, авторъ [illegible] шетъ въ себѣ всѣ условія, необходи[illegible] полезныхъ и дѣльныхъ работъ по [illegible] русскаго законодательства. Намъ [illegible] только пожелать, чтобъ ожиданіе [illegible] обмануло, и чтобъ настоящее [illegible] г. Михайлова не было его первымъ и [illegible] нимъ ученымъ трудомъ, какъ бываетъ [illegible] Въ заключеніе замѣтимъ, что книжка [illegible] хайлова написана языкомъ правиль[illegible] леннымъ; мѣстами однако есть нето[illegible] какая-то шаткость, обвинчивость за[illegible] ленія техническихъ терминовъ. Надо [illegible] рошо, но много опечатокъ.

(Современникъ, 1849, [illegible]

Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. *Соч. Константина Трошина.* [illegible]

Мы не однажды указывали на весьма похвальное направленіе, особливо въ послѣднее время обнаружившееся въ нашей литературѣ, составлять историческія и догматическія обозрѣнія русскаго законодательства. Сочиненіе г. Трошины принадлежитъ къ этому разряду. Оно содержитъ въ себѣ историческій обзоръ нашихъ судебныхъ учрежденій отъ древнѣйшаго времени до послѣднихъ преобразованій, которыя вошли въ „Сводъ законовъ". Матеріаловъ собрано г. Трошиною множество, и изложены они, вообще говоря, недурно. Польза его сочиненія безспорна. Узнать до сихъ поръ не было подобнаго, и, какъ первый трудъ въ своемъ родѣ, оно, во всякомъ случаѣ имѣетъ свое достоин[illegible] лагая, что именно поэтому разбира[illegible] книга будетъ имѣть обширный кр[illegible] телей, особенно между служащими [illegible] ной части и молодыми людьми, изу[illegible] русское законодательство, мы счита[illegible] запностью указать на нѣкоторые не[illegible] сочиненія г. Трошины, въ предупр[illegible] мало знакомыхъ съ этимъ предметом[illegible] указанія автору необходимыхъ по[illegible] при будущихъ изданіяхъ его книги.

Сочиненіе г. Трошины—не ученый [illegible] а компиляція, и компиляція несовс[illegible] ная. 581 страницъ въ восьмую дол[illegible] формата не могутъ содержать въ с[illegible]

...ашихъ судебныхъ учрежденій, ...гда эта исторія излагается въ ...ѣ въ первый разъ. Другое дѣло, ...етъ былъ уже прежде изслѣдо- ...ботанъ литературнымъ и уче- ...мъ. Эта неполнота обнаружи- ...момъ поверхностномъ взглядѣ ...къ мѣстныя судебныя учрежде- ...ессарабскихъ и малороссійскихъ, ...почему, опущены. Если они не ...планъ сочинителя, то не было ...ворить только о нѣкоторыхъ. Да- ...а учрежденія, на основаніи нынѣ ...о законодательства, изложены ...кращенно. Они занимаютъ всего ...ниць, и на этихъ девяти стра- ...инается только о Правитель- ...Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ, ...ахъ, Совѣстномъ Судѣ, Уѣздномъ ...ратахъ и Ратушахъ, Волостныхъ ... Расправахъ; о всѣхъ другихъ ...ъ, облеченныхъ судебной властью, ...сударственномъ Совѣтѣ, Словес- ...ейскихъ Судахъ, также о мѣст- ...бенныхъ судебныхъ установле- ...ворится ни слова. Ясно, что пред- ... авторомъ неполнѣ, особенно ...инения.

...олноты, трудъ г. Троцины имѣетъ ...достатки. Приступая къ состав- ... сочиненія, авторъ недостаточно ...ъ общія теоретическія основанія ...этого вездѣ, гдѣ говорится о су- ...ѣ вообще, гдѣ выставляются его ...ческія начала и основанія, за- ...ложеніи какая-то запутанность, ... неясность понятій. Гдѣ начи- ... и оканчивается дѣйствіе адми- ...й власти, какіе бываютъ различ- ...е виды суда по порядку произ- ...личію предметовъ и исковъ, под- ...судебному разбирательству все ...дто неясно самому автору. От- ...ое сочиненіе вышло несовѣмъ ...борникомъ однородныхъ, правда, ...веденныхъ въ систему фактовъ. ...ельства выписываемъ нѣсколько ...книги г. Троцины.

...ство Россіи, въ настоящемъ своемъ ...етъ тройкимъ формамъ (?), вѣрно хо- ...ъ состояніе политической (?) жизни ...периодъ времени, въ которыя онѣ раз- ...вались со стороны формы заключается ...шихъ судебныхъ учрежденій; онѣ суще- ствуютъ и развиваются вслѣдствіе необходимости отвѣчать внутренней жизни народа въ томъ ея видѣ, въ какомъ она представляется, и только развѣ съ начала новой исторіи судоустройство принимаетъ болѣе государственный (?) видъ“ (Стр. 1)

Трудно понять, что хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать авторъ. Какъ ни станемъ мы толковать или выйдетъ наборъ словъ, худо прикрывающій сбивчивость и нетвердость понятій, или получатся положенія теоретически и исторически невѣрныя.

„Петръ I, замѣчая установленія внесенныя нами между ними новыя начала для жизни государственной; отъ иностранцевъ онъ заимствовалъ формы государственнаго управленія и суда, и, утвердивъ ихъ на русской почвѣ, въ короткое время совершенно сроднилъ съ русскою жизнію. Государственная жизнь Россіи была уже довольно развита сообразно своему времени, такъ что, при данномъ ей новомъ направленіи, легко было отыскать въ самомъ устройствѣ приказовъ формы, согласныя съ этимъ направленіемъ и неуничтожающія прежняго значенія государственной жизни (?); для этого требовалось только 1) сдѣлать правильнѣйшее раздѣленіе между предметами вѣдомства судебныхъ мѣстъ (авторъ вѣрно хотѣлъ сказать правильнѣйшее раздѣленіе предметовъ вѣдомства между судебными мѣстами), 2) дать каждому изъ нихъ стройный внутренній составъ, котораго онѣ почти были лишены и 3) уничтожить тѣхъ отрасли отдѣльнаго вѣдомства, которыя, при новомъ образованіи государства становились гораздо проще и слѣдовательно могли удобно соединяться въ одинъ самостоятельный предметъ, другія же и совсѣмъ могли быть уничтожены. Привнесенныя Петромъ Великимъ начала государственнаго управленія и суда не были чужды народной жизни Россіи, напротивъ, между ними и ею всѣмъ существовала внутренняя связь, бывшая причиною того, что эти начала вполнѣ привились и утвердились въ Россіи. Введеніе со времени Петра Великаго въ Россіи начало управленія вообще было чисто коллегіальное. Существовавшіе до его времени приказы, какъ мы уже выше замѣтили, не имѣли устройства совѣщательнаго, состоя изъ нѣсколькихъ членовъ, они или предоставляли слишкомъ много власти председателю, или же часто состояли изъ одного только члена, который собственною властію рѣшалъ зависящія отъ него дѣла“. (Стр. 119—121).

Это мѣсто, еще болѣе чѣмъ предыдущее, доказываетъ, какъ сбивчиво, нежено авторъ смотритъ на предметъ. Основная мысль объ отношеніи древнихъ и новыхъ формъ управленія намъ кажется вѣрною, но какъ странно она выражена! Если въ устройствѣ приказовъ заключалось, положимъ, въ зародышѣ все, что достигнуто введеніемъ коллегій, то почему же введены онѣ? Это по крайней мѣрѣ слѣдовало бы объяснить. Выказать эту мысль, г. Троцина, какъ будто въ опровер-

женіе ея, доказываетъ, что коллегіи и приказы были совершенно различны, и по этому поводу впадаетъ въ явную ошибку, смѣшивая коллегіальное устройство съ совѣщательнымъ и отрицая у приказовъ послѣднее, тогда какъ слѣдовало бы отрицать въ нихъ устройство коллегіальное, а отнюдь не совѣщательное.

Эта непослѣдовательность, нетвердость общихъ воззрѣній автора чувствуется въ цѣлой книгѣ. Сколько можно понять изъ изложенія, какъ мы выше нѣсколько туманнаго и сбивчиваго, основная мысль г. Троицына заключается въ томъ, что наше судоустройство, въ историческомъ своемъ развитіи, представляетъ три формы: сначала личную, потомъ совѣщательную, именно въ приказахъ—форму, въ которой есть уже зачатки коллегіальнаго устройства, и, наконецъ, форму чисто коллегіальную. Мы не раздѣляемъ этого взгляда, и ниже представимъ доказательства, почему именно. Но допустимъ, что это и такъ. Спрашивается, неужели одни эти начала обнимаютъ и опредѣляютъ собою исключительно все историческое развитіе нашихъ судебныхъ учрежденій? А порядокъ дѣлопроизводства и судопроизводства? А личный составъ судебныхъ учрежденій изъ выборныхъ или коронныхъ чиновниковъ, а кругъ ихъ вѣдомства, опредѣленный территоріей, особеннымъ родомъ дѣлъ, или сословіемъ и т. д. — развѣ эти и многія другія начала, опредѣляющія характеръ и значеніе судебныхъ установленій, могутъ быть оставлены въ сторонѣ при изслѣдованіи ихъ историческаго развитія? Очевидно, авторъ не позаботился осмотрѣть со всѣхъ сторонъ предметъ, или по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ нихъ и наиболѣе выдающихся впередъ; этимъ только и можно объяснить, почему онъ всю историческую судьбу судебныхъ установленій разсматриваетъ только съ одной изъ многихъ сторонъ, не обращая вниманія на остальныя.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ. На стр. 2-ой авторъ говоритъ:

„Въ началѣ политической жизни Россіи мы не находимъ еще судебныхъ учрежденій въ собственномъ смыслѣ этого слова; простота всѣхъ отношеній въ народѣ позволяла обходиться ихъ съ одного разу и, въ случаѣ спора, рѣшать на основаніи обычая, слѣдовательно даже частному лицу, крайняя нужда, не будучи силою принуждъ, находившись въ какомъ-то безразличномъ смѣшеніи, поэтому предметы граждан-

[illegible] и уголовнаго права не отличались [illegible] отъ другихъ и самые гражданскіе законы [illegible] характеръ уголовнаго права. Правительство [illegible] ленные законы уголовные мѣрами [illegible] ихъ, охранявшими права государства, нарушение [illegible] хотя и въ нихъ отличныхъ частей [illegible] мѣрѣ, что то нарушеніе вредитъ [illegible] лаго общества, или вовсе лишая [illegible] ности продолжать свою дѣятельность [illegible] мѣрѣ на долго прекращая оную; но въ [illegible] мѣніе возникающаго государства [illegible] реній быта своей тогдашней [illegible] дической жизни и отражениемъ [illegible] по этому права государственныя охраняли [illegible] и болѣе всего обратили на себя [illegible] тели, гражданскіе же отношенія, [illegible] частными условіями и договорами, [illegible] ваніемъ обычая, и сжели [illegible] ярыхъ, какъ законъ сознавалъ, [illegible] въ какой онѣ касаются права государства.

Здѣсь какъ и вездѣ, гдѣ [illegible] объ общихъ положеніяхъ, авторъ [illegible] удивительно обычно, все у него [illegible] перемѣшано. Говоря о судебныхъ [illegible] ніяхъ, г. Троицына, не знаемъ почему, [illegible] переходитъ къ смѣшенію гражданскаго [illegible] ловнаго права въ древнѣйшихъ законо[illegible] ствахъ и мимоходомъ къ нѣсколькихъ [illegible] рѣшаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ [illegible] ческихъ вопросовъ, почему въ это время [illegible] методъ законодательства является [illegible] щественно уголовное право. Выводы [illegible] части невѣрны, отчасти сдѣланы [illegible] поверхностно и бездоказательно. [illegible] сторонѣ все то, что войдетъ прямо [illegible] т.-е. къ судебнымъ учрежденіямъ, [illegible] только, что взглядъ автора на послѣ[illegible] самомъ началѣ, какъ онъ выражается [illegible] тической нашей жизни, невѣренъ, [illegible] Изъ чего видно, что у насъ не было [illegible] ныхъ учрежденій „въ собственномъ [illegible] слова"? Что значитъ, что простота [illegible] ческихъ отношеній дозволяла, въ [illegible] мѣнія, рѣшать ихъ на основаніи [illegible] слѣдовательно даже частному лицу [illegible] нецъ, что значитъ выраженіе „судебны[illegible] жденія въ собственномъ смыслѣ слова [illegible] нѣтъ государства, пока оно еще не [illegible] валось, судъ судятъ родоначальники [illegible] семейства, семейные совѣты, общи[illegible] выборные отъ общинъ, и всѣ эти су[illegible] дутъ ли они отдѣльныя лица, или [illegible] лицъ— такіе же судебные учрежденія [illegible] ственномъ смыслѣ слова, какими [illegible] ствіи являются суды и судьи, устан[illegible] правительствомъ. Безъ суда не может[illegible] ствовать никакое человѣческое общ[illegible]

…ужно доказывать, что пока нѣтъ …, не можетъ быть и судебныхъ …, имъ установленныхъ. Потомъ, …выводъ, будто бы, если дѣло рѣ… основаніи одного обычая, то уже …ть судить и частный человѣкъ. …же понять, что собственно хотѣлъ …зать авторъ. То ли, что не было …законовѣдахъ? Но вѣдь и обычай …ть, чтобы рѣшить дѣло по обычаю. …ь деревнихъ такими знатоками обы… …знаются и до сихъ поръ старики. …крестьянинъ знаетъ обычаи кре… …ка разные случаи. Эти-то старики …законовѣды. О нихъ встрѣчаемъ …нія указанія въ нашихъ истори… …лятникахъ, въ тѣ времена, когда …е отчасти только сталъ облекаться …нную форму и законодательство …развито. Или авторъ думаетъ, что …ли признанный, могъ, по своему …, вмѣшаться въ спорное дѣло, и …его по своему крайнему разумѣ… …ной мысли мы не смѣемъ припи… …у. Она была бы слишкомъ странна. …ли и тогда, какъ и теперь, излюб… …борные судьи, и потому являются …ъ, какъ официальныя лица и съ …рактеромъ. Далѣе:

…шнимъ развитіемъ жизни общественной …ударства мы встрѣчаемъ уже лица, обяза… …торомъ судебнымъ въ смыслѣ государ… …суда принадлежитъ князю, верховному …бщества; орудіями его власти служатъ …нители—бояре и низшія лица, и такъ, …уже судъ отца въ семействѣ, или старѣй… …ъ, а такое учрежденіе, которое заклю… …въ самомъ себѣ. Такого рода судебныя …являются съ различными степенями власти, …времень Великаго Князя Іоанна III и …ютъ исключительно характеръ личнаго …въ всѣхъ ступеняхъ суда стоитъ одно лицо, …въ самомъ себѣ власть весьма обширную, …ъ княжимъ вѣдомствѣ, то разнообразіемъ …ящихся въ немъ юридическихъ началъ.

…ъ, со временъ Іоанна III отдѣльныя …го Государства постепенно соединялся …съ расширеніемъ низшихъ предѣловъ …ялось развитіе внутренней жизни, …потребности, удовлетореніе всѣмъ со… …ло встрѣчало стремленіе къ тому же …ъ средствамъ всѣхъ этихъ сторонней …кого лица, бывшаго до сего и правомѣ… …становившись недостаточнымъ. Не было …ства отправляемо лицъ, съ предѣлами …ными присвоенности круга лица, обра… …ъ ихъ это *Приказы*, состоя изъ … …ъ, не имѣя опредѣленнаго внутренняго за… …ленія коллегіальныхъ учрежденій. Такое введеніе не имѣло значенія особеннаго; тамъ, гдѣ для разбора судебныхъ или правительственныхъ дѣлъ, дѣятельность одного лица была достаточна, тамъ прежняя форма личныхъ учрежденій не замѣнялась другою. Приказами Эти двѣ системы управленія и суда—личная и управленіе Приказомъ - могли существовать долго одна возлѣ другой, не представляя особеннаго смѣшенія началъ. Такимъ образомъ весь періодъ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго есть продолженіе собственно прежнихъ формъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ этихъ формахъ судоустройство получаетъ болѣе постоянное значеніе; характеръ государственныхъ обязанностей судебныя учрежденія даютъ имъ прочно теперь на званіе присутственныхъ мѣстъ"

Не знаемъ, почему авторъ считаетъ судъ боярина болѣе имѣющимъ силу въ самомъ себѣ въ эпоху государства, чѣмъ судъ отца семейства и родоначальника, когда государство еще не образовалось. Эта мысль произвольная, ни на чемъ не основанная. Также ошибочно думать, что судъ бояръ и низшихъ чиновниковъ до Іоанна III и позже носитъ исключительно характеръ личнаго управленія. Князья и бояре и низшія лица въ это время обыкновенно, если не всегда, судили вмѣстѣ съ дружиною, или съ мірскими людьми и старостами. Новгородъ и Псковъ принадлежатъ тоже къ Россіи, а въ нихъ въ это время личнаго суда вовсе не было. Изъ всего этого скорѣе можно было бы заключить наоборотъ, что до Іоанна III начала личнаго управленія не существовало: и если оно не было въ полномъ смыслѣ слова коллегіальнымъ, по неопредѣленности и юридической неустановленности этихъ судовъ, то зачатки коллегіальнаго начала въ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, были, и даже весьма замѣтны.

На основаніи такихъ-то ложныхъ или шаткихъ положеній авторъ выводитъ тотъ результатъ, что до Іоанна IV судебныя учрежденія въ формахъ личныхъ господствуютъ исключительно, а послѣ того удерживаются въ учрежденіяхъ низшей инстанціи: затѣмъ, до Петра Великаго, въ высшихъ судебныхъ установленіяхъ обнаруживается стремленіе къ формамъ коллегіальнымъ, и, наконецъ, со временъ Петра и до нашего времени, коллегіальныя установленія господствуютъ исключительно во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ. Весь этотъ выводъ не что иное, какъ неудачный опытъ открыть и указать главныя характеристическія черты развитія нашихъ судебныхъ установленій въ разныя эпохи — опытъ, которымъ болѣе затемняется, чѣмъ объясняется дѣло. Авторъ недостаточно серь-

ѣзно вникъ и въ первоначальный нашъ бытъ, и въ судебныя реформы Іоанна IV, и въ настоящее наше судоустройство; оттого такъ произвольно и опредѣлены у него общія начала его развитія.

Теперь отмѣтимъ нѣсколько неточностей и ошибокъ въ самомъ изложеніи исторіи именно судебныхъ учрежденій.

На страницѣ 8 авторъ говоритъ, что „первыя отношенія Рюрика къ призвавшему его народу состояли въ сборѣ пошлинъ и судѣ". Въ доказательство г. Троицкій ссылается на одно положеніе „Русской Правды", которая, какъ извѣстно, не восходитъ выше времени Ярослава, да и то не во всѣхъ спискахъ. На стр. 10 г. Троицкій говоритъ, что „какъ бояре-намѣстники съ волостями были подчинены князю, такъ точно они, со своей стороны, имѣли своихъ исполнителей (?), которые назывались тіунами". Между тѣмъ, всѣмъ очень хорошо извѣстно, что волостели бывали и княжескіе и намѣстничьи, и что тіуны были исполнителями, то-есть органами, не только намѣстниковъ и волостелей, но и князей. На стр. 36 сказано: „со времени царя Ѳедора Іоанновича, намѣстники замѣняются названіемъ (?) воеводы". При этомъ приведена ссылка на „Полное Собраніе Законовъ, № 295"; но тутъ ни слова не говорится о томъ, кто и когда замѣнилъ названіе намѣстниковъ къ названіе воеводъ, а только запрещается назначать не раненыхъ въ воеводы, также посылать раненыхъ и бывшихъ въ плѣну, два раза „въ приказы". (Указъ 7169 года, 5 маія П. С. З. т. I). На стр. 58 находимъ странную и ничѣмъ недоказанную мысль, будто бы Царская Дума, въ видѣ постояннаго учрежденія, является только съ 1572 года, когда впервые встрѣчается въ исторіи названіе думныхъ дворянъ. Никто уже теперь не считаетъ начала какого-либо учрежденія съ того года, или вообще съ того времени, когда оно случайно въ первый разъ упоминается въ историческихъ памятникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это мнѣніе г. Троицкаго заставляетъ насъ думать что онъ совершенно неправильно смотритъ на значеніе думныхъ дворянъ въ царствованіе Іоанна; иначе, конечно, начало правильной организаціи Царской Думы не было бы имъ отнесено ко времени установленія думныхъ дворянъ, именно къ царствованію Іоанна IV.—На стр. 60 находимъ два ошибочныя положенія, первое, будто бы „составъ Думы съ самаго времени ея перво[illegible] существованія, никогда не былъ [illegible] до Самозванца, и второе, будто [illegible] времени „духовенство никогда [illegible] участвовало въ дѣлахъ мірскихъ, [illegible] ченіемъ патріарха". Первое положе[illegible] вергается установленіемъ, при Іоан[illegible] ныхъ дворянъ, второе—тѣмъ, что, [illegible] тельству иностранныхъ писателей [illegible] нѣйшія дѣла и постановленія рѣша[illegible] долго до Самозванца, въ общихъ со[illegible] высшаго духовенства и членовъ [illegible] Думы, или на земскихъ соборахъ, [illegible] ныхъ, какъ извѣстно, изъ свѣтскихъ [illegible] ныхъ особъ. Такъ продолжалось [illegible] 1612 года, на что мы уже имѣли [illegible] ство указаній въ нашихъ источника[illegible] слѣдственное обстоятельство удостовѣря[illegible] что участіе духовенства въ мірскихъ [illegible] не было у насъ нововведеніемъ Са[illegible] какъ думаетъ г. Троицкій, ибо вѣ[illegible] роятно, чтобы его примѣръ нашелъ [illegible] жателей въ царѣ Михаилѣ Ѳеодо[illegible] его преемникахъ до Петра Велик[illegible] стр. 68 встрѣчаемъ также нѣкот[illegible] жное положеніе, что думы и пала[illegible] калось назначались самими предст[illegible] ихъ. На стр. 72 авторъ говоритъ [illegible] область управлялась особеннымъ пр[illegible] судебная власть кого простирало [illegible] кого рода тяжбы, возникавшія въ [illegible] Ошибка здѣсь въ выраженіи, она [illegible] казываетъ, какъ легко авторъ обра[illegible] предметомъ своего изслѣдованія. На [illegible] область управлялась особеннымъ пр[illegible] а наоборотъ, каждая областная прика[illegible] въ своемъ завѣдываніи извѣстную об[illegible] въ этой области онъ разсматривалъ [illegible] всѣ важнѣйшіе тяжбы и споры. На [illegible] читаемъ слѣдующее не менѣе не[illegible] ное положеніе: „Время учрежденія [illegible] есть Разряднаго Приказа неизвѣ[illegible] вѣроятно (?), что должно отнести [illegible] же самому времени, какъ и учреж[illegible] Царской Думы, такъ какъ онъ со[illegible] одно изъ ея главнѣйшихъ отдѣле[illegible] Разрядный Приказъ — отдѣленіе [illegible] Думы! Вотъ новая мысль, которой [illegible] ни разу не встрѣчали ни въ ис[illegible] ни въ изслѣдованіяхъ о прежнемъ [illegible] стаѣ нашихъ правительственныхъ [illegible] ній! Жаль только, что авторъ бро[illegible] мысль какъ бы мимоходомъ. Кром[illegible] любопытно видѣть доказательства [illegible]

емъ не менѣе любопытное поло-
къ сожалѣнію, тоже ничѣмъ не
что въ Холопьемъ Приказѣ вѣ-
ду прочими, „даже бѣдные дво-
боярскіе, верстанные и невер-
службы окладами, но не имѣв-
помѣстныхъ дачъ". Распростра-
ства Холопьяго Приказа на эти
тавляетъ такую многозначитель-
но, что было бы совершенно не-
казать на источники, изъ которыхъ
это извѣстіе. На стр. 282 ска-
„Совѣстный Судъ долженъ былъ
, какъ и прочіе суды, по зако-
между тѣмъ, кто не знаетъ, что
Судъ установленъ именно для
ыя, по существу своему, не под-
огому сужденію по законамъ? Это
и въ Учрежденіи о губерніяхъ
ы Екатерины II, и принято въ
новъ изданія 1842 года.

колько частныхъ ошибокъ, кото-
ѣли замѣтить, просматривая книгу
Нѣтъ сомнѣнія, что, при тща-
ересмотрѣ, особенно при по-робномъ
ніи словъ автора съ источниками,
онъ ссылается, ихъ найдется го-
ле. Поверхностное, слишкомъ лег-
енаго труда обращеніе съ исто-
памятниками, замѣтное къ цѣлой
съ намъ право такъ думать.
ченіе скажемъ, что языкъ автора
уманенъ, сбивчивъ, по неясности
даже неправиленъ и обнаружи-
торѣ не совсѣмъ извинительную
. Приведемъ тому нѣсколько при-
ѣръ. Троицкій пишетъ: „участво-
, 60 и 323); „по постановленію
нато рѣшенія *же* выступившее
, 137); „она (контора) не имѣла
ато штата" (стр. 130); „прежде
былъ подписанъ прежній прото-
154); „этимъ же военнымъ су-
кали и находящіеся при полкахъ
построенія лица (?), какъ-то: слу-
т. д." (стр. 160); „обличенные
ніемъ преступленіи или поймані-
какомъ-либо сѣтскомъ промыслѣ,
производствѣ торговли, откупа
ичествѣ, отрѣшались прямо (?) отъ
уду" (стр. 186); „четвертый (Де-
Сената) завѣдывалъ дѣлами кости-
лобитной" (?) (стр. 208); „по по-
данным ему челобитным онъ долженъ былъ
собирать справки и потомъ сдѣлать съ нихъ
выписки..." (стр. 213); „несмотря на то, что
власть Сената была нѣкоторымъ образомъ въ
различныя времена ограничиваема... но это
ограничение казалось и т. д." (стр. 215);
„къ обязанности генерала-прокурора надле-
жало взять такое дѣло въ первый Департа-
ментъ" (стр. 245); „пятый Департаментъ Се-
ната былъ переведенъ изъ Москвы въ Санкт-
петербургъ, но вскорѣ опять возстановленъ
въ прежнемъ своемъ составѣ" (стр. 248);
„Сенатъ долженъ быть единственнымъ мѣ-
стомъ для суда надъ генералъ-губернаторами,
какъ главою и хозяиномъ всей порученной
имъ губерніи" (стр. 269); „дѣла нековыя,
также дѣла тѣхъ ращотницевъ, которыя по
правамъ апелляціи на Уѣздные и Нижніе
Земскіе Суды подлежали непосредственно до
Верхняго Земскаго суда" (стр. 277); такая
же неправильность на стр. 292); „Синодикъ
имѣлъ голосъ совѣтовательный" (стр. 347).
Наконецъ отмѣтимъ вышное, по крайне не-
точное выраженіе: „главныя начала, изъ ко-
торыхъ истекала дѣятельность всѣхъ приказовъ"
(стр. 65), и странную фразу: „это об-
щее постановленіе (хотя рѣчь идетъ вовсе
не о постановленіи, а объ обычаѣ назначать
въ приказы троихъ и четырехъ судей) имѣло
приложеніе только относительно нѣкоторыхъ
изъ нихъ, между тѣмъ, какъ большая часть
изъ (?) приказовъ, до конца ихъ существо-
ванія продолжали оставаться въ томъ видѣ,
какой они вообще имѣли при первоначаль-
номъ ихъ появленіи, то-есть въ видѣ кан-
целярій низшихъ административныхъ чинов-
никовъ; слѣдовательно заѣдывались одним
лицомъ" (стр. 68). Мы назвали эту фразу
странной, потому что нельзя считать общимъ
постановленіемъ порядокъ, составляющій ис-
ключеніе, а не общее правило.

Итакъ, сочиненіе г. Троицкаго имѣетъ, какъ
мы видѣли, много существенныхъ недостат-
ковъ. Это—по всему замѣтно — произведеніе
пера еще неопытнаго. Со всѣмъ тѣмъ, мы
рекомендуемъ эту книгу читателямъ и по-
тому, какъ сказано выше, что до сихъ поръ
нѣтъ по этой части лучшей, и потому, что
она, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, пред-
ставляетъ все-таки довольно полное и под-
робное изложеніе предмета.

(Отеч. Зап. 1851, кн. 10)

О вотчинахъ и помѣстьяхъ *Сочиненіе Александра Лакіера. Спб. 1848*

Предметъ этого разсужденія чрезвычайно важенъ. Мы ужъ не говоримъ о томъ, какое мѣсто онъ занимаетъ въ гражданскомъ правѣ; довольно того, что въ XVI и XVII вѣкахъ вотчина и помѣстье были главными, преобладающими, такъ сказать типическими формами вещныхъ правъ; что даже въ законодательствѣ они развиты больше, опредѣлены подробнѣе; что наконецъ въ новомъ законодательствѣ вещныя права сравнительно съ другими всего менѣе подвергались кореннымъ и постояннымъ измѣненіямъ. Не только въ гражданскомъ правѣ, но въ цѣломъ нашемъ древнемъ быту вотчина и помѣстье, особенно первая, играютъ чрезвычайно важную роль. Цѣль княжескихъ усобицъ бывала часто: добыть вотчину, которая ровно понимается въ XI и XIII вѣкѣ; московскій государь называется вотчичемъ и дѣдичемъ его владѣнія — вотчинами; это названіе въ XVII вѣкѣ дается нѣкоторымъ городамъ въ видѣ отличія, награды. Слѣдовательно, вотчинное владѣніе, вотчина выражали не только объемъ правъ частной собственности, но гораздо больше: государственное обладаніе. Ясно, что вотчина — одно изъ главныхъ началъ, на которыхъ стояла древняя Русь, одна изъ типическихъ формъ, обусловливавшихъ ея бытъ, и къ которой сосредоточилось множество частныхъ явленій этого быта. Постепенное измѣненіе этой формы, какъ перерожденіе одного изъ основныхъ народныхъ понятій, есть существеннѣйшая часть нашей внутренней исторіи. Вотъ почему мы прочли книгу г. Лакіера съ удвоеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ. Къ сожалѣнію, она не удовлетворила нашимъ ожиданіямъ.

Два пути предстояли автору: или тщательно собрать всѣ факты, относящіеся къ вотчинному, и помѣстному праву, и разположить ихъ въ порядокъ, по какой-нибудь внѣшней системѣ. Тогда, его сочиненіе не было бы наслѣдованіемъ или разсужденіемъ: окончательнаго голоса въ наукѣ оно бы не имѣло; за то оно обогатило бы ее въ матеріальномъ отношеніи, потому что такого полнаго собранія матеріаловъ для помѣстій и вотчинъ у насъ еще нѣтъ; это былъ бы трудъ капитальный въ [illegible] степени полезный и важный. Такова [illegible] г. Калачова надъ Русской Правдой [illegible] перешихъ ученыхъ пособій, а [illegible] бота даже и не такъ трудна, какъ [illegible] съ перваго взгляда. Гг. Ивановъ, Мо[illegible] проложили путь, а изданія Археогр[illegible] Экспедиціи и Коммиссіи. Полное Соб[illegible] коновъ съ указателемъ сдѣлали воз[illegible] и подручными драгоцѣнные матер[illegible] авторъ могъ, на основаніи пр[illegible] пыхъ собственныхъ изслѣдованій, ра[illegible] своемъ разсужденіи и содержаніе и [illegible] вотчиннаго и помѣстнаго права и [illegible] исторіи и прослѣдить ихъ развитіе [illegible] гражданскаго или государственнаго [illegible] тута, а какъ начала, опредѣлявшія [illegible] ство различныхъ юридическихъ явле[illegible] ложивъ себѣ эту задачу, онъ могъ [illegible] дить въ подробности излагая фак[illegible] могъ ограничиться однимъ указан[illegible] мые главные, характеристическіе [illegible] за то онъ вложилъ бы теоретиче[illegible] рону вопроса, то-есть происхожден[illegible] наго и помѣстнаго права или зн[illegible] значеніе въ русскомъ бытѣ, послѣ[illegible] мѣнения и упадокъ этихъ началъ [illegible] скую, внутреннюю преемственност[illegible] чины этихъ явленій въ связи съ нар[illegible] ственной и гражданской жизнью. Н[illegible] не сдѣлалъ ни того, ни другого. Кр[illegible] ніе фактовъ, его разсужденіе неуд[illegible] тельно, какъ теоретическое изслѣ[illegible] еще менѣе. Думая разрѣшить об[illegible] авторъ не разрѣшилъ ни одной. Вс[illegible] доказать наше мнѣніе фактами.

Въ началѣ книги мы находимъ [illegible] или вступленіе, впрочемъ безъ ст[illegible] нія. Его цѣль — опредѣлить главны[illegible] ческія и историческія основанія ра[illegible] Разберемъ ихъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что [illegible] не можетъ быть ни отдѣльнаго че[illegible] народа безъ собственности". Истин[illegible] ли! Развивая эту тему, онъ про[illegible] мысли, что:

ъ первобытномъ своемъ состояніи, на-
акомый къ землѣ, потому что онъ всѣхъ
никлетъ смотрѣть на нее, если не какъ
ный предметъ обладанія, то по крайней
предметъ, достойный быть во владѣніи
а... Человѣкъ по этому стремится *при-
обрѣсть какъ можно больше земли*". (Стр. 1).

ие это кажется намъ слишкомъ
онечно, всѣмъ народамъ и людямъ
а уже потому, что они на ней жи-
отсюда, до владѣнія землей, до
нее какъ на „достойный пред-
данія, до стремленія, „пріобрѣсть
о болѣе земли" – цѣлая бездна.
ообще справедливо, то тѣмъ болѣе
нія къ первобытнымъ народамъ.
младенческомъ, первобытномъ со-
тѣмъ не знаетъ поземельнаго владѣ-
ленiе есть успѣхъ, признакъ срав-
ѣшей гражданственности. Нужны
ельства? Древняя и новая исторія
о нены; наука уже давно признала
ніе за аксіому. Послушаемъ далѣе:

ъ много, „простое завладѣніе и владѣніе
аточнымъ основаніемъ для укрѣпленія за
па землю". Потомъ пріобрѣтеніе земли
ующе. „Наконецъ съ образованіемъ изъ
обществъ государствъ, правительство
отрѣть на все *незанятое пространи-
ю* собственность, и является необхо-
имъ способы пріобрѣтенія правъ соб-
ахъ оно укрѣпляется, передается, охра-
ряется". (Стр. 2).

мся, мы никакъ не можемъ понять
ія автора. Какое отношеніе имѣетъ
или легкость пріобрѣтенія земель
ленію способовъ пріобрѣтенія, по-
прекращенію права собственности
притомъ непремѣнно въ государ-
ъ первобытныхъ обществахъ? Вѣдь
ктическое основаніе собствен-
стиралось не на однѣ земли, а и
ости? Неужели, по крайней мѣрѣ
ніи къ нимъ, не было никакихъ
ыхъ способовъ пріобрѣтенія, пере-
ращенія до основанія государствъ?
мъ далѣе причины, почему бы эти
обрѣтенія, передачи и потери не
опредѣлены до появленія госу-
въ отношеніи къ землѣ. Вѣдь были
первобытныя времена племенные,
менные союзы, въ которыхъ какъ-
и слабо, но опредѣлялось и охра-
ьное и собственность? Г. Лакеръ
очевидно выражается здѣсь неточно. Поземельную собственность онъ смѣшалъ съ собственностью вообще. Мы увидимъ, что это главный источникъ всѣхъ его дальнѣйшихъ ошибокъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Медленнымъ, тихимъ, болѣзненнымъ процессомъ народъ доходитъ до понятія о собственности, какъ до понятія, отвлеченнаго само въ себѣ и безграничнаго въ выполненіи. Полное право собственности предполагаетъ въ лицѣ, обладающемъ предметами, не только способность, но и власть дѣлать съ ними все, что ему кажется необходимымъ для его частныхъ цѣлей, даже для его прихотей, разумѣется если служеніе этому произволу лица не противорѣчитъ цѣлямъ высшимъ – религіознымъ, государственнымъ и т. д. Не скоро доходитъ человѣкъ до сознанія о своей частной личности, которая бы всецѣло владычествовала надъ предметами внѣшняго міра... Въ первобытномъ своемъ состояніи напротивъ человѣкъ... находится или подъ совершеннымъ обаяніемъ религіи... или же погруженъ въ государственное начало... Тотъ же характеръ носитъ на себѣ и собственность въ теократическихъ государствахъ Востока верховнымъ и единственнымъ обладателемъ, вотчинникомъ всей земли является Богъ, другіе временно владѣютъ частями ея по контрактамъ съ представителями божества—жрецами. Въ государствахъ, чисто политическихъ, каковы были Греческое и Римское, владѣло всѣмъ государство, отъ котораго частное лицо, подъ условіемъ разнаго рода услугъ, получало участокъ земли въ вѣчное имъ то или иное пользованіе, пока правительству не представлялась необходимость раздать земли другимъ, отобрать ихъ для себя и пр. Вообще частное лицо, сливаясь съ другими отвлеченными личностями, не можетъ имѣть своей личной воли. Только новое человѣчество, просвѣщенное христіанствомъ, сознало личность человѣка въ отдѣльности, не отрывая его ни отъ церкви, ни отъ государства: поэтому въ мірѣ только христіанскомъ могло явиться и дѣйствительно явилось правильное понятіе о частной собственности, неограниченной ни въ какомъ мірѣ, въ какой это дозволяетъ правила религіи, образъ правленія и вообще государственное устройство". (Стр. 3).

И въ этихъ словахъ мы видимъ тоже смѣшеніе понятій, что и прежде. Отказываясь совершенно уразумѣть фразу: „понятіе о собственности, какъ понятіе отвлеченное само въ себѣ (?) и безграничное въ выполненіи (!)", мы опять спросимъ г. Лакера, на какомъ основаніи онъ принимаетъ поземельную собственность за критерій или мѣрило права собственности вообще? Если въ жреческихъ государствахъ земля принадлежала храму, а въ древнихъ республиках-городахъ, такъ что частной поземельной собственности не было, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тамъ вовсе не была извѣстна собственность. Были же движимыя вещи предметомъ частнаго обладанія, и какъ сказать, что на нихъ

нія — основа, фундаментъ, на которомъ
лагается зданіе цѣлаго изслѣдованія!

Мы думаемъ, что при историческомъ
ніи собственности,—положимъ, что это
напримѣръ поземельная — главный ин
состоитъ не въ томъ, абсолютное ли
сительное, другими словами, ограниче
неограниченное это отношеніе къ
Во первыхъ, такого рода вопросъ отн
къ теоріи, или философіи права, и там
жетъ быть разсмотрѣнъ. Когда мы гов
собственность, мы ужъ этимъ самы
ранѣе предупреждаемъ, что намѣре
сужать о полномъ вещномъ отношен
вторыхъ—и это весьма важно—факти
пользованіе собственностью ведетъ к
одинаково: гдѣ только есть люди, и
нераздѣльномъ обладаніи вещи, тамъ
нѣе можно сказать, непремѣнно уста
между этими людьми и этими вещами
шенно одинакія отношенія, какъ ни р
человѣческія общества и предметы
скаго владѣнія: распоряженіе, поль
употребленіе, уничтоженіе, отчужден
киданіе изъ чужихъ рукъ — общія в
мірѣ всѣ дѣятели-факты послѣдствія
ности. Въ чемъ же вопросъ? Единств
тѣхъ условіяхъ, при которыхъ собст
существуетъ въ данномъ человѣческом
ствѣ и логическому изучая ее, мы на
узнаемъ это общество и взаим
и жизни этой, его составляющихъ, и
отъ этой среды, путь извѣстнымъ

ьствуетъ о младенческомъ со-
ства: значитъ, оно не слилось
цѣлое, связанное узами граж-
а состоитъ изъ небольшихъ
язовъ, въ которыхъ собствен-
яется и охраняется обычаемъ;
отсюда, что ея нѣтъ — невоз-
ецъ, чѣмъ подробнѣе, точнѣе
обственность, чѣмъ она болѣе
онами, тѣмъ, очевидно, граж-
ыше и развитѣе. Что же ка-
ой собственности, она оттого,
нисколько не измѣняется, и ка-
рокезъ и красный индѣецъ по-
акъ же пользуется вполнѣ своей
о, какъ и европеецъ. Если хо-
пользуется ею даже полнѣе;
ванномъ, развитомъ человѣче-
вѣ требованія общежитія стѣ-
чиваютъ полныя права на вещь;
мъ, гдѣ нѣтъ развитаго обще-
гражданскаго быта, нѣтъ по-
дарствѣ, этихъ ограниченій не

выводимъ слѣдующее: при исто-
учении собственности все вни-
быть обращено на то, въ какихъ
ставлена у извѣстнаго народа,
охи его существования. Тутъ
ы слѣдующіе главные вопросы:
ъ собственность и кто нѣтъ?
еты собственности?—движимыя
или недвижимыя? 3) кому какая
принадлежитъ и можетъ при-
какимъ образомъ пріобрѣтается
? 4) какимъ образомъ собствен-
ъ имъ быть? 6) какими спосо-
ся собственность? 7) наконецъ,
рѣшаются всѣ эти вопросы или
конами, такъ называемымъ по-
правомъ? Разрѣшивъ эти во-
ованія историческихъ данныхъ,
охъ или періодовъ исторіи изв-
да, и объяснивъ причины, по-
ого различно рѣшались въ раз-
мы получимъ полную исторію
у этого народа. Всѣ разсужде-
объ ограниченной и неогра-
ственности, самостоятельности и
ьности лица и т. д., не только
ополнивы, — они въ его книгѣ
бо ни къ чему не ведутъ, да и
ти.

„Изложенныя общія мысли о постепенномъ развитіи самостоятельнаго права собственности находятъ себѣ полное приложеніе въ исторіи отечественнаго права собственности: сперва воевали князь, какъ предводитель дружины, потомъ родоначальникъ, наконецъ государь-вотчинникъ соединяли въ себѣ, строго говоря, обладаніе всею землею Русскою и удѣлами ее во временное владѣніе первоначально *своимъ мужамъ*, т. е. членамъ дружины, этимъ ратникамъ князя, связанными съ своимъ старшимъ братомъ, т. е. княземъ, кровнымъ родствомъ, и наконецъ людямъ служилымъ за ихъ храбрость, за пролитие ими крови на войнѣ и впослѣдствіи за службу гражданскую". (Стр. 3—4)

Какъ можно было прилагать эти, къ сожалѣнію, слишкомъ „общія мысли" о постепенномъ развитіи какого-то непонятнаго „самостоятельнаго права собственности" къ исторіи русскаго права собственности,—мы рѣшительно не понимаемъ; что онѣ никакъ не прикладываются—это очевидно. По мнѣнію автора, вся земля въ Россіи была собственностью князей и царей, которые раздавали ее во „временное владѣніе" своимъ приближеннымъ, родственникамъ или подданнымъ. Это мнѣніе не выдерживаетъ даже самой слабой критики. Во временное ли владѣніе отдавали князья до Ярослава (ибо ихъ, кажется, разумѣетъ авторъ подъ „военачальниками, предводителями дружины") своимъ „мужамъ" земли, или въ вѣчное и потомственное—объ этомъ молчатъ источники; въ лѣтописи ни слова, ни намека въ пользу г. Лакіера. Далѣе: великимъ княземъ не всегда былъ старшій братъ; понятіе о старшинствѣ измѣнялось нѣсколько разъ, какъ уже доказалъ г. Соловьевъ; притомъ мы видимъ, что великій князь распоряжался владѣніями сообща съ другими, старшими же княжими, или на основаніи договора, „ряда" съ ними; потомъ: весьма рано князья начали домогаться вотчинъ—наслѣдія отцовъ, и владѣли ими потомственно, слѣдовательно не временно, и не на основаніи пожалованья; наконецъ, великіе князья и государи раздавали земли не только во временное владѣніе, но и въ вотчину, слѣдовательно въ наслѣдственную собственность. Очевидно, цѣль г. Лакіера доказать, что частной собственности въ древней Руси не было; что князья и государи были единственными собственниками, а всѣ прочіе—временными владѣльцами. Но изъ временной раздачи владѣній мужамъ—даже допустивши, что она точно была временная — этого не слѣдуетъ; такъ же мало изъ системы удѣловъ и помѣстій. Временное

владѣніе и частная собственность могли существовать одно возлѣ другого. Не ввело-ли автора въ заблужденіе, что князья и государи называли свои владѣнія вотчинами? Можетъ-быть. Но вотчины частныхъ лицъ, вотчины монастырей и церквей, издавна существовавшія въ древней Руси, могли бы, кажется, навести его на истинный смыслъ этого термина въ устахъ князей и царей. Безъ глубокихъ изслѣдованій ясно, что онѣ означали государственное, а не частное, гражданское обладаніе; только сначала, по совершенному отсутствію, а въ послѣдствіи по неразвитости, нежности, государственныхъ понятій, они облекали эти понятія въ формы близкаго къ нимъ гражданскаго, частнаго быта, который у насъ, какъ и вездѣ, сперва былъ первообразомъ государственнаго и общественнаго устройства. Рѣшительнымъ доказательствомъ служитъ то, что они имѣли свои особенныя, лично имъ принадлежавшія вотчины. Будь вся Россія княжеская или царская вотчина въ гражданскомъ, частномъ значеніи этого слова, имъ бы не для чего было отличать въ ней свои собственныя владѣнія. Притомъ, были же вотчины частныхъ людей и церкви; а по теоріи автора онѣ были невозможны. Намъ пожалуй возразятъ, что по бѣдности, неразвитости древней юридической терминологіи разныя вещныя права означались однимъ названіемъ? Но это несправедливо. Вѣдь нашлось же особенное названіе для помѣстій въ отличіе отъ вотчинъ?

Это одна сторона вопроса. Есть и другая. Чтобъ имѣть право такъ утвердительно говорить, что въ древней Руси не было частной собственности, а было только временное владѣніе, однихъ априорныхъ и притомъ, какъ мы видѣли, весьма сбивчивыхъ и темныхъ выводовъ мало: нужны свидѣтельства, факты, которые бы ясно, несомнѣнно доказывали положеніе, или по крайней мѣрѣ дѣлали его весьма вѣроятнымъ, правдоподобнымъ. Но такихъ фактовъ авторъ не приводитъ; да ихъ и нѣтъ. Самыя древнія историческія извѣстія не застаютъ у насъ появленія собственности; а когда они впервые начинаютъ упоминать о ней, частная собственность уже существовала. Замѣтимъ, это упоминаніе относится къ весьма отдаленному времени; мы имѣемъ купчія частныхъ лицъ отъ XIV вѣка; а княжескія вотчины, независимыя отъ великокняжеской, существовали въ XIII, даже въ концѣ XII вѣка [illegible] тельно, во всякомъ случаѣ, авторъ [illegible] распространяя свое положеніе на [illegible] нюю Русь. Далѣе. О томъ, какъ обра[illegible] у насъ частная собственность пѣть [illegible] это пробѣлъ въ нашей исторіи. Не [illegible] почему авторъ считаетъ себя вправѣ [illegible] нить его гипотезой, не только [illegible] доказанной, но по существу своей [illegible] роятной? Мы съ большимъ правомъ [illegible] ждемъ, напротивъ, что частная [illegible] ность была у насъ изстари; и вотъ [illegible] казательства:

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, [illegible] народа безъ частной собственности [illegible] могла измѣниться и изъ собственности [illegible] ственныхъ лицъ стать собственностью [illegible] видовъ, могла быть болѣе или менѣе [illegible] дѣлена, что всегда и вездѣ зависитъ [illegible] пени гражданственности; но чтобъ [illegible] не было — это явленіе невозможное, [illegible] что оно противорѣчитъ всей исторической [illegible] ческаго рода. Одинъ поверхностный [illegible] на внутренній бытъ древней Руси [illegible] убѣждаетъ, что весьма долгое время [illegible] до XIII вѣка, вопросъ о поземельной [illegible] ственности нисколько не занималъ [illegible] князей и владѣтелей. Варяги, покорив [illegible] русско-славянскія и другія племена [illegible] решней Россіи, обложили ихъ данью [illegible] съ собой на войну. Чтобъ они отдѣ[illegible] часть земли у покоренныхъ народовъ [illegible] дѣлали германцы — не видно. Они [illegible] къ намъ съ мыслью о постоянномъ по[illegible] что ясно доказываютъ походы Олега [illegible] слава. Добыча, золото, а не земля, [illegible] щали. Слѣдовательно, въ варяжскую [illegible] земля не могла сдѣлаться собственностью [illegible] зей. Они были властителями, господами [illegible] покоренными племенами, и потому [illegible] ихъ имѣло личный, а не территориальный [illegible] ный характеръ. Тоже самое было. [illegible] довыя, кровныя связи опредѣляли [illegible] отношенія князей, потомковъ Владимира [illegible] Ярослава. Они старались удержать [illegible] вратить себѣ мѣсто, степень, принадлежащую [illegible] по старшинству и рожденію [illegible] другими князьями: владѣніе играло [illegible] пенную роль. Оттого ни одинъ князь [illegible] дѣлъ постоянно одной областью; они [illegible] дили съ мѣста на мѣсто, добиваясь [illegible] соотвѣтствовавшаго степени старшинства [illegible] родовой іерархіи. Слѣдовательно и [illegible] не территоріальные вопросы [illegible]

личные. Правда, чѣмъ ближе
тѣмъ территоріальные интересы
е начинаютъ преобладать надъ
счетами; послѣдніе становятся
ми для пріобрѣтенія тѣхъ или
ной. Но характеръ постояннаго,
аго господства надъ этими вла-
ь оно было пріобрѣтено и уста-
го оставался тотъ же, что и
продолжалъ быть личнымъ, а не
ымъ, т.-е. князья управляли жи-
ь областей сами, или чрезъ при-
брали съ нихъ дань, сбирали
. Вопросъ о томъ, кто собствен-
ли: владѣтель или жители кня-
да не возникалъ и не могъ воз-
ь называлъ свои владѣнія вот-
му что былъ надъ ними наслѣд-
одинъ. Выводить изъ этого слова,
алъ себя собственникомъ всей
данскому праву, и что жители,
ю, сидѣли на этой землѣ только
потребленія и пользованія зна-
ать нашего древняго быта. По-
ческія опредѣленія лежали внѣ
шней Руси, и она ихъ совер-
занимала.
приняли къ XIII вѣку. Съ этого
ть до реформы Петра Великаго
имъ ни одного памятника, ни
ельства, даже намека не видимъ,
нибудь, въ теченіе этихъ пяти
емля была объявлена собствен-
ства, а жители только ея вре-
льцами. Напротивъ, мы видимъ,
поземельная собственность су-
ываются вотчины; эти вотчины
завѣщаются, отыскиваются ис-
, мѣняются, обводятся межами.
—не частная собственность?
въ періодъ времени, извѣстный
мнѣннымъ, официальнымъ дан-
ъ было до того? Все населеніе
овъ и селъ, возьмемъ хоть до
то, оно не имѣло поземельной
? Мы видѣли, какъ смотрѣли
и владѣнія. И при этомъ взглядѣ
ихъ же покупокъ, продажъ, мѣны,
алогъ земли? она не завѣщева-
лась, не отдавалась въ прида-
о совершенно невозможно! Скажи
ѣ эти права, вытекающія изъ
, принадлежали не отдѣльнымъ
лицамъ, а родамъ и общинамъ,
съ этимъ мы бы согласились; но отрицать ихъ совершенно для всего населенія и приписывать однимъ князьямъ — вотъ что намъ кажется несбыточнымъ, и думаемъ, что мы не одни этого мнѣнія.

„По своеобразному, образовавшемуся путемъ историческимъ, значенію русскаго государя, какъ дружиноначальника, какъ родоначальника и наконецъ какъ государя-вотчинника всей Россіи, намъ необходимо разсмотрѣть въ какой формѣ, съ какимъ содержаніемъ проявилось право частной собственности во время существованія каждаго изъ этихъ понятій о государѣ и обратить особенное вниманіе на тотъ періодъ времени, когда изъ понятія о вотчинѣ и дѣдинѣ всей Россіи возникла идея государя, какъ главы Россіи о томъ періодѣ, когда государи за службу на пользу отечества стали жаловать частнымъ лицамъ помѣстья и вотчины". (Стр. 4).

Въ какой формѣ, съ какимъ содержаніемъ проявилось право частной собственности въ древней Руси, трудно изслѣдовать автору, когда онъ за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ такъ положительно утверждалъ, что ея не было, а было одно временное владѣніе. Вотъ введеніе. Думаемъ, что читатели не найдутъ насъ слишкомъ взыскательными, если скажемъ, что мы вправѣ были надѣяться найти въ немъ больше, чѣмъ нашли на дѣлѣ.

Затѣмъ г. Лакіеръ начинаетъ выполнять свою программу и проводить основную мысль. Для варяжской эпохи авторъ не приводитъ ни одного доказательства въ пользу той мысли, что съ водвореніемъ у насъ на Руси земли стала собственностью дружиноначальниковъ и дѣлилась между нимъ и его приближенными; а между тѣмъ удивляется: „какъ до сихъ поръ многіе не хотятъ видѣть ленная начала въ дружинной системѣ, господствовавшей у насъ до временъ Ярослава I" (стр. 4). Въ заключеніе авторъ говоритъ: „До сихъ поръ (то-есть до кончины Ярослава I) в. князь былъ обладателемъ всей земли, дружинники получали отъ него въ ленъ за услуги, ими государству (?) оказанныя, города; а частной собственности на движимыя имѣнія (вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать недвижимыя), на землю не видимъ" (стр. 17). И въ другомъ мѣстѣ: „Изъ всѣхъ изложенныхъ событій необходимо извлечь заключеніе, что ближайшіе къ в. князю дружинники, помогавшіе ему болѣе другихъ, за труды свои получали во владѣніе города, тогда какъ простые члены дружины были вознаграждаемы деньгами" (стр. 13).

У г. Лакіера странный способъ дѣлать заключенія. Лѣтописи и другіе источники говорятъ о варягахъ, ихъ пришествіи въ Россію и ихъ дѣяніяхъ; изъ того, что мы знаемъ о послѣднихъ, видно, что варяжскіе князья облагали подвластныя племена данью, нѣкоторые города отдавали во владѣніе своимъ приближеннымъ, которые тоже собирали съ нихъ дань, — другихъ сподвижниковъ вознаграждали деньгами или натурой. Авторъ разсуждаетъ такъ: тутъ вѣдь не упоминается о частной собственности, слѣдовательно ея не было. Онъ не принялъ въ разчетъ, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду не собственность, а варягонъ, что онъ говоритъ только о нихъ, а не о туземцахъ-вотчинникахъ, которые, можетъ быть, и даже вѣроятно, имѣли же какую-нибудь собственность; что умолчаніе не есть отрицаніе, и это правило давно признано за аксіому всѣми изслѣдователями; что наконецъ, если этакъ разсуждать, то пожалуй можно вывести, что у славянъ не было ни носовъ, ни ушей, ни пальцевъ, потому что, сколько помнится, объ этомъ тоже не говорится въ источникахъ.

Слѣдующія восемнадцать страницъ посвящены развитію для удѣльной эпохи и московскаго государства той же безплодной и въ основаніи своемъ ложной мысли, что у насъ не было частной собственности; подробно, хотя и далеко не такъ отчетливо, какъ у г. Соловьева, здѣсь доказывается, что князья сначала владѣли Россіей сообща, потомъ стали наслѣдственными вотчинниками княжествъ; что въ особенности со временъ Іоанна IV Россія становится государствомъ. Все это такъ; но что жъ слѣдуетъ изъ этого для частной собственности? По какому бы титулу ни владѣли князья — это государственное, а не частное владѣніе. Сначала государственное владѣніе имѣло характеръ и формы частнаго? Правда, но все же оно не идетъ нисколько къ дѣлу въ разсужденіи о частной, гражданской собственности. Мѣстами разсказъ автора перерывается замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „Великія княгини наши... владѣли землями, отчасти пріобрѣтенными куплею, отчасти полученными въ приданое. Имѣнія эти составляли неотъемлемую ихъ собственность, которою онѣ могли располагать по произволу“ (стр. 20). Другими словами, доказывается, что была частная собственность, кромѣ великокняжеской.

Или, „пока государи московскіе были вотчинниками и дѣдичами Россіи пока и
ные князья смотрѣли на свою волость,
удѣлы, какъ на свою неотъемлемую
право частной собственности суще
самостоятельно и вполнѣ развитое
Правители, руководясь различными
скими побужденіями, раздавали сво
въ монастыри, и въ приходъ своих
ющимъ ниже, не разъ нарушали пра
ныхъ владѣльцевъ на ихъ земли“ с

Изъ этихъ словъ уже ясно, что кр
лико-княжеской вотчины были сде
другихъ князей, на которыя князья
„какъ на свою неотъемлемую вот
Стало быть, г. Лакіеръ самъ отрица
ное свое положеніе: „сперва воспла
какъ предводитель дружины, потом
чальникъ, наконецъ государь-вотчи
динялъ въ себѣ, строго говоря, об
всею землею Русскою и удѣлами с
менное владѣніе первоначально
жамъ, членамъ дружины, потомъ
князьямъ, связаннымъ со своимъ
братомъ, в. княземъ кровнымъ ро
(стр. 3). Изъ того, что владѣнья кня
ихъ вотчинами, мы не видимъ, по
могло существовать самостоятель
частной собственности; а что оно на
по поводу княжескихъ распрей, т
ничего не слѣдуетъ; въ самомъ п
организованномъ общежитіи это бы

Коснувшись временъ Петра Вел
торъ указываетъ на многочисленны
наложенныя имъ на частную недви
ственность, и потомъ прибавляетъ:

„Они стали регаліями, стали собствен
дарственною и служили для достиже
ственныхъ цѣлей. Эта ограниченія не
ной собственности, онѣ служатъ только
словомъ, что въ періодъ времени, о которо
римъ, право частной собственности не
развилось“.

Въ этихъ словахъ опять непосл
ность: нечего было подавлять на
ственности, когда ея не было. П
гали служатъ доказательствомъ, ч
частной собственности не вполнѣ
лось“, мы не понимаемъ; вещ
собственность была въ этомъ с
вполнѣ развитой и всегда будетъ
тіе, государственныя требованія
на нее ограниченія, и степень ра
ности гражданской тутъ ровно

рось о регаліяхъ можно обсу-
ки зрѣнія финансовой, политико-
. государственнаго хозяйства:
ой онъ давно рѣшенъ окончa-
ъ дискуссіи.

Петра I, отчасти по невѣжествѣ для
ельныя, отчасти по своему усмотрѣ-
му уничтожили одно ограниченіе соб-
ругимъ.. Вслѣдствіе преобразованія на-
и его мудрыми преемниками, вслѣд-
ъ то личности гражданъ, вполнѣ
но исторически необходимое" (Стр. 34)

вая строка невольно увеличи-
умленіе. До Петра регаліи не
бственности. Петръ Великій ихъ
ресники и окончательно импе-
ерина опять ихъ сила. Пере-
видно были результатомъ раз-
дарственныхъ, административ-
. Но г. Лакіеръ видитъ въ этомъ
освѣщенія и развитія личности
ино какъ будто и то и другое
омъ: до Петра просвѣщеніе и
ли развиты, потомъ при немъ
ѣ него черезъ пятьдесятъ лѣтъ
ись. Непостижимо!

къ на исторію развитія у насъ госу-
арѣнія на Руси, какъ вотчину и дѣ-
убѣждаетъ насъ въ справедливости
ой прежде, а именно, что право соб-
ственности развилось у насъ поздно и
, какъ это было ведь, тогда только,
ъ сознать свою личность при помощи
съ ему правительствомъ, при помощи
этого, разумѣется, нельзя выводить,
рица Екатерина II не было у насъ
собственности на недвижимыя имѣнія.
маломъ объемѣ и образовалось глав-
чрезъ пожалованіе государями част-
владѣніе землей или лично государе-
довыхъ, или наконецъ государствен-
къ чрезъ подтвержденіе правите-
ственныхъ людей, монастырей и духо-
. Справедливость этого подтвержда-
фита и вотчинъ, но прежде чѣмъ пе-
, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе,
съ тѣмъ и опредѣлить систему изло-
предмета, изъ сказанного должно бы
частное владѣніе предшествовало у
ности, и что слѣдовательно исто-
жка быть изложена прежде исторіи
. Не только видимое удобство, но и
обходимость заставила насъ начать съ
и перейти къ вышеназванному, въ числѣ
ть первое мѣсто вотчина и дѣлать
(какъ то увидимъ, отъ которыхъ слу-
вались во временное владѣніе опредѣ-
ложенія, образовавшіяся при выдѣ-
въ вотчины частныхъ лицъ. Самими
богатыми вотчинниками послѣ государя были церкви, монастыри и духовенство: они очень рано начинали получать недвижимыя имѣнія отъ благочестивыхъ русскихъ государей въ вотчину, постоянно получали ихъ отъ лицъ великокняжескаго рода, и только иногда, и то обыкновенно въ небольшомъ объемѣ, отъ частныхъ лицъ". (Стр. 35–36).

И тутъ та же шаткость въ выводахъ, то же противорѣчіе въ словахъ. Прежде говорилось, что у насъ не было частной собственности, теперь авторъ беретъ это положеніе назадъ и не позволяетъ выводить изъ своихъ же прямыхъ словъ, что ея не было. Да это вѣдь не выводъ, а буквальное повтореніе того, что утверждалъ самъ авторъ! Что значитъ, что право частной собственности было въ маломъ объемѣ, не понимаемъ; такъ же не видимъ, почему „оно главнымъ образомъ образовалось чрезъ пожалованіе". Гдѣ факты на все это? Мы видѣли, что „вотчина и дѣдина" государей не можетъ быть разсматриваема, какъ ихъ частная собственность, и слѣдовательно здѣсь вовсе не мѣсто говорить о ней, какъ справедливо замѣтилъ уже г. Погодинъ („Москвитянинъ" 1848, № 6). Наконецъ, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ авторъ, что главныя поземельныя церковныя владѣнія произошли отъ пожалованія князьями и государями, и только иногда, „и то обыкновенно не въ большомъ объемѣ, отъ частныхъ лицъ?" Мы просимъ привести хоть одно доказательство.

Остальная часть „разсужденія" дѣлится на три главы. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Первая глава говоритъ о государевыхъ вотчинахъ. Такъ какъ предметъ ея не частная собственность лицъ княжескихъ семействъ и царскаго дома, а вотчина въ государственномъ значеніи этого слова, то она лишняя въ сочиненіи г. Лакіера. Но въ ней есть неправильности, которыя нельзя оставить безъ вниманія. Авторъ особенно подробно разсматриваетъ значеніе словъ вотчина и удѣлъ.

„Изъ духовныхъ завѣщаній вел. князей московскихъ — говоритъ онъ — и договоровъ ихъ съ меньшою братьею видно, что вотчиною назывался великое княжество Московское съ нѣкоторыми городами, первоначально въ видѣ жалованія поступившими отъ отца къ старшимъ сыновьямъ, прочіе же получали удѣлы, и самъ великій князь имѣлъ отъ вотчины получаемый удѣлъ, т.-е. имѣлъ на оную долю собственность, которую онъ по произволу дѣлилъ между своими дѣтьми, какъ недвижимое, предавалъ частнымъ лицамъ и на которую онъ смотрѣлъ, какъ на свою личную принадлежность" (Стр. 39 и 40).

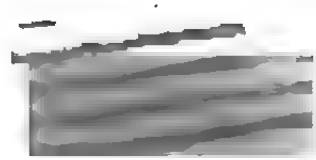
Стало-быть, вотчина—великое княжество, удѣлъ владѣніе прочихъ князей; удѣлъ могъ получить и великій князь, но не какъ великій князь, а какъ членъ княжескаго семейства. Вотъ мнѣніе автора. Но онъ неправъ. Вотчина и удѣлъ—два понятія, не исключающія другъ друга. Удѣлъ значитъ особенное, отдѣльное владѣніе князя, вотчина — наслѣдственное владѣніе. На этомъ основаніи могъ быть вотчинный удѣлъ, могла быть удѣльная вотчина. Г. Лакіеръ приводитъ много мѣстъ изъ оффиціальныхъ документовъ XV и XVI вѣковъ, но ни одно не оправдываетъ высказаннаго имъ различія удѣла и вотчины. Не великое княжество, а велико-княжеское достоинство впервые названо отчиной въ завѣщаніи Дмитрія Донского. Это было явленіе весьма важное въ государственной исторіи древней Руси: Дмитрій первый сталъ смотрѣть на великокняжескую корону, какъ на законное наслѣдіе московскаго княжескаго рода, тогда какъ прежде она зависѣла отъ усмотрѣнія хана. Вотъ единственный смыслъ выраженія: „а се благословляю сына своего князя Василія своею вотчиною, великимъ княженіемъ". Въ такомъ же смыслѣ, то-есть для означенія велико-княжескаго достоинства, употребляетъ это выраженіе Василій Темный. Всего убѣдительнѣе оно доказывается наконецъ словами митрополита Филиппа новгородцамъ: „отъ тѣхъ мѣстъ и до сихъ мѣстъ они (русскіе великіе князья) есть господари христіанъстіи русіи и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины, мужи волныи". Новгородъ, какъ извѣстно, не былъ собственностью князей; даже велико-княжеская власть стала въ немъ переходить наслѣдственно не прежде усиленія московскихъ князей, и авторъ совершенно неправъ говоря, „что Новгородъ дѣйствительно былъ вотчиною великаго князя, майоратомъ старшей линіи" (стр. 49): его опровергаетъ списокъ князей, княжившихъ въ Новѣгородѣ. Такъ же неправъ авторъ, утверждая, что въ составъ великаго княжества, называвшагося будто бы вотчиной, входила „Москва съ нѣкоторыми городками, переходившими въ видѣ майората постоянно отъ отца къ старшимъ сыновьямъ". Самъ г. Лакіеръ безпрестанно приводитъ изъ княжескихъ завѣщаній, что Москва дѣлилась между дѣтьми умершаго великаго князя; этого мало: части, доставшіяся каждому изъ нихъ, опять подраздѣлялись между наслѣдниками, совершая частное владѣніе. Только Іоаннъ III [illegible] нилъ всю Москву подъ свою власть, [illegible] она не имѣла и тѣни майората.

Столько же доказательствъ и [illegible] мысли, что удѣлъ былъ вотчиной, [illegible] слѣдственнымъ владѣніемъ князя. [illegible] Іоаннъ III предоставляетъ удѣлы [illegible] своимъ [illegible] въ наслѣдственное [illegible] ніе, и только въ томъ случаѣ, если [illegible] нѣтъ мужского потомства, велитъ [illegible] удѣлъ великому князю. Тоже слово [illegible] ваетъ „пожалованье князьямъ [illegible] областей въ удѣлъ и вотчину", г. Л[illegible] подробно исчисляетъ случаи такого [illegible] ванья (стр. 55—60) и приходитъ къ [illegible] ченію, что подъ удѣломъ и вотчиной [illegible] отдаваемыми великимъ княземъ младш[illegible] замѣнъ ихъ владѣнія, разумѣется [illegible] формѣ удѣльныя, а юридически [illegible] жавшія въ собственность великому [illegible] другими словами, что удѣлъ-вотчина [illegible] владѣльцу его право на чужую волю; [illegible] тивъ, вотчина-удѣлъ, которая [illegible] тоже младшимъ князьямъ въ замѣнъ [illegible] дѣній, переходила въ ихъ собств[illegible] (стр. 59). Но мы и здѣсь не можем[illegible] ситься съ авторомъ. Не говоримъ [illegible] это различіе слишкомъ искусственно [illegible] тому, въ примѣненіи къ древней Ру[illegible] ма невѣроятно; мы не можемъ поня[illegible] чему бы, въ двухъ совершенно один[illegible] случаяхъ, а именно при обмѣнѣ вел[illegible] жескихъ владѣній на княжески, у[illegible] лись для князей разныя права? В[illegible] ванія мѣстъ изъ источниковъ, прив[illegible] авторомъ, или ничего не говорятъ [illegible] пользу, или говорятъ противъ него. [illegible] мѣръ: удѣлъ-вотчина, по мнѣнію [illegible] кіера, означаетъ, что область, к[illegible] княземъ, осталась собственностью [illegible] князя. Приведенное имъ мѣсто изъ [illegible] ной грамоты Василія Дмитріевича [illegible] димірмъ Андреевичемъ опровергае[illegible] мнѣніе. Тутъ встрѣчаются фразы: „[illegible] ся ему и дѣтямъ его (Владимира) [illegible] и въ вотчину". Стало быть наслѣд[illegible] владѣніе; „въ удѣлъ и въ вотчину д[illegible] имъ Козлескъ, какъ было за мног[illegible] кимъ княземъ". Стало-быть послѣд[illegible] даетъ всѣ свои права („какъ было [illegible] Такихъ примѣровъ много. Что вожа[illegible] въ обмѣнѣ города отличаются въ [illegible] вотчинныхъ (стр. 56), это не дов[illegible]

ческаго различія отъ другихъ вла-
ьныхъ князей. Извѣстно, что вы-
вотчины въ XVII вѣкѣ получили
родовыхъ; однако онѣ различают-
е это основывается единственно
происхожденія или пріобрѣтенія,
личіи правъ на нихъ, какъ въ
ѣстѣ денегъ весьма часто сумма
монетами (столько-то рублей,
алтынъ и денегъ), а не нумери-
ей единицей. Всего болѣе, повиз-
ворить въ пользу г. Лакіера мѣ-
говоровъ Василія Васильевича съ
Шемякой. Сначала великій князь
въ удѣлъ и вотчину удѣлъ дяди
отомъ, въ другомъ договорѣ Ше-
ется не искать подъ княземъ и
городовъ и волостей, которые
ихъ отъ него въ удѣлъ и въ вот-
у что они вотчина великаго князя.
ечевидно новый договоръ, уничто-
жившій, на основаніи котораго вла-
нныя Шемякѣ въ удѣлъ и вот-
щаются снова къ великому князю.
пожалованные дѣйствительно были
т.-е. жаловались въ наслѣдствен-
енность въ эту эпоху, видно изъ
ти удѣлы назывались вотчинами,
ихъ князья отдавали земли въ
на правахъ полныхъ собственни-
го не могло бы быть, еслибы ве-
я удерживали право собственно-
жалованными удѣлами-вотчинами.
тора, какъ намъ кажется, произо-
о, что онъ, во-первыхъ, придалъ
ерестановкѣ словъ: „вотчина и
дѣлъ и вотчина", въ сущности безз
но-которыхъ, его ввело въ заблу-
шеніе московскихъ великихъ кня-
льнымъ. Весьма естественно, что
очувствовавъ свою силу, начали
послѣднихъ. Флетчеръ въ замѣча-
очиненіи своемъ о внутреннемъ
Россіи говоритъ между прочимъ,
князья прибѣгали къ обмѣну удѣ-
частей удѣльныхъ князей изъ по-
ъ видовъ; имъ нужно было уда-
изъ ихъ наслѣдственныхъ владѣ-
ять другими людьми, чтобы отнять
ніе и возможность дѣлать загото-
ѣны. Вотъ весьма вѣроятное объ-
ахъ перемѣщеній удѣльныхъ кня-
области въ область. „Московская
ная политическая система", „уна-

женіе" московскихъ государей „къ неприкос-
новенности удѣловъ". (стр. 55) — фантазія
автора, а не историческая дѣйствительность;
правда, московскіе князья дѣйствовали обык-
новенно очень осторожно и медленно дости-
гали своей цѣли. Но причина не уваженіе къ
удѣламъ, а частью сила обычая, котораго
великіе князья долго не могли нарушить
явно, отъ котораго они даже сами не вдругъ
могли отстать,—частью сила удѣльныхъ кня-
зей, которыхъ опасно было возстановить про-
тивъ себя. Чѣмъ слабѣе становились князья,
тѣмъ, разумѣется, болѣе и болѣе уравнива-
лись они съ прочими велико-княжескими под-
данными, и тѣмъ повелительнѣе говорили съ
ними московскіе государи. Вотъ почему мы
не можемъ согласиться съ авторомъ, что
земли жаловались въ удѣлъ и вотчину въ
награду за службу (стр. 61); частнымъ лю-
дямъ — такъ; князьямъ удѣльнымъ въ это
время — едва ли. Пожалованье въ награду
могло начаться только съ того времени,
когда удѣльные князья совершенно утратили
и тѣнь прежней независимости, а это сдѣла-
лось позднѣе. Мы не думаемъ также, чтобы
на одинъ земли, пожалованныя въ удѣлъ и
вотчину, простиралось право великихъ кня-
зей отнимать ихъ за измѣну, за переходъ
князя къ недругу Москвы (idem): этому равно
подчинялось всякое имущество, безъ разли-
чія, пока конфискація существовала въ обы-
чаяхъ и законахъ. Справедливо изъ всѣхъ
разсужденій автора только то, что названіе
удѣлъ, еще напоминавшее владѣльческія
права удѣльныхъ князей, исчезло совершен-
но, когда послѣдніе окончательно низошли
въ разрядъ подданныхъ, и что право доче-
рей этихъ князей наслѣдовать въ удѣльныхъ
вотчинахъ обозначило переходъ этихъ вот-
чинъ изъ государственныхъ, политическихъ,
въ частныя, гражданскія.

Остальныя страницы этой главы посвя-
щены изслѣдованію о вотчинахъ княгинь, о
черныхъ, посошныхъ и подклѣтныхъ селахъ.
Вообще эти изслѣдованія удовлетворительнѣе
предъидущихъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя
неточности. На стр. 64 авторъ говоритъ: „По-
жалованными такимъ образомъ землями (въ
прожитокъ) княгиня распоряжалась какъ вот-
чинница". Это несправедливо. Прожиточныя
вотчины давали только пожизненное пользо-
ваніе: владѣлица не могло ихъ отчуждать.
Тамъ же, о прожиточныхъ помѣстьяхъ ска-
зано, что княгиня имѣла право облагать жи-



ъ дани, переведена потомъ
ажи и переведена такъ, что
ъ виръ и продажъ въ коли-
ствовавшемъ дани, а не ви-
мъ. Почему и для чего пере-
бразомъ десятина, не сказано.
ы знаемъ, что послѣдніи шли
ойска („то на оружьи и на
акимъ образомъ, это перене-
было неудобно и для церкви
князя потому, что ему должно
недостающее въ доходы отъ
изъ другихъ источниковъ,
этому что величина десятины
вирами и продажами, а
ніи десятины произошли за-
ность, и это, по нашему мнѣ-
ъ выразить словами: „нужа
у, нужа же князю въ томъ,
и Божи". Нужа никогда не
ъ смыслѣ нужно, какъ пере-
ъ, и притомъ, если „праки-
говоритъ авторъ, — было
оставляло десятину", то вѣдь
можно было однимъ отнятіемъ
ъ этого не сдѣлалъ. Чтобъ
леніе десятины въ пользу
ратилъ ее въ опредѣленный,
одъ—сто гривенъ кунами, ко-
ъ изъ Онѣги; недостающее,
20 гривенъ, дополнялось изъ
ы. Такъ мы понимаемъ это
ыть, мы и ошибаемся; но вся-
ое толкованіе имѣетъ за себя
, чѣмъ переводъ г. Лакіера.
торъ говоритъ, что Десятин-
Кіевѣ принадлежали цѣлые
вается на словахъ лѣтописи,
обѣщалъ давать этой церкви
ъ десятую часть, и что По-
„десятинымъ городомъ Свя-
". Намъ кажутся эти доводы
Подъ выраженіемъ „отъ
сятую часть" едва ли можно
язь уступилъ церкви деся-
ъ городовъ. Если это и воз-
приведеннаго мѣста выводить
язь уступилъ церкви деся-
, виръ, продажъ, также могъ
сятину изъ доходовъ отъ го-
надлежащихъ. Названіе „де-
" тоже подвержено различ-
Князь могъ уступить церкви
этаго изъ своихъ городовъ,
имѣсто того, чтобы отдавать ей десятую часть изъ доходовъ каждаго города; подъ десятинным городомъ, далѣе, могъ лѣтописецъ разумѣть городъ, платившій церкви десятину, въ отличіе отъ другихъ, не платившихъ ничего церкви. Это потому возможно, что князь отдавалъ десятую часть отъ своихъ городовъ, слѣдовательно принадлежавшихъ ему, въ отдѣльное владѣніе. Дѣлая эти возраженія г. Лакіеру, мы вовсе не хотимъ непремѣнно утверждать противное его мнѣнію; можетъ быть, его объясненіе и лучше тѣхъ, которыя мы предложили. Пріискивая возможность другого толкованія, мы хотимъ только доказать, что онъ недовольно осторожень въ своихъ заключеніяхъ, и что мѣсть, приведенныхъ имъ изъ источниковъ, мало для произнесенія окончательнаго отвѣта на вопросы столько важные, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, имѣла ли церковь въ XII вѣкѣ право собственности на города, или не имѣла? Отвѣть приблизительный, около, по догадкамъ и вѣроятіямъ, еще не даетъ права говорить аподиктически. На той же стр., прим. 12, въ жалованной грамотѣ Мстислава Юрьеву монастырю слово боуйцѣ г. Лакіеръ переводитъ: покровителю военныхъ, но не объясняетъ и не показываетъ, гдѣ встрѣчалъ онъ это слово съ такимъ значеніемъ, и не опровергаетъ довольно общепринятаго мнѣнія, по которому подъ боуйцѣ разумѣютъ названіе села, пожалованнаго княземъ Юрьеву монастырю. Оттого ему кажется, что въ печатной грамотѣ есть пропускъ.— На стр. 78 авторъ также рѣшительно, хотя и также неосновательно, утверждаетъ, что „съ того времени, какъ Россія стала вотчиною и дѣдиною великокняжескаго рода, ни одно лицо, къ нему принадлежавшее, не умирало безъ завѣщанія, въ которомъ бы не было какого-нибудь отказа въ пользу церкви", и т. д. Легко это сказать, но доказать—просто невозможно. Притомъ фраза обвинчива: если авторъ думалъ этимъ выразить, что не было завѣщанія безъ такого распоряженія—онъ можетъ быть правъ: за него всѣ вѣроятія; но если принять его слова буквально, что ни одинъ членъ великокняжескаго семейства не умиралъ безъ завѣщанія—это очевидно неправда.

Почти каждая страница представляетъ подобныя недоказанныя положенія. На стр. 80 и 81 читаемъ: „по мѣрѣ того, какъ развивалось у насъ понятіе о государствѣ, умень-

шалось и количество земель, отдаваемыхъ государями въ монастыри, и частные люди, которые, по ограниченному у насъ въ древности праву собственности, не могли никогда давать въ монастыри большія имѣнія, стали также переставать жертвовать частью своего достоянія на поминокъ души". Нужна большая рѣшительность, чтобы такъ положительно говорить о фактахъ неизвѣстныхъ, и притомъ такой важности. Уменьшеніе или увеличеніе церковныхъ вкладовъ есть характеристическая черта не только въ исторіи церковныхъ вотчинъ, но въ исторіи русской цивилизаціи. Отъ разнаго рѣшенія этого вопроса взглядъ на нее совершенно измѣняется. Авторъ знаетъ, что множество документовъ, которые могли бы имѣть въ этомъ дѣлѣ окончательный голосъ, изчезли безвозвратно; изъ существующихъ обнародована по объему самая незначительная часть. Да что мы говоримъ? Кто не знаетъ, какое огромное количество одиѣхъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ еще не напечатано; а вѣдь онѣ еще не самый богатый источникъ для изученія постепеннаго увеличенія церковныхъ имѣній. Гдѣ жъ пользовался авторъ статистическими данными, которыя одни могутъ рѣшить вопросъ? Да наконецъ онъ и самъ себѣ противорѣчитъ, ибо на стр. 98 мы читаемъ у него, слѣдующее: „нѣтъ почти ни одного завѣщанія, въ которомъ бы не отказывались земли въ пользу церкви, такъ что если не оставалось завѣщанія, предполагалось, что умирающій, если бы успѣлъ распорядиться о своемъ имѣніи, не забылъ бы церкви". И это совершенно справедливо. Ограниченное право собственности частныхъ людей въ древней Руси—если бы оно и дѣйствительно было ограничено—не свидѣтельствуетъ нисколько о величинѣ имѣній, отказываемыхъ церкви. Право на имѣніе могло быть ограничено, а количество ихъ велико; одно нисколько не зависитъ отъ другого и съ нимъ не связано. – Далѣе, на стр. 82, г. Лакіеръ упоминаетъ о какихъ-то будто бы имъ упомянутыхъ стѣсненіяхъ свободной отдачи земель въ монастыри еще до Іоанна III; мы не видали и не знаемъ этихъ стѣсненій.

Начиная съ 82 стр. авторъ подробно излагаетъ исторію секуляризаціи церковныхъ имѣній. Мы уже высказали выше свое мнѣніе объ этой части разсужденія; кромѣ нѣкоторыхъ пропусковъ, она особенно потому неудовлетворительна, что очень поверхностно излагаетъ причины секуляризаціи. [illegible] каждой страницѣ находимъ новыя, [illegible] денныя и не обслѣдованныя критикою того вѣроятныя и невозможныя при[illegible] стро перемѣшаны, и начисляются въ [illegible] логическомъ порядкѣ.

Авторъ, вѣроятно увлекшись ра[illegible] какъ будто забылъ, къ чему клонил[illegible] правительства въ отношеніи къ пер[illegible] вотчинамъ, потерялъ нить администра[illegible] переворота, приготовлявшагося во[illegible] слишкомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ[illegible] рилъ до того, что на стр. 94 говоритъ: [illegible] чаніе реформы, начатой Петромъ I[illegible] на счетъ отвода къ монастырямъ у[illegible] наго количества земли и угодій, пр[illegible] при императрицѣ Екатеринѣ II". К[illegible] не для чего напоминать, что реформ[illegible] Великаго, оконченная Екатериной II[illegible] не состояла въ отводѣ монастырям[illegible] нѣшняго (?) количества земли и уго[illegible] обращеніи монастырскихъ и церковны[illegible] ніи изъ духовнаго вѣдомства въ [illegible] такъ что результатомъ реформы бы[illegible] тожденіе права собственности церкви [illegible] ковныя вотчины; церковь была ко[illegible] надѣлена землями и угодьями отъ [illegible] ства, но уже безъ права собственн[illegible] мое пріобрѣтеніе вновь земель [illegible] церкви, исключая особенныхъ случ[illegible] которыхъ на такое пріобрѣтеніе [illegible] обходимо соизволеніе верховной вла[illegible] стр. 99 г. Лакіеръ объясняетъ обра[illegible] выкупъ плѣнныхъ денегъ, отданныхъ [illegible] настыри „по душѣ" безнотомно у[illegible] тѣмъ, „что проповѣдникъ долженъ [illegible] своей проповѣди". Но это объясне[illegible] невѣроятно. Не надобно забывать, [illegible] постановленіе состоялось очень п[illegible] до Петра, когда секуляризація це[illegible] имуществъ уже успѣла сдѣлать [illegible] ные успѣхи.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя нето[illegible] этой главѣ. Жалованная данная гр[illegible] мнѣнію автора, тоже, что теперь [illegible] вводъ во владѣніе (стр. 112); эт[illegible] ведливо. Послѣднему въ древней [illegible] ской практикѣ соотвѣтствовали по[illegible] и ввозная грамоты.—„Первыя дв[illegible] ственныя мѣста (патріаршій дворъ [illegible] шій приказъ) завѣдывали судомъ н[illegible] лями домовыхъ патриаршихъ имѣ[illegible] 113). Въ ссылкахъ, приведенныхъ [illegible] о патріаршемъ приказѣ ни слова.

отчины) вмѣстѣ съ архіерейскими …скими недвижимыми имѣніями под… …ночально Духовной Коллегіи, …в. Синоду" (стр. 115). Также раз… …овная Коллегія и Синодъ въ дру… (стр. 126). Сколько мы знаемъ, …оллегія и Синодъ—одно и то же … О подсудности монастырей При… …ного Дворца сказано (стр. 123, …7): „Явленіе это вполнѣ объяс… …ь, что какъ дворецкій былъ соб… …иновникъ при государѣ, такъ и …ийся изъ него Приказъ Большого …вѣдывавшій доходами съ имѣній …къ, постоянно находился при немъ, …слѣдовательно самъ могъ слѣдить …за его распоряженіями". Съ этимъ …емъ вполнѣ согласиться. Дворцо… …ъ не потому завѣдывалъ монастыр… …ми, что находился всегда при …рый могъ такимъ образомъ слѣ… …го распоряженіями; причина го… …е: Приказъ Большого Дворца раз… …должности дворецкихъ, которымъ …ала дѣйствительно поручали за… …монастырями, какъ ближайшимъ …гамъ. Сперва монастыри судилъ и …ъ князь: это было важной привил… …немъ монастыри находили защиту …отивъ произвола кормленщиковъ …ъ. А когда кругъ дѣятельности …ширился, занятія ихъ стали много… …ни удѣляли часть дѣлъ, находив… …хъ непосредственномъ завѣдыва… …женнымъ и довѣреннымъ лицамъ. … отданы дворецкимъ. Такъ они и …а ними, и когда, по многосложи… …тій дворецкихъ, появились Двор… …казы—за Дворцовыми приказами. …го первоначальное значеніе этой …и монастырей —судиться непосред… …имъ княземъ, или „кому онъ ука… …жно было значительно измѣниться, …ратиться. Но все-таки монасты… …ь подъ подвѣдомственность од… …ному, а не нѣсколькимъ, тѣмъ …одамъ, сильнымся довольно ча… …ревней Руси, при недостаткѣ пра… …министраціи и проистекавшей от… …сительности запугивать судью, —от… …понятная въ наше время посло… …йся суда, бойся судьи, было дѣ… …ачайно важнымъ, сколько прави… …го именно править. Имѣть одного и постояннаго было гораздо выгоднѣе, чѣмъ нѣсколькихъ и часто сѣнившихся. Возвращаясь къ вопросу, мы замѣтимъ, что завѣдываніе Дворцовымъ приказомъ монастырей зависѣло не отъ сопутствованія этого приказа государю, а оттого, что они находились первоначально въ вѣдомствѣ дворецкихъ.

Перейдемъ теперь къ послѣдней, третьей главѣ: о вотчинахъ частныхъ лицъ и помѣстьяхъ. Эта часть разсужденія г. Лакіера имѣетъ тѣ же достоинства, какъ и прежнія, но недостатки ея гораздо значительнѣе и рѣзче. Частныя вотчины и помѣстья составляютъ главную задачу изслѣдованій автора; но именно она то разрѣшена всего неудовлетворительнѣе. И ошибокъ встрѣчаемъ здѣсь несравненно болѣе. Очевидно, авторъ приступилъ къ дѣлу, не опредѣливши напередъ главныхъ вопросовъ, не установивъ и не выяснивъ путеводныхъ точекъ, которыя служили бы ему руководствомъ при изложеніи предмета и дали бы его изысканіямъ цѣлость и единство. Положенія величайшей важности схвачены какъ будто налету, случайно, и такъ и представлены; частое противорѣчіе факта съ теоріей —вѣрное доказательство, что или фактъ ошибочно понятъ, или теорія невѣрна. Всюду видны поверхностное изученіе, небрежность, едва понятныя въ такомъ важномъ предметѣ.

„Правъ полной собственности, принадлежавшихъ въ древней Россіи исключительно государю и церкви надъ ихъ землями, не имѣли частныя лица надъ своими вотчинами и помѣстьями. Кромѣ государственнаго характера, преобладавшаго у насъ въ древней частной собственности, полному развитію ея мѣшалъ родовый элементъ, возникшій первоначально изъ духа народнаго и образованія государства чрезъ нашествіе, и поддерживаемый впослѣдствіи, особенно со времени Петра В., для государственныхъ цѣлей. Справедливость сказаннаго доказываетъ намъ изложеніе способовъ пріобрѣтенія частной собственности въ древней Россіи, перехода имѣній отъ одного лица къ другому и наконецъ прекращенія права собственности. При этомъ необходимо различать два отдѣла: вотчины и помѣстья, изъ которыхъ второгія до 1714 года отличались отъ первыхъ своимъ исключительно государственнымъ, служебнымъ характеромъ, и отсутствіемъ въ нихъ вслѣдствіе этого родовой стихіи, пока помѣстья не слились въ 1714 году съ вотчинами, подъ именемъ недвижимыхъ имѣній. Имѣлось названіе, но собственность частныхъ лицъ была обременена различными реаліями, необходимыми для государственныхъ цѣлей, пока наконецъ эти ограниченія не сняты съ частныхъ имѣній при императрицѣ Екатеринѣ II". (Стр. 131 и 132)

Нѣкоторыя изъ этихъ совершенно ошибоч-

ныхъ и ложныхъ общихъ положеній о частной собственности въ древней Руси мы уже разбирали, и потому не станемъ долго надъ ними останавливаться. Очевидно, здѣсь, какъ и прежде, авторъ перемѣшалъ собственность отдѣльнаго лица съ собственностью рода, и потому, что не было первой, отрицаетъ у насъ существованіе полной частной собственности вообще. Но къ этой главной, основной ошибкѣ присоединилось еще множество другихъ, совершенно для насъ непонятныхъ. На какомъ основаніи авторъ упоминаетъ имѣній, не различая, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, и называетъ ихъ отдѣльными одного и того же права? Откуда взялъ г. Лакіеръ, что родовой элементъ въ собственности былъ поддерживаемъ, особенно со времени Петра Великаго, для какихъ-то государственныхъ цѣлей? Гдѣ онъ видитъ въ помѣстной системѣ отсутствіе родовой стихіи, или, правильнѣе сказать, какъ онъ не замѣтилъ ея въ помѣстной системѣ? Все это слишкомъ ясно показываетъ, какъ обдуманно приступилъ авторъ къ дѣлу. А между тѣмъ, что такое помѣстья, чѣмъ различаются они отъ вотчинъ, какъ помѣстья мало-по-малу воспринимали въ себя начала собственности и съ тѣмъ вмѣстѣ родовой элементъ, какъ собственность постепенно выработывалась у насъ изъ родового начала, особенно со времени реформы, -все это азбука въ исторіи помѣстной и вотчинной системы. О сбивчивыхъ понятіяхъ автора о полномъ правѣ собственности нечего и говорить. Опредѣливши право собственности „какъ понятіе отвлеченное въ самомъ себѣ и безграничное въ исполненіи, въ той мѣрѣ, въ какой это дозволяютъ правила религіи, обрядъ правленія и вообще государственное устройство", г. Лакіеръ показалъ свое неискусство обходиться съ теоретическими вопросами.

Чтобы отстоять свою основную мысль, будто бы частные люди не имѣли у насъ полныхъ правъ собственности, авторъ долженъ былъ, логически, впасть въ другую, не менѣе важную ошибку. „Частная собственность" читаемъ мы на 132 страницѣ — „вышла изъ Государевой. Древнѣйшіе поэтому способы пріобрѣтенія частными людьми вотчинъ истекали изъ воли монарха". Если бы онъ сказалъ, что способы пріобрѣтенія собственности опредѣляются и устанавливаются положительнымъ законодательствомъ, и безъ сего признанія недѣйствительны, это было бы несомнѣнно такъ. Но и тутъ [illegible] утвержденіе правительствомъ способа пріобрѣтенія появляется не прежде [illegible] самого законодательства, слѣдовательно позднѣе довольно поздно. Но утверждение что вотчины исторически произошли вслѣдствіе пожалованья или утверждения частнымъ лицамъ со стороны князей — значитъ просто не знать исторіи русскаго [illegible] подательства. Роды, общины, города сельскія, съ незапамятныхъ временъ [illegible] ранѣе прежде признанія князей жившими однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, владѣли вотчинномъ правѣ; завладѣніе и [illegible] пустопорожней земли еще въ XVII вѣкѣ давало право собственности. Повторяю, государь былъ обладателемъ всей [illegible] государственномъ, а не частномъ [illegible] слова, и всѣ повинности и регалии, [illegible] съ Петра Великаго до Екатерины [illegible] частной собственности, доказывать [illegible] зависимость ея отъ государства [illegible] весьма естественное, общее всѣмъ [illegible] дательствамъ, а не ея отсутствіе. Въ [illegible] способовъ пріобрѣтенія собственности [illegible] вымъ названа продажа княземъ [illegible] боярамъ. Не доказываетъ ли это, [illegible] бояре уже имѣли частную собственность [illegible] будь этого, какъ бы они могли покупать [illegible] у князей? Правда, эта собственность [illegible] рѣдко нарушалась; но это зависѣло [illegible] отъ государственныхъ причинъ, отъ отношеній [illegible] князей по удѣламъ, слѣдовательно [illegible] существованія частной собственности [illegible] дѣтельствуетъ нисколько. Авторъ [illegible] „иногда великіе князья, именно [illegible] преобладавшаго тогда начала, распоряжались [illegible] въ духовномъ завѣщаніи свои владѣнія [illegible] давали своему потомству пожалованныя [illegible] проданныя частнымъ лицамъ земли" [illegible] Въ подтвержденіе своей мысли онъ [illegible] дитъ мѣсто изъ завѣщанія Василія [illegible] „а кому буду давалъ своимъ княземъ [illegible] рамъ и дѣтемъ боярскимъ свои села [illegible] лованье или хотя и въ куплю кому [illegible] ино то мои села моимъ дѣтямъ, [illegible] удѣлъ будетъ, ино тому то и есть". [illegible] можетъ быть, что эти пожалованныя [illegible] данныя вотчины дѣйствительно были [illegible] у ихъ владѣльцевъ и стали собственностью [illegible] княжескаго дома. Будь и такъ это [illegible] ничего не доказывало противъ существования [illegible] права собственности въ древней Руси. [illegible] сверхъ того, намъ кажется, что

ыть и ниже объяснено. Отдача
и другихъ владѣльческихъ земель
во удѣламъ имѣла, какъ намъ ка-
кько государственное, а не граждан-
ное значеніе. Изъ договоровъ и за-
нижи московской эпохи видно, что
слуги могли имѣть вотчины въ од-
мъ, а служить въ другомъ; иногда,
мѣсто владѣнія опредѣляло и
къ что, переходя къ другому князю,
лишался своей собственности. Бы-
ло, что вотчины бояръ и слугъ
ня, находившіяся въ удѣлахъ дру-
ей, считались, по ихъ владѣльцамъ,
ащими къ удѣлу перваго, и на-
вся территорія удѣла безъ изъятія
одиться въ нераздѣльномъ государ-
обладаніи мѣстнаго князя. Не раз-
завѣщаніе Василія Темнаго отдачу
ъ и пожалованныхъ владѣній удѣль-
о въ этомъ послѣднемъ, а не въ
ожъ значеніи? Не смѣемъ утверж-
рное, что такъ было, но думаемъ,
е только возможно, но даже весьма
ибо, повторяемъ, мы видимъ и
стную собственность въ древней
е можемъ представить себѣ вре-
да ея не было.

о давности, какъ способѣ пріобрѣ-
нія, авторъ дѣлаетъ три ошибки:
ъ, онъ причисляетъ давность къ
пріобрѣтенія, „истекавшимъ изъ
рха". Во-вторыхъ, по его мнѣнію,
у насъ въ первоначальномъ своемъ
имѣла главнымъ образомъ въ виду
владѣльца за его небреж-
то, что онъ допустилъ посторон-
прослѣдѣть извѣстное число лѣтъ
емъ, не оспаривая этого законнымъ
" (стр. 137). Но у насъ не только
сти, даже въ XVIII вѣкѣ, когда
венность была сравнительно раз-
здо больше, поводомъ къ установ-
ности служило желаніе правитель-
зможности уменьшить число исковъ,
ть безконечные и слишкомъ запу-
роцессы, разорительные для тяжу-
бремянительные для судовъ. Тѣмъ
ъ было къ болѣе отдаленнымъ вре-
бавимъ къ этому, что право соб-
и, которое всегда и вездѣ происте-
владѣнія, но всѣхъ законодатель-
ень долго сохранять на себѣ жи-
своего историческаго прототипа,
и постоянное владѣніе необходимо, чтобы
право собственности могло сохраниться. Пре-
рвалось владѣніе — прерывается вскорѣ и
право собственности. Оттого такой ограни-
ченный срокъ для поземельной давности въ
нашихъ Судебникахъ. Только съ значитель-
ными успѣхами гражданственности право ста-
новится самостоятельнѣе, такъ сказать не-
зависимѣе отъ факта, и срокъ давности уве-
личивается. Въ третьихъ, г. Лакіеръ утверж-
даетъ, что „срокъ для истеченія давности
былъ продолжительнѣе по отношенію къ не-
движимымъ имѣніямъ, которыми владѣлецъ,
особенно при большомъ ихъ количествѣ, не
могъ или не имѣлъ нужды пользоваться часто,
и кратче въ дѣлахъ объ имѣніи движимомъ
и по обязательствамъ" (стр. 137). Этому про-
тиворѣчитъ однако самымъ положительнымъ
образомъ наше законодательство: для земли
была трехлѣтняя давность, для денежныхъ
исковъ по заемнымъ актамъ—пятнадцати-
лѣтняя. Авторъ, можетъ быть, имѣлъ въ
виду 40-лѣтнюю давность, погашавшую право
выкупа родовыхъ имѣній; но вѣдь это не
была давность поземельная, а чисто личная,
которая свидѣтельствовала только о силѣ
кровныхъ отношеній и связей, признаваемыхъ
и освященныхъ законодательствомъ.

Въ изслѣдованіи одного изъ весьма важ-
ныхъ вопросовъ древняго русскаго законода-
тельства: имѣли ли крестьяне право пріобрѣ-
тать въ собственность землю? —г. Лакіеръ дѣ-
лаетъ тоже нѣсколько ошибокъ. Онъ ду-
маетъ, что съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ
это право необходимо исчезло; но съ этимъ
нельзя согласиться. Прикрѣпленіе приготов-
вило уничтоженіе гражданскихъ правъ для
одной только части крестьянскаго сословія;
для другой они не прекращались, и въ
XVIII вѣкѣ только подтверждены закономъ.
Ошибка эта оттого произошла, что авторъ
думаетъ, будто крестьяне „прикрѣплены къ
землѣ наравнѣ съ холопами и дворовыми
людьми". Какъ онъ пришелъ къ этому ре-
зультату—не знаемъ; ибо всѣ источники еди-
погласно свидѣтельствуютъ, что холопы и
дворовые люди составляли личную собствен-
ность господъ, но не были прикрѣплены къ
землѣ до первой ревизіи и не имѣли нака-
кихъ гражданскихъ правъ; напротивъ, кре-
стьяне и послѣ прикрѣпленія долго сохра-
няли гражданскія права, а живше на казен-
ныхъ земляхъ никогда ихъ и не утрачивали.
Но самая важная ошибка г. Лакіера состоитъ

въ томъ, что, говоря о правѣ крестьянъ имѣть поземельную собственность, онъ не обратилъ никакого вниманія на владѣніе землею общинъ и городовъ. Какъ собственность родовая рѣшительно преобладала у насъ въ старину надъ собственностью отдѣльныхъ лицъ, такъ точно право крестьянъ на поземельную собственность, которымъ рѣдко пользовались отдѣльныя ихъ семьи и лица, весьма опредѣленно и ясно выражалось въ поземельной собственности городскихъ и сельскихъ общинъ. Это авторъ совершенно опустилъ изъ виду. А отчего? Оттого, что онъ перемѣшалъ гражданскую поземельную собственность съ государственнымъ обладаніемъ территоріи. По его мнѣнію, московскіе государи имѣли право гражданской собственности на всю землю внутри предѣловъ московскаго государства; для собственности частныхъ лицъ не оставалось уже мѣста, и потому онъ вычеркнулъ ее изъ древней Руси. Естественно, что и общины представились ему тоже сидящими на государевой землѣ, съ правомъ владѣнія и пользованія. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Не говоря уже о свидѣтельствѣ древнихъ актовъ и законодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ несомнѣнно видно, что въ древней Руси были общины, никому не принадлежавшія въ собственность и совершенно свободно распоряжавшіяся своими землями и угодьями, самое законодательство XVIII вѣка доказываетъ это очевиднымъ образомъ. Цѣлый рядъ постановленій, особливо съ царствованія императрицы Екатерины II, вводитъ положеніе, что земли, не принадлежащія въ собственность частнымъ лицамъ или императорской фамиліи, принадлежатъ, по гражданскому праву, государству, и только оно имѣетъ право распоряжаться ими на правахъ собственника. Итакъ, это было новое явленіе въ нашемъ внутреннемъ быту; иначе не для чего было бы проводить его законодательными мѣрами. Еще въ „Уложеніи“ земли, никому не принадлежащія, называются ничьими. Первое вмѣшательство администраціи во внутренній бытъ городовъ обнаруживается общей мѣрой не ранѣе Алексѣя Михайловича. Но мы знаемъ, что оно вызвано было жалобами городскихъ жителей и притомъ имѣло финансовое значеніе, и никакого прямаго отношенія къ поземельнымъ правамъ городскихъ общинъ. Если бы авторъ изучилъ поземельную собственность древнихъ общинъ, отношеніе къ ней отдѣльныхъ членовъ общинъ и постепенное обращеніе этой собственности въ государственную, онъ оказалъ бы важную услугу исторіи нашего внутренняго быта, и гораздо легче бы вопросъ, до сихъ поръ представляющій непобѣдимыя трудности.

Весьма убѣдительно изложена также [illegible], которая уже, сама по себѣ, могла бы [illegible] вить предметъ очень интересной [illegible] ской монографіи: мы говоримъ о „[illegible] характерѣ нашихъ древнихъ вотчинъ, [illegible] чемъ этотъ элементъ обозначился [illegible] онъ постепенно ослабѣвалъ—вопросъ [illegible] чайно важный, особенно по той роли, [illegible] рую кровное начало играло въ нашемъ [illegible] немъ быту. На стр. 141 мы встрѣтили [illegible] дующія слова: „право отчуждать вотчину и право, составлявшее [illegible] съ тѣмъ и обязанность передавать ее [illegible] потомству, которому она пожалована [illegible] представители рода, какъ бы противо[illegible] между собою, но они сходятся въ [illegible] правѣ полной собственности въ той [illegible] въ какой она была доступна для [illegible] человѣка въ древней Россіи“. Что [illegible] сказать этимъ авторъ? -не знаемъ. [illegible] поставленъ имъ очень любопытный: [illegible] рѣшеніе должно дать ключъ къ по[illegible] переходу собственности изъ родовой [illegible] дѣльную, личную. Жаль, что авторъ, [illegible] того, ограничился непонятной и ни[illegible] значащей фразой.

„Родовыя вотчины продавались [illegible] въ полную, безграничную, неотъемлемую [illegible] ственность, безъ предоставленія родс[illegible] камъ продавца права выкупа, о чемъ [illegible] чей именно упоминалось“ (стр. 143). [illegible] совѣмъ вѣрно. Продавецъ могъ отказ[illegible] отъ права выкупа за свое наслѣдство; что же касается до преи[illegible] необходимо было, чтобы они сами [illegible] отказались, какъ видно изъ новгор[illegible] купчихъ.—Говоря далѣе о правѣ [illegible] г. Лакіеръ объясняетъ постановленіе [illegible] Грознаго, которымъ закладъ земли [illegible] въ залогъ, и смягчены прежнія, т[illegible] для заемщиковъ условія стремленіе [illegible] вительства сохранить вотчину въ [illegible] (стр. 145). Мы находимъ это объясн[illegible] вершенно ошибочнымъ. Во всѣхъ [illegible] тельствахъ, сначала очень строгихъ [illegible] выхъ къ должникамъ, наступаетъ [illegible] поздно эпоха, когда они принимаю[illegible]

ъ подъ защиту и охраняются отъ
корыстолюбія и жестокости кре-
ликій Іоаннъ, задумавшій и от-
ршившій столько важныхъ ре-
мы обратилъ сострадательное вни-
лкую участь должниковъ и на-
дать ихъ законами. Къ числу
въ относится и упомянутый г. Ла-
55 года, 11 января); сохраненіе
родѣ могло быть его послѣд-
вовсе не было цѣлью.

но вникать авторъ въ родовой
шего древняго вотчиннаго права,
у прочимъ изъ его разсужденій
ии завѣщанія къ наслѣдованію
ъ до-Петровской Руси. Онъ гово-
53 и 154):

ожнаго распоряженія своею вотчиною
ѣмъ преобладаніе родоваго начала со-
ичительную черту древняго русскаго на-
права, а завѣщаніе и законъ были два
ія одинаковымъ началамъ формы насл
бованіемъ впрочемъ первою".

ъ мѣстѣ (стр. 160):

ения, ни въ послѣдующихъ узаконеніяхъ
не было прямо высказано начало, что
правѣ завѣщевать по произволу свои
луженныя вотчины, хотя, вообще го-
ъ полной собственности истекавшія,
бы къ наслѣдственному праву, были
раничены и исподволе того на прак-
ись при исполненіи завѣщаній о ро-
".

(стр. 154, примѣч. 81):

было бы доказывать, что въ русскомъ
ъ правѣ быть исключительно родовой
и съ другой стороны нельзя отвергать
ія".

одно и то же время, авторъ до-
ва положенія, совершенно проти-
сперва, что завѣщаніе преобла-
надъ законнымъ порядкомъ на-
потомъ, что законный порядокъ
надъ завѣщаніемъ. Первое онъ
вообще, второе—въ отношеніи
ъ и выслуженнымъ вотчинамъ.
шается это противорѣчіе, какъ
другъ къ другу оба положенія,
и слова, авторъ не позаботился
ъ на источники, гдѣ онъ нахо-
ограниченія права свободнаго за-
овныхъ и выслуженныхъ вотчинъ

до 1679 года, и о практическомъ примѣне-
ніи обычныхъ понятій о родовомъ имѣніи.
Отношеніе родоваго начала къ свободному
завѣщанію въ древнемъ русскомъ наслѣд-
ственномъ правѣ представлено у него прямо
противоположно тому, какъ было на дѣлѣ,—
и онъ былъ бы совершенно правъ, если бы
сказалъ: безполезно было бы доказывать, что
въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ было
исключительно признано свободное распоря-
женіе имѣніемъ по завѣщанію, хотя, съ дру-
гой стороны, нельзя отвергать его существо-
ванія. Вся эта темнота и запутанность про-
изошли оттого, что г. Лакіеръ, изучая наше
наслѣдственное право, принялъ исходной точ-
кой римское право, а не древніе русскіе
обычаи. У римлянъ наслѣдованіе по закону
было противодѣйствіемъ, обуздываніемъ произ-
вола завѣщателей, которые особенно были
неблагосклонны къ своимъ естественнымъ на-
слѣдникамъ. Оттого у римлянъ завѣщатель-
ное распоряженіе представляло совершенную
противоположность законному порядку на-
слѣдованія, и они взаимно исключали другъ
друга. У насъ, въ древней Руси, не было
ничего подобнаго. У насъ кровное начало
поддерживалось нравами, обычаями, и по-
тому-то, между прочимъ, такъ долго родовое
начало не было предметомъ законодатель-
ныхъ опредѣленій: оно держалось собствен-
ной обычной крѣпостью. Время перехода его
въ законодательство было временемъ его
упадка, обезсиленія; законъ старался поддер-
жать и упрочить то, что въ обычаяхъ уже
колебалось и падало. Вотъ почему у насъ
завѣщаніе, свободное распоряженіе объ имѣ-
ніи на случай смерти вовсе не были проти-
воположны законному порядку наслѣдованія,
какъ у римлянъ. Завѣщатели обыкновенно
строго придерживались естественнаго по-
рядка наслѣдованія: исключенія были весьма
рѣдки, да и изъ нихъ большая часть состо-
яли въ отказѣ имѣнія не ближайшему, а дру-
гимъ родственникамъ, или въ неравномъ рас-
предѣленіи частей между наслѣдниками. Та-
кимъ образомъ, строить систему древняго
наслѣдственнаго права на противоположеніи
завѣщанія наслѣдованію по закону, значитъ
заранѣе отказаться отъ возможности ее по-
строить правильно. Сначала у насъ неразд-
ѣльно господствовала воля завѣщателя, по-
томъ она стѣснена въ отношеніи къ родо-
вымъ имѣніямъ. Но самый порядокъ наслѣ-
дованія и до этихъ ограниченій и послѣ

остался одинаковъ, потому что законодательныя распоряженія и правило закона совпадали, имѣя одно содержаніе и одинъ источникъ—обычай.

Въ изслѣдованіи о законномъ порядкѣ наслѣдованія авторъ не довольно внимательно прослѣдилъ, какъ постепенно родовое начало вытѣснило семейное, -другими словами, какъ права восходящихъ родственниковъ на наслѣдованіе расширялись, а боковыхъ, напротивъ, стѣснялись. А это предметъ чрезвычайно важный. Въ другомъ мѣстѣ мы высказали, что борьба родового начала съ семейнымъ и постепенное преобладаніе послѣдняго надъ первымъ составляютъ движущее начало между-княжескихъ отношеній отъ смерти Ярослава до московскаго государства. Тоже самое повторилось и въ гражданскомъ бытѣ, въ наслѣдственномъ правѣ, хотя, по времени, позднѣе. По „Русской Правдѣ" наслѣдуютъ сыновья и дочери; по „Судебникамъ" и внуки; правнуки призваны въ наслѣдованію уже послѣ „Уложенія". Въ новомъ законодательствѣ самые отдаленные восходящіе исключаютъ изъ наслѣдства боковыхъ родственниковъ.

Съ 161 страницы начинается изложеніе помѣстной системы. И здѣсь видно, что авторъ не составилъ себѣ опредѣленнаго, яснаго понятія о предметѣ, когда началъ о немъ писать. Общія положенія перемѣшаны съ фактическимъ изложеніемъ: гдѣ они ему представлялись по поводу какихъ-нибудь данныхъ, тамъ онъ ихъ и записывалъ. Оттого многихъ положеній мы вовсе не находимъ, а другія недостаточно развиты; прочитавъ разсужденіе г. Лакіера, все-таки не знаешь, какъ и почему возникла помѣстная система, какъ она развивалась, подъ какими условіями, и отчего прекратилась. Кромѣ этихъ общихъ недостатковъ встрѣчаемъ довольно и частныхъ промаховъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

О причинахъ появленія помѣстій авторъ говоритъ. „Какъ прежде, то-есть тогда, когда младшіе братья были обязаны помогать старшему въ его походахъ, великому князю не было представляемо необходимости давать служилымъ людямъ земли, подъ условіемъ службы, такъ напротивъ того послѣ Іоанна III, когда удѣльные князья, потерявъ всякое политическое значеніе, какъ самостоятельные государи, обратились въ слугъ великаго князя московскаго, необходимо было подумать объ обезпеченіи судьбы людей, служащихъ государству и притомъ именно какъ военныхъ" (стр. 165 и 167). И еще ... и первоначально только военная ... чиною и основаніемъ раздачи помѣ... 170). Итакъ, по мнѣнію г. Лакіера ... или главныхъ условій установленія ... тія нашей помѣстной системы было ... женіе удѣловъ: притомъ характеръ ... военный: помѣстья введены чтобы ... было служить именно военную слу... гдѣ-жъ доказательства на все это? ... княжескія существовали и во время ... на IV и послѣ; военная служба отъ ... данской и придворной не различала ... мѣръ того же Іоанна IV не видно. ... ще удѣльные князья хоть сколько-... вліяли на устройство помѣстій. Все ... вергаетъ автора и показываетъ ... слишкомъ односторонне понялъ начало ... мѣстной системы и историческое ... появленія. Этого мало: онъ не пока... даже придать вѣроятность своей ... ибо она не подтверждена ни одной ... Еслибъ у г. Лакіера не было предше... никовъ на этомъ поприщѣ, мы бы ... няли эту несмотрительность; но в... время она непростительна. За исто... изслѣдованія теперь ужъ нельзя при... ся такъ легко. Наконецъ мы не можем... нять и самого этимологическаго объ... слова „помѣстье" отъ „военныхъ ... Во-первыхъ, мѣста были не къ отво... ной службѣ: а потомъ авторъ знае... мѣста имѣли относительное значеніе, ... тахъ между служившими московскому ... дарю, тогда какъ помѣстья раздава... чинамъ. Извѣстно, что система испо... появилась у насъ весьма рано, и... первыми раздачами областей и горо... жескимъ приближеннымъ съ ихъ ... почему бы, кажется, удѣльнымъ ... имѣть такое вліяніе на ея оконча... установленіе? Авторъ легко могъ при... тому же заключенію; на стр. 161 и... указываетъ на ея слѣды при Калитѣ ... меонѣ Гордомъ; только его обычная ... писать не обдуманно напередъ ... вполнѣ была причиной, что подмѣчен... данныя для объясненія помѣстной ... до Іоанна III и IV не привели ... какимъ результатамъ, и неполнѣе ... жебныхъ князей факт весьма важ... государственной исторіи Россіи, по...

стории помѣстной системы играетъ
кую важную роль въ объясненіи
денія и образованія помѣстной си-

ихъ земель раздавались помѣстья?
разсужденія" говоритъ, что до Іо-
я при немъ „Государи назначали
утамъ землю за службу изъ сво-
ины, а въ послѣдствіи времени
тнали ихъ изъ земель государе-
рцовыхъ и черныхъ" (стр. 170 и
подтвержденіе приведено нѣсколько
доказывающихъ, что дѣйствительно
дворцовыя земли раздавались въ
— и только. Дѣйствительно ли раз-
личныхъ земель происходила въ той
ательности, какъ утверждаетъ авторъ,
ченіе имѣла эта постепенность
различныхъ земель въ помѣстья —
авторъ ничего не говоритъ. А это
ость чрезвычайно важный, одинъ изъ
въ исторіи нашихъ поземельныхъ
тношеній.

ь вотчины частныхъ людей обращались въ
но въ такомъ случаѣ, когда жена, остав-
по смерти мужа своего вотчинника и
отъ него земли на прожитокъ, съ обязан-
смерти своей отдать ее въ монастырь до
мужа своего поминка", выходила замужъ.
лась въ помѣстныя земли, за нее давае-
ыми въ монастырь деньги по Уложенію,
аловалось изъ той вотчины въ помѣстье,
ѣ государя". (Стр. 175).

справедливо. Не вотчина обращала
помѣстье, а земли, по тогдашнему
ельству обратившаяся въ государе-
ельдовательно переставшая быть

вообще и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ока-
государству лицами привилегированныхъ
ферьеръ гостями, были условіемъ дачи
службѣ же съ опредѣленнымъ оружіемъ и
ъ людей необходимымъ ея слѣдствіемъ".

точность. Если авторъ ужъ рѣ-
ъ о гостяхъ, онъ долженъ былъ
, что не только они, но и многіе
олучавшіе помѣстья, служили не
не съ оружіемъ. Изъ словъ Коших-
но, что гости получали помѣстья
ные сборы царскихъ пошлинъ, вы-
я казны продажу казенныхъ това-
д. Подъячіе, сидѣвшіе по прика-

замъ, вѣроятно тоже весьма рѣдко оказыва-
ли государству военныя услуги, а получали
же помѣстья.

На стр. 184 авторъ излагаетъ странную
и весьма невѣроятную гипотезу, что кромѣ
мѣстническихъ споровъ происходили еще,
соотвѣтствовавшіе имъ, споры о помѣстьяхъ,
и что „если мы и не находимъ о томъ въ
памятникахъ почти (?) никакихъ извѣстій,
то это вѣроятно потому, что счетъ о мѣс-
ты или собственно такъ называемое мѣстни-
чество заключало въ себѣ и споръ о помѣ-
стьяхъ". Въ подтвержденіе этой мысли г. Лакіеръ
приводитъ темное мѣсто изъ переписки Грознаго съ Курбскимъ, изъ котораго
ровно ничего не слѣдуетъ; потомъ указыва-
етъ на челобитныя 20 годъ, что такіе-то
служилые человѣки не достойны владѣть зем-
лею въ помѣстье, потому что измѣнили го-
сударю, что они утаили бывшія за нимъ
имѣнія" и т. п. „Эти челобитныя,—говоритъ
авторъ, невольно наводятъ на мысль, что
побужденіемъ въ этомъ случаѣ для просите-
лей и доносчиковъ было не одно желаніе
получить выгадавшія помѣстья, а другой, выс-
шій интересъ". Но почему это? Законы обѣ-
щали отдать помѣстья тому, кто докажетъ,
что извѣстное лицо владѣетъ ими неправиль-
но. Нуждавшихся въ помѣстьяхъ было мно-
го; они и пользовались этимъ. Это такъ про-
сто, что не требуетъ никакого дальнѣйшаго
объясненія. Наконецъ г. Лакіеръ ссылается
на указъ Алексѣя Михайловича, который,
признавая помѣстья дѣтямъ боярскимъ, вы-
разился такъ: „что они у Государева дѣла
въ головахъ и знаменщикахъ были радостью
и за то ихъ государь пожалуетъ, а гдѣ имъ
служба къ государской милости и чести. А
будетъ кто станетъ ихъ тѣмъ упрекати, и
тому быти сосланну въ Сибирь, а придати
тѣмъ, которые изъ 156 году были на государе-
вѣ службѣ на Украинѣ въ полкѣхъ до от-
пуску". Но и это мѣсто опять такъ не го-
воритъ въ пользу г. Лакіера. Въ изслѣдо-
ваніяхъ г. Валуева о мѣстничествѣ мы нахо-
димъ, что служба въ головахъ и знаменщи-
кахъ считалась низшей, и для знатныхъ ро-
дичей влекла за собой потерю, умаленіе
служебной чести, такъ что роды, занимав-
шіе такія мѣста, худали, понижались въ
служебной лѣствицѣ. Что были знатные ро-
ды захудавшіе, видно изъ Кошихина. Нако-
нецъ, мы знаемъ, что государи изъ дома
Романовыхъ всячески старались стѣснить и

по возможности ограничивать мѣстничество, вредное для службы и несогласное съ новымъ, государственнымъ порядкомъ, въ которомъ выборъ государя и личныя достоинства должны были сдѣлаться единственнымъ основаніемъ права занимать то или другое мѣсто въ службѣ. Достаточно припомнить все это, чтобъ найдти настоящій смыслъ мѣста, приведеннаго г. Лакіеромъ. Между дѣтьми боярскими, служившими въ головахъ и знаменщикахъ, вѣроятно были члены знатныхъ родовъ. Добровольно они занимали эти мѣста, или нѣтъ—нельзя сказать; ибо очень часто, особенно въ XVII вѣкѣ, царь приказывалъ служить безъ мѣстъ, то-есть не считаясь мѣстами, до окончанія похода, а кто не повиновался, тотъ послѣ такого приказанія накалывался какъ ослушникъ царской воли. Несмотря на то, многіе отказывались служить и подвергались царскому гнѣву; тѣ же, которые, подобно боярскимъ дѣтямъ, упомянутымъ въ приведенномъ указѣ Алексѣя Михайловича, оказывались покорными, заслуживали царскую милость и получали награды. Государь запрещалъ упрекать ихъ тѣмъ, что они служили на низшихъ мѣстахъ, потому что они служили по его приказанію, а не добровольно, и слѣдовательно временное умѣньшеніе ихъ служебной чести не могло служить имъ укоромъ. А что касается до придачи помѣстій, то она была явленіемъ весьма обыкновеннымъ въ XVII вѣкѣ, и представляетъ простую награду за службу, ничего болѣе; ее получали всѣ царскіе слуги, безъ различія мѣстъ и чиновъ.

И вотъ на чемъ основалъ авторъ свою гипотезу! Вникнувъ глубже въ отношеніе помѣстной системы къ мѣстничеству, нетрудно увидать, что такая гипотеза сама по себѣ, независимо отъ молчанія источниковъ, невозможна и несбыточна. Помѣстья давались не по мѣстамъ, а по чинамъ; между мѣстомъ и чиномъ не было никакихъ постоянныхъ отношеній, и потому назначеніе какого-нибудь боярина или окольничаго въ головы не оскорбляло ихъ; ихъ оскорбляло то, что, занимая низшую должность, они должны были занимать мѣсто низшее въ сравненіи съ другимъ, который, по родовымъ отношеніямъ, обусловленнымъ рожденіемъ или службою, былъ ниже, моложе ихъ. Другими словами, мѣста имѣли для служащихъ относительное, а не постоянное, опредѣленное значеніе. Ясно, что споры о помѣстьяхъ не могли быть; ясно, что они не имѣли могли имѣть ровно никакого отношенія мѣстническимъ спорамъ.

„Помѣщикъ обязанъ былъ съ своей стороны стараться объ улучшеніи качества находящейся у него только во временномъ владѣніи земли" (стр. 120). Совершенная правда! Этого не требуютъ и теперь; тѣмъ болѣе могли требовать въ XVII вѣкѣ.

На стр. 194 авторъ говоритъ, что помѣстья и вотчины раздавались между прочимъ, отличившимся своими заслугами. Но въ приведенной имъ выпискѣ сказано, что ихъ получали исправные, а не отличившіеся. Между тѣмъ и другимъ большая разница. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что стрѣльцы, солдаты, драгуны комплектовались изъ крестьянъ (стр. 194). Мы прибавимъ, что не изъ однихъ крестьянъ: въ исчисленныя службы вступали и земцы, и мелкопомѣстные помѣщики, и дѣтиные, посадскіе люди (что потомъ было отмѣнено) и родственники исчисленныхъ служилыхъ людей.

Опуская другія болѣе или менѣе важныя неточности и промахи въ этой главѣ, мы замѣтимъ въ заключеніе, что авторъ изъ своей критически изслѣдовалъ постепенное уничтоженіе помѣстій въ вотчины — одно изъ важныхъ характеристическихъ чертъ въ исторіи помѣстной системы. Очень недавно нѣкоторые стали приписывать Петру Великому насильственное смѣшеніе помѣстій съ вотчинами; стали замѣчать, что это смѣшеніе совершилось уже до него, а удержалось только ихъ номинальное различіе. Но до сихъ поръ это положеніе все еще имѣетъ видъ гипотезы, конечно вѣроятной, но не получившей научной обработки. Автору непремѣнно надлежало провѣрить это мнѣніе и потомъ его внимательнымъ изслѣдованіемъ [illegible] такого смѣшенія фактовъ, въ которомъ выразилось, и наконецъ опредѣлить [illegible]чіе, которое еще существовало между мѣстьями и вотчинами при началѣ [illegible] Петра. Но онъ этого не сдѣлалъ. Мы не находимъ въ его книгѣ и намека [illegible]которыя мѣры, выразившія однако [illegible]рѣзко это постепенное слияніе: указъ разрѣшеніе продавать помѣстья [illegible] гореніе частныхъ долговъ,—сперва [illegible] а потомъ и населенныя.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ [illegible]боръ книги г. Лакіера. Просимъ [illegible]

ъ на насъ, если мы ихъ утомили. разсужденія такъ важенъ, но, къ все еще такъ мало обработанъ, не входить въ подробный, иногда скучный разборъ всего того, что ется. Прибавимъ, что книга, ясно, и вѣрно разрѣшающая заданный ставляетъ критикѣ одно наслажде- ть публикѣ результаты, добытые ими. Это нетрудно сдѣлать и ско- ногихъ словахъ. Совсѣмъ другое, ужденіе ниже своей задачи. Обя- занность рецензента въ такомъ случаѣ не только откровенно высказать свое мнѣніе, но тщательнымъ опроверженіемъ книги въ цѣломъ и въ частяхъ отклонить или, по крайней мѣрѣ, ослабить по возможности неблагопріятное ея вліяніе на дальнѣйшую историческую литературу, и въ особенности на понятія учащихся о данномъ предметѣ. Къ сожалѣнію, разсужденіе г. Лакіера относится ко второй, а не къ первой категоріи.

(Современникъ. 1848, кн 8).

ѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства, *съ предварительнымъ изложеніемъ наго понятія и раздѣленія законовѣдѣнія, составленное экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, докторомъ законовѣдѣнія Николаемъ Рождественскимъ. Спб. 1849.*

Рождественскаго—первый опытъ ескаго законодательства, доведен- его времени. Трудъ Рейца—одно- рочное сочиненіе, заслуживающее это на- ставливается на Уложеніи царя ихайловича. Уже по этому одному венскій имѣетъ право на снисхо- сутъ. Не надо также забывать, имѣлъ педагогическую, а не ученую цѣль. Книга его предназна- руководство гимназіямъ: слѣдова- е обязана раскрывать новыя сто- ета, исправлять ошибки и недо- шествовавшихъ изслѣдованій; ея вкратцѣ изложить послѣдніе ре- дѣланнаго, представить сжатый ки, и то прагматически, а не . Наконецъ, г. Рождественскій ть себѣ составить очеркъ внѣш- внутренней исторіи русскаго за- тва, слѣдовательно, только одной еньшей части предмета. Этимъ я и точка зрѣнія на его книгу. данныхъ условіяхъ требованія необходимости должны быть весь- ины и умѣрены. Все дѣло въ томъ, рѣ авторъ выполнилъ свою за- зился къ идеалу, который можно себѣ для сочиненія этого рода, аботанности науки, недостатокъ классическихъ монографій по отдѣльнымъ ея частямъ, и при другихъ условіяхъ.

Вообще книгу г. Рождественскаго нельзя назвать безполезной. За недостаткомъ другихъ, не только лучшихъ сочиненій, она, конечно, имѣетъ свои достоинства. Важныхъ ошибокъ въ ней нѣтъ: перечень статей и сочиненій по части русскаго законодательства, хотя и не полный, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезенъ и для преподавателей и для учениковъ.

Главные недостатки книги, какъ намъ кажется, заключаются въ неполнотѣ, отсутствіи обдуманнаго плана и несоразмѣрности частей. Исторія всѣхъ народовъ въ мірѣ бѣдны источниками въ началѣ, чѣмъ впослѣдствіи. Развиваясь, жизнь становится разнообразнѣе и сложнѣе. Сперва законодательныхъ постановленій чрезвычайно мало; чѣмъ далѣе, тѣмъ число ихъ становится значительнѣе; слѣдовательно, и обозрѣніе законодательныхъ и юридическихъ памятниковъ первыхъ вѣковъ исторіи народа естественно должно быть менѣе объемисто, чѣмъ послѣдующихъ, потому что такъ распредѣляется и число памятниковъ. Но въ разбираемой нами книгѣ выходитъ наоборотъ: исторія русскаго законодательства до Петра Великаго занимаетъ здѣсь почти вдвое болѣе мѣста, чѣмъ исторія новаго, до вступленія на престолъ нынѣ цар-

ствующаго Государя Императора. Первая начинается на 34-й страницѣ и оканчивается 115-й, вторая идетъ отъ 115-й до 165-й. Въ томъ и другомъ періодѣ отдѣльно видимъ то же самое: напримѣръ, тридцать страницъ посвящены обозрѣнію юридическихъ памятниковъ до изданія Уложенія, и только двадцать обозрѣнію узаконеній, изданныхъ съ этого времени до начала преобразованій Петра. Чѣмъ объяснить эту чрезмѣрную краткость, гдѣ можно и должно было много сказать, и чрезмѣрную, конечно относительную, длинноту тамъ, гдѣ слѣдовало говорить меньше? Не могъ же авторъ принять за мѣрило время, количество вѣковъ, которые творятъ такъ не одинаково! Въ ученомъ изслѣдованіи совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь, чѣмъ памятникъ древнѣе, тѣмъ надъ нимъ больше работы. Уложеніе, напримѣръ, по объему гораздо больше Русской Правды, а между тѣмъ въ отношеніи къ Русской Правдѣ все вопросъ, и вопросъ весьма трудный, требующій многочисленныхъ изысканій, справокъ, соображеній; для Уложенія, напротивъ, большая часть этихъ вопросовъ не существуетъ, и рѣшать ихъ нечего. Если поэтому изъ изслѣдованій о Русской Правдѣ теперь уже можетъ быть составлена маленькая библіотека, а объ Уложеніи написано всего нѣсколько статей и диссертацій—тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но какъ можно въ прагматическомъ обозрѣніи нашихъ законодательныхъ памятниковъ сказать о законодательствѣ первыхъ восьми вѣковъ русской исторіи болѣе, чѣмъ о законодательствѣ двухъ послѣднихъ,—вотъ что трудно, чего невозможно понять.

Отсюда и проистекаетъ неполнота книги г. Рождественскаго. До XVI вѣка онъ исчисляетъ русскіе законодательные памятники довольно подробно. Законодательство Іоанна Грознаго уже представляетъ важные пропуски, не упомянуты, напримѣръ, „Книга Разбойнаго Приказа", первое русское уголовное Уложеніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ это исчисленіе поверхностнѣе и неполнѣе. Неужели въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича только и стоило упомянуть, что объ Уложеніи, печатной Кормчей, Полицейскомъ Уставѣ, Уставной Граматѣ и Новоторговомъ Уставѣ? Неужели въ царствованіе Феодора Алексѣевича только и были замѣчательны Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ, да Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества? Сколько и такихъ-нибудь пятьдесятъ указовъ Великаго, двадцать постановленій Царицы Екатерины II, девяносто указовъ императора Александра, конечно, не дадутъ и поверхностнаго понятія о законодательной дѣятельности этихъ государей: сколько сдѣлано въ эти три царствованія!

Какими началами руководствовался при составленіи своей книги? Какой положенъ имъ въ основаніе „способъ"? Мы старались отыскать эти начала—и не могли. Внѣшняя исторія русскаго законодательства—главный предметъ книги. Но что такое внѣшняя исторія законодательства? Обозрѣніе законодательныхъ памятниковъ—разсказъ, когда они появились въ какой формѣ, вслѣдствіе какихъ причинъ и поводовъ, кѣмъ составлены и изданы? Вотъ, это исторія законодательныхъ явленій, а не положеній и правилъ, которыя въ нихъ развивались и измѣнялись съ теченіемъ времени, съ перемѣной обстоятельствъ и видовъ правительства. Примѣнимъ опредѣленіе къ нашему предмету. Что сдѣлано? Изслѣдованія съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ разъяснили внѣшнюю исторію нашихъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ. Слѣдовательно, въ приложеніи къ нимъ она возможна до нѣкоторой степени. Въ наше время Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи обнародовало, подготовленныя вѣсти о ходѣ работъ по составленію гражданскихъ законовъ, уголовнаго уложенія, и о занятіяхъ различныхъ законодательныхъ коммиссій, учреждавшихся съ начала царствованія Петра Великаго; слѣдовательно, и въ отношеніи къ нимъ внѣшняя исторія возможна. Она возможна, наконецъ, и въ отношеніи къ тѣмъ постановленіямъ, которыхъ изложено, какъ они составлялись, какою цѣлью, вслѣдствіе какихъ причинъ и поводовъ. Но о большей части указовъ, весьма важныхъ, мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній. Какъ же поступить въ такомъ случаѣ? Пропустить ихъ нельзя, а въ внѣшней исторіи русскаго законодательства нечего. Неизбѣжно, такая исторія должна выйдти неполная, отрывочная.

Взглянемъ на этотъ предметъ съ другой стороны. Въ общепринятомъ смыслѣ внѣшняя исторія законодательства имѣетъ ученаго, критическаго труда, и

ческаго руководства. Руководство, не входя въ подробное изслѣдованіе юридическихъ началъ и положеній, даетъ краткомъ очеркѣ главнѣйшія явленія по всѣмъ отраслямъ законодательства въ систематическомъ порядкѣ и исторической послѣдовательности. Разложеніе на періоды, или принятое нынѣ дѣленія царствованія—

Учащійся извлечетъ большую пользу изъ такой книги. Онъ получитъ хотя общее, но ясное понятіе о предметѣ. Прямо съ ученической скамьи поступая на службу, съ него на первый разъ достаточно и тѣхъ знаній, которыя даетъ такая книга. Если, напротивъ, онъ вздумаетъ себя исключительно изучать исторію законодательства—и въ такомъ случаѣ онъ будетъ имѣть канву, очеркъ, основаніе для дальнѣйшихъ занятій. Но исторія законодательства не можетъ быть этого: она уже предполагаетъ извѣстныя знанія въ исторіи законодательства. Г. Рождественскій это чувствовалъ, но не воспользовался своими наблюденіями при составленіи „Обозрѣнія“. Нельзя было не изложить содержанія упомянутыхъ и описанныхъ имъ законодательныхъ памятниковъ, но слѣдовало это—по крайней мѣрѣ въ примѣчаніяхъ, и особенно для древняго періода. Мы находимъ здѣсь даже цѣлую главу, исключительно посвященную обозрѣнію нашего юридическаго быта и устройства отъ Іоанна III до уложеній Петра Великаго, потому что въ такомъ руководствѣ нельзя обойдтись безъ краткой внутренней исторіи законодательства. Но для новаго автора этого не сдѣлалъ. Къ удивленію, мы не находимъ въ его книгѣ даже хронологическаго перечня узаконеній, изданныхъ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Третье отдѣленіе книги содержитъ въ себѣ только обзоръ исторіи составленія Свода гражданскихъ законовъ и Уложеній о наказаніяхъ для Имперіи и Царства Польскаго.

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что авторъ не руководствовался никакими постоянными правилами при выборѣ узаконеній. Относительная важность законодательныхъ памятниковъ опредѣляется не величиной ихъ, названіемъ или другими случайными признаками, а единственно значеніемъ ихъ во внутренней исторіи. Придерживаясь готовыхъ научныхъ схемъ и раздѣленій, авторъ обратилъ больше вниманія на постановленія, относящіяся къ государственному праву въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ на законоположенія по финансовому, хозяйственному и полицейскому управленію. Это предпочтеніе однихъ законовъ передъ другими необъяснимо, особенно въ учебномъ руководствѣ. Несмотря на эти недостатки, книга г. Рождественскаго, какъ мы сказали, имѣетъ свои достоинства. Будемъ надѣяться, что при второмъ ея изданіи авторъ обратитъ вниманіе на наши замѣчанія. Потребность въ хорошемъ элементарномъ руководствѣ къ изученію исторіи русскаго законодательства весьма ощутительна, и подобная книга можетъ принести у насъ неисчислимую пользу.

(Современникъ, 1848, кн. 3).

ніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ, *составленное инспекторомъ Государственныхъ Архивовъ и членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ, П. Никоновымъ. Москва. 50.*

отя и немного знакомыхъ съ учрежденіемъ Правительствующаго Сената, извѣстно, что при немъ состоитъ нѣсколько архивовъ, предназначенныхъ для храненія старыхъ сенатскихъ дѣлъ и, кромѣ того, дѣлъ, находившихся въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ разныхъ временъ русской исторіи. Такихъ архивовъ есть въ Санктпетербургѣ сенатскій, и три въ Москвѣ: Разрядный, Государственный Старыхъ Дѣлъ и Вотчинный, который доселѣ называется Департаментомъ. Въ архивы Сенатскій и Разрядный поступаютъ окончанныя дѣла и бумаги изъ Санктпетербургскихъ и Московскихъ Департаментовъ Сената; но въ Разрядномъ, сверхъ того, хранятся какъ видно уже изъ его названія, дѣла бывшаго Разряда или Разрядныя При-

каза; въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ находятся дѣла и бумаги разныхъ присутственныхъ мѣстъ, нынѣ упраздненныхъ; наконецъ, въ Вотчинномъ Департаментѣ сохраняются дѣла и бумаги о вотчинныхъ и помѣстныхъ правахъ, производившіяся въ Помѣстномъ Приказѣ, Вотчинной Коллегіи и другихъ учрежденіяхъ, теперь уже несуществующихъ.

Г. Ивановъ, по своему служебному положенію, въ качествѣ инспектора сенатскихъ архивовъ, имѣющій не только возможность, но и обязанность во всѣхъ подробностяхъ знать ихъ, оказалъ значительныя услуги русской исторіи и въ особенности исторіи древняго русскаго законодательства. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ съ неутомимою ревностью и съ просвѣщенною заботливостью о пользахъ науки трудился надъ составленіемъ описаній государственныхъ московскихъ архивовъ. Плодомъ этихъ трудовъ были изданныя имъ, впродолженіи четырнадцати лѣтъ, шесть сочиненій, которыя, излагая разные предметы и отрасли русскаго законодательства, въ то же время содержатъ въ себѣ весьма подробное описаніе матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ, множество выписокъ изъ этихъ памятниковъ старины, и указанія, какъ и въ какомъ видѣ они сберегаются. Такъ мы имѣемъ теперь описаніе Вотчиннаго Департамента въ „Систематическомъ Обозрѣніи помѣстныхъ правъ и обязанностей", въ „Обозрѣніяхъ" московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ писцовыхъ книгъ, наконецъ въ „Опытѣ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи"; разрядный Архивъ описанъ г. Ивановымъ, особливо, въ одномъ сочиненіи; но кромѣ того почтенный авторъ наполнилъ цѣлые два тома „Русскаго Историческаго Сборника" (IV и V) любопытнѣйшими дѣлами, извлеченными изъ того же Архива, о древнемъ мѣстничествѣ—дѣлами, которыя обогатили русскую историческую литературу множествомъ новыхъ данныхъ, пролили яркій свѣтъ на явленіе древней русской жизни, до того времени понимаемое весьма смутно, и сдѣлали возможнымъ его ученое систематическое изслѣдованіе. Независимо отъ этихъ трудовъ, г. Ивановъ издалъ въ 1845 году общее обозрѣніе ввѣренныхъ его управленію архивовъ, подъ названіемъ „Путеводитель по Государственнымъ Архивамъ". Для полноты ихъ спеціальнаго описанія недоставало еще описанія Архива Старыхъ Дѣлъ. Теперь и оно окончено, составляетъ содержаніе разбираемой [illegible] ги. Всѣ эти многосложныя и утомит[ельныя] въ подробностяхъ работы совершены новымъ, по его собственнымъ словамъ, для облегченія частныхъ лицъ, при [illegible] ніи справокъ изъ архивныхъ докум[ентовъ] такъ и для обнаруженія историческ[ихъ] юридическихъ матеріаловъ для рус[скихъ] ныхъ, которые бы захотѣли ими [воспо]ваться при своихъ изслѣдованіяхъ". словъ достаточно, чтобъ показать, съ прекрасною цѣлью г. Ивановъ [по]долгое время и усиленный трудъ на [из]ученіе своихъ сочиненій.

„Описаніе Государственнаго Арх[ива] рыхъ Дѣлъ" содержитъ въ себѣ истор[ическое] обозрѣніе присутственныхъ мѣстъ [и] жденій, дѣла которыхъ въ немъ [хр]съ показаніемъ, къ которымъ годам относятся и какого они рода. Въ „Д[ополне]жепіяхъ" напечатаны нѣкоторые дре[вніе] и любопытнѣйшіе документы описа[ннаго] Архива вполнѣ, другіе сообщены въ [выпи]скахъ; также помѣщены вѣдомости [о дѣ]щихся въ Архивѣ бумагахъ, наконец[ъ] съ разныхъ документовъ XV—XVII [вѣка] числѣ двадцати-пяти. Изъ вступленія [къ] рѣнія присутственныхъ мѣстъ въ Архивъ Старыхъ Дѣлъ первоначальны[й] день въ 1782 году, въ одно время с [учре]ждешемъ губерніи, для храненія [старо]товъ упраздненныхъ тогда мѣстъ. [Въ] ствіи, въ разное время, сюда же по[ступ]дѣла и бумаги и другихъ учрежде[ній] нымъ образомъ уже упраздненныхъ, [такъ] пицъ, въ 1834, въ составъ Архива [Мос]бывшій Санктпетербургскій Архивъ [Ино]Дѣлъ. Въ настоящее время въ немъ [хра]дѣла и бумаги патріаршихъ приказо[въ], ряда или судпаго, дворцоваго, [каз]духовнаго, книгопечатнаго дѣла и [Сы]дѣль (бывшей пушкой избы), и свѣ[дѣнія] нѣкоторыхъ другихъ приказовъ, а [также] монастырскаго, каменнаго, судпаго, [Сы]сибирскаго и преображенскаго; кам[ор]визіонъ и мануфактуръ-коллегіи. [Изъ] экономіи и юстицъ-коллегіи, банко[ры] торы для дворянства, главной соля[ной] торы, камеръ конторы лифляндскихъ и [эст]скихъ дѣлъ, цалмейстерской, штат[ной] и ямской конторъ; канцеляріи: Мо[сков]губернской, Дмитровской воеводской [избы] ны и ея контора, конфискаціи, пре[мудрости]

и полицеймейстерской, коммис-
каменныхъ зданій въ Санктпе-
Москвѣ; коммиссіи отъ моровой
сквѣ, о построеніи Казанскаго
анктпетербургѣ, о вспомощество-
нныхъ отъ непріятеля въ 1812
ренныхъ въ 1812 году отъ не-
Москвѣ, коммиссіи составленія
деній и разрѣшеній на имѣнія:
коммиссій по частнымъ дѣламъ, а
миссіи по долгамъ оберъ-шенка
ина, по дѣламъ тайной совѣт-
рнъ, о воеводѣ Пензы Жуковѣ,
ранія о фальшивыхъ векселяхъ,
и долгамъ шаховскаго имѣнія;
милиціи, санктпетербургскаго
го ополченія, для разсмотрѣнія
ъ дѣлъ; казначействъ: штатныхъ
въ; экономическихъ правленій —
и Елецкаго, Московской и
ургской ратушъ, Главнаго и Мо-
гистратовъ, экспедиціи о заве-
ссіи винокуренныхъ заводовъ и
наконецъ ландратскія книги и
азки первыхъ четырехъ ревизій.
существующихъ присутственныхъ
ановленій въ Архивѣ Старыхъ
ся дѣла и документы Москов-
Благочинія, Бронницкаго Уѣзд-
московскихъ генералъ-губернато-
—1781), московскихъ Словеснаго
го суда и запретительныя книги
Гражданской Палаты.

присутственныхъ мѣстахъ, теперь
которыхъ дѣла хранятся въ Архи-
ъ въ книгѣ г. Иванова подроб-
ческія свѣдѣнія, большею частью
ыя изъ „Полнаго Собранія Зако-
торыя изъ дѣлъ Архива и дру-
никовъ. Эти описанія имѣютъ
важность, особенно тѣ, кото-
ены на основаніи неизданныхъ
. Совсѣмъ тѣмъ, мы находимъ.
ли бы быть лучше. Авторъ не
ботился о расположеніи собран-
каждомъ присутственномъ мѣстѣ
въ систематическомъ порядкѣ.
анія его большею частью ни что
хронологическій перечень указо-
не всегда соображенныхъ между
ъ главный недостатокъ повто-
всѣхъ сочиненныхъ почтеннаго
„Систематическое обозрѣніе по-
авъ и обязанностей“ именно по
этому вышло довольно слабо, сбивчиво и не-
удовлетворительно въ ученомъ отношеніи,
хотя достоинства его и важность, какъ сбор-
ника матеріаловъ, не подлежатъ ни малѣй-
шему сомнѣнію. Кромѣ этихъ общихъ недо-
статковъ, мы замѣтили при чтеніи обозрѣній
нѣкоторые частные недосмотры и ошибки.
Такъ напримѣръ, на стр. 13-й авторъ упо-
минаетъ о Высочайшей резолюціи 1721 г.
19 ноября, въ силу которой дѣла Монастыр-
скаго Приказа переданы въ вѣдомство Си-
нода, крестьяне же по гражданскому управ-
ленію, суду и сбору податей отъ него по-
ставлены въ зависимость; вслѣдъ затѣмъ
г. Ивановъ говоритъ: „Впрочемъ, несмотря
на эти распоряженія, существованіе Мона-
стырскаго Приказа продолжалось“. Онъ опу-
стилъ здѣсь изъ вида, что постановленіе
предметовъ вѣдомства Монастырскаго При-
каза въ зависимость отъ Синода еще не
значило, что самый приказъ былъ уничто-
женъ. На стр. 27-й авторъ перечисляетъ
предметы вѣдомства Судного Приказа, отне-
сенные къ нему въ разныя времена, а съ
постепеннымъ отнесеніемъ тѣхъ и другихъ
предметовъ существенно измѣнился самый
характеръ этого установленія, такъ что оно
должно бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ служить
эпохою въ исторіи Судного Приказа. Но
г. Ивановъ не обращаетъ на это никакого
вниманія. Оттого исторія Судного Приказа
у него вышла суха, и главныя событія ея
остались въ тѣни, тогда какъ они должны
бы быть выставлены на первомъ планѣ, и
слѣдовало бы указать важное значеніе ихъ
въ исторіи русскаго законодательства. На
стр. 31-й г. Ивановъ начинаетъ исторію Си-
бирскаго Приказа съ 1637 года, на основа-
ніи „записныхъ книгъ“, а между тѣмъ из-
вѣстно, что этотъ Приказъ существовалъ го-
раздо раньше подъ названіемъ „Чети дьяка
Варѳоломея Иванова“, и упоминается подъ
этимъ названіемъ въ „записныхъ книгахъ“
уже съ съ 1596 года. На стр. 43-й читаемъ,
что Ревизіонъ-Коллегія уничтожена съ от-
крытіемъ Казенныхъ Палатъ, а на слѣдующей
44-й стр. сказано, что въ Архивѣ хранятся
дѣла этой коллегіи съ 1718 по 1806 годъ.
Новое положеніе объ управленіи губерній
изданно въ 1775 году и въ началѣ восьми-
десятыхъ годовъ было уже вводимо во всей
Россіи: спрашивается, какъ же могли сохра-
нить дѣла этой коллегіи до 1806 года,
когда она была уничтожена гораздо раньше?

Вотъ для примѣра нѣсколько недосмотровъ: есть, кромѣ нихъ, и другіе, о которыхъ мы не упоминаемъ, боясь излишними подробностями утомить читателей.

Самая интересная и, безспорно, самая важная часть сочиненія г. Иванова - приложенія. Здѣсь помѣщены подъ заглавіемъ „Судныя дѣла, граматы и другіе юридическіе акты", двадцать четыре древнія, весьма любопытныя граматы — правыя, жалованныя, заклацныя, мѣновыя, разъѣзжія и одно духовное завѣщаніе. Это собраніе, по времени, оканчивается 1623 годомъ и составляетъ для изучающихъ исторію древняго русскаго законодательства драгоцѣнное дополненіе къ изданіямъ Археографической Коммиссіи. Укажемъ въ особенности на жалованную грамату патріарха Іова монастырямъ Благовѣщенскому-Нижегородскому и Константиновскому во Владимірскомъ уѣздѣ о дани и повинностяхъ ихъ крестьянъ. Затѣмъ слѣдуетъ, подъ названіемъ „Выписи изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ", весьма удачно и съ знаніемъ дѣла составленный выборъ изъ разныхъ древнихъ памятниковъ, хранящихся въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ; здѣсь помѣщено всего пятнадцать статей. Особеннаго вниманія заслуживаютъ изъ нихъ: память 1625 года Сибирскому архіепископу Макарію о управленіи епархіею: опись книгъ патріарха Филарета Никитича, 1630 года 25 августа и царская грамата въ Бѣлгородъ, 1648 года, объ исправленіи правовъ и искорененіи остатковъ языческихъ празднествъ; выписка изъ статейнаго списка русскаго посольства въ Польшу, 1673 года, въ которой находимъ весьма подробный разсказъ о погребеніи короля Михаила и коронаціи Яна III; выписка изъ столовыхъ книгъ о кушаньяхъ, подававшихся патріархамъ въ праздники и опредѣленные дни, наконецъ вѣдомость о числѣ крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ монастырямъ, церквамъ и вообще духовному вѣдомству по переписнымъ книгамъ 1700 года. Изъ послѣдняго документа видно, что общее число крестьянскихъ дворовъ, принадлежащихъ, въ началѣ XVIII вѣка, церкви и духовенству, простиралось до 128,430. Самымъ богатымъ дворовладѣльцемъ былъ Троицкій-Сергіевъ монастырь: ему принадлежало 20,394 двора; затѣмъ патріарху 8,842 двора; послѣ нихъ, по количеству владѣемыхъ дворовъ, слѣдовали: Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (5,316 дв.), ростовскій архіерей (4,398), Спасскій монастырь Ярославѣ (4,049), Ипатьевскій-Костр (3,684), Чудовъ (3,064), Бого[illegible] реяславле-Рязанскій (2,906), Новос (2,654), Симоновъ (2,508), Воскресе Нетрѣ (2,464), Ново-Іерусалимскій (2,40[illegible] зинскій (2,165), Вознесенскій-дѣвичій Москвѣ (2,125), Савинскій (2,057) [illegible] ской-Суздальскій дѣвичій (2,053), Бори скій Ростовскаго уѣзда (2,027), Рожд скій Владимірскій (1,851), Печерск городской (1,665), рязанскій митро (1,639), суздальскій архіерей (1,603) [illegible] монастырь (1,510), Іосифовъ на Ла Валу (1,409), вологодскій архіерей (1 Пафнутьевскій-Боровскій монастырь (1 Трифоновъ-Успенскій въ Вяткѣ (1,154), крутицкій архіерей (1,050), т архіерей (1,020), монастыри: Горит реяславля-Залѣсскаго (1,015), и Ипа скій Костромской (1,000 дв.), — москов боры: Благовѣщенскій, Архангельскій и скій имѣли, первый — 638, второй [illegible] третій 269 дворовъ. Такимъ образомъ митрополитамъ и архіереямъ, патріарш цати тремъ монастырямъ и тремъ [illegible] скимъ соборамъ принадлежало 91,[illegible] ровъ. Все же остальное число ихъ (3 распредѣлялось между 204 монас (30,061), семью духовными властями и 278 пустынями, соборами и ц (4,229). Всѣ эти свѣдѣнія, весьма и ные, заимствованы изъ сказокъ Генер Двора по Вотчинному Архиву. Въ кон ложены: вѣдомость о числѣ хранящ Государственномъ Архивѣ Старыхъ [illegible] дратскихъ книгъ и сказокъ 1, 2 и [illegible] по разнымъ городамъ и уѣздамъ, съ ніемъ годовъ, къ которымъ онѣ от вѣдомость о числѣ хранившихся въ Старыхъ Дѣлъ документовъ, книгъ и наконецъ, снимки, о которыхъ мы у рили.

Заключимъ обозрѣніе этого новаго, отношеніяхъ весьма любопытнаго и по труда г. Иванова его собственными о важности Архива Старыхъ Дѣлъ в тическомъ и историческомъ отношен

„Хотя этотъ Архивъ по обилію матеріаловъ димыхъ для справокъ къ нуждѣ казенныхъ и частнымъ лицамъ, при доказательствахъ собственности и правѣ лицевомъ, и не можетъ съ Архивами Разряднымъ и Вотчинныхъ [illegible] моемъ и онъ бываетъ нуженъ къ нѣкоторыхъ

хранящіяся въ этомъ Архивѣ грамоты и
ъ писцовыхъ книгъ, также описи церковь, могутъ служить доказательствами при и споровъ по имѣніямъ, принадлежавшимъ жастырямъ и прочему духовенству, а нынѣ имъ въ казенное или частное владѣніе. То можно сказать и о писцовыхъ книгахъ мос церковныхъ земель, представляющихъ самыя ьныя свѣдѣнія о количествѣ принадлежавшей я времена этимъ церквамъ земли. Ревизскія і, 2-й и 3-й ревизій, рѣшенія упраздненныхъ ешныхъ мѣстъ, крѣпостныя книги Юстицъ- и ея Конторы, послужные списки и тому по ты суть оффиціальные документы, нерѣдко ціе доказательства для разрѣшенія судебныхъ ь. Но независимо отъ сего, документы этого ова ли не преимущественно важны въ юри- и историческомъ значеніяхъ. Въ немъ за богатѣйшее и, можно сказать, единственное собраніе древнихъ граматъ (болѣе 15,000), ее пространство времени отъ второй поло-, до начала XVIII столѣтія, т.-е. почти весь і періодъ, самый богатый постепеннымъ раз-рана, во всѣхъ его отрасляхъ. Юристъ-изслѣ-дѣсь найдетъ неисчерпаемый источникъ для ской обработки отечественной юриспруден-ящіяся въ Архивѣ граматы не только разрѣ-вего всѣ юридическіе вопросы сотнями при-евняго судопроизводства и объяснятъ прило-тогдашней практикѣ извѣстныхъ уже зако-даже откроютъ многіе факты законодатель-ь и неподозрѣваемые учеными, и пополнятъ ельные пробѣлы, которые мы замѣчаемъ въ гечественнаго права. Кромѣ того это собра-ъ неистощимымъ запасомъ для нашей пале-дипломатики... Историкъ отечественный, раз-смотрѣвъ эти граматы, писанныя въ теченіи пяти столѣтій, увидитъ въ числѣ ихъ множество разныхъ документовъ, совершенныхъ лицами, извѣстными въ нашей исторіи. Тутъ откроетъ онъ богатый источникъ для нашей отечественной генеалогіи знаменитыхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Но едва ли не полезнѣе всѣхъ сихъ случаевъ эти граматы для исторіи Россійской Церкви и ея іерархіи. Знаменитый Шлёцеръ еще въ 105 году справедливо замѣтилъ, что изданіе хотя бы одного хронологическаго реэстра—когда какое основано епископство, съ именами и преемствами всѣхъ епископовъ, много послужило бы къ изъясненію самыхъ русскихъ лѣтописей и избавило бы изслѣдователя отъ скучныхъ трудовъ и предостерегло отъ нѣкоторыхъ ошибокъ.. Смѣло можно сказать, что нигдѣ во всей Россіи нѣтъ такого количества матеріаловъ для подобнаго труда, необходимаго для нашей церковной и гражданской исторіи. Кромѣ того въ дѣлахъ патріаршихъ приказовъ и Коллегіи Экономіи сосредоточены документы, относящіеся до недвижимыхъ имѣній нашего монашествующаго духовенства. Ревизіонъ, Камеръ и прочія коллегіи показываютъ приходы и расходы денежныхъ суммъ и вообще все, что произвела наша древняя юриспруденція и администрація для пользы государственнаго хозяйства и особенно въ эпоху преобразованія Россіи Петромъ Великимъ". (Вступленіе, стр. II—V.

Искренно желаемъ, чтобъ новый трудъ г. Иванова былъ принятъ и оцѣненъ, какъ онъ того заслуживаетъ по своему предмету и до-стоинствамъ.

(Отеч. Зап., 1850, кн. 7).

О ТЕОРІЯХЪ ВЛАДѢНІЯ.

Между многими юридическими сочиненіями Гаса, весьма важное, едва ли даже не первое мѣсто занимаетъ небольшая статья о владѣніи, изданная имъ въ особой книжкѣ въ 1839 году, подъ заглавіемъ: Ueber die Grundlage des Rechts des Besitzes (Berlin, 1839). Эта статья была написана противъ Савиньи, къ опроверженіе его теоріи владѣнія. Извѣстно, что въ 1837 году появилось новое, шестое изданіе знаменитой монографіи Савиньи о владѣніи. Въ этомъ изданіи многое было измѣнено и добавлено противъ прежнихъ, но всѣ дополненія и измѣненія относились только къ римскому ученію о владѣніи. Теорія осталась та же, хотя и была высказана вновь. Вотъ что побудило Гаса издать эту брошюру, въ которой онъ, съ удивительною послѣдовательностью и неподражаемымъ остроуміемъ, опровергаетъ, шагъ за шагомъ, всѣ выводы Савиньи, относящіеся къ теоріи владѣнія, и въ заключеніе подробно излагаетъ свою теорію, кратко высказанную имъ еще въ 1827 году, въ сочиненіи о системѣ римскаго гражданскаго права.

Изъ этого видно, что споръ о теоріи владѣнія длится уже долгое время. Но начало его лежитъ еще далѣе.

До 1803 года всѣ сочиненія о римскомъ гражданскомъ владѣніи относились къ догмѣ, а не къ теоріи. Причиной тому были методы изученія римскаго права и невозможность построенія теоріи, прежде установленія самыхъ фактовъ, на которыхъ она основывается. Въ 1803 году въ первый разъ появилось знаменитое сочиненіе Савиньи. Въ немъ римское ученіе о владѣніи впервые представлено было въ полной системѣ: всѣ постановленія римскаго права, относящіяся ко владѣнію, разсмотрѣнныя съ новой точки зрѣнія, получили новый свѣтъ и настоящее свое значеніе; словомъ, догма въ ея своихъ чертахъ установлена окончательно оставалось сдѣлать нѣкоторыя частныя полненія и измѣненія, надъ которыми виньи неутомимо трудился и трудился въ сихъ поръ, подъ вліяніемъ возраженій цій на его монографію. Савиньи вольствовался однимъ изложеніемъ. Нужно было понять ея значеніе, основное начало, которое служитъ ей нымъ пунктомъ: нужна была теорія нія. Этой потребности первый сталъ удовлетворить Савиньи: онъ первый залъ это основное начало: поэтому теорія владѣнія безспорно принадлежитъ

Съ этого времени теорія владѣнія тила на себя особенное вниманіе скихъ юристовъ, и сдѣлалась предмѣтельнаго ихъ изученія. Множество ній объ этомъ предметѣ (не то статьяхъ, разсѣянныхъ по юридическимъ журналамъ, рецензіяхъ и критикахъ явившихся съ 1803 года, служатъ тому дительнѣйшимъ доказательствомъ. Результатомъ этой ученой дѣятельности было ніе около десяти новыхъ теорій, изъ рыхъ почти каждая выставляетъ новое чало юридическаго владѣнія. Отсюда продолжающійся даже до нашего времени теорія владѣнія причислена къ ewigen troversen (къ предметамъ вѣчнаго Еще въ 1839 году этотъ споръ былъ новленъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ

Такая продолжительная, упорная въ которой принимали участіе первокл

[1]) Въ 1839 году вышла брошюра Гаса, мы упомянули выше. Возраженіе на нее появилось Даже въ 1840 году появился сочиненій ріи владѣнія.

ерманіи, указываетъ съ одной сто-
важность вопроса, съ другой—на
его рѣшенія. Дѣйствительно, въ
асти гражданскаго права, въ осо-
римскаго, едва ли найдемъ юриди-
ститутъ, который бы имѣлъ такую
язь съ ежедневною жизнью, такое
твенное къ ней отношеніе, какъ
Оно имѣетъ предметомъ прямое,
ое отношеніе гражданина къ вещи
ие, которое именно потому, что
ческое, и есть начало и послѣдняя,
вая цѣль всѣхъ вещныхъ правъ.
вещныя права имѣютъ главнымъ
ъ юридическое отношеніе къ вещи;
акъ только мыслимое, не имѣетъ
нскомъ общежитіи никакого значе-
отношенія фактическаго, чувствен-
ода объясняется, почему главную,
ую принадлежность основнаго вещ-
а, отъ котораго происходятъ всѣ
ва собственности, составляетъ пра-
ія; безъ него первое не имѣетъ

ченія владѣнія въ системѣ вещ-
ъ само собою объясняется, почему
ститутъ права былъ такъ тщательно
емъ римскими юристами. Съ дру-
ы, вмѣстѣ открывается необходи-
ильнаго возрѣнія на основное на-
ѣнія.

ъ существенныхъ отличій факти-
ношенія къ вещи отъ отношенія
аго заключается въ томъ, что пер-
ѣетъ само по себѣ никакихъ при-
ной справедливости, по которымъ
о могло бы въ одномъ случаѣ при-
о и защищать, въ другомъ не при-
нищать защиты. Поэтому государ-
ной стороны не можетъ не при-
е защищать его, съ другой не
олиѣ признать и защищать. Какъ
это противорѣчіе? Въ какой мѣрѣ
защищать владѣніе, и подъ ка-
емъ? Какое начало должно слу-
ою отправленія при опредѣленіи
и этого условія? Разрѣшеніе этихъ
крайне важно: отъ него зависитъ
ость всѣхъ послѣдующихъ выво-
ильность разрѣшенія безчислен-
ыхъ случаевъ, встрѣчающихся
но въ жизни, словомъ — вся су-
актика, относящаяся къ владѣнію.
е важно разрѣшеніе этихъ вопро-
совъ и для науки права. Какое мѣсто должно занимать ученіе о владѣніи въ области права? Принадлежитъ ли оно къ общественному или гражданскому праву? а если къ гражданскому, то должно ли оно быть отнесено къ правамъ вещнымъ, или къ правамъ по обязательствамъ? Наконецъ, можетъ ли оно занимать какое-либо мѣсто въ системѣ права? Многіе отвергаютъ даже и послѣднее: чтобы въ этомъ удостовѣриться, стоитъ только взглянуть на общую систему нѣкоторыхъ учебниковъ римскаго права (напр. Венинга-Ингенгейма).

Скажемъ въ заключеніе, что вопросъ объ основномъ началѣ владѣнія можетъ быть разсматриваемъ еще съ другой точки зрѣнія, которая, по справедливости, ставитъ его наряду въ важнѣйшими современными вопросами въ области гражданскаго права. Но есть ли владѣніе чисто историческое произведеніе римской жизни, или оно само въ себѣ имѣетъ разумное основаніе: словомъ, важна ли исторія римскаго владѣнія, или нѣтъ? Предлагаемъ здѣсь этотъ вопросъ потому только, что онъ въ самомъ дѣлѣ предложенъ уже нѣсколько разъ, хотя и не прямо, какъ мы увидимъ ниже. Очевидно, вопросъ о владѣніи пересталъ быть вопросомъ, относящимся исключительно къ одному римскому праву.

Уже изъ немногаго, сказаннаго нами, открывается вся важность и высокая занимательность продолжительнаго спора германскихъ ученыхъ о теоріи владѣнія, и имѣетъ объясняется живое участіе, которое принимали и принимаютъ въ немъ знаменитѣйшіе юристы. Мы постараемся представить этотъ споръ въ бѣгломъ очеркѣ и въ окончательныхъ результатахъ.

Первою теоріею владѣнія была, какъ мы видѣли, теорія Савиньи. Будучи въ одно и то же время и основателемъ (вмѣстѣ съ Гуго), и достойнѣйшимъ представителемъ историческаго направленія въ области правовѣдѣнія, Савиньи и на ученіе о владѣніи смотрѣлъ съ чисто-положительной точки зрѣнія. Владѣніе съ одной стороны представляетъ фактическое, естественное отношеніе лица къ вещи (оно не юридическое отношеніе, какъ право собственности и другія вещныя права); съ другой стороны его характеръ личный, а не вещный (всякое владѣніе защищается, хотя бы оно было и несправедливое; далѣе, оно защищается только про-

ъ, а потому имѣетъ само въ себѣ
защиты. Особенно замѣчательно
Тадена. Онъ доходитъ до однихъ
ъ съ Гансомъ, но другимъ путемъ.
о основаны на фактахъ, почерпну-
ученія римскихъ юристовъ о вла-
отому сильны, убѣдительны —пре-
, которыхъ не имѣетъ изложеніе
водящаго всю теорію владѣнія а
тому-то изслѣдованія Тадена силь-
Ганса опровергаютъ взглядъ зна-
Савинья.

году появилась новая теорія вла-
шке [1]). Видя безуспѣшность всѣхъ
разрѣшить вопросъ объ основномъ
идическаго владѣнія, на основаніи
ученія во времена римскихъ юри-
Юстиніана (слѣдственно на основа-
), Гушке обратился къ исторіи, и
ѣніе института владѣнія приписы-
намъ, одному изъ племенъ, вошед-
составъ Рима. Этимъ онъ, быть мо-
ожнательно, высказываетъ мысль,
ніе есть чисто-римскій институтъ
му весьма правильно возражаетъ
стр. 56 и слѣд.), что если инсти-
ѣнія и обязанъ своимъ происхожде-
нени Рамновъ, то какимъ образомъ
удержаться во время классическихъ
когда это племя совершенно из-
ъ памяти народа римскаго? Осно-
нанія и защиты владѣнія должно
совершенно практическое, а не
кое. Прибавимъ къ этому, что исто-
объясненіе, какъ бы справедливо
ло, никогда не можетъ замѣнить
тому что не излагаетъ самаго су-
редмета, а только слѣдитъ за хо-
наго его развитія.

ъ наше время вопросъ о теоріи
остается неразрѣшеннымъ. Каждая
овергала предыдущія, и въ свою
ла опровергнута новыми. Трудно
ть, можетъ ли этотъ вопросъ когда-
ться окончательно, послѣ того, какъ
ькихъ юристовъ на этомъ поприщѣ
ѣ болѣе или менѣе безуспѣшными.
ъ высказать въ настоящей статьѣ
ѣніе объ этомъ важномъ предметѣ,
отъ мысли создавать новую теорію.

Изучая римское юридическое владѣніе и теоріи владѣнія, намъ пришло нѣсколько мыслей и замѣчаній, не совсѣмъ сходныхъ съ тѣми, которыя сдѣланы были до сихъ поръ. Ихъ-то мы и высказываемъ здѣсь просвѣщеннымъ читателямъ, не имѣя претензіи на полноту и стройность изложенія. Награда будетъ выше ожиданія, если эти замѣчанія хотя сколько-нибудь будутъ содѣйствовать къ построенію новой, вѣрной, неопровержимой теоріи этого досель загадочнаго, непонятнаго ученія въ области права.

§ 1.

Для избѣжанія мыслей, не основанныхъ на фактахъ, и потому не объясняющихъ сущности владѣнія, мы обратимся прямо къ фактамъ, и изъ нихъ постараемся извлечь основное начало владѣнія.

Что есть владѣніе по римскому праву, фактъ или право?

Примѣч. Мы говоримъ: „по римскому праву", потому что сущность владѣнія мы теперь не разсматриваемъ. Она должна составить предметъ отдѣльнаго изслѣдованія (см. ниже). Итакъ вопросъ касается только значенія владѣнія въ положительномъ правѣ.

Мы думаемъ, что владѣніе, по римскому праву, есть право, а не фактъ. Это мнѣніе основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ.

1. Если бы римское право смотрѣло на владѣніе какъ на фактъ, то оно не дало бы ему судебной защиты, ни другихъ юридическихъ послѣдствій, а потому владѣніе не могло бы войти въ кодексы какъ отдѣльный институтъ права. Далѣе, владѣніе не могло бы переходить въ право (собственности). Напротивъ того, мы видимъ, что римское право защищаетъ владѣніе: что владѣніе составляетъ въ немъ рѣзко и точно отдѣленный отъ другихъ институтъ гражданскаго права; наконецъ, что римское право принимаетъ переходъ владѣнія въ право собственности.

Примѣч. Савинья не допускаетъ перехода владѣнія въ право собственности, но думаетъ, что владѣніе составляетъ такое же условіе пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, какъ время, res habilis, justus titulus и др.; что, слѣдовательно, владѣніе не переходитъ въ собственность, а собственность образуется изъ различныхъ условій, составляющихъ въ совокупности способъ ея прео-

[1] ..., Zwei Abhandlungen etc. Ст. Zwölf ... über die Stelle des Varro von den La-

брѣтенія посредствомъ давности. Это мнѣніе несправедливо. Между многими условіями способа пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, владѣніе есть основное, коренное условіе: другими словами, для того, чтобы владѣніе могло перейти въ собственность, законодательство требуетъ, чтобы оно продолжалось извѣстное время (tempus); чтобы предметомъ его была извѣстнаго рода вещь (res habilis) и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что владѣніе не можетъ почитаться такимъ же условіемъ пріобрѣтенія собственности посредствомъ давности, какова время, bona fides и т. д.; что напротивъ всѣ условія клонятся къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ переходъ владѣнія въ право собственности. Замѣтимъ еще, что когда переходъ владѣнія въ право собственности уже совершился, всѣ условія, кромѣ одного владѣнія, теряютъ свою отдѣльность и самостоятельность, какъ преходящія.

2. Если бы римское право принимало владѣніе за фактъ, то оно и не отдѣляло бы факта владѣнія отъ того, что оно признаетъ за владѣніе: владѣніе на самомъ дѣлѣ и владѣніе по признанію законодательства непремѣнно бы совпадали. Поэтому римское право не дѣлало бы различія между лицами владѣющими, между предметами владѣнія, наконецъ между самыми владѣніями. Но мы видимъ, напротивъ, что римское право не всѣхъ владѣющихъ признаетъ за юридическихъ владѣльцевъ; далѣе, не всѣ вещи признаетъ за предметъ юридическаго владѣнія; наконецъ, не всякое владѣніе признаетъ за юридическое. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго служитъ владѣніе посредствомъ представителя [1]).

3. Наконецъ, если бы по римскому законодательству владѣніе не было право, то какимъ образомъ могъ бы владѣлецъ возвратить себѣ владѣніе, насильственно отнятое у него другимъ? Какъ объяснить существованіе interdictorum recuperandae possessionis? Если владѣніе юридическое не отдѣляется отъ факта владѣнія и есть фактъ, то право интердикта не можетъ оставаться у владѣльца послѣ того, какъ у него отнято владѣніе, а должно перейти къ новому владѣльцу; другими словами, интердиктъ recuperandae possessionis не будетъ имѣть смысла [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 22.
[2]) См. Таденя.

§ 2.

Итакъ римское законодательство пр
владѣніе за право. Но изъ этого еще
заключить, чтобы оно само въ себ
право, а не фактъ. Возникаетъ новый в
что есть владѣніе само въ себѣ, фак
право? Другими словами: на какомъ
піи римское законодательство призна
дѣніе за право?

Всѣ доселѣ извѣстныя теоріи влад
лятся на два разряда. Одни принима
дѣніе за фактъ, и потому основаніе
владѣнія положительнымъ законодат
ищутъ не въ немъ самомъ. Такъ
старается найти его въ нарушеніи л
неразрывно связанной съ нарушени
дѣнія; Рудорфъ — въ нарушеніи обще
мира. Другіе, между которыми перво
занимаетъ Гансъ, признаютъ владѣніе
а потому основаніе защиты его въ
ствѣ находятъ въ самомъ владѣніи.

Главная ошибка Савиньи состоитъ
что онъ почитаетъ невозможнымъ пр
владѣнія безъ нарушенія личности в
Если бы это было дѣйствительно так
теорія была бы неопровержима.

Противное доказываютъ слѣдующ

a) Владѣніе движимою вещью с
по римскому праву нарушеннымъ, ко
гое лицо завладѣло ею тайно [1]).

b) Владѣніе считалось насильстве
рушеннымъ, когда кто либо дѣлалъ
дѣльца невозможнымъ продолженіе вл
Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ
владѣніе нарушалось безъ нарушен
пости владѣльца, и было защищае
довательно, основаніе защиты владѣн
жало въ одномъ нарушеніи личности,
шей мѣрѣ было и другое основаніе.

Рудорфъ выставляетъ неправиль
ваніе защиты владѣнія, потому что
пельзя объяснить:

—

[1]) Римскія, по времена Папиніана,
и Гоя, но положеніе потеряло свое
[2]) *Savigny*, Recht des Besitzes, 6 Aufl
„Gewalt" bezeichnet nicht etwa eine
grobe Gewaltthätigkeit, wie z. B. Misshan
dern nur eine solche Gewalt wodurch die
des Besitzes unmöglich gemacht wird" Cp
прим. 3

ему защищается владѣніе, нарушен-
тайно и чрезъ невозвращеніе пре-
такомъ нарушеніи не происходитъ
общественнаго мира [1]).
ему нарушившій имѣетъ exceptio
владѣльца, когда послѣдній самъ
отъ него владѣніе тою же вещью
рушеніе: фактъ нарушенія обще-
мира, какъ въ томъ, такъ и въ
случаѣ несомнѣненъ. Такое защи-
дѣльца въ одномъ случаѣ и поза-
въ другомъ изъ теоріи Рудорфа
ано.
ему владѣніе возстановляется не
ъ по просьбѣ владѣльца, котораго
нарушено; молчаніе владѣльца не
факта нарушенія общественнаго

не дѣлаетъ никакого различія между
вою и несправедливою индивидуаль-
о, выражающееся во владѣніи. И
тая должна быть защищаема. Но
же она не защищается, когда вла-
ъ чрезъ нарушеніе пріобрѣлъ отъ
ли владѣніе этою вещью? Впрочемъ,
ъ имѣть случай поговорить подроб-
этой теоріи, весьма замѣчательной
во многихъ отношеніяхъ [2]).

3.

теоріи Савиньи, Рудорфа и Ганса
вѣнія; прочія суть только видо-
Савиньи и Ганса) односторонни, а
недостаточны. Но каждая принесла
ыи, въ извѣстномъ отношеніи, вѣр-
ядъ на владѣніе. Мы постараемся
ніи развить и доказать то и другое.
ъ владѣніе? фактическое обладаніе
ещью, съ желаніемъ ее себѣ усвоить.
о владѣніи представляется намъ:
которое владѣетъ; 2) вещь, находя-
владѣніи; наконецъ 3) фактическое
зицъ въ вещи, съ желаніемъ усвоить.
ое значеніе владѣнія должно быть
въ послѣдующемъ изложеніи.
ство, какъ высшая ступень идеи

ве, стр. 50.
и подробное опроверженіе главнѣйшихъ
ихъ не входитъ въ планъ той статьи. Но-
ія за нужное ограничиться указаніемъ
сторонность.

права, представляетъ вмѣстѣ и полное, цѣ-
лостное ея осуществленіе. Это осуществле-
ніе права выражается въ томъ, что всѣ юри-
дическія отношенія, начиная отъ самыхъ от-
влеченныхъ, каково владѣніе, до самыхъ пол-
ныхъ, конкретныхъ, союза семейственнаго и
гражданскаго,—всѣ признаются въ государ-
ствѣ, охраняются имъ и защищаются противъ
нарушенія.

Мы сказали, что владѣніе признается и за-
щищается государствомъ противъ нарушенія;
но для того, чтобы быть признаваемымъ и
защищаемымъ, оно само не должно быть на-
рушеніемъ владѣнія, должно быть *справедли-
вое*; другими словами, оно не должно быть
отношеніемъ къ такой вещи, которою вла-
дѣлъ другой, и которая пріобрѣтена отъ него
противъ его воли. Иначе, защищая владѣніе
одного, государство нарушало бы владѣніе
другого.

Но какъ узнать, когда владѣніе есть спра-
ведливое и когда несправедливое, т.-е. на-
рушающее справедливое владѣніе другого?

Очевидно, что критеріемъ не можетъ слу-
жить: 1) ни само владѣніе (оно, какъ отно-
шеніе фактическое, всегда одинаково), 2) ни
результатъ владѣнія видъ вещи, налагаемый
на нее владѣльцемъ (вещи только случайно,
а не необходимо носятъ на себѣ отпечатокъ
своего владѣльца; да и сверхъ того по та-
кому виду не всегда можно заключать о на-
стоящемъ владѣльцѣ, потому что воля хо-
зяина, желаніе владѣть вещью, можетъ пе-
ремѣниться, а вещь, несмотря на то, носитъ
на себѣ отпечатокъ воздѣйствія прежняго ея
обладателя).

Итакъ, критерій справедливости владѣнія
долженъ заключаться въ чемъ-либо другомъ.
Онъ долженъ быть постоянный, необходимый,
наглядный для того, чтобы государство не-
сомнѣнно и безошибочно могло судить по
немъ о справедливости или несправедливости
владѣнія. Такой критерій имѣетъ госуда-
рство только въ способахъ пріобрѣтенія (justi
modi acquirendi). Они имъ установлены и
служатъ тою видимою, внѣшнею оболочкою,
въ которой человѣкъ выражаетъ свою волю,
вступая во владѣніе вещью. Только въ этомъ
случаѣ государство признаетъ справедливость
владѣнія, его, такъ сказать, освящаетъ и
охраняетъ противъ притязанія другихъ лицъ.
Справедливость владѣнія, признанная такимъ
образомъ государствомъ, и есть то, что мы
называемъ правомъ собственности.

Но какъ бы ни были просты способы пріобрѣтенія, установленные государствомъ, какъ бы ни были они легки и удобны для употребленія, все же не перестанутъ существовать въ государствѣ отношенія человѣка къ вещи, съ желаніемъ усвоить, сами по себѣ справедливыя, не нарушающія владѣнія другихъ, но не имѣющія того видимаго критерія своей справедливости, т.-е. владѣніе, непріобрѣтенное посредствомъ способовъ, установленныхъ государствомъ. Можетъ ли государство оставить такое владѣніе безъ защиты и отвергнуть какъ несправедливое? Очевидно, нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, государство признало бы справедливое за несправедливое, что невозможно. Но съ другой стороны, оно не можетъ признать справедливости такого владѣнія, потому что ему недостаетъ внѣшняго признака его справедливости, такъ что оно не можетъ быть отличено государствомъ отъ владѣнія несправедливаго. Здѣсь представляется государству вопросъ весьма затруднительный: какимъ образомъ признать справедливое владѣніе, не признавши его справедливости? Рѣшая этотъ вопросъ, государство избираетъ средину между совершеннымъ отрицаніемъ справедливости владѣнія и полнымъ ея признаніемъ: оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, не признавая (но и не отвергая) и не охраняя его справедливости. Въ этомъ признаніи владѣнія, безъ нарушенія его справедливости, и заключается коренное начало юридическаго владѣнія (possessio).

§ 4.

Итакъ, юридическое владѣніе по своему основному началу, есть владѣніе само въ себѣ справедливое, которое поэтому признается и защищается государствомъ; но его справедливость не имѣетъ видимости, наглядности для государства, и поэтому въ то же время имъ не признается.

Выведемъ теперь результаты изслѣдованія объ основномъ началѣ права собственности и юридическаго владѣнія.

1) Право собственности и юридическое владѣніе суть только двѣ различныя формы признанія и огражденія въ государствѣ одного и того же полнаго, всецѣлаго обладанія человѣка какъ вещью.

2) Въ развитіи вещныхъ правъ, право собственности должно предшествовать юридическому владѣнію, что мы и видимъ и въ [illegible] рѣ римскаго права.

3) Дѣленіе полнаго отношенія чело[illegible] вещи на право собственности и юр[illegible]ческое владѣніе не есть философское, [illegible] что не лежитъ въ самой сущности это[illegible]шенія человѣка къ вещи, но вн[illegible] признаніи его государствомъ. Пока[illegible] обходимую причину и значеніе этого [illegible] есть поэтому задача теоріи, а не фи[illegible] права.

4) На вопросъ, что есть владѣніе [illegible] себѣ, фактъ или право, мы можемъ [illegible] отвѣчать несомнѣнно, что онъ есть [illegible] потому что владѣніе, какъ мы видѣл[illegible] въ основномъ своемъ началѣ, соотв[illegible] отношеніе лица къ вещи, признанно[illegible] царствомъ.

§ 5.

Разсмотримъ теперь юридическія [illegible] нія о нарушеніи и защитѣ владѣнія [illegible] собственности. Они прямо вытекаю[illegible] основныхъ началъ того и другого.

А.

Юридическія положенія о нарушен[illegible] щитѣ владѣнія.

Признаніе владѣнія, безъ прямо[illegible] справедливости, выражается въ томъ, [illegible] государство защищаетъ его, т.-е. нар[illegible] возстановляетъ владѣльцу.

а) О нарушеніи. Нарушить фак[illegible] отношеніе къ вещи, обладаніе ею [illegible] только такимъ же обладаніемъ того ж[illegible] противъ воли владѣльца. Для того [illegible] стать въ такое съ нею отношеніе, [illegible] димо фактическое завладѣніе. Нар[illegible] шеніе владѣнія заключается въ факт[illegible] завладѣніи вещью, которою владѣетъ [illegible] Съ такимъ нарушеніемъ можетъ бы[illegible] само нарушеніе личности владѣльца [illegible] не необходимо, слѣдовательно может[illegible] и не быть. Поэтому несправедливо [illegible] жаетъ Савинья, что всякое наруше[illegible] дѣнія есть вмѣстѣ нарушеніе лично[illegible] дѣльца.

b) О защитѣ. У Римлянъ владѣ[illegible] щалось посредствомъ интердикта [1]

1) Преторское приказаніе что-либо сд[illegible] дѣлать.

предметомъ судебнаго изслѣдованія
истномъ процессѣ въ которомъ фор-
ть самый интердиктъ. Главныя свой-
рдиктнаго процесса заключаются
ющемъ:
рдиктный процессъ не изслѣдовалъ
по которому кто-либо владѣетъ,
—было ли владѣніе или нѣтъ (фактъ
но не въ противоположность праву).
жется, что истецъ владѣлъ, то го-
принуждаетъ отвѣтчика возвратить
вещь. Это положеніе вытекаетъ
ного начала владѣнія: государство
и защищаетъ владѣніе, а не его
ливость. Объ justa causa въ ин-
мъ процессѣ не можетъ быть и

рдиктъ, по своему существу, есть
т.-е. имѣетъ дѣйствіе только про-
рушителя, а не противъ третьяго
Этотъ личный характеръ интердикта
текаетъ изъ основного начала юри-
владѣнія. Мы видѣли выше, что
во признаетъ владѣніе какъ отно-
ка къ вещи. Это признаніе владѣ-
го влечетъ за собою непризнаніе
тою же вещью другого, когда это
ріобрѣтено противъ воли владѣльца,
— нарушено. Почему же, спраши-
акое ограниченіе непризнанія? По-
кое другое владѣніе тою же вещью,
наченнаго, не подверглось равному
непризнанію? Причина заключается
ющемъ:
рство, признавая владѣніе только
дѣніе, а не какъ владѣніе справед-
новывается на недостаткѣ внѣш-
знаковъ внутренней его справедли-
этому-то оно смотритъ на владѣніе,
такое отношеніе къ вещи, котораго
ое существо ему вовсе неизвѣстно.
другой стороны мы знаемъ, что внут-
справедливость владѣнія въ извѣст-
чаяхъ, хотя и не высказавшаяся ни
въ внѣшнихъ формахъ, побудила го-
установить институтъ юридическаго

ображенія взгляда государства на
кое владѣніе и поводовъ его уста-
открывается само собою, что госу-

дарство, не почитая прямо владѣніе извѣст-
наго лица за справедливое, предполагаетъ
однакоже его справедливость, пока не будетъ
доказано противное. Отсюда слѣдуетъ, что
нарушившій это владѣніе владѣетъ вещью
несправедливо. Такимъ образомъ представ-
ляются намъ здѣсь два владѣнія: одно спра-
ведливое и нарушенное; другое существую-
щее, несправедливое. Но такое понятіе о
справедливости и несправедливости владѣнія
есть только относительное. Одно владѣніе
предполагается какъ справедливое; другое,
въ отношеніи только къ первому, есть не-
справедливое, но въ отношеніи къ другому
оно, въ свою очередь, предполагается какъ
справедливое и т. д. Если это такъ, т.-е. если
понятіе о справедливости и несправедливости
владѣнія есть относительное, то вопросъ о
личномъ характерѣ интердикта рѣшенъ.

Уничтожить владѣніе одного для того, чтобы
возстановить владѣніе другого, можно только,
когда одно лицо владѣетъ справедливо, а
другое несправедливо. Но справедливо и не-
справедливо владѣніе только между двумя
лицами: нарушителемъ и тѣмъ, чье владѣніе
нарушено. Поэтому только владѣніе наруши-
теля можетъ и должно быть уничтожено, и
возстановлено владѣніе прежняго владѣльца:
поэтому, далѣе, не уничтожается владѣніе
третьяго лица въ пользу того, чье владѣніе
нарушено другимъ.

Объяснимъ сказанное примѣромъ.

А владѣетъ вещью. Владѣніе его нару-
шаетъ В и передаетъ С.

Что А можетъ, посредствомъ интердикта,
требовать отъ В или возстановленія владѣ-
нія, или полнаго вознагражденія (cum omni
causa)—это не требуетъ ни доказательствъ,
ни объясненія.

Но положимъ, что А обратится съ интер-
дикгомъ противъ С.

Здѣсь представляются намъ: съ одной сто-
роны А, котораго владѣніе предполагалось
справедливымъ и нарушено В; съ другой
стороны С, которому В уступилъ владѣніе
вещью, находившеюся во владѣніи А, и от-
нятою В у послѣдняго. Владѣніе С предпо-
лагается тоже справедливымъ, и даже въ
отношеніи къ владѣнію А; потому что не С
его нарушилъ, а В. Такимъ образомъ оба, и
А и С имѣютъ равныя притязанія на вещь.
Какъ же рѣшить, кому именно принадлежитъ
владѣніе? Очевидно, должно будетъ обра-
титься къ основанію владѣнія —къ праву на

жество краткихъ словъ Ульпіана „interdicta
ad res videantur concepta, vi tamen ipsa
sunt" (L. 1, § 3, D. de interd.).

вещь; изслѣдованіе же о правѣ относится къ процессу о правѣ, а не о фактѣ владѣнія.

γ) Дѣйствіе интердикта и необходимое слѣдствіе процесса о владѣніи есть фактическое уничтоженіе фактическаго нарушенія—возстановленіе владѣнія прежнему владѣльцу. Мы видѣли, что владѣніе можетъ быть нарушено только фактически; поэтому и возстановленіе его не можетъ быть другое, какъ фактическое, равное нарушенію.

Теперь перейдемъ къ праву собственности.

B.

Юридическія положенія объ оспариваніи и охраненіи права собственности.

Основное начало права собственности извѣстно: оно есть признанная государствомъ справедливость владѣнія.

Признаніе справедливости владѣнія [1]) выражается въ томъ, что государство охраняетъ ее, т.-е., не дозволяетъ никому самопроизвольно присвоить ее себѣ.

a) Объ оспариваніи. Нарушить справедливость владѣнія, право собственности, очевидно, невозможно. Поэтому, собственно говоря, нарушенія права собственности нѣтъ и быть не можетъ. Оно, какъ право, можетъ быть только оспариваемо (разумѣя подъ этимъ словомъ и отрицаніе права собственности другого, и присвоеніе его себѣ). Это оспариваніе въ ученіи о правѣ собственности, совершенно соотвѣтствуетъ нарушенію въ ученіи о владѣніи.

b) Объ охраненіи. У римлянъ для охраненія права собственности были особливые иски, rei vindicatio и actio publiciana, которымъ производился процессъ о праве собственности. Главныя, отличительныя черты исковъ и процесса о правѣ собственности суть слѣдующія.

α) Предметъ изслѣдованія въ процессѣ о правѣ собственности не есть владѣніе, не юридическое основаніе этого владѣнія, не законность его. Это потому, что основное начало права собственности есть признаніе государствомъ справедливости владѣнія. Въ процессѣ о владѣніи изслѣдуется только было ли владѣніе.

β) Искъ о правѣ собственности на извѣстную вещь можетъ быть вчиненъ противъ всякаго, кто присвоилъ себѣ такое право на ту же вещь. Основаніе этого положенія есть абсолютная (а не относительная, какъ во владѣніи) справедливость, составляющая коренное начало права собственности. Государство, признавши справедливость владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью, признаетъ ее вообще, въ отношеніи ко всѣмъ гражданамъ. Поэтому, кромѣ самого владѣльца никто не можетъ быть хозяиномъ такой вещи. Итакъ искъ о правѣ собственности есть вещный. Интердиктъ, какъ мы уже видѣли, относится на себѣ напротивъ личный характеръ.

γ) Наконецъ, дѣйствіе иска о правѣ собственности, и необходимое слѣдствіе процесса объ этомъ правѣ, есть утвержденіе признаніе оспариваемаго права собственности за хозяиномъ вещи. Если сравнимъ дѣйствіе процесса о правѣ собственности съ дѣйствіемъ интердикта, то увидимъ, что оно совершенно соотвѣтствуетъ фактическому возстановленію владѣнія. Какъ то, такое дѣйствіе прямо и непосредственно вытекаетъ изъ основнаго начала права собственности и владѣнія, и столько же различны между собою, сколько различны они въ признаніи полныхъ вещныхъ отношеній въ государствѣ.

§ 6.

Теперь остается намъ, на основаніи сказаннаго, разрѣшить нѣкоторые частные вопросы, которые не могли быть разрѣшены прежде и по необходимости опущены нами изъ виду.

Первый вопросъ. Какое основаніе

[1]) Право собственности, какъ мы увидимъ ниже, кромѣ признанія справедливости владѣнія, есть имѣетъ и признаніе самого владѣнія. Эту другую сторону права собственности мы опускаемъ здѣсь по слѣдующимъ причинамъ: 1) она, будучи разсматриваема отдѣльно, есть то же самое владѣніе, 2) какъ часть собственности, она имѣетъ большое сходство съ юридическимъ владѣніемъ, и слѣдовательно, разсматривая здѣсь не было бы возможности провести точныя и ясныя границы между правомъ собственности и владѣніемъ, но какъ сторона второстепенная въ правѣ собственности, владѣніе, связанное съ нимъ, не прибавитъ ничего къ его основному началу и къ его юридическимъ слѣдствіямъ, а потому можетъ быть опущено, не вреда правильному взгляду на право собственности и на его отношеніе къ владѣнію. Наконецъ 3) отношеніе владѣнія къ праву собственности будетъ ниже разсмотрѣно нами особливо.

несправедливаго владѣнія т.-е. вла-
нарушающаго владѣніе справедливое?
мы видѣли, что государство иногда
ть признать владѣніе за справедли-
ому что ему недостаетъ тѣхъ внѣш-
знаковъ, по которымъ государство
безошибочно признать его спра-
ть. Но оно не можетъ также безу-
твергнуть его, какъ несправедливое.
что такое владѣніе можетъ быть въ
своемъ справедливо. Поэтому госу-
збираетъ средину между признані-
раведливости владѣнія и совершен-
отрицаніемъ: оно признаетъ и за-
владѣніе, какъ владѣніе, а не какъ
справедливое.

слѣдуетъ, что признаніе владѣнія,
оно впрочемъ ни было, прямо сви-
тельствуетъ объ убѣжденіи, можетъ быть
ательномъ, въ томъ, что владѣніе,
и не имѣло внѣшнихъ признаковъ
ивости, само въ себѣ однако спра-

убѣжденіе для насъ весьма важно.
лываетъ, что государство смотритъ
ніе, какъ на справедливое отноше-
ещи, и только по необходимости не
ть этой справедливости; словомъ: го-
проникаетъ въ сущность владѣнія.
ительно, владѣніе есть справедли-
шеніе къ вещи, несмотря на то, что
раведливость не имѣетъ очевидности
ударства. Но оно бываетъ такимъ
огда, когда не нарушаетъ владѣнія
лицъ тою же вещью; въ противномъ
кѣ оно несправедливо.

раведливое владѣніе, очевидно, не
и не можетъ имѣть въ свою пользу
ѣжденія государства, которое побу-
изыскивать особливыя средства для
я и защищенія владѣнія справедли-
него смотритъ государство, какъ
, не имѣющій никакого значенія въ
права; а поэтому съ одной стороны
дливое владѣніе всегда должно усту-
дѣнію справедливому: съ другой—
ть имѣть никакихъ юридическихъ
вій, слѣдовательно не можетъ быть
но, а потому не можетъ быть и за-
государствомъ.

ѣч. При построеніи своей теоріи,
обратилъ все вниманіе на несправе-
владѣніе; но онъ не раздѣлилъ вла-
справедливое и несправедливое (два
вида, на которые оно необходимо распадается въ государствѣ), и потому всѣ свойства несправедливаго владѣнія по необходимости долженъ былъ приписать всякому владѣнію вообще, а слѣдовательно и справедливому. Такъ онъ и говоритъ, что владѣніе есть чистый фактъ, не имѣющій никакого значенія въ области права. Вообще сказанное имъ о существѣ владѣнія совершенно вѣрно и правильно въ отношеніи къ несправедливому владѣнію. При такомъ взглядѣ, онъ необходимо долженъ былъ искать основанія защиты владѣнія въ чемъ-либо внѣшнемъ, а не въ немъ самомъ, что также совершенно правильно, если приложимъ къ несправедливому владѣнію: несправедливое владѣніе не имѣетъ въ себѣ основанія защиты, слѣдовательно это основаніе должно заключаться въ чемъ либо внѣшнемъ.

Отчего же, несмотря на такое свойство несправедливаго владѣнія, оно, по признанію законодательства, можетъ быть нарушено и защищается наравнѣ съ справедливымъ? Какъ объяснить это явленіе?

На основаніи сказаннаго, этотъ вопросъ рѣшается легко. Мы видѣли, что владѣнія, само въ себѣ справедливое и несправедливое, не различаются, если не имѣютъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ. Но этой только причинѣ не могла быть признана въ государствѣ справедливость въ самомъ себѣ справедливаго владѣнія. Поэтому-то, далѣе, владѣніе несправедливое, несмотря на то, что оно не имѣетъ никакого значенія въ области права, признается и защищается государствомъ наравнѣ съ справедливымъ.

Итакъ, причина защиты владѣнія несправедливаго заключается въ томъ, что владѣніе само по себѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого критерія своей справедливости. Онъ лежитъ или въ сознаніи владѣльца, или того, чье владѣніе нарушено, слѣдовательно есть внутренній, невидимый и потому какъ бы не существующій для государства. Поэтому владѣніе справедливое и несправедливое не имѣетъ никакого различія для государства. Отсюда происходитъ, что оно защищаетъ какъ то, такъ и другое.

Примѣч. 1. Для того, чтобы получить правильное воззрѣніе на владѣніе, необходимо должно различать основаніе, побудившее государство признать владѣніе, отъ послѣдствій такого признанія. Основаніемъ была внутренняя справедливость владѣнія въ

нѣкоторыхъ случаяхъ; послѣдствіемъ — признаніе и защита справедливаго владѣнія. Причина этого послѣдствія не логическая, а фактическая: невозможность отличить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Замѣтимъ еще, что если бы не было этой причины, не было бы и отдѣльнаго института владѣнія.

Примѣч. 2. Основаніе защиты несправедливаго владѣнія не есть внутреннее, заключающееся въ самомъ несправедливомъ владѣніи, а внѣшнее: невозможность для государства отличить его отъ владѣнія справедливаго. Скрываясь подъ одною внѣшнею оболочкою съ справедливымъ владѣніемъ, оно приняло себѣ всѣ его юридическія послѣдствія и получило, такъ сказать, право гражданства въ системѣ законодательства. Римскіе юристы не отличали его отъ владѣнія справедливаго. Это и не удивительно: они имѣли въ виду одну практическую сторону права, а потому для нихъ было вовсе не нужно дѣленіе владѣнія на справедливое и несправедливое—дѣленіе, которое не имѣло никакого приложенія въ практикѣ, гдѣ они не отдѣлялись, да и не могли отдѣляться другъ отъ друга. Но теперь, когда чувствуется потребность возвести положительное ученіе къ его теоретическимъ началамъ, отдѣленіе владѣнія справедливаго отъ несправедливаго совершенно необходимо. Несмотря на то, всѣ приступали къ построенію теоріи владѣнія съ готовою мыслью, что владѣніе всегда одинаково, будетъ ли оно справедливое или несправедливое; что это различіе несущественно, и потому не должно быть принимаемо въ соображеніе при построеніи теоріи. Это дѣленіе дѣйствительно не будетъ имѣть смысла, если мы взглянемъ на владѣніе отвлеченно: отвлеченное воззрѣніе не допускаетъ различія между справедливымъ и несправедливымъ; то и другое понятіе появляется только съ общежитіемъ, со вступленіемъ людей во взаимныя отношенія, слѣдовательно въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ. Но мы не можемъ смотрѣть на владѣніе отвлеченно: такое воззрѣніе есть философское, а потому относится къ философіи права. Наше дѣло напротивъ состоитъ въ разсмотрѣніи юридическаго значенія владѣнія, слѣдовательно мы должны изслѣдовать его въ томъ видѣ, какъ оно является въ государствѣ. Ставши на эту точку зрѣнія, мы необходимо должны будемъ различить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Опущеніе изъ виду этого раздѣленія въ государствѣ повлекло за собою ошибку: стали искать одного [illegible] объясненія защиты и справедливаго, справедливаго владѣнія. Удивительно, всѣ попытки оказались безуспѣшными.

Примѣч. 3. Необходимость найти основаніе защиты несправедливаго владѣнія влекла Савинья и Ганса въ дѣлу [illegible] положныя, равно несправедливыя, крайности. Савинья говоритъ, что вообще владѣніе различія справедливаго отъ несправедливаго есть фактъ; Гансъ—что оно право. Сообразно съ своимъ взглядомъ, искать причины защиты владѣнія въ владѣніи. Онъ ея искалъ поэтому [illegible] либо посторонняго, внѣшняго, въ связи съ институтомъ владѣнія, и [illegible] найдти въ личности владѣльца, которое есть къ владѣнію самое близкое отношеніе. Нарушеніе личности, необходимо сказано его мнѣнію, съ нарушеніемъ владѣнія есть единственная причина защиты владѣнія. Исходя изъ этого ложнаго начала, по необходимости долженъ былъ [illegible] нѣкоторыя юридическія положенія [illegible] нія о владѣніи, напр., расширить по[illegible] vis на всѣ возможные виды нарушенія владѣнія; совершенно превратно толковать [illegible] ваніе интердикта ut ubi (по римскому до временъ Юстиніана). Такое неправильное, можно сказать, пристрастное толкование нѣкоторыхъ положеній, относящихся къ владѣнію, было выставлено на видъ и [illegible] вергнуто Гансомъ. Теорія Савиньи [illegible] лась, и мѣсто ея заступила новая, [illegible] положная первой, но столько же [illegible] ная и односторонняя теорія Ганса. [illegible] въ противоположность Савиньи, утверждая, что владѣніе есть право, т.-е. въ самомъ себѣ заключаетъ основаніе защиты всѣхъ юридическихъ послѣдствій, и вотъ вѣрная служба, оказанная имъ наукѣ права: первый открылъ и высказалъ истинное основаніе признанія и защиты владѣнія. [illegible] Савиньи на владѣніе вообще перенесъ свойства несправедливаго владѣнія, Гансъ, наоборотъ, всѣ свойства справедливаго владѣнія приписалъ владѣнію вообще, слѣдовательно и несправедливому. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ признать, что владѣніе несправедливое есть такое же право, какъ и владѣніе справедливое; что поэтому имѣетъ внутреннее основаніе [illegible]

заключающая въ себѣ якый па-
есмотря на всю увлекательность,
она изложена, и послѣдователь-
которою она выведена. Ею вноситъ
ть положительнаго права начало
рушительное, которое, въ конеч-
ъ послѣдствіяхъ, отрицаетъ вся-
Но кромѣ внутренняго противо-
таго въ этой мысли, ее опровер-
мы видѣли, положенія римскаго
адѣнія. Такъ обѣ теоріи выстав-
ршенно вѣрныя начала. Савиньи
крылъ значеніе несправедливаго
ъ области права; Гансъ первый
и значеніе справедливаго. Одно-
ь ихъ заключается въ стремленіи
но изъ этихъ началъ единствен-
ломъ какъ справедливаго, такъ и
ливаго владѣнія.

али, что государство признаетъ и
несправедливое владѣніе потому
послѣднее не различается отъ
праведливаго. Убѣдительнѣйшимъ
ствомъ въ пользу нашего мнѣнія
exceptiones, ослабляющія дѣйствіе
въ пользу отвѣтчика. Если от-
тко могъ доказать, что самъ ис-
це пріобрѣлъ отъ него владѣніе
самою вещью несправедливо (vi,
ato), то онъ освобождался отъ обя-
возстановить владѣніе истцу. Эти
, очевидно, доказываютъ: 1) что
ніе личности есть основаніе за-
дѣнія, потому что даже тотъ, кто
владѣніе vi, имѣлъ въ показанномъ
ceptio (противъ Савиньи); 2) что,
южно, государство дѣлаетъ разли-
владѣніемъ справедливымъ и не-
ымъ, и отказываетъ послѣднему

вопросъ. Въ какомъ отноше-
тся владѣніе къ праву собствен-

ошеніе можетъ быть двоякаго ро-
ие 1) или является какъ состав-
права собственности, или 2) оно
ъ коллизіи съ правомъ собствен-

ие какъ составная часть права собственности.

ы замѣтили, что государство въ
случаяхъ признаетъ справедли-
вость владѣнія, и охраняетъ ее отъ притя-
заній другихъ лицъ. Это признаніе можетъ
быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣ-
нія: 1) кромѣ признанія справедливости вла-
дѣнія, оно заключаетъ въ себѣ сверхъ того
и признаніе самаго владѣнія [1]. Слѣдователь-
но въ признаніи права собственности извѣ-
стнаго лица на извѣстную вещь заключается
и признаніе владѣнія этого лица этою вещью;
словомъ, въ правѣ собственности заключает-
ся и владѣніе; послѣднее есть составная
часть перваго. 2) Признать справедливость
владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью
значитъ признать, что это лицо всегда мо-
жетъ владѣть этою вещью, имѣетъ право на
владѣніе ею; слѣдовательно, что оно можетъ,
отчудивши ее, возвращать себѣ снова, поте-
рявши — требовать возвращенія отъ всякаго,
кто бы ни пріобрѣлъ ее. Мало этого: хозяинъ
вещи, даже никогда не владѣвшій ею, можетъ
требовать владѣнія отъ всякаго, въ чьихъ
бы рукахъ оно ни находилось. Такимъ обра-
зомъ изъ справедливости владѣнія вытекаетъ
право на владѣніе, право требовать, что-
бы другое лицо, имѣющее это же самое вла-
дѣніе, возвратило его хозяину (тому, чье
владѣніе признано справедливымъ); словомъ,
право собственности даетъ хозяину юридиче-
скія средства для возвращенія потерян-
наго владѣнія. Слѣдовательно хозяинъ вещи
или 1) имѣетъ юридическое владѣніе, или
2) находитъ въ правѣ собственности сред-
ства требовать его отъ всякаго.

А.

Юридическое владѣніе хозяина вещью, на которую онъ имѣетъ права собственности.

Мы видѣли, что признаніе справедливости
владѣнія есть имѣетъ и признаніе самаго вла-
дѣнія, т.-е. что юридическое владѣніе есть
часть права собственности. Такое владѣніе,
именно потому что оно есть признанное от-
ношеніе лица къ вещи, юридически совер-
шенно одинаково съ тѣмъ, объ которомъ мы
говорили при основномъ началѣ владѣнія.

[1] На признаніе владѣнія, имѣетъ ли признаніемъ
его справедливости, мы не могли указать какъ на
основное начало владѣнія, потому что оно является
здѣсь какъ начало не самостоятельное, а подчинен-
ное другому. Оно не можетъ потому объяснить суще-
ствованія владѣнія, самостоятельнаго типа юри-
дическаго владѣнія

Его юридическое начало то же самое, а потому и юридическія положенія объ его нарушеніи и защитѣ тѣ же. Такимъ образомъ владѣніе, составляющее часть права собственности, является, несмотря на то, какъ совершенно отдѣльное, отъ него независимое юридическое отношеніе къ вещи.

Этимъ разрѣшается часть нашего вопроса: владѣніе и право собственности могутъ существовать другъ подлѣ друга безъ всякаго взаимнаго отношенія.

Примѣч. Несмотря на совершенную одинаковость владѣнія юридическаго (объ которой мы говорили выше и при разрѣшеніи перваго нами предложеннаго вопроса) и владѣнія составляющаго часть права собственности, между ними есть самое существенное различіе. Оно заключается въ основаніи, которое побудило государство признать какъ то, такъ и другое отдѣльнымъ, самостоятельнымъ юридическимъ отношеніемъ къ вещи [1].

Владѣніе, само въ себѣ справедливое, но не имѣющее внѣшнихъ признаковъ своей справедливости, поздно обратило на себя вниманіе законодательствъ. Мысль (лежащая въ основаніи всего ученія о владѣніи), что владѣніе, не пріобрѣтенное по установленнымъ способамъ, не есть еще несправедливое, доказываетъ, что законодательство видитъ не одну формальную справедливость, но проникаетъ и до справедливости матеріальной. Появленіе института владѣнія въ системѣ законодательства есть поэтому самый вѣрный признакъ того, что оно стоитъ на высшей степени развитія.

Напротивъ, владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣло совершенно другую судьбу въ исторіи законодательствъ. Оно появилось вмѣстѣ съ правомъ собственности, вмѣстѣ съ нимъ было признано и нашло средство защиты. Поэтому-то вовсе не было нужно различать ихъ: въ признаніи и защитѣ права собственности заключались признаніе и защита владѣнія.

Съ появленіемъ въ системѣ права юридическаго владѣнія, открылся и новый взглядъ на право собственности. Владѣніе, составляющее часть послѣдняго, отдѣлилось отъ него и получило свое отдѣльное, независимое [illegible]. Оно получило слѣдовательно только [illegible] форму, заимствованную отъ новаго [illegible] права. Такъ основаніе признанія [illegible] новаго внѣшняго признака своей справедливости, должно искать въ признаніи [illegible] стномъ не одной формальной, но и матеріальной справедливости; основаніе признанія владѣнія, составляющаго часть права собственности, какъ отдѣльнаго, независимаго послѣдняго отношенія къ вещи въ [illegible] вательности законодательства, которое одинаковыя юридическія явленія подъ одну форму, и всѣмъ имъ дать [illegible] ковое юридическое значеніе.

[1]) Владѣніе несправедливое, какъ мы видѣли выше, признается и защищается государствомъ только потому, что оно не можетъ быть отлично отъ владѣнія справедливаго. Поэтому мы и не будемъ принимать его въ соображеніе при опредѣленіи указаннаго нами различія.

B.

Право требовать владѣнія отъ всякаго, [illegible] щее изъ права собственности, [illegible] ства къ осуществленію этого пр[illegible]

Мы видѣли, что юридическое [illegible] составляющее часть права собстве[illegible] имѣетъ одинаковое юридическое зна[illegible] тѣмъ, объ которомъ мы говорили выш[illegible] изслѣдованіи объ основномъ началѣ в[illegible] Оно имѣетъ то же юридическое зна[illegible] же юридическія послѣдствія; поэтому [illegible] ства его защиты тѣ же.

Но этими средствами, какъ очевид[illegible] съ перваго взгляда, хозяинъ вещи, не [illegible] по произволу, можетъ пріобрѣтать [illegible] свою вещью, которою владѣетъ друго[illegible] представляются слѣдующіе случаи:

1) Хозяинъ добровольно уступилъ [illegible] лицу владѣніе вещью, принадлежащ[illegible] въ собственность, а это лицо переда[illegible] третьему и т. д.

2) Хозяинъ потерялъ владѣніе ве[illegible] другое лицо завладѣло ею.

3) Владѣніе хозяина нарушено [illegible] лицомъ, которое передало это владѣни[illegible] ему лицу.

4) Хозяинъ никогда не владѣлъ [illegible] принадлежащею ему въ собственность.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, [illegible] вещными средствами защиты (интер[illegible] владѣніе не можетъ быть пріобрѣте[illegible] злишомъ отъ тѣхъ лицъ, которыя в[illegible] этою вещью. Поэтому хозяинъ должен[illegible] и имѣетъ другія средства, вытекаю[illegible]

ческаго владѣнія, но изъ права
ости [1]).
занаго ими выводится другое по-
опредѣляющее отношеніе владѣнія
собственности. Въ правѣ собствен-
ключается право на владѣніе. Оно
ется особливыми средствами, от-
отъ средствъ защиты юридическаго
Осуществленіе его есть юридиче-
ѣніе.

*ніе въ коллизіи съ правомъ собствен-
ности.*

ы будемъ смотрѣть на право соб-
я только какъ на признанную го-
ть справедливость владѣнія, то от-
само собою, что коллизія его съ
имъ владѣніемъ невозможна. При-
й невозможности заключается въ
они относятся къ предметамъ со-
различнымъ: предметъ содержа-
собственности есть справедли-
адѣнія; предметъ юридическаго вла-
мое владѣніе.
видѣли, что въ правѣ собственно-
очается право на владѣніе, и что
ѣніе этого права есть юридическое
Съ этой, и только съ этой точки
олизія владѣнія съ правомъ соб-
и представляется возможною, слѣ-
о только съ этой точки и можно
тривать.
право собственности придетъ въ
ніе съ юридическимъ владѣніемъ,—
съ нихъ должно одержать верхъ?
этого вопроса очевидно само собою.
либо имѣетъ справедливое отноше-
щи и эта справедливость признана
вомъ, то другіе не могутъ имѣть
акого же справедливаго отношенія;
льно это отношеніе несправедливо.
при коллизіи послѣднее уступаетъ
оно уничтожается, и возстановляется
вое отношеніе хозяина вещи.

Итакъ отношеніе права собственности ко владѣнію заключается изъ слѣдующемъ:

Владѣніе есть необходимая, существенная часть права собственности. Какъ необходимая часть, оно или принадлежитъ имѣетъ съ правомъ собственности одному лицу, или можетъ только принадлежать. Въ первомъ случаѣ юридическое владѣніе существуетъ подъ правомъ собственности, какъ самостоятельное юридическое отношеніе къ вещи, независящее отъ упомянутаго права, и имѣетъ свои средства защиты. Въ послѣднемъ случаѣ оно существуетъ подъ права собственности, но только въ возможности, какъ право на владѣніе тою вещью, которая принадлежитъ по праву собственности; это право на владѣніе приводится въ исполненіе особливыми средствами, отличными отъ средствъ защиты юридическаго владѣнія и сходными съ послѣдними только въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одну цѣль доставить юридическое владѣніе. При осуществленіи права на владѣніе, оно можетъ вступить въ коллизію съ юридическимъ владѣніемъ, и тогда послѣднее необходимо уступаетъ первому.

Заключеніе.

Теперь постараемся въ немногихъ словахъ представить результатъ изслѣдованія о коренномъ началѣ юридическаго владѣнія и основаніи его защиты.

Основное начало юридическаго владѣнія есть признаніе государствомъ владѣнія, безъ признанія его справедливости. Поводъ къ такому признанію заключается во внутренней справедливости владѣнія, которое никому не можетъ быть оставлено безъ защиты, но которое не можетъ быть признано за справедливое, по недостатку внѣшнихъ признаковъ этой справедливости—признаковъ несомнѣнныхъ, видимыхъ для государства, какими законные способы пріобрѣтенія. Вслѣдствіе недостатка такихъ признаковъ, государство по необходимости, имѣетъ съ владѣніемъ справедливымъ въ самомъ себѣ, признаетъ и защищаетъ и владѣніе несправедливое. Поэтому основаніе защиты несправедливаго владѣнія не заключается во внутреннемъ существѣ его, но во внѣшнемъ сходствѣ и безразличіи его съ владѣніемъ, въ самомъ себѣ справедливымъ. Эта форма признанія перенесена и на то владѣніе, котораго справед-

[1]) Какимъ правѣ этихъ средствъ много Такъ которыя: actio ad exhibendum, actio judi
имѣютъ искъ проистекалъ изъ рѣшенія, по
ро о правѣ собственности; цѣль его въ
ъ состояла въ приведеніи въ исполненіе
рѣшенія о правѣ собственности, слѣдова
ему прочимъ, въ возстановленіи владѣнія
чье право собственности на эту вещь
судебномъ рѣшеніи, и проч.

ность признана государствомъ. Основаніе лежитъ въ слѣдующемъ: признаніе справедливости владѣнія заключаетъ въ себѣ признаніе и самаго владѣнія. Оба могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, независимо другъ отъ друга. Признаніе владѣнія, разсматриваемое отдѣльно отъ признанія его справедливости, не представляетъ никакого отличія отъ признанія такого отношенія къ вещи, которое государство не признаетъ за справедливое. Поэтому то или иное можетъ и должна быть перемѣнена форма признанія послѣдняго. Такимъ образомъ владѣніе, само въ себѣ справедливое, и злостное несправедливое, и наконецъ владѣніе, составляющее часть права собственности, всѣ соединяются въ государствѣ подъ одну форму признанія, и потому они имъ не различаются. Каждое изъ нихъ къ отдѣльности, и на всѣ государство смотритъ только какъ на одно и то же владѣніе, признанное имъ въ извѣстной формѣ и защищаемое по основаніямъ признанія на различныя основанія такого признанія и защиты.

(Юрид. Записки П. Редкина, М. …

Руководство къ россійскимъ законамъ, *составленное экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, докторомъ законовѣдѣнія Лаврентіемъ Рождественскимъ. Спб. 1848.*

Наша юридическая литература чрезвычайно обѣдна догматическими сочиненіями по части собственно-русскаго законодательства. Эта бѣдность тѣмъ ощутительнѣе, что у большей части другихъ образованныхъ народовъ, особенно у французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, существуетъ безчисленное множество всякаго рода руководствъ, сборниковъ и указателей, имѣющихъ цѣлью объясненіе дѣйствующихъ законовъ, расположеніе ихъ въ систематическомъ порядкѣ, а иногда даже и приведеніе ихъ въ извѣстность. Почему же не водится у насъ сочиненій такого рода? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Очевидно, что мы въ подобныхъ трудахъ далеко не такъ нуждаемся, какъ жители другихъ государствъ, въ которыхъ кодификація не достигла еще той полноты и отчетливости, какую имѣетъ она у насъ. Извѣстно, что тамъ, гдѣ правительство не издаетъ само сборниковъ законовъ, за этотъ трудъ должны взяться частныя лица, и наоборотъ тамъ, гдѣ правительство уже озаботилось о приведеніи въ извѣстность и сосредоточеніе всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, въ трудахъ частныхъ лицъ уже не нуждаются по этому предмету столько настоятельно. Справедливость этого замѣчанія неопровержимо доказываетъ исторія нашей юридической литературы. Сочиненія о тогдашнемъ отечественномъ законодательствѣ стали рѣдко выходить, именно съ тѣхъ поръ, какъ „Полнаго Собранія" и „Свода Законовъ" сведены были въ извѣстность и сдѣлались источники новѣйшаго русскаго права. До 1832 года, напротивъ, такихъ сочиненій выходило чрезвычайно много и можно сказать, что въ нихъ сосредочивалась по преимуществу тогдашняя юридическая литература. Въ этотъ періодъ времени мы находимъ частныя собранія или указанія законовъ, настоящія систематическія изложенія той или другихъ частей дѣйствовавшаго въ то время законодательства. Къ первой категоріи относятся сборники Чулкова, Прилежаева, Ивановича и Филиповскаго; ко второй — сочиненія Цильтея, Артемьева, Терлацича, Кошанскаго, Вельяминова-Зернова, Гулячки и нѣкоторыхъ другихъ. Только съ 1832 года потребность въ такихъ сочиненіяхъ уменьшилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и появленіе ихъ въ свѣтъ сдѣлалось явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ.

Но слѣдуетъ ли изъ этого что-нибудь? Такое образованіе русскаго законодательства со времени изданія „Свода Законовъ" сдѣлало ли совершенно ненужными подобные труды? Конечно нѣтъ. Существованіе „Свода" уменьшаетъ потребность въ такихъ сочиненіяхъ, но не можетъ ее уничтожить. Надо замѣтить во первыхъ, что въ „Сводъ не вошли многіе указы и учрежденія, которыхъ …

и для всѣхъ вообще лицъ, находя-
ѣе или менѣе подъ вліяніемъ этихъ
Такъ уставы церковнаго управленія,
о части народнаго просвѣщенія и
другія не введены еще въ систему
я помѣщены только въ „Полномъ
Законовъ", гдѣ можно найти ко-
альныя постановленія въ хроноло-
ихъ порядкѣ, по которое не пред-
истематическаго ихъ собранія съ
цѣлемъ правилъ дѣйствующихъ
ствующихъ. Очевидно, что въ этомъ
ученая дѣятельность не только
но и въ высшей степени необходима;
пуждаются въ ней люди, которые
или не имѣютъ охоты и времени
такомъ многотомномъ изданіи, ка-
ое Собраніе Законовъ". Далѣе, хотя
практическихъ, обязанныхъ постоян-
олненіемъ той или другой части за-
ьства, необходимо всегда имѣть въ
знать всѣ безъ исключенія статьи
относящіяся къ этой части, несо-
днако, что людямъ неспеціальнымъ,
ыхъ достаточно быть знакомыми съ
началами законодательства и вовсе
о знать всѣ его подробности и за-
невозможно достигнуть этой цѣли
ъ самаго „Свода", именно по при-
подробности и полноты. Для такихъ-
о людей необходимы краткія и си-
ческія руководства, изъ которыхъ бы
я составить себѣ безъ труда ясное
о важнѣйшихъ началахъ того или
отдѣла законовъ. Наконецъ нельзя
ть, что недостатокъ юридическаго
ія служитъ иногда рѣшительнымъ
емъ къ уразумѣнію прямого смысла
еще болѣе къ раскрытію притяз-
стованія, какъ общихъ, философ-
ъ и мѣстныхъ, историческихъ. Это
ьство, усиливая потребность въ на-
обработываніи дѣйствующихъ рус-
новъ, доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ,
обработываніе тогда только будетъ
льно полезно и сообразно съ свои
огда не будетъ ограничиваться одно
статей „Свода", буквально или въ
и, но постанитъ себѣ задачею: при-
ясную и правильную систему от-
узаконенія, объясненіе значенія и
дало болѣе или менѣе подробными
ями, заимствованными какъ изъ
ріи права, такъ и въ особенности
изъ частной исторіи русскаго законодатель-
ства. По такой методѣ, сколько намъ извѣ-
стно, написано только одно изъ нашихъ но-
вѣйшихъ юридическихъ сочиненій, именно
сочиненіе г. Кранихфельда: „О гражданскихъ
законахъ"; а и то заслуживаетъ одобренія
болѣе за намѣреніе, нежели за исполненіе.

Что касается до сочиненія г. Рождествен-
скаго, то о немъ трудно судить критикѣ, по-
тому что когда не извѣстны цѣль и желанія
автора, то нельзя говорить и о томъ, въ какой
мѣрѣ достигнута эта цѣль и исполнились же-
ланія. Г. Рождественскій не потрудился сдѣ-
лать свой трудъ предисловіемъ и предоста-
вилъ самимъ читателямъ угадывать намѣ-
реніе, которое заставило его приняться за
изданіе „Руководства къ россійскимъ зако-
намъ". Руководство это, какъ видно, не стоило
большого труда автору; оно представляетъ
ни болѣе, ни менѣе, какъ простое сокращеніе
„Свода Законовъ", при чемъ нѣкоторыя статьи
изложены короче, чѣмъ въ подлинникѣ, другія
—тѣми же словами, а третьи совсѣмъ выпу-
щены. Что книга г. Рождественскаго можетъ
принести пользу, съ этимъ мы спорить не
станемъ. Но тутъ важенъ вопросъ о степени
пользы, и въ этомъ отношеніи нельзя не со-
знаться, что „Руководство къ россійскимъ
законамъ" не можетъ ни въ какомъ случаѣ
быть разсматриваемо какъ важное пріобрѣ-
теніе для нашей юридической литературы.
Самый существенный его недостатокъ со-
стоитъ въ совершенномъ отсутствіи великихъ
историческихъ и философскихъ данныхъ,—
другими словами, въ отсутствіи того, въ чемъ
собственно и заключается ученое обработы-
ваніе законовъ. Есть кромѣ того и другіе,
также довольно важные недостатки. Судя
по заглавію книги, слѣдовало отъ нея ожи-
дать изложенія всѣхъ частей законодатель-
ства, а между тѣмъ авторъ изложилъ только
законы государственные (въ тѣсномъ смыслѣ),
гражданскіе и уголовные. Почему исключены
остальные отдѣлы права? неизвѣстно. Неу-
жели авторъ думаетъ, что знаніе законода-
тельства, напримѣръ финансоваго, менѣе
важно и полезно, нежели знаніе учрежденій
или законовъ судопроизводства? Во всякомъ
случаѣ, слѣдовало бы объяснить причину та-
кого несоотвѣтствія между заглавіемъ книги
и дѣйствительнымъ ея содержаніемъ. Въ отно-
шеніи къ системѣ, сочиненіе г. Рождествен-
скаго также не совсѣмъ удовлетворительно.
Авторъ слѣдуетъ безусловно порядку, приня-

тому въ самомъ законѣ, и не обращаетъ никакого вниманія на то, что для цѣлей практическихъ нуженъ одинъ порядокъ, для цѣлей научныхъ —совсѣмъ другой. Наконецъ и въ самихъ началахъ, которыми руководствовался авторъ при сокращеніи или выпускѣ законовъ, мы не замѣтили большой опредѣленности и раціональности; нѣкоторыя узаконенія, весьма важныя, пропущены, другія, совершенно частныя, выписаны сполна; такъ выпущены подробное опредѣленіе порядка престолонаслѣдія и законы о правительствѣ и опекѣ, а законы о вступленіи на престолъ и коронованіи изложены почти цѣликомъ. Вообще можно полагать, что авторъ при сужденіи о помѣщеніи въ свою книгу того или другого узаконенія не руководствовался твердыми и ясными правилами, такъ, напримѣръ, при изложеніи предметовъ вѣдомства министерскихъ департаментовъ, онъ въ однихъ случаяхъ исчислилъ ихъ подробно, въ другихъ ограничился общими указаніями. Въ самомъ сокращеніи статей „Свода" [illegible] большой раціональности; авторъ [illegible] дилъ частныхъ случаевъ подъ общ[illegible] горіи, а просто и безъ разбора [illegible] одни изъ этихъ случаевъ, выпуска[illegible] столько же важные: такъ въ ар[illegible] Главномъ Управленіи Путей Сообщен[illegible] воритъ. „Департаментъ Искусствен[illegible] сосредоточиваетъ въ себѣ: всѣ особ[illegible] ственные предметы и распоряженія [illegible] ству и исправному содержанію дор[illegible] сейныхъ путей относящихся, улучш[illegible] ствующихъ и устройство новыхъ [illegible] сообщеній, и проч." (стр. 521) Въ [illegible] прочаго находится одна изъ важ[illegible] аттрибуцій департамента и всего [illegible] именно строительная часть гражда[illegible] домства. Спрашивается, почему пр[illegible] ее авторъ, если онъ счелъ нужны[illegible] путь тутъ же о другой, совершенно [illegible] значительной?

«Современникъ» 1[illegible]

ВЗГЛЯДЪ

НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ РУССКАГО ПОРЯДКА ЗАКОННАГО НАСЛѢДОВАНІЯ И СРАВНЕ[illegible] ПЕРЕШНЯГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ СЪ РИМСКИМЪ, ФРАНЦ[illegible] И ПРУССКИМЪ *).

Мм. Гг. Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета удостоилъ меня чести явиться сегодня передъ вами представителемъ юридическаго факультета. При всей теоретической и практической важности гражданскаго права, преподаваніе котораго мнѣ вѣрено, очень трудно выбрать изъ него предметъ, годный для академической бесѣды. Критика основныхъ положеній нашей науки началась еще недавно; глубокая печать римскаго права лежитъ на ней; едва только теперь мы начинаемъ разглядывать исторически основы римской жизни и быта въ положеніяхъ, которыя чрезъ многіе вѣка считались непреложными юридическими аксіомами. Въ то время, какъ ученыя изслѣдованія постепенно уясняютъ эту мысль, ежедневная жизнь современныхъ [illegible] скихъ обществъ быстро перерастает[illegible] рамки римскаго права и создаетъ нов[illegible] данскія формы, не подходящія подъ [illegible] ученія. Такимъ образомъ гражданско[illegible] по первоначальной своей разработкѣ [illegible] древняя изъ всѣхъ юридическихъ н[illegible] теперешнемъ же своемъ видѣ, оно ока[illegible] едва ли не самою отсталою и молодо[illegible] вительно ли, что ни по какой другой [illegible] права нѣтъ въ ходу, въ одно и то ж[illegible] стольвихъ застарѣлыхъ сужденій и [illegible] опрометчивыхъ стремленій къ новиз[illegible] другія свидѣтельствуютъ, что гра[illegible] право всего болѣе нуждается въ ис[illegible] ной разработкѣ, въ строгихъ изслѣд[illegible] которыя при всей своей видимой [illegible] утомительности, одни только и могу[illegible] жить прочное основаніе послѣдую[illegible] вильной постановкѣ главныхъ начал[illegible]

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Санктпетербургскаго Университета, 8-го февраля 1860 года.

ни важны для нея и новые доводы
у старыхъ понятій, и незрѣлыя по-
становить новое, и кропотливый ро-
, опи. по своему специальному и по
новомъ дѣлѣ полемическому харак-
могутъ быть предметомъ общезани-
ученой бесѣды.

ный остановиться на чемъ-нибудь, я
ребѣ обратить ваше вниманіе на при-
шасъ *порядокъ наслѣдованія по за-*
едметъ этотъ близко касается всѣхъ
го: практическая важность его без-
а между тѣмъ современная литера-
ившая столько вопросовъ, его почти
шесь. Какъ всѣ главныя ученія граж-
права, и порядокъ законнаго наслѣ-
глубоко коренится въ общихъ усло-
ражданской и государственной жизни
я объясняется его исторіею. Поря-
слѣдованія, постановленный въ Сводѣ
, въ особенности нуждается въ та-
ъясненіи. Поэтому я постараюсь воз-
ратко разсказать, какъ онъ образо-
разсмотрѣть его главныя начала.
помощь въ послѣднемъ отношеніи мо-
вать иностранныя законодательства,
, въ заключеніе, изложу порядокъ за-
наслѣдованія, принятый въ главнѣй-
ъ нихъ, и укажу, чѣмъ онъ суще-
отличается отъ нашего.

Ѣе прошу у васъ, мм. гг., благосклон-
ходительности къ сухости моей рѣчи,
кой по свойству предмета и по тепе-
состоянію науки гражданскаго права,
придать настоящей бесѣдѣ живость
повело бы только къ болѣе или ме-
ачнымъ фразамъ, въ ущербъ истинѣ,
всего дороже. Пока жизнь и наука
ляютъ безчисленныхъ недоумѣній и во-
ожаждущихъ вѣковыя ученія граж-
права, скромная работа осторож-
торическихъ изслѣдованій и сличенія
быть по необходимости нашимъ сми-
удѣломъ.

я законнаго наслѣдованія въ Россіи
утана и безсвязна. Изъ всего періода
до XVII вѣка до насъ дошли о ней
ные отрывочные факты различныхъ
щественнаго развитія, загадочные на-
историческаго процесса, смыслъ ко-
ще не разгаданъ. Отсутствіе послѣ-
вности между началами нашего древ-
законнаго наслѣдованія по различ-
нымъ редакціямъ Русской Правды признаетъ
даже профессоръ Неволинъ, всегда осторож-
ный въ своихъ выводахъ, и объясняетъ это
глубокимъ потрясеніемъ родового быта въ на-
шей частной и общественной жизни въ пе-
ріодъ междоусобій по смерти Ярослава. Но
не въ одной Русской Правдѣ видна такая не-
послѣдовательность: она замѣчается при срав-
неніи Судебниковъ съ Русскою Правдою, и
ихъ съ Псковскою Судною Грамотою; законы
царя Ивана Васильевича о наслѣдованіи точно
также стоятъ особнякомъ въ сравненіи съ
предъидущими и послѣдующими постановле-
ніями. Только съ начала XVII вѣка наша
исторія законнаго наслѣдованія становится
яснѣе и понятнѣе.

Профессоръ Неволинъ изложилъ полную
исторію нашего наслѣдственнаго права въ
третьемъ томѣ своей „Исторіи Россійскихъ
Гражданскихъ Законовъ". Обладая изумитель-
ною начитанностью, онъ свелъ всѣ данныя,
всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ
одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, срав-
нилъ между собою и воспользовался всѣми,
даже повидимому маловажными намеками
источниковъ, для объясненія древнихъ по-
становленій. Трудъ, имъ совершенный, есть
въ полномъ смыслѣ слова ученый подвигъ,
къ сожалѣнію и до сихъ еще поръ не оцѣ-
ненный по достоинству; онъ служитъ и долго
еще будетъ служить основаніемъ и исходною
точкою при всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ
предметѣ. Но, отдавая полную справедливость
ученымъ заслугамъ автора, нельзя вполнѣ со-
гласиться со всѣми его выводами. Будучи по
преимуществу легистомъ, профессоръ Нево-
линъ всюду старался отыскать и возстановить
непосредственную связь между законами. Та-
кая метода изслѣдованія вполнѣ достигаетъ
своей цѣли въ примѣненіи къ римскому праву
и тѣмъ новѣйшимъ законодательствамъ, въ
которыхъ юридическія начала уже вполнѣ
установились и выяснились, но она очевидно
недостаточна при изученіи такихъ историче-
скихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ,
а законъ писанный лишь измѣняетъ и допол-
няетъ обычай, и потому представляетъ одни
отрывочныя правила, не имѣющія между со-
бою непосредственнаго отношенія; когда юри-
дическія начала еще не опредѣлились, нахо-
дятся еще въ нестройномъ смѣшеніи и вслѣд-
ствіе того, не имѣя возможности развиваться
самостоятельно и послѣдовательно, оказы-
ваютъ безпрерывное вліяніе другъ на друга,

въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо имѣть во всей совокупности быта, посреди котораго возникаютъ существующіе отрывочные юридическіе факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи. Вотъ путь, на которыя должны, какъ мнѣ кажется, ступить рано или поздно и изслѣдователи древняго нашего права. Послѣдующее изложеніе есть не что иное, какъ попытка объяснить, съ этой точки зрѣнія, историческое развитіе нашего порядка законнаго наслѣдованія.

Разсмотримъ сначала тѣ условія быта, подъ вліяніемъ которыхъ сложился порядокъ наслѣдованія по закону въ древней Россіи именно: постепенное развитіе у насъ общественности, **поземельной собственности и рода или семьи**, въ ранніе эпохи нашей исторіи.

Древнѣйшія письменныя извѣстія о нашемъ *отдаленномъ бытѣ* чрезвычайно скудны и не даютъ объ немъ никакого опредѣленнаго понятія; но, соображая ихъ съ послѣдующими, съ воспоминаніями сохранившимися и до сихъ поръ въ живыхъ памятникахъ народной жизни —обычаяхъ и обрядахъ, съ древнѣйшимъ бытомъ другихъ народовъ и съ выводами науки о постепенномъ развитіи человѣческихъ обществъ, мы можемъ до нѣкоторой степени пополнить этотъ важный и обширный и уяснить себѣ если не подробности, то хотя главныя черты первоначальнаго быта, изъ которыхъ развилась послѣдующая общественность, болѣе или менѣе намъ извѣстная по несомнѣннымъ источникамъ.

Наши отдаленнѣйшіе предки, подобно всѣмъ народамъ, начавшимъ свою жизнь съ первой ступени общественности, по всѣмъ вѣроятіямъ жили сперва отдѣльными родами и семьями. До образованія общественныхъ союзовъ, въ этихъ родахъ и семьяхъ сосредоточивалась вся частная и общественная жизнь. Имѣя естественную основу, тогдашніе роды или семьи, въ то же время, представляли, какъ бы отдѣльно, маленькія государства, съ домочадцами въ челѣ, съ гражданами въ лицѣ чадъ и домочадцевъ, которые или были рождены въ семьѣ, или поступали въ нее со стороны, кто добровольно, кто вслѣдствіе покупки и плѣна. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ вѣроятно и у насъ, эти микроскопическія общественныя единицы, эти зародыши послѣдующей гражданственности, не имѣли сначала внутри себя строгихъ опредѣленій. Лишь тогда [illegible] рялось и ступенивалось [illegible] общ[illegible] природныя вѣчности стѣсненія установившимися обычаями юридическ[illegible] частей, представляющихъ первую [illegible] дать разумность грубымъ инстинктамъ.

Впослѣдствіи этотъ древнѣйшій бы[illegible] мало-по-малу, измѣнился и принял[illegible] видъ. Тоже, кажется, произошло [illegible] Общественные союзы, составлявшіе [illegible] довь и семей, заступили мѣсто пре[illegible] собственной, разрозненной родовой [illegible] какимъ образомъ это сдѣлалось. И [illegible] быть самые разнообразные, здѣсь [illegible] семья распалась и распалася на отдѣльн[illegible] и роды, сохранившіе преданія о семей[illegible] его происхожденіи и привязку жи[illegible] тамъ сосѣдство, общія нужды, пор[illegible] занятія, внѣшняя опасность могли [illegible] и съединить семьи и роды, не имѣвшіе [illegible] ничего общаго между собою, въ отдѣ[illegible] союзъ. Какъ бы то ни было, но союз[illegible] семей и родовъ въ отдаленныя вре[illegible] первомъ своемъ возникновеніи и дол[illegible] должно было болѣе походить на меж[illegible] вый союзъ, чѣмъ на гражданское [illegible] въ теперешнемъ смыслѣ. Сойдясь [illegible] любовь, роды и семьи первоначаль[illegible] кажется, сохраняли внутри себя ту [illegible] визимость, тотъ же политическій [illegible] и значеніе, какъ и прежде, когда [illegible] рошено. Только дѣла общія всѣм[illegible] шіяся вѣчнаго союза, рѣшались собр[illegible] ставителями всѣхъ родовъ и семей[illegible] вышіяся и до сихъ поръ у насъ [illegible] мірской порядокъ управленія поср[illegible] домохозяевъ и старикомъ вѣроятно [illegible] многія общія черты съ устройство[illegible] начальныхъ міровъ, и быть можетъ [illegible] по преданію изъ глубокой древности.

Въ такомъ-то, кажется, состояніи [illegible] нашъ варяго-русскіе князья, прин[illegible] своими дружинами, хотя, разумѣется [illegible] опредѣлить, когда именно начался у[illegible] предковъ новый бытъ и въ какой м[illegible] успѣлъ повсемѣстно установиться и [illegible] ко времени прибытія Рюрика съ [illegible] Всего вѣроятнѣе, что тогда, какъ [illegible] общественная жизнь представляла [illegible] ныхъ мѣстностяхъ много разныхъ [illegible] и оттѣнковъ; но мѣстами союзный [illegible] видимому уже пустилъ глубокіе ко[illegible] лію суда по преданію объ обязате[illegible] побудившихъ нашихъ предковъ пр[illegible] себѣ иноземныхъ властителей.

русскія дружины, господствуя у насъ
полтораста лѣтъ, не произвели су-
ыхъ измѣненій въ этнографическихъ
съ тогдаш ей Россіи, но дали тамъ
рылись новый видъ общественной
зависимые общественные союзы по-
имъ, и утративъ постепенно свою
ельность и значеніе, сошли на вто-
. Вся государственная власть и по-
я жизнь сосредоточились въ дружи-
ъ предводителяхъ, варяго-русскихъ
а къ концу варяго-русскаго періода,
стианская вѣра водворилась въ Рос-
вителямъ и представителямъ тог-
общественной и политической жизни
оединилась еще и церковь.
строй составныхъ элементовъ нашей
ности сохранился въ главныхъ чер-
ременными колебаніями и частными
ми, чрезъ всю нашу исторію до XIX
мотря на то, что варяго-руссы уже
лавѣ совсѣмъ исчезли, а греческое
во, хотя и гораздо позднѣе, замѣ-
усскимъ.
поставились общественные элементы
варяго-русскія дружины не успѣли
твердиться, именно, на сѣверѣ Рос-
ъ нѣкоторые общественные союзы
свою самостоятельность и потому
центрами государственной и поли-
жизни, до присоединенія ихъ къ мо-
государству.
ныя комбинаціи составныхъ частей
ной жизни произвели различія и въ
гражданскомъ быту. Въ независи-
ерныхъ общинахъ принадлежащіе къ
ы и семьи сохранили *право собствен-*
свои земли; въ остальной же Рос-
ельная собственность сосредоточи-
рукахъ князей, церкви, приближен-
дуъ княжескихъ. Послѣдніе, безъ
могли сначала принадлежать къ
и родамъ, входившимъ въ составъ
независимыхъ общественныхъ сою-
не могли удержать за собою свою
ю поземельную собственность: по мѣ-
поземельныхъ правъ стало посте-
ѣсѣть отъ княжеской службы и ми-
ли послѣдующая исторія поземель-
дѣнія и собственности въ княже-
ковскомъ государствѣ и россійской
очно также опредѣлилась развитіемъ
ыми отношеніями тѣхъ элементовъ,
ихъ сосредоточивалась государствен-
ная и политическая жизнь Россіи. Сначала весь княжескій Рюриковъ родъ былъ наслѣдственнымъ обладателемъ земли русской, но члены его не имѣли права наслѣдственной собственности на ту или другую часть ея, и перемѣняли свои владѣнія по особенному порядку старшинства и преемственности; однако вскорѣ это стало измѣняться: Россія раздѣлилась на отдѣльныя княжества, наслѣдственныя въ одномъ и тѣхъ же княжескихъ линіяхъ; княжества, въ свою очередь, стали подраздѣляться на болѣе дробныя части; наконецъ, княжескія владѣнія, потерявъ государственный характеръ, обратились въ частную собственность, съ нѣкоторымъ отголоскомъ державныхъ правъ, зависѣвшихъ отъ личности владѣльцевъ, потомковъ владѣтельныхъ князей.

Другое значеніе имѣли сначала поземельныя права членовъ княжеской дружины и княжескихъ слугъ. Эти лица получали отъ князей города и области въ управленіе, очень похожее на владѣніе; или имъ давались земли въ личную, иногда и наслѣдственную собственность. Такъ какъ государственный и частный элементы не были въ то время строго различены между собою, то эти разные виды поземельныхъ правъ были очень похожи другъ на друга и отличались отъ княжескаго владѣнія только тѣмъ, что владѣтельные князья были самостоятельными владѣльцами, а члены княжескихъ дружинъ и слуги князей находились, относительно поземельныхъ своихъ правъ, въ зависимости отъ князей. Это первоначальное различіе, съ постепеннымъ развитіемъ московскаго единодержавія, должно было мало-по-малу измѣниться. Удѣльные князья, сдѣлавшись подданными московскихъ великихъ князей и государей, лично и по своимъ поземельнымъ правамъ уравнялись съ прочими ихъ слугами. Многіе владѣтельные князья оставляли свои удѣлы и, вступая въ службу къ великимъ князьямъ и государямъ московскимъ, были пожалованы отъ нихъ владѣніями, которыя ничѣмъ не отличались отъ владѣній прочихъ великокняжескихъ слугъ. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда окончательно установилось московское единодержавіе, различіе между поземельными правами князей и прочихъ лицъ должно было совершенно сгладиться и исчезнуть.

Новый порядокъ дѣлъ, возникшій въ Россіи съ уничтоженіемъ удѣловъ, не благопріятствовалъ развитію частной поземельной соб-

ственности. Типъ вотчинника лежалъ въ основаніи государственной власти, и этотъ типъ не допускалъ правильнаго разграниченія сферъ государственной и гражданской; жизнь стуги обнимала всю общественную и всю частную жизнь, со всѣми ея сторонами. Чрезъ лицо власть простиралась и на его собственность. Отсюда неразложеніе самыхъ яркихъ, типическихъ представителей московскаго самодержавія, каковъ былъ, напримѣръ, царь Иванъ Васильевичъ, къ упроченію поземельныхъ владѣній въ однихъ и тѣхъ же княжескихъ и служилыхъ родахъ, чему въ его время, конечно, могли способствовать и политическія причины. Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ по русской исторіи предстоитъ еще рѣшить вопросъ, не было ли установленіе помѣстной системы плодомъ тѣхъ же стремленій удержать поземельную собственность за государями, предоставляя служилымъ людямъ одно лишь временное пользованіе ею во все продолженіе службы. Въ XVII вѣкѣ начало это только смѣшилось нѣсколько въ своихъ приложеніяхъ, но въ существѣ осталось то же. Этимъ объясняется взаимное отношеніе вотчинной и помѣстной системы поземельнаго владѣнія. Послѣдняя сначала служила дополненіемъ первой; вотчины точно также обязывали къ службѣ, какъ и помѣстье: у кого не было вотчины, тому давалось помѣстье; тѣ и другія конфисковались за преступленія противъ службы. Отсюда сближеніе помѣстной и вотчинной системы къ концу XVII вѣка, которое не могло бы имѣть мѣста, еслибъ оба эти вида поземельныхъ правъ также строго различались между собою по началу, какъ по внѣшнему виду.

Петръ Великій сдѣлалъ первую попытку высвободить въ Россіи государственное начало изъ-подъ тяготѣвшихъ надъ нимъ вотчинно-владѣльческихъ понятій и облечь его въ свойственныя ему формы. Но при немъ государство также всецѣло поглощало всѣ стороны общественной и гражданской жизни, какъ и до него. Частная поземельная собственность не могла, при такомъ воззрѣніи, развиться самостоятельно. Цѣлый рядъ ограниченій, которымъ она при немъ подверглась во всѣхъ отношеніяхъ, свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій не видѣлъ въ ней самостоятельнаго начала, терпѣлъ ее какъ фактъ и безусловно подчинялъ требованіямъ государственной пользы. Прочнѣйшее при немъ смѣшеніе и слитіе помѣстья и вотчины должно разсматривать съ этой точки зрѣнія. Отъ произошло вслѣдствіе измѣненія [illegible] мѣстьямъ характеръ частной поземельной собственности, но вслѣдствіе коренныхъ измѣненій государственной и въ особенности военной службы, сдѣлавшихъ помѣстья совсѣмъ ненужною. Не прежде второй половины XVIII вѣка, при императрицѣ Екатеринѣ II, частныя гражданскія права стали постепенно выдѣляться изъ безразличія государственнаго элемента, обнимавшаго всю жизнь, и начать самостоятельное существованіе. Понятіе о частной поземельной собственности [illegible] общества, сложившагося изъ бывшихъ служилыхъ классовъ, признано только въ это царствованіе за юридическій принципъ. Впослѣдствіи, въ самомъ началѣ XIX вѣка, право [illegible] тать поземельную собственность распространено и на всѣ свободныя состоянія [illegible] пувшее царствованіе начато преобразованіе его и несвободнымъ классамъ. Государственный и частный элементъ стали отдѣляться другъ отъ друга и получать каждый [illegible] дѣльное, самостоятельное существованіе. Органическіе элементы общественной [illegible]

Наконецъ, исторія поземельныхъ правъ православной церкви точно такъ [illegible] тѣснѣйшей связи съ общею ея исторіею въ нашемъ отечествѣ. Сначала церковь [illegible] земли въ собственность отъ князей, стала обогащаться поземельными [illegible] и вслѣдствіе благочестивой щедрости [illegible] ныхъ лицъ, отказывавшихъ въ церковь [illegible] пастыри земли и имѣнія, преимущественно [illegible] духовныхъ своихъ завѣщаніяхъ, на [illegible] миновеніе ихъ душъ по смерти. Изъ этого [illegible] чая образовалось мало-по-малу [illegible] наслѣдовать извѣстную часть изъ имѣній [illegible] шихъ владѣльцевъ, а когда они не [illegible] послѣ себя ближайшихъ родственниковъ, [illegible] во всемъ имѣніи, съ исключеніемъ [illegible] наслѣдниковъ. Это право или обычай [illegible] кажется, во второй половинѣ XVII [illegible] въ половинѣ XVIII столѣтія, при [illegible] рицѣ Екатеринѣ II, поземельныя [illegible] церкви обращены въ казенное вѣ[illegible]

Въ тѣсной связи съ этимъ развитие [illegible] ственныхъ и государственныхъ элементовъ [illegible] порвалось у насъ развитіе *семейныхъ отношеній*.

Пока роды и семьи жили совершенно [illegible] дельно другъ отъ друга, во взаимномъ [illegible] ченіи, представляя собою какъ бы [illegible] независимыя государства, принадлежа

другому роду или семьѣ опредѣля-
нностью родства, а фактомъ сожи-
Кто отдѣлялся отъ семьи или рода,
ресталъ принадлежать къ нему,
обрѣтались покупкою дѣтей или чу-
въ, или отнимались у нихъ наси-
ственною силою: въ томъ и другомъ
ѣ переставали принадлежать къ
которой вышли и поступали въ
вой семьи, которая поглощала
упностью рода или заслоняла лич-
ого домовладыки. Все, что принад-
ежь, составляло общую ея собствен-
лько земля не дѣлилась между чле-
по началамъ личной собственности;
лась или въ общемъ владѣніи, или
ве, какъ во временномъ пользовании
рода.

вождѣемъ общественныхъ союзовъ
ъ и семей, по внутреннемъ бытѣ
должны были постепенно про-
ныя перемѣны. Самостоятельность
лодѣ по внутреннему распорядку
продолжалась еще долго послѣ того,
ратилась прежняя ихъ взаимная от-
я отчужденность; также долго внут-
бытъ оставался прежній, безъ су-
хъ измѣненій; но сожительство се-
ъ, постоянныя ихъ сношенія между
общимъ дѣламъ и происшедшее
того взаимное ихъ сближеніе,
ли мало-по малу, ослабить ихъ
замкнутость, уменьшить значеніе
ского сожительства и вмѣсто него
на первый планъ, какъ мѣрило
инства, узы родства и свойства,
раломъ естественныя, природныя
ачались ясно и стали опредѣлять
родственное единство, независимо
ельства къ одномъ мѣстѣ, иначе
потрафическій характеръ семеи и
степенно утратился и вмѣсто того
преобразовываться въ с вы линь,
ихъ между собою общимъ происх
или посредствомъ браковъ, неза-
того живутъ ли члены этихъ союз
, или отдѣлно другъ отъ друга.
о съ этимъ новымъ значеніемъ се-
ь, и внутренній бытъ ихъ, съ те-
емени, долженъ былъ измѣниться.
ъ какъ принадлежность къ се-
роду стала опредѣляться не со-
ью, а родственными связями, об-
дѣніе землею членовъ семьи или
рода по необходимости перестало быть характеристическимъ признакомъ семейнаго и родоваго быта. Отдѣлившіеся члены ихъ могли имѣть свою особливую личную собственность: впослѣдствіи и общая родовая поземельная собственность стала дѣлиться между ея владѣльцами, членами семеи и родовъ. Отд. сближенія родовъ и семей въ общественномъ союзѣ стало также постепенно ослабѣвать понятіе, что женщина, вышедшая замужъ въ другой родъ или семью, становится совершенно чуждою той семьѣ или роду, въ которомъ она родилась и воспитывалась. Напротивъ, браками должны были установляться прочныя родственныя связи и отношенія между семьями и родами: съ тѣмъ вмѣстѣ покупка и увозъ невѣстъ замѣнились выдачею ихъ замужъ по сговорамъ, съ приданымъ.

Дальнѣйшее развитіе этихъ новыхъ началъ семейнаго и родоваго быта, какъ и самое появленіе ихъ, опредѣлилось историческимъ ходомъ общественныхъ и государственныхъ элементовъ, посреди которыхъ они образовались. Въ массахъ народа долго продолжали жить старыя основы первоначальнаго быта, медленно уступая новымъ условіямъ общественности: только семьи и роды были многочисленны или, напротивъ, легко раздроблялись на свои составныя части смотря по тому, благопріятствовали обстоятельства прочности правовъ и осѣдлости или мѣшали имъ. Но въ семьяхъ и родахъ, выдѣлившихся почему либо изъ народныхъ массъ и принимавшихъ дѣятельное участіе въ государственной и политической жизни, новыя начала должны были водвориться раньше и быстрѣе. Члены этихъ родовъ и семеи по своему положенію рано были призваны къ индивидуальной дѣятельности, рано должны были жить и дѣйствовать лично, а не въ общемъ семенномъ или родовомъ составѣ. Таковы были у насъ княжескіе и другіе знатные роды, въ особенности тѣ, которые вошли въ княжескія дружины и впослѣдствіи образовали московское вельможество и служилые чины московскаго государства. Въ этихъ слояхъ древняго русскаго общества преимущественно выработалась индивидуальность членовъ семеи и родовъ, личная поземельная собственность, юридическія отношенія между членами родовъ и семеи по началамъ родства; къ нимъ почти исключительно относились древніе законодательныя постановленія гражданскаго права. Всѣмъ понятно, что всѣ эти начала опредѣлились, съ

одной стороны, естественными элементами, лежащими въ самыхъ родственныхъ и брачныхъ связяхъ, а съ другой, государственною жизнью и ея потребностями, которымъ семьи и роды должны были подчиняться и сообразно съ которыми семейныя и родственныя отношенія юридически установлялись такъ или иначе.

Наложенными выше условіями нашего общественнаго и государственнаго развитія и развитія отношеній между членами семей и родовъ долженъ былъ опредѣлиться и порядокъ законнаго наслѣдованія. Находясь въ тѣснѣйшей связи съ этими условіями, онъ могъ измѣниться только въ соотвѣтствіи съ ихъ измѣненіями, такъ что, не имѣя даже никакихъ историческихъ извѣстій о постепенномъ развитіи нашего наслѣдованія по закону въ разныя эпохи, мы могли бы вывести его, въ главныхъ чертахъ, изъ одного соображенія общаго хода развитія нашего внутренняго быта. Къ счастію, дошедшіе до насъ отрывочные факты даютъ намъ возможность возстановить картину этого развитія не только въ общихъ чертахъ, но и съ нѣкоторыми подробностями, обозначающими переходные фазисы историческаго процесса, недоступные для апріористическихъ выводовъ и заключеній.

Разсмотримъ эти данныя, держась по возможности ихъ хронологической послѣдовательности.

Первое извѣстіе о наслѣдованіи по закону у нашихъ предковъ встрѣчается въ договорѣ Олега съ греками 911 года. Здѣсь сказано, что если кто изъ руссовъ, служащихъ въ Греціи у императора, умретъ не урядивъ своего имѣнія и у него не будетъ своихъ, то имѣніе должно быть возвращено въ Русь къ ближнимъ его („малымъ“ или „милымъ“ ближникамъ). Русинъ, убившій христіанина, или христіанинъ, убившій русина, долженъ умереть на мѣстѣ, гдѣ совершилъ убійство; но если онъ убѣжитъ и у него есть имущество, то послѣднее получаетъ ближній убитаго, а жена убійцы тоже получаетъ свою законную часть („толцѣмъ же прибудетъ по закону“).

Это извѣстіе очень интересно, какъ первое, но оно ничего не объясняетъ. Кто такіе ближніе, наслѣдующіе послѣ умершаго или убитаго, и какимъ образомъ они наслѣдуютъ неизвѣстно, а въ этомъ-то вся сила. Свидѣтельство о томъ, что жена получаетъ законную часть послѣ мужа, тоже возбуждаетъ множество вопросовъ, на которые отвѣта. Во-первыхъ, какая это законная Очень можетъ быть, что здѣсь ра собственное имѣніе жены и что о в ваніи ея послѣ мужа нѣтъ и рѣчи, т лѣе, что въ договорѣ именно говорит когда мужъ скроется, совершивъ убій допустимъ, что Олеговъ договоръ им виду именно часть изъ имѣнія мужа тимъ прежде всего, что въ договорѣ 944 года объ этихъ правахъ жены н нается. Итакъ, очень можетъ быть, что жены получить часть изъ имѣнія м было русскимъ обычаемъ и вполнѣ с воръ только для совершеннаго уравне сонъ, жившихъ въ Константинополѣ ками, у которыхъ существовалъ такой Выгода его для руссовъ очевидно въ томъ, что не все имѣніе убійцы к грекамъ. Но условія Олегова д какъ извѣстно, были для послѣдняг тяжки; неудачный походъ Игоря по въ иное положеніе русскихъ въ Ко ополѣ; можетъ быть вслѣдствіе это говорится въ Игоревомъ договорѣ о дованіи жены убійцы въ извѣстной ч имѣнія. Не видно также, получала свою часть во всякомъ случаѣ, или тогда, когда находилась съ мужемъ стантинополѣ. Договоръ могъ имѣть одно послѣднее обстоятельство, что печитъ существованіе и возвращен на родину; иначе было бы, вѣроятно нуто объ отсылкѣ въ Русь части, ск женѣ, какъ объ этомъ сказано отно имѣнія русина, умершаго безъ зак не имѣющаго въ Константинополѣ никого. Наконецъ, если даже и при по русскому закону жена наслѣдова мужа, то все же отсюда трудно бы ключить о порядкѣ наслѣдованія, го вавшемъ у насъ въ то время, по руссы не составляли тогда всего только незначительную часть его имѣть свои особливые законы и обы дые остальному населенію.

Нѣкоторые изслѣдователи, въ то профессоръ Неволинъ, стараются оп кого разумѣетъ договоръ подъ бли и въ какомъ порядкѣ они могли и наслѣдовать послѣ умершаго безъ Съ этою цѣлью они сближаютъ с ство Олегова договора съ правомъ мести. Послѣднее, какъ извѣстно,

...имъ родственникамъ; и такъ, ...слѣдователи, они же были и ...ные наслѣдники; порядокъ, въ ...ъ переходила отъ одного род... ...другому, намъ извѣстенъ изъ ...й Правды; стало быть, конечно, ...орядкѣ родственники и наслѣ... ...а другимъ послѣ умершаго безъ

...троумно это сближеніе, но оно, ...мъ разсмотрѣніи, оказывается ...ятнымъ. Въ краткой Русской ...енники, которые мстятъ за уби... ...отси въ такомъ порядкѣ: братъ, ...племянникъ отъ брата, племян... ...ры. Если принять, что въ томъ ...ли и наслѣдовали, то остается ...и необъяснимымъ, на какомъ ...ъ могъ наслѣдовать послѣ брата ...ино въ то время? Это не со... ...акими извѣстными доселѣ древ... ...ми наслѣдованія. Профессоръ ...ается, въ подкрѣпленіе своего ...рядокъ наслѣдованія князей въ ...аго періода; но мы не знаемъ ...мѣра, чтобъ сынъ исключалъ ...нія отца. При томъ Русская ...не указываетъ на порядокъ, въ ...мести переходило отъ одного ...му. Она говоритъ, что мститъ ..., *или* за отца сынъ, *либо* за ...*или* за дядю племянникъ отъ ...а дядю же племянникъ отъ ...быть, исчисляется только кто ...мстить, а не показано кто ...мое это исчисленіе очевидно ... если за отца мститъ сынъ, а ... то нѣтъ причины, почему бы ... племяннику мстить за дядю, ... права мстить за племянника, ...въ Правдѣ ничего не сказано. ...аконѣ Ярославовомъ можно по... ...вреніе ограничить кругъ лицъ, ...во мести, тогда какъ было бы ...извольно искать для того вре... ...е ограниченій наслѣдованія; ...зовались позднѣе, подъ влія... ...обстоятельствъ.

...нымъ извѣстіемъ о наслѣдова... ...послѣ умершаго и обычными ...право наслѣдованія жены въ ...ограничивается все, что мы ...нѣ законнаго наслѣдованія въ ...ъ времени до кончины Яро... ...слава. Если къ этому прибавить даже тѣ положенія, которыя такъ остроумно и основательно выведены Эверсомъ изъ исторіи княжескаго Рюрикова рода въ теченіе варяжскаго періода, то и тогда свѣдѣнія наши объ этомъ времени будутъ чрезвычайно бѣдны. Мы узнаемъ только, что каждый наслѣдникъ получалъ свою особливую часть, что дѣти наслѣдовали послѣ отца, братья послѣ братьевъ, что за малолѣтствомъ князя власть княжеская принадлежала опекуну, матери, которые удерживали ее по смерть; что супруги и дочери владѣтельныхъ князей имѣли свои удѣлы, которые переходили къ нимъ отъ отца и передавались иногда дѣтямъ ихъ въ отдѣльную собственность. Но эти данныя, объясняя до нѣкоторой степени варяго-русскіе обычаи и законы, оставляютъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, какой порядокъ законнаго наслѣдованія существовалъ между туземцами.

Извѣстія, дошедшія до насъ изъ удѣльнаго періода, при всей своей неполнотѣ, точнѣе и опредѣлительнѣе. Чтобъ понять ихъ надлежащимъ образомъ, необходимо припомнить условія общественнаго и частнаго быта того времени, о которыхъ я говорилъ выше. На сѣверѣ Россіи, въ новгородскихъ областяхъ, общественный союзъ родовъ и семей, по удаленіи оттуда варяго-русскихъ дружинъ, сохранилъ свою независимость. Вдали отъ княжескихъ междоусобій, не зная ни набѣговъ степныхъ кочевниковъ, ни завоеванія татаръ, сѣверный край могъ развиваться самостоятельно и безъ глубокихъ потрясеній, которыя испытала остальная Россія. Оттого здѣсь процѣла торговля и долго удерживались старинные нравы, всегдашніе спутники и свидѣтели крѣпкаго, прочнаго быта. При такихъ условіяхъ, семьи и роды, изъ которыхъ сложился общественный союзъ, раллагались на сѣверѣ Россіи медленнѣе, чѣмъ въ остальныхъ ея частяхъ, и домовитость, какъ кажется, была тамъ въ порядкѣ вещей.

Другую картину представляетъ остальная Россія. Варяго-русскія дружины, получивъ здѣсь осѣдлость и пустивъ корни, отодвинули союзы семей и родовъ на второй планъ и заняли первое мѣсто въ общественной и политической жизни. Междоусобія князей Рюриковой династіи, въ продолженіе варяжской эпохи, частые походы ихъ внутри и внѣ Россіи, набѣги кочевниковъ—все это повторялось еще съ большею силою и въ

большихъ размѣрахъ въ теченіе такъ называемаго періода удѣловъ и должно было глубоко потрясти народный бытъ и нравы. Здѣсь, слѣдовательно, процессъ разложенія семей и родовъ, поступившихъ въ составъ общественныхъ союзовъ, долженъ былъ совершиться быстрѣе. Рядомъ съ тѣмъ, вслѣдствіе политическихъ условій той части Россіи, въ которой утвердились варяго-русскія дружины, семья и родъ гораздо ранѣе и скорѣе потеряли здѣсь топографическій характеръ и обратились въ союзы лицъ, связанныхъ между собою родствомъ, независимо отъ мѣста жительства. Княжескій родъ, вполнѣ обрусѣвшій со времени Ярослава и по своему значенію стоявшій въ челѣ Россіи, болѣе всѣхъ другихъ выражалъ собою эту новую фазу въ развитіи семьи и рода. Тоже представляютъ и княжескіе дружинники и слуги, роды которыхъ, со временъ Ярослава, уже не пополнялись болѣе варягами, а почти исключительно туземцами. Все знатное, богатое, вообще почему либо выдававшееся впередъ изъ народныхъ массъ, вѣроятно вступило въ службу къ князьямъ и вошло въ составъ княжескихъ дружинъ. Эти семьи и роды, при тогдашней подвижности князей, должны были постепенно тоже утратить топографическій характеръ. Въ самомъ образѣ жизни и дѣятельности этихъ высшихъ слоевъ общества, игравшихъ главную роль, лежало условіе индивидуальной самостоятельности членовъ семьи, упадка общиннаго владѣнія и развитія—если не личной собственности, то по крайней мѣрѣ отдѣльнаго, личнаго владѣнія.

Вслѣдствіе различныхъ формъ общественнаго и частнаго быта въ сѣверной и остальной Россіи, установились здѣсь и тамъ различные порядки законнаго наслѣдованія. О первомъ мы находимъ извѣстія въ Псковской Судной Грамотѣ XV вѣка, о второмъ въ Русской Правдѣ, составленной во всякомъ случаѣ не позже XIII вѣка.

Въ Псковѣ, новгородскомъ пригородѣ, наслѣдство представляетъ нѣчто цѣлое, разематривается не какъ имущество, а какъ хозяйство, которое не дѣлится между лицами, а достается вполнѣ тому или тѣмъ, кто остается послѣ умершаго въ его домѣ, изъ тѣмъ же корня, и живетъ домашними силами. Если сынъ отдѣлился отъ отца или матери и не прокормитъ ихъ до смерти, то не наслѣдуетъ послѣ нихъ; кто живетъ съ умершимъ, тотъ наслѣдуетъ, будетъ ли то отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра или ближнихъ родственниковъ [1]. Приведенное теперешнимъ понятіямъ, наслѣдованіе скиваетъ порядокъ, въ которомъ ... слѣдовали одно за другимъ; но поли... отличительно тщетная. Если сынъ не ... послѣ родителей, отдѣлившійся отъ ... то ясно, что наслѣдуетъ, если можно ... разиться, домъ, а не лицо. На тотъ ... вании жена послѣ мужа владѣетъ ... ніемъ, а мужъ имѣніемъ жены ... смерти, до новаго брака, т.е. пока ... детъ основано новое семейство, ... ляйство. Подобный этому порядокъ ... ванія существуетъ отчасти и теперь ... русскихъ крестьянъ. У нихъ сла... понятіе объ особливомъ наслѣдовани... лъ членовъ семьи, пока хозяйство ... нераздѣльнымъ. Все имущество ... жить дому, семьѣ: самые даже ... поступаютъ въ общую казну. Старш... дываетъ общимъ хозяйствомъ. Отд... кто либо изъ семьи умретъ, а домъ ... нераздѣльнымъ, то никто изъ чле... отдѣльно и не наслѣдуетъ. Очер... время сдаваемые въ рекруты, вы... щіеся въ городъ или другое обще... обще всѣ члены семьи, отдѣлив... шея и основавшіе свое особливое х... не наслѣдовали; понятіе объ особ... ществѣ каждаго изъ членовъ семьи ... вильнѣе дома, о наслѣдованіи ... етъ явленіе новое, свидѣтельствую... степеннымъ проникновеніи въ сем... сельскаго населенія Великороссіи ... гражданской личности. Чѣмъ слаб... тѣмъ такое понятіе невозможнѣе, и...

---

[1] Ewers Einleitung, въ прекрасномъ ... „Гражданскіе законы Псковской ... (Спб. 1857, стр. 86) переводитъ, какъ ... объявлять относящееся сюда мѣсто ... ной Грамоты. Въ текстѣ сказано „А ... „кого и будетъ отецъ, или мать, ли сынъ, ... „или сестра, или кто ближняго племя ... „знаетъ, а тотъ не старинникъ тому ... „искати ни искати ни вѣнцу умершаго ... „по немъ искати". Г. Ewers переводитъ ... словомъ *животом оставшимъ* что-то ... чего смыслъ выходитъ у него такъ, ...и или о посторонихъ лицахъ ... ...ихъ, которые не успѣли перед... что онъ какъ-нибудь ... сами по себѣ очень ясны. Приведенное ... рить о томъ случаѣ, когда кто либо ... родственникъ, а не сторонное лицо ... щемъ умершаго.

до сихъ поръ держатся крѣпко, тамъ
ныя довины считаются отступленіемъ
старыхъ добрыхъ правовъ.

что находимъ въ остальной древней
. Въ Русской Правдѣ говорится особо
о наслѣдовании послѣ смерди и послѣ
княжеской дружины; въ извѣстныхъ
ихъ князь наслѣдуетъ послѣ тѣхъ и
къ. О наслѣдовании въ землѣ не встрѣ-
ни слова, тогда какъ въ Псковской
й Грамотѣ упоминается объ „отчинѣ".
сѣхъ, ни разу не называются наслѣд-
отецъ, мать, братъ, сестра, ближнее
; мужъ, жена, сынъ, дочь—вотъ тѣ-
круг наслѣдниковъ по Русской Правдѣ.
ько опредѣляется, которому именно
дѣтей долженъ достаться домъ послѣ
явное доказательство, что братья, обык-
но, не владѣли наслѣдствомъ сообща.
смерти отца дѣлились между собою и
розь. Такъ какъ по старому обычаю,
его обширное примѣненіе мы видимъ
ковской Судной Грамотѣ, отдѣлившіяся
семьи не наслѣдуютъ, то отсюда есте-
но вытекало, что тотъ, у кого не было
по Русской Правдѣ и не имѣлъ на-
ковъ и имѣніе его доставалось князю
смертью его домъ, хозяйство, остава-
безъ главы, безъ хозяина, и потому не-
ли существовать. Та же самая мысль
еще изъ слѣдующаго: когда послѣ умер-
оставались дѣти и вдова, то послѣдняя,
не вступила въ новое супружество,
лась хозяйкою дома и владѣтельницею
имущества покойнаго мужа; дѣти его,
котораго бы брака ни происходили, не
нимъ владѣть и распоряжаться, не могли
вилять противъ нея никакихъ требо-
хотя бы она растеряла добытокъ мужа,
ъ только она вступала въ новый бракъ,
нею и дѣтьми ея тотчасъ же начина-
юридическія отношенія по отдовскому
. Она обязана была отдать его дѣ-
потерянное возвратить. Это потому,
ыходя за мужъ, она оставляла домъ и
ей заступали дѣти. Подобнымъ обра-
мужъ владѣлъ имуществомъ покойной
до своей смерти; это видно изъ того,
ѣтки, по смерти матери, брали себѣ
ущество, такъ какъ они составляютъ
вое семейство, временно соединенное
другимъ вслѣдствіе новаго брака ихъ
.

ва наслѣдованія лицъ женскаго пола,
о которыхъ уже отчасти говорено выше,
точно также соотвѣтствовали общимъ усло-
віямъ древняго нашего быта и опредѣлялись
положеніемъ женщинъ въ тогдашнемъ обще-
ствѣ. Языческое многоженство давно уже
исчезло. При болѣе и болѣе тѣсномъ сбли-
женіи родовъ и семей въ общественномъ
союзѣ, жены перестали быть купленными
или насильно отнятыми товарами, погибшими
членами семействъ, въ которыхъ родились,
чужими между чужихъ, предметами вѣчныхъ
слезъ своихъ матерей. Конечно, нравы на-
родные еще долго послѣ того сохраняли жи-
выя воспоминанія объ этомъ времени и со-
хранявъ ихъ болѣе или менѣе и до сихъ
поръ; но на самомъ дѣлѣ, суровая судьба
женщины, по самому существу сожительства
родовъ и семей, должна была понемногу
смягчиться; супружество, при этомъ новомъ
видѣ общественной жизни, не отрывало уже
навсегда новобрачную отъ семьи, въ кото-
рой она родилась, а напротивъ, служило по-
водомъ и основаніемъ къ болѣе тѣсному сбли-
женію породившихся между собою родовъ и
семей. Здѣсь скрывается зародышъ личной
самостоятельности женщины, будущаго при-
знанія ея личныхъ и имущественныхъ правъ.
Родители невѣсты, отдавая ее замужъ по
добровольному согласію, поддерживая съ нею
связи и послѣ брака, вступая чрезъ нее въ
болѣе тѣсныя и постоянныя отношенія съ
ея мужемъ и его родными, естественно ста-
рались поставить свою дочь въ новой семьѣ
какъ можно лучше; тутъ могло примѣшиваться
и очень естественное желаніе не уронить себя передъ другимъ родомъ, похва-
стать передъ нимъ своею зажиточностью.
Все это должно было повести къ отмѣнѣ по-
купки невѣсть и къ отдачѣ ихъ замужъ съ
приданымъ, которое, въ свою очередь, еще
болѣе упрочило возникавшее начало граж-
данской личности женщины.

Но это начало не вдругъ водворилось со
всѣми своими послѣдствіями. И тогда и очень
долго послѣ, существованіе лицъ женскаго
пола имѣло, по общепринятымъ понятіямъ,
худо скрывавшимъ первобытную грубость
нравовъ, свое извѣстное назначеніе, кото-
рымъ и опредѣлялось общественное и граж-
данское положеніе женщины. Дѣвушка должна
выдти замужъ, замужняя женщина есть су-
пруга, мать, хозяйка дома или работница.
Застарѣлая дѣвица, безсѣтная вдова, не имѣли
никакого значенія и потому общественное

положеніе ихъ было самое неопредѣленное и жалкое. Бездѣтныя вдовы потому и назывались сиротами, подобно дѣтямъ, лишившимся родителей. Такимъ лицамъ женскаго пола, или неисполнившимъ, или уже выполнившимъ свое назначеніе, ничего болѣе не оставалось дѣлать на землѣ, какъ идти въ монастырь и посвятить себя Богу. Изъ этихъ понятій вытекало, что дѣвушка не была прочнымъ членомъ своего семейства; она предназначена была рано или поздно оставить свою семью и выдти замужъ въ чужую; но и въ новой семьѣ она была прочнымъ членомъ только до тѣхъ поръ, пока мужъ былъ живъ, или когда послѣ его смерти у нея оставались дѣти, и она будучи вдовою, продолжала быть хозяйкой дома и главою семейства.

Согласно съ этими понятіями установилось и право наслѣдованія женщинъ. Какъ непрочные члены семьи, дочери не наслѣдовали послѣ отца, а только получали приданое: вдовы или жили имѣстѣ съ дѣтьми или получали часть изъ имѣнія мужа; часть не была наслѣдствомъ, а лишь способомъ обезпеченія вдовы послѣ смерти мужа. Только во вдовствѣ женщина достигала полной гражданской самостоятельности, да и то весьма жалкой, если у нея не было дѣтей; въ дѣвичествѣ и замужемъ она была въ зависимости отъ другихъ и рѣчь шла только о томъ, кто будетъ кормить и содержать ее. Незамужнихъ содержалъ и кормилъ отецъ, а по смерти его -братья; жену -мужъ; мать, если у покойнаго ея мужа не было своего имѣнія, -дѣти, сыновья или замужнія дочери. Женщина сама по себѣ не имѣла своего дома, своего хозяйства; оно было или родительское, или мужнино, или дѣтское. Вслѣдствіе этого, послѣ нея нѣтъ наслѣдства; что она оставитъ своего по смерти, то по Русской Правдѣ достается не всѣмъ ея дѣтямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ она жила въ домѣ, кто ее содержалъ и кормилъ, будетъ ли то сынъ или даже дочь.

Замѣчательное отступленіе отъ этихъ началъ составляетъ право дочерей бояръ и членовъ княжеской дружины наслѣдовать послѣ отца, если у него нѣтъ сыновей. Очень можетъ быть, что это изъятіе развилось подъ вліяніемъ иноземнаго варяго-русскаго элемента; но корень его скрывается гораздо глубже, именно въ условіяхъ быта знатныхъ семей и родовъ, выдѣлившихся изъ массы народа и утратившихъ, какъ я уже сказалъ, первоначальный топографическій хар
Въ этихъ семьяхъ лицо, естественны
зомъ, не могло такъ поглощаться семе
домомъ, какъ въ большинствѣ наро
нія; въ нихъ, по самому роду ихъ ж
занятій, ранѣе чѣмъ во всѣхъ прочи
выработаться личное начало, отдѣль
ственность членовъ семейства, прид
отношенія между ними, какъ личны
и по имуществу. Всѣ эти обстоятель
жны были отразиться и на лицахъ ж
пола, принадлежащихъ къ этимъ семе
Что не одно иностранное вліяніе с
у насъ женщинамъ права законнаго
дованія,—это всего лучше доказывае
слѣдующей исторіей нашего закон
ства: въ московскомъ государствѣ э
признаны во всѣхъ служилыхъ класс
сть между вотчинниками и помѣ
составлявшими высшіе слои тогдашн
щества.

Самымъ полнымъ и совершеннымъ
женіемъ семьи или рода, предста
не мѣстное сожительство, а личны
родственниковъ, былъ, въ теченіе э
ріода, княжескій родъ Рюриковъ.
его родовыя и семейныя отношен
дены на степень государственныхъ
тическихъ, и это именно придаетъ
ихъ между князьями особенную
для нашего внутренняго быта того
Эта исторія, по самому значенію кн
рода, болѣе подробна и обстоятель
всѣхъ прочихъ семей и родовъ то
Сверхъ того, княжескій Рюриковъ р
въ общественной лѣстницѣ выше в
гихъ, не былъ стѣсняемъ въ развитіи
различными препятствіями, которы
мѣшать свободному, естественному
другихъ родовъ.

Что же представляетъ исторія м
женскихъ отношеній?

Княжескій родъ владѣетъ всею
лею, разселяясь, по мѣрѣ своего
женія, все далѣе и далѣе. Сначала
получаютъ въ особливое владѣніе и
наше княжества и земли, но не на
собственности, такъ что начало общ
дѣнія удерживается довольно долго.
повляетъ особеннаго рода наслѣдов
преемство между князьями на основа
зости къ родоначальнику, другими
на основаніи старшинства въ род
женскаго пола не участвовали въ эт

ія владѣній, но имѣли свои удѣлы, давались имъ князьями въ своихъ ъ. Такимъ образомъ, внутреннее ко княжескаго рода не покоилось на омъ господствѣ главы его надъ всѣми какъ въ первоначальномъ быту; ихъ не была поглощена единствомъ имѣла самостоятельность и подчи- произволу старшаго князя, а из- правиламъ, извѣстному распорядку отношеній, отъ котораго нельзя ступать. Но эти правила и этотъ докъ, по самой новизнѣ такихъ отно- между членами рода, не были выра- юридически и, обнимая немногіе небольшой кругъ родственниковъ, недостаточными для точнаго опре- междукняжескихъ отношеній, когда язей стало значительнѣе и отноше- мѣется, сложнѣе. Вслѣдствіе этого, и отрасли княжескаго рода начали малу отъ него отдѣляться и образо- особливыя княжескія семьи, удержи- обою, уже въ потомственномъ вла- дѣнныя части Россіи, обыкновенно , которыя находились подъ властью начальниковъ. Такимъ образомъ, на- чиннаго владѣнія, а съ тѣмъ пяѣтѣ нія общиннаго владѣнія, было по- Со временемъ послѣднее было со- тѣснено первымъ, и княжескія вла- ли постепенно переходить въ ни- потомство, съ раздробленіемъ между княжескаго семейства на наслѣд- удѣлы.

я междукняжескихъ отношеній до на престолъ Бориса Годунова ію обработана въ классическомъ со- профессора Соловьева. Она входитъ образомъ въ исторію нашего госу- наго права, и потому здѣсь не мѣсто ее; только результаты ея чрезвы- жны для послѣдующаго развитія на- слѣдственнаго права, въ особенности ка законнаго наслѣдованія. Чрезъ жескія отношенія у насъ выработа- дворилось начало юридической само- ости каждаго члена семейства или всѣми его послѣдствіями, а именно: ожемельныя права, раздѣлъ наслѣд- но съ этимъ связанные правильные ческіе расчеты, обнимающіе огром- съ родства и опредѣляющіе, по сте- и линіямъ, преимущество однихъ родственниковъ предъ другими по наслѣ- дованію. Подъ вліяніемъ междукняжескихъ от- ношеній установилось у насъ также поня- тіе о родовомъ имуществѣ, и если оно раз- вилось не послѣдовательно и не вполнѣ, то объясненія должно искать въ той же исторіи междукняжескихъ отношеній: поздняя осѣлость князей и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее постепенное подчиненіе ихъ московскимъ государямъ въ полное под- данство, не могли благопріятствовать пра- вильному и цѣльному развитію понятія о родовыхъ вотчинахъ. Словомъ, въ юридиче- скихъ отношеніяхъ между князьями, какъ личныхъ, такъ и по имуществу, особливо подъ конецъ удѣльнаго періода, не трудно подмѣтить первообразъ подобныхъ отношеній между членами служилыхъ родовъ и семействъ московскаго государства. Это было тѣмъ естественнѣе, что служилыя сословія москов- ской эпохи стали выдвигаться на первый планъ уже когда удѣлы исчезали одни за дру- гими: притомъ ряды служилыхъ людей москов- скаго государства наполнились потомками бывшихъ удѣльныхъ князей, которые при- несли съ собою свои понятія и воспомина- нія, естественно сообщившіяся прочимъ и по- служившія для нихъ образцомъ.

Княженіе Ивана Васильевича III, состав- ляющее эпоху въ политической и государ- ственной исторіи Россіи, составляетъ также эпоху и въ исторіи нашего внутренняго раз- витія. Съ этого времени быт народныхъ массъ, мало-по-малу, заслоняется высшими слоями общества; законодательство относится преимущественно къ послѣднимъ, а первые продолжаютъ жить стародавними обычаями. Это замѣчаніе примѣняется въ особенности къ гражданскому праву, которое съ XV вѣка до начала XIX носитъ на себѣ замѣтную печать служилыхъ разрядовъ общества. Въ постановленіяхъ о наслѣдованіи, о вотчин- ныхъ и помѣстныхъ правахъ, о межеваніи, о правахъ на холопей и крестьянъ, постоянно идетъ рѣчь о помѣщикахъ и вотчинникахъ, за которыми съ самыми незначительными изъятіями, осталась привиллегія поземельной собственности и владѣнія, рядомъ съ госу- дарствомъ и церковью. Только съ XIX вѣка, когда низшія сословія стали постепенно по- лучать гражданскія права, кругъ законода- тельной дѣятельности сталъ, мало-по-малу, расширяться, и обнимать всѣхъ подданныхъ имперіи.

Подъ вліяніемъ этихъ условій развивается и порядокъ законнаго наслѣдованія. Законодательство обращаетъ все вниманіе на опредѣленіе наслѣдованія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Исходными точками всѣхъ этихъ опредѣленій служитъ, съ одной стороны, юридическій характеръ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, а съ другой—внутреннее устройство семей и родовъ служилыхъ сословій этого времени.

Въ Судебникахъ великокняжескомъ (1497) и царскомъ (1550) находимъ лишь слабые намеки на новыя начала законнаго наслѣдованія и притомъ въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. По Судебнику великаго князя Ивана Васильевича предметомъ наслѣдованія можетъ быть не только движимое, но и недвижимое земля. Наслѣдуетъ по закону сынъ, за недостаткомъ сына дочь; а не будетъ дочери ближайшій родственникъ. Въ царскомъ Судебникѣ повторено то же самое, но съ прибавленіемъ, что послѣ сыновей и дочерей, прежде прочихъ ближайшихъ родственниковъ, къ наслѣдству призываются внуки отъ сыновей и дочерей. Легко можетъ быть, что постановленія Судебниковъ, по замѣчанію профессора Неволина, дѣйствительно заимствованы изъ извлеченія изъ законовъ Моисеевыхъ, но выраженныя здѣсь начала, какъ мы видѣли, уже установились въ жизни; нужно было опредѣлить ихъ, и такое опредѣленіе, за недостаткомъ туземныхъ источниковъ, могло быть взято изъ иностранныхъ законодательствъ, которыя находились подъ рукою и соотвѣтствовали даннымъ условіямъ.

Развитіе началъ законнаго наслѣдованія, поставленныхъ Судебниками, было временно пріостановлено Іоанномъ IV и продолжалось уже при династіи Романовыхъ. Причины должно искать частью въ политическихъ обстоятельствахъ того времени, частью въ свойствѣ, общемъ всѣмъ переходнымъ эпохамъ, рядомъ съ очевидными нововведеніями, подготовляющими новыя условія жизни, крѣпко держатся понятій и установленій, отжившихъ свой вѣкъ. Таково было царствованіе Ивана Грознаго, довольно уясненное теперь съ психологической стороны, но все еще слишкомъ мало изслѣдованное съ точки зрѣнія политической, административной и юридической. Составляя узелъ, связующій предшествующую старину съ послѣдующимъ временемъ, эпоха Грознаго представляетъ странное сочетаніе новыхъ стремленій, предвѣщающихъ реформу Петра Великаго, съ старыми понятіями. И при [illegible] вѣчному закону органической жизни [illegible] зарождается въ старыхъ формахъ, [illegible] какъ будто утверждаются и упрочиваются. Идеалъ царской власти, къ осуществленію котораго царь Иванъ Васильевичъ стремился запечатлѣнъ старыми удѣльными [illegible]. Было время, когда вся земля принадлежала князю, когда бояре и слуги княжескіе имѣли поземельной собственности, или пользовались только тѣмъ, что давалъ [illegible] и столько времени, сколько князю было [illegible] мы видѣли, что по Русской Правдѣ [illegible] никомъ послѣ лицъ, не имѣвшихъ [illegible] былъ князь, и только въ позднѣйшее [illegible] бояръ и княжескихъ дружинниковъ [illegible] сдѣлано исключеніе изъ этого строгаго [illegible] вила. Съ тѣхъ поръ многое совершилось [illegible] мѣнилось: въ высшихъ служилыхъ [illegible] появилось наслѣдственное поземельное [illegible] дѣніе; возникло сознаніе родовой [illegible] а съ тѣмъ вмѣстѣ и юридической связи [illegible] членами каждаго рода, юридическихъ [illegible] шеній между ними. Естественнымъ [illegible] ствіемъ этого было расширеніе [illegible] тѣснаго круга лицъ, призываемыхъ [illegible] Правдою къ наслѣдству. По самому [illegible] дѣла, въ этотъ кругъ должны были [illegible] малу, войти всѣ члены рода, какъ бы [illegible] они ни отстояли отъ умершаго. Все [illegible] требовала внутренняя логика вещей. [illegible] ствительно, Судебникъ великаго князя [illegible] Васильевича, какъ сказано выше, призвал къ наслѣдству не только сыновей и [illegible] но и ближайшихъ боковыхъ родственни [illegible] т.-е., судя по аналогіи, родныхъ братьевъ, сестеръ, а Судебникъ Ивана Васильевича [illegible] идетъ еще далѣе, и включаетъ въ число законныхъ наслѣдниковъ внуковъ; [illegible] вмѣстѣ въ кругъ ближайшихъ боковыхъ [illegible] ственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдству, вѣроятно вошли дяди и тетки, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы. При дальнѣйшемъ развитіи въ томъ [illegible] правленіи, кругъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, долженъ былъ [illegible] болѣе и болѣе расширяться, а права наслѣдованія великаго князя стѣсняться, пока [illegible] нецъ стать исключеніемъ, а не правиломъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ потомственное поземельное [illegible] владѣніе фактически дѣлалось почти [illegible] въ служебныхъ родахъ, получало вполнѣ

ѣвій характеръ. Но именно этого-
ъ Грозный. Въ поземельной само-
служебныхъ родовъ, изъ кото-
были княжескаго происхожде-
ись въ тайнѣ старшинствомъ съ
государями, онъ видѣлъ или по-
асность для своей власти, для
воей династіи, и потому вся-
ся поддержать начало, что соб-
или одинъ только московскій го-
прочіе владѣютъ ею на не-
ѣ, по его милости, временно,
пожалованія, и потомъ владѣ-
ли снова поступаютъ къ госу-
чала проводятся въ нѣсколькихъ
ихъ, изданныхъ много лѣтъ спусти
ика, и съ особенною рѣзкостью
къ бывшимъ удѣльнымъ кня-
мъ, въ которыхъ мысль о позе-
висимости естественно корени-
и поддерживалась преданіями.
остановленій видно, что служи-
кажется еще со временъ вели-
Василья Ивановича, не могли ни
и мѣнять, ни отдавать въ при-
старинныхъ вотчинъ; послѣ
нѣвшихъ сыновей, въ этихъ вот-
дуетъ государь. Тоже постано-
сительно бояръ и дѣтей бояр-
они умрутъ, не имѣя дѣтей и
ственниковъ, то послѣ ихъ на-
ихъ вотчинахъ государь, давая
житокъ женѣ. Относительно ста-
ческихъ вотчинъ, данныхъ женѣ
ъ, прямо сказано, что по смерти
ти достаются государю; тоже,
, было и съ прожиточными вот-
ъ бездѣтныхъ бояръ и дѣтей

ъ, что вотчина не крѣпка роду,
акъ строго къ стариннымъ, т.-е.
ымъ вотчинамъ, то тѣмъ съ боль-
она должна бы примѣниться къ
пожалованнымъ отъ государей.
у опредѣлено, что пожалованная
дѣдуется или не наслѣдуется
дными умершаго, смотря потому,
ана, самому ли только пожало-
и вмѣстѣ его дѣтямъ, женѣ, роду.
нѣтъ жалованной грамоты, того
мерти его берется на государя.
учаѣ, далѣе внучатныхъ (4-й сте-
ъ нисходящей, такъ и въ боко-
вотчина не могла переходить
по наслѣдству и за тѣмъ отбиралась на го-
сударя.

Таковы были мѣры, принятыя царемъ Ива-
номъ Васильевичемъ съ цѣлью остановить
естественное развитіе вотчинныхъ элементовъ
въ княжескихъ и служилыхъ родахъ. Но не
смотря на энергію, съ которой онъ стремился
къ этой цѣли, ему не удалось осуществить
ее. Поставленныя исторіею начала развива-
лись неудержимо. Вскорѣ послѣ смутъ и во-
царенія династіи Романовыхъ, вотчинное вла-
дѣніе служилыхъ родовъ утвердилось, и съ
тѣхъ поръ упрочивалось все болѣе и болѣе.
Смѣшанный характеръ государственной и
частной собственности постепенно въ немъ
исчезаетъ, и все рѣзче проступаютъ впередъ
отдѣльныя черты частной, поземельной соб-
ственности. Даже помѣстья, раздававшіяся
служилымъ людямъ въ видѣ жалованья за
службу и чтобъ доставить имъ средства от-
правлять ее, къ концу XVII вѣка получаютъ
вотчинный характеръ и въ началѣ XVIII в.
смѣшиваются съ вотчинами.

Такимъ образомъ вопросъ о поземельныхъ
правахъ служилыхъ родовъ московскаго го-
сударства игралъ въ XVII вѣкѣ весьма важ-
ную роль. Этимъ объясняется, почему наше
законодательство того времени такъ тщатель-
но опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія въ
земляхъ, которыми владѣли служилые классы.
Онъ устанавливается подъ вліяніемъ рекори-
мскаго права. Если мы замѣчаемъ въ за-
конодательной дѣятельности того времени
большую шаткость и сбивчивость началъ, и
безпрестанныя колебанія, то это должно при-
писать столько же необразованности тогдаш-
нихъ юристовъ-практиковъ, сколько новости,
неразвитости самаго предмета. Предметъ дѣй-
ствительно былъ новый, потому что предыду-
щая исторія только подготовила условія
для новаго порядка дѣлъ, сгруппировала эле-
менты, но не высказала началъ, не разрѣ-
шила вопросовъ, которые возникали во мно-
жествѣ изъ новыхъ условій быта.

Разсмотримъ эти вопросы. Они обличаютъ обозрѣніе запутаннаго законодательства XVII вѣка относительно порядка законнаго наслѣдованія.

Прежде всего необходимо было установить юридически взаимныя отношенія членовъ рода, чтобъ опредѣлить, которые изъ нихъ имѣли ближайшее право на наслѣдованіе въ каждомъ данномъ случаѣ. По этому поводу вырабатывается юридическое понятіе о родѣ.

о линіяхъ и степеняхъ родства. Выше было сказано, что эти вопросы уже были возбуждены по поводу отношеній между владѣтельными князьями Рюриковой династіи: но разрѣшеніе, которое они тогда получили, очевидно не могло быть примѣнено вполнѣ къ служилымъ классамъ московскаго государства, по различному значенію наслѣдованія въ княжескихъ территоріальныхъ правахъ и въ частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ.

Далѣе до XVII вѣка, мы видимъ лишь одни зачатки юридической личности женщины и права ея наслѣдовать. Когда же наслѣдованіе стало пріурочиваться къ лицамъ, а не къ хозяйству и дому, вопросъ о юридическомъ отношеніи женщины къ роду, къ которому она принадлежала по рожденію, и къ тому, въ который она вступила чрезъ бракъ, и о вытекавшихъ для нея отсюда правахъ наслѣдованія, долженъ былъ возбудиться и потребовать опредѣлительнаго разрѣшенія.

Потомъ: уже при Грозномъ образовались разные виды вотчиннаго владѣнія. Къ каждому изъ нихъ должно было примѣнить порядокъ законнаго наслѣдованія, сообразясь съ его особенностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и точнѣе опредѣлить эти особенности.

Наконецъ, по мѣрѣ приближенія помѣстьевъ къ вотчинамъ, переходъ ихъ отъ однихъ лицъ къ другимъ по наслѣдованію долженъ былъ постепенно измѣняться и склоняться все болѣе и болѣе къ порядку законнаго наслѣдованія. Это также вызвало многія законодательныя постановленія.

Въ разрѣшеніе всѣхъ означенныхъ вопросовъ развилась въ московскомъ государствѣ, въ XVII вѣкѣ, обширная юридическая казуистика. Очень рѣдко встрѣчаются въ ней общія положенія и правила; обыкновенно мысль и взглядъ законодателя приходится выводить изъ рѣшенія частныхъ случаевъ. Это не должно удивлять насъ, особливо когда вспомнимъ, что еще гораздо позднѣе наше законодательство сохранило тотъ же казуистическій характеръ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на главнѣйшія разрѣшенія означенныхъ вопросовъ въ теченіе XVII вѣка, до важнаго преобразованія порядка законнаго наслѣдованія при Петрѣ Великомъ.

Въ XVII вѣкѣ *кругъ родства*, которое допускалось къ законному наслѣдованію, расширялся болѣе и болѣе и къ концу столѣтія, кажется, нѣсколько болѣе не ограничивалась близость родства опредѣлялась особ правилами, не согласными съ теперь нашими понятіями. Теперь признается словное преимущество нисходящихъ боковыми родственниками. Въ XVI в это начало не было, кажется, при такъ безусловно. Многія данныя предполагать, что боковые родствен нисходящіе считались равно близкими вѣстныхъ степеняхъ, и потому случаи, когда боковые даже предпо нисходящимъ. Чѣмъ объяснить эту ность? Была ли она въ связи съ с воспоминаніемъ о родовомъ началѣ, рому старшинство опредѣлялось къ родопачальнику? Или же это явл вое, образовавшееся подъ вліяніемъ ческаго права, на основаніи котор зость родства съ нисходящими и о одинаково опредѣляется числомъ или рожденій? Послѣднее вѣроятнѣе, что царь Иванъ Васильевичъ, пр ствуя наслѣдованію родственниковъ, шался совершенно запретить его степеняхъ, въ которыхъ бракъ не зволенъ. Какъ бы то ни было, но сутствіемъ безусловнаго преимущест сходящихъ предъ боковыми родств объясняется, можетъ быть, почему пр ходящихъ на наслѣдованіе распрос извѣстной постепенности. По Русской наслѣдуютъ только сыновья и д великокняжескому Судебнику изъ щихъ только сыновья и дочери и шіе боковые родственники; по царс дебнику къ нисходящимъ прибавлял внучатныхъ Грозный не допускалъ к дованію. Послѣ прекращенія Рюрик настіи, при Шуйскомъ и даже въ царствованія Михаила Ѳедоровича, ныя грамоты на вотчины все про писаться только на имя пожалованн дѣтей и внучатъ, и лишь впослѣдст бавлены къ нимъ правнуки и вс безъ ограниченія какою либо степ кимъ образомъ, на фактѣ по крайне преимущество нисходящей линіи пе коими признано окончательно.

Преимущество ближайшихъ боковы передъ болѣе отдаленными тоже н лось въ теченіе XVII вѣка. Еще въ 1 близость родства опредѣлялась общ раженіями: „кто ближе того рода:

рода никто не будетъ.... отдавать и
го рода родственникамъ". Но какъ
и въ то время понятія о взаим-
ніяхъ боковыхъ родственниковъ -
огдашней сбивчивой терминологіи.
ныхъ статьяхъ 1676 года упо-
дядья и братья *двоюродные*, въ
въ третьемъ, и въ четвертомъ

преткновенія для юриспруденціи
были: право представленія и по-
ядѣлъ наслѣдства. Въ этомъ отно-
я даже замѣтить никакой послѣ-
ти развитія, потому что не рѣдко
укалъ гораздо правильнѣе рѣ-
ъ, чѣмъ послѣдующій. Очевидно,
о отъ степени юридическаго по-
жностныхъ лицъ. Такъ въ 1634 г.
о, что дочь умершаго, внука отъ
ри, уже умершей, и внуки и внучки
дочери, равнымъ образомъ умер-
дуютъ всѣ вмѣстѣ и дѣлятъ на-
три равныя части. Но не всѣ
узаконенія также правильно раз-
добные случаи. Въ 1676 году при-
братья умершаго, находящіеся въ
лючаютъ отъ наслѣдованія своихъ
въ и племянницъ отъ умершихъ
ъ томъ же году, вопреки началу,
при братѣ не наслѣдуетъ, поста-
о если послѣ умершаго останутся
уки мужескаго пола отъ прежде
ыновей, то тетки дѣлятъ наслѣд-
мянниками пополамъ. Между та-
ями и правомъ представленія за-
ашное колебаніе,—ясное доказа-
го наши юристы XVII вѣка не
олнѣ началомъ и потому безпре-
емъ сбивались.

омъ безчисленныхъ запутанностей
законодательствѣ XVII вѣка, было
дованія лицъ женскаго пола. Дочь
когда нѣтъ сына,—вотъ начало,
е еще Русскою Правдою; иначе
скимъ поломъ женскій отстранялся
ванія. Вообще не твердые въ при-
ава представленія, наши юристы
еще болѣе путались, когда между
и находились лица женскаго пола,
о опредѣлить въ какихъ именно
лѣдуетъ примѣнять въ этихъ слу-
мущество мужчинъ передъ жен-
ихъ въ 1650, 1676 и 1677 годахъ
правило, что одно лишь мужское потомство братьевъ устраняетъ отъ наслѣдства ихъ сестеръ; если же послѣ братьевъ останется только женское потомство, то вмѣстѣ съ нимъ призываются къ наслѣдству и сестры умершихъ. Здѣсь право представленія ограничено и искажено вслѣдствіе того, что женщина не имѣетъ однихъ правъ наслѣдованія съ мужчинами. Изъ приведеннаго правила вывели также въ одномъ законѣ 1676 года, что внучки отъ сыновей не наслѣдуютъ вмѣстѣ съ другими сыновьями, т.-е. что дочь вовсе не имѣетъ права представленія; въ 1677 г. —что сыновья одного брата устраняютъ отъ наслѣдства дочерей другого. Такія положенія очень часто отмѣнялись болѣе правильными и вслѣдъ за тѣмъ опять возстановлялись. Эти колебанія обусловливались съ одной стороны началомъ представленія, а съ другой — старою мыслью, хотя можетъ быть и не вполнѣ ясно сознаваемою, что представители рода суть мужчины, а женщины предназначены перейти въ другой родъ; по этому, пока въ родѣ есть мужчины, они должны наслѣдовать преимущественно передъ женщинами. Эта мысль выразилась даже въ царствованіе Петра Великаго, который въ 1712 году постановилъ, что по смерти послѣдняго въ родѣ недвижимыя его имѣнія могутъ быть отдаваемы родственникамъ его по женскому колѣну не далѣе внучатныхъ. Но эта мысль, нарушенная правомъ наслѣдованія дочерей, не была строго проведена. Уже ограниченіе въ наслѣдованіи родовыхъ имуществъ по женской линіи внучатными доказываетъ, что до извѣстной степени родства не только женщины, но и потомство ихъ считались принадлежащими къ роду, изъ котораго произошли. Впрочемъ, на это есть еще болѣе сильныя доказательства изъ законодательства XVII вѣка. Именно въ 1627 году признано за правило, что въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ наслѣдуютъ не только незамужнія дочери, но и замужнія, и при томъ послѣднія не исключаются первыми, а напротивъ тѣ и другія наслѣдуютъ вмѣстѣ. Этимъ косвенно выражается мысль, что женщины получаютъ наслѣдство не въ видѣ приданаго и не тогда только, когда не перешли въ другой родъ, а на полномъ наслѣдственномъ правѣ, оставаясь членами рода и по выходѣ въ замужество, только уступая первенство мужчинамъ. Но когда женщина исключалась кѣмъ бы то ни было изъ правъ наслѣдованія, на отстраняющемъ ее отъ наслѣдства лежала обязанность

кормить и содержать ее до смерти, или до вступленія ея въ монастырь; въ случаѣ же выхода замужъ, дать ей приданое. Въ этомъ отношеніи все оставалось сначала по старому, пока помѣстная система косснымъ образомъ не дала женщинѣ болѣе независимое и прочное гражданское и общественное положеніе.

О положеніи бездѣтной *вдовы* въ домосковской Россіи уже было сказано выше. Оторвавшаяся отъ семьи, изъ которой родилась, ничѣмъ не связанная съ тою, къ которой принадлежалъ ея мужъ, она собственно не имѣла никакого положенія, и по необходимости или вступала въ новый бракъ, или шла въ монастырь. Естественно, что мужъ старался еще при жизни своей обезпечить судьбу жены и тѣмъ дать ей твердую матеріальную основу на случай своей смерти. Очень рано оказалась необходимость точно также обезпечить и вдову, оставшуюся съ дѣтьми, чтобъ она не зависѣла отъ послѣднихъ, когда они придутъ въ возрастъ. Тѣ же понятія перешли и въ законодательство XVII вѣка и опредѣлили порядокъ законнаго наслѣдованія жены послѣ мужа. Относительно наслѣдованія ея въ движимомъ рано приняты начала грекоримскаго права, вошедшія въ составъ Кормчей: изъ него жена получаетъ послѣ мужа четвертую часть. По началу взаимности, и мужъ получаетъ послѣ жены четвертую часть изъ ея движимаго имущества. Но рѣшить вопросъ о наслѣдованіи жены въ недвижимомъ имѣніи мужа было гораздо труднѣе. Вдова, послѣ смерти мужа, должна быть обезпечена изъ его имѣнія,—это начало никогда не оспаривалось. Но какъ именно? Здѣсь-то возникли разныя сомнѣнія. Съ начала не было и вопроса о томъ, принадлежитъ ли жена чрезъ супружество къ роду мужа, или по рожденію къ тому, изъ котораго шла замужъ. По этому жена обезпечивалась безразлично тѣмъ или другимъ имѣніемъ покойнаго своего мужа. По впослѣдствіи стало выясняться, что жена, несмотря на замужество, остается членомъ своего рода по рожденію, что бракъ не дѣлаетъ ее членомъ другого рода, и тогда (1628 или 1629 г.) оказалось невозможнымъ дать вдовѣ право наслѣдованія въ родовыхъ имѣніяхъ ея супруга, а только въ купленныхъ, потому что они были пріобрѣтены самимъ мужемъ и при томъ могли быть вдобавокъ куплены на женины приданыя деньги, могло также случиться, что мужъ прожилъ приданое жены, и купленную его вотчи… дошло и безъ того предоставит… вицѣ вознагражденія. Вѣроятно от… женія побудили узаконить за жено… исключительнаго наслѣдованія въ куп… вотчинахъ мужа: но вскорѣ оказал… что и это право не можетъ быть прил… словно. Съ нимъ должно было, въ … ныхъ случаяхъ, приходить въ сто… право наслѣдованія лицъ, принадле… къ роду мужа, напримѣръ, когда м… былъ женатъ два или три раза, и имѣ… отъ первыхъ браковъ, или даже быв… одинъ разъ и оставилъ дѣтей. Кому … имущество въ такомъ случаѣ должн… пленныя его вотчины достаться пр… его женѣ, а родныя его дѣти не м… изъ нихъ ничего? Наконецъ, поста… послѣ умершаго не осталось. Нел… купленныя вотчины мужа послѣ е… вдова его, какъ членъ чужого рода, … сить права на нихъ въ свой родъ, въ … родственникамъ. Но справедливо и … нято, что мать передаетъ вотчины … рода своимъ дѣтямъ, то есть въ тех… это достаточно объясняется кровно… дѣтей съ родителями: но какъ объ… перешелъ имѣній изъ одного рода в… посредствомъ брака, и именно тогд… брачный союзъ, смертью мужа, раз… Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, как… лось, что жена принадлежитъ къ ро… родителей, а не къ роду мужа, пра… дованія ея въ вотчинахъ мужа все… болѣе ограничивались. Въ 1627 го… новлено, что жены не наслѣдуютъ … выхъ и выслуженныхъ вотчинахъ … Уложеніе это ограниченіе распростр… земли, купленныя мужемъ изъ по… вотчину; самыя вотчины, купленныя … жихъ родовъ, когда послѣ умершаго … лись дѣти отъ прежнихъ браковъ … слѣдняго, и никакихъ другихъ вотч… мѣстій у него не было, не доставали … чительно его женѣ, а дѣлились между … и всѣми дѣтьми по жеребьямъ. Въ … это правило расширено и на тѣ слу… у дѣтей есть свои вотчины, другими … положительно признаны ихъ права … нанія въ купленныхъ вотчинахъ … съ матерью. Въ томъ же 1676 и въ … дахъ принято, что послѣ бездѣтной … ленныя вотчины ея мужа, достающі… порядку законнаго наслѣдованія, пе…

мерти къ родственникамъ ея мужа.
родными.

ье законодательства ограничить
жимыхъ имѣній, переходящихъ
лѣ мужа на правѣ собственности,
время необходимость обезпечить
существованіи, повели къ обра-
бливой формѣ наслѣдованія жены
мужа—именно къ пожизненному
ю и пользованію. Когда нечѣмъ
чить содержаніе бездѣтной вдовы,
покойнаго ея мужа не было ни
отъ чужеродцевъ вотчинъ, ни по-
разрѣшено, по Уложенію, давать
итокъ даже изъ выслуженныхъ
съ тѣмъ, чтобы она ихъ не про-
закладывала, не отдавала по душѣ
въ приданое; послѣ ея смерти,
жества или пострижевія, эти про-
отчины отдавались въ родъ мужа;
му, это правило распространено и
вшихъ дѣтей. На тѣхъ же осно-
вѣроятно въ тѣхъ же случаяхъ,
редписываетъ отдачу въ прожи-
ной трети земель, купленныхъ ея
мужемъ изъ помѣстья въ вотчину,
ыя статьи 1676 года половину
прожиточнаго помѣстья, съ ко-
вшія замужъ и которое мужъ
за службу въ вотчину. Затѣмъ
рина этого рода вотчинъ, а также
ленныхъ отъ чужеродцевъ, обра-
олную собственность вдовъ, то
ромъ продать, заложить, уступить
душѣ.

каго рода вотчинъ существовали
ней Россіи *помѣстныя земли*. Въ
мыслѣ, къ нимъ начала наслѣдо-
или имѣли никакого примѣненія.
здавались служилымъ людямъ для
они могли отправлять съ нихъ
кого жалованья; давались они въ
размѣрахъ, смотря по чину или
разряду. Отсюда прямо слѣдовало,
тотъ можетъ имѣть помѣстье, кто
есть совершеннолѣтнее лицо му-
ва, годное для службы, а не жен-
могъ имѣть помѣстье, а отецъ не
оба могли имѣть помѣстія въ одно
притомъ сынъ помѣстье большаго
мъ отецъ, потому что служебнымъ
или чиномъ, а не тѣмъ либо дру-
бавлялась величина помѣстья. Ко-
ъ могъ получить помѣстье отца,
послѣ его смерти, но это зависѣло отъ мно-
гихъ сторонвихъ условій и случайныхъ об-
стоятельствъ, и ни мало не вытекало изъ на-
чалъ помѣстнаго права. Если сынъ стано-
вился годенъ для службы именно въ то время,
когда отецъ умиралъ, и если служебный раз-
рядъ, въ которомъ онъ поступалъ, былъ тотъ
же самый, въ какомъ состоялъ отецъ, то, ко-
нечно, сынъ могъ получить помѣстье отца.
Но если у отца было нѣсколько сыновей, то
въ этомъ случаѣ тотчасъ же оказывалось, что
преемство въ помѣстьи не было наслѣдова-
ніемъ, потому что наслѣдство дѣлилось между
дѣтьми, а помѣстье могло поступать отъ отца
нераздѣльно къ одному изъ его сыновей,
прочіе же получали другія помѣстья.

Таково было помѣстное владѣніе по своимъ
началамъ. Сколько можно судить по остав-
шимся памятникамъ, эти начала примѣнялись
довольно строго еще при Іоаннѣ IV, но съ
XVII вѣка, въ которомъ вотчинный элементъ
получалъ такое обширное развитіе, онъ сталъ
мало-по малу проникать и въ помѣстную си-
стему. Къ этому были двѣ особенно важныя
побудительныя причины: во-первыхъ, въ то
время, когда родственныя связи были такъ
крѣпки въ обычаяхъ, когда такъ дорожили
отеческимъ наслѣдіемъ родовымъ пепелищемъ,
весьма было естественно, что сынъ всячески
старался оставить за собою родительское по-
мѣстье, гдѣ отецъ его имѣлъ осѣлость, домъ
и хозяйство. Съ этими естественными стре-
мленіями совпадали и виды тогдашняго пра-
вительства. Оно точно также смотрѣло на
отношенія дѣтей къ родителямъ, сверхъ того,
во всѣхъ его распоряженіяхъ видно желаніе
противодѣйствовать бродяжеству, перемѣнѣ
мѣста, желаніе прикрѣпить каждаго къ землѣ
и къ извѣстной мѣстности потомственно; во-
вторыхъ, помѣщикъ, умирая, не рѣдко остав-
лялъ малолѣтнихъ дѣтей, жену, дочерей и
другихъ родственницъ, бывшихъ на его по-
печеніи. Если послѣ него оставались вотчины,
или если у этихъ лицъ было свое собственное
имущество, то конечно участь ихъ была обез-
печена. Но гораздо чаще случалось, что
единственнымъ средствомъ существованія для
цѣлаго семейства были доходы отъ помѣстья,
и когда владѣлецъ его умиралъ, семейство
его съ потерею помѣстья оставалось безъ
крова и пищи. Какъ было поступить въ та-
комъ случаѣ? Оставить эти лица на произволъ
судьбы было невозможно, несправедливо и про-
тивно тогдашнимъ понятіямъ. Оставалось обез-

нечитъ существованіе этихъ лицъ, оставляя имъ помѣстья умершаго, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ нихъ болѣе нуждаться, а именно: сыновьямъ, пока они будутъ въ состояніи служить, вдовѣ, дочерямъ и другимъ родственникамъ до ихъ смерти, замужества или вступленія въ монастырь.

Такимъ образомъ, къ помѣстьямъ стали косвенно примѣняться нѣкоторыя начала наслѣдованія. Раньше всѣхъ другихъ установилось правило, что сынъ не только получаетъ преимущественно предъ всѣми другими помѣстье отца, но даже обязанъ удержать его за собою, предпочтительно предъ всѣми прочими помѣстьями. Съ 1611 года, жена и дѣти, несовершеннолѣтніе сыновья и дочери помѣщиковъ получаютъ помѣстья своихъ мужей и отцовъ для обезпеченія ихъ существованія (въ прожитокъ). Этой привиллегіей могли сначала пользоваться только семейства тѣхъ, которые были убиты или умерли на войнѣ, взяты въ плѣнъ, или пропали безъ вѣсти. Слѣдовательно, это было не общее правило, а исключеніе. Но потомъ стали оставлять помѣстья отцовъ малолѣтнимъ ихъ дѣтямъ и давать въ прожитокъ вдовамъ и дочерямъ изъ помѣстій ихъ мужей и отцовъ, не различая, умерли они на войнѣ или у себя дома.

Величина прожиточнаго помѣстья опредѣлялась сперва по каждому особому случаю волею Государя; потомъ по бывшимъ примѣрамъ, наконецъ, въ Уложеніи находимъ общее правило, что вдова получаетъ на прожитокъ 20, 15 или 10 четвертей изо-ста или $^1/_5$-ю, $^1/_{20}$-хъ или $^1/_{10}$-ю часть помѣстья покойнаго мужа, смотря по тому убитъ онъ, или умеръ въ походѣ, или же умеръ у себя дома. Дочь получала въ прожитокъ вдвое менѣе противъ матери—10, $7^1/_2$ и 5 четвертей изо-ста, или $^1/_{10}$-ю, $^1/_{15}$-ю, $^1/_{20}$-ю часть отцовскаго помѣстья. Если же у умершаго не было помѣстья, то вдовѣ его и дочерямъ отводились слѣдующія имъ части изъ другихъ помѣстій. Затѣмъ сыновья, достигнувъ совершеннолѣтія и поступивъ въ службу, получали изъ отцовскихъ помѣстьевъ сколько имъ слѣдовало по окладу, а вдовы и дочери пользовались своими прожиточными помѣстьями до смерти, пострижения въ монашество или до замужества. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ прожиточныя помѣстья записывались за ихъ мужьями, а послѣ смерти послѣднихъ возвращались опять ихъ бывшимъ владѣльцамъ.

Проникнувъ отдажды въ помѣстную си-

стему, начало наслѣдованія должно
естественному ходу вещей, усилива
немъ болѣе и болѣе. Этому, незави
повитій того времени и другихъ
тельствъ, много должна была способ
чрезвычайная запутанность, проис
изъ смѣшенія служебнаго, государ
характера помѣстій съ частными, со
цѣлями и удобствами ихъ временны
дѣльцевъ. Еслибъ помѣстья сохран
государственный характеръ, то они
лись бы въ первоначальномъ своемъ
безъ измѣненій, и отводились бы слу
людямъ, смотря по ихъ чину и окл
добный примѣръ представляютъ имѣ
дѣніе которыми было соединено съ
ными должностями въ прежней М
и въ западной Россіи; таковы и тепер
предоставляемыя во владѣніе офиц
чинамъ казачьихъ войскъ или въ пр
церковному ихъ причту. Но помѣстья
скаго государства не имѣли такого
наго состава. Они переходили наслѣ
отъ отца къ дѣтямъ, служили къ обе
содержанія не только вдовѣ и доче
какъ показываютъ частые примѣры
и сестеръ, и потому дробились, сод
и опять дробились самымъ пестры
зомъ, потому что правительство
старалось удержать при этомъ нач
помѣщики и члены ихъ семействъ по
помѣстья лишь въ опредѣленномъ
размѣрѣ, ни болѣе ни менѣе.

Провести оба эти начала скоро
на практикѣ рѣшительно невозмож
законодательство стало постепенно
отъ помѣстнаго начала въ пользу
ваго, сперва въ рѣшеніяхъ по отд
случаямъ, которые потомъ обрат
общее правило. Уже въ Уложеніи п
ныя помѣстья велѣно оставлять
умершихъ независимо отъ помѣстны
довъ. Изъ одного указа 1669 года мы
что вдовѣ иногда отдавалось все
мужа съ переходными четвертями,
больше, чѣмъ сколько ей слѣдовало
мужа. По новоуказнымъ статьямъ 1
мать, жена и сыновья помѣщика,
шаго послѣ себя малыя помѣстныя
лятъ ихъ между собою по равнымъ
а дочери получаютъ изъ этихъ
меньшія части, чѣмъ прочіе. Нѣкото
даже запрещено было додавать лиц
скаго пола изъ другихъ помѣстьевъ

кое нужно было, чтобъ составить
житочное помѣстье по окладу отца
Въ 1686 году правило, поста-
овоуказными статьями 1676 года,
жено и на тѣ случаи, когда послѣ
у котораго были малыя помѣст-
останутся сыновья и вдова прежде-
шна. Далѣе завелся обычай да-
ть въ приданое по частному усло-
по распоряженію правительства.
помѣстій мужу, по смерти без-
жены, постановлено въ 1681 году
четвертую часть. Такимъ образомъ,
олучало въ этихъ случаяхъ совер-
ный характеръ; мало того: будучи
въ замѣнъ приданаго, оно разма-
какъ движимое, и потому-то мужу
ены выдѣлялись изъ него четвер-
ковая слѣдовала и женѣ изъ дви-
окойнаго ея мужа. Также начали
ще оставлять за сыновьями, вну-
внуками всѣ помѣстья ихъ отцовъ,
раѳдовъ, не обращая вниманія
ршеннолѣтіе они или нѣтъ, имѣютъ
ютъ свои помѣстья, достается ли
ствіе этого больше помѣстьевъ,
етъ по окладу, или не достается.
оду, 21 марта, эти изъятія обра-
бщее правило. Чрезъ это помѣстья
образомъ приблизились къ вотчи-
райней мѣрѣ порядокъ наслѣдо-
ѣхъ и другихъ относительно ни-
мужескаго пола былъ совершенно

ное сближеніе разныхъ видовъ
ихъ съ помѣстьями подготовило
ѣсся при Петрѣ Великомъ слiяніе
и помѣстныхъ правъ въ одно
во на недвижимыя имущества. Въ
дствіе этихъ правъ лежали усло-
сближенія, и оно необходимо отра-
на порядкѣ наслѣдованія. Но было
ошибочно думать, что чрезъ это
ой частной поземельной собствен-
съ этого времени водворилось въ
кой нынѣ предстоятъ неизбѣжно,
къ сказано выше, былъ сдѣланъ
ѣдѣе, въ царствованіе имперa-
ерины II. Въ XVII вѣкѣ и при
никомъ, сущность поземельныхъ
жилахъ классовъ оставалась еще
ыновъ. Правда, какъ мы видѣли,
все болѣе и болѣе принимали ха-
ктеръ гражданскій, что замѣтно
не только въ сближеніи помѣстной и вотчин-
ной системы, но и въ совершенномъ уравне-
ніи правъ на выслуженныя и купленныя
изъ помѣстьевъ вотчины съ родовыми; однако
рядомъ съ тѣмъ удерживались еще многія
черты, живо напоминавшія прежній государ-
ственный характеръ нашего вотчиннаго права.
Отсюда объясняется отсутствіе строгаго раз-
личенія между помѣстьями и вотчинами, лег-
кость, съ которою помѣстное право приняло
въ себя вотчинныя начала и подчинилось
имъ. Въ понятіи современниковъ тотъ или
другой способъ владѣнія землями опредѣлялся
практическими удобствами, правительствен-
ными соображеніями; глубокое различіе юри-
дическихъ началъ, лежащихъ въ основаніи
помѣстной и вотчинной системы, не обра-
щало на себя вниманія, потому что обѣ си-
стемы вытекали изъ одного источника—цар-
скаго пожалованія, и отъ государя всегда
зависѣло напомнить владѣльцу объ этомъ
происхожденіи и вотчиннаго и помѣстнаго
права. Изъ этихъ воззрѣній, глубоко укоре-
нившихъ въ тогдашнемъ обществѣ, вытекало
право конфискаціи, и всѣ попытки, сдѣлан-
ныя послѣ низложенія съ престола династіи
Годунова до окончательнаго утвержденія са-
модержавной власти дома Романовыхъ, для
обезпеченія вотчинной собственности за ея
владѣльцами, оказались безуспѣшными. Отъ
того-то, въ XVII вѣкѣ, вотчинная и помѣст-
ная системы, несмотря на все ихъ различіе,
дополняли одна другую. Вотчинники служили
службу съ вотчинъ, какъ помѣщики съ по-
мѣстьевъ; помѣстья давались тому, у кого
не было вотчинъ; вдовы, дочери, родствен-
ницы, малолѣтнія дѣти умершихъ служилыхъ
людей обезпечивались помѣстьями только въ
такомъ случаѣ, когда у нихъ не было вотчинъ; за измѣну, даже за преступленія про-
тивъ службы, на государя отписывались какъ
помѣстья, такъ и вотчины. Но этому слiянію
помѣстій съ вотчинами при Петрѣ Великомъ
ни мало не измѣнило сущности или юриди-
ческаго начала поземельныхъ правъ въ Рос-
сіи. Она осталась прежняя. Доказательствомъ
тому служатъ многочисленныя ограниченія,
которымъ подверглись при немъ поземельныя
владѣнія изъ видовъ финансовыхъ. Признавая
полезнымъ для государства изъять какой-ни-
будь предметъ изъ частной поземельной соб-
ственности, – рыбныя ловли, пчельники и
борныя ухожья, металлы и минералы, ко-
рабельные лѣса и проч.,—онъ не задумывался

тотчасъ же привести свою мысль въ исполненіе; до такой степени право государства на состоянія въ частномъ владѣніи земли казалось безспорнымъ. При такихъ понятіяхъ уравненіе помѣстій съ вотчинами совсѣмъ не имѣло того значенія, какое ему обыкновенно приписываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ военное устройство Россіи измѣнилось и заведено постоянное войско, по наборамъ и на жалованіи, помѣстія стали ненужны для государства, и правительство оставило ихъ во владѣніи прежнихъ помѣщиковъ, не думая придавать этого рода имуществамъ характеръ полной частной собственности.

При такихъ то условіяхъ изданъ Петромъ Великимъ, въ 1714 году, указъ о единонаслѣдіи, внезапно отмѣнившій весь прежній порядокъ наслѣдованія и замѣнившій его новымъ, на который до того времени не было и намека въ нашемъ частномъ быту и который примѣнялся только въ государственной сферѣ. Вездѣ маіораты выросли исторически, въ теченіе долгаго періода времени, на почвѣ феодализма, и считались одной изъ важнѣйшихъ привиллегій высшихъ классовъ, условіемъ и опорою ихъ политическаго значенія и могущества. У насъ не было ни одного изъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя упрочили это учрежденіе на европейской почвѣ. Отъ того многіе недоумѣваютъ передъ этимъ нововведеніемъ и порицаютъ его, считая результатомъ легкомысленныхъ усилій во что-то ни стало, вопреки исторіи и народнымъ правамъ, усвоить намъ европейскія учрежденія. Но подобный упрекъ всего менѣе можетъ падать на Петра Великаго. Одаренный въ высокой степени практическимъ смысломъ, составляющимъ характеристическую черту великорусскаго племени, Петръ не могъ вводить къ намъ иностранныя учрежденія изъ пустой подражательности, изъ безотчетной любви къ иноземному. Во всемъ что онъ дѣлалъ видна цѣль, и цѣль весьма практическая. Многія иностранныя учрежденія нравились ему именно потому, что казались лучшимъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей; но по той же причинѣ, они на нашей почвѣ получали совершенно другой смыслъ и значеніе. Вводя у насъ маіораты, Петръ Великій ни мало не помышлялъ усвоить Россіи это установленіе вполнѣ, со всею его обстановкою. Онъ видѣлъ въ немъ государственную пользу, которой жертвовалъ всѣмъ, даже самимъ собою, и потому не задумался пересадить его на Русь. Это то

ности доказывается введеніемъ ея единонаслѣдія 1714 года, 23 марта. леніемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ жимыхъ, говоритъ Петръ Великій вредъ въ государствѣ нашемъ, какъ самъ государственнымъ, такъ и по и самимъ фамиліямъ падение, з 1) О *подданныхъ*. Напримѣръ, ежели тысячу дворовъ и пять сыновъ—им довольной, трапезу славную, обяз людьми ясное; когда по смерти от лится дѣтямъ его, то уже только по дворовъ достанется, которые, помн отца своего и честь рода, не захот жить, но каждый ясно (хотя и не уже съ бѣдныхъ подданныхъ буде столовъ, а не одинъ, и двѣсти двор нуждены будутъ едва не тожъ тысяча несла (а государственныя податьми), отъ чего не разореныя людямъ, и вредъ интересамъ госуд нымъ? Ибо податей такъ исправно платить двѣсти дворовъ въ казну щику, какъ тысяча дворовъ, ибо писано) съ тысячи одинъ годовщи съ двухсотъ дворовъ), который пяти доволенъ будетъ, а впрочемъ обле сиянамъ, которые исправить въ ка споднюю подати платить могутъ. И того раздѣленія казнѣ государствен кой есть вредъ, и людямъ подлым не. II) О *фамиліяхъ*. А когда отъ по два сына будутъ, то по сту до станется, и тако далѣе умножалось, бѣдность придутъ, что сами одно застать могутъ, и знатныя фамиліи славы, поселяне будутъ, какъ у тѣхъ экземпляровъ (образовъ) есть сійскомъ народѣ. III) О *непотребности* обѣихъ сихъ вредительныхъ дѣлъ, есть, что каждый, имѣя свой дарово хотя и малой, ни въ какую полезу стна безъ принужденія служить не браться не будетъ, но ищетъ исп питься и жить въ праздности, ко сятому писанію) матерію есть всѣ дѣлъ.

„*На противу-жъ того*. На перву недвижимое будетъ всегда одному прочимъ только движимое, то госу ные доходы будутъ исправнѣе, обо шаго всегда господинъ довольнѣе хотя по малу возьметъ, и одинъ до

(какъ выше писано) и можетъ
тить поданныхъ, а не разорять.
фамиліи не будутъ упадать, по
ности непоколебимы будутъ чрезъ
великіе домы. На третьемъ прочіе
праздны, ибо принуждены будутъ
о искать службою, ученіемъ, тор-
ствомъ. И то все, что оные сдѣ-
для своего пропитанія, государ-
ыза есть".

соображеніямъ, Петръ Великій
продавать недвижимыя имущества,
ремени они должны были непре-
ходить или по духовному завѣ-
по порядку законнаго наслѣдова-
ому лицу въ родѣ. Если нѣтъ за-
недвижимое имѣніе достается
ину, а движимое дѣлится между
овьями поровну; если нѣтъ сы-
наслѣдуютъ точно также дочери.
тробные и единокровные наслѣ-
омъ же основаніи послѣ своихъ
Если нѣтъ вовсе дѣтей, то все
имѣніе получаетъ одинъ изъ
родственниковъ, а имѣющіе съ
права на наслѣдованіе—дви-
равнымъ частямъ. Послѣдній въ
ъ отдать все свое недвижимое
изъ своихъ родственницъ, съ
мужъ ея принялъ его фамилію;
ого не сдѣлаетъ, то все недви-
е берется на государя, а дви-
ется родственникамъ. Бездѣтная
ется недвижимымъ имѣніемъ мужа
рть или до постриженія въ мо-
потомъ оно переходитъ въ родъ
е недвижимое приданое—въ ея
мое, по общимъ правиламъ по-
этомъ имуществѣ, точно также
мужнее—къ родственникамъ мужа,
ъ родственникамъ жены, по рав-
мъ. Если же вдова вступитъ въ
, то все имѣніе остается у ней,
немъ недвижимаго ея перваго
ое переходитъ въ его родъ.
14 года произвелъ коренной пе-
ъ прежнемъ нашемъ порядкѣ за-
слѣдованія, такъ что между про-
настоящимъ всякая связь была
Но понятія и привычки, глубоко
ся въ жизни въ теченіе долгаго
могли вдругъ переродиться. Уста-
законодатели, ошѣ косвенно и роб-
лись въ тѣхъ многочисленныхъ
толкованіяхъ, которыя оказались необхо-
димыми при практическомъ примѣненіи новыхъ
началъ законнаго наслѣдованія. Прежде всего
родился вопросъ: какъ обезпечить суще-
ствованіе вдовы, если у умершаго оставались
дѣти? Въ законѣ 1714 года объ этомъ не
было постановлено никакихъ правилъ, а по
общему смыслу его, супруги въ этомъ слу-
чаѣ не могли наслѣдовать другъ послѣ дру-
га. Въ 1716 году, право наслѣдованія без-
дѣтныхъ супруговъ одного послѣ другого бы-
ло возстановлено и возведено въ общее пра-
вило: они получаютъ изъ всего имѣнія, дви-
жимаго и недвижимаго, другого супруга —
четвертую часть въ вѣчное владѣніе. Это
правило существенно различается отъ по-
становленія прежняго времени; прежде, какъ
мы видѣли, оно относилось только къ движи-
мому имуществу; для наслѣдованія же въ
недвижимомъ существовали различныя поло-
женія, смотря по роду имущества. Притомъ
главною ихъ побудительною причиною было
обезпеченіе существованія вдовы, вслѣдствіе
чего эти правила больше относились къ жен-
шѣ, чѣмъ къ мужу, и, строго говоря, даже
не установляли права наслѣдованія между
супругами въ недвижимомъ имуществѣ; но
указъ 1716 года формально вводитъ его,
руководствуясь въ опредѣленіи величины ча-
сти греко-римскими законами, потому что съ
отмѣною помѣстной системы не было на
этотъ случай никакого другого мѣрила. Поздиѣе, въ 1725 году, право наслѣдованія су-
пруговъ между собою распространено и на
имѣющихъ дѣтей.

Такіе же намеки на прежнія понятія встрѣ-
чаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ поняеніяхъ закона Петра Великаго о единонаслѣдіи.
Такъ, право представленія, не ясно сознаваемое въ XVII вѣкѣ, осталось не ясно понятымъ и въ началѣ XVIII. Младшему сыну
умершаго давалось въ извѣстныхъ случаяхъ
предпочтеніе по наслѣдованію въ недвижимыхъ передъ внукомъ отъ старшаго, дочери
— передъ внукомъ отъ сына; дочери дѣвицы,
хотя и младшія, исключали изъ наслѣдованія въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ старшую замужнюю, въ боковыхъ линіяхъ наслѣдство не идетъ далѣе внуковъ; о
правнукахъ въ мужскихъ линіяхъ не говорится, а въ женскихъ линіяхъ они вовсе отстраняются отъ наслѣдованія; мать вдова,
если у мужа ея не было недвижимаго имѣнія, получаетъ на прожитокъ или въ соб-

ственность часть изъ имѣнія сына. Въ этихъ колебаніяхъ прежнія понятія удерживались сознательно или безсознательно, чему много способствовало то обстоятельство, что указомъ 1714 года прежніе законы, не противорѣчившіе новому, не отмѣнялись.

Начало единонаслѣдія недолго пережило Петра Великаго. Оно противорѣчило понятіямъ и началамъ, выработавшимся вслѣдствіе долгаго историческаго развитія, и потому не могло удержаться въ той абсолютной, для всѣхъ обязательной формѣ, въ какой установлено указомъ 1714 года. Въ самой отдаленной старинѣ, предшествовавшей Судебникамъ, мы конечно находимъ и у насъ нѣчто похожее на майораты въ нераздѣльности дома, хозяйства, къ которому пріурочивалось право наслѣдованія, независимо отъ лицъ; но давно уже воспоминаніе объ этомъ порядкѣ наслѣдованія исчезло въ высшихъ слояхъ общества, къ которымъ исключительно относился законъ 1714 года 23 марта. Съ началомъ личности, вкоренившимся въ служилыхъ классахъ, законъ Петра Великаго сталъ въ рѣзкое противорѣчіе. Объ этомъ есть любопытное свидѣтельство императрицы Анны Ивановны въ указѣ 1731 г., 17 марта: „Отцы, говоритъ она, естественно сожалѣя своихъ дѣтей, всѣми образы тщились, несмотря ни на какіе свои убытки и разоренія, дѣлить дѣтей своихъ всѣхъ по равнымъ частямъ и крѣпили имъ то продажами и закладами чрезъ разныя руки, а которые того при себѣ учинить не могли, то другіе разные способы къ тому искали и подвергали дѣтей своихъ подъ великія клятвы, чтобъ оставшее послѣ ихъ имѣніе, по смерти ихъ, равно между собою дѣлили, и тѣмъ какъ между дѣтьми, такъ и родственники, не точію ненависти и ссоры произошли, но нѣкоторые, отважа себя, и до смерти побивали". Очень можетъ быть также, и даже весьма вѣроятно, что законъ о единонаслѣдіи найденъ неудобнымъ вслѣдствіе соображеній политическихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, оно отмѣнено императрицею Анною Ивановною, черезъ годъ по вступленіи ея на престолъ, и съ тѣхъ поръ установлялось для отдѣльныхъ фамилій лишь въ видѣ изъятія изъ общаго правила. Прежній порядокъ законнаго наслѣдованія возстановленъ на основаніи Уложенія и тѣхъ поноуказныхъ статей, которыя ему не противорѣчили. Но такое возстановленіе могло относиться только къ преемству, въ которомъ родственники назывались къ наслѣдованію, и къ пр раздѣленію между ними наслѣдства остальномъ прежнія правила были в пимы: потому что помѣстная систем воскресала послѣ Петра, и Анна И виолнѣ подтвердила состоявшееся п соединеніе и сравненіе помѣстій пами. Это сдѣлало необходимымъ ніе судьбы жены и дочерей, когд не было собственнаго имѣнія а меж умершій оставилъ послѣ себя закон слѣдниковъ и при жизни не обезпе другу и дочерей особымъ какимъ-н споряженіемъ, потому что о прожи помѣстныхъ, съ обращеніемъ помѣ вотчины, не могло быть рѣчи. Для ніи этой цѣли, императрица посо началами помѣстной системы, кот готовила и фактически выработала слѣдованія женщинъ, но цѣли ин другой видъ, другой юридическій х Уже Петръ Великій распространялъ движимыя имѣнія тотъ же порядок дованія между супругами, котор ствовалъ по греко-римскому праву шемъ законодательствѣ былъ прим ко въ отношеніи къ движимымъ. И ца Анна Ивановна примѣнила ва мѣстнаго права къ вотчинной соб шей единственною формою частны мельныхъ правъ послѣ сравненія съ вотчинами, и вслѣдствіе того, указомъ 1731 года 17 марта, пос 1) вдовѣ послѣ мужа выдѣлять и собственность изъ его недвижимаго ста 15 четвертей изъ ста или п муку (6⅔) часть. Итакъ, изъ трехъ ныхъ количествъ четвертей, котор чала вдова изъ помѣстнаго оклада м пято Анною Ивановною среднее. жимаго имущества мужа опредѣл лять женѣ, по Уложенію, четверт 2) Тоже право наслѣдованія получил въ имуществѣ своей жены. Правил вцо взято изъ закона Петра 1716 года и изъ пояснительнаго закона 1725 года, но и нѣкоторыхъ только величины части изъ недвижи нія, подъ вліяніемъ началъ помѣст на. 3) Дочь изъ недвижимыхъ имѣ согласно съ началами помѣстной должна получать, къ полюю же ность, вдвое менѣе матери, именно

четвертей изо ста, или слишкомъ
ую часть (13⅓); изъ движимаго
отца тоже вполовину менѣе про-
ри, то-есть восьмую часть. Такимъ
начала помѣстнаго наслѣдованія,
ася къ однимъ недвижимымъ имѣ-
спространены по аналогіи и на дви-
щества.

мъ и остановилось историческое
чалъ законнаго наслѣдованія въ
аконодательствѣ. Всѣ послѣдующія
енія, втеченіе болѣе столѣтія, не
чалъ, только приноравливали ихъ къ
поясняли, соглашали необходимыя
чивыя ихъ послѣдствія, разрѣшали
ные случаи. Такъ, нисходящимъ по
колѣну предоставлено право на-
, за пресѣченіемъ мужскаго, безъ
ограниченія какою-либо степенью
точнымъ образомъ установлены по-
дѣ, линіи, степени и способы опре-
о нимъ близости родства; послѣдо-
ясно проведено право представ-
ообразіе недвижимыхъ имуществъ
отмѣнить опредѣленіе наслѣдствен-
супруговъ и дочерей четвертями
у то изо ста) и ввести, вмѣсто то-
леніе ея долями, причемъ для су-
ринята круглая цифра семь (вмѣ-
а для дочерей четырнадцать (вмѣ-
опредѣлены права наслѣдованія
бныхъ и единокровныхъ братьевъ
(1818 и 1836 г.) и т. п.

тоящее время усилія законодатель-
вѣ достигли своей цѣли. Сводъ за-
ражданскихъ представляетъ о по-
слѣдованіи по закону цѣлое округ-
ненье, которое хотя и построено
родныхъ началахъ, но въ практи-
тношеніи возбуждаетъ мало сомнѣ-
росовъ. Главныя его положенія суть
я:

рованіе по закону имѣетъ мѣсто,
ершій оставилъ по себѣ родовое
которомъ дозволяется дѣлать за-
ныя распоряженія лишь въ видѣ
въ опредѣленныхъ закономъ слу-
я когда послѣ умершаго осталось
рѣтенное имущество, которымъ за-
олняетъ распорядиться по завѣща-
вѣщанія не сдѣлано; или наконецъ,
ъясительныя распоряженія умер-
я и сдѣланы, но по суду признаны
недѣйствительными (Св. Зак. Гражд., Т. X., Ч. 1, ст. 1, 110).

Къ наслѣдованію по закону призываются, въ извѣстномъ порядкѣ и постепенности, всѣ безъ изъятія лица, соединенныя кровнымъ родствомъ съ умершимъ, какъ въ мужескомъ такъ и въ женскомъ поколѣніи (тамъ же, ст. 1,111), безъ всякаго различія состояній (ст. 1,105) и пола, хотя бы эти лица и не носили одного имени или прозванія съ умершимъ, лишь бы только они происходили отъ одного общаго родоначальника (ст. 1,112). На этомъ основаніи, къ наслѣдованію допускаются и иностранцы, и дѣти еще не родившіяся, но зачатыя при жизни отца, и лица, имѣющія физическіе и умственные недостатки (тамъ же, ст. 1,106), и дѣти, сопричтенныя къ законнымъ по особымъ Высочайшимъ указамъ (ст. 1,119). Не призываются къ наслѣдованію по закону: лица, лишенныя всѣхъ правъ состоянія (ст. 1,107), постриженныя въ монашество (ст. 1,109), незаконнорожденные (ст. 1,113), свойственники (ст. 1,120). Усыновленные купцами призываются къ наслѣдованію послѣ своихъ усыновителей (ст. 151); усыновленные же дворянами наслѣдуютъ послѣ природныхъ своихъ родителей, а не послѣ усыновителей (ст. 149 и 1,119).

Итакъ, родство, и при томъ родство законное, есть главное основаніе права законнаго наслѣдованія. Кромѣ родственниковъ въ немъ участвуетъ и супругъ умершаго. Если же наслѣдниковъ нѣтъ, или они есть, но не предъявятъ своихъ правъ или откажутся отъ нихъ, то имущество умершаго становится выморочнымъ (ст. 1,162) и обращается въ государственную казну (ст. 1,167), а въ нѣкоторыхъ особенныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, въ то вѣдомство или общество, къ которому принадлежалъ умершій (ст. 1,168—1,183).

Лица, принадлежащія къ одному родству съ умершимъ, призываются послѣ него къ наслѣдству въ извѣстномъ порядкѣ, который зависитъ отъ близости родства. Кто по родству ближе, тотъ и имѣетъ преимущественное передъ другими право наслѣдовать. Близость родства считается по степенямъ и линіямъ (ст. 1,114). Степень есть связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія; а непрерывная связь степеней есть линія (ст. 1,115); линіи бываютъ нисходя-

ція, восходящія и боковыя; въ первыхъ двухъ родственники соединены между собою непрерывнымъ рядомъ степеней или рожденій. Вся разница состоитъ въ томъ, что когда счетъ ведется отъ даннаго лица внизъ къ его дѣтямъ, внукамъ и т. д. къ дальнѣйшему потомству, то линія называется нисходящею; когда же наоборотъ отъ даннаго лица вверхъ, къ его родителямъ, дѣдамъ и бабкамъ и т. д., то восходящею (ст. 201 и 202). Стало быть, линія нисходящая и линія восходящая есть одна и таже линія; но боковыя линіи суть линіи различныя, соединенныя между собою не непрерывною связью рожденій, а только общимъ родоначальникомъ. Чѣмъ ближе общій родоначальникъ, отъ котораго расходятся линіи, къ данному лицу, тѣмъ боковая линія къ нему ближе. На этомъ основаніи, линіи, расходящіяся отъ отца, ближе тѣхъ, которыя идутъ отъ дѣда, а послѣднія ближе линій, расходящихся отъ прадѣда и т. д. (ст. 205—207 и 1.118). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для опредѣленія близости родства къ данному лицу нисходящихъ и восходящихъ родственниковъ высчитывается число степеней или рожденій отъ этого лица до того восходящаго или нисходящаго родственника, близость родства съ которымъ нужно опредѣлить; для опредѣленія же близости родства даннаго лица къ одному изъ его боковыхъ родственниковъ высчитывается напередъ число степеней между нимъ и общимъ съ этимъ боковымъ его родственникомъ родоначальникомъ по восходящей линіи, а потомъ отъ этого родоначальника до бокового родственника по нисходящей линіи (ст. 204).

Въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, къ наслѣдству призываются цѣлыя линіи (ст. 1,121), и въ нихъ ближайшія степени предпочтительно передъ дальнѣйшими (ст. 1.122); но если одно изъ лицъ, принадлежащихъ къ ближайшей степени, не находится въ живыхъ, то мѣсто его заступаютъ его дѣти и потомки обоего пола (ст. 1.126) по праву представленія. Но и въ этомъ случаѣ ближайшія степени исключаютъ дальнѣйшія, то есть, ближайшіе потомки представляемаго призываются къ наслѣдованію предпочтительно передъ дальнѣйшими, и только если нѣтъ въ живыхъ ближайшихъ, мѣсто ихъ заступаютъ дальнѣйшіе (ст. 1,123). Отсюда прямо слѣдуетъ, что право представленія можетъ имѣть мѣсто только въ линіяхъ нисходящихъ и боковыхъ, въ восходящей же [illegible] (ст. 1,124), потому что по восходящей [illegible] счетъ ведется не отъ предковъ къ [illegible]камъ, а наоборотъ, отъ потомковъ [illegible]камъ, и потому въ восходящей линіи [illegible] считаются ближайшими, а послѣдующими родственниками.- Право представленія имѣетъ важное значеніе въ [illegible] законнаго наслѣдованія, въ двоякомъ [illegible]шеніи: во-первыхъ, оно даетъ право [illegible]дованія дальнѣйшимъ родственникамъ [illegible]нѣ съ ближайшими; во-вторыхъ, [illegible]ственно видоизмѣняетъ правило о [illegible] наслѣдства между наслѣдниками, а [illegible] по праву представленія всѣ [illegible] умершаго наслѣдника получаютъ вм[illegible] самую часть, которую получилъ бы [illegible] еслибъ находился въ живыхъ (ст. [illegible] слѣдовательно, если заступающихъ [illegible] а нѣсколько, то каждый изъ нихъ [illegible] меньшую часть, чѣмъ какую полу[illegible] самъ умершій наслѣдникъ.

Порядокъ, въ которомъ лица имѣю[illegible] законнаго наслѣдованія, призываются [illegible] слѣдству, опредѣляется слѣдующими [illegible]лами: 1) Нисходящіе во всякомъ [illegible] во всѣхъ степеняхъ родства предпо[illegible] боковымъ и восходящимъ родств[illegible] (ст. 1,121 и 1,127); 2) изъ всѣх[illegible] родственниковъ только отецъ и мать [illegible] изъятія, въ опредѣленныхъ законо[illegible] чаяхъ, предпочитаются боковымъ [illegible] никамъ (ст. 1.141 и 1.142); 3) [illegible] умершаго призывается къ наслѣдств[illegible] вѣстной части, во всякомъ случаѣ [illegible] съ нисходящими, восходящими и [illegible] (ст. 1,148 и 1,128).

Правила для наслѣдованія *нисход*[illegible] состоятъ въ томъ, что 1) дѣти и ихъ [illegible] наслѣдуютъ поотдѣ отца и послѣ [illegible] одинаковомъ основаніи (ст. 1.127); [illegible] важное уравненіе обоихъ половъ, [illegible] не видимъ въ Русской Правдѣ, [illegible] особливымъ постановленіемъ, а [illegible] вѣроятно, по мѣрѣ того, какъ женщ[illegible] знана членомъ того рода, къ которо[illegible] надлежала по рожденію, и съ тѣмъ [illegible] получила юридическую личность и [illegible] тельность; 2) дѣти одного изъ су[illegible] ихъ потомство наслѣдуютъ только [illegible] своихъ родителей, а не въ линіи [illegible] и мачихъ (ст. 1,129). 3) Годн. при [illegible] сыновныхъ (сестра при братѣ полу[illegible] всего наслѣдственнаго недвижимаг[illegible]

а изъ движимаго $^1/_8$ часть (ст. оложеніе, какъ сказано выше, не начало изъ помѣстнаго права. Изъ тца дочь получала среднимъ чи- $^1/_4$ части въ прожитокъ и по- выходила замужъ, въ приданое. время дочери не наслѣдовали вовсе ьяхъ, и потому необходимо было ихъ участь, что и достигалось указной части изъ помѣстья. Но я часть не обращалась въ соб- дочери; какъ только она выходила часть переходила къ мужу, на жала обязанность содержать свою ѣніе этого начала къ наслѣдо- олномъ правѣ собственности было, ніи, важнымъ шагомъ впередъ, въ ненія, что ввело право наслѣдова- й и при сыновьяхъ, чего прежде о за то, вырванное изъ помѣстной среди которой образовалось, исто- пересаженное на почву вотчин- , съ которымъ не имѣло ничего начало утратило прежнее свое Если уже разъ дочь можетъ наслѣ- недвижимыхъ при сыновьяхъ, то ять, почему она получаетъ только а не равную съ братьями? На- дочери въ $^1/_8$ части движимаго было точно также результатомъ началъ помѣстнаго права съ грекоученіемъ о наслѣдованіи супруговъ, мъ въ наше древнее законода- примѣненія ихъ къ наслѣдованію видѣли, что по греко-римскому ругъ наслѣдовалъ въ $^1/_4$ части дви- ущества умершаго своего супруга, правило вошло и въ наше зако- во. Но началамъ помѣстнаго права ала изъ помѣстья отца вдвое ме- ія. При императрицѣ Аннѣ Ива- ода составилось правило, что и маго дочь должна также получить противъ матери, то есть $^1/_8$ часть. о также непонятно теперь, какъ нее. 4) Сыновья дѣлятъ достав- наслѣдство поголовно, а потом- по праву представленія, поколѣнно 5) Если послѣ умершаго оста- ько дочери, что по выдѣлѣ каждой указной части сыновнія части бу- е дочеринхъ, то все слѣдующее ущество дѣлится между сыновьями ни поровну (ст. 1,131). Правило это постановлено въ 1815 году, въ разрѣшеніе частнаго случая, а въ теперешней обобщенной формѣ—въ 1824 году. Но при этомъ остается не разрѣшеннымъ вопросъ, примѣняется ли это правило отдѣльно къ движимымъ и отдѣльно къ недвижимымъ имуществамъ, или же берется въ соображеніе то и другое имущество въ совокупности. 6) Если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, то наслѣдуютъ дочери и ихъ потомства, на одинаковомъ основаніи съ сыновьями (ст. 1,132).

Порядокъ наслѣдованія въ *боковыхъ* линіяхъ имѣетъ свои особенности и отличія.

1) Ближайшія боковыя линіи исключаютъ дальнѣйшія. Когда онѣ равны между собою, то призываются къ наслѣдованію вмѣстѣ (ст. 1,136 и 1,137).

2) Въ боковыхъ линіяхъ сестры при родныхъ братьяхъ и ихъ потомствѣ не наслѣдуютъ вовсе (ст. 1,135). Это правило перешло въ настоящее законодательство безъ измѣненія изъ нашего древняго вотчиннаго права. Тогда оно было проведено послѣдовательно во всѣхъ линіяхъ, какъ боковыхъ, такъ и нисходящей: сестры при братьяхъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовали. Теперь же, когда къ нисходящей линіи примѣнены начала помѣстнаго права и дочери предоставлено, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, право наслѣдованія, совершенное устраненіе отъ него сестеръ при братьяхъ является аномаліею, объясняемою только исторіей законодательства, а не внутреннимъ смысломъ постановленія; ибо указная часть изъ помѣстья давалась дочери не въ видѣ наслѣдства, не въ собственность, а для обезпеченія ея существованія, только до вступленія ея въ супружество; и такъ, въ вотчинахъ женщина при мужчинахъ не имѣла никакой части, и потому не наслѣдовала при братьяхъ, ни въ нисходящей, ни въ боковыхъ линіяхъ. Но когда однажды, съ 1731 года, она стала призываться къ наслѣдованію въ имуществѣ родителей вмѣстѣ съ братьями, хотя и въ неравной съ ними долѣ, послѣдовательность требовала распространить нововведеніе и на боковыя линіи, но этого не сдѣлано, и помѣстная указная часть, обратившись въ наслѣдство на правахъ собственности, продолжала въ то же время оставаться указною частью. Такимъ образомъ, права наслѣдованія лицъ женскаго пола въ нисходящей линіи къ извѣстной мѣрѣ признаны, а въ боковыхъ остались непризнанными.

3) Какъ въ нисходящей линіи дѣти наслѣдуютъ только въ имѣніи своихъ родителей, такъ и въ боковыхъ *родовыя* имѣнія переходятъ въ тотъ родъ, изъ котораго они перешли къ умершему (ст. 1,138); благопріобрѣтенное же имущество идетъ въ родъ отца, а не матери. Изъ этого правила сдѣлано важное изъятіе въ пользу сводныхъ (единоутробныхъ и единокровныхъ) братьевъ и сестеръ. Если нѣтъ у умершаго ни родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, то сводные его братья и сестры, съ ихъ потомствомъ, предпочитаются прочимъ родственникамъ; они въ этомъ случаѣ наслѣдуютъ на одинакихъ правахъ съ родными братьями и сестрами, и при этомъ между единоутробными и единокровными не дѣлается никакого различія (ст. 1,140).

Включеніе единоутробныхъ въ число наслѣдниковъ наравнѣ съ единокровными и предпочтеніе ихъ дальнѣйшимъ родственникамъ, хотя бы только относительно благопріобрѣтеннаго имущества, представляетъ весьма замѣчательное отступленіе отъ общаго духа нашихъ древнихъ постановленій о порядкѣ законнаго наслѣдованія и вводитъ въ него новые элементы. Единокровный, при предпочтеніи мужскаго пола женскому, лежащемъ въ основаніи древняго наслѣдственнаго права, безъ сомнѣнія ближе къ умершему, чѣмъ прочіе боковые родственники, за исключеніемъ однихъ родныхъ братьевъ и сестеръ; но единоутробный во всякомъ случаѣ членъ другаго рода, и слѣдовательно, по общему смыслу нашихъ древнихъ законовъ, не могъ бы быть поставленъ наравнѣ съ единокровными, тѣмъ менѣе предпочтенъ дальнѣйшимъ боковымъ родственникамъ, членамъ того же рода. Такое отступленіе отъ древняго родового порядка не первое въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ о наслѣдованіи. Оно принадлежитъ къ одному порядку идей съ призваніемъ къ наслѣдству женщинъ, съ отмѣною всякихъ ограниченій въ наслѣдованіи нисходящихъ по женской линіи. Съ того времени, какъ родовыя начала были постепенно вытѣснены изъ государственной службы, они стали склоняться къ упадку и въ сферѣ гражданскихъ отношеній. Понятія о родовой вотчинѣ, о правѣ выкупа, являются уже запоздалымъ остаткомъ другого времени и другихъ общественныхъ и юридическихъ отношеній. Сообразно съ этимъ долженъ былъ мало-по-малу измѣниться и взглядъ на близость родства. Начало семьи стало [illegible] пенно вытѣснять начало рода, и отно[illegible] примѣненій представляетъ уравненіе [illegible] единоутробныхъ съ единокровными [illegible] почтеніе ихъ прочимъ боковымъ ро[illegible] никамъ. Этотъ шагъ въ пользу бо[illegible] менныхъ воззрѣній сдѣланъ въ XIX [illegible] (1817, 1818 и 1836 года).

Восходящіе родственники не насл[illegible] Только послѣ бездѣтныхъ дѣтей благоп[illegible] тенныя ихъ имѣнія поступаютъ къ у[illegible] лямъ въ пожизненное владѣніе, а по[illegible] ныя отъ родителей возвращаются к[illegible] по принадлежности (ст. 1,141 и [illegible] Это косвенное призваніе восходящихъ [illegible] слѣдованію, преимущественно передъ б[illegible] родственниками, было послѣдствіемъ р[illegible] рода въ генеалогическомъ смыслѣ. [illegible] однажды единство семейства и рода [illegible] лилось кровными связями, а не со[illegible] ствомъ на одномъ мѣстѣ, и выработал[illegible] нятіе о юридической самостоятельно[illegible] даго изъ членовъ семейства и рода, [illegible] возможно для дѣтей имѣть свое о[illegible] имущество, независимо отъ родителей [illegible] домъ, хозяйство, а не лица наслѣдов[illegible] добный случай былъ невозможенъ, и[illegible] и другіе родственники, отдѣлившіеся [illegible] дителей или рода и основавшіе свое[illegible] вое хозяйство, считались какъ бы чу[illegible] не наслѣдовали вовсе. Но когда пр[illegible] слѣдованія стали опредѣляться не со[illegible] ствомъ, а родствомъ, тогда естествен[illegible] женъ былъ возникнуть вопросъ, кто [illegible] къ умершему: родители или другіе р[illegible] ники? Вопросъ этотъ въ 1823 году [illegible] уклончиво въ пользу отца и матери. [illegible] гихъ восходящихъ ничего не сказано. [illegible] этого молчанія должно заключить, [illegible] предпочтены боковые родственники. [illegible] чески изъ этого умолчанія могутъ пр[illegible] разныя неудобства, напримѣръ въ то[illegible] чаѣ, когда дѣдъ или бабка отдадут[illegible] имѣніе внуку или внучкѣ и послѣдніе [illegible] бездѣтны; ибо едва ли было бы спра[illegible] отдать въ этомъ случаѣ имѣніе родс[illegible] камъ, не возвращая его восходящим[illegible] которыхъ оно досталось.

Супруги наслѣдуютъ одинъ послѣ [illegible] въ ¼-ой части изъ недвижимаго и в[illegible] части изъ движимаго имѣнія умерш[illegible] 1,148 и 1,153). Правило это, относ[illegible] недвижимыхъ, взято, какъ мы уже [illegible] изъ помѣстнаго права, съ распростра[illegible]

ихъ супруговъ; относительно же
— изъ греко-римскихъ законовъ,
хъ и въ наше древнее законода-
Но рядомъ съ тѣмъ, встрѣчаемъ
ваши супруговъ другое правило,
ное изъ совершенно другой си-
оннаго наслѣдованія, именно изъ
ваіоратахъ: мужъ дворянскаго со-
инившій съ Высочайшаго утвер-
милю жены, послѣдней въ своемъ
лучаѣ если она умретъ бездѣтною,
все недвижимое имѣніе, достав-
отъ отца (ст. 1,160).

аслѣдованія супруговъ имѣетъ свои
ныя особенности. Онѣ состоятъ въ
ъ: 1) право на полученіе указной
погашается никакою давностью въ
е всего того времени, пока остав-
супругъ живъ (ст. 1,152 и 1,153);
йся супругъ получаетъ свою часть
режде поступленія наслѣдства въ
этимъ (ст. 1,128), а слѣдовательно
наслѣдникамъ; 3) указная часть
оставшемуся супругу не только
мѣнія, которымъ другой умершій
дительно владѣлъ, но и изъ
рое досталось бы ему послѣ отца,
ъ находился еще тогда въ живыхъ
и 1,153); 4) если умершій супругъ
ъ недвижимаго имѣнія, то слѣдую-
му супругу $^1/_7$ часть выдѣляется
тестя или свекра еще при жизни
но изъ того, какое принадлежало
нь смерти сына или дочери (ст.
53 и 1,151), изъ движимаго же
тя или свекра оставшійся супругъ
слѣдующую ему часть уже послѣ
ти. Величина части опредѣляется
емъ случаѣ соразмѣрно съ тѣмъ
мъ, какое въ день смерти тестя
а въ наличности окажется (ст. 1,151
Всѣ эти правила доказываютъ край-
ливость законодательства обезпе-
у оставшагося въ живыхъ супруга.
они внушены положеніемъ вдовы
послѣдствія распространены и на
го мужа. Въ этихъ правилахъ слы-
ен отголосокъ стараго времени,
на была дѣйствительно сиротою, и
ю юридическую самостоятельность,
принадлежа ни къ какому семей-
алась безъ защиты.

главныя черты нашего нынѣшняго
законнаго наслѣдованія. Онъ сло-
жился изъ разныхъ началъ, подъ вліяніемъ разныхъ системъ, эпохъ и воззрѣній, сведенныхъ, но несоглашенныхъ между собою въ одно органическое цѣлое. Нѣкоторыя изъ этихъ началъ уже отжили свой вѣкъ, другія отживаютъ, иныя являются въ видѣ зародышей, которымъ предстоитъ еще развиваться въ будущемъ. При такомъ положеніи этой отрасли нашего законодательства, любопытно и поучительно знать, въ какомъ видѣ сложился порядокъ законнаго наслѣдованія у другихъ народовъ, опередившихъ насъ на пути гражданскаго и общественнаго развитія. Никому конечно не придетъ въ голову, что желаннымъ послѣдствіемъ сличенія нашего порядка законнаго наслѣдованія съ иностранными будетъ безотчетная замѣна чужимъ того, что у насъ установилось въ теченіе долгаго времени и вошло въ привычки и нравы; очевидная польза сравнительнаго изученія будетъ заключаться лишь въ томъ, что мы глубже будемъ всматриваться въ начала нашего законодательства и чрезъ это облегчится путь къ дальнѣйшему его развитію.

Главнѣйшимъ источникомъ и образцомъ для гражданскаго права западно-европейскихъ народовъ долгое время служило, а отчасти и теперь еще служитъ, римское право. Поэтому необходимо начать съ него [1]).

Прежде всего замѣчу, что развитіе римскихъ гражданскихъ постановленій совершалось обратнымъ путемъ съ европейскими и нашими. У новыхъ народовъ и у насъ строгая юридическая опредѣленность формъ и гражданскихъ отношеній является уже какъ результатъ продолжительнаго историческаго развитія, а сначала такой опредѣленности не было и фактъ преобладалъ надъ правомъ, туго поддавались подъ его нормы. Совсѣмъ другое видимъ у римлянъ. Съ первыхъ же страницъ исторіи мы находимъ у нихъ строго-юридическій бытъ: самыя первоначальныя формы общественности, которыя у новыхъ народовъ подернуты туманомъ и раскрываются только передъ самымъ зоркимъ и сложнымъ критическимъ анализомъ, у римлянъ были схвачены юридически, и опредѣлены такъ положительно и точно, что мы по не-

[1]) Goeschen, Vorlesungen über das gemeine Civilrecht. Göttingen, 1838—1843, часть 3 отдѣлъ 2, §§ 908—932. Puchta Cursus der Institutionen. Leipzig, 1856—1857. 3 Theile.

обходимости должны предполагать за ними продолжительный историческій процессъ, потому что онѣ, очевидно,—зрѣлые плоды долгаго развитія. Древняя римская семья, въ противоположность нашей, есть уже учрежденіе юридическое, основаніе и первообразъ цѣлой политической системы, успѣвшей вполнѣ развиться и уже при Сервіи Тулліѣ потребовавшей существеннаго преобразованія по новому началу. Вникая въ нее, мы не найдемъ въ ней и тѣни тои неопредѣленности отношеній, которыми отличаются семьи новыхъ народовъ, на первыхъ порахъ ихъ исторіи. Все въ ней опредѣлено строго и точно. Конечно, вглядываясь глубже, мы и въ юридической семьѣ безъ труда откроемъ ту же естественную, природную основу, на которой держатся всѣ семьи въ мірѣ, древнія и новыя, но у римлянъ эта естественная основа отъѣснена юридической ея формой на второй планъ и вполнѣ подчинена послѣдней; потому-то юридическая семья во многомъ расходится съ естественной. Впослѣдствіи, когда древняя римская общественность, основанная на юридической семьѣ, стала склониться къ упадку, послѣдняя, въ свою очередь, начала разлагаться, и естественная, кровная семья мало-по-малу стала вступать въ свои права. Взаимная борьба той и другой семьи, выразившаяся въ постепенномъ упраздненіи древней юридической семьи и въ постепенномъ признаніи семьи естественной и кровной, составляетъ движущее начало всей исторіи римскаго семейственнаго и тѣсно съ нимъ связаннаго наслѣдственнаго права и представляетъ высокій интересъ для всякаго мыслящаго наблюдателя.

Чтобы вникнуть глубже въ смыслъ этой борьбы, необходимо составить себѣ ясное представленіе о семьѣ юридической и семьѣ естественной, тождественныхъ по началу, но глубоко различныхъ по своимъ формамъ.

Древнѣйшая римская семья состояла изъ главы семейства, домоначальника, и тѣхъ, которые были ему подчинены. Изъ этого вытекало, что жена, клиентъ, рабъ, усыновленный, были членами этого семейства, а эмансипированный или усыновленный другимъ сынъ не были. Такимъ образомъ первоначальное понятіе о семействѣ и его членахъ было у римлянъ почти тоже самое, какъ и всюду въ первую эпоху развитія. Но особенность римскихъ учрежденій заключалась въ томъ, что тотъ же характеръ удержался и впослѣдствіи, когда рабы и клиенты стали считаться членами семьи, когда надъ женою стала различаться отъ надъ дѣтьми. Въ этомъ новомъ состояніи римская семья по прежнему оставалась юридическою. Т. е. на кого простиралась власть отеческая или супружеская власть, считались членами семейства; тѣ же, которые надъ нею, не считались. Но этому, усыновленные во всѣхъ отношеніяхъ уравнивались дѣтьми, становился родственникомъ домовладыки, а эмансипированный и отпущенный посторонимъ сыномъ, какъ не подъ отеческою властью, вовсе не считались членами семейства. Изъ состоящихъ подъ властью домовладыки одни были подчинены ей непосредственно, именно жена и дѣти родные и усыновленные, а другіе состояли подъ этою властью посредствомъ другихъ, именно дѣтей или внуки, такъ какъ дѣти, состоящіе подъ властью главы семейства, не могутъ имѣть ее; равнымъ образомъ и жены, состоя подъ супружеской властью своихъ, находились, по той же причинѣ, подъ отеческою властью домовладыки, но не непосредственно, а чрезъ своихъ мужей. Такимъ началомъ создалось въ римскомъ праливое, юридическое родство, единственное опредѣлялось исключительно властью. Находились въ юридическомъ родствѣ между собою тѣ лица, изъ которыхъ одно состояло подъ отеческой власти другого, или тѣ, которыя состояли подъ общею отеческою властью, или наконецъ, которыя состояли бы подъ одною, если бы всѣ были живы. Согласно с лица женскаго пола, не способны имѣть отеческую власть, не считались въ юридическомъ родствѣ съ своими дѣтьми; а чрезъ него и внукъ, состояли въ юридическомъ родствѣ съ отцомъ и дѣдомъ. Такъ собою сынъ и внукъ тоже находятся въ юридическомъ родствѣ, хотя сынъ, не отца, не имѣлъ отеческой власти надъ сыномъ, а его внукомъ, юридическое родство ихъ между собою основывается томъ, что оба состояли подъ одною отеческою властью. Дочь, состоящая подъ отеческою властью своего отца, считалась въ юридическомъ родствѣ, но сынъ былъ въ такомъ родствѣ ни съ кѣмъ своимъ дѣдомъ по матери, потому что не имѣла отеческой власти и прав

…ялъ къ юридическому родству

…ть счетъ юридическаго родства …ревидно, что первообразомъ ему …е кровная связь, какъ и вездѣ; …ѣлилось подъ вліяніемъ замкну- …о быта, и эти опредѣленія, сдѣ- …вочительно господствующими, по …и должны были въ извѣстныхъ …сходиться съ естественнымъ, …дствомъ.

… называлось у римлянъ cognatio …ано совсѣмъ на другомъ началѣ. …ли не отеческая власть, а одно …кная связь. По счету этого род- …родными многіе родственники …ридическому, какъ-то усыновлен- …на; за то считались, напротивъ, …ми внуки дочери; незаконнорож- …лись родственниками матери и …но были чужими для ея мужа …енниковъ.

…ая семья, таковъ былъ и поря- …ого наслѣдованія. Историческія …римской семьѣ не восходятъ къ …, когда личность ея членовъ со- …лощалась семейнымъ единствомъ. …ніи хозяйства, дома, правильнѣе …раздѣльности хозяйства и дома …быту, мы не имѣемъ данныхъ, …вѣроятно, что и у римлянъ она …въ свое время. Свѣдѣнія, ко- …мъ, застаютъ римскую семью …ческой степени развитія. Иму- …щаго лица переходитъ къ юри- …цамъ его семейства и дѣлится …по степени ихъ близости къ …ближайшими почитались sui, то- …іе непосредственно подъ его …астью; сыновья не имѣли нака- …щества передъ дочерьми; наслѣд- …ъ ими поголовно, или, по праву …я, поколѣнно. За недостаткомъ …ъ отеческой власти умершаго, …у призывались ближайшіе юри- …ственники изъ боковой линіи, ко- …и между собою наслѣдство пого- …и ихъ не было, наслѣдовали …gentiles. Послѣ лицъ женскаго …ло оставаться подчиненныхъ ихъ …асти; по этому имъ наслѣдовали …ческіе ихъ родственники. На …ни и дѣти не наслѣдовали иначе …я, какъ въ качествѣ юридиче- скихъ родственниковъ: состоя наравнѣ съ ними подъ властью домовладыки, она была имъ, въ порядкѣ юридическаго родства, сестрою. Въ боковыхъ линіяхъ изъ лицъ женскаго пола наслѣдовали только сестры, а дальнѣйшія родственницы не наслѣдовали. Послѣ клієнта, отпущеннаго на волю и эмансипированныхъ дѣтей наслѣдовали, въ случаѣ недостатка лицъ, подчиненныхъ ихъ власти, ихъ патроны и отпустившіе ихъ на волю.

Такими тѣсными и при томъ исключительно юридическими границами очерченъ былъ первоначально у римлянъ порядокъ законнаго наслѣдованія. Но подъ вліяніемъ преторскаго права, въ этотъ кругъ юридическихъ родственниковъ начали мало-по-малу вдвигаться родственники по крови. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока родство кровное не было совершенно уравнено въ правахъ съ родствомъ юридическимъ.

Прежде всего преторъ уравниваетъ въ правахъ съ лицами подчиненными отеческой власти тѣхъ, которые были бы подчинены ей, еслибы не были эмансипированы или усыновлены другими. Какъ тѣ, такъ и другіе, послѣ эмансипаціи и усыновленія, не состояли уже ни въ какомъ юридическомъ родствѣ съ своимъ отцомъ; но преторъ, косвеннымъ образомъ, призываетъ и ихъ къ наслѣдству, по имя кровнаго родства. Далѣе: когда у кого не было ни подчиненныхъ отеческой власти, ни уравненныхъ съ ними преторомъ, ни агнатовъ, призываемыхъ къ наслѣдству, то преторъ призываетъ къ наслѣдованію кровныхъ родственниковъ, какъ нисходящихъ, такъ восходящихъ и боковыхъ, мужскаго и женскаго пола, смотря по близости степеней. Всѣ, состоящіе въ одной степени родства, наслѣдовали вмѣстѣ и въ равной части, но не далѣе седьмой степени. Если наслѣдники ближайшей степени не пользовались своимъ правомъ, то оно переходило къ родственникамъ ближайшей затѣмъ степени, чего строгое гражданское право не допускало. Наконецъ, если родственники не наслѣдовали, то наслѣдство переходило, по преторскому праву, къ оставшемуся въ живыхъ супругу.

Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ законнаго наслѣдованія вводились преторскимъ эдиктомъ косвеннымъ образомъ. Преторъ не объявлялъ и не могъ объявить новыя лица, призванныя имъ къ наслѣдству, наслѣдниками, въ противность гражданскому римскому праву.

Дальнѣйшее развитіе состояло въ томъ, что эти лица получили право наслѣдованія и по гражданскому праву, которое такимъ образомъ было расширено на кровныхъ родственниковъ; съ тѣмъ вмѣстѣ исключительное господство юридическаго родства мало-по-малу исчезло. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. состоялись въ этомъ смыслѣ два важныхъ сенатскихъ постановленія: Тертулліаново и Орфитіаново. Первымъ признано право наслѣдованія матери послѣ дѣтей, но только въ такомъ случаѣ, когда она имѣла ихъ извѣстное число (трехъ или четырехъ, смотря по состоянію), или въ силу особаго закона пользовалась преимуществами такой матери. Но право наслѣдованія матери было ограничено: ей предпочитались подчиненные отеческой власти умершаго и тѣ, которые преторомъ съ ними уравнены, а также родной отецъ и родной братъ; съ родными сестрами умершаго мать наслѣдовала въ равной части; прочимъ же родственникамъ она предпочиталась. По второму (Орфитіанову) сенатскому постановленію, дѣти получили гражданское право наслѣдованія послѣ матери предпочтительно предъ прочими боковыми родственниками.

Въ томъ же направленіи продолжалъ постепенно измѣняться порядокъ законнаго наслѣдованія при христіанскихъ римскихъ императорахъ. Разрядъ *исходящихъ*, призываемыхъ къ наслѣдованію, расширенъ. Постановленіемъ Валентиніана II (389 г. по Р. Х.) къ нимъ причислены внуки отъ дочери; только они получали меньшую часть. Юстиніанъ отмѣнилъ и это ограниченіе. Также расширенъ кругъ *боковыхъ* родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія. Императоръ Анастасій уравнялъ въ этомъ отношеніи эмансипированныхъ братьевъ и сестеръ съ неэмансипированными, только предоставилъ первымъ меньшую часть въ сравненіи съ послѣдними. Но Юстиніанъ отмѣнилъ это ограниченіе и включилъ въ число юридическихъ родственниковъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, а также ихъ сыновей и дочерей; уравнялъ въ правахъ юридическихъ родственниковъ женскаго пола съ юридическими родственниками мужескаго и ввелъ между ними преемство степеней, котораго прежде не было: братья и сестры призваны имъ къ наслѣдованію предпочтительно передъ отцомъ, послѣднему предоставлено только пользованіе, а имъ право собственности, послѣ матери должны были наслѣдовать въ ея имѣніи одни единоутробные, съ исключеніемъ одно[го] наконецъ, родными братьямъ и сест[рамъ] преимущество передъ единоутробны[ми] докровными.

Сенатское постановленіе Тертулліа[на] вергалось также важнымъ измѣненіе[мъ] статутомъ Великія расширилъ право [на] ванія матери, распространивъ его и [на] матерей, которыя не имѣли опред[ѣ]ленна числа дѣтей, хотя и не въ одинак[о]вой степени съ послѣдними; въ то же вр[емя] ограничилъ это право, уравнявъ въ [нѣ]которомъ матерью нѣкоторыхъ изъ боковыхъ р[о]дственниковъ, которые, въ силу Тертулліа[но]ва сенатскаго постановленія, исключалась [ею]. Юстиніанъ отмѣнилъ всякое различіе [между] матерями, имѣвшими и не имѣвшими [дѣтей] и призвалъ къ наслѣдованію вмѣстѣ [съ от]терью братьевъ и сестеръ умершаго, [какъ] и единоутробныхъ, безъ различія; но [съ] ограниченіями, мать предпочтена всѣ[мъ] прочимъ боковымъ родственникамъ. [При] отца, въ собственности наслѣдуютъ [его] братья и сестры, а пользованіе въ [двухъ] третяхъ наслѣдства принадлежитъ [отцу] матери имѣетъ.

Наконецъ, смыслъ сенатскаго поста[новленія] Орфитіанова распространенъ. Валенти[ніанъ] предоставилъ права наслѣдованія [внукамъ] внучкамъ послѣ бабки, съ нѣкоторы[ми] ограниченіями, отмѣненными впослѣдстві[и] Юстиніаномъ. Но Юстиніанъ ограничилъ [право] наслѣдованія дѣтей послѣ матери [тѣмъ], отстранилъ отъ наслѣдованія [послѣ] дѣти знатной женщины.

Что касается до наслѣдованія [отъ] состоящихъ подъ его властью, то [оно] не было помину до христіанскихъ [вре]менъ. Первые зачатки его встрѣча[ются] Осодосіи II и Валентиніанѣ III; [въ] дующихъ императорахъ оно развил[ось] работалось въ слѣдующей формѣ: соб[ственность] имѣнія лицъ, состоящихъ подъ [отеческой] властью, по смерти ихъ переходила [въ] собственности къ нисходящимъ; когда [ихъ] не было, то къ братьямъ и сестрамъ [полнымъ], потомъ своднымъ; съ нимъ [наравнѣ] наслѣдовала и мать; если и этихъ [не] было, тогда только наслѣдовалъ [отецъ]. Но право пользованія оставшимся [послѣ] нимъ имуществомъ переходило къ [отцу] всякомъ случаѣ.

Послѣднимъ результатомъ исторіи развитія порядка законнаго наслѣ[дованія]

но полное и совершенное урав-
вахъ наслѣдованія юридическаго
кровнымъ, естественнымъ. Этотъ
подготовленный изложенными вы-
леніями, окончательно устано-
Юстиніанъ, въ изданныхъ имъ 118
лахъ. На основаніи этихъ по-
тмѣненныхъ ими прежнихъ зако-
ые потому сохранили свое дѣй-
окъ законнаго наслѣдованія за-
слѣдующемъ:
лужитъ основаніемъ наслѣдованія
причемъ родство юридическое не
кого преимущества передъ кров-
чины передъ женщинами. Послѣ
ящихъ подъ отеческою властью,
переходитъ по тѣмъ же почти пра-
ъ и послѣ лицъ самостоятельныхъ,
шихъ ничьей отеческой власти.
полнаго и своднаго родства по-
шое значеніе.
призываемыя къ наслѣдству по
ляются на четыре разряда или
ервому принадлежатъ нисходящіе,
—восходящіе, родные братья и
сыновья и дочери; къ третьему
братья и сестры, ихъ сыновья и
четвертому—всѣ прочіе боковые
я. Подробныя правила наслѣдо-
каждому классу, суть слѣдующія.
классѣ наслѣдуютъ всѣ нисхо-
де всего законныя дѣти, при чемъ
енныя не отличаются отъ при-
къ законнымъ, состоящія подъ оте-
стью отъ несостоящихъ подъ нею.
ъ законными дѣтьми наслѣдуютъ
ные. Чтобы понять значеніе усы-
отношеніи къ законному наслѣ-
ходимо припомнить, что у рим-
существовало въ нѣсколькихъ ви-
овленіе лица, состоящаго подъ
ластью, называлось adoptio; усы-
стоящаго подъ отеческою властью
Adoptio существовала при Юсти-
двухъ видахъ. Когда усыновитель
щій родственникъ усыновляемаго
отецъ его матери), то усыновленіе
ное; усыновляемый переходитъ
ческой власти своего отца подъ
власть усыновителя; вмѣстѣ съ
режнія связи усыновленнаго по
му родству уничтожаются, и онъ
ъ юридическое же родство съ усы-
и его юридическими родственни-
ками, но не съ его женою и ея родственни-
ками. Когда же усыновитель лицо посторон-
нее, то усыновленіе бываетъ не полное (mi-
nus plena); усыновленный не поступаетъ подъ
отеческую власть усыновителя, не выходитъ
изъ своего юридическаго родства и не вступаетъ въ новое. Всѣ послѣдствія такого не-
полнаго усыновленія ограничиваются правомъ
наслѣдованія усыновленнаго послѣ усынови-
теля. По самому свойству adoptio, усыновлять
не могли женщины; но когда это допускалось, въ видѣ изъятія, то не иначе, какъ на
основаніи adoptio minus plena. Arrogatio имѣло
послѣдствіемъ, что усыновленный и всѣ со-
стоявшіе подъ его отеческою властью посту-
пали подъ отеческую власть усыновителя; соб-
ственное имущество усыновленнаго терпло
прежній юридическій характеръ, и изъ само-
стоятельной его собственности дѣлалось несамостоятельной, зависящей отъ усыновителя.
Согласно съ этимъ значеніемъ различныхъ ви-
довъ усыновленія, полное усыновленіе даетъ
усыновленному право быть наслѣдникомъ
всѣхъ его юридическихъ родственниковъ по
усыновленію и при томъ только до тѣхъ поръ,
пока послѣднее продолжается: неполное же
усыновленіе даетъ право законнаго наслѣдо-
ванія только послѣ усыновителя. Но какъ въ
томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, усынов-
ленные не теряютъ права наслѣдованія послѣ
природныхъ своихъ родителей. – Незаконно-
рожденныя дѣти наслѣдуютъ, но не послѣ
отца, а послѣ матери и ея восходящихъ, если
только мать не знатная особа.

Нисходящіе наслѣдуютъ въ томъ же по-
рядкѣ, какъ и по нашему законодательству;
ближайшія степени исключаютъ дальнѣйшія;
мѣсто умершихъ заступаетъ ихъ потомство,
по праву представленія. Нисходящіе одной
степени наслѣдуютъ поголовно, по равнымъ
частямъ; заступающіе ихъ мѣсто—по праву
представленія, поколѣнно. Но предоставляя
право наслѣдованія нисходящимъ, римское
право удерживаетъ въ пользу восходящихъ
пользованіе извѣстною частью наслѣдства.
Ученіе объ этомъ правѣ восходящихъ до-
вольно сложно, и находится въ тѣсной связи
съ ученіемъ объ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Сначала все, что
ни пріобрѣталъ сынъ, то онъ пріобрѣталъ не
себѣ, а тому, подъ чью отеческою властью
состоялъ, и потому не могъ имѣть собствен-
наго имущества. Но впослѣдствіи, съ боль-
шимъ развитіемъ индивидуальной самостоя-

тельности членовъ семейства, это правило смягчилось. Прежде всего признано за полную, неограниченную собственность пріобрѣтателя добытое имъ въ качествѣ солдата (peculium castrense); потомъ за такую же собственность признано все, что состоящій подъ отеческою властью пріобрѣтетъ на государственной службѣ (peculium quasi castrense). Впослѣдствіи, мало по малу, принято за правило, что все, что состоящій подъ властью получитъ не отъ отца, а пріобрѣтетъ другимъ какимъ нибудь образомъ, становится его собственностью, отцу же принадлежитъ только право пожизненнаго пользованія и распоряженія. Такого рода имущества называются bona adventitia. Согласно съ этимъ, пользованіе имуществомъ умершихъ дѣтей, когда оно переходило по наслѣдству въ собственность нисходящихъ,—или пріобрѣталось восходящими ровственниками въ пользованіе вновь, или же только оставалось въ ихъ пользованіи. Оно пріобрѣталось ими въ пользованіе вновь, когда умершій былъ самостоятеленъ, т.-е. не находился въ отеческой власти восходящихъ, ибо только подъ этимъ условіемъ онъ пользовался самъ своимъ имуществомъ. Если всѣ наслѣдники его находились подъ отеческою властью восходящаго, то естественно, что право собственности переходило къ нимъ, а пользованіе къ тому, подъ чьей отеческой властью они состояли; если всѣ наслѣдники были самостоятельны, не находились ни подъ чью отеческою властью, то изъ достающагося имъ отъ матери или бабки наслѣдства отецъ получалъ на свою долю, въ пожизненное пользованіе, часть равную съ дѣтьми или внуками. Наконецъ, если нѣкоторые изъ наслѣдниковъ состояли подъ отеческою властью восходящаго, а другіе нѣтъ, то онъ получалъ послѣ первыхъ все наслѣдство въ пользованіе, а послѣ вторыхъ часть равную съ каждымъ изъ нихъ. Восходящій удерживалъ въ пожизненномъ пользованіи имущество, когда умершій, послѣ котораго оставалось наслѣдство, находился подъ его отеческою властью. Кромѣ того, въ римскомъ правѣ существовало правило, въ силу котораго восходящій, освобождая кого либо отъ своей власти, какъ бы въ награду за это удерживалъ за собою, при самомъ освобожденіи, половину его имѣній въ своемъ пользованіи. Эту половину онъ удерживалъ въ пользованіи и послѣ смерти его. Наконецъ восходящіи, какъ сказано выше, получалъ въ свое пользованіе часть того наслѣдства
переходило къ состоящему подъ его
отъ матери или бабки: эту часть о
живалъ въ пользованіи и послѣ
стоящаго подъ его властью, когда
по порядку законнаго наслѣдованія,
дило въ собственность къ его

Во второмъ классѣ наслѣдовали
выхъ, восходящіе умершаго, мужск
скаго пола, какъ со стороны отца
со стороны матери, законные и
(послѣдніе съ нѣкоторыми огран
родные и по усыновленію. По
полному, пока оно существуетъ, усы
и ихъ восходящіе не различались
родныхъ родителей и восходящихъ
наслѣдовали наравнѣ съ ними. Та
довалъ и арроґаторъ, если арроґ
умеръ по достиженіи совершенолѣт
же онъ умиралъ, не достигнувъ совер
возраста, то арроґаторъ обязанъ б
полученное имъ отъ него наслѣд
кто наслѣдовалъ бы, еслибъ арро
было. Наконецъ, при неполномъ ус
усыновитель не наслѣдовалъ. На
ли усыновительница—вопросъ со
торый большею частью ученыхъ
отрицательно. Послѣ незаконнорожд
по общему началу, наслѣдовала м
отецъ, ибо голько первая считалос
ствѣ съ своими незаконнорожденными
По этому правилу рѣшается вопрос
слѣдованіи дальнѣйшихъ восходящ
ственниковъ незаконнорожденныхъ
законнорожденныхъ восходящіе бо
линіи наслѣдовали, по мужской
въ первомъ случаѣ было родство, во
законъ не признавалъ его.

Во вторыхъ, въ томъ же второ
наслѣдовали родные братья и сестр
и сестры по усыновленію не прин
къ этой категоріи, по той причинѣ,
новленіе не установляло родства
усыновители, и слѣд. усыновленны
лись къ роднымъ дѣтямъ, какъ сводн
и сестры. То же должно сказать
конпорожденныхъ: они — братья
только по матери, слѣдовательно н
а сводные.

Наконецъ, въ третьихъ, къ тому
относились сыновья и дочери родныхъ
и сестеръ (внуки и внучки не от
Между дѣтьми братьевъ и сестеръ
при этомъ слѣдующее важное разли

наслѣдовали въ такомъ лишь случаѣ, были законныя или усыновленныя усыновленію и состояли съ тѣмъ то наслѣдовали, въ юридическомъ дѣти же сестры наслѣдовали только, ли родныя, законныя или незаконно равно, потому что усыновленіе женщ установляло родства усыновленн родными усыновительницы, а незаконнымъ состояли въ родствѣ со всѣми ственниками.

лежащія къ означеннымъ тремъ катего второго класса лица призывались къ ю въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ всѣх наслѣдовали исключительно только по степени, такъ что, напр., отецъ вовсе отъ наслѣдства родителей матери; природные восходящіе не сь никакимъ преимуществомъ пе одящими по усыновленію и наслѣ ствѣ съ ними; родные братья и наслѣдовали тоже вмѣстѣ; дѣти братьевъ и сестеръ устранялись отъ ихъ родителями, но въ случаѣ ти заступали ихъ мѣсто, по праву ніи; наконецъ, восходящіе не исклю овей и дочерей родныхъ братьевъ и либъ при открытіи наслѣдства ни братьевъ и сестеръ не было уже въ

всѣми этими лицами наслѣдство дѣ къ: когда наслѣдовали одни восхо мать и отецъ дѣлили наслѣдство точно также дѣлили наслѣдство и съ отцовской или материнской принадлежащіе къ одной степени; наслѣдовали вмѣстѣ восходящіе съ ной стороны, то наслѣдство дѣли ъ равныя половины, изъ которыхъ учали восходящіе съ отцовской сто другую восходящіе со стороны ма ъ тѣ такъ и другіе дѣлили достав ъ половину наслѣдства между собою Когда наслѣдовали одни родные сестры, или вмѣстѣ съ ними все то всѣ дѣлили между собою наслѣд ловно: во всѣхъ же прочихъ слу дство дѣлилось поголовно или по смотря по тому, сами ли лица на или ихъ не было уже въ живыхъ ъ заступали ихъ сыновья или

ъ восходящіе призывались къ этому наслѣдованію, то они особливаго права пользованія въ части наслѣдства не получали.

Въ *третьемъ* классѣ призывались къ наслѣдованію, во-первыхъ, сводные братья и сестры, какъ единоутробные, такъ и единокровные, и наравнѣ съ ними усыновленные вполнѣ на правахъ единокровныхъ и незаконнорожденные, въ качествѣ единоутробныхъ; во-вторыхъ, сыновья и дочери сводныхъ сестеръ и братьевъ, именно: законные сыновья и дочери братьевъ, законные и незаконные сестеръ. Всѣ эти лица наслѣдовали на тѣхъ же основаніяхъ, какъ родные братья и сестры и ихъ сыновья и дочери.

Наконецъ, въ *четвертомъ* классѣ наслѣдовали всѣ вообще боковые родственники, за исключеніемъ только тѣхъ, которые отнесены ко второму и третьему классамъ, именно братьевъ и сестеръ и ихъ сыновей и дочерей. Принадлежащіе къ этому разряду боковые родственники наслѣдовали безъ различія родныхъ отъ сводныхъ (единокровныхъ и единоутробныхъ) и отъ состоящихъ въ родствѣ по полному усыновленію. Точно также и незаконнорожденные наслѣдовали въ этомъ классѣ на основаніи общаго начала, по которому они считались родными по матери, а не по отцу. Ближайшіе по степени боковые родственники этой категоріи исключали дальнѣйшихъ; равно-близкіе наслѣдовали вмѣстѣ и дѣлили между собою наслѣдство не иначе, какъ поголовно.

Таковы были общія начала законнаго наслѣдованія во времена Юстиніана. Если лица одного класса не наслѣдовали, то мѣсто ихъ заступали лица слѣдующаго за нимъ класса; равнымъ образомъ, если лица ближайшей степени не вступали въ наслѣдство, то мѣсто ихъ занимали лица слѣдующей степени; но если одно или нѣсколько лицъ ближайшей степени сами устранялись отъ наслѣдства, а не всѣ, то слѣдующая имъ часть наслѣдства раздѣлялась между прочими наслѣдниками той же степени, и въ такомъ случаѣ лица дальнѣйшихъ степеней не принимали участія въ наслѣдованіи, хотя бы они по закону и призывались къ наслѣдованію, въ случаѣ смерти этихъ лицъ, вмѣсто ихъ.

Кромѣ родственниковъ, римское право призывало еще къ наслѣдованію: 1) дѣтей конкубины; 2) оставшагося въ живыхъ супруга; 3) нѣкоторыя юридическія лица.

Конкубинатъ — явленіе вполнѣ римское. Сначала полноправный бракъ былъ учрежде-

ніемъ исключительно римскимъ, и потому могъ существовать только между римскими гражданами и совершался по извѣстнымъ обрядамъ, обставленъ былъ извѣстными условіями. Всѣ другіе соединенія, не подходившія подъ эти условія, не почитались бракомъ. Такое исключительно-національное воззрѣніе на бракъ не могло удержаться навсегда, и рядомъ съ гражданскимъ римскимъ бракомъ появляется впослѣдствіи другой бракъ, по преторскому праву. Онъ отличался отъ перваго тѣмъ, что имѣлъ значеніе и послѣдствія брака, несмотря на то, что оба супруга или одинъ изъ нихъ не были римскіе граждане. Впослѣдствіи оба брака были уравнены. Рядомъ съ такими юридическими брачными отношеніями признаны и не юридическія, простое постоянное сожительство (concubinatus) мужчины и женщины. Такому сожительству придано тоже юридическій характеръ и послѣдствія. Дѣти, отъ него происшедшія, хотя и считались рожденными внѣ брака, однако отецъ ихъ до извѣстной степени признавался (прочіе незаконнорожденные считались не имѣющими отца). Вслѣдствіе этого образовалось правило, что если кто приживетъ въ законно признанномъ конкубинатѣ дѣтей, признаетъ ихъ за своихъ, воспитаетъ и потомъ умретъ, не оставя послѣ себя ни законныхъ дѣтей, ни законной жены, то всѣ такіе прижитые въ конкубинатѣ дѣти, сколько бъ ихъ не было, получаютъ изъ его имущества всего двѣ унціи; матери ихъ выдѣляется изъ тѣхъ же двухъ унцій равная съ дѣтьми часть; но потомство дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ, не призвалось къ наслѣдству. О наслѣдованіи конкубины, если у нея не было дѣтей, ничего не постановлено; но есть мнѣніе, что она въ такомъ случаѣ получала одну унцію. Что касается до отца дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ, то и онъ получалъ изъ ихъ имущества двѣ унціи, если послѣ нихъ не осталось ни законнаго потомства, ни законныхъ супруговъ.

Вдова недостаточнаго состоянія и не получившая приданаго наслѣдовала послѣ мужа, если онъ имѣлъ порядочное состояніе, имѣетъ съ дѣтьми, а слѣдовательно и со всѣми другими наслѣдниками. Величина ея наслѣдственной части опредѣлялась по числу прочихъ наслѣдниковъ. Если дѣтей было трое или менѣе, то она получала одну четвертую часть наслѣдства; если ихъ было болѣе, то часть равную съ каждымъ изъ нихъ; когда же наслѣдовали не дѣти, то, по мнѣнію [illegible] ныхъ, вдовѣ должна была доставаться [illegible] комъ случаѣ одна четвертая часть [illegible] ства; другіе же полагаютъ, что и [illegible] случаѣ дѣйствовали тѣ же правила [illegible] при наслѣдованіи дѣтей. Должно [illegible] что наслѣдствешная часть вдовы [illegible] превышать ни въ какомъ случаѣ ста [illegible] золота и что въ эту часть зачиталось [illegible] что ей доставалось изъ наслѣдства [illegible] другимъ основаніямъ, напр., по жи [illegible] Наконецъ, если вдова наслѣдовала [illegible] дѣтьми, то она не имѣла права [illegible] или иначе отчуждать доставшееся [illegible] мужа наслѣдство, но обязана была [illegible] его для дѣтей.

Если у умершаго вовсе не было [illegible] ковъ, то имущество его переходило [illegible] порядкамъ, въ которыхъ онъ состоял [illegible] конецъ, къ казнѣ (fiscus).

Изложенныя начала законнаго нас [illegible] нія по римскому праву легли въ о [illegible] новыхъ западно-европейскихъ зако [illegible] ныхъ законодательствъ, но съ важны [illegible] неніями. Понятіе о юридическомъ [illegible] въ которомъ сохранились воспоминан [illegible] вопачальномъ политическомъ и граж [illegible] бытѣ римлянъ, не имѣло никакого [illegible] для новыхъ народовъ и потому им [illegible] нено. Самое кровное родство, пос [illegible] къ разложенію этого быта, съ пол [illegible] другихъ началъ гражданской и поли [illegible] жизни у новыхъ народовъ, оказало [illegible] примѣненіи къ порядку законнаго [illegible] ванія недостаточнымъ. Оттого нѣко [illegible] конодательства ограничиваютъ его, [illegible] стараются замѣнить новымъ началом [illegible] рода попытки чрезвычайно любопыт [illegible] отношеніи, что показываютъ стрем [illegible] мѣнить новыя начала общественнаг [illegible] законному наслѣдованію и привест [illegible] такое же соотвѣтствіе между собою, [illegible] они были въ древнемъ мірѣ.

Для образца и примѣра, я предста [illegible] въ главныхъ чертахъ, два порядка [illegible] наслѣдованія у новыхъ народовъ, су [illegible] различные между собою, именно [illegible] дательствамъ французскому и пру [illegible]

Порядокъ законнаго наслѣдованія [illegible] ламъ французскаго права [1])

Гражданскій кодексъ Наполеона п [illegible]

[1]) *Zachariae* Cours de droit civil franç [illegible] et Rau. Paris 1857 T. 5, §§ 597—608

слѣдство дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна идетъ въ отцовскую линію, а другая въ материнскую. За недостаткомъ родственниковъ, способныхъ наслѣдовать въ одной линіи, наслѣдство достается исключительно другой. Въ каждой изъ двухъ линій наслѣдство достается наслѣдникамъ независимо отъ другой, вообщемъ, изложеннымъ выше правиламъ наслѣдованія; но это правило не распространяется на братьевъ и сестеръ сводныхъ и ихъ нисходящихъ, ибо они исключаютъ отъ наслѣдства всѣхъ восходящихъ (кромѣ отца и матери) и всѣхъ боковыхъ родственниковъ четвертаго разряда. Далѣе, правило это ограничивается въ томъ случаѣ, когда по раздѣленіи наслѣдства между двумя линіями, отецъ или мать наслѣдуютъ вмѣстѣ съ боковыми родственниками четвертаго класса: изъ части, достающейся послѣднимъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, отецъ или мать получаютъ одну треть въ пользованіе, подчиняясь однако всѣмъ условіямъ этого вида вещнаго права, напримѣръ, обязаны дать обезпеченіе. Тотъ, кто принадлежитъ вмѣстѣ и къ отцовской и къ материнской линіи, наслѣдуетъ по обѣимъ линіямъ, но не исключаетъ тѣмъ отъ наслѣдованія родственниковъ, принадлежащихъ къ одной линіи.

Таковы общія начала наслѣдованія по закону во французскомъ правѣ. Особенныя правила для каждаго класса заключаются въ слѣдующемъ:

Въ *первомъ* разрядѣ наслѣдуютъ потомки умершаго, законные и узаконенные, какъ происходящіе отъ одного отца и матери, такъ и родившіеся отъ разныхъ браковъ. Усыновленные наслѣдуютъ и послѣ природныхъ родителей, и послѣ усыновителей, но не наслѣдуютъ послѣ восходящихъ родственниковъ послѣднихъ; равнымъ образомъ, дѣти усыновленнаго не призываются къ наслѣдованію послѣ усыновителя. Между лицами, призываемыми въ этомъ разрядѣ къ наслѣдованію, наслѣдство дѣлится поголовно, если они одной степени и наслѣдуютъ по своему праву, и поколѣнно,—если они по праву представленія вступаютъ въ степень умершаго лица.

Во *второмъ* классѣ получаютъ свою часть отецъ и мать, и за тѣмъ къ наслѣдству призываются братья и сестры умершаго, законные или узаконенные, и ихъ законные или узаконенные потомки. Усыновленные, сохраняя права наслѣдованія въ семействѣ, къ которому при-

надлежатъ по рожденію, не участв
наслѣдствѣ, послѣ усыновленія кѣ
потомствомъ; также точно и послѣ
участвуютъ въ наслѣдствѣ, которое
ленный получаетъ отъ своихъ р
Только въ извѣстныхъ случаяхъ зако
потомству усыновителя право требо
усыновленнаго возврата вещей, полу
имъ отъ него, или изъ его наслѣд

Во второмъ классѣ родные и
братья и сестры наслѣдуютъ на о
правахъ; только къ своднымъ бра
правила о раздѣлѣ наслѣдства на д
—отцовскую и материнскую. Что к
до потомковъ братьевъ и сестеръ.
наслѣдуютъ не только по праву пре
нія, но и на основаніи самостоятельно
и потому исключаютъ изъ наслѣдст
восходящихъ, кромѣ отца и матери
другихъ боковыхъ родственниковъ. Р
родители наслѣдуютъ вмѣстѣ съ бра
сестрами умершаго и ихъ законны
узаконенными потомками. Усыновлен
наслѣдуетъ съ ними, а имѣетъ лиш
требовать возвращенія вещей, имъ

Между всѣми этими лицами, призы
къ наслѣдованію во второмъ классѣ,
ство дѣлится слѣдующимъ образом
и мать получаютъ каждый одну чет
всего наслѣдственнаго имущества
тельно вмѣстѣ половину наслѣдст
кого либо изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ
дующая ему часть достается не ост
въ живыхъ родителю, а прочимъ
камъ; если же оба родители уже у
все наслѣдство достается прочимъ
камъ. Эти остальные наслѣдники,
видѣли, суть братья и сестры и их
ство. Между ними оно дѣлится
или поколѣнно, на основаніи общ
вилъ. Но если братья и сестры по
шли отъ одного брака, то наслѣ
лится на двѣ равныя половины ме
скою и материнскою линіями; за т
дѣляется часть каждаго изъ бр
сестеръ въ той и другой половинѣ
родные братья и сестры съ ихъ по
получаютъ слѣдующія имъ части
другой половины, единокровные—то
слѣдующія имъ по отцовской линіи,
утробные части слѣдующія имъ по
ской линіи: другими словами, они
вдное менѣе противъ родныхъ бр
сестеръ умершаго.

О *третьему* разряду наслѣдуютъ восхо
по отцовской и по материнской ли
ъ. Наслѣдство, согласно съ этимъ, дѣ
на двѣ равныя половины, изъ кото
восходящіе со стороны матери дѣлятъ
собою одну, а восходящіе со стороны
другую половину. Принадлежащіе къ
и другой категоріи наслѣдуютъ въ
хъ.

Наконецъ, въ *четвертомъ* классѣ наслѣ
всѣ боковые родственники, за исклю
емъ братьевъ и сестеръ и ихъ нисхо
ихъ. Замѣтить должно, что четвертый
ядъ призывается къ наслѣдству не только
омъ случаѣ, когда лицъ, принадлежа
къ тремъ предыдущимъ разрядамъ
вовсе, но и тогда, когда нѣтъ восходя
по той или другой линіи, т.-е. или со
ны отца, или со стороны матери. Итакъ,
есть восходящіе родственники только
ной стороны, то имѣетъ съ ними при
тся къ наслѣдованію боковые родствен
съ другой стороны, но только до двѣ
атой степени включительно. Если же
лицахъ вовсе нѣтъ, то наслѣдство дѣ
на двѣ равныя части, изъ которыхъ
достается боковымъ родственникамъ со
ны отца, а другая боковымъ родствен
мъ со стороны матери. Принадлежащіе
той и другой наслѣдуютъ въ обѣихъ по
ахъ. Ближайшія степени исключаютъ
лѣнія: лица одной степени дѣлятъ на
ство поголовно.

ромѣ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству
быкновенномъ порядкѣ, по правиламъ,
ыя изложены выше, французское закопо
льство допускаетъ къ наслѣдованію по
имъ правиламъ: незаконнорожденныхъ,
ства, благотворительныя заведенія и го
рство. Всѣ эти лица, за исключеніемъ
конорожденныхъ, наслѣдуютъ въ такомъ
случаѣ, когда послѣ умершаго нѣтъ
дниковъ, т.-е. нѣтъ законныхъ родствен
въ, которые имѣли бы право наслѣдо
. Наслѣдованіе послѣ незаконнорожден
не оставившаго потомства, происходитъ
по особичнымъ правиламъ.

Незаконнорожденные не считаются наслѣд
ки. Но тѣ изъ нихъ, которые признаны,
ваютъ нѣкоторую часть изъ наслѣдства
изъ родителей, который ихъ призналъ,
ъ наслѣдства послѣ обоихъ, если не
конорожденный признанъ и отцомъ и
рью, хотя бы умершій оставилъ послѣ
себя другихъ наслѣдниковъ, какого бы го
ни было разряда или класса. Часть, слѣдую
щая незаконнорожденному изъ наслѣдства,
опредѣляется различно, смотря по тому, къ
какому разряду принадлежатъ прочіе наслѣд
ники. Если умершій оставилъ наслѣдниковъ
перваго разряда, то незаконнорожденному
достается треть той части, какую бы онъ
получилъ, еслибъ былъ законнорожденный;
если второго или третьяго разряда, то поло
вину такой же части, т.-е. половину всего
наслѣдства. Когда незаконнорожденныхъ нѣ
сколько, то всѣ они вмѣстѣ получаютъ тоже
половину наслѣдства и дѣлятъ ее между со
бою поголовно. Наконецъ, если послѣ умер
шаго остались только наслѣдники четвертаго
класса, то незаконнорожденные получаютъ
всѣ вмѣстѣ три четверти той части, которая
досталась бы имъ, еслибъ они были закон
ные, другими словами, три четверти всего
наслѣдства, и дѣлятъ между собою тоже по
головно. Но если отецъ еще при жизни далъ
незаконнорожденному половину той части,
которая ему слѣдуетъ, и она была принята
послѣднимъ и при этомъ отецъ объявилъ,
что онъ съ намѣреніемъ уменьшилъ часть,
слѣдующую незаконнорожденному, то послѣд
ній теряетъ право получить что бы то ни
было изъ наслѣдства. Если онъ получилъ отъ
отца меньше половины, то во всякомъ случаѣ
имѣетъ право потребовать изъ наслѣдства
недостающее до половины; а если болѣе по
ловины, то обязанъ возвратить излишнее
противъ слѣдующей ему части.

Законнорожденныя или узаконенныя дѣти
незаконнорожденныхъ получаютъ вмѣсто по
слѣднихъ слѣдующую имъ часть по праву
представленія. Если послѣ умершаго вовсе
не осталось наслѣдниковъ по закону, то все
наслѣдство переходитъ къ признаннымъ его
незаконнымъ дѣтямъ, а за недостаткомъ ихъ,
къ ихъ законному потомству. Напримѣръ, если
бы часть незаконнорожденнаго была умень
шена самимъ отцомъ, на основаніи наложен
ныхъ выше правилъ, то остающееся за тѣмъ
имущество достается оставшемуся въ жи
выхъ супругу или, за недостаткомъ его, го
сударству, развѣ будетъ доказано, что часть
незаконнорожденнаго была уменьшена умер
шимъ не изъ нелюбви къ нему, но въ виду
другихъ наслѣдниковъ, которые или не хо
тятъ или не могутъ наслѣдовать.

У кого нѣтъ и незаконныхъ дѣтей, имъ
признанныхъ, послѣ того наслѣдуетъ закон-

ный *супругъ*, оставшійся въ живыхъ. Только разводъ, а не отлученіе отъ ложа, уничтожаетъ взаимное право наслѣдованія супруговъ. Когда бракъ, заключенный противозаконно по невѣдѣнію или ошибкѣ, объявленъ недѣйствительнымъ еще при жизни обоихъ супруговъ, то право взаимнаго ихъ другъ послѣ друга наслѣдованія уничтожается; если же подобное объявленіе послѣдуетъ послѣ смерти одного изъ супруговъ, то другой, оставшійся въ живыхъ, не виноватый въ заключеніи брака, сохраняетъ полученное наслѣдство.

Если послѣ умершаго не останется въ живыхъ и супруга, то наслѣдство поступаетъ къ *государству*. Преимуществомъ передъ государствомъ пользуются однако въ этомъ случаѣ иногда *благотворительныя заведенія* (hospices). Они наслѣдуютъ послѣ дѣтей, въ нихъ содержащихся, если эти дѣти умрутъ здѣсь не достигнувъ совершеннолѣтія, или прежде эмансипаціи. Подобною же привиллегіей пользуются, на основаніи особливыхъ законовъ, разныя другія благотворительныя учрежденія.

Для наслѣдованія послѣ незаконнорожденныхъ постановлены особенныя правила, необходимыя уже потому, что кругъ ихъ родства опредѣляется иначе, чѣмъ законнорожденныхъ. По этимъ правиламъ послѣ незаконнорожденныхъ наслѣдуютъ ихъ нисходящіе, на основаніи общихъ постановленій. За недостаткомъ ихъ, послѣ незаконнорожденныхъ непризнанныхъ наслѣдуютъ оставшійся въ живыхъ супругъ, государство, благотворительныя заведенія, а послѣ признанныхъ — тотъ изъ родителей, который ихъ призналъ, или оба по равнымъ частямъ, если они признаны обоими. Если родителей нѣтъ, то наслѣдство переходитъ къ незаконнорожденнымъ братьямъ и сестрамъ, признаннымъ родителями, къ ихъ потомкамъ, законнымъ или узаконеннымъ, а затѣмъ къ оставшемуся въ живыхъ супругу и наконецъ къ государству. Послѣ лицъ, происшедшихъ отъ кровосмѣшенія и прелюбодѣянія, наслѣдство переходитъ къ нисходящимъ, но не можетъ переходить къ родителямъ и незаконнымъ братьямъ и сестрамъ.

Кромѣ обыкновеннаго наслѣдованія по общимъ и особеннымъ правиламъ, во французскомъ правѣ существуетъ еще особливый видъ наслѣдованія, состоящій въ томъ, что имущество, безвозмездно достающееся лицу, умершему безъ потомства, возвращается [illegible] виѣ наслѣдства или къ тому лицу, [illegible] торато оно досталось, или къ его [illegible] Такое возвращеніе имущества [illegible] технически reéour successoral и [illegible] по опредѣленнымъ, подробнымъ [illegible] На основаніи этихъ правилъ, право возвращенія пользуется усыновитель [illegible] тельно имущества, подареннаго [illegible] жизни усыновленному, если тотъ [illegible] пи умеръ, не оставя послѣ [illegible] или узаконенныхъ потомковъ, [illegible] и незаконнорожденные не препятствуютъ усыновителю воспользоваться [illegible] вомъ; онъ сохраняетъ его даже послѣ [illegible] няго изъ потомковъ усыновленнаго, [illegible] безъ потомства. Такое же право [illegible] лено всякому законному восходящему [illegible] ственнику относительно имущества [illegible] даго имъ одному изъ своихъ нисходящихъ, когда послѣдній не оставилъ послѣ [illegible] конныхъ или узаконенныхъ потомковъ. [illegible] этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ [illegible] повленные и незаконнорожденные [illegible] не препятствуютъ ему воспользоваться [illegible] имъ правомъ. Послѣдніе не имѣютъ [illegible] права наслѣдованія въ такомъ [illegible] Далѣе: такимъ же правомъ пользуются [illegible] конные и узаконенные потомки усыновителя [illegible] относительно имущества, которое [illegible] досталось усыновленному, умершему [illegible] конныхъ и узаконенныхъ потомковъ, [illegible] томъ только случаѣ, когда самъ усыновитель [illegible] не захочетъ или не можетъ воспользоваться [illegible] этимъ правомъ. Впрочемъ, это право [illegible] етъ самостоятельное, такъ что оно [illegible] лежитъ имъ, хотя бы они не были [illegible] послѣ усыновителя и по закону [illegible] права представлять его лицо. Законные и узаконенные потомки [illegible] матери признаннаго незаконнорожденнаго [illegible] имѣютъ право требовать возвращенія [illegible] щества, полученнаго этимъ незаконнорожденнымъ отъ своихъ родителей, если [illegible] оставилъ послѣ себя никакого [illegible] т.-е. ни законныхъ, ни узаконенныхъ, [illegible] усыновленныхъ, ни незаконнорожденныхъ [illegible] наслѣдниковъ по восходящей линіи.

Замѣтить должно, что право [illegible] не переходитъ къ наслѣдникамъ [illegible] кому оно предоставлено, если самъ [illegible] имъ не воспользовался. Сверхъ [illegible] обусловлено разными подробностями [illegible] бешности касательно востребуемаго

ія я опускаю въ настоящемъ обо-

бразомъ порядокъ законнаго на-
по французскому законодатель-
вое, хотя и существенно-испра-
ное римскаго. Удержавшіеся въ
правѣ остатки юридическаго род-
ственно исчезаютъ во французскомъ
ѣтѣ съ тѣмъ, послѣдніе слѣды
мужчины и женщины, еще со-
въ Юстиніановомъ законодатель-
тельно порядка законнаго наслѣ-
ній устранены; это видно изъ
наслѣдства между родственниками
ери на двѣ равныя части, въ при-
слѣдованію незаконнорожденныхъ
жены, въ уравненіи въ правахъ
родныхъ братьевъ и сестеръ съ
динокровными и единокровными.
законныхъ дѣтей въ наслѣдованіи
законными представляетъ тоже
развитіе римскихъ возврѣній.

*законнаго наслѣдованія по нача-
лу законодательства* [1]).

ный порядокъ законнаго наслѣ-
прусскому праву, какъ и по фран-
обще говоря, построенъ на на-
нѣйшаго римскаго права, съ нѣ-
рако важными отъ него отступ-
именно: незаконнорожденные на-
ажъ и по римскому праву, только
ри, а не послѣ отца, но законно-
имѣютъ предъ ними нѣкоторое
во, неизвѣстное римскому праву;
коннорожденные не наслѣдуютъ
твенниковъ матери; только неза-
ные, происшедшіе отъ одной ма-
дуютъ другъ послѣ друга. Нако-
дованіе усыновленнаго допускает-
ъ законодательствомъ по нача-
ялаго усыновленія: усыновленный
только послѣ усыновителя, а не
одныхъ; усыновитель же никогда
ъ послѣ усыновленнаго.

французскому праву, и прусское
наслѣдниковъ, въ извѣстныхъ слу-
стоящими наслѣдовать и устра-
ть наслѣдства. Эти случаи суть:
ставилъ умершаго, находившаго-
сти, безъ помощи, не смотря на
ть вызываемъ содержать его и

имѣлъ нужныя къ тому средства; когда кто помѣшалъ умершему составить завѣщаніе, или, напротивъ, принудилъ силою или побудилъ обманомъ сдѣлать завѣщаніе; когда кто отказался отъ наслѣдства, достающагося ему по завѣщанію или по договору. Законными наслѣдниками по закону, въ обыкновенномъ порядкѣ, могутъ быть только законнорожденные родственники и усыновленные, безъ всякаго ограниченія степеней. Право представленія прусскому праву неизвѣстно и, какъ будетъ показано ниже, оно особенно въ немъ не нуждается. Также неизвѣстно ему допущенное французскимъ правомъ ограниченіе законнаго наслѣдованія извѣстными степенями родства. Всѣ родственники считаются способными къ наслѣдованію, но не вмѣстѣ, а въ извѣстной постепенности, на основаніи которой къ наслѣдованію призывается ближайшій родственникъ, или нѣсколько родственниковъ вмѣстѣ, если они равноблизки къ умершему. Близость родства опредѣляется въ прусскомъ правѣ не степенями, не линіями, а предполагаемою степенью любви умершаго къ различнымъ его родственникамъ. Такимъ образомъ, порядокъ законнаго наслѣдованія дополняетъ только вѣроятную или предполагаемую волю умершаго; онъ признаетъ къ наслѣдованію тѣхъ, которые, безъ сомнѣнія, были бы назначены наслѣдниками самимъ умершимъ, еслибы онъ выразилъ свою волю въ завѣщаніи. Такой взглядъ на порядокъ законнаго наслѣдованія имѣетъ особенную важность въ двухъ отношеніяхъ: имъ не прямо признается, что нормальное основаніе наслѣдованія есть наслѣдованіе по завѣщанію, нормальное начало наслѣдованія —воля завѣщателя; въ то же время въ немъ высказывается не вполнѣ можетъ быть сознанная мысль, что генеалогическіе счеты, родословная лѣствица, сами по себѣ не представляютъ еще достаточно-твердаго основанія для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе такого воззрѣнія прусскій порядокъ законнаго наслѣдованія отличается отъ римскаго и всѣхъ другихъ доселѣ извѣстныхъ. По прусскому праву родственники раздѣляются на пять классовъ; каждый предшествующій классъ рѣшительно исключаетъ отъ наслѣдованія послѣдующіе, пока есть хотя одно лицо, къ нему принадлежащее. Въ *первомъ* классѣ наслѣдуютъ всѣ нисходящіе, безъ различія степени родства; во *второмъ* — отецъ

[1]) Lehrbuch des preussischen gemeinen Privatrechts. Berlin, 1857 и 1858. Т. 2, §§ 814—876.

и мать; въ *третьемъ*—родные братья и сестры и ихъ потомки, послѣдніе на основаніи собственнаго права, а не по праву представленія; въ *четвертомъ*—сводные братья и сестры съ ихъ потомствомъ, на томъ же основаніи, какъ и потомство родныхъ братьевъ и сестеръ; вмѣстѣ съ ними всѣ прочіе восходящіе родственники въ порядкѣ степеней; въ *пятомъ*—всѣ прочіе родственники, тоже въ порядкѣ степеней. Между многими равноблизкими наслѣдниками наслѣдство не всегда дѣлится исполовно, по нерѣдко и поколѣнно, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда по прочимъ законодательствамъ имѣетъ мѣсто право представленія. При этомъ могутъ наслѣдовать и другія лица, получающія изъ наслѣдства опредѣленную часть, или же часть, опредѣляемую по числу наслѣдниковъ.

Для наслѣдованія по классамъ постановлены слѣдующія правила:

Въ *первомъ* классѣ наслѣдуютъ всѣ происходящіе отъ умершаго въ нисходящей линіи. Вмѣстѣ съ ними можетъ наслѣдовать по чрезвычайному порядку оставшійся въ живыхъ супругъ. Всѣ нисходящіе, безъ различія степеней, наслѣдуютъ вмѣстѣ по собственному праву, исключая тѣхъ, которые отдѣляются посредствующимъ лицомъ отъ умершаго (дѣти при жизни отца): если всѣ нисходящіе принадлежатъ къ первой степени, то наслѣдство дѣлится поголовно; если же съ ними вмѣстѣ наслѣдуютъ нисходящіе дальнѣйшихъ степеней, то поколѣнно. Если ближайшій наслѣдникъ не хочетъ или не можетъ принять наслѣдства, то наслѣдуютъ его нисходящіе.

Во *второмъ* классѣ наслѣдуютъ только отецъ и мать, по равнымъ частямъ. Съ ними вмѣстѣ могутъ наслѣдовать супругъ, дѣти отъ морганатическаго брака въ третьей части или въ половинѣ наслѣдства, и незаконнорожденные въ шестой части.

Въ *третьемъ* классѣ призываются къ наслѣдству родные братья и сестры умершаго, также ихъ потомство, по собственному праву, безъ различія степеней, поколѣнно. Съ ними вмѣстѣ могутъ наслѣдовать по чрезвычайному порядку тѣ же лица, которыя исчислены во второмъ классѣ: супругъ, дѣти отъ морганатическаго брака и незаконнорожденные.

Въ *четвертомъ* классѣ наслѣдуютъ вмѣстѣ по порядку степеней, всѣ восходящіе родственники, кромѣ отца и матери, въ половинѣ наслѣдства; равно близкіе и дѣлятъ слѣдующую имъ часть по другая половина наслѣдства достается ... нымъ братьямъ и сестрамъ и ихъ ... безъ различія степени, поколѣнно ... тичіе единокровныхъ и единоутроб... происхожденіе оставляемаго имъ ... имущества не обращается вниманія.

Наконецъ, въ *пятомъ* классѣ [illegible] всѣ прочіе родственники, въ томъ ... сводные, въ порядкѣ степеней родст... ближе дѣлятъ наслѣдство поголов... стѣ съ близкими родственниками ... степени включительно наслѣдуютъ ... дѣленной части, супругъ и дѣти отъ ... натическаго брака; родственники ... нѣйшихъ степеней устраняются ... слѣдованія; незаконнорожденные ... вмѣстѣ съ отдаленнѣйшими родст... этого класса, но не болѣе какъ ... части всего наслѣдства.

По чрезвычайному порядку наслѣ... къ наслѣдству призываются остав... живыхъ супругъ, морганатическія ... ные дѣти, воспитатели и казна.

Супругъ имѣютъ взаимное право ... вания одинъ послѣ другаго, при чемъ ... чина части опредѣляется различно, ... потому, какія были между ними имущ... ные отношенія и съ какими родст... они наслѣдуютъ вмѣстѣ. Если между ... гами не было общенія имущества, то ... шійся въ живыхъ супругъ получаетъ ... ть наслѣдства: при нисходящихъ — ... часть съ дѣтьми умершаго, но ни въ ... случаѣ не болѣе четвертой части на... слѣдства; при восходящихъ, братьях... страхъ или ихъ сыновьяхъ и дет... третью часть; при другихъ родствен... до шестой степени включительно — ... ну; при дальнѣйшихъ родственникахъ ... наслѣдство. Кромѣ того, если послѣ... шаго не было нисходящихъ, то ост... въ живыхъ супругъ получаетъ, не ... наслѣдства и потому быть обязанность ... чать за долги, всѣ находившіяся ... дневномъ употребленіи столовыя и ... ныя вещи, мебель и домашнюю утва... они не составляли принадлежности по... наго участка или какого нибудь пра... rechtigkeit); если же между супруг... шествовало общеніе имущества, то ... шійся въ живыхъ супругъ, наслѣдуя ... съ неотдѣленными дѣтьми, получае...

основаніи, то есть не въ видѣ
а, платье, постель и посильное
значеніи для его собственнаго упо-
, а изъ остального половину по
ственности, а не какъ наслѣдство;
же вмѣстѣ съ отдѣленными дѣть-
шійся въ живыхъ супругъ получа-
же часть изъ наслѣдства, какъ и
случаѣ, когда между нимъ и умер-
было общенія имуществъ; наслѣд-
же часть дѣтей, сверхъ того, по-
въ пожизненное пользованіе. Если
ся супругъ наслѣдуетъ вмѣстѣ съ
ыми и неотдѣленными дѣтьми, то
учаетъ свою наслѣдственную часть
что достанется первымъ, остальное
слѣдующее имъ наслѣдство удержи-
пожизненномъ пользованіи. Впро-
таншемуся въ живыхъ супругу пре-
о право требовать, чтобъ движи-
ла раздѣлена въ натурѣ или прода-
убличнаго торга. Въ первомъ случаѣ
ся супругъ выбираетъ себѣ одну
затѣмъ не имѣетъ уже никакого
зованія на тѣ части, которыя до-
прочимъ сонаслѣдникамъ.

ными правами наслѣдованія остав-
живыхъ супругъ пользуется на ос-
дственнаго полноправнаго брака,
ижагося до кончины другого супру-
олное отлученіе отъ ложа и стола
пругами римско-католическаго испо-
имѣетъ одинакія послѣдствія съ раз-

родившіяся отъ *морганатическаго*
слѣдуютъ послѣ матери и ея род-
они послѣ такихъ дѣтей, на общемъ
; но послѣ отца послѣднія наслѣ-
такомъ лишь случаѣ, когда у него
томства отъ полноправнаго брака.
ъяснить эти различія, должно замѣ-
въ Пруссіи существуетъ, если не
нительности, то въ законѣ, учреж-
ень сходное съ римскимъ конкуби-
и притомъ только для лицъ муже-
ла, принадлежащихъ къ высшему
когда они вступаютъ въ бракъ съ
ми низшихъ званій. Церковь не зна-
ъ различій между браками; по пе-
ескимъ законамъ, такой неравный
ть лишь сожительство двухъ лицъ
хъ половъ, не имѣвшее всѣхъ по-
полноправнаго брака. Какъ сказа-
родившіяся отъ морганатическаго
брака не наслѣдуютъ вмѣстѣ съ потомствомъ отъ полноправнаго брака, но лишь съ полноправною женою и прочими родственниками отца, до шестой степени включительно, а дальнѣйшихъ родственниковъ они исключаютъ отъ наслѣдства. Они получаютъ, сверхъ необходимаго для ихъ содержанія и воспитанія, треть изъ наслѣдства, сколько останется за вычетомъ части, слѣдующей вдовѣ, если ихъ всего трое, и половину, если ихъ больше. Если бы и дальнѣйшее потомство происходило отъ морганатическаго брака, то и оно, не смотря на то, пользуется тѣмъ же правомъ наслѣдованія. Когда они наслѣдуютъ вмѣстѣ съ одною вдовою, то послѣдняя получаетъ изъ наслѣдства только слѣдующую ей часть.

Незаконнорожденные, безъ различія, наслѣдуютъ послѣ матери, а она послѣ нихъ, но съ слѣдующими льготами: въ вещахъ, бывшихъ въ употребленіи матери (die Gerade), они наслѣдуютъ въ такомъ лишь случаѣ, когда нѣтъ законнаго потомства; далѣе, если у матери есть законныя дѣти, то незаконнорожденные не наслѣдуютъ послѣ нея въ той части имущества, которое досталось ей отъ отца ея законныхъ дѣтей. Тоже правило распространяется на законныхъ потомковъ незаконнорожденныхъ относительно ихъ бабки. Послѣ родственниковъ матери незаконнорожденные не наслѣдуютъ, исключая незаконнорожденныхъ братьевъ и сестеръ по матери и ихъ законныхъ потомковъ, хотя бы братья и сестры произошли отъ различныхъ отцовъ. Сопричтеніе незаконнорожденныхъ къ законнымъ не измѣняетъ этихъ отношеній по наслѣдованію. Послѣ отца незаконнорожденные и ихъ законные потомки наслѣдуютъ только въ такомъ случаѣ, когда у него нѣтъ потомства отъ законнаго или морганатическаго брака, и притомъ не болѣе какъ въ шестой части наслѣдства, сколько его окажется за вычетомъ указной части женѣ. Величина части, достающейся незаконнымъ дѣтямъ послѣ отца, ни въ какомъ случаѣ не измѣняется, хотя бы сонаслѣдникомъ ихъ, за недостаткомъ родственниковъ, была казна. Эту шестую часть незаконнорожденные дѣлятъ между собою поголовно, ихъ законные потомки — поколѣнно. Незаконнорожденные, не получившіе еще воспитанія, имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, потребовать вмѣсто слѣдующей имъ части такую сумму, какая необходима для доверше нія ихъ воспи-

тавія. Величина ея опредѣляется судомъ. Если умершій оставилъ также и законныхъ дѣтей, то эта часть можетъ быть выдѣляема только изъ ежегодныхъ доходовъ и не можетъ превышать общей суммы ихъ; если же послѣ умершаго остались не дѣти, а другіе наслѣдники, то незаконнорожденнымъ можетъ быть выдѣлена недостающая часть и изъ капитала. Если остались законныя дѣти, не получившія еще воспитанія, и доходъ съ наслѣдства недостаточенъ для воспитанія всѣхъ, то онъ распредѣляется между всѣми дѣтьми, не получившими еще воспитанія, такъ что каждый законный ребенокъ получаетъ вдвое болѣе противъ незаконнорожденнаго: если же доходовъ нѣтъ, или если законныя дѣти потребятъ самое наслѣдство, то незаконнорожденные остаются ни при чемъ.

Право наслѣдованія принадлежитъ также тѣмъ, которые *по благотворительности содержали умершаго*. Они призываются къ наслѣдованію въ оставшемся послѣ него имуществѣ. Такимъ правомъ пользуются: 1) воспитатели послѣ своего питомца, предпочтительно передъ тѣми его родственниками, которые умышленно отказались отъ попеченія объ немъ, хотя и имѣли къ тому всѣ средства; 2) частныя лица, которыя кормили и содержали умершаго взамѣнъ его зажиточныхъ родственниковъ, оставившихъ его безъ помощи, не смотря на то, что ихъ приглашали озаботиться о судьбѣ роднаго; наконецъ 3) общественныя благотворительныя заведенія для бѣдныхъ, при подобныхъ же условіяхъ, и сиротскія заведенія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ.

Затѣмъ имущество, остающееся вовсе безъ наслѣдниковъ, поступаетъ въ казну.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, порядокъ законнаго наслѣдованія по прусскому праву. Онъ существенно отличается отъ римскаго и французскаго тѣмъ, что предоставляетъ бо́льшія права наслѣдованія супругу и даетъ преимущество отцу и матери передъ всѣми прочими боковыми родственниками. Въ немъ, далѣе, нѣтъ права представленія; но при допущеніи поколѣннаго раздѣла наслѣдства, это отличіе не имѣетъ особенно важныхъ практическихъ послѣдствій. Въ остальномъ, прусскій порядокъ законнаго наслѣдованія представляетъ многія общія или по крайней мѣрѣ сходныя черты съ римскимъ и французскимъ, отличаясь отъ нихъ лишь подробностями, которыя объясняются особенностями нѣмецкой національности и ея исторического развитія. Но одна черта прусскаго [по]законнаго наслѣдованія придаетъ ему [осо]бенно чительный характеръ и болѣе всѣхъ [дру]гихъ заслуживаетъ вниманія: это отсутствіе [ста]рого юридическаго развитія, которое такъ [ре]зко бросается въ глаза въ римскомъ [пра]вѣ, такъ еще сильно отзывается во французскомъ. Прусское законодательство, [съ] этой точки зрѣнія, идетъ отъ того начала, что [наслѣ]дство достается предпочтительно тѣмъ [родст]венникамъ, которыя почему бы то ни было [ближе] чихъ къ умершему; кто къ нему [ближе], ему дорогъ, тотъ имѣетъ преимущество передъ тѣмъ, которыя по счету родства [ближе] дически, къ нему ближе, или по крайней мѣрѣ имѣетъ равныя съ нимъ права. [Такимъ] образомъ, рядомъ съ юридическимъ [порядком] родства поставлено другое, которое [его] измѣняетъ его. Но это новое начало [не] ведено вполнѣ послѣдовательно, и [порядокъ] все-таки остается главнымъ основаніемъ [наслѣдо]рядка законнаго наслѣдованія, удержи[вая] многихъ случаяхъ преимущество [родства] никомъ передъ лицами дѣйствительно [ближ]кими къ умершему; однако и въ этихъ [случа]чаяхъ законъ старается по крайней мѣрѣ [обезпе]обезпечить воспитаніе и содержаніе [извѣстныхъ] лицъ, до тѣхъ поръ, пока они въ [томъ] ждаются. Права наслѣдованія остаются [за] супруга, воспитателя, незаконнорожденнаго [и] при законныхъ дѣтяхъ, объясняются [отчасти] двойственностью началъ законнаго [наслѣдо]ванія, и съ этой точки зрѣнія прусскій [порядокъ] порядокъ законнаго наслѣдованія имѣетъ [большое] ное преимущество передъ римскимъ [и фран]цузскимъ, не смотря на нѣкоторую [сложно]ность, многосложность и отсутствіе [строго] очерченныхъ юридическихъ формъ, и [все-таки] представляетъ шагъ впередъ въ [историче]скомъ развитіи порядка наслѣдованія [по] кону.

Всѣ изложенные выше различные [порядки] наслѣдованія имѣютъ, и каждый изъ [нихъ] особенности, существенно разнятся [отъ] нятаго въ нашемъ дѣйствующемъ [законода]тельствѣ. Не останавливаясь на [подроб]стяхъ, я укажу здѣсь, въ заключеніе, [главныя] мыя существенныя черты этого [порядка]. Онѣ приводятся къ слѣдующимъ [главнымъ] пунктамъ:

1) Порядокъ законнаго наслѣдо[ванія] русскому законодательству основанъ [на] довомъ началѣ, и потому различіе [между]

благопріобрѣтенныхъ играетъ въ
ма важную роль. Родовымъ имѣніемъ
споряжаться по завѣщанію; въ од-
ко случаѣ это дозволено, именно,
вѣщатели нѣтъ нисходящихъ, но
оряженіе должно быть сдѣлано въ
ена рода. Отсюда вытекаетъ, что
дѣднаго материнское имѣніе идетъ
матери, отцовское — въ родъ отца.
брѣтенное, по правилу, переходитъ
отца, и въ этомъ, между прочимъ,
ется преимущество мужского пола
енскимъ въ наслѣдованіи. Но рю-
ало не выдержано строго въ на-
онодательствѣ. Своднымъ братьямъ
ъ предоставлено равное право на-
въ благопріобрѣтенномъ имуще-
умершаго бездѣтнымъ и не оста-
вшемъ себя ни родныхъ братьевъ и
ни ихъ потомства; кромѣ того, при-
къ наслѣдованію родственники по
инии, которые очевидно принадле-
другому роду, если даже считать
шедшую замужъ въ другой родъ,
того рода, къ которому она принад-
рожденію. Такимъ образомъ, исто-
начало рода, лежащее въ основаніи
рядка законнаго наслѣдованія, усту-
сти новымъ понятіямъ о семейныхъ
шнихъ связяхъ, но чрезъ это про-
ѣшеніе началъ и непослѣдователь-
орой не находимъ въ другихъ евро-
законодательствахъ. Послѣдніе не
личія между родовыми и благо-
ными имуществами, не принимаютъ
основаніе порядка законнаго наслѣ-
Бракъ соединяетъ два рода на со-
равныхъ правахъ. Плодъ брака—
о близки родимъ отца и родимъ
такъ, средоточіемъ, исходнымъ пунк-
опредѣленія порядка законнаго на-
является не отвлеченное понятіе
преобладаніемъ мужского пола не-
скимъ, а семья, въ которой мужъ
или отецъ и мать, относительно на-
, юридически, совершенно равны.
е этого, законное наслѣдованіе по
французскому и прусскому пра-
отри на ихъ различіе въ подробно-
детализуетъ систематическое, строй-
, построенное по одному началу,
послѣдовательно проведено во всѣхъ
его приложеніяхъ. Когда семья
отправленія для опредѣленія по-

рядка законнаго наслѣдованія, то отсюда прямо вытекаетъ, что дѣти и нисходящее потомство должны имѣть преимущество предъ всѣми прочими; за недостаткомъ ихъ наслѣдство обращается къ ближайшимъ членамъ семьи—родителямъ, братьямъ и сестрамъ съ ихъ потомствомъ, къ восходящимъ, а потомъ уже къ прочимъ боковымъ родственникамъ. Напротивъ, если принять родовое начало за основаніе законнаго наслѣдованія, то изъ него не всегда можно послѣдовательно вывести преимущество нисходящихъ передъ восходящими и боковыми родственниками, или право наслѣдованія единоутробныхъ и родственниковъ по женской линіи.

2) Въ связи съ предыдущимъ находятся два другихъ важныхъ различія нашего порядка законнаго наслѣдованія отъ европейскихъ. Послѣдніе, проводя послѣдовательно свое начало наслѣдованія, совершенно уравниваютъ наслѣдственныя части мужчинъ и женщинъ, въ нисходящихъ, восходящихъ и боковыхъ линіяхъ. Наше законодательство сперва вовсе не допускало къ наслѣдованію женщинъ при мужчинахъ, когда тѣ и другіе принадлежатъ къ одной линіи и состоятъ въ одинаковой степени родства съ умершимъ; теперь же оно отчасти призываетъ къ наслѣдованію нисходящихъ женскаго пола, но въ боковыхъ линіяхъ удержало прежнее начало. Далѣе: иностранныя законодательства призываютъ къ наслѣдованію отца, мать и другихъ восходящихъ родственниковъ, давая имъ первенство то передъ родными братьями и сестрами, то передъ сводными и во всякомъ случаѣ передъ прочими боковыми родственниками. Наше законодательство даетъ родителямъ бездѣтно умершаго только право пожизненнаго пользованія въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ и, подъ извѣстными условіями, право наслѣдственнаго возвращенія (retour successoral), но не наслѣдованія въ настоящемъ смыслѣ слова. Всѣ прочіе затѣмъ восходящіе совершенно устранены отъ наслѣдованія, что, можетъ быть, тоже не всегда согласно съ родовымъ порядкомъ законнаго наслѣдованія.

3) Законодательства римское, французское и прусское допускаютъ наслѣдованіе незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ законнаго потомства, первое только послѣ матери и ея родственниковъ, послѣднія не только послѣ матери, но даже и послѣ отца. Наше законодательство безусловно отвергаетъ право на-

слѣдованія незаконнорожденныхъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему у насъ съ одной стороны такъ облегчено признаніе дѣтей законными, а съ другой такъ затруднено опровержение ихъ законности.

4) Наслѣдованіе по праву представленія превосходно обработано во французскомъ правѣ и строго отлично отъ наслѣдованія на основаніи собственнаго права. Въ нашемъ законодательствѣ право представленія существуетъ, но не развито юридически и не различено точнымъ образомъ отъ наслѣдованія по собственному праву, какъ ни важно это различіе при опредѣленіи наслѣдственныхъ частей.

5) Во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, которыхъ обозрѣніе представлено выше, между усыновителемъ и усыновленнымъ существуетъ право законнаго наслѣдованія, въ римскомъ конечно въ большей мѣрѣ, чѣмъ во французскомъ и прусскомъ, потому что въ послѣднихъ юридическое родство признается въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ римскомъ. Въ Сводѣ законовъ усыновленные наслѣдуютъ послѣ усыновителей во всѣхъ званіяхъ, кромѣ дворянскаго сословія, но нѣтъ рѣчи ни о наслѣдованіи усыновителя послѣ усыновленнаго, умершаго безъ потомства, ни даже о возвращеніи по наслѣдственному праву (retour successoral) имущества, подареннаго усыновителемъ усыновленному, когда послѣдній не оставитъ по себѣ потомства.

6) Рѣшительное преимущество нашего законодательства передъ иностранными состоитъ въ правѣ наслѣдованія супруговъ другъ послѣ друга. У насъ оставшійся въ живыхъ супругъ не только наслѣдуетъ наряду съ восходящими, но даже имѣетъ передъ ними разныя преимущества по наслѣдованію, а именно: часть его ни въ какомъ случаѣ не измѣняется и выдѣляется изъ наслѣдства непремѣнно въ полномъ количествѣ, а уже остающееся затѣмъ идетъ въ раздѣлъ между прочими наслѣдниками. Мало того: переживший супругъ получаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, слѣдующую ему часть наслѣдства изъ имѣнія тестя или свекра, еще при жизни ихъ. Такими преимуществами по наслѣдованію не пользуются супруги ни въ какомъ другомъ законодательствѣ. Римское право призываетъ къ наслѣдованію жену только въ опредѣленныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ; французское — когда нѣтъ другихъ родственниковъ; бли[жай]шему законодательству стоитъ въ этом[ъ от]ношеніи прусское, но и оно далеко [не] благопріятно для взаимнаго наслѣ[дованія] супруговъ, какъ наше. Нельзя однако [не] замѣтить, что особенности наслѣдованія [супру]говъ по Своду законовъ не столько [отли]чаются общими началами нашего [права] законнаго наслѣдованія, сколько [осо]бымъ юридическимъ положеніемъ [жены], оставшейся вдовою, особливо въ [семь]ѣ. Права наслѣдованія вдовы послѣ мужа [суще]ственно говоря, исправляли, до нѣ[которой] степени, несправедливость общихъ [законовъ] о наслѣдованіи лицъ женскаго пола. [Послѣ]дствія же преимущества и привиле[гіи] наслѣдованію вдовы послѣ мужа распро[стра]нены и на вдовца послѣ жены.

7) Право французское и прусское [не] имѣетъ двоякія основанія для устране[нія] коннаго наслѣдника отъ наслѣдования: *[сос]ловныя*, лишающія его вообще права [наслѣ]довать послѣ кого бы то ни было и *[лич]ныя*, въ силу которыхъ наслѣ[дникъ] устраняется отъ законнаго наслѣдования [отъ] извѣстнаго только лица, вслѣдствіе [того], нарушилъ въ отношеніи къ нему ро[дствен]ныя, нравственныя, человѣческія обяза[нности]. Наше законодательство признаетъ толь[ко] условныя причины устраненія отъ [наслѣд]ства; послѣдія, относительныя, см[ягчен]ныя, извѣстны.

8) Наконецъ, французское законодат[ельство] ограничиваетъ законное наслѣдование [до] степеню извѣстною (двѣнадцатою) сте[пенью]; устраняетъ отъ наслѣдства за нерод[ные] поступки; прусское даетъ преимуще[ство] наслѣдованіи постороннимъ, даже и [казен]скимъ лицамъ (заведеніямъ) передъ [родны]ми, когда посторонніе, чужіе, поступали [по от]вившимъ наслѣдство, при жизни с[воихъ] родные. Отсюда видно, что и фра[нцузское] и прусское законодательство, не о[бходя]сь родословными росписями, пр[изнаютъ] родство за основаніе законнаго наслѣ[дованія] въ той лишь мѣрѣ, какъ оно совпад[аетъ съ] дѣйствительно близкими, родственны[ми от]ношеніями, а не существуетъ только [формаль]чески, по одному имени. Въ нашемъ [законода]тельствѣ нѣтъ слѣдовъ никакихъ [подобн]ыхъ ограниченій въ наслѣдованіи р[одствен]никовъ.

Такимъ образомъ и историческое и [сравни]тельное изученіе нашего порядка за[конно]

дованія указываютъ на то, что ему стоитъ еще дальнѣйшее развитіе. По началамъ и въ какомъ объемѣ оно нится, — это будетъ зависѣть отъ хода развитія всей нашей общественной и частной жизни и отъ направленія, какое приметъ наше законодательство.

Спб., 1860 (отд. брошюра)

ОТВѢТЪ Г-НУ ЛОХВИЦКОМУ.

первой книжкѣ „Отечественныхъ За-“ за нынѣшній годъ напечатана статья вицкаго противъ рѣчи, читанной мною иломъ году на университетскомъ актѣ. этой статьи оцѣнитъ всякій. Но въ ромѣ личностей и брани, есть множе-ораженій. На эту часть статьи я счи-бязанностью отвѣчать.

Лохвицкому не нравится, что я разли-орядокъ наслѣдованія въ Новгородской ской Россіи. „Знаменитая мысль о раз-двухъ порядковъ наслѣдства“ (сѣвер-южнаго), говоритъ онъ, „разлетается ахъ отъ перваго прикосновенія. Будемъ ть ее шагъ за шагомъ“.

тоже прослѣдимъ шагъ за шагомъ до-г. Лохвицкаго, а напередъ напомнимъ амъ, какъ былъ поставленъ вопросъ Рѣчи“.

жде всего, я имѣлъ въ виду поземель-собственность, а не движимыя вещи, ыя по своему свойству очень рано ста-ся предметомъ произвольныхъ распоря-и обращаются въ личную собствен-Ссылаюсь въ доказательство на стр. 8 „Рѣчи“, гдѣ постоянно говорится о льномъ владѣніи, поземельной собствен-поземельныхъ правахъ. Тоже на стр. 12, и т. д. На 19 страницѣ я сказалъ, Русской Правдѣ „о наслѣдованіи *въ* не встрѣчаемъ ни слова, тогда какъ ковской Судной Грамотѣ упоминается чинѣ“. Г. Лохвицкому необходимо было ть въ сторонѣ это различеніе движи-ть недвижимости, на которомъ я вездѣ аю, считая его весьма важнымъ. И у него выходитъ, будто бы я забылъ цу, говоря о наслѣдованіи по закону,— что у насъ была неограниченная сво-завѣщаній! Нѣтъ, я не забылъ ее ни на одну минуту; но между распоряженіемъ въ завѣщаніи землею и распоряженіемъ движимостью—огромная разница; земля и вообще недвижимость должна была гораздо позднѣе сдѣлаться предметомъ произвольныхъ раздачъ дѣтямъ и постороннимъ, со стороны завѣщателей, чѣмъ движимыя вещи. Поэтому-то, встрѣчая въ Русской Правдѣ, и въ Псковской Судной Грамотѣ намеки или прямыя указанія на завѣщанія, я не спѣшу выводить отсюда, что и земля дѣлилась,—другими словами, что и она стала личною собственностью: а ищу болѣе положительныхъ свидѣтельствъ о раздѣлѣ ея завѣщателемъ между дѣтьми. Что завѣщанія были и очень рано— въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; я этого не отвергаю нигдѣ ни однимъ словомъ; но къ чему они относились, съ какого времени земля въ нихъ стала дѣлиться—это другой вопросъ. Г. Лохвицкій ссылается на новгородскія завѣщанія, напечатанныя въ „Юридическихъ Актахъ“: но ни одно изъ нихъ не восходитъ ранѣе XIV вѣка. Что *же* это за доказательство для временъ болѣе отдаленныхъ?

Особенно налегаетъ г. Лохвицкій на то, что наслѣдство по закону открывалось у насъ только въ видѣ исключенія, когда не было завѣщанія, и что свобода завѣщаній была неограниченная. Это должно разрушить въ корень всѣ мои выводы. Ему вѣроятно приходятъ на память, по поводу древней Россіи, сѣверо-американскія, французскія, англійскія и римскія учрежденія и понятія, которыя онъ такъ блистательно изобразилъ по Лаферьеру и Лабулэ въ началѣ своей статьи; вѣроятно ихъ онъ призываетъ на помощь для объясненія стариннаго русскаго быта. Но къ счастію или къ несчастію, наши старинные завѣщатели всего меньше были похожи на римскихъ главъ семействъ, и съ мыслью о

неограниченной свободѣ завѣщаній (которая ни въ одномъ изъ нашихъ старинныхъ памятниковъ не выражена какъ юридическое начало) у нихъ вовсе не соединилось ни римскихъ, ни англійскихъ понятій. Даже гораздо позднѣе наши завѣщанія больше выражали религіозное настроеніе человѣка передъ смертью, желаніе очистить свою совѣсть, сохранить послѣ себя добрую память, честное имя, миръ и спокойствіе между дѣтьми и родными, чѣмъ желаніе провести волю относительно оставляемаго имущества наперекоръ заведенному порядку наслѣдованія. Несравненно позднѣе, почти на нашихъ глазахъ, завѣщаніе стало юридическимъ распоряженіемъ имуществомъ на случай смерти. Могли ли, при такихъ условіяхъ, неограниченная свобода завѣщаній идти въ разрѣзъ съ порядкомъ законнаго наслѣдованія? Очевидно нѣтъ. Старинныя наши завѣщанія точно такъ же служатъ вѣрнымъ зеркаломъ тогдашняго наслѣдованія по закону, какъ законодательные памятники—завѣщательныхъ распоряженій. Обычай и воля отдѣльнаго лица тогда еще не были въ разладѣ, и о столкновеніи между двумя теоріями (наслѣдованія по закону и по завѣщанію) на жизнь и смерть—не могло быть и рѣчи. Говорить обо всемъ и даже краснорѣчиво—не трудно; но надобно говорить такъ, чтобъ въ результатѣ не получались мыльные пузыри.

Далѣе, г. Лохвицкій задался мыслью, во что бы то ни стало, доказать, что я написалъ очень плохую рѣчь. Самый простой для этого пріемъ не обращать вниманія на то, что сказано, а выхватить фразу, мѣсто, и толковать ихъ по своему. Такъ и поступилъ мой критикъ. Я доказываю, что первопачальный бытъ создалъ общинное владѣніе; что разныя условія болѣе благопріятствовали сохраненію его на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ; что на сѣверѣ семьи и роды разлагались *медленнѣе*, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи, и домовитость, *какъ кажется*, была тамъ въ порядкѣ вещей (стр. 17). Кто же, прочитавъ эти строки, добросовѣстно заключитъ отсюда, что я отвергаю на сѣверѣ Россіи завѣщанія, личную собственность, раздѣлъ наслѣдства? Я только старался мѣстами изъ Псковской Судной Грамоты доказать существованіе на сѣверѣ живыхъ слѣдовъ, остатковъ, воспоминаній первоначальнаго быта, а свидѣтельствами изъ Русской Правды—отсутствіе ихъ на югѣ, и тѣмъ подтвердить свою мысль. Пересмотрѣвъ теперь всѣ эти мѣста вновь, я остаюсь при прежнемъ своемъ взглядѣ, смотря на возраженія г. Лохвицкаго. Псковской Судной Грамотѣ, болѣе домовитости, больше указаній на то ственники живутъ вмѣстѣ и владѣютъ имуществомъ, чѣмъ въ Русской Правдѣ послѣдней опредѣляется, кому изъ идетъ домъ послѣ отца, а въ первой объ этомъ ни слова: въ первой, кромѣ ней и дочери, ни о какихъ другихъ ственникахъ не говорится по поводу ства, а во второй говорится, и опредѣлительно: „а у котораго умер дѣтъ отецъ, или мать, или сынъ, или сестра, или кто ближнято животомъ владѣетъ“ (т.-е. домочад наго) и т. д. Найдите похожія мѣ Русской Правдѣ, и я признаю себя денными. Кромѣ этихъ, есть и дру зательства. Въ той же Псковской Грамотѣ сказано: „А который внукъ ній) братъ съ меньшимъ братомъ *отномъ слѣбь*, а скажутъ долга отцо скажутъ посторонніе), а на отца будетъ, и внучнему брату правду дать, да заплатитъ *общимъ живот* жимостью), да остаткомъ дѣлится томъ). (Изд. Муравьевича, стр. видите ли, и движимость даже об ній братъ только присягаетъ: онъ или семейства. Покажите мнѣ что добное въ Русской Правдѣ. А вот мѣсто: „А который меньшой братъ тань (племянникъ), *женячи* съ вящшимъ братомъ или съ брато томъ отца, дядею) и т. д. Покажи Русской Правдѣ, чтобъ племянникъ дядею въ одномъ хлѣбѣ, то есть одномъ хозяйствѣ?

Повторяю: я и не думалъ утверж ю Псковъ, въ концѣ XV вѣка, не вѣщаній, раздѣла наслѣдства. Я т хожу здѣсь слѣды нераздѣльности которыхъ вовсе не нахожу въ Русско Точно такъ же стою я и на томъ шеніе наслѣдства сына, не корм смерти отца или мать и оставшись есть отголосокъ того времени, ког имѣла топографическій, а не родовой характеръ. Можно же теперь оста и кормить отца и мать, можно и ж ними жить и ничего для нихъ не быть неизбѣжнымъ сыномъ. Въ Псковской Судной Грамоты соединен

вость о родителяхъ, и оставленіе
ку въ этомъ воспоминаніе о ста-
ая конечно могла въ XV вѣкѣ
другой смыслъ, и объясняю эту
чаями простаго народа, которые
вно, да и то мѣстами, въ видѣ
ли предоставлять часть въ на-
мъ членамъ семейства, которые
въ одномъ домѣ съ умершимъ.
й говоритъ, что доказывать ста-
теперешними обычаями простого
чая теорія, очень остроумная, но
ъ очень пустая. Почему же пустая?
вительно была бы очень пуста,
ражая г. Лохвицкому, примѣнять
еро-американскихъ гражданъ къ
ыту Россіи; но когда старый за-
обычай похожъ на теперешній
й, то я ничего не вижу пустого
хъ и объяснять одинъ другимъ:
е найдется ни одинъ добросовѣст-
въ мірѣ, который бы въ этомъ
лъ голосъ за г. Лохвицкаго, про-

критическіе пріемы г. Лохвиц-
добны. Псковская Грамота гово-
огда у кого жена умретъ безъ за-
послѣ нея останется вотчина, то
детъ этой вотчиной до смерти,
епится; а если женится, то не
дѣтяхъ ни слова; стало быть,
оставя дѣтей или бездѣтною, это
мужъ все-таки владѣетъ ея вот-
Лохвицкому это мѣсто не можетъ
потому что оно говоритъ въ мою
ибъ онъ былъ внимательнѣе, то
же, пожалуй, возразить, что хоть
адѣетъ женинымъ имѣніемъ, но
до новой женитьбы. И это воз-
было бы сильно, потому что при-
законъ или записанный обычай
тне какъ воспоминаніе старины,
нее, съ тѣхъ поръ какъ женщина
юридическую самостоятельность. Но
ику непремѣнно нужны дѣти, дѣти
го ни стало. По его толкованію,
ъ смерти жены (и обратно) по-
владѣетъ ея имуществомъ; если же
ъ бракъ, и само собою, когда уми-
шло *дѣтямъ* въ раздѣлъ". Счастье
го, если по Псковѣ всѣ жены до
рали прежде мужей, оставляя дѣ-
если, на его бѣду, хоть одна
вде мужа, и бездѣтною? Во что
огда это его толкованіе?

Громы и молніи падаютъ на меня далѣе за то, что я не знаю, кого въ Русской Правдѣ должно разумѣть подъ смердомъ. По изслѣдованіямъ г. Никольскаго, смердъ есть что-то въ родѣ княжескаго крѣпостнаго. Догадка очень остроумная и даже весьма вѣроятная, но она мало полезна для г. Лохвицкаго. Смердъ, говоритъ онъ, „получалъ отъ князя орудіе, скотъ и проч.; если онъ оставлялъ сыновей, которые могли бы нести тягло, то ясно, что данное имущество должно было возвращаться князю". Ну, а что же получали дочери? На нихъ, какъ извѣстно, давалась часть, если онѣ не были замужемъ. Неужели же имъ оставлялись княжескіе плуги, лошади, бороны! Зачѣмъ было имъ раздавать все это, и откуда такая ненужная щедрость? Но, кромѣ того, для опредѣленія порядка наслѣдованія, сила и важность не въ томъ, кто наслѣдовалъ послѣ смерда, князь или община; важно то, что по Русской Правдѣ послѣ бездѣтнаго не было наслѣдниковъ, что имѣніе его становилось выморочнымъ: только съ этой стороны я и разсматривалъ наслѣдство послѣ смерда; а до того, къ кому оно шло, мнѣ вовсе не было дѣла.

Г. Лохвицкій спрашиваетъ, откуда я взялъ, „что по Русской Правдѣ, когда послѣ умершаго оставались дѣти и вдова, то послѣдняя, пока не вступала въ новое супружество, оставалась хозяйкою дома и *владѣтельницею всего имущества покойнаго мужа?*" Написавши этотъ вопросъ, критикъ мой храбро ссылается на статью Правды, гдѣ говорится, что жена не получаетъ послѣ мужа наслѣдства, исключая части, которую онъ ей оставилъ (кстати сказать: это вовсе не доказываетъ, чтобъ она не имѣла права *владѣть* наслѣдствомъ. Доказательства въ Псковской Грамотѣ). Но потомъ онъ вѣроятно спохватился, что есть другая статья, которая прямо говоритъ въ мою пользу, и потому не приводитъ ее, а пишетъ глухо: изъ другой статьи („а еже жена ворчеться" и проч.) видно, что, когда дѣти были малолѣтны, то вдова была опекуншей—не болѣе. Я считаю необходимымъ привести эту статью, чтобъ читатели могли вполнѣ оцѣнить ученые пріемы г. Лохвицкаго. Вотъ она: „если жена обрячется сидѣть послѣ мужа [1]) и растеряетъ добытокъ

[1]) *Сидѣть* значитъ здѣсь и оставаться послѣ мужа хозяйкою дома, главою семейства, и не выходить за мужъ. И теперь говорятъ въ простомъ народѣ: сидѣть вдовою, сидѣть въ дѣвкахъ.

(мужа) и пойдетъ замужъ, то платить ей все дѣлимъ; а не захотятъ дѣти имѣть ее на дворѣ (то есть въ домѣ), а она будетъ непремѣнно этого хотѣть и сидѣть (то есть оставаться вдовою), то непремѣнно творить ея волю, а дѣтямъ не дать воли; по что ей далъ мужъ, съ тѣмъ ей сидѣть, или, взявши свою часть, также сидѣть". Спрашивается: гдѣ тутъ малолѣтнія дѣти? Какъ могли бы малолѣтнія дѣти не хотѣть имѣть мать въ домѣ? Еслибъ она не владѣла имѣніемъ мужа, какъ бы она могла растерять его добытокъ? А она не только имъ владѣла, но и не была обязана отвѣчать передъ дѣтьми въ растраченномъ до новаго замужества.

Дальше и дальше все въ томъ же родѣ. Г. Лохвицкому не нравится то, что я говорю о положеніи женщины въ древнѣйшей Россіи, и онъ ссылается на всѣ памятники историческіе и поэтическіе, гдѣ будто бы говорится противное. Весьма было бы любопытно узнать эти памятники?

У меня сказано:

„Права наслѣдованія лицъ женскаго пола, о которыхъ уже отчасти говорено выше, точно также соотвѣтствовали общимъ условіямъ древняго нашего быта и опредѣлились положеніемъ женщинъ въ тогдашнемъ обществѣ. Языческое многоженство давно уже исчезло. При болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи родовъ и семей въ общественномъ союзѣ, жены перестали быть купленнымъ или насильно отнятымъ товаромъ, погибшими членами семействъ, въ которыхъ родились, чужими между чужихъ, предметами вѣчныхъ слезъ своихъ матерей. Конечно, нравы народные еще долго послѣ того сохранили живыя воспоминанія объ этомъ времени и сохраняютъ ихъ болѣе или менѣе и до сихъ поръ; но на самомъ дѣлѣ, суровая судьба женщины по самому свойству сожительства родовъ и семей, должна была понемногу смягчиться; супружество, при этомъ новомъ видѣ общественной жизни, не отрывало уже навсегда новобрачную отъ семьи, въ которой она родилась, а напротивъ, служило поводомъ и основаніемъ къ болѣе тѣсному сближенію породнившихся между собою родовъ и семей. Здѣсь скрывается зародышъ личной самостоятельности женщины, будущаго признанія ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Родители невѣсты, отдавая ее замужъ по добровольному согласію, поддерживая съ нею связи и послѣ брака, вступая чрезъ нее в тѣсныя и постоянныя отношенія съ жемъ и его родными, естественно ста поставить свою дочь въ новой сем можно лучше; тутъ могло примѣшат очень естественное желаніе не урони передъ другимъ родомъ, похвастать нимъ своею зажиточностью. Все это было повести къ отмѣнѣ покупки не къ отдачѣ ихъ замужъ съ приданы рое, въ свою очередь, еще болѣе возникавшее начало гражданской женщины.

„Но это начало не идетъ вопреки всѣми своими послѣдствіями. И тогда долго послѣ, существованіе лицъ женскаго пола имѣло, по общепринятымъ и худо скрывавшимъ первобытную правовъ, свое извѣстное назначен рымъ и опредѣлилось общественное данское положеніе женщины. Дѣвушка выдти замужъ; замужняя женщина пруга, мать, хозяйка дома или ра Засидѣлая дѣвица, бездѣтная вдова, никакого значенія, и потому обще положеніе ихъ было самое непредѣ жалкое. Бездѣтныя вдовы потому лись сиротами, подобно дѣтямъ, лиш родителей. Такимъ лицамъ женск или не исполнившимъ, или уже ш шимъ свое назначеніе, ничего болѣе валось дѣлать на землѣ, какъ идти стырь и посвятить себя Богу. Изъ нятіи вытекало, что дѣвушка не бы нымъ членомъ своего семейства; с назначена была, рано или поздно, свою семью и выдти замужъ въ ч и въ новой семьѣ она была прочн номъ только до тѣхъ поръ, пока му живъ, или когда послѣ его смер оставались дѣти, и она, будучи вдо должала быть хозяйкой дома и гл мейства.

„Согласно съ этими понятіями лось и право наслѣдованія женщи непрочные члены семьи, дочери довали послѣ отца, а только получ данное, вдовы или жили вмѣстѣ с или получали часть изъ имѣнія му не была наслѣдовавшемъ, а лишь обезпеченія вдовы послѣ смерти муж по вдовствѣ женщина достигала пол данской самостоятельности, да и ж жалкой, если у нея не было дѣт

…ствѣ, и замужемъ она была въ зависимо… …сть другихъ, и рѣчь шла только о томъ, …будетъ кормить и содержать ее. Неза… …нихъ содержалъ и кормилъ отецъ, а по …ти его братья; жену—мужъ; мать, если …койника ея мужа не было своего имѣ… …дѣти, сыновья или замужнія дочери. …щина сама по себѣ не имѣла своего …, своего хозяйства: оно было или роди…ское, или мужнино, или дѣтское. Вслѣд… …этого, послѣ нея нѣтъ наслѣдства; что …оставитъ своего по смерти, то по Рус… …Правдѣ достается не всѣмъ ея дѣтямъ, …лько тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ она …ла въ домѣ, кто ее содержалъ и кормилъ, …ть ли то сынъ или даже дочь.

…Замѣчательное отступленіе отъ этихъ на… …составляетъ право дочерей бояръ и …ней княжеской дружины наслѣдовать …ъ отца, если у него нѣтъ сыновей. …ь можетъ быть, что это изъятіе разви… …лось вліяніемъ иноземнаго варяго-рус… …го элемента: но корень его скрывается …го глубже, именно въ условіяхъ быта …ихъ семей и родовъ, выдѣлившихся изъ …го народа и утратившихъ, какъ я уже …ъ, первоначальный топографическій ха… …ръ. Въ этихъ семьяхъ лицо, естествен… …мъ образомъ, не могло такъ поглощаться …ественнымъ домомъ, какъ въ большинствѣ …населенія; въ нихъ, по самому роду …жизни и занятій, ранѣе чѣмъ во всѣхъ …ихъ, могло выработаться личное начало, …ная собственность членовъ семейства, …дческія отношенія между ними, какъ …ныя, такъ и по имуществу. Всѣ эти об…ятельства должны были отразиться и на …хъ женскаго пола, принадлежащихъ къ …мъ семействамъ. Что не одно иностран… …вліяніе сообщило у насъ женщинамъ …ко законнаго наслѣдованія, это всего …е доказывается послѣдующей исторіей …го законодательства; въ московскомъ го…дарствѣ эти права признаны во всѣхъ слу…ихъ классахъ, то-есть между потчинни…ами и помѣщиками, составляющими высшіе …ы господствующаго общества."

…онецъ этой выписки г. Лохвицкій счелъ …жное опустить, и очень понятно почему: …ея мои слова вполнѣ, ему нельзя было …воскликнуть: „какое жалкое въ самомъ …положеніе! Не только по Русской Правдѣ …дутъ совсѣмъ другое"; нельзя было бы сказать, приведя нѣсколько мѣстъ изъ Русской Правды: „какимъ образомъ изъ этихъ постановленій можно вывести типъ жалкой нищеты, которая притомъ не можетъ распорядиться своимъ имуществомъ!"

Старанія критика доказать, что и вдова жила своимъ домомъ смѣшны: можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ было такъ,—только въ Русской Правдѣ, какъ нарочно, нѣтъ объ этомъ ни одного намека; изъ нея видно только, что вдова жила или въ домѣ покойнаго мужа съ дѣтьми, малолѣтними или взрослыми, или у одного изъ взрослыхъ дѣтей — сына или дочери, стало быть и у замужней дочери.

Не значитъ ли все это—„оставить ничтожные парадоксы собственной фактуры, ловить на удачу факты и тянуть ихъ за уши къ себѣ", какъ говоритъ обо мнѣ г. Лохвицкій въ своей критикѣ?

Въ выпискѣ на стр. 17-й читаемъ, что право матери-вдовы жить съ дѣтьми, быть въ роѣ опекунши составляетъ отличіе европейскихъ законодательствъ отъ римскаго. „Типъ матери, какъ нравственный и юридическій, есть произведеніе новаго человѣчества". Но ниже, въ той же выпискѣ, оказывается, что это произведеніе, или этотъ типъ —какъ хотите—по саксонскому законодательству находился подъ опекою сына. Далѣе: „это право матери-вдовы прекращалось, когда она выходила замужъ, не потому, что чрезъ это являлось новое хозяйство, а потому, что поступая во власть новаго мужа, она отрекалась отъ своей власти, и сохранить ей опеку значило бы передать ее отчиму". Кажется, все есть—и власть мужа, и власть матери (состоящей подъ опекой сына), и передача опеки отъ матери къ отчиму. Но какъ на бѣду Русская Правда говоритъ, что и отчимъ можетъ быть опекуномъ своихъ пасынковъ. Не счастливится г. Лохвицкому ни съ Русской Правдой, ни съ Несковской Грамотой! Видно узнать ихъ труднѣе, чѣмъ выписывать слово въ слово изъ Лабуле и Лаферьера.

Не станемъ останавливаться на павшихъ убѣжденіяхъ г. Лохвицкаго, что малая собственность остается нераздѣльною, потому что ее нельзя дѣлить (стр. 18-я на странной мысли, что несамужняя дочь смерда, выходя замужъ за человѣка той же общины, переходила ему тяглою стамъ же), какъ будто у него не было своего тягла, или онъ долженъ

быть, типуть два типа; не будемъ также слишкомъ взыскательны къ тому, что въ выноскѣ на стр. 19-й говорится, будто бы по Русской Правдѣ только замужнія дочери смерда не исключались совершенно изъ наслѣдства, тогда какъ въ выноскѣ же на стр. 15-й, и въ самой Русской Правдѣ, сказано совершенно противное; простимъ критику, что заподозрѣвая меня въ самомъ грубомъ незнаніи, онъ пишетъ съ плеча, не справляясь съ источниками, и приписываетъ извѣстный вопросъ, сдѣланный Петру Великому, кого считать знатными, не военной коллегіи, какъ это было на самомъ дѣлѣ, а Сенату (стр. 21). Что значитъ все это въ сравненіи съ тѣмъ, что показано выше, и съ слѣдующимъ замѣчаніемъ. У меня въ „Рѣчи" сказано: „наше законодательство безусловно отвергаетъ право наслѣдованія незаконнорожденныхъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему у насъ, съ одной стороны, такъ облегчено признаніе дѣтей законными, а съ другой, такъ затрудненно опроверженіе ихъ законности". Выписавъ эти слова курсивомъ, г. Лохвицкій восклицаетъ: „удивительное предположеніе! Наше законодательство точно также, какъ и другія, затрудняетъ отверженіе законности дѣтей, рожденныхъ во время брака, затрудняетъ доказательство ихъ происхожденія отъ прелюбодѣянія матери; это законъ нравственности, спокойствія семьи; всѣ дѣти, рожденныя послѣ вѣнчанія во все продолженіе супружества законны; доказывать противное, то есть происхожденіе ихъ отъ прелюбодѣянія жены — вотъ что затруднено! Но это существуетъ вездѣ. Что же значитъ: „облегчается признаніе дѣтей законными?" Совершенно непонятно".

Во-первыхъ, наше законодательство признаетъ законными дѣтей, не только рожденныхъ, но и зачатыхъ во время брака, а это большая разница! А потомъ, при всей формальности нашего брака, за доказательство законности рожденія принимается, при отсутствіи или сомнительности метрическихъ книгъ, — исповѣдныя росписи, родословныя, городскія обывательскія книги и ревизскія сказки, даже — формулярные списки родителей (Зак. Гражд. Т. X. Ч. 1. ст. 1260). Есть ли это облегченіе признанія дѣтей законными или нѣтъ? Право доказывать законность своего рожденія не прекращается никакою давностью. Въ извѣстныхъ случаяхъ и послѣ смерти такого лица пользуются этимъ правомъ въ теченіе срока земской (Тамъ же, ст. 126); а для опроверженія законности рожденія ребенка, мужу матери дается только годъ или два, а наслѣдникамъ же послѣдняго всего года (ст. 130). Есть ли это облегченіе признанія дѣтей законными и затрудненіе опроверженія ихъ законности, или нѣтъ? Законность лица, рожденнаго позднѣе десяти дней послѣ прекращенія брака, могутъ оспоривать *всѣ тѣ*, коихъ права личныя и имущественныя были бы нарушены признаніе его законнорожденнымъ (остальные другіе не могутъ), и притомъ только въ теченіе 6 мѣсяцевъ послѣ рожденія или (ст. 131). Есть ли это затрудненіе опроверженія законности, или нѣтъ? Споръ о законности брака и всѣхъ его послѣдствій въ томъ числѣ и противъ законности дѣтей, происшедшихъ отъ этого брака, допускается только въ теченіе двухъ лѣтъ по смерти одного изъ супруговъ, состоявшихъ въ законномъ бракѣ (Гражд. судопроизв. Т. X, Ч. II, ст. 812). Есть ли это затрудненіе опроверженія законности, или нѣтъ?

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что постановленія, очень сходныя съ этими, содержатся во французскомъ кодексѣ. Это справедливо, сравнивая наше законодательство съ французскимъ, не должно забывать, что послѣдній допускаетъ гражданскій бракъ, а наше не допускаетъ. При гражданскомъ бракѣ, по французскому плану стоитъ природная связь между матерью и дѣтьми, или такія отношенія, которыя заставляютъ предполагать ее. Бракъ есть только договора, и необъявленіе его полицейскимъ начальствомъ есть, слѣдовательно, несоблюденіе формальности. Естественно, что при гражданскомъ бракѣ признаніе дѣтей законными очень облегчено по нашему законодательству (признаніе по давности). И примѣненіе въ нашей практикѣ французскихъ началъ имѣетъ совершенно другой смыслъ, который, какъ я предполагаю, объясняется только безсознательностью нашихъ постановленій о внѣбрачнымъ дѣтямъ. Такое предположеніе основываю на томъ, что всѣ приведенныя мною выше, за исключеніемъ только одной, основаны на Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1840 года (Полное Собран. Зак., Т. XV, № 13,696), а узаконеніе незаконнорожденныхъ и сокращеніе дѣтей, рожденныхъ

законнымъ, прекращено указомъ
820 года (Зак. Гражд. Т. X, Ч. I,
ъ ст. 1440.
о этихъ замѣчаній. Изъ нихъ видно,
Лохвицкій знаетъ и понимаетъ въ
правѣ. Нимало не желая стано-
нимъ на одну доску и препираться
емъ, и считая обязанностью ука-
елимъ на вполнѣ справедливое воз-
Лохвицкаго противъ моихъ объ-
знаменитаго указа Петра Великаго
слѣдіи. Для красоты слога онъ при-
нѣ и тутъ грубое незнаніе самыхъ
вещей. Это передъ нимъ; но нарал-
веденная имъ между „Правдою воли
и закономъ 1714 года очень вѣрна,
вительна, и я сознаюсь охотно въ
мое объясненіе хуже его.
имъ теперь къ теоретической части
Лохвицкаго. Изъ четырехъ резя-
раженныхъ противъ меня, третій
что я не знаю теоріи вопроса, ко-
гаю въ „Рѣчи". Слѣдующія за-
раницъ 14—41 должны поправить
ю, непростительную ошибку. Г. Лох-
лагаетъ теорію наслѣдственнаго

ое теорія? Тѣ самыя общія осно-
ріи обнимаютъ предметъ во всѣхъ
бностяхъ, разрѣшаютъ всѣ возни-
ъ него сомнѣнія и вопросы и сами
ютъ одно стройное цѣлое, возве-
одному началу. Иначе мы будемъ
теорію, а фразы и общія мѣста,
доказывающія, ничего не объ-

г. Лохвицкій излагаетъ, что такое
ѣнное право. Каждое законодатель-
го времени признаетъ два вида на-
—по завѣщанію и безъ завѣщанія.
ый, приданаемомъ тому или другому
ажается политическій и философскій
народа. Затѣмъ опредѣляется, что
ѣщаніе. Право завѣщевать не есть
государственное. Завѣщаніе, съ
зія чистаго права, имѣетъ осно-
ло въ вѣровании въ безсмертіе души.
въ исторіи права существованіе за-
казываетъ прямо на спиритуальныя
народа; отсутствіе его—на мате-
Это положеніе критикъ проводитъ
орію. У новыхъ народовъ оба на-
иритуальное и матеріальное, всту-
вѣковую борьбу. Очертивъ ее во
Франціи, г. Лохвицкій показываетъ, какъ они
пришли въ столкновеніе на жизнь и смерть
при революціи 1789 года. Изъ двухъ встрѣ-
тившихся здѣсь системъ наслѣдованія, рим-
ская ставила на первый планъ право завѣ-
щанія и за норму считала равенство наслѣд-
никовъ; германская ставила на первый планъ
наслѣдованіе безъ завѣщанія и неравенство
наслѣдниковъ. Во французскомъ правѣ оба
начала слились въ одно, германское наслѣ-
дованіе по закону и римское равенство на-
слѣдниковъ приняты за основаніе новаго по-
рядка наслѣдованія. Результатомъ было, что
французское общество стало навсегда демо-
кратическимъ. Въ Англіи развилось герман-
ское начало неравенства при полной свободѣ
права завѣщанія, которая, по правамъ страны,
поддерживаетъ аристократическое начало въ
этой странѣ. Въ Сѣверо-Американскихъ Шта-
тахъ, напротивъ, отмѣнены только майораты
и субституціи (начало неравенства) и оста-
влено свободное право завѣщанія (которое
сильно ограничено во Франціи) и согласно
съ нравами и обычаями, завѣщанія не ве-
дутъ къ неравенству раздѣла имѣнія между
наслѣдниками. Такимъ образомъ, наслѣд-
ственное право „есть термометръ внутрен-
няго состоянія народа. Только изучивъ на-
слѣдственное право народа, мы поймемъ духъ
его политическихъ учрежденій, его харак-
теръ и даже его экономическое состояніе".
Отсюда выводится, что основной, капиталь-
ный недостатокъ моей „Рѣчи" тотъ, что я
не разсматриваю наслѣдованіе по закону въ
органической его связи съ цѣлымъ ученіемъ
о наслѣдованіи, не показываю отношенія перваго къ праву завѣщанія.

Во-первыхъ, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ
нѣтъ ни одной мысли, ни одного факта, ко-
торый бы принадлежалъ самому г. Лохвиц-
кому. Все, рѣшительно все, выписано, боль-
шею частью въ буквальномъ переводѣ, изъ
книги Лаферьера (Histoire des principes, des
institutions et des lois pendant la revolution
française depuis 1789 jusqu'a 1864. (2-е изд.
Paris. 1851—1852, стр. 220—235) и Лабуле
(Histoire politique des Etats Unis depuis les
premiers essais de colonisation jusqu'a l'adop-
tion de la constitution fédérale. T. I. Paris.
1855, стр. 503—516). Я напрасно привелъ
имъ изъ всего блистательнаго изложенія теоріи
наслѣдственнаго права г. Лохвицкаго хоть
одну мысль, хоть одинъ фактъ, которые не
находились бы на указанныхъ страницахъ

двухъ этихъ сочиненій, и большею частью тѣми же словами, въ подстрочномъ переводѣ. Сличеніе этихъ текстовъ, которое можетъ быть представлено тотчасъ же, прибавило бы любопытную и поучительную страницу въ исторіи литературныхъ и ученыхъ заимствованій дешеваго щеголянья чужими знаніями, какъ своими. Но не въ этомъ дѣло. Г. Лохвицкій не любитъ авторитетовъ въ дѣлѣ науки, и я тоже небольшой до нихъ охотникъ. Лаферьеръ и Лабулэ—очень почтенные ученые, но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что все что они сказали—неопровержимая истина. Они изслѣдовали, какъ образовались и развивались исторически различныя системы наслѣдственнаго права во Франціи, Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, какое было политическое и соціальное вліяніе этихъ системъ въ этихъ странахъ. Все это прекрасно, но гдѣ же теорія? Во всемъ этомъ я не вижу теоріи. Достойные ученые, изъ которыхъ такъ нецеремонно черпалъ г. Лохвицкій полными горстями, и не думали строить теорій, и въ этомъ смыслѣ все, что они говорятъ, совершенно справедливо; но они вѣроятно сами крайне бы удивились, еслибъ узнали, что ихъ превосходныя историческія изслѣдованія выдаются за теоріи наслѣдственнаго права.

Въ томъ-то вся и сила, что удовлетворительной теоріи наслѣдственнаго права нѣтъ, и пока не выбродятся различныя направленія, борющіяся въ современномъ европейскомъ обществѣ, такой теоріи и быть не можетъ. Взаимныя отношенія наслѣдованія по закону и права завѣщанія зависятъ отъ взаимныхъ отношеній индивидуальной воли и начала общественности; а кому неизвѣстно, что всѣ прежнія рѣшенія этого существеннаго вопроса не выдерживаютъ критики, а новаго пока нѣтъ?

„Наслѣдственное право—говоритъ г. Лохвицкій—есть та часть гражданскаго, которымъ это послѣднее, то есть собственность, семейство и обязательства, связывается тѣсно съ государственнымъ правомъ. Связь съ государствомъ существуетъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ гражданскаго права—jus privatum sub tutela juris publici latet: движеніе брака, собственности, обязательствъ совершается въ кругу, очерченномъ государствомъ. Но нигдѣ нѣтъ такой живой и постоянной связи съ государствомъ, его исторіей, формой правленія, какъ въ наслѣдствѣ. Кромѣ этого политическаго значенія, наслѣдственное право имѣетъ великій интересъ потому, что въ немъ выражаются религіозныя, философскія и [illegible] ческія понятія народа".

Неужели это теоретическія основ[illegible] слѣдственнаго права? Какая въ самомъ [illegible] ошибка, что я не предпослалъ [illegible] „Рѣчи" въ видѣ краеугольнаго [illegible] же рѣшится въ наше время утверж[illegible] наслѣдство болѣе всѣхъ другихъ ча[illegible] жданскаго права связано съ государ[illegible] И опытъ и наука разъяснили до по[illegible] очевидности, что даже обязательства, [illegible] воря уже о бракѣ и вещныхъ прав[illegible] заны самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ [illegible] зомъ съ такъ-называемымъ государств[illegible] правомъ. А критикъ мой продолжаетъ [illegible] полагать ихъ, какъ нѣкогда римское [illegible] по наружнымъ признакамъ. Это взгляд[illegible] рѣлый, давно всѣми отброшенный! [illegible] наше время требуетъ теоретическ[illegible] ваній поглубже. Зная, что государ[illegible] и гражданское право не одно и то [illegible] послѣднее совершается въ кругѣ о[illegible] помъ первымъ, наука доискивается [illegible] до тѣхъ началъ, которыми сфера [illegible] ственная и гражданская связаны в[illegible] органическое цѣлое, и въ этихъ-то [illegible] надѣется найти объясненіе различи[illegible] слей гражданскаго и государственнаго [illegible] На этотъ путь наука ступила недав[illegible] мудрено, что въ этомъ направленіи [illegible] еще мало; но оно указано, оно есть, [illegible] именно потому, что прежнія объясне[illegible] зались неудовлетворительными и ни[illegible] объясняющими. А ихъ-то именно н[illegible] гаетъ г. Лохвицкій, какъ послѣдне[illegible] науки.

Такія же общія мѣста исправляютъ у[illegible] вицкаго должность теоріи завѣщаній.

„Что такое завѣщаніе? Это есть [illegible] ultra mortem—воля человѣка, полу[illegible] исполненіе послѣ его смерти. Но к[illegible] право имѣетъ человѣкъ быть законод[illegible] обязывать другихъ, когда онъ самъ об[illegible] въ прахъ. Чтобъ завѣщаніе было ис[illegible] необходимо наблюденіе государства, [illegible] что самъ завѣщатель не можетъ эт[illegible] лать: такимъ образомъ ясно, что зав[illegible] щанія не есть частное, а государст[illegible] безъ согласія государства оно не мо[illegible] ществовать.

„Справедливо (говоритъ Лейбниц[illegible] завѣщанія съ точки зрѣнія чистаго [illegible] имѣютъ основаніе только *въ опредѣленіи*

...ма. Поэтому въ исторіи права суще-
...завѣщаній указываетъ прямо спири-
...характеръ народа, отсутствіе его
...ріализмъ. Такъ, напримѣръ, у егип-
...ществовало права завѣщанія. Въ
...первый періодъ до XII таблицъ,
... существовало не какъ частное
...какъ законъ; завѣщатель вносилъ
... въ народное собраніе, и только
...тогда утвердить его, какъ законо-
... власть: это была частная воля,
...ла въ законъ. По законамъ XII таб-
...ліе стояло на одной степени съ
... Завѣщатель заключалъ съ на-
...договоръ о передачѣ ему иму-
... смерти; требовалось, какъ при
...дажѣ обѣихъ сторонъ; далѣе, самая
...а воображаемая продажа; наслѣд-
...бы покупалъ будущее имущество
...Hiram. Слѣдовательно, по мате-
...духу тогдашняго римскаго права,
... въ собственномъ смыслѣ слова,
...ровало. Только впослѣдствіи, когда
...имъ школы Лабеона проникъ въ
...ало, человѣкъ получилъ право на
...волю".

...ть почти подстрочный переводъ
...бера разрѣшаетъ ли вопросъ о тес-
... тысячу разъ нѣтъ! Въ самомъ
...ели въ мысли, что право завѣщанія
...ственное, а государственное, лежитъ
...теоретическій вопросъ? Послѣ этого,
...ъ, что и право жениться есть тоже
..., а государственное, потому, что
... тоже наблюдаетъ за бракомъ;
... купить недвижимость есть тоже
...ственное, потому что переходъ недви-
...ществъ отъ одного лица къ дру-
... совершается подъ наблюденіемъ
...ъ. Въ исторіи законодательствъ
...щанія, дѣйствительно, является съ
...ственнымъ, а не частнымъ характе-
...когда? Въ тѣ отдаленныя эпохи,
...ество представляетъ собою какъ
...народный союзъ семей и родовъ,
...маленькія общественныя единицы
... еще вполнѣ свою самостоятель-
...ельность. Глава такой семьи, та-
...передаетъ послѣ себя свою власть
... по началамъ государственнаго, а
...го права. Но при большемъ сбли-
...ъ и семей, для такой передачи
...уется уже согласіе всего союза.
...е объ этомъ измѣненномъ зна-

...ъ I, 3.

...ченіи завѣщанія сохранилось у римлянъ, утвер-
...жденіе завѣщанія народнымъ собраніемъ ука-
...зываетъ на это. Чѣмъ больше развивался
...общественный бытъ, тѣмъ больше сглажи-
...вался и терялся государственный характеръ
...отдѣльныхъ семей и родовъ; государственная
...власть отца семейства мало по малу обра-
...тилась вмѣстѣ съ тѣмъ въ частное граж-
...данское право, и у римлянъ уже по законамъ
...XII таблицъ стало предметомъ частнаго до-
...говора. Впослѣдствіи, право завѣщанія осво-
...бодилось отъ этихъ формъ, когда всѣ воспо-
...минанія о древнѣйшемъ бытѣ родовъ и семей,
...даже въ ихъ искаженной, частной формѣ,
...совершенно исчезли. На этомъ и остановилось
...развитіе римскаго права. Съ началомъ
...безусловнаго произвола завѣщателя, почти
...всегда враждебнаго наслѣдникамъ по закону,
...оно не съумѣло справиться; придумало кой-
...какія ограниченія этого произвола въ его по-
...слѣдствіяхъ, но до него самаго не коснулось.
...Критически стали относиться къ этому на-
...чалу только новые народы; они принесли съ
...собою новыя отношенія лица къ обществу,
...новую формулу общественной и частной жизни.
...Какъ ни несовершенно выработана она до
...сихъ поръ, но ею, и только ею, объясняются
...ограниченія завѣщательнаго права въ совре-
...менныхъ европейскихъ законодательствахъ.

Такимъ образомъ право завѣщанія въ раз-
...ныя эпохи общественной жизни, бываетъ то
...государственнымъ, то частнымъ правомъ. Не
...матеріализмъ, не спиритуализмъ, а значеніе
...семьи и отеческой власти, и отношеніе лица
...къ обществу опредѣлютъ значеніе послѣд-
...ней воли. Вотъ почему такъ трудно, даже не-
...возможно сказать теперь о правѣ завѣщанія
...что-нибудь теоретически вѣрное. Вопросъ
...этотъ разработывается наукою, но далеко еще
...не разработанъ; рѣшеніе его не столько во
...власти науки, сколько—въ томъ видѣ, какой
...приметъ европейское общество послѣ теперешня-
...го броженія.

Точно такъ же мало теоретически-вѣрнаго
...можно сказать и о порядкѣ наслѣдованія по
...закону. Основаніемъ ему служитъ теперь
...семья, въ ея самой отвлеченной, генеалоги-
...ческой формѣ, и которая такъ рѣдко совпа-
...даетъ съ дѣйствительными семейными, бли-
...кими отношеніями. Французское и, въ особен-
...ности, прусское законодательство представляютъ нѣкоторыя попытки ограничить дѣй-
...ствіе этого отвлеченно-семейнаго начала, но
...попытки ихъ очень робки, нерѣшительны. Видно,

что начало не крѣпко, а между тѣмъ, пока, замѣнить его нечѣмъ. Такимъ образомъ, и порядокъ законнаго наслѣдованія тоже лишенъ твердой теоретической основы. Надъ нимъ тоже работаетъ наука, но пока—съ такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и надъ правомъ завѣщанія.

Именно потому, что начала гражданскаго права, въ томъ числѣ и права наслѣдованія, въ настоящее время такъ неопредѣленны и нетверды, я не рѣшился излагать ихъ въ моей „Рѣчи". Не желая пускать пыль въ глаза публикѣ общими мѣстами, ни блистать выписками изъ чужихъ трудовъ, я поставилъ себѣ, при составленіи „Рѣчи", двѣ цѣли. Во-первыхъ, я хотѣлъ прослѣдить тѣ начала, которыя проходятъ чрезъ всю исторію нашего наслѣдованія по закону, и такимъ образомъ связать въ одно стройное цѣлое отрывочныя, историческія извѣстія, не имѣющія между собою, повидимому, ничего общаго; этимъ я надѣялся оказать нѣкоторую услугу и изслѣдователямъ исторіи русскаго права, и практическимъ юристамъ, которые часто затрудняются въ примѣненіи дѣйствующихъ нашихъ законовъ по этому предмету, именно вслѣдствіе того, что исторія нашего наслѣдованія по закону не обработана еще ученымъ образомъ. Во-вторыхъ, неудовлетворительность, обветшалость нашего порядка наслѣдованія по закону живо чувствуется всѣми; представляя нестройное собраніе разнородныхъ началъ, онъ не соотвѣтствуетъ самымъ очевиднымъ требованіямъ справедливости. Чѣмъ-же замѣнить его и какъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще очень трудно; но для разъясненія его мнѣ казалось очень полезнымъ познакомить публику съ постановленіями о томъ же предметѣ другихъ [illegible] гдѣ порядокъ наслѣдованія по зак[illegible] вился рационально, послѣдовательно, [illegible] вѣстнымъ общимъ началамъ, и нес[illegible] смотря на всѣ свои недостатки оч[illegible] ренъ и полезенъ, какъ матеріалъ [illegible] пенія. Вотъ задача, которую я им[illegible] виду, составляя свою „Рѣчь". Как[illegible] полнилъ, объ этомъ не мнѣ судить; [illegible] всякомъ случаѣ добросовѣстная кри[illegible] жетъ укорять меня только за то, что [illegible] разрѣшилъ вопросъ, который самъ [illegible] ставилъ. Г. Лохвицкій смотритъ на цѣл[illegible] ему и книги въ руки! Я знаю т[illegible] себѣ завтра долженъ быть снов[illegible] ту же самую „Рѣчь", я бы точно так[illegible] шаркался передъ публикой" съ [illegible] о сухости вопроса, но въ концѣ [illegible] бы; я не знаю сколько нибудь удо[illegible] тельной теоріи наслѣдственнаго пра[illegible] давать намъ трескучія фразы и вы[illegible] чужихъ книгъ за теорію не памѣр[illegible] намъ этого требуется, обратитесь къ [illegible] вицкому.

Довольно. Почему моя „Рѣчь" уд[illegible] критики г. Лохвицкаго только теп[illegible] какъ она вышла годъ тому назад[illegible] въ теченіи цѣлаго года г. Лохв[illegible] успѣлъ написать разборъ получш[illegible] серьезнѣе—разъяснять всѣ эти во[illegible] считаю ниже себя; когда нибудь в[illegible] яснится и узнается. Г. Лохвицкій не [illegible] меня, справилъ надъ моей могилой [illegible] и написалъ эпитафію. Но плохія кр[illegible] рустательства никого не укладывают[illegible] прочнымъ образомъ. Послѣ нихъ [illegible] иногда возвращаются на свѣтъ Бож[illegible]

(Современникъ, 1861, кн.[illegible]

ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ
ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ
ВЪ РОССІИ
ПО СОСТОЯНІЯМЪ И ЗВАНІЯМЪ

изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, съ ветрѣтится каждый, приступая къ гражданскаго права, есть тотъ, въ рѣ принадлежитъ гражданская пра- ность тѣмъ и другимъ лицамъ, иначе въ какой мѣрѣ эти лица могутъ имѣть кія права, находиться въ гражданс- юридическихъ отношеніяхъ, совершать кіе юридическія дѣйствія.

е чѣмъ станемъ излагать русскія ленія объ этомъ предметѣ, въ при- къ состояніямъ и званіямъ, уяснимъ ую задачу и ея предѣлы.

йское право обнимаетъ только тѣ кія дѣйствія и отношенія, которыя предметомъ матеріальныя цѣнности, или другомъ видѣ. Все, что не ве- ществ енныхъ цѣнностей, не при- къ гражданскому праву и внесено или по преданіямъ римскаго права, едоразумѣнію и ошибкѣ. Но тѣмъ же т. многое, что прямо входитъ въ гражданскаго права, исключено изъ мѣщено по другимъ частямъ науки азвить эту мысль подробнѣе мы пре- мъ себѣ въ другое время. Здѣсь ися этимъ замѣчаніемъ, которое было но для объясненія задачи. Согласно ъ значеніемъ гражданскаго права, и кая правоспособность имѣетъ свое ское значеніе. Мы разумѣемъ подъ способность или возможность ко вся- юридическимъ дѣйствіямъ и отно- по только къ такимъ, которыя предметомъ матеріальныя цѣнности. ельно, имущественными правами въ ъ смыслѣ, т.-е. правами вещными и по обязательствамъ, ограничивается кругъ нашего настоящаго изслѣдованія русскаго законодательства.

Когда рѣчь идетъ о правоспособности, въ какомъ бы тѣсномъ или обширномъ смыслѣ мы ее ни брали, всегда непремѣнно предполагается, что она принадлежитъ каждому въ полной мѣрѣ, насколько не ограничена опредѣлительно закономъ. Правоспособность всегда предполагается, ограниченіе ея ни въ какомъ случаѣ не предполагается, если положительно не выражено въ законѣ — вотъ основныя правила юридическаго ученія о лицѣ, безъ котораго нѣтъ ни права, ни науки права. Эти правила вытекаютъ изъ самаго существа дѣла. Не говоря уже объ общихъ теоретическихъ основаніяхъ, которыми они вполнѣ оправдываются, замѣтимъ, что примѣненія ихъ требуетъ и практическое удобство. Попытка исчислить и опредѣлить всѣ послѣдствія полной правоспособности, всѣ права, которыя изъ нея вытекаютъ, не привела бы ни къ чему; жизнь, практика непремѣнно выкажутъ, рано или поздно, какія-нибудь новыя примѣненія правоспособности, которыя не были предвидѣны при ихъ перечисленіи: напротивъ, вычитать ограниченія правоспособности не трудно, именно потому, что они представляютъ лишь частичное отрицаніе полной правоспособности, поддающееся точному опредѣленію.

При изложеніи русскаго законодательства по предмету, который насъ теперь занимаетъ, мы будемъ строго держаться этихъ основныхъ правилъ. Въ сводѣ законовъ часто встрѣчаются болѣе или менѣе подробныя перечисленія, какія кто имѣетъ или можетъ имѣть

гражданскія права, —перечисленія, объясненія которыхъ должно искать въ исторіи нашего законодательства. На нихъ мы не будемъ останавливаться, идя отъ того юридическаго предположенія, что каждому принадлежитъ гражданская правоспособность въ полномъ своемъ объемѣ и постараемся только, со всевозможною тщательностью, отмѣтить и указать постановленныя нашими законами положительныя ея ограниченія.

Кругъ нашей задачи не будетъ, однако, опредѣленъ точнымъ образомъ, если мы не разрѣшимъ еще другого вопроса: что должно считать ограниченіемъ гражданской правоспособности и что нѣтъ? При изученіи каждаго законодательства этотъ вопросъ невольно предстаетъ и потому требуетъ пристальнаго разрѣшенія въ общемъ видѣ. Разрѣшеніе его, очевидно, зависитъ отъ объема полной гражданской правоспособности, а послѣдній—отъ свойства гражданскихъ правъ. Въ чемъ же заключается это свойство? Мы видѣли выше, что гражданское право обнимаетъ юридическія дѣйствія и отношенія, имѣющія предметомъ вещественныя цѣнности. Отсюда слѣдуетъ, что полная гражданская правоспособность предполагаетъ право состоять во всякаго рода юридическихъ гражданскихъ отношеніяхъ, совершать всякаго рода гражданскія юридическія дѣйствія, а такое право въ свою очередь предполагаетъ полную физическую, умственную и нравственную способность дѣйствовать самостоятельно, безъ посторонней опеки и руководительства, отсутствіе обязательной, принужденной зависимости отъ какого бы то ни было другого частнаго лица, право безпрепятственно перемѣнить мѣсто жительства, свободу отъ всякихъ обязательныхъ службъ, работъ и личныхъ повинностей, право заниматься всякаго рода промыслами, полную юридическую доступность всякаго рода матеріальныхъ цѣнностей, какъ бы онѣ ни были, само собою разумѣется исключая тѣхъ, которыя вовсе не дозволены въ государствѣ или противорѣчатъ общественному благу, религіи и нравственности, и потому не признаются законодательствомъ и юридически не существуютъ. Поэтому, кто на основаніи положительныхъ предписаній закона, подчиненъ опекѣ или попечительству и не можетъ самостоятельно быть въ юридическихъ гражданскихъ отношеніяхъ и совершать гражданскія юридическія дѣйствія, кто находится въ обязательной, принужденной зависимости отъ частнаго лица, кто не можетъ, по усмотрѣнію и желанію, перемѣнять мѣстопребыванія, кто несетъ обязательныя службы, работы и личныя повинности вслѣдствіе добровольно заключеннаго договора или условія, кому юридически доступны тѣ или другіе промыслы и матеріальныя цѣнности, тогда какъ они недоступны для другихъ, —обо всѣхъ такихъ лицахъ мы можемъ сказать, что они не обладаютъ полною гражданскою правоспособностью, что ихъ правоспособность ихъ ограничена. Такія ограниченія должны быть изложены въ настоящемъ изслѣдованіи. Безъ сомнѣнія нѣкоторыя ихъ явственнѣе, очевиднѣе, осязательнѣе, другія дѣйствуютъ лишь косвенно и не такъ бросаются въ глаза съ перваго взгляда, но всѣ они умаляютъ гражданскую правоспособность и потому всѣ должны быть указаны. Такъ, право свободно переѣзжать мѣста жительства не имѣетъ, повидимому, никакого отношенія къ гражданской правоспособности; однако, если припомнимъ, что отъ перехода въ извѣстной мѣстности зависитъ не рѣдко возможность владѣть на тамошнихъ правахъ извѣстнаго рода имуществомъ, которое въ другой мѣстности вовсе не можетъ, или отъ владѣнія имъ зависитъ нѣкоторое право извѣстнаго рода юридическихъ отношеній и дѣйствій, то должны будемъ къ ограниченіямъ гражданской правоспособности причислить и ограниченіе права свободно избирать мѣсто жительства. Напр., евреи, которымъ законами воспрещено имѣть постоянное жительство внѣ указанной закономъ черты ихъ осѣдлости, не могутъ заниматься золотопромышленностью на Уралѣ, почему для нихъ недоступны такіе виды гражданскихъ сдѣлокъ, которые относятся къ этого рода промыслу. Вспомнимъ, наконецъ, что при еще большемъ ограниченіи права свободно избирать мѣсто жительства, при совершенномъ лишеніи этого права, напр., въ случаяхъ ссылки и заточенія, гражданская правоспособность или совсѣмъ прекращается и даже на время или вовсе прекращается. Имѣя это въ виду, мы не можемъ не признать, что право на свободу перемѣну и избраніе мѣстожительства составляетъ, какъ существенная часть въ объемѣ полной гражданской правоспособности. Тоже должно сказать и о правѣ заниматься всякаго рода дозволенными промыслами, въ обыкновенномъ образомъ пред

ѣнностей, оно, повидимому, имѣетъ
ое и далекое отношеніе къ граж-
равоспособности, пожалуй даже и
мѣетъ съ нею ничего общаго. Но
ять въ расчетъ, что съ правомъ
тѣмъ или другимъ промысломъ
ъ образомъ связано право вступать
каго рода юридическія сдѣлки и
въ многихъ случаяхъ послѣднее
уществуетъ безъ перваго, то при-
знать, что въ понятіе о полной граж-
равоспособности необходимо входитъ
заниматься всѣми промыслами, до-
ми закономъ, въ обществѣ. Возмемъ
ъ медика, домашняго учителя, ви-
ахира. Каждое изъ этихъ занятій
ано на извѣстнаго рода юридиче-
шенія, и если оно недоступно для
ъ явно, что тѣ, которые не имѣютъ
ъ медиками, учителями, виноку-
рами, не будутъ имѣть и права
ъ юридическія отношенія, доступ-
ительно лицамъ, занимающимся
промыслами. Близкое отношеніе
ному прочихъ правъ, входящихъ,
нцѣли, въ объемъ полной граждан-
оспособности, очевидно, и потому
ъ, надобности на нихъ останав-

ъ и основаній для ограниченія
ой правоспособности очень много,
зообразныхъ. Они могутъ быть
—возрастъ, болѣзненное состояніе,
ительные, гражданскіе, обусловлен-
ъ и правами государства и обще-
ей, нравственностью; такова огра-
правоспособности по различію половъ,
и воспитаніи; такова ограниченія
бности лицъ, подлежащихъ власти
ки и родительской, и попечителей,
и вслѣдствіе преступленій и про-
наконецъ по различію состояній и
чемъ мы намѣрены говорить въ
статьѣ, насколько это возможно,
имъ уставамъ и учрежденіямъ, не
имъ, пока, всѣхъ частей дѣйствую-
одательства имперіи.

ость задачи, состоящіе источниковъ
ие всякихъ приготовительныхъ ра-
ить ошибки и промахи въ такого
ъ непобѣжными. Предвидимъ ихъ
просимъ читателей и законо-
ть ихъ и исправить для пользы
ла.

Всѣ лица, находящіяся въ имперіи [1], дѣлятся прежде всего на два большихъ разряда, на *подданныхъ* и *иностранцевъ*. Гражданская правоспособность послѣднихъ была прежде значительно ограничена, но указомъ 1860 года 7-го іюня всѣ эти ограниченія отмѣнены, и удержано только по прежнему запрещеніе иностранцамъ пріобрѣтать имѣнія, населенныя людьми крѣпостнаго состоянія, и крѣпостныхъ людей безъ земли (зак. сост., примѣч. 1-е къ ст. 1525 по прод. IV № 2). Послѣ отмѣны крѣпостнаго права это запрещеніе относится теперь къ имѣніямъ, населеннымъ срочно-обязанными крестьянами, и къ дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, съ тѣми измѣненіями, которыя произошли въ минувшемъ 1861 году въ законодательствѣ по этому предмету. Мы скажемъ о нихъ ниже, въ своемъ мѣстѣ.

И такъ, за основаніи новыхъ постановленій, иностранцы сравнены, по гражданской правоспособности, съ русскими подданными, не принадлежащими къ потомственному дворянству; наравнѣ съ ними, иностранцы могутъ пріобрѣтать въ Россіи всякаго рода движимое и ненаселенное недвижимое имущество. Это несомнѣнно и прямо выражено въ законѣ (зак. сост., ст. 1537). Сомнительно только одно: имѣетъ ли иностранецъ, живущій постоянно внѣ Россіи, право пріобрѣтать въ ней недвижимое имущество и владѣть имъ, или нѣтъ? Кажется, имѣетъ, потому что законъ разрѣшаетъ иностранцамъ пріобрѣтать въ Россіи недвижимыя ненаселенныя имущества безъ всякихъ ограниченій, но въ томъ же законѣ (зак. сост., ст. 1514) мы находимъ другое постановленіе, въ силу котораго „русская подданная, вступившая въ законный бракъ съ иностранцемъ, не состоящимъ ни въ службѣ, ни въ подданствѣ Россіи, ... слѣдуетъ состоянію и мѣсту жительства своего мужа. Но, *оставляя по браку отечество* и *вступая* по мужѣ *въ чужеземное подданство, жена не можетъ уже владѣть въ Россіи недвижимымъ имуществомъ*, а обязана при мужѣ продать оное въ полгода". Правило это не отмѣнено и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Такимъ образомъ, толкуя законъ буквально, должно принять, что иностранцы могутъ пріобрѣтать не-

[1] Какимъ образомъ лица духовныя входятъ въ сферу нашихъ изысканій. Мы скажемъ объ этомъ настолько, сколько говорится въ Сводѣ законовъ.

населенныя недвижимыя имущества и владѣть ими въ Россіи безъ всякаго ограниченія; а русскія подданныя, вступившія въ иностранное подданство чрезъ бракъ съ иностранцами, оставляя Россію, теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ право владѣть въ ней недвижимыми имуществами.

Нѣкоторымъ ограниченіямъ подвергаются также иностранцы, остающіеся на жительствѣ въ Россіи, въ качествѣ дезертировъ и военноплѣнныхъ. Послѣднимъ, даже если они примутъ подданство, не дозволяется жить въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, въ Курляндіи, Финляндіи, Бессарабіи и обѣихъ столицахъ (зак. сост., ст. 1551, п. 1). Всѣ дезертиры иностранныхъ войскъ и турецкіе военноплѣнные, изъявившіе желаніе принять православіе, послѣ войны 1853—1856 годовъ, могутъ оставаться въ Россіи только въ качествѣ русскихъ подданныхъ (тамъ же, ст. 1552 п. 1).

Обратимся теперь къ *подданымъ* имперіи. Степень ихъ гражданской правоспособности очень различна, смотря по общественному разряду, къ которому они принадлежатъ, а огромное ихъ большинство, почти всѣ, непремѣнно причисляются закономъ къ одному изъ нихъ. Всматриваясь пристальнѣе въ эти разряды, мы найдемъ, что они, по существу своему, не одинаковы и могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одни изъ нихъ суть тѣ главныя, общія категоріи, подъ которыя наше законодательство подводитъ всѣхъ подданныхъ имперіи, на основаніи теоретическихъ соображеній, выработанныхъ наукою. Къ этимъ основнымъ категоріямъ принадлежитъ дѣленіе всѣхъ подданныхъ на дворянство, духовенство, городскихъ и сельскихъ обывателей. Этимъ категоріямъ присвоено въ законѣ названіе *состояній* (зак. сост., ст. 2). Другіе разряды обусловливаются не научными, теоретическими подраздѣленіями, а либо историческимъ развитіемъ нашего быта и законодательства, либо—и это всего чаще—дѣйствительными практическими потребностями, какъ то: общественнымъ положеніемъ, родомъ занятій и промысловъ, государственной службой и проч. Таковы разряды купцовъ, чиновниковъ, солдатъ, казаковъ, ремесленниковъ, однодворцевъ и т. под. Разряды, подходящіе подъ эту группу, очень многочисленны и разнообразны. Многіе изъ нихъ составляютъ лишь подраздѣленія того или другого изъ названныхъ выше состояній; иные, напротивъ, образуются изъ лицъ состояній, занимающихся однимъ и дѣломъ. Одни изъ нихъ имѣютъ по особливое общественное устроеніе привилегіи; другіе существуютъ въ тельности, не будучи устроены не пользуясь особенными правами ществами. Мы назовемъ такіе раз различія ихъ отъ состояній, *званіями*, хотя въ законѣ имъ и этого названія въ томъ техническом цальномъ значеніи, какое мы ему даемъ, и выраженія: состояніе, сло словіе очень часто употребляются одно вмѣсто другого.

Казалось бы, съ перваго взгляда, состоянія, по самому своему значе быть наслѣдственными, а права зва званія—личными, не передающимися ственно: на дѣлѣ, однако, выходит права личныхъ дворянъ, права, пре лицамъ, носящимъ духовный санъ ствующимъ, священно- и церковно лямъ, считаются правами сословія, оборотъ, казачье сословіе, званіе оружейниковъ, есть обязательно-на ное; такимъ же было, еще недав званіе солдатское до манифеста 26 1856 года, такими же были, до нов узаконеній, званія нижнихъ чиновъ ных вѣдомствъ, приписных крестьянъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Вслѣдствіе этого, между состояніями стороны, сословіями и званіями трудно отыскать въ нашемъ зак ствѣ строгую разграничительную и другія суть и наслѣдственныя многія изъ тѣхъ и другихъ пользу быми правами и привилегіями, значительное вліяніе на степень данской правоспособности. Отсюда пость, сбивчивость и смѣшеніе нач ленія которыхъ должно искать в русскаго законодательства. Раздѣл подданныхъ имперіи на состоян нѣшнее, водворившееся у насъ пересозданіемъ нашего быта на ев ладъ, подъ вліяніемъ европейскихъ Въ Россіи XVII вѣка это раздѣ не было извѣстно; существовали словія или званія, почти всѣ отп извѣстныя службы, работы, повин зательно и наслѣдственно; многія были росписаны по различнымъ вѣ

по службѣ, которую несли. Пользованіемъ привилегіями и преимуществъ большей или меньшей мѣрѣ. XVIII вѣкѣ стало, мало-по-малу, ться въ нашемъ законодательствѣ остоніяхъ, сословія и званія наконецъ подходиться подъ категоріи и распредѣляться между ними, мало-малу, вмѣстѣ съ отмѣною обязательной службы, значеніе наслѣдственныхъ ихъ разрядовъ. Это преобразование совершалось медленно. жается и до сихъ поръ. Въ то же ины, которыя вызвали образование Россіи особыхъ сословій, съ особенностями и правами, побудили законодательство рядомъ съ отмѣною однихъ званій создавать новыя такія же нія съ другими правами, соотношеніи и господствовавшимъ понятіямъ. Такимъ образомъ, на ряду мъ существуютъ у насъ сословія ало тѣмъ отъ нихъ отличающіяся, водитъ запутанность, о которой выше. Судя по направленію, которое приняло наше законодательство, полагать, что процессъ образованія и званій въ прежнемъ значеніи прекратился; отмѣна уже существующаго будетъ быстро и должна въ скоромъ существенно упростить ученіе объ правоспособности по состояніямъ и званіямъ, по крайней мѣрѣ отношеніи къ гражданскому праву. тѣмъ мы станемъ говорить о гражданской правоспособности всѣхъ этихъ общественныхъ разрядовъ порознь, укажемъ на ъ или многимъ изъ нихъ черты, ходясь, какъ сказано, на однихъ ограниченіяхъ.

состояніяхъ, сословіяхъ и званіяхъ говорили уже о тѣхъ, которыя исключительно посвящены государственной или частной службѣ, существуютъ выборныя должности, принятіе и которыхъ обязательно, развѣ будетъ уважительныя причины для признаваемыя закономъ. И такъ, въ остоніи, сословіи и званіи есть ственно служащія по выборамъ; а лагаетъ извѣстныя обязанности и ъ право свободно избирать мѣсто жительства, и право промыслами, лишаетъ права совершать многія юридическія дѣйствія, находиться во многихъ юридическихъ отношеніяхъ, слѣдовательно вообще ограничиваетъ, болѣе или менѣе, гражданскую правоспособность.—Объ этихъ ограниченіяхъ, а также вообще объ отношеніи службы (не частной) къ гражданской правоспособности мы скажемъ подробнѣе ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что ограниченія, проистекающія изъ обязательной службы, относятся только къ мужчинамъ. Для лицъ женскаго пола, не несущихъ обязательной службы, они не существуютъ. Далѣе: есть имущества, промыслы и занятія, составляющіе исключительную привилегію государства; другія—доступныя юридически только для извѣстныхъ состояній, сословій или званій. Всякая такая привилегія есть въ то же время и ограниченіе правоспособности для тѣхъ, которые ею не пользуются.

Никто кромѣ правительства не имѣетъ у насъ права: 1) „чеканить государственную монету, выпускать ее въ обращеніе, переливать и передѣлывать“ (уст. монет., ст. 57); точно такъ же правительству исключительно принадлежитъ право изготовлять и выпускать государственные кредитные билеты, билеты государственнаго казначейства, и вообще всякіе билеты кредитныхъ установленій, имѣющіе въ общемъ обращеніи достоинство денегъ (улож. наказ., ст. 623); 2) заводить и содержать заводы пушечные, оруженные (кромѣ фабрикъ охотничьихъ ружей, которые могутъ быть заводимы частными лицами) и пороховые (уст. фабр., ст. 36, ссылка подъ лит. б). Въ связи съ этимъ состоитъ запрещеніе частнымъ лицамъ приготовлять и продавать порохъ и фейерверки (уст. пожарн., ст. 38 п. 1; уст. пред. прест., ст. 191); 3) изготовлять и продавать, безъ особаго разрѣшенія правительства, гербовую бумагу, бандероли, почтовыя марки, вообще всякаго рода знаки, служащіе для сбора пошлинъ, акцизовъ и другихъ казенныхъ сборовъ (уст. пошлин. ст. 240, 360; уст. таб. ст. 13; уст. почт. ст. 422, 423, 428 примѣч. 433; улож. наказ. ст. 631, 641, 796).

Нѣкоторыя вѣдомства имѣютъ также имущества исключительно принадлежащія права промышленныя и торговыя. Такъ, однимъ церквамъ принадлежитъ право розничной продажи церковныхъ свѣчъ (1808 г. 17 апрѣля, инструкц. церковн. старост., п. 7 Полн. собр. зак., т. XXX № 22,971); такъ, только императорскому воспитательному дому принадле-

житъ исключительное право имѣть карточныя фабрики и дѣлать карты (уст. фабр., 36, выноска подъ лит. в).

Такія же исключительныя права предоставлены нѣкоторымъ состояніямъ и сословіямъ или званіямъ.

1) Право владѣть населенными имѣніями и крѣпостными людьми составляло, до начала минувшаго года, привилегію потомственнаго дворянства, которую раздѣляли съ нимъ лишь однодворцы, г. Смоленскъ и нѣкоторые изъ тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ (зак. сост., ст. 1525 по прод. IV № 2; ст. 752 и 759; ст. 549). (Населенныя имѣнія, принадлежащія учебнымъ заведеніямъ и другимъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ, не считались крѣпостными. Зак. сост., ст. 614, п. 4 и 5). Съ отмѣною крѣпостного права и обращеніемъ крѣпостныхъ въ срочно-обязанныхъ, эта привилегія потомственнаго дворянства сохранилась относительно крестьянъ: никто кромѣ потомственныхъ дворянъ не можетъ владѣть землями, отведенными въ постоянное пользованіе срочно-обязанныхъ крестьянъ, ни имѣть права на крестьянскія повинности за этотъ надѣлъ (Выс. утв. 19 февр. 1861 года мнѣніе государственнаго совѣта. Ук. сен. 25 авг. 1861 г. Сен. вѣд. № 34). О вышедшихъ изъ крепостной зависимости дворовыхъ людяхъ сказано, что владѣльцы не могутъ входить ни въ какія сдѣлки съ *другими* лицами о передачѣ имъ права на обязательную службу дворовыхъ людей, *безъ согласія ихъ получившихъ*" (Полож. о двор. людяхъ 19 февр. 1861 года, ст. 130) и что „право на обязательную службу дворовыхъ людей переходитъ отъ одного владѣльца къ другому только по *законному наслѣдованію*, по раздѣлу населеннаго имѣнія, состоящаго въ общемъ владѣніи, и по выдѣлу родителями дѣтямъ своимъ частей изъ недвижимаго имѣнія" (тамъ же, ст. 14). Изъ умолчанія закона о запрещеніи передачи или перехода этого права къ лицамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству, слѣдуетъ, кажется, что непотомственные дворяне не подлежатъ въ этомъ отношеніи тѣмъ ограниченіямъ, которыя дѣйствовали до изданія положенія о прекращеніи крѣпостного права.

2) Занятіе нѣкоторыми промыслами и владѣніе соотвѣтствующими имъ промышленными заведеніями или имуществомъ, составляетъ исключительное право извѣстныхъ состояній, сословій и званій; слѣдовательно, въ отношеніи къ этимъ промыслам[illegible] стію, правоспособность прочихъ сос[illegible] сословій или званій ограничена.

Изслѣдованіе этихъ ограниченій [illegible] влечетъ большія трудности, объясняет[illegible] что дѣйствующія теперь у насъ [illegible] ленія о промышленности произош[illegible] переработывающей и торговой, [illegible] разное время, подъ вліяніемъ ра[illegible] потребностей и вліяній, и поэтому [illegible] ведены до сихъ поръ къ общимъ ос[illegible] началамъ, послѣдовательно про[illegible] частныхъ положеніяхъ, а согласов[illegible] собою лишь внѣшнимъ образомъ, [illegible] практическом удобопримѣнимости. Во[illegible] напримѣръ, торговый и мѣщанскій пр[illegible] Съ одной стороны купцы и мѣща[illegible] зуютъ особыя сословія или званія [illegible] ственныя, пользующіяся разными бо[illegible] или меньшими привилегіями, кото[illegible] будто увеличиваютъ ихъ граждан[illegible] способность въ сравненіи съ прочи[illegible] віями; а съ другой стороны, купечест[illegible] мѣщанскимъ промыслами дозволе[illegible] маться, и не вступая въ купечество [illegible] щанство, а только причисляясь къ на[illegible] кошедъ, законъ позволяетъ заниматьс[illegible] промыслами, не вступая въ сказ[illegible] словія и даже не причисляясь къ [illegible] только уплативъ положенные сборы [illegible] лины (уст. торг., ст. 305, 327, 445 по [illegible] № 3; ст. 336, 342, 343, 351; 234—2[illegible] Такимъ образомъ, если смотрѣть на [illegible] и мѣщанскій промыслы какъ на „ф[illegible] новъ и мѣщанъ, то они составляют[illegible] легію этихъ сословій, которая въ от[illegible] ко всѣмъ прочимъ есть ограниченіе [illegible] ждапской правоспособности; а если [illegible] въ разсчетъ, что можно, и не вступ[illegible] печество или мѣщанство, а только [illegible] установленные сборы и пошлины по[illegible] ихъ промышленными и торговыми [illegible] гіями, то нельзя не признать, что [illegible] вовсе не составляютъ ограниченія [illegible] способности по состоянію, сословію [illegible] пію, и должны быть почитаемы за пр[illegible] и каждаго, подъ условіемъ лишь [illegible] извѣстныхъ пошлинъ и сборовъ. Въ [illegible] вліяніи гражданской правоспособности, [illegible] рактеръ купеческихъ и мѣщанскихъ [illegible] ленныхъ правъ долженъ быть и ст[illegible] первомъ планѣ, потому что здѣсь р[illegible] не о правахъ состояній и сосло[illegible] ограниченіяхъ ихъ гражданской пр[illegible]

да какое нибудь право принадле-
, подъ условіемъ платежа установ-
шлинъ и сборовъ, то его нельзя
вилегій; обязанность уплатить
бъ воспользоваться правомъ, не
ичение правоспособности, а лишь
проявленія, какъ существуетъ мно-
гихъ подобныхъ условій, напри-
формальности, которыми законъ
различныя юридическія дѣйствія
а, вслѣдствіе самыхъ различныхъ
и причинъ. Въ дѣйствительности,
плата, особливо если она высока,
еньшить число лицъ, желающихъ
ться правомъ, которое ею обло-
кимъ образомъ, косвенно, будетъ
ь правоспособность. Но мы имѣ-
не фактическія, а юридическія
женія, къ которымъ недостатокъ
все не относится. Такъ, обязан-
ь видъ или паспортъ на отлучку
шаго мѣста жительства, безъ со-
вѣтъ стѣснить иного, потому что
спорты пишутся на гербовой бу-
окупку которой можно не имѣть
ньгъ. Но съ юридической точки
не есть ограниченіе права перемѣ-
ребыванія, тогда какъ мы должны
ограниченіе этого права, если
мѣста жительства поставлена въ
отъ усмотрѣнія начальства или
ща.
патентъ, оплачиваемый деньгами,
заниматься нѣкоторыми промыслами,
вшивается къ сводѣ законовъ съ
привилегіями, или существуетъ
ими; иначе сказать, условіе право-
не отлично строго отъ ея огра-
ъ какъ задача настоящей статьи—
одни лишь ограниченія гражданс-
способности по состояніямъ или
или знаніямъ, то мы и займемся
ько ими, не вводя въ наслѣдо-
случаевъ, когда какое нибудь
ить отъ соблюденія того или дру-
го финансоваго или полицейскаго
ри исполненіи его доступно вся-

конодательство во многихъ слу-
вязываетъ состояніямъ, сословіямъ
исключительное право заниматься
промысломъ и владѣть соотвѣт-
ему имуществомъ. Такія привиле-
являетъ дѣйствительное ограни-
ченіе гражданской правоспособности прочихъ состояній и сословій. Перечислимъ ихъ.

а) *Право винокуренія* составляетъ привилегію: въ губерніяхъ великороссійскихъ (кромѣ Астраханской, Архангельской, Олонецкой и Ставропольской) дворянъ и чиновниковъ, войсковыхъ обывателей, въ губерніяхъ Воронежской и Курской на земляхъ, называемыхъ слободскими,—колонистовъ и другихъ поселенцевъ, имѣющихъ на то особыя грамоты; въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ дворянъ, владѣющихъ недвижимыми населенными имѣніями, войсковыхъ обывателей въ Харьковской губерніи, пользовавшихся этимъ правомъ до 12 февраля 1837 года, меноннтовъ въ Таврической губерніи, до истеченія дарованныхъ имъ привилегій, потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ винокуренными заводами по правамъ заставнымъ, традиціоннымъ и экскизиторскимъ, на основаніи прежнихъ законовъ; въ губерніяхъ прибалтійскихъ помѣщиковъ въ ихъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, временныхъ владѣльцевъ казенныхъ населенныхъ имѣній, состоящихъ на хозяйственномъ положеніи, въ этихъ имѣніяхъ, городскихъ жителей въ городахъ сихъ губерній и въ г. Нарвѣ (С.-Петербургской губерніи); впрочемъ, въ городахъ Лифляндской и Эстляндской губерній винокуреніе дозволяется только „оскудѣвшимъ мѣщанамъ, вдовамъ и сиротамъ обѣихъ гильдій, кои всякими внезапными случаями разорены и иначе себѣ пропитанія доставать не въ состояніи"; наконецъ въ землѣ войска донскаго чиновниковъ и войсковыхъ обывателей (положеніе о питейномъ сборѣ 4 іюля 1861 года, § 107). Подъ правомъ винокуренія здѣсь очевидно разумѣется право производить винокуреніе на своихъ собственныхъ винокуренныхъ заводахъ, потому что право брать такіе заводы въ аренду предоставлено всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на заводскую и фабричную промышленность вообще (тамъ же, § 108), а такое право принадлежитъ всѣмъ записаннымъ въ гильдіи и имѣющимъ соотвѣтствующія имъ торговыя свидѣтельства (уст. фабр., ст. 51.)

б) Право приготовленія *питейныхъ водокъ* составляетъ привилегію евреевъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, кіевскаго генералъ-губернаторства, бѣлорусскихъ, Харьковской, Виленской и Минской (положеніе о питейномъ сборѣ 4 іюля 1861 года, § 111).

в) Право варить *пиво, портеръ и медъ*, а также *брагу* на пивоварняхъ (безъ сомнѣнія въ смыслѣ права имѣть собственныя свои пивоваренные заводы) не составляетъ сословной привилегіи въ имперіи, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, а именно: въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ въ городахъ, (кромѣ владѣльческихъ), а въ губерніяхъ новороссійскихъ и въ бессарабской области въ такихъ же городахъ и сверхъ того въ коленныхъ селеніяхъ эта отрасль промышленности тоже не составляетъ сословной привилегіи; въ прочихъ же мѣстахъ этихъ губерній и въ прибалтійскихъ губерніяхъ она составляетъ привилегію тѣхъ же лицъ, которымъ принадлежитъ и право винокуренія (тамъ же, § 112). Сверхъ того, право варенія пива и меда принадлежитъ тѣмъ изъ евреевъ, которые поселятъ на собственной землѣ 10 или болѣе семействъ своихъ единовѣрцевъ (тамъ же, § 113 примѣч.).

г) Нѣкоторые промыслы и занятія, приносящіе доходъ, составляютъ исключительное право тѣхъ, которые подвергались изъ нихъ установленному испытанію и доказали, что имѣютъ въ нихъ нужныя свѣдѣнія. Таковы занятія домашняго учителя (уст. служб. прав. ст. 816; улож. наказ. ст. 1378 и 1379), вольнопрактикующаго врача (уст. врач. ст. 125; улож. наказ. ст. 1115), управляющаго вольною аптекою (уст. врач. ст. 239; улож. наказ. ст. 1132 и 1133) и промыселъ ремесленнаго мастера (уст. ремесл. ст. 114 и 142; улож. наказ. ст. 1870).

Вотъ привилегіи, существующія въ нашемъ законодательствѣ и ограничивающія гражданскую правоспособность вообще всѣхъ тѣхъ подданныхъ имперіи, которые ими не пользуются.

Кромѣ этихъ общихъ ограниченій, есть еще много и другихъ, зависящихъ отъ юридическаго характера нашихъ состояній и сословій или званій. До отмѣны крѣпостного права, самое существенное различіе между ними, по степени гражданской ихъ правоспособности, состояло въ томъ, что одни были *свободныя*, другія *несвободныя*. Теперь всѣ наши состоянія и сословія свободны, но одни юридически находятся еще въ большей или меньшей обязательной зависимости отъ частныхъ лицъ, другія вовсе не имѣютъ къ частнымъ лицамъ закономъ установленныхъ обязательныхъ отношеній. Такимъ образомъ существуютъ двѣ категоріи состояній и сословій, различіе которыхъ имѣетъ значеніе при исложеніи ограничительныхъ [illegible] данской правоспособности.

Рядомъ съ этимъ раздѣленіемъ [illegible] и другое, имѣющее тоже очень важное [illegible] ніе на гражданскую правоспособность, [illegible] раздѣленіе всѣхъ состояній и сословій [illegible] *податныя* и *неподатныя*. Раздѣленіе [illegible] имѣетъ у насъ особенное значеніе, [illegible] мое исторіей нашего законодательства. [illegible] датныя состоянія суть тѣ, которыя [illegible] подушную подать, несутъ рекрутскую [illegible] ность и отправляютъ разныя другія [illegible] повинности, работы и службы натуральныя [illegible] кія личныя натуральныя повинности [illegible] чивая право несущаго ее располагать [illegible] лицомъ и временемъ по своему [illegible] ограничиваетъ его гражданскую [illegible] собность. Подушная подать, отправляемая [illegible] деньгами, сама по себѣ, могла бы и [illegible] ничивать гражданской правоспособности [illegible] при существующемъ у насъ способѣ [illegible] нія этой подати, она служитъ источником [illegible] важныхъ ограниченій. Подушною [illegible] обложено у насъ не каждое лицо мужского [illegible] ности, а цѣлыя податныя общества, [illegible] приписанныхъ къ нимъ ревизскихъ [illegible] ского пола душъ; и не каждое лицо [illegible] отдѣльности отвѣчаетъ за себя передъ [illegible] вительствомъ за исправную уплату [illegible] на немъ подушной подати, а все [illegible] общество, къ которому это лицо приписано. [illegible] Вслѣдствіе этого, лица податныхъ состояній [illegible] и сословій находятся, въ отношеніи [illegible] своего пребыванія и жительства, въ [illegible] и нерѣдко весьма стѣснительной зависимости [illegible] отъ своихъ обществъ: они не могутъ [illegible] чаться безъ согласія и разрѣшенія [illegible] къ которымъ приписаны, и обязаны [illegible] титься, если дозволеніе находится [illegible] лучкѣ не будетъ возобновлено. Подушная [illegible] и другія личныя натуральныя повинности [illegible] лежатъ точно такъ же на обществахъ, [illegible] душъ, и, ограничивая уже сами по себѣ [illegible] данскую правоспособность, служатъ [illegible] собу ихъ взысканія, источникомъ [illegible] ограниченій. Отсюда само собою [illegible] что неподатныя состоянія и сословія [illegible] свободны отъ подушной подати, [illegible] и другихъ личныхъ натуральныхъ [illegible] стей и связанныхъ съ ними ограничений [illegible] пользуются въ этомъ отношеніи [illegible] степенью гражданской правоспособности, [illegible] чѣмъ податныя. Замѣчаніе это отно-

женскаго пола, которыя хотя бы
кали къ податнымъ состояніямъ
ъ, не несутъ никакихъ податей
натуральныхъ повинностей.

ыя выше раздѣленія состояній и
ютъ между собою извѣстное,
отношеніе. Всѣ неподатныя со-
словія свободны и отъ всякихъ
къ отношеній къ частнымъ ли-
цамъ, состоянія и сословія, по-
закономъ въ зависимости отъ
щъ. принадлежатъ къ податнымъ.
этого, всѣ состоянія и сословія
представляютъ, по степени гра-
ени правоспособности, три раз-
ны. Къ первой принадлежатъ
сословія не податныя, ко второй
но не имѣющія обязательныхъ
ъ частнымъ лицамъ, къ третьей
находящіяся сверхъ того и въ
зависимости отъ частныхъ лицъ.
занности состояній, сословій или
адлежащихъ къ каждой изъ этихъ
ѣстѣ съ тѣмъ и степень право-
ждаго изъ нихъ очень разно-
оія изъ нихъ, кромѣ общихъ
гражданской правоспособности,
мы уже сказали выше, подле-
собеннымъ, имъ исключительно
ть. Къ ихъ-то обозрѣнію мы те-
тущимъ.

у неподатныхъ состояній и сосло-
жатъ потомственное и личное
состоящіе въ государственной
ной и гражданской, гильдейское
), потомственное и личное по-
ашество. Изъ нихъ, сыновья обер-
вообще чиновниковъ, получив-
жбѣ личное дворянство и личное
очетное гражданство, но недо-
до правъ потомственнаго дво-
орые до 18-тилѣтняго возраста
и въ учебныя заведенія или въ
ательно опредѣлялись по дости-
возраста, на основаніи положе-
ія 1853 года, въ учебныя воиска
ост., часть 2-я, кн. 1-я, прилож.
по Высочайшимъ повелѣніемъ
861 года правило это отмѣнено

(ук. сен. 11-го сентября, см. Сен. вѣд. № 77). Затѣмъ изъ этой группы существуютъ особенныя ограниченія гражданской правоспособности только для духовенства и служащихъ. Первое ограничивается потому, что многія гражданскія юридическія дѣйствія и отношенія сами по себѣ, или по своимъ послѣдствіямъ и обстановкѣ не совмѣстимы съ духовнымъ саномъ; служащимъ же запрещены многія гражданскія юридическія дѣйствія и отношенія для предупрежденія злоупотребленій.

Лица, принадлежащія къ *православному монашествующему* или *черному духовенству*, какъ отказавшіяся отъ міра, сохраняютъ гражданскую правоспособность въ самой незначительной степени. Они не могутъ ни вновь пріобрѣтать недвижимаго имущества, ни удерживать за собою то, которое принадлежало имъ до вступленія въ монашество (зак. сост., ст. 259, зак. гражд., ст 1109); имъ дозволяется только „строить собственнымъ иждивеніемъ или покупать кельи и другія, для употребленія ихъ, строенія внутри монастырей, . . . но не иначе, какъ съ условіемъ оставлять сіи строенія послѣ смерти или отлучки изъ монастыря, совершенно къ пользу монастырскую“ (зак. сост. ст. 262); они лишаются пенсіи (тамъ же ст. 260); имъ „запрещается торгъ великими товарами, кромѣ продажи собственныхъ рукодѣлій, и то не иначе, какъ съ дозволенія своего начальства и посредствомъ избранныхъ къ тому престарѣлыхъ братій“ (тамъ же, ст. 263); запрещается „быть поруками и повѣренными въ дѣлахъ, не касающихся духовнаго вѣдомства“ (тамъ же ст. 264, зак. суд. гражд. ст. 195 п. 4); однако епархіальнымъ и монастырскимъ начальствамъ не дозволено давать монахамъ и монахинямъ довѣренности на ходатайство по ихъ дѣламъ (зак. гражд. ст. 2292. п. IV); они „не могутъ принимать на сбереженіе ни чужихъ денегъ, ни какихъ либо вещей, кромѣ книгъ“ (зак. сост. ст. 265). И такъ, монашествующимъ дозволено только владѣть и распоряжаться движимымъ имуществомъ. Это видно изъ сказаннаго выше, а также изъ того, что монашествующимъ „не запрещается вносить денежные ихъ капиталы въ кредитныя установленія, на условіяхъ по ихъ волѣ“ (тамъ же, ст. 266), а духовнымъ властямъ (т.-е. митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ, строителямъ, игуменьямъ и настоятельницамъ монастырей

рг (ст. 71) только о купечествѣ вер-
зано, что оно „вообще не почитается
ояніемъ“, а изъ другого мѣста того
71) видно, что купцы всѣхъ трехъ гиль-
ъ къ этой категоріи

женскихъ и ризничему московскаго синодальнаго дома (тамъ же, ст. 245 п. 1), „дозволяется дѣлать завѣщанія о движимомъ ихъ имуществѣ, кромѣ вещей, къ ризницамъ ихъ принадлежащихъ и только въ церкви употребляемыхъ, въ пользу родственниковъ и посторонихъ или на богоугодныя дѣла, не испрашивая ни отъ кого разрѣшенія и не давая въ томъ никому отчета". Видно также, что это ихъ имущество, если они не оставятъ завѣщанія, достается, послѣ ихъ смерти, законнымъ ихъ наслѣдникамъ (тамъ же, ст. 267). Однако вкладчики денежныхъ капиталовъ въ кредитныя установленія не могутъ дѣлать распоряженія о выдачѣ тѣхъ капиталовъ, въ случаѣ ихъ смерти, кому бы то ни было; а монашествующія власти не имѣютъ права завѣщать свои имущества тѣмъ, которые пострижены въ монашество, исключая иконъ, панагіи, наперстныхъ крестовъ, и книгъ духовнаго, нравственнаго и ученаго содержанія (зак. сост. ст. 266 и 267 по прод. 1г № 3.)

Сходныя съ этимъ ограниченія постановлены и для лицъ *римско-католическаго монашествующаго духовенства*. Они не могутъ, послѣ пострыженія, владѣть недвижимымъ имѣніемъ (зак. сост. ст. 352), и передъ произнесеніемъ торжественнаго обѣта должны отречься отъ всякаго вообще имѣнія, могущаго къ нимъ перейти по наслѣдству. Въ актѣ отреченія они обязаны объявить, что не будутъ „ни собирать доходовъ съ имѣній, ни распоряжать ими, ни вступать въ опеку" (тамъ же, ст. 353). Но если, послѣ родителей останется наслѣдство, которое откроется до произнесенія монашествующими торжественныхъ обѣтовъ, и изъ этого наслѣдства будетъ слѣдовать имъ часть по закону, то они имѣютъ право требовать, чтобы имъ была выдѣлена изъ этой части десятая доля для вклада въ монастырь или для другого назначенія по ихъ волѣ. Но эта доля должна быть обращена въ деньги (тамъ же, ст. 354). Такимъ образомъ, монашествующіе римско-католическаго исповѣданія могутъ тоже владѣть движимымъ имуществомъ, но послѣ смерти монашествующихъ мужскаго пола можетъ наслѣдовать только монастырь, послѣ же лицъ женскаго пола призывается къ наслѣдству законные ихъ наслѣдники (тамъ же, ст. 356 и 357). О правѣ ихъ дѣлать завѣщательныя распоряженія вовсе не упоминается, вслѣдствіе чего, по общему смыслу постановленій о черномъ духовенствѣ, полагать, что они его вовсе не имѣ

Наконецъ лицамъ *монашествующ... армяно-григоріанскаго духовенства* ... шается владѣть недвижимымъ имущ... по нимъ „не воспрещается покупать ... пользу тѣхъ церквей и монастырей ... горымъ они принадлежатъ". Впро... могутъ наслѣдовать и составить ... движимое имѣніе, оставшееся по... переходитъ, за недостаткомъ завѣщ... ихъ законнымъ наслѣдникамъ (зак. ... 402). Подобно монашествующимъ ... нымъ, и имъ запрещена торгъ ... парами; дозволена только продажа ... шихъ рукодѣлій, и то не иначе, как... зволеніи своего начальства (тамъ ... 406).

Ограниченія гражданской прав... сти лицъ бѣлаго духовенства менѣе ... Лица *бѣлаго духовенства православ... вѣрія* не могутъ ... лично обязы... ручаться за другихъ ни въ какихъ ... ныхъ мѣстахъ, по подрядамъ и ... нымъ дѣламъ"; не могутъ быть ... и повѣренными по чужимъ дѣлам... дѣлъ своихъ церквей и дѣтъ ... подъ опекою ихъ состоящихъ" (т... ст. 289, п. 1 и 3). Здѣсь сказа... что въ другомъ мѣстѣ (зак. суд. ... 195, п. 3) законъ запрещаетъ быть ... ными духовнымъ особамъ *вообще* ... чая вѣроисповѣданій; имъ „запреще... заниматься несвойственными имъ ... промыслами, влекущими за собою ... ніе ихъ для повинностей къ торго... ряду" (зак. сост., ст. 289 уст. гор... п. 2). Впрочемъ „лица бѣлаго ду... т.-е. священники и дьяконы имѣютъ ... участвовать въ золотопромышлени... риществахъ и компаніяхъ, но ... участіе въ производствѣ золотого ... не допускается" (уст. горн., ст. 21... нецъ въ домахъ бѣлаго духовенств... гутъ быть помѣщаемы ни трактир... питейныя заведенія" (зак. сост., ... духовныя лица, владѣющія нед... имѣніемъ по праву дворянства ... права заниматься винокуреніемъ и ... вина (тамъ же, ст. 290). Но ст... пит. ограниченіе это простирается ... скихъ и привилегированныхъ ... только на помѣщиковъ, принадлеж... *высшему духовному* зва... пра...

в. Лица *бѣлаго римскаго католи-чества* не могутъ принимать на ранство по чужимъ дѣламъ въ свѣт-ебныхъ мѣстахъ, исключая дѣлъ, хъ духовнымъ начальствомъ и дѣлъ ъ, состоящихъ подъ ихъ опекою ст. 3411). Проповѣдники *проте-о исповѣданія* „не могутъ имѣть по тяжебнымъ и другимъ судеб-мъ, не касающимся ихъ самихъ емействъ" (тамъ же, ст. 381, зак. ст. 195 п. 3, уст. иностр. испов. могутъ принимать на себя долж-куновъ и попечителей не иначе, зрѣшенія консисторіи" (зак. сост. ст. иностр. испов. ст. 328); нако-новѣдники, находящіеся при долж-е могутъ принимать никакого не ующаго ихъ званію мѣста, или же торговлею, ремеслами и другими собразными съ ихъ духовными или же отвлекающими ихъ отъ наторскихъ обязанностей" (тамъ 80, уст. торг. ст. 13 п. 3, уст. нов. ст. 326). Законъ не говоритъ ченіи гражданской правоспособно-рмяно-григоріанскаго бѣлаго ду-

ельно *духовенства нехристіанскихъ* ъ, встрѣчаемъ только слѣдующія и: въ Таврической губерніи муф-экеръ, уѣздные кадіи, хатыпы, ллы, мазины и служители при ліотарисы, гочи, начальники тѣх и дѣти муфтія, кадія эскера, кадіевъ, хатыповъ, имамовъ, жальниковъ; въ западныхъ губер-лы, а въ округѣ оренбургскаго ского духовнаго собранія высшіе и магометанскіе чины — муфтій, тлянъ, имамы и мазины — „тор-ромыслами могутъ заниматься не ъ по оставленіи духовнаго состоя-ступленіи въ купеческое или мѣ-ословіе (уст. иностр. исповѣд. ст 232, уст. торг. ст. 13 п. 5). У кал-чующихъ въ Астраханской и Став-губерніяхъ, въ посредники для оровъ и неудовольствій какъ ме-такъ и посторонніихъ лицъ про-не можетъ быть избираемо духо-як. суд. гражд. ст. 1540 и 1545); ст. духовныя лица ламаитовъ не рава сочинять и переписывать просьбы для калмыковъ (уст. иностр. исповѣд. ст. 1277).

Въ заключеніе должно замѣтить, что лица монашествующія по данному ими обѣту послушанія, а лица бѣлаго духовенства, отправляющія духовныя должности по обязанности своей службы, находятся въ подчиненіи и зависимости своего начальства, и потому, подобно прочимъ служащимъ, не могутъ свободно располагать своимъ временемъ и занятіями, не могутъ, по произволу, перемѣнять мѣсто жительства.

Таковы ограниченія правоспособности лицъ духовнаго званія. Спрашивается: относятся ли эти ограниченія только къ тѣмъ ихъ лицамъ, которыя носятъ духовный санъ или должность и къ ихъ семействамъ, женамъ и дѣтямъ, или же они простираются на всѣ вообще лица, принадлежащія къ духовному состоянію? Вопросъ этотъ не относится ни къ безбрачному римско-католическому духовенству, ни къ протестантскому, потому что лица, носящія духовный санъ этого исповѣданія, принадлежатъ къ духовенству, пока не сложили его (зак. сост. ст. 387), или не лишились, вслѣдствіе преступленія или проступка (тамъ же, ст. 389); ни къ магометанскому,—потому что къ нему принадлежатъ только занимающіе духовныя должности (уст. иностр. исповѣд. ст. 1147 примѣч., 1148 и 1178). Въ томъ же положеніи находится, безъ сомнѣнія, и духовенство прочихъ нехристіанскихъ исповѣданій; ибо о немъ, равно какъ и о магометанскомъ, даже вовсе не говорится въ законахъ о состояніяхъ (Св. зак. т. IX). И такъ, только въ бѣломъ духовенствѣ православномъ и армяно-григоріанскомъ могутъ быть лица, не носящія духовнаго сана, но принадлежащія къ духовному состоянію. Однако разрѣшить въ отношеніи къ нимъ предложенный выше вопросъ очень трудно. Касательно православнаго духовенства есть нѣсколько указаній, по которымъ можно предполагать, что не всѣ ограниченія гражданской правоспособности по духовному сану простираются на лица духовнаго званія, не принадлежащія собственно къ духовенству. Такъ, напр., вдовы священно- и церковно-служителей имѣютъ право заниматься торговыми промыслами, тогда какъ самимъ священно- и церковно-служителямъ это запрещено (зак. сост. ст. 289). Редакція закона, запрещающаго помѣщать трактиры и питейныя заведенія въ домахъ лицъ бѣ-

лаго духовенства, кажется, допускаетъ предположеніе, что этому ограниченію можетъ быть и не подлежать домы вдовъ и сиротъ духовнаго званія (тамъ же, ст. 287). Но изъ этихъ нѣкоторыхъ намековъ и указаній нельзя вывести никакого общаго правила.

Перейдемъ теперь къ ограниченіямъ гражданской правоспособности лицъ, *состоящихъ въ государственной службѣ*.

Виды ея весьма разнообразны. Самый многочисленный есть тотъ, который пополняется рекрутскими наборами изъ податныхъ состояній, и составляетъ самую низшую ступень между служащими. Наряду съ ними стоятъ низшіе служители, мастера, мастеровые и рабочіе разныхъ вѣдомствъ, заводовъ и т. п., подобно первымъ несущіе обязательную службу; число этихъ послѣднихъ, послѣ совершившихся въ настоящее царствованіе преобразованій, существенно сократилось, но все еще они есть. О гражданской правоспособности этихъ низшихъ разрядовъ служащихъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь разсмотримъ только правоспособность тѣхъ, которые, по рожденію или воспитанію принадлежатъ къ неподатнымъ состояніямъ, вступаютъ на службу и оставляютъ ее добровольно и потому подвергаются, состоя на службѣ, гораздо меньшимъ ограниченіямъ гражданской правоспособности, чѣмъ тѣ низшіе разряды, о которыхъ мы упоминали выше.

Прежде всего замѣтимъ, что каждый служащій, какъ уже сказано, не можетъ ни отлучаться отъ мѣста своего служенія, ни перемѣнять мѣсто жительства безъ согласія и дозволенія своего начальства. Будучи обязанъ службою, онъ не можетъ располагать своимъ временемъ и занятіями по своему усмотрѣнію.

Далѣе, для тѣхъ разрядовъ служащихъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, служба не обязательна, и потому изложенныя ограниченія прекращаются тотчасъ же по выходѣ въ отставку. Слѣдовательно, отъ усмотрѣнія служащаго зависитъ освободиться отъ этихъ ограниченій. Но изъ этого общаго правила есть изъятія. Воспитаніе во многихъ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ казны влечетъ за собою обязанность отслужить за то извѣстное число лѣтъ. Такую же обязанность влечетъ за собою въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ производство въ офицерскій или классный чинъ. Степень и характеръ этой обязательности службы очень разнятся по обстоятельствамъ и условіямъ, ко она сопровождается и при которы кается. Такъ, она болѣе имѣетъ ха добровольнаго условія, когда обяза служить за свое воспитаніе извѣстно лѣтъ принялъ на себя это обяза будучи уже совершеннолѣтнимъ, в они имѣетъ болѣе принудительный терь, когда такая обязанность к вслѣдствіе отдачи на воспитаніе казны еще въ дѣтствѣ, слѣдовател участія въ томъ самого учащагося ность эта легче, когда кратковре тяжелѣе, т.-е. болѣе ограничиваетъ способность, когда продолжительна; также, обязанность эта менѣе ограни правоспособность, когда отъ нея мож бодиться, возвративъ казнѣ издерж требленныя на воспитаніе обязанно бою, и болѣе, когда эта обязанно условна и воспитанный на счетъ к можетъ освободиться отъ обязательно выплатою извѣстной суммы деньг нецъ, сама необязательная служба при извѣстныхъ условіяхъ, обрати обязательную, наприм., когда на просьбы объ отставкѣ назначены и роки въ году, военная служба по ніи и во все продолженіе войны и

Кромѣ этихъ общихъ ограничен данской правоспособности служащих государственной службѣ, есть еще м бенныхъ, свойственныхъ исключите жебному званію и различныхъ по ро Общее ихъ всѣхъ основаніе заключ томъ, что соединеніе въ одномъ и человѣкѣ и офиціальнаго, должно частнаго лица, легко можетъ повл водъ къ злоупотребленіямъ по служ тивъ частныхъ лицъ.

Ограниченія эти суть слѣдующія: жащимъ чиновникамъ запрещено уч въ пріобрѣтеніи имуществъ, продаж рыхъ поручена имъ отъ правите служ. прав. ст. 979 п. 1, Свод. зак ч. II кн. 1, ст. 2115 п. 1); 2) вхо тѣхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ, въ по поставки какъ своимъ именемъ, т немъ своихъ женъ, или участвовать кихъ предпріятіяхъ чрезъ подстав уст. служ. тамъ же, п. 2; См. зак же, п. 2, зак. гражд. ст. 1789). О жащимъ по городскимъ выборамъ см

въ торгахъ на отдачу въ содер-
ских имуществъ. Законъ пред-
которыя мѣры предосторожности
случаевъ и между прочимъ тре-
служащіе по городскимъ выбо-
желаютъ участвовать въ такихъ
заявили о томъ заранѣе город-
и въ день торга не присут-
качествѣ членовъ, въ томъ го-
присутственномъ мѣстѣ, гдѣ торгъ
(зак. гражд. ст. 1789); 3) быть
ами на подряды и поставки, за-
по мѣсту ихъ служенія (уст.
ст. 979 п. 3; Св. военн. пост.
ст. 2115 п. 3; зак. гражд. ст.
какъ во время составленія усло-
во время исполненія договоровъ,
уженія ихъ совершенныхъ, вхо-
новыя обязательства съ подряд-
оставщиками", т.-е. безъ сомнѣ-
, съ которыми заключены эти
оторыми исполняются эти договоры
ж. тамъ же, п. 4; Св. военн.
4; зак. гражд. ст. 1791). Ограж-
женныя во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ
носятся къ высшимъ и низшимъ
тѣхъ мѣстъ, гдѣ торги, подряды
производятся, къ тѣмъ, которые,
кон на нихъ обязанности, бы-
торгахъ, подрядахъ и продажахъ,
участіе въ дѣлахъ тѣхъ мѣстъ,
ются торги, подряды и продажи
прак. ст. 979 примѣч.; Св. военн.
же ст. 2115 примѣч. 1; зак. гражд.
примѣч.); 5) вступать въ откупа по
ствамъ, гдѣ они служатъ (уст.
же п. 5; Св. военн., тамъ же
писываться въ гильдіи, производить
ы и вообще всякій розничный
бственными произведеніями (уст.
же п. 6; Св. военн. тамъ же
орг. ст. 13 п. 1; ст. 337), и быть
прикащиками (уст. торг. ст. 263).
особымъ обстоятельствамъ и дозволяется служащіе могутъ быть записаны
или же безъ записки въ купече-
ства къ компаніямъ на акціяхъ
какого либо рода и наименова-
ямъ и товариществамъ, лично
въ предпріятіяхъ торговли или
ости (уст. торг. ст. 13 примѣч. 1);
ѣренными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ
тся при должностяхъ; въ дру-
стахъ, дозволяется (если имен-
но не запрещено), но съ тѣмъ, чтобы отъ того не происходило упущеніе по службѣ (уст. служ. тамъ же, п. 7; Св. военн. тамъ же п. 8; зак. суд. гражд. ст. 195 п. 5, лит. а уст. тамож. ст. 2829). Ближайшее примѣненіе этого общаго правила состоитъ въ томъ, что лицамъ, которымъ поручено въ прибалтійскихъ губерніяхъ прокурорскій и стряпческій надзоръ, запрещено быть ходатаями по частнымъ дѣламъ или адвокатами во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, завѣдываемыхъ этими чиновниками (уст. служб. тамъ же п. 7). Служащіе въ канцеляріяхъ правительствующаго сената, за исключеніемъ однихъ оберъ-прокуроровъ, не могутъ быть ходатаями по производящимся въ какомъ бы то ни было мѣстѣ или вѣдомствѣ частнымъ дѣламъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и то не иначе какъ по письменному разрѣшенію начальства (уст. служб. тамъ же, зак. суд. гражд. ст. 195 п. 5, лит. в); 8) служащимъ по военному вѣдомству запрещается входить въ какія либо публичныя обязательства съ частными лицами по постройкамъ или тому подобному (Св. военн. пост. ч. 2 кн. 1 ст. 2115 п. 7); 9) издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что либо, касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ (уст. служ. тамъ же, п. 8; Св. военн. тамъ же, п. 9). Въ позднѣйшемъ постановленіи (1828 г.), вошедшемъ тоже въ сводъ законовъ, ограниченіе это принимается въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: „никакой чиновникъ не имѣетъ права, безъ дозволенія начальства, обнародовать дѣлъ и свѣдѣній вѣренныхъ и извѣстныхъ ему по службѣ" (уст. ценз. ст. 10). Но въ отношеніи къ служащимъ по военному вѣдомству постановлены еще большія ограниченія: они не могутъ „предавать печати литературныя произведенія свои, оригинальныя и переводы, какого бы рода они не были, безъ дозволенія на то своихъ начальниковъ, по роду службы" (Св. военн. тамъ же); 10) казначеи всѣхъ мѣстъ и вѣдомствъ не иначе могутъ продавать и передавать недвижимыя имѣнія и отдавать въ ссуду капиталъ, какъ съ разрѣшенія начальства, исключая условія на отдачу въ наемъ домовъ, квартиръ, лавокъ и тому подобныя сдѣлки (уст. служ. тамъ же, п. 9, зак. граж. ст. 784 и примѣч. Св. военн. пост. ч. 2 кн. 1 ст. 2120); 11) „служащимъ въ Сибири и въ Архангельской губерніи запрещается всту-

нать въ долговыя обязательства, первымъ съ крестьянами и инородцами, а вторымъ съ самоѣдами, какъ на свое имя, такъ и подъ предлогомъ лицъ постороннихъ. Служащимъ въ Архангельской губерніи по всѣмъ частямъ управленія чиновникамъ запрещается сверхъ того торговля съ самоѣдами, подъ какимъ бы то предлогомъ и видомъ не было. Они не должны входить ни въ какое частное посредничество по торговлѣ съ самоѣдами; также запрещается ручаться за нихъ по торгамъ и другимъ условіямъ" (уст. служ. тамъ же, п. 10; Св. воен. тамъ же, ст. 2117; зак. гражд. ст. 2072); 12) чиновникамъ, служащимъ въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и Ставропольской и въ Землѣ войска донскаго, запрещается входить въ какія либо сдѣлки и обязательства, какъ по торговлѣ, такъ и по другимъ предметамъ, съ калмыками Астраханской и Ставропольской губерній (зак. сост. ст. 1344; зак. гражд. ст. 2026); 13) состоящимъ на службѣ въ С.-Петербургѣ при главномъ управленіи горною частью запрещено производство золотого промысла въ Сибири; служащимъ же въ Сибири вообще запрещается заниматься тамъ рудянымъ промысломъ, и быть повѣренными другихъ лицъ по тѣмъ горнымъ и золотымъ промысламъ, которые имъ самимъ запрещены (уст. служб. тамъ же, п. 11 Св. воен. пост. ч. 2, кн. 1, ст. 2118, зак. суд. гражд. ст. 195 п. 5 лит. б.; зак. гражд. ст. 2296; уст. горн. ст. 2198, 2432 п. 1, 24311. Должно полагать, что эти ограниченія распространяются и на служащихъ въ Оренбургской губерніи, потому что частный золотой промыселъ въ этой губерніи именно дозволенъ лицамъ служащимъ по выборамъ отъ дворянства, вѣроятно въ той же губерніи (уст. служб. тамъ же, п. 11. примѣч.), но въ тоже время чиновникамъ, служащимъ въ оренбургскомъ краѣ по опредѣленію отъ правительства, запрещено разыскивать и разработывать золото въ башкирскихъ земляхъ (уст. служб. прав. ст. 979 п. 11. прод. по № 13, изъ чего можно, кажется, заключать, что въ другихъ мѣстахъ оренбургскаго края это имъ дозволено.—Что касается до золотого промысла въ Сибири, то со времени послѣдняго изданія сего, безусловное запрещеніе таможнимъ чиновникамъ заниматься чѣмъ отно[illegible] промышленности значительно смягчено сначала золотой промыселъ дозволенъ почетнымъ смотрителямъ таможнихъ учебныхъ заведеній (уст. горн. ст. 2434 прод. п) и домашнимъ [illegible] (уст. служб. прав. ст. 979 п. 11 [illegible] № 5), а наконецъ и вообще служащ[illegible] Сибири чиновникамъ, по слѣдующей [illegible] щіи: 1) всѣмъ безъ исключенія ч[illegible] камъ, служащимъ въ западной Сиб[illegible] Сибири восточной и наоборотъ, чи[illegible] служащимъ въ восточной Сибири [illegible] западной; 2) въ какой части Сибири, [illegible] отдѣльно, запрещеніе таможнимъ ч[illegible] камъ заниматься золотымъ промысло[illegible] пичено тѣми изъ нихъ, которые слу[illegible] главному и общимъ губернскимъ и [illegible] нымъ управленіямъ, а также всѣми [illegible] земской полиціи и судебнаго вѣдом[illegible] обще; прочимъ же чиновникамъ, как[illegible] наго такъ и гражданскаго вѣдомства [illegible] мыселъ этотъ разрѣшенъ (уст. горн. [illegible] п. 1, прод. по № 4; 14) чиновники, [illegible] щіе на службѣ по опредѣленію отъ [illegible] тельства въ одной изъ западныхъ [illegible] гдѣ находятся вакантныя казенныя [illegible] не допускается къ администрированію [illegible] вленію сими имѣніями или платежа [illegible] инвентарнаго дохода (уст. служб. прав. [illegible] п. 15; Св. воен. пост. ч. 2, кн. 1 ст. [illegible] 15) класснымъ и не класснымъ чинам[illegible] пробирныхъ палаткахъ состоящимъ [illegible] щено заниматься тѣми мастерствами, [illegible] рыя находятся въ завѣдываніи и[illegible] также торговать золотыми и серебр[illegible] издѣліями подъ своимъ или чужимъ [illegible] и входить съ мастерами, фабрикантам[illegible] тирами и торговцами въ торговыя об[illegible] и обороты. Ограниченіе это относит[illegible] пробирнымъ мастерамъ, пока они бу[illegible] имѣть мѣста пробиреровъ (уст. служ[illegible] же, п. 12, уст. ремес. ст. 283 и п[illegible] 16) карантинные чиновники и служи[illegible] могутъ быть уполномочиваемы тѣм[illegible] рые, выдерживая карантинъ, дѣлаю[illegible] хозяйственныя завѣщанія, ни получать ка[illegible] части изъ имѣнія завѣщателя, если [illegible] отъ права наслѣдовать послѣ нихъ [illegible] конц. Всѣ служащіе въ карантинѣ, [illegible] членовъ и пріемныхъ отъ купеческ[illegible] сословій, не могутъ вм[illegible] какое-либо участіе въ грузѣ на куп[illegible] судахъ или въ торговлѣ, заключать [illegible] съ шкиперами и другими людьми, [illegible] находящимися въ карантинѣ, и принимать [illegible] отъ нихъ какія-либо вѣрющія письма—по [illegible] безъ особеннаго дозволенія начальст[illegible] служб. прав. ст. 979 п. 13 и 14; ус[illegible]

091 и 1096); 17) медицинскимъ чиновникамъ запрещено имѣть какіе-либо денежные расчеты съ поставщиками припасовъ въ заведенія и госпитали, гдѣ они служатъ (врач., ст. 123); 18) служащимъ по казенному соляному управленію чиновникамъ низшимъ служителямъ запрещено торговать солью (уст. служ. прав., ст. 979 п. 16; уст. сол., ст. 458, примѣч.; ст. 646); 19) сельскіе обыватели, пока находятся въ должности волостныхъ или сельскихъ начальниковъ, не могутъ входить съ поселянами своей волости ни въ какія обязательства ни по составленію оброчныхъ статей, ни по исправленію другихъ повинностей (зак. сост., ст. 660); присяжнымъ и нотаріусамъ, пока они находятся въ должности, запрещается производство торговли, какъ на свой счетъ, такъ и черезъ комиссіямъ и участкамъ въ торговыхъ товариществахъ (уст. торг., ст. 2452).

Податныя состоянія и сословія, *не платящія* никакихъ обязательныхъ отношеній къ *частнымъ* лицамъ. Выше мы показали, какимъ образомъ подушная подать, рекрутская и другія личныя натуральныя повинности служатъ источникомъ разныхъ ограниченій гражданской правоспособности. Къ сказанному должно прибавить, что нѣкоторымъ изъ податныхъ званій этой категоріи присущъ особаго рода личныя натуральныя повинности, работы и службы, и за то вполнѣ или отчасти освобождены отъ податей и повинностей, лежащихъ вообще на податныхъ состояніяхъ и сословіяхъ.

Число сословій и званій этой категоріи весьма значительно. Къ ней принадлежатъ, по городскаго состоянія, мѣщане или посадскіе, ремесленники или цеховые и рабочіе (зак. сост., ст. 424), а изъ сельскаго званія — всѣ, причисленные къ нему по закону, исключая только находящихся въ постоянной зависимости отъ частныхъ лицъ, которые отнесены нами къ третьей, послѣдующей категоріи (зак. сост., ст. 613—616; ст. 617 кромѣ пунктовъ 4, 13, 15 и 16). Наконецъ ко второй категоріи принадлежатъ, какъ мы видѣли, согласно съ сдѣланнымъ нами выше замѣчаніемъ, и нижніе воинскіе чины, поступившіе на обязательную службу по рекрутскимъ наборамъ изъ податныхъ состояній и званій.

Несмотря на общія всѣмъ этимъ сословіямъ и званіямъ черты гражданской правоспособности, каждое изъ нихъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свои оттѣнки, по которымъ ихъ можно подраздѣлить, смотря по степени ограниченія правоспособности, на особыя группы.

1) Наибольшею степенью правоспособности пользуются тѣ изъ принадлежащихъ къ этой категоріи, которые, не будучи обязаны особенною работою или службою, освобождены отъ подушной подати (уст. под., ст. 7, 808, 809), рекрутской повинности (уст. рекр. ст. 13), или же могутъ отправлять ее не натурою, а деньгами (уст. рекр., ст. 9 и 11), и отъ личныхъ натуральныхъ повинностей (уст. земск. повин., прилож. къ ст. 53) [1]. Степень гражданской правоспособности измѣряется тѣмъ, дарованно ли освобожденіе отъ податей и повинностей навсегда, или на время, пользуется ли лицо всѣми этими льготами, или только нѣкоторыми или одною. Различное сочетаніе этихъ преимуществъ представляетъ лѣстницу постепеннаго расширенія или ограниченія гражданской правоспособности.

Весьма замѣчательную аномалію представляютъ изъ сословій, принадлежащихъ къ этой группѣ, *колонисты*. Они не подлежатъ рекрутству и многіе изъ нихъ обложены не подушною, а поземельною податью; и такъ, съ этой стороны, они свободны отъ многихъ ограниченій. Но въ то же время они подлежатъ другимъ. Колонисты не могутъ сами собою, безъ вѣдома и дозволенія ихъ начальства, входить въ письменныя обязательства (уст. колон., ст. 180); наемъ работниковъ запрещается тѣмъ изъ нихъ, которые не въ состояніи производить работникамъ платы (тамъ же, ст. 181). Иностранные поселенцы, имѣющіе въ Россіи собственную землю, при оставленіи имперіи навсегда, должны продать эту землю кому-либо изъ живущихъ въ Россіи; иначе она поступаетъ въ казну безденежно (тамъ же, ст. 508). Послѣднее ограниченіе удержалось отъ прежняго времени, когда иностранцамъ дозволено было пріобрѣтать поземельную собственность не иначе, какъ въ видѣ изъятія и то со многими стѣсненіями, уже отмѣненными въ настоящее время.

2) Менѣе правоспособны тѣ, которые тоже, не будучи обязаны никакою особенною рабо-

[1]) *Общія* личныя натуральныя повинности въ губерніи исчислены въ уст. земск. повин. ст. 186, п. 1—4, п. 5 лит. а и г, п. 13 и 14, но сверхъ того, есть *частныя*, обыкновенныя и чрезвычайныя для городовъ, селеній и вѣдомствъ, которыя опредѣляются особыми положеніями (тамъ же, ст. 185).

тою или службою, несутъ однако и подушную подать, и рекрутскую, и другія личныя натуральныя повинности. Законъ впрочемъ не требуетъ у насъ, чтобы каждый непремѣнно поступалъ въ рекруты; изъ тысячи ревизскихъ мужскихъ душъ рекрутство дѣйствительно отправляютъ лишь немногіе: сверхъ того, наше законодательство дозволяетъ отбывать рекрутство поставленіемъ за себя нанятаго охотника или представленіемъ зачетной рекрутской квитанціи; точно также личная натуральная повинность можетъ быть обращена въ денежную или отбываться наймомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ гражданская правоспособность ограниченнѣе или шире на фактѣ, или вмѣстѣ и юридически. Государственные крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отправляли, независимо отъ общихъ личныхъ натуральныхъ повинностей, еще и обязательныя работы по общественнымъ запашкамъ. Онѣ отмѣнены указомъ 5 марта 1861 года (Сен. вѣд. № 20).

3) Еще ограниченнѣе гражданская правоспособность тѣхъ сословій и званій, которыя, взамѣнъ подушной и рекрутства, а иногда наряду съ тою или другимъ, или даже съ обоими вмѣстѣ, несутъ особенныя службы, работы и повинности. Число сословій или званій, сюда относящихся, еще въ недавнее время, было очень значительно. Сюда принадлежатъ: крестьяне, поселенные въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ и прибалтійскихъ губерній, которые, „вмѣсто платежа поземельнаго оброка, доколѣ оный не установленъ, исправляютъ, въ пользу временнаго владѣльца, заступающаго мѣсто казны, разныя хозяйственныя работы и повинности“ (уст. каз. насел. имѣн., ст. 1); крестьяне, приписанные къ разнымъ вѣдомствамъ, управленіямъ, фабрикамъ, заводамъ, дворцамъ и проч. и отбывавшіе на нихъ разныя работы натурою; мастеровые и мастера, приписанные наслѣдственно къ фабрикамъ и заводамъ разныхъ вѣдомствъ; низшіе служители различныхъ вѣдомствъ и управленій, причисленные къ нимъ съ потомствомъ и отправлявшіе службу при разныхъ ихъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ. Степень гражданской правоспособности всѣхъ этихъ разрядовъ, смотря по свойству лежавшихъ на нихъ обязательныхъ службъ, работъ и повинностей, была очень разнообразна. Для однихъ были постановлены опредѣленные сроки службы, послѣ которой они освобождались отъ обязательнаго труда; другіе служили безсрочно, „доколѣ здоровье имъ позволяютъ“ (наприм., и мастеровые петерг. гранильн. фаб горн., прилож. къ ст. 1675, примѣч. одни имѣли право нанимать вмѣсто бочихъ, другимъ даже когда работа требовала техническихъ знаній, это прещено, безъ разрѣшенія начальства крестьянамъ, приписаннымъ къ гор горнымъ заводамъ,—уст. горн., прилож 2245 п. 5); однимъ было дозволено няться въ другія состоянія съ раз начальства (наприм., нижнимъ и рабоч намъ алтайскихъ заводовъ,—уст. г 1702), увольнять другихъ положите прещено (наприм., тульскихъ оруж „кои дѣйствительно въ дѣланіи оружі няются и пріобрѣли въ томъ позвол воен. пост. ч. I, кн. 4, ст. 167 лит. были свободны отъ всѣхъ государст податей и рекрутскаго набора (напр ніе и рабочіе чины уральскихъ горны довъ,—уст. горн. ст. 309), и натуральн свихъ повинностей (наприм., ямщи земск. повин., прил. къ ст. 53, п. напротивъ, несутъ подушную подат скую и другія личныя натуральны ности; наконецъ, самое свойство и жительность обязательныхъ работъ и имѣетъ вліяніе на мѣру ограничен данской правоспособности: одни слу боты продолжаются безпрерывно годъ, тогда какъ другія прекращают вѣстное время года, или же отпр поочередно. Различныя сочетанія об отправлять подушную подать, личн ральныя повинности, службы и рабо гія, изложенныя нами выше усл дическаго быта лицъ, принадлежа этой группѣ, опредѣляютъ большую шую ихъ правоспособность. Но г рактеристическая черта ихъ юри положенія, отличающая ихъ замѣтно прочихъ — это обязательный трудъ, или другомъ видѣ, необходимо вл собою стѣсненіе и ограниченіе р правъ, входящихъ, какъ мы видѣл ставъ полной гражданской правосп

Въ настоящее царствованіе, изъ сленныхъ разрядовъ, принадлежащи къ этой группѣ, удержались немног уволены или увольняются отъ обя работы и службы и вошли уже пенно входятъ въ одну изъ двухъ

рій податныхъ состояній, сословій
удѣльные крестьяне, гражданская
ность которыхъ была значительно
равнены въ правахъ съ государ-
крестьянами (1858 г. 20 іюня); въ
году у нихъ тоже отмѣнена обще-
ашка (1861 г. марта 5-го); права
состояній распространены также
ъ солдатъ (тамъ же), на военныя
авалеріи (1857 г. іюня 4-го), на
еленія за Кавказомъ, которыя пе-
ражданское вѣдомство (1857 года
крестьянъ всѣхъ государевыхъ
ъ имѣній (1859 г. августа 26-го);
кіе поселяне, охтенскіе и черно-
ены изъ адмиралтейскаго вѣдом-
. марта 24; 1861 г. іюля 14-го);
государственные крестьяне, при-
ъ корабельнымъ лѣсамъ низовыхъ
производства въ оныхъ работъ
нію лѣсовъ" (уст. лѣсн., ст. 1161)
въ общій разрядъ государствен-
янъ (1860 г. марта 28-го); пре-
значеніе крестьянъ въ служитель-
сти при архіерейскихъ домахъ и
, а находящіеся при нихъ слу-
влены въ этомъ званіи по 19 фе-
года, исключая, разумѣется тѣхъ,
ѣе выслужатъ срокъ, установлен-
службы (1861 г. 22 мая); упразд-
лавскій греческій пѣхотный ба-
всѣ состоящіе въ немъ чины осво-
ъ обязанности нести военную
9 г. октября 21-го); сравнены во
ахъ съ государственными крестья-
заводскіе крестьяне (1860 года,
и крестьяне имѣній, пожертво-
етными лицами учебнымъ заведе-
авскому Демидовскому лицею, ка-
рпусамъ -орловскому—Бахтина и
у Михайловскому, и орловскому
ескому институту благородныхъ
9 года, мая 12-го), а также мос-
авному архиву министерства ино-
дѣлъ (1861 г. августа 6-го). Что
аконецъ, крестьянъ западныхъ и
ихъ казенныхъ имѣній, то обяза-
оты ихъ должны прекратиться съ
во всѣхъ населенныхъ казенныхъ
страціи или регулированія и съ
ихъ затѣмъ на поземельное оброч-
ie (уст. каз. насел. имѣн., ст. 15),
ная повинность ямщиковъ — съ
ъ желѣзныхъ дорогъ и заведе-
ніемъ на всѣхъ почтовыхъ трактахъ воль-
ныхъ почтъ (зак. сост., ст. 621). Юридиче-
скій бытъ крестьянъ, мастеровъ, мастеровыхъ
и рабочихъ людей, приписанныхъ къ фабри-
камъ и заводамъ казенныхъ и другихъ вѣ-
домствъ, преобразованъ въ обширныхъ раз-
мѣрахъ. Большая ихъ часть уволена отъ обя-
зательной работы и службы, и получила об-
щія права городскихъ или сельскихъ обыва-
телей. Такими правами воспользовались кре-
стьяне и приписные люди павловской суконной и богородской лосинной фабрикъ (1858 г. декабря 7-го), петергофской гранильной (1860 года, мая 21-го), тельминской близъ Иркутска (1860 года, 22 декабря), мраморныхъ ломокъ тивдійскихъ и рускольскихъ (1861 года, апрѣля 5-го), ропшинской бумажной (1861 г. февраля 6-го), царскосельской обойной фабрики (1860 г. марта 18-го), фарфороваго и стекляннаго императорскихъ заводовъ и состоящаго при послѣднемъ мозаическаго заведенія (1860 г. января 19-го, см. 1860 г. марта 18 и 1861 г. февр. 21; Сен. вѣд. № 33 и 34), кіево-межигорской фаянсовой фабрики (см. 1861 г. апрѣля 26-го, Сен. вѣд. № 37) и александровской мануфактуры (1860, октября 13-го). Положеніемъ 8 марта 1861 года велѣно уволить отъ обязательной службы заводамъ нижнихъ и рабочихъ чиновъ, состоящихъ при казенныхъ горныхъ заводахъ вѣдомства министерства финансовъ, а также нижнихъ и рабочихъ чиновъ с.-петербургскаго и екатеринбургскаго монетныхъ дворовъ, александровскаго пушечнаго завода въ Петрозаводскѣ и екатеринбургской механической фабрики и приписанныхъ къ казеннымъ соляннымъ заводамъ и промысламъ—не позже двухъ лѣтъ со дня обнародованія положенія, на всегда и съ потомствомъ, а крестьянъ, приписанныхъ къ олонецкимъ заводамъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ уволены отъ обязательной службы мастеровые экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ—на одинаковомъ основаніи съ мастеровыми, приписанными къ монетнымъ дворамъ (1861 года, 21-го марта), а заводскіе люди александровскаго главнаго механическаго завода николаевской желѣзной дороги,—на тѣхъ же началахъ, которыя установлены для заводскихъ людей вѣдомства министерства финансовъ (1861 года, 13-го іюня). Наконецъ, горнозаводскихъ людей вѣдомства кабинета Его Величества, какъ нижнихъ и рабочихъ чиновъ, такъ и

крестьянъ повелѣно уволить отъ обязательной горнозаводской работы по истеченіи трехъ лѣтъ съ изданія указа (1861 года, марта 8-го). Такія же мѣры приняты и относительно *нижнихъ служителей* разныхъ вѣдомствъ, потомственно отправлявшихъ обязательную службу. Отъ нея уволены дѣти нижнихъ служителей почтоваго вѣдомства, и званіе это перестало быть наслѣдственно обязательнымъ (1860 года, декабря 5-го); дѣти инвалидовъ, аптекарскихъ учениковъ, мастеровыхъ заводовъ хирургическихъ иструментовъ и типографіи и другихъ нижнихъ служителей вѣдомства департамента казенныхъ врачебн. заготовленій (1858 г., сентября 26-го); служители и работники при ропшинскомъ дворцѣ, садахъ и оранжереяхъ (1861 г., 6 февраля) и т. д. Во многихъ вѣдомствахъ званіе нижнихъ служителей перестало быть наслѣдственно обязательнымъ вслѣдствіе другой общей мѣры, именно вслѣдствіе увольненія солдатскихъ дѣтей отъ обязательной службы и прекращенія наслѣдственности солдатскаго званія, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. За всѣми этими преобразованіями число лицъ, принадлежащихъ къ категоріи обязательно несущихъ работы и службы значительно сократилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проистекающія изъ такихъ службъ и работъ ограниченія гражданской правоспособности. Остались принадлежащими къ этой категоріи приписанные къ оружейнымъ и кирпичнымъ заводамъ военнаго вѣдомства заводскіе люди (Св. воени. пост., ч. 1, кн. 4, ст. 138—232 и 2412) и можетъ быть еще нѣкоторые другіе.

4) Наиболѣе ограничена гражданская правоспособность нижнихъ чиновъ, поступающихъ въ службу по рекрутскимъ наборамъ. Будучи освобождены лично отъ податей и повинностей всякаго рода, они взамѣнъ того несутъ обязательно службу въ теченіи опредѣленнаго срока, и въ продолженіе службы, сверхъ общихъ ограниченій всѣхъ вообще служащихъ въ отношеніи къ перемѣнѣ и выбору мѣста жительства и къ занятіямъ, подвергаются еще особеннымъ ограниченіямъ гражданской правоспособности, а именно: а) они не имѣютъ права строить и пріобрѣтать дома [1]), исключая войскъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и въ Финляндіи р… женныхъ; инвалидныхъ и этапныхъ к… линейныхъ батальоновъ и подвижных… лидныхъ ротъ, состоящихъ при г… заводахъ; линейныхъ сибирскихъ … оповъ; артиллерійскихъ гарнизоновъ … ского округа; тѣхъ, которые, не по… еще полной отставки отъ военной … поступили въ разныя мѣста по граж… вѣдомству; нижнихъ чиновъ ставроп… военно-рабочей роты инженернаго вѣ… архангельской военно-рабочей роты … двинскаго гарнизона и безсрочно отп… нижнихъ чиновъ (Св. военн. пост., ч. … ст. 2132, v, лит. а—гі. Кромѣ исклю… всѣмъ прочимъ не только запрещается … и пріобрѣтать дома, но и вообще … мую собственность (тамъ же, ст. 2… „нижнимъ чинамъ, въ дѣйствительно… находящимся, вовсе запрещается … долговыя обязательства; вступая … гіи, они должны наблюдать, чтобы … сіе въ нарушеніе обязанностей ихъ … а потому, въ случаѣ договора личных… они должны имѣть на то дозволеніе … начальства“ (тамъ же, ст. 2134, … ст. 554 примѣч. г, в) „нижніе чины … гутъ производить торговли товарами … солью и т. под.; но могутъ продавать … произведенія своего ремесла, не … сего особыхъ помѣщеній“ (тамъ же, … уст. торг., ст. 338). Согласно съ эти… нимъ воинскимъ чинамъ, состоящим… ствительной службѣ, запрещено вст… гильдіи (уст. торг. ст. 13 п. 4). … имъ запрещено также быть опекуна… вѣренными по дѣламъ, хотя, если … ошибаемся, такого запрещенія нѣтъ … законовъ.

Всѣ эти ограниченія, какъ мы … относятся къ нижнимъ чинамъ, со… въ дѣйствительной службѣ; слѣдо… имъ не подвергаются безсрочно отп… Что касается до отставныхъ нижних… то гражданская правоспособность … чѣмъ не отличается отъ правоспо… прочихъ неподатныхъ состояній и … лично, они пользуются всѣми ихъ … и преимуществами, потому что нар… ними не подлежать подушной подат… крутству (земскія повинности они … отправлять, если получатъ участки … хлѣбопашества,—уст. земск. повинн., … къ ст. 53, ст. 18 п. 2).

[1]) Постановленія о правахъ нижнихъ воинскихъ чиновъ строить и пріобрѣтать дома измѣнены Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, послѣдовавшимъ 5 февраля 1862 г.

ческомъ бытѣ и положеніи нижъ, поступающихъ на службу по наборамъ, произошли въ послѣдщественныя измѣненія, занимаюстраницу въ числѣ реформъ нырствованія. Очень многія низшія ія и другія должности не только скому, но и по военному вѣдомыя пополнялись доселѣ военноми рекрутами, теперь будутъ заольнонаемными. Чрезъ это возпрямое назначеніе рекрутской полать государству солдатъ, и саніе поступающихъ въ службу по олучило болѣе имъ свойственный Прекращена отдача въ военную реступленія и проступки, чѣмъ ихъ чиновъ уравнено въ своемъ ть достоинствѣ со всѣми прочими и званіями. Но несравненно для е, по ближайшему своему отногражданской правоспособности, двѣ явшіяся 1856 года августа 26-го а, сентября 8-го. Первою изъ разрѣшено сыновьямъ нижнихъ иновъ приписываться къ податніямъ, чрезъ что званіе нижъ, поступающихъ въ службу по наборамъ, перестало быть паимъ. Такимъ образомъ, множество ныхъ службою изъ рода въ родъ, шихъ всѣмъ ограниченіямъ гражвоспособности, проистекающимъ льной службы нижнихъ чиновъ, въ гражданскій бытъ и получили права податныхъ состояній и званіе нижнихъ чиновъ обратически, въ личное, какимъ ему и ть. Второю мѣрою значительно срокъ обязательной службы нижъ, поступающихъ на службу по наборамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сосрокъ тѣхъ ограниченій гражвоспособности, которымъ подверъ мы видѣли, гѣ изъ нижнихъ орые состоятъ въ дѣйствительной

ограниченія гражданской правопо состояніямъ и званіямъ, не никакихъ обязательныхъ отношимъ лицамъ—свободныхъ, какъ вились до 19 февраля 1861 года. ъ перейдемъ по порядку къ разражданской правоспособности обязательно-зависимыхъ отъ частныхъ лицъ, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ значительныхъ разрядахъ подданныхъ имперіи, которые, строго говоря, не подходятъ подъ понятія состоянія и сословія или званія въ приведенномъ нами смыслѣ, именно о поселенныхъ иррегулярныхъ войскахъ, казачьихъ и башкирскомъ, и объ инородцахъ.

III. *Войска казачьи и башкирское.* Въ составъ казачьихъ войскъ входятъ всѣ тѣ состоянія и сословія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, но подъ особеннымъ опредѣленіемъ, присвоеннымъ исключительно войсковымъ обывателямъ. Это особое опредѣленіе, имѣющее рѣшительное вліяніе на степень ихъ гражданской правоспособности, есть обязанность нести службу, лежащая на каждомъ войсковомъ обывателѣ мужскаго пола, который способенъ служить. И дворянинъ и простой казакъ,—всѣ до единаго, кто только принадлежитъ къ войску,—несутъ эту повинность, но, взамѣнъ того, освобождены отъ другихъ обязанностей въ государству, ограничивающихъ гражданскую правоспособность.

Постараемся, въ немногихъ словахъ, представить отличительныя черты юридическаго быта казачьихъ войскъ, на сколько это нужно для опредѣленія ихъ гражданской правоспособности.

Мы видѣли, что каждый, принадлежащій къ одному изъ казачьихъ войскъ, непремѣнно долженъ служить; но родъ службы и срокъ ея очень разнообразны, смотря по занятіямъ и по сословію служащаго. Главное назначеніе огромнаго большинства казаковъ, разумѣется, военная служба; но наравнѣ съ нею считается въ нѣкоторыхъ войскахъ и такая, которая мало имѣетъ общаго съ военными обязанностями; напр., амурское войско обязано содержать сообщенія по рр. Амуру и Усури и по сухопутной границѣ на пароходахъ, лодкахъ и лошадяхъ (Св. военн. пост., ч. I, кн. II, прод. I. прил. къ ст. 6289 п. 96 лит. а; п. 102); донское войско имѣетъ въ своемъ составѣ рабочій полкъ „для воспособленія при возведеніи войсковыхъ зданій и для работъ по устройству г. Новочеркаска“ (Св. военн. пост., ч. I, кн. II, ст. 3024). Кромѣ того почти всѣ казачьи войска отправляютъ полицейскую службу, которая, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ считаться военною; наконецъ, потребности внутренняго управленія по всѣмъ его отраслямъ и суда отвлекаютъ

нѣкоторую часть войсковыхъ обывателей въ гражданскую службу.

Такое же разнообразіе представляетъ и срокъ службы. Онъ короче для войсковыхъ дворянъ и казаковъ, дослужившихся до офицерскаго чина, и продолжительнѣе, вообще говоря, для урядниковъ и казаковъ; напр., въ забайкальскомъ войскѣ офицеры должны выслужить 25 лѣтъ, а нижніе чины 40 (тамъ же, ст. 6106 и 6115); въ астраханскомъ — первые тоже 25 лѣтъ, а послѣдніе 30 (тамъ же, ст. 4616 и 4627), и т. под. Но и срокъ службы нижнихъ чиновъ сокращается, если она постоянная, а не очередная, также для чиновъ гвардейскихъ полковъ и т. под. Такъ въ донскомъ войскѣ обязательный срокъ службы для нижнихъ чиновъ есть 25-тилѣтній; но нижніе чины, состоящіе безсмѣнно при новочеркаскомъ войсковомъ госпиталѣ, обязаны служить только 15 лѣтъ (тамъ же, ст. 3310, примѣч. 2-е); нижніе чины лейбъ-гвардіи казачьяго полка, лейбъ-атаманскаго и лейбъ-гвардіи донской батареи — 22 года и 20 лѣтъ (тамъ же, ст. 3328 и 3329 по 1-му прод.); въ забайкальскомъ войскѣ урядники, исполняющіе должность каптенармуса по артиллерійской части, писари, мастеровые при батареѣ, состоящіе при ней постоянно, служатъ вмѣсто 40 только 20 лѣтъ (тамъ же, ст. 5914); въ амурскомъ войскѣ писаря, фельдшеры и прочіе нижніе чины, состоящіе на постоянной безсмѣнной службѣ, обязаны прослужить не 30, а только 20 лѣтъ (Св. военн. пост., ч. I, кн. II, прод. 1 прил. къ ст. 6289, п. 178) и т. под.

Каждый изъ войсковыхъ обывателей мужескаго пола, достигнувъ извѣстнаго возраста, вступаетъ въ службу, исключая вовсе неспособныхъ ни къ какой службѣ и совершенно безнадежныхъ къ выздоровленію (Св. военн. пост., ч. I, кн. II, ст. 3114). Дѣти дворянъ и чиновниковъ, получившихъ дѣйствительное сравненіе съ армейскими чинами, сами избираютъ родъ службы и опредѣляются въ нее съ 15-ти или 16-ти лѣтъ (въ донскомъ и оренбургскомъ войскахъ съ 15-ти лѣтъ, въ прочихъ съ 16-ти. Тамъ же, ст. 3116, 3803, 5181, 4208, 4607; въ астрах. войскѣ служба считается съ 19-ти лѣтъ,—4611, 4831, 5616). Сыновья чиновниковъ и офицеровъ, не сравненныхъ съ армейскими чинами или получившихъ чинъ при отставкѣ, поступаютъ на правахъ вольноопредѣляющихся, и служба ихъ считается лишь съ 19-тилѣтняго возраста, хотя бы они поступили на службу и
(тамъ же, ст. 3124, 3125, 3806, 3807
4834, 4835, 5180, 5619, 5620, 5791,
6102, 6103, 6264, 6265); паковскъ, с
чиновниковъ, рожденные въ урядниче
казачьемъ званіи ихъ отцовъ, зачис
въ службу наравнѣ съ дѣтьми обер
ровъ регулярныхъ войскъ, рожден
нижнемъ званіи отцовъ, и служба и
тается тоже съ 19-ти лѣтъ (там
3124, 3808, 4212, 4612, 4836, 5
5793, 6104, 6266). Какъ эти лица,
сыновья урядниковъ, писарей, фель
и казаковъ (въ донскомъ, а также куб
и терскомъ войскахъ,—бывшихъ чер
скомъ и кавказскомъ—сверхъ того
священно- и церковно-служителей
происхожденія, остающіеся за
церковныхъ штатовъ), по минова
лѣтъ отъ роду, употребляются въ
повинности, называемыя сидѣньками.
дятся въ нихъ два года, подъ имен
лѣтковъ; со вступленіемъ въ 20-й
роду зачисляются въ казаки, и къ
ніе года послѣ того освобождаются
дѣнокъ и приготовляютъ себя во
требномъ для полевой службы: по
же этого года вступаютъ въ отправ
ствительной службы (тамъ же, ст.
3101; 3795—3799; 4200—4204; въ
войскѣ зачисляются въ казаки 17-
пользуются въ продолженіе 18-го года
и 18-ти лѣтъ вступаютъ въ дѣйст
службу: 4599—4602; 4824—4827,
сибирск. войскѣ не дается льготная
дѣйствительная служба начинается
года: 5609—5611; 5784—5787; 609
6257—6260; прод., 1 прил. къ
п. 210, 212—214).

Казачья служба раздѣляется на
внутреннюю. Первая есть собственно
служба, военная или полицейская,
ляется внѣ предѣловъ войска, или
войска (кордонная, линейная и т. д
наряжаемыхъ въ нее казаковъ раз
мирное и военное время. Внутренняя
казаковъ существуетъ для удовле
потребностей мѣстнаго гражданскаго
ленія по различнымъ его отрасл
мирное время и та и другая служб
полевая и внутренняя, суть очер
именно: послѣ извѣстнаго числа лѣт
казаки возвращаются домой и за
своимъ хозяйствомъ, пока до нихъ

ередь. „Всѣмъ вообще главнымъ
ъ казачьихъ войскъ поставляется
ость имѣть въ виду, при увели-
ихъ войскахъ народонаселенія, по-
блегченіе казаковъ въ очередной
спредѣляя ихъ соразмѣрно съ воз-
ъ населеніемъ и съ потребностями
лужбы, не на двѣ, но на три и
еди“ (тамъ же, ст. 2654); за то
ррегулярныхъ войскъ, по общему
олжны имѣть собственное обмун-
и вооруженіе, лошадей и конскую
ость (тамъ же, ст. 2663, 3531,
, 3671, 3968, 4044, 4511, 4736,
, 5924, 6176).

оченіемъ тѣхъ, которые, какъ мы
суть постоянную, а не очередную
роки службы которыхъ, вслѣдствіе
щаются, всѣ прочіе чины казачь-
ъ обязаны отслужить извѣстный
тѣ чего получаютъ отставку. Срокъ
орянъ и офицеровъ вообще короче:
ъ, кубанскомъ и терскомъ вой-
года, въ прочихъ 25 лѣтъ, при-
ко офицеры, выслужившіеся изъ
, должны во всякомъ случаѣ про-
ъ офицерскомъ чинѣ не менѣе 6-ти
же, ст. 3133, 3134, 3324, 3812,
, 4764, 4840, 5177, 5182, 5365,
, 6106, 6268 прод., 1 прил. къ ст.
6). Срокъ службы урядниковъ и ка-
нинѣе (отъ 25-ти до 40 лѣтъ);
ъ извѣстное число лѣтъ (отъ 20-ти
полевой службѣ, они перечи-
отомъ во внутреннюю службу
дослуживаютъ остальной срокъ
отставки. (Въ войскахъ доп-
убанскомъ и терскомъ полевая
одолжается 22 года, внутренняя
ъ сибирскомъ—первая 20, вто-
ть; въ забайкальскомъ: конныхъ
ервая 25, послѣдняя 15 лѣтъ; пѣ-
льоновъ—первая всѣ 40 лѣтъ; въ
первая 22 года, послѣдняя 8 лѣтъ;
скомъ, новороссійскомъ, оренбург-
ольскихъ полкѣ и батальонѣ, ир-
енисейскомъ полкахъ—первая 25,
5 лѣтъ; въ азовскомъ упоминается
олевой службѣ въ теченіи 25-ти
же, ст. 3158 п. 1, лит. а и б;
, 4628, 4676, 4764, 5178, 5186,
, 6115, 6272; прод. 1 прил. къ
2301. Постоянная или временная
ть къ службѣ естественно вы-
нуждаетъ отступленія отъ этого порядка. Малолѣтки, по тѣлеснымъ недостаткамъ неспособные къ полевой службѣ, назначаются прямо во внутреннюю (тамъ же, ст. 3112, 3113, 3800, 4205, 4603, 4828, 5180, 5612, 5788, 6099, 6261, прод., 1 прилож. къ ст. 6289, п. 215). Офицеры, сдѣлавшіеся совершенно неспособными къ полевой службѣ вслѣдствіе болѣзни, ранъ, увѣчья и т. п., увольняются въ отставку прежде срока; тоже и нижніе чины, если разстройство ихъ здоровья таково, что они вовсе неспособны ни къ какой службѣ; въ противномъ случаѣ они перечисляются во внутреннюю службу и дослуживаютъ въ ней полный срокъ. Временное разстройство здоровья, когда еще есть надежда къ выздоровленію, не даетъ права на отставку. Даже отставные, не выслужившіе сроковъ, если поправятся въ здоровьѣ настолько, что въ состояніи опять продолжать службу, обращаются снова, смотря по состоянію здоровья, въ полевую или внутреннюю службу и выслуживаютъ полный срокъ (тамъ же, ст. 3135, 3141, 3143, 3152, 3153, 3307, 3813, 3822, 3828, 4000, 4027, 4217, 4227, 4233, 4617, 4626, 4630, 4841, 4853, 4859, 5183, 5195, 5626, 5639, 5641, 5642, 5796, 5800, 5801, 6107, 6114, 6116, 6117, 6269, 6273, 6274, прил. къ ст. 6289 (по прод. 1), п. 227 и 229). Кромѣ выслуги лѣтъ и неспособности къ службѣ, правомъ выйти въ отставку пользуются урядники и казаки, имѣющіе трехъ сыновей служащихъ, которые живутъ нераздѣльно въ одномъ съ ними домѣ (тамъ же, ст. 3156, 3829, 4234, 4631, 4860, 5643, 5802, 6118, 6275, прилож. къ ст. 6289 (по прод. 1), п. 179). Но и самая отставка по крайней мѣрѣ въ донскомъ, кубанскомъ и терскомъ войскахъ, не освобождаетъ отъ обязанности нести въ случаѣ надобности полевую или внутреннюю службу (тамъ же, ст. 2656, 3159, 3845, примѣч., 3293, 4018). На этомъ основаніи отставные могутъ отлучаться за предѣлы войска не иначе какъ съ вѣдома начальства (тамъ же, ст. 3160, 3845 примѣч., 3988, примѣч.). Но въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ, отставка даетъ уже войсковымъ обывателямъ возможность располагать своимъ временемъ и занятіями. Такое же значеніе имѣетъ, въ отношеніи къ гражданской правоспособности, принадлежность къ обществу торговыхъ казаковъ. Во всѣхъ почти казачьихъ войскахъ, извѣстному числу казаковъ,—различному въ каждомъ войскѣ,—

предоставлено право, вмѣсто службы, вносить извѣстную сумму денегъ (отъ 57 руб. 15 коп. до 60 руб.) ежегодно. За все то время, пока они находятся въ обществѣ, торговые казаки не отправляютъ ни полевой, ни внутренней службы: платившій въ продолженіе всего срока службы увольняется въ отставку, наравнѣ съ служащими казаками, и за тѣмъ можетъ не платить взноса не подвергаясь обязанности нести службу, или же имѣетъ право, если хочетъ пользоваться правами, связанными съ ежегоднымъ взносомъ назначенной суммы, оставаться торговымъ казакомъ, сверхъ опредѣленнаго для каждаго войска числа ихъ. Такимъ образомъ торговое званіе въ казачьихъ войскахъ пріурочено тоже къ общимъ служебнымъ обязанностямъ казаковъ и опредѣляется началами казачьей службы (тамъ же, ст. 3590 по 1 прод., 3591, 3600, 3601, 3602 и примѣч. 3965 и примѣч. 4936, 4974—4978, 5179, 5449—5453; 5888 по 1 прод., 5889) [1]).

Нѣчто подобное торговымъ казакамъ представляетъ учрежденіе табунщиковъ въ донскомъ и оренбургскомъ войскахъ. „По уваженію общественной пользы, ожидаемой на будущее время отъ размноженія и улучшенія . . . лошадей“ въ этихъ войскахъ, дозволяется въ нихъ имѣть, какъ при станичныхъ, такъ и при частныхъ донскихъ табунахъ, особыхъ табунщиковъ изъ служащихъ казаковъ и малолѣтковъ, которые освобождаются отъ полевой и внутренней службы. Въ вознагражденіе за то, станицы и частные заводчики, у которыхъ служатъ табунщики, платятъ войску ежегодно опредѣленый сборъ за служащаго, малолѣтка и перечисленнаго во внутреннюю службу, за каждаго изъ нихъ въ различномъ размѣрѣ. Подобно торговымъ казакамъ, табунщики исключаются изъ очереди на все то время, пока станицы и заводчики будутъ исправно платить за нихъ положенную сумму, или пока сами табунщики пожелаютъ остаться при этихъ должностяхъ. Число ихъ не опредѣлено; но въ оренбургскомъ войскѣ войсковому начальству вмѣнено въ обязанность наблюдать, что[illegible] табунщиковъ не ослабляло способ[illegible] плектованія полковъ и прочихъ частей. Срокъ службы табунщиковъ тотъ же[illegible] прочихъ казаковъ (тамъ же, ст. 3606, 4979—4981, 5179).

Однаковое дѣйствіе съ отставкой[illegible] пискою въ общество торговыхъ каза[illegible] жетъ имѣть обмѣнъ очередьми или[illegible] другъ за друга, на службу, потому что[illegible] и другой освобождаетъ отъ обя[illegible] нести службу лично. Но оба въ ка[illegible] войскахъ допускаются съ большими[illegible] пиченіями. Между казаками, перечисл[illegible] во внутреннюю службу, обмѣнъ о[illegible] редьми и наемъ допускается для пол[illegible] службы по войску съ годовою пер[illegible] въ войскахъ донскомъ и терскомъ (б[illegible] кавказскомъ) (тамъ же, ст. 3311[illegible] Во всѣхъ войскахъ дозволяется обмѣ[illegible] редьми на полевую службу, отцу[illegible] явившемуся желаніе идти вмѣсто сы[illegible] вмѣсто отца, роднымъ братьямъ[illegible] вмѣсто другого, разумѣется, если[illegible] вмѣсто другого способенъ къ полево[illegible] бѣ (тамъ же, ст. 3242 и примѣч. 1)[illegible] этихъ случаевъ, въ войскахъ донском[illegible] бурскомъ, сибирскомъ, новороссійск[illegible] байкальскомъ и въ казачьихъ полках[illegible] скомъ и енисейскомъ (тамъ же, ст. 32[illegible] мѣч. 1-е, 2-е, 3-е и 4-е, по прод[illegible] 3990—1861 г. марта 13-го, ст. 141), [illegible] урядникамъ и казакамъ, состоящимъ[illegible] вой очереди къ выходу на полевую[illegible] добровольно обмѣниваться очередя[illegible] наниматься другъ за друга въ полев[illegible] бу (Св. военн. пост., ч. 1, кн. 2, с[illegible] Такое дозволеніе дано „для сокращ[illegible] сковыхъ расходовъ на снабженіе [illegible] оружіемъ и аммуниціею неимущихъ[illegible] при выходѣ на службу и для об[illegible] семействъ ихъ“ (тамъ же, ст. 3[illegible] какъ сказано, такой обмѣнъ и наем[illegible] влены разными ограниченіями, „дабы[illegible] въ очередяхъ не послужилъ поводо[illegible] однихъ уклоняться отъ службы, бо[illegible] точныхъ къ тому причинъ, а для л[illegible] обратился бы въ постоянный промы[illegible] гущій сдѣлать ихъ бездомными“ ([illegible] ст. 3224). „Окружные начальники [illegible] имѣть бдительный надзоръ за хо[illegible] нанимающихся на службу казаковъ[illegible] усмотрятъ, что оно не улучшается [illegible] или что нанявшійся не удѣляетъ [illegible]

[1]) Въ сводѣ военн. пост. упоминается объ обществахъ торговыхъ казаковъ въ донскомъ, терскомъ (бывшемъ кавказскомъ), оренбургскомъ, сибирскомъ и забайкальскомъ войскахъ. Въ ук. торг говорится сверхъ того о такихъ обществахъ въ войскахъ кубанскомъ, новороссійскомъ и астраханскомъ (ст. 437 п. 2, 438, 439, 440, 451 лит. б, 452, 453, 454, 457—460).

хозяйства изъ получаемыхъ за
ъ, то такимъ уридникамъ и ка-
рещаютъ исправлять службу за
имъ же, ст. 3241).
бщія черты гражданскаго юри-
ата казачьихъ войскъ. Замѣтное
изъ общаго правила представ-
ское войско, которое для поддер-
го благосостоянія и облегченія
повинности, сохраняетъ издавна
ъ войскѣ и Высочайше одобрен-
ъ отбыванія службы, не по имен-
ному наряду, а по вызову охот-
выдачею имъ остающимися на
ыми казаками подможныхъ де-
ичествѣ, опредѣленномъ по до-
согласію. Такой порядокъ службы
ключительно только къ однимъ
закамъ: всѣ же прочіе чины на-
а службу по именному очеред-
(тамъ же, ст. 5319). „Въ баш-
скѣ существуетъ раздѣленіе на
неслужащіе кантоны (тамъ же,
ъ послѣднихъ башкиры и мещe-
ъ командированія на службу и
почтовой повинности натурою,
одѣленный сборъ, а тептяри и
нтъ подушную подать на воин-
ость и взамѣнъ поставки рекрутъ
, 5377). Наконецъ „тѣ башкиры,
димый въ ихъ войскѣ порядокъ
сочтутъ для себя тягостнымъ,
въ податное состояніе“ (тамъ
, учр. каз., ст. 1172).
краткаго обзора видно, что за
лишь незначительными изъятія-
лые войсковые обыватели муже-
несутъ обязательную службу въ
опредѣленнаго, нерѣдко весьма
льнаго срока, и вслѣдствіе того
и всѣмъ ограниченіямъ граждан-
пособности служащихъ, о кото-
разъ упоминали выше. Ограни-
начительны, не смотря на то, что
войска, неся обязательную служ-
дены отъ подушной подати, рек-
другихъ повинностей, кромѣ не-
съ постоянною ихъ осѣдлостью
. 12 п. 15, уст. рекр. ст. 4, уст.
, 609—711).
ословіе есть обязательно наслѣд-
Лица, однажды поступившія въ
ословіе и ихъ потомство, остаются
навсегда. Исключеніе ихъ изъ
казачьяго сословія воспрещается“ (Св. воени.
пост., ч. 1, кн. 2, ст. 2650).

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о нѣ-
которыхъ особенныхъ ограниченіяхъ право-
способности, установленныхъ для того или
другого казачьяго войска. Такъ, нижнимъ чи-
намъ войска донскаго, во время пребыванія
на службѣ, дѣлать частные займы вовсе за-
прещается (зак. граж., ст. 2027). Всѣмъ во-
обще казакамъ оренбургскаго войска предо-
ставляется право вступать въ подряды и по-
ставки хлѣба, но только въ магазины, нахо-
дящіеся въ чертѣ населенія этого войска, и
съ тѣмъ, чтобъ казаки были допускаемы къ
подрядамъ не иначе, какъ по одобреніямъ
своего полковаго начальства (тамъ же, ст.
1773).

IV. *Инородцы.* Въ прямомъ, этимологиче-
скомъ или грамматическомъ смыслѣ, подъ
инородцами должно разумѣть всѣхъ подлан-
ныхъ имперіи не одного происхожденія съ
господствующимъ, русскимъ племенемъ. Въ
этомъ значеніи названіе „инородецъ“ чрезвы-
чайно обширно. Юридическій смыслъ этого
слова гораздо тѣснѣе. Подъ инородцами, ко-
торые по своду законовъ (зак. сост., ст. 1)
имѣютъ особыя права со тоянія, разумѣются
юридически только тѣ изъ подданныхъ импе-
ріи не русскаго происхожденія, которые на-
ходятся на низшей степени гражданскаго
развитія, ведутъ бродячій или кочевой образъ
жизни или лишь въ недавнее время сдѣла-
лись осѣдлыми, и вслѣдствіе этой особенности
ихъ быта имѣютъ особливое устройство, осо-
быя права, и управляются своими особыми
законами. Прочіе инородцы, подданные импе-
ріи, будучи давно осѣдлыми и не предста-
вляя въ гражданскомъ быту своемъ такихъ
существенныхъ различій съ господствую-
щимъ племенемъ, подведены подъ одни съ
нимъ общественные разряды, управляются
одними законами, пользуются одними пра-
вами, и слѣд. юридически мало тѣмъ отъ
нихъ отличаются или даже вовсе ничѣмъ
не различаются. Въ статьѣ, посвященной
разсмотрѣнію гражданской правоспособности,
объ инородцахъ въ послѣднемъ смыслѣ не
можетъ быть рѣчи, и мы остановимся только
на тѣхъ, которымъ названіе это присвоено въ
юридическомъ смыслѣ. Законъ причисляетъ
къ нимъ, по нѣкоторымъ внѣшнимъ призна-
камъ, и евреевъ, которые, различаясь суще-
ственно во всемъ съ прочими нашими ино-
родцами, имѣютъ только то общаго съ ними,

что принадлежатъ не къ одному племени съ господствующимъ населеніемъ и управляются особыми законами. Въ настоящей статьѣ мы не будемъ говорить о евреяхъ, на томъ основаніи, что ограниченія ихъ гражданской правоспособности проистекаютъ не изъ быта и степени гражданскаго развитія, а исключительно изъ ихъ вѣроисповѣданія; вліяніе же религіи на гражданскую правоспособность не входитъ въ планъ настоящаго розысканія и составляетъ особый предметъ, требующій особаго разсмотрѣнія.

Инородцы въ тѣсномъ (юридическомъ) смыслѣ не подлежатъ рекрутской повинности (уст. рекр., ст. 13 п. 15, лит. а и п. 16; ст. 4, уст. под., ст. 808 п. 2, 5, 7). Они или вовсе не платятъ податей (напримѣръ осѣдлые иногородцы въ колоніяхъ россійско-американской компаніи.—уст. под., ст. 808, п. 7) или платятъ такъ называемый ясакъ, большею частью натурою,—звѣриными кожами и мѣхами (напримѣръ, вогулы въ пермской губ., мезенскіе самоѣды и т. п.,—уст. под. ст. 859, 866) или деньгами, или опредѣленный сборъ по числу кибитокъ (киргизы, кочующіе за оренбургскими линіями,—учр. инор. ст. 788 п. в.). Ясакъ взимается съ нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ по числу душъ (напримѣръ, съ мезенскихъ самоѣдовъ, уст. под. ст. 863); но при родовомъ бытѣ и устройствѣ этихъ племенъ, подушный сборъ не установляетъ особой, гражданской зависимости отдѣльныхъ лицъ отъ общества, служащей, какъ мы видѣли, источникомъ ограниченія гражданской правоспособности; послѣдняя и безъ подушной подати обусловливается зависимостью родовичей отъ своего рода. Наконецъ, инородцы отправляютъ и личныя натуральныя повинности, ограничивающія, какъ мы видѣли, гражданскую правоспособность (уст. повин. ст. 718; учр. инор. ст. 287, 412, 555, 718); но по степени гражданскаго развитія инородцевъ, ведущихъ кочевую или бродячую жизнь, повинности этого рода, естественно, не могутъ быть ни такъ разнообразны, ни такъ многосложны, какъ у прочихъ обывателей. Бродячіе сибирскіе инородцы въ земскихъ повинностяхъ даже вовсе не участвуютъ (учр. инор., ст. 138).

Такимъ образомъ, подушная подать, рекрутская и другія личныя натуральныя повинности, ограничивающія гражданскую правоспособность податныхъ состояній и сословій господствующаго племени, или вовсе не существуютъ для инородцевъ, или существуютъ, то во всякомъ случаѣ менѣе ограничиваютъ ихъ, чѣмъ податныхъ состояній и сословій. Это няется степенью ихъ гражданскаго р но эта же самая причина порождала много ограниченій правоспособности иного рода. Въ гражданскихъ усло сдѣлкахъ съ обывателями имперіи, с на сравнительно высшей ступени об ности, полудикія инородческія племе ственно подвергались обманамъ и пр ніямъ всякаго рода. Съ цѣлью огр ихъ, гражданская ихъ правоспособно ничена. Сюда относятся слѣдующія новленія: 1) простымъ калмыкамъ, кочу въ губерніяхъ Астраханской и Ста ской, и цѣлому сословію ихъ запреще дить въ заемныя обязательства без ленія, на сумму выше 1 р. 50 к займы до 30-ти рублей сер. допуска иначе, какъ по поручительству зай демчея, а свыше сей суммы не пи по поручительству владѣльца или пр (зак. сост., ст. 1346, зак. гражд., с 2) „займы срочные частные межд скими крестьянами, инородцами и ин самоѣдами, какъ взаимно между соб и съ торгующими", должны быть зак съ дозволенія и одобренія ближайш начальства (зак. гражд., ст. 2073, 2077). „Не запрещается дѣлать з словеснымъ условіямъ и безъ яка; вія таковыя, основанныя на одномъ довѣріи, не подлежатъ никакому тельству" (тамъ же, ст. 2097); 3) поселенецъ или крестьянинъ и самоѣдъ могутъ наниматься въ р не иначе, какъ съ дозволенія: пер ского общества, къ которому прин а послѣдній—своего ближайшаго н (зак. гражд. ст. 2251).

V. Послѣднюю, низшую категорію ныхъ состояній и сословій или ставляютъ тѣ, которыя сверхъ обще ниченій гражданской правоспособно истекающихъ изъ обязанности пл душную подать, отправлять рекр личныя натуральныя повинности, еще особеннымъ, имъ однимъ свойс ограниченіямъ, причина которых чается *въ зависимости отъ частнаго*

Въ гражданской правоспособно принадлежащихъ къ этой категоріи

настоящее царствованіе коренной
, который своею многозначитель-
двинулъ на второй планъ чрезвы-
ныя и существенныя расширенія
правоспособности сословій при-
разнымъ вѣдомствамъ и наслѣд-
солдатскаго званія. Манифестомъ
ями 19 февраля 1861 года крѣ-
ано, близко граничившее къ пол-
у, отмѣнено, и гражданская право-
крѣпостныхъ признана юридиче-
вѣ со всѣми другими свободными
состояніями и сословіями; удер-
ь временная обязательная зави-
вшихъ крѣпостныхъ отъ прежнихъ
ъ, въ видѣ переходной мѣры, и
жна впослѣдствіи, такъ или иначе,
прекратиться. Вслѣдствіе этого
событія, различные виды зави-
частныхъ лицъ, рѣзко отличав-
ъ отъ друга, значительно сблизи-
дставляютъ теперь лишь несуще-
ттѣнки примѣненія одного и того
начала, не допускающаго, ни въ
тѣ и ни подъ какимъ предлогомъ,
одного лица другимъ на всю
ѣмъ менѣе потомственно.

зя зависимость отъ частныхъ лицъ
ъ въ нашемъ законодательствѣ въ
хъ: она или личная, или имуще-
менно поземельная; владѣніе или
землею и угодьями, обязатель-
бровольное, установляетъ между
льцемъ и поселенными на его
ми особеннаго рода отношенія,
ь зависимости, помимо тѣхъ об-
ческихъ отношеній, которыя есте-
текаютъ изъ самаго существа вещ-
.

многочисленный классъ людей, со-
ъ *личной* частной зависимости—
ые люди. Въ началѣ будущаго
родъ зависимости совершенно пре-
Юридическое существо зависимости
отъ бывшихъ ихъ владѣльцевъ
томъ, что тѣ изъ нихъ, которые
прекращенія крѣпостнаго права
обязаны отслужить лично прежнему помѣщику два года со времени манифеста и находиться въ полномъ повиновеніи на основаніи зак. о дворовыхъ, ст. 9; слѣд. этого срока они не могутъ своевольствовать своимъ временемъ, занятіями и лицомъ. Впрочемъ, личность ихъ и имущественныя права обезпечены, и они пользуются гражданскою правоспособностью наравнѣ со всѣми другими свободными податными лицами.

Во временной личной зависимости находятся также невольники магометанскаго или языческаго закона, покупаемые шотландскими колонистами ставропольской губерніи по данной имъ привилегіи отъ горскихъ народовъ, арапы или негры и кавказскіе, такъ называвшіеся ясыри или холопы. Первые находятся въ зависимости въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, которое бываетъ различно, смотря по возрасту купленнаго невольника, но обыкновенно зависимость эта прекращается, когда они достигаютъ 23 лѣтняго возраста, или же они съ этого возраста имѣютъ право выкупиться за опредѣленную сумму (200 руб.) (зак. сос., ст. 996 п. 3); арапы или негры, вывезенные изъ-за границы въ закавказскій край до 26 марта 1842 года, т.-е. до запрещенія торговать невольниками, остаются до 25-ти лѣтняго возраста во владѣніи тѣхъ только лицъ, которыя имѣютъ (имѣли) право владѣть крѣпостными людьми (тамъ же, ст. 996, примѣч.). Кавказскіе ясыри или холопы суть тѣ, которые выкупаются изъ плѣна русскими подданными отъ кавказскихъ непокорныхъ горцевъ. Въ видѣ вознагражденія за выкупъ предоставлено выкупившимъ,—исключая, однако, если они иновѣрцы, а выкупленные христіане—пользоваться услугами выкупленныхъ ясырей въ теченіи большаго или меньшаго числа лѣтъ (отъ 5-ти до 25-ти), смотря по возрасту ясыря во время выкупа. Впрочемъ, ему предоставлено получить свободу во всякое время, внеся выкупившему сполна всю уплаченную имъ сумму. Армянамъ, грузинамъ и другимъ христіанамъ (не изъ иновѣрцевъ), не имѣющимъ дворянства (потомственнаго), тоже предоставлено право выкупать и вымѣнивать плѣнныхъ, но услугами ихъ они могутъ пользоваться только до 25-ти лѣтняго ихъ возраста. Тѣмъ же правиламъ подчинены и подвластные казакамъ бабуковской станицы терскаго казачьяго войска, происходящіе отъ кабардинскихъ узденей. Русскіе дворяне и чиновники, выкупленные изъ плѣна частными лицами, не поступаютъ къ нимъ въ услугу (зак. сост., прилож. къ ст. 996, п. 4, ст. 1, 3, 12, 15, 16 и примѣч. 2). Въ заключеніе нельзя не упомянуть о личной частной за-

висимости киргизскихъ дѣтей, вымѣниваемыхъ главнымъ начальствомъ сибирской и оренбургской линій, на счетъ казны, отъ отцовъ ихъ, которыхъ побуждаетъ къ уступкѣ дѣтей недостатокъ продовольствія въ голодные годы. Вымѣненныя дѣти размѣщаются по селеніямъ къ добрымъ и зажиточнымъ хозяевамъ, съ назначеніемъ за воспитаніе заработныхъ годовъ, по истеченіи которыхъ они получаютъ свободу (зак. сост., ст. 1266 п. 1; ст. 1267).

Степень гражданской правоспособности всѣхъ этихъ видовъ лично зависимыхъ людей, кромѣ дворовыхъ, не опредѣлена, потому что они образовались до прекращенія крѣпостнаго права и по его образцу, такъ что считались особеннымъ разрядомъ ограниченнаго крѣпостнаго права (зак. сост., ст. 996 въ началѣ). Должно полагать, что въ настоящее время и они пользуются одинаковою степенью гражданской правоспособности съ дворовыми людьми.

Имущественная или *поземельная* зависимость отъ частныхъ лицъ имѣетъ также много различныхъ видовъ. Съ 19 февраля 1861 г. сюда принадлежатъ всѣ временно-обязанные крестьяне. Кромѣ того, сюда же должны быть отнесены и нѣкоторые изъ тѣхъ разрядовъ, которые, принадлежа до отмѣны крѣпостнаго права къ свободнымъ податнымъ состояніямъ, были поселены на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и имѣютъ къ нимъ, независимо отъ договорныхъ, различнымъ закономъ установленныя обязательныя отношенія, ограничивающія ихъ гражданскую правоспособность. Въ нынѣшнее царствованіе эти обязательныя отношенія, вслѣдъ за упраздненіемъ крѣпостной зависимости, тоже подверглись пересмотру и нѣкоторыя отмѣнены, другія еще удержались.

Частная зависимость временно-обязанныхъ крестьянъ ограничиваетъ ихъ гражданскую правоспособность болѣе или менѣе, смотря по тому, находятся ли они на издѣльи или платятъ оброкъ.

Издѣлье, будучи періодическою личною натуральною повинностью, ограничиваетъ болѣе; напротивъ, оброкъ даетъ возможность обязаннымъ крестьянамъ располагать своимъ временемъ, занятіями и личностью по желанію. Предполагая, что и послѣ прекращенія крѣпостнаго права, владѣльцы будутъ находить для себя выгоднымъ до установленія хозяйства на новыхъ началахъ, удержать обязательную работу бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, законъ не дозволяетъ [illegible] переходить на оброкъ, безъ [illegible] дѣльца, ранѣе двухъ лѣтъ (полож. рос. и др., ст. 236; малорос. ст. 2[illegible] и др. ст. 209; виленск. и др. 196[illegible] того для обезпеченія исправнаго [illegible] крестьянами лежащихъ на нихъ пов[illegible] въ пользу помѣщика, обязанные [illegible] великороссійскихъ, малороссійскихъ, [illegible] сійскихъ и бѣлорусскихъ губерній, по [illegible] правилу, въ теченіи девяти лѣтъ пос[illegible] женія положенія не могутъ получи[illegible] ненія изъ своихъ обществъ, безъ [illegible] помѣщика. Изъятіе изъ этого прав[illegible] скается въ такомъ только случаѣ, е[illegible] бывающій крестьянинъ внесетъ [illegible] ежегодные проценты съ котораго р[illegible] дующему съ него оброку, что собст[illegible] есть исключеніе (полож. великорос. [illegible] и 140, малорос. ст. 140 и 141). В[illegible] ніяхъ кіевскаго генералъ-губернатор[illegible] оставленія общества то же требуетс[illegible] сіе помѣщика; но оно не нужно дл[illegible] а также и для тѣхъ изъ домохозяе[illegible] рые получатъ купеческое свидѣтел[illegible] пріобрѣтутъ въ собственность, въ о[illegible] тѣхъ губерній, участокъ земли опред[illegible] размѣра (кіевск. ст. 115, 116 и 118 [illegible] правило и тѣже изъятія постанов[illegible] губерній Виленской, Гродненской, К[illegible] Минской и инфляндскихъ уѣздовъ В[illegible] съ тою разницею, что безъ согласі[illegible] щика можетъ быть уволенъ изъ о[illegible] сверхъ того, всякій крестьянинъ [illegible] держащій участокъ земли, которым [illegible] въ постоянное пользованіе, въ друг[illegible] скомъ обществѣ, участокъ земли [illegible] того, какимъ прежде пользовался [illegible] ст. 102 и 103). Наконецъ, такъ как[illegible] и издѣлье лежатъ, со времени пре[illegible] крѣпостнаго права, не на душахъ [illegible] никахъ, а на землѣ, которая имъ [illegible] въ постоянное пользованіе, и во [illegible] случаяхъ крестьянину было бы, мож[illegible] выгодно отказаться отъ земельнаго [illegible] чтобъ избавиться отъ соединенныхъ [illegible] повинностей, то законъ, для огражд[illegible] дѣльцевъ, запрещаетъ обязаннымъ [illegible] намъ, въ теченіе первыхъ девяти [illegible] утвержденія положеній, отказываться [illegible] дѣла, безъ согласія владѣльца (ве[illegible] ст. 120; малорос. 109, кіевск. ст. [illegible] ленск. 88), исключая нѣкоторыхъ [illegible] ныхъ случаевъ, а именно: въ нели[illegible]

русскихъ (кромѣ инфлянд-
новороссійскихъ губерніяхъ, когда
въ обществѣ уменьшится не
ніе, а инымъ образомъ, на пя-
болѣе, общество можетъ отка-
сорамѣрной части надѣла и тѣмъ
свои повинности (великоросс. ст.
евской. Подольской и Волынской
право отказаться отъ надѣла пре-
каждому крестьянину, который
или пріобрѣтетъ не далѣе 15-ти
мѣста водворенія общества, уча-
не менѣе установленнаго раз-
., ст. 98). Успѣхъ выкупныхъ
едназначенныхъ къ совершенному
обязательныхъ отношеній, и во-
ѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла,
родолжительность этихъ ограни-
данской правоспособности.

ыя начала зависимости отъ част-
примѣняются, съ нѣкоторыми
ями, къ крестьянамъ и работ-
бывающимъ работы при пермскихъ
орныхъ заводахъ и солиныхъ про-
также къ крестьянамъ, отбываю-
ты на помѣщичьихъ фабрикахъ.
отбывающіе обязательныя работы
ихъ частныхъ заводахъ и соля-
лахъ, постепенно переходятъ съ
повинности на денежный оброкъ
ении трехъ лѣтъ, съ замѣной об-
ой трети обязательной работы по
аждаго года со времени обнаро-
женій (доп. пр. о крест. и раб.
тн. завод. и промысл. ст. 3); дво-
люди и крестьяне, не имѣющіе
осѣдлости и постоянно живущіе
въ владѣльческихъ помѣщеніяхъ,
на одно положеніе съ прочими
(тамъ же, ст. 23). Крестьяне, по-
бывающіе обязательную работу на
ъ фабрикахъ, заводахъ и ману-
переводятся на денежный, въ
щика, оброкъ, немедленно по со-
ставной грамоты на имѣніе и во
учаѣ не позже, какъ черезъ два
вержденіи положеній (доп. прав.
на помѣщ. фабр. ст. 2); но фаб-
заводскіе крестьяне, не имѣющіе
адѣловъ, ни своей усадебной осѣд-
вущіе въ помѣщичьихъ строеніяхъ,
я правиламъ о дворовыхъ людяхъ
ст. 6).

ого, общія начала частной зави-
симости и проистекающія отсюда ограниче-
нія гражданской правоспособности получили
мѣстные оттѣнки въ примѣненіи къ бывшимъ
крѣпостнымъ въ войскахъ: донскомъ, орен-
бургскомъ и уральскомъ, въ ставропольской
губерніи, Сибири, и бессарабской области.
(См. особыя правила объ этихъ мѣстностяхъ,
Выс. утвержденныя 19-го февраля 1861 г.).

Кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ, въ частной
зависимости находились, съ большими или
меньшими ограниченіями гражданской право-
способности, многіе разряды людей свобод-
ныхъ, податнаго состоянія. Нѣкоторыя изъ
нихъ даже почти утратили права свободы,—
такъ велика была ихъ зависимость юридиче-
ски, или на самомъ дѣлѣ. Минувшій 1861 г.
принесъ и этимъ сословіямъ или возстанов-
леніе ихъ гражданской правоспособности,
или отмѣну ненужныхъ ограниченій.

1) Горно-заводское населеніе частныхъ за-
водовъ, состоящее въ вѣдомствѣ министер-
ства финансовъ, числилось доселѣ частью на
правѣ владѣльческомъ, другими словами было
крѣпостное, частью же на правѣ поссесіон-
номъ, которое по праву, если и не всегда
на фактѣ, было свободное, а не крѣпостное.
Этому населенію частью дана вновь, частью
возвращена гражданская правоспособность,
съ раздѣленіемъ его на два сословія: масте-
ровыхъ и сельскихъ работниковъ. Къ пер-
вымъ отнесены тѣ, которые занимаются ис-
полненіемъ техническихъ горно-заводскихъ
работъ, а также заводскіе служители по раз-
нымъ техническимъ и хозяйственнымъ долж-
ностямъ; къ послѣднимъ—тѣ, которые, ис-
полняя для заводовъ различныя вспомогатель-
ныя работы, занимаются и хлѣбопашествомъ.
Мастеровые крѣпостные, пользовавшіеся до-
селѣ усадебною осѣдлостью, удерживаютъ ее
за собою изъ платежа опредѣленнаго оброка;
если имѣютъ покосъ и пахатную землю, то
могутъ и ихъ удержать, равнымъ образомъ
изъ платежа оброка, но могутъ отъ нихъ и
отказаться; заводскіе дворовые люди и слу-
жители, не имѣющіе своей усадебной осѣд-
лости и живущіе при заводѣ въ владѣлъче-
скихъ помѣщеніяхъ, подведены подъ одни
правила съ дворовыми; наконецъ, сельскіе
работники подведены подъ одни правила съ
бывшими крѣпостными крестьянами, съ тою
впрочемъ разницею, что для постепеннаго
перехода ихъ съ издѣльной повинности на
денежный оброкъ, согласно съ свойствомъ
заводскаго хозяйства, опредѣленъ трехгодич-

ный срокъ со дня обнародованія положеній о крестьянахъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно издѣльная работа уменьшалась на одну треть (дополн. прав. о припис. къ частн. горн. завод. люд. мѣд. мин. фин., ст. 1—3, 8, 9, 13, 14 и 19).

2) Крестьяне и фабричные люди, числящіеся при поссесіонныхъ фабрикахъ, по закону свободные, но на фактѣ мало чѣмъ развившіеся отъ крѣпостныхъ, подчинены вполнѣ дѣйствію дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ (1861 г. марта 16-го, п. 1).

3) Наконецъ, есть много видовъ крестьянъ, которые были дѣйствительно свободными до отмѣны крѣпостнаго права, но, живя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, подвергались вслѣдствіе того особымъ ограниченіямъ гражданской правоспособности. Эти ограниченія потому вѣроятно казались необходимыми, что общія мѣры обезпеченія повинностей, принятыхъ на себя крестьянами добровольно въ пользу владѣльца, или лежащихъ на нихъ по закону, считались недостаточными.

Ограниченія эти суть слѣдующія:

а) „Вольные люди не должны отлучаться изъ мѣста своего жительства безъ вѣдома владѣльца земли и безъ установленнаго законами вида, билета или паспорта, отъ него или чрезъ его посредство полученнаго“ (зак. сост., ст. 780).

б) Половники отпускаются для работъ по паспортамъ, выдаваемымъ отъ владѣльцевъ (тамъ же, ст. 852).

в) Цапцырные бояре не могли прежде, безъ вѣдома и позволенія владѣльца, ручаться за кого-либо въ суммѣ свыше 9-ти руб. сер. (тамъ же, ст. 883 и примѣч.); по дѣламъ объ удовлетвореніи за нанесенныя обиды, они дѣйствовали, не прямо отъ своего имени, а чрезъ владѣльца земли; въ случаѣ нанесенія ими кому-либо обиды, владѣлецъ позывался на судъ вмѣстѣ съ ними (тамъ же, ст. 884). Оба эти ограниченія отмѣнены 1859 года, 26 октября (тѣ же статьи по прод. III № 4).

г) Обязанные крестьяне, заключившіе договоры съ помѣщиками, подлежатъ по первоначальному разбору взаимныхъ между собою тяжебъ и споровъ, а также по суду и расправѣ въ преступленіяхъ и проступкахъ, за которые не полагается лишенія всѣхъ правъ состоянія, и въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, юрисдикціи ихъ бывшихъ [illegible] цевъ. Договоры между обязанными [illegible] нами и помѣщиками сохранятъ [illegible] навсегда, съ дозволеніемъ имѣнат[illegible] шими условіями, надѣлъ земли и по[illegible] (зак. сост., ст. 959 и 961). Должна [illegible] симость, столь неопредѣленная и [illegible] безсрочная, сохранится на будуще[illegible] или обязанные крестьяне подчинятся [illegible] законодательству о бывшихъ крѣ[illegible] крестьянахъ,—на это пока не нахо[illegible] вѣта въ законодательствѣ.

д) Обязанные крестьяне въ имѣні[illegible] жалованныхъ на правѣ маіоратов[illegible] ныхъ губерніяхъ, не могутъ отлучат[illegible] имѣній, для торговли и промысло[illegible] какъ съ согласія владѣльца (зак. [illegible] 984). Въ случаѣ умноженія народона[illegible] когда вся назначенная въ инвентарѣ [illegible] ная земля уже роздана крестьяна[illegible] дѣльцу предоставлено надѣлять ихъ [illegible] ками изъ фольварочныхъ земель, и [illegible] на это согласится, то крестьяне могу[illegible] ходить изъ маіоратнаго имѣнія не ин[illegible] съ его согласія. Только когда влад[illegible] согласится отвести имъ участки изъ [illegible] срочной земли, а неположенныхъ [illegible] инвентарныхъ земель болѣе нѣтъ, и [illegible] число обязанныхъ крестьянъ имѣе[illegible] перейти въ другое сословіе или пер[illegible] ся на казенныя земли (тамъ же, [illegible] Владѣльцу предоставлено наблюдат[illegible] крестьяне вели хозяйство свое въ [illegible] сти и всемѣрно старались объ его [illegible] піи (тамъ же, ст. 969). Хозяйстве[illegible] повинности и оброки опредѣлены [illegible] ремъ (тамъ же, ст. 967). Первон[illegible] разборъ во взаимныхъ тяжбахъ и [illegible] а также судъ и расправа въ мало[illegible] преступленіяхъ и проступкахъ к[illegible] означенныхъ въ сельскомъ судебном[illegible] предоставлены владѣльцу, и отъ не[illegible] виситъ наказаніе виновнаго въ [illegible] опредѣленномъ для сельской распр[illegible] падныхъ губерніяхъ (тамъ же, ст. [illegible] какъ подобная зависимость кресть[illegible] ратныхъ имѣній отъ владѣльцевъ м[illegible] установлена не договоромъ, а зак[illegible] и не имѣетъ значенія срочнаго. кр[illegible] добровольнаго ограниченія граждан[illegible] воспособности, а есть обязательна[illegible] стоянная.

Въ такомъ видѣ представляется [illegible] стоящее время, гражданская пра[illegible]

ныхъ состояній, сословій и зва-
ріи. Мы старались изслѣдовать
можною тщательностью и вни-
рыхъ вполнѣ заслуживаетъ пред-
ажности, и, безъ сомнѣнія, да-
достигли своей цѣли.
тствіи общаго органическаго за-
вахъ состояній, имѣющаго силу
безъ изъятія лицъ, принадлежа-
му или другому состоянію или
го поручится, что кромѣ тѣхъ
правоспособности, о которыхъ мы
мѣть еще другихъ, о которыхъ
ъ и о которыхъ ничего не гово-
одѣ законовъ? Скажемъ болѣе:
мности и запутанности сводовъ
о и военнаго, которые, какъ из-
еко не обнимаютъ всѣхъ дѣй-
въ имперіи законовъ, кто рѣшит-
что изучилъ ихъ вполнѣ, что не
какого-нибудь примѣчанія, или
или продолженія или приложенія
женію, въ которомъ заключается
ваніе, интересный матеріалъ для
слѣдованія,—пропустилъ можетъ
потому, что и не предполагалъ
тамъ, гдѣ онъ находится?

Наконецъ, кто можетъ при теперешнемъ состояніи нашего законодательства, взвѣсить и точнымъ образомъ опредѣлить всѣ ограниченія гражданской правоспособности податныхъ классовъ, проистекающія изъ начала административнаго попечительства надъ ихъ бытомъ, нравственностью и даже матеріальнымъ благосостояніемъ? Кто исчислитъ ограниченія правоспособности отдѣльныхъ лицъ, косвенно вытекающія изъ того, что рѣдкій приговоръ не только податныхъ крестьянскихъ, но и городскихъ обществъ имѣетъ силу безъ предварительнаго разсмотрѣнія, обсужденія, одобренія и утвержденія ближайшаго мѣстнаго или губернскаго или высшаго начальства? Поэтому, повторяемъ, мы ждемъ отъ читателей въ интересахъ истины, не благосклонныхъ отзывовъ, а подробной критики, которая одна можетъ способствовать полному разъясненію крайне сложнаго, запутаннаго и въ то же время въ высшей степени важнаго и существеннаго вопроса о гражданской правоспособности подданныхъ имперіи.

(Журн. Мин. Юст., 1862, № 3).

НЕПОЛНОМЪ ПРАВѢ СОБСТВЕННОСТИ ПО СВОДУ ЗАКОНОВЪ.

—

ми судебными мѣстами и введе-
го порядка судопроизводства, прак-
римѣненіе свода законовъ сдѣлало
е и значительные успѣхи. Отдѣль-
разсматриваются внимательнѣе
стнѣе; буква закона понимается
лагается далеко не такъ канце-
ъ бывало прежде. Тѣмъ сильнѣе
необходимость новаго органиче-
данскаго и уголовнаго законода-
ъ замѣну пестраго свода, заклю-
ъ одной обложкѣ безчисленное
разновременныхъ постановленій,
имѣютъ ничего между собою об-
духу, ни даже нерѣдко по бук-
вальному смыслу. При такомъ положеніи законодательства невозможна юриспруденція, ни теоретическая, ни практическая. И та и другая предполагаютъ единство, цѣльность, внутреннюю стройность юридическихъ правилъ, хотя бы эти правила и не были выведены научнымъ образомъ, а практически, и состояли только въ разрѣшеніи частныхъ случаевъ, согласно съ обычаемъ, или даже съ простымъ здравымъ смысломъ, опирающимся на извѣстный, установившійся порядокъ дѣлъ. Но что прикажете дѣлать ученымъ юристамъ и практикамъ, когда передъ ними—груда матеріала, обязательнаго потому, что онъ законъ, а между тѣмъ разно-

образнаго и противорѣчащаго ему чтенія. Ни Гай ни Ульпіанъ, при всей ихъ юридической мудрости, вѣчно бы не толковали, напримѣръ, съ нашимъ мировымъ разбирательствомъ по закону. Въ нашемъ законодательствѣ, въ теперешнемъ его видѣ нѣтъ условій для правильнаго развитія его путемъ науки и практики. Тому и другому оно мѣшаетъ по неполнотѣ своихъ началъ, которыя одинаково обязательны и для суда и для адвоката и для профессора.

Эти мысли и жалобы давно уже высказываются. Улучшенія судебной части не только ихъ не ослабляютъ, а напротивъ все болѣе и болѣе усиливаютъ, выдвигая на первый планъ необходимость органическаго законодательства, гражданскаго и уголовнаго, въ которомъ бы хоть сколько-нибудь приняты были въ соображеніе установившіяся и оправданныя практикою многихъ вѣковъ общія основанія и юридическія начала гражданскаго и уголовнаго права. Совершенное отсутствіе ихъ въ сводѣ мѣшаетъ естественному развитію ежедневныхъ юридическихъ отношеній, стѣсняетъ гражданскія сдѣлки и наноситъ частнымъ лицамъ большой вредъ и разстройство въ ихъ дѣлахъ, безъ всякой вины судебныхъ учрежденій и вообще всего судебнаго персонала. Причина лежитъ въ самомъ законѣ. Его должно исправить.

То, что мы говоримъ, знаетъ по собственному опыту каждый почти частный человѣкъ, каждый почти судья и адвокатъ. Крайне было бы поучительно, еслибъ хоть большинство ревнителей печатно, какъ ихъ лучшія начинанія, ихъ несомнѣнныя права и интересы разбивались о подводныя скалы свода законовъ Россійской Имперіи, съ его продолженіями и приложеніями.

Я намѣренъ разсказать здѣсь одинъ такой случай, имѣющій ближайшее отношеніе къ такъ называемому въ сводѣ (весьма, впрочемъ, ошибочно) вещному праву собственности. Прошу опытныхъ практическихъ юристовъ какихъ у насъ теперь есть уже не мало, разъяснить мои недоумѣнія и дать добрый совѣтъ, какъ выпутаться изъ каудинскихъ фуркуль, въ которыя отсутствіе общихъ юридическихъ началъ въ сводѣ заноситъ у насъ людей на каждомъ шагу.

Одинъ мой знакомый помѣщикъ желая предохранить бывшихъ своихъ крестьянъ отъ разоренія, сопряженнаго съ кабакомъ, а себя и свою усадьбу отъ непріятнаго и опаснаго сосѣдства съ утра до ночи пьянаго кабака, предложилъ крестьянамъ [illegible] уговоръ о томъ, чтобъ не держать на всемъ пространствѣ имѣнія. Пока крестьяне выкупали своего надѣла, такое условіе не было нужно, потому что помѣщикъ зависѣло дозволить или не дозволить открытія питейнаго заведенія на землѣ, но онъ только что заключилъ выгодную сдѣлку, а съ утвержденіемъ ея, принадлежавшее до тѣхъ поръ ему перешло, на выкупленной землѣ съ вотчиннымъ на нее правомъ, къ сельскому обществу.

Крестьяне съ радостью приняли это условіе. Самые горькіе пьяницы, съ опухшими отъ неумѣренныхъ возліяній хмелемъ, оказались самыми жаркими ревнителями затѣяннаго помѣщикомъ дѣла. Они предвидѣли, что будетъ, когда кабакъ не будетъ у нихъ подъ бокомъ. Это совсѣмъ не то, отправиться въ питейное заведеніе за [illegible] или за двѣ, купить косушку, четверть, пожалуй цѣлое ведро, попьянствовать, зашабашить до новаго путешествія за [illegible] или за двѣ къ источнику всякихъ [illegible]. Когда кабакъ въ деревнѣ, въ него и утромъ и днемъ и вечеромъ, каждый нѣтъ денегъ—снесешь и топоръ и тулупъ; жена тоже потащитъ туда [illegible] и курицу, и нитки, и красна, и [illegible]. Весь домашній скарбъ мало по малу ѣдетъ въ питейное заведеніе; дѣти поползутъ туда же. А когда нѣтъ подъ кабака, нѣтъ и такого соблазна.

Задумано и сдѣлано. Собрались [illegible] и мірской сходъ, потолковали и рѣшили не быть кабаку никогда на всемъ пространствѣ имѣнія и послѣ утвержденія сдѣлки. Если помѣщикъ или крестьяне захотятъ поставить кабакъ на земскомъ пространствѣ, то виноватая сторона платитъ другой триста рублей, а кабакъ закрывается. Если безъ позволенія тайно будутъ продаваться крѣпкіе напитки, то открывшій это хозяинъ, въ усадьбѣ или на землѣ которыхъ производилась тайная продажа, платитъ тайное заведеніе закрывается и [illegible] прекращается. Далѣе опредѣлено, что [illegible] „сохранить свою силу, хотя и [illegible] купленный крестьянами въ имѣніи [illegible] остающаяся за надѣломъ въ [illegible] владѣльца часть того имѣнія перейдетъ послѣдствіи въ другія руки покупщика

дару или инымъ образомъ, или
ѣсь на части". Обо всемъ этомъ
письменный договоръ, подписан-
льцемъ и всѣми домохозяевами се-
концѣ договора прибавлено: „усло-
ранять намъ съ обѣихъ сторонъ
совѣсти, свято и нерушимо; а для
го твердости, на всегдашнія вре-
дѣтельствовать нотаріальнымъ по-

роны радовались, что порѣшили
рошее дѣло, сочинили уэду на че-
и въ особенности на отечествен-
ть. Обѣ отказались отъ права по-
кабака рублей двѣсти въ годъ,
принесли жертву, но принесли
о, въ убѣжденіи, что отъ этого
ютъ, а не потеряютъ, будутъ въ
не въ убыткѣ.
и упованія ихъ оказались однако
, и радовались они попустому.
въ условіе, помѣщикъ уѣхалъ изъ
нія, предоставя дальнѣйшій ходъ
ные договора законному теченію,
что вышло.
ы, которымъ былъ представленъ
отказались его свидѣтельствовать,
о подобные акты къ нимъ не от-
подлежатъ утвержденію мирового
. Представили договоръ мировому
. Тотъ говоритъ: могу утвердить,
на три года. А почему же, спра-
го, только на три года? Потому,
ировой посредникъ, что я впер-
аю такой договоръ, и онъ вовсе
ся къ землѣ, а есть коммерческая
ѣсите, говоритъ, въ съѣздъ миро-
дниковъ. Представили съѣзду, но
отказалъ засвидѣтельствовать до-
къ противозаконный, ибо онъ стѣ-
ныя права, хотя и по согласію
говаривающихся.
еперь дѣлать и какъ быть?
форма договора какъ нельзя бо-
определенны. Имъ должно было
ся извѣстнаго рода право каждаго
льцевъ бывшаго до выкупа единаго
участки этого имѣнія, принадле-
мъ прочимъ совладѣльцамъ; дру-
ми, имъ установлялось не личное,
венное право на чужую вещь или
вещи, состоящее въ ограниченіи
дѣльца ставить на своемъ участкѣ
разрѣшать продажу крѣпкихъ на-
питковъ. Договоръ служилъ только средствомъ, способомъ для установленія реальнаго, вещнаго права въ чужой вещи, а вовсе не установлялъ личнаго обязательства и не касался личныхъ правъ. Это ясно видно изъ того, что договоръ долженъ былъ сохранить свою силу на всегдашнія времена, что сила его должна была простираться и на будущихъ владѣльцевъ имѣнія, къ кому бы ни перешли его части тѣмъ или другимъ способомъ. Стало быть, рѣчь шла въ договорѣ не о такомъ личномъ обязательномъ юридическомъ отношеніи, которое установляется между двумя или нѣсколькими лицами и касается только дѣйствій; предполагалось установить реальное имущественное отношеніе какъ бы между самими участками земли,—отношеніе обязательное для каждаго владѣльца участка, кто бы онъ ни былъ, и до тѣхъ только поръ, пока онъ имъ владѣетъ.

Вѣчный договоръ, какъ личное обязательство, само собою разумѣется невозможенъ, и никакое учрежденіе, имѣющее право свидѣтельствовать договоры, не вправѣ его утверждать. Совсѣмъ другое дѣло договоръ, которымъ установляется имущественное право или, какъ въ настоящемъ случаѣ, реальное ограниченіе вотчинныхъ правъ, т.-е. право въ чужомъ имуществѣ. Такой договоръ, по существу своему, можетъ быть и срочнымъ и безсрочнымъ, какъ то право, которое онъ установляетъ.

Въ сводѣ законовъ, въ которомъ можно найти все, что угодно, кромѣ руководящихъ юридическихъ началъ, есть примѣры установленія безсрочныхъ правъ на чужое имущество посредствомъ договора. Такъ, никто не имѣетъ права пробивать окна на чужой дворъ, чрезъ брандмауеръ. Это значитъ, что хозяину принадлежитъ право не терпѣть такихъ оконъ на своемъ дворѣ. Но если два сосѣда, отдѣленные другъ отъ друга брандмауеромъ, войдутъ въ полюбовное соглашеніе и одинъ изъ нихъ позволитъ другому продѣлать окно въ брандмауерѣ на свой дворъ, то имъ стоитъ только заключить объ этомъ договоръ крѣпостнымъ порядкомъ (теперь съ утвержденіемъ старшаго нотаріуса) и тогда установится безсрочное право имѣть окно на дворъ сосѣда,—право реальное, которому должны будутъ подчиняться и всѣ будущіе владѣльцы того двора, на который продѣлано окно, до тѣхъ поръ, пока опять двумъ сосѣдямъ-владѣльцамъ не вздумается.

по взаимному соглашенію, отмѣнить это право съ одной стороны, стѣсненіе права съ другой. Нельзя не пожалѣть, что общее положеніе, на которомъ основано это правило, какъ тысячи и десятки тысячъ другихъ, изложено въ сводѣ законовъ въ видѣ частнаго случая. Законъ долженъ у насъ, какъ и вездѣ, примѣняться буквально; вслѣдствіе этого, договоръ помѣщика о кабакѣ, по юридической своей сущности точно такой же, какъ договоръ объ окнѣ въ брандмауерѣ, не можетъ быть утвержденъ, а послѣдній можетъ.

Возьмемъ другой возможный случай. Я, помѣщикъ, имѣю сосѣда, такого же помѣщика. У меня есть отличный прудъ, а его имѣніе терпитъ отъ безводья. И вотъ, онъ предлагаетъ мнѣ на очень выгодныхъ условіяхъ разрѣшить ему поить свой скотъ въ моемъ имѣніи, т.-е. дать скоту прогонъ къ моему пруду и дозволить ему пользоваться моимъ водопоемъ. Я на это согласенъ, и мы заключаемъ сдѣлку. Сдѣлка можетъ состояться на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Позволеніе можетъ быть дано мною на опредѣленный срокъ, или на то время, пока сосѣдъ владѣетъ имѣніемъ, или пока я живъ и остаюсь владѣльцемъ водопоя, или наконецъ на всегдашнія времена. Спрашивается: можно-ли мнѣ запретить сдѣлку послѣдняго рода, на томъ основаніи, что это будетъ договоръ безсрочный, и что я, хотя и добровольно, ограничиваю свои личныя права? Очевидно, нѣтъ. Законъ не запрещаетъ мнѣ уступать изъ моихъ вотчинныхъ правъ ту часть, какую пожелаю, если это только не вредитъ или не мѣшаетъ посторонними лицамъ или не противно общимъ постановленіямъ; уступаю же я, въ приведенномъ случаѣ, не личныя права, а именно долю моихъ вотчинныхъ правъ. Договоръ или сдѣлка является здѣсь только способомъ установленія права въ чужомъ имуществѣ, независящаго отъ личности договаривающихся сторонъ, переходящаго съ имѣніями, словомъ, права реальнаго, а совсѣмъ не личнаго. Такое безсрочное право можетъ быть установлено и отмѣнено лишь крѣпостнымъ порядкомъ, въ томъ и другомъ случаѣ по добровольному соглашенію владѣльцевъ имѣній.

Такимъ же точно образомъ могутъ быть установлены и отмѣнены, крѣпостнымъ же порядкомъ, и тысячи другихъ ограниченій вотчинныхъ правъ на одно имѣніе въ пользу другого, если только такія ограни… противны законамъ, напримѣръ: пр… хода, проѣзда и прогона, право … право пользоваться валежникомъ, … комъ, лѣсными плодами, саломъ и… домъ и т. п.

Но, скажутъ мнѣ, ограниченіе … вать разрѣшеніе на открытіе питей… веденія косвеннымъ образомъ вред… дарственному доходу отъ питей, и … какъ противное интересамъ казны, … жетъ быть предметомъ договора, по … п. 5 св. зак. гражд.

Такое толкованіе закона совершен… извольно. Нигдѣ, ни однимъ словом… нодательство наше не обязываетъ … цевъ разрѣшать открытіе питейны… деній; напротивъ, въ ст. 310 устав… тейномъ сборѣ оно опредѣляетъ вол… нымъ образомъ, что такое разрѣше… сить отъ воли владѣльца имѣнія. … такое право предоставлено владѣл… всякаго ограниченія, я не вижу … основанія, почему бы онъ не могъ … диться имъ какъ своею полною … ностью. Ограниченіе правъ вездѣ … толкуется строго и буквально, без… произвольныхъ распространеній, … одна законодательная, а никакъ не … стративная, ни даже судебная … правѣ, помимо точнаго закона, … вать гражданскія права своими тол… Какъ въ договорахъ принимаемыя … сторонами обязательства должны … исполнены строго буквально, а въ … мѣнія—въ смыслѣ благопріятномъ … завшагося, такъ точно и общія о… гражданскихъ правъ. Прежде на… продажи питей на вынось не т… дозволенія владѣльца. Пока это пр… ществовало, нельзя было заключать … о недозволеніи открывать питейн… нія такого рода,—какъ нельзя закл… вой о неплатежѣ податей и повин… застройкѣ дороги, о прекращеніи … судоходной рѣкѣ и т. д. Но теперь … кона, который бы хотя косвенно … валъ владѣльцамъ не мѣшать от… ихъ имѣніяхъ питейныхъ заведеній … подобныя сдѣлки должны быть пр… за вполнѣ правильныя, подлежащ… женію на общемъ основаніи.

Наконецъ, разбираемымъ случа… ждается еще и слѣдующій вопрос…

нно случаяхъ сдѣлки между быв-
ностными крестьянами и ихъ быв-
мѣщикомъ подлежатъ утвержденію
посредниковъ и ихъ съѣздовъ и
—нотаріусовъ? Помѣщикъ заклю-
крестьянами договоръ, касающійся
, послѣ того какъ объ этой землѣ
илась выкупная сдѣлка. Договоръ,
у его смыслу, есть условный: онъ
ся въ виду того, что часть имѣнія
и въ полную собственность кре-
потому вступаетъ въ силу лишь
нуты, когда выкупная сдѣлка ут-
выкупнымъ учрежденіемъ и кре-
ращаются въ собственниковъ отве-
имъ земельнаго надѣла. Справи-
акая же роль мировыхъ посредни-
сительно такого договора и какое
имѣетъ ихъ разсмотрѣніе? Я не ду-
ъ ихъ призваніе состояло, подобно
памяти окружнымъ государствен-
ествъ и управляющимъ удѣльными
, въ опекѣ и попечительствѣ надъ
ки, въ предохраненіи ихъ отъ та-
, который былъ бы противенъ ихъ
имъ интересамъ,—шага, котораго
воему неразумѣнію и малой опыт-
предусматриваютъ. Мировые по-
наблюдаютъ только за тѣмъ, чтобъ
аключаемая между бывшимъ помѣ-
и его бывшими крѣпостными, не
отивна положеніямъ 19 февраля.
ніе мирового посредника есть ни
менѣе какъ свидѣтельство, дающее
въ томъ, что по правиламъ поло-
февраля къ утвержденію договора
ій не имѣется. Иначе мировой ин-
ожетъ, пожалуй, остановить и мір-
оворъ крестьянъ о покупкѣ земли
о своего помѣщика, хоть на томъ,
ъ, основаніи, что такая покупка ли-
возможности исправно уплачивать
платежи, подати и повинности. И
ерждение мировымъ посредникомъ
о которомъ идетъ рѣчь, можетъ,
казали, быть только удостовѣре-
съ точки зрѣнія положеній 19 фе-
заключенію сдѣлки препятствія
бственно же утвержденіе договора
нотаріата. Смотря по свойству
онъ или только свидѣтельствуется
то нотаріуса, или совершается крѣ-
порядкомъ у старшаго, со внесе-
крѣпостную книгу. Мировые по-
средники—не нотаріальное учрежденіе; они
дѣйствительно утверждаютъ только тѣ сдѣлки,
утверждать которыя имъ прямо и положи-
тельно предоставлено положеніями 19 фев-
раля. Всѣ другія, въ томъ числѣ и договоры
о недозволеніи открывать питейныя заведе-
нія, особливо по совершеніи выкупной сдѣлки,
до нихъ нисколько не касаются и вліянію
ихъ вовсе не подлежатъ.

Высказывая этотъ взглядъ на настоящій
случай, я очень далекъ отъ мысли кого бы
то ни было обвинять въ разстройствѣ, про-
исшедшемъ отъ такого неожиданнаго для
помѣщика и для крестьянъ, странаго обо-
рота дѣла. Причина прискорбнаго явленія
лежитъ вовсе не въ недостаткѣ доброй воли,
еще того менѣе въ желаніи насолить или
вкернуть подъяческій крючокъ, а въ просто
отсутствіи яснаго пониманія юридическихъ
отношеній и началъ; чего, пока нашъ сводъ
законовъ остается въ настоящемъ своемъ
видѣ, по совѣсти никому нельзя ставить въ
вину. Редакція нашихъ гражданскихъ зако-
новъ такова, что не только незнающаго она
не научитъ, но и знающаго собьетъ съ
толку.

Въ чемъ собственно вся суть разсматри-
ваемаго случая? Въ смѣшеніи обязательства
съ правомъ на вещь, на имущество. Такое
смѣшеніе кажется невозможнымъ, когда рѣчь
идетъ о правѣ собственности; а въ правахъ
въ чужомъ имуществѣ или на чужое иму-
щество оно не только возможно и есте-
ственно, но даже необходимо и неизбѣжно,
если законъ и юриспруденція опредѣлительно
и точно не проведутъ между ними и обяза-
тельствами рѣзкой разграничительной черты,
которая существуетъ во всѣхъ европейскихъ
законодательствахъ, кромѣ нашего. Въ сводѣ
законовъ нѣтъ и намека на правильное, си-
стематическое ученіе о цѣломъ обширномъ
отдѣлѣ своеобразныхъ имущественныхъ отно-
шеній, которыя, при сколько нибудь разви-
той гражданственности, играютъ огромную
роль и фактически оттѣсняютъ на второй
планъ полное право собственности. Мы уже
давно вышли изъ періода первообразнаго,
простого гражданскаго быта. Гражданскія
отношенія становятся и у насъ съ каждымъ
годомъ болѣе и болѣе сложными; съ тѣмъ
вмѣстѣ и необходимость правильнаго законо-
дательства о правахъ въ чужомъ имуществѣ
чувствуется у насъ съ каждымъ днемъ силь-
нѣе и сильнѣе. Отсутствіе такого законода-

тельства мѣшаетъ множеству сдѣлокъ, кладетъ на каждомъ шагу преграды предпріимчивости и промышленности, лишая предпріятія и имущественныя отношенія юридической прочности и гарантіи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего не дѣлается для устраненія этого положительнаго зла и для удовлетворенія одной изъ живѣйшихъ, насущнѣйшихъ потребностей. Не вина нотаріусовъ, мировыхъ посредниковъ, адвокатовъ, судей, вообще практическихъ юристовъ, что они на каждомъ шагу путаются въ опредѣленіи характера юридическихъ сдѣлокъ, когда законъ не даетъ имъ для того ни малѣйшей точки опоры.

У всѣхъ народовъ, въ пору ихъ младенчества, господствующею, почти исключительною формою имущественныхъ отношеній является безусловное, неограниченное право собственности. Семьи и роды, живя особнякомъ, представляютъ нѣчто въ родѣ маленькихъ государствъ, находящихся между собою какъ бы въ международныхъ отношеніяхъ. Зачатки права собственности лежатъ въ полновластномъ владѣніи этихъ семей и родовъ тою землею, на которой они сидятъ, — владѣніи, имѣющемъ много общаго съ территоріальными отношеніями государствъ по международному праву.

Право собственности, въ этомъ безусловномъ, неограниченномъ значеніи, предшествуетъ государственному и гражданскому быту народовъ и извѣстно намъ лишь по отрывочнымъ преданіямъ изъ отдаленной эпохи. По нимъ возстановляетъ его наука. Исторически извѣстный бытъ представляетъ отдѣльные роды и семьи уже соединенными въ союзы и государства, съ болѣе или менѣе развитыми зачатками монархической власти или аристократическихъ республиканскихъ учрежденій. Все большее и большее сближеніе между собою родовъ и семей, тѣсное ихъ сожительство и сосѣдство сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе безусловнаго, ничѣмъ неограниченнаго права изолированной собственности. Общія потребности должны были, рано или поздно, создать разныя его ограниченія. Дороги и каналы, потребность въ водопоѣ, пастбищѣ, лѣсѣ, наконецъ сожительство бокъ-о-бокъ и возникающія отсюда ежеминутныя сношенія и столкновенія, не могли не породить множества стѣсненій неограниченныхъ сначала поземельныхъ правъ, множества взаимныхъ уступокъ, вольныхъ и невольныхъ, ко… рыхъ мало-по-малу выработался особ… родъ имущественныхъ, реальныхъ от… съ одной стороны похожихъ на пр… ственности, а съ другой рѣзко от… отличныхъ, — нѣчто среднее между … собственности и обязательствами … съ своимъ особымъ, отличнымъ отъ … характеромъ и значеніемъ.

Честь и заслуга юридической об… этого рода фактовъ, точнаго опредѣл… существа и характера, безспорно пр… житъ римскимъ юристамъ. Ихъ … выводы приняты, съ незначительны… неніями, за основаніе во всѣхъ … щихъ теперь европейскихъ зако… ствахъ и служатъ до сихъ поръ мѣр… обсужденія относящихся сюда явле… какъ эти взгляды и выводы не … наше гражданское право и большин… шихъ юристовъ-практиковъ незнак… можетъ быть не безполезно будетъ … многихъ словахъ, объяснить, отче… дается такая важность этой части … ского права и отчего совершенное … правильной юридической постано… сводѣ законовъ такъ существенно … нашимъ гражданскимъ оборотамъ и …

Каждый знаетъ, какая громадная … существуетъ между имущественны… и договорнымъ отношеніемъ. Про… мой сосѣдъ свои луга, или только … обязался продать ихъ, — далеко не … Если онъ продалъ и потомъ не … передать мнѣ свой лугъ, то я, ос… на формальномъ актѣ купли и про… принудить его отдать мнѣ мою собс… которую пріобрѣлъ отъ него; е… только обязался, хоть бы и формал… дать мнѣ свой лугъ, а потомъ ра… я не могу потребовать отъ него … мнѣ луга, ни принудить его совер… чую; мнѣ остается только отыскива… убытки, которые я потерпѣлъ отъ … нія имъ договора. Другими сл… первомъ случаѣ я обращаюсь пр… мой вещи, которая была предметом… сдѣлки, а во второмъ я къ самой … титься не могу, а обращаюсь къ … которымъ у меня заключенъ догово… сказать, въ первомъ случаѣ сдѣл… вляетъ прямое, непосредственное … шеніе къ предмету, а во второмъ … образуется связь предметная, реаль…

ся личною между тѣми, которые
сдѣлку.

ѣчь идетъ о правѣ собственности,
по себѣ такъ ясно, что никакого
ыть не можетъ. Всякому понятно,
омъ мнѣ не проданъ, онъ не мой,
и не могу его требовать въ соб-
какія бы у меня не были объ
сдѣлки и условія съ его хозяи-
о также понятно, что когда разъ
дь предметъ мнѣ принадлежитъ
могу требовать его отъ всякаго,
онъ не находился, хотъ бы этотъ
ерешелъ черезъ десятки рукъ. Но
и другихъ случаевъ, когда имуще-
отношенія двухъ лицъ далеко не
дны, когда ихъ можно толковать
наче. Если нѣтъ закона, точнымъ
редѣляющаго юридическую сущ-
ъ отношеній, то они будутъ без-
нно подавать поводъ къ вопію-
ушеніямъ самыхъ несомнѣнныхъ
ыхъ законныхъ интересовъ, и
оторымъ вслѣдствіе того будутъ
одвергаться частныя лица, охла-
пріимчивость и стѣснятъ промы-
дительность.

ъ—я нанялъ на нѣсколько лѣтъ
въ домѣ, подъ магазинъ, мастер-
ику или другое заведеніе, устроилъ
, употребилъ много своихъ денегъ
еніе квартиры въ нужный мнѣ
итывая, что въ эти нѣсколько
жки мои окупятся и я еще буду
. Но срокъ найма далеко еще не
ъ вдругъ хозяинъ продаетъ свой
ому, не оговоривъ въ особомъ
то мнѣ предоставляется дожить въ
до срока, назначеннаго по кон-
вый хозяинъ знать не знаетъ и
очетъ моихъ условій съ прежнимъ
ъ дома; онъ намѣренъ распоря-
че моею квартирою и гонитъ меня
предлагаетъ такія условія, на ко-
могу согласиться. Что мнѣ остает-
? Требовать вознагражденія отъ
озяина? Хорошо, если онъ имѣетъ
вознаградить и согласенъ на это;
ъ, мнѣ придется или поклониться
оторый употребилъ на устройство
и войти въ убытки, или вести про-
ультатомъ котораго будутъ хлопо-
издержки, потеря времени и со-
вознагражденіе. Можетъ и то
случиться, что отъ одной перемѣны квартиры я потерплю убытки, за которые никакой судъ не присудитъ мнѣ вознагражденія; такъ, напримѣръ, я могу лишиться постоянныхъ заказчиковъ и покупателей, которымъ было близко къ моей мастерской или къ моему магазину, потерять издержки перевозки, новаго обзаведенія, утратить разныя особенныя выгоды и удобства мѣстности, дома, гдѣ помѣщалась моя квартира и т. п. Стало быть, для меня имѣетъ особенную практическую важность, какъ смотрятъ юристы и судьи на мой договоръ о наймѣ имущества: видятъ ли они въ немъ установленіе имущественнаго права, или только личное обязательное отношеніе между мною и хозяиномъ дома? Юридическія послѣдствія такого или другого взгляда на дѣло будутъ совершенно различныя. Если законодательство взглянетъ на наемъ мною квартиры какъ на основаніе моего имущественнаго на нее права, то я на все время найма имѣю право владѣть и пользоваться нанятою квартирою въ условіяхъ заключеннаго договора, хотя бы вопреки волѣ хозяина; если послѣдній выгонитъ меня изъ этой квартиры, то я могу судомъ заставить его возвратить мнѣ ее и оставить за мной до истеченія срока найма; если же законодательство смотритъ на договоръ найма квартиры голько какъ на обязательное личное отношеніе мое къ хозяину дома, то самъ хозяинъ, у котораго я нанялъ квартиру, можетъ, пожалуй, отнять ее у меня, и только обязанъ вознаградить меня за понесенный отъ того ущербъ; что же касается до новаго хозяина, то онъ, выгнавъ меня изъ квартиры, даже не обязанъ и вознаградить меня; онъ пользуется своимъ правомъ собственности, и до меня ему нѣтъ никакого дѣла; мнѣ остается только обратиться къ прежнему хозяину дома, и отъ него требовать вознагражденія.

Заслуга римскихъ юристовъ состоитъ въ томъ, что они весьма тонко поняли и оцѣнили двойственный характеръ такого рода отношеній и многимъ изъ нихъ, въ которыхъ имущественная, реальная сторона стоитъ на первомъ планѣ, придали юридическое значеніе имущественныхъ правъ, во многомъ схожихъ съ правомъ собственности.

Разсмотримъ опять тотъ же примѣръ найма квартиры. Въ чемъ его сущность? Договоромъ найма устанавливаются, во-первыхъ, прямыя, личныя, непосредственныя отноше-

ія между нанимателемъ и хозяиномъ; возникъ, послѣдствіе этой сдѣлки то, что хозяинъ передаетъ нанимателю часть своего имущества для извѣстнаго рода пользованія, условія котораго опредѣлены договоромъ. И такъ, договоръ является юридическимъ основаніемъ для возникновенія извѣстнаго, прямого, непосредственнаго отношенія нанимателя, лица постороннаго, къ имуществу другого лица, которому это имущество принадлежитъ на правѣ собственности. Этимъ отношеніемъ реальнаго свойства полное право собственности хозяина ограничивается, стѣсняется съ его согласія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ договоромъ. Иначе сказать, хозяинъ выдѣляетъ изъ числа правъ, принадлежащихъ ему на вещь въ качествѣ собственника, извѣстную часть и передаетъ эту часть другому лицу. Часть эта, выдѣленная такимъ образомъ изъ общей совокупности владѣльческихъ или вотчинныхъ правъ, становится въ рукахъ того, кому она уступлена, самостоятельнымъ отъ права собственности вещнымъ или имущественнымъ правомъ, самостоятельнымъ предметомъ гражданскихъ сдѣлокъ и гражданскихъ отношеній.

Какъ имущественное право особаго рода, отдѣленное отъ права собственности, оно выработалось по образцу послѣдняго и ему присвоены его юридическія послѣдствія. Способы пріобрѣтенія, потери и судебной защиты этихъ особыхъ имущественныхъ правъ опредѣлены по образцу способовъ пріобрѣтенія, потери и судебной защиты правъ собственности. Основаніемъ для пріобрѣтенія этихъ особыхъ имущественныхъ правъ могутъ служить не только актъ договора, но и актъ дареніи, право наслѣдованія, давность владѣнія; прекратиться эти права могутъ точно также въ силу давности непользованія ими, въ силу формальнаго отказа, договора, или неисполненія условій договора, которымъ эти права установлены. Защищать эти права судебнымъ порядкомъ дозволяется, какъ имущественныя, реальныя, не только противъ посторонихъ лицъ, но даже и противъ самого хозяина. Разъ что такое право признано отдѣльнымъ отъ права собственности непосредственнымъ отношеніемъ лица къ предмету, не принадлежащему ему на правѣ собственности, обладатель такого частичнаго права можетъ ограждать его отъ всякаго, кто бы на него ни посягалъ.

Такъ опредѣлился юридически этотъ видъ имущественныхъ правъ въ отношеніи къ праву собственности. Съ такою же [illegible] и тонкостью опредѣлены и отношенія къ обязательствамъ. Между тѣми и [illegible] проведена черта, ясно разграничивающая ихъ другъ отъ друга. Это было тѣмъ [illegible] необходимо, что права на чужую вещь [illegible] чаще возникаютъ вслѣдствіе договоровъ, [illegible] обязательныхъ отношеній съ [illegible] ми, вслѣдствіе того, безпрестанно [illegible] ваются. Гдѣ оканчивается обязательство [illegible] гдѣ начинается основанное на немъ [illegible] ственное право? Если договоръ самъ по [illegible] установляетъ только личныя обязанности, [illegible] а имущественное право образуетъ по [illegible] существенному характеру, непосредственное [illegible] отношеніе лица къ предмету, то не [illegible] мость опредѣлить границу, ихъ разницу [illegible] является дѣломъ величайшей теоретической [illegible] и практической важности. Римскіе [illegible] а за ними и всѣ европейскія законодательства, рѣшаютъ этотъ вопросъ очень [illegible] и вполнѣ разумно. Имущественное право, [illegible] основанное на договорѣ, начинается [illegible] минуты, когда послѣдовало исполненіе договора, т.-е. когда та сторона, которой [illegible] говору уступлено имущественное право, [illegible] самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности [illegible] это право въ свое распоряженіе. Такъ [illegible] нялъ въ работу пару воловъ. Пока [illegible] не доставлены, договоръ о нихъ [illegible] только обязательство, установляющее [illegible] мною и хозяиномъ волохъ личныя [illegible] нія. Не доставивъ онъ мнѣ этихъ [illegible] ныхъ, я могу требовать отъ него [illegible] пенія условія или вознагражденія [illegible] которые потерпѣлъ отъ неисполненія [illegible] вора: до воловъ собственно мнѣ до [illegible] пѣтъ дѣла; но разъ они мнѣ до[illegible] возникаетъ, рядомъ съ договоромъ [illegible] ственное мое право на воловъ, [illegible] въ условіяхъ заключенной между [illegible] хозяиномъ ихъ сдѣлки. Съ этой [illegible] уже могу, вооруженный имущественнымъ [illegible] правомъ, отстаивать воловъ отъ всякаго [illegible] стороннаго лица и отъ самого хозяина [illegible] предѣлахъ уступленнаго мнѣ права.

Такова юридическая сущность [illegible] товъ, реальныхъ и личныхъ, особыхъ [illegible] правъ на строенія, воздвигнутыя [illegible] землѣ (superficies), эмфитевтическая [illegible] залога и заклада. Каждое изъ этихъ [illegible] есть часть права собственности, [illegible] жащая не хозяину, а постороннему

значеніе самостоятельнаго иму-
о права, со всѣми его юридиче-
ѣдствіями [1]).

перь читателя внимательно раз-
ъ сводѣ гражданскихъ законовъ
ъ называемомъ правѣ собствен-
номъ (ст. 432—542). Что пой-
ъ ней объ имущественныхъ пра-
кую вещь, если не составить
какого-нибудь представленія по
мъ законодательствамъ, или по
онъ гражданскихъ, дѣйствующему
ихъ губерніяхъ, или хоть по тѣмъ
ѣсного устава, гдѣ излагаются по-
о лѣсныхъ сервитутахъ въ тѣхъ

губерніяхъ, по тѣмъ статьямъ устава объ управленіи казенныхъ населенныхъ имѣній въ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія казны и арендаторовъ казенныхъ имѣній? Редакція этого отдѣла свода гражданскихъ законовъ преудивительная. Правда, въ ней много собрано матеріалу, хотя онъ далеко не полонъ, даже по своду законовъ, во всѣхъ почти томахъ котораго разбросаны постановленія о разныхъ видахъ этого рода имущественныхъ правъ. О томъ, что въ дѣйствительности, на практикѣ, видовъ такихъ правъ, вовсе не упоминаемыхъ въ сводѣ, существуетъ многое множество, и говорить нечего. Но оставимъ полноту или неполноту матеріала въ сторонѣ, и посмотримъ на то, какъ онъ изложенъ и обработанъ. Нельзя сказать, чтобъ въ сводѣ не было косвенныхъ указаній и мимоходныхъ намековъ на юридическое существо правъ на чужія имущества, но редакція ихъ вообще самая неточная, не юридическая; господствующій въ сводѣ пріемъ разрѣшать не общіе вопросы, а частные случаи, дѣлаетъ правильное развитіе этой важнѣйшей части русскаго гражданскаго права, и въ наукѣ и въ практикѣ, совершенно невозможнымъ, хотя, при внимательности къ возрастающимъ потребностямъ ежедневной жизни, положить первыя тому основанія было бы вовсе не такъ трудно, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. За полнотой видовъ права на чужое имущество гоняться бы нечего; нужно было бы только собрать изъ цѣлаго свода въ одно мѣсто всѣ виды такихъ правъ, обязательно предписанные закономъ, чего и до сихъ поръ еще не сдѣлано, да и виды, которые вошли въ ст. 432—542 св. зак. гражд., изложены весьма неполно и не точно. Что касается до правъ на чужое имущество, установляемыхъ добровольно частными лицами, то полное ихъ изложеніе и невозможно, по чрезвычайной измѣнчивости и разнообразію ихъ, да сверхъ того и совершенно ненужно; это безъ всякой надобности ограничило и стѣснило бы свободное развитіе формъ частныхъ сдѣлокъ, въ ущербъ частнымъ интересамъ и гражданскимъ оборотамъ.

Гораздо важнѣе видовъ юридическое существо и послѣдствія, способы установленія, отмѣны и защиты такихъ правъ. Объ этомъ въ сводѣ находятся только самыя single-minded, мимоходныя и разнорѣчивыя указанія. Не-

---

странить всякія недоразумѣнія, считаю
сказать, что я имѣлъ въ виду предста-
шь основныя начала ученій римскихъ
правахъ по обязательствамъ, правахъ въ
о разныхъ и взаимныхъ отношеніяхъ
. Излагать всѣ подробности и тонкости
а и законодательства по этимъ предме-
ъ: это не входило въ мою задачу. На
ія, я не упоминаю, напримѣръ, что lo-
o aedium служитъ основаніемъ вещ-
ь занимаемый домъ, когда объ этомъ
рено въ контрактѣ; что личные сервиту-
домъ права собственности отъ одного
другому, прекращаются, кромѣ, однако,
habitatio, которое сначала составляло
довъ личнаго сервитута usus, со временъ
разовало особую форму сервитутовъ, что
rum et animalium составляли тоже осо-
тельный видъ сервитутовъ, о которомъ,
знаемъ весьма мало. Всѣ эти подроб-
жны при изученіи положительнаго рим-
но имѣютъ весьма второстепенное на-
осахъ о теоретическихъ основаніяхъ и
характерѣ различныхъ гражданскихъ
заимныхъ отношеній. У римлянъ, по
ъ жизни и быта, развились одни формы
ъ на чужія вещи: у насъ, согласно съ
нашей жизни и быта, могутъ и должны
тія. Не будучи даже особенно проница-
ли не замѣтить, что и у самыхъ рим-
е виды вещныхъ правъ на чужія вещи
ись, еще не получили окончательной фор-
сходящихся въ зародышѣ, когда дальнѣйшее
ского права пріостановилось. Извѣстно,
е вліяніе имѣло на развитіе права въ
посредственное примѣненіе положитель-
о права къ бытовымъ условіямъ герман-
Наше положеніе, въ этомъ отношеніи,
выгоднѣе, и намъ слѣдуетъ имъ воспольз-
ясь однихъ общихъ теоретическихъ
алъ гражданскаго права вещнаго и по
ъ и не усвоивая себѣ, вмѣстѣ съ ними,
остей и частностей, которыя обусловли-
ностями римской жизни и у насъ не
какого разумнаго или практическаго

обходимо было бы точнымъ образомъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ непосредственное отношеніе посторонняго лица къ чужой собственности признается закономъ за имущественное право, и при какихъ — не признается, а установляетъ лишь личныя обязательныя отношенія къ хозяину имущества. Когда я прихожу въ гостинницу и тамъ обѣдаю, диванъ, на которомъ я сижу, столъ, на которомъ мнѣ поданъ обѣдъ, сервизъ и столовое бѣлье находятся все то время, пока я обѣдаю, въ моемъ непосредственномъ распоряженіи; но можно ли считать его правомъ на чужую вещь, или нѣтъ? Когда я день, другой живу въ отелѣ, я тоже становлюсь въ непосредственное отношеніе къ номеру, который занимаю, и ко всему, что въ немъ находится; но возникаютъ ли для меня отсюда имущественныя права? Вообще, предметомъ права на чужое имущество могутъ быть, главнымъ образомъ, имущества недвижимыя, а движимыя вещи только въ видѣ изъятія, въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Далѣе, непосредственныя отношенія посторонняго лица къ недвижимому имуществу могутъ быть признаны за имущественныя права только въ тѣхъ случаяхъ, когда они установляются на извѣстное, болѣе или менѣе продолжительное время, опредѣленное закономъ. Этимъ различается наемъ квартиры на годъ или на нѣсколько лѣтъ жильцомъ отъ найма номера гостинницы пассажиромъ до перваго поѣзда желѣзной дороги; арендованіе земли на нѣсколько лѣтъ — отъ найма пашни подъ одинъ посѣвъ, отъ найма рыбной ловли на одинъ уловъ и т. д. Законъ долженъ, соображаясь съ обычаями, опредѣлить продолжительность пользованія чужимъ имуществомъ, какъ необходимое условіе имущественнаго права на чужую вещь.

Относительно способовъ установленія такихъ правъ необходимо, чтобъ законъ точнымъ образомъ опредѣлилъ форму, въ какой должны быть совершаемы акты, которыми установляются права на чужое имущество. Сообразуясь съ существующими узаконеніями, надлежало бы, напримѣръ, требовать, чтобъ безсрочныя и всѣ продолжительныя права на чужія недвижимыя имущества установлялись не иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ. Далѣе настоитъ крайняя надобность различить договоры и другіе акты, которыми установляются права на чужое имущество, отъ самихъ этихъ правъ. Въ этихъ ви образцу всѣхъ прочихъ европей кихъ дательствъ, надлежало бы положи разить въ законѣ, что какъ купчая сама по себѣ, безъ ввода во вл установляетъ права собственности, та и контрактъ или другой актъ не устан правъ на чужое имущество, пока н дуютъ передачи этихъ правъ, или владѣніе. Такъ постановлено у на не ошибаемся, только относительно казенныхъ имѣній въ аренду. Пра надлежало бы распространить и на виды правъ на чужое имущество.

Наконецъ, совершенно необходимо распространить правила давности, ствующія досель только для спор правъ собственности, на права на имуществѣ. Если я въ теченіи лѣт безпрепятственно, спокойно, безъ возраженій со стороны владѣльца зе силь его лугъ, ловилъ рыбу въ е добывалъ рапу изъ его соляного озер качивалъ ее въ мой соляной источ справедливо, чтобъ такое пользовани имуществомъ, если оно не основан бомъ договорѣ или актѣ, создавало на основаніи закона о давности, такое пользованіе, подобно тому, спорное десятилѣтнее владѣніе иму рождаетъ право собственности.

Такими постановленіями далеко создалось бы у насъ правильнаго органическаго законодательства о на чужое имущество, но по край открылась бы возможность для уст и развитія такихъ правъ на сам Впослѣдствіи практика указала б нужны въ законодательствѣ по эт мету пополненія и усовершенствов перь же самое развитіе этой отр скаго гражданскаго права положит возможно; дверь, въ нему ведущая, лавалена мусоромъ. Вотъ почему возможны случаи, въ родѣ того, ко сапъ мною выше; на каждомъ ш чаются смѣшенія личныхъ обязато имущественными правами, и всѣ нео крайне печальныя и разорительны ствія такой путаницы, а въ послѣд зультатѣ — стѣсненіе гражданскихъ юридическихъ сдѣлокъ.

До какой степени недостатокъ у н ническаго закона о правахъ въ чу

водить шаткость въ самихъ юри-
рѣніяхъ,—этому убѣдительнымъ
ромъ могутъ служить прешя, про-
въ московскомъ юридическомъ
апрѣля 1870 г. [1]). Предсѣда-
ля, профессоръ Лешковъ, пред-
обсужденіе общества вопросъ:
ъ ли договоръ, заключенный нѣ-
владѣльцами о томъ, чтобы на
не имѣть кабаковъ? Въ изло-
профессоръ Лешковъ, какъ и
видать по свойству возбужден-
разсмотрѣлъ только одну сто-
менно юридическую возможность
ность такого договора, и рѣ-
съ утвердительно. Аргументаци
мнѣнію, неопровержима. Однако
были сдѣланы, и ихъ оказалось
и такъ они показались убѣди-
большинство членовъ, бывшихъ
разрѣшили предложенный во-
тельно. Такой неожиданный ре-
ній существенно зависѣлъ, какъ
отъ того, что члены общества
вниманіе на одну сторону дѣла
изъ виду другую, гораздо болѣе
воръ между владѣльцами о томъ,
ъ земляхъ не было питейныхъ
ть лишь одинъ изъ способовъ
я извѣстнаго рода ограниченій
вности, т.-е. частичнаго иму-
права, или права въ чужомъ
До введенія акцизной системы
йнаго дохода, обязанность тер-
на своей землѣ была, по спра-
мѣчанію профессора Лешкова,
сервитутомъ, подобнымъ повин-
ь на своей землѣ дороги, бечев-
онть и не дозволять строить на
внутри города, огнедѣйствую-
ъ и заводовъ и т. п. По введе-
ой системы питейныя заведенія
питей на выносъ сохранили
ое время характеръ публичнаго
владѣлецъ не имѣлъ права помѣ-
крытію въ предѣлахъ своей не-
бственности; но впослѣдствіи и
утъ былъ отмѣненъ, и съ тѣхъ
ніе или недопущеніе питейныхъ
якаго рода, въ предѣлахъ част-
мой собственности, насколько

[1]) Вѣстникъ, годъ третій, книжка третья,

такое открытіе входитъ въ условія граждан-
скаго права, снова обратилось въ одну изъ
составныхъ частей права собственности, и
стало предметомъ гражданскихъ оборотовъ
и сдѣлокъ. Вслѣдствіе того оно можетъ быть
теперь установляемо не только договорами,
но и односторонними актами. Никто не мо-
жетъ мнѣ запретить постановить въ своемъ
недвижимомъ имуществѣ правиломъ, чтобъ
въ немъ не открывались никакія питейныя
заведенія. Еслибъ я захотѣлъ облечь такое
выраженіе моей воли въ законную форму,
закрѣпить ее законнымъ актомъ,—не могу
придумать, на какомъ законномъ основаніи
можно было бы мнѣ отказать совершить такой
актъ и внести его въ крѣпостную книгу.
Точно также, еслибъ мнѣ вздумалось выго-
ворить подобное ограниченіе для своихъ не-
движимыхъ имѣній въ завѣщаніи,—не знаю,
на основаніи какого закона окружной судъ
могъ бы отказать мнѣ или моимъ наслѣдни-
камъ въ утвержденіи такого завѣщательнаго
распоряженія, хотя я и убѣжденъ, что на
самомъ дѣлѣ девять десятыхъ старшихъ и
младшихъ нотаріусовъ и окружныхъ судовъ
навѣрное откажутся совершить или утвер-
дить подобные акты, по особенному складу
юридическаго мышленія, который сложился
у насъ вѣками. Но я иду еще дальше и
скажу, что если одностороннее и добровольное
ограниченіе принадлежащихъ мнѣ правъ, разъ
занесенное въ крѣпостную книгу, для кого бы
то ни было окажется полезнымъ или выгод-
нымъ, то этотъ кто нибудь, постороннее лицо,
имѣетъ полное право требовать, чтобъ я не
отмѣнялъ такого, однажды установленнаго
ограниченія моихъ правъ иначе, какъ съ его
согласія, потому что, обратившись однажды
въ реальное, имущественное право, полезное
для другого, оно, это мое добровольное огра-
ниченіе своихъ правъ, рождаетъ для него
право въ чужой вещи, которое не можетъ
быть отмѣнено иначе, какъ съ его согласія.
Такъ слѣдуетъ по строгой логикѣ граждан-
скаго права, которой намъ еще видно долго
придется учиться у римскихъ юристовъ, раз-
вившихъ ее до виртуозности. Вотъ почему
мнѣ кажется, что вся суть дѣла не въ томъ,
какимъ способомъ установляется или можетъ
быть установлено обязательное для собствен-
ника недвижимаго имѣнія ограниченіе его
права открывать въ томъ имѣніи питейныя
заведенія, ибо такихъ способовъ можетъ быть
много и весьма различныхъ, а въ томъ, за-

ключаются ли въ приведенномъ ограниченіи всѣ условія, необходимыя для возникновенія изъ него, тѣмъ или другимъ законнымъ способомъ, вещнаго, реальнаго сервитута, вещнаго права въ чужомъ имуществѣ? Разсматривая предметъ съ точки зрѣнія права по обязательствамъ, профессоръ Лешковъ предполагаетъ, что договоръ о неимѣніи кабака заключенъ на опредѣленное число лѣтъ, или до тѣхъ поръ, пока вступающіе въ договоръ владѣльцы остаются собственниками имѣній, для которыхъ устанавливается такое ограниченіе правъ собственности. Я смотрю на эти ограниченія съ точки зрѣнія вещныхъ правъ, которыя могутъ быть срочныя, но могутъ быть и безсрочныя, подобно праву прохода, проѣзда, пастьбы, водопоя, продѣлгія и поддержанія окна въ брандмауерѣ на чужой дворъ и т. п. На чемъ же вертятся возраженія членовъ московскаго юридическаго общества противъ установленія ограниченія права открывать питейныя заведенія въ своемъ недвижимомъ имѣніи? Вотъ ихъ аргументы:

Одинъ не находитъ въ обязательствѣ не имѣть питейнаго заведенія на своей землѣ (или въ своемъ домѣ) объекта юридической сдѣлки. Въ такомъ ограниченіи онъ не видитъ имущественной цѣли, имущественной пользы. Но, во-первыхъ, цѣль и польза принимаются имъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ тѣсно и узко. Будетъ ли дѣйствителенъ договоръ между двумя владѣльцами смежныхъ между собою садовъ о томъ, чтобъ одинъ изъ договаривающихся не разводилъ въ своемъ саду яблоковъ, а другой — вишень? У насъ пожалуй не найдешь нотаріуса, который бы совершилъ такой договоръ, потому что всѣ мы, русскіе люди, разсуждаемъ точно такъ же, какъ большинство членовъ московскаго юридическаго общества. А что жъ въ такомъ договорѣ противнаго законамъ? Есть люди, которые не могутъ выносить запаха яблокъ, другіе — вишень. Прямой имущественной пользы и цѣли въ такомъ ограниченіи правъ конечно нѣтъ; но оно дѣлаетъ для сосѣдей возможнымъ удержаніе за собою ихъ имущества, которымъ они, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, дорожатъ, къ которому привязаны. Сдѣлка ихъ можетъ быть пожизненная, и какъ такая перейдетъ, пока одинъ изъ нихъ живъ, и къ преемникамъ другого по владѣнію садомъ. По крайней мѣрѣ очень возможно, что оба договаривающіяся лица озаботятся объ упроченіи взаимнаго ограниченія правъ на ихъ собственность на все то время, [illegible] живы и владѣютъ своими садами: а [illegible] это ограниченіе они могутъ не [illegible] установивъ вещное право, реальн[illegible] тутъ. Въ римскомъ правѣ, такихъ серв[illegible] многое множество. Сервитутъ не по[illegible] зданіе выше извѣстной мѣры, чтоб[illegible] мѣшать сосѣду любоваться прекрас[illegible] домъ — какую, спрашивается, имѣть [illegible] ственную цѣль, имущественную по[illegible] во-вторыхъ, ограниченіе заводить [illegible] заведенія имѣетъ такое множество [illegible] ственныхъ пользъ и цѣлей, что затру[illegible] всѣ ихъ высчитать, и съ которой [illegible] Одинъ изъ членовъ общества указал[illegible] щественный интересъ подобныхъ до[illegible] Существованіе питейнаго заведенія [illegible] зости хозяйства есть источникъ не[illegible] нетерпимаго безобразія, но кражъ, п[illegible] прогула рабочихъ дней, самой невоз[illegible] имѣть рабочихъ. Надобно пожить въ [illegible] и видѣть положеніе дѣлъ своими [illegible] чтобы вполнѣ понять и оцѣнить, ч[illegible] кабакъ. Цѣлыя селенія разоряются о[illegible] ковъ и по закрытіи ихъ понемногу [illegible] ляются. Говоритъ, что ограниченіе [illegible] имѣть кабакъ не представляетъ имущ[illegible] ной цѣли и пользы, можно развѣ [illegible] знавъ русской деревни.

Тотъ же членъ общества находит[illegible] глашеніи владѣльцевъ не имѣть ка[illegible] рушеніе правъ лицъ, не участвовав[illegible] сдѣлкѣ. Но кто же такое, спрашива[illegible] лица? Временно-обязанные крестьяне [illegible] сидятъ не на своей, а на чужой земл[illegible] томъ на основаніи статьи 314 уст. [illegible] (изд. 1867 г.) владѣлецъ не мо[illegible] ущербъ имъ, открывать питейныя [illegible] на земляхъ, оставшихся за па[illegible]лом[illegible] полномъ распоряженіи. А за исклю[illegible] временно-обязанныхъ крестьянъ я б[illegible] затруднился сказать, кто же эти л[illegible] права нарушаются такимъ соглашен[illegible] тому же вредъ, который происходит[illegible] сторонняго изъ того, что я пользуюс[illegible] правомъ въ предѣлахъ закона, не им[illegible] какого юридическаго характера.

Другой членъ общества не нахо[illegible] подобныхъ сдѣлкахъ имущественно[illegible] иными словами, объекта договоримат[illegible] Этого возраженія мы уже коснулис[illegible] Повторяемъ: предметомъ договора [illegible] быть всякое матеріальное дѣйствіе [illegible] ничение такого дѣйствія, хотя бы о[illegible]

ъ оцѣнено на деньги, какъ напри-
аничение не лишать меня возмож-
лаждаться изъ моихъ оконъ живо-
видомъ. Еслибы изъ сферы обяза-
договоровъ вопросъ былъ пере-
а почву вещныхъ правъ, вещныхъ
ій правъ собственности въ пользу
многія изъ сдѣланныхъ возраже-
бы сами собою и московское юри-
бщество не пришло бы къ заклю-
какому оно пришло.

членъ общества, также обращая
ниманіе на договоры и обязатель-
на одинъ изъ способовъ пріобрѣ-
къ на имущества, находитъ, что и
анію и по формѣ сдѣлка владѣль-
имѣніи въ ихъ имѣніяхъ кабаковъ
тельна. Имущественныя выгоды отъ
яки онъ считаетъ отдаленными, не
ющими имущественныхъ эквива-
говора; въ этихъ выгодахъ онъ ви-
йствіе предпринятой нѣсколькими
ры въ видахъ достиженія извѣст-
ей, хотя для многихъ изъ условив-
рѣе долженъ въ этомъ случаѣ про-
ущественный убытокъ. Наконецъ,
ашеніе кажется ему частною ассо-
олько въ другой формѣ, а для дѣй-
ости ассоціаціи нужно утвержденіе
стиа. Эти разсужденія основаны на
очныхъ понятіяхъ объ имуществен-
ересѣ, на которыя я указалъ выше,
къ совершенно произвольно смѣши-
оціаціи съ гражданскими сдѣлками
сколькими лицами. Предсѣдатель об-
рофессоръ Лешковъ, предвидѣлъ та-
женія и всячески предупреждалъ ихъ.
вое мнѣніе, онъ отличилъ договоръ
онъ о неимѣніи у себя питейныхъ
отъ безформеннаго соглашенія о
сти, тишинѣ, порядкѣ, морали и т. д.,
на необходимость весьма осторожно
толковать запрещеніе сдѣлокъ, про-
казанному интересу, и ясными чер-
ичилъ соглашеніе о неимѣніи кабаковъ
стачки. Между тѣмъ членъ обще-
ораго мнѣніе я привелъ, положивъ
аніе своихъ разсужденій произволь-
ованіе имущественнаго интереса въ
къ и приписывая владѣльцамъ, не
мъ имѣть у себя кабаки, цѣль, ка-
можетъ быть, и даже очень вѣроятно,
имѣли, выводитъ, что ихъ дого-
простая гражданская сдѣлка, а осо-
бенный видъ соглашеній, требующихъ разрѣшенія правительства. Толкуя такимъ образомъ, не мудрено придти къ самымъ удивительнымъ заключеніямъ, напримѣръ, къ тому, что даже покупка замка въ желѣзной лавкѣ есть сдѣлка, противная общимъ законамъ, и потому дѣйствительна только съ особаго разрѣшенія правительства. Замокъ, буду я утверждать, служитъ къ предохраненію отъ покражи, а для огражденія имущественной безопасности существуетъ полиція; покупка замка выражаетъ, конечно косвеннымъ образомъ, недовѣріе къ полиціи, а въ лицѣ ея и вообще къ правительству; слѣдовательно такая покупка принадлежитъ къ числу сдѣлокъ противозаконныхъ, и нужно особое удостовѣреніе, что я покупаю замокъ не изъ желанія ослабить довѣріе къ полиціи и къ правительству вообще. Пока мы будемъ такъ широко и произвольно толковать гражданскія сдѣлки, пока въ нашихъ разсужденіяхъ будетъ преобладать административная и политическая, а не строго гражданская юридическая точка зрѣнія, до тѣхъ поръ нечего у насъ ждать правильнаго развитія гражданскаго права и гражданскихъ юридическихъ отношеній.

Сказанное выше относится и къ замѣчаніямъ остальныхъ четырехъ членовъ московскаго юридическаго общества, которыя напечатаны въ извлеченіи изъ протокола 20 апрѣля 1870 года. Договоръ о неимѣніи кабаковъ названъ однимъ изъ этихъ членовъ безсодержательнымъ; другой нашелъ, что договоръ вторгается будто бы въ сферу, чуждую частному праву, становится въ разрѣзъ съ народными потребностями; третій выразилъ, что право помѣщика запрещать открытіе кабаковъ въ своемъ имѣніи есть привилегія, которая не можетъ быть расширяема по произволу отдѣльныхъ лицъ; наконецъ четвертый замѣтилъ, что подобная сдѣлка будто бы ограничиваетъ, путемъ договорныхъ соглашеній, право торговли и промышленности, которое свободно и регулируется только полицейскими и торговыми уставами. Словомъ, вопросъ гражданскаго права перенесенъ окончательно въ сферу права публичнаго, о чемъ нельзя не пожалѣть. Идя этимъ путемъ, мы, сами того не замѣчая, подкапываемъ почву подъ своими ногами и дѣлаемъ невозможнымъ разрѣшеніе ближайшихъ, простѣйшихъ, насущныхъ вопросовъ гражданскаго права и гражданской свободы.

(Журн. гражд. и торг. права, 1872, апрѣль).

ОБЪ УЧЕТѢ ДО-СРОЧНЫХЪ ПЛАТЕЖЕЙ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ *).

Когда должникъ обязался по договору уплатить кредитору извѣстную сумму въ назначенный срокъ, а на самомъ дѣлѣ платитъ раньше, то законъ дозволяетъ ему, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заплатить меньше, чѣмъ сколько слѣдуетъ по договору. Мы говоримъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—потому что, вообще, должникъ не можетъ принудить кредитора принять уплату раньше условленнаго срока, и слѣдовательно, если ему и удастся склонить кредитора принять платежъ раньше, то онъ все-таки не имѣетъ права требовать уменьшенія должной суммы.

Наше законодательство, подобно прочимъ, тоже допускаетъ преждевременные платежи, съ уменьшеніемъ ихъ противъ условія. Приведемъ примѣры.

Въ главѣ о судопроизводствѣ по дѣламъ несостоятельныхъ лицъ неторговаго званія (св. зак. гражд. т. X, ч. 2, изд. 1857 года) въ статьѣ 1013 п. 7 читаемъ слѣдующее: „если обязательствамъ сроки еще не пришли по день несостоятельности, то изъ настоящей суммы таковыхъ обязательствъ вычитаются указные проценты, считая со дня несостоятельности по день срока".

И такъ, вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Денежное обязательство заключено на извѣстный срокъ; но прежде чѣмъ онъ истекъ, должникъ впадаетъ въ несостоятельность, и происходитъ обязательная для кредиторовъ ликвидація долговъ несостоятельнаго, до истеченія сроковъ платежа. При такихъ обстоятельствахъ, законъ заставляетъ кредитора довольствоваться полученіемъ меньшей суммы, чѣмъ бы слѣдовало, если бъ платежъ былъ произведенъ въ срокъ по условію.

Въ сводѣ уставовъ государственныхъ кредитныхъ установленій, состоящихъ в домствѣ опекунскихъ совѣтовъ Пи ского воспитательнаго дома [1] (св. зак ч. 2, изд. 1857 г.), въ главѣ о ссудах водимыхъ сохранными казнами, въ 1234 сказано: „если заемщикъ вн уплату часть капитала сверхъ срочны тежей, онъ долженъ въ объявлени вносѣ объяснить: для сокращенія л займа сверхсрочная уплата капитала ч шена, или для уменьшенія срочныхъ жей. Если для сокращенія срока, то жаетъ онъ вносить по срокамъ то же чество процентовъ съ занятой суммы вносилъ прежде, до погашенія всего и чрезъ то само собою первоначальны займа сокращается. Если же сверх уплата капитала учинена для ум срочныхъ платежей, то дѣлается со соразмѣрный остальному долгу и о муся отъ первоначальнаго срока зай лѣтъ разсчетъ, сколько заемщику при вносить ежегодно въ уплату капита центовъ, для погашенія долга въ н ное число лѣтъ".

Выдача ссудъ изъ государственны дитныхъ установленій подъ залогъ н мыхъ имуществъ, хотя и остановлен чайшими повелѣніями 1859 г. 16 а 11 сентября, однако приведенный сохраняетъ свою силу въ примѣнени изведеннымъ уже ссудамъ. На основа закона, каждый, получившій ссуду хранной казны, имѣетъ право внести хочетъ, часть занятаго капитала, сверх ныхъ уплатъ, и чрезъ это или ежег уплаты въ теченіе всего остальног займа уменьшатся, или же ежегодн ныя уплаты останутся тѣ же, но срок сократится. Въ томъ и другомъ случа

*) При составленіи этой статьи мы пользовались совѣтами и указаніями г. академика Буняковскаго и другихъ лицъ, которымъ считаемъ приятною обязанностью выразить здѣсь нашу искреннѣйшую признательность.

[1] Переселившихъ нынѣ въ завѣдываніе ми финансовъ.

ныхъ уплатъ по ссудѣ уменьшится. казать это, положимъ, что въ ссуду изъ сохранной казны 100 руб., на ежегодныя уплаты, въ счетъ про- на погашеніе, будутъ составлять амъ же, ст. 445), слѣд. въ теченіе будутъ равняться 168 руб. Если же черезъ десять лѣтъ внесетъ, вмѣсто надцать шесть руб., то или срокъ кратится на 6 лѣтъ (вмѣсто 28 онъ будетъ платить только 22 года), ему придется платить въ теченіе съ 18 лѣтъ только по 4 р. 42 к. Въ первомъ случаѣ онъ внесетъ въ й сонѣтъ вмѣсто 168 р., всего 152 р., мъ же, вмѣсто 168 руб., только 6 к. Разница—по первому разсчету а по второму въ 8 р. 44 к.—и бу- ставлять уменьшеніе должной суммы, шее вслѣдствіе уплаты 20 рублей ъ до срока займа.

1234 уст. кр. уст. и объясняющіе ты даютъ ключъ къ правильному статьи 1013 п. 7 уст. гражд. су- дства. Послѣдняя предписываетъ вы- зные проценты, слѣдующіе за про- времени между днемъ несостоя- и днемъ срока платежа, изъ *на*- суммы обязательствъ. Это выраже- мы увидимъ впослѣдствіи, отно- способу вычисленія недоплаты, и смыслѣ означаетъ, что за основа- ь вычисленій долженъ быть принятъ ный долгъ безъ процентовъ. Но несьма ошибочно предполагать, что наша статья относится ко всѣмъ воз- случаямъ платежа по обязательству рока. Нельзя никакъ допустить напр., капитальнаго долга дѣлается вычетъ должника и въ такомъ случаѣ, когда процентный; ибо чрезъ это умень- ы сумма, дѣйствительно полученная мъ отъ кредитора, что очевидно несправедливо. Намъ, можетъ быть, , что въ статьѣ рѣчь идетъ о слу- стоятельности, а несостоятельность нно влечетъ за собою неполное ъ кредиторовъ. Противъ этого амѣтить, что несостоятельность дѣй- о очень часто имѣетъ такія послѣд- нако не всегда; между тѣмъ, статья 7 требуетъ такого уменьшенія во случаѣ; притомъ, какимъ справедли- ованіемъ объяснить, почему кредиторъ, срокъ удовлетворенія котораго при открытіи несостоятельности еще не наступилъ, долженъ быть разсчитанъ съ должникомъ не по однимъ правиламъ съ прочими кредиторами одной съ нимъ категоріи. Значитъ, статья 1013 п. 7 предполагаетъ вотъ какой случай: кредиторъ далъ въ займы своему должнику извѣстную сумму, на извѣстный срокъ, изъ платежа опредѣленныхъ процентовъ. Получилъ ли онъ эти проценты впередъ, или условился такъ, чтобъ и капитальный долгъ и причитающіеся на него проценты были уплачены въ срокъ вмѣстѣ,—это совершенно все равно. Между тѣмъ, пока срокъ уплаты еще не наступилъ, должникъ объявленъ несостоятельнымъ, и долгъ ликвидируется. Спрашивается: справедливо ли будетъ взыскать съ него полученный въ ссуду капиталъ со всѣми процентами по срокъ обязательства? Очевидно, нѣтъ. Платежъ долженъ быть уменьшенъ на сумму процентовъ за весь промежутокъ времени между днемъ несостоятельности и срокомъ платежа по обязательству, ибо въ теченіе этого промежутка должникъ занятымъ капиталомъ не пользовался.

Когда капиталъ извѣстенъ, сумма процентовъ тоже, то очень легко опредѣлить, сколько именно слѣдуетъ недоплатить кредитору. Положимъ напр., что дано въ заемъ 100 р. на 10 лѣтъ изъ 6% въ годъ. Съ 1854 года 5-го іюля, сложные проценты запрещены по займамъ между частными лицами, а указомъ 1-го сентября 1859 года они отмѣнены съ 1-го января 1860 года и по вкладамъ въ государственныя кредитныя установленія (св. зак. гр. изд. 1857 г. т. X, ч. 1, ст. 2020 уст. кред. т. XI, ч. 2, ст. 272, примѣч. 2, по III прод.). И такъ, если несостоятельность должника послѣдовала черезъ 6 лѣтъ, или за 4 года до срока платежа, то 6 р. $\times 4 =$ $= 24$ р. и есть сумма, которую слѣдуетъ недоплатить кредитору, а заплатить ему слѣдуетъ $160 - 24 = 136$ рублей.

Но не всегда задача представляется въ такомъ простомъ видѣ. Легко можетъ встрѣтиться, что величина даннаго въ заемъ капитала неизвѣстна, а извѣстна только общая сумма капитала и процентовъ, подлежащая платежу въ срокъ по обязательству. Какъ опредѣлить капиталъ, проценты съ котораго должны быть недоплачены кредитору за промежутокъ времени между днемъ несостоятельности и днемъ платежа по обязательству?

Пока въ нашемъ законодательствѣ существовало правило, что сумма процентовъ не должна превышать капитала (св. зак. гражд. изд. 1842 года, т. X, ст. 2094), опредѣлить величину послѣдняго было не трудно: онъ во всякомъ случаѣ не могъ превышать половины суммы, слѣдующей къ платежу въ срокъ по обязательству; поэтому, если бъ наприм. требовалось опредѣлить количество недоплаты по 6-ти процентному обязательству въ 675 руб., заключенному на 15 лѣтъ, когда несостоятельность объявлена за 3 года до срока платежа, то слѣдовало бы сначала опредѣлить количество процентовъ съ 100 р. въ теченіе 15 лѣтъ, считая по 6% на сто: такъ какъ $15 \times 6 = 90$ р. менѣе ста, то капиталъ опредѣлится слѣдующей посылкой:

$$190 : 100 = 675 : x = 355 \text{ р. } 26 \text{ к. съ дробью.}$$

Слѣдов. недоплата составитъ 355 р. 26 к. $\times \times \frac{18}{100} =$ почти 63 р. 95 к.

Но если то же обязательство заключено не на 15, а на 20 лѣтъ, то сумма процентовъ за это время, при обыкновенномъ разсчетѣ, составляетъ $20 \times 6 = 120$ р. $\times$ на сто и слѣд. превышала бы капиталъ. Такъ какъ подобный разсчетъ не допускался закономъ, то капиталъ представлялъ бы лишь $\frac{675}{2} =$ $= 337$ р. 50 к., который съ нарослими на него простыми процентами уже удвоился въ 16 лѣтъ 8 мѣсяцевъ, т.-е. за 3 года 4 мѣсяца до наступленія срока платежа. Количество недоплаты равнялось бы 337 р. 50 к. $\times \times \frac{18}{100} = 60$ р. 75 к. Но въ 1849 году 21 марта, правило, по которому сумма процентовъ не должна превышать капиталъ, отмѣнено въ нашемъ законодательствѣ, а потому непримѣнимо къ обязательствамъ, заключеннымъ послѣ его отмѣны. По какимъ же правиламъ вычислять недоплату, когда капитальный долгъ неизвѣстенъ?

Германскіе юристы предлагаютъ для этого три способа. Первый *Бенедикта Карпцова* вычисляетъ количество недоплаты по слѣд. формулѣ:

$$x = \frac{npa}{100}$$

а сумму, слѣдующую къ уплатѣ, по формулѣ

$$x = a - \frac{npa}{100}$$

Здѣсь n представляетъ промежу… мени между дѣйствительнымъ пл… (или по ст. 1013, п. 7 днемъ несост… ности) и срокомъ платежа по обяз…; p — цифру процента со ста; a — сумму … рую слѣдуетъ уплатить въ срокъ по … тельству.

Изъ разсмотрѣнія этихъ формулъ … вается что Карпцовъ принимаетъ су… торая должна быть уплачена по об… ству, какъ капитальный долгъ безъ … товъ. Этотъ разсчетъ будетъ совершен… виленъ, если предположить, что … за все время обязательства взысканы … сполна, какъ можетъ быть въ его … дѣлалось (Карпцовъ родился въ 15… 1624 г.). Но если предположить, … центы, какъ теперь въ обычаѣ, при… къ капитальному долгу, и что какъ … и другіе, вмѣстѣ взятые, представляю… подлежащую къ уплатѣ въ срокъ … тельству, то способъ Карпцова оче… детъ неправиленъ и поведетъ къ оши… результатамъ. Чтобъ убѣдиться въ … стоитъ только примѣнить его къ … ному нами выше примѣру 6-ти про… обязательства въ 675 руб., заключе… 15 лѣтъ, по которому платежъ про… за три года до срока. По сдѣланно… точному разсчету, недоплата состав… 95 к., а дѣйствительно платимая сум… 5 коп. По формулѣ же Карпцова, … недоплатить $\frac{3 \times 6 \times 675}{100} = 121$ р. 5… тѣмъ должно быть уплачено 675 р… 50 к. = 553 р. 50 к. Особенно ярко бро… глаза неправильность формулъ Кар… тѣхъ случаяхъ, когда промежутокъ … между дѣйствительною уплатою (ли… стоятельности по ст. 1013 п. 7) … платежа по обязательству очень пр… ленъ. Положимъ напр., что заклю… зательство въ 675 руб. на 25 … 6-ти процентовъ, по которому пла… изводится за 20 лѣтъ до усл… срока; въ этомъ случаѣ недоплата … $\frac{20 \times 6 \times 675}{100} = 810$ руб., т.-е. будет… шать всю должную сумму, такъ что… торъ не только ничего не получит… долженъ будетъ приплатить должн…

Такія очевидныя несообразности … оставить этотъ способъ вычислени… мать другой, болѣе раціональный.

употребленіи способъ *Готфрида Гофмана*, примѣняемый къ тѣмъ когда на капитальный долгъ на- одни простые проценты, и способъ аго *Лейбница*, -когда въ счетъ долга тельству введены не только простые , но и проценты на проценты, или ываемые проценты сложные.

особу Гофмана, сумма, которую ре- олучить, вычисляется по слѣдующей

$$x = \frac{100\ a}{100 + np}$$

ата по формулѣ

$$x = a - \left(\frac{100\ a}{100 + np}\right)$$

особу же Лейбница, сумма, которую ъ долженъ получить, найдется при формулы

$$x = a\left(\frac{100}{100 + p}\right)^n$$

ата, по формулѣ

$$x = a - \left[\ a\left(\frac{100}{100 + p}\right)^n\ \right]$$

имѣютъ здѣсь то же самое значе- акъ и въ формулахъ Карпцова, а a представляетъ сумму, которую уплатить по обязательству; n — про- времени между дѣйствительнымъ къ и срокомъ платежа по обязатель- -проценты со ста.

особа различаются только въ томъ, ый принимаетъ въ разсчетъ одни проценты, второй — сложные. Во очемъ оба совершенно одинаковы. к другой предполагаютъ, что долж- бязательству сумма заключаетъ въ только капитальный долгъ но и ющіеся на него проценты; оба пред- ъ также, что проценты нарастаютъ алъ, безъ ограниченія ихъ размѣ- питальнаго долга. Вслѣдствіе того ъ способамъ выходитъ, что недоплата едставляетъ проценты за промежу- мени между дѣйствительною упла- рокомъ обязательства, но не съ той которую кредиторъ получилъ бы въ обязательству, какъ разсчитываетъ Карпцовъ, а съ той, которую заимодавецъ долженъ получить при удовлетвореніи его прежде этого срока. Примѣнивъ сказанное къ приведенному выше примѣру 6-ти процентнаго обязательства въ 675 руб., заключеннаго на 15 лѣтъ, когда платежъ послѣдуетъ за три года до срока, получимъ:

По способу Гофмана, сумма, которую кредиторъ получитъ $= 675 \times \frac{100}{100 + 6 \times 3} =$ $= 572$ р. 3 к. съ дробью, а недоплата $=$ $= 675 - 572$ р. 3 к. $= 102$ р. 96 к. съ дробью.

По способу Лейбница сумма, которая выплатится кредитору $= 675 \times \left(\frac{100}{100 + 6}\right)^3 =$ $= 566$ р. 73 к. съ дробью, а недоплата $= 675$ р. $- 566$ р. 74 к. $= 108$ р. 25 к. съ дробью.

Выше мы сдѣлали свое вычисленіе и результаты его значительно разнятся съ разсчетомъ по способу Гофмана, а именно: по нашему выходило, что кредиторъ получитъ 611 р. 5 к., должникъ удержитъ 63 р. 95 к.; разница въ 39 рубляхъ. Постараемся объяснить со всею подробностью причину этого различія въ вычисленіяхъ. Формула, которую предлагаетъ Гофманъ $\left(x = \frac{100\ a}{100 + np}\right)$, употребляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда —зная сумму, полученную отъ наращенія капитала простыми процентами, а также размѣръ процентовъ и число лѣтъ, въ теченіе которыхъ неизвѣстный намъ капиталъ находился въ процентномъ обращеніи, — мы желаемъ опредѣлить этотъ неизвѣстный намъ первоначальный капиталъ. Такимъ образомъ, въ примѣрѣ который мы разбираемъ, можно опредѣлить, по формулѣ Гофмана, капиталъ, который при 6% обратился, по истеченіи 15 лѣтъ, въ 675 рублей. Капиталъ этотъ равняется $675 \times \frac{100}{100 + 15 \cdot 6} = 355$ р. 26 коп. Если приложить формулу Гофмана такъ, какъ онъ прилагаетъ ее въ разбираемомъ нами примѣрѣ т.-е. вмѣсто n вставить 3 года и произвести вычисленіе $675 \times \frac{100}{100 + 3 \cdot 6}$ то получимъ 572 руб. 3 коп. съ дробью. Этотъ результатъ показываетъ, что при 6% капиталъ въ 572 р. 3 к. возрастаетъ въ теченіе трехъ лѣтъ до 675 руб., или, другими словами, 675 руб. составится въ теченіе трехъ лѣтъ при 6% интереса и первоначальномъ капиталѣ въ 572 р. 3 коп. Здѣсь предпола-

гается, слѣдовательно, что въ теченіе трехъ лѣтъ по 6% уплачивается на капиталъ въ 572 р. 3 коп. Очевидно, что этотъ выводъ вовсе не отвѣчаетъ на тотъ вопросъ, который предстоитъ рѣшить, если мы желаемъ вычислить, какую сумму слѣдуетъ внести должнику, обязавшемуся заплатить, при 6% интереса, 675 руб. по прошествіи 15 лѣтъ, когда онъ пожелаетъ или будетъ поставленъ въ необходимость разсчитаться съ своимъ кредиторомъ за три года до срока? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ должникъ платилъ бы—если предположить, что онъ удержитъ у себя капиталъ въ теченіе полныхъ 15 лѣтъ—въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ проценты по 6 со ста, не на сумму 572 р. 3 к., а только на первоначальный капиталъ, равный 355 руб. 26 коп., такъ какъ заемъ сдѣланъ на простые проценты.

По вычисленію Гофмана, должникъ, при разсчетѣ черезъ 12 лѣтъ, т.-е. за три года до срока, удерживаетъ изъ суммы 675 руб., означенной въ долговомъ обязательствѣ, 102 р. 96 коп., — по нашему же вычисленію, должникъ удерживаетъ только 63 р. 85 к.; разность составляетъ, какъ мы сказали выше, 39 руб.

Мы сказали также, что неправильность въ вычисленіяхъ Гофмана происходитъ отъ того, что онъ, вслѣдствіе ошибочнаго въ данномъ случаѣ примѣненія формулы, разсчитываетъ проценты за три послѣднихъ года не съ первоначальнаго капитала въ 355 р. 26 коп., а съ суммы въ 572 р. 3 к. Разность этихъ двухъ суммъ равняется 216 р. 77 коп.; шесть процентовъ съ этого капитала составятъ въ три года $\frac{216,77 \times 18}{100} =$ $= 39,01$.

Совершенно точенъ будетъ разсчетъ, если при вычисленіи недоплаты мы опредѣлимъ сперва первоначальный капиталъ по формулѣ $x = \frac{100\,a}{100 + pt}$, а потомъ недоплату по формулѣ $y = a - x\left(\frac{100 + pr}{100}\right)$.

Здѣсь t будетъ представлять время, на сколько заключено условіе, а r промежутокъ времени между заключеніемъ условія и дѣйствительною уплатою (по ст. 1013, п. 7 —днемъ несостоятельности). Нельзя впрочемъ не замѣтить, что въ формулахъ, нами предлагаемыхъ, есть новыя данныя, которыхъ не встрѣчаемъ въ формулахъ Гофмана, именно продолжительность обязательства и время, протекшее отъ заключенія обязательства до дѣйствительной уплаты. (Впрочемъ, изъ этихъ величинъ опредѣляется весьма если извѣстны первая величина и то лѣтъ, на которое дѣйствительный предупреждаетъ полный срокъ обязат И такъ, предпочтеніе должно быть или другому способу вычисленій, условіямъ, въ какія поставлено ство.

Что касается до способа Лейбница, совершенно правиленъ и не зави особенностей и условій обязатель тому что, при начисленіи сложныхъ товъ, недоплата, очевидно, должна лять проценты съ капитала, увла прежде срока.

Спрашивается: который изъ раз способовъ вычисленія недоплаты луч вопроса нельзя рѣшить безусловно. случаяхъ ни одинъ изъ нихъ примѣн не можетъ, въ другихъ тотъ, другой или четвертый способъ долженъ быть по обязательствамъ, предпочтенъ

Никакого вычета въ пользу долж лагъ не слѣдуетъ, хотя бы онъ прежде условленнаго срока, когда тельствѣ показана одна капитальна долга, а проценты почему либо или вычисляются на должника (какъ пер ваетъ при разсрочкѣ разныхъ казен сканій, или по какимъ либо личны нымъ, дружескимъ и т. п. отношен же взыскиваются погодно, во все ніе обязательства. Причина очевид долгъ безпроцентный, то уменьшат преждесрочномъ взысканіи было б несправедливостью; если же должн зался неисправнымъ въ платежѣ пр то разсчеты могутъ относиться т нимъ, а не къ капитальному долгу.

Затѣмъ, во всѣхъ прочихъ случ доплата вычисляется по одному рехъ способовъ, смотря по свойст зательства, а именно:

1) Если обязательство заключено дѣленный срокъ и причитающіеся тальный долгъ простые проценты кредитору впередъ сполна, то рас доплаты долженъ быть сдѣланъ по Карпцова. Наше законодательство кажется, въ виду этотъ случай въ ной выше ст. 1013 п. 7 гражд. водства: неясность происходитъ т обычности выраженія: настоящ

. Если же по обязательству
ередъ сполна сложные проценты,
разсчитать количество ихъ по
ка по обязательству и затѣмъ
доплату, по способу Лейбница.
о обязательству, заключенному
ный срокъ, проценты не были
ередъ и должны быть уплачены
стѣ съ капитальнымъ долгомъ,
уплаты прежде срока, разсчетъ
олженъ быть сдѣланъ или по
предложенному, или по фор-
бница, смотря по тому, какіе
говорены: простые или сложные.
ствамъ, заключеннымъ на про-
ы, можно тоже примѣнить пра-
ное въ ст. 1013 п. 7, если
аемъ: настоящая сумма обяза-
умѣть одинъ капитальный долгъ
овъ. Что касается до вычисле-
по способу Лейбница, то оно
насъ практическаго примѣне-
ельствамъ, заключеннымъ послѣ
ожныхъ процентовъ, и можетъ
только при разсчетахъ по обя-
заключеннымъ до означеннаго

3) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по какому нибудь взысканію нельзя отдѣлить капитальнаго долга отъ процентовъ, по неизвѣстности времени, когда началось обязательство, или по другимъ причинамъ, напр. по большой запутанности или сбивчивости предшествовавшихъ разсчетовъ, дѣлающихъ точныя вычисленія за прежнее время невозможными, должно будетъ прибѣгать по необходимости къ формуламъ Гофмана, хотя по его способу должникъ и уплатитъ нѣсколько меньше, а недоплата будетъ нѣсколько больше, чѣмъ бы слѣдовало по точному разсчету.

Таково, если не ошибаемся, правильное теоретическое разрѣшеніе вопроса объ учетѣ платежей по обязательствамъ прежде срока. Весьма было бы любопытно знать, какимъ образомъ происходитъ дѣло на практикѣ, которая очень часто даетъ болѣе простые и правильные отвѣты на юридическіе вопросы, чѣмъ весьма тщательныя теоретическія соображенія.

Мы ласкаемъ себя надеждою, что знатоки не замедлятъ отозваться на нашъ вызовъ и дадутъ возможность обсудить дѣло со всѣхъ сторонъ.

(Юридич. Журн., 1860, № 1).

БТКА О КАЗЕННЫХЪ ПОДРЯДАХЪ И ПОСТАВКАХЪ.

ніе годы замѣтно въ нашихъ
ныхъ распоряженіяхъ и законо-
тѣрахъ стремленіе положить пре-
ръ ужъ беззастѣнчивому обра-
ныхъ и общественныхъ денегъ
на пользу и удовольствіе част-
Нельзя этому не сочувствовать
но было пора подумать объ инте-
альщиковъ, которые, какъ выхо-
рку, не только платили подати
обществу, но и приплачивали
ьные поборы въ пользу част-
ковъ.
ть наживы, по поводу дѣлъ обще-
казенныхъ, — многое множество,

и самыхъ разнообразныхъ. Мы хотимъ здѣсь обратить вниманіе на одинъ изъ тысячи такихъ источниковъ, особенно замѣчательный какъ по громадному ущербу, который имъ наносится казнѣ, такъ и потому, что по странной случайности для него оставлена незапертою лазейка въ одномъ изъ лучшихъ законодательныхъ памятниковъ минувшаго царствованія, именно въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1864 года.

Всѣмъ извѣстно, какое множество потребностей казеннаго управленія удовлетворяется путемъ подрядовъ и поставокъ съ торговъ и сколько десятковъ милліоновъ расходуется на нихъ казною по разнымъ министерствамъ и

жить и право сдѣлать съ контрагентомъ
ть и удовлетворить его должными по
ору платежами. До судебныхъ установъ
года все это было предоставлено безу-
благоусмотрѣнію заинтересованныхъ
стъ, подъ высшимъ контролемъ адми-
ативнаго сената (1-го департамента).
ъ гражданскаго судопроизводства не
оставить такого порядка дѣлъ, против-
самымъ несомнѣннымъ, азбучнымъ по-
ъ о справедливости, въ прежнемъ видѣ.
мъ состояли сдѣланныя имъ перемѣны
мало онѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли
значенію, объ этомъ мы скажемъ ниже;
передъ разсмотримъ, откуда взялся не-
ный порядокъ вещей, отдавшій под-
ковъ и поставщиковъ, съ связанными
ми и ногами, на произволъ администра-
ихъ властей, тогда какъ эти власти
ставляютъ не болѣе какъ одну изъ сто-
въ добровольно заключенномъ договорѣ
ловательно, казалось бы, не могутъ и
жны быть судьями въ своемъ собствен-
дѣлѣ.

чины такого страннаго отступленія отъ
ыхъ началъ права слѣдуетъ искать
ти въ фикціяхъ, которыми мы такъ бо-
отчасти же въ дѣйствительныхъ и
большихъ трудностяхъ уравновѣсить
ъ казну съ частными лицами по кон-
мъ.

кція, въ силу которой административныя
ства, заключая, отъ имени казны, дого-
подрядѣ и поставкѣ, облечены судеб-
ластью для разбирательства споровъ и
ольствій, возникающихъ изъ того до-
, заключается въ предположеніи, что
человѣкъ, одинъ или въ составѣ кол-
ставъ разъ должностнымъ лицомъ, уже
по этому дѣлается вполнѣ достойнымъ
ія, которымъ онъ облеченъ. О томъ,
а фикція, въ огромномъ числѣ слу-
оказывается совершенно ошибочной
казовольной, мы не станемъ распростра-
ся: это фактъ слишкомъ общеизвѣстный,
его нужно было еще пояснять.

что установить дѣйствительную равно-
ость въ контрактѣ между живымъ фи-
ческимъ лицомъ и юридическимъ, отвлечен-
пользы, поставя ихъ на одну доску,—
же не подлежитъ никакому сомнѣнію.
во у насъ. Степень нашей культуры
ще низка, что сколько нибудь отвле-
намъ мало доступно и понятно: только
ближайшее, непосредственно насъ касаю-
щееся и насъ затрогивающее, способно еще
возбудить въ насъ участіе и интересъ, да и
то не всегда; а чуть только надо подумать,
чтобы уяснить себѣ глубокую, животрепещу-
щую связь съ нами болѣе далекаго и отвле-
ченнаго—на это насъ, въ огромномъ боль-
шинствѣ случаевъ, не хватаетъ. Отъ этого
скудоумія мы тоже когда-нибудь излечимся,
но еще очень, очень не скоро. Люди, кото-
рые не страдаютъ этимъ локальнымъ нашимъ
недостаткомъ, считаются у насъ единицами
на десятки и сотни тысячъ; имъ одинаково
у насъ поражены и такъ называемые обра-
зованные, и простые люди. Кто у насъ по-
нимаетъ, что общественная касса или казен-
ное достояніе составляютъ такое же наше
имущество, какъ и наше частное, личное,
что оберегать и то и другое составляетъ
нашъ прямой интересъ и выгоду? Есть раз-
сказъ, что въ Германіи двѣ сестры-торговки,
изъ самыхъ простыхъ, отправились какъ-то
въ складчину путешествовать; одна изъ нихъ
забыла купленную на общія деньги колбасу,
а другая, чтобъ насолить своей сестрѣ за
этотъ убытокъ, нарочно разбила стекло въ
вагонѣ. Когда послушаешь наши разсужде-
нія о казенномъ и общественномъ добрѣ,
когда припомнишь цѣлый кодексъ цинич-
ныхъ поговорокъ и сентенцій, показывающихъ,
какъ мы еще мало понимаемъ то, что у насъ
не находится непосредственно передъ гла-
зами, — сестрицы-торговки, путешествующія
по Германіи, невольно приходятъ на умъ.

При такомъ до глупости наивномъ взглядѣ
на казну и ея интересы и пользы, невозмож-
но ставить ее, при заключеніи отъ ея имени
контрактовъ, на одну доску съ частными ли-
цами. Мнимая равноправность обратилась бы
въ такомъ случаѣ, въ дѣйствительности, въ
полную неравноправность, въ ущербъ казны,
т.-е. все-таки плательщиковъ. Но весь во-
просъ въ томъ, какъ установить дѣйствитель-
ное равновѣсіе въ отношеніяхъ между инте-
ресами казны—съ одной стороны, и подряд-
чиковъ и поставщиковъ—съ другой? Преж-
ній способъ—отдать контрагентовъ въ пол-
ную зависимость отъ усмотрѣнія администра-
ціи—нетолько противорѣчитъ азбучнымъ на-
чаламъ справедливости, но, въ концѣ концовъ,
какъ всякая несправедливость, обра-
щается въ ущербъ казны, которую предпо-
лагалось оградить. Мы уже сказали, что под-
рядчикъ, поставщикъ вознаграждаетъ себя

увеличенной цѣной подряда и поставки за всѣ притѣсненія, вымогательства, проволочки и придирки, на которыя онъ не можетъ жаловаться суду. При этомъ предполагается, что чиновникъ или пріемщикъ выкраиваетъ себѣ выгоды изъ подряда или поставки. Но бываетъ и еще того хуже: чиновникъ и подрядчикъ могутъ легко стакнуться, вступить въ сдѣлку и нанести такимъ образомъ казнѣ двойной ущербъ: во-1-хъ, увеличенной цѣной подряда или поставки и во-2-хъ дурнымъ ихъ исполненіемъ, вслѣдствіе недобросовѣстныхъ послабленій чиновника или пріемщика. Какъ же быть? Сонсѣмъ сравнять казенные подряды и поставки съ частными и отдать ихъ, на общемъ основаніи, подъ контроль суда? Многіе предлагаютъ эту мѣру, и по теоріи она, конечно, была бы самымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса. Къ сожалѣнію, наши суды такъ далеки и дѣйствуютъ такъ медленно, процедура гражданскаго судопроизводства такъ сложна, наклонность къ формализму такъ еще крѣпко сидитъ въ насъ, что судебный контроль не представляетъ, какъ ни тяжело въ этомъ сознаться, надежнаго обезпеченія казеннаго интереса. Кому случалось, какъ намъ, просматривать судебныя рѣшенія, касающіяся доходовъ и имущества казны, тотъ не найдетъ нашего взгляда ни пристрастнымъ, ни преувеличеннымъ.

Все сказанное выше составители устава гражд. судопроизводства 1864 г. понимали отлично и пробѣгли, для рѣшенія задачи къ среднимъ мѣрамъ, по несчастію крайне непрактичнымъ и неудачнымъ. Заключаются онѣ въ слѣдующемъ (Св. Зак. Т. X. Ч. 2, Уст. Гражд. Суд., ст. 1301, 1302, 1304, 1306):

„На распоряженіе мѣстъ и лицъ казеннаго управленія, на ихъ медленность или бездѣйствіе, допущенныя *во время исполненія* подряда или поставки, *жалобы приносятся по начальству*, а на распоряженіе, медленность или бездѣйствіе главнаго начальства — первому департаменту правительствующаго сената". Такимъ образомъ, во все время исполненія, поставщикъ или подрядчикъ зависитъ исключительно отъ благоусмотрѣнія административныхъ властей и ихъ органовъ. Что это значитъ — не требуетъ поясненія. Далѣе:

„*Послѣ выдачи окончательнаго разсчета*, на неправильное составленіе онаго, а равно *и на всѣ дѣйствія* мѣстъ и лицъ казеннаго управленія, какъ во время исполне[ніе]
нора, такъ и послѣ окончанія онаго [раз]
генту предоставляется или жалоб[а]
начальству, въ порядкѣ, указанном[ъ]
шедшею (1301) статьею, или предъ[я]
казнѣ судебнымъ порядкомъ пом[о]
выдачѣ суммъ или документовъ, сч[и]
имъ за казною, такъ и объ убытка[хъ]
чиненныхъ ему неправильными [дѣ]
медленностью или бездѣйствіемъ т[ѣхъ]
и лицъ".

Вотъ ужъ подлинно по пословицѣ: [съ]
сѣчка и чорту кочерга!" Въ этих[ъ]
правилахъ есть и административ[ное]
усмотрѣніе, и контроль суда, по [ка]
комбинаціи, отъ которой казнѣ, по[ду]
и поставщику не поздоровится. На[до]
время, пока подрядчику и поставщ[ику]
бенно нужна, къ его интересахъ и [ин]
ресахъ самой казны, защита проти[въ]
вольныхъ дѣйствій чиновниковъ, к[ото]
грозятъ придирки и притѣсненія в[ъ]
нужденъ волей-неволей отъ нихъ о[тка]
или вступать въ сдѣлки,—онъ отдан[ъ]
занными руками, на произволъ чи[но]
а когда ужъ все кончено, когда онъ
слѣдуетъ снюхался, расплатился, ко[ро]
задобрилъ подачками или вступилъ
въ сдѣлку, въ ущербъ казны, тутъ с[ъ]
ваются настежь двери суда: пожалуй[ста]
милости просимъ, можете искать
ваться сколько вашей душѣ угодно
тельный разчетъ, какъ извѣстно
послѣдовать долго спустя послѣ и
подряда и поставки, чему бывали
примѣры; все зависитъ отъ адми[ни]
наго усмотрѣнія. Пройдутъ годы — п[ро]
свидѣтели, перезабудутся обстоятел[ь]
распропадутъ бумаги, чиновники п[ро]
и повыйдутъ въ отставку — поди т[ут]
зывай искъ или жалобу! Судомъ и р[ас]
развѣ очень немногіе, имѣющіе кру[пн]
и терпящіе большіе убытки; а мел[ко]
щики и подрядчики, которыхъ огро[мн]
шинство, рады-радехоньки, что х[от]
чего не заработали, но зато живы
передѣлки; непомятымъ едва ли в[ы]
разнѣ, ни рѣдкость и ему на счас[тье]
дется чиновникъ или пріемщикъ, у
искра Божія есть. Тонкіе доки, дошл[ые]
цы всучили и провели въ уставѣ
скаго судопроизводства такія поло[же]
нихъ статейки! Мы живо себѣ пред[ста]
какъ они втихомолку радовались

лакъ, когда имъ удалось благо-
морочить составителей устава, не
хъ, а можетъ быть и не подозрѣ-
въ чемъ штука!
льствовавшись этимъ успѣхомъ,
актическіе мудрецы укрѣпили вы-
ажную позицію еще двумя слѣ-
съ виду незначительными, но на
ычайно дѣйствительными оборо-
пунктами:
ентъ, принесшій, по объявленіи
тельнаго разсчета, жалобу по на-
теряетъ право предъявить искъ
порядкомъ" и
леніе иска не останавливаетъ рас-
казеннаго управленія, доколѣ не
судебное рѣшеніе".
изъ этихъ мѣръ огражденія про-
преслѣдованія суда разсчитана на
ность и безграмотность огромнаго
ва нашихъ подрядчиковъ и постав-
быкновенно изъ мѣщанъ и мужи-
поставлена ловушка: ошибся, по-
ее, по незнанію закона, пожало-
чальству на обиду, -ну и ков-
и суда для него навсегда закрыты.
то осмѣлился жаловаться, съ под-
или поставщикомъ впереди дру-
оръ, особо. И попалъ человѣкъ
во щи!
оборонительный пунктъ еще важ-
зитанъ на то, чтобъ отбить вся-
жаловаться суду. Жалуйся, дру-
ько тебѣ угодно; а пока процессъ
уться годы, по всѣмъ правиламъ
изъ тебя сокъ-то будетъ повы-
ому времени какъ тебѣ присудятъ
тобою распорядятся какъ слѣ-
е по всѣмъ правиламъ искусства,
всѣмъ другого! Вотъ и посчитай,
ыгоднѣе: покориться, или къ суду
прибѣгать. Если пониже покло-
облаготворишь, тебя малую толику
пощадятъ; ну, а не хочешь
ы! Зато ужъ и не жди милости.
премудрые дѣльцы придумали
кусную механику въ свою охрану!
быть, спросятъ насъ, и что сдѣ-
устранить эту механику, не под-
ресовъ казны еще большей опас-
это, мы думаемъ, одно только
есть: примѣнить къ казеннымъ
поставкамъ общія юридическія
говорныхъ обязательствъ и ихъ
защиты, что, спѣшимъ прибавить, вовсе не значитъ распространить на нихъ далеко несовершенныя общія правила нашего устава гражданскаго судопроизводства и еще болѣе несовершенныя правила нашихъ гражданскихъ законовъ. Фикцію, во имя которой подрядчики и поставщики отданы безвозвратно во власть чиновниковъ, надо совсѣмъ отбросить, а на мѣсто ея поставить полное равенство обѣихъ договорившихся сторонъ во все время продолженія контракта, до совершеннаго его исполненія обѣими сторонами, а этого можно достигнуть лишь предоставленіемъ подрядчикамъ и поставщикамъ одинаковаго съ представителями казны голоса при опредѣленіи дурно или хорошо выполняются обѣими сторонами условія контракта. Это первое и главное. Чиновникъ, которому порученъ надзоръ за исполненіемъ договора, пріемщикъ вещей и выполненныхъ работъ уже вслѣдствіе одного этого вынуждены будутъ дѣйствовать съ нѣкоторой оглядкой. Если не одни они будутъ полновластно, подъ охраной своего вѣдомства, рѣшать, исправенъ или неисправенъ подрядчикъ или поставщикъ, и послѣдніе тутъ же будутъ имѣть право возражать противъ приговора и доказывать, что онъ несправедливъ, не такъ-то легко и просто будетъ брать съ нихъ могарычи, какъ теперь, а слѣдовательно не для чего будетъ запрашивать и съ казны лишняго, такъ какъ не будетъ надобности залобривать чиновниковъ и вступать съ ними въ сдѣлки. А чтобы право возраженія не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, надо передать споры, взаимныя неудовольствія и жалобы обѣихъ договорившихся сторонъ на разсмотрѣніе не одного изъ контрагентовъ, какъ теперь, и не суда, съ его медленной процедурой и формальностями, а административной же коллегіи, посторонней тому вѣдомству или учрежденію, которое заключило контрактъ. Какъ не заинтересованная непосредственно въ дѣлѣ, она, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, разсудитъ безпристрастно и справедливо. Еслибъ такая административная коллегія была составлена изъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, это было бы еще лучше; но необходимо, чтобъ она была какъ можно ближе къ мѣсту исполненія контракта или къ контрагентамъ и чтобы производство въ ней дѣлъ по жалобамъ и спорамъ было быстрое, по возможности освобождено отъ излишнихъ формальностей, проще и доступнѣе для мало-

грамотныхъ и вовсе безграмотныхъ людей. Мы вовсе не думаемъ, что только судебное разбирательство и бываетъ безпристрастно и справедливо, а административное только потому, что оно административное, непремѣнно бываетъ пристрастно и несправедливо: мы убѣждены, что такой взглядъ тоже вытекаетъ изъ фикціи, которая совсѣмъ не оправдывается, по крайней мѣрѣ въ Россіи, гдѣ нѣтъ традиціонной магистратуры и рѣзкой противоположности между судомъ и администраціей. Прежде и больше всего нужно, чтобъ судьею не былъ тотъ, кто непосредственно заинтересованъ въ дѣлѣ, а эта цѣль будетъ вполнѣ достигнута, если коллегія, о которой идетъ рѣчь, не будетъ составлена изъ чиновниковъ того учрежденія или вѣдомства, которое заключило контрактъ.

Съ такой перемѣной исчезла бы, мы въ томъ убѣждены, неравноправность договорившихся сторонъ въ казенныхъ подр[я]
и постанкахъ, откуда и проистекаетъ [не]
обѣ стороны были бы поставлены [на]
щиту суда во все продолженіе контра[кта]
его окончательнаго исполненія: з[а]
этого и нужно, чтобъ подрядчики к [по]
щики, особливо изъ иностостепенныхъ [куп]
кихъ, могли имѣть дѣла съ казною [не]
личивая контрактовой цѣны неза[ко]
расходами, въ ущербъ казны. Что же ка[сает]
стачекъ и сдѣлокъ подрядчиковъ и [по]
щиковъ съ чиновниками, то, чтобъ их[ни]
тиводѣйствовать съ успѣхомъ, необ[ход]
было бы поточнѣе опредѣлить и [по]
примѣнять правила о вознагражденіи [за]
ковъ и ущерба, наносимыхъ имущест[ву]
доходамъ казны лицами, которыя им[ѣ]
дывать.

«Недѣля», 1881, № 17.

ЗАПИСКА О РАЗЛИЧІИ ЗАКОНОВЪ И ПОСТАНОВЛЕНІЙ *).

О различіи законовъ и постановленій.

Для отличенія и отдѣленія законовъ отъ постановленій едва ли можно отыскать какое-нибудь твердое и притомъ наглядное, осязательное теоретическое основаніе. Какъ законъ, такъ и постановленіе предписываются къ точному исполненію, пока не будутъ отмѣнены. Вслѣдствіе этого всѣ попытки свести различеніе законовъ отъ постановленій къ различенію болѣе важныхъ отъ менѣе важныхъ, существенныхъ отъ несущественныхъ, основныхъ или коренныхъ отъ составляющихъ лишь ихъ дальнѣйшее развитіе и примѣненіе и т. д., не выходятъ изъ области общихъ мѣстъ, не имѣющихъ и не могущихъ имѣть практическаго примѣненія. Конечно, въ ученомъ трудѣ, такая классификація имѣ[ла]
значеніе и цѣну, облегчая работу [чи]
читателя; но въ сводѣ или кодексѣ [пра]
значенномъ для исполненія, обязате[ль]
для оффиціальныхъ учрежденій, [для]
ныхъ и частныхъ лицъ, подобная кла[с]
кація будетъ имѣть важныя неудобст[ва]
важно и не важно, что существенно и [не]
щественно -опредѣлить это не возмож[но]
навсегда, потому что самыя понятія эти [от]
сительны и измѣняются смотря по ме[ст]
мѣсту, понятіямъ людей, обстоятель[ст]
Составители кодекса были бы поста[в]
неисходныя затрудненія, проводя эту [кла]
сификацію въ своемъ трудѣ; исканія [их]
были бы совершенно сбиты съ то[ч]

Въ сводѣ законовъ встрѣчается раз[ли]
законовъ отъ постановленій въ слѣду[ю]
видѣ: власть законодательная и адми[ни]
тивная тѣмъ отличаются между соб[ою]
первая издаетъ законы, вторая при[во]
ихъ въ исполненіе. Итакъ, еслибы для [ис]
ненія закона потребовались общія мѣ[ры]

*) Записка эта составлена, по просьбѣ гр. Д. А. Милютина, по поводу возникшаго вопроса о переработкѣ Свода законовъ и Свода воен. пост., съ выдѣленіемъ изъ нихъ того, что не составляетъ *закона* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

инструкціи, онѣ были бы постановле-
не законы, потому что цѣль ихъ при-
въ исполненіе законъ. Это различеніе
лишено и положительнаго, и теорети-
го основанія, и потому осталось на бу-
не перейдя въ дѣйствительную жизнь.
не рѣшаетъ, что такое законъ, что онъ
ъ въ себѣ содержать, гдѣ граница его
временной мѣры. Мѣра исполненія, воз-
ная въ общее правило, по своей важ-
, зачастую становится закономъ, такъ
ихъ и различить нельзя.

Различіе между законами и постановле-
перешло въ наши понятія изъ ино-
ныхъ законодательствъ; но оторванное
практической живой почвы, на которой
тамъ выросло, оно обратилось въ блѣд-
теоретическое понятіе, не имѣющее прак-
ской важности и примѣнимости. Въ Евро-
различіе закона и постановленія выте-
ъ не изъ теоретическихъ началъ, а изъ
ичія властей, и потому возводится къ раз-
источниковъ права. Все, что постано-
ть власть законодательная, есть законъ;
что предписывается исполнительною
стью, есть постановленіе. Послѣднее не
ть отмѣнять закона, но законодательная
ть всегда можетъ, вслѣдствіе тѣхъ или
ихъ потребностей, нуждъ, соображеній и
придать силу закона тому, что дотолѣ
административною мѣрою.

обы различеніе общихъ правилъ, пред-
аемыхъ къ исполненію, на законы и по-
новленія могло и у насъ имѣть твердое
тическое основаніе, столько же очевид-
для всѣхъ, какъ въ Европѣ, необходимо
кать у насъ такое же твердое различе-
источниковъ права, согласное съ нашимъ
мъ и выработавшейся исторіею. Отыс-
это начало не трудно. У насъ всѣ вла-
Законодательная, административная и су-
ая, сосредоточены въ самодержавной вла-
императора, который утѣляетъ ее, въ
шей или меньшей мѣрѣ, тѣмъ органамъ,
редствомъ которыхъ дѣйствуетъ на госу-
тво. Всѣ общія правила, изданныя или
ренныя государемъ, будутъ законами; всѣ
я правила, изданныя или одобренныя ор-
ми верховной власти, будутъ распоря-
ями, постановленіями, инструкціями,—
омъ не законами. Прибрать имъ то или
ое названіе дѣло второстепенное.

рашивается теперь: полезно ли такое
ніе практически?

И если оно полезно, то слѣдуетъ ли при-
мѣнять его къ кодификаціи, исключая изъ
будущаго кодекса постановленія и оставляя
въ немъ одни законы?

Практическую пользу такого различенія
едва ли можно оспаривать.

Только оно можетъ мало-по-малу выяснить
для всѣхъ и каждаго, въ особенности для
самихъ исполнителей закона, различіе между
важнымъ и менѣе важнымъ, главнымъ и вто-
ростепеннымъ, существеннымъ и несуще-
ственнымъ въ данное время, при данныхъ
обстоятельствахъ. Только при помощи этого
различенія могутъ постепенно выдѣлиться въ
сознаніи администраціи и публики основныя
начала нашего законодательства, которыя те-
перь теряются и исчезаютъ въ массѣ пра-
вилъ, инструкцій и предписаній, весьма раз-
личныхъ между собою по значенію, силѣ и
дѣйствію. Настаивать на важности такого
различенія въ административномъ отношеніи
едва ли нужно: имъ точнѣе опредѣляются
предѣлы власти, кругъ обязанностей и отвѣт-
ственности, чѣмъ всякимъ другимъ способомъ.
А извѣстно, что точное опредѣленіе границъ
власти, обязанностей и отвѣтственности есть
одно изъ коренныхъ условій правильнаго
хода всякаго управленія.

Необходимость такого же различенія за-
коновъ и постановленій при составленіи ко-
декса, включеніе въ него первыхъ, исключе-
ніе послѣднихъ, вытекаетъ отчасти изъ предъ-
идущаго. Кодексъ долженъ заключать въ себѣ
одно важное, существенное, общее: подроб-
ности, мѣры исполненія, ближайшія примѣ-
ненія, только запутаютъ, усложнятъ и затем-
нятъ его, безъ всякой существенной пользы,
—напротивъ, повредятъ ясному его понима-
нію. Не должно забывать, что всякій кодексъ,
служа руководствомъ для исполнителей, есть
вмѣстѣ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ
юридическаго воспитанія—общаго или спе-
ціальнаго—народа, смотря потому, каково со-
держаніе и предметъ кодекса.

Постановленія (въ указанномъ выше смыслѣ)
могутъ, безъ всякаго неудобства, составлять
особые сборники, общіе для цѣлаго вѣдом-
ства, или спеціальные по той или другой
его отрасли, смотря по практической въ нихъ
потребности. Опасеніе, что чиновники и
управленія будутъ затруднены, если имъ при-
дется руководствоваться не однимъ, а нѣ-
сколькими сборниками править, едва ли спра-
ведливо. О совершенно полномъ сборникѣ,

обнимающемъ всѣ малѣйшія правила и предписанія по всѣмъ вѣдомствамъ, и мечтать нельзя; да еслибы онъ и былъ возможенъ, то громадностью своею онъ затруднилъ бы чиновниковъ еще болѣе, чѣмъ неполнотою. Кромѣ того, не должно забывать, что законодательство и административная дѣятельность почти ежедневно создаютъ новыя правила, вслѣдствіе чего въ каждомъ дѣлѣ приходится справляться не только съ Сводомъ, но и съ его продолженіями, да и сверхъ того и съ приказами и Сенатскими вѣдомостями. При такой совершенной невозможности имѣть въ каждую данную минуту всѣ дѣйствующіе законы и постановленія въ одномъ сборникѣ, отдѣленіе законовъ отъ постановленій могло бы имѣть свою относительную пользу и представлять важныя удобства. Законы, по самому существу дѣла, стали бы измѣняться гораздо медленнѣе, чѣмъ постановленія, и утвердилась бы мысль о ихъ прочности и твердости, которая теперь исчезаетъ за быстрыми измѣненіями постановленій, съ которыми они смѣшиваются: а при большей прочности и неподвижности законовъ, чиновники болѣе бы съ ними свыклись, въ особенности съ ихъ редакціей. Практики утверждаютъ, что ихъ ничто такъ не сбиваетъ въ примѣненіи законовъ, какъ каждое новое изданіе Свода, которое заставляетъ ихъ съизнова запоминать статьи, изучать расположеніе частей и въ то же время забывать прежнее изданіе. Обращающіеся часто съ законами знаютъ по опыту, какую важную роль играетъ память, привычка къ извѣстному изданію ихъ, при отыскавіи въ нихъ того, что въ данную минуту нужно, и какъ много нужно времени, чтобы свыкнуться съ новымъ ихъ изданіемъ въ другой формѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ законы много выиграютъ, если постановленія будутъ отъ нихъ отдѣлены и войдутъ въ составъ особаго сборника. Послѣдній можетъ быть и не систематическимъ, какъ кодексъ, а хронологическимъ, и снабженъ хорошимъ систематическимъ или алфавитнымъ указателемъ.

Не останавливаясь на этихъ подробностяхъ, обсуждать которыя здѣсь не мѣсто, слѣдуетъ въ заключеніе разрѣшить важнѣйшій вопросъ въ кодификаціонномъ отношеніи, а именно: какимъ образомъ отдѣлить въ дѣйствующемъ нынѣ сводѣ военныхъ постановленій законы отъ постановленій, гдѣ они являются смѣшанными? Никакія общія теоретическія соображенія не въ состояніи разрѣ
проса. Слѣдуетъ принять способъ
ческій, который просто и естестве
ведетъ къ этой цѣли. При пересмо
дой статьи должно будетъ обсужать
длежитъ ли она къ разряду тѣхъ,
могутъ быть измѣняемы и дополняем
высочайшею властью, или измѣне
полненіе ея принадлежитъ власти и
Эти соображенія свои, по мѣрѣ под
фикаціонныхъ работъ, коммиссія пр
ляетъ министру и по его резолюціи
ляетъ статьи, которыя слѣдуетъ в
кодексъ, отъ статей, долженствующих
въ составъ сборника постановленій.
сификація даетъ богатый матеріалъ
дѣленія, на основаніи твердыхъ дан
какимъ предметамъ могутъ быть изда
становленія самимъ министромъ, и как
быть установляемы верховной
ной властью: стоитъ только стру
особо статьи того и другого рода,
ихъ, на сколько это возможно, съ
мою осторожностью и осмотрите
затѣмъ сдѣлать выводъ, который съ
шаго разрѣшенія, принять въ ру
на будущее время, при изданіи в
щихъ правилъ. Послѣднія будутъ
дить въ видѣ законовъ или въ вид
повленій, и отнесеніе ихъ въ кодек
сборникъ постановленій не предст
какихъ затрудненій.

О кругѣ дѣйствій Кодификаціонной ко

Кодификаціонныя работы по ка
ни было части могутъ имѣть дво
ченіе: или онѣ ограничиваются о
мою законовъ, т.-е. ихъ редакціей,
шемъ въ извѣстномъ систематиче
рядкѣ, съ возможнымъ избѣжаніемъ
ній, неясностей, неполноты законов
или, имѣетъ съ обработкою формы
имѣется въ виду измѣнить, усове
вать и преобразовать самое ихъ с
сообразно съ потребностями врем
стоящемъ тѣхъ частей, къ которы
относятся.

Соединить въ одной и той же
работы редакціонныя и законодате
ли полезно и даже возможно.

Обработка дѣйствующихъ зак
извѣстную форму и преобразованіе и

ѣль, различные пріемы, предпо-
ичныя условія, и потому, не имѣя
о между собою общаго, только бы
ть другу. Потребность законода-
еобразованій безпрестанно отвле-
миссію отъ редакціи дѣйствую-
новленій, и послѣднія вовсе бы
ь или подвигалась бы крайне мед-
дъ. Не должно также терять изъ
реобразованія законодательства,
практическою потребностью, воз-
мновенно, или по крайней мѣрѣ
э, въ тѣхъ учрежденіяхъ, кото-
ьно завѣдываютъ тою или дру-
и въ этомъ случаѣ условія для
нія новыхъ законовъ бываютъ
пріятныя.

ныя, вызывающія новый законъ,
хъ подробностей, подъ руками у
ъ лицъ, которыя опытомъ сами
ть недостаточности или неудовле-
сти дѣйствующаго закона. Всѣ
нѣтъ никакой возможности сое-
одной кодификаціонной коммиссіи,
ли принять въ соображеніе мно-
ть и разнообразіе различныхъ
еннаго управленія.

этимъ соображеніямъ необходимо,
ѣлить отъ кодификаціонной ком-
ты по составленію новыхъ зако-
образованію дѣйствующихъ, огра-
ъ ея занятій одною лишь соб-
акціонною частью.

это основное начало, останется
жайшимъ образомъ опредѣлить
редакціонныхъ работъ коммиссіи
но законодательной дѣятельности
домства по различнымъ его отра-
но къ проектированію новыхъ за-
реобразованію дѣйствующихъ. По
я между дѣйствующими законами
кціей съ предполагаемыми пре-
ми, эти отношенія могутъ быть
юобразны:

ніе редакціи, само по себѣ, мо-
гѣть законодательный характеръ,
о отъ измѣненія редакціи измѣ-
мый смыслъ закона.

пересмотрѣ дѣйствующихъ зако-
енно въ отношеніи къ редакціи,
вѣроятно встрѣтитъ и такіе, кото-
но устарѣли, не согласны съ ха-
духомъ и направленіемъ прочихъ.
зомъ, въ порядкѣ редакціонномъ

работъ могутъ возникать законодательные вопросы.

3) Занимаясь обработкою какой-либо части дѣйствующаго законодательства по военному управленію, коммиссія должна имѣть въ виду всѣ проектируемые по ней новые законы и преобразованія, всѣ возникшіе вопросы, сомнѣнія и недоумѣнія, ибо въ противномъ случаѣ или работа ея останется неполною и несовершенною и тотчасъ же по выходѣ потребуетъ новой переработки, или коммиссія легко можетъ исполнить работу совершенно безполезную, именно составить новую редакцію главы или отдѣла, предназначенныхъ къ полному преобразованію.

4) Движеніе военнаго законодательства и преобразованій по военной части, измѣняя дѣйствующіе законы, будетъ безпрестанно разрушать дѣло кодификаціи, если вновь выходящіе законы не будутъ самымъ подробнымъ и тщательнымъ образомъ соображены, собственно въ редакціонномъ отношеніи, съ дѣйствующимъ военнымъ кодексомъ; ибо очень нерѣдко частное, повидимому, преобразованіе измѣняетъ на самомъ дѣлѣ цѣлый рядъ законоположеній, имѣющихъ къ преобразованному предмету прямое или косвенное отношеніе.

Сообразно съ этими различными точками соприкосновенія между редакціонной и проектной частями военнаго законодательства, можно бы, кажется, опредѣлить взаимныя отношенія кодификаціонной коммиссіи съ разными военными частями, вѣдомствами, временными коммиссіями для преобразованія различныхъ вѣтвей военнаго управленія, слѣдующими общими началами:

1) Всѣ возникающія въ кодификаціонной коммиссіи законодательныя предположенія по поводу разсмотрѣнія дѣйствующихъ постановленій, представляются военному министру. Тѣ изъ нихъ, которыя будутъ найдены заслуживающими вниманія, будутъ переданы по принадлежности, или по его указанію, въ то или другое вѣдомство, коммиссію, и т. п. для соображенія или изготовленія проекта новаго закона. Если же предполагаемое измѣненіе не требуетъ предварительныхъ законодательныхъ соображеній, то министръ прямо разрѣшаетъ коммиссіи ввести предполагаемое измѣненіе въ кодексѣ.

2) Приступая къ разработкѣ какой-либо части или отдѣла дѣйствующихъ законовъ, коммиссія имѣетъ право требовать отъ раз-

ныхъ военныхъ вѣдомствъ, по принадлежности, подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ возникшихъ въ нихъ по той части законодательныхъ предположеніяхъ, изготовляемыхъ проектахъ законовъ и постановленій, казусныхъ случаяхъ, указывающихъ на неполноту, неясность, недостаточность редакціи дѣйствующихъ законовъ. Независимо отъ того, коммиссія имѣетъ право требовать и разныхъ другихъ свѣдѣній, необходимыхъ для нея по ходу ея занятій.

4) По тѣмъ частямъ кодекса, которыя будутъ окончательно составлены, разсмотрѣны и обнародованы, коммиссіи должны быть сообщаемы всѣ проекты новыхъ *законовъ*, до утвержденія ихъ Верховною властью. По разсмотрѣніи ихъ, коммиссія дѣлаетъ свои замѣчанія какъ въ редакціонномъ, такъ и въ законодательномъ отношеніи, и представляетъ ихъ министру, отъ котораго уже зависѣть будетъ дать имъ дальнѣйшій ходъ или оставить безъ послѣдствій.

Объ отношеніи военнаго законодательства къ гражданскому.

Вопросъ объ отношеніи военнаго законодательства къ гражданскому можетъ разрѣшаться тремъ образомъ:

или военное законодательство можетъ разсматриваться какъ часть общаго законодательства имперіи по всѣмъ отраслямъ и въ этомъ смыслѣ, войти въ составъ одного общаго кодекса имперіи;

или военное вѣдомство можетъ быть разсматриваемо, какъ отдѣльное, обособленное замкнутое въ самомъ себѣ, какъ бы особый міръ въ государствѣ. Въ этомъ случаѣ военное законодательство будетъ обнимать всѣ отрасли общаго законодательства имперіи, насколько онѣ относятся къ военному вѣдомству, и составитъ особый кодексъ отъ общаго кодекса имперіи;

или, наконецъ, тѣ части военнаго законодательства, которыя относятся къ общимъ для всѣхъ отраслей предметамъ, войдутъ въ составъ общаго кодекса имперіи, а спеціальныя, исключительно касающіяся военнаго вѣдомства, составятъ особый, военный кодексъ.

Изъ этихъ трехъ различныхъ рѣшеній послѣднее будетъ, кажется, самымъ правильнымъ. Общій кодексъ имперіи можетъ содержать въ себѣ только общіе всѣмъ отраслямъ предметы законодательства. Разно… развитіе ихъ по разнымъ вѣдомст… служить достаточнымъ основаніемъ … дѣленія ихъ въ особые кодексы и … тивъ, соединенное въ одно законода… покажетъ видоизмѣненіе общихъ пр… и можетъ впослѣдствіи вести къ … законодательнымъ соображеніямъ о … номъ, возможномъ сближеніи раз… отраслей и сведеніи ихъ къ большему … ству и единообразію, съ отмѣной … пестроты и различія. Но включать … кодексъ предметы чисто спеціальные, … сящіеся исключительно къ одному … и нисколько не касающіеся всѣхъ … значило бы безъ всякой нужды увел… объемъ общаго кодекса и тѣмъ зат… а не облегчить его изученіе и употр…

Съ другой стороны, важныя неу… отдѣленія всего, что касается воен… домства, въ особый военный кодек… доказаны опытомъ и едва ли требу… быхъ доказательствъ. Несмотря на … ный объемъ свода военныхъ постан… этотъ сводъ оказывается все-таки … точнымъ въ общихъ частяхъ и при… прибѣгать къ гражданскому своду. … какъ сказано выше, отдѣленіе общ… стей въ особые своды или кодексы … живаетъ искусственно разнообразіе … вленій тамъ, гдѣ одинаковость ихъ … ство могли бы быть легко введены … малу безъ великихъ существенныхъ … неній.

И такъ, остается третій способъ, … законы, относящіеся къ общимъ пр… отнести въ общій кодексъ, а изъ ос… исключительно относящихся къ … вѣдомству, составить особый, воен… декссъ.

Принявъ это начало, предстоитъ … другой, весьма трудный и сложный … какъ произвести эту классификацію …

Трудность и сложность вопроса … кается изъ того, что военная часть … щая, сама по себѣ, весьма специа… значеніе, требуетъ для своего под… и развитія множество установленій … разнообразныхъ, по различнымъ от… которыя, для большаго удобства … администраціи, присоединены тоже … ному вѣдомству, вошли въ его … получили военный характеръ. Не вх… въ разсмотрѣніе и оцѣнку побудя…

ого обращенія въ военное вѣдом-
иненія военному законодатель-
етовъ и отраслей управленія, по
воему не военныхъ, позволимъ
одно общее замѣчаніе прямо от-
къ предмету, о которомъ идетъ
ѣхъ новыхъ по своему происхо-
онодательствахъ замѣчается не-
вести строго разграничительную
у различными сторонами быта и
вслѣдствіе этого каждое вѣдом-
тся, съ одной стороны, устроить-
обы не нуждаться въ другихъ и
ть всѣмъ своимъ потребностямъ,
нѣ ни были, собственными сред-
ь другой, подчинить себѣ личный
омства вполнѣ, безраздѣльно, во
шеніяхъ. Послѣднему много со-
также и другія обстоятельства—
шень развитія образованности и
ности и слабое населеніе, вслѣд-
такое важное и обширное вѣдом-
напр., военное, легко можетъ
ь критическую минуту, безъ не-
средствъ и безъ знающихъ лю-
заблаговременно не обезпечить
венными способами и безусловно
ихъ ему лицами.

ихъ условіяхъ, военное законода-
редставляетъ такое органическое
ементовъ собственно военнаго и
го, что отдѣлить ихъ одинъ отъ
многихъ случаяхъ, нѣтъ никак-
ствъ, не повредивъ существенно
практической удобопримѣнимости
лѣдуетъ отнести цѣлый предметъ
нный или въ общій кодексъ им-
дѣлая безполезныхъ попытокъ от-
немъ часть военную отъ гра-

редставляется другой вопросъ: по
началу должны быть распредѣ-
чныя отрасли военнаго законода-
ежду военнымъ и общимъ кодек-

руководящимъ началомъ можетъ,
лужить лишь слѣдующее: все, что
ь исключительную специальность
вѣдомства, должно остаться пред-
еннаго кодекса; все, что не со-
исключительно военной специаль-
жно быть отнесено въ общій ко-
ы находилось подъ военнымъ
мъ и имѣло военный, а не гра-
ждапскій характеръ. А какъ исключительно военную спеціальность составляетъ войско, и въ особенности войско готовое къ походу и къ дѣйствію, то только законы, къ нему относящіеся, и должны войти въ военный кодексъ; всѣ же прочіе правильнѣе, кажется, включить въ общій кодексъ.

Бѣглый взглядъ на составъ теперешняго свода военныхъ постановленій и примѣрное распредѣленіе содержащихся въ немъ законовъ на основаніи изложеннаго выше начала, нагляднѣе пояснитъ выраженную мысль.

Первая часть содержитъ въ себѣ четыре книги: 1) образованіе военнаго министерства и особыхъ установленій; 2) образованіе войскъ, съ ихъ управленіями; 3) образованіе военно-учебныхъ заведеній; 4) образованіе хозяйственныхъ учрежденій съ ихъ управленіями. Изъ этихъ четырехъ книгъ только вторая должна быть оставлена въ военномъ кодексѣ; три остальныя слѣдовало бы отнести въ общій сводъ. Но изъ второй книги раздѣлы четвертый (образованіе запасныхъ войскъ) и пятый (образованіе иррегулярныхъ войскъ) правильнѣе было бы, кажется, перенести въ общій сводъ. Тоже должно сказать о нѣкоторыхъ главахъ третьяго раздѣла (образованіе мѣстнаго военнаго управленія въ губерніяхъ, городахъ и крѣпостяхъ, а также корпуса жандармовъ, гарнизонныхъ войскъ, военно-рабочихъ и подвижныхъ инвалидныхъ ротъ).

Вторая часть содержитъ въ себѣ двѣ книги: 1) о прохожденіи службы по военному вѣдомству; 2) о наградахъ во время прохожденія службы и при отпускѣ. Изъ нихъ должно быть оставлено въ военномъ кодексѣ только-то, что относится къ военной службѣ, все же остальное, въ томъ числѣ и о наградахъ, перенесено въ общій сводъ.

Третья часть содержитъ въ себѣ двѣ книги: 1) о внутреннемъ управленіи войскъ; 2) уставъ о службѣ войскъ. За исключеніемъ третьяго раздѣла второй книги (уставъ о службѣ войскъ внутренней стражи), всѣ прочіе законы, содержащіеся въ этой части, должны остаться въ военномъ кодексѣ.

Четвертая часть содержитъ въ себѣ пять книгъ: 1) о заготовленіи снабженій; 2) о храненіи, свидѣтельствѣ и пересылкѣ казеннаго имущества до отпуска онаго; 3) объ отпускахъ снабженій; 4) о хозяйствѣ войскъ; 5) о веденіи счетовъ и ревизіи ихъ, о казенныхъ взысканіяхъ и претензіяхъ. Изъ нихъ только

четвертая книга (о хозяйствѣ войскъ) должна войти въ военный кодексъ; остальныя четыре принадлежатъ къ общему законодательству.

Наконецъ, *пятая часть* — уставъ военно-уголовный, содержащій въ себѣ двѣ книги: 1) о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и 2) о военномъ судѣ, долженъ быть перенесенъ въ общій кодексъ. Сомнѣніе можетъ быть только о томъ, не слѣдуетъ ли оставить въ военномъ кодексѣ раздѣлъ четвертый второй книги (о полевомъ военномъ судѣ), такъ какъ полевой судъ составляетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, исключительную принадлежность военной части. Только примѣнен въ чрезвычайныхъ случаяхъ, къ прим подаетъ поводъ сомнѣваться, не бу правильнѣе отвести и этотъ видъ су общій кодексъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь ж жетъ не планъ классификаціи военны коновъ, а лишь примѣръ, какъ и что бы сдѣлать, если принять выраженно общее начало классификаціи.

4 января 1862 г. (Руковод.)

ЧТО ЕСТЬ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

и

ГДѢ ЕГО ПРЕДѢЛЫ.

Въ наукѣ и общежитіи есть много словъ и выраженій, которыя всѣми употребляются какъ общепонятныя, подъ которыми какъ будто разумѣется что-то очень опредѣленное, точное, безспорное; а между тѣмъ, если разобрать хорошенько, они оказываются крайне обычными, неопредѣленными, неточными; оказывается, что каждый понимаетъ ихъ по своему, и придаетъ имъ особый смыслъ. Выходитъ, что одно и тоже слово выражаетъ совсѣмъ разныя понятія, чего разговаривающіе и пишущіе нерѣдко и не подозрѣваютъ. Отсюда тысячи нескончаемыхъ споровъ и недоразумѣній.

Къ числу такихъ терминовъ принадлежитъ и названіе „гражданское право“. Что такое гражданское право? Какія юридическія отношенія, права и обязанности разумѣются и должно разумѣть подъ этимъ общимъ выраженіемъ? Вотъ одинъ изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ въ современной наукѣ права.

I.

Всѣми принято, что гражданское право обнимаетъ частныя, приватныя юридическія отношенія, въ отличіе отъ публичныхъ — общественныхъ, государственныхъ и м народныхъ — которыя относятся къ пр частямъ правовѣдѣнія. Но что значитъ ный“, „партикулярный“, „приватный“ слово, въ свою очередь, употребляет различныхъ смыслахъ, и потому надобно лить точнымъ образомъ, что мы хотим тимъ сказать, называя юридическія от ціи частными, приватными?

Частное, партикулярное, приватно противоположность публичному, може первыхъ, выражать значеніе, роль, юридическаго отношенія. Въ этомъ частнымъ юридическимъ отношеніемъ то, котораго роль и вліяніе ограничи лишь лицами, принимающими въ не посредственное участіе, и не прости далѣе; публичными, напротивъ, должн названы тѣ юридическія отношенія, по своему значенію, вліянію и роли ществѣ, выходятъ болѣе или менѣе дѣлы частнаго интереса двухъ или н кихъ лицъ, непосредственно въ немъ зан сованныхъ, и касаются, или могутъ ка прямо или косвенно, всѣхъ и каждо крайней мѣрѣ значительнаго числа принадлежащихъ къ обществу, и дл

хотя тѣ и другіе не принимаютъ
юридическомъ отношеніи непо-
го участія.

кое право имѣетъ предметомъ
ватныя, юридическія отношенія,
въ этомъ смыслѣ. Что въ ука-
ше значеніи считать публичнымъ
ымъ,—этого никоимъ образомъ
дѣлить никакою общею формулой,
твердыхъ, постоянныхъ призна-
личенія приватнаго отъ публич-
мъ смыслѣ нѣтъ, да и быть не
каждомъ обществѣ, смотря по
вамъ и условіямъ, граница между
и частнымъ, какъ мы ихъ опре-
водится иначе, колеблется, имѣ-
но и тоже юридическое отноше-
имѣть сегодня частный, завтра
арактеръ; всего чаще, публичное
такъ перемѣщаны и слиты, что
ъ ихъ нельзя. Это вытекаетъ изъ
ства дѣла. Нельзя себѣ предста-
дного юридическаго отношенія,
оно незначительно ни казалось,
повидимому, ни ограничивалось
но однимъ или нѣсколькими част-
ми, которое бы, хотя косвенно,
кой малой степени, не касалось
его быта, не имѣло на него ни-
нія. Частный бытъ, частныя отно-
ючаются къ общественному, внѣ
ютнуютъ, не мыслимы, а потому
ъ не имѣть на него никакого
чно также, частныя отношенія,
ъ обществѣ, сами неизбѣжно на-
ть вліяніемъ общественнаго быта,
подъ его условія и ими опредѣ-
сюда безпрерывное взаимподѣй-
ыхъ и публичныхъ элементовъ,
дко выступаетъ наружу и бро-
лаза, а обыкновенно совершается
замѣтно для наблюдателя, и обна-
только въ своихъ дѣйствіяхъ и
ъ. Видимо, осязательно оно вы-
ъ томъ, что нѣтъ ни одного част-
ческаго отношенія, которое бы
ю подъ опредѣленіе закона или
или по содержанію; а опредѣленіе
что же это, какъ не выраженіе
ой потребности въ видѣ общаго,
но правила? Я могу продавать и
но не все, что мнѣ вздумается:
которыя продавать и покупать
я могу договариваться, но тоже не
обо всемъ: есть дѣйствія, о которыхъ дого-
вариваться не дозволено; я могу давать въ
ссуду и занимать, но опять-таки не совсѣмъ
свободно: законъ о ростѣ или процентахъ
ставитъ моему произволу, и въ этомъ отно-
шеніи, извѣстные предѣлы. Множество юри-
дическихъ отношеній, совсѣмъ частныхъ, со-
всѣмъ приватныхъ, непремѣнно должны яв-
ляться въ извѣстной формѣ, напримѣръ, со-
вершаться крѣпостнымъ порядкомъ, или съ
явкою у крѣпостныхъ дѣлъ, или быть запи-
саны у маклера и т. п., и безъ того недѣй-
ствительны. Во всемъ этомъ выражается, что
частное совсѣмъ не такъ далеко отъ публич-
наго, не такъ отдѣлено отъ него китайской
стѣной, какъ многіе готовы думать; будь это
такъ, законъ—органъ публичныхъ нуждъ и
потребностей—и не подумалъ бы опредѣлять
и ограничивать частныя юридическія отно-
шенія.

Для многихъ изъ нашихъ читателей эти
общія соображенія, быть можетъ, покажутся
недовольно убѣдительными. Обратимся же
къ частнымъ примѣрамъ. На множествѣ юри-
дическихъ отношеній, всѣми причисляемыхъ
къ гражданскому праву, соединеніе публич-
наго и частнаго характера и невозможность
разграничить ихъ ясной чертой выказываются
со всевозможною очевидностью.

Начнемъ съ вещныхъ или имуществен-
ныхъ правъ, которыя, какъ извѣстно, обра-
зуютъ одну изъ существенныхъ и значитель-
нѣйшихъ составныхъ частей гражданскаго
права. Характеристическій ихъ признакъ за-
ключается въ томъ, что они, рядомъ съ лич-
нымъ, имѣютъ и всеобщій характеръ, обяза-
тельны не для одного или нѣсколькихъ лицъ,
а для всѣхъ и каждаго. Право мое на вещь
установляетъ для всѣхъ обязанность не на-
рушать этого моего права, хотя между мною
и этими всѣми не заключено объ этомъ ни-
какихъ условій; только въ силу того, что я
имѣю право на вещь, обязаны всѣ и каждый
чтить это мое право, не касаться его. Эта
характеристическая черта проходитъ чрезъ
всѣ имущественныя права, начиная отъ поль-
зованія лошадью или быкомъ, которыхъ я
нанялъ у сосѣда, чтобъ пахать на нихъ
землю, и оканчивая правомъ проходить или
проѣзжать по дорогѣ или площади. Этимъ
отличаются имущественныя права отъ весьма
имъ близкихъ и по многомъ сродственныхъ
правъ по обязательствамъ, которыя установ-
ляютъ только личныя юридическія отношенія,

рождаютъ взаимныя права и обязанности только между извѣстными лицами и никого больше, кромѣ нихъ, не касаются, ни для кого, кромѣ нихъ, не обязательны.

Всеобщая обязательность вещныхъ имущественныхъ правъ придаетъ имъ несомнѣнно публичный характеръ. Особенно онъ выдается въ правахъ на недвижимыя имущества. Ихъ переходъ отъ одного лица къ другому имѣетъ вездѣ публичный характеръ; пользованіе дорогами, рѣками, каналами, бечевниками, улицами, площадями, пристанями, есть публичное, общественное дѣло. Недвижимыя имущества, въ томъ числѣ и зданія, необходимыя для общественнаго, хотя и опредѣленнаго, извѣстнаго пользованія, нерѣдко суть общественныя, публичныя; нерѣдко законъ объявляетъ, что они непремѣнно должны быть публичныя. Здѣсь публичное и частное такъ близко, такъ непосредственно соприкасаются, что разграничить ихъ нѣтъ никакой возможности. Право ходить по улицѣ есть мое частное право; я имѣю слѣдовательно на нее извѣстнаго рода вещное, имущественное право; но кто такой я? Я — это всякій, всѣ, это общество, масса людей, въ которой я исчезаю. Съ другой стороны, публичное, общественное имущество — что значитъ это выраженіе? Слѣдуетъ ли подъ нимъ разумѣть казенное, городское, церковное, сельское имущество, или принадлежащее какому нибудь вѣдомству? И да, и нѣтъ. Казна, городъ, село, вѣдомство, имѣютъ свои имущества, которыми пользуются на частномъ правѣ, которыя отдаютъ въ наемъ, въ аренду, и отъ которыхъ получаютъ доходъ подобно частнымъ лицамъ. Такъ-называемыя публичныя, общественныя имущества, очевидно, не подходятъ подъ этотъ разрядъ; они составляютъ особую категорію, имѣющую мало общаго съ предметами частнаго права. Но куда же отнести эту категорію?

Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе этихъ и многихъ другихъ сложныхъ, запутанныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ двоякаго, частнаго и въ то же время публичнаго характера вещныхъ правъ, которыя касаются и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлаго общества замѣтимъ, что не одинъ характеръ всеобщности придаетъ имущественнымъ правамъ публичное значеніе. Главнѣйшій ихъ предметъ — земля, по своей важности и цѣнности, есть, вездѣ и всегда предметъ публичнаго, государственнаго интереса. У всѣхъ народовъ, во всѣ времена, исторія поземельныхъ [illegible] одна изъ важнѣйшихъ страницъ [illegible] ной, политической исторіи; около [illegible] ныхъ правъ группируются выработав[illegible] редъ государственныя и политическія [illegible] тія и реформы; словомъ, поземельныя [illegible] шенія глубочайшимъ образомъ вліяли [illegible] государственную жизнь всякаго нар[illegible] отражаютъ на себѣ его политическія [illegible] со всѣми важнѣйшими ихъ измѣне[illegible] оттѣнками. Аграрные римскіе законы [illegible] пое право, колонатъ и секуляризація [illegible] стырскихъ имѣній, какъ у насъ вотч[illegible] помѣстное право и устройство поме[illegible] отношеній бывшихъ крѣпостныхъ, уп[illegible] заводскихъ крестьянъ, представляютъ [illegible] цѣлыя историческія эпохи, да и с[illegible] себѣ, по всей справедливости, должн[illegible] названы эпохами въ исторіи народов[illegible] только вопросъ коснется поземельныхъ [illegible] онъ почти всегда тотчасъ же получа[illegible] сударственный, публичный характеръ. [illegible] дованіе земель, напримѣръ, кого же [illegible] димому, можетъ интересовать, кро[illegible] дѣлец, который находитъ для себ[illegible] нымъ отдать свой участокъ въ ар[illegible] арендатора, который находитъ тоже [illegible] выгоднымъ взять участокъ въ со[illegible] Однако мы знаемъ и видѣли, что да[illegible] поземельныя отношенія могутъ, при[illegible] ныхъ обстоятельствахъ, получить вес[illegible] ное государственное значеніе. Скаж[illegible] лье: частное поземельное владѣніе, [illegible] въ границахъ участка, едва ли кто[illegible] можетъ касаться, кромѣ самого вл[illegible] возводится, въ извѣстныхъ случаях[illegible] показываетъ исторія, на степень [illegible] ственнаго, общественнаго дѣла. Чр[illegible] дробность поземельныхъ владѣній, р[illegible] ность маленькихъ клочковъ земли, [illegible] жащихъ одному хозяину, вызываютъ [illegible] насъ однихъ, общую мѣру, рази[illegible] къ однимъ мѣстамъ, хотя бы нѣкот[illegible] мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ эти[illegible] не желали и были вполнѣ довольны [illegible] разбросанными и дробными кусочка[illegible] Есть, далѣе, поземельныя отношенія [illegible] проникнутыя публичнымъ, государст[illegible] характеромъ, что кромѣ него частн[illegible] данская ихъ сторона едва замѣтна, [illegible] несомнѣнно, что она въ нихъ есть. [illegible] ная и очень оригинальный примѣръ [illegible] рода представляетъ наше законода[illegible] У насъ существуетъ правило, въ с[illegible]

стные, а съ прекращеніемъ
права, и всякіе другіе крестьяне,
лоземелья, или когда вовсе не
ки, получаютъ ее отъ государ-
ны. Весь характеръ этого пра-
государственный; его мотивъ
общественный, его прямая по-
менно способъ отдачи земель
размѣръ поземельнаго оброка,
владѣнія, не исключающая, въ
лучаяхъ, права государства или
ть отведенную землю,—все это
ю этому виду владѣнія харак-
ный, общественный. Государство
или крестьянамъ не изъ выгоды
иначе оно отдало бы землю съ
ающимъ и предлагающимъ наи-
ходную плату, какъ оно и посту-
угихъ случаяхъ съ своими оброч-
ми; тутъ же оно дѣйствуетъ не
частнаго гражданскаго инте-
основаніи общихъ государствен-
ображеній, почему и самое пра-
ающія изъ него юридическія
ходимо имѣютъ публичный, обще-
характеръ. И несмотря, однако,
зованіе со стороны крестьянъ
веденными имъ въ силу упомя-
ила, есть лишь особый видъ
кую вещь, именно безсрочное
адѣніе, которое безспорно отно-
лу гражданскихъ правъ, граж-
дическихъ отношеній.

о, мы думаемъ, достаточно, чтобъ
войственность имущественныхъ
ъ отношеній и проистекающую
зможность разграничить въ нихъ
ъ частнаго въ доказанномъ выше

другой примѣръ. Семейныя отно-
ѣми принадлежащими къ нимъ
щественными и изъ обязательствъ
ими правами и обязанностями,
ляются къ гражданскому праву
ть въ немъ особый, очень важ-
Слѣдуетъ ли включать семей-
ія въ гражданское право, и если
о въ какой мѣрѣ,—это другой
торымъ мы займемся потомъ.
имъ только: какой они имѣютъ
частный, приватный, или публич-
мы опять встрѣчаемся съ тѣми
ими, какъ и при разсмотрѣніи
ныхъ правъ. Семейныя отношенія,

съ одной стороны, суть приватныя, частныя: —
это несомнѣнно; но такъ же несомнѣнно, что
они, въ тоже время, имѣютъ, по своей осо-
бенной важности и послѣдствіямъ, обще-
ственный, публичный характеръ, относится
къ числу важнѣйшихъ публичныхъ интере-
совъ. Чтобы вполнѣ въ этомъ убѣдиться,
стоитъ только припомнить, съ какою забот-
ливостью законодательство опредѣляетъ усло-
вія заключенія и расторженія брака, взаим-
ныя личныя и имущественныя отношенія су-
пруговъ, послѣдствія брачнаго союза, личныя
и имущественныя отношенія родителей и
дѣтей, даже членовъ родственнаго союза
между собою, установленіе и прекращеніе
опеки и попечительства и возникающія изъ
нихъ юридическія отношенія,—словомъ, весь
кругъ семейныхъ или сходныхъ съ семей-
ными правъ и обязанностей. Званіе опекуна
даже у римлянъ считалось публичною долж-
ностью. Этого мало: вездѣ и всегда законо-
ныя опредѣленія семейныхъ правъ и отно-
шеній проникнуты публичнымъ элементомъ,
внушаются публичнымъ, общественнымъ ин-
тересомъ. Едва ли можно указать на дру-
гую часть гражданскаго права, въ которой,
сравнительно, было бы предоставлено менѣе
простора произволу и личному усмотрѣнію
частныхъ лицъ, чѣмъ въ семейномъ правѣ и
въ семейныхъ отношеніяхъ. Стало быть, пу-
личный характеръ послѣднихъ не можетъ
подлежать никакому спору; въ нихъ тоже,
какъ и въ имущественныхъ правахъ, невоз-
можно разграничить частное отъ публичнаго,
потому что оба элемента въ нихъ смѣшаны,
слиты.

Возьмемъ, далѣе, наслѣдственное право.
Наслѣдованіе по завѣщанію, безспорно, имѣетъ
частный характеръ. Но уже сами римляне
начали ограничивать безусловный произволъ
завѣщателей, даже допустили, въ извѣстной
мѣрѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, наслѣдо-
ваніе помимо и вопреки явно и несомнѣнно
выраженной волѣ умершаго. Въ этомъ, отри-
цательно, высказывается публичный, обще-
ственный характеръ наслѣдованія. Но еще
гораздо рѣзче, ярче выступаетъ онъ въ на-
слѣдованіи по закону, въ особенности же въ
опредѣленіи взаимныхъ отношеній между на-
слѣдованіемъ по закону и наслѣдованіемъ по
завѣщанію. Кто наслѣдуетъ по закону? Въ ка-
кихъ именно случаяхъ предпочитается одинъ
порядокъ наслѣдованія другому? Вотъ важ-
ные вопросы, которые вездѣ и всегда раз-

рѣшаются подъ очевиднымъ и самымъ сильнымъ вліяніемъ публичныхъ, государственныхъ соображеній. Политическій бытъ народа и его стремленія отражаются въ томъ или другомъ устройствѣ наслѣдованія, которое такимъ образомъ дѣлается однимъ изъ могущественныхъ средствъ для преобразованія общественнаго быта въ томъ или другомъ смыслѣ. И такъ, наслѣдственное право, въ свою очередь, тоже проникнуто публичнымъ характеромъ, имѣетъ, рядомъ съ частнымъ, публичное, общественное значеніе.

Частныя обязательства, именно контракты и договоры,—что можетъ, повидимому, болѣе имѣть частное, приватное значеніе? Юридически, они касаются только договаривающихся лицъ и болѣе никого. Однако на повѣрку выходитъ, что и частныя обязательства имѣютъ свою публичную сторону. Для заключенія и отмѣны извѣстнаго рода контрактовъ и договоровъ предписаны извѣстныя торжественныя, публичныя формы; извѣстнаго рода контракты и договоры вовсе запрещены, по соображеніямъ публичнымъ, общественнымъ, государственнымъ. По значенію и вліянію на общественный бытъ, многіе контракты и договоры имѣютъ несомнѣнно публичный характеръ. Между займомъ полутораста рублей на полгода, чтобъ заплатить долгъ портному, и займомъ десятковъ милліоновъ рублей на многіе годы, съ гарантіею правительства, на постройку желѣзныхъ дорогъ, только и есть та разница, что первый—частное дѣло, а второй общественное, публичное. Въ минуты торговаго кризиса, предохраненіе значительныхъ коммерческихъ домовъ отъ банкротства есть, въ важныхъ торговыхъ пунктахъ, дѣло общественнаго, публичнаго интереса, тогда какъ коммерческіе обороты, сдѣлки и условія этихъ домовъ суть собственно частное дѣло, касаются только ихъ, ихъ кредиторовъ и должниковъ. Вообще операціи всѣхъ важнѣйшихъ акціонерныхъ компаній, торговыхъ фирмъ, обществъ желѣзныхъ дорогъ, нашей сѣверо-американской компаніи, нашего общества черноморскаго пароходства и торговли, французскихъ messageries impériales и т. п., состоящія въ безчисленныхъ договорахъ и условіяхъ, т.-е. въ обязательствахъ, имѣющихъ собственно частный характеръ, безъ сомнѣнія, не суть только дѣло частнаго, приватнаго интереса, но очевидно имѣютъ публичное, общественное значеніе. Что же въ нихъ перевѣшиваетъ,—публичное частное, и гдѣ въ нихъ граница того и другого? Тѣ, которые думаютъ, что эта граница можетъ быть найдена, пусть сперва укажутъ намъ, что она безпрестанно [illegible] частное безпрестанно переходитъ въ общественное, какъ общественное безпрестанно перегибаетъ въ частное, партикулярное.

Возьмемъ, наконецъ, лица, которые [illegible] гутъ состоять въ гражданскихъ юридическихъ отношеніяхъ (субъекты права), и вещи, могущія быть предметомъ гражданскихъ юридическихъ отношеній (объекты права). Тѣ и другіе одни имѣютъ частный характеръ, но въ то же время и общественный, общественный характеръ. Конечно, въ отдѣльныхъ лицахъ преобладаетъ [illegible] приватный элементъ; но что сказать о такъ называемыхъ моральныхъ, юридическихъ лицахъ, въ числѣ которыхъ, рядомъ съ [illegible] ствами, въ публичномъ смыслѣ самыми значительными, должны быть названы [illegible] рода, монастыри, церкви, разныя, весьма [illegible] ныя благотворительныя заведенія, университеты, академіи, цѣлыя сословія, цѣлыя области (напримѣръ, казацкихъ войскъ). [illegible] государство? Въ этомъ простомъ [illegible] нельзя не видѣть восходящихъ ступеней [illegible] ницы, которой основаніе лежитъ очевидно [illegible] къ частному, партикулярному быту, [illegible] шина теряется въ высшихъ сферахъ [illegible] ственности и имѣетъ, по преимуществу, [illegible] ственное, публичное значеніе. То же [illegible] представляютъ и вещи, объекты права. [illegible] гія изъ нихъ имѣютъ только приватный характеръ; зато другія очень близко [illegible] существенно касаются интересовъ [illegible] и государства, и потому выходятъ [illegible] обыкновенныхъ, становятся предметами [illegible] конодательныхъ опредѣленій и такимъ [illegible] зомъ получаютъ общественный, [illegible] характеръ. О такомъ значеніи земли [illegible] обще недвижимыхъ имуществъ мы [illegible] рили выше; но есть и множество [illegible] вещей, которыя принадлежатъ къ [illegible] категоріи. Съѣстные припасы во [illegible] томъ числѣ и крѣпкіе напитки, лѣкарства, ядъ, порохъ и другія легко-воспламеняющіяся вещества, деньги, вѣсы и [illegible] крутскія квитанціи, книги, картины, [illegible] всякаго рода публикаціи, серебряныя [illegible] тыя издѣлія и другіе предметы, [illegible] щіеся съ разными ограниченіями и [illegible] сторожностями, подъ надзоромъ по-

обращеніе вовсе запрещено, или
которыми обусловлено извѣстными
и предписаніями,—изъяты, въ боль-
еньшей мѣрѣ, изъ частнаго про-
одпадаютъ подъ законныя опредѣ-
ображеніямъ общественной пользы,
ти, здоровья, нравственности и т. п.
и, конечно, не могутъ быть наз-
тѣ частными и имѣютъ, въ той или
рѣ, общественный, публичный ха-

внимательно пересмотрѣвъ всѣ
жданскаго права, нельзя найти ни
которой бы шла рѣчь исключи-
одномъ частномъ, приватномъ; въ
премѣнно оказывается очень много
о по своему значенію, вліянію,
ъ публичный, общественный инте-
ется болѣе или менѣе общества,
. Показать, гдѣ въ нихъ оканчи-
тное, приватное, и начинается об-
, публичное, на основаніи лишь
ія, роли и вліянія, нѣтъ никакой
и. Именно потому, что частное,
сливается въ этомъ смыслѣ съ
ымъ, публичнымъ, нельзя на ихъ
основать различіе гражданскаго
го права.

ъ этого вывода очевидна сама со-
придти къ нему, вовсе не было
ости въ такихъ длинныхъ и по-
оображеніяхъ, еслибъ во всѣхъ раз-
го гражданскомъ правѣ не предпо-
го оно имѣетъ предметомъ исклю-
олько частные, приватные инте-
идическія отношенія, до которыхъ
государству нѣтъ никакого дѣла.
а то, что исторія законодательствъ
ское право представляютъ без-
доказательства противнаго, этотъ
ржится крѣпко. Обязательная про-
вижимой частной собственности,
я удовлетворенія общественной
ы, многимъ до сихъ поръ кажется
ъ гражданскихъ правъ. Говоря—
раждансное право, мы невольно,
ознательно, хотѣли бы предста-
ѣчто, отмежеванное непереступае-
ей отъ публичнаго права, цѣлую
щую вблизи и вокругъ насъ область
, недоступную для докучливыхъ
ствъ общественныхъ, публичныхъ
ей. Внимательное изслѣдованіе не
ъ однако такого взгляда, кото-
рый оказывается лишь игрою отвлеченной мысли. Въ дѣйствительности, область приватнаго, частнаго интереса не отдѣляется рѣзкой чертой отъ общественнаго, публичнаго; но еслибъ когда нибудь такое отдѣленіе и могло состояться, оно принесло бы совсѣмъ не тѣ плоды, какіе ожидаются, а напротивъ, сдѣлало бы частную жизнь и приватныя юридическія отношенія несносными и невозможными. Но, будучи теоретически ошибочнымъ, этотъ взглядъ имѣетъ свое очень важное практическое значеніе, которымъ никакъ не должно пренебрегать. Онъ вызванъ, какъ крайность, другою, противоположною крайностью, именно чрезмѣрной и ненужной регламентаціей частныхъ интересовъ, дѣятельности и правъ, тогда какъ основное правило внутренней законодательной политики и администраціи—не стѣснять закономъ и административными распоряженіями частную дѣятельность и частныя отношенія безъ самой крайней необходимости, безъ особенно важныхъ и настоятельныхъ побужденій, и притомъ когда они вытекаютъ изъ неотразимыхъ общественныхъ, государственныхъ потребностей, удовлетворить которымъ иначе нѣтъ никакой возможности. И такъ, мы признаемъ вполнѣ всю практическую полезность взгляда, который опровергаемъ въ теоріи, и убѣждены, что дѣйствіе его было бы гораздо сильнѣе и благотворнѣе, еслибъ, не опираясь на ошибочное теоретическое основаніе, онъ оставался въ свойственной ему сферѣ практическихъ вопросовъ.

II.

Частное, приватное, партикулярное, въ противоположность общественному, публичному, имѣетъ, кромѣ разсмотрѣннаго, еще и другое значеніе. Мы различаемъ общество, какъ единое цѣлое, отъ составныхъ единицъ, изъ которыхъ оно слагается: все, что выражаетъ собою единство общества, все, что существуетъ, учреждается, дѣлается по имя общества какъ единаго цѣлаго, называется общественнымъ, публичнымъ; составныя же единицы общества, ихъ дѣятельность и интересы, считаются частными, приватными. Различеніе въ этомъ смыслѣ, общественнаго, публичнаго отъ частнаго приватнаго имѣетъ то важное преимущество, что основано на ясныхъ, точныхъ, видимыхъ признакахъ, и

потому возможно и даже легко. Всякое человѣческое общество, какое ни взять, если это только не масса, не толпа людей, имѣетъ хоть какую-нибудь общественную организацію, въ которой выражается, что оно есть единое цѣлое: какія нибудь учрежденія или лица представляютъ эту организацію и это единство; въ какихъ нибудь дѣйствіяхъ или всего общества, или его представителей обнаруживается, что оно есть единое цѣлое; но рядомъ съ тѣмъ, каждый изъ членовъ общества живетъ и своею особою жизнью, имѣетъ свои дѣла, интересы, отношенія. Такимъ образомъ, въ каждомъ организованномъ человѣческомъ обществѣ, и самомъ ничтожномъ и самомъ важномъ, въ какомъ нибудь шахматномъ клубѣ, какъ и въ государствѣ, есть свои публичные и свои частные элементы. Правда, понятіе о публичномъ и частномъ, въ этомъ смыслѣ, есть относительное. Если взять, напримѣръ, волость, городъ или хоть акціонерную компанію, то дѣятельность волостного схода, городской думы, или правленія компаніи, въ сравненіи съ дѣятельностью членовъ сельскаго или городскаго общества и акціонеровъ, есть, конечно, общественная, публичная; однако волость, городъ, акціонерная компанія содержатся въ государствѣ какъ составныя единицы и по отношенію къ нему имѣютъ частный, приватный характеръ, вслѣдствіе чего ихъ дѣятельность относительно другъ друга и цѣлаго государства будетъ частною, приватною, точно такъ же, какъ дѣйствія правительства внутри государства имѣютъ въ немъ публичный, а въ отношеніи къ другимъ государствамъ и къ международному союзу частный, приватный характеръ. Но насъ теперь занимаетъ не взаимное отношеніе разныхъ обществъ и общественныхъ союзовъ, и публичное или приватное значеніе ихъ дѣятельности по сравненію ихъ между собою, а лишь различіе публичнаго и частнаго внутри каждаго общества. Разграниченіе того и другого въ приведенномъ выше смыслѣ, какъ мы уже сказали, очень легко и просто, потому что основывается не на опредѣленномъ, туманномъ различіи вліянія, значенія и т. п., а на очень положительномъ и точномъ различіи учрежденій, лицъ и ихъ дѣятельности. Въ практической дѣйствительности, всякое организованное общество, какъ единое цѣлое, представляется офиціальными учрежденіями и офиціальными должностными лицами, которыя, въ этомъ качествѣ, видимо отличаются отъ лицъ, изъ которых
изъ составныхъ единицъ, слагается об
Самыя лица, изъ которыхъ образуют
щальныя учрежденія и которыми отпр
ся оффиціальныя должности, разл
въ ихъ офиціальномъ значеніи, о
же самыхъ лицъ, какъ частныхъ, при
людей. По такимъ наглядным, п
признакамъ и разграничивается юр
очень точно публичное отъ приват
каждомъ обществѣ, общественный, пу
характеръ присвоивается всему то
представляетъ общество какъ единое
и всей дѣятельности этихъ предста
въ этомъ ихъ качествѣ; частный, пр
характеръ, напротивъ, — всѣмъ проч
есть всѣмъ составнымъ единицамъ о
и ихъ дѣятельности, въ этомъ ихъ
ствѣ.

Выводъ этотъ стоитъ очень тв
наукѣ; однако и противъ него мо
жалуй спорить. Какъ, скажутъ намъ,
ли дѣятельность редактора како
весьма распространеннаго и вли
частнаго журнала менѣе публична
дѣятельность квартальнаго надзира
станового пристава? Неужели секрет
изѣстнаго уѣзднаго суда есть об
ный дѣятель, а Аристотель, Дант
спиръ и тысячи другихъ, подобныхъ
суть публичные дѣятели, потому то
творили не въ качествѣ чиновник
основаніи такого различенія, скажут
публичная дѣятельность должна об
въ монополію администраціи и бюр
все, что имѣетъ хоть тѣнь публичн
ствія, но исходитъ не отъ правител
чиновниковъ, должно быть запрещ
лѣность такихъ выводовъ не доказ
вполнѣ несостоятельности самой тео

Всѣ эти и подобныя возраженія
возраженія, потому что вытекаютъ
го порядка идей, именно изъ р
публичнаго отъ приватнаго по значе
нію, роли: но мы именно и старал
зать невозможность такого различе
стоятельность теоріи, которая бы
основать на немъ свои дальнѣйшіе
слѣд. опроверженія, подобныя приве
не опровергаютъ насъ.—скорѣе, на
подтверждаютъ наши выводы. Прин
личіе между обществомъ, въ смыслѣ
и составными его единицами за
точку дѣленія публичнаго отъ част

ный—въ качествѣ представителей и органовъ публичной власти, гражданскій—въ качествѣ приватныхъ лицъ. Этотъ послѣдній ихъ характеръ мы оставимъ пока въ сторонѣ, ибо до него здѣсь нѣтъ дѣла, и займемся исключительно ихъ публичнымъ, государственнымъ значеніемъ. Какъ представители или органы власти, должностныя лица —все равно представляютъ ли однимъ своимъ лицомъ самостоятельно особую должность (наприм., мировой посредникъ), или принадлежатъ къ составу правительственнаго учрежденія, имѣющаго характеръ юридическаго лица (наприм., члены губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, палаты, губернскаго правленія и т. п.)—имѣютъ, каждое, свой особый кругъ дѣятельности, свои права, обязанности и отвѣтственность, извѣстныя отношенія къ своему начальству и подчиненнымъ. Далѣе: отъ лицъ, допускаемыхъ къ занятію должностей, требуются извѣстныя условія знанія, опытности и т. п.; за труды они обыкновенно получаютъ извѣстное вознагражденіе. Все это,—и организація государственной власти, и устройство правительственнаго механизма, и государственная служба—несомнѣнно принадлежитъ къ государственному праву.

Наконецъ, дѣятельность правительства для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и потребностей, по самому ихъ свойству, есть четвероякая: законодательная, судебная, административная и финансовая. Законъ опредѣляетъ общія основанія и начала публичной и частной жизни и установляетъ обязательныя общія правила для публичной и частной дѣятельности, насколько она выражается во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Судъ охраняетъ законъ въ его примѣненіи къ частнымъ случаямъ, возстановляя его, когда онъ нарушенъ, разъясняя и выражая его настоящій смыслъ, когда возникаетъ объ этомъ споръ. Администрація удовлетворяетъ, въ условіяхъ и предѣлахъ закона, всякаго рода ежедневнымъ, текущимъ потребностямъ и нуждамъ общественной, публичной жизни. Для этой отрасли дѣятельности издаются правительствомъ особыя правила, которыя, въ отличіе отъ законовъ, называются административными. Наконецъ, для содержанія правительства и его органовъ, для покрытія издержекъ, необходимыхъ, чтобы оно могло дѣйствовать, нужны матеріальныя средства. Эти средства доставляютъ отчасти доходы, получаемые отъ государственныхъ имуще[ст]
части денежные налоги, прямые и [ко]
ные, и натуральныя повинности, [от]
вещественныя. Управленіе государст[вен]
имуществами и установленіе, как[ъ]
употребленіе денежныхъ налоговъ и [сум]
ностей, есть тоже дѣло правительст[ва]
эти роды дѣятельности, исходя отъ [пра]
тельства, какъ видимаго представит[еля]
дическаго начала государства, имѣ[ютъ]
личный характеръ и слѣдовательно [не]
быть отнесены къ государственному [пра]

Вотъ предметы государственнаго [пра]
Они созданы и обусловливаются тѣ[мъ]
государство есть живой организмъ: [его]
сумма его составныхъ единицъ, как[ъ]
торые, по странному недоразумѣнію, [не]
Между этимъ живымъ организмомъ [и]
ными его единицами происходитъ без[ъ]
ное взаимодѣйствіе. Послѣднее, [по]
образомъ, выражается въ томъ, что [го]
ставляющее государственное единст[во]
ствуетъ бокъ-о-бокъ съ частными, [ко]
ными элементами, безпрерывно съ [ни]
прикасается и, дѣйствуя на нихъ, [и]
свою очередь, испытываетъ на себѣ [ихъ]
ствіе. Мы уже видѣли, что частныя [и]
ческія, моральныя лица, частная [соб]
ность и возникающія изъ нея част[ныя]
ватныя отношенія нерѣдко возвыш[аются]
значенія общественныхъ публичны[хъ]
также и наоборотъ: публичные, госу[дар]
ные элементы, соприкасаясь съ пр[ива]
дѣйствуя на нихъ, преобразуются, [и]
очередь, и получаютъ приватный х[а]
Это объясняется тѣмъ, что публи[чные]
менты, по природѣ своей, суть об[щ]
ствіе чего существуютъ и являютс[я]
мѣ общаго, въ видѣ общихъ начал[ъ]
правилъ; частные же, приватные [эл]
ихъ дѣятельность, ихъ отношенія, [и]
по природѣ своей, суть единичные, [и]
публичные элементы могутъ сопр[и]
съ частными и дѣйствовать на нихъ [и]
какъ измѣнивъ свой общій видъ и р[а]
шись на единичныя дѣйствія, ко[то]
этой формѣ, не имѣютъ уже общ[аго]
тера и значенія, а обращаются въ [ча]
опредѣляющія юридическій бытъ от[ъ]
приватныхъ лицъ, ихъ дѣятельно[сти]
отношенія; условія эти безъ сомнѣ[нія]
тельны, но въ этомъ видѣ они все[гда]
печатлѣны частнымъ, приватнымъ [ха]
ромъ.

бщій законъ дѣйствія публичныхъ на частные. Имъ опредѣляется ие государственнаго права къ му. Чтобъ показать это и при-анимъ здѣсь мыслямъ возмож-ь и наглядность, которой онѣ въ формѣ не имѣютъ и имѣть не смотримъ по одиночкѣ отношеніе ъ исчисленныхъ выше предметовъ наго права къ частнымъ лицамъ, тельности и частныхъ отноше-

сего мы встрѣчаемся съ государ-имуществами. Сами по себѣ, какъ —публичныя имущества и отно-убличному праву. Распоряженіе лежитъ правительству и не ка-ныхъ лицъ. Но эти имущества обращаются посреди имуществъ, щихъ частнымъ лицамъ; по этимъ ъ государство, въ качествѣ ихъ въ лицѣ правительства, своего ля, становится въ безпрестанныя ъ частными лицами. Владѣніе, недвижимыми имуществами за-государство предпринимать мно-знороднѣйшихъ хозяйственныхъ торыя приводятъ его въ частныя ѣнія съ приватными людьми. Въ адѣльца, государство продаетъ и заключаетъ обязательства и сдѣлки. актеръ будутъ имѣть всѣ отноше-рода? Безъ сомнѣнія,—частный, потому что въ качествѣ владѣльца ничѣмъ не отличается отъ дру-ихъ владѣльцевъ, есть само не что частный владѣлецъ. Оттого иму-ударства,—публичныя по своему считаются въ тоже время част-одчиняются вполнѣ всѣмъ усло-вательнымъ для частныхъ иму-такъ, государство, какъ начало, ижающая единство государствен-ома различается отъ государства владѣльца, частнаго лица. Пер-ствуетъ надъ вторымъ какъ и частными лицами; второе под-ервому наравнѣ съ ними.

государство и правительство, въ емъ составѣ, и представляющія ѣнія и самостоятельныя долж-какъ мы видѣли, юридическія ія. Видимыми выраженіями ихъ служатъ должностныя лица, которыя въ совокупности или отдѣльно, самостоятельно, представляютъ официальнымъ своимъ характеромъ и публичными дѣйствіями моральныя, юридическія лица,—правительственныя учрежденія и должности. Возьмемъ, напримѣръ, губернское правленіе и начальника уѣздной полиціи; наличные члены губернскаго правленія и вся наличная организація и обстановка его, точно также и наличный начальникъ уѣздной полиціи, только представляютъ юридическія лица, которыя не исчерпываются видимыми, подлежащими чувствамъ лицами и предметами. Но въ лицѣ наглядныхъ своихъ представителей эти юридическія лица имѣютъ разныя матеріальныя потребности; имъ, напримѣръ, нужно помѣщеніе, которое надо содержать и ремонтировать; имъ нужны канцелярскіе матеріалы; чиновникамъ бываетъ нужно, по дѣламъ службы, отправляться въ командировку и т. д. Всѣ эти и подобныя имъ потребности тоже станутъ юридическія лица, представляющія правительство, въ разнообразныя отношенія къ частнымъ лицамъ,—отношенія, которыя однако никакъ не должно смѣшивать съ отношеніями, возникающими изъ правительственной дѣятельности этихъ юридическихъ лицъ; здѣсь рѣчь идетъ только о томъ, что дѣйствительное, видимое существованіе юридическихъ лицъ, имѣющихъ публичный характеръ, предполагаетъ и вызываетъ множество потребностей, матеріальныхъ, вещественныхъ, для удовлетворенія которыхъ эти юридическія лица вступаютъ въ отношенія съ частными людьми. Какой характеръ будутъ имѣть всѣ отношенія такого рода? Очевидно, тоже частный, приватный. Такимъ образомъ, покупка дровъ для отопленія присутственнаго мѣста, постройка и починка зданія, въ которомъ оно помѣщается, заготовленіе имъ канцелярскихъ надобностей, переплетеніе книгъ, продажа имъ старыхъ ненужныхъ бумагъ, точно также какъ наемъ чиновникомъ, отправляющимся по дѣламъ службы, извозчика или лошадей, если только по всѣмъ такого рода надобностямъ возникаютъ отношенія съ приватными лицами, имѣютъ частный характеръ. Въ той мѣрѣ, какъ публичное юридическое лицо, для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей, становится въ непосредственныя отношенія съ частными лицами, оно само есть частное лицо и, слѣд.,

должно подчиняться всѣмъ правиламъ, обязательнымъ для частныхъ, приватныхъ отношеній.

Перейдемъ теперь въ государственной службѣ. Мы видѣли, что должностныя лица, въ качествѣ представителей или органовъ правительства, имѣютъ извѣстныя права, обязанности, подлежатъ опредѣленной отвѣтственности и получаютъ обыкновенно за свои труды извѣстное вознагражденіе. Но служатъ частныя приватныя лица, которыя, соединяя въ себѣ требуемыя закономъ условія для занятія той или другой должности, облечены довѣріемъ правительства въ оффиціальный, публичный характеръ и имѣютъ оффиціальное значеніе въ тѣхъ только случаяхъ, когда являются въ качествѣ представителей или органовъ правительства. Что дѣятельность ихъ въ этомъ качествѣ есть публичная—это очевидно. Но чтобы правительство допустило частнаго человѣка къ публичной должности, а онъ, этотъ частный человѣкъ, принялъ на себя исполненіе извѣстныхъ служебныхъ обязанностей,—для этого должно существовать между правительствомъ и этимъ частнымъ человѣкомъ извѣстное отношеніе. Куда его отнести,—къ государственному или къ гражданскому праву? Мнѣнія объ этомъ раздѣлены, вслѣдствіе смѣшенія понятій, которое опутываетъ вопросъ и безъ того сложный и даетъ поводъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Одни хотѣли бы причислить отношенія между правительствомъ и чиновниками по поводу службы къ частнымъ, приватнымъ, другіе—къ публичнымъ, государственнымъ; но ни тѣ, ни другіе не различаютъ этихъ отношеній отъ служебныхъ обязанностей чиновника. Вслѣдствіе этой коренной ошибки, тѣ и другіе приходятъ къ невозможнымъ результатамъ; первые приравниваютъ государственную служебную дѣятельность къ частной службѣ, что очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; вторые переносятъ обязательныя отношенія между правительствомъ и приватными лицами по поводу службы въ сферу государственнаго права, не смотря на то, что эти отношенія видимымъ образомъ имѣютъ частный, гражданскій характеръ. Подобныя же несообразности проистекали когда-то изъ смѣшенія супружества съ договорными условіями о вступленіи въ бракъ и съ брачнымъ контрактомъ, предшествующими заключенію супружескаго союза, пока, наконецъ, не замѣтили существеннаго различія предбрачныхъ условій и договоровъ
мимъ супружествомъ, между которы
ствительно нѣтъ ничего общаго. (
дѣятельность, сама по себѣ, имѣетъ
ный характеръ: отношенія, возникаю
ственно по службѣ, во имя и въ с
жебной дѣятельности, имѣютъ точ
же характеръ: общіе законы о госуд
ной службѣ, какъ всѣ законы, въ о
сти же правила, относящіяся къ п
дѣятельности, равнымъ образомъ имѣ
личный характеръ. Но отношенія ме
вительствомъ и чиновникомъ, въ ка
рыхъ послѣдній находится въ служ
мы думаемъ, не суть публичныя,
ственныя, а частныя, приватныя.
таемъ ихъ частными потому, что чи
есть приватное лицо, добровольно пр
щее на себя передъ правительством
ныя обязанности, на извѣстныхъ у
изъ побужденій, которыя, какія бы
были, все-таки, какъ побуждевія
человѣка, суть частныя, приватныя
лія добровольно службу, чиновн
ствуетъ по такимъ же побужденіямъ
тельство, съ своей стороны, не без
принимаетъ въ службу всякаго, кто
требуемыя закономъ условія, но и
въ нее людей, заслуживающихъ ос
по своимъ личнымъ качествамъ, от
ной дѣятельности которыхъ оно
пользы для общества и государст
мая на службу чиновниковъ на и
условіяхъ, изложенныхъ въ общихъ
вленіяхъ, оно старается сохранить
жебной дѣятельности тѣхъ, котор
знаетъ особенно полезными и для
ображаясь съ ихъ личными, прика
требностями, нуждами, желаніями, и
они согласимы съ пользами служб
ставляетъ имъ особыя выгоды и
ства, даетъ награды и отличія. О
стороны, преступленія чиновниковъ
разматриваются судебнымъ, прост
министративнымъ порядкомъ; участ
веннаго или дисциплинарнаго суда
жденіи и рѣшеніи такого рода д
шено потребностью, вытекающею
существа отношеній между правит
к чиновникомъ,—потребностью пр
щимъ постановленіямъ о службѣ,
нымъ и для правительства и для
ковъ, незыблемость, прочность,
исключающія ихъ нарушеніе или

ваніе. Наконецъ, тѣхъ чиновни-
ельность которыхъ правительство
ъ полезною для службы, оно увольн-
но также, какъ чиновникъ остав-
не находя для себя, по своимъ
частнымъ соображеніямъ, полез-
возможнымъ продолжать долѣе
кимъ образомъ, мы думаемъ, что
различеніе служебнаго харак-
тельности чиновника отъ отноше-
правительству по поводу службы
первыхъ къ государственному а
къ гражданскому праву, есть един-
основаніе для правильнаго разрѣ-
го труднаго вопроса. Возраженія,
жно дѣлать противъ такого рѣ-
ой или другой точки зрѣнія, устра-
ко. Такъ, указываютъ на награды,
повышенія, какъ на такія принад-
службы, которыя отнимаютъ у нея
арактеръ. Но служебная дѣятель-
зника, какъ мы уже сказали, не
ая, а публичная государственная;
ности же ея, смотря по тому, ка-
имѣютъ отчасти приватный харак-
ще же награды, повышенія, отли-
также какъ дисциплинарныя и су-
ысканія, смѣщеніе съ высшей долж-
изшую, увольненіе и удаленіе отъ
предѣляютъ и выражаютъ степень
а чиновника по отправленію имъ
ъ обязанностей, степень самой год-
къ службѣ. Въ защиту мнѣнія, что
отношенія, возникающія изъ слу-
ложенія чиновника, принадлежатъ
ственному праву, приводятъ еще,
упленія и проступки по службѣ
сударственный, а не частный ха-
ло условій для принятія въ службу
нія или удаленія отъ службы, пра-
дѣляющія права, обязанности, от-
сть и вознагражденіе чиновниковъ,
арактеръ общаго закона, а не услов-
аемыхъ съ извѣстнымъ лицомъ;
тики принимаются на службу обык-
на извѣстный срокъ, а безсрочно,
вольняются отъ службы не по до-
у съ ними соглашенію, а по рас-
правительства; изъ всего этого
ѣдуетъ, что и отношенія между
ѣтомъ и чиновниками по поводу
ѣютъ не приватныя, а государ-
характеръ. Чтобы вполнѣ понять
смыслъ этихъ возраженій, надобно замѣтить, что въ основаніи ихъ лежитъ слѣдующая мысль: если считать государственную службу, съ какой бы то ни было стороны, приватнымъ отношеніемъ, то она непремѣнно должна имѣть весь характеръ контракта или договора между частными лицами, а такъ какъ многихъ принадлежностей контракта въ ней нѣтъ, то слѣдовательно она и не есть приватное, гражданское отношеніе. Но такая аргументація вдвойнѣ ошибочна. Во-первыхъ, она, какъ мы уже видѣли, смѣшиваетъ государственную службу съ отношеніями, возникающими между правительствомъ и чиновникомъ по ея поводу; во вторыхъ, она признаетъ контрактъ и его формы за какой-то прототипъ, подъ который должны подходить всѣ обязательныя отношенія гражданскія, не проистекающія изъ нанесенія ущерба или убытковъ; но этого тоже никакъ нельзя допустить, какъ мы постараемся доказать ниже въ своемъ мѣстѣ. Преступленія и проступки противъ службы, безъ сомнѣнія, имѣютъ государственный характеръ, потому что сама служба имѣетъ такой характеръ; но это ни мало не доказываетъ, чтобы отношенія между правительствомъ и чиновниками, по поводу службы, не были частными, приватными. Условія государственной службы дѣйствительно опредѣляются общимъ закономъ, а не договоромъ, заключеннымъ съ однимъ лицомъ; но развѣ это исключаетъ частный характеръ отношенія между правительствомъ и чиновникомъ по поводу службы? Общій законъ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, получаетъ, въ этомъ случаѣ, значеніе условія, заключеннаго съ каждымъ изъ чиновниковъ особливо; совершенное сходство между собою такихъ условій никакъ не доказываетъ ихъ государственнаго характера. Точно также и безсрочность государственной службы не есть аргументъ противъ частнаго характера отношеній, возникающихъ между правительствомъ и чиновниками по поводу службы, потому что есть множество безсрочныхъ юридическихъ отношеній и правъ, которыя всѣми признаются за частныя, гражданскія; такова большая часть имущественныхъ правъ; таковы семейныя отношенія; есть даже много и безсрочныхъ обязательствъ, а именно почти всѣ тѣ, которыя основаны не на договорѣ, или нанесеніи ущерба и убытковъ, а вытекаютъ, помимо воли лица, изъ закона или факта. Наконецъ, право правительства уволить чиновника отъ

службы, когда пожелаетъ, по своему характеру, вовсе не чуждо гражданскому праву; ученіе объ обязательствахъ допускаетъ же условія, въ силу которыхъ одна изъ сторонъ, состоящихъ между собою въ договорѣ, имѣетъ право, во всякое время, когда захочетъ, отъ него отступиться: это условіе такъ часто встрѣчается въ приватныхъ отношеніяхъ, что мы не понимаемъ, почему бы оно не могло служить доказательствомъ не частнаго, не приватнаго характера отношеній между правительствомъ и чиновниками по поводу службы.

Теперь посмотримъ на публичную дѣятельность правительства и правительственныхъ органовъ, какъ представителей начала, идеи государства. Она, мы видѣли, бываетъ четырехъ родовъ: законодательная, судебная, административная и финансовая. Разберемъ каждую изъ нихъ въ ея началахъ и практическихъ примѣненіяхъ къ частнымъ лицамъ.

Законъ, въ юридическомъ смыслѣ, опредѣляетъ, какъ мы сказали общія основанія и начала общественной и частной жизни и устанавливаетъ общія обязательныя правила для публичной и частной дѣятельности, насколько она выражается во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Какъ обязательное общее правило, законъ долженъ быть приведенъ въ дѣйствіе, исполненъ. Что значитъ исполнить законъ? Это значитъ примѣнить его къ тѣмъ явленіямъ и отношеніямъ, для которыхъ онъ обязателенъ, которыя, другими словами, должны существовать не иначе, какъ сообразно съ условіями, предписанными закономъ. И такъ, при исполненіи законъ изъ общаго правила обращается въ безчисленное множество частныхъ, единичныхъ условій, входящихъ какъ необходимая составная часть въ извѣстныя отдѣльныя, единичныя и потому непремѣнно частныя, приватныя явленія и отношенія. Это можно видѣть на любомъ примѣрѣ. По соображеніямъ величайшей государственной важности, правительство издаетъ органическія Положенія 19-го февраля 1861 года объ упраздненіи крѣпостнаго права. Вопросъ въ общемъ его видѣ, очевидно публичный государственный; Положенія издаются правительствомъ и суть плодъ законодательной, слѣд. государственной, публичной дѣятельности. Но въ примѣненіи, при исполненіи, они теряютъ общую форму и становятся обязательными условіями частныхъ, приватныхъ отношеній. Я и мои крѣпостные крестьяне должны, въ теченіе [illegible] срока, измѣнить прежнія [illegible] ныя и имущественныя отношенія и [illegible] ихъ на другихъ основаніяхъ. Побу[illegible] мотивъ этой перемѣны — публичный; [illegible] правила, согласно съ которыми преобр[illegible] не нашихъ взаимныхъ отношеній [illegible] совершаться, — тоже публичныя; но [illegible] мѣненіи ко мнѣ и моимъ крестьянам[illegible] оставаясь обязательными, становятс[illegible] ными, партикулярными, приватными, [illegible] что мои крестьяне и я — мы частны[illegible] и отношенія наши — тоже частныя, пр[illegible] общія правила, предписанныя Поло[illegible] 19-го февраля, входятъ въ нихъ тол[illegible] условія ихъ дѣйствительности.

Другой примѣръ: въ видахъ обр[illegible] и поддержанія въ обществѣ класса б[illegible] землевладѣльцевъ, законъ запрещает[illegible] леніе поземельныхъ владѣній при вр[illegible] въ завѣщаніяхъ и при переходахъ [illegible] ства безъ завѣщанія; или на обор[illegible] распространенія мелкаго землевладѣн[illegible] сдѣлать невозможнымъ наслѣдствен[illegible] средоточеніе большихъ поземельных[illegible] конъ въ однихъ рукахъ, въ одной [illegible] же фамиліяхъ, законъ вовсе запрещае[illegible] ждать маіората. И та и другая мѣ[illegible] каютъ изъ общихъ государственныхъ [illegible] женій; стало быть, ихъ мотивъ — пу[illegible] выраженныя въ формѣ общаго зак[illegible] мѣры имѣютъ публичный характер[illegible] примѣненіи или исполненіи, онѣ обя[illegible] для меня, другого, третьяго, вход[illegible] непремѣнное обязательное условіе [illegible] шаемыя нами завѣщанія и другіе [illegible] скіе акты и въ составѣ этихъ наш[illegible] ныхъ юридическихъ дѣйствій и пр[illegible] щихъ изъ нихъ юридическихъ отно[illegible] лучаютъ частный, приватный хара[illegible]

Вотъ въ какомъ видѣ общій з[illegible] сались частныхъ лицъ, переходитъ [illegible] гражданскаго права.

Второй родъ дѣятельности пра[illegible] и правительственныхъ органовъ, [illegible] ставителей юридическаго начала, [illegible] дарства, есть дѣятельность судебна[illegible] личный характеръ очевиденъ. Судъ [illegible] уже сказали, есть органъ, храните[illegible] гатель закона въ его практическ[illegible] пеніяхъ къ дѣйствительной жизни [illegible] смыслѣ есть посредникъ между [illegible] какъ общею формулой, и тѣмъ же [illegible] въ его осуществленіи въ частныхъ

дѣятельность возбуждается тотчасъ
только законъ нарушенъ или дѣ-
юрнымъ, и состоитъ въ томъ, что
такихъ случаяхъ за закономъ удер-
и обезпечивается значеніе общей
ющей нормы, не въ одномъ сознаніи,
дѣлѣ, въ практической дѣйствитель-
менно эта роль суда и придаетъ
ко, на ряду съ публичнымъ значе-
частный, приватный характеръ. Съ
ія зрѣнія, судебная дѣятельность
должна быть поставлена въ пара-
обровольнымъ исполненіемъ закона.
тоже есть примѣненіе общей фор-
она къ частному случаю, въ кото-
получаетъ частный, приватный ха-
обращается въ обязательное условіе
приватнаго юридическаго явленія
ненія. Но такое же измѣненіе про-
съ закономъ, когда онъ примѣ-
комъ къ данному частному случаю
ніе выражается въ судебномъ рѣ-
жду добровольнымъ и судебнымъ
емъ закона только та разница, что
ь случаѣ законъ получаетъ частный,
характеръ посредствомъ частныхъ
ь послѣднемъ—посредствомъ суда,
хъ къ тому принуждаетъ. Въ су-
рѣшеніи, какъ и при добровольномъ
, законъ изъ общей формулы пре-
въ обязательное условіе даннаго
приватнаго, партикулярнаго, юри-
факта. Вотъ почему судебное рѣ-
дучи результатомъ судебной дѣя-
установляетъ въ тоже время гра-
обязательство между сторонами,
ними участіе въ процессѣ. Какъ
е общаго закона въ частномъ слу-
дебное рѣшеніе въ этомъ смыслѣ
о есть, въ одно и тоже время, и
ичной дѣятельности, и частное,
обязательство.

мъ теперь на административную
сть правительства и его органовъ.
значеніи, которое мы придали ей
ея соприкосновеніяхъ съ частными

жедневныхъ текущихъ потребно-
ждъ общества и государства чрез-
обширенъ, обнимая и внѣшнюю
ть и внутреннее благоустройство
о всѣмъ частямъ. На сколько удо-
е этихъ разнообразныхъ нуждъ не
лено самому обществу и частнымъ
лицамъ, оно относится къ административной дѣятельности правительства и его органовъ. Эта дѣятельность обнаруживается въ двухъ видахъ: или въ видѣ обязательныхъ административныхъ правилъ, предписываемыхъ для исполненія, или же въ видѣ единичныхъ дѣйствій, выражающихся въ матеріальныхъ, вещественныхъ фактахъ. Къ административнымъ правиламъ, предписываемымъ для исполненія, примѣняется все, что мы сказали выше о законѣ и его исполненіи, добровольномъ и принудительномъ. Поэтому, не останавливаясь на нихъ, обратимся къ единичнымъ административнымъ дѣйствіямъ, на сколько они ставятъ правительство и его органы въ соприкосновеніе съ частными лицами. Къ административнымъ дѣйствіямъ примѣняется, въ этихъ случаяхъ, слѣдующее постоянное правило: они установляютъ между правительствомъ или его органами и частными лицами общественныя отношенія; если же, вслѣдствіе административнаго дѣйствія, создается какой-нибудь новый юридическій предметъ (вещь въ юридическомъ смыслѣ), то по этому предмету возникаютъ у правительства съ частными лицами имущественныя, вещныя отношенія. Какъ упомянутыя обязательства, такъ и эти имущественныя отношенія суть частныя, приватныя; по нимъ государство, представляемое правительствомъ, имѣетъ частный, приватный характеръ, является частнымъ, приватнымъ лицомъ. Доказывать справедливость этого правила, о которомъ мы уже упоминали выше, говоря о государственныхъ имуществахъ и публичныхъ юридическихъ лицахъ, учрежденіяхъ и должностяхъ, считаемъ излишнимъ, потому что оно признается и наукой и всѣми европейскими положительными законодательствами, не исключая нашего Свода. Приведемъ только, для его уясненія, нѣсколько примѣровъ.

Для охраненія внѣшней безопасности государства, правительство строитъ и содержитъ крѣпости, организуетъ и вооружаетъ войско и спеціальныя военныя части; все это требуетъ множества разнороднѣйшихъ хозяйственныхъ операцій, какъ-то: заготовленія строительныхъ матеріаловъ, орудій и оружія, пороха, снарядовъ, обмундированія, провианта, фуража, аптекарскихъ матеріаловъ, хирургическихъ инструментовъ и т. п. По всѣмъ этимъ операціямъ правительство производитъ покупки и торги, заключаетъ контракты о постановкѣ и перевозкѣ нужныхъ ему предме-

товъ, о производствѣ разныхъ работъ,—словомъ, дѣлаетъ все то, что дѣлаютъ частные люди для своего домашняго хозяйства, общества, компаніи, товарищества и торговыя фирмы, занимающіяся торговыми или промышленными предпріятіями, для удовлетворенія разныхъ своихъ надобностей. Что частная, приватная дѣятельность обыкновенно имѣетъ цѣлью, удовлетворяя нуждамъ общества, доставить въ то же время барыши предпринимателямъ, а правительство не имѣетъ этой цѣли и заботится, должно заботиться, только объ удовлетвореніи государственныхъ и общественныхъ нуждъ, не ставитъ, въ этомъ случаѣ, никакой разницы между административною и частною дѣятельностью. Вѣдь могутъ же быть, и есть, частныя предпріятія, разсчитанныя на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, безъ всякой корыстной цѣли? И такъ, правительство, по всѣмъ означеннымъ надобностямъ, вступаетъ въ разныя юридическія отношенія съ частными лицами, и въ сдѣлкахъ такого рода дѣйствуетъ само **какъ частное лицо. Поэтому-то контракты** и договоры между казною и частными лицами и считаются частными, гражданскими обязательствами. Продолжая разсматривать далѣе тѣ же административныя операціи, мы найдемъ, что результатомъ ихъ, между прочимъ, будетъ возникновеніе новыхъ вещей, принадлежащихъ государству: построятся крѣпости и разныя другія зданія военнаго вѣдомства; образуются арсеналы, артиллерійскіе парки, военные госпитали, аптеки и т. д., снабженные разнаго рода запасами и принадлежностями. Все это будетъ государственнымъ имуществомъ и распоряжаться имъ будетъ правительство, въ качествѣ представителя государства, точно также, какъ частныя лица распоряжаются своими вещами и имѣніями. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, по этимъ предметамъ, принадлежащимъ государству, возникнутъ у него, какъ ихъ владѣльца, отношенія съ частными лицами или съ принадлежащими имъ частными имуществами, оно будетъ являться такимъ же частнымъ лицомъ, какъ всѣ другія, разбираться и сноситься съ ними не по государственному, а по частному, гражданскому праву. Имущества его, въ этихъ случаяхъ, будутъ имѣть не государственный, а приватный характеръ.

То, что мы сказали здѣсь, въ видѣ примѣра, о содержаніи крѣпостей и войска, относится вполнѣ и къ тысячѣ другихъ хозяйственныхъ и коммерческихъ распо правительства, предпринимаемыхъ д влетворенія другихъ потребностей общества и государства, какъ-то: къ и содержанію сухопутныхъ и водны къ содержанію почтъ, телеграфовъ и другихъ способовъ сообщенія, къ по казенныхъ зданій, тюремъ, къ со какъ ихъ, такъ и преступниковъ, к ному заготовленію и продажѣ вина къ устройству и содержанію воспита домовъ и другихъ благотворительны тательныхъ и общеполезныхъ зав ковъ, сберегательныхъ кассъ и т. п. и другіе такого рода предметы став вительство въ безчисленное множе ныхъ, гражданскихъ юридическихъ от и вводятъ его, съ этой стороны, въ кр ныхъ приватныхъ лицъ, а находя его распоряженіи государственныя им —въ кругъ частныхъ, приватныхъ им Скажемъ болѣе: всѣ такого рода правительства, въ исполненіи свое стоятъ изъ однихъ лишь частныхъ, ныхъ дѣйствій и отношеній, по с своему ничѣмъ не отличающихся ствій и отношеній прочихъ частны

Намъ остается сказать о финансо тельности правительства въ соприк ея съ частными лицами. Мы видѣли, ріальныя средства, необходимыя дл жанія правительства и для вообще управленію вообще, получаются ча доходовъ съ государственныхъ им частью въ видѣ налоговъ и пош Финансовыя и хозяйственныя опера принимаемыя правительствомъ съ ственными имуществами, какъ то ставятъ его въ отношенія съ част цами, тотчасъ же получаютъ част ватный характеръ. Объ этомъ мы рили. Гораздо труднѣе опредѣлить отношеній, возникающихъ между ством и частными лицами по н повинностямъ. Эти отношенія имѣ ственное значеніе: одной стороной щены къ государству, другой—къ лицамъ. Спрашивается: гдѣ же че ляющая въ нихъ государственные отъ частныхъ? Что въ нихъ отн государственному и что къ гра праву? Вопросъ этотъ рѣшается с образомъ: обложеніе налогами и стями, уже по своему назначен

ичный характеръ; такой же характеръ
ть оно и по формѣ, въ которой совершается,
му что исходитъ отъ правительства, какъ
ая мѣра, обязательная для всѣхъ, къ кому
сится; самый уплаченный налогъ и вы-
енная повинность, какъ вещь, какъ пред-
, входитъ въ составъ имуществъ, при-
лежащихъ государству. Вотъ публичная
она налоговъ и повинностей. Но тѣ и
не отбываются отдѣльными частными ли-
, или частными же юридическими ли-
; общая мѣра, которою установляется
мъ и повинность, въ примѣненіи къ тому,
рому или третьему частному лицу, къ пла-
щикамъ, взятымъ отдѣльно, раздробляется
единичныя отношенія, обращается въ обя-
льства, въ силу которыхъ каждое изъ
хъ лицъ должно въ назначенное время
тить извѣстную сумму денегъ, или отбыть
ченіе извѣстнаго времени извѣстную
ую или вещественную повинность. И
, налоги и повинности, при отправленіи
добровольномъ или принудительномъ,
примѣненіи къ частнымъ лицамъ по оди-
ѣ, обращаются въ частныя, приватныя
ательства; слѣдовательно, этой стороной,
принадлежатъ къ гражданскому праву,
бязанность частнаго лица уплатить, сра-
ть что нибудь или сдѣлать въ пользу
наго же лица или въ пользу государ-
по существу своему, есть гражданская.
рѣшеніе вопроса очень просто и совер-
но согласно съ тѣмъ, что мы сказали
е о законѣ, судѣ и администраціи, въ
рикосновеніи ихъ съ частными лицами:
вытекаетъ совершенно послѣдовательно
съ общей формулы отношеній государ-
къ частному быту, которую мы предпо-
ли подробному ихъ разсмотрѣнію. Такое
ленie и не возбуждало бы никакихъ возра-
й, еслибъ не существовало предубѣ-
нія, о которомъ мы говорили выше, будто
всякое гражданское обязательство непре-
но основано или на договорѣ, или на на-
ніи кѣмъ либо ущерба или убытка, и будто
бязательства, не подходящія подъ эти двѣ
тегоріи, суть лишь рѣдкія исключенія изъ
ого правила. Идя отъ такого взгляда,
рятъ: если обязанность, положимъ и от-
наго лица, отбывать денежный налогъ
повинность, есть частное, гражданское
ательство, то ее слѣдовало бы разсматри-
по началамъ контракта; но это очевидно
о бы нелѣпостью, потому что между на-
логомъ и контрактомъ рѣшительно нѣтъ ни-
чего общаго; а если нельзя приравнять на-
логовъ и повинностей къ контрактамъ, то
ихъ нельзя и относить къ гражданскому
праву. Этотъ рядъ выводовъ, вполнѣ вѣрный
вначалѣ, совершенно ошибоченъ въ концѣ.
Налоги и повинности, разумѣется, не имѣютъ
ничего общаго съ контрактами; но изъ этого
никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ они не могли
принадлежать, съ одной стороны, къ граждан-
скому праву. Мы увидимъ ниже, что множе-
ство обязательныхъ приватныхъ отношеній
возникаютъ и существуютъ безъ всякаго пред-
варительнаго договора, и не вслѣдствіе на-
несенія ущерба или убытковъ, а непосред-
ственно въ силу закона или факта; такимъ
образомъ то, что считается лишь изъятіемъ
изъ общаго правила и изъятіемъ незначи-
тельнымъ, на дѣлѣ оказывается правиломъ,
особой, третьей категоріей обязательныхъ
отношеній, имѣющихъ свое самостоятельное
основаніе—законъ или фактъ. Подъ третью-то
категорію и подходятъ налоги и повинности,
источникъ которыхъ—не контрактъ, а общій
законъ. Этимъ устраняются также разныя
другія сомнѣнія насчетъ гражданскаго харак-
тера налоговъ и повинностей, выводимыя
изъ того, что они установляются не отдѣльно
для каждаго, обязаннаго ихъ отбывать, что
они безсрочны и т. п., о чемъ мы уже го-
ворили подробно, при разсмотрѣніи характера
служебныхъ отношеній.

Таковы роды и виды правильныхъ, юри-
дическихъ отношеній государства, въ лицѣ
его представителей и органовъ, къ частному
быту и частнымъ лицамъ. Этимъ, однако, не
исчерпываются всѣ случаи соприкосновенія
государственнаго и гражданскаго права. Для
полноты, необходимо изслѣдовать еще свой-
ства и характеръ многочисленныхъ взаим-
ныхъ отношеній между государствомъ и от-
дѣльными лицами вслѣдствіе преступленій и
проступковъ.

Прежде всего опредѣлимъ точнымъ обра-
зомъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Въ статьѣ,
посвященной разсмотрѣнію вопросовъ граж-
данскаго права, можно говорить о правона-
рушеніяхъ и ихъ послѣдствіяхъ только въ
гражданскомъ, а не въ уголовномъ смыслѣ.
Наука даетъ для такого различенія мѣрило,
вполнѣ соотвѣтствующее существу дѣла. Пре-
ступленія и проступки, будучи нарушеніемъ
закона или административнаго правила, въ
то же время могутъ нарушать матеріальные

интересы, основанные на законѣ, наносить матеріальный, вещественный ущербъ и убытки, вопреки закону. Какъ нарушеніе закона или административнаго правила, преступленіе и проступокъ имѣютъ публичный характеръ и влекутъ за собою, смотря по ихъ свойству, уголовное или полицейское наказаніе; но какъ противозаконное нарушеніе матеріальныхъ интересовъ, какъ нанесеніе ущерба вопреки закону, преступленія и проступки имѣютъ частный, приватный характеръ и рождаютъ частное, гражданское обязательство вознаградить того, чьи матеріальные интересы нарушены.

Остановимся на этой послѣдней, гражданской сторонѣ преступленій и проступковъ, такъ какъ уголовная насъ здѣсь не касается. Нарушенія вещественныхъ интересовъ, влекущія за собою обязанность дать вознагражденіе, возможны и нерѣдко случаются при взаимныхъ соприкосновеніяхъ государства и частныхъ лицъ. Частный человѣкъ можетъ нанести государству ущербъ и убытки противозаконнымъ образомъ; точно также и на оборотъ, государство, въ лицѣ правительства и его органовъ, можетъ нарушить законные, вещественные интересы частнаго лица. Спрашивается: какой характеръ имѣютъ такія обоюдныя нарушенія и возникающія изъ нихъ обязательства? Очевидно, частный, приватный, потому что государство, во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ частными лицами по имуществу, по вещамъ, принимаетъ значеніе и роль частнаго лица. И такъ, самъ по себѣ, вопросъ очень простъ, но онъ усложняется и затемняется разными побочными обстоятельствами и соображеніями. Что нарушеніе законныхъ, вещественныхъ интересовъ государства со стороны частныхъ лицъ и юридическія послѣдствія такихъ нарушеній имѣютъ гражданскій характеръ это безспорно; сомнѣнія возникаютъ лишь при вопросѣ, куда отнести такія же нарушенія частныхъ матеріальныхъ интересовъ со стороны правительства и его органовъ? Чтобъ очертить какъ можно точнѣе предѣлы сомнѣнія и спора, напомнимъ, что рѣчь идетъ только о нарушеніи законныхъ, на правѣ основанныхъ матеріальныхъ интересовъ. И такъ, когда судебный приставъ, исполняя судебное рѣшеніе, окончательно вошедшее въ законную силу, отберетъ у меня вещь и передастъ моему противнику, которому она присуждена,—этимъ приставъ конечно нарушитъ мои матеріальные интересы, но не законные, не основанные на правѣ, потому что во
дебнаго рѣшенія, окончательно в
въ силу, я уже не имѣю права на об
у меня вещь; она принадлежитъ мо
тивнику. Точно также, когда полице
новникъ захватитъ фальшивую моне
ретъ у торговца и истребитъ и по
съѣстные припасы, поддѣльное вин
онъ тоже нарушитъ интересы вла
этихъ предметовъ, но изъ такого на
никнетъ не возникаетъ для прави
обязанности дать вознагражденіе, и
законъ никого не уполномочиваетъ
въ обращеніе или поддерживать об
въ публикѣ поддѣльныхъ денегъ и
припасовъ. Напомнимъ, далѣе, что и
ныя лица, будучи вмѣстѣ и приватными
могутъ нарушить законные матери
тересы частныхъ лицъ или въ каче
новниковъ, при отправленіи и по по
правленія своихъ служебныхъ обязан
или же въ качествѣ частныхъ лицъ,
шенно независимо отъ службы. Нар
послѣдняго рода тоже относятся къ
скому праву: объ этомъ никогда не
споритъ. Намъ остается, слѣдователь
дѣлить только юридическій характер
и убытковъ, наносимыхъ правитель
чиновниками въ качествѣ должностны
Съ какою цѣлью, съ какимъ намѣ
такія нарушенія дѣлаются, до это
нѣтъ никакого дѣла, да и было бы
ошибочно непремѣнно предполагать
домъ изъ такихъ нарушеній злостное
реніе или корыстолюбивыя побужден
къ сожалѣнію, слишкомъ часто, о
шаются ложнымъ понятіемъ объ об
ной пользѣ, почтенною и похвальною
разумной ревностью къ службѣ, в
чаще они—плодъ незнанія или не
наго, хотя можетъ быть и доброс
толкованія законовъ, правъ и обяз
Какъ бы то ни было, но когда час
понесло ущербъ или убытки вслѣдс
поряженій правительства или дѣя
органовъ, оно, это частное лицо, во
случаѣ должно быть вознагражден
гражданская точка зрѣнія на пре
и проступки существенно и отлич
уголовной, потому что въ уголовном
вопросъ о мотивахъ, побужденіяхъ
шеніи преступленія или проступк
на первомъ планѣ и имѣетъ рѣш
вліяніе на наказуемость и ея степ

…льство и его органы могутъ на-
…ному лицу матеріальный вредъ
… или общими административными
…іями, несогласными съ закономъ,
…мъ основаны частные интересы,
…дѣльными административными дѣй-
…ервыя нарушаютъ приватные ин-
…сами по себѣ, а при исполненіи,
… въ послѣднемъ своемъ видѣ, на
…егоріи частныхъ лицъ. Отдѣльныя
…тивныя дѣйствія, напротивъ, прямо
… къ одному или нѣсколькимъ, из-
…опредѣленнымъ лицамъ, и могутъ
…самостоятельными актами прави-
…ыхъ органовъ, или простымъ, точ-
…лненіемъ приказаній начальства.
…министративное дѣйствіе считать
…льнымъ и какое лишь исполнитель-
… опредѣляетъ законъ. Одно и тоже
…тивное дѣйствіе, при различныхъ
…ствахъ и обстановкѣ можетъ быть
…ельнымъ и исполнительнымъ: такъ.
… Своду, губернскія учрежденія
…ь случаѣ несогласнаго съ законами
…каго распоряженія, не исполняя
…ти министерству, почему они за-
… исполненіемъ: если же министер-
…ъ настаивать на своемъ, то гу-
…режденія обязаны, опять не ис-
…го распоряженія, войти съ пред-
…ь въ Правительствующій Сенатъ
… отъ него приказанія: послѣднее
…е быть непремѣнно исполнено въ
…лѣдовательно, по Своду, простое,
…олненіе министерскаго предписа-
…ы, въ этомъ случаѣ, самостоятель-
…ніемъ губернскаго учрежденія, а
…полненіе сенатскаго указа — лишь
…точнымъ исполненіемъ. Всѣ эти
…чень важны, опредѣляя, на кого
…дать отвѣтственность за нарушеніе
…атеріальныхъ интересовъ; но въ
…къ частнымъ лицамъ они не су-
… и сводятся всѣ къ одному и
…зультату: приватные люди, потер-
…онымъ образомъ ущербъ или
…лѣдствіе исполненія администра-
…ы, или вслѣдствіе самостоятель-
…я чиновника, или наконецъ вслѣд-
…ого и точнаго исполненія имъ
… начальства, въ томъ, другомъ и
…лучаѣ должны быть вознаграждены
…вомъ, а оно уже возмѣщаетъ свои
…виноватомъ. Какъ же считать та-

кія отношенія между правительствомъ и частнымъ лицомъ по вознагражденію убытковъ: публичными или частными? Согласно съ общимъ началомъ, которое мы приняли за основаніе при рѣшеніи такихъ вопросовъ, и примѣняясь къ тому, какъ прежде отвѣчали на подобные же вопросы, мы не сомнѣваемся причислить и эти отношенія къ частнымъ, приватнымъ, слѣдовательно, къ гражданскому, а не къ государственному праву. Если всякое обязательство, заключаемое частнымъ лицомъ съ правительствомъ имѣетъ приватный характеръ; если всѣ отношенія правительства съ частными лицами по завѣдыванію и управленію государственными имуществами, ставятъ его, въ этомъ отношеніи, въ разрядъ частныхъ лицъ, и эти отношенія получаютъ частный характеръ, а государственныя имущества - характеръ частныхъ, приватныхъ имуществъ, то мы не видимъ причины, почему имущественныя правонарушенія, насколько они касаются частныхъ лицъ, имѣли бы публичный, а не частный, приватный характеръ? Намъ скажутъ, что лицо, нарушающее частные матеріальные интересы облечено, въ этомъ случаѣ, въ оффиціальный характеръ и дѣйствуетъ именемъ правительства. Правда; но это также мало можетъ служить основаніемъ для отнесенія самаго нарушенія и его юридическихъ послѣдствій къ публичному праву, какъ оффиціальный характеръ чиновника или присутственнаго мѣста, заключающаго съ частнымъ лицомъ, именемъ правительства контрактъ о подрядѣ или поставкѣ, не уполномочиваетъ насъ относить такой контрактъ, вмѣсто частнаго, гражданскаго, къ публичному, государственному праву.

Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится другой. Чиновникъ, нанесшій государству матеріальный ущербъ и убытки при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, долженъ вознаградить ихъ, — и наоборотъ: отправленіе служебныхъ обязанностей можетъ ввести чиновника въ издержки и убытки, которые, по закону, падаютъ на государство, т.-е. которые законъ относитъ на счетъ государства. Какой характеръ имѣютъ возникающія по этимъ случаямъ взаимныя отношенія государства и чиновника? Публичный или приватный? Принадлежатъ ли они къ государственному, или къ гражданскому праву? Мы думаемъ, что къ послѣднему потому что и государство, въ качествѣ владѣльца имуществъ, разсматривается какъ частное лицо.

и чиновникъ, въ качествѣ должника или кредитора казны, не есть оффиціальное, а частное, приватное лицо, хотя бы онъ сдѣлался должникомъ или кредиторомъ вслѣдствіе и по поводу отправленія служебныхъ обязанностей; послѣднія существуютъ съ публичнымъ, государственнымъ характеромъ независимо отъ денежныхъ матеріальныхъ разсчетовъ и начетовъ и могутъ не имѣть съ ними ничего общаго. Взыскивая денежный долгъ, происшедшій вслѣдствіе нанесенія ущерба и убытковъ и государство и чиновникъ дѣйствуютъ какъ частныя лица, и потому на основаніи гражданскаго, а не публичнаго права. Что отправленіе служебныхъ обязанностей, по существу своему принадлежащихъ къ государственному праву, есть, въ этомъ случаѣ, источникъ и основаніе взаимныхъ претензій государства и чиновника не служитъ достаточной причиной, чтобъ включить и ихъ въ кругъ публичныхъ отношеній. Мы видѣли выше, что государство, для удовлетворенія публичныхъ потребностей, входитъ въ различныя юридическія отношенія съ частными лицами и что, не смотря на то, эти отношенія считаются однако частными, гражданскими; точно то же самое представляютъ и отношенія государства съ чиновниками; послѣдніе суть тоже частныя лица, только принявшія на себя публичныя обязанности, и потому, какъ только между государствомъ и чиновникомъ возникаютъ, по поводу отправленія службы, взаимные матеріальные разсчеты, и государство и чиновникъ переносится въ сферу гражданскихъ отношеній, становятся на почву гражданскаго, а не публичнаго права. Самъ по себѣ этотъ вопросъ едва ли бы могъ подавать поводъ къ сомнѣніямъ и спорамъ, еслибъ понятіе о преступленіяхъ и проступкахъ противъ должности, противъ служебныхъ обязанностей, было опредѣлено юридически, точнымъ образомъ, что не всегда дѣлается. За мѣрило принимается, въ этомъ случаѣ не свойство преступленія или проступка, а личность обвиняемаго; его оффиціальный, публичный характеръ служитъ единственнымъ, исключительнымъ критеріемъ для опредѣленія характера всѣхъ его дѣйствій и поступковъ, совершаемыхъ имъ въ качествѣ оффиціальнаго лица. Вслѣдствіе этого, преступленія и проступки самые разнородные, какъ-то: нарушенія частныхъ правъ, дѣйствія, запрещаемыя общимъ закономъ, безъ различенія служащихъ отъ неслужащихъ, наконецъ преступленія и пр[ос]специфически-служебные, противъ [ад]стративныхъ законовъ и правилъ, [см]ѣшаны въ одну общую категорію [пр]леній и проступковъ по должности. [Эт]обстоятельство и мѣшаетъ взвѣсить [и] нить надлежащимъ образомъ свой[ст]личныхъ правонарушеній чиновника и [их]ъ, какъ бы слѣдовало, къ разнымъ [ро]ріямъ.

Вотъ всѣ случаи юридическихъ сп[ор]веній государства съ частными лицами [по]дованіемъ этихъ случаевъ завершает[ся] что мы имѣли сказать о юридическо[м] ченіи выраженій „публичное" и „ч[а]Намъ остается только вывести общее ченіе изъ всего предъидущаго, къ [че]теперь и приступимъ.

Доискиваясь точнаго, юридическаго чія между публичнымъ и приватнымъ опредѣляетъ ихъ такъ: публичное — то, въ чемъ выражается государств[о] единое цѣлое, все то, что имѣетъ [от]ношеніе къ этому единству, находи[тся] связи съ нимъ, непосредственно каса[ет]частное же—это то, изъ чего гос[уд]образуется, его составныя единицы, [от]къ нимъ относится, ихъ касается.

Съ перваго взгляда кажется, что [эт]дѣленія, различающія публичное отъ [ча]наго, государственное отъ гражданска[го] ствительно очень точны. Въ этомъ [от]ждаетъ еще болѣе возможность, по кр[ай]видимымъ признакамъ, провести вс[юду] граничительную черту между публи[чн]частнымъ: все, что принадлежитъ гос[уд]какъ единому цѣлому, все, что предста[вл]видимымъ образомъ это единство. Д[ол]ность этого представителя, все [эт]публичное; остальное—частное, прив[ат]

И такъ, вопросъ, по видимому, р[ѣш]Но вглядимся глубже, къ какому ре[зу]приводитъ насъ такое рѣшеніе? Оказ[ы]что оно совсѣмъ не отвѣчаетъ на [во]которые мы себѣ задали. Намъ [хо]узнать, чѣмъ отличается публичное [от] отъ гражданскаго, а мы только нашл[и] государство, какъ единое органическое [це]сеть самостоятельное юридическое л[ич]ществующее на ряду съ другими [юр]скими лицами. Разсмотрѣвъ всѣ его [от]нія къ послѣднимъ мы не находимъ ни [од]которое бы не имѣло частнаго, при[ват]характера, не относилось бы, въ то

дѣ. къ гражданскому праву. И
мъ смыслѣ, съ этой точки зрѣ-
ство—такое же частное, приват-
какъ и всѣ прочія, отличается отъ
также, какъ и они другъ отъ
мъ образомъ, идя этимъ путемъ
шію вопроса, что̀ есть частное и
ое, чѣмъ отличается гражданское
государственнаго и гдѣ раздѣлю-
аница, мы попадаемъ въ какой-то
й кругъ. изъ котораго нѣтъ вы-
мы ни взглянемъ, къ чему ни
всюду передъ нами частное, при-
при ближайшемъ разсмотрѣніи,
частный, приватный характеръ.
тараемся мы, на этомъ пути, до-
аницы частнаго, приватнаго; она
ускользаетъ изъ рукъ: мы только
переходимъ отъ одного частнаго,
гражданскаго къ другому, и та-
одамъ нѣтъ ни начала, ни конца.
жиданный результатъ, котораго
никакъ не могли предвидѣть,
, что для различенія публичнаго
го должно существовать какое-
ое мѣрило,—что сущность публич-
дарственныхъ элементовъ заклю-
въ томъ, въ чемъ мы ее искали,
нибудь другомъ. Въ самомъ дѣлѣ,
ихъ съ частными, приватными
противополагая ихъ послѣднимъ,
вляли тѣ и другіе, слѣдовательно,
ли публичное, государственное
ой стороны, которою оно обра-
астному, гражданскому быту и,
а него, по необходимости при-
себя его формы. Этимъ вполнѣ
, почему мы не нашли того, чего
не могли выйдти изъ круга част-
данскихъ элементовъ.

кность найти различіе публичнаго
каго права чрезъ ихъ сопоставле-
кность результатовъ такого иска-
е безпрестанно приводитъ насъ
къ явленіямъ и фактамъ граждан-
, вынуждаетъ оставить эту точку
брать другую. Государство, какъ
е цѣлое, есть юридическое на-
ческій принципъ, идея. Оно вно-
димыя, личныя и имущественныя
между людьми новыя условія, ко-
только видоизмѣняютъ, только
ъ ихъ извѣстнымъ образомъ, со-
требованіями единства государ-
ственнаго организма. Новаго собственно ни-
чего чрезъ это не создается въ частномъ,
гражданскомъ быту; начала и законы, лежа-
щіе въ основаніи его, остаются тѣ же са-
мые, неизмѣненными; но вслѣдствіе условій,
вносимыхъ въ частный бытъ государствен-
нымъ единствомъ, частные элементы и отно-
шенія комбинируются извѣстнымъ образомъ,
являются въ извѣстныхъ формахъ и сочета-
ніяхъ, которыя указываютъ на участіе въ
гражданской жизни, кромѣ отдѣльныхъ лицъ,
еще особаго дѣятеля, — невидимаго, потому
что онъ является лишь въ формахъ частнаго
быта, но всюду и во всемъ обнаруживающаго
свое вліяніе,—даже въ такихъ юридическихъ
отношеніяхъ, которыя кажутся исключительно
частными, приватными, гражданскими. Госу-
дарство, какъ единство общественнаго орга-
низма, проникающее все гражданское обще-
ство и всѣ гражданскія отношенія, есть въ
человѣческомъ общежитіи, въ юридическомъ
смыслѣ, тоже, что душа въ человѣкѣ: ея
нигдѣ не видно, но она чувствуется во всемъ,
ее можно услѣдить въ безчисленныхъ физи-
ческихъ и психологическихъ движеніяхъ че-
ловѣка, по тѣмъ особымъ условіямъ, которыя
она вноситъ въ каждое изъ нихъ, хотя эти
условія и не измѣняютъ ихъ законовъ. Про-
должая говорить сравненіями, можно сказать,
что юридическое начало государства дѣй-
ствуетъ въ человѣческомъ обществѣ точно
также, какъ человѣкъ въ окружающей его
внѣшней природѣ: покоряя ее, заставляя ее
служить своимъ цѣлямъ, онъ не перемѣняетъ
и не можетъ перемѣнить ея законовъ, но
даетъ условіямъ ея дѣятельности такое со-
четаніе, что природа, продолжая дѣйство-
вать согласно съ своими неизмѣнными зако-
нами, производитъ то, что нужно и жела-
тельно человѣку. Сама собою природа не
является въ тѣхъ формахъ, которыя придаетъ
ей человѣкъ, заставляя служить себѣ; въ
этомъ и видно, что къ природѣ привошелъ
какой-то особый, новый дѣятель; однако этого
новаго дѣятеля, въ новыхъ формахъ, нигдѣ
не видно; видна только его дѣятельность въ
условіяхъ, создавшихъ новыя формы; но эти
формы не представляютъ собственно ничего
новаго, потому что созданы по тѣмъ же са-
мымъ законамъ, которыми управляется при-
рода, изъ того же самого матеріала, который
она представляетъ. Такимъ образомъ, при-
рода, не покоренная человѣкомъ, и природа,
приспособленная къ его потребностямъ и

нуждамъ, есть также самая и имѣетъ другая; къ ней ничего не прибавилось, въ ней ничего не убавилось; однако, оставаясь тою же, она измѣнилась, и измѣнилась вслѣдствіе того только, что мысль и трудъ человѣка внесли въ нее новыя условія, которыхъ прежде въ ней не было.

Государственное право имѣетъ предметомъ именно условія, вносимыя юридическимъ началомъ государства въ гражданскій бытъ, и потому не можетъ быть, въ этомъ смыслѣ, противополагаемо гражданскому праву. Эти двѣ юридическія области не однородны, принадлежатъ къ разнымъ категоріямъ; поэтому ихъ конечно можно различать, но нельзя ставить въ одинъ разрядъ, на одну доску. Что бы мы сказали, еслибъ кто-нибудь вздумалъ изслѣдовать и опредѣлить, какое отношеніе, сходство и различіе, существуетъ между Лондономъ и квадратурой круга, между понятіями древнихъ грековъ о Зевсѣ и Ніагарскимъ водопадомъ? Для сопоставленія государственнаго права съ гражданскимъ также мало поводовъ и основаній; первое имѣетъ дѣло съ началами и условіями, въ которыхъ выражается и которыми поддерживается государственный организмъ, какъ единое цѣлое, и такъ его предметъ—общія юридическія начала, принципы, которые, въ этой своей идеальной формѣ, не осуществляются въ дѣйствительности: гражданское же право занимается дѣйствительными, видимыми отношеніями людей, внѣшними явленіями, на которыя начала государственнаго права дѣйствуютъ, и очень замѣтно, но, повторимъ, не въ видѣ началъ, идей, принциповъ, а въ формѣ условій видоизмѣняющихъ, опредѣляющихъ, производящихъ новыя сочетанія гражданскихъ отношеній.

Чтобъ взглядъ на государственное и гражданское право и ихъ взаимныя отношенія, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ сильныя возраженія и притомъ съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одни, съ французскимъ и прусскимъ кодексами и нашимъ Сводомъ законовъ въ рукахъ, будутъ доказывать, что многія юридическія отношенія, которыя мы причислили къ приватнымъ гражданскимъ, отнесены въ нихъ къ публичнымъ, государственнымъ; практическіе люди будутъ находить нашъ взглядъ неудобнымъ въ примѣненіи, тѣмъ, которые въ теоріи вовсе не признаютъ государства, нашъ взглядъ покажется слишкомъ идеалистическимъ и мечтательнымъ. Мы думаемъ, однако, что и тѣ, и другіе, и третьи будутъ неправы. Первымъ [illegible] тимъ, что французскіе, прусскіе и [illegible] коны, конечно, говорятъ отчасти [illegible] насъ, но за то англійскіе обращ[illegible] всѣми частными юридическими отно[illegible] которыя на европейскомъ континен[illegible] нито считать публичными, какъ съ [illegible] приватными. Что лучше, правильнѣ[illegible] ссылками на положительныя зако[illegible] ства рѣшить нельзя: тутъ и боль[illegible] голосовъ ничего не поможетъ. Теоре[illegible] вопросъ требуетъ и теоретическаго [illegible] который, разумѣется, долженъ имѣ[illegible] ческое основаніе, потому что теоріи [illegible] товъ возникаетъ и къ нимъ же при[illegible] но теорія не связана тою ихъ фор[illegible] какой они группировались у даннаго [illegible] въ данное время, при данныхъ об[illegible] ствахъ, а беретъ ихъ въ ихъ общ[illegible] ніи, насколько они выражаютъ сам[illegible] ность предмета, безъ историческихъ, [illegible] нальныхъ и мѣстныхъ примѣсей. На[illegible] противъ теоріи, относящейся къ [illegible] права, ссылками на дѣйствующія по[illegible] ложительныя законодательства, было [illegible] убѣдительно уже потому, что послѣд[illegible] ваются, совершенствуются и ни[illegible] тѣмъ измѣняются. Такъ теоріи да[illegible] дія и крѣпостное право и винны[illegible] однако они существовали до послѣд[illegible] довъ и, конечно, никто не скажетъ, [illegible] выводы науки прежде отъ того тера[illegible] перь выиграли. Чтобъ юридическ[illegible] дѣйствительно могли опровергать [illegible] скую теорію, ихъ надобно призывать [illegible] мощь не урывками и клочками, а [illegible] купности, въ томъ видѣ, какими они [illegible] ваются изъ соображенія всѣхъ поло[illegible] ныхъ законодательствъ, и не въ на[illegible] только времени, а въ ихъ истори[illegible] развитіи. Но исторія законодательст[illegible] ритъ въ нашу пользу. Исторія госуд[illegible] наго права представляетъ постепе[illegible] освобожденіе государственныхъ эл[illegible] выдѣленіе ихъ изъ числа прочихъ. [illegible] того какъ это дѣлается, все большую [illegible] шую важность получаетъ вопросъ, [illegible] должны быть взаимныя отношенія [illegible] ственныхъ началъ къ прочимъ. Если [illegible] немъ слѣдить за различными разрѣ[illegible] этого вопроса въ исторической по[illegible] тельности, то изъ нихъ окажется, [illegible] одной стороны понятіе о государств[illegible]

идеальнѣе, болѣе и болѣе возво-
началамъ, принципамъ, которые и
ть его сущность, его характеристи-
ержаніе; съ другой, кругъ граждан-
дическихъ отношеній все расши-
ключая въ себѣ постепенно всѣ
ды внѣшнихъ, личныхъ и имуще-
отношеній между отдѣльными
юридическими лицами, какія бы
по своему значенію ни были, пуб-
ли частныя. Можно сказать, что
жданской образованности народовъ
и этимъ постепенным одухотво-
сударственныхъ элементовъ и рас-
круга гражданскаго права. Наше
льство, сравнительно самое недав-
ставляетъ въ подтвержденіе этой
жество самыхъ убѣдительныхъ до-
въ. Какое другое значеніе имѣетъ
у насъ по всѣмъ отраслямъ го-
наго управленія начало, что госу-
должно заниматься само торгов-
чнымъ, заводскимъ и другими про-
это это дѣло частной предприм-
частныхъ лицъ? Чему другому при-
ѣну безчисленнаго множества ви-
ныхъ людей и крестьянъ, обд-
потомственно работавшихъ, по
домствамъ, на государство? Гдѣ
ть причины постепенной замѣны
ихъ повинностей денежными, тогда
я составляли въ XVII вѣкѣ общее
денежные налоги—изъятіе изъ
томъ довольно рѣдкое? Наконецъ,
ой смыслъ имѣетъ предполагаемое
обыкновенной судебной юрисдик-
ныхъ спорныхъ дѣлъ между каз-
ными лицами, подлежавшихъ до-
нистративному разбирательству, и
вилегій, которыми до сихъ поръ
сь казна передъ частными лицами
отрѣвіи спорныхъ гражданскихъ
нымъ порядкомъ? Постепенное воз-
государственныхъ элементовъ изъ
материальныхъ фактовъ, въ видѣ
они первоначально всюду являются
ій съ другими элементами, на сте-
ъ, принциповъ, идей, всегда бу-
лять интереснѣйшія и поучитель-
рницы не только въ исторіи по-
ыхъ законодательствъ, нашего и
ю и въ исторіи цивилизаціи.

ается до возраженій съ точки зрѣ-
ческихъ удобствъ или неудобствъ,

приложимости или неприложимости нашего взгляда, то они могутъ быть намъ сдѣланы развѣ только по недоразумѣнію. Съ практическими людьми у насъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Дѣло науки — тщательно разсмотрѣть и честно, по крайнему разумѣнію, сказать, что̀ правда и что̀ неправда; претендовать на то, чтобъ ея выводы тотчасъ же были осуществлены въ дѣйствительности, она не можетъ и не должна ни въ какомъ случаѣ. Практическая примѣнимость никогда не зависитъ отъ одной теоретической сущности дѣла, которою исключительно занимается наука, а отъ тысячи временныхъ, измѣняющихся обстоятельствъ, нерѣдко отъ лицъ. Истинное въ научномъ смыслѣ, непримѣнимое сегодня, можетъ быть, окажется примѣнимымъ завтра, послѣ завтра, а можетъ быть и никогда. Напримѣръ, теперешнюю французскую систему народнаго обученія, особливо средняго, а еще болѣе высшаго, мы считаемъ теоретически совершенно ошибочной и ложной; но возможно ли теперь и даже когда-нибудь перемѣнить ее во Франціи на иную, лучшую,—это другой вопросъ, который требуетъ совсѣмъ другихъ соображеній. Очень можетъ быть, что Франціи придется свыкаться съ этой ошибочной системой, что ей никакъ, никогда нельзя будетъ замѣнить ее хорошей. Развѣ это послужитъ доказательствомъ, что послѣдняя хуже, или что она никуда не годится? Итакъ, повторяемъ, съ практиками у насъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Наука можетъ въ практическомъ отношеніи развѣ только освѣтить путь, показать направленіе, по которому надобно идти, а идти или не идти, или, если идти, то какъ именно, — это вовсе не ея дѣло, не ея забота.

Упрекъ, который мы тоже, вѣроятно, встрѣтимъ, что наше возрѣніе на государство слишкомъ идеально, совсѣмъ иного рода. Онъ относится къ теоретической сторонѣ предмета и, слѣдовательно, въ научномъ изслѣдованіи никакъ не можетъ быть обойденъ. Но прежде, чѣмъ станемъ отвѣчать, условимся о чемъ идетъ рѣчь, въ какомъ именно отношеніи нашъ взглядъ можетъ быть названъ идеальнымъ. Въ философіи, изслѣдующей начала, конечныя, безусловныя начала всего существующаго, идеальное направленіе признаетъ самостоятельное духовное начало, какъ источникъ всѣхъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ явленій въ мірѣ; другое на-

правленіе, не отвергая самыхъ явленій, признавая ихъ за фактъ, видитъ въ нихъ однако не дѣятельность самостоятельнаго духовнаго начала, а результатъ взаимодѣйствія частныхъ единичныхъ факторовъ, который мы лишь по недоразумѣнію, ошибкѣ, незнанію или предразсудкамъ, принимаемъ за нѣчто самостоятельное, дѣйствующее по опредѣленіямъ своей собственной сущности. Поднятый на эту высоту, вопросъ объ идеальномъ и не-идеальномъ началѣ очень важенъ въ философіи, но вовсе не важенъ въ такомъ положительномъ изслѣдованіи, какъ наше. Положимъ, было бы доказано съ очевидною ясностью, что государственный организмъ, какъ единое цѣлое, не есть выраженіе самостоятельнаго духовнаго начала, а результатъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ государство слагается, и что это взаимодѣйствіе ихъ, переработываясь и передѣлываясь, послѣ десятой или пятидесятой передѣлки или переработки, принимаетъ, наконецъ, видъ особаго начала. Къ чему, спрашивается, повелъ бы насъ такой результатъ при изслѣдованіи государственнаго и гражданскаго права? Подвинулъ ли бы онъ насъ хоть на іоту при опредѣленіи взаимныхъ отношеній этихъ двухъ вѣтвей юридическихъ наукъ? Нисколько и ни мало! Какой источникъ государственнаго единства, самостоятельное ли духовное начало, или взаимодѣйствіе составныхъ частицъ государства,—это для насъ вопросъ сторонній, вовсе не идущій къ дѣлу. Нашъ вопросъ ставится совсѣмъ иначе. Изслѣдуя юридическія явленія въ государствѣ, мы находимъ, что одни суть прямой результатъ дѣятельности составныхъ единицъ, изъ которыхъ оно слагается, другіе же не могутъ быть объяснены дѣятельностью этихъ составныхъ элементовъ, имѣютъ какой-то другой источникъ. Какой же именно? Что производитъ ихъ? Какой дѣятель? Вглядываясь, мы находимъ, что этотъ дѣятель есть начало государственнаго единства, есть государство, какъ единое органическое цѣлое. Такъ какъ это начало само непосредственно не обнаруживается, а представляется и дѣйствуетъ на внѣшнія юридическія отношенія, называемыя частными, приватными, лишь въ видѣ условій, которыя ихъ проникаютъ, видоизмѣняютъ и опредѣляютъ, то вслѣдствіе этого мы и говоримъ, что государство какъ организмъ есть начало, не отвлеченное, не игра нашего ума, а дѣйствительно существующее, дѣйствительно участвующее въ [illegible] ной жизни, хотя оно и не видимо непосредственно. Вотъ въ чемъ состо юридическій идеализмъ и вотъ смыслѣ мы охотно признаемъ нашу на государство идеальныя. На [illegible] мы готовы принять споръ съ на тивниками. Если они докажутъ, что дическія явленія объясняются одн шеніями частныхъ лицъ, то мы себя побѣжденными и отказемся дическаго идеализма, потому что случаѣ было бы, конечно, совер нужно предполагать существовани тельность особаго начала, которое перь видимъ въ государственномъ Но доказать, что всѣ юридическія объясняются дѣятельностью частны никакъ нельзя. Начало государ единства проникаетъ всѣ юридическ нія, всѣ отношенія частныхъ лиц собою, гораздо больше, полнѣе чт мы обыкновенно думаемъ. Мы встр съ слѣдами его дѣятельности на нашу, сами того не замѣчая, потому даемъ себѣ яснаго отчета въ томъ димъ передъ собою.

Но, спрашивается далѣе, вопросъ существуетъ ли такое особое вли пѣтъ, не есть ли, въ свою очередь, ная отвлеченность, дѣло любозна болѣе или менѣе безплодной и бе ной? Какія въ самомъ дѣлѣ могу практическія послѣдствія отъ того признаемъ существованіе особаго ственнаго начала, или отвергнемъ е или иначе, но явленіе есть; а объясняется, откуда оно идетъ,— этого за дѣло?

Дѣйствительно, такое или друго хожденіе и объясненіе явленія само по себѣ, довольно безразлично люди относились къ явленіямъ такъ средственно, какъ животныя, польз которыя пригодны для удовлетво потребностей, проходя безъ внима остальныхъ и относясь совершенн тельно къ самому ихъ существова нимая его всегда какъ непосред фактъ. Но человѣкъ поставленъ со иначе и къ внѣшней природѣ, и житію, и даже къ самому себѣ. рается приспособить и природу, и тіе, и себя къ извѣстнымъ своимъ

ъ послѣднія могли быть достигнуты
но легче и лучше. Встрѣчая явле-
акты, которые мѣшаютъ или за-
достиженіе предположенной цѣли,
не успокоивается на этомъ, а пы-
ь устранить. Для этого часто доста-
ого простого, непосредственнаго
на что способны и животныя: мы
объ утолить жажду, ѣдимъ, чтобъ
лодъ; но множество явленій и фак-
и устранить такимъ непосредствен-
ствіемъ, а надо для этого сперва
но узнать ихъ свойство, причины,
кругими фактами и явленіями, усло-
которыхъ они возникаютъ, сущe-
счезаютъ и сами становятся при-
къ или другихъ дѣйствій и влія-
е потомъ, узнавъ все это, уяснить
ого рода встрѣченное препятствіе,
ить ли оно къ числу тѣхъ, кото-
имъ образомъ устранить нельзя,
, но съ существеннымъ, времен-
постояннымъ, вредомъ въ другихъ
хъ, по связи этого препятствія съ
мъ другихъ явленій и фактовъ;
ятствіе есть само лишь явленіе,
счезнетъ, когда будутъ устранены
щія его причины, или оно не мо-
устранено вовсе, но дѣйствія его
ть, до извѣстной степени, смяг-
аблены или иначе направлены и
юмъ, только ознакомившись во всей
ти съ свойствами, причинами и
и явленій и фактовъ, дѣлается воз-
опредѣлить ихъ отношеніе къ из-
нашимъ цѣлямъ, желаніямъ и стре-
и сообразно съ тѣмъ прилагать
для устраненія или по-крайней
бленія встрѣченныхъ препятствій,
ко природа ихъ это дозволяетъ.
акомъ смыслѣ человѣкъ способенъ
внѣшней природой самимъ собой,
ствами и условіями своей обще-
жизни, покорить ихъ себѣ, и вотъ
ключается тѣсная связь теорети-
нія съ практическою дѣятельно-
ь человѣкъ въ отдѣльности и цѣлая
такъ и общественная жизнь есть
ъ организмъ, который надобно изу-
ь подробно, чтобъ рѣшить, что въ
но передѣлать, измѣнить, устроить
иначе, приспособляя къ нашимъ
имъ и нуждамъ. Этотъ организмъ
ои начала и законы, свои отправ-
ленія, свои болѣзни; его точно такъ же можно
исказить и разстроить, какъ можно укрѣпить
и развить. Люди могутъ на него дѣйствовать, овладѣть имъ, но не иначе, какъ дѣйствуя на него въ условіяхъ тѣхъ началъ и законовъ, которыми опредѣляется его жизнь и дѣятельность. Глубокое изученіе и знаніе въ этомъ случаѣ такъ же необходимо, какъ врачу у постели паціента. Съ этой то точки зрѣнія, правильное рѣшеніе теоретическаго вопроса о причинахъ и источникахъ явленій общественной жизни представляется неизмѣримо важнымъ и въ практическомъ отношеніи. Относясь къ этимъ явленіямъ такъ же критически, какъ и ко всему остальному, человѣкъ пытается, когда они не удовлетворяютъ его мысли, мѣшаютъ ему въ достиженіи его желаній и цѣлей, приспособить и ихъ, подобно внѣшней природѣ, къ своимъ требованіямъ; но, не зная глубоко началъ и законовъ общественнаго организма, онъ станетъ дѣлать надъ нимъ разные эксперименты, которые случайно могутъ быть и удачны, но въ большинствѣ случаевъ принесутъ несравненно больше существеннаго вреда, чѣмъ относительной пользы. Человѣчество занималось такими экспериментами сотни лѣтъ, пока опытомъ не убѣдилось, что общественность, точно такъ же какъ и природу, нельзя передѣлывать и перекраивать по прихоти. Идя отъ ошибочной посылки, что всѣ юридическія явленія къ государствѣ приводятся къ взаимодѣйствію частныхъ силъ, можно придти къ столько же ошибочному заключенію, что явленія, указывающія на другое начало, другой источникъ, такъ же легко могутъ быть устранены, какъ тысячи случайныхъ наростовъ и временныхъ сочетаній, отъ которыхъ народы освобождаются, поняв ихъ ненужность или вредъ. Какія страшныя послѣдствія и для людей и для народовъ могутъ имѣть такія недоразумѣнія,—этому представляетъ тысячи примѣровъ исторія; она — мученическій, терновый путь къ убѣжденію, что человѣческое общество, какъ всякій живой организмъ, имѣетъ свою анатомію, физіологію и патологію, которыя нужно знать и знать твердо, чтобъ быть искуснымъ медикомъ или хирургомъ, потому что исправленіе и улучшеніе общественнаго быта, приноровленіе его къ нашимъ нуждамъ и желаніямъ, также имѣетъ, какъ и все на свѣтѣ, свои предѣлы въ условіяхъ, законахъ и началахъ общественнаго организма.

Говоря это, мы очень далеки отъ желанія вычеркнуть отрицательное направленіе изъ науки. Отрицаніе юридическаго идеализма, и въ теоретическомъ знаніи, и въ жизни, безспорно имѣетъ свое очень важное значеніе: результаты, добываемые подъ его вліяніемъ, всегда плодотворны. Оно освѣжаетъ и очищаетъ взгляды, не даетъ успокоиться на односторонпемъ и узкомъ догматизмѣ, вызываетъ болѣе глубокую критику началъ и явленій. Вотъ его несомнѣнныя заслуги. Въ исторіи оно является всегда въ тяжкія эпохи порожденія мысли и общества, когда существующіе научные взгляды и условія общественной жизни оказываются неудовлетворительными, а новые еще не обозначились ясно ни въ сознаніи, ни въ дѣйствительности. Отрицаніемъ идеальныхъ началъ именно и выражается минута разложенія и броженія: но зато, съ появленіемъ новыхъ синтетическихъ ученій или новаго общественнаго быта, оно исчезаетъ, какъ всякое отрицаніе, способное не творить, а только возбуждать и направлять творческую, зиждительную дѣятельность. Придавать ему значеніе самостоятельнаго ученія, видѣть въ немъ догму и синтезъ, значитъ не понимать его настоящаго призванія и роли въ наукѣ и въ исторіи. Только противъ этого недоразумѣнія мы и споримъ.

Возвратимся къ нашей задачѣ. Государственное право не стоитъ на одной доскѣ съ гражданскимъ, и потому они, конечно, различаются, но нельзя противополагать ихъ другъ другу. Итакъ, частное, приватное, не будучи противоположно публичному, общественному, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться характеристическимъ признакомъ гражданскаго права, не опредѣляетъ ни его содержанія, ни его предѣловъ.

III.

Многіе не довольствуются опредѣленіемъ, что гражданское право имѣетъ предметомъ частныя, приватныя юридическія отношенія. Имъ кажется, что оно еще не вполнѣ характеризуетъ гражданское право, и мы видѣли, что они совершенно правы, болѣе, чѣмъ кажется, даже болѣе, чѣмъ они сами подозрѣваютъ. Желая дополнить характеристику юридическихъ отношеній, принадлежащихъ къ гражданскому праву, они находятъ, что эти отношенія создаются индивидуальною личною волею, и потому считаютъ гражданское право областью личной свободы изволенія, въ противоположность общественному, которое, будто бы есть область законныхъ опредѣленій и созданныхъ необходимости. Такъ ли это? Вотъ что слѣдуетъ теперь разсмотрѣть.

Если гражданское право, гражданскія отношенія произведеніе индивидуальной воли, то всѣ они должны устанавливаться, слагаться и оканчиваться по личному усмотрѣнію каждаго, по крайней мѣрѣ тѣ, которыми такія отношенія существенно требуетъ логика, строгое послѣдовательное проведеніе высказаннаго общаго начала. Однако на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Личное усмотрѣніе, и въ гражданскихъ юридическихъ отношеніяхъ, ограничено, съ одной стороны, многочисленными опредѣленіями закона и признается дѣйствительнымъ, имѣетъ юридическую силу и обязательность только подъ условіемъ соблюденія этихъ опредѣленій. Такъ, я бы хотѣлъ продать свою карику, домъ или другую недвижимость посредствомъ простой сдѣлки съ покупщикомъ, но законъ требуетъ, чтобъ эта сдѣлка непремѣнно была совершена крѣпостнымъ порядкомъ. Я хотѣлъ занять деньги у знакомаго по 6 процентовъ въ годъ, потому что это выгодно по моимъ дѣламъ, очень выгодно для меня, но не позволяетъ брать болѣе 6-ти процентовъ въ годъ съ капиталовъ, отдаваемыхъ подъ залогъ. Я еврей и хотѣлъ бы жениться на христіанкѣ, и она на это согласна, но законъ запрещаетъ такіе браки. Итакъ въ области гражданскія юридическія отношенія имѣютъ своимъ условіемъ индивидуальной воли, надобно въ каждомъ случаѣ, принимать эту характеристику съ важными ограниченіями и помнить, что въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ и не можетъ быть ни одного юридическаго отношенія, которое бы не подпадало подъ законныя опредѣленія.

Но даже и съ такою оговоркой, такомъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, эта характеристика не вѣрна. Гражданское право состоитъ исключительно изъ однихъ частныхъ отношеній, создаваемыхъ волею частныхъ лицъ, хотя бы подъ опредѣленіями закона: рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ въ томъ же гражданскомъ правѣ многихъ, совсѣмъ съ инымъ характеромъ, свойствами. Чтобъ доказать это, пере-

гражданскаго права въ теперешнемъ составѣ
съ имущественныхъ или вещныхъ
Между ними, дѣйствительно, есть
ваемыхъ, продолжающихся и оканчивающихся по нашему личному, индивидуальному усмотрѣнію; таковы, въ большей части случаевъ, собственность; таковы многія отношенія, причисляемыя къ сервитутамъ; таковы арендныя права, таковъ, отчасти, залогъ и закладъ. Но, за исключеніемъ арендныхъ отношеній, во всѣхъ прочихъ разрядахъ и категоріяхъ найденныхъ и такихъ вещныхъ правъ, которыя появляются, продолжаются и исчезаютъ помимо личной воли, въ силу другихъ законовъ и основаній.

собственности, не говоря уже о добровольномъ выкупѣ ея на общеполезныя нужды, по началу, продолженію и концу зависѣть, напримѣръ, отъ спора о размежеваніи. Съ какимъ бы уваженіемъ къ неприкосновенности владѣльческихъ правъ оно ни производилось, но подобные могутъ всегда встрѣчаться и обыкновенно встрѣчаются случаи крайней, неотложной необходимости, когда владѣльца можетъ, противъ его воли, разстаться съ участкомъ, или съ своими участками, и вмѣсто нихъ, другіе. Положимъ, что совладѣльцы общей дачи хотятъ разойтись къ однимъ мѣстамъ, только одинъ изъ нихъ не хочетъ. Что съ нимъ дѣлать! Въ такомъ случаѣ принуждаютъ; если же онъ отказывается отъ размежеванія, то ему приходится довольствоваться тѣмъ, что ему досталось. Во всѣхъ такихъ случаяхъ существующая собственность прекращается, но возникаетъ административнымъ или судебнымъ порядкомъ, помимо воли владѣльцевъ, которые могутъ замѣтить, что эта новая собственность есть какъ бы продолженіе прежней собственности это можетъ быть дѣйствительно такъ, но юридически ни въ какомъ случаѣ прежнее поземельное владѣніе и новообразовавшееся послѣ размежеванія,—это разныя собственности, потому что участки ихъ—разные поземельные участки; они не мѣняются своими землями безъ остатка ровно на ровно, у каждаго остается, конечно, то же, что и было, но для обоихъ собственность кончилась и начались; то же происходитъ и при снесеніи размежеванной общей дачи. Вотъ, слѣдовательно, одинъ изъ случаевъ, когда право собственности можетъ прекращаться и установляться безъ участія нашей воли.

Сервитуты, въ буквальномъ смыслѣ служебности, называются такъ потому, что состоятъ въ ограниченіи права собственности, которая чрезъ это становится въ положеніе зависимости и какъ бы служебности. Такія ограниченія дѣлаются или въ пользу лица, или въ пользу недвижимости, вслѣдствіе чего не только лицо, но даже вещь, именно недвижимое имущество, какъ будто пріобрѣтаютъ господство надъ вещью, которая, однако, не составляетъ ихъ собственности. Само собою разумѣется, что господство вещи надъ вещью, служебная зависимость послѣдней отъ первой, не должны быть принимаемы буквально; это только метафора, только иносказаніе, которыми выражается, что чужая вещь и въ этомъ случаѣ, конечно, служитъ тоже постороннему лицу, но только когда оно—хозяинъ или владѣлецъ извѣстной недвижимости, въ той только мѣрѣ, на сколько онъ, этотъ посторонній, есть владѣлецъ или собственникъ извѣстнаго недвижимаго имѣнія; послѣднему потому и приписывается метафорически господство надъ служебною, зависимою вещью: такъ, напримѣръ, когда владѣльцу извѣстной дачи принадлежитъ право пользоваться лѣсомъ въ другомъ, чужомъ участкѣ, то это право установляетъ какъ бы зависимость, служебность лѣснаго участка отъ дачи, потому что право принадлежитъ, конечно, не дачѣ, а лицу, но лицу только въ той мѣрѣ, какъ оно владѣетъ дачею, съ которой соединено право въѣзда въ чужой лѣсъ на другомъ участкѣ. Сервитуты личные (въ пользу лица) и вещные (въ пользу недвижимости въ объясненномъ смыслѣ) очень часто установляются частными сдѣлками, завѣщаніями, словомъ, волею частныхъ лицъ, но столько же часто, если не чаще, общимъ закономъ, помимо индивидуальной воли. Сюда въ особенности принадлежитъ наибольшая часть безчисленныхъ родовъ и видовъ публичнаго пользованія чужими недвижимостями. Безъ сомнѣнія, можетъ случиться, что частное лицо, владѣлецъ, откроетъ для публики свою библіотеку, картинную галлерею, музеумъ, садъ: но обыкновенно мѣста назначаются для публичнаго пользованія въ силу общихъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій: такимъ образомъ, правительство объявляетъ рѣки

судоходными или сплавными; отводитъ къ нимъ бечевники, прокладываетъ дороги; проводитъ каналы и т. п. Къ этому надобно еще прибавить, что множество административныхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ въ видахъ общей пользы, для сохраненія здоровья жителей, личной и имущественной безопасности, для поддержанія добрыхъ нравовъ и т. п., часто ограничиваютъ права собственности въ пользу сосѣда или въ пользу публики и этимъ нерѣдко создаютъ личные или вещные сервитуты, безъ участія индивидуальной воли заинтересованныхъ лицъ: такъ, общимъ закономъ запрещено поднимать запруду мельницы выше извѣстной мѣры, чтобъ не повредить имѣніямъ, лежащимъ выше, по теченію той же рѣки; запрещено, въ извѣстное время года, запирать луга, чтобъ не лишить прогоняемыхъ гуртовъ подножнаго корма; запрещено продѣлывать окна на сосѣдній дворъ и т. п. Вотъ цѣлый, многочисленный разрядъ сервитутовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ не частной волѣ, а общимъ законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ.

Залогъ и закладъ, какъ обезпеченіе платежей и выполненія разныхъ другихъ обязательствъ и сдѣлокъ, установляется обыкновенно или особымъ договоромъ между залогодателемъ или залогопринимателемъ, или по крайней мѣрѣ особымъ условіемъ, включеннымъ въ договоръ, исполненіе котораго обезпечивается закладнымъ правомъ; но кромѣ такихъ залоговъ и закладовъ, существуетъ много другихъ, установляемыхъ судебными приговорами въ обезпеченіе иска; есть залоги и заклады, существующіе не только безъ всякаго участія воли приватныхъ лицъ, но даже и безъ всякаго распоряженія со стороны правительства, силою самаго закона; послѣдніе простираются не только на извѣстные, закономъ заранѣе опредѣленные предметы, но даже на все имущество должника, движимое и недвижимое. Такъ, по римскому праву, состоящій подъ опекою имѣетъ, по закону, закладное право на то, что будетъ пріобрѣтено другимъ на его деньги; казна—на все имущество своего должника, въ обезпеченіе уплаты податей или выполненія заключенныхъ съ нею договоровъ. Не будемъ здѣсь разсматривать, въ какой степени существованіе такого подразумѣваемаго, въ силу закона существующаго, общаго закладного права хорошо или дурно, или въ какой мѣрѣ правильно давать [illegible] чтеніе передъ другими закладчика[illegible] на тѣ же вещи, основанными на [illegible] и сдѣлкахъ; для нашей цѣли дост[illegible] жать, что есть закладныя права, у[illegible] мыя не волею частныхъ лицъ, а [illegible] щія помимо ея, въ силу судебнаго [illegible] нія или закона.

Возьмемъ, далѣе, семейное пр[illegible] мающее, по общепринятой систе[illegible] жескій союзъ, родительскую вл[illegible] стественную и гражданскую, возникающ[illegible] усыновленіе, союзъ родственный, [illegible] попечительствомъ надъ малолѣтн[illegible] совершеннолѣтними и всѣ личныя [illegible] ственныя права и обязанности, на[illegible] ванныя. Вглядываясь внимательно [illegible] отдѣлы семейнаго права, можно по[illegible] сказать, что въ каждомъ изъ нихъ [illegible] опредѣленія преобладаютъ надъ [illegible] лею, и что, вслѣдствіе того, юриди[illegible] ношенія семейнаго права возника[illegible] должаются или прекращаются гор[illegible] ше и чаще на основаніи закона, [illegible] ствіе воли частныхъ лицъ, между [illegible] эти отношенія существуютъ. Семей[illegible] отъ начала до конца, такъ прон[illegible] чаломъ необходимости, что для ли[illegible] извола остается очень мало простор[illegible] сается само собою въ глаза. Бракъ, [illegible] есть, конечно, дѣло индивидуальной [illegible] ниха и невѣсты, но продолженіе [illegible] щеніе супружества, смотря по зак[illegible] ствамъ и началамъ, принятымъ в[illegible] основаніе, или вовсе не зависитъ [illegible] наго усмотрѣнія, или же зависитъ [illegible] ограниченной степени, такъ что [illegible] хотя бы и обоюдное, обоихъ супр[illegible] ваться въ бракѣ, можетъ вести [illegible] щенію брачнаго союза только в[illegible] ныхъ условіяхъ, именно означенн[illegible] конѣ. Родительская власть естест[illegible] никающая чрезъ рожденіе, а не у[illegible] начинается, продолжается и пр[illegible] совершенно независимо отъ на[illegible] точно такъ же и союзъ родственны[illegible] его послѣдствіями. Наконецъ, о[illegible] со всѣми ея юридическими пос[illegible] установляется или частною волею [illegible] вительствомъ; званіе опекуна е[illegible] ная должность, отъ которой можн[illegible] ся только на основаніи законныхъ

Какъ всѣ эти основанія семей[illegible] такъ и большая часть юридическ[illegible]

отношеній, личныхъ и имущественныхъ, которыя находятся съ ними въ связи, къ продолженію и концу, опредѣляемыхъ не личнымъ произволомъ, а закономъ. Мужъ обязанъ содержать жену, содержать и воспитывать дѣтей, дѣти обязаны бѣдныхъ, престарѣлыхъ или больныхъ родителей, опекунъ—отвѣчаетъ малолѣтнимъ за цѣлость, сохранность, хорошее управленіе его имущества. И эти обязательства существуютъ не по силѣ особаго договора или условія, а по силѣ закона, какъ только существуютъ между лицами отношенія семейнаго права, къ которымъ они относятся.

Такъ, семейное право, на основаніи одного закона, безъ всякаго участія лицъ, создаетъ множество гражданскихъ обязательствъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что наше законодательство, положительно запрещая всякое имущественное общеніе супруговъ и разсматривая мужа и жену, въ имущественномъ отношеніи, какъ вполнѣ самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга лица, не знаетъ никакихъ особыхъ формъ вещныхъ правъ и обязательствъ, существующихъ тоже въ силу закона, безъ участія личнаго произвола, какъ мы встрѣтимъ тамъ по нѣкоторымъ другимъ европейскимъ законодательствамъ.

Тоже самое, хотя, конечно, въ меньшей степени, найдемъ и въ наслѣдственномъ правѣ. Завѣщаніе установляетъ права на наслѣдство по волѣ умершаго; но право наслѣдства безъ завѣщанія существуетъ въ силу закона, помимо воли умершаго, даже противно его волѣ, именно, когда послѣдняя не согласна съ закономъ.

Перейдемъ теперь къ самому важному отдѣлу гражданскаго права,—къ отношеніи къ которому, который насъ занимаетъ, къ обязательствамъ. Мы нарочно приберегли ихъ напослѣдокъ, потому что о нихъ нужно сказать многое. Обязательство именно и есть та область гражданскаго права, которая должна считаться самымъ главнымъ и будто бы неоспоримымъ подтвержденіемъ истины, что гражданскія отношенія исключительно создаются индивидуальною волей, личнымъ произволомъ; обязательства собственно и подали первый поводъ къ такому взгляду на гражданское право, потому что съ понятіемъ объ обязательствахъ всегда связывается представленіе о такого рода юридическихъ отношеніяхъ, которыя не иначе возникаютъ, какъ вслѣдствіе выраженія нашей воли; гдѣ же его нѣтъ, тамъ, говорятъ, нѣтъ и гражданскаго обязательства. Еслибы это и дѣйствительно было такъ, то все же не было бы еще достаточнаго основанія считать всѣ гражданскія юридическія отношенія вообще основанными на частной волѣ, на личномъ произволѣ. Кромѣ обязательствъ, есть еще много разныхъ другихъ гражданскихъ юридическихъ отношеній, и только что сейчасъ было показано, сколько ихъ установляется закономъ, помимо нашей воли. Но мы пойдемъ гораздо дальше и скажемъ, что воля не есть единственное основаніе и самихъ гражданскихъ обязательствъ; что она не составляетъ единственнаго ихъ основанія даже по римскому праву, на которое, въ этомъ случаѣ, такъ охотно ссылаются.

По римскому праву, обязательства можно раздѣлить на три группы. Къ первой слѣдуетъ отнести договоры и условія всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Здѣсь участіе воли состоящихъ въ обязательствѣ, на установленіе взаимныхъ юридическихъ отношеній очевидно, и не подлежитъ сомнѣнію. Вторая группа будетъ обнимать обязательства, возникающія изъ нанесенія ущерба или убытковъ. За ущербъ и убытки нанесшій ихъ долженъ дать тому, кто ихъ потерпѣлъ, справедливое вознагражденіе: это-то и рождаетъ своего рода гражданскія обязательства. Смотря по свойству и характеру виновнаго дѣйствія они бываютъ очень различны, но всѣ, очевидно, возникаютъ при участіи воли того, кто обязанъ дать вознагражденіе. Кромѣ обязательствъ, принадлежащихъ къ этимъ двумъ группамъ, есть еще множество другихъ юридическихъ отношеній, которыя имѣютъ всѣ свойства и юридическія послѣдствія обязательствъ, но не возникаютъ ни изъ договора, ни изъ нанесенія ущерба или убытковъ, а существуютъ по разнымъ другимъ основаніямъ. Эти обязательства для насъ здѣсь особенно интересны, и потому мы разсмотримъ ихъ подробнѣе.

Прежде всего замѣтимъ, что уже сами римскіе юристы уподобляли контрактамъ многія обязательства, имѣвшія весь характеръ и всѣ юридическія послѣдствія договоровъ, однако не основанныя на договорѣ, и называли ихъ quasi contractus, какъ бы договоры. Сюда принадлежали: 1) negotia gesta, исполненіе какого-нибудь дѣла, имѣющаго матеріальный, вещественный характеръ, за дру-

того, безъ порученія съ его стороны, но разумѣется не вопреки его положительному запрещенію. Если такое исполненіе было въ полной мѣрѣ старательное и исполняющій лицъ, что дѣйствуетъ за другого и имѣлъ цѣлью установить своимъ дѣйствіемъ обязательство, то такое исполненіе дѣла за другого имѣло такія же юридическія послѣдствія, какъ будто бы исполняющій дѣйствовалъ по порученію. Поэтому, если кто, напримѣръ, хоронилъ умершаго на свои счетъ, то имѣлъ право требовать возвращенія себѣ издержекъ на погребеніе, какъ будто бы онъ устроилъ похороны по порученію умершаго. Тутъ обязательство установляетъ дѣйствительно оказанная услуга, самому лицу или его роднымъ, наслѣдникамъ и т. п., безъ всякаго предварительнаго договора или условія. 2) Arbitrium s. judicium tutelae. Объ этого рода отношеніяхъ мы уже говорили выше. По окончаніи опеки, между опекуномъ и состоявшимъ подъ его опекою возникаетъ обязательство, какъ будто бы основанное на договорѣ хотя никакого договора между ними не было. Въ силу этого, какъ бы договорнаго обязательства, состоявшій подъ опекою имѣетъ право требовать отъ бывшаго своего опекуна отчета по управленію имѣніемъ и возвращенія послѣдняго въ исправности, а опекунъ можетъ искать вознагражденія за издержки по управленію имѣніемъ бывшаго малолѣтняго сдѣланныя имъ изъ своего кармана. Въ этомъ случаѣ, самый фактъ существованія опеки есть основаніе обязательства. 3) Общая собственность и 4) общее владѣніе сонаслѣдниковъ доставшимся имъ имуществомъ. При выдѣленіи каждому изъ собственниковъ или наслѣдниковъ слѣдующей ему части изъ общей собственности или изъ наслѣдства, возникаютъ между ними взаимныя требованія и обязательства. Какое ихъ основаніе? Никакого предварительнаго договора или условія между ними не было; они только были сообща собственниками или совладѣльцами; но общая собственность, владѣніе сообща наслѣдствомъ есть источникъ ихъ обязательныхъ отношеній между собою, какъ будто бы они состояли въ договорѣ. И такъ, общая собственность, общее владѣніе наслѣдствомъ, играютъ здѣсь роль договора. 5) Нерѣдко случается, что умирающій, предоставляя послѣ себя имущество наслѣдникамъ по закону, или по завѣщанію, возлагаетъ на нихъ обязанность сдѣлать выдачу или издержку изъ наслѣдства въ пользу стороннято, третьяго лица, въ пользу благотворительнаго заведенія и т. п. Такіе отказы (legatum) не дѣлаютъ тѣхъ, за кого они назначены, наслѣдниками, а даютъ имъ право требовать отъ наслѣдниковъ выдачи имъ того, что отказано. Отказы въ пользу умершимъ, разумѣется, если они отказы правильны, не противорѣчатъ закону, обязательны для наслѣдниковъ. Они для права тѣхъ, въ чью пользу отказаны, обращаться съ такими требованіями къ наслѣдникамъ, служитъ распоряженіе умершаго; оно установляетъ между наслѣдниками и тѣмъ, кому сдѣланъ отказъ, обязательство, похожее на договоръ, хотя никакого договора между ними не было. 6) Indebiti или ex causa indebiti solutio s. dictio. Когда, вслѣдствіе ошибки, безъ всякаго юридическаго основанія, произведена уплата или отдана какая-нибудь вещь, то уплатившій или отдавшій имѣетъ право требовать ее себѣ обратно. Основаніемъ этого права требовать и обязанности возвратить служитъ не контрактъ, а самый фактъ ошибочной уплаты или выдачи, не имѣвшій юридическаго основанія; одинъ обогатился на счетъ другого несправедливымъ образомъ, это обстоятельство играетъ роль какъ будто правильнѣе, можетъ быть было бы сказать, что оно играетъ роль нанесенія убытковъ; но добровольная уплата и добровольная отдача заставили, вѣроятно, римлянъ уподобить этотъ фактъ договору или проступку.

Вотъ по римскому праву разные случаи будто контрактовъ. Современные юристы, желая подвести ихъ подъ одно общее начало, находятъ, что они основаны на договорѣ, на одностороннемъ изъявленіи воли, на томъ, что имѣетъ обязательное отношеніе не вслѣдствіе лишь послѣдствіемъ; но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, потому что если его принять, то оно объяснитъ только нѣкоторые виды quasi contractus, но не всѣ. Фактическое оказаніе услуги, возвращеніе добровольно отданнаго или уплаченнаго, общая собственность между наслѣдникомъ и тѣмъ, въ чью пользу сдѣланъ отказъ, даже разсчеты по наслѣдству, когда послѣднее достается по завѣщанію,—все это съ перваго взгляда будто вправду объясняется дѣйствіемъ оказавшаго услугу, заплатившаго или отдавшаго неправильно, и завѣщателя; можно,

что эти лица, актомъ своей воли, исленныя юридическія отношенія, ренія ихъ создать; но разсчеты ме- ным и бывшимъ подъ его опекою, совладѣльцевъ общей собственности дѣлѣ, разсчеты сонаслѣдниковъ при бщаго наслѣдства, когда оно доста- акону, а не по завѣщанію,—какъ происхожденіе этихъ обязательствъ дивидуальной воли? Никакое выра- ем имъ не предшествовало, развѣ кимъ, что разсчеты между опекуномъ ъ подъ его опекою бываютъ только лучахъ, когда опекунъ назначенъ нію, а разсчеты между совладѣль- раздѣлѣ общей собственности— гда послѣдняя куплена или иначе на самими совладѣльцами сообща, нужны невѣроятныя усилія, нуж- гать къ невозможнымъ и нелѣпымъ женіямъ, чтобы подвести всѣ рим- contractus подъ начала дозволен- сторонняго изъявленія воли, создаю- ательства какъ будто нечаянно, во лучаѣ непреднамѣренно. Даже и тѣ которыя, повидимому, подъ него ь, имъ объясняются, на самомъ дѣлѣ ъ совсѣмъ изъ другихъ основаній. приведенныхъ примѣровъ видно, что uasi contractus одинаково могутъ су- ть и при участіи индивидуальной безъ ея участія. Будетъ ли общая ость пріобрѣтена сообща самими ея ами, которые дѣлятся между собою, , учредится ли опека завѣщаніемъ, у или по распоряженію правитель- тается ли наслѣдство сообща нѣ- ъ наслѣдникамъ по завѣщанію или щанія—это все равно; во всякомъ ущность обязательствъ, въ силу ко- происходятъ разсчеты по опекѣ и при общей собственности и общаго на- будетъ одна и та же, разницы въ окажется рѣшительно никакой, и по- правѣ заключить, что участіе воли ія этихъ обязательствъ, если оно и все не существенно, не играетъ глав- и именно поэтому можетъ быть, не быть. Но при ближайшемъ раз- оказывается, что точно такую же частъ индивидуальная воля и въ обя- рахъ, возникающихъ изъ дѣйстви- казанной услуги и изъ ошибочной или ошибочной отдачи вещи. Всякая дѣйствительная матеріальная вещественная услуга, хотя бы и совершенно неумышленная, непреднамѣренная, сдѣланная по ошибкѣ, безъ сомнѣнія, устанавляетъ такое же обязательство, какъ и оказанная съ сознаніемъ и цѣлью услужить; такъ, если посторонній, по ошибкѣ или недоразумѣнію, и вовсе обо мнѣ не думая, заплатитъ за меня долгъ, то для меня столько же будетъ обязательно возвратить ему сдѣланную имъ въ мою пользу издержку, какъ если бы мой знакомый или пріятель, чтобы остановить продажу съ публичнаго торга моего имѣнія, заложеннаго въ сохранной казнѣ, поспѣшилъ внести изъ своихъ денегъ слѣдующіе съ меня недоимочные платежи. Что касается до права требовать возвращенія отданнаго или уплаченнаго безъ юридическаго основанія, то и оно не вытекаетъ именно изъ акта отдачи или уплаты, а изъ болѣе общаго начала, въ силу котораго, несправедлива всякая выгода, полученная однимъ въ ущербъ другого, и несправедливъ всякій ущербъ, понесенный однимъ отъ корысти другого. Въ римскомъ правѣ это начало прямо выражено словами: bono et aequo non conveniat, ant luclari aliquem cum damno alterius aut damnum sentire alterius lucrum, и служитъ основаніемъ обязательствъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ несправедливо получитъ выгоду на счетъ другого вслѣдствіе естественнаго, физическаго факта, безъ всякаго участія воли; такъ, когда двѣ вещи, принадлежащія разнымъ хозяевамъ, соединятся сами собою такимъ образомъ, что отдѣлить ихъ одну отъ другой невозможно, а между тѣмъ, по началамъ гражданскаго права, владѣлецъ одной вещи дѣлается, вслѣдствіе этого, хозяиномъ обѣихъ, то другой владѣлецъ, потерявшій право собственности на свою вещь, можетъ требовать отъ перваго вознагражденія. Положимъ, напримѣръ, что рѣка, составляющая живое урочище между двумя частными владѣніями, перемѣнила русло, такъ что чрезъ это одно владѣніе увеличилось, а другое уменьшилось; по римскому праву, тотъ, чье владѣніе увеличилось, становится собственникомъ участка, который прибавился къ его владѣнію, но хозяинъ другого владѣнія, уменьшившагося въ объемѣ, имѣлъ право требовать отъ перваго вознагражденія за эту прибыль. Пока у насъ существовало крѣпостное право, такой же случай встрѣчался, когда крѣпостные, принадлежавшіе разнымъ господамъ, во время

бѣговъ, вступали между собою въ бракъ; при возвращеніи ихъ господамъ, жена становилась крѣпостною того владѣльца, кому принадлежалъ мужъ, а бывшій ея владѣлецъ получалъ вознагражденіе. Въ обоихъ этихъ примѣрахъ воля совсѣмъ не участвуетъ въ установленіи обязательствъ (воля крѣпостныхъ, какъ извѣстно, юридически не признавалась), а они, по существу своему, ничѣмъ не разнятся отъ обязательства возвратить неправильно полученное или уплаченное. Все это доказываетъ, что дозволенное дѣйствіе, имѣющее обязательство не цѣлью, а лишь послѣдствіемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основаніемъ этого обязательства; оно тогда только можетъ считаться источникомъ права или юридическаго отношенія, когда къ тому направлено, чтобы произвести ихъ; когда же выраженіе воли вовсе не къ нимъ относится, то она можетъ быть только поводомъ, косвеннымъ, побочнымъ обстоятельствомъ; называя извѣстное выраженіе воли основаніемъ извѣстнаго права или юридическаго отношенія, мы всегда при этомъ подразумѣваемъ, что между актомъ воли и правомъ или юридическимъ отношеніемъ существуетъ необходимая внутренняя связь: а если такой связи нѣтъ, то мы видимъ въ дѣйствіи не основаніе, не источникъ, не причину его, а случайный фактъ, который вызываетъ дѣятельность настоящей, истинной причины, или же видимъ въ дѣйствіи только признакъ, указывающій на существованіе причины, которую мы иногда не знаемъ. Поэтому, замѣчая извѣстное правильное соотношеніе между такими-то нашими дѣйствіями и появленіемъ такихъ-то правъ или юридическихъ отношеній, но не видя между тѣми и другими внутренней, необходимой связи, мы должны, по правиламъ здравой логики, заключить, что между дѣйствіемъ и возникшимъ послѣ него правомъ или отношеніемъ есть посредствующее, соединительное звено, или, можетъ быть, нѣсколько звеньевъ, въ которыхъ скрывается дѣйствительная причина, основаніе, источникъ возникшаго права или юридическаго отношенія. Выстрѣлъ изъ ружья всегда сопровождается дымомъ; между дымомъ и выстрѣломъ есть, стало быть, извѣстное правильное соотношеніе; но это, само по себѣ, еще не уполномочиваетъ васъ заключить, что дымъ есть причина выстрѣла. Одинъ, многіе или даже всѣ владѣльцы общей дачи выразили желаніе размежеваться. Положимъ, что

это желаніе не вызвано общею [illegible] вительства, а есть свободное, [illegible] ное изъявленіе воли совладѣльце[в] ли мы сказать, что расчеты, разд[ѣлы] подобныя отношенія, возникающі[е] ними вслѣдствіе спеціальнаго ра[зд]ѣ[ла] ихъ дачи, суть результатъ выраже[нія] воли? Очевидно нѣтъ! Послѣдняя, [сама] себѣ, ни въ какомъ случаѣ не про[изво]ди[тъ] между ними юридическихъ отноше[ній], бы они не были участниками въ об[щей] и такъ, общее владѣніе, а не выр[аженная] ли есть, въ этомъ случаѣ, источ[никъ] ваніе юридическихъ отношеній, [возни]кающихъ между совладѣльцами вслѣ[дствіе] межеванія, а выраженное ими жел[аніе] жить только поводомъ, который [вызы]ваетъ, что они, по общей дачѣ, уже [не] между собою въ обязательныхъ отно[шеніяхъ] основанныхъ не на договорѣ, а на [фактѣ] владѣнія. Послѣднее и есть какъ бы [существу]ющее, соединительное звено [между] томъ ихъ воли и возникающими [изъ] обязательными отношеніями. То же [должно] сказать о разсчетѣ между опекуном[ъ] шимъ у него въ опекѣ, по ея окон[чаніи]; разсчетъ между совладѣльцами на[слѣдства] при его раздѣлѣ; во всѣхъ этихъ [случаяхъ] не выраженіе воли, а существующій [фактъ] существованіе общаго наслѣдства, [совмѣстно] образомъ они ни возникли, служатъ [основа]ніемъ обязательствъ. Другой при[мѣръ]: стадо вытравило лугъ у сосѣда, и я [обязанъ] заплатить ему убытки: не я вытравил[ъ], я даже не пускалъ стада нарочно [на] стокъ сосѣда, чтобы причинить ему [убытки]; это сдѣлалось помимо меня, не то[лько] всякаго злого умысла съ моей стороны, [но] безъ моего вѣдома; моя вина въ [томъ], мнѣ слѣдовало принять дѣйствитель[ныя мѣры], чтобы мое стадо не заходило въ [чужія] дѣнія и не могло нанести ущерба; [но] я былъ неосторожень и потому [отвѣтенъ] передъ сосѣдомъ. И такъ, обязанн[ость] вознагражденіе можетъ имѣть различ[ныя основа]нія: или я прямо, съ умысломъ, [намѣ]реніемъ, корыстнымъ или злостным[ъ] велъ вредъ или убытки посредство[мъ] няго животнаго; въ этомъ случаѣ об[язанность] дать вознагражденіе есть прямое [слѣдствіе] моего недозволеннаго дѣйствія; или [чужое] машнее животное нанесло ущербъ [вслѣдствіе] моей неосторожности, или оплошно[сти] примѣръ, не имѣлъ пастуха при [себѣ].

днее бродить безъ надзора, и
рая вина опредѣляется ближай-
мъ моею обязанностью прини-
ктельныя мѣры, чтобы принадле-
вещи не наносили никому вреда
безъ этой обязанности я бы не
ть за потраву, если не произ-
умысломъ; а дѣйствуй я съ умы-
бы все равно, чьимъ бы я ста-
равилъ лугъ, своимъ или чужимъ;
ерномъ случаѣ при моей оплош-
виненію меня привходитъ еще
сть наблюдать за моими домаш-
ыми; нарушеніе ея и есть при-
икъ моей отвѣтственности; вы-
обязанность, никакъ нельзя свя-
занесенныи моимъ стадомъ безъ
, съ обязанностью платить за

го посредствующее, связующее
кается часто изъ виду при из-
причинъ или основаній обяза-
огда дозволенное дѣйствіе не
ю, а только послѣдствіемъ, обя-
ношеніе, когда недозволенное
ршено не тѣмъ, кто за него от-
кимъ образомъ могутъ они быть
нованіемъ обязательства, сами
ъ такого посредствующаго, свя-
ка? А въ послѣднемъ очень ча-
ся не индивидуальная воля, а
-нибудь обстоятельство, котораго
емъ, и потому, пропуская его,
ѣ ошибочному заключенію, что
всегда, во всякомъ случаѣ, есть
точникъ обязательства.

римскихъ юристовъ надобно ска-
и не думали подводить юриди-
ошенія, уподобленныя ими кон-
дъ какое бы то ни было общее
ъ дѣлаемъ мы теперь. Стоитъ
тельно взглянуть на quasi con-
ы въ этомъ убѣдиться. Quasi
мѣстѣ взятые, не представляютъ
матическаго, цѣлаго; есть много
ательствъ, которыя бы подошли
ъ нельзя лучше, но не включены
о только вслѣдствіе историче-
ностей римскаго права; таковы,
ношенія, возникающія между
адѣльцами по возстановленію
ъ или границъ; таково право
ъ совершенно посторонняго, не
ъ нами ни въ какомъ обязатель-

ствѣ, чтобы онъ показалъ или представилъ извѣстную вещь, которая у него или въ самомъ дѣлѣ находится, или только предполагается, тому, кто имѣетъ на нее право или основываетъ на ней какое-нибудь право, въ противномъ же случаѣ заплатить убытки, которые повлечетъ за собою отказъ исполнить требованіе; таково право требовать отъ хозяина вещи, чтобы онъ показалъ ее по случаю какого-нибудь юридическаго отношенія не съ нимъ, а съ третьимъ лицомъ; таковы обязательства, о которыхъ мы уже упоминали, именно возникающія между двумя или нѣсколькими лицами, когда принадлежащія имъ въ собственность вещи, безъ ихъ предварительнаго соглашенія, соединятся и образуютъ вмѣстѣ новое, нераздѣльное цѣлое; таковы отношенія, возникающія по разложенію убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе выбрасыванія части груза въ море, для облегченія судна во время бури и кораблекрушенія; таково право требовать прохода и проѣзда чрезъ владѣніе частнаго лица, когда дорога, лежащая по сосѣдству, стала, по какому-нибудь случаю, непроходна и непроѣздна, и т. п. Всѣ эти и подобныя имъ права и отношенія тоже не основаны на предварительномъ договорѣ, а либо на распоряженіи суда (только въ силу судебнаго постановленія можно требовать отъ хозяина или владѣльца вещи, чтобы онъ предъявилъ ее), либо на внѣшнемъ, случайномъ фактѣ. Но, оставя въ сторонѣ эти обязательства и ограничиваясь лишь тѣми, которыя по римскому праву считались какъ бы договорами, мы найдемъ и въ нихъ такое разнообразіе, такую разнородность основаній, что безъ очевидной натяжки невозможно предположить, будто бы римскіе юристы составили эту группу обязательныхъ отношеній систематически, по обдуманному плану, имѣя въ виду какое-нибудь одно общее начало. Противъ такого предположенія говоритъ уже то, что всѣ обязательства, уподобленныя въ римскомъ правѣ контрактамъ и проступкамъ или винамъ, влекущимъ за собою обязанность вознаградить, означались въ немъ общимъ названіемъ variae causarum figurae, т.-е. различные виды юридическихъ основаній для иска. Невольно приходитъ на мысль, что на эту группу обязательствъ римскіе юристы смотрѣли какъ на какой-то складочный магазинъ, куда они отлагали постепенно всѣ юридическія отношенія, которыхъ не могли не признать за гражданскія обяза-

тельства, но которыя, однако, не подходили ни подъ понятіе о договорѣ, ни подъ исторически сложившіеся виды гражданскихъ проступковъ и винъ. Ходъ разсужденій римскихъ юристовъ объ обязательствахъ этой группы, повидимому, былъ слѣдующій: всѣ обязательства непремѣнно возникаютъ, должны возникать изъ договоровъ, или проступковъ; это общее правило. Однако, есть и такія, которыя проистекаютъ не изъ контрактовъ и не изъ проступковъ, а разными другими способами. Что съ ними дѣлать? Придумать для нихъ особое начало? Это противорѣчило бы установившемуся понятію объ обязательствахъ, да и подвести ихъ подъ одно начало невозможно, потому что они, какъ мы видѣли, имѣютъ, почти каждое, свое особое основаніе. И такъ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ чему-нибудь другому; всего ближе представлялось приурочить эти исключенія къ господствующей теоріи и къ общему правилу, смотрѣть на нихъ, какъ будто бы они происходили изъ договоровъ и проступковъ; это было тѣмъ легче и удобнѣе, что юридическія послѣдствія ихъ, по справедливости, должны быть тѣ же самыя, какъ если бы они дѣйствительно были основаны на договорахъ или проступкахъ. Такъ, вѣроятно, родилось юридическое предположеніе, что они какъ бы договоры, какъ бы проступки,—предположеніе, которое совершенно удовлетворяло и тогдашней теоріи, и въ особенности практическимъ требованіямъ, потому что не искажало на дѣлѣ характера этихъ обязательствъ, а между тѣмъ юридически открывало возможность признать за ними силу и дѣйствіе настоящихъ контрактовъ и гражданскихъ проступковъ. Римскіе юристы, съ своей точки зрѣнія, преимущественно практической, были совершенно правы; но нельзя сказать того же о современныхъ юристахъ. Практическій пріемъ римлянъ они возвели, какъ мы думаемъ, весьма неудачно въ теоретическій принципъ и тѣмъ затемнили настоящій смыслъ гражданскихъ обязательствъ, сдѣлали невозможнымъ построеніе правильной ихъ теоріи; а при важной роли, какую играетъ теоретическій взглядъ въ новыхъ европейскихъ обществахъ, и въ особенности при нынѣшней обстановкѣ и условіяхъ гражданскаго быта европейскихъ народовъ, неправильное толкованіе римскихъ ученій имѣло и имѣетъ очень вредныя практическія послѣдствія. Чего хотѣли, чего могли хотѣть римскіе юристы, называя извѣстныя обязательства контрактами? Придать имъ юридическій характеръ,—не болѣе. И этой цѣли они достигли. Мы же теперь, забывая эту ихъ заботу, подкладываемъ ихъ требованія, воображаемъ, будто они ставили себѣ общій вопросъ о теоретическихъ основаніяхъ этихъ обязательствъ, и доискиваемся что въ нихъ, съ этой точки зрѣнія, сходнаго съ контрактами. Внимательное разсмотрѣніе quasi contractus и другихъ, имъ сходныхъ обязательствъ, показываетъ какъ ошибочны эти исканія. Основаніе обязательствъ могутъ быть, какъ мы видѣли, не только контракты, не только проступки, не только дозволенныя, одностороннія изъявленія воли, но и судебныя рѣшенія, и административныя распоряженія (напримѣръ, назначеніе опекуна), и, наконецъ, случайные и не случайные матеріальные факты.

Самымъ наглядным, осязательным доказательствомъ, что далеко не всѣ обязательства, даже по римскому праву, проистекаютъ изъ индивидуальной воли, служатъ составляющіе особый отдѣлъ обязательствъ, возникающіе вслѣдствіе судебнаго разсмотрѣнія извѣстныхъ спорныхъ дѣлъ. Въ Юстиніановыхъ институтахъ (кн. 44, тит. 7) говорится объ обязательствахъ и искахъ вмѣстѣ, потому что юридическій характеръ и послѣдствія и тѣ же, несмотря на то, что основанія различны. Чтобы понять это различіе, необходимо припомнить, что у римлянъ искъ (actio) проходилъ двѣ процедуры. Первую мы называемъ процессомъ, предшествующее его предварительное юридическое устроеніе и опредѣленіе: при участіи тяжущихся сторонъ приводилось въ извѣстность, къмъ имѣетъ процессъ и о чемъ идетъ, и на чемъ искъ основанъ, т.-е. есть ли основаніе процесса законное или справедливое основаніе, и какое должно быть рѣшеніе въ случаѣ, если жалующійся или тотъ, на кого жалуется, окажется правымъ или нѣтъ. Это необходимое приготовленіе предписывало для него заранѣе рамки, въ которыхъ онъ долженъ былъ двигаться, создавало его формулу, которую примѣнитель долженъ осуществить, долженъ былъ судить, потому, что по судебному произношенію рѣшается. Съ этой собственно минуты только истца обращались въ искъ въ настоящемъ техническомъ смыслѣ слова. Устраненіе

кый процессъ, или, что то же, искъ, предметомъ судебнаго разсмотрѣнія: приводили свои доказательства и нія, судья удостовѣрялся въ ихъ ьности, въ степени ихъ убѣдитель- ѣшивалъ ихъ и постановлялъ рѣ- Такъ, при обыкновенномъ порядкѣ водства, первая процедура установ- ензію истца, опредѣляла ее, давала ю форму, вторая состояла въ раз- обстоятельствъ дѣла и рѣшенія, ніи ихъ, кто правъ, кто виноватъ. едуры были сначала совершенно и даже производились передъ раз- ицами; право установлять процессъ ять его формулу принадлежало пре- другому лицу, облеченному публич- тью указывать право, назначать смотривалъ же и рѣшалъ дѣло рвая процедура оканчивалась уста- формулы для дальнѣйшаго произ- ла, въ опредѣленныхъ ею грани- редъ судьею; вторая — рѣшеніемъ, мымъ судьею. Каждая изъ этихъ , заключеніемъ или окончаніемъ становила особое обязательство ме- щимся сторонами. При окончаніи ва передъ преторомъ, тяжущіеся ись признать спорное между ними мъ, какимъ оно окажется по рѣше- ; чрезъ это претензіи тяжущихся, видѣ, въ какомъ онѣ были заявлены реторомъ, теряли свою юридическую но ихъ заступали взаимныя ихъ пре- томъ видѣ, какъ онѣ были уста- опредѣлены, формулированы прето- же самое происходило и послѣ по- я судьею рѣшенія: взаимныя пре- ущихся, въ томъ видѣ какъ онѣ ваны преторомъ, погашались, и мѣ- ступало рѣшеніе судьи, которое ю ихъ уже такъ, какъ онѣ должны ь приведены въ исполненіе, осуще- а дѣлѣ. Съ перваго взгляда можетъ к, что предположеніе такихъ обяза- жеду тяжущимися, изъ которыхъ щее отмѣняетъ и замѣняетъ предъ- е болѣе какъ пустыя юридическія но въ дѣйствительности оно со- ю не такъ. Предъявленіе претензіи реторомъ предполагаетъ уже, что кущимися, недовольными другъ дру- ествуетъ какое-то, дѣйствительное е, юридическое отношеніе. Пре- торъ, разобравъ эти взаимныя притязанія, произносилъ приговоръ, основательны они или нѣтъ, и опредѣлялъ въ чемъ именно они состоятъ. Этотъ приговоръ придавалъ заявленнымъ передъ нимъ претензіямъ обязательный юридическій характеръ; послѣ такого приговора тяжущіеся не могли ссылаться на то, что они другъ на друга взводили передъ преторомъ, а должны были вести между собою процессъ передъ судьею въ томъ видѣ, въ тѣхъ условіяхъ, какія указаны преторомъ; слѣд., нельзя считать юридическимъ хитросплетеніемъ, когда говорятъ, что претензіи спорящихъ сторонъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ выражены ими до приговора претора, погашены, отмѣнены, не имѣютъ никакой юридической силы; если бы онѣ могли быть возобновлены передъ судьею, то все значеніе процедуры передъ преторомъ потеряло бы свой смыслъ, какъ будто бы ея вовсе не было. Точно такъ же нельзя считать юридическимъ крючкотворствомъ, что судебнымъ рѣшеніемъ отмѣнялось обязательство, установленное между тяжущимися преторомъ, и замѣнялось другимъ, выраженнымъ въ судебномъ рѣшеніи; ибо послѣ судебнаго рѣшенія, когда оно разъ вошло окончательно въ законную силу, нельзя больше ссылаться на приговоръ претора, ни на то, что происходило передъ судьею: судебное рѣшеніе, окончательно вошедшее въ силу, юридически опредѣляетъ взаимныя отношенія тяжущихся, отношенія, отнынѣ обязательныя для нихъ, независимо отъ всего того, что происходило между ними прежде, начиная съ заявленія ихъ претензій передъ преторомъ.

Спрашивается теперь: что же собственно такое эти обязательства, установляемыя ходомъ процесса? Можно ли видѣть въ нихъ результатъ индивидуальной воли тяжущихся? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Юридическое отношеніе, которое подало поводъ къ процессу, можетъ быть дѣломъ нашей воли, нашего произвола, хотя оно и не есть непремѣнно такое; свойство, характеръ этого отношенія опредѣляютъ, какого оно рода. Далѣе: начать или не начать гражданскій процессъ зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія истца, и, слѣдовательно, всегда есть дѣло его свободной воли или произвола. Но уже для отвѣтчика это не такъ, онъ долженъ явиться къ суду, по вызову, иначе потеряетъ свое мнимое или дѣйствительное право безъ суда; слѣдовательно, если онъ не хочетъ этого, то онъ вы-

вуждены подвергнуться процессу. И вотъ, оба тяжущіеся передъ преторомъ и потомъ передъ судьей. Въ томъ и другомъ случаѣ они, разумѣется, участвуютъ въ производствѣ, предъявляютъ свои права, свои доказательства, основанія, возраженія; но не отъ нихъ, не отъ ихъ воли зависитъ произвести, въ чемъ же именно должны состоять ихъ взаимныя обязательныя отношенія: это дѣло претора и потомъ судьи. Слѣдовательно, обязательства такого рода ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться произведеніемъ воли, произвола тяжущихся, а создаются публичною судебною властью. Напрасно намъ будутъ возражать, что судебная власть въ этомъ случаѣ только придаетъ обязательную силу спорному праву; это справедливо, но не опровергаетъ того что мы говоримъ. Тяжущіеся представляютъ себѣ свои права вполнѣ или отчасти не такими, какими они оказываются по судебному приговору; иначе между ними не было бы процесса. Представляя ихъ себѣ иначе, они, чтобы осуществить ихъ, должны подчиниться приговору суда, который опредѣлитъ, каковы эти права на самомъ дѣлѣ, и опредѣляетъ непремѣнно несогласно, если не совсѣмъ, то хоть съ нѣкоторыми изъ претензій одного изъ тяжущихся, а нерѣдко и обоихъ. Въ этомъ видѣ ихъ взаимныя юридическія отношенія становятся для нихъ обязательными, а эти отношенія—не тѣ, какими должны бы быть, судя по предъявленнымъ ими требованіямъ, и опредѣлены въ этомъ обязательномъ для нихъ видѣ не ихъ волею не ихъ усмотрѣніемъ, а судомъ, судебною властью.

Такимъ образомъ передъ нами открывается цѣлый, весьма обширный и разнообразный отдѣлъ, цѣлая особая категорія обязательныхъ юридическихъ отношеній, которыя, по римскому праву, считались тоже какъ бы договорами, какъ бы контрактами, т.-е. имѣли всѣ юридическія послѣдствія договоровъ, не будучи, однако, на самомъ дѣлѣ контрактами, но выраженіями публичной дѣятельности суда.

Припомнимъ въ заключеніе, что приведенные нами выше изъ римскаго права примѣры обязательствъ, возникающихъ независимо отъ нашей воли изъ матеріальныхъ фактовъ,—не случайныя, отрывочныя, исключительныя явленія, а повторяются въ ежедневной дѣйствительности тысячи разъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и могутъ быть возведены къ общимъ началамъ, которыя примѣняются въ извѣстныхъ случаяхъ постоянно. Обязательства вѣдь существуютъ между людьми и по поводу предметовъ имѣющихъ матеріальную цѣнность, какъ по поводу вещей въ собственномъ смыслѣ, дѣйствій и т. д.; лица, однако, могутъ мѣняться или переставать вовсе существовать независимо отъ ихъ воли; съ тѣми измѣняются или дѣлаются невозможными тѣ услуги, тѣ дѣйствія ихъ, которыя по преимуществу личный характеръ, которыхъ свойство, достоинство, качество разрывно связаны именно съ такою личностью (напримѣръ, услуги извѣстнаго должника, ученаго и т. п.); далѣе предметы возникаютъ, раздѣляются, соединяются, измѣняются и уничтожаются часто совершенно независимо отъ нашей воли, либо случайно, либо вслѣдствіе какихъ-нибудь законовъ ихъ физическаго бытія и развитія. Всѣ эти перемѣны могутъ при извѣстныхъ условіяхъ имѣть вліяніе на обязательства, измѣнять или вовсе прекращать существующія, установлять новыя безъ самого факта, нисколько не зависящаго отъ чьего-либо произвола или усмотрѣнія, еще цѣлый огромный рядъ явленій возникающихъ обязательствъ, противорѣчащихъ мнѣнію, будто бы они—созданіе исключительно нашей индивидуальной воли.

Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ себя въ правѣ заключить, не боясь опровержения, что вообще юридическія отношенія, относящіяся или относимыя къ гражданскому праву, возникаютъ, продолжаются, прекращаются не только вслѣдствіе изъявленія или выраженія нашей воли, но также вслѣдствіе закона, правительственныхъ распоряженій и мѣръ, публичныхъ дѣйствій судебной власти, вслѣдствіе уже существующихъ другихъ юридическихъ отношеній, ихъ необходимое послѣдствіе, наконецъ вслѣдствіе случаевъ или фактовъ, въ которыхъ воля людей вовсе не участвуетъ. Всѣмъ законодательствамъ, такъ и римскому праву. Утверждать, что одна воля—источникъ гражданскаго права, можно только перетолковывая основанія гражданскихъ отношеній, дѣлая натяжки, пускаясь на такія тонкости, ошибочность которыхъ не выдерживаетъ даже легкой критики. Если исключить все, что производитъ, измѣняетъ и прекращаетъ гражданскія права помимо индивидуальной воли, можно смѣло сказать, что она одна и служитъ ис-

...ніемъ гражданскихъ правъ; но по ...одѣ можно, пожалуй, доказать, что ...кое тѣло состоитъ только изъ одной ...тому что, если исключить голову, ...довище и вдобавокъ еще одну ногу, ...мъ ужъ, конечно, ничего больше, ...ругой ноги, и не останется.

...ъ, гражданское право не есть исклю...я область индивидуальной воли и ... Оно столько же созданіе необходи...знаго рода, — общественной, госу...вой и природной, физической, — ...нашего личнаго усмотрѣнія и произ...исль разграничить гражданское право ...дарственнаго на основаніи различія ...мости и свободы, точно такъ же какъ ...деніе и противоположеніе публич...астнаго, внушена тщетными и на...ми исканіями среды, гдѣ бы наша воля ...олъ могли осуществляться безгра...езъ нелкихъ стѣсненій, тщательными, ...ми попытками отдѣлиться отъ об...ной и государственной сферы и за...ться отъ нея. Эти стремленія, о ко...мы уже говорили выше, ничѣмъ не ...аются, потому что вытекаютъ изъ ...но ошибочнаго взгляда на обще... и государственные элементы, ихъ ...ъ призваніе, ихъ отношенія къ дѣй...кой, ежедневной жизни, къ частнымъ, ...мъ интересамъ. Мы не можемъ до...настаивать на томъ, что мысль выго...частный бытъ изъ публичнаго и обще...о коренится въ односторонненъ ...на общественные, государственные ... съ точки зрѣнія частныхъ, приват...тересовъ и отношеній; но съ этой ...ѣнія публичные элементы сами при... приватный характеръ, и мы, такимъ ..., попадаемъ въ заколдованный кругъ, ...никакъ не можемъ переступить; ища ...твенныхъ элементовъ, мы, съ этой ...ѣнія, нигдѣ ихъ не находимъ и не ... тогда какъ они всюду присутствуютъ, ...во всемъ дѣйствуютъ. Только гру...ріальная форма, въ которой госу...кость всюду сначала является, объ... не оправдывая, это странное недо...я. Мы понимаемъ, какъ оно могло ...я въ римской имперіи и обратиться ..., которая, по тому времени, была, ... и очень естественна; мы тоже по... какъ такое недоразумѣніе могло ...аться у новыхъ народовъ европей-

скаго материка, пока у нихъ государственность еще боролась съ свѣтскою властью церкви и съ феодальными учрежденіями; наконецъ, мы понимаемъ, что и послѣ, когда нужно было еще очищать общественную почву отъ нагроможденныхъ развалинъ прошедшаго, римскія ученія о публичномъ и приватномъ, римское противоположеніе государственнаго частному были не только возможны, но относительно даже полезны. Но теперь, въ континентальной Европѣ, они уже обратились въ древность, перешли въ область археологіи; ихъ держатся по привычкѣ, по преданію; а между тѣмъ эти преданія уже стѣсняютъ здоровое, нормальное развитіе современной европейской жизни, затемняютъ понятія и вносятъ въ ученіе гражданскаго права большую путаницу, которая грозитъ наводнить правовѣдѣніе противорѣчіями и нелѣпостями. Что подумать, напримѣръ, встрѣчая въ сочиненіи одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ знатоковъ гражданскаго права попытку взглянуть на личность съ точки зрѣнія имущественныхъ правъ, объяснить ее—страшно выговорить—правомъ собственности человѣка на самого себя! Попенолѣ скажешь, что кромѣ поэтическихъ вольностей, есть и юридическія! Не геркулесовы ли это столбы, показывающіе, что римскія понятія совершили, въ сферѣ права, полный свой кругъ у континентальныхъ европейскихъ народовъ и скоро должны обратиться, въ своей непосредственной формѣ, въ воспоминаніе? Англія, шедшая другимъ путемъ юридическаго развитія, никогда не переставала смотрѣть на римское право, какъ на иностранное, счастливо миновала римское разграниченіе публичнаго права отъ частнаго, сдѣлавшееся на европейскомъ материкѣ источникомъ безчисленныхъ юридическихъ ошибокъ и заблужденій. Вспомнимъ только объясненіе общежитія и государства съ точки зрѣнія договора, опредѣленіе личныхъ отношеній супруговъ и ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей по юридическимъ началамъ контракта, громадное развитіе административной юрисдикціи, вслѣдствіе того, что множество приватныхъ гражданскихъ отношеній отнесены къ публичному праву и, какъ публичныя, изъяты изъ подсудности обыкновенныхъ судовъ,—и мы поймемъ, сколько зла и бѣдъ внесло въ европейскій бытъ запоздалое и цѣпкое храненіе отжившихъ юридическихъ понятій, относящихся къ другому міру, къ

другимъ обстоятельствамъ, выведенныхъ изъ совершенно иныхъ воззрѣній. Разграниченіе индивидуальной свободы и общественной, государственной необходимости, на двѣ разомкнутыя области—есть мечта, и притомъ мечта вредная и для государственнаго, и для частнаго быта. Личная свобода обезпечивается, насколько она возможна и необходима въ общежитіи, вовсе не отмежеваніемъ частныхъ отношеній отъ государственныхъ элементовъ, а правильнымъ сочетаніемъ тѣхъ и другихъ.

IV.

Недостатокъ точнаго опредѣленія гражданскаго права, неизвѣстность, какіе же оно имѣетъ отличительные, характеристическіе признаки,—все это отражается и въ его названіи, и на его содержаніи.

Почему называется эта часть законодательства и правовѣдѣнія гражданскимъ правомъ? Что значитъ это названіе? Чтобы понять это, надобно напередъ знать, что слово „гражданскій" есть буквальный переводъ римскаго civilis: что civilis происходитъ отъ слова civis, гражданинъ; и такъ, гражданское право, судя по названію, должно бы обнимать всѣ права, всѣ юридическія отношенія гражданина, какія бы они ни были. Такъ дѣйствительно и понимали римляне; но теперь значеніе гражданскаго права совсѣмъ не то: права и отношенія, которыя называются гражданскими, составляютъ только часть, отдѣлъ всѣхъ правъ и юридическихъ отношеній гражданина; а какую именно и почему ту, а не другую, это, какъ мы видѣли, остается неопредѣленнымъ.

Явная несообразность переходнаго названія, которое совсѣмъ не то значитъ, что подлинное, и собственно ничего не выражаетъ, заставила подумать о другомъ, болѣе точномъ. Гражданское право стали называть „частнымъ", „приватнымъ", въ отличіе отъ государственнаго или публичнаго. Но мы видѣли выше, какъ сбивчивы и шатки представленія о различіи публичнаго и приватнаго, въ какомъ смыслѣ ни взять эти выраженія; поэтому названіе гражданскаго права „частнымъ", „приватнымъ" нельзя признать ни болѣе точнымъ и опредѣлительнымъ, ни вообще болѣе удачнымъ.

Если отъ названія мы перейдемъ къ содержанію и станемъ въ немъ искать отвѣта на вопросъ, что же такое гражданское то и эти поиски не приведутъ насъ чему. Теперешнее содержаніе гра права очень разнокалиберно и не какъ не сводится въ одно цѣлое. этомъ убѣдиться, стоитъ только раз разобрать составъ нынѣшнихъ гражданскаго права, который во всѣ и тотъ же и различается только ріемъ частей, да подробностями Составъ этотъ слѣдующій:

I. Общая часть. Это—введеніе въ гражданскаго права, въ которомъ общія основанія, правильнѣе—усло данскихъ правъ и юридическихъ отн что предполагается въ каждомъ изъ потому должно быть извѣстно зара условія или предположенія суть вещія права и состоянія въ гражда юридическихъ отношеніяхъ; предме правъ и отношеній; общія свойства скихъ правъ и гражданскихъ отно отношеній, общія ихъ черты, повт во всѣхъ, не смотря на чрезвычай разнообразіе. Такія общія свойства черты замѣтны въ томъ, какъ эти отношенія установляются или пре существуютъ, прекращаются и изм или защищаются. Сообразно съ этимъ часть говоритъ, во-первыхъ, о такъ мой гражданской правоспособности, томъ, кто и въ какой мѣрѣ можетъ гражданскія права, въ чемъ состоят ничества правоспособно ти и отъ чего висятъ, въ какой мѣрѣ можетъ лицо щее гражданскія права, само, лично заться ими, или же должно быть вляемо другимъ лицомъ (напр., ма сумасшедшіе и т. п.); во-вторыхъ, тахъ гражданскихъ правъ и юрид отношеній, свойствахъ этихъ предм томъ, въ какой мѣрѣ и степени о подлежать гражданскимъ правамъ; ихъ,—общія положенія о самихъ скихъ правахъ и отношеніяхъ, их продолженіи (пользованіи ими), пре охраненіи, защищеніи и возстанов

II. Особенная часть, или самая гражданскаго права. Здѣсь разсма разные роды гражданскихъ правъ ческихъ отношеній. Главныя подр ихъ суть: права вещныя или имуще права по обязательствамъ, права и права по наслѣдованію. Различ

ли въ обработкѣ этой части состоитъ
ько въ разной группировкѣ правъ:
однихъ залогъ и закладъ излагаются
самостоятельныхъ вещныхъ правъ,
этими правами; въ другихъ они,
обы обезпеченія обязательствъ, вхо-
ученіе объ обязательствахъ; наслѣд-
право иными не признается за са-
ный разрядъ гражданскихъ правъ
инается только какъ одинъ изъ спо-
обрѣтенія имущественныхъ правъ,
включается въ ученіе о послѣднихъ:
образуютъ изъ обязательствъ, воз-
ъ изъ судебнаго производства споръ,
особую группу или категорію
ствъ. Смотря по взгляду, каждый
ъ учебника разнообразитъ обык-
содержаніе гражданскаго права,
етъ его такъ или иначе. Знамени-
ий профессоръ Бекингъ придумалъ
ую систему, въ пользу которой го-
ное. Общая часть содержитъ у
е, что у другихъ, но называется,
вильно, „предположеніями (Voraus-
гражданскаго права": въ этомъ
аетъ мысль, что первая или общая
принадлежитъ собственно къ со-
жданскаго права, и содержитъ въ
то, что необходимо знать, чтобъ
го,—то, безъ чего оно непонятно и
. Также основательны и удачны
я, сдѣланныя Бекингомъ отъ обще-
расположенія предметовъ въ осо-
сти; всѣ гражданскія права и юри-
тношенія онъ раздѣляетъ на про-
сложныя, и относитъ къ первымъ
рава, права по обязательствамъ и
ейныя, а ко вторымъ имущественныя,
, возникающія изъ семейныхъ отно-
ѣ. Вещественное право и виды иско-
въ, т.-е. виды обязательствъ, возни-
ія судебнаго разсмотрѣнія и рѣ-
ѣрныхъ дѣлъ. Мысль отдѣлить про-
жданскія права отъ сложныхъ, кото-
овливаются, кромѣ общихъ свой-
ихъ правъ и отношеній, еще осо-
свойствами тѣхъ, изъ которыхъ они
мъ образомъ возникаютъ, съ кото-
ыми связаны, которыя потому ихъ
ютъ и даютъ имъ особенную печать,
нимъ очень счастливою. Всѣ эти
личія, относительно довольно важ-
вѣнкомъ случаѣ интересныя, не мѣ-
шако, чрезвычайному сходству, даже
совершенной одинаковости учебниковъ въ
главномъ и существенномъ, а именно въ рѣ-
шеніи вопроса, что должно входить въ со-
ставъ гражданскаго права, изъ чего обра-
зуется его содержаніе. Въ этомъ отношеніи
учебники совершенно согласны между собою.

На чемъ основано это полное согласіе?
Нѣтъ сомнѣнія, что внѣшнія причины играютъ
въ этомъ первую и главную роль. Нѣкото-
рыя части бывшаго римскаго права получили
мало-по-малу въ Западной Европѣ обязатель-
ную силу; эти части и удержали названіе
гражданскаго права, которое у римлянъ отно-
силось ко всѣмъ вообще правамъ римскихъ
гражданъ и въ этомъ смыслѣ было гораздо
точнѣе, опредѣленнѣе и понятнѣе. Части или
отрывки римскаго гражданскаго права, полу-
чившіе значеніе дѣйствующаго закона, стали
объяснять, потомъ излагать систематически:
послѣ старались разными соображеніями оправ-
дать и теоретически такое, на самомъ дѣлѣ
случайное, соединеніе разнородныхъ и разно-
характерныхъ юридическихъ ученій въ одно
цѣлое. Мы называемъ ихъ соединеніе слу-
чайнымъ именно потому, что бывшее римское
право стало въ Западной Европѣ обязатель-
нымъ не въ полномъ своемъ составѣ, а ча-
стями, которыя, правильно или неправильно,
казались примѣнимыми къ новому европей-
скому быту. Эти части, выхваченныя изъ
общаго состава римскаго права и соединен-
ныя вмѣстѣ, уже не могли представлять орга-
ническаго цѣлаго, какъ все римское право
въ полномъ его составѣ, тѣмъ болѣе, что
практическія соображенія, а не общія теоре-
тическія основанія, руководили выборомъ рим-
скихъ юридическихъ ученій, которыя полу-
чили у новыхъ народовъ силу закона и обра-
зовали теперешнее гражданское право.

Вотъ какъ послѣднее сложилось и вотъ
почему учебники не спорятъ о томъ, что
входитъ въ его составъ. Содержаніе его опре-
дѣлено заранѣе, дано источниками, именно
римскимъ правомъ, точнѣе сказать частями,
урывками, клочками римскаго гражданскаго
права, которые только имѣютъ въ Европѣ
практическое значеніе, и которые объясняются,
разрабатываются въ учебникахъ. Зная это,
можно уже a priori заключить, что содержа-
ніе теперешняго, случайно такъ называемаго
гражданскаго права не можетъ представлять
систематическаго, стройнаго цѣлаго, проник-
нутаго общимъ началомъ, или хотъ нѣсколь-
кими общими началами. И оно дѣйствительно

такъ и есть. Какъ ни ломаешь себѣ голову, чтобъ открыть теоретическое единство этой амальгамы, этого пестраго набора разнородныхъ ученій,—ничего не придумаешь.

Первая, общая часть, говорятъ, содержитъ общія ученія гражданскаго права, которыя Бѣкингъ совершенно справедливо называетъ предположеніями, предпосланіями. Каждая наука, по своей связи съ другими, имѣетъ такія предпосланія, начала и ученія, которыя собственно относятся къ другимъ наукамъ, но въ общихъ своихъ результатахъ служатъ основаніемъ, исходной точкой для другихъ наукъ; такъ, астрономія предполагаетъ математику, патологія анатомію и физіологію, агрономія химію, наука о финансахъ науку о народномъ хозяйствѣ и т. п. Въ этомъ смыслѣ мы бы находили совершенно естественнымъ изложить, въ началѣ учебниковъ гражданскаго права, въ видѣ необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній, извѣстныя ученія и начала публичнаго права, въ главныхъ результатахъ, на сколько необходимо, чтобъ понять послѣдующія ученія собственно гражданскаго права; мы бы видѣли въ этомъ очень хорошій педагогическій пріемъ, чтобы приготовить читателя, сколько необходимо, къ наукѣ гражданскаго права, такъ какъ безъ того вовсе незнакомому съ этою отраслью права трудно было бы въ ней найтись. Но общая часть имѣетъ въ учебникахъ гражданскаго права совсѣмъ не одно это исключительно педагогическое назначеніе: она играетъ еще и роль какъ бы необходимой составной части самаго гражданскаго права: предметы изслѣдуются въ ней со всей подробностью, по источникамъ, наравнѣ съ предметами особенной части. Что общая часть считается составною частью гражданскаго права, это всего лучше доказывается тѣмъ, что она нигдѣ больше, кромѣ учебниковъ гражданскаго права, и не излагается въ такой подробности, стало быть служитъ въ нихъ не введеніемъ, не для сообщенія необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній, а напротивъ, сама предполагается во всѣхъ другихъ отрасляхъ правовѣдѣнія, какъ уже извѣстная изъ гражданскаго права. Это обстоятельство совершенно измѣняетъ вопросъ, представляетъ дѣло совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Когда намъ говорятъ, что общую часть нужно сперва узнать, чтобъ понять гражданское право, мы съ этимъ совершенно согласны, но когда съ предварительными свѣдѣніями обращаются какъ съ специфическ[ими] методомъ гражданскаго права, то мы не себѣ представимъ, на какомъ теоретическ[ом] основаніи это дѣлается, а видимъ [въ] источникъ безчисленныхъ недоразумѣ[ній] бокъ и заблужденій въ области пра[ва].

Способность имѣть гражданскія [пра]ходится въ тѣхъ или другихъ граждан[скихъ] юридическихъ отношеніяхъ самом[ъ], зателямъ посредствомъ другихъ или [по]зательномъ же участіи другихъ, отъ [ко]этихъ видовъ гражданской правоспособ[ности] все это предположенія, условія, [ко]ряхъ гражданскія права и отношен[ія] можны, безъ которыхъ они немыслимы[]нѣтъ лицъ, способныхъ имѣть права [и] къ юридическихъ отношеніяхъ, то [не]прать, ни отношеній. Но гражданск[ая] воспособность есть только одинъ [изъ] ныхъ правоспособностей лицъ въ об[ще]государствѣ, потому что есть еще [и] способность въ качествѣ члена обще[ства], слоя, государства, церкви; есть и [по]собность индустріальная, по заня[тіямъ] ными отраслями производства и про[мы]ности; есть даже правоспособность [по] шеніи къ преступленіямъ и проступ[кам]томъ смыслѣ, что имѣемость нѣ[ко]ныхъ дѣяній и подсудимость ихъ [раз]по лицамъ, бываетъ разная, и т. п. [Всѣ] разные виды правоспособности, изв[ѣст]ные, составляютъ особое ученіе, к[ото]гражданская правоспособность относ[ится] какъ часть къ цѣлому; цѣлое же [изъ] правоспособностяхъ разнаго рода [не] вовсе не къ гражданскому, а къ пу[бли]праву, какъ одно изъ общихъ, об[щихъ] условій гражданскаго и государ[ственнаго] общежитія. Въ этомъ ученіи раз[ныя] другъ друга поясняютъ и допол[няютъ] тому что разныя правоспособности [въ] между собою въ связи и очень ча[сто] сятъ одна отъ другой: у насъ, [напр.] гражданская правоспособность, во [мно]случаяхъ, зависитъ отъ индустріаль[ной] стріальная -отъ сословной и т. д. [Вотъ] что нужно изъ общаго ученія о [правоспо]собности и помѣстить съ пользо[ю] цѣлью во введеніи къ гражданскому [праву] можно и должно, но нельзя включ[ать] составъ; иначе гражданская правоспо[собность] легко можетъ представиться [не]разъ представлялась, въ видѣ какъ[ого]бало гражданскаго права, личность

ственности лица на самого себя, а
вая свобода—въ видѣ вещи, только
ю какой именно, потому что ни къ
мъ, ни къ недвижимымъ, ни даже
мъ, каковы, напримѣръ, гражданскія
ства и иски, нельзя же ее причис-
такими нелѣпостями наука долго
сь, не зная, съ какой стороны къ
ойти! Еслибъ правоспособность раз-
лась не какъ право, а какъ общее,
условіе, предположеніе правъ, какъ
которой они выростаютъ и суще-
то подобныя нелѣпости были бы
ы! А какъ условіе, предположеніе,
въ и юридическихъ отношеніи, пра-
ость есть предметъ не граждан-
убличнаго права. Тоже самое должно
о вещахъ,—предметахъ граждан-
рава, гражданскихъ юридическихъ
й. Одною своею стороною онѣ ка-
раждапскаго права, но только одною;
очими онѣ входятъ въ другіе, без-
я выраженія общественной и госу-
ной жизни, и съ точки зрѣнія каж-
ихъ опредѣляются юридически
ъ образомъ, потому что вещи тоже
ъ общихъ, основныхъ условій обще-
государственности; вещи можно раз-
ть въ отношеніи къ ихъ производству,
нію, обращенію, въ отношеніи къ
нравственности, личной и имуще-
безопасности, съ точки зрѣнія меди-
финансовой, хозяйственной, политик-
т. п.; со всѣхъ этихъ разныхъ сто-
различнымъ образомъ опредѣляются
ми административными мѣрами; слѣдо-
, и ученіе о вещахъ, подобно ученію о
ихъ правоспособности, составляетъ
бое ученіе, принадлежащее къ публич-
ру, и только одинъ его отдѣлъ, именно
ъ предметъ гражданскихъ правъ и
жихъ отношеній, слѣдуетъ изложить
ніи къ гражданскому праву; присвои-
послѣднему исключительно все уче-
вещахъ, по примѣру теперешнихъ
въ, или воображать, что это ученіе
ограничивается тѣмъ отрывкомъ
), который теперь помѣщается въ
хъ гражданскаго права, -такая же
ошибка, какъ считать ученіе о ли-
правоспособности составною частью
ава.

ыни отдѣлъ общей части излагаетъ,
, сказали, ученія о правахъ и юри-
дическихъ отношеніяхъ вообще. Если ученія о лицахъ и вещахъ не принадлежатъ къ составу гражданскаго права, то общія ученія о правахъ и юридическихъ отношеніяхъ и подавно. О чемъ говорится въ нихъ? Во-первыхъ, о правѣ въ его внѣшнемъ (объективномъ) опредѣленіи, т.-е. о правѣ въ смыслѣ обязательнаго правила, именно: о его силѣ и дѣйствіи, происхожденіи, измѣненіяхъ, отмѣнѣ и примѣненіяхъ; во-вторыхъ, о правѣ въ смыслѣ принадлежности лицу (въ субъективномъ смыслѣ), именно: понятіе о немъ въ этомъ значеніи и виды, установленіе его и прекращеніе; въ-третьихъ, о пользованіи правами и защитѣ ихъ: о способахъ сохраненія и обезпеченія правъ, о пользованіи ими, о соединеніи различныхъ правъ на одинъ и тотъ же предметъ въ одномъ лицѣ и о столкновеніи одного и того же права на одинъ предметъ, когда оно принадлежитъ разнымъ лицамъ; о способахъ защиты: самоуправствѣ, судебномъ разсмотрѣніи и рѣшеніи, и о чрезвычайныхъ способахъ защиты: удержаніи вещи и вводѣ во владѣніе по распоряженію суда и о приведеніи дѣла или права въ первобытный видъ. Всѣ эти предметы излагаются въ учебникахъ, конечно, только въ примѣненіи къ гражданскому праву, но вѣдь каждый изъ нихъ столько же относится, самъ по себѣ, и ко всѣмъ другимъ отраслямъ права. Равнѣ, каждое право и юридическое отношеніе, какое бы оно ни было, точно также не опредѣляется обязательными правилами и не есть, въ то же время, чья нибудь принадлежность? Равнѣ оно, въ послѣднемъ значеніи, не имѣетъ, во всякомъ случаѣ, своего начала и своего конца, своихъ извѣстныхъ способовъ осуществленія, сохраненія, обезпеченія и защиты? Стало быть, ученіе о правѣ или о юридическихъ отношеніяхъ вообще, какъ ученіе о лицахъ и вещахъ, должно быть общее и въ этомъ видѣ принадлежитъ къ публичному праву; только главу, излагающую ихъ въ примѣненіи къ гражданскому праву, полезно помѣстить во введеніи къ гражданскому праву, вмѣстѣ съ другими предварительными и приготовительными свѣдѣніями.

Такимъ образомъ, вся первая, общая часть учебниковъ гражданскаго права собственно не принадлежитъ къ нему. Предметы, которые въ ней излагаются, на самомъ дѣлѣ шире, значительнѣе, чѣмъ являются въ учебникахъ; они специализированы только вслѣдствіе того, что считаются, по недоразумѣнію

и ошибкѣ, исключительнымъ предметомъ гражданскаго права; если же, вмѣстѣ съ Бекки-томъ, видѣть въ предметахъ общей части только введеніе къ системѣ гражданскаго права, необходимое къ ней предисловіе, то въ этомъ смыслѣ общая часть не полна, не достаточна; гражданское право предполагаетъ многое, о чемъ въ ней не говорится ни слова, а между тѣмъ было бы совершенно необходимо сказать, ибо безъ того многое остается непонятнымъ и необъяснимымъ. На чемъ, напримѣръ, основано право прохожаго и проѣзжаго требовать отъ частнаго владѣльца, чтобъ онъ пропустилъ его черезъ свой участокъ, когда большая дорога, лежащая подлѣ, обрушилась, или вообще стала непроходима? Этого общая часть не объясняетъ, даже не имѣетъ никакихъ средствъ, никакихъ намековъ для объясненія. На чемъ основано право требовать отъ посторонняго, кто бы онъ ни былъ, съ которымъ не имѣемъ никакихъ отношеній, чтобъ онъ показалъ свою или вообще имѣющуюся у него вещь? Намъ скажутъ: на судебномъ опредѣленіи? Но это не разрѣшаетъ вопроса; судъ, постановляя объ этомъ опредѣленіе, поступаетъ же на какомъ нибудь справедливомъ основаніи, а его-то изъ общей части совсѣмъ не видно. Спросимъ далѣе, почему вещныя права обязательны для всѣхъ и каждаго, вслѣдствіе чего я имѣю право требовать свою вещь обратно даже отъ того, кто самымъ добросовѣстнымъ и законнымъ образомъ пріобрѣлъ ее отъ посторонняго лица, а вовсе не отъ меня, и со мной вообще не имѣлъ никакихъ отношеній? Даетъ ли общая часть ключъ къ разрѣшенію этого вопроса? Тоже нѣтъ. Причина недостаточности, неполноты общей части въ учебникахъ гражданскаго права именно въ томъ и заключается, что главное и существенное ея назначеніе,—представить общія предположенія, основанія или начала, которыми гражданское право обусловливается,—не понято. Всѣ гражданскія права и отношенія, безъ изъятія, выростаютъ на почвѣ общественности; внѣ общества и государства они невозможны и даже немыслимы; но организованное общежитіе устанавливаетъ между людьми извѣстныя общія взаимныя права и обязанности, которыя предполагаются во всѣхъ частныхъ, особенныхъ правахъ и юридическихъ отношеніяхъ и въ этомъ смыслѣ ихъ предшествуютъ: безъ нихъ многія изъ послѣднихъ совершенно непонятны, какъ показываютъ приведенные примѣры. Эти общія права и [illegible] существующія въ силу устроенія [illegible] ти и принадлежащія тоже къ об[illegible] праву, не были бы опущены из[illegible] учебникахъ гражданскаго права, е[illegible] сталось, какъ мы видѣли, [illegible] чительною областью индивидуальной [illegible] ности, если бы не предполагалось, [illegible] область составляетъ сама въ себѣ [illegible] замкнутое и самодовольное цѣлое [illegible] не хотятъ видѣть, что частныя, гра[illegible] отношенія не болѣе какъ узоры на [illegible] фонѣ общественности, то же что [illegible] картинѣ, что волны въ морѣ. Отсюда [illegible] часть, неправильно перенесенная [illegible] личнаго права въ гражданское, совсѣмъ [illegible] не тотъ видъ, какой бы должна была [illegible] она теперь только неполный и [illegible] отрывокъ изъ ученія публичнаго пра[illegible] горыя, безъ этой необходимой состав[illegible] части, въ свою очередь, выходятъ [illegible] полными и недостаточными.

Перейдемъ теперь ко второй, особ[illegible] содержащей, какъ сказано, разные [illegible] виды гражданскихъ правъ и отношен[illegible] тотчасъ же невольно останавливаютъ [illegible] вниманіе семейныя права: бракъ, р[illegible] ская власть, союзъ родственности, оп[illegible] печительство. Что общаго имѣютъ [illegible] права и отношенія съ правами имущ[illegible] ными, съ правами по обязательств[illegible] юридическими отношеніями, возни[illegible] при переходѣ правъ по началамъ [illegible] канія? Рѣшительно ничего, ни по ха[illegible] ни по свойствамъ. Семейныя права [illegible] шенія, безъ сомнѣнія, имѣютъ ва[illegible] правоспособность, могутъ быть исто[illegible] основаніемъ особаго рода имуществ[illegible] правъ и обязательствъ; но разнѣ[illegible] помочиваетъ включать ихъ самихъ [illegible] данское право называть ихъ самих[illegible] данскими правами, гражданскими [illegible] скими отношеніями? Имущественны[illegible] имѣютъ предметомъ физическія вещ[illegible] ности; обязательства имѣютъ пр[illegible] услуги всякаго рода, тоже когда о[illegible] сталяютъ матеріальныя, вещественн[illegible] ности. Какія же вещи и вещественн[illegible] ности составляютъ предметъ брачн[illegible] тельской власти? Мало того: что [illegible] ственно юридическаго въ сущности [illegible] союза и союза родителей и дѣтей? Рѣ[illegible] ничего. Они не подаются ни под[illegible] юридическія опредѣленія, и потому

права: они только снаружи обстав-
ридически; ихъ начало и прекра-
ходятся закономъ подъ юридическія
рѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда внут-
равственная связь, которая состав-
ь сущность, пренебрежена, когда
семенныя несогласія и раздоры,
къ далеко, что члены семьи пося-
честь, личную и имущественную
овенность другъ друга,—тогда, но
ко, законодательство вмѣшивается
ыя отношенія, на дѣлѣ уже пере-
ыть семейными, и сообразуясь съ
семейныхъ связей, на сколько се
вить во внѣшнихъ формахъ и при-
опредѣляетъ юридически взаимныя
бязанности членовъ семейства. Эти
ія — лишь очень далекій, слабый
семейныхъ отношеній, едва-едва
нающій, потому что все юридиче-
ущество своему, болѣе раздѣляетъ,
иняетъ, или же соединяетъ внѣш-
омъ то, что само по себѣ отдѣльно
нно: какъ же можетъ оно дать и
льное понятіе о связяхъ, основан-
кде и больше всего на взаимной
реданности, слѣдовательно, именно
ви? Отого-то юридическія опре-
семейныхъ отношеній вступаютъ въ
въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣд-
ѣлѣ уже нѣтъ; а гдѣ они дѣйстви-
ществуютъ, тамъ юридическія ихъ
би не имѣютъ приложенія, потому
ные союзы и юридическія отноше-
но исключаютъ другъ друга.

ни по предмету, ни по характеру,
семейные союзы не имѣютъ ничего
прочими юридическими отноше-
ели отчасти понятны историческія
почему они у римлянъ входили въ
ражданскаго права въ тогдашнемъ
ого названія то нельзя по истинѣ
ться, какимъ образомъ они до сихъ
ятся къ гражданскимъ правамъ
ямъ, хотя бы даже въ томъ не-
омъ семьѣ, недостаточномъ, неопр-
искаженномъ видѣ, въ какомъ она
въ юридическихъ опредѣленіяхъ?
остраняясь о союзѣ родственномъ,
оже входитъ лишь одной своей сто-
гражданское право, именно какъ
основаніе, условіе гражданскихъ
отношеній, перейдемъ къ опекѣ и
ству Ихъ характеръ опять совсѣмъ
особый и имѣетъ мало общаго съ семейными правами съ одной стороны, съ правами и отношеніями имущественными и по обязательствамъ—съ другой. И опека и попечительство дополняютъ, только въ различной мѣрѣ и степени, неспособность людей лично и самостоятельно пользоваться своими правами, распоряжаться своими дѣлами и имуществомъ по своему усмотрѣнію. Опека отчасти замѣняетъ родительскую власть только для круглыхъ сиротъ: по нашему законодательству она впрочемъ и для круглыхъ сиротъ назначается только когда у нихъ есть какое нибудь имущество; во всѣхъ другихъ случаяхъ она не имѣетъ и съ нею ничего общаго; поэтому-то родители могутъ быть вмѣстѣ и опекунами своихъ дѣтей. При такомъ значеніи опеки и попечительства, никакъ нельзя понять, почему они до сихъ поръ продолжаютъ включаться въ гражданское право и именно въ разрядъ семейныхъ правъ. Не странно ли видѣть, что опека надъ умалишенными и слабоумными, даже опека надъ мотами и расточителями стоитъ въ учебникахъ въ одной рубрикѣ съ опекою и попечительствомъ надъ малолѣтними и совершеннолѣтними и въ одномъ разрядѣ съ бракомъ и родительскою властью? Какъ не назвать такого состава гражданскаго права разнокалиберными! Что же общаго между отношеніями по имуществамъ и по обязательствамъ съ отношеніями по дополненію неспособности лица самостоятельно управлять собою и своими дѣлами? Опека и попечительство, какъ и семья, могутъ установлять юридическія отношенія: но здѣсь рѣчь идетъ не объ этомъ ихъ послѣдствіи, а объ нихъ самихъ, о ихъ существѣ, независимо отъ необходимаго и возможнаго ихъ дѣйствія и вліянія.

Вотъ соображенія, по которымъ весь разрядъ семейныхъ правъ, въ полномъ его составѣ, не долженъ бы относиться къ гражданскому праву и принадлежитъ къ другимъ отдѣламъ законодательства и правовѣдѣнія. Опека и попечительство, по цѣли, для которой учреждаются, входятъ въ ученіе о правоспособности, которая, какъ извѣстно, бываетъ юридическая и такъ-называемая фактическая. Первая состоитъ въ юридической способности имѣть права, находиться въ юридическихъ отношеніяхъ: такъ достигшій 18-тилѣтняго возраста имѣетъ право вступить въ бракъ; кому исполнилось 70 лѣтъ, тотъ те-

ряетъ это право и т. п.; фактическая правоспособность предполагаетъ, что имѣющій право юридически правоспособный настолько зрѣлъ умомъ и волей, что можетъ самъ, по своему личному усмотрѣнію, пользоваться своими правами, не нуждаясь въ чужой помощи. Этой способности не имѣютъ дѣти, умалишенные, слабоумные, имѣютъ, но не въ полной мѣрѣ, лишенные нѣкоторыхъ важнѣйшихъ внѣшнихъ чувствъ, напримѣръ, глухонѣмые, глухослѣпые, легко подкергающіеся обманамъ. Надъ всѣми такими лицами учреждается опека или попечительство; это установленіе сопряжено не частное, не привatное, а публичное, и какъ состояніе въ тѣснѣйшей связи съ правоспособностью, относится къ ней и должно изучаться вмѣстѣ съ нею.

Другое представляетъ бракъ и союзъ родителей. Въ той недостаточной и несвойственной имъ, по ихъ сущности, формѣ, въ какой они являются въ законодательствѣ, именно въ видѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній они ставятъ человѣка въ извѣстное общественное положеніе, имѣющее, съ юридической точки зрѣнія много общаго съ положеніемъ, которое рождается вслѣдствіе принадлежности къ общинѣ, сословію, сословію, государству, къ извѣстному исповѣданію, общественное положеніе и есть именно то, что римляне называли status и къ видамъ которого они справедливо причислили тоже и семейное или семейное положеніе status familiae; оно, какъ и всѣ другія общественныя положенія, которыя мы исчислили, можетъ быть источникомъ и основаніемъ разныхъ гражданскихъ правъ и юридическихъ отношеній, установлять ихъ, видоизмѣнять, прекращать не будучи само ни гражданскимъ правомъ ни гражданскимъ юридическимъ отношеніемъ, а лишь извѣстнымъ общественнымъ состояніемъ. Около него группируются, сообразно съ его особенностями, и особенныя гражданскія права и отношенія, имъ создаваемыя, всякій на своей его почвѣ и которыхъ съ нѣмъ было въ этой формѣ [illegible] Такъ бракъ, отдѣляя въ особыя группы [illegible] гражданскія права [illegible] отношеній [illegible] отношеній [illegible] отъ основанія [illegible] которому они [illegible] Такія группы [illegible] гражданскихъ правъ и [illegible] образуются около [illegible] нихъ назадъ общественнаго и государственнаго быта, въ томъ числѣ и около [illegible] которая занимаетъ между ними одно изъ [illegible] выхъ мѣстъ. Какъ извѣстное общественное положеніе или состояніе, союзъ [illegible] союзъ родителей и дѣтей и союзъ [illegible] ный должны быть перенесены, въ томъ [illegible] какъ они опредѣляются юридически [illegible] ніе о состояніяхъ, разумѣя подъ „состояніе одни общественные разряды, классы, сословія, какъ понимаетъ ихъ Свѣтовъ, а всякое общественное положеніе государствѣ, какое бы ни было, если только юридически опредѣлено и [illegible] тоже юридически, вліяніе на правоспособность, съ которой состоянія, въ томъ общемъ смыслѣ, имѣютъ самую близкую и необходимую связь.

И такъ, вотъ сколько разнородныхъ [illegible] метовъ входитъ теперь, по ошибкѣ и [illegible] недоразумѣнію, въ составъ гражданскаго права и считается его существеннымъ содержаніемъ, тогда какъ, на самомъ [illegible] принадлежатъ къ публичному праву. Мудрено ли что разницы между послѣдними и гражданскимъ правомъ такъ неопредѣленны? Мудрено ли что по теперешнему составу гражданскаго права никакъ не [illegible] весть точно его опредѣленія ни объ его предметы, объемъ и предѣлы [illegible] ческія потребности рѣшили, случайныя [illegible] ють, что должно къ нему принадлежать [illegible] ціе серѣпило, а ученая рутина [illegible] спрашивать опять состоятъ разными [illegible] ніями.

V.

Запутанность, происходящая отъ [illegible] нія многихъ предметовъ гражданскаго [illegible] въ публичное, и наоборотъ, многихъ [illegible] публичнаго права въ составъ гражданскаго [illegible] объясняется тѣмъ, что мы упорно [illegible] до сихъ поръ, держимся римской [illegible] обращая вниманія на то, что между [illegible] временемъ римской имперіи и сложившимся подъ его вліяніемъ понятіями и [illegible] и между условіями, при которыхъ [illegible] какъ образовался римскій [illegible] опыта и отвлеченія, сами по себѣ, [illegible] себѣ полныя и ясныя понятія и [illegible] ченія о вещахъ, и потому было бы [illegible] удивительно если мы даже продолжаемъ [illegible] ного также какъ римляне черезъ [illegible] полторы тысячи лѣтъ подчинялись [illegible]

удь получше римскаго различенія
отъ частнаго; но тутъ, къ есте-
успѣхамъ опыта и знанія, при-
ще глубокое, коренное разли-
ихъ основаніяхъ римскаго и на-

Когда римская юриспруденція
римскій общественный духъ давно
шее общество представляло собра-
, индивидуальностей, разрозненъ-
авшихся до того, что никакія
не могли болѣе воскресить между
ственной жизни: эти атомы, по-
въ себя, не имѣвшіе между собою
ной связи, находившіеся только
мости въ наружныхъ соприкосно-
жду собою, связывались внѣшнимъ
имъ образомъ въ одно цѣлое го-
ною властью. Такой быть, въ ко-
дивидуальность была единствен-
омъ, единственной точкой отправ-
звель римскихъ стоиковъ и рим-
урецевъ,—онъ же произвелъ и
ало: эти явленія имѣютъ внутрен-
о, потому что выросли на одной
ственной и общественной почвѣ.
ъ правѣ, всѣ права, юридическія
начала освѣщены съ точки зрѣ-
ги, индивидуальности; публичными
только: внѣшняя общественная
венная связь, ея принадлежности,
дѣйствія; все же остальное есть
ватное; и такъ, одно отъ другого
ю однимъ лишь внѣшнимъ при-

воззрѣнія новыхъ народовъ совер-
жноположны этимъ. Въ теперешъ
жизнь слагается изъ безчислен-
ства общественныхъ союзовъ, мѣст-
вашимъ и сословіямъ, по исповѣ-
занятіямъ, производству и про-
ученымъ и общественнымъ цѣ-
союзы, или существуя другъ подлѣ
постепенно возвышаясь одни надъ
ими рядами круговъ, и концен-
и пересѣкающихся во всѣхъ воз-
правленіяхъ, и поднимаясь ча-
мъ до высшей государственной,
й среды, сливаютъ частную,
ную жизнь съ государственной,
ичности замкнуться исключительно
ересться въ своей обособленности,
ть въ ней общественный духъ
посредниками между индивидуаль-
ъ и высшими интересами пуб-
личной и государственной жизни. Общественный духъ, которымъ проникнуты новыя европейскія общества, не создалъ политическими учрежденіями, а въ нихъ лишь выразился: онъ далъ этими безчисленными кружками и союзами, которые овладѣваютъ человѣкомъ чуть-чуть не со дня его рожденія и ужъ непремѣнно со школьной скамьи, воспитываютъ его и поддерживаютъ въ общественной жизни и дѣятельности до самой гробовой доски. Ясно, что при такихъ условіяхъ должны были сложиться совсѣмъ другія понятія о публичномъ и частномъ. То и другое у новыхъ народовъ такъ близко другъ къ другу, такъ взаимно проникаетъ другъ друга, что о различеніи и разграниченіи ихъ по внѣшнимъ признакамъ, какъ дѣлали римляне временъ имперіи, не можетъ быть и рѣчи. Оттого, мы грѣшимъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ съ римлянами; мы, можетъ быть, слишкомъ все обобщаемъ, чрезъ мѣру придаемъ частному общественный и публичный характеръ, невоздержно возводимъ каждое индивидуальное, единичное, частное явленіе тотчасъ же въ общій принципъ, въ общее начало. По свойствамъ нашего быта и нашихъ воззрѣній, мы склонны до того улетучивать все частное, особенное, въ публичное и общее, что, можетъ быть, переступаемъ черту должнаго, переходимъ въ излишество и крайность, отказываемъ индивидуальному, частному, единичному даже въ той долѣ самостоятельности, самобытности, которая принадлежитъ ему по праву, и которую римляне временъ имперіи, наоборотъ, чрезвеличивали и раздували до крайности, до излишества. Не въ этой ли наклонности новыхъ народовъ чрезмѣрно обобщать индивидуальное и частное скрывается причина, почему у нихъ уголовное и публичное право развились такъ блистательно, а гражданское осталось при римскихъ образцахъ? Не этимъ ли объясняется странное явленіе, что новые европейскіе народы, сознавая неудовлетворительность римскаго права для современнаго быта, частнаго и общественнаго, до сихъ поръ, однако, не могутъ съ нимъ разстаться? Не потому ли столько времени и такъ упорно держится предразсудокъ, ничѣмъ не оправдываемый, будто бы гражданское право есть область индивидуальной воли и свободы? Римскій взглядъ на всѣ юридическія явленія, даже и на очевидно публичныя, общественныя, съ точки зрѣнія личности,

индивидуальности, дѣйствительно представляетъ, въ сравненіи съ точкой зрѣнія новыхъ европейскихъ народовъ на тѣ же явленія, хотя и въ преувеличенныхъ размѣрахъ, начало, которымъ современные народы, можетъ быть, болѣе пренебрегаютъ, чѣмъ бы слѣдовало.

Не развивая далѣе этихъ мыслей, замѣтимъ, что существованіе двухъ, такъ рѣзко другъ другу противорѣчащихъ воззрѣній на юридическія явленія, доказываетъ необходимость снова критически изслѣдовать вопросъ о различіи публичнаго и приватнаго. Римляне на все смотрѣли съ частной, партикулярной, а новые народы европейскаго материка,— съ публичной точки зрѣнія. Удивительно, однако, что какъ римскіе юристы, по однимъ наружнымъ признакамъ, отнесли нѣкоторыя юридическія явленія къ числу публичныхъ, также точно и современные правовѣды, по однимъ наружнымъ признакамъ, именно по преданіямъ римскаго права, считаютъ извѣстныя юридическія явленія частными, приватными. Въ этой послѣдовательности того и другаго взгляда, въ недостаткѣ критическаго проведенія той и другой теоріи до конца и скрывается, какъ мы думаемъ, причина путаницы. Сопоставленіе и противуположеніе публичнаго и частнаго, потому только считалось, и до сихъ поръ считается, возможнымъ что ни то, ни другое не было понято, какъ слѣдуетъ, до ихъ общихъ теоретическихъ основаній, и римскіе и новые юристы смѣшиваютъ теоретическую точку зрѣнія съ положительной и практической, и именно поэтому останавливаются въ своихъ изслѣдованіяхъ на полпути передъ видимыми гранями. Вслѣдствіе этого, въ ихъ взглядахъ, ихъ теоріяхъ, нѣтъ одного существеннаго достоинства, именно строгой послѣдовательности, и вотъ причина, почему они запутались и сбились въ окончательныхъ своихъ результатахъ.

Мы думаемъ и твердо увѣрены, что сопоставленіе и противуположеніе публичнаго и приватнаго, государственнаго и частнаго, не можетъ и не должно служить основаніемъ для разграниченія правъ и юридическихъ отношеній публичныхъ отъ гражданскихъ, потому что нѣтъ такого юридическаго явленія, которое въ одно и то же время, и существенно и привходящимъ характеромъ, того и другой сторонѣ, нельзя съ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, а при классификаціи по точкамъ зрѣнія ко… одинаково примѣняются ко всѣмъ пре… непремѣнно должно произойти то же, … чилось по поводу извѣстной статьи … рой двое ломали копья,—одинъ что… зать, что она золотая, а другой—что… ребряная; на самомъ же дѣлѣ она … стороны, была золотая, а съ другой … пая, но каждый изъ противниковъ … ее только съ одной стороны. Разр… предметы по классамъ, на основаніи … ковъ, всѣмъ имъ общихъ, очевидно, … нельзя; если всѣ юридическія … одно и тоже время, съ одной точки … имѣютъ публичный и государствен… рактеръ, а съ другой—приватный и … то было бы противно здравому смы… дѣлить всѣ эти явленія на двѣ кат… сказать, что одни, эти вотъ, принад… государственному публичному прав… тія, вотъ эти, къ частному, приватн… и другія, т.-е. всѣ, будутъ принадле… обѣимъ категоріямъ, а на самомъ … къ одной изъ нихъ, потому что та… тегоріи существовать не можетъ.

Такимъ образомъ, съ мыслью, … гражданскомъ правѣ одни частныя, … ныя юридическія отношенія и пр… должны совсѣмъ разлетаться.

Но нельзя ли найти какой-нибудь … признакъ, которымъ бы граждан… юридическія отношенія отличались … личныхъ. Не слѣдуетъ ли, напримѣр… что въ способахъ ихъ установленія … пробно разсмотрѣли попытку такого … няли, что она тоже не приводит… шему результату. Стало быть, и … разграничить публичное право отъ … сего по способамъ установленія … юридическихъ отношеній надо … статься.

Говоря о гражданскомъ правѣ, … представляемъ себѣ то, которое по… нашимъ теперь разумѣемъ, и … тимъ что оно образуетъ нѣчто о… цѣлое, полное, округленное въ себѣ … ли это? Вглядываясь внимательно … гражданское, мы находимъ что и это … въ немъ много тайнаго и многаго не… Но съ того-этого очевидно, что … все гражданское право, съ чего нач… называемъ, есть готовое здание, по… есть разнообразнаго матеріала, по … плану, при комбинаціи которыхъ по…

ности играли немаловажную роль,
храмину слѣдуетъ разобрать
язу, хорошенько перебрать мате-
двигнуть вновь на правильныхъ
ихъ основаніяхъ. Коренная ел
сеть единственный способъ осво-
ническую теорію и практику отъ
ихъ путаницъ, напрасныхъ и не-
троплетеній и безконечныхъ спо-
анныхъ отъ старины неестествев-
вой системой, которая удержа-
анныхъ чертахъ до сихъ поръ,
астичными наружными подновле-
красами, разсчитанными на то,
ть ей современный видъ и скрыть
трещины.

строить гражданское право на по-
ніяхъ, необходимо прежде всего
какія права и юридическія от-
жны составить его содержаніе въ
. Для разрѣшенія этого вопроса
въ предшествующихъ изслѣдова-
казаніяхъ, которыми и можемъ те-
ьзоваться. Во-первыхъ мы ви-
есь разрядъ семенныхъ отноше-
быть выключенъ изъ гражда-
потому что не имѣетъ ничего
съ вещными правами, ни съ обя-
зательствами, ни съ юридиче-
скими, возникающими при на-
Семейное право слѣдуетъ пере
убличное право. Во-вторыхъ, мы
въ своемъ мѣстѣ показать, что по-
ые, публичные элементы, по свое-
му, по своей природѣ, суть на-
хины, идеи, которыя въ дѣйстви-
внѣшнимъ образомъ, представ-
ляемыми учрежденіями и долж-
щими. Существованіе и публичная
ь тѣхъ и другихъ ставятъ ихъ въ
ія соприкосновенія съ частными
муществами. При всѣхъ такихъ
ениихъ, учрежденія и должности
щія государство, и результаты
ности, получаютъ приватныя ха-
о сонѣмъ не значитъ что госу-
учрежденія, государственныя
лжности, государственная соб-
ельность, могутъ когда-нибудь
ѣ, сдѣлаться частными, приват-
мъ выражается, что соприкосно
е вообще съ публикой, съ наро-
ми,—а съ отдѣльными частными
новлять, измѣнять или упразд-
няютъ права и юридическія отношенія, по своему характеру частныя, приватныя, несмотря на то, что основанія, побужденія и цѣли при установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ ихъ, не приватныя, а публичныя.

Въ положительныхъ законодательствахъ новыхъ европейскихъ народовъ (кромѣ Англіи) замѣтна, въ этомъ отношеніи, нѣкоторая непослѣдовательность. Одни права и юридическія отношенія, возникающія вслѣдствіе соприкосновенія государства съ частными лицами, причисляются къ гражданскому праву, другія—къ публичному или государственному, по разнымъ произвольнымъ и случайнымъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ на основаніи римскаго права. Мы думаемъ, что такого различенія дѣлать не слѣдуетъ, потому что всѣ права и юридическія отношенія этого рода имѣютъ частный характеръ и слѣдовательно должны принадлежать къ гражданскому праву. Такимъ образомъ, къ нему должно присоединить сверхъ отношеній государства съ частными лицами по имущественнымъ правамъ, сверхъ заключаемыхъ между государствомъ и частными лицами контрактовъ и договоровъ, сверхъ обязательствъ, взаимно между ними возникающихъ изъ нанесенія ущерба и убытковъ,—еще и юридическія отношенія, возникающія по взысканію (но отнюдь не по установленію въ видѣ общей мѣры) податей и денежныхъ повинностей, по отправленію (тоже никакъ не по установленію въ видѣ общей мѣры) вещественныхъ и личныхъ натуральныхъ повинностей; взаимныя имущественныя и денежныя претензіи правительства или частныхъ лицъ съ одной стороны, чиновниковъ—съ другой возникающія по поводу отправленія послѣдними служебныхъ обязанностей; всякаго рода денежныя и имущественныя сдѣлки и разсчеты между правительственными учрежденіями и должностными лицами съ одной стороны, частными лицами—съ другой, по дѣламъ и надобностямъ службы; взысканіе (а не установленіе въ видѣ общей мѣры) пошлинъ, акциговъ, штрафовъ, пеней и вообще всякаго рода сборовъ, какіе бы они ни были.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что даже съ общепринятой генеральной точки зрѣнія на гражданское право, нынѣшній составъ его не выдерживаетъ критики и оказывается, съ одной стороны, слишкомъ обширнымъ, а съ другой—не полнымъ. Измѣнивъ его по этимъ указаніямъ, мы получимъ цѣлый, очень обширный

разрядъ или классъ правъ и юридическихъ отношеній, однородныхъ, имѣющихъ общіе всѣмъ имъ характеристическіе признаки, и потому подходящихъ подъ одно общее опредѣленіе. И такъ, одно измѣненіе содержанія или состава уже даетъ твердое основаніе, точку опоры и руководную нить для коренной перестройки теперешней системы гражданскаго права; намъ остается только строго ихъ держаться, чтобы, не отклоняясь отъ прямого пути, достигнуть правильнаго результата.

Разсмотримъ сперва внимательно права и юридическія отношенія, которыя вошли въ новый составъ гражданскаго права. Какая у нихъ общая черта, общій характеристическій признакъ? Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ безъ изъятія права и юридическія отношенія, принадлежащія къ этому новому составу, имѣютъ предметомъ матеріальныя, вещественныя цѣнности, въ какомъ бы то видѣ ни было, въ видѣ ли физическихъ вещей, или въ видѣ правъ или услугъ.

Это первый выводъ. Имъ опредѣляется, точнымъ образомъ, содержаніе гражданскаго права въ новомъ его видѣ. Затѣмъ, будутъ ли принадлежащія къ нему права и юридическія отношенія имѣть болѣе публичный, или болѣе частный характеръ, будутъ ли они результатомъ частной или правительственной дѣятельности, установлены ли они частною волею, по взаимному соглашенію, или закономъ, административною мѣрою, судебнымъ рѣшеніемъ, или внѣшнимъ матеріальнымъ фактомъ,—это совершенно все равно: право или юридическое отношеніе принадлежитъ или не принадлежитъ къ гражданскому праву въ новомъ его видѣ, смотря по тому, имѣетъ ли оно предметомъ физическую вещь, услугу, вообще что бы то ни было, представляющее матеріальную цѣнность, или не имѣетъ; изъ этого общаго правила нѣтъ исключеній. Этимъ устраняются всѣ нескончаемые и чрезвычайно запутанные споры о томъ, какія права и юридическія отношенія слѣдуетъ причислять къ публичному и какія къ частному праву, по характеру, значенію, по способамъ установленія, измѣненія, прекращенія. Вещественная цѣнность служитъ самымъ вѣрнымъ, безошибочнымъ и наглядньшъ показателемъ гражданскихъ правъ и юридическихъ отношеній, причемъ одни изъ нихъ могутъ имѣть болѣе или менѣе публичный, другія—болѣе или менѣе частный характеръ, одни могутъ возникать такъ, другія иначе.

Второй выводъ, кажется, свойства гражданскихъ правъ, гражданскихъ юридическихъ отношеній, въ ихъ новомъ значеніи, мы сейчасъ опредѣлили. Когда мы сказали, что предметъ права есть вещь, услуга, матеріальная цѣнность, то уже этимъ самымъ выражается, что такія права — не общія начала, не общія юридическія идеи, а индивидуальныя, единичныя, особенныя, конкретныя юридическія явленія, во-первыхъ, потому, что таковы по своей природѣ вещи, услуги, цѣнности, а во-вторыхъ, потому, что только извѣстныя, опредѣленныя, дѣйствительныя, такъ-называемыя юридическія лица, сами по себѣ или въ совокупности, могутъ имѣть права на цѣнности. Тоже самое и по тѣмъ же причинамъ должно сказать и о юридическихъ отношеніяхъ, которыхъ предметъ матеріальныя цѣнности: эти отношенія, по необходимости,—тоже индивидуальныя, особенныя, единичныя юридическія явленія, потому что вещественная цѣнность непремѣнно предполагаетъ отношенія между извѣстными лицами, а не вообще между лицами.

И такъ, характеристическое свойство гражданскихъ правъ, гражданскихъ юридическихъ отношеній заключается въ томъ, что они такія-то, опредѣленныя, извѣстныя, а не единичныя, обособленныя юридическія явленія, а не общія юридическія начала, принципы, идеи. Это свойство, какъ мы сказали, существенно и исключительно обусловливается тѣмъ, что предметъ ихъ матеріальныя, слѣдовательно извѣстныя, опредѣленныя, тоже единичныя и обособленныя цѣнности.

Чтобы пояснить нашу мысль, попробуемъ на любомъ примѣрѣ изъ гражданскаго права. Возьмемъ хоть такой случай: кто-нибудь присвоиваетъ себѣ неправильно чужую собственность; судъ защищаетъ хозяина и предписываетъ нарушителя отдать ее назадъ. Возьмемъ этотъ случай и постараемся разобрать элементы, изъ которыхъ онъ слагается. Во-первыхъ, мы видимъ изъ него, что существуетъ извѣстное лицо, владѣющее извѣстною вещью на правѣ собственности; это право — тоже извѣстное, а не вообще право собственности, потому что принадлежитъ этому извѣстному лицу на эту извѣстную вещь. Во-вторыхъ, мы видимъ, что существуетъ другое, тоже извѣстное лицо, которое неправильно нарушаетъ эту извѣстную собственность. Въ-третьихъ, мы видимъ, что

того нарушителя возвратить эту, ственность такому-то, извѣстному Вотъ передъ нами цѣлый рядъ явленій: такая-то собственность, вещь, такого-то хозяина; такое-ение такимъ-то лицомъ; принуж-ь этого лица возвратить эту вещь хозяину. Всѣ эти явленія, вид-но и въ совокупности, не понятны: ся: почему владѣніе вещью есть ть и право, почему присвоеніе есть нарушеніе права собствен-му нарушитель долженъ возвра-ея хозяину, почему за наруше-етъ пѣшательство суда и почему власть принудить нарушителя вещь хозяину? На всѣ эти во-домъ приведенномъ случаѣ, нѣтъ находимъ отвѣтъ лишь въ томъ валѣ публичнаго права, что въ номъ общежитіи обладаніе каж-какою-либо вещью, когда такое нарушаетъ обладанія тою же ого лица или другихъ лицъ, со-раво, которое должно быть при-уважаемо всѣми и каждымъ, дру-ги не должно быть никѣмъ на-о общее начало обязательно для исключенія, подъ страхомъ при-ѣ его исполненію судомъ; оно и икъ, причина, основаніе, которые ятся въ приведенномъ случаѣ и всѣ отдѣльныя явленія, на кото-разложили, и ихъ взаимную связь. точно случаевъ можетъ быть мно-всѣ они будутъ объясняться тѣмъ началомъ, которое и для всѣхъ служить источникомъ, причиной, будетъ во всѣхъ нихъ предпо-ить и въ этомъ. Однако, дѣйствуя ихъ случаяхъ, оно, само по себѣ, гражданское право, ни граждан-ческое отношеніе; гражданскимъ детъ именно каждый отдѣльный данія извѣстнаго лица извѣстною жданскимъ юридическимъ отноше-ъ каждый отдѣльный случай со-ія такого-то хозяина извѣстной имъ-то другимъ лицомъ, по этой ю поводу ея; отдѣльныхъ слу-о обладанія и такихъ соприкосно-ъ быть очень много, и всѣ они жданскими правами и граждан-ическими отношеніями, когда то общее начало, о которомъ мы говорили, является въ нихъ какъ основаніе, причина, когда оно въ нихъ предполагается. Отдѣльные случаи соприкосновенія хозяина съ другими лицами о своей вещи или по поводу ея, могутъ состоять въ добровольныхъ соглашеніяхъ и сдѣлкахъ съ ними, и это будетъ выражать, что эти лица признаютъ его право на эту вещь; или случаи соприкосновенія могутъ состоять въ присвоеніи посторонними лицомъ или посторонними лицами этой вещи, несмотря на то, что хозяинъ имѣетъ на нее право собственности; это будутъ нарушенія его права съ ихъ стороны, противъ которыхъ судъ, каждый разъ, будетъ его защищать; и случаи признанія права собственности хозяина, и случаи нарушенія его, какъ ни различны между собою, однако равно предполагаютъ общее начало публичнаго права, приведенное выше, потому что безъ него обладаніе хозяина вещью не было бы правомъ, присвоеніе его вещи другимъ лицомъ не было бы нарушеніемъ. Что же мы видимъ? Общее начало права собственности, въ общей своей формѣ, существуетъ только въ законѣ, да въ нашемъ сознаніи: въ дѣйствительности же, въ этомъ видѣ, никогда, ни въ чемъ не осуществляется, а выражается только въ отдѣльныхъ случаяхъ права собственности такихъ-то лицъ на такія-то вещи, въ отдѣльныхъ случаяхъ юридическихъ отношеній такихъ-то изъ хозяевъ о ихъ извѣстныхъ вещахъ или по поводу этихъ вещей, съ такими-то посторонними лицами. Мало того: въ общей своей формѣ, указанное общее начало опредѣляетъ и права и отношенія по этому праву между лицами, потому что каждое право есть непремѣнно и отношеніе; а въ дѣйствительности, право собственности можетъ существовать безъ юридическихъ отношеній, потому что иной хозяинъ, по своей вещи, очень легко можетъ не имѣть никакихъ соприкосновеній съ другими лицами: живутъ же въ обществѣ люди, не зная совсѣмъ, даже не подозрѣвая существованія другъ друга; а между тѣмъ, общее начало публичнаго права, служащее основаніемъ права собственности, для всѣхъ ихъ обязательно, и по закону, и по сознанію. Итакъ, то что въ публичномъ правѣ есть общее правило, начало, принципъ, то въ гражданскомъ правѣ есть особое, единичное явленіе, частный случай, дѣйствительное примѣненіе общаго правила. Въ этомъ-то и заключается коренное, существенное свойство

гражданскихъ правъ и юридическихъ отношеній, что они частные случаи, явленія, а не начала, которыя по своей природѣ—общія и именно потому имѣютъ публичный характеръ и принадлежатъ къ публичному праву. Въ этомъ смыслѣ, какое гражданское право и гражданское юридическое отношеніе ни взять, оно никогда не имѣетъ своего общаго основанія или предположенія въ себѣ самомъ, а непремѣнно въ какомъ-нибудь общемъ началѣ публичнаго права. Юристы-теоретики, къ сожалѣнію, не всегда это помнятъ, и потому нерѣдко впадаютъ въ важныя ошибки. Примѣромъ можетъ служить тоже право собственности; вмѣсто того, чтобы искать объясненія его въ общихъ основаніяхъ общежитія и организованной общественности, юристы остановились на связи между человѣкомъ и вещью, и увидѣли въ обладаніи послѣднею зародышъ правъ и юридическихъ отношеній, которыя, будто бы, поэтому и обязательны для всѣхъ людей. Но отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ, сами по себѣ, очевидно, не заключаютъ въ себѣ и не могутъ заключать ничего юридическаго; юридическій характеръ придаютъ имъ только взаимныя отношенія людей въ устроенномъ общежитіи, внѣ котораго нѣтъ и не можетъ быть ничего юридическаго.

Такимъ образомъ, повторяемъ, надобно строго отличать общія начала, основанія, предположенія гражданскихъ правъ и гражданскихъ юридическихъ отношеній, отъ самыхъ этихъ правъ и отношеній въ дѣйствительности; въ послѣдней они всегда являются въ видѣ извѣстныхъ случаевъ, слѣдовательно, непремѣнно единично, индивидуально, обособленно между извѣстными лицами, а не всѣми и каждымъ, въ извѣстной, практически опредѣленной и данной формѣ. Надо полагать, что смутное предчувствіе этой характеристической черты и заставило юристовъ считать гражданскія права и юридическія отношенія частными, приватными, подало мысль, что тѣ и другія по существу своему касаются индивидуальностей, личностей. Еслибы рѣчь шла только о терминахъ и выраженіяхъ, то конечно не стоило бы о нихъ много спорить; но въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ случаѣ ошибочное выраженіе было послѣдствіемъ неяснаго представленія о самой сущности предмета, отчего наука и наводнилась безчисленными ошибками и ложными выводами. Изъ того, что частное, приватное различно отъ публичнаго, индивидуальное—отъ общаго, заключили, что всѣми гражданскими правами и [illegible] юридическими отношеніями можно [illegible] публичныя отъ частныхъ, личныя отъ [illegible] Отсюда цѣлыя горы запутанностей, разумѣній всякаго рода, для устраненія которыхъ и необходимо глубже вникнуть, чему же гражданскія права и отношенія имѣютъ частный и личный характеръ, какомъ именно смыслѣ ихъ можно приватными,—признать, что личность въ нихъ первую, главную роль. Но этого свойства до его корня пока [illegible] мы осуждены вѣчно путаться, вѣчно [illegible] вать публичное право съ гражданскимъ [illegible] ваться въ неестественныя построенія, [illegible] нимать исторически преданія за [illegible] ские принципы науки.

Все сказанное выше о гражданском [illegible] какимъ оно должно быть въ новомъ [illegible] видѣ, можетъ быть выражено въ слѣдующ [illegible] немногихъ словахъ: къ гражданскимъ [illegible] принадлежатъ всѣ права и юридическія [illegible] пошенія, которыя имѣютъ предметомъ [illegible] ческія вещи, услуги и вообще всякія [illegible] ріальныя, вещественныя цѣнности. [illegible] ли эти права и отношенія преимущественно [illegible] публичное, или преимущественно [illegible] значеніе, устанавливаются ли они [illegible] ныхъ лицъ, или закономъ, администра [illegible] ными мѣрами, судебными рѣшеніями [illegible] матеріальными фактами, — не составляетъ [illegible] существенной разницы; но по своимъ [illegible] методамъ, съ которыми гражданскія и [illegible] юридическія отношенія имѣютъ дѣло, [illegible] права и отношенія имѣютъ личный, [illegible] туальный, единичный характеръ. [illegible] отличаются отъ публичныхъ правъ и [illegible] шенія, которыя, по существу своему, [illegible] общія, ибо имѣютъ дѣло съ общими [illegible] ческими началами, основаніями, идеями.

Слѣдуетъ ли удержать за гражданскимъ [illegible] правомъ, въ новомъ его видѣ, тотъ [illegible] ничего не значащее, ничего не выражающее [illegible] названіе, или надо придумать новое, [illegible] систему принять для классификаціи [illegible] сленныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ [illegible] гражданскихъ правъ и отношеній, [illegible] просы здѣсь для насъ второстепенные, [illegible] особенно важные. Можно назвать [illegible] ское право—„правомъ на вещественныя [illegible] ности“ или „правами на вещи, услуги [illegible] ріальныя цѣнности“; но едва ли [illegible]

названия получать право граждан-
правоѣдѣніи и особливо въ положи-
законодательствахъ, потому что
искуственны или длинны; и такъ,
ить всего проще будетъ остаться
ешнемъ общемъ названіи „граж-
право", къ которому уже привыкли.
тем, соединяя съ нимъ не теперешнее
тое значеніе; еще лучше было бы,
совѣмъ отбросить общее названіе
ь только принятыя теперь назва-
главнѣйшихъ подраздѣленій граж-
правъ и отношеній на имущественныя
вещныя и по обязательствамъ: мы
очли эти частныя названія общему
ю, что и въ новомъ своемъ видѣ
вое право должно, во всякомъ слу-
нить это подраздѣленіе, основан-
момъ существѣ дѣла, и потому пра-
дальнѣйшія подраздѣленія правъ
и по обязательствамъ на простыя
и послѣднихъ на группы, будетъ
ѣть отъ особенностей положитель-
законодательствъ и не можетъ быть
рѣдко общими теоретическими со-
ами.

въ какомъ видѣ представляется намъ
вое право, по своей сущности, очи-
отъ историческихъ наростовъ, высво-
и изъ-подъ толстаго слоя произволь-
теоретическихъ толкованій, ошибоч-
ятовъ и всяческихъ недоразумѣній,
ыхъ и новыхъ. Только въ этомъ про-
ственномъ своемъ видѣ, оно обра-
тому правъ и юридическихъ отно-
обаго рода, видимо отличающихся
другихъ своими особыми характе-
ыми признаками. Только разсматри-
ражданское право въ этомъ настоящемъ
и свѣтѣ, мы можемъ правильно и
ѣнить его значеніе, характеръ и
ѣлы его дѣйствія и вліянія, его
и слабыя стороны.

ское право имѣетъ дѣло прямо,
ственно съ внѣшними матеріальными
Его назначеніе—подвести ихъ подъ
ія опредѣленія, примѣнить къ нимъ
ала, идеи права. Въ этомъ смыслѣ
ка правовѣдѣнія, самая разнообраз-
и богатая формами, но за то самая
держаніемъ отрасль права. Внѣш-
ріальные предметы имѣютъ въ ней
ачительное и прилагаютъ отъ свой ха-
свою печать. Занимаясь исключи-
тельно вещами и матеріальными цѣнностями гражданское право также безпощадно, также математически точно, мы готовы почти сказать—также бездушно, какъ внѣшняя природа: изъ всѣхъ юридическихъ наукъ оно ближе всѣхъ подходитъ къ математикѣ, которая тоже занимается лишь внѣшнею стороною внѣшнихъ предметовъ. Какъ послѣдніе слабо, недостаточно выражаютъ наши мысли, цѣли, стремленія, часто передаютъ ихъ въ искаженномъ видѣ и всегда неполно, несовершенно,—какъ они служатъ лишь средствомъ для нашихъ цѣлей, точно также и гражданское право, его начала и основанія лежатъ внѣ его, роль его подчиненная, второстепенная и служебная: формы гражданскихъ правъ и юридическихъ отношеній лишь тускло, иносказательно отражаютъ на себѣ изгибы нашихъ мыслей, чувствъ, движеній нашей воли, наши намѣренія, словомъ нашу умственную и нравственную жизнь. Занимаю ли я деньги, чтобы играть въ карты, выручить друга изъ долговой тюрьмы, основать школу, домъ убогихъ, или удивить знакомыхъ и незнакомыхъ мимолетной роскошью, на займѣ не выразится ни одинъ изъ этихъ оттѣнковъ. Дѣлаю ли я подарокъ, чтобы помочь ближнему, обрадовать пріятеля, похвастать щедростью и богатствомъ, добиться благорасположенія лица, которое можетъ мнѣ быть полезно, или чтобы заставить хранить тайну, юридическій характеръ дара будетъ во всякомъ случаѣ, одинъ и тотъ же: мой домъ, какое бы я ему ни далъ назначеніе, какъ бы ни устроилъ его внутри и снаружи, какія бы цѣли, побужденія, мысли, желанія ни старался выразить въ его отдѣлкѣ, съ точки зрѣнія гражданскаго права будетъ лишь моя подвижимая собственность и ничего больше. Этимъ объясняется сухость, мертвенность, формализмъ, бездушіе и безстрастіе судебнаго и нотаріальнаго языка, которыя насъ непріятно поражаютъ, на которыя мы несправедливо жалуемся: языкъ гражданскаго права, какъ и языкъ математики, не можетъ быть другой. Но именно непосредственная связь гражданскаго права съ внѣшними предметами, и матеріальный характеръ, которыя оно отъ нихъ заимствуетъ, будучи источникомъ его недостаточности, односторонности и ограниченности, есть въ то же время источникъ его существенныхъ качествъ, причина его чрезвычайно важнаго значенія и роли въ общежитіи. Гражданское право, по своей точ-

пости, опредѣленности, не только сухо и черство, но и грязно: въ немъ никакъ нельзя фантазировать, дѣлать произвольныя построенія; въ его строгости, положительности, безстрастіи, если въ нихъ вглядѣться пристально, есть своего рода поэзія и прелесть; они напоминаютъ суровое величіе внѣшней природы, чуждой нашему горю и нашимъ радостямъ, равнодушно и неуклонно живущей своею обычною жизнію, по своимъ неизмѣннымъ законамъ. Какъ внѣшняя природа, гражданское право спокойно уживается со всѣми образами правленія, со всѣми политическими партіями, борьбами, потрясеніями, не потому, что податливо, гибко, уклончиво или раболѣпно, а потому что ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла; гражданскія права и юридическія отношенія лежатъ на самомъ днѣ житейскаго моря, на такой глубинѣ, куда не опускаются никакія общественныя и политическія бури. Оттого-то, изъ всѣхъ отраслей права, гражданское есть по преимуществу царство здраваго смысла,—самая вѣрная, безошибочная повѣрка и пробный камень достоинства всевозможныхъ политическихъ и общественныхъ преобразованій, которыхъ послѣднее слово отдается въ немъ, какъ и въ политико-экономическомъ, хозяйственномъ положеніи народа. Наконецъ, опредѣляя матеріальныя отношенія людей съ точки зрѣнія права, гражданское право непосредственно интересуетъ массы, и потому оказываетъ на нихъ большое вліяніе; въ этомъ его неизмѣримо важное воспитательное и образовательное значеніе. Всѣ другія вѣтви права, не исключая и уголовнаго, касаются народныхъ массъ не прямо или изрѣдка; только гражданское право имѣетъ съ ними дѣло ежедневно, близко, въ будничныхъ подробностяхъ ихъ быта. Изъ этого можно видѣть, какое глубокое вліяніе должно имѣть и хорошее и дурное гражданское законодательство на привычки понятія и нравственность народа.

Но, повторяемъ, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ всѣ достоинства гражданскаго права, а съ другой стороны, чтобы не требовать отъ него того, чего оно, по своей односторонности и недостаточности, дать не можетъ, нужно брать его не въ теперешнемъ-его составѣ и видѣ, а въ новомъ, преобразованномъ. Благодаря историческимъ случайностямъ и теоретическимъ недоразумѣніямъ, оно теперь наполнено ученіями публичнаго права, которое, въ обмѣнъ, приняло въ свой составъ нѣсколько главъ изъ гра- ученій. Что мудренаго, что при та- тасовкѣ предметовъ и происходящая смѣшенія понятій и началъ, на пра- право тоже стали смотрѣть съ не- точки зрѣнія, съумѣли увидать в какой-то палладіумъ гражданской Наше время ни на что не глядя оно ухитрится во всемъ видѣть об- ципы и даже самымъ по-политически- метамъ придастъ политически х Это наша болѣзнь и наше несч- именно такая привычка нашего у- ставляетъ особенно желать, чтобы ское право было совершенно отл- примѣси публичнаго права, ему свойственныхъ, и дополнилось тѣм- недоразумѣнію, отдѣлено отъ него личное право; ибо страсть прилаг- политическій цвѣтъ не ограничивается разговорами и разсужденіями, а ст- имѣетъ практически послѣдствія. О- и могла родить страшную мысль, бр- гражданское право можетъ быть и нымъ, и консервативнымъ, и прогрес- и реакціоннымъ! Эта мысль не оста- вліянія на законодательство, кот- собою разумѣется, взглянуло на гр- право съ консервативной точки зр- зультатомъ было, что многія права ческія отношенія, по существу сво- данскія, т.-е. имѣющія предметам- услуги и вообще матеріальныя цѣнн- бы изъяты изъ гражданскаго пра- триваются не по его началамъ и нены обыкновенной судебной юрис- торой предоставлены всѣ граждан- а разбираются чрезвычайнымъ, ад- тивнымъ порядкомъ. Но администр- юрисдикція въ дѣлахъ гражданскихъ бремя, тяжелый крестъ для народа значенная, какъ бы казалось, для- каленнаго интереса и для поддер- стоинства и авторитета правитель- органовъ, она обращается, на са- въ орудіе или административныхъ бленія, или административнаго пр- обрушивается всею своею тяжестью альные интересы, по природѣ с- спокойные, самые консервативные- жскимъ политическимъ стремлени- образомъ создаются массы недоволь- надобности, потому что главной са- ограждать интересы казны, подат-

правительству, административная
все-таки не достигаетъ. Нѣтъ со-
перестройка гражданскаго права
ыхъ теоретическихъ основаніяхъ,
гражданскихъ правъ и отношеній
ую окраску, которая имъ вовсе не
ачительно будетъ способствовать
ихъ изъ круга предметовъ, раз-
ыхъ съ политической точки зрѣ-
стѣ съ тѣмъ и отмѣнѣ или хоть
му ограниченію и стѣсненію адми-
нистративнаго разбирательства въ дѣлахъ гражданскихъ. Такимъ образомъ, переходящее гражданскаго права на другихъ основаніяхъ, настоятельно вызываемое теоретическими, научными соображеніями, можетъ оказаться не безполезнымъ и въ практическомъ отношеніи.

Вашъ.
16-го (28-го) декабря 1868.

(Спб. Вѣдомости, 1861, №№ 11, 13, 18, 24, 31 и 37, отдѣльно Спб., 1861).

книги: «ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПО ИМУЩЕСТВАМЪ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ета составилась изъ конспектовъ,
ъ я излагалъ гражданское право
военно-юридической академіи
въ 1878-1879 академическомъ
ясь, что читатели не припишутъ
самонадѣянности изданіе такого,
тношеніяхъ несовершеннаго труда:
виться выпустить въ свѣтъ подоб-
ку, нужно больше самоотверженія,
ть казаться съ перваго взгляда.
причины заставили меня присту-
зданію этихъ конспектовъ, не до-
ока они вырѣютъ до печати.
ъ нихъ та, что у насъ нѣтъ те-
нато курса русскаго гражданскаго
хорошаго, ни дурного. Лекціи по-
роф. *Мейера*, изданныя бывшимъ
мными, устарѣли и стали библіо-
ою рѣдкостью; почтенный трудъ
ударственнаго совѣта *Побѣдоносце-*
веденъ до конца и его тоже трудно
ь продажѣ; гг. профессоры *Мали-*
шевскій лишь въ прошломъ году
ватать свои курсы; того и другого
ва только по одному выпуску. Мнѣ
что при такихъ обстоятельствахъ
пектъ гражданскаго права, ка-
ъ ни былъ бы онъ полезенъ, и я
его издать.

По однимъ изъ главныхъ побужденій поспѣшить изданіемъ было желаніе скорѣе подѣлиться съ юристами, теоретиками и практиками, своими взглядами на систему гражданскаго права и провѣрить свои выводы мнѣніями и критикой знатоковъ дѣла.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, еще будучи профессоромъ гражданскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, я съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждался, что общепринятое построеніе этой науки, сложившееся въ Европѣ исторически и принятое нами цѣликомъ, не выдерживаетъ критики и требуетъ коренной передѣлки. Мысль эта занимала меня долго и неотступно. Оставя каѳедру, я въ 1864 году напечаталъ объ этомъ статью, подъ заглавіемъ: „Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?“ Впослѣдствіи, также мысль выяснялась для меня еще болѣе подъ вліяніемъ служебной практики и размышленій надъ нашимъ Сводомъ гражданскихъ законовъ, составленнымъ по общепринятой системѣ и котораго совершенная неудовлетворительность извѣстна всѣмъ и каждому.

Гражданское право, въ теперешнемъ своемъ составѣ и построеніи, исполнено противорѣчій; чтобъ ихъ выпутаться, ученые вынуждены прибѣгать къ объясненіямъ, нелѣпость которыхъ бросается въ глаза. Подъ покровомъ ошибочной теоріи, обветшавшія рим-

ская понятія о публичномъ и приватномъ правѣ, о необходимости юридическихъ фикціи, объ основаніяхъ обязательствъ и т. п. все еще полагаются въ наукѣ и практикѣ правомъ гражданства, повторяются и комментируются на разные лады. Гражданское право, гдѣ эти понятія теперь исключительно гнѣздятся, представляетъ какую-то ветхую храмину, посреди прочныхъ и стройныхъ зданій государственнаго, уголовнаго, полицейскаго (общественнаго), финансоваго права задуманныхъ и исполненныхъ по новому плану. Искусственно сложенная изъ обрывковъ римскаго права, въ разныя эпохи и много разъ подправленная и кое-какъ прилаженная къ новымъ постройкамъ, эта руина между юридическими науками безобразитъ всю систему юридическихъ отношеній, мѣшаетъ ихъ правильному сочетанію и спутываетъ понятія. Рано или поздно ее придется разобрать, освободить смежныя отрасли права отъ хлама, которымъ она ихъ засоряетъ, и выстроить имѣющееся новое зданіе, въ одномъ стилѣ съ прочими и соотвѣтственно болѣе развитой, цѣльной и сложной современной гражданственности.

Намъ, русскимъ, это сдѣлать легче, чѣмъ европейцамъ, потому что у насъ римское право никогда не было обязательнымъ закономъ, а у нихъ оно вошло въ плоть и кровь, съ нимъ они прожили весь вѣкъ и состарѣлись. То, что въ римскомъ правѣ пригодно при новыхъ условіяхъ жизни, уже вошло, въ переработанномъ видѣ, въ современныя европейскія законодательства; но самая переработка доказываетъ вполнѣ всю непримѣнимость къ теперешнимъ юридическимъ отношеніямъ римскаго гражданскаго права *какъ системы*.

Въ издаваемой книгѣ сдѣлана попытка построить систему гражданскаго права на новыхъ основаніяхъ. Удаченъ ли этотъ опытъ—рѣшатъ знатоки дѣла, теоретики и практики, которые, безъ сомнѣнія, не разъ наталкивались на теоретическія и практическія несообразности общепринятой системы гражданскаго права и ея основанія.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ.

Въ книгѣ найдется много пробѣловъ, недосмотровъ и ошибокъ. Прошу у читателей снисхожденія лично ко мнѣ, но не къ моей работѣ: чѣмъ строже она будетъ разобрана, тѣмъ болѣе дѣло выиграетъ. Спѣшность срочной работы заставила меня ограничиться, при изложеніи ученій, послѣдняго времени, ссылками на законы, которые обнимали постановленія только по 1 января [illegible]. Кромѣ того, я вынужденъ передъ всѣми моими слушателями тѣмъ, что не [illegible] свой курсъ военныхъ постановленій [illegible] полнотѣ, какъ бы хотѣлось мнѣ [illegible] эти недостатки пополнятся при чтеніи лекцій въ будущемъ же академическомъ [illegible] а къ печати при новомъ изданіи [illegible] если ей посчастливится дойти до [illegible] изданія.

2 апрѣля, 1879 г.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Предметъ гражданскаго права [illegible] пятымъ, установившимся въ наукѣ:

а) права и обязанности семейственныя и по имуществу опытнаго союза супружескаго и союза родительскаго). Усыновленіе. Опека;

б) права и обязанности по имуществу;

в) права и обязанности, вытекающія изъ обязательствъ (преимущественно изъ договоровъ);

г) юридическія отношенія по наслѣдству, они налагаются или въ видѣ особой [illegible] стоятельной части гражданскаго права, [illegible] какъ одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества.

Система гражданскихъ законовъ [illegible] законовъ. Въ немъ они составляютъ [illegible] часть X-го тома, и раздѣлены на [illegible] книги:

Кн. I. Законы о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ.

Кн. II. О порядкѣ пріобрѣтенія и [illegible] ленія правъ на имущество вообще.

Кн. III. О порядкѣ пріобрѣтенія и [illegible] ленія правъ на имущество въ особом

Кн. IV. Объ обязательствахъ по [illegible] рамъ.

II. Недостатки общепринятаго [illegible] предметы гражданскаго права и [illegible] самаго названія.

1) Предметы его разнородны. Личные [illegible] шенія между членами семейства и [illegible] ская отношенія по имуществамъ [illegible] тельствамъ не имѣютъ между собою общаго.

2) Названіе „гражданское право“

ичавшее у римлянъ всѣ права и обя-
римскаго гражданина, —въ примѣне-
ной отрасли юридическихъ отноше-
у насъ теперь употребляется, не
точнаго смысла.
ъ предметы гражданскаго права, въ
емъ ихъ видѣ, такъ и его названіе,
ъ исторически, вслѣдствіе особенно-
тыя права въ западной Европѣ. Осо-
эти возведены потомъ въ научную

анское право составилось изъ тѣхъ
рава римскихъ гражданъ, которыя
въ западной Европѣ силу закона
е вѣка.
ми частями удержалось прежнее на-
жданскаго права, не смотря на то,
уже къ нимъ не шло, такъ какъ
нскаго права, получившія силу за-
западной Европѣ, не имѣли уже
всей совокупности правъ и обязан-
раждан, обнимая лишь нѣкоторыя
тѣхъ и другихъ, а не всѣ.
итки подъискать теоретическое осно-
исторически сложившагося въ за-
Европѣ такъ-называемаго граждан-
ва не достигаютъ своей цѣли.
анскому праву придается значеніе
приватнаго, въ противоположность
му—государственному и обществен-
провести разграничительную черту
бличнымъ и частнымъ пользи; они
ъ одно въ другое.
ится мысль, что такъ-называемое
кое право обнимаетъ юридическія
, возникающія и прекращаемыя по
ю и волѣ частныхъ лицъ. Но въ
идическихъ отношеній, излагаемыхъ
ъ гражданскомъ правѣ, есть много
которыя установляются не частными
общимъ закономъ (дорожный сер-
порядокъ наслѣдованія по закону,
ть дѣтей содержать бѣдныхъ и пре-
родителей и т. п.).
сто такъ-называемаго гражданскаго
женъ занять, въ системѣ права,
или отдѣлъ юридическихъ отноше-
рактеристическими признаками, ему
войственными, и связанный един-
щаго начала. Таковы юридическія
между лицами (въ юридическомъ
объ имуществахъ и вообще о цѣн-
стоимость которыхъ можетъ быть
на деньги. Согласно съ тѣмъ,

1) изъ теперешняго гражданскаго права должны быть исключены всѣ юридическія отношенія личныя, не переводимыя на деньги, и перенесены въ него изъ другихъ отдѣловъ системы права разбросанныя въ ней теперь повсюду юридическія отношенія между лицами (въ юридическомъ смыслѣ) объ имуществѣ или цѣнностяхъ;

2) названіе „гражданское право" должно быть замѣнено другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ содержанію, а именно: „юридическія отношенія, или права и обязанности лицъ по имуществамъ и цѣнностямъ, или обязательствамъ", разумѣя подъ послѣдними юридическія отношенія о цѣнностяхъ, какія бы онѣ ни были, лишь бы могли быть переведены на деньги.

IV. Общія замѣчанія о юридическихъ отношеніяхъ, или правахъ и обязанностяхъ по имуществу и обязательствамъ.

1) Юридическое отношеніе предполагаетъ:

а) лица, между которыми оно существуетъ. Настоящій отдѣлъ общей системы права имѣетъ въ виду лицо (въ юридическомъ смыслѣ) только по его отношенію къ имуществамъ и обязательствамъ о цѣнностяхъ, независимо отъ его государственнаго или общественнаго значенія, круга дѣятельности и степени власти въ государствѣ и обществѣ;

б) предметъ, о которомъ существуетъ юридическое отношеніе. Въ настоящемъ отдѣлѣ предметъ имѣется въ виду только въ смыслѣ матеріальной, вещественной цѣнности, —будетъ-ли то предметъ или вещь въ общепринятомъ смыслѣ, или услуга, даже право, если они могутъ быть оцѣнены на деньги;

в) право лица требовать отъ другого или другихъ чего-либо, касающагося имущества или цѣнности, и обязанность другихъ исполнить такое требованіе. Право и обязанность— два понятія, взаимно другъ друга предполагающія и одно безъ другого немыслимыя. Но права и обязанности распредѣляются между лицами, состоящими въ юридическихъ отношеніяхъ, очень различно: иногда между всѣми лицами, состоящими въ юридическомъ отношеніи, и притомъ равномѣрно или неравномѣрно: иногда же одни лица имѣютъ лишь права, а на другихъ лежатъ обязанности;

г) власть, которая принуждаетъ выполнять справедливое требованіе, когда оно не исполняется добровольно, ограждаетъ существующія юридическія отношенія отъ нарушеній и возстановляетъ ихъ, когда они нарушены. Безъ

такой власти отношеніе не можетъ быть юридическимъ;

д) судъ, который разбираетъ споры и недоразумѣнія, возникающія изъ юридическихъ отношеній и по ихъ поводу, когда лица, между которыми такія отношенія существуютъ, сами не придутъ къ разъясненію недоумѣній или къ соглашенію. Безъ суда юридическія отношенія также немыслимы въ дѣйствительности, какъ безъ власти, ограждающей ихъ отъ нарушеній.

2) Юридическія отношенія вић правильно устроеннаго общежитія не могутъ существовать. Только въ немъ отношенія между лицами по имуществамъ и цѣнностямъ опредѣляются общими, для всѣхъ обязательными правилами, ограждаются и возстановляются въ случаѣ нарушеній. Законность, справедливость, право, обязанность суть понятія, нерадрывно связанныя съ понятіемъ объ устроенномъ общежитіи.

3) Юридическія отношенія необходимо должны быть облечены въ опредѣленную внѣшнюю форму, которая даетъ возможность несомнѣнно знать, что они дѣйствительно существуютъ и въ чемъ именно состоятъ, а слѣдовательно и возможность разсудить, въ случаѣ спора, кто правъ, и кто неправъ, оградить и возстановить въ случаѣ нарушенія.

4) Въ неизбѣжной формальности юридическихъ отношеній заключается ихъ несовершенство, несоотвѣтствіе съ дѣйствительною справедливостью. Эти недостатки восполняются только нравственнымъ, внутреннимъ сознаніемъ каждаго тѣхъ правъ и обязанностей, которыя установлены юридическимъ отношеніемъ. Послѣднее только тогда совершенно совпадаетъ съ справедливостью, правдой, когда состоящіе въ немъ люди добросовѣстно, по совѣсти и убѣжденію, дѣлаютъ то, что должны дѣлать по смыслу юридическаго отношенія, въ которомъ состоятъ, и не дѣлаютъ того, чего не должны дѣлать. Но нравственная сторона поступковъ ни для кого, кромѣ насъ самихъ, не обязательна, потому что никому изъ посторонняхъ недоступна. Опредѣленію, разбирательству, защитѣ, возстановленію подлежитъ только юридическая, объективная сторона отношенія, а не нравственная, субъективная. Обѣ могутъ совпадать, но могутъ и расходиться.

5) Юридическія отношенія по имуществу и цѣнностямъ, существуя въ дѣйствительности въ устроенномъ общежитіи — ствѣ и обществѣ опредѣляются не интересами и выгодами лицъ, кото стоятъ между собою въ такихъ отно но, кромѣ того, условіями, тре пользами и нуждами государства ства. Въ этомъ заключается пра гихъ ограниченій каждаго лица въ дическихъ отношеніяхъ къ другимъ въ виду потребностей и пользы пихъ лицъ, общества и государства.

6) Пользы и нужды устроеннаго тія, независимо отъ ограниченія ских отношеній между лицами по стію и цѣнностямъ, осложняютъ и ум существующія лица новыми юридич числю или количеству цѣнностей цѣнностями, отношенія новыми скими отношеніями весьма разнооб видовъ. Съ особенною силою и обширныхъ размѣрахъ обнаружилось государства и общества на юридическ ношенія по имуществамъ и цѣнност европейскихъ государствахъ новаго Поэтому было бы ошибочно думать, основаніи этихъ отношеній должна по преимуществу самопроизвольность ресы частныхъ лицъ.

7) Устроенное общежитіе, вопло своими различными формами на д элементовъ общества и подъ вліяніемъ нихъ и внутреннихъ условій, при ко живетъ, въ тоже время преслѣдуетъ ныя цѣли и сообразно съ ними напр развитіе общественныхъ элементовъ измѣняя по возможности условія ихъ ствованія. Поэтому было бы ошибо мать, будто законы политической производства, обращенія и распр цѣнностей исключительно опредѣл держаніе, характеръ и видъ юрид отношенія по имуществамъ и цѣ Справедливая сторона этого взгля распространеннаго въ наше время чается въ томъ, что юридическія о имѣющія предметомъ имущества и не могутъ не испытывать на себѣ кающія условія, управляющихъ ст томъ, обращеніемъ и распредѣлен ностей. всего менѣе могутъ идти въ разрѣзъ справедливо также, что обезпеченіе юридическихъ отно имуществамъ и цѣнностямъ скла въ тотъ или другой видъ именно

...ніемъ; но рядомъ съ экономиче-...ними, на юридическія отношенія ...такое же, если не большее еще ...другіе элементы общественности, ...которыми видное мѣсто занимаютъ ...задачи, преслѣдуемыя устроеннымъ ...емъ, которое по возможности видо-...ь самыя экономическія условія, въ ...общественной и государственной ...охранительные тарифы, законы о ...дѣтей на фабрикахъ, направленіе ...ъ дорогъ, мѣры для поощренія той ...ой промышленности, вывоза произ-...за границу и т. п. Экономическія ...опредѣляются законами производ-...щенія и распредѣленія цѣнностей; ...кія отношенія видоизмѣняютъ эко-номическія отношенія, сообразно съ цѣлями и задачами, поставленными лицу въ обществѣ и государствѣ и самому устроенному общежитію въ его развитіи.

8) Законы, а съ ними и юридическія отношенія по имуществу и цѣнностямъ, которыя этими законами опредѣляются, принято раздѣлять, по кругу ихъ дѣйствія, на общіе для всѣхъ, особенные — для извѣстнаго разряда лицъ или имуществъ и цѣнностей, и мѣстные — для извѣстной территоріи. Это раздѣленіе примѣнимо не къ однимъ гражданскимъ законамъ и юридическимъ отношеніямъ, но и ко всѣмъ вообще, по всѣмъ отраслямъ права. Мы будемъ излагать лишь общіе и особенные законы, но вмѣстѣ.

...КОЕ МѢСТО ЗАНИМАЕТЪ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ВЪ СИСТЕМѢ ПРАВА ВООБЩЕ?

...ду рецензій книги: „Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ“ и т. д.).

...торъ московскаго университета С. ...ъ, помѣстилъ въ двухъ книжкахъ ...скаго обозрѣнія“ за 1879 годъ ...191 разборъ моей книги: „Права и ...ти по имуществамъ и обязатель-...въ примѣненіи къ русскому законо-...у“. За этотъ разборъ я вдвойнѣ ...ленъ почтенному критику: серьез-...онъ его рецензіи даетъ мнѣ воз-...подробно разсмотрѣть его доводы. ...тые имъ предметы представляютъ ...добный и желанный поводъ погово-...опросахъ первостепенной важности ...ри правовѣдѣнія.

Муромцевъ находитъ ошибочными ...ія которыхъ я пытаюсь перестроить ...гражданскаго права. Полемика его ...ся на двѣ половины. Въ первой онъ ...етъ недостатки пріемовъ, помощью ...я пытаюсь построить новую систему ...ного права, и вообще недостатки ...ложенія. Это, такъ сказать, отрица-...часть критики. Затѣмъ, во второй ...которую можно назвать положи-тельной, проф. Муромцевъ развиваетъ общія теоретическія основанія, по которымъ предлагаемая мною система юридическихъ отношеній, взамѣнъ теперешняго гражданскаго права, не выдерживаетъ критики. Въ этомъ же порядкѣ и я буду разсматривать рецензію проф. Муромцева, но наперед считаю необходимымъ сдѣлать одну оговорку. Во всѣхъ недостаткахъ изложенія полой системы гражданскаго права, относящихся лично ко мнѣ, я оправдываться не буду. Напримѣръ, критикъ, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ правъ, требуя отъ предлагающаго новую классификацію цѣлаго отдѣла юридическихъ отношеній, чтобъ онъ показалъ какъ этотъ отдѣлъ долженъ относиться къ другимъ, какое займетъ между ними мѣсто (Крит. обозр. № 14, стр. 13 и 14); точно также, критикъ правъ, находя неудачнымъ указаніе на порядокъ наслѣдованія по закону какъ на примѣръ юридическихъ отношеній, изгагаемыхъ въ гражданскомъ правѣ, но установленныхъ не частными лицами, а общимъ закономъ (Крит. обозр. № 18, стр. 15); сознаюсь, мнѣ бы

слѣдовало лучше сослаться на принудительное отчужденіе недвижимой собственности на государственныя и общественныя надобности. Есть немало и другихъ замѣчаній въ этомъ же родѣ, относящихся къ способу изложенія, т.-е. лично ко мнѣ; правильность ихъ я признаю безусловно. Спѣшность и срочность работы, новость и трудность задачи—извиненія личныя, къ которыя научная критика не можетъ и не должна входить. Рецензентъ, далѣе, вполнѣ правъ, упрекая меня, зачѣмъ я не ввелъ въ свое изложеніе результатовъ судебной практики и ограничился одними законодательными постановленіями (Кр. об. № 19, стр. 22). Объ этомъ я не сдѣлалъ оговорки въ предисловіи просто по недосмотру, и не оправдываюсь. Если время и силы позволятъ, я введу въ свой курсъ не только всѣ законодательныя постановленія, цѣлой массой которыхъ я еще не воспользовался, но и результаты судебной практики и обычное право, насколько оно стало извѣстнымъ, и литературную разработку у насъ различныхъ юридическихъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ моего курса. Но мнѣ прежде всего предстояло овладѣть законодательнымъ матеріаломъ, хотя и это далеко еще не удалось въ изданной книгѣ.

Другое дѣло—возраженія, относящіяся къ самому существу дѣла. Въ этомъ отношеніи я не могу согласиться съ доводами почтеннаго критика. Ихъ разборъ дастъ читателямъ возможность рѣшить, кто изъ насъ правъ и что гораздо важнѣе—быть можетъ поставитъ на очередь серьезное и всестороннее обсужденіе у насъ теоретическихъ основаній правовѣдѣнія, на которыя въ наше время обращается слишкомъ мало вниманія, вслѣдствіе почти исключительно практическаго и непосредственно-утилитарнаго направленія нашей юриспруденціи. Давно у насъ пора начать теоретическому правовѣдѣнію изъ того забвенія и забросы, въ какомъ оно находится, тѣмъ болѣе что безъ правильной постановки и выработки общихъ теоретическихъ началъ, наша практика грозитъ выродиться въ прикладное крючкотворство, буквоѣдство, въ юридическую схоластику и формалистику.

Проф. Муромцевъ видитъ логическую ошибку въ томъ, что я будто-бы ищу аргумента въ пользу несостоятельности выдѣленія гражданскаго права въ особый отдѣлъ, въ несоотвѣтствіи названія „гражданское право" тому, что въ немъ содержится. Несостоятельности названія критикъ не отрицаетъ. По мнѣнію, я долженъ былъ сперва установить понятіе о предметѣ, а уже потомъ [illegible] несоотвѣтствіе ему принятаго [illegible] придумать новое.

Почтенный критикъ согласится, что или другой ходъ аргументаціи—дѣло безразличное. Могу увѣрить, что на вильность названія я вовсе не смотр на доводъ противъ самаго построенія данскаго права; название, не имѣющее, время, никакого смысла, только увѣ какъ мнѣ кажется, на то, что гра право, въ теперешнемъ своемъ сост жилось исторически, а не вслѣдствіе тическаго построенія системы право Только это я и сказалъ. Названіе, *разборомъ содержанія*, привело меня воду, что гражданское право есть старины, уцѣлѣвшій до нашего вр современнымъ людямъ непонятныя хеологическихъ объясненій. Конечно, было аргументировать иначе: сна строить отдѣлъ правъ, какъ я его п а потомъ разобрать составъ и назва данскаго права, и показать ихъ не тельность. Можетъ быть, такъ былъ самомъ дѣлѣ лучше.

Гораздо важнѣе замѣчаніе что я вильно объясняю историческое об гражданскаго права. Мои взгляд предметъ критикъ считаетъ истор погрѣшностью. Я говорю (стр. 2 книги предметы гражданскаго права, *в нем их виды* (эти слова подчеркива тикъ), такъ и его названіе, сложил рически, вслѣдствіе особенностей права въ западной Европѣ. Особ эти возведены потомъ въ научную 1) гражданское право составилось частей права римскихъ гражданъ. получили въ западной Европѣ силу въ средніе вѣка. 2) за этими части жалось прежнее названіе гражданск не смотря на то, что оно уже къ шло, такъ какъ части римскаго пр чившія силу закона въ западной Е имѣли уже значенія всей совокупно и состояній гражданъ, обнимая которыя стороны тѣхъ и другихъ.

Противъ этого проф. Муромцевъ (Кр. об. № 18, стр. 13 и 14: „пра право, *в содержании* его *виды* составляетъ только изъ тѣхъ часте

граждан, которыя получили на
лу закона въ средніе вѣка. Потому
ское право вовсе не представляетъ
вочности, отсутствія цѣльности, на
намекаютъ слова автора. Римскій
разумѣлъ подъ „гражданскимъ" пра-
civile) совокупность правъ и обя-
римскаго гражданина. Глоссаторъ
слѣдователь называли jus civile тѣ
совокупности, которыя были ре-
ны. Такимъ образомъ, напримѣръ,
постановленія о займѣ принадлежали
vile, а туземныя или каноническія
ленія о томъ же предметѣ относи-
другимъ отдѣламъ права. Отъ та-
разграниченія былъ не прочь пожа-
ть прошлаго столѣтія. Однако уже
вѣкѣ созрѣло сознаніе, что изъ всего
кодекса рецепціи подлежатъ только
ленія, которыя касаются частнаго
s privatum). Такимъ путемъ было
начало сближенію понятій jus civile
rivatum. Въ теперешнемъ своемъ
жданское право есть именно jus
Римское право не оказало почти
вліянія на семейственныя и во мно-
гностяхъ на наслѣдственныя отно-
между тѣмъ семейственное и на-
ное право включаются всецѣло въ
гражданскаго права. Сюда вклю-
институты, вовсе неизвѣстные рим-
либо совершенно передѣланные сра-
съ тѣмъ, какъ они существовали
Припомнимъ современное гипотеч-
о, бумаги на предъявителя, пере-
ательствъ. Наконецъ, никто, вѣ-
не откажется признать подъ отдѣ-
жданскаго права торговое и век-
хотя съ ними не были знакомы рим-
Вдовательно, современное гражданс-
во вовсе не есть обрывокъ римскаго
но собралось въ одну группу подъ
ственнымъ вліяніемъ нѣкотораго еди-
кципа".

мый критикъ не припишетъ жела-
умничать, крайне неумѣстному въ
съ споръ, если я скажу, что его
не опровергаетъ, а подтверждаетъ
ды. Онъ переноситъ всю силу уда-
слова „въ теперешнемъ видѣ", и
рать ихъ. Но онъ конечно не пред-
, что о теперешнемъ видѣ граж-
права я хочу сказать будто-бы оно
въ до нашего времени, безъ малѣй-
шихъ измѣненій, совершенно такъ, какъ существовало у римлянъ. Я былъ, разумѣется, очень далекъ отъ мысли отрицать въ теперешнемъ гражданскомъ правѣ частичныя передѣлки, измѣненія, дополненія и приставки, вызванныя обстоятельствами, развитіемъ права на практикѣ и въ теоріи у европейскихъ народовъ. Говоря о теперешнемъ видѣ, я разумѣлъ предметы, входящіе въ составъ гражданскаго права, части его, и это прямо у меня выражено. Съ большимъ правомъ могъ бы критикъ упрекнуть меня въ томъ, что я не сказалъ, или не зналъ, что теорія гражданскаго права, въ томъ видѣ какъ она сложилась теперь, уже существовала въ зародышѣ у римскихъ юристовъ, которые иногда употребляли jus civile въ смыслѣ jus privatum (Кр. об. № 18, стр. 13), и что слѣд. теперешняя теорія гражданскаго права есть лишь развитіе и окончательная формулировка римскихъ воззрѣній. Но и этотъ фактъ не опровергаетъ, а только подтверждаетъ мои выводы. Съ поясненіями и дополненіями проф. Муромцева дѣло представляется такъ: у римлянъ, во времена имперіи, права гражданъ свелись на предметы частнаго права; публичныя права, мало по малу, перестали быть достояніемъ римскаго народа. Эта часть римскихъ юридическихъ ученій, именно частное право, вошло вполнѣ, или отчасти, въ практику судовъ западной Европы въ средніе вѣка. При выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, уже въ XVI вѣкѣ, у европейскихъ юристовъ, вслѣдствіе ли самостоятельнаго изученія права, подъ вліяніемъ ли римскихъ ученій, сложилась теорія, что части законоположенія, заимствованныя изъ римскихъ юридическихъ источниковъ, представляютъ частное, приватное право, въ противоположность публичному. Согласно съ этой теоріей, въ гражданское, т.-е. приватное, частное право стали вставляться и тѣ части правоположенія, которыя, не будучи заимствованы изъ римскихъ источниковъ, подходили подъ понятіе о частномъ, приватномъ правѣ, сложившемся по римскому образцу. Такимъ образомъ, выработалось мало по малу гражданское право въ теперешнемъ его видѣ: оно составилось изъ юридическихъ ученій весьма разнороднаго состава и происхожденія; римское право вошло въ него лишь отчасти, значительно передѣланнымъ и обновленнымъ, согласно съ новыми потребностями и условіями быта современнаго европейскаго общества. Отъ рим-

ского права удержалось лишь названіе и теорія, обособляющая предметы гражданскаго права въ особый отдѣлъ правовѣдѣнія. Такое изложеніе будетъ лучше, обстоятельнѣе, точнѣе моего о томъ же предметѣ въ моей книгѣ; но чтобъ оно ему противорѣчило, его опровергало,— съ этимъ я не могу согласиться.

Дѣйствительное и существенное противорѣчіе моимъ взглядамъ начинается съ разбора системы юридическихъ отношеній по имуществамъ и обязательствамъ, предлагаемой мною въ замѣну теперешняго гражданскаго права.

Возраженія проф. Муромцева заключаются въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, я говорю, что „мѣсто такъ называемаго гражданскаго права должно занять, въ системѣ права, разрядъ или отдѣлъ юридическихъ отношеній съ характеристическими признаками, ему одному свойственными, и связанный единствомъ общаго начала. Таковы юридическія отношенія между лицами (въ юридическомъ смыслѣ) объ имуществахъ и вообще о цѣнностяхъ, стоимость которыхъ можетъ быть опредѣлена на деньги. Согласно съ тѣмъ, 1) изъ теперешняго гражданскаго права должны быть исключены всѣ юридическія отношенія личныя, не переводимыя на деньги, и перенесены въ него изъ другихъ отдѣловъ системы права разбросанныя въ ней теперь повсюду юридическія отношенія между лицами (въ юридическомъ смыслѣ) объ имуществѣ или цѣнностяхъ". Противъ этого критикъ замѣчаетъ:

„Каждый отдѣлъ долженъ совмѣщать въ себѣ совокупность явленій, кои представляли бы сходство въ отношеніи наибольшаго числа наиболѣе важныхъ признаковъ. Образованіе отдѣла можетъ происходить на основаніи одного какого либо избраннаго признака; но съ присутствіемъ его связывается присутствіе еще другихъ признаковъ. Чѣмъ важнѣе они и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ удачнѣе классификація. Авторъ (т.-е. я) говоритъ, что его отдѣлъ долженъ обладать „*характеристическими признаками*, ему одному свойственными", и указываетъ одинъ: денежную стоимость. Онъ говоритъ объ единствѣ общаго начала, но не указываетъ вовсе такого... Спрашивается, какое общее юридическое начало, сколько нибудь важное, соединяется съ имущественными отношеніями? Много ли общаго существуетъ, съ этой стороны, между тепе-

решними „гражданскими" правам
комъ государства на подати, нало
винности? Мы думаемъ, что общ
найдутся здѣсь только въ той м
торой онѣ касаются всего права. Но
окажутся важные юридическіе при
торые были бы свойственны имуще
правамъ *въ отличіе* отъ правъ проч
Напротивъ, сколько сходства най
чисъ между правами разныхъ гр
римскому праву, кто грубитъ т
рево, одновременно принадлежащ
лицамъ — одному на правѣ соб
другому на правѣ узуфрукта,—тот
вознаградить собственника въ его
пой потерѣ, а узуфруктуарія—
удовольствія наслаждаться тѣнью
исключеніемъ того различія, что в
случаѣ денежное взысканіе выража
ствительную стоимость отношенія.
маго на деньги, а въ другомъ случ
взысканіе составляетъ штрафъ за
отношенія, не переводимаго на
всѣмъ остальномъ оба отношенія со
сходны между собою.

„Для образованія отдѣла мало
кой нибудь общій признакъ, свой
всѣмъ явленіямъ, кои включаются
Надобно, чтобъ этотъ признакъ им
ственную важность; надобно, чтобъ
его въ другихъ явленіяхъ представ
кую же важность. Между тѣмъ, ви
ность юридическихъ отношеній,
мость ихъ на деньги, вовсе не
особенною важностью. Собственно
она не составляетъ юридическаго
Это—свойство экономическое, съ
праву приходится вѣдаться, точно
какъ ему приходится вѣдаться с
скими и иными свойствами отношен
метовъ, въ коимъ отношенія пр
Ни одно важное *юридическое* свой
шенія не связано съ ихъ денеж
идеальною стоимостью. Родомъ сто
обусловливается ни способъ юриди
щиты, ни способъ установленія и
нія, ни какое либо соціальное зна
которое вліяло бы на устройство
порядка. Не смотря на всѣ недос
ствующей классификаціи (кото
несомнѣнно обладаетъ), со всѣхъ
точекъ зрѣнія она имѣетъ несомнѣ
имущества. Одинъ способъ защиты
публичнымъ, другой—гражданскимъ

сть по отношенію къ однимъ, отношенію къ другимъ—править ихъ установленія и прекращенія; индивида органамъ власти въ правѣ и свободное развитіе его составляетъ фактъ съ несомнѣнымъ значеніемъ. Классификація разрываетъ свойства, тѣсно связу собою: разные способы защиты, актеръ способовъ установленія и разное соціальное значеніе оказ-войственными явленіямъ и той и ны" (Кр. об. № 19, стр. 14—16).

Я говорю (стр. 2): „гражданскому ается значеніе частнаго, приват-противуположность публичному—аному и общественному. Но про-раничительную черту между пу-частнымъ нельзя: они перехо-въ другое". Проф. Муромцевъ со-что обычное опредѣленіе публич-жданскаго права невѣрно (Кр. об. 15), но несогласенъ, что самая ція неосновательна. Не считая защищать ее „въ смыслѣ ка-ненной противоположности общаго ичнаго интереса", критикъ допу-угой, менѣе отвлеченный смыслъ разграниченія", а именно: „въ порядка, который согласуется съ агомъ, не всѣ отношенія одина-человѣческому сердцу. Въ однихъ человѣкъ видитъ непосредственно й интересъ; другія лежатъ далѣе стическихъ стремленій... Въ этомъ ренится противоположность общаго интереса, въ смыслѣ обыденномъ. мъ разумѣются отношенія, кото-признаются открыто или смутно ахъ общежитія, но никому не до-собенности, кромѣ, развѣ, немно-. Подъ частнымъ интересомъ ра-принадлежности той части обще-порядка, которая наиболѣе близка лицамъ. По этому разграниченію, го есть общественность, общая ыхъ лицъ; частный интересъ—ность отдѣльнаго лица, въ кругу щежитія, устройство индивидомъ , своего узла отношеній, который, одитъ въ составъ общаго порядка, индивиду потому, что онъ самъ, ить его центромъ".

выраженіемъ одного и того же порядка, объ группы солидарны... И, если таково соотношеніе общаго и частнаго, въ томъ особомъ смыслѣ, который мы здѣсь разсматриваемъ, то a priori нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, по которому различныя части права различно относятся къ этой противоположности. Публичное право служитъ къ непосредственному поддержанію общественности, гражданское—къ поддержанію частнаго элемента. Дѣйствительно, обоимъ отдѣламъ права должно приписать вышесказанное качество. Публичное право несомнѣнно образуетъ порядокъ, непосредственное значеніе котораго, въ его цѣломъ, состоитъ въ томъ, что онъ опредѣляетъ строй и органы общежитія. Непосредственное значеніе гражданско-правового порядка заключается въ томъ, что, соблюдая вполнѣ интересы общежитія, онъ устроиваетъ міръ индивидуальной самодѣятельности и индивидуальнаго интереса.

Такимъ образомъ, проф. Муромцевъ принимаетъ классическое раздѣленіе права на публичное и частное, но опредѣляетъ его иначе. Слѣдуя правилу логики, что предметы слѣдовало бы распредѣлять, по возможности, сообразно свойствамъ, которыя суть причины многихъ другихъ свойствъ, или по крайней мѣрѣ ихъ вѣрные признаки, критикъ разсуждаетъ такъ:

„Право (какъ опредѣленная функція соціальной жизни) есть порядокъ отношеній, защищенныхъ общественною властью организованнымъ способомъ. Фактъ организованной защиты непосредственно состоитъ въ томъ, что всѣ лица, принадлежащія къ обществу, распадаются на два разряда: одни лица образуютъ органы юридической власти и защиты, другія занимаютъ положеніе частныхъ лицъ. По всей справедливости, этому раздѣленію лицъ принадлежитъ важное соціологическое значеніе. Въ области же правоваго порядка оно обладаетъ первенствующимъ положеніемъ. Мы замѣчаемъ, что въ однихъ случаяхъ органы власти выступаютъ на защиту по своей собственной инициативѣ, въ другихъ же случаяхъ не иначе, какъ по призыву частныхъ лицъ. Случаи перваго рода мы соединяемъ въ отдѣлъ публичнаго права, случаи втораго рода—въ отдѣлъ гражданскаго права... Такое различіе, въ дѣйствительности, составляетъ причину другихъ свойствъ, наиболѣе важныхъ изъ числа тѣхъ, которыя могутъ заинтересовать насъ при изученіи права. Въ самомъ дѣлѣ:

„1. Кто располагаетъ отношеніемъ со стороны его защиты, тотъ, въ сущности, есть полный распорядитель права. Полномочіе на свободное пріобрѣтеніе и потерю его, спеціально слывущее подъ именемъ „права распоряженія", есть только иное, примѣнительно къ особымъ практическимъ обстоятельствамъ, выраженіе функціи распоряженія, скрытой въ коренномъ полномочіи на защиту. Такимъ образомъ, установленіе и прекращеніе гражданскихъ правъ принадлежитъ тому же субъекту, которому принадлежитъ ихъ защита. Напротивъ, распоряженіе публичными правами принадлежитъ правовой власти въ лицѣ тѣхъ или другихъ органовъ ея. Частныя лица занимаютъ въ публично-правовомъ порядкѣ положеніе объектовъ, на которые возложены обязанности"...

„2. Цѣлесообразно предоставить инціативу въ защитѣ только тому, кто непосредственно заинтересованъ въ существованіи защищаемаго отношенія. Лицо, которое не заинтересовано въ немъ, не станетъ заботиться и о его защитѣ. Поэтому частнымъ лицамъ предоставляется защита только такихъ отношеній, къ которымъ они питаютъ наиболѣе интереса... Гражданскія права суть тѣ, въ коихъ защита отношенія предоставлена лицу, въ нихъ заинтересованному... Въ противоположность гражданскому—публичное право защищаетъ порядокъ отношеній, который дорогъ съ точки зрѣнія поддержанія и развитія общественности, но остался бы безъ достаточной защиты, еслибы она была предоставлена исключительно усмотрѣнію частныхъ лицъ.

„3. До извѣстнаго предѣла, въ ходѣ общественнаго развитія частный интересъ связывается замѣтно только съ имущественными отношеніями и притомъ настолько, насколько имъ принадлежитъ имущественная, т.-е. мѣновая стоимость. Поэтому очень долгое время въ гражданское право входятъ (за исключеніемъ семейственныхъ отношеній) только права по имуществу. Но потомъ начинаютъ дорожить серьезно и не-имущественною стоимостью, которая или сопутствуетъ стоимости имущественной, или же проявляется самостоятельно. Тогда появляются не-имущественныя гражданскія права. Впрочемъ, на сколько мы знаемъ изъ исторіи, гражданскія права—*по преимуществу* имущественныя. Напротивъ публичныя права—по преимуществу не-имущественныя.

„4. Различіе функцій вообще пр
рано или поздно, къ различію орга
относительно рано выступаетъ въ
дѣленіе органовъ гражданской и
защиты... Въ современномъ прав
органовъ достигло значительной
витія. Существенная ошибка г.
состоитъ именно въ томъ, что ф
большей важности онъ не прид
никакого значенія. Если жизнь, в
два различные порядка юридической
продолжаетъ это движеніе до тог
ференцируетъ самые органы зам
вѣтственно выработанному разли
этомъ явленіи долженъ заключаться
смыслъ. Изучая право, какъ сторону
ной жизни, мы не можемъ пройт
мимо... Право существуетъ не т
идеяхъ ученаго, но составляетъ эл
докъ дѣйствительной жизни. Науч
сификація должна распредѣлять пр
образно съ ихъ дѣйствительнымъ
(Кр. об. № 18, стр. 15, № 19, ст.
Изъ этихъ воззрѣній критика вы
нѣкоторыя другія возраженія. Г
Муромцевъ между прочимъ говорятъ
№ 19, стр. 140: „Порядокъ устано
сударственныхъ податей и сборов
словамъ г. Кавелина, предметъ фи
права, но порядокъ взиманія у
ленныхъ податей и сборовъ и мѣ
маемыя противъ неплательщиковъ,
не экономическій или финансовый,
ческій характеръ, устанавливаютъ
юридическихъ отношеній казны къ
лицамъ,—отношеній, имѣющихъ вс
тельныя черты обязательствъ по им
и цѣнностямъ. Это объясненіе бы
дительно, еслибы мы знали, въ
стоятъ *отличительныя* черты по
отношеній со стороны ихъ юридич
щиты. Въ главѣ о защитѣ... мы
ничего, что не могло быть отнес
ково къ юридической защитѣ всѣх
ній, какъ имущественныхъ, такъ
щественныхъ. И такъ надо думать,
отношеній, собранная авторомъ въ
тѣлъ, не представляетъ ничего о
наго со стороны ихъ юридическо
Слѣдовательно, сходство податей
съ частными долгами, съ этой ст
чего не говоритъ за общую прина
ихъ къ какой-либо особой группѣ
говоритъ только въ пользу прина

ву вообще. Авторъ принялъ такой
ссификаціи, съ которымъ нико-
ъ не сочетаются сходства и раз-
ической защиты, и потому поте-
ссылаться на эти сходства и раз-
другомъ мѣстѣ, критикъ говоритъ
19 стр. 18 и 19): „Классифика-
должна находить отголосокъ въ
комъ обособленіи отдѣловъ суще-
права. Различіе публичнаго и при-
ва служитъ лишь формулирова-
ительнаго различія, которое во-
различіи дѣятельности, а часто
органовъ общественной власти,
правовой порядокъ. Различіе
ственныхъ не находитъ себѣ от-
дѣйствительности и не можетъ
Если бы мы вздумали перестроить
темѣ г. Кавелина, то принуж-
бы идти въ одинъ судъ съ тре-
возвращеніи незаконно удержан-
и—въ другой судъ съ требова-
комъ-либо взысканіи за то, что
должникъ лишилъ насъ обладa-
помѣтками на книгѣ. Въ науч-
ніи классификація права, пред-
Кавелинымъ, подобна классифи-
ю сдѣладъ бы біологъ, если бы
напримѣръ, выдѣлить въ осо-
явленія жизни человѣческаго
кои обусловлены исключительно
въ организмѣ азотистыхъ ве-
но изучать дѣйствіе такихъ ве-
организмъ, но нельзя избирать
критеріемъ для классификаціи.
кая классификація, подобно біоло-
лжна быть построена на разли-
Право есть одна изъ функцій
жизни. Дальнѣйшія подраздѣ-
должны быть основаны на раз-
рыя представляетъ эта функція
доизмѣненіяхъ".

Включая въ систему такъ назы-
жданскаго права всѣ юридиче-
ія, какія бы они ни были, если
касаются реальныхъ вещей и ма-
цѣнностей, я переношу въ нее
тношенія, которыя до сихъ поръ
неразрывною составною частью
ей права—государственнаго, фи-
административнаго, обществен-
наго и т. д.—Почтенный кри-
къ неправильнымъ разъединеніе
ой стоимости и идеальнаго эле-
мента отношеній и на этомъ основаніи от-
стаиваетъ принятую теперь классификацію,
въ силу которой имущественныя отношенія
разбросаны по разнымъ отдѣламъ права.

„Г. Кавелинъ—говоритъонъ—не придаетъ...
никакого особаго значенія тому факту, что
далеко не для всѣхъ отношеній существуетъ
альтернатива имущественнаго и не-имуще-
ственнаго. *Многія отношенія представляютъ
одновременно юридическій интересъ обоего рода.*
Уже въ римскомъ правѣ мы встрѣчаемъ мно-
гія права съ этимъ характеромъ. Римскіе
юристы карали за нарушенія гражданскихъ
правъ не только въ размѣрѣ ихъ имуще-
ственной стоимости, но прибавляли къ этому
идеальную цѣнность ихъ. Съ порубщика де-
рева взыскивается какъ за потерянный строи-
тельный матеріалъ, такъ и за порчу аллеи
или лишеніе тѣни; съ того, кто разрушилъ
чей-либо памятникъ—какъ за поврежденіе
его, такъ и за оскорбленіе, которое наноситъ
тѣмъ лицу, поставившему памятникъ.
Особенно поучителенъ римскій арбитрарный
искъ. Во многихъ случаяхъ потерпѣвшее лицо
не можетъ быть удовлетворено возвращеніемъ
цѣны потеряннаго (напримѣръ, мнѣ не
возвращаютъ изъ ссуды или поклажи книгу
съ моими помѣтками или относительно не-
дорогую вещь, которую я берегу какъ на-
мять о предкахъ). Тогда римскій судья ста-
рается принудить отвѣтчика къ возвращенію
страхомъ громадныхъ штрафовъ, которыми
онъ грозитъ ему. Изъ практики современнаго
англійскаго и французскаго суда мы постоянно
узнаемъ о громадныхъ гражданскихъ взы-
сканіяхъ, которыя налагаются на неисправ-
ныхъ должниковъ и которыя далеко превы-
шаютъ имущественныя потери, причиненныя
ихъ неисправностью. Взысканіе денегъ слу-
житъ косвеннымъ способомъ удовлетворенія
идеальнаго ущерба, рядомъ съ прямымъ удо-
влетвореніемъ ущерба имущественнаго. Ав-
торъ... думаетъ, что только матеріальный
вредъ ведетъ къ взысканію убытковъ. Это
мнѣніе имѣетъ, противъ себя историческій
опытъ Рима, Англіи и Франціи и воззрѣнія
лучшихъ нѣмецкихъ догматиковъ (Іерингъ,
Виндшейдъ, Унгеръ). Съ точки зрѣнія здра-
вой политики такая система заслуживаетъ
одобренія и поддержки". Указавъ затѣмъ
группы отношеній, въ которыхъ такой си-
темѣ принадлежитъ особенная важность,
проф. Муромцевъ продолжаетъ: „Удобно ли
во всѣхъ этихъ случаяхъ разъединять иму-

щественный (матеріальный) и идеальный элементы отношеній и разбрасывать ихъ по разнымъ отдѣламъ права? Г. Кавелинъ готовъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Такъ... онъ включаетъ въ систему имущественнаго права отношенія по государственной службѣ на столько, на сколько они касаются имущественныхъ интересовъ (жалованье, пенсія, и т. п.). Въ остальной части эти отношенія принадлежатъ къ другому отдѣлу. Но, спрашивается, что мы выиграемъ отъ такого разъединенія? Выгоднѣе ли намъ мыслить о различныхъ элементахъ государственной службы раздѣльно или вмѣстѣ? Жалованье, пенсія и т. п. не имѣютъ никакого ни научнаго, ни практическаго интереса, безъ связи съ идеальными сторонами государственной службы. Не предлагаетъ ли намъ авторъ, приступая къ классификаціи растеній, подвергнуть ихъ предварительно анализу и распредѣлить полученные элементы по ихъ химическимъ свойствамъ? Но тогда мы получимъ химическую классификацію растительнаго матеріала, но не ботаническую классификацію растеній. Конечно, отношеніе государственной службы, какъ, напримѣръ, и отношеніе частнаго найма, можно разбить на множество составныхъ частей. Но никто не находилъ еще, чтобы *юридическій* интересъ былъ связанъ съ каждою частью въ отдѣльности, но не съ своеобразнымъ сочетаніемъ ихъ въ одну совокупность.

„...Авторъ причисляетъ уголовные денежные штрафы къ отдѣлу имущественнаго права. По аналогіи съ этимъ онъ, можетъ быть, отнесетъ сюда же гражданскіе денежные штрафы, которые взыскиваются истцомъ съ отвѣтчика въ вышеприведенныхъ намъ случаяхъ за несоблюденіе отношеній не-имущественной цѣнности... Въ такомъ случаѣ все наше возраженіе окажется, на видъ, предусмотрѣннымъ и устраненнымъ. Но на самомъ дѣлѣ въ подобной классификаціи лежитъ большое извращеніе фактовъ. Каждое право состоитъ изъ отношеній защищаемыхъ и защищающихъ. Не слѣдуетъ разъединять оба элемента, подъ опасеніемъ нарушить самую естественную связь и сдѣлать всю классификацію наиболѣе неестественною. Денежный штрафъ интересенъ и научно и практически не самъ по себѣ, но потому, что онъ охраняетъ нѣчто. Качествами охраняемаго опредѣляется главное значеніе штрафа. Если онъ охраняетъ отношеніе не-имущественное, то центръ тяжести всего института въ идеальныхъ интересахъ, а не [illegible] ной стоимости охраняющихъ средствъ (кр. об. № 19, стр. 17 и 18).

Въ приведенныхъ возраженіяхъ [illegible] критика гораздо болѣе недоразумѣ[illegible] можетъ казаться съ перваго взгля[illegible] домъ къ нимъ послужило, что мнѣ [illegible] поръ не случилось высказать свои[illegible] объ отношеніяхъ предлагаемой мн[illegible] сификаціи имущественныхъ правъ [illegible] системѣ права. Попытаюсь сдѣлать [illegible] перь, тѣмъ охотнѣе, что проф. М[illegible] ставитъ мнѣ въ вину, зачѣмъ я [illegible] сдѣлалъ (№ 19, стр. 13, 14 и 16).

Главный и существенный упрекъ, [illegible] критикъ мнѣ дѣлаетъ, состоитъ въ [illegible] чѣмъ я отверъ раздѣленіе всей обла[illegible] на публичное и частное и замѣнилъ [illegible] право—имущественнымъ, которое [illegible] не замѣняетъ и ему не соотвѣтству[illegible] об. № 19, стр. 15). Съ этого и нач[illegible] недоразумѣнія. Я и не думалъ отвер[illegible] личенія публичнаго права отъ част[illegible] шелъ отъ мысли, которую подтверд[illegible] проф. Муромцевъ, что „насколько м[illegible] изъ исторіи, гражданскія права ос[illegible] *цеству* имущественныя; напротивъ [illegible] ныя права—по преимуществу не-иму[illegible] ныя" (кр. об. № 19, стр. 21), и что се[illegible] ныя отношенія должны быть исклю[illegible] современнаго гражданскаго права [illegible] № 19, стр. 23). Принявъ оба эти ут[illegible] за исходную точку, и вникая въ о[illegible] ныя черты имущественныхъ правъ, [illegible] къ заключенію, что только ошибоч[illegible] могла придать отношеніямъ этого [illegible] ченіе приватныхъ въ отличіе отъ пу[illegible] такъ какъ имущественный или не-им[illegible] ный характеръ юридическихъ отно[illegible] видно не имѣетъ и не можетъ им[illegible] общаго съ различеніемъ права на[illegible] и частное. Между тѣмъ и другим[illegible] какой логической связи. На этомъ [illegible] и утверждаю, что различеніе пуб[illegible] частнаго, въ томъ ли смыслѣ, ка[illegible] нимали римскіе юристы, или съ [illegible] болѣе правильнымъ оттѣнкомъ, [illegible] даетъ ему проф. Муромцевъ (Кр. [illegible] стр. 19), лежитъ, помимо имуще[illegible] правъ, въ отношеніяхъ самого лица к[illegible] ному общежитію, иначе говоря къ [illegible] или государству. Разъ человѣкъ [illegible] организованномъ общежитіи, немы[illegible]

прось: въ какой мѣрѣ ему при-
полная самодѣятельность и въ
самодѣятельность ограничивается,
сожительствомъ съ другими людьми
іями организованнаго общежитія.
ромцевъ не станетъ отрицать, что
ода, а не изъ чего-либо другого,
различеніе публичнаго отъ част-
о какъ и необходимость опредѣ-
ъ закономъ предѣлы личной, част-
ительности. А если это такъ, то
то приватное или частное обни-
здо большій кругъ отношеній,
которыя входятъ въ составъ такъ
о гражданскаго права. Для при-
у на семейственныя отношенія,
й критикъ тоже исключаетъ изъ
го права, именно на вступленіе
усыновленіе, на „брато- и сестро-
гдѣ они существуютъ на право
торговли и промысла, въ тѣхъ раз-
ъ они допускаются закономъ, на
ходить изъ одного общества въ
надлежать или не принадлежать
и другому союзу людей, и множе-
ъ. Частнымъ, приватнымъ должно
ано все, предоставленное свобод-
у и свободной дѣятельности лица,
нихъ вытекающія юридическія от-
езъ различія имущественныхъ отъ
венныхъ. Въ этомъ смыслѣ я и
ъ невозможность строгаго разгра-
убличнаго отъ частнаго, какъ на
отивъ теперешняго гражданскаго
дое юридическое отношеніе, само
жетъ быть и публичнымъ и при-
смотря по тому, какую роль оно
обществѣ или государствѣ, какое
ъ немъ имѣетъ. У римлянъ вре-
ріи публичное и приватное имѣло
ные признаки, потому что разли-
субъективной принадлежности: то,
въ аттрибуты правительства, счи-
личнымъ, а что входило въ аттри-
ныхъ лицъ—приватнымъ. Въ совре-
бществѣ и государствѣ разграни-
ичнаго и частнаго должно суще-
мѣниться противъ римскаго, по-
правительство и народъ не противо-
другъ другу такъ рѣзко въ но-
ствахъ, какъ у римлянъ временъ
Нужны другіе признаки, но тоже
и характеристическіе; такими слу-
ъ сказано, право свободнаго рас-

поряженія; но этотъ признакъ есть опять-таки субъективный, а не объективный, относится къ объему правоспособности, а не къ свойствамъ юридическихъ отношеній, которыя могутъ быть публичными или приватными, смотря по тому, входятъ или не входятъ они въ кругъ свободнаго распоряженія лица; сами же по себѣ они не могутъ быть названы ни публичными, ни приватными. Такимъ образомъ, я думаю, что имущественныя отношенія и приватныя или частныя права могутъ совпадать, но могутъ и расходиться. Это два различныхъ круга, которые только по недоразумѣнію смѣшиваются между собою. Отчего произошло такое смѣшеніе и чѣмъ оно поддерживается до нашего времени,— объ этомъ я скажу ниже. Теперь, чтобы не перерывать нити мысли, я постараюсь изложить главнѣйшіе выводы, которые изъ нея вытекаютъ.

Я сказалъ, что имущественныя отношенія, сами по себѣ, не имѣютъ никакой прямой, непосредственной связи съ тѣмъ, что называется приватнымъ или частнымъ; что они представляютъ собою совершенно особый, самостоятельный кругъ юридическихъ отношеній,—кругъ, лежащій въ сторонѣ отъ опредѣленій, изъ которыхъ вытекаетъ различіе публичнаго и частнаго. Что же это за кругъ? Какіе его характеристическіе признаки? Какое его значеніе посреди другихъ, изъ которыхъ слагается обширная область права? Вопросы эти разрѣшаются самымъ предметомъ имущественныхъ правъ. Послѣдними опредѣляются юридическія отношенія о матеріальныхъ предметахъ и матеріальныхъ цѣнностяхъ, или по ихъ поводу. Помимо устроеннаго общежитія, отношенія людей къ матеріальному міру и между собою по поводу матеріальнаго міра опредѣляются исключительно одними законами природы. Въ устроенномъ общежитіи — обществѣ или государствѣ — они, эти отношенія, опредѣляются, сверхъ того, потребностями правильнаго сожительства людей. Примѣненіе юридическихъ элементовъ, обусловленныхъ правильно устроеннымъ общежитіемъ людей, къ матеріальнымъ вещамъ и матеріальнымъ стоимостямъ и рождаетъ цѣлый міръ имущественныхъ юридическихъ отношеній.

Проф. Муромцевъ находитъ, что „имущественность юридическихъ отношеній, переводимость ихъ на деньги, вовсе не обладаетъ особенною важностью", что она „собственно

говоря, не составляетъ юридическаго свойства"; что „ни одно важное *юридическое* свойство отношеній не связано съ ихъ денежною или идеальною стоимостью". Въ этомъ я никакъ не могу согласиться съ уважаемымъ критикомъ. Юридическое отношеніе, по существу своему, въ значительной степени, опредѣляется предметомъ, къ которому относится, отъ него заимствуетъ окраску и оттѣнки. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить, напримѣръ, вещныя права съ обязательствами, обязательства по поводу вещей индивидуальныхъ—съ обязательствами по поводу личныхъ услугъ. Всякое юридическое отношеніе есть сложное произведеніе нѣсколькихъ и притомъ разнообразныхъ факторовъ, между которыми предметъ играетъ далеко не маловажную, и даже не второстепенную роль. Юридическое отношеніе возможно только при условіи правильно устроеннаго общежитія людей. Именно этими отношеніями установляются между людьми извѣстныя мыслимыя нормы, съ которыми общество и отдѣльныя лица согласуютъ дѣйствительные реальные факты. Съ одной стороны, юридическое отношеніе имѣетъ въ устроенномъ общежитіи и между людьми такое же значеніе, какое мысль для отдѣльныхъ лицъ: какъ человѣкъ старается привести факты въ соглашеніе и соотвѣтствіе съ своими взглядами, понятіями, такъ точно общество и составныя его единицы стараются установить и удержать извѣстное состояніе дѣйствительныхъ фактовъ въ соотвѣтствіи съ юридическими нормами. Но это только одна сторона юридическихъ отношеній, ставящая ихъ въ зависимость отъ понятій и воззрѣній людей, отъ степени ихъ культуры, отъ историческихъ судебъ общества или государства и т. п. Другая, столько же важная и существенная сторона, опредѣляющая юридическое отношеніе, это предметъ, къ которому оно относится, по поводу котораго устанавливается, точно также какъ наши понятія, мысли, взгляды—результатъ не одной нашей способности мыслить, но и того матеріала, надъ которымъ она работала. Вотъ почему я считаю, вопреки мнѣнію проф. Муромцева, что имущество, т.-е. матеріальные предметы, явленія, стоимости и цѣнности, не могутъ не имѣть существеннаго вліянія на опредѣленіе формъ юридическихъ отношеній, на ихъ юридическія свойства, что̀ доказывается и самымъ дѣломъ, если сравнить между собою юридическія отношенія, имѣющія имѣющія предметомъ матеріальныя стоимости. Не даромъ же цѣлый отдѣлъ называется вещными правами. По другому признаку онъ характеризуется выдѣленъ въ особую группу, какъ и щамъ?

Отвергая существенную важность ства и цѣнности для опредѣленія юридическихъ отношеній, проф. Му приписываетъ ее способу юридическ щиты и способамъ установленія. Вм основного различія права на частное личное, критикъ видитъ въ установ защитѣ юридическаго отношенія спо починомъ частнаго лица или государ щественные характеристическіе приз которымъ юридическія отношенія быть распредѣлены между двумя ос группами—правомъ публичнымъ и нымъ. Я, съ своей стороны, очень ма мысли умалять значеніе характеристи отличіи, на которыя указываетъ и ученые, но думаю, что въ опредѣле щественныхъ правъ они не играютъ роли, не имѣютъ никакого значенія. и не принялъ ихъ въ соображеніе ему взгляду, имущественныя права совпадаютъ съ частными, а составля всѣмъ особую группу юридическихъ ній, не имѣющую непосредственной различеніемъ правъ на публичныя и Идя отъ этой основной мысли, я особенное вниманіе въ своей кни способы установленія или защиты собы исполненія, на приведеніе въ имущественныхъ правъ,—добровол принудительное. Въ установленіи и щеніи имущественныхъ юридическ шеній для меня важенъ не столь способъ установленія и прекращенія моментъ, съ котораго начинается кращается ихъ дѣйствительность дическое существованіе; въ защ столько процедура защиты и возст права, сколько способы исполнен говоря, способы приведенія факто отвѣтствіе съ юридическою норм взглядъ былъ естественнымъ посл выдѣленія имущественныхъ правъ отдѣлъ изъ массы юридическихъ о по которымъ они разбиты въ пр перь системѣ права.

Проф. Муромцевъ ставитъ мнѣ

раздѣляю соединенное, жертвуя
разомъ цѣльностью юридическихъ
ъ требованіямъ искусственной си-
йдутся и такіе, которые готовы
ь предлагаемой мною новой поста-
ь называемаго гражданскаго права
одинъ лишь логическій запросъ,
й ничего общаго съ требованіями
и дѣйствительной жизни. Почтен-
ку я отвѣчу, что раздѣляя соеди-
институтахъ и практикѣ, я не
ю то, что вообще дѣлаетъ наука
своихъ изслѣдованіяхъ, но про-
ло римскихъ юристовъ, которые,
ая разныя отрасли частнаго права,
ъ и достигли выработки его въ
бъективныхъ юридическихъ поло-
тщательно выдѣлили ихъ изъ тѣхъ
йствительныхъ явленій, въ кото-
предетавляются смѣшанными и
всевозможными другими элемен-
юридическія ученія о дарѣ, за-
купкѣ-продажѣ, личномъ наймѣ,
даже бракѣ и родительской власти,
ъ, если можно такъ выразиться,
рованы отъ тѣхъ сложныхъ эконо-
нравственныхъ, политическихъ и
ементовъ, съ которыми эти явле-
ывно слиты въ дѣйствительности,
ку достаточнаго основанія, почему
было подвергнуть такому же ана-
ныя явленія, какова денежныя
въ видѣ пени, государственная и
ная служба и т. п., съ выдѣленіемъ
имущественныхъ юридическихъ от-
Мало того, я думаю, что прямая
идической науки — произвести та-
ъ, такое выдѣленіе, безъ котораго
можетъ стать наукой — системой
ихъ юридическихъ положеній.

тяжелѣе и опаснѣе было бы для
ненiе, что я поддался соблазну
логическаго построенія, въ ущербъ
ьно научной схематизаціи юриди-
тношеній, строго соотвѣтствующей
Такой соблазнъ слишкомъ великъ
ъ часто увлекаетъ занимающихся
предметами, и потому кажется
одоподобнымъ при видѣ всякой по-
нным образомъ измѣнить систему,
шуюся вѣками и освященную про-
ной привычкой. Заслужилъ ли я
ихъ?—не мнѣ судить. Я могу только
ъ пользу своего построенія тѣ до-
воды, которые меня къ нему привели, предоставляя другимъ разсудить, кто правъ—я или критики.

Главный доводъ въ пользу выдѣленія имущественныхъ правъ въ особую группу,—это ихъ относительная объективность, ихъ относительная, если позволено такъ выразиться, безличность. Это же свойство имѣютъ, правда, и права публичныя: но существенная разница между ними зависитъ отъ существенной разницы предмета тѣхъ и другихъ, что и придаетъ имъ совершенно иной характеръ. Предметъ имущественныхъ юридическихъ отношеній есть внѣшній, матеріальный или реальный міръ, существующій внѣ человѣка, и то, что къ нему приравнено; напротивъ, предметъ публичныхъ юридическихъ отношеній суть начала, принципы, идеи—отвлеченныя понятія, болѣе или менѣе далекія отъ реальной, непосредственной дѣйствительности и составляющія необходимое условіе и основаніе правильнаго, организованнаго сожительства людей. Имущественныя права установляютъ взаимныя отношенія людей, живущихъ въ правильно устроенной общественности, по внѣшнимъ матеріальнымъ предметамъ; частныя права опредѣляютъ долю свободнаго почина и дѣятельности, предоставленныхъ отдѣльному лицу въ правильно организованномъ общежитіи; наконецъ, публичныя права опредѣляютъ условія и основанія правильно организованнаго сожительства людей въ обществѣ и государствѣ. Эти три группы обнимаютъ всю обширную и разнообразную область юридическихъ отношеній. (По причинамъ, всѣмъ извѣстнымъ, которыхъ я здѣсь повторять не стану, остается еще не вполнѣ выясненнымъ мѣсто, занимаемое въ системѣ права международными отношеніями; ихъ юридическій характеръ до сихъ поръ еще оспаривается многими). Изъ перечисленныхъ трехъ группъ, имущественныя права, по своему предмету, всего ближе подходятъ къ реальнымъ наукамъ; они и выработались раньше другихъ: гражданское право (котораго содержаніе почти исчерпывается имущественными правами), по точности метода, опредѣленія и выводовъ, сближается учеными съ математикой, и этимъ оно обязано столько же трудамъ римскихъ юристовъ, сколько объективности, осязаемости, внѣшней реальности и опредѣленности ихъ предмета. Находясь, по своему содержанію, въ тѣсной зависимости отъ свойствъ внѣшняго, реальнаго міра, имu-

щественныя юридическія отношенія представляютъ переходъ отъ экономическихъ хозяйственныхъ отношеній къ области права, и составляютъ общую предпосылку всѣхъ прочихъ его отраслей, — предпосылку, которая всегда и во всемъ предполагается, вездѣ и во всемъ отзывается и просвѣчиваетъ. Приурочивать, какъ до сихъ поръ дѣлалось, имущественныя права къ частному, приватному праву, значитъ придавать имъ извѣстную политическую окраску, вовлекать въ различія, опредѣляемыя положеніемъ лица въ обществѣ и государствѣ; но имущественныя права чужды этимъ различіямъ: коренясь въ условіяхъ устроеннаго общежитія, они вырастаютъ и развиваются на почвѣ экономическихъ отношеній, всецѣло, всѣмъ лицомъ, обращены къ реальному міру и получаютъ свои формы, въ концѣ концовъ, отъ хозяйственныхъ условій и свойствъ реальныхъ предметовъ. Именно эта непримѣнимость къ имущественнымъ юридическимъ отношеніямъ различій на публичныя и частныя, ихъ строго объективный и реальный характеръ, и заставляютъ выдѣлить ихъ въ особую группу.

Къ этому главному теоретическому, научному доводу въ пользу выдѣленія имущественныхъ правъ въ особый отдѣлъ, присоединяются и разныя практическія соображенія. Не говорю о крайнемъ неудобствѣ справляться о различныхъ видахъ имущественныхъ правъ и отношеній во всѣхъ почти отдѣлахъ права — государственномъ, финансовомъ, промышленномъ, административномъ, полицейскомъ, уголовномъ, судопроизводственномъ и т. д., по которымъ они разбиты: съ этимъ еще можно было бы помириться. Гораздо хуже то, что попадая въ различные отдѣлы права и считаясь ихъ составными частями, имущественныя права теряютъ, вслѣдствіе того, необходимую между собою связь и единство началъ, представляютъ ненужное и даже вредное разнообразіе и подчасъ очевидно и несомнѣнно противорѣчатъ положеніямъ, твердо установившимся въ наукѣ. Отсюда, напримѣръ у насъ, признаніе права на золотые записи движимымъ имуществомъ, допущеніе личныхъ наймовъ на весьма продолжительные сроки, чрезвычайное разнообразіе способовъ взысканія, административнымъ порядкомъ, податей, налоговъ, сборовъ, изъ которыхъ почти для каждаго предписанъ особый способъ принудительнаго взысканія; такое же чрезвычайное разнообразіе способовъ обезпеченія обязательствъ и взысканія и т. бы этого не было, если бы имущ права составляли особый отдѣлъ, не прибѣгая отрывками то въ тот другой отдѣлъ законодательства, вались и излагались въ совокупност щей системѣ и по однимъ началам это существенно бы выиграли и вс отрасли права: освобожденныя отъ ственныхъ имъ и непужныхъ прист не расплывались бы, какъ теперь, и лись бы между собою и съ имущест правами и представляли бы, каждая средоточенную и ясно, отчетливо ную группу юридическихъ отношен ляемую лишь свойственными ей об чалами и условіями.

Не надо быть особенно пронзит чтобы замѣтить, что въ настоящее когда разныя отрасли права и юри дическихъ отношеній значительно лись и опредѣлились, трудности к каціи вертятся главнымъ образомъ называемаго гражданскаго права и шеній къ другимъ отдѣламъ. Сюда всѣ запутанности, здѣсь ихъ главны и пока онъ не будетъ распутанъ, о стема права останется невыясненн ты европейскаго континента робко по приступаютъ къ разъясненію проса, подъ очевиднымъ давленіемъ преданія, изъ-подъ авторитета кото не могутъ высвободиться. Римское римская теорія, всосавшаяся въ плоть юристовъ европейскаго континента, ласть имъ глаза, а именно съ ея ческаго анализа и нужно начать, копаться до основной причины всѣ ностей правильной и простой класс юридическихъ отношеній. Римское лучило классическую обработку, ко теперь удивляемся, въ то время, к дарственная жизнь и дѣятельность точились исключительно въ римск раторахъ и органахъ ихъ власти, общество, составлявшее когда то жавный народъ, распалось на едини шія обособленной, частной жизни кихъ условіяхъ понятіе о публичном номъ не могло опредѣлиться иначе, опредѣлилось въ сочиненіяхъ римс стовъ. Публичное отождествлено с ственнымъ и стало обнимать дѣя римской императорской власти и

ватною, частною стала почитаться
ѣятельность римскихъ гражданъ.
бразомъ, подъ вліяніемъ условій
изни временъ имперіи, совершив-
ie приватнаго или частнаго права
анскимъ. До эпохи императоровъ
и частное опредѣлялись совер-
ie; но къ западно-европейскимъ
перешла не эта, болѣе отдаленная,
ая по времени теорія римскихъ
и новые европейскіе народы при-
акъ наслѣдіе вмѣстѣ съ римскимъ
не смотря на то, что она вовсе не
къ условіямъ европейскаго быта,
о на совершенно другихъ нача-

ie и отождествленіе частнаго права
нскимъ,—въ томъ числѣ съ имуще-
, составлявшимъ и у римлянъ глав-
ваніе гражданскаго права—увѣко-
о сихъ поръ поддерживается тѣмъ,
е имущественное юридическое от-
ществуетъ всегда, непремѣнно мѣ-
ии; даже когда имущественныя
инадлежатъ казнѣ, обществу, или
будь учрежденію, эти обладатели
ихъ правъ разсматриваются какъ
, единичныя лица. Отсюда легко
ючить, что имущественное юриди-
ошеніе, вошедшее въ составъ рим-
жданскаго права, существуя между
ми, единичными лицами, по этому
ть частное, приватное, и такой вы-
ъ будто подтверждая римскую тео-
ало содѣйствовалъ къ ея упроченію.
, частное право есть область част-
изволенія лицъ; слѣдовательно и
инныя права, насколько они зави-
свободнаго почина и доброй воли
лицъ, суть частныя, приватныя
ли же они недобровольны, установ-
частью государства или общества,
инадлежатъ къ частному т.-е. граж-
праву, а входятъ въ разрядъ пуб-
какъ ихъ необходимая составная

такихъ заключеній и выводовъ,
исходнымъ звеномъ которыхъ по-
имская теорія, выработанная осо-
условіями римской жизни въ дан-
, закрѣпилось то смѣшеніе понятій,
ща юридическихъ опредѣленій, изъ
нѣтъ, мнѣ кажется, другого выхода,
, который я предлагаю: надо раз-

единить неправильно слитое, отдѣлить част-
ное право отъ такъ называемаго граждан-
скаго, и разложивъ послѣднее на его состав-
ныя части, образовать изъ имущественныхъ
правъ вообще, съ присоединеніемъ къ нимъ
и тѣхъ, которыя теперь исключены изъ граж-
данскаго права, особую самостоятельную
группу, а остальное размѣстить по соотвѣт-
ствующимъ отдѣламъ. При такомъ распредѣ-
леніи, права личныя, семейственныя могли
бы составить введеніе въ систему публич-
ныхъ правъ или образовать ихъ первую главу,
опека—войти въ составъ полицейскаго права
и занять мѣсто посреди мѣръ, служащихъ къ
огражденію личности и имущества. Такія изм-
ненія въ общей системѣ права сдѣлали бы
ее болѣе стройной и правильной, болѣе со-
отвѣтствующей не логическимъ отвлечен-
нымъ требованіямъ, а самому существу, ха-
рактеру и значенію различныхъ группъ юри-
дическихъ отношеній. Такая система обни-
мала бы весь дѣйствительный юридическій
бытъ человѣка, какимъ онъ является посреди
природы и въ сношеніяхъ съ другими людьми
въ правильно устроенномъ общежитіи.

Проф. Муромцевъ отвергаетъ въ принципѣ
возможность такой классификаціи. По его
мнѣнію есть, рядомъ съ стоимостями иму-
щественными, стоимости не-имущественныя,
рядомъ съ имущественными гражданскими
правами — гражданскія права не-иму-
щественныя, имѣющія идеальную цѣнность.
Въ доказательство, онъ приводитъ громад-
ные штрафы, налагаемые по римскому и
новымъ европейскимъ правамъ за разныя на-
рушенія, относящіяся не къ имущественной
стоимости, а къ тому, что для лица въ дан-
номъ случаѣ, по личнымъ соображеніямъ,
представляется особенно дорогимъ и жела-
ннымъ (прохлада, доставляемая во время зно
тѣнистой аллеей, собственныя помѣтки въ
книгѣ, предметы ничтожные по цѣнѣ, но на-
поминающіе намъ любимыя и дорогія намъ
лица и т. п.). Но въ различеніи имуществен-
ной и не-имущественной стоимости, имуще-
ственной и идеальной цѣнности, лежитъ,
мнѣ кажется, большая ошибка и неточность.
Стоимость, цѣнность, какъ показываетъ са-
мое названіе, можетъ быть только имуще-
ственная, реальная; нематеріальныя блага
не суть стоимости, цѣнности, не поддаются
подъ реальное мѣрило, мы ихъ называемъ
стоимостями или цѣнностями только иноска-
зательно. Приведенные почтеннымъ крити-

комъ примѣры не опровергаютъ, а подтверждаютъ этотъ взглядъ. За нарушеніе вещественныхъ стоимостей присуждается *вознагражденіе* соразмѣрно съ понесенными матеріальными потерями; за нарушеніе невещественныхъ, идеальныхъ благъ присуждается *штрафъ*, опредѣляемый безъ всякой соразмѣрности съ нанесеннымъ не-матеріальнымъ зломъ — такъ какъ ея и опредѣлить невозможно,—а либо въ видѣ наказанія, либо въ видѣ побужденія исполнить дѣйствіе, которымъ нарушеніе не-матеріальнаго блага возстановляется, или угрозы за неисполненіе такого дѣйствія. Такимъ образомъ, матеріальной стоимости соотвѣтствуетъ вознагражденіе, и матеріальному благу — штрафъ или пеня, не-имѣющая ничего общаго съ вознагражденіемъ.

Особенно сильно налегаетъ проф. Муромцевъ на то, что, выдѣляя имущественныя юридическія отношенія въ особый отдѣлъ, я не обратилъ никакого вниманія на способъ защиты правъ. Эта ошибка кажется ему капитальною, такъ какъ ею въ особенности уничтожается одна изъ наиболѣе рѣзкихъ и характеристическихъ граней между публичнымъ и частнымъ. Послѣ данныхъ мною объясненій это обвиненіе отпадаетъ само собою. Имущественныя юридическія отношенія у меня не противополагаются, какъ частныя, публичнымъ, но должны составить, помимо дѣленія на публичное и приватное, особую группу, которая не имѣетъ съ этимъ дѣленіемъ ничего общаго. Потому-то способъ защиты имущественныхъ юридическихъ отношеній и кажется мнѣ совершенно безразличнымъ.

Критикъ замѣчаетъ, что неудачность моей классификаціи можно сравнить съ неудачностью системы біологіи, въ которой были бы выдѣлены въ особый разрядъ явленія, обусловленныя исключительно присутствіемъ въ организмѣ азотистыхъ веществъ, или съ неудачностью классификаціи растеній по химическимъ свойствамъ ихъ составныхъ элементовъ. Но тѣже сопоставленія я могу обратить въ свою пользу и сказать, что біологія предполагаетъ химію, химическій анализъ составныхъ элементовъ растеній и животныхъ. Ни правильная классификація растеній, ни правильная система біологіи не мыслимы при смѣшеніи химическихъ и біологическихъ условій и данныхъ растительной и животной жизни. Прежде надо изучить особо элементы, входящіе въ составъ явленія, и [illegible] явленіе станетъ для насъ понятнымъ [illegible] значатся его характеристическія [illegible] Такой общей предпосылкой для всей [illegible] права представляются мнѣ юридическія [illegible] ношенія по имуществамъ и особые [illegible] стямъ. Они во всѣхъ отрасляхъ права [illegible] полагаются и потому должны быть [illegible] въ особую группу и изучены особо [illegible] гихъ. Вводя ихъ въ систему права [illegible] различныя подраздѣленія, мы дѣлаем [illegible] что сдѣлалъ бы біологъ, или ботаникъ [illegible] въ біологическую систему или классификацію растеній химическія свойства. Понятна [illegible] путаница въ системахъ права произ [illegible] теперь, главнымъ образомъ, вслѣдствіе [illegible] что имущественныя отношенія сопоставляются [illegible] съ другими, какъ однородныя, тогда [illegible] составляютъ особый разрядъ и выдѣляются во всѣхъ прочихъ.

Я разсмотрѣлъ здѣсь одни существенные [illegible] и наиболѣе важныя изъ возраженій Муромцева. На другихъ, менѣе важныхъ [illegible] щихся подробностей, я не буду останавливаться. Почтенный критикъ находитъ [illegible] мѣръ, придуманное мною названіе [illegible] „гражданскаго права", длиннымъ [illegible] № 19, стр. 13). Самъ онъ называетъ [illegible] правъ, которому я посвятилъ свою [illegible] „имущественными правами". Можетъ [illegible] такъ лучше и правильнѣе. Я не [illegible] выбрать это названіе изъ опасенія, что [illegible] не было принято за названіе одной [illegible] ныхъ правъ, съ исключеніемъ обязательственныхъ. Во всякомъ случаѣ, за названіе я не [illegible] готовъ принять всякое, какое окажется [illegible] болѣе точнымъ и соотвѣтствующимъ [illegible] жанію. Въ другомъ мѣстѣ (Кр. об. [illegible] стр. 18) почтенный критикъ ставит [illegible] меня за то, что я включилъ въ число [illegible] ственныхъ отношеній воинскую повинность. Сдѣлалъ я это потому, что въ обязанности [illegible] безвозмездномъ личномъ трудѣ на пользу [illegible] государства, въ продолженіе опредѣленнаго [illegible] времени, съ оставленіемъ другихъ [illegible] нерѣдко выгодныхъ, или болѣе соотвѣтствующихъ [illegible] щихъ личнымъ желаніямъ, наклонностямъ, [illegible] привычкамъ, я видѣлъ обязательство, имѣющее предметомъ личный трудъ, личную [illegible] тельность, представляющую извѣстную [illegible] щественную цѣнность. Что личная [illegible] ность можетъ быть разсматриваема [illegible] кая цѣнность, доказывается тѣми [illegible] ными выгодами и льготами, которы

самимъ военно-служащимъ во
тельнаго срока служенія и въ
лицамъ, остающимся добровольно
сверхъ срока. Но я вполнѣ по-
можно взглянуть на предметъ и
очки зрѣнія, и охотно соглашаюсь,
о юридическомъ характерѣ воин-
вости не можетъ еще считаться
о рѣшеннымъ въ томъ или дру-
ѣ.

женіе, считаю обязанностью законо-
статью тѣмъ же, чѣмъ началъ —
ъ глубокой благодарности проф.
за доставленный мнѣ случай вы-
робнѣе свои мысли о предметѣ,
ъ обоихъ и вѣроятно, многихъ изъ
гателей живо интересуетъ. Для
о рѣшается высказывать печатно
я, критика, подобная той, на ко-
арален отвѣтить, не только жела-
необходима и въ высокой степени
всѣхъ отношеніяхъ.

ругое представляетъ разборъ моей
ечатанный въ журналѣ „Слово"
нижка) г. Л. Слонимскимъ, подъ
„Новая юриспруденція". Ученый
считавъ мою работу, усмотрѣлъ
мѣчательные образчики незнанія
ентарныхъ логическихъ правилъ";
ко, иногда въ моихъ словахъ „па-
ренутаны понятія, что въ нихъ
раться до какого-нибудь смысла";
я въ моихъ конспектахъ „такія,
съ совѣстно и останавливаться".
, послѣ этого, и пера въ руки
хотѣть, чтобъ говорить о подобной
граничей мѣрѣ, совершенно доста-
ничиться приведенными отзывами.
имскій посвящаетъ ей тринадцать
ъ поученіе современникамъ и въ
отомству. Его собственныя изслѣд
тому, что онъ тоже недоволенъ
теоретической юриспруденціи и
вѣтъ съ другими, необходимость
новки вопроса о методѣ теорети-
новѣдѣнія; „но въ чемъ именно
гоять эта новая постановка, и ка-
бомъ должна совершиться ожида-
а въ наукѣ права — это не выяс-
до сихъ поръ съ достаточною
остью. Очевидно только, что пред-
е тѣсное сближеніе юриспруден-
ціи съ другими общественными науками, преимущественно съ политическою экономіею, и что положительное изученіе хозяйственныхъ условій, потребностей и судебъ народныхъ должно служить исходною точкой серьезнаго поворота въ направленіи научно-юридической литературы".

Все это — святыя истины, подъ которыми подпишется всякій, какъ бы онъ слабоуменъ ни былъ; вопросъ только въ томъ, какъ приняться за дѣло, съ какой стороны къ нему подойти? Еслибъ г. Слонимскій потрудился въ своихъ писаніяхъ разъяснить, какъ относятся между собою юриспруденція и другія общественныя науки, преимущественно политическая экономія, то по крайней мѣрѣ путь къ задачѣ былъ бы указанъ. А то и того нѣтъ! Въ разборѣ моей книги вездѣ встрѣчаются одни отрицательныя положенія. „Главный недостатокъ современной теоретической юриспруденціи, говоритъ г. Слонимскій, заключается въ отсутствіи положительной научной почвы и въ безпредметномъ, вслѣдствіе того, блужданіи между философскою метафизикою съ одной стороны, и существующими законодательствами — съ другой". Далѣе „юристы теоретики занимаются исключительно формулами права, не заботясь объ ихъ фактическомъ содержаніи: они больше хлопочутъ о внѣшней стройности, послѣдовательности и симметріи этихъ формулъ, чѣмъ объ ихъ жизненныхъ основахъ, послѣдствіяхъ и предѣлахъ. Общія нормы и институты устанавливались юристами путемъ отвлеченныхъ логическихъ умозаключеній, независимо отъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія ихъ съ дѣйствительною природою нормируемыхъ фактовъ. Имѣя дѣло съ формою безъ содержанія, юриспруденція невольно превращается въ схоластику, вредную для жизни". Наконецъ: „Теорія гражданскаго права безъ политико-экономическихъ основъ — это зданіе безъ фундамента, постройка безъ почвы, система понятій безъ положительнаго содержанія. Нельзя устанавливать нормы для явленій, которыхъ дѣйствительная природа не опредѣлена и не изслѣдована предварительно; невозможно обобщать понятія, безъ изученія соотвѣтствующихъ имъ фактовъ. Понятія могутъ быть неправильны и односторонни, и опредѣляемыя по нимъ юридическія нормы могутъ быть слишкомъ широки или слишкомъ узки для фактическихъ условій даннаго института. Умозрительная юридическая метафизика должна уступить мѣсто трезвой

экономической наукѣ таковою должно быть, по нашему мнѣнію, новое направленіе теоретической юриспруденціи. Политическая экономія заставитъ юристовъ-теоретиковъ бросить безплодное искапіе абстрактныхъ понятій въ юридическихъ отношеніяхъ, вызываемыхъ въ дѣйствительности не „свободною волею", а сложными народно-хозяйственными потребностями и интересами, нуждою и борьбою, всегда неравномѣрною и нерѣдко непосильною, а также разнообразными естественными и искусственными, необходимыми и случайными, общими и мѣстными условіями человѣческихъ обществъ". И только. Такъ и нельзя узнать изъ рецензіи г. Слонимскаго, что же и какъ дѣлать. Не нашелъ я наставленія и поученія и въ другой статьѣ того же автора, напечатанной въ томъ же „Словѣ", подъ заглавіемъ: „Правовѣдѣніе и политическая экономія". Эта статья, посвященная исключительно вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, должна бы казется, вразумить и наставить; но и въ ней, кромѣ общихъ мѣстъ, подобныхъ выписаннымъ, ничего нѣтъ.

„Что юриспруденція должна основываться на началахъ и выводахъ политической экономіи это идея, имѣющая не одинъ теоретическій, но и глубоко-практическій интересъ". „Вопросъ объ отношеніи правовѣдѣнія къ политической экономіи заслуживаетъ обстоятельной критической оцѣнки. Въ настоящемъ этюдѣ мы укажемъ на главнѣйшія погрѣшности того метода, которато придерживаются юристы-теоретики въ своей такъ называемой „наукѣ". Имѣть съ тѣмъ мы постараемся выяснить совершенную невозможность самостоятельнаго научнаго существованія юриспруденціи безъ серьезнаго сближенія ея съ соціологіею вообще и съ политическою экономіею въ частности". Однако, не только обстоятельной, но никакой критической оцѣнки отношеній правовѣдѣнія къ политической экономіи въ статьѣ нѣтъ, а есть только рядъ отрицательныхъ положеній о современной теоретической юриспруденціи, въ родѣ тѣхъ, которыя я выписалъ выше. „Теорія права, пишетъ г. Слонимскій должна относиться къ законовѣдѣнію, какъ наука къ искусству, какъ отвлеченное знаніе къ практической техникѣ. Но какъ увидимъ ниже, мѣсто этой теоріи занято понынѣ незаконною помѣсью римской догматики и позднѣйшей философской метафизики. Надо изгнать схоластику изъ послѣдняго ея убѣжища, гдѣ она свила себѣ наиболѣе крѣпкое [illegible] ное содержаніе такъ называемаго или частнаго права, [illegible] нимскій въ другомъ мѣстѣ, имѣ экономически характеръ. оно въ щественныхъ отношеніяхъ можно ношеніи собственности, владѣнія ніи, хозяйственныхъ сдѣлокъ, обяз Трактовать объ этихъ предметахъ отъ ихъ экономическаго содержа равно, что употреблять слова не ихъ смысла. Не знать экономиче въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ не знать истинной почвы права и е щихъ, положительныхъ основъ". И въ томъ же томѣ, на двадцати тр ницахъ. Мѣстами авторъ какъ буд дить къ задачѣ, которую себѣ „Какъ — спрашиваетъ онъ, — слѣду дѣлить отношенія правовѣдѣнія ческой экономіи?"—и отвѣчаетъ о томъ: „Не надо забывать, что ни не исчерпывается его экономическ жаніемъ, и что право имѣетъ с естественно соціальную роль, въ к рой оно занимаетъ самостоятельное ряду различныхъ отраслей соціоло права — соціальныя и экономиче рально съ этимъ и методъ его изу соціальныя, экономическія". Такъ остается въ невѣдѣніи, какая и г. Слонимскаго, особая роль прав мѣсто оно занимаетъ въ ряду раз раслей соціологіи. Но, подъ конец недоумѣніе читателя должно прев изумленіе, когда онъ прочитаетъ, вѣдѣніе должно слиться во едино ческою экономіею" и стало быть ни ношенія между этими двумя отрасл логіи нѣтъ и быть не можетъ. Еще будетъ пораженъ, когда узнаетъ ныя теоріи политической экономи тельны для юристовъ, что требов обязательности „могло бы быть о отвергнуто указаніемъ на шатко повленность и противорѣчивость щихъ экономическихъ ученій". политическая экономія, продолжае имѣетъ, также сильно заражена и потому, сама по себѣ, не может достойнымъ подражанія образцомъ вѣдѣнія". Выходитъ, что и политич номія, на которую была вся надеж заражена схоластикою! Что же

ъ злосчастнымъ юристамъ-теоретикамъ? а имъ черпать содержаніе своей науки, и политическая экономія,—и та измѣ-

Г.. Слонимскій утѣшаетъ: „Для юрис-ніціи, говоритъ онъ, важны не тѣ или і теоріи экономистовъ, а важна и обяза-а *экономическая точка зрѣнія* вообще". куда ее взять, когда и теоріи экономовъ заражены схоластикой,—этой научной чумой и научнымъ дифтеритомъ нашихъ дней? Гдѣ же спасеніе? Подождемъ новыхъ ученыхъ трудовъ г. Слонимскаго; авось когда-либо онъ откроетъ намъ двери научнаго рая: пока, какъ видно, онѣ и для него самого заперты наглухо.

(Журн. гражд. и угол. права, 1880, кн. I—II).

ЧЕГО ЖЕЛАТЕЛЬНЮ ДЛЯ РОССІИ: НОВАГО СВОДА ЗАКОНОВЪ ИЛИ УЛОЖЕНІ

Съ большимъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ ожидаютъ у насъ вездѣ новыхъ судебныхъ порядковъ. Не мы, конечно, будемъ находить такое нетерпѣніе преждевременнымъ или неестественнымъ. Относительно нашего теперешняго суда можетъ быть только одно мнѣніе, а никакъ не два, и горячее желаніе видѣть его упраздненнымъ и новый поставленнымъ на его мѣсто слишкомъ оправдывается множествомъ причинъ, всѣмъ коротко извѣстныхъ.

Новое устройство суда, новый порядокъ судопроизводства подыметъ съ удвоенной силою и теперь уже отчасти возбужденный вопросъ о новомъ сводѣ законовъ или уложеніи. Ожидаемый судъ будетъ, надо надѣяться, дѣйствовать быстрѣе теперешняго; также точно очень вѣроятно, что число судебныхъ дѣлъ значительно увеличится, когда судъ станетъ доступнѣе, ближе, чѣмъ теперь, и внушитъ къ себѣ болѣе довѣрія: спрашивается, что будутъ дѣлать при такихъ условіяхъ суды, обязанные дѣйствовать быстро, а между тѣмъ заваленные процессами? Какимъ образомъ они будутъ руководствоваться нашими законами, въ теперешней ихъ редакціи? Это очень трудный вопросъ: такой трудный, что и не придумаешь, какъ его рѣшить? Не говоря уже о противорѣчіяхъ, наши законы не полны, не точны, обнимаютъ большею частью случаи, а не общія правила, смѣшиваютъ обязательное положеніе съ мотивами или поводами и административными потребностями. Тѣ изъ нихъ, которые собраны въ своды, расположены по [illegible] творительной системѣ; относящіеся [illegible] предмету разбросаны по разнымъ [illegible] томамъ, повторяются въ неходящихъ [illegible] ціяхъ по нѣсколько разъ; а между [illegible] должны быть примѣняемы непрем[illegible] вильно. Какъ тутъ быть и какъ суд[illegible] ствовать быстро?

Изданіе новаго свода или уложен[illegible] изъ самыхъ живыхъ потребностей [illegible] времени, только понимаютъ ее не[illegible] лично. Говоря объ обновленіи свод[illegible] думаютъ о законодательствѣ усовер[illegible] шенномъ и по содержанію, и по ф[illegible] по всѣмъ частямъ, не исключая и [illegible] которымъ нѣтъ еще не только сво[illegible] и письменныхъ законовъ. Это чре[illegible] какъ усложнитъ вопросъ и безъ то[illegible] сложный. Выработать уложеніе [illegible] ствованнаго законодательства, ко[illegible] шашъ быть перестраивается, ко[illegible] развивается съ усиленною быстр[illegible] кладывая новые, еще неизвѣданны[illegible] смутно предчувствуемые пути [illegible] это возможно? Кто же тотъ мудре[illegible] рый въ состояніи теперь указать [illegible] форму сложится наша гражданская [illegible] ственная жизнь въ ближайшемъ б[illegible] и мало того, что угадать, а еще и [illegible] ее въ видѣ готоваго законодате[illegible] которомъ бы всѣ, по крайней мѣр[illegible] вопросы, были уже разрѣшены и [illegible] отвѣтственное имъ законодательное [illegible] ніе? Нѣтъ, такой мудрецъ еще не [illegible]

хотимъ дѣлать что-нибудь серьез-
езное, то съ подобными фанта-
обно сопѣмъ разстаться. Законода-
удетъ постепенно усовершенствo-
акъ мы это видимъ въ вынѣшнее
ше. Для будущихъ судей нужно не
ковое, точное, по хорошей системѣ
ое изложеніе дѣйствующихъ законо-
адъ разрѣшеніемъ этой болѣе огра-
возможной задачи будетъ бездна
здо больше, чѣмъ кажется съ пер-
да.

ѣнить всю трудность выработать
ше наши законы въ болѣе удовле-
ую форму, чѣмъ теперешній сводъ,
между прочимъ, припомнить, что
й законъ—о другихъ здѣсь намъ
кого дѣла — есть общее правило,
рое подводится наша внѣшняя об-
я и частная дѣятельность внутри
еннаго союза. Насколько внѣшнія
прямо или косвенно, ставятъ во
внѣшнія же отношенія государ-
ество и частныя лица настолько
вія подлежатъ юридическому опре-
которому должно, волей неволей,
ся. Въ этомъ смыслѣ законъ есть
для внѣшнихъ дѣйствій, граница
отношеній, устанавливающая права
дая обязанности. Это средняя и
но общая пропорціональная линія,
образомъ и по внѣшнимъ дѣй-
раздѣляющая и въ то же время со-
я людей; точнѣе сказать, это гра-
акимъ точкамъ и линіямъ проле-
шнее раздѣленіе и внѣшнее соеди-
дей по отношенію къ ихъ внѣш-
ствіямъ. кто бы ни дѣйствовалъ,
физическое лицо или юридическое,
словѣкъ или общество и сословіе
арство.

ы теперь начнемъ разсматривать
йствующіе въ какой бы то ни было
ъ данное время, то непремѣнно
что въ однихъ выражены такія об-
ила для внѣшнихъ дѣйствій, кото-
одны для всѣхъ странъ, для всѣхъ
во всѣ времена, на всякой ступени
другія годятся тоже для всѣхъ на-
олько при извѣстныхъ временныхъ
ихъ обстоятельствахъ: или только
тнаго народа и страны; или тоже
тнаго народа и страны, но на из-
тупени развитія, или при извѣст-
ной обстановкѣ и т. д. Специализируя далѣе
и далѣе, мы найдемъ, между прочимъ, и та-
кіе законы, которые имѣютъ самое ограни-
ченное примѣненіе, для одного какого-нибудь
сословія, города, села, общества, даже от-
дѣльнаго лица, не говоря уже о родахъ и
видахъ внѣшнихъ дѣйствій и отношеній, ко-
торыя очень часто опредѣляются своими соб-
ственными общими правилами или законами,
наконецъ, объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ и от-
ношеніяхъ, опредѣляемыхъ своимъ особымъ
закономъ, который только для нихъ и со-
ставляетъ общее правило.

Для систематическаго сборника дѣйствую-
щихъ законовъ такое подраздѣленіе юриди-
ческихъ правилъ — камень преткновенія, и
въ немъ-то заключается одна изъ величай-
шихъ трудностей кодификаціи. Положимъ,
не очень трудно отдѣлить общіе законы отъ
мѣстныхъ, дѣйствующихъ только на про-
странствѣ извѣстной территоріи, и отъ осо-
бенныхъ, которые существуютъ лишь для
извѣстныхъ разрядовъ лицъ сословій, клас-
совъ и т. д., или для извѣстнаго рода дѣлъ.
Но уже при отдѣленіи законовъ, постоянно
дѣйствующихъ отъ временныхъ начинаются
трудности. Въ самомъ обширномъ смыслѣ,
наибольшее число законовъ суть временные,
потому что измѣнившіяся обстоятельства и
условія заставляютъ измѣнять и законы. Но
здѣсь мы даемъ выраженію *временный* такое
общее, неопредѣленное значеніе, которое
въ примѣненіи къ положительному законо-
дательству не имѣетъ практическаго инте-
реса. Подъ временными законами мы разу-
мѣемъ здѣсь только такіе, которые вызваны
какими-нибудь чрезвычайными, болѣе или
менѣе скоропреходящими обстоятельствами,
и которые только и имѣютъ значеніе и силу,
пока эти обстоятельства не миновали. Поло-
жимъ, напримѣръ, что въ Москвѣ, Курскѣ,
Рязани, словомъ, гдѣ бы то ни было, пожары,
ночные грабежи и воровства такъ усили-
лись, что правительство вынуждено принять
противъ нихъ какія-нибудь чрезвычайныя
полицейскія мѣры, учредить военные пат-
рули, военно-судныя комиссіи, даже объ-
явить въ такихъ мѣстностяхъ военное поло-
женіе и подчинить названныя преступленія
дѣйствію полевыхъ уголовныхъ законовъ. Та-
кія правила, дѣйствуя въ извѣстной мѣстно-
сти, безъ сомнѣнія, суть законы, но законы
временные, а не постоянные, хотя прави-
тельство и не можетъ заранѣе назначить

срока, когда они будутъ отмѣнены, потому что это избавитъ отъ совершеннаго прекращенія дѣла, противъ котораго приняты чрезвычайныя мѣры. Возьмемъ вопросъ еще шире, предположимъ, что извѣстный родъ преступленія, грозящій очевидно общественному спокойствію и порядку, до такой степени усилился въ цѣлой имперіи, что правительство вынуждено принять противъ этого чрезвычайныя карательныя и полицейскія мѣры по всему государству. Эти мѣры за какой законъ слѣдуетъ считать? Очевидно, не за постоянный, а за временный, хотя онѣ тоже издаются безсрочно, потому что срока его дѣйствія не имѣли опредѣлить заранѣе. Такихъ законовъ у насъ множество и они чрезвычайно какъ затемняютъ законодательные наши сборники, видя ихъ характера сборникомъ постоянно дѣйствующихъ законовъ, которыми бы они должны были имѣть по своей сущности. Очевидно, не тотъ только законъ есть временный, о которомъ это прямо и положительно сказано при его изданіи, какъ у насъ принято считать, а также и тотъ, который есть временный по своей сущности, по своему смыслу. Конечно, не частному лицу это рѣшать; мнѣніе ученаго, или адвоката въ этомъ случаѣ ни для кого не обязательно. Но правительство, издавая сборникъ дѣйствующихъ законовъ, можетъ обязательно для всѣхъ рѣшить вопросъ, есть ли тотъ или другой издаваемый имъ законъ временный, или постоянный, и сообразно съ тѣмъ вносить или не вносить его въ сборникъ и его продолженія. У насъ же теперь постоянные и временные законы перемѣшаны въ сводѣ, и изъ этого происходитъ не мало путаницы, дѣлающей примѣненіе его и самое изученіе крайне труднымъ, почти невозможнымъ. Пока *законы* у насъ не будутъ строго различены отъ *предписаній временныхъ распоряженій*, до тѣхъ поръ и примѣненіе и изученіе законовъ останется въ томъ же неудовлетворительномъ видѣ, какъ нынѣ.

Возьмемъ теперь постоянные законы. Мы видѣли, что между ними надобно различать общіе отъ особенныхъ,—особенныхъ по мѣстности, по разрядамъ лицъ, обществъ, сословій, и по роду отношеній или дѣятельности или, какъ у насъ принято выражаться, по роду дѣлъ. Остановимся на общихъ, такъ какъ объ особенныхъ, какъ изъятіяхъ и ограниченіяхъ общихъ законовъ, говорить много нечего. Между общими законами,—мы уже объ этомъ говорили, — выдѣляются въ группу тѣ, которые везутъ и всѣ народы и какую эпоху мы бы ни [illegible] будутъ безспорно юридическими правилами [illegible] тому вопросу и всегда имъ прямо [illegible] или предполагаются. Къ какой [illegible] странѣ, или къ какому времени [illegible] имѣется одинаково юридическое пр[illegible] „никто не можетъ быть наказ[illegible] наказаніи вины", или, что „долж[illegible] ствующія между нѣсколькими лиц[illegible] жетъ быть отмѣнено по желанію [illegible] только нѣкоторыхъ изъ нихъ", или [illegible] ный искъ вчиняется противъ наслѣ[illegible] мета иска, кто бы онъ ни былъ [illegible] искъ только противъ того, кто сд[illegible] договоръ или кто нарушилъ пра[illegible] и тому подобныя правила состав[illegible] основныя законы, на которыхъ ст[illegible] ніе всякаго положительнаго законо[illegible] Вывести ихъ изъ частныхъ случаев[illegible] вилъ, объяснить ихъ смыслъ и опред[illegible] дѣло науки и практики; дѣло зак[illegible] коновъ вложить ихъ въ самой [illegible] ясной редакціи, поставя во главѣ [illegible]

Каждая отрасль законодательств[illegible] большее или меньшее число такі[illegible] ныхъ, основныхъ правилъ, неизмѣнн[illegible] дважды-два—четыре. Они ясно о[illegible] непреложностью отличаются отъ в[illegible] чныхъ законовъ общихъ и постоя[illegible] которые, смотря по времени, наро[illegible] жестну разныхъ обстоятельствъ и [illegible] различны въ разныхъ положитель[illegible] нодательствахъ.

Дѣло само по себѣ очень прост[illegible] тѣмъ выдѣлить аксіоматически общ[illegible] ныя груды общихъ постоянныхъ з[illegible] одна изъ труднѣйшихъ задачъ зак[illegible] ная въ особенности. Въ гражданск[illegible] много такихъ аксіомъ, благодаря [illegible] праву, и его необыкновенной разр[illegible] съ: по уголовному праву ихъ тоже [illegible] достаточно. Тоже по гражданско[illegible] ловному судопроизводству. По уже [illegible] нистративному праву и въ тѣс[illegible] обширномъ смыслѣ ихъ гораздо м[illegible] государственному или политическ[illegible] меньше, а по международному [illegible] только юридическіе факты— договор[illegible] ты, да еще faits accomplis, пр[illegible] но внѣшній порядокъ и систему. [illegible] сительное богатство незыблемыхъ [illegible] положеній въ однѣхъ отрасляхъ пр[illegible]

я бѣдность или даже отсутствіе
угихъ объясняется тѣмъ, что граж-
овъ больше установился и опре-
ранительно съ общественнымъ и
ннымъ, а тѣмъ болѣе съ между-
; къ этому надобно прибавить, что
дный союзъ сложнѣе государствен-
дарственный—общественнаго, а об-
й сложнѣе частнаго или граждан-
вѣстно, что трудность изученія,
ѣнія общихъ законовъ, возрастаетъ
ею сложностью изучаемаго пред-
явленія.

всякое общее положеніе пра-
вошибочно, – дѣло въ высшей сте-
ени. Тутъ и огромнаго ума и та-
; вся сила въ количествѣ и свой-
ихъ, изъ которыхъ извлекается об-
ъ. Геніальнѣйшій человѣкъ ничего
ать, если у него не довольно дан-
руками, или если ихъ и довольно,
дносторонія, раскрываютъ только
тѣсколько, а не всѣ стороны пред-
о себѣ представить, какое обшир-
для всякихъ ошибокъ и заблужде-
ботахъ ,подобнаго рода, въ особен-
да предметъ ихъ такой многослож-
бнокъ еще развивающіяся подъ
разнообразнѣйшихъ, почти всегда
ъ, новыхъ, очень рѣдко повторяю-
ови, какимъ по преимуществу яв-
ловѣческое общежитіе. Въ такихъ
грозитъ ежеминутная опасность
частный законъ за общій, времен-
е, произведеніе преходящихъ усло-
измѣнную формулу. Примѣрами по-
шибочныхъ заключеній и выводовъ
исторія права. Развѣ въ Герма-
всѣдѣ, гдѣ дѣйствовало римское
бенныя, временныя и національ-
ческія явленія римскихъ гражда-
долгое время не считались та-
обязательными, нормальными, обще-
кими, теоретическими началами
ъ и тѣ, которыя дѣйствительно
дическія аксіомы? Послѣдующая
рманизма противъ римскаго права
своимъ происхожденіемъ именно
шенію частнаго съ общимъ и все-
хъ римскихъ гражданскихъ уло-
абора на степень общечеловѣче-

ские, въ особенности не мастера
общенія, конечно потому, что еще
очень неопытны въ гражданской и общественной жизни и мало искусились въ наукѣ и ученой разработкѣ живыхъ данныхъ. Читали же мы, и еще не такъ давно, что намъ слѣдуетъ подождать съ разными реформами, пока у насъ разовьется могучее среднее состояніе, точно какъ у насъ на роду написано жить по однимъ законамъ съ какой нибудь Франціей. Твердили и твердятъ же у насъ до сихъ поръ, что такъ какъ въ Европѣ общинное владѣніе тоже когда то было и замѣнилось личною поземельною собственностью, то и у насъ точно также общинное владѣніе должно исчезнуть, а на его мѣсто водворится исключительно одна личная поземельная собственность. И мало ли еще чего въ этомъ родѣ мы не слыхали и не слышимъ ежеминутно? Всякій частный фактъ мы тотчасъ же возводимъ въ общее правило, дѣлаемъ изъ него общія заключенія, и оттого говоримъ сегодня одно, завтра другое, блуждая въ морѣ неразрѣшимыхъ противорѣчій и не умѣя вслѣдствіе того остановиться ни на какомъ воззрѣніи, ни на какихъ мысляхъ. Легкость общихъ заключеній, нерѣдко приводящая насъ въ отчаяніе, есть результатъ неумѣнья обобщать, выводить общія правила и формулы изъ частныхъ явленій. Этимъ достаточно объясняется хаосъ и сумбуръ въ нашихъ головахъ.

Возвращаясь къ своду законовъ, надобно къ сожалѣнію сказать, что въ немъ нѣтъ почти вовсе тѣхъ общихъ положеній, тѣхъ коренныхъ юридическихъ началъ, которыя вѣковымъ опытомъ и наукою, по всеи справедливости, безспорно признаны за юридическія аксіомы и стоятъ на первомъ планѣ во всѣхъ европейскихъ кодексахъ, составляя ихъ существенѣйшее достоинство и лучшее украшеніе. Графъ Сперанскій, съ именемъ котораго неразрывно связано первое изданіе свода, не былъ юристъ въ настоящемъ, строгомъ смыслѣ слова, и это видно изъ свода ли не на каждой страницѣ его безсмертнаго труда. Даже своды гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, кромѣ общихъ общими аксіоматическими положеніями которыхъ однако какъ мы видѣли, въ этихъ отдѣлахъ прим. безъ сравненія больше, чѣмъ по другимъ его частямъ. Если бъ гр. Сперанскій былъ настоящій юристъ, онъ не разбросалъ бы гражданскихъ законовъ по всѣмъ пятнадцати томамъ свода, къ крайнему обремененію судей, стран-

чихъ, юридическихъ профессоровъ и студентовъ. Но мы не будемъ слишкомъ строго судить трудъ Сперанскаго. Ему пришлось бороться съ такими огромными матеріальными трудностями, которыя всякаго другого привели бы въ отчаяніе. Ему некогда было думать о томъ, что составляетъ для насъ теперь насущную потребность, если бъ даже онъ и былъ въ состояніи удовлетворить ей, въ чемъ мы позволяемъ себѣ сильно сомнѣваться. Онъ думалъ только объ одномъ, составить систематическій сборникъ дѣйствующихъ положительныхъ законовъ; промежутки и пропуски онъ дополнилъ для связи общими положеніями, не всегда ученными и въ особенности не всегда точно выраженными. Онъ думалъ замѣнить впослѣдствіи этотъ первый трудъ систематическими уложеніями по различнымъ частямъ законодательства. Зная его юридическіе пріемы, его взглядъ, его нѣкоторые опыты, его редакцію, мы можемъ радоваться, что онъ не успѣлъ исполнить этого намѣренія.

Но положительная разработка юридическаго матеріала, собраннаго въ сводахъ и продолженіяхъ къ нему, могла послѣ него продолжаться. Къ сожалѣнію, въ этомъ смыслѣ почти ничего не было сдѣлано. Дальнѣйшія изданія свода остались такими же сборниками положительныхъ законовъ, оставляя очень многаго желать и по системѣ, и по содержанію, и по исполненію,—можетъ быть, даже больше, чѣмъ первоначальная работа гр. Сперанскаго, недостатки которой онъ до нѣкоторой степени сознавалъ самъ.

Безъ общихъ теоретическихъ началъ права, выраженныхъ конечно не въ ученой или научной, а въ законодательной формѣ, не можетъ обойтись никакая книга законовъ, данная въ руководство для ихъ исполнителей. Мы уже выжились изъ того времени, когда сборникъ рѣшеній частныхъ правилъ, какимъ и досель по преимуществу остается нашъ сводъ, удовлетворялъ почти вполнѣ требованіямъ нашей судебной и административной практики. Необычайная плодовитость и многотомность нашего свода, дѣлающая его очень неудобнымъ и въ примѣненіи и для изученія, именно отъ того и происходитъ, что въ немъ почти нѣтъ вовсе руководящихъ общихъ началъ; мы хотимъ этимъ сказать, что нѣтъ этихъ началъ въ сознанной и ясно выраженной формѣ. По существу, по содержанію они въ немъ, разумѣется, есть, но скрыты въ безчисленномъ множествѣ частныхъ [illegible] частныхъ правилъ. Не споримъ что [illegible] и другихъ достаточно противорѣчій, [illegible] образностей; но мы стоимъ на томъ, [illegible] гораздо меньше, чѣмъ кажется съ [illegible] каго взгляда, вслѣдствіе крайней [illegible] творительности редакціи свода: а [illegible] противорѣчія и несообразности, [illegible] ствительно существуютъ, отпали [illegible] сами собою, если бы хоть что-нибу[illegible] сдѣлано для выясненія общихъ [illegible] щихъ юридическихъ и административ[illegible] началъ нашего законодательства, [illegible] именно и нѣтъ. Наши сборники [illegible] удерживаютъ и досель свою вер[illegible] форму, не подвигаясь ни на шагъ. [illegible] Мы вполнѣ понимаемъ всю трудно[illegible] лую даже невозможность теперь, [illegible] вернаются у насъ реформы, быстр[illegible] безъ промежутковъ, слѣдующія од[illegible] гой, возвести все русское законод[illegible] къ общимъ началамъ. Но, какъ-нибу[illegible] мы старались показать выше, есть [illegible] скія, административныя и политическ[illegible] которыя признаются и нашимъ [illegible] тельствомъ, которому онѣ нисколь[illegible] тиворѣчатъ. Почему бы не поста[illegible] ихъ во главу угла нашей кодифи[illegible] вторыхъ, при всей измѣнчивости [illegible] ности нашего законодательства, ес[illegible] ство предметовъ, о которыхъ т[illegible] сводѣ тѣ же самыя правила слово [illegible] есть множество разрѣшеній част[illegible] чаевъ на основаніи одного и того ж[illegible] Почему бы эти различныя правил[illegible] въ одно, эти разрѣшенія частныхъ [illegible] не выразить въ исправленной и по[illegible] редакціи общаго начала? Эта сама[illegible] ная, чуть чуть не механическая р[illegible] чительно бы сократила сводъ и с[illegible] его доступнѣе и для судей и для [illegible]

Обратимъ вниманіе еще на одн[illegible] тельство, повидимому маловажное, [illegible] момъ дѣлѣ существенно затрудняю[illegible] кто имѣетъ дѣло съ сводомъ. За[illegible] ваемый для руководства, содержит[illegible] и предписываемое общее правил[illegible] его исполненія, нерѣдко и мотивы.

Въ этомъ же, такъ сказать, сы[illegible] онъ обыкновенно и переносится [illegible] сводъ. Изъ этого проистекаетъ та[illegible] образимая путаница при его приме[illegible] намъ случалось удостовѣряться соб[illegible] опытомъ; самое безспорное право о[illegible]

ельнымъ и оспаривается только по-
что въ текстѣ свода перемѣшаны оби-
ныя правила съ разными побочными
рельствами.

тскій указъ учреждаетъ напримѣръ,
комъ то селѣ, лежащемъ на берегу
торговую пристань. Законъ прямо и
тельно предоставляетъ всѣмъ и каж-
ользоваться пространствомъ, отведен-
подъ пристань, безданно безпошлинно.
ъ же законъ говоритъ, что торговая
нь учреждается вслѣдствіе прошенія
общества, сословія, вѣдомства или
ко лица—словомъ того, кому принад-
пространство, отводимое подъ при-
—и по сношенію министерства внутрен-
дѣлъ и главнаго управленія путей со-
я. Оказывается, что вѣдомство не
о объ открытіи пристани; переписка
омъ между министерствомъ и главнымъ
еніемъ возникла какимъ-то другимъ
; сенатъ не вывелъ на справку, что
ресованное вѣдомство не просило объ
ценіи пристани. Какъ тутъ быть? Счи-
пристань несуществующею, и ли-
права, даннаго сенатскимъ указомъ
торгующимъ пользоваться простран-
пристани безплатно; или, наоборотъ,
ть, что пристань остается пристанью,
ство должно получить вознагражденіе
ны, за тѣ пошлины, которыя оно со-
на пространствѣ, отведенномъ подъ
ь? Какъ ни очевидно, что только
рѣшеніе вопроса будетъ правильно,
ъ простомъ основаніи, что существую-
общественное право не можетъ быть
емо частнымъ, гражданскимъ, однако
, постановленный для учрежденія при-
въ томъ видѣ, какъ онъ внесенъ въ
не исполненъ; а всякое отступленіе
кны закона дѣлаетъ распоряженіе не-
ительнымъ. Еслибы въ сводѣ не было
ко общее правило съ административ-
роцедурой открытія пристаней, то обѣ
ы не могли бы одинаково и съ рав-
правомъ ссылаться на букву закона,
ссылающаго и то и другое, не разли-
но отъ другого. Итакъ, въ этомъ
рельствѣ заключается поводъ къ сомнѣ-
и спорамъ. Не будь такого смѣшенія
комъ и томъ же законѣ, такихъ разно-
къ предметовъ, какъ право и админи-
вная процедура,—кому бы могло придти
ову заподозрить неопровержимость не-
сомнѣнно дарованнаго всѣмъ права, на томъ
только основаніи, что имъ нарушается част-
ное право, за которое, само собой разумѣется,
вѣдомство должно получить вознагражденіе
не отъ торгующихъ, а отъ казны. Такихъ
случаевъ, гдѣ смѣшеніе въ одномъ и томъ же
законѣ правила съ множествомъ другихъ
разнородныхъ предметовъ ставитъ втупикъ
исполнителей закона и тѣхъ, до кого онъ
касается, производя совершенную запутан-
ность юридическихъ понятій, можно бы при-
вести многое множество. Надобно когда-ни-
будь очистить общія правила, законы въ
собственномъ смыслѣ слова, отъ этой несвой-
ственной имъ примѣси, чтобъ они ярко, не-
изгладимо запечатлѣлись въ умѣ и памяти
всѣхъ и каждаго. Мы очень хорошо пони-
маемъ, что могутъ быть законы, которыхъ
точный смыслъ опредѣляется не столько ихъ
буквою, сколько ихъ мотивами. Но въ такихъ
случаяхъ, которые, впрочемъ, не могутъ быть
очень многочисленны, можно, на основаніи
мотивовъ, дополнить или измѣнить редакцію
самого закона; если же и этого никакъ нельзя,
то можно во всякомъ случаѣ присоединить
мотивъ къ закону въ видѣ особаго примѣча-
нія или приложенія, не сливая въ одно то,
что должно быть раздѣльно.

Очистить нашъ сводъ отъ посторонникъ
примѣсей тоже очень, очень не легко. Оче-
видно, много предстоитъ еще надъ нимъ ра-
боты, прежде чѣмъ можно подумать объ из-
дании уложенія въ настоящемъ смыслѣ слова,
т.-е. книги преобразованнаго и усовершен-
ствованнаго русскаго законодательства.

По поводу сдѣланнаго выше замѣчанія не-
вольно представляется еще другое. Очень
видное, значительное и обширное мѣсто за-
нимаетъ въ сводѣ устройство присутственныхъ
мѣстъ и исчисленіе должностныхъ
лицъ, ихъ права и обязанности, взаимная
подчиненность, кругъ дѣйствія, предѣлы
власти, отчетность и отвѣтственность и все-
возможныя подробности дѣлопроизводства и
канцелярскаго механизма, причемъ не забы-
ты архивы, зерцало, мебель, сторожа и слу-
жители. Знать все это, конечно, любопытно,
а для изучающихъ спеціально этотъ предме-
тъ и поучительно. Регламенты присутствен-
ныхъ мѣстъ, штаты, подробныя инструкціи
необходимы: когда они печатаются во все-
общее свѣдѣніе, тѣмъ лучше; черезъ это они
дѣлаются извѣстны всѣмъ и каждому, на что,
конечно, не мы будемъ сѣтовать. Но какимъ

образомъ и на какомъ основаніи все это включено въ сводъ законовъ? Юридическій законъ не есть вообще всякое правило; юридическій законъ не есть даже правило для всякаго внѣшняго дѣйствія, какое бы оно ни было. Онъ опредѣляетъ только черту или границу, на которой сходятся или сталкиваются, не переступая ее, внѣшнія дѣйствія, когда они соприкасаются другъ къ другу, и возникаетъ вопросъ: гдѣ же именно то и другое должны остановиться и не идти далѣе? Присутственныя мѣста и должностныя лица дѣйствуютъ по ряду общества, въ кругу людей, для которыхъ они учреждены, и потому находятся съ тѣми и другими въ безпрерывныхъ сношеніяхъ и соприкосновеніяхъ. Дѣятельность этихъ органовъ обнаруживается, въ отношеніи къ обществу и частнымъ лицамъ, въ извѣстныхъ публичныхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ официальный характеръ и обязательную силу, въ предѣлахъ и условіяхъ, опредѣленныхъ законами. Только та сторона дѣятельности присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, которою они обращены къ обществу и частнымъ лицамъ, только тѣ законы, которые опредѣляютъ юридическій характеръ и предѣлы этой дѣятельности и возникающія изъ нея для общества и частныхъ лицъ юридическія права и обязанности, находятъ приличное себѣ мѣсто въ сборникѣ дѣйствующихъ законовъ, и потому что они касаются всѣхъ и каждаго, должны быть всѣмъ и каждому извѣстны и для всѣхъ обязательны: но внутренняя экономія и механизмъ такихъ учрежденій касается только ихъ, ихъ начальства, и больше никого. Зачѣмъ же и помѣщать ихъ въ сводѣ? Положимъ, что каждая бумага, поступающая въ присутственное мѣсто, должна быть вскрыта предсѣдателемъ, записана въ регистратуру, пройти рядъ помощниковъ столоначальниковъ, столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій, вице-директоровъ, директоровъ и т. д. и по окончаніи производства, въ видѣ дѣла, съ надлежащею описью и неизбѣжною отмѣткою: „въ дѣлѣ семъ пумерованныхъ листовъ столько то", сдано въ архивъ, гдѣ, пройдя еще новую процетуру, сдается, наконецъ, на вожделѣнный покой въ такой-то шкафъ, на такую-то полку, подъ такимъ-то номеромъ; положимъ, что присутственному мѣсту нужны и счетный, и ревизіонный, и распорядительный, и судный столы, и не одинъ, а два, три и больше; положимъ, что ему необходимо имѣть и чиновниковъ особыхъ по[illegible] экзекутора, и смотрителя зда[illegible] ное число сторожей изъ отставныхъ [illegible] срочно отпускныхъ солдатъ (и нер[illegible] изъ этихъ двухъ категорій для р[illegible] ныхъ надобностей. Спрашивается, к[illegible] до этого дѣло, кромѣ самого при[illegible] наго мѣста и правительства? Всѣ [illegible] и распоряженія объ всемъ этомъ [illegible] это законы когда нибудь не устан[illegible] ся ни для кого, кромѣ присутственны[illegible] и чиновниковъ, ихъ юридическія [illegible] юридическія обязанности? Всякому [illegible] мѣется, необходимо знать, что есть [illegible] никъ уѣздной полиціи, потому что [illegible] власть, права и обязанности отно[illegible] общества и частныхъ лицъ; всякому [illegible] также, необходимо знать, въ чемъ [illegible] ста власть и гдѣ ея предѣлы, что м[illegible] чего не можетъ дѣлать начальникъ [illegible] но, что у него есть письмоводитель [illegible] этого письмоводителя есть еще мл[illegible] помощникъ, и даже два помощника [illegible] нѣтное количество писарей, — кем [illegible] общества и частныхъ вещь надо [illegible] знать, если письмоводитель и пре[illegible] полицейской канцеляріи не имѣютъ [illegible] альнаго характера и своего законна[illegible] официальной дѣятельности, нельзя[illegible] начальника полиціи? Подъ словомъ [illegible] подразумѣваемъ конечно не знаніе и[illegible] пытства или съ ученою цѣлью, а зна[illegible] дическое: каждый обязанъ знать сво[illegible] и обязанности и отъ знакомства [illegible] ничѣмъ не можетъ отговариваться. [illegible] другое дѣло, когда домашнія процед[illegible] сутственнаго мѣста или должностно[illegible] имѣетъ вліяніе на дѣйствительную [illegible] ную силу акта, исходящаго отъ прис[illegible] наго мѣста. Такія подробности про[illegible] разумѣется, обязанъ знать всякій, [illegible] должны быть непремѣнно изложены [illegible] ствующихъ законахъ. Такъ, напр. вы[illegible] чаи крѣпость на имѣніе, но она не [illegible] въ крѣпостную книгу: мнѣ непремѣн[illegible] но знать, какое вліяніе такое опущ[illegible] детъ имѣть на силу пріобрѣтенныхъ [illegible] права на имѣніе; или: министръ да[illegible] писаніе такого-то постановленія не [illegible] нять: если послѣднее устанавливаетъ [illegible] щества и частныхъ лицъ права и [illegible] ности, то всѣмъ необходимо знать, [illegible] рода постановленія министръ можетъ [illegible] нить собственной властью и какія не

ѣ же административныя и другія
не имѣющія никакого вліянія на
обязанности общества и частныхъ
домашнее дѣло управленія, и опре-
регламентами и инструкціями, ко-
огутъ публиковаться во всеобщее
но въ сборникѣ законовъ, опредѣ-
права и обязанности общества и
лицъ, не могутъ и, какъ мы ду-
должны быть помѣщаемы. Исклю-
изъ свода существенно уменьшило
бъемъ и облегчило бы его знаніе и
е законовъ. Но выдѣлить изъ нихъ
тить гдѣ слѣдуетъ то, что есть дѣй-
о законъ, т.-е. что устанавливаетъ для
и частныхъ лицъ права и обязан-
рутъ большой, требующій тѣмъ боль-
ряженнаго вниманія, что эта сто-
него законодательства, говоря во-
вита очень неудовлетворительно, и
опредѣляющія права присутствен-
ть и должностныхъ лицъ къ отно-
обществу и частнымъ лицамъ, вы-
очень часто въ весьма туманныхъ и
раахъ, допускающихъ всевозмож-
ованія.

ы касаемся опять одного изъ са-
нительныхъ пунктовъ кодификаціи
нашего свода въ особенности. Отъ
нашихъ законовъ сторонніе на-
предметы, имъ совершенно чуждые,
статочно; мало дополнить ихъ юри-
и аксіомами и возвести къ общимъ
нужно еще—и какъ бы нужно!—
точную, ясную и строго опредѣлен-
цію. Нашъ сводъ есть разнохарак-
обраніе постановленій двухъ вѣ-
остановленій, изданныхъ подъ влія-
ныхъ различныхъ обстоятельствъ,
понятій, административныхъ-при-
тиль самый разнорѣчивый слышится
хъ, стоящихъ нерѣдко одна возлѣ
ыли эпохи, когда у насъ законы
очень туманно и неопредѣленно,
ію писать иначе; были эпохи, когда
лъ не что иное, какъ наскоро за-
законодательная идея: найдутся
оторые написаны въ самыхъ общихъ
ихъ съ умысломъ, изъ побужденія
нообразныхъ. Въ наше время пра-
ю очень заботится о томъ, чтобы
чно и ясно выражалъ законодатель-
ъ, и за самыми рѣдкими, неизбѣж-
такомъ дѣлъ исключеніями, это ему
почти всегда удается. Но не всегда было
такъ. Но передѣлкою, да и намѣреніемъ законы
писывались въ старинныя времена такъ, что
ихъ можно поворотить направо и налѣво,
примѣнить и такъ и сякъ, по усмотрѣнію.
Теперь эти законы, почти въ томъ же са-
момъ видѣ, или же съ измѣненіями собствен-
но ради красоты слога, мирно уживаются въ
сводѣ рядомъ съ новѣйшими узаконеніями
писанными совсѣмъ иначе, и вносятъ въ
жизнь посильную сумму зла и бѣдъ, распло-
жая процессы и питая голодную братію, ко-
торая имъ, конечно, рада. Надобно управдз-
нить эту запоздалую старину и сдать ее окон-
чательно въ архивъ. Дурная, сбивчивая, не-
опредѣленная, неточная редакція свода вре-
дитъ несравненно больше, чѣмъ всѣ его проч-
іе недостатки, взятые вмѣстѣ. Законы не
только суть обязательныя правила для внѣш-
нихъ дѣйствій извѣстной категоріи, они по-
этому не только выражаютъ извѣстное со-
стояніе извѣстныхъ сторонъ жизни госу-
дарства и народа въ данное время, но они и
воспитываютъ народъ въ общественной и
гражданской жизни, гораздо больше, чѣмъ
книги и учебныя заведенія. А какое воспи-
таніе можетъ дать законодательство неточ-
ное, неясное, неопредѣленное, которое от-
крываетъ широкія двери всѣмъ возможнымъ
толкованіямъ, а слѣдовательно и всѣмъ воз-
можнымъ родамъ и видамъ произвола. Мы
знаемъ, что законъ есть, въ извѣстной мѣрѣ
и степени, зеркало общества и народа: но,
отражая его, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и произво-
дитъ на него свое извѣстное дѣйствіе, отсы-
лая къ нему назадъ полученные отъ него
лучи. Если плохая редакція законовъ дока-
зываетъ сбивчивость юридическихъ понятій
въ народѣ, то надобно сказать, что она же
питаетъ и грѣетъ ее, мѣшая развитію чув-
ства и сознанія законности и справедли-
вости, которыя рано или поздно живо воз-
никаютъ въ народѣ, имѣющемъ большое юри-
дическое призваніе и всемірное значеніе какъ
несомнѣнно имѣетъ русскій народъ и русское
государство. Мы, русскіе, добрѣйшіе люди
въ мірѣ: сердце наше исполнено милосердія,
сострадавія, великодушія и незлобія: мы
охотно прощаемъ обиды и помогаемъ ближ-
нимъ; изъ сердечной доброты мы легко отка-
зываемся отъ своихъ правъ и даже отъ сво-
ихъ выгодъ. Но чувство законности и спра-
ведливости, къ сожалѣнію, развито въ насъ
чрезвычайно слабо, такъ слабо, что иной

раль думается, не лишены ли мы вовсе органа, производящаго въ людяхъ эти добродѣтели? Въ нашей общественной и частной жизни, въ дружескомъ кругу и при домашнемъ очагѣ, на улицѣ, въ гостиной и на публичныхъ собраніяхъ, что больше всего поражаетъ, что прежде всего бросается въ глаза? Отсутствіе или пожалуй хоть очень слабое развитіе чувства и сознанія законности и справедливости! Прислушайтесь, какъ разсуждаютъ люди обо всемъ, о чемъ угодно, о первомъ попавшемся случаѣ или о мѣрахъ правительства, даже о самихъ себѣ, они переберутъ вамъ все, все что хотите, разсмотрятъ дѣло со всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ точекъ зрѣнія: но лишь въ видѣ изліянія, и вовсе не въ примѣръ другимъ, вдумается кто-нибудь посмотрѣть съ точки зрѣнія законности и справедливости; а она-то въ большей части случаевъ и есть единственно вѣрная, вполнѣ исчерпывающая вопросъ. Точно будто законность и справедливость не про насъ писаны и послѣ насъ родились на свѣтъ Божій! Законность и юридическая справедливость—это азбука всякаго правильнаго и благоустроеннаго общежитія; юридическій законъ—это та первая, внѣшняя, если хотите грубая форма, которая силою принужденія обуздываетъ грубыхъ людей, грубые инстинкты, и тѣмъ воспитываетъ къ стройному, правильному общежитію сторонняя, вовсе чуждыя другъ другу лица. Законность и юридическая справедливость,—первая основа для тѣхъ дальнѣйшихъ, все выше и выше восходящихъ ступеней общественности и сожительства, на которыхъ внутреннее нравственное сознаніе правды,—милосердіе, сострадание и любовь къ ближнему дополняютъ недостаточность, односторонность и ограниченность внѣшняго, юридическаго закона. Не всѣ люди подымаются на эту нравственную высоту, и изъ подымающихся далеко не всѣ достигаютъ высшихъ ступеней, поэтому-то и необходима для общества общая, всѣмъ доступная и для всѣхъ обязательная внѣшняя форма сожительства, которая бы требовала отъ людей немногаго, но строго бы настаивала на точномъ соблюденіи и выполненіи этого немногаго: это немногое, для всѣхъ обязательное, и есть законность и юридическая справедливость. Безъ нея милосердіе, сострадание, любовь къ ближнему, самоотверженіе, великодушіе и всѣ подобныя добродѣтели легко могутъ быть только маской, прикрывающей властолюбіе, тщеславіе, суетность, даже отсутствіе сдержки, безбрительность, апатію,—все то что убѣдительнѣе и обаятельнѣе любимыми прикрасами высокаго нравственнаго совершенства. Только тамъ, гдѣ законность и юридическая справедливость составляютъ общее условіе, общее основаніе всѣми и во всемъ предполагаемое взаимныхъ отношеній людей, только тамъ нравственное совершенство, на различныхъ своихъ ступеняхъ, дополняетъ недостаточность юридической формы правды и падаетъ само не для того, чтобы ее разрушить, а для того, чтобы поднести ее къ идеалу правды, который лежитъ въ каждомъ. Когда я юридически обязанъ уплатить кому-нибудь долгъ, или возвратить на лежащее ему имущество, но по копъ или плохое судопроизводство лишаетъ возможность не дѣлать этого,—можно назвать милосердымъ или нравственнымъ поступкомъ, если я, не взирая на то, отдамъ долгъ или возвращу имущество? А называютъ! Простое выполненіе гражданской, внѣшней обязанности возводится такимъ образомъ незаслуженно на степень нравственнаго дѣла! Нѣтъ, если я, не будучи юридически обязанъ, изъ одного сострадания, прощу должнику срочу долгъ или иначе какъ помогу ему, вотъ тогда я дѣйствительно выше юридической правды, и такой поступокъ, какъ добровольный, не обусловленный юридическими обязанностями, назвать нравственнымъ поступкомъ, основанъ за собою внѣшнюю юридическую правду и отодвигающимъ ее на второй планъ во имя высшаго нравственнаго начала. Мы убѣждены, что въ такой распущенной средѣ, какова наша, при нашей славянской, доброй, мягкой натурѣ, потребность въ точномъ, ясномъ и даже строгомъ законѣ, а по исполненію, юридическомъ, гораздо больше, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь у народовъ съ рѣзко очерченными бытовыми формами, съ ярко-угловато-отчеканенными индивидуальностями, нужно сглаживать рѣзкости, смягчать строгость юридическихъ формъ. У насъ, наоборотъ, они должны быть выражены строже, точнѣе, выпуклѣе. Такова наша внутренняя потребность. Очевиднѣе доказываетъ наша государственная и политическая исторія, нашъ государственный и политическій строй, кото-

...ннымъ чутьемъ и выражаетъ его ...ія потребности, скрытыя отъ ...го взгляда несомнѣннымъ достоин... ...одного характера, именно его глу... ...овѣчностью, которая насъ такъ ...ривязываетъ къ русскому народу ... глаза отъ оборотной стороны его ...ьныхъ, симпатичныхъ свойствъ.

...ъ еще сколько предстоитъ дѣла, ... хлопотливаго дѣла, надъ нашимъ ...реже чѣмъ можно подумать о со... ...русскаго уложенія или вообще но... ...рпенствованнаго систематическаго ...аконодательства! О послѣднемъ ...жить пока великія мечты, которыя ...ають намъ пристально и серьез... ...ься въ ближайшую насущную по... ...дпи и удовлетворить ей по мѣрѣ ...ъ начатыхъ и продолжающихся ...ніи быта, которымъ долго еще ...двинѣть конца. мечтамъ о новомъ ...должно положить конецъ и то про... ...ажепіе, что матеріаловъ для него ...пока нѣтъ. Передъ нами одни ...ые образцы европейскаго законо... ...и кодификаціи, но въ наше время ...не можетъ больше придти въ го... ...сподать наши законы по такимъ образцамъ, какъ они ни великолѣпны и какъ ни необходимо имѣть ихъ безпрестанно передъ глазами для справокъ и соображенія. Коренныя реформы въ юридическомъ положеніи нашихъ народныхъ массъ, начавшіяся около сороковыхъ годовъ и такъ блистательно поведенныя въ настоящее царствованіе, открыли настежъ двери для притока въ наше законодательство новыхъ юридическихъ идей, началъ и институтовъ, которые пока еще почти вовсе неизвѣстны, даже еще не собраны и не записаны. Нельзя не предвидѣть, что этотъ новый, живой источникъ права и законодательства будетъ рано или поздно, прямо или косвенно, имѣть большое вліяніе на наше теперешнее письменное законодательство. Обычаи народные представляютъ много такого, надъ чѣмъ можно задуматься, о чемъ стоитъ поразмыслить. Пока мы съ ними не познакомимся близко и основательно, до тѣхъ поръ всякая попытка составить русское уложеніе осуждена на минутное существованіе и будетъ лишь повтореніемъ тѣхъ пустоцвѣтовъ, которыхъ мы довольно уже видѣли на нашей русской юридической почвѣ.

(Спб. Вѣдомости, 1863, № 223).

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.

I.

...ъ поднятъ и у насъ самимъ пра... ...ъ вопросъ о коренномъ преобра... ...ихъ устарѣлыхъ, крайне дурно ...ъ гражданскихъ законовъ. Пер... X-го тома свода законовъ, содер... ...себѣ „законы гражданскіе", какъ ...не удовлетворяетъ самымъ скром... ...ованіямъ. По содержанію оно го... ...е принадлежитъ къ исторіи законо... ... или даже къ археологіи, чѣмъ ...уденціи. Система, по которой ра... ...ашни гражданскіе законы въ своѣ, ... когда онъ былъ вперные изданъ, ...десять лѣтъ тому назадъ, не отвѣ... ...укѣ, ни запросамъ практики, что ...ія до редакціи, то она, вмѣсто ...улучшаться, съ каждымъ новымъ изданіемъ свода становилась хуже и хуже. Принятый въ бывшемъ Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи странный способъ дополненія и измѣненія законовъ, болѣе напоминавшій перелетное мастерство, чѣмъ кодификаціонныя работы, запуталъ и исказилъ редакцію до того, что самые опытные практики теряются и не знаютъ какъ поступать при разрѣшеніи частныхъ случаевъ. Къ этому надо еще прибавить, что, по своему назначенію, сводъ законовъ представляетъ лишь систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій, а послѣднія издавались въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ (съ 1649 года), въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко другъ другу противорѣчившихъ направленіяхъ, всего чаще подъ

влияніемъ минутныхъ и случайныхъ впечатлѣній, безъ всякаго соображенія съ несомнѣнными юридическими принципами. Все это объясняетъ, почему нашъ сводъ гражданскихъ законовъ представляетъ нѣчто невообразимо хаотическое, ставитъ наши новые суды въ тупикъ, сбиваетъ ихъ съ толку и не даетъ выработаться и сложиться у насъ правильной, стройной, послѣдовательной судебной практикѣ, составляющей всюду необходимую опору при примѣненіи закона и естественное его дополненіе.

Все сказанное выражалось у насъ болѣе или менѣе рѣзко и печати съ той самой поры когда было наконецъ дозволено обсуждать наши различные внутренніе вопросы и нужды. Но въ офиціальныхъ сферахъ сѣтованія на крайне неудовлетворительный сводъ гражданскихъ законовъ долго принимались съ подозрительнымъ недовѣріемъ: въ нихъ усматривалась преступная страсть порицать все, что исходитъ отъ правительства, разлучать мелкіе недостатки до чудовищныхъ размѣровъ и тѣмъ колебать самыя основанія политическаго и гражданскаго порядка. Пересмотръ нашихъ гражданскихъ законовъ долгое время представлялся не только невозможнымъ, но даже опаснымъ. Одна мысль объ измѣненіи устарѣлыхъ гражданскихъ законовъ казалась дерзкимъ посягательствомъ на семью, собственность, святость договоровъ, на право наслѣдованія. Однако, наконецъ, логика фактовъ взяла свое. Съ этою вещею само правительство вынуждено было признать составленіе „гражданскаго уложенія" неотложною практическою необходимостью. Актъ, которымъ опредѣленъ порядокъ составленія уложенія, выработанъ тщательно, обдуманно, и не оставляетъ желать лучшаго, а лица, призванныя къ этому важному дѣлу, принадлежатъ къ числу нашихъ лучшихъ теоретиковъ и практиковъ по гражданскому праву. Такимъ образомъ, сдѣлано все, чтобы задача могла быть разрѣшена самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Но будетъ ли она и при такихъ благопріятныхъ условіяхъ разрѣшена и цѣли достигнуты? Можно ли надѣяться, что мы вскорѣ получимъ „русское гражданское уложеніе", отвѣчающее удовлетворительно современной нашей потребности въ органическомъ гражданскомъ законѣ? На эти вопросы мы затруднаемся дать утвердительный отвѣтъ. Смущаетъ насъ совсѣмъ не личный вопросъ

такъ какъ мы нимало не сомнѣваемся въ талантѣ и трудолюбіи тѣхъ, которымъ поручены кодификаціонныя работы, а отсутствіе чрезвычайно трудно тѣ затрудненія зависящія отъ неизбѣжныхъ теоретическихъ, научныхъ основаній гражданскаго права, отъ шаткости нашихъ и всегдашняго спутника переходныхъ эпохъ подобныхъ нашей, и отъ неполноты и неразработанности многихъ явленій нашего юридическаго быта, которыхъ нельзя будетъ обойти при составленіи гражданскаго уложенія.

Постараемся пояснить нашу мысль и изложить подробныя соображенія въ пользу того раздумья, которое насъ беретъ при мысли о предстоящей задачѣ составить „русское гражданское уложеніе", достойное названія.

I.

Начнемъ съ соображеній теоретическихъ.

Съ этой точки зрѣнія насъ останавливаетъ прежде всего, странность самаго факультетнаго отдѣла законовъ *гражданскихъ*, какова она, при нѣкоторомъ вниманіи, невольно кидается въ глаза. Почему этотъ отдѣлъ назвать, — на это мы напрасно стали бы искать удовлетворительнаго отвѣта ни въ теоріи или системѣ права; такого отдѣла мы не знаемъ. Такъ называемые „гражданскіе" законы не противополагаются „военнымъ" законамъ, въ такомъ случаѣ они должны бы обнимать законы, не относящіеся къ войску и военнымъ учрежденіямъ, — государственные уставные, полицейскіе о промышленности, и т. п. и т. п.; однако мы знаемъ, что подъ „гражданскими" законами разумѣется факультетный отдѣлъ не-военнаго законодательства, далеко не весь его отрасли, а подъ „гражданскими" законами понимаются постановленія имѣющія силу закона для *всѣхъ*, то есть для всѣхъ изданы всѣ безъ изъятія военные, церковные, государственные уголовные и т. д., а не одни которые мы привыкли разумѣть подъ „гражданскими".

Всѣ эти недомѣнія относительно [illegible] разрѣшаются простою справкою [illegible] буквальный переводъ съ латинскаго jus civile французскаго droit civil, нѣмецкаго bürgerliches Recht. Въ западной Европѣ [illegible]

будетъ показано ниже, хотя археологи-
ій смыслъ, у насъ же — ровно никакого.

II.

о названіе — дѣло условное и надъ нимъ
го долго останавливаться. Если бы суще-
вало правильное теоретическое основаніе
выдѣленія въ особую группу законовъ,
нимыхъ „гражданскими"; еслибы эта
уда представляла собою органическое
ое, связанное единствомъ юридическихъ
ъ; еслибы она была ясно и точно отгра-
ена отъ прочихъ отдѣловъ законодатель-
и обнимала всѣ однородныя юридиче-
явленія и факты, — то мы бы и не по-
ли обременять читателей разсужденіями
званіи. Но дѣло въ томъ, что и по спо-
составу или содержанію, „гражданскіе"
ны столько же необъяснимы и странны.
одъ „гражданскими" законами разумѣются
ъ, и въ западной Европѣ, законы о се-
стіи, усыновленіи, опекѣ: законы о на-
дованіи по закону и завѣщанію: права
ные и по обязательствамъ, возникающимъ
договоровъ и нарушеній личныхъ и иму-
ственныхъ правъ частныхъ лицъ, насколько
и нарушенія влекутъ за собою не нака-
е, а вознагражденіе нанесеннаго нару
емъ ущерба и убытковъ. Мы такъ при-
кликлись къ этому содержанію „граждан-
о" права, что находимъ его вполнѣ есте-
ственнымъ; привычка скрадываетъ отъ на-
ъ глазъ несвѣтность и неполноту такого
ержанія, несообразность и неправильность
ѣленія этихъ разнородныхъ вѣтвей законо-
ьства въ одинъ кодексъ; оттого мы и
амѣчаемъ путаницы, которая отсюда про-
одитъ не только въ теоретическомъ по-
ѣніи и въ самомъ законодательствѣ, но
ъ практическомъ примѣненіи закона въ
ейной жизни. При нѣкоторомъ вни-
ніи легко однако удостовѣриться, что те-
ѣшній составъ „гражданскаго" права на-
ительно требуетъ коренной передѣлки.

Что, спрашивается, общаго между *личными*
ошеніями членовъ семьи, *личными* пра-
ми и обязанностями, возникающими изъ
новленія, заботами о *личности* и *иму-*
ве малолѣтнихъ, — и *имущественными* пра-
, обязанностями и отношеніями возни-
ющими изъ вещныхъ правъ, договоровъ
поступленія? Какими общими или одно-
родными началами связаны установленіе и
прекращеніе семейныхъ отношеній, по обще-
ніе лицъ посторонняго къ семейному союзу,
установленіе и прекращеніе опеки и попе-
чительства, порядокъ наслѣдованія по закону,
порядокъ закрѣпленія имущества за тѣмъ или
другимъ лицомъ, — съ тѣми имущественными
отношеніями, которыя возникаютъ изъ ука-
занныхъ фактовъ и явленій?

На эти вопросы принято отвѣчать такъ:
всѣ эти явленія и факты, какъ ни
разнородными, сводятся въ одинъ кодексъ потому,
что всѣ они, несмотря на свое разнообразіе,
относятся къ частнымъ лицамъ и ихъ част-
нымъ интересамъ, касаются ихъ приватной,
а не публичной дѣятельности.

Такой отвѣтъ вызываетъ множество неразрѣшимыхъ недоумѣній. Если приватный интересъ есть тотъ принципъ, на которомъ построены кодексы гражданскаго права, то отчего же тысячи юридическихъ явленій и фактовъ, относящихся къ приватнымъ интересамъ, не подведены подъ начала гражданскаго права и отнесены къ разнымъ другимъ кодексамъ? Права поссесіонныхъ владѣльцевъ, право на площади, отводимыя частнымъ лицамъ для добыванія золота и каменнаго угля, относятся къ приватнымъ интересамъ,—однако они излагаются въ горномъ уставѣ; права по владѣнію казенными имѣніями отданными въ вѣчное содержаніе, лѣсами, отводимыми крестьянамъ же въ Архангельской губерніи, оброчными статьями казенными, мірскими, городскими и т. д., точно также близко касаются приватныхъ интересовъ,—однако они не вошли въ составъ „гражданскихъ" законовъ, а излагаются въ уставахъ оброчномъ, о казенныхъ имѣніяхъ, лѣсномъ, въ сводѣ законовъ о состояніяхъ, и другихъ.

На какомъ основаніи, спросимъ далѣе, не вошли въ сводъ „гражданскихъ" законовъ права владѣнія сельскихъ обществъ, городовъ, церквей и монастырей, православныхъ и иновѣрныхъ, сословій, вѣдомствъ, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній и т. д.? Намъ скажутъ: всѣ перечисленныя права или принадлежатъ юридическимъ лицамъ, имѣющимъ общественный публичный характеръ, или ведутъ свое начало отъ юридическихъ лицъ съ такимъ характеромъ и установляютъ только ихъ отношенія къ частнымъ лицамъ. Но вѣдь и въ такомъ участіи публичныхъ факторовъ въ означенныхъ правахъ, послѣдніе тоже имѣютъ публичный характеръ, и по этой

причинъ не вошли въ сводъ „гражданскихъ" законовъ, опредѣляющихъ исключительно интересы однихъ частныхъ лицъ. Но если такъ, то почему же въ сводѣ „гражданскихъ" законовъ говорится о правахъ на недвижимыя имущества всѣхъ этихъ юридическихъ лицъ? Почему подробно излагаются права на маіораты, пожалованные въ западныхъ губерніяхъ, права участія общаго въ пользованіи сухопутными и водными путями сообщенія? Ужъ если права юридическихъ лицъ съ публичнымъ характеромъ и юридическія отношенія, установляемыя между такими лицами и частными лицами, не подходятъ подъ понятіе „гражданскихъ", то, разсуждая послѣдовательно, въ сводѣ „гражданскихъ" законовъ не должно быть мѣста для маіоратныхъ правъ и публичныхъ сервитутовъ; а они однако нашли себѣ въ немъ мѣсто.

Та же непослѣдовательность бросается въ глаза и при бѣломъ обзорѣ содержанія „гражданскихъ" законовъ по обязательствамъ. Почему обязательства вексельныя, по банкирскимъ операціямъ, рѣчному и морскому судоходству, заводскому и фабричному дѣлу, торговлѣ и ремесламъ, по перевозкѣ тяжестей и людей, по телеграфнымъ и почтовымъ сообщеніямъ, и многое множество другихъ исключены изъ свода „гражданскихъ" законовъ? Если намъ скажутъ что въ этомъ сводѣ излагаются одни *общія* положенія объ обязательствахъ, а перечисленныя обязательства составляютъ только *особенное* приложеніе и видоизмѣненіе общихъ началъ и положеній, и потому перенесены въ другія части свода, то мы готовы принять такое объясненіе, касающееся не существа дѣла, а лишь редакціи, но съ слѣдующей, важной оговоркой: особенное правило, какъ особенное приложеніе общаго закона, не можетъ отступать отъ его основныхъ началъ, оно есть не болѣе какъ его видоизмѣненіе или описаніе опредѣленнаго, по видамъ отношенія и условіямъ специфически свойственныхъ тому или другому роду или виду юридическихъ отношеній. Въ сводѣ же мы видимъ совсѣмъ другое: въ каждомъ отдѣлѣ такъ называемыя „особенныя" обязательства излагаются не какъ нѣкоторыя изъ общаго правила, а какъ самостоятельныя юридическія отношенія, коимъ свойственны ихъ въ нѣкоторомъ родѣ и видѣ такими причинами отступленія отъ общихъ основныхъ положеній объ обязательствахъ, что нетрудно, при всемъ желаніи, усмотрѣть намѣреніе законодателя придать имъ характеръ специфическихъ мѣшанія общаго правила. Въ подтвержденіе укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

По общему правилу, внесенному въ „гражданскихъ" законовъ, ущербъ, причиненный токъ, незаконно или вопреки закону сенные кому бы то ни было, не только нымъ, но и должностнымъ лицомъ, ляютъ обязанность дать надлежащее гражденіе. Въ силу этого общаго на всѣхъ лежитъ отвѣтственность ствія, несогласныя съ закономъ и матеріальный вредъ: между тѣмъ, вило, примѣняемое и къ возникамъ тяжестей, потребовало особаго ра въ примѣненіи къ управленіямъ дорогъ: а въ уставѣ о телеграфахъ сказано, что телеграфное вѣдомство часть „за послѣдствія невѣрной телеграммъ и неисправнаго ихъ дост (уст. телегр., ст. 109. Такое катего постановленіе снимаетъ съ телегра домства всякую отвѣтственность по телеграммъ, хотя бы неправильность послѣдствіемъ не только неосторож небрежности, но даже злоумышленно товъ, чему и бывали примѣры. Т такимъ же образомъ оптовой складчи нанесшій весьма чувствительный интересамъ казны злонамѣренною въ теченіе долгаго времени, акци рый долженъ былъ уплатить, — въ извѣстномъ намъ случаѣ, не полу это платежу убытковъ потому что на этотъ случай не постановлено ос закона въ питейномъ уставѣ. Такимъ ломъ, по тому взгляду, который пр насъ, различные виды обязательств шедшіе изъ свода „гражданскихъ" рассматриваются не какъ видоизм общихъ основаній, а признаются самостоятельные виды обязательствъ, мыхъ своими особенными законами. комъ какая-нибудь изъ нихъ, исключе многихъ обязательствъ изъ свода „ скихъ" законовъ и помѣщеніе ихъ ихъ спискахъ, остается, съ точки правильной юридической теоріи и кіи, совершенно необъяснимымъ.

Но мы хотѣли попытаться точнѣе опредѣлить, что такое обяз по „гражданскому" праву, то не мѣшаетъ отмѣтить тотъ, что [illegible]

должно войти въ отдѣлъ „гражданскихъ“
новъ, не будетъ конца.
въ общепринятомъ смыслѣ, подъ гражданъ-
ъ обязательствомъ разумѣется юридиче-
отношеніе между извѣстными лицами о
мъ-нибудь предметѣ (объектѣ) гражданъ-
ъ оборотовъ,—другими словами, о пред-
хъ, подлежащихъ, по закону, обращенію
у людьми, какъ-то: о матеріальныхъ
хъ, деньгахъ, услугахъ, дѣйствіяхъ, о
даваемыхъ правахъ, привилегіяхъ, ис-
. Юридическія отношенія о предметахъ,
одлежащихъ обращенію, каковы, напри-
, личныя права и обязанности семей-
сословныя, служебныя, чины, ордена,
тственность уголовная, обязанность дать
дѣтельское показаніе и т. п., не входятъ
кругъ обязательствъ гражданскаго права
носятся къ законамъ государственнымъ,
овнымъ, процессуальнымъ и т. д.
прашивается: слѣдуетъ или не слѣдуетъ
сти къ обязательствамъ гражданскаго
ктера подати, пошлины, повинности лич-
и имущественныя, вообще всякаго рода
ы и налоги въ пользу государства, вѣ-
твъ, сословій, обществъ и вообще юри-
ческихъ лицъ, имѣющихъ публичный ха-
теръ? Должно ли включать въ систему
ательствъ — службу по назначенію и по
рамъ, пенсіи и единовременныя пособія,
правленіе воинской повинности, денежныя
ванія по начетамъ, денежные штрафы,
фискацію всего имущества и отдѣльныхъ
дметовъ? Теперь всѣ такія и имъ подоб-
юридическія отношенія не входятъ въ
жданскій кодексъ; но причины, по кото-
онѣ изъ него исключены, не имѣютъ
наго основанія и не выдерживаютъ кри-
.
ворятъ: перечисленныя юридическія от-
енія не суть добровольныя, а обязатель-
, они основаны не на контрактѣ, а на
удительной силѣ закона. Это не совсѣмъ
но. Служба по назначенію правительства
частіи, по выборамъ, тоже не есть обя-
ьная и предполагаетъ предварительное
асіе принять служебное назначеніе и
принятымъ на службу. Но и въ тѣхъ
ахъ, когда законъ или административ-
распоряженіе установляютъ для лица,
мо его желанія и воли, одно изъ перѣ-
енныхъ обязательствъ, послѣднія не пе-
ютъ быть гражданскими только потому,
не основаны на взаимномъ соглашеніи,
ибо въ сводѣ „гражданскихъ“ законовъ та-
кихъ недобровольныхъ обязательствъ очень
много. Къ нимъ относятся: обязательство
воспитывать дѣтей, содержать ихъ, жену и
престарѣлыхъ, больныхъ или бѣдныхъ роди-
телей; таково право выкупа родовыхъ имѣ-
ній, право отчужденія недвижимыхъ иму-
ществъ на государственныя потребности и
обще-полезныя надобности. Всего поразі-
тельнѣе включеніе въ гражданскій кодексъ
многочисленнаго разряда обязательствъ дать
вознагражденіе за понесенный ущербъ. Въ
основаніи такихъ обязательствъ, очевидно,
лежитъ не взаимное соглашеніе, а односто-
роннее дѣяніе или поступокъ. Въ объясне-
ніе и оправданіе этихъ непослѣдовательно-
стей приводятся разныя хитроумныя сообра-
женія. Говорятъ: владѣя имуществомъ, вы
напередъ знаете, что оно можетъ быть от-
чуждено или выкуплено; вступая въ бракъ,
вы заранѣе предупреждены закономъ о томъ,
какія вамъ, вслѣдствіе того, предстоятъ обя-
занности по отношенію къ женѣ и дѣтямъ;
вамъ точно также извѣстно, что, совершая
поступокъ, вы подвергаетесь отвѣтственности
за его послѣдствія. Стало быть, вы, хотя и
не прямо, а косвенно, молча уже изъявили
согласіе на всѣ такого рода обязательства.
Но, во-первыхъ, это разсужденіе во всякомъ
случаѣ непримѣнимо къ дѣтямъ относи-
тельно ихъ родителей; а во-вторыхъ, по той
же самой логикѣ, и всѣ обязательства по
отправленію податей, повинностей, по уплатѣ
штрафовъ и конфискаціи, слѣдовало бы от-
нести къ числу гражданскихъ; ибо, принад-
лежа къ государственному или общественно-
му союзу, я знаю, какія изъ него вытека-
ютъ для меня послѣдствія, и если я въ
немъ остаюсь, значитъ, я тѣмъ самымъ на-
передъ изъявилъ согласіе на обязательства,
которыя онъ на меня налагаетъ.

Напрасно старались бы мы оправдать исклю-
ченіе перечисленныхъ выше обязательствъ
изъ числа гражданскихъ личнымъ ихъ ха-
рактеромъ, не допускающимъ замѣны одной
стороны или одного лица другимъ. Во-пер-
выхъ, эта черта, во многихъ изъ перечислен-
ныхъ обязательствъ, вовсе несущественная;
даже по отправленію воинской повинности
законъ допускаетъ замѣну одного брата дру-
гимъ; а по уплатѣ податей, сборовъ, начето-
въ, штрафовъ, отправленію повинностей,
не обращается никакого вниманія на лич-
ность: —было бы уплачено, сдѣлано или и-

полнено какъ слѣдуетъ, а кто именно исполнитъ для закона безразлично. Во-вторыхъ, всякое обязательство, въ какомъ бы кодексѣ оно ни излагалось, есть по существу своему личное. Въ третьихъ, въ гражданскомъ кодексѣ есть множество обязательствъ чисто личнаго характера, которыя тоже не передаются, и съ смертью обязавшагося прекращаются, или если и переходятъ къ другимъ лицамъ, то только въ размѣрѣ имущества, которое осталось послѣ лицъ, состоявшихъ въ такихъ обязательствахъ.

Наконецъ, указываютъ на публичный характеръ обязательствъ, перечисленныхъ выше, какъ на причину ихъ выдѣленія изъ свода „гражданскихъ" законовъ, которые будто бы ограничиваются одними частными, приватными интересами и отношеніями. Такое объясненіе тоже не даетъ ключа къ разрѣшенію недоумѣній. Еслибъ можно было точнымъ образомъ провести границу между публичнымъ и приватнымъ, то задача рѣшалась бы легко и просто, но для ихъ разграниченія нѣтъ критерія. Возьмемъ ли за признакъ публичнаго и приватнаго характеръ лица, состоящаго въ обязательствѣ, — онъ тотчасъ же окажется обманчивымъ, такъ какъ по этому признаку пришлось бы всѣ юридическія отношенія, въ которыхъ находится, напримѣръ, государство, отнести къ числу публичныхъ, въ томъ числѣ контракты о подрядахъ и постанкахъ, договоры о наймѣ, продажѣ и покупкѣ имуществъ и т. под.; пришлось бы всѣ юридическія отношенія любаго изъ должностныхъ лицъ признать публичными и наемъ имъ прислуги, заказъ пары ботинокъ, выключить изъ подъ дѣйствія гражданскихъ законовъ. Попробуемъ ли опредѣлить различеніе публичнаго и приватнаго по общественной или государственной важности или значенію юридическихъ отношеній, или лицъ, которыя въ нихъ вступаютъ, — тѣ же непреодолимыя трудности встрѣтятъ насъ и на этомъ пути; пришлось бы о каждомъ предпріятіи, о каждомъ обществѣ, коммерческой фирмѣ, о каждомъ частномъ имуществѣ поставить и рѣшать вопросъ: имѣютъ они публичное, общественное значеніе и важность, или не имѣютъ, и въ какой мѣрѣ; а такъ какъ и то и другое измѣняется, важное или значительное сегодня — можетъ оказаться неважнымъ и незначительнымъ завтра и наоборотъ, то пришлось бы безпрестанно передвигать границы публичнаго и приватнаго. Невозможность мѣрила слишкомъ очевидна.

III.

Непослѣдовательность и противорѣ
чалъ „гражданскаго" права, недостат
признаковъ, по которымъ оно отлич
отграничивается отъ другихъ отдѣлов
объясняются, какъ и самое названіе,
ческой справкой. Развитіе древняг
скаго права и Юриспруденціи закл
какъ извѣстно, Юстиніановыми сбор
которые, въ средніе вѣка, получил
названіе Corpus juris civilis. Въ видѣ
сборниковъ, римское законодатель
юриспруденція продолжали примѣня
практикѣ и по разрушеніи Западно
ской Имперіи, въ новыхъ государ
возникшихъ на ея развалинахъ; то
всѣ части этихъ сборниковъ сохрани
закона. Государственныя, уголовныя
нансовыя постановленія Римской
подъ вліяніемъ коренно измѣнившихся
вій новаго быта Европы, утратили сп
или приняли иной видъ; та же суд
стигла, отчасти, и постановленія
подъ вліяніемъ христіанскаго ученія
ковныхъ правилъ; но прочія затѣм
Юстиніановыхъ собраній, подъ именем
данскаго" права, образовали особую
или особый отдѣлъ права. Около не
видѣ особыхъ группъ, выросли и ра
право церковное, феодальное, уго
Съ развитіемъ гражданственности, об
нія, торговли, промышленности и
къ нимъ прибавилось еще множест
гихъ группъ: право вексельное,
постановленія о торговлѣ, промыш
ремесленной и фабричной, о бан
сдѣлкахъ и операціяхъ, о путяхъ со
о почтахъ и телеграфахъ, о лѣсах
Римское право, сохранившее силу на
новыхъ европейскихъ государствахъ,
если можно такъ выразиться, законам
вами и правами новѣйшей формаціи,
ными условіями новой, болѣе и бо
вивающейся гражданственности, суще
различной отъ римской. Наука зас
кое положеніе вещей уже готовымъ
ралась свести въ одно органическо
и осмыслить теоріей весь этотъ разн
матеріалъ. Посреди новыхъ подростко

ву, самому древнему и наиболѣе
ному изъ нихъ, приписано значе-
го, основнаго; прочія группы правъ,
сходное или аналогическое съ нимъ
ie и примѣняемыя исключительно
или другой сторонѣ быта, названы,
ie отъ общаго закона, особенными.
же видахъ свести всѣ дѣйствующіе
зные законы къ однимъ общимъ
ескимъ началамъ и въ одну научную
церковное право выдѣлено особо,
конъ божескій", а прочіе „человѣ-
коны" подраздѣлены на государ-
, гражданскіе и карательные или
е. Первая группа отличена отъ вто-
помощи теоріи, придуманной еще
юристами: государственнымъ пра-
заны законы, имѣющіе предметомъ
кія отношенія публичнаго интереса,
жими законы, опредѣляющіе отно-
иватныя, т.-е. частныхъ лицъ.
ъ-то образомъ явленія и факты пра-
зни, обусловленные обстоятельствами
историческаго развитія въ западъ-
ѣ, сведены толкованіями ученыхъ
довъ въ научную теорію, которая
дѣйствительное взаимное отноше-
ическихъ данныхъ обманчивымъ при-
научной системы. Съ теченіемъ вре-
рвое было, мало-по-малу, забыто и
кіи осталось одно послѣднее, надъ
котораго мы безнадежно ломаемъ
ову. Явная несообразность теоріи,
е несоотвѣтствіе ея фактамъ, съ
годомъ выясняются болѣе, и рано
но вынудятъ ее отбросить и приду-
ую, въ которой юридическія явле-
ывались бы просто, легко и сво-
езъ натяжекъ и насилованія. Не-
и давно пора исправить ошибку
ъ ученыхъ и создать юридическую
классификацію, отвѣчающія совре-
научнымъ требованіямъ и дѣйстви-
свойствамъ юридическихъ фактовъ.

IV.

оказано, что различеніе публичнаго
наго, съ тѣмъ значеніемъ, какое
ается въ юриспруденціи и лежитъ
ъ такъ-называемаго „гражданскаго"
ридумано римскими законовѣдами.
ъяснить, какъ они къ нему пришли,
надо живо перенестись въ условія того быта, посреди котораго развилась римская юриспруденція. Во времена Римской имперіи публичныя права римскихъ гражданъ исчезли, и веденіе публичныхъ дѣлъ всецѣло перешло въ руки императоровъ и ихъ органовъ, развившихся изъ бывшихъ представителей римскаго народа, его политической жизни, дѣятельности и правъ. Когда политическая жизнь отхлынула изъ народа и сосредоточилась въ рукахъ императоровъ, римскіе граждане, мало-по-малу, заключились въ кругѣ своихъ домашнихъ, личныхъ, частныхъ дѣлъ и матеріальныхъ интересовъ. Римское общество перестало жить общественными группами и распалось на отдѣльныя личности, связанныя между собою только единствомъ подданства и верховной политической власти. Въ такомъ обществѣ естественно возникло то различеніе публичнаго и приватнаго, которое мы позаимствовали отъ римскихъ юристовъ; только въ такомъ обществѣ оно и имѣло полный, дѣйствительный смыслъ. Въ глазахъ римлянъ, публичное значеніе представляли только императоры, ихъ органы и ихъ дѣятельность, а частнымъ, приватнымъ были отдѣльныя лица, ихъ домашнія дѣла, ихъ матеріальные интересы и отношенія другъ къ другу. Иначе нельзя было въ то время и смотрѣть на вещи, — такъ какъ подобный взглядъ, самъ собою, естественно вытекалъ изъ всего тогдашняго быта. Совсѣмъ иное представляли европейскія общества въ среднія вѣка. Единая императорская власть скоро ослабѣла подъ напоромъ усилившихся феодаловъ, церкви, общинъ. Всѣ эти элементы, высвободившись, разнесли государство и разорвали на клочки публичную жизнь, которая перешла къ нимъ въ раздробленномъ видѣ. Только къ исходу среднихъ вѣковъ изчезнувшее единство публичной жизни стало снова возстановляться. Народилась королевская власть, которая стала расти и развиваться подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ воззрѣній, хотя бытъ средневѣковаго общества далеко не былъ похожъ на римскій. Правда, церковь, сословія, корпораціи, гильдіи, цехи, союзы общинъ начали, къ исходу среднихъ вѣковъ, мало-по-малу, утрачивать свою прежнюю политическую самостоятельность; но, признавъ надъ собою главенство королевской власти, они продолжали, внутри государства, жить общественною, публичною жизнью. Такимъ образомъ, даже по выходѣ

изъ среднихъ вѣковъ, юристы не имѣли основанія примѣнять къ тогдашнимъ государствамъ римское раздѣленіе права на публичное и приватное, — раздѣленіе, которое не отвѣчало условіямъ новаго быта Европы. Если, несмотря на то, они приняли римскую теорію публичнаго и приватнаго безъ великихъ оговорокъ, то это объясняется тогдашнею молодостью, незрѣлостью законовѣдѣнія въ западной Европѣ, а главное вполнѣ понятнымъ и извинительнымъ благоговѣніемъ передъ римскимъ правомъ, которое, по своей выработанности, тонкости юридическаго анализа и глубинѣ юридическихъ соображеній, казалось образцовымъ, непогрѣшимымъ, идеальнымъ, словомъ „писаннымъ разумомъ", какъ выражались о немъ лучшіе юристы сравнительно еще очень недавно.

Съ тѣхъ поръ, и особливо въ XIX вѣкѣ, бытъ западно-европейскаго общества существенно измѣнился. Части государства и слои населенія, сперва разрозненные, связанные между собою только внѣшнимъ образомъ, въ теченіи вѣковъ сплотились и образовали нынѣ органическія, живыя политическія единицы, въ которыхъ эти части и слои получили постепенно значеніе органовъ и функцій цѣлаго. Короли и церковь, бывшіе завоеватели и обладатели земли, свободныя общины, покоренные сельчане, — все заняло въ государствѣ новой формаціи свое опредѣленное мѣсто и стало жить общею жизнью. При такихъ новыхъ условіяхъ, римское различеніе публичнаго и приватнаго по лицамъ и органамъ, стало совсѣмъ невозможно; его можно было примѣнять только къ общественнымъ отправленіямъ и функціямъ. Теперь одно и тоже лицо, одинъ и тотъ же общественный элементъ, имѣетъ, въ одно и тоже время, и публичный и приватный характеръ, смотря по тому, съ какой стороны или точки зрѣнія на него смотрѣть. Публичное и приватное, отрѣшившись отъ лицъ и слоевъ, обратилось въ юридическіе принципы, въ идеи, проникающія жизнь всего государства, во всѣхъ его слояхъ и составныхъ частяхъ. Каждое должностное лицо, одною своею стороною, какъ органъ публичной власти, имѣетъ публичный характеръ, другою какъ частное лицо, оно есть частный человѣкъ. Частное предпріятіе, разсчитанное на матеріальныя прибыли одного или нѣсколькихъ частныхъ лицъ, можетъ, по своимъ размѣрамъ, имѣть на общество и государство, значеніе для того или другой стороны народной жизни, [illegible] чить характеръ публичнаго фактора [illegible] государственное значеніе; но точно [illegible] юридическое лицо съ несомнѣнно публ[illegible] характеромъ, каково напримѣръ госуд[illegible] можетъ, извѣстными сторонами своей [illegible] тельности и распоряженій, стоять [illegible] частныхъ лицъ; такъ, казна, подобно [illegible] нимъ, и на основаніи однихъ съ нимъ [illegible] понъ, владѣетъ имуществомъ, заключ[illegible] говоры, ведетъ тяжбы и иски въ суд[illegible] мѣстахъ, платитъ вознагражденіе за [illegible] но нанесенные убытки. Публичныя [illegible] отрѣшившись отъ лицъ, сословій и [illegible] альныхъ фактовъ, не имѣетъ въ нихъ [illegible] осязательныхъ, всѣмъ доступныхъ [illegible] ныхъ внѣшнихъ признаковъ и какъ [illegible] безпрерывно мѣняетъ свои формы [illegible] Вслѣдствіе того, и теорія права не [illegible] болѣе оставаться при прежнемъ р[illegible] публичнаго и приватнаго, сложившем[illegible] совершенно другихъ обстоятельствах[illegible] вѣхъ. Тѣмъ, что мы продолжаемъ [illegible] жиматься римскаго взгляда, давно от[illegible] своей вѣкъ, объясняется путаница по[illegible] послѣдовательность и отсутствіе точн[illegible] ницъ при опредѣленіи „гражданских[illegible] новъ. Въ основаніи ихъ лежитъ исто[illegible] фактъ, объясненный учеными при [illegible] ошибочной, неправильной, устарѣло[illegible]

При составленіи уложенія нельз[illegible] всего сказаннаго безъ вниманія, иначе [illegible] вое законодательство будетъ пере[illegible] увѣковѣчится у насъ чужая ошибка, [illegible] ея вредными послѣдствіями для [illegible] практики. Въ Европѣ съ каждымъ г[illegible] лѣе и болѣе, созрѣваетъ сознаніе об[illegible] въ колебаніяхъ ученыхъ юристовъ [illegible] кости юридическихъ теорій, тщет[illegible] вающихся осмыслить преданіе. Не т[illegible] нодательство и наука имѣютъ по[illegible] мѣрѣ дѣло съ историческимъ фак[illegible] вѣковѣчной привычкой, съ которы[illegible] и люди разстаются не легко; мы же [illegible] жой взглядъ на вѣру, безъ критики, [illegible] въ своемъ прошедшемъ фактовъ, бо[illegible] сего оправдывали или объясняли. [illegible] чтобы имѣть возможность создать [illegible] тельный памятникъ, достойный ве[illegible] рода, мы должны отрѣшиться от[illegible] предшественниковъ, взглянуть на [illegible] сто, безъ предразсудковъ и пред[illegible] Возбуждаемый нами вопросъ, повто[illegible] есть только принципіальный, а сам[illegible]

и бытовыхъ интересовъ величай-
ости.

V.

ъ и куда, спроситъ читатель, раз-
ь, что теперь входитъ въ составъ
нихъ" законовъ? Содержаніе ихъ
е укладывается въ рамки государ-
уголовнаго и другихъ правъ.
правильно отвѣтить на этотъ во-
до дать себѣ сперва ясный и точ-
тъ въ томъ, какимъ сторонамъ орга-
го человѣческаго общежитія соот-
ъ юридическія нормы, имѣющія въ
ія него силу обязательнаго закона.
изъ всѣхъ доселѣ развившихся
роеннаго человѣческаго общежитія
дарство. Соединеніе всѣхъ, многихъ
бы нѣсколькихъ политически-само-
ыхъ государствъ въ одинъ общій
дчиненный одной общей власти, воз-
йся надъ государственною, есть за-
щаго; до сихъ поръ такіе полити-
зы являлись въ исторіи лишь въ
е или менѣе удачныхъ попыткахъ и
выработаться въ прочную, юриди-
язательную, общепринятую форму,
ю отношенію къ государственной.
ы и не возьмемъ ихъ въ разсчетъ
ѣніи обширнаго круга юридическихъ
и обязательныхъ правилъ, а при-
сходный пунктъ государство—без-
несомнѣнно высшую форму органи-
человѣческаго общежитія.

ство представляетъ собраніе лю-
щихъ постоянное жительство на
ъ пространствѣ земли (территоріи) и
ыхъ одной государственной власти,
ля нихъ есть высшая или верхов-
всѣхъ властей на землѣ.
ичнымъ причинамъ, объясняемымъ
ическими обстоятельствами обра-
дарствъ, или политическими и дру-
ическими соображеніями, не всегда
ѣ обязательны для цѣлаго государ-
и тѣ же общіе законы. Нерѣдко,
или другихъ его частей, обязатель-
комъ служатъ юридическія нормы,
менѣе отличныя отъ общихъ. Та-
я изъ общаго закона, имѣющія силу
ъ государства, называются *мѣст-
ими или законами*.
каждое государство, по отношенію
къ другимъ, есть политическая единица, на-
ходящаяся съ другими, ей подобными, въ
разнообразныхъ отношеніяхъ. Правила, ко-
торыми эти отношенія нормируются, установ-
ляются исключительно по взаимному согла-
шенію между собою государствъ и состав-
ляютъ особую группу, которую принято на-
зывать *международнымъ правомъ*.

Что касается до общихъ нормъ, опредѣ-
ляющихъ юридическія отношенія внутри го-
сударства, то эти нормы или законы отно-
сятся къ различнымъ сторонамъ его жизни.
Въ каждомъ находится, во-1-хъ, большее или
меньшее количество людей, имѣющихъ въ
предѣлахъ государственной территоріи по-
стоянную осѣдлость или временное житель-
ство и состоящихъ между собою въ много-
различныхъ отношеніяхъ; во-2-хъ, каждое
государство имѣетъ свою организацію вер-
ховной власти и органовъ, посредствомъ ко-
торыхъ она дѣйствуетъ; въ-3-хъ, лица, по-
стоянно или временно живущія въ предѣлахъ
государственной территоріи, находятся въ
безпрестанныхъ отношеніяхъ съ верховною
государственною властью и ея органами.—
Обязательное правило или законъ, опредѣляя
организацію государственной власти и ея
орудій, нормируя отношенія подданныхъ и
жителей какъ между собою, такъ и къ госу-
дарственной власти и къ ея органамъ, тѣмъ
самымъ устанавливаетъ права и обязанности,
которыя, въ случаѣ сомнѣній и споровъ, раз-
бираются, съ цѣлью установить, въ каждомъ
данномъ случаѣ, ихъ точный смыслъ и гра-
ницы; въ случаѣ же нарушенія, нарушенное
право и законный порядокъ вещей возста-
новляются и каждый принуждается силою
наказанія къ исполненію своихъ обязанностей
и къ уваженію чужихъ правъ.

Отсюда раздѣленіе общихъ законовъ или
обязательныхъ юридическихъ нормъ на три
главные отдѣла или группы: 1) законы, *опре-
дѣляющіе* нормальное положеніе вещей въ
государствѣ, — организацію власти, ея отно-
шенія къ подданнымъ и жителямъ, права и
обязанности тѣхъ и другихъ въ государствѣ
и ихъ взаимныя отношенія между собою;
2) законы *процессуальные* (о судопроизвод-
ствѣ) и 3) законы *уголовные*.

Изъ этихъ трехъ группъ, особеннаго раз-
смотрѣнія требуетъ первая, тѣмъ болѣе, что
по многосложному своему составу, она, въ
свою очередь, распадается на нѣсколько под-
раздѣленій.

Первое между ними мѣсто занимаетъ организація государственной власти и ея органовъ, центральныхъ и мѣстныхъ.

Второй, важнѣйшій отдѣлъ опредѣлительныхъ законовъ составляютъ правила, нормирующія юридическое положеніе или состояніе подданныхъ и жителей, и взаимныя ихъ отношенія между собою.

Наконецъ, государственная власть, управляя государствомъ, въ лицѣ своихъ органовъ и факторовъ, становится въ разнообразныя и сложныя отношенія къ подданнымъ и жителямъ. Сложность и разнообразіе этихъ отношеній происходятъ отъ того, что жизнь въ государствѣ представляетъ безчисленное множество сторонъ и отправленій, которыя, въ интересахъ политическаго тѣла, должны быть нормированы, уравновѣшены между собою, сведены къ единству и направляемы къ общимъ цѣлямъ устроеннаго общежитія.

Согласно съ тѣмъ, опредѣлительные законы должны подраздѣлиться на: 1) законы *государственные*; сюда, кромѣ организаціи государства и государственной власти съ ея органами, относятся и формы законодательной дѣятельности; 2) законы о *состояніи людей*—личномъ и въ составѣ обществъ и союзовъ, начиная съ союза семейственнаго и оканчивая сословными, сельскими, городскими и земскими обществами. Въ составъ этой группы входятъ также законы объ усыновленіи, опекѣ и способахъ укрѣпленія правъ (нотаріальныя и крѣпостныя учрежденія); 3) законы, опредѣляющіе *порядокъ управленія* государствомъ по всѣмъ отраслямъ жизни и дѣятельности, какъ государства, такъ и его подданныхъ и жителей. Этотъ отдѣлъ извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ „права административнаго", „полицейскаго" или „общественнаго": но онъ еще не установился окончательно въ своихъ границахъ и формахъ, потому что сравнительно только еще недавно выдѣленъ изъ государственнаго права.

Всѣ перечисленныя группы и подраздѣленія, несмотря на ихъ различіе по содержанію, имѣютъ то между собою общее, что опредѣляютъ нормы юридическихъ отношеній и дѣятельности только *личнаго* характера. Но по свойству человѣческой природы, рядомъ съ личными отношеніями, существуютъ, въ соотвѣтствіи и паралельно съ ними, отношенія матеріальныя по имуществу, по реальнымъ вещамъ и цѣнностямъ имущественнаго характера. Какъ физическое существо, человѣкъ имѣетъ физическія потребности, если можно такъ выразиться, [illegible] альной атмосферой, которая служит[illegible] кругомъ дѣятельности и средствомъ [illegible] творенія его потребностей. Вслѣдст[illegible] имущество, вещественная цѣнность, [illegible] альный интересъ, являются, рядомъ [illegible] ными отношеніями, факторами юрид[illegible] нормъ и опредѣленія. Въ организ[illegible] общежитіи, обнимающемъ всего чел[illegible] всѣми его сторонами, недовольно од[illegible] коновъ, опредѣляющихъ личное по[illegible] личныя отношенія людей, права и [illegible] ности; необходимы также законы, ре[illegible] щіе матеріальные интересы и отн[illegible] обусловленныя матеріальными вещ[illegible] ностями. Какъ отдѣльныя лица, так[illegible] ства и учрежденія, и сама государ[illegible] власть, не могутъ дѣйствовать, прес[illegible] и достигать своихъ цѣлей, безъ по[illegible] щей и вещественныхъ цѣнностей, и[illegible] воря, безъ матеріальныхъ средствъ. [illegible] образомъ, вещи, матеріальныя цѣн[illegible] интересы, необходимо должны войти [illegible] юридическихъ опредѣленій и под[illegible] имъ, подобно людямъ, и наоборотъ, [illegible] ческія опредѣленія, нормирующія от[illegible] съ ихъ имущественной, матеріальной [illegible] должны сообразоваться съ свойства[illegible] родою, характеромъ вещей и цѣнно[illegible] добно тому, какъ тѣ же юридическ[illegible] прилаживаются къ характеру и сво[illegible] личныхъ отношеній. Вслѣдствіе то[illegible] зуются юридическія нормы особаго [illegible] своеобразнымъ характеромъ и сво[illegible] налагаемыми на нихъ вліяніемъ веще[illegible] ріальныхъ цѣнностей и интересовъ. [illegible] особенностямъ юридическихъ отн[illegible] сложившихся сообразно съ природою [illegible] альныхъ отношеній, они должны бы[illegible] лены въ особую группу и составит[illegible] отдѣлъ законовъ, подъ названіемъ [illegible] ственнаго права". Въ общепринятой [illegible] фикаціи оно раздроблено на части и [illegible] сано по всѣмъ отдѣламъ свода. Эту [illegible] ную храмину" слѣдуетъ собрать и с[illegible] въ одно цѣлое. Къ тому побуждаетъ [illegible] нятное соображеніе, что самое разно[illegible] и законодательства давно уже и[illegible] встрѣчу изложеннымъ теоретическим[illegible] женіямъ и самымъ дѣломъ оправд[illegible] подкрѣпляетъ правильность объ[illegible] научнаго вывода. Въ древнемъ м[illegible] средневѣковыхъ государствахъ, л[illegible]

ѣнныя права государственной власти
ались, сливаясь въ общемъ понятіи
жаго господства. Въ новыхъ госу-
замѣчается другое: имущественн
короны постепенно совлекаютъ съ
тическій характеръ, теряютъ госу-
ое значеніе и подчиняются общимъ
овіямъ объ имущественныхъ отно-
наравнѣ съ такими же отношеніями
лицъ. У насъ, какъ и вездѣ, госу-
въ качествѣ обладателя государ-
территоріи, имѣетъ на нее политич
ава по отношенію къ другимъ го-
мъ: по у себя дома, оно, въ каче-
дѣльца государственныхъ или казен-
ществъ, ничѣмъ не отличается отъ
владѣльцевъ и подлежитъ, въ этомъ
, одинаковымъ съ ними постанов-
юридическимъ нормамъ. Государ-
власть, въ отношеніяхъ своихъ къ
мъ и жителямъ государства, руко-
чалами политическаго господства,
стороны, подчиненія — съ другой;
ферѣ матеріальныхъ интересовъ, го-
, въ значеніи казны, является та-
юридическимъ лицомъ, какъ всѣ дру-
ѣмъ отъ нихъ не отличается; подобно
на основаніи общихъ законовъ, за-
договоры, принимаетъ на себя обя-
а, подвергается отвѣтственности за
нанесенные контрагентамъ и дру-
амъ убытки и имущественныя по-

можетъ быть, возразятъ, что право
право установлять и взимать налоги,
ги, личныя и имущественныя, право
ть конфискаціи, частныя и общія,
наказанія, право взимать денежныя
штрафы,—что всѣ эти и имъ по-
рава принадлежатъ къ числу иму-
ыхъ; однако никто не рѣшится
ть, что они не принадлежатъ все-
дарству, не составляютъ нераздѣль-
рибута публичной власти. Но это
е поколѣнъ на важномъ недоразу-
мѣ перечисленныя права суть, безъ
принадлежности верховной власти,
о суть права имущественныя, точно
ъ не принадлежитъ къ разряду иму-
ыхъ правъ правоспособность част-
ъ пріобрѣтать имущество, заключать
и другія обязательства. Имуще-
право, отношеніе съ имуществен-
рактеромъ, начинается съ той лишь
минуты, когда, въ силу правоспособности, оно установлено дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ. Положимъ я могу, по приговоренному мнѣ законами о состояніяхъ праву, наслѣдовать въ имуществѣ, послѣ смерти даннаго лица; но, пока наслѣдство не открылось и мои права на него не признаны, я не имѣю на него имущественнаго права. Совершенно въ такомъ же положеніи находится и государство или казна, по отношенію къ регальному праву и своимъ правамъ на подати, конфискацію, денежныя пени и т. п. Эти права суть лишь правоспособность государства, до той минуты, пока, въ силу ея, оно не вступило въ дѣйствительныя юридическія отношенія имущественнаго свойства съ тѣми или другими лицами. Государственная власть имѣетъ несомнѣнное право установить новый налогъ; но это право обращается въ имущественное съ того лишь момента, когда, на основаніи закона, которымъ новый налогъ узаконенъ, для извѣстныхъ категорій лицъ возникаетъ обязанность уплачивать налогъ, а для государства или казны — право требовать отъ нихъ уплаты. На этомъ-то основаніи финансовые законы, опредѣляющіе порядокъ установленія государственныхъ доходовъ, правила ихъ расходованія, составленія смѣтъ и бюджета, повѣрки финансовыхъ операцій и т. п., относятся не къ имущественному, а къ государственному праву; юридическія же отношенія, которыя установляются между казною и извѣстными лицами по взиманію доходовъ и ихъ расходованію, точно также какъ и юридическія отношенія къ частнымъ лицамъ по владѣнію казенными имуществами и по контрактамъ и сдѣлкамъ съ ними, относятся къ имущественному праву, и потому должны быть включены въ систему имущественнаго права.

Иные, можетъ быть, станутъ отвергать правильность такого вывода на томъ основаніи, что для установленія и прекращенія юридическихъ отношеній съ имущественнымъ характеромъ, предписаны совсѣмъ не тѣ формы укрѣпленія правъ, какія существуютъ для установленія обязанности того или другого лица платить подать, сборъ, налогъ, отправлять повинность и т. п. Но способъ установленія правъ и обязанностей ровно ничего не доказываетъ и никакъ не можетъ служить мѣриломъ для отнесенія юридическаго отношенія къ тому или другому разряду. Разнѣ для установленія и прекращенія всѣхъ обя-

зателствъ и юридическихъ отношеній, вошедшихъ въ составъ „гражданскихъ" законовъ, по отдѣлу правъ имущественныхъ, постановлены одинаковыя формы? Права владѣльца бечевника ограничиваются въ пользу водоходцевъ не нотаріальнымъ порядкомъ, а признаніемъ рѣки судоходной или сплавной; точно также обязательство дать вознагражденіе за нанесенные убытки возникаетъ тоже не въ силу договора, совершеннаго нотаріусомъ. Такихъ примѣровъ можно привести очень много.

Другіе намъ замѣтятъ, что обязательства и юридическія отношенія, установляемыя въ силу государственнаго, уголовнаго или процессуальнаго права, хотя бы и были имущественнаго характера, однако отличаются, въ силу такого ихъ происхожденія, отъ однородныхъ съ ними обязательствъ и юридическихъ отношеній между частными лицами. Это, конечно, справедливо. Юридическія отношенія, возникающія изъ государственной службы, секвестра имущества, обязанности уплатить денежный штрафъ за преступленія, совершенныя нѣсколькими лицами, безспорно значительно разнятся отъ юридическихъ отношеній, вытекающихъ изъ личнаго найма, поклажи или депозита, отъ исполненія обязательства, принятаго на себя нѣсколькими лицами. Но что же изъ этого слѣдуетъ? То только, что юридическія отношенія, подъ вліяніемъ условій, при которыхъ они возникаютъ, значительно видоизмѣняются. Но противъ этого никто и не споритъ. Мы стоимъ только на томъ, что нельзя, ссылаясь на такія видоизмѣненія, отрицать имущественный характеръ отношеній и только по этому исключить ихъ изъ системы имущественныхъ правъ. Мало ли въ системѣ гражданскаго права юридическихъ отношеній однородныхъ, а между тѣмъ различающихся между собою только потому, что сложились подъ вліяніемъ различныхъ условій. Наемъ бурлаковъ на путину, наемъ фабричнаго рабочаго, полеваго работника, учителя, домашней прислуги, врача, существенно разнятся между собою; однако всѣ эти различныя юридическія отношенія представляютъ лишь разновидности личнаго найма. Выкупъ родовыхъ имуществъ и обязательное отчужденіе недвижимости на общеполезныя предметъ, тоже существенно между собою разнятся; однако оба составляютъ разновидности недобровольной или принудительной уступки имущества за вознаграждение; тоже самое должно [с]дареніи, пожертвованіи, выдѣ[л]приданомъ: какъ они ни различ[ны] представляютъ лишь видоизмѣне[нія] междаго, добровольнаго отчужде[нія] ства. И такъ далѣе.

Наконецъ, найдутся и такіе, кото[рые] нутъ опровергать нашъ взглядъ [на] различные способы разбирательства [по] а именно: такъ какъ юридическія [от]съ имущественнымъ характеромъ, [но] по общепринятой системѣ, въ состав[ѣ] данскаго права, разсматриваются су[дъ] порядкомъ, а очень многія изъ отно[ше]къ государственному праву—адми[ни]пымъ, то въ этомъ усматривается су[ще]ное препятствіе свести тѣ и другія [въ] разрядъ. Но способъ разбирательст[ва] ныхъ дѣлъ ни въ какомъ случаѣ не [мо]служить критеріемъ для той или дру[гой] сификаціи имущественныхъ юридичес[кихъ] ношеній; это признакъ колеблющій[ся], няемый по соображеніямъ, не имѣющ[ихъ] чего общаго съ существомъ имущест[ва] отношеній. Контракты между казен[ными] ными лицами разсматриваются тепер[ь] нымъ порядкомъ, а до введенія су[дебныхъ] установъ 1864 года разбирались по [ад]административнымъ. Въ Англіи, не[ко]ности и злоупотребленія по взиман[ію] тей и сборовъ обжаловываются въ [су]у насъ нѣтъ. Слѣдуетъ ли отнести об[ла]ства, возникающія изъ пересылки [по]посылокъ по почтѣ или изъ отправ[ле]граммъ, къ числу отношеній по госуд[ар]ному праву, потому что у насъ дѣ[ла] разсматриваются административны[мъ] комъ? Въ Сѣверо-американскихъ С[ое]ныхъ штатахъ почта есть предпри[ят]ное. Далѣе, неужели слѣдуетъ исклю[чить] свода гражданскихъ законовъ нѣкото[рыя] дическія отношенія потому только, [что] губерніи, гдѣ до сихъ поръ споры, [ко]возникающіе, разбираются адми[нис]нымъ порядкомъ полиціей?

Согласно съ вышеизложеннымъ, [къ] имущественнаго права должны бы[ть] чены не только всѣ наказанія и взыск[ан]щественнаго характера—денежные [ш]конфискація и проч., — но и всѣ [м]наемыя судебною властью мѣры, ка[са]имущества тяжущихся и подсуд[им]также всѣ административныя и по[ли]мѣры, состоящія не въ какомъ-либ[о]

ъ распоряженіи относительно
лица или лицъ, когда такими мѣ-
няется существующее юридическое
по имуществу или же установ-
ре отношеніе вновь: таковы, на-
апрещеніе, налагаемое на имѣніе,
жимаго имущества, выемка поличн-
я подсудимаго на поруки, вызовъ
, экспертовъ, съ вознагражденіемъ
времени, труды и издержки и т. п.

VI.

его сказаннаго, мы, кажется, мо-
опасаясь недоразумѣній, предло-
ующую классификацію или систему
кія или правовѣдѣнія.

Право общее.

ы опредѣлительные.
имущественныя.
личныя.
ные государственные законы.
состоянія.
ы административные (объ управ-

ны о судопроизводствѣ.
ны о наказаніяхъ.

Права мѣстныя.

Права международныя.

схемѣ читатель не найдетъ столь
ему рубрикъ права „публичнаго"
частнаго" или приватнаго, и уже
ему они опущены. Въ организо-
человѣческомъ общежитіи нѣтъ та-
дѣятельности, которая бы не была
извѣстными условіями и ограни-
ъ видахъ общественной или госу-
й пользы, или въ виду интересовъ
ругихъ лицъ; слѣдовательно, о пра-
ныхъ или партикулярныхъ, въ
еры, безусловно, безъ всякихъ огра-
редоставленной свободному почину,
дѣятельности людей, не можетъ
если же подъ частными, приват-
нѣтъ дѣйствія людей безразличныя
тва и государства или для другихъ
отому оставленныя въ законѣ безъ
редѣленій или ограниченій, то та-
дѣятельность вовсе не подходитъ
подъ понятіе юридическихъ отношеній, лежитъ внѣ законныхъ опредѣленій и не поддается никакой систематизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли какая-нибудь возможность перечислить все то, что человѣкъ можетъ дѣлать, что ему не запрещено или въ чемъ онъ не ограниченъ закономъ? Но если бы это и было возможно, какой смыслъ имѣло бы такое перечисленіе въ системѣ юридическихъ опредѣленій и ограниченій? Извѣстно до какихъ нелѣпостей договорились юристы, желая съ точностью опредѣлить личныя права и обязанности, вытекающія изъ брака; также смѣшны и безплодны были усилія перечислить и опредѣлить все то, что человѣкъ можетъ сдѣлать съ вещью, принадлежащею ему на правѣ собственности. Законъ, право, не могутъ своими опредѣленіями исчерпать жизнь, и это вовсе не ихъ задача; они ее опредѣляютъ только въ интересѣ устроеннаго общежитія, насколько необходимо, для цѣлей правильнаго сожительства людей, для общей нужды и пользы всѣхъ, ограничить ее или направить въ ту или другую сторону. Приватное, частное есть все то, что не опредѣлено и не ограничено закономъ. Такое отрицательное опредѣленіе дѣлаетъ невозможной особую рубрику въ системѣ права. Необходимое объясненіе приватнаго, въ этомъ смыслѣ, найдетъ себѣ приличное мѣсто въ законахъ о состояніяхъ, при изложеніи правоспособности.

Точно также нѣтъ въ представленной выше схемѣ мѣста и для такъ называемаго „гражданскаго" права. Большая часть его содержанія, права вещныя и по обязательствамъ, войдутъ въ систему правъ имущественныхъ, а права семейственныя личныя, порядокъ наслѣдованія по закону, усыновленіе, попечительство и опека, равно какъ и способы укрѣпленія правъ, перенесутся въ законы о состояніяхъ. Отъ такой ликвидаціи устарѣлаго „гражданскаго" права, и теорія и система и практика только выиграютъ, ибо этимъ установится опредѣленность, ясность и общность юридическихъ началъ и положеній, которыхъ нѣтъ въ нестройномъ агломератѣ разнородныхъ постановленій, какими теперь представляются такъ называемые „гражданскіе" законы.

Признаетъ кодификаціонная коммиссія предлагаемую нами классификацію правильной или не признаетъ, она, во всякомъ случаѣ, не можетъ по ней расположить свои работы,

такъ какъ задача ея — проектировать новое изложеніе законовъ, содержащихся въ первой части десятаго тома Свода. Но мы очень далеки отъ мысли хотя бы малѣйше повліять на предметъ и объемъ кодификаціонной дѣятельности, которые опредѣлились не требованіями науки, а настоятельною практическою надобностью передѣлать части законодательства, содержащіяся въ сводѣ „законовъ гражданскихъ". Указывая на несостоятельность системы „гражданскаго" права, мы имѣли въ виду не научную сторону предмета, а тѣ неблагопріятныя практическія послѣдствія, которыя логически, неизбѣжно, вытекаютъ изъ непослѣдовательности и спутанности „гражданскихъ законовъ", что необходимо будетъ устранить въ проектируемомъ кодексѣ. Если наши замѣчанія [illegible] какую-нибудь цѣну и убѣдительность, [illegible]фикаціонная коммиссія найдетъ [illegible] принять ихъ въ соображеніе, то она [illegible] не выходя изъ рамокъ своей задачи, [illegible]дить проектируемые ею законы, по [illegible]держанію, на самостоятельные от[illegible]рые бы впослѣдствіи и заняли при[illegible]щее имъ мѣсто въ системѣ русскаго [illegible]дательства, болѣе правильной, чѣ[illegible]решняя. Этимъ собственно и ограни[illegible] наши желанія по вопросу о класси[illegible] системѣ, и только въ этомъ смыслѣ [illegible] хотѣли, хотя и не надѣемся, пол[illegible] предстоящія кодификаціонныя ра[illegible] „гражданскому" праву.

II.

Опредѣливъ въ предъидущей статьѣ значеніе „гражданскаго" права и его названія, обратимся къ разсмотрѣнію наличнаго состава первой части десятаго тома Свода законовъ, и постараемся разрѣшить вопросъ: въ какомъ смыслѣ и направленіи желательно преобразованіе этой части нашего законодательства.

Согласно съ сказаннымъ выше, все содержаніе свода „гражданскихъ законовъ" распадается на нѣсколько разнородныхъ частей, а именно: 1) права и обязанности семейныя личныя; 2) права по составленію завѣщаній и порядокъ наслѣдованія по закону; 3) права вещныя и по обязательствамъ, и 4) постановленія объ укрѣпленіи правъ и обязанностей имущественнаго свойства и характера. Здѣсь мы разсмотримъ дѣйствующія постановленія и желательныя преобразованія по первымъ двумъ отдѣламъ; разборъ же дѣйствующихъ законовъ и ожидаемыхъ реформъ по двумъ послѣднимъ отдѣламъ представимъ въ послѣдующихъ статьяхъ.

I.

Начнемъ съ законовъ о семейномъ союзѣ и личныхъ отношеніяхъ между членами семьи.

Удовлетворяютъ ли наши законы [illegible]ственномъ союзѣ своему назначени[illegible] на этотъ вопросъ исключительно [illegible] отъ правильнаго взгляда на семью, [illegible] занимаемое ею въ организованном[illegible] ческомъ общежитіи.

Что такое семья?

Семья или семейный союзъ, [illegible]ственное явленіе (а только въ это[illegible] и можетъ быть о ней рѣчь въ [illegible] первая, зачаточная форма или ячей[illegible] наго человѣческаго общежитія. [illegible] какъ общественный фактъ, перехо[illegible] явленій грубыхъ животныхъ вожде[illegible] стинктовъ къ правовымъ и нрав[illegible] взаимнымъ отношеніямъ людей въ [illegible] ванномъ обществѣ, семейный союзъ [illegible] въ себѣ, въ нераздѣльной слитности [illegible] и физической и духовной природы [illegible] Отсюда совершенная невозможность [illegible] семейный союзъ подъ какія бы т[illegible] односторонніе опредѣленія и исч[illegible] назначеніе какими-либо опредѣле[illegible] лями, хотя несомнѣнно, что всѣ он[illegible] какія ему дѣлались, и всѣ цѣли, [illegible] зываются какъ назначеніе семьи, [illegible] тельно выражаютъ ту или другую [illegible] семейнаго союза и семейныхъ [illegible]

Семья не есть первообразъ государства; но безъ нея не существовало бы никакого строеннаго человѣческаго общежитія. Семья есть и союзъ человѣческихъ существъ, связанныхъ одними узами крови, хотя очевидно, что кровная связь есть одинъ изъ характеристическихъ признаковъ и факторовъ семейнаго союза. Безчисленныя личныя и общественныя блага, физическія, экономическія, социальныя, нравственныя, связанныя съ семейнымъ бытомъ, дѣйствительно проистекаютъ изъ семейныхъ отношеній; но никакъ нельзя отсюда заключить, что только изъ того или другого блага существуетъ семейный союзъ, или, что достиженіе того или другого изъ нихъ составляетъ существенную цѣль и назначеніе семьи: рядомъ съ каждымъ изъ этихъ благъ, взятымъ отдѣльно, можно указать и на другія стороны семьи, на другія послѣдствія семейныхъ отношеній, въ которыхъ, если брать ихъ въ одиночку, также было бы ошибочно видѣть главную цѣль, главное назначеніе семейнаго союза.

Характерными свойствами семейныхъ связей, мѣстомъ, которое семья занимаетъ между явленіями и фактами организованнаго общежитія, огромнымъ ея вліяніемъ на общественный бытъ и нравы, на уровень образованія, понятій, культуры и нравственности людей, объясняется то высокое значеніе, какое ей всюду приписывается, тѣ заботы, которыми она окружена у всѣхъ образованныхъ народовъ. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ и по многосложности и разнообразію элементовъ, изъ которыхъ слагается семейный бытъ, требуется особенная осторожность и обдуманность при установленіи для него юридическихъ нормъ. Условія семейныхъ отношеній—одинъ изъ самыхъ трудныхъ, почти неуловимыхъ предметовъ для юридическаго анализа. Семейныя связи, по своей деликатности, легко искажаются, блекнутъ и вянутъ отъ прикосновенія къ нимъ юридическихъ опредѣленій, по природѣ своей жесткихъ и категорическихъ, неспособныхъ входить во всѣ подробности дѣйствительныхъ личныхъ отношеній, даже менѣе сложныхъ и тонкихъ, чѣмъ семейныя. Потому-то законодательству слѣдуетъ осторожно и бережно касаться семьи и семейныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, въ нашихъ законахъ о семейномъ союзѣ замѣчается совсѣмъ иное. Въ условія вступленія въ бракъ внесены препоны, внушенныя вѣроисповѣдною нетерпимостью (зак. гражд. ст. 33 и 37, п. 7; ст. 61 по разъясн. Прав. Сената; ст. 67, п. 1 (прод.) и 3; ст. 68, 72, 85); его заключеніе или совершеніе осложнено и затруднено требованіями и условіями, не имѣющими ничего общаго съ существомъ брачныхъ отношеній (тамъ же, ст. 6, 9 (по прод.); 19, 21, 33, 40, 41, 42); иновѣрцы и раскольники пользуются въ этомъ отношеніи преимуществами, въ которыхъ отказано православнымъ; расторженіе брака затруднено болѣе, чѣмъ даже требуютъ церковныя постановленія, признающія бракъ таинствомъ (тамъ же, ст. 45; сравн. съ каноническ. постановл.); признаніе брака расторгнутымъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ дозволяетъ его расторженіе, окружено тягостными формальностями, крайне затрудняющими пользованіе и тѣми льготами, которыя онъ даетъ (тамъ же, ст. 47, 48, 49, 56, 57, 58, 59).

Такими же стѣснительными постановленіями обставлены и личныя отношенія супруговъ, въ ущербъ гражданскихъ правъ женщины, слабѣйшей стороны въ брачномъ союзѣ. Законъ отдаетъ жену вполнѣ подъ господство и почти неограниченную власть мужа, запрещая все, что могло бы смягчить ее въ повседневной жизни (тамъ же, ст. 46, 103 по прод.).

Столько же несогласны съ существомъ семейнаго союза и постановленія свода гражданскихъ законовъ о личныхъ отношеніяхъ дѣтей и родителей. Рожденные внѣ законнаго брака безусловно исключены изъ семейнаго союза (тамъ же, ст. 136, 137, 145 и примѣч. (по прод.), п. 2); наоборотъ, какъ бы въ смягченіе такого суроваго закона, затруднены, сверхъ справедливой мѣры, способы доказыванія незаконнаго рожденія и этимъ введены въ составъ семьи, часто вопреки ея желанію, члены, завѣдомо къ ней непринадлежащіе (тамъ же, ст. 119 [1]) п. 2; ст. 127, 128, 129, 130, 131).

Такими постановленіями, создающими, въ замѣну дѣйствительной семьи, искусственную, юридическую, правовую, достигаются цѣли, прямо противоположныя тѣмъ, которыя имѣлись въ виду. Предполагалось утвердить святыню семейнаго союза, водворить въ немъ

[1]) По физіологическимъ изслѣдованіямъ рожденіе бываетъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, отъ 275 до 280 дней спустя послѣ зачатія. Самый продолжительный срокъ беременности—300, а не 306 дней, какъ постановлено въ приведенной статьѣ законовъ гражданскихъ.

добрые нравы, скрѣпить взаимную связь его членовъ; на самомъ же дѣлѣ, подведеніе семьи и семейныхъ отношеній подъ категорическія требованія юридическаго закона, по существу своему мало подвижнаго и формальнаго, неспособнаго примѣняться къ измѣнчивому разнообразію дѣйствительной жизни, ослабило и расшатало семейный союзъ насильственнымъ внесеніемъ въ него положеній, вовсе ему чуждыхъ. Нигдѣ не раздается столько жалобъ на дурное состояніе семьи, на ослабленіе семейныхъ связей, на плохое первоначальное домашнее воспитаніе, какъ у насъ. Жалобы эти, къ несчастію, справедливы; но обращаемъ ли мы вниманіе на то, что корень зла — въ самомъ законѣ, который, изъ-за юридическихъ и политическихъ фикцій, безпощадно и неразумно обращается съ дѣйствительной семьей, дѣйствительными семейными отношеніями? Вдохнуть въ семью и семейныя отношенія нравственную сторону посредствомъ закона или, при помощи закона, навязать ее насильно, нѣтъ никакой возможности, — также какъ нельзя, силою закона заставить вѣрить такъ или иначе, быть нравственнымъ, любить или не любить. Семья, по самой своей природѣ, держится привязанностью, вытекающею первоначально изъ узъ крови и потомъ скрѣпленною привычкою, преданіемъ, общностью интересовъ ежедневной жизни. Разъ въ семью, несмотря на эти связи, проникъ разладъ, его не истребить внѣшними мѣрами, принудительною силою законодательныхъ предписаній.

Намъ возразятъ, что семья не есть только союзъ любви, измѣняющійся вмѣстѣ съ нею, но гражданское установленіе, подлежащее, наравнѣ съ другими фактами и явленіями человѣческаго общежитія, дѣйствію законовъ и публичной власти. Законъ,—такъ разсуждаютъ поборники нашихъ теперешнихъ постановленій о семейномъ союзѣ,—долженъ же придти на помощь людямъ противъ человѣческихъ слабостей, измѣнчивости чувствъ и влеченій, неустойчивости воли, чрезмѣрной впечатлительности, порочныхъ наклонностей. Онъ и даетъ точку опоры колеблющейся волѣ, служитъ оплотомъ противъ порывовъ необдуманныхъ рѣшеній и поступковъ и тѣмъ оберегаетъ святыню семейнаго союза.

Если бы законъ имѣлъ у насъ только такое назначеніе по отношенію къ семьѣ то противъ этого нечего было бы и возражать; роль его была бы спасительная и благотвор-

ная. Къ сожалѣнію, нашъ законъ
ограничивается, а вторгается въ
дить въ ней и рядить полновластно
апелляціонно, дѣлаетъ ее послушн
діемъ вѣроисповѣдныхъ, политическ
ціональныхъ видовъ и цѣлей, и тѣм
регаетъ и не укрѣпляетъ ее, а раз
Съ семьей то же что съ обществомъ
щихъ: подчиняя ихъ внѣшнему з
только вводимъ или удерживаемъ
насильственно, ко вреду и собла
прежде всего основаннаго на внут
единеніи членовъ, лица не только р
ныя, но нерѣдко враждебныя его
нію, и тѣмъ подрываемъ духовное
обращаемъ его изъ религіознаго и н
наго въ правовое и юридическое.
конъ призванъ охранять и оберега
ный союзъ, то онъ расторгнетъ его
крайнихъ, исключительныхъ случа
въ виду политическихъ, національ
вѣроисповѣдныхъ цѣлей. Первонача
стианская церковь благоразумно
браки православныхъ съ евреями
ками, не боясь отпаденія отъ вѣр
славныхъ супруговъ, а напротивъ, въ
что чрезъ браки привлечетъ въ ло
славіи и иновѣрцевъ. Оберегать
семью не значитъ насильственно
тѣсномъ сожительствѣ людей, котор
по названію принадлежать къ
союзу, а на самомъ дѣлѣ давно
ротно стали другъ для друга чу
рѣдко даже врагами. Еще менѣе мо
держивать сплоченность и крѣпос
безусловное юридическое подчине
мужу, дѣтей, даже совершеннол
власти родителей; такое подчине
дится притомъ и въ явномъ проти
имущественною правоспособностью
висимостью членовъ семьи другъ
Точно также, нельзя признать обе
и огражденіемъ святыни семейна
безпощадное отторженіе отъ семьи
рожденныхъ, или предписаніе счит
ными тѣхъ, которые и на самомъ
внутреннему убѣжденію членовъ
союза не принадлежать къ нему
мѣрами семья не скрѣпляется, а ос
въ нее вносятся разладъ и вражд
шемъ случаѣ между ея членами
полное равнодушіе и отчужденіе.

Сознаніе этихъ слабыхъ сторон
дѣйствующаго законодательства о

ѣ болѣе и болѣе проникаетъ въ
ie. Кто близко видѣлъ и знаетъ
ъ нашихъ крестьянъ, кто бы-
демъ возмутительныхъ отноше-
которыхъ нѣтъ въ законѣ за-
орыя только поэтому нерѣдко
преступленіями и ссылкой въ
недостатки нашихъ постанов-
йномъ союзѣ еще ярче, неот-
аются въ глаза.
шихъ гражданскихъ законовъ о
ошеніяхъ членовъ семейства на-
ребуетъ коренного преобразова-
лѣ охраны дѣйствительно суще-
ьи и возможнаго упраздненія
ослабленія семьи, искусственно
кономъ, юридической, внѣшней,

II.

ичнымъ отношеніямъ и взаим-
твенныя права и обязанности
ы подлежать коренному измѣ-

ещее время, по дѣйствующему
ый изъ членовъ семьи признается
имъ и вполнѣ неограниченнымъ
ть принадлежащаго ему имуще-
жесть распоряжаться имъ совер-
дно, по своему усмотрѣнію, не
томъ никому отчета. Законъ,
ичаетъ имущества благопріобрѣ-
довыя и обставляетъ распоря-
Ѣдними нѣкоторыми ограниче-
какъ мы увидимъ ниже, такія
легко могутъ быть обойдены и
безпечиваютъ сохраненія имуще-
членовъ семьи въ пользу дру-
этихъ фиктивныхъ ограниченій,
еще постановленія объ отдачѣ
имущества въ случаѣ безпутной
й роскоши и расточительности
ца, чѣмъ ограничивается его
ряженія тѣмъ имуществомъ. Но
огражденія семьи отъ мотовства
есть тоже фиктивная, а не дѣй-
потому что вышла изъ употреб-
ти никогда не примѣняется.
ное полновластіе членовъ семьи
ѣніи своимъ имуществомъ нахо-
номъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ
ытомъ и вытекающими изъ него

отношеніями между членами семейства. Съ обязанностями мужа содержать жену, родителей—содержать и воспитывать дѣтей, дѣтей — содержать престарѣлыхъ, больныхъ и бѣдныхъ родителей, несовмѣстимо право этихъ лицъ безусловно, безъ всякихъ ограниченій, распоряжаться своими матеріальными средствами. Если законъ установляетъ извѣстныя имущественныя обязанности членовъ семьи по отношенію другъ къ другу, то справедливость требуетъ, чтобы исполненіе такихъ обязанностей было чѣмъ-нибудь обезпечено, подобно тому, какъ обезпечиваются всякія долговыя обязательства, иски и другія денежныя взысканія. Въ старину, имущество и не считалось исключительною собственностью того или другого члена семьи, а было общимъ достояніемъ семейства, которымъ оно распоряжалось съ общаго согласія членовъ. Воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ купчихъ крѣпостяхъ о продажѣ имѣнія, подписанныхъ отцомъ и сыновьями, иногда одними сыновьями, при живомъ отцѣ, за его неспособностью, по душевному разстройству, распоряжаться имуществомъ и участвовать въ совершеніи актовъ. Такое же воспоминаніе сохранилось и въ правѣ выкупа родовыхъ имуществъ, свидѣтельствующемъ о бывшемъ когда-то правѣ собственности всѣхъ членовъ рода на родовое имущество, правѣ, въ силу котораго каждый изъ членовъ имѣлъ часть этого имущества только во владѣніи и пользованіи, а не на правѣ полной собственности. Теперь, когда съ развитіемъ личнаго, индивидуальнаго начала, общее, семейное и родовое имущество исчезло и мѣсто его заступила личная собственность членовъ семьи и рода, исчезли и всякія ограниченія права распоряженія, а на мѣсто его появилось право выкупа родового имущества; но это право нисколько не обезпечиваетъ матеріальнаго быта семьи и является лишь крайне вреднымъ, въ экономическомъ отношеніи, стѣсненіемъ права собственности, во имя юридической фикціи рода, давно утратившей всякое живое значеніе.

Упраздненіе общаго семейнаго имущества, безъ замѣны его дѣйствительнымъ обезпеченіемъ семьи противъ злоупотребленій, легкомыслія или небрежности ея членовъ, оставляетъ въ законѣ, опредѣляющемъ семейный бытъ, прискорбный пробѣлъ, крайне вредно отзывающійся и на личныхъ, семейныхъ отношеніяхъ. Взаимныя неудовольствія между

членами семейства по случаю безсмысленнаго или недобросовѣстнаго расточенія однимъ или нѣкоторыми изъ нихъ средствъ, поддерживающихъ матеріальное существованіе и бытъ семьи, не устраняются ссылкою на законъ, въ силу котораго за каждымъ изъ членовъ семейнаго союза признается безусловное право распоряжаться своею личною собственностью. Справедливое сѣтованіе, не находя удовлетворенія въ законѣ, только усиливаетъ взаимные упреки, разладъ и вражду въ семьѣ, о святости и охраненіи которой мы любимъ говорить такъ много и краснорѣчиво.

III.

Такимъ образомъ, наши постановленія о первичной, основной, непосредственной клѣточкѣ правильнаго человѣческаго общежитія, имѣющія, по мысли, цѣлью поддержать ее и упрочить, на самомъ дѣлѣ ее ослабляютъ и разрушаютъ и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи. Человѣкъ въ семьѣ приготовляется къ общественной жизни и дѣятельности; въ семьѣ онъ запасается нравственными силами для борьбы съ житейскими невзгодами; у насъ же онъ выходитъ изъ семьи въ общественную жизнь разслабленнымъ, искалѣченнымъ, шатающимся на всѣ стороны, безъ всякой нравственной сдержки и упругости. А отъ чего? Оттого, что у насъ семья не крѣпка и при нашемъ законодательствѣ не можетъ быть крѣпкой. Дѣйствительную семью мы принесли въ жертву воображаемой, фиктивной, юридической; самаго деликатнаго, тонкаго, чувствительнаго изъ всѣхъ общественныхъ явленій, мы неосторожно касаемся грубыми юридическими формулами, то во имя индивидуальной правоспособности и самостоятельности, то во имя политическихъ, національныхъ и вѣроисповѣдныхъ цѣлей, которыя преслѣдуемъ. Но полная юридическая самостоятельность членовъ семьи, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, есть такая же иллюзія, какъ безусловная свобода въ организованномъ общежитіи; преслѣдованіе же, посредствомъ семьи, посторонихъ ей цѣлей, ведетъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тому, что имѣлось въ виду. Въ семьѣ и посредствомъ семьи, предоставленной ея собственному, естественному развитію и росту, сглаживаются и умѣ-

ряются политическія, національныя [illegible]
ныя и вѣроисповѣдныя противоположности
вражды несравненно успѣшнѣе, [illegible]
собленіемъ враждебныхъ элементовъ
запрещеніе или затрудненіе брак[illegible]
ніе, въ томъ или другомъ случаѣ,
изъ этихъ элементовъ на другой,
ствомъ семьи, умѣрится и [illegible]
въ другихъ случаяхъ, вліяніемъ [illegible]
же семейный союзъ, въ противо[illegible]
смыслѣ, и черезъ одно, два поколѣ[illegible]
исходитъ, при помощи семьи и [illegible]
ей, сближеніе тамъ, гдѣ, безъ ея по[illegible]
удерживалось бы непримиримое от[illegible]
Семья есть огромная и благотвор[illegible]
ственная сила, когда она сильно пост[illegible]
и источникъ общественнаго пер[illegible]
тамъ, гдѣ надъ нею мудрить не [illegible]
Семью нельзя сочинить, она скла[illegible]
растетъ сама; законъ не можетъ [illegible]
извести, онъ можетъ только рег[illegible]
внѣшнія и притомъ самыя грубы[illegible]
отклоненія семейнаго быта отъ [illegible]
ныхъ, для всѣхъ и каждаго, услов[illegible]
наго человѣческаго общежитія. За[illegible]
ніемъ такихъ случаевъ, всякое вто[illegible]
конодательства въ кругъ семейна[illegible]
въ свободу семейственныхъ отно[illegible]
цѣлью подвести ихъ подъ извѣстн[illegible]
ческія рамки, можетъ дѣйствова[illegible]
растлѣвающимъ образомъ на семью[illegible]
нее и на весь общественный быт[illegible]

IV.

Изъ сказаннаго видно, въ чем[illegible]
чаются существенные недостатки [illegible]
щаго нашего законодательства о [illegible]
союзѣ и въ какомъ направленіи [illegible]
преобразованіе законоположеній [illegible]
Что касается личныхъ отношен[illegible]
членами семейства, то всѣ ихъ м[illegible]
опредѣленія и всякія ограниченія [illegible]
правъ въ семейномъ союзѣ должны [illegible]
суловно вычеркнуты изъ закона, [illegible]
сняющія свободный ростъ семьи и [illegible]
поводъ къ важнымъ злоупотребле[illegible]
щихъ законовъ, ограждающихъ [illegible]
прикосновенность всѣхъ и каждаг[illegible]
шенно достаточно и для охраненія [illegible]
бныхъ нарушеній личныхъ правъ [illegible]
членовъ семейства; болѣе же то[illegible]
неуловимыя для закона, не могутъ [illegible]

ковеннаго суда. На основаніи
закона, всѣ совершеннолѣтніе
должны пользоваться одинако-
вою самостоятельностью, не
распоряженіи имуществомъ, но и
своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ;
тся малолѣтнихъ и несовершен-
леновъ семьи, то опека и попе-
падъ ними родителей, родныхъ
ребуютъ особеннаго ближайшаго
къ онъ можетъ быть устроенъ,
удетъ сказано ниже.

же опредѣленіе личнаго состава
ю быть освобождено отъ искус-
преградъ, которыя, стѣсняя дѣя-
семью и замѣшля ее юридиче-
ной, главнымъ образомъ и про-
стройство въ нашемъ семейномъ
исповѣдныя, политическія и со-
пятствія ко вступленію въ бракъ
ленію должны быть устранены.
браковъ по причинѣ родства,
духовнаго, и свойства, должны
ны въ законѣ, въ границахъ,
ъ уже теперь практикой въ видѣ
особенному разрѣшенію: отно-
конныхъ поводовъ къ расторже-
необходимо и справедливо было
вить силу и дѣйствіе каноничес-
къ, болѣе мягкихъ и человѣч-
законъ свѣтскій; вмѣстѣ съ тѣмъ,
отмѣнены и всѣ постановленія,
ія, замедляющія, часто дѣлающія
невозможными расторженіе брака
въ новый, даже когда это дозв-
ломъ; съ отмѣною вѣроисповѣд-
ченій для вступленія въ бракъ,
рядомъ съ церковнымъ вѣнча-
овить для всѣхъ, какъ уже это
раскольниковъ гражданскую
ченія брака, предоставя брачу-
ихъ ближайшему усмотрѣнію и
соглашенію, вступить въ бракъ
церкви или по свѣтскимъ по-
къ; наконецъ, необходимо отмѣ-
е законы, безпощадно и безпо-
сѣкающіе незаконнорожденныхъ
го союза, и возвратить силу бо-
лизнымъ и кроткимъ правиламъ и
режняго времени, какъ относи-
шенія незаконнорожденныхъ, такъ
ія постороннихъ.

енныя отношенія вообще легче,
, поддаются юридическимъ опре-
дѣленіямъ: но при семейномъ общежитель-
ствѣ и при обусловленныхъ имъ взаимныхъ
личныхъ отношеніяхъ между членами семей-
ства, опредѣлить ихъ съ такою же точностью,
какъ между посторонними другъ другу ли-
цами, едва-ли возможно, во всякомъ случаѣ
далеко не такъ легко, какъ можетъ казаться
съ перваго взгляда. Къ тому же, какъ за-
мѣчено выше, семейный бытъ вноситъ въ
имущественныя права членовъ семьи осо-
бенныя условія, на которыя наше законо-
дательство, ко вреду семейнаго союза, не
обращаетъ никакого вниманія. Право безу-
словной свободы членовъ семейства распо-
ряжаться своимъ имуществомъ находится въ
рѣзкомъ противорѣчіи съ лежащими на нихъ
обязанностями, выполненіе которыхъ пред-
полагаетъ матеріальныя средства. Необхо-
димо ограничить это право,—но какъ? Са-
мымъ естественнымъ и разумнымъ казалось бы
поставить имущественныя распоряженія чле-
новъ семьи, съ извѣстными оговорками и въ
извѣстной мѣрѣ, подъ контроль учрежденія,
которое, состоя въ живой связи съ данной
семьей, съ ея бытомъ и интересами, было бы
въ состояніи добросовѣстно и безпристрастно
взвѣсить и оцѣнить, въ какой мѣрѣ полезно
или необходимо, въ томъ или другомъ част-
номъ случаѣ, ограничить право распоряженія
имуществомъ того или другого члена семей-
ства. Такимъ учрежденіемъ могъ бы быть
семейный совѣтъ, составленный изъ совер-
шеннолѣтнихъ членовъ семьи, ея ближай-
шихъ родственниковъ и свойственниковъ,
а также постороннихъ лицъ, близкихъ къ
семейству, при участіи органа публичной
власти, судебной или административной. Та-
кому совѣту можно было бы предоставить
право ограничивать извѣстными предѣлами
членовъ семьи въ распоряженіи ихъ имуще-
ствомъ, а также разсматривать, въ качествѣ
примирителя и третейскаго судьи, взаимныя
неудовольствія и претензіи членовъ семьи,
личныя и по имуществу, не подлежащія обя-
зательно уголовному преслѣдованію.

Таковы, какъ мы думаемъ, потребности,
которымъ русское гражданское уложеніе
должно удовлетворить. Указывая ихъ, мы,
въ настоящей статьѣ, конечно, могли только
намѣтить общую мысль, общее направленіе
желательныхъ реформъ дѣйствующаго на-
шего законодательства о семейномъ союзѣ
и семейныхъ отношеніяхъ.

V.

Такой же коренной передѣлкѣ, какъ постановленія о семейномъ союзѣ, подлежатъ и законы о наслѣдованіи. Не останавливаясь на подробностяхъ, относящихся исключительно къ юридической сторонѣ дѣла или редакціи, разсмотримъ начала, положенныя въ основаніе этого отдѣла нашихъ гражданскихъ законовъ.

Съ этой точки зрѣнія, прежде всего бросается въ глаза слѣдующая странность нашего гражданскаго законодательства: въ сводѣ гражданскихъ законовъ порядокъ наслѣдованія установленъ для всѣхъ безъ различія состояній, а по своей основной мысли и историческому происхожденію, онъ относится только къ владѣльческимъ классамъ, изъ которыхъ въ XVIII вѣкѣ сложилось дворянство. Это между прочимъ видно изъ того, что въ принятомъ у насъ порядкѣ наслѣдованія весьма важную роль играетъ различеніе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя. Право завѣщательнаго распоряженія относительно послѣднихъ ничѣмъ не ограничено, тогда какъ относительно родовыхъ имуществъ оно такъ стѣснено, что почти не оставляетъ мѣста для свободной дѣятельности владѣльца по распредѣленію имущества на случай смерти. Между тѣмъ, постановленія о наслѣдованіи, помѣщенныя въ первой части десятаго тома свода законовъ, примѣняются не только къ дворянскимъ родамъ, но и ко всѣмъ подданнымъ,—почетнымъ гражданамъ, купцамъ, ремесленникамъ, мѣщанамъ разночинцамъ и даже крестьянамъ, для которыхъ различеніе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя не имѣетъ никакого смысла. Намъ, быть можетъ, возразятъ, что различеніе, когда-то дѣйствительно относившееся только къ дворянству, распространено на всѣхъ по соображеніямъ практическимъ, именно съ цѣлью обезпечить за потомствомъ и удержать въ родѣ имущество, нажитое не тѣмъ, кто оставляетъ наслѣдство, а его предками. Владѣлецъ такого имущества, какъ иные думаютъ, не имѣетъ, строго говоря, права также свободно имъ распоряжаться, какъ тѣмъ имѣніемъ, которое нажилъ самъ. Но если такое намѣреніе закона и можно признать благимъ и справедливымъ, то оно, при неправильной постановкѣ у насъ понятія о родовомъ и не-родовомъ, не осуществляется. Родовое имущество, совсѣмъ не родовое, а семейное благопріобрѣтенное имѣніе, перед однажды, въ порядкѣ законнаго на нія, отъ одного лица къ другому новится родовымъ. Кромѣ того, родо щество, правда, не можетъ быть или завѣщано чужеродцу, но оно быть продано, и полученную отъ сумму продавецъ можетъ употребить ему угодно. Какое же оно пред обезпеченіе семьи и рода? Скажут выкупа проданныхъ родовыхъ членами рода есть коррективъ продажи: но, во-первыхъ, малолѣт продавца этимъ правомъ не по чѣмъ предполагаемый существен смыслъ—обезпечить унаслѣдованное ство за семействомъ уничтожается: рыхъ, право выкупа проданнаго имущества нисколько не служитъ ріальнаго обезпеченія даже рода, выкупъ совершается не на деньги, ная продажею родоваго имущест другія денежныя средства, прин выкупающему или занятыя имъ. Б слѣдовательнѣе, въ этомъ отношен о наслѣдственныхъ заповѣдныхъ по этому закону, деньги, не только ныя отъ продажи имѣнія, когда она, исключенія, допускается, но и сум чаемыя по выкупнымъ актамъ и причисляются къ капиталамъ нас ныхъ заповѣдныхъ имѣній и не мо употреблены по усмотрѣнію. Наслѣд заповѣдныя имѣнія, какъ они у нас лены въ законѣ, дѣйствительно жать роду и состоять лишь въ номъ владѣніи и пользованіи одного членовъ; а такъ называемыя родо щества представляютъ, по идеѣ, тонической пополэновенія къ по родовыхъ понятій, на дѣлѣ же не какъ безполезное, ни къ чему не никого не обезпечивающее стѣс ственниковъ въ распоряженіи их ствомъ.

Странность и несообразность слѣдственнаго права однимъ этим ничивается. Весь нашъ порядокъ ванія по закону, отъ начала до причудливая амальгама обломковъ историческихъ періодовъ, не исклю

обломковъ, потерявшихъ въ тепе-
воемъ отрывочномъ и окостенѣ-
вѣсякое живое значеніе и кое-какъ
ыхъ другъ къ другу съ практиче-
о примѣненія. Напрасно стали бы
въ этой пестрой смѣси разнород-
ріяла послѣдовательно проведен-
дическихъ началъ. Было время,
дество не считалось личною при-
тью того или другого члена семьи,
ло, вмѣстѣ съ жильемъ или оча-
Кладаніе людей, которые замѣняли
ихъ обитателей. Это правило пе-
въ сохранившееся у насъ до сихъ
ставленіе о личномъ преемствѣ
въ послѣ умершаго, — преемствѣ,
тораго наслѣдникъ, заступая мѣ-
ого и какъ бы продолжая его лицо,
лачивать всѣ его долги и испол-
ко обязательства, хотя бы и не
ъ послѣ него никакого имущества.
поръ какъ наслѣдство получило
лько имущества, оставшагося послѣ
сюду установилось правиломъ, что
отвѣчаетъ за умершаго только
полученнаго послѣ него имуще-
насъ это правило, перешедшее
законы объ обязательствахъ иму-
го характера, не принято въ за-
слѣдованіи. Далѣе: было время,
ри, какъ непрочные члены семьи,
енные къ выдачѣ въ замужество
семьи съ приданымъ, не получали
слѣдствѣ. Это правило и до сихъ
калось въ сводѣ, въ примѣненіи
ванію боковыхъ родственниковъ
Въ XVII вѣкѣ, когда развилось
право, правило это удержалось въ
очерямъ при сыновьяхъ и мате-
дѣтяхъ назначалась—первымъ въ
послѣднимъ на прожитокъ,—из-
ія изъ помѣстья умершаго отца
Приданыя и прожиточныя по-
вались во владѣніи и пользова-
и вдовъ до ихъ смерти или по-
ъ монастырь, а въ случаѣ выхода
замужъ, записывались за ихъ мужь-
обращались къ ихъ первоначаль-
ченію давать средства для отправ-
бы, отъ котораго они временно
въ видахъ обезпеченія жонъ и
жилыхъ людей. Эти правила по-
рава, имѣвшія въ немъ свои весьма
предѣленные смыслъ, кранне не-
искусно перенесены въ вотчинное право, когда помѣстья, въ XVIII вѣкѣ, объявлены личною собственностью дворянъ. Изъ этого вышла безсмыслица и путаница. Вдовы и дочери получаютъ „на указную часть" (терминъ вполнѣ понятный въ помѣстномъ правѣ и совершенно непонятный по обращеніи помѣстій въ вотчины) ту же самую долю наслѣдства, какая имъ назначалась изъ помѣстьевъ ихъ умершихъ мужей и отцовъ, но не во временное владѣніе, а въ собственность, чѣмъ установленъ, безъ всякой надобности, особый видъ наслѣдованія, составляющій, въ вотчинномъ правѣ, совершенно непонятное изъятіе изъ общаго порядка наслѣдованія. Благодаря этому изъятію, доли дочерей, не наслѣдовавшихъ при братьяхъ, могли, въ извѣстныхъ случаяхъ, превышать доли настоящихъ наслѣдниковъ, т.-е. сыновей, вопреки справедливости и здравому смыслу; вслѣдствіе того пришлось постановить, что въ такомъ случаѣ доли братьевъ и сестеръ должны быть равны. Такимъ образомъ допущено, въ видѣ изъятія, по отношенію только къ дѣтямъ умершаго, то, что должно бы, при вотчинномъ правѣ, составлять общее правило, и съ очевидною несправедливостью не распространено на боковыя линіи, въ которыхъ, по прежнему, сестры при живыхъ братьяхъ исключаются изъ наслѣдства. При помѣстномъ правѣ было, въ этомъ отношеніи, принято одно общее начало, которое и выдержано съ полною послѣдовательностью: дочери, и въ нисходящей и въ боковыхъ линіяхъ, были лишены права наслѣдовать; помѣстье, назначаемое имъ, въ опредѣленномъ по закону размѣрѣ, во временное владѣніе, переходило къ нимъ не въ видѣ наслѣдства; помѣстья не передавались въ боковыя линіи, потому что вдовы и дѣвицы были уже прежде обезпечены приданными или прожиточными помѣстьями изъ помѣстныхъ окладовъ ихъ умершихъ отцовъ и мужей. Переходъ же вотчинъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, по началамъ помѣстнаго права, создалъ рядъ ничѣмъ не объяснимыхъ непослѣдовательностей.

Сказаннымъ не ограничивается запутанность, происшедшая отъ примѣненія къ вотчинному праву началъ помѣстнаго. Прожиточное помѣстье давалось вдовѣ и, понятно, не могло даваться вдовцу, которыя имѣлъ свой помѣстный окладъ и за которымъ записывалось, по вступленіи въ бракъ, приданое

и на прожиточное помѣстье его жены. Когда помѣстья обратились въ вотчины и прожиточныя и приданыя помѣстья, составлявшія „указную часть“ отцовскихъ и мужниныхъ помѣстій, стали сливаться, уже на вотчинномъ правѣ, въ безповоротную собственность вдовы и дочери, въ видѣ наслѣдственныхъ долей, возникъ вопросъ: отчего же, если жена наслѣдуетъ въ имѣніи умершаго мужа, мужъ не наслѣдуетъ въ имѣніи умершей жены? Не ломая себѣ долго головы, старинные дѣльцы уравняли мужей въ наслѣдственныхъ правахъ съ женами. Появилась „указная часть“ или доля мужа, опредѣляемая въ размѣрѣ и по началамъ помѣстнаго права!

Но и это еще не все. По греко-римскимъ законамъ наслѣдованія, жена получала, послѣ смерти мужа, четвертую часть изъ оставшагося послѣ его смерти движимаго имущества. И къ этому правилу примѣнены начала помѣстнаго и вотчиннаго права. По помѣстному праву, дочери давалась изъ помѣстья отца доля, въ полтовину менѣе противъ матери. По этому образцу опредѣлено выдѣлять изъ движимаго имущества умершаго отца и на долю дочери часть, но въ полтовину менѣе противъ матери; а чтобы сохранить равноправность мужа и жены по отношенію къ движимому имуществу, какъ она установлена для недвижимыхъ имѣній, принято за правило выдавать и мужу послѣ умершей жены четвертую часть оставшейся послѣ нея движимости.

Путаница началъ наслѣдственнаго права, произведшая отъ невѣжественнаго, безтолковаго смѣшенія правъ помѣстнаго, вотчиннаго, греко-римскихъ законовъ и смутныхъ воззрѣній уравнять имущественныя права мужа и жены, братьевъ и сестеръ, на этомъ не остановилась и все росла, по мѣрѣ новыхъ осложненій нашего быта и законодательства. Къ началу XVIII вѣка помѣстья и вотчины уже почти ничѣмъ не различались другъ отъ друга. Петръ Великій смѣшалъ ихъ совсѣмъ и ввелъ въ 1714 году единонаслѣдіе, въ тѣхъ и другихъ имѣній, предоставя, между прочимъ, бездѣтнымъ владѣльцамъ право передать по завѣщанію все имѣніе, въ нераздѣльномъ составѣ, одному изъ родственниковъ, по усмотрѣнію. Въ царствованіе Анны Ивановны законъ о единонаслѣдіи отмѣненъ, но изъ него, въ дѣйствующемъ законодательствѣ, непонятнымъ образомъ и въ противорѣчіи со всѣми другими началами наслѣдованія по закону и по завѣщ[а]нію право владѣльца, не имѣющаго [н]ис[х]одящей линіи, завѣщать [и]ше одному изъ своихъ родств[е]нныхъ линіяхъ.

Такой агломератъ разнородныхъ разрѣшалъ, съ трудомъ поколѣ[б]ая возникавшіе въ практикѣ случа[и] нія. Оставались невыясненными слѣдованія единоутробныхъ и сл[ѣ]д Къ нимъ примѣнены, на этотъ ра послѣдовательно, дѣйствующія по о порядкѣ наслѣдованія, при чем не сдѣлано даже попытки, хотя бы исключительномъ случаѣ, ввести законодательствомъ болѣе разумныя семенныхъ отношеніи болѣе соотв[ѣ]т начала наслѣдованія.

Нескладная штуковка разнородн[ы]х[ъ] слоеніи, черезъ которыя проходи[л] нѣйшихъ временъ, русскій быт[ъ] законодательство, посящая назва[ніе] наслѣдованія по закону, теперь имѣетъ съ другими отдѣлами сво[да] гражданскихъ, на разработку ко[то]рой коммиссіи. Члены ея, безъ вполнѣ сознаютъ совершенную не[об]ставить эту часть нашихъ гражд[ан]коновъ, представляющихъ памятн[икъ] несосмысленнаго отношенія къ [на]прошедшему, безъ коренной пер[е]нопросъ въ томъ: какія начала [по]основаніе новаго зданія нашего [на]шаго права?

Намъ представляется это дѣло [въ] щемъ видѣ.

Раздѣленіе имуществъ на благо[при]ныя и родовыя не имѣетъ никак[ого] ческаго значенія; оно, безъ всякой [по]и пользы кому бы то ни было, [ос]сляетъ собственниковъ въ распор[я]ществомъ. Поэтому, оно должно [от]куто изъ нашего законодательст[ва]это имѣетъ дѣйствительный смы[сл]дено послѣдовательно только въ [от]повѣдныхъ наслѣдственныхъ [от]сколько постѣпія признаются [не]по высшимъ соображеніямъ, нест[ол]выхъ имуществъ и можетъ сох[ра]примѣнени къ нимъ, въ томъ [ви]установлено закономъ.

Далѣе, для укрѣпленія семьи, [об]жденія и обезпеченія въ прав[ѣ] матеріальномъ отношеніи, надле[жа]

ономъ и властью семейнаго совѣта
завѣщательныхъ распоряженій, па-
для блага и пользы семьи необ-
затѣмъ, каждому должна быть
ена полная свобода распорядиться
ществомъ по своему усмотрѣнію,
изни, такъ и на случай смерти.
кого распоряженія не сдѣлано,
послѣ умершаго переходитъ въ
становленномъ въ законѣ. Но чѣмъ,
ся, долженъ руководиться законъ,
порядокъ наслѣдованія? Очевидно,
мою волю умершаго, съ одной
интересами общественными и го-
ыми съ другой. Замѣняя собою
аго, законъ естественно долженъ
ься съ тѣмъ, какъ бы вѣроятно
ся самъ умершій, если бы оста-
аніе. Правильность такого руко-
начала подкрѣпляется еще к тѣмъ
мъ, что часто, если не въ большин-
вѣ, умершій потому только и не
вѣщанія, что его воля совпадала
аленіями закона. Но, замѣняя волю
ица, законъ не можетъ и не дол-
ъ изъ виду, что наслѣдованіе есть
способовъ безвозмезднаго пріобрѣ-
ества; поэтому, призывая къ на-
слѣдуетъ, когда волю умершаго
ья, руководиться интересами и
щества и государства. И такъ,
леніи порядка наслѣдованія по
вде всего представляется слѣдую-
: если умершій не оставилъ за-
кому бы онъ могъ хотѣть оставить
ство? Всего естественнѣе предпо-
онъ бы оставилъ его ближай-
ему лицамъ, съ которыми прово-
, дѣлилъ радости и горе, съ ко-
ть связанъ, если не привязан-
юбовью, то по крайней мѣрѣ при-
воспоминаніями прожитаго вмѣстѣ.
ы его семейства: мужъ или жена,
ели: нѣсколько далѣе, но все еще
или менѣе живой и близкой съ
состоятъ внуки, дѣды и бабки,
тры, племянники и племянницы.
ѣснымъ кругомъ родства, связи
ровнымъ отношеніямъ, оказывают-
енно весьма слабыми, если только
ъ случайныя обстоятельства, не
прочемъ съ кровнымъ родствомъ
ато, не установятъ между родо-
ой и крѣпкой связи. Такимъ обра-
зомъ, наслѣдниками по закону могутъ быть лишь жена и ближайшіе родственники; это вполнѣ согласно и съ интересами общества и государства, ибо семья есть первичная ячейка, непосредственное основаніе организованнаго сожительства людей и потому ея поддержаніе, охраненіе и матеріальное обезпеченіе составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ его заботъ и попеченій. Что касается до дальнѣйшихъ развѣтвленій родства, то государство не заинтересовано въ поддержаніи связи между ними, такъ какъ въ ней не нуждается, и потому можетъ, безъ великаго ущерба для общественной пользы, предоставить ея скрѣпленіе или ослабленіе свободному развитію обычаевъ и нравовъ. Что государство не признаетъ за родственными связями, внѣ тѣсныхъ предѣловъ ближайшаго родства, общественнаго характера и значенія, видно изъ того, что поводами къ отводу судей, свидѣтелей и слѣдователей признаются лишь ближайшія степени родства и свойства; точно такъ же и совмѣстная служба запрещена только между близкими родственниками: на томъ же основаніи ограничены права присяжныхъ повѣренныхъ по вещевію исковъ и т. п. При такихъ условіяхъ, призваніе къ наслѣдованію послѣ умершаго, другими словами, дарованіе права безвозмезднаго пріобрѣтенія имущества, въ силу однѣхъ лишь родственныхъ связей, самымъ отдаленнымъ родственникамъ, безъ всякаго ограниченія, представляется странной аномаліей. Она тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что не объясняется даже преувеличеннымъ благоговѣніемъ передъ кровными связями, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы призвать къ наслѣдованію и свойственниковъ, а они отъ него закономъ устранены. Благодаря такой аномаліи, наслѣдованіе имущества послѣ дальнихъ родственниковъ, связь съ которыми опредѣляется одними родословными списками и архивными документами, имѣетъ почти значеніе лотерейнаго выигрыша, и огромныя богатства, падающія какъ снѣгъ на голову въ видѣ наслѣдства отъ родныхъ, съ которыми не только не было никакихъ отношеній, но которыхъ существованіе даже не подозрѣвалось, сдѣлались, по своей неожиданности и случайности, сюжетами водевилей. Тѣ, которые отстаиваютъ безусловное у насъ значеніе родства въ наслѣдованіи по закону указаніями на почтенную историческую древность такого учрежденія очень ошибаются

древніе памятники нашего законодательства, до Судебника Іоанна Грознаго включительно, не знаютъ этого учрежденія. Оно появилось и развилось позднѣе, лишь въ XVII вѣкѣ, и притомъ только въ примѣненіи къ служилымъ чинамъ, слившимся, въ XVIII вѣкѣ, въ дворянское состояніе или сословіе. Усиленіе родового начала съ XVII вѣка и тѣсно съ нимъ связанное обращеніе помѣстій въ вотчины объясняются политическими обстоятельствами Московскаго государства и Россійской имперіи въ концѣ XVI-го, въ XVII-мъ, и первой половинѣ XVIII вѣка. Возникшее и развившееся въ этотъ періодъ времени преобладаніе и господство дворянства внесли родовое начало, съ теперешнимъ его значеніемъ, и въ порядокъ наслѣдованія по закону; во всѣхъ прочихъ сословіяхъ русскаго народа это начало никогда не играло политической роли. Теперь, когда обстоятельства, со второй половины XVIII и въ теченіи XIX вѣка, существенно измѣнились, безусловное господство родового начала въ наслѣдованіи по закону является анахронизмомъ, и давно уже пора вычеркнуть это начало изъ дѣйствующаго законодательства.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ слѣдовало бы устроить наслѣдованіе по закону слѣдующимъ образомъ: предоставить право наслѣдованія только ближайшимъ къ умершему, а именно: 1) оставшемуся супругу, дѣтямъ и внукамъ; 2) родителямъ, братьямъ, сестрамъ, племянникамъ и племянницамъ, съ преимуществомъ полнородныхъ братьевъ и сестеръ и ихъ дѣтей передъ неполнородными; 3) дѣду и бабкѣ, роднымъ дядямъ и теткамъ. Прочіе родственники и свойственники не должны имѣть права наслѣдованія и, за недостаткомъ перечисленныхъ выше, наслѣдство должно переходить къ тому обществу или учрежденію, къ которому умершій принадлежалъ по рожденію, приписке, роду дѣятельности, общественному служенію. Наслѣдованіе обществъ и учрежденій, преимущественно передъ отдаленными родственниками, отвѣчало бы существу дѣла, дѣйствительнымъ интересамъ общества и государства и вѣроятнымъ желаніямъ умершаго, отъ воли котораго, съ указанными выше ея ограниченіями въ пользу оставшейся семьи, конечно, должно зависѣть распорядиться при жизни иначе, по своему усмотрѣнію.

VI.

Мы изложили нашъ взглядъ на [illegible] нія наши постановленія о семейст[illegible] и правѣ наслѣдованія и указали [illegible] начала желательныхъ преобразова[illegible] части нашего законодательства. Наши [illegible] ложенія, какъ видятъ читатели, [illegible] отъ всякихъ соціалистическихъ [illegible] нистическихъ увлеченій: напротивъ, [illegible] считаны на укрѣпленіе семейства и [illegible] ности. Несмотря на то, мы вовсе не [illegible] видѣть ихъ въ скоромъ времени осуще[illegible] ными, и заранѣе увѣрены, что если [illegible] кодификаціонная коммиссія признал[illegible] защищая нами мысли основательными [illegible] ными, то и въ такомъ случаѣ ей [illegible] удалось провести ихъ въ гражданс[illegible] женіе. Наше время крайне небла[illegible] для коренныхъ реформъ; такъ намъ [illegible] ней мѣрѣ кажется. Само собою ра[illegible] что мы первые искренно бы порад[illegible] если бы наши сомнѣнія не оправд[illegible] дѣлѣ.

Что касается до технической сторо[illegible] то дѣйствующія наши постановлени[illegible] щаніяхъ и о наслѣдовании по за[illegible] буютъ, и въ этомъ отношеніи, ко[illegible] улучшеній. Мы, напримѣръ, всегда [illegible] вали, почему, при совершеніи завѣщ[illegible] таріальнымъ порядкомъ, подлинны[illegible] щаніемъ признается не проектъ, [illegible] ленный завѣщателемъ, а текстъ нот[illegible] записки въ книгу? Казалось бы, то[illegible] вѣщатель написалъ или одобрилъ са[illegible] служитъ лучшимъ доказательствомъ [illegible] чѣмъ копія, не всегда грамотная, с[illegible] въ нотаріальной книгѣ и прочит[illegible] обыкновенно вѣрно и разсѣянно. [illegible] слѣдника платить долги того, наслѣ[illegible] наслѣдовалъ, и падающія на него [illegible] только въ размѣрѣ оставшагося [illegible] имущества (beneficium competentiae[illegible] но, и весьма справедливо, во всѣх[illegible] дательствахъ; только сюду законов[illegible] извѣстно. Между наслѣдствомъ и [illegible] легатомъ) у насъ не сдѣлано ника[illegible] личія, тогда какъ юридическій [illegible] теръ совершенно иной. Юридическ[illegible] ствія пропущенія сроковъ для пре[illegible] правъ на наслѣдство не опредѣле[illegible] статочною точностью; вопросъ об[illegible] оставшагося имущества во владѣ[illegible]

рые находятся налицо, и объ
въ этомъ случаѣ правъ отсут-
наслѣдниковъ—вовсе не разрабо-
ти и подобные имъ, весьма су-
недостатки нашего завѣщатель-
слѣдственнаго права, которыми
сводъ законовъ изобилуетъ, будутъ, безъ со-
мнѣнія, устранены кодификаціонной коммис-
сіей. Мы на нихъ не останавливаемся потому,
что не предвидимъ, относительно ихъ, серьез-
наго разномыслія и споровъ.

III.

рается, въ заключеніе, изложить
ображенія о правахъ по обяза-
и о способахъ удостовѣренія юри-
тношеній. Въ чемъ заключается
ысль этихъ учрежденій? Какіе
коренные недостатки въ дѣй-
о нихъ постановленіяхъ? Каковы
ть существенныя черты желае-
реобразованій въ проектируемомъ
ъ уложеніи? Вотъ вопросы, ко-
предстоитъ разсмотрѣть. Пач-
язательствъ.

I.

ьства составляютъ обширный, чрез-
ногосложный и разнообразный от-
ческихъ отношеній, не опредѣлив-
воемъ составѣ вполнѣ даже до на-
ни, несмотря на труды юристовъ
новаго міра, въ продолженіе мно-
ъ. Въ вещныхъ правахъ, при нѣ-
нимани, не трудно подмѣтить
аличіе между воззрѣніями рим-
новѣдовъ и новыхъ европейскихъ
ьствъ и юриспруденціи; что ка-
ательствъ, то это различіе пора-
ерваго же взгляда. Появленіе мно-
аго рода цѣнностей, неизвѣстныхъ
іру, многообразнѣйшихъ новыхъ
вслѣдствіе небывалаго развитія
хъ оборотовъ, промышленности,
кредита, развитіе общественности
государственною жизнью и суще-
ыя отношенія общества и госу-
частнымъ лицамъ,—все это измѣ-
я основанія, формы и значеніе
ъ до неузнаваемости. Уже рим-
вынуждены раздвинуть тѣсныя
рамки долгового обязательства, бывшаго когда-
то, въ первобытныя времена, единственнымъ
видомъ обязательныхъ отношеній, чтобы вмѣ-
стить въ него нарождавшіяся, по мѣрѣ раз-
витія гражданственности, новыя обязатель-
ныя отношенія между людьми. Но придуман-
ныхъ ими широкихъ толкованій и искусствен-
ныхъ пристроекъ оказалось для этого мало,
пришлось всю римскую систему обязательствъ
перестроить за ново. Надъ этой задачей наука
трудится пока безуспѣшно, не умѣя вполнѣ
отрѣшиться отъ римскихъ схемъ, недостаточность которыхъ становится убѣдительнѣе
и очевиднѣе съ каждымъ шагомъ впередъ
въ наукѣ и жизни.

Попытаемся выяснить общія начала, къ
которымъ сводятся всѣ обязательства, и на
основаніи этихъ началъ, создать научную си-
стему, обнимающую всѣ виды обязательныхъ
отношеній. Этимъ существенно облегчится
ихъ общій обзоръ и подробное изученіе.

II.

Подъ обязательствами разумѣются юриди-
ческія отношенія имущественнаго характера,
существующія въ устроенномъ обществѣ, не
между всѣми вообще людьми, а только между
извѣстными опредѣленными лицами. Имѣя
предметомъ однѣ стоимости или цѣнности,
обязательства, относящіяся къ отдѣлу иму-
щественныхъ правъ, отличаются этимъ при-
знакомъ отъ сходныхъ съ ними отношеній
нравственныхъ, государственныхъ, обще-
ственныхъ, сословныхъ, семейныхъ и т. п.,
и находятся въ ближайшей связи съ
экономическимъ бытомъ народа, а именно:
они служатъ какъ бы посредниками при об-
мѣнѣ между людьми стоимостей или цѣнно-

слей и личныхъ услугъ, и выражаютъ собою сознательную и правомѣрную сторону человѣческихъ отношеній при такомъ обмѣнѣ.

Но мы уже видѣли, что и вещныя права, подобно обязательствамъ, суть тоже юридическія отношенія имущественнаго свойства. Чѣмъ же различаются тѣ и другія другъ отъ друга?

Такихъ различій, и весьма характерныхъ, два.

Во-первыхъ, права и отношенія вещныя пріурочены къ вещамъ или внѣшнимъ предметамъ, и имѣнѣ съ ними переходятъ отъ одного лица къ другому: обязательства же установляютъ только юридическія отношенія между извѣстными лицами, пріурочены къ личности, а не ко внѣшнему предмету. Оттого у всѣхъ народовъ первоначально обязательства прекращались со смертью лица, и передача ихъ была невозможна, хотя бы по взаимному соглашенію заинтересованныхъ лицъ. Мы находимъ воспоминанія объ этомъ въ римскомъ правѣ, сохранившемъ живые слѣды различныхъ эпохъ своего развитія, въ ученіи о передачѣ правъ (cessio), которая была допущена сперва при помощи различныхъ юридическихъ фикцій.

Но впослѣдствіи этотъ, исключительно, безусловно личный характеръ обязательствъ, мало-по-малу, значительно измѣнился. Была допущена не только ихъ передача по взаимному соглашенію, но и переуступка ихъ по волѣ одной изъ сторонъ, безъ согласія и спроса другой; наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, переходъ обязательствъ установленъ закономъ, даже безъ всякаго участія заинтересованныхъ сторонъ. Причина такого кореннаго перерожденія личнаго характера обязательствъ лежитъ въ имущественномъ характерѣ обязательныхъ отношеній. Онъ-то и придалъ имъ черту, которой они сначала вовсе не имѣли.

Мы сказали, что обязательства служатъ посредниками при обмѣнѣ цѣнностей и услугъ, имѣющихъ матеріальную стоимость. Значитъ, въ концѣ концовъ, матеріальный интересъ, а не личное отношеніе, составляетъ главную цѣль, главное содержаніе и задачу обязательствъ. А разъ это такъ, центръ тяжести обязательныхъ отношеній естественно долженъ былъ, рано или поздно, перенестись въ матеріальный интересъ, и послѣдній, а не личная сторона отношенія, долженъ былъ опредѣлить судьбу обязательства. Такъ мы дѣйствительно и видимъ во всѣхъ обязательныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ личность того или другой стороны не играетъ почти никакой роли. Если обязательство состоитъ въ исполненіи дѣйствія, которое различно можетъ совершить всякій, то личный его характеръ отступаетъ на задній планъ передъ имущественною стороною. По этомъ основаніи, кто наслѣдовалъ послѣдняго въ имуществѣ, тотъ и платитъ его долги, даже денежные штрафы, къ которымъ умершій былъ окончательно приговоренъ при жизни; на этомъ же основаніи, кредитору предоставляется право передать свое право другому, не спрашиваясь у должника. Такъ, учитель, уплатившій за другого, вступаетъ въ права кредитора, котораго удовлетворилъ, и т. п. Отрѣшаясь такимъ образомъ все болѣе и болѣе отъ лицъ, нѣкоторые виды обязательствъ превращаются, благодаря ихъ имущественному характеру, въ имущества особаго рода, свободно переходящія подобно вещамъ, отъ одного лица другому, безразличія кредиторовъ и должниковъ. Таковы векселя, бумажныя деньги, кредитныя бумаги, купоны и т. п.

Но если многія обязательства, такъ сказать, притягиваются къ себѣ имущества и чрезъ то изъ личныхъ юридическихъ отношеній становятся какъ бы реальными имущественными, то надо бы думать, что они переходятъ затѣмъ въ вещныя права, которыя тоже пріурочены къ вещамъ и переходятъ съ ними переходятъ отъ однихъ къ другимъ. Но это на самомъ дѣлѣ не такъ. Обязательства, даже наиболѣе сильно запятнѣнныя имущественнымъ характеромъ, сохраняютъ однако свойство личныхъ отношеній. Происходитъ это вслѣдствіе того, что вещныя права непосредственно пріурочены къ извѣстнымъ опредѣленнымъ предметамъ или вещамъ, имѣющимъ, каждый, свои индивидуальные признаки, тогда какъ обязательства переходятъ отъ одного лица къ другому вмѣстѣ съ переходомъ имущества, цѣлаго вообще, а не тѣхъ или другихъ вещей, предметовъ въ особенности.

Во-вторыхъ, такъ какъ обязательства остаются юридическими отношеніями между извѣстными лицами, хотя бы личное отношеніе играла въ нихъ почти никакой роли, то они ограждаются или защищаются личнымъ искомъ, направленнымъ только противъ того, съ кѣмъ отношеніе по обязательству

ипротивъ, вещныя права, непосред-
носящіяся къ извѣстному пред-
щаются искомъ вещнымъ, которы
ть предъявленъ противъ всякаго,
ваетъ себѣ право на тотъ же

III.

вое раздѣленіе всѣхъ юридиче-
ошеній на публичныя и приватныя
ъ безъ вреднаго вліянія на ученіе
ѣйствахъ. Ихъ стараются свести
рамъ или сдѣлкамъ между частными
бывая, что еще римскіе юристы,
ли различенія права на публичное
ое, сами нимало имъ не стѣня-
а наталкивались на юридическія
имѣющія всѣ свойства обяза-
но не подходившія подъ теорію.
ые вѣрнымъ и тонкимъ чутьемъ
ьности, римскіе юристы, мало-по-
очили въ систему обязательствъ всѣ
ія отношенія между извѣстными,
ными лицами, каковы бы эти лица
и какимъ бы образомъ отношенія
или, когда предметъ ихъ состав-
ріальный интересъ, заключалъ въ
ду или выгоду вещественнаго ха-
Вмѣсто того, чтобы подражать въ
ескимъ законовѣдамъ, мы пренебре-
ими предвзятой теоріи, живыми
перекраиваемъ по ней дѣйстви-
изнь, не обращая вниманія на то,
менно иная постановка обществен-
публичнаго элемента въ современ-
дарствахъ во очію опровергаетъ
, понятную у римлянъ и несостоя-
ъ наше время.

ъ характернѣйшихъ особенностей
ыхъ европейскихъ государствъ за-
въ томъ, что въ нихъ публичная
носится, какъ было въ древнемъ
средніе вѣка, поверхъ общества,
преимущественно его внѣшними
только самыми крупными, выдаю-
леніями общественной жизни. По
какъ быть и жизнь народовъ раз-
и отношенія становились сложнѣе,
власть, все болѣе и болѣе, вступ
ежедневныя будничныя отношенія
видѣ посредника, съ цѣлью регу-
ихъ въ интересахъ государства и
пользы всѣхъ и каждаго. Вслѣд-
ствіе того, самый бытъ народовъ измѣнился существеннымъ, коренным образомъ. Прежде можно было говорить о приватныхъ отношеніяхъ, совершенно свободныхъ отъ дѣйствія публичнаго элемента; теперь послѣдній проникъ вездѣ и всюду, во всѣ самые тайные закоулки приватной жизни. Публичный и приватный элементы переплелись и смѣшались между собою такъ, что отдѣлить и обособить ихъ другъ отъ друга нѣтъ никакой возможности. А это создало безчисленное множество обязательствъ съ имущественнымъ характеромъ, которыя прежде вовсе не существовали, а теперь возникли помимо воли людей, силою закона, въ удовлетвореніе различныхъ потребностей правильно организованнаго сожительства. Такія обязательства были уже извѣстны и римскимъ юристамъ: въ видѣ примѣра укажемъ на обязательства между опекуномъ и состоящимъ подъ опекою. Въ новыхъ государствахъ число такихъ отношеній увеличилось въ тысячу кратъ и все продолжаетъ расти. Стоитъ только вспомнить, сколько вмѣшательство публичной власти въ ежедневный бытъ создало новыхъ ея органовъ, сколько появилось небывалыхъ прежде видовъ сборовъ и повинностей, неизвѣстныхъ прежде способовъ установленія общественныхъ порядковъ, огражденія ихъ отъ нарушенія, возстановленія и взысканія въ случаѣ нарушенія.

Говорятъ: такія отношенія, хотя и имущественнаго характера и очень похожи на обязательства, не должны входить въ систему обязательствъ. Почему же однако? На это удовлетворительнаго отвѣта никто не даетъ. Ссылаются на римское право, которое, какъ не трудно доказать, представляетъ не одинъ примѣръ включенія такихъ отношеній въ систему обязательствъ, а именно: въ отдѣлъ обязательствъ, возникающихъ изъ нарушенія, въ отдѣлахъ quasi-contractus, quasi-delicta и variae causarum figurae. Полагаютъ далѣе, что для удобства ознакомленія съ законами по той или другой отрасли администраціи лучше не переносить такихъ обязательствъ въ систему обязательныхъ отношеній. Можетъ быть, это и справедливо: по рѣчи идетъ не объ удобствахъ изложенія или изученія законовъ, а о правильности послѣдовательности и полнотѣ системы. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, въ какую книгу или раздѣлъ свода или уложенія включить то или другое обязательство; необходимо, чтобы всѣ однород-

ныя обязательства опредѣлялись одинаковыми началами, между тѣмъ, именно этого-то и нѣтъ, вслѣдствіе ошибочной мысли, будто между обязательствами, о которыхъ идетъ рѣчь, и тѣми, которыя включены въ систему гражданскихъ законовъ, нѣтъ ничего общаго, а потому нѣтъ и надобности подводить ихъ подъ одни и тѣже общія начала. Благодаря такому взгляду, каждое управленіе и вѣдомство устраиваетъ относящіяся къ нему обязательства по своему, вовсе не заботясь о томъ, согласуются или не согласуются они съ общими принципами обязательныхъ отношеній, и въ законодательствѣ водворяется, безъ всякой нужды, прискорбное и вредное разнообразіе.

IV.

Одна изъ важныхъ ошибокъ, мѣшающихъ правильному пониманію обязательствъ и различныхъ формъ обязательныхъ отношеній, состоитъ также въ невѣрномъ взглядѣ на товарищество, общество (въ специфическомъ смыслѣ) или артель. По примѣру римскихъ юристовъ и съ ихъ голоса мы видимъ въ товариществѣ или обществѣ лишь особый видъ обязательствъ и не задумываясь ставимъ его наряду съ куплей-продажей, наймомъ, дареніемъ и т. п. На самомъ же дѣлѣ, при нѣкоторомъ вниманіи, не трудно замѣтить, что названныя формы обязательствъ несоизмѣримы съ обществами, артелями, товариществами, и не имѣютъ съ ними ничего общаго. Купля-продажа, наемъ, дареніе, заемъ, ссуда, поклажа и проч., представляютъ юридическое отношеніе, въ которомъ участвуютъ двѣ стороны, причемъ или только одна имѣетъ право требовать исполненія, а другая обязана исполнить, или обѣ имѣютъ и право требовать и обязанность исполнить требованіе. Совсѣмъ другое—общество, товарищество или артель: въ нихъ лица, связанныя между собою или договоромъ, или закономъ, или общимъ правомъ на какое-нибудь имущество, представляютъ для посторонняхъ одно юридическое лицо, а между собою не распадаются на стороны: каждый изъ нихъ есть членъ юридическаго лица, имѣющія, по отношенію къ нему, свои права и обязанности и, въ опредѣленныхъ случаяхъ, долженъ подчиниться рѣшенію этого юридическаго лица, рѣшенію, которое почти всегда выражается большинствомъ голосовъ чле-

новъ, т.-е. лицъ, входящихъ в
Обязательства такого рода состав
что среднее между договорными
отдѣльныхъ лицъ и организова
вѣческимъ общежитіемъ. Смотря
для которой люди соединяются в
товарищества или артели, обяз
установляемыя между ними и к
также разнообразны, какъ и
тельства. Совладѣльцы имуществ
его между собою, совладѣльцы, со
полюбовную сказку о черезполос
жеваніи, служащіе одного вѣдо
зующіе вычетами изъ своего жало
дочный капиталъ для выдачи умер
имъ сослуживцамъ, домовладѣльцы
шіеся въ общество взаимнаго
своихъ домовъ и т. п. — все эти
внутри которыхъ установляются
обязательства, какія, въ другихъ
ныхъ отношеніяхъ, существуютъ м
самостоятельными сторонами въ
стороннемъ обязательствѣ. Зам
особенность обществъ, товарище
лей въ томъ и состоитъ, что они
ляются, въ одно и тоже время, в
дахъ: по отношенію къ посторонним
не принадлежащимъ къ ихъ с
суть самостоятельныя юридиче
которыя могутъ находиться съ ни
зательствахъ, но могутъ и не с
отношенію же къ своимъ сочленам
суть юридическія лица, находящія
въ извѣстныхъ юридическихъ о
или обязательствахъ. Послѣднія, в
дѣли, могутъ быть очень разнооб
различаются отъ обязательствъ,
щихъ между двумя самостоятель
нами. Смотря по тому, каковы эти
ства, общества, товарищества
различаются между собою, поч
не впадая въ большую ошибку,
ихъ въ одну кучу, подъ однимъ
лваніемъ, какъ это обыкновенно

V.

Между разными видами юридич
шеній имущественнаго свойс
чаются также и такія, которыя о
своей юридической формы пер
ваютъ недоумѣніе. Къ нимъ пр
дареніе, порученіе, вексель, nego

обенность ихъ заключается въ томъ,
ъ двухсторонних обязательствахъ,
же какъ и въ обязательствахъ ме-
ами товариществъ и самими това-
ми, существуетъ или предполагается
ая связь, во имя и на основаніи
требованіе одной стороны испол-
угою, постановленіе общества обя-
для его членовъ. Въ обязатель-
имущественнымъ характеромъ, уста-
ъ закономъ или правительствен-
споряженіями, такая юридическая
ѣдѣляется условіями общественной
арственной жизни, требованія ко-
ражаются публичною властью. Но
енныхъ выше формахъ обязатель-
ошеній, ни той ни другой предпо-
ть. Въ нихъ мы видимъ лишь изъ-
оли или требованіе одного лица,
мое другимъ самостоятельнымъ ли-
отсутствіи тѣхъ условій, которыя
исполненіе требованія обязатель-
ли, несмотря на то, дареніе, век-
ученіе, negotiorum gestio, причи-
къ обязательствамъ, то очевидно,
ѣдція могутъ возникать и помимо
вующей сдѣлки или требованій за-
публичной власти. Какъ же это
? Вникнувъ ближе въ перечислен-
ательства, мы найдемъ, что въ нихъ
соглашеніе не предшествуетъ обя-
у, а наступаетъ позднѣе, и оно-то
предшествующимъ односторонним
ъ и изъявленіямъ воли обязатель-
ктеръ. Чтобы даръ или приношеніе
ствительны, они должны быть при-
нно также акцептація векселя пред-
ъ обязанности уплатить; если пору-
принято, оно недѣйствительно; что-
ное въ мою пользу безъ моей прось-
для меня обязательнымъ, надо, что-
пользовался сдѣланнымъ, или чтобы
твительно принесло мнѣ пользу, а
и т. д. Итакъ, во всѣхъ этихъ
одностороннее изъявленіе воли
становится обязательнымъ для дру-
ъ съ того времени, какъ послѣднее
на него свое согласіе словомъ или
А изъ этого слѣдуетъ, что обязатель-
го рода заключаютъ въ себѣ всѣ
признаки сдѣлокъ, основанныхъ на
ъ соглашеніи; отличаются же они
только тѣмъ, что обыкновенно до-
ключаются одновременнымъ изъяв-
леніемъ на нихъ согласія обѣихъ сторонъ,
въ приведенныхъ же случаяхъ согласіе на
обязательство выражается каждою изъ сто-
ронъ отдѣльно, независимо отъ другой, и какъ
бы представляетъ разрозненныя части одного
и того же обязательства. Когда я дѣлаю при-
ношеніе, дарю, поручаю, пишу вексель и т. п.,
и предполагаю, что тотъ, къ кому эти мои
дѣйствія относятся, будетъ согласенъ на уста-
новляемое мною обязательство. Если же онъ
не согласится или не воспользуется ими, то
обязательства и не возникаетъ.

VI.

Мы не упомянули выше, въ числѣ свое-
образныхъ обязательствъ, каковы дареніе,
порученіе, — о завѣщательныхъ распоряже-
ніяхъ и наслѣдованіи по закону, хотя и тотъ
и другой видъ наслѣдованія представляетъ
много общаго съ обязательствами. Завѣщаніе
есть тоже одностороннее изъявленіе воли
относительно имущества, какъ и дареніе, и
получаетъ обязательную силу для наслѣдника
только въ такомъ случаѣ, когда послѣдній
изъявитъ согласіе принять наслѣдство, на
основаніи условій, изложенныхъ въ завѣща-
ніи. Точно такой же характеръ имѣетъ и
наслѣдованіе по закону, съ тою только раз-
ницею, что мѣсто изъявленія воли заступаетъ
въ этомъ случаѣ предписаніе закона. Почему
же, однако, наслѣдованіе не считается обяза-
тельствомъ и не включается въ систему обя-
зательныхъ отношеній?

На это есть много причинъ. На основаніи
преданія, ведущихъ свое начало изъ древ-
нѣйшаго быта, наслѣдникъ считается про-
должателемъ или замѣстителемъ лица, послѣ
котораго ему досталось наслѣдство. Этотъ
взглядъ не подтверждается совокупностью дѣй-
ствующихъ теперь постановленій о наслѣдо-
ваніи, выдвинувшихъ на первый планъ иму-
щественное, а не личное преемство; со всѣмъ
тѣмъ, начало личнаго замѣстительства умер-
шаго, его наслѣдникомъ, удержинается до
сихъ поръ въ принципѣ и не допускаетъ со-
вершеннаго приравненія наслѣдованія къ
обязательству дареніе и другимъ видамъ обя-
зательствъ той же категоріи. Кромѣ того,
есть причина весьма существенная, юридиче-
ская, препятствующая признать наслѣдо-
ваніе за особый видъ обязательствъ названной
категоріи, а именно: дареніе, приноше-

ніе, порученіе, относятся къ извѣстнымъ опредѣленнымъ предметамъ или дѣйствіямъ; наслѣдованіе же обнимаетъ всю совокупность имуществъ и юридическихъ отношеній, оставшихся послѣ умершаго; нѣкоторыя изъ обязательствъ, въ которыхъ онъ состоялъ, именно чисто личныя, съ его смертью прекращаются; другія же, въ которыхъ выдающееся значеніе имѣетъ матеріальный интересъ, а не личное дѣйствіе, переходятъ, вмѣстѣ съ имуществомъ, къ наслѣднику. Такое всеобщее преемство въ правахъ и обязательствахъ, въ силу наслѣдованія, полагаетъ рѣзкое различіе между нимъ и обязательствомъ дарения, порученія, съ которыми оно, въ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ много общаго. Всеобщій характеръ наслѣдованія, въ силу котораго совершается переходъ отъ одного лица къ другому и всѣхъ вещныхъ правъ и всѣхъ правъ и обязанностей по обязательствамъ, не прекратившимся со смертью лица, указываетъ наслѣдованію особое, самостоятельное мѣсто въ системѣ имущественныхъ юридическихъ отношеній. Наслѣдованіе, по своему юридическому существу, есть явленіе весьма сложное, представляющее примѣненіе къ данному случаю—прекращенію существованія лица,—правилъ о переходѣ отъ одного лица къ другому всякаго рода имущественныхъ правъ и обязанностей, и потому не можетъ быть приурочено, въ особенности, ни къ правамъ вещнымъ ни къ правамъ по обязательствамъ.

VII.

Сказаннымъ выше очерчивается кругъ юридическихъ отношеній, которыя должны войти въ составъ обязательствъ имущественнаго свойства и занять особое мѣсто въ системѣ имущественнаго права, рядомъ съ правами вещными.

Какъ мы видѣли, взглядъ этотъ многими не раздѣляется. Вслѣдствіе ошибочной теоріи и ошибочнаго взгляда на римское право, понятіе объ обязательствѣ далеко еще не выяснено. Одними оно съуживается до размѣровъ договора, другими распространяется далеко за предѣлы имущественныхъ правъ и отношеній. Отсюда неопредѣленность, шаткость, расплывчатость ученія объ обязательствахъ. Изъ всѣхъ ученій такъ называемаго гражданскаго права, оно—самое недостаточное и самое колеблющееся. Тщетное желаніе выгородить изъ него публичные элементы и свести всѣ обязательства къ [illegible] отношеніямъ, вноситъ въ это уче[illegible] слѣдовательность, неполноту и проти[illegible] а ошибочный анализъ различныхъ [illegible] какія принимаютъ обязательныя от[illegible] въ дѣйствительной жизни отнимаетъ [illegible] возможность правильной классифи[illegible] строго систематическаго ихъ изложе[illegible] эти недостатки замѣчаются, болѣе или [illegible] во всѣхъ кодексахъ и безчисленны[illegible] ныхъ изслѣдованіяхъ обязательствъ. [illegible] ли гдѣ-либо они выступаютъ такъ [illegible] рельефно, какъ въ сводѣ гражданскихъ [illegible] нокъ.

VIII.

Начнемъ съ того что безчисленно[illegible] жество обязательствъ, которыя, по [illegible] системѣ свода, подлежали бы включ[illegible] гражданскіе законы, разсѣяны по всѣ[illegible] частямъ и ни однимъ словомъ не [illegible] паются въ законахъ гражданскихъ. [illegible] четвертая, посвященная обязательствамъ [illegible] ключаетъ въ себѣ лишь обязательства [illegible] говорамъ, но и то далеко не всѣ: то[illegible] говоры о мѣнѣ и куплѣ-продажѣ по[illegible] въ книгѣ третьей, а о залогѣ и зак[illegible] ворится только какъ о способахъ об[illegible] нія, а не какъ объ обязательствахъ; [illegible] тѣмъ, обезпеченіемъ служатъ не об[illegible] ства, которыми они установляются. [illegible] ное залоговое и закладное право, о ко[illegible] въ книгахъ второй и третьей, о в[illegible] вещныхъ, вовсе не упоминается. Об[illegible] стна о вознагражденіи ущерба и у[illegible] почему-то отнесены ко второй кн[illegible] главѣ второго раздѣла: „о обезпечен[illegible] воровъ и *обязательствъ вообще*", ка[illegible] намекаетъ, что кромѣ договоровъ ест[illegible] гія обязательства, а ихъ, какъ мы [illegible] великое множество; но этотъ намекъ [illegible] остался намекомъ, безъ всякаго разви[illegible] такой неполнотѣ, случайности и отры[illegible] содержанія отдѣла объ обязательствахъ [illegible] и ожидать правильной ихъ классифи[illegible] сводѣ; ея нѣтъ и слѣда. Раздѣлы [illegible] четвертый посвящены законамъ, опр[illegible] щимъ различные виды договоровъ,— [illegible] по имуществамъ, второй—личные. [illegible] раздѣла составляютъ особенную ча[illegible] зательствъ, какъ первые два, по на[illegible] должны были представить общія п[illegible] о договорахъ.

ѣніе, будто крайне неудовлетвори-
недостаточное изложеніе обяза-
ь сводѣ законовъ объясняется са-
задачею свести и изложить только
ie законы, не дополняя и не ис-
ъ. Мы не раздѣляемъ этого взгляда.
и свода широко пользовались пра-
ить въ него статьи совсѣмъ новыя,
дѣйствующіе законы и подкрѣплять
ами на постановленія, ничего не
щія или говорящія противное тому,
дается въ статьѣ. Въ доказатель-
пламся на то, какъ протрактованы
девятомъ томѣ законы о крѣпост-
ояніи. Этимъ томомъ закрѣплены и
ы закономъ за владѣльцами права,
ъ законодательныхъ актахъ, подво-
дъ статьями, совсѣмъ не были вы-
ь такою категорическою опредѣли-
ю, какъ въ сводѣ, и допускали раз-
лкованія. Совершенно то же самое
ютъ и общія положенія десятаго
а законовъ о договорахъ. Они не
ъ изданныхъ постановленій, а про-
сто сочинены за-ново, и крайняя
нота, неясность и несовершенство
ся, точно также какъ и вполнѣ не-
рительное изложеніе правъ вещ-
ьма слабымъ и поверхностнымъ зна-
съ предметомъ. Графъ Сперанскій
юристомъ; преемники его по кодн-
ще менѣе его были юристы, дока-
на лицо. Не только полное со-
коновъ, но и теперешній сводъ за-
и всей его неудовлетворительности,
богатые матеріалы и указанія для
олнаго, систематическаго и пра-
законодательства объ обязатель-
днако имъ не воспользовались при
ервой части десятаго тома и его
ній, и потому теперь, когда насту-
ли кодификаціи, приходится начи-
ѣ съизнова, какъ было при разрѣ-
проса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права
ании судебныхъ уставовъ. Такова
о наша участь.

IX.

ашъ предлагаетъ для русскаго граж-
уложенія планъ изложенія обяза-
тѣсколько измѣненный противъ при-
ъ сводѣ „законовъ гражданскихъ",
акъ мы думаемъ, тоже не удовле-
творяетъ требованіямъ науки и правильной системы. Г. Пахманъ исключаетъ изъ своего плана всѣ обязательства между казною и частными лицами; но и въ этомъ сокращенномъ объемѣ мы не находимъ необходимой полноты и систематичности. Въ раздѣлѣ первомъ, подъ заглавіемъ „объ обязательствахъ вообще", предполагается изложить правила объ установленіи, дѣйствіи и прекращеніи обязательствъ, но не упоминается ни словомъ о ихъ исполненіи. Раздѣлъ II посвященъ способамъ обезпеченія обязательствъ. Изъ названія „обязательство" слѣдовало бы заключить, что г. Пахманъ имѣетъ въ виду не одни договоры, и это одно составило бы уже значительную поправку системы свода; но далѣе авторъ, вдругъ, ничѣмъ не мотивируя, переходитъ къ договорнымъ формамъ обязательствъ. Въ раздѣлѣ III „о разныхъ договорахъ въ особенности", перечисляются разныя ихъ группы, причемъ, тоже безъ объясненія причинъ, выдѣлены въ особую группу договоры, обусловленные случайностью. Трудно понять, какимъ образомъ, при классификаціи договоровъ по ихъ предметамъ, могла появиться, рядомъ, группа договоровъ, характеризуемыхъ совершенно инымъ признакомъ, не имѣющимъ никакой связи съ характеристикой по предметамъ. Раздѣлъ IV долженъ обнимать „союзы товарищества". Но товарищества могутъ быть обусловлены и предметомъ, и закономъ, и договоромъ. Г. Пахманъ, очевидно, имѣлъ въ виду одни товарищества по договору и опустилъ изъ виду всѣ другія ихъ формы; впрочемъ и изъ товариществъ, основанныхъ на договорѣ, онъ называетъ только товарищества капитала и промысла, опустивъ товарищества взаимнаго страхованія, взаимнаго кредита и многія другія. Къ послѣднему, V раздѣлу „объ особенныхъ видахъ и основаніяхъ обязательствъ", отнесены обязательства: о недоговорныхъ дѣйствіяхъ въ чужую пользу, о требованіяхъ къ возмѣщенію причиненнаго ущерба. Но безсвязности обязательствъ, отнесенныхъ къ V раздѣлу, и случайности подведенія ихъ подъ одну группу, этотъ раздѣлъ напоминаетъ римскія variae causarum figurae. Но то, что понятно у римскихъ юристовъ, бывшихъ вообще, при геніальномъ анализѣ юридическихъ явленій, весьма плохими систематизаторами, то непонятно въ XIX вѣкѣ по Р. Х., послѣ того, какъ наука права получила такое громадное и блистательное раз-

витіе. Какими бы предѣлами ни былъ ограниченъ кругъ обязательствъ, подлежащихъ внесенію въ гражданское уложеніе, нельзя не желать, чтобъ отобранный матеріалъ былъ расположенъ въ извѣстномъ правильномъ, систематическомъ порядкѣ, а этого, къ сожалѣнію, мы не видимъ въ планѣ изложенія обязательствъ, предложенномъ г. Пахманомъ.

X.

Полная и правильная система обязательствъ станетъ возможной лишь тогда, когда будетъ точнымъ образомъ опредѣлено, что слѣдуетъ разумѣть подъ обязательствомъ и какими существенными и личными признаками оно отличается отъ другихъ юридическихъ отношеній.

Одинъ изъ такихъ, самыхъ общихъ признаковъ есть, какъ мы видѣли, тотъ, что обязательство есть юридическое отношеніе, имѣющее всегда, непремѣнно, предметомъ матеріальную цѣнность или стоимость, другими словами, пользу или выгоду, которая можетъ быть оцѣнена на деньги. Значитъ, обязательство есть юридическое отношеніе имущественнаго свойства или характера. Этимъ оно отличается отъ отношеній не-юридическихъ, нравственныхъ и другихъ, а также отъ отношеній, хотя и юридическихъ, но не имѣющихъ предметомъ имущественнаго интереса, каковы, наприм., отношенія власти и подданства или личнаго подчиненія, личныя отношенія между супругами, общія личныя отношенія между собою членовъ общества и государства и т. д.

По права вещныя или на имущество, какъ мы знаемъ, также устанавливаютъ юридическія отношенія съ имущественнымъ характеромъ. Чѣмъ же обязательства отличаются отъ нихъ? Такихъ отличительныхъ признаковъ два: во первыхъ, вещное право относится къ извѣстному, опредѣленному предмету, имѣющему свои индивидуальные признаки и существующему внѣ человѣка, какъ реальный предметъ, обязательство же относится къ дѣйствію, которое человѣкъ имѣетъ совершить. Если безразлично кто совершитъ дѣйствіе и если, притомъ, оно состоитъ въ уплатѣ денегъ или передачѣ имущества, опредѣленнаго не по индивидуальнымъ а по общимъ родовымъ признакамъ, то обязательство легко можетъ отрѣшиться отъ лица, которое обязалось къ дѣйствію, и переходить, имѣетъ с
ствомъ, отъ одного лица къ другому
не устанавливается непосредственно
на тотъ или другой опредѣленный
а лишь право требовать уплаты
передачи имущества, опредѣленно
родовыми признаками, отъ того
ихъ собственникомъ. Та же самая
т.-е. безразличіе дѣйствія, состоящ
лученіи уплаты денегъ или имуще
возможность легко отрѣшаться
тельства и тому, кто имѣетъ пра
вать исполненія дѣйствія, и обле
реходъ обязательства отъ одного
къ другому. Во-вторыхъ, каково
дѣйствіе человѣка, составляющее
обязательства, послѣднее, во всяко
остается юридическимъ отношение
между извѣстными опредѣленными
не даетъ никакого непосредственн
на имущество, тогда какъ право
напротивъ, даетъ его хозяину
возможность требовать возстановл
надлежащаго ему, нарушеннаго
къ вещи, не обращая никакого вн
лица, которыя состоятъ къ ней
непосредственномъ отношеніи. Въ
заключается существенное разли
ческомъ личнымъ, вытекающимъ
по обязательству, и искомъ вещны
ваннымъ на вещномъ правѣ, каки
рядкомъ тотъ или другой искъ ни р
вался, судебнымъ или админи тр

Всѣ юридическія отношенія, им
санные признаки, должны войти в
обязательствъ, какимъ бы способо
позникли, между какими бы лица
ществовали. Существо обязательст
мѣняется отъ того, что оно устан
доброй волѣ и взаимному согласи
ныхъ лицъ, или въ силу закона,
ственнаго распоряженія или суде
шенія. Точно также не измѣняе
отъ того, что существуетъ не м
ными лицами, а между лицами
скими, или между лицами частны
щими публичный характеръ. Возра
тивъ такого соединенія всѣхъ об
въ одну общую систему основани
разумѣніи, которое служило и те
должаетъ служить помѣхою для
постановки ученія объ обязател
законодательствѣ и наукѣ. Како
было юридическое основаніе об

ного характера съ указанными
, оно, въ концѣ концовъ, есть не
какъ юридическое отношеніе между
, опредѣленными лицами,—отно-
силу котораго лица эти или имѣютъ
вать другъ отъ друга исполненія
дѣйствій, относящихся къ мате-
рѣфиностямъ, или же обязаны со-
акія дѣйствія. Какими, спраши-
ественными признаками отличается
ебнымъ мѣстомъ конія, подъ усло-
ся установленнаго размѣра канце-
шлины, отъ договора между двумя
лицами о переписки бумагъ за
вознагражденіе; или конфискація
ено привезеннаго изъ-за границы,
щенія вещи, незаконно кѣмъ либо
й, ея законному собственнику? Или
плачиваемая частному лицу по за-
отъ пенсіи, выплачиваемой отстав-
нику по пенсіонному уставу, или
уры, получаемой на основаніи осо-
правилъ? Чѣмъ отличается истецъ,
ъ силу рѣшенія и по опредѣленію
водить за счетъ отвѣтчика дѣй-
аботы, не выполненныя послѣднимъ
ный ему срокъ, отъ полицейскаго
, который, въ извѣстныхъ случаяхъ,
ныхъ закономъ, уполномоченъ къ
по отношенію къ городскому обы-
исполняющему законныхъ требова-
и? Въ приведенныхъ примѣрахъ,
ожно было бы подкрѣпить сотнями
и другихъ, интересъ юридическаго
заключается не въ юридическомъ
изъ котораго оно возникло, и не
между какими лицами оно суще-
въ томъ, въ чемъ оно само за-
и каковы его формы. Существо
между членами товарищества не
и отъ того, что они установлены
она между совладѣльцами общин-
между нѣсколькими наслѣдниками
таго имущества, оставшагося послѣ
или по добровольному соглашенію
частныхъ лицъ между собою.
: отъ такого перенесенія въ си-
тельствъ юридическихъ отношеній,
ъ нимъ никогда не причислялись,
дать никакой практической пользы.
идетъ не о пользѣ, а о правили-
яда на предметъ. Если для удоб-
вокъ, примѣненія закона и т. п.,
бестить обязательства по разнымъ
сводамъ или уложеніямъ, противъ этого никто не станетъ спорить; чрезвычайно важно лишь то, чтобъ однородныя юридическія явленія разсматривались по однимъ началамъ, а не опредѣлялись, какъ теперь въ сводѣ, разнородными постановленіями, противорѣчащими основнымъ началамъ всякихъ обязательныхъ отношеній. Только въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о единствѣ системы обязательствъ; подробности редакціи—другой вопросъ, который насъ здѣсь совсѣмъ не интересуетъ.

Кромѣ только что указанной несомнѣнной пользы, сведеніе всѣхъ обязательствъ въ одну систему имѣло бы еще другую, не менѣе важную. Въ настоящее время, вслѣдствіе недоразумѣнія и предразсудка, выключающихъ цѣлую массу обязательствъ изъ свода гражданскихъ законовъ, почти для каждаго вида такихъ обязательствъ существуетъ свой особый способъ принудительнаго исполненія. Должностныя лица, на которыя оно возложено, поневолѣ теряются въ лабиринтѣ безчисленныхъ и разнообразнѣйшихъ процедуръ, которыя должны прикѣнять. Нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе ихъ къ небольшому числу характерныхъ типовъ, возможное только при точномъ опредѣленіи юридическаго характера обязательствъ, къ которымъ относятся, принесло бы великую практическую пользу, облегчивъ должностныя лица и самое изученіе закона.

Для полнаго выясненія нашего взгляда на этотъ спорный пунктъ, сдѣлаемъ, въ заключеніе, слѣдующую оговорку, хотя, въ глазахъ юриста, она можетъ показаться и излишней. Настаивая на необходимости ввести въ систему обязательствъ множество юридическихъ отношеній, которыя теперь оставлены внѣ ея, мы имѣемъ въ виду лишь тѣ изъ нихъ, которыя существуютъ между самостоятельными юридическими лицами. На этомъ основаніи, не слѣдуетъ включать въ нее сходныя съ ними отношенія между казенными вѣдомствами и управленіями, такъ какъ управленія суть лишь органы, поручённые, уполномоченные казны, и ихъ взаимныя отношенія представляютъ лишь ея внутреннія распоряженія, точно также, какъ взаимныя отношенія различныхъ конторъ и управленій одного владѣльца не имѣютъ юридическаго значенія внѣ сферы владѣльческаго управленія. Но обязательства между казенными вѣдомствами и управленіями съ одной стороны,

и самостоятельными юридическими лицами съ другой, имѣютъ вполнѣ юридическій характеръ, такъ какъ вѣдомства и управленія являются въ этомъ случаѣ органами, поставленными казны. Что касается до обязательствъ, установляемыхъ рѣшеніями и опредѣленіями суда и судебной власти, то они имѣютъ свои особенности, весьма замѣчательныя въ юридическомъ отношеніи. Уголовный судъ есть органъ государственной власти; его приговоры и опредѣленія, подобно законамъ и административнымъ мѣрамъ, имѣютъ обязательную силу вслѣдствіе этой власти; а судъ гражданскій есть посредникъ между тяжущимися; его рѣшенія и опредѣленія, постановляемыя по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, имѣютъ характеръ приговора безпристрастнаго посредника, взвѣшивающаго интересы обѣихъ сторонъ съ точки зрѣнія законности и справедливости.

XI.

На основаніи сказаннаго, въ систему обязательствъ должны войти всѣ юридическія отношенія имущественнаго характера между извѣстными правоспособными лицами, въ силу которыхъ установляется, съ одной стороны, право требовать, чтобы что либо, имѣющее матеріальную стоимость, было дано, сдѣлано, уплачено, а съ другой обязанность исполнить такое требованіе.

Спрашивается: по какой системѣ слѣдуетъ сгруппировать и въ какомъ порядкѣ изложить безчисленные и крайне разнообразные виды юридическихъ отношеній, принадлежащихъ, по указаннымъ признакамъ, къ числу обязательствъ имущественнаго свойства? Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Римскіе юристы замѣтили, что одни обязательства возникаютъ въ условіяхъ нормальнаго, правильнаго хода повседневной жизни и отношеній, другія — вслѣдствіе ихъ нарушенія, которое установляетъ обязательство возстановить нарушенное имущественное положеніе вещей, вознаградить за потерпѣнный отъ нарушенія ущербъ, потери и убытки, или подвергнуться наказанію имущественнаго свойства. Согласно съ этимъ, обязательства распадались, еще по римскому праву, на два большихъ отдѣла: на возникающія изъ договоровъ и изъ проступковъ. Но сами римскіе юристы убѣдились, что [illegible] рамки слишкомъ тѣсны, и ре[illegible] прибавивъ къ договорамъ и пр[illegible] схожія на нихъ основаніи обяз[illegible] которыя не были ни договорами [illegible] ками. Анализируя далѣе, они [illegible] на факты, производящіе обязатель[illegible] рые ужъ совсѣмъ не походили на [illegible] воры, ни на проступки. Не призн[illegible] водимыхъ этими фактами юридич[illegible] шеній за обязательства, какъ мы [illegible] силовъ и ресомъ дѣлаемъ, на осно[illegible] взятыхъ теоріи, они не могли [illegible] нихъ было слишкомъ тонкое [illegible] чутье; разставаться съ мыслью, то [illegible] тельства вытекаютъ изъ договоров[illegible] ступковъ или сходныхъ съ ними [illegible] они тоже не могли и не умѣли; о[illegible] ціальныхъ явленій, условія обще[illegible] государственной жизни далеко не [illegible] такъ изслѣдованы и извѣстны, ка[illegible] къ тому же и складъ римскаго [illegible] далеко не теоретическій. Всѣ э[illegible] тельства побудили римскихъ юрис[illegible] строить къ принятымъ четыремъ [illegible] обязательствъ еще пятый — вѣтв[illegible] запасной кладовой, куда безъ р[illegible] сились всѣ обязательства, не у[illegible] въ придуманныя рамки.

При нынѣшнемъ состояніи юр[illegible] и политическихъ наукъ, остаться [illegible] кой наивной классификаціи н[illegible] возможности. Мы знаемъ, что [illegible] предпосылкой для всевозможных[illegible] скихъ отношеній, въ томъ числ[illegible] тельствъ, служитъ организованны[illegible] дей въ обществѣ; что обязатель[illegible] каютъ и прекращаются не тол[illegible] вору, но и вслѣдствіе появлени[illegible] венія лицъ и вещей, а также [illegible] общественной и государственно[illegible] мимо желанія и воли людей. Р[illegible] какъ мы видѣли, тоже это зна[illegible] вали, но не умѣли возвести эти [illegible] принципъ, въ общее начало. [illegible] попытки, мы примемъ въ основ[illegible] фикаціи обязательствъ различе[illegible] или причинъ ихъ установленія [illegible] нія, на явленія правильныя, со[illegible] къ условіяхъ нормъ, обязательны[illegible] житіи для всѣхъ и каждаго, и [illegible] ненормальныя, неправильныя, [illegible] вслѣдствіе нарушенія этихъ норм[illegible] нарушенія считаться преступны[illegible]

не будутъ они подлежать ка-
съ точки зрѣнія имущественныхъ
ршенно безразлично, и потому не
е должно имѣть никакого вліянія
бъ обязательствахъ.
ее подраздѣленіе обязательствъ
я группы опредѣлится извѣстными
выдающимися характеристиче-
знаками различныхъ ихъ видовъ.
новленія или удостовѣренія, усло-
орыхъ поставлено въ зависимость
характеръ лицъ, разсмотрѣніе,
спора или недоразумѣнія, судеб-
дминистративнымъ порядкомъ,—
можетъ служить основаніемъ для
ціи обязательствъ, потому что не
тъ къ числу существенныхъ ихъ
Существенны въ обязательствахъ
ные отношенія лицъ или сторонъ
мость, другими словами, характеръ
ю дѣйствія, такъ какъ ими опре-
различіе правъ и обязанностей, вы-
изъ обязательныхъ отношеній.
обязательство установлено зако-
договоромъ, на словахъ или въ
рмальнаго акта, будетъ ли поста-
исполненіе въ зависимость отъ
срока или отъ случайнаго обстоя-
удетъ ли оно заключено казною,
обществомъ или частнымъ лицомъ,
съ разсмотрѣнію судебнымъ или
тивнымъ порядкомъ, — существо
того не измѣнится и останется
олько различныя взаимныя права
ти лицъ, участвующихъ въ обя-
и различіе его предмета, уста-
различныя формы обязательствъ,
къ формою не внѣшній ихъ видъ
, а права и обязанности и ихъ
я послѣдствія.
въ обязательствѣ лицъ будетъ раз-
ря по тому, представляютъ ли
роны или сторонъ вовсе нѣтъ, а
ующіе образуютъ товарищество,
или артель. Далѣе, изъ обяза-
ъ, которыхъ участвующія лица
на двѣ стороны, въ однихъ—одна
ѣетъ только право чего либо тре-
ругая только обязана исполнить
въ другихъ—каждая изъ сторонъ
право требовать и въ то же время
стныя обязанности. Обязательства
да, по неравному распредѣленію
онами правъ и обязанностей, мо-
гутъ быть названы односторонними, вторыя, по взаимности правъ и обязанностей обоюдными. Что касается до товариществъ, обществъ и артелей, то въ нихъ, какъ мы видѣли, каждое изъ участвующихъ лицъ имѣетъ права и несетъ обязанности, но не по отношенію другъ къ другу, а относительно юридическаго лица, къ составу котораго принадлежитъ.

Классификація обязательствъ по участію въ нихъ лицъ примѣнима только къ тѣмъ обязательнымъ отношеніямъ, которыя устанавливаются въ условіяхъ нормальной жизни общества, согласно съ дѣйствующими законами. Обязательства, возникающія изъ нарушеній, могутъ быть только односторонніе, такъ какъ только потерпѣвшій нарушеніе имѣетъ право требовать возстановленія своихъ правъ и интересовъ, вознагражденія убытковъ, выдачи вещи или имущества, уплаты штрафа, а нарушитель обязанъ исполнить эти требованія. Замѣчаніе это относится и къ тѣмъ случаямъ, когда нарушеніе совершено нѣсколькими или многими лицами; ибо нарушители, взятые вмѣстѣ, составляютъ при этомъ одну сторону, подобно тому какъ въ обязательствахъ, въ которыхъ одна сторона состоитъ изъ нѣсколькихъ или многихъ лицъ.

Что касается предметовъ, то обязательства, какъ уже выше замѣчено, служатъ къ обмѣну цѣнностей или услугъ, имѣющихъ матеріальную стоимость. Собственно говоря, всѣ обязательства, безъ всякаго различія, имѣютъ предметомъ лишь дѣйствія; но въ первыхъ, дѣйствіе состоитъ только въ передачѣ правъ на предметъ, имѣющій матеріальную стоимость а во вторыхъ—въ произведеніи дѣйствіемъ, трудомъ или работой, цѣнностей на пользу посторонняго лица или лицъ. По этому различію дѣйствій, обязательства раздѣляются на двѣ группы: одними передаются права на вещи, другими выговариваются и обѣщаются услуги или работы, имѣющія матеріальную стоимость.

Различіе обмѣниваемыхъ правъ и услугъ видоизмѣняетъ обязательства и служитъ основаніемъ къ дальнѣйшему ихъ подраздѣленію

Права, обмѣниваемыя при посредствѣ обязательствъ, могутъ относиться къ вещамъ, опредѣляемымъ или по индивидуальнымъ, или по общимъ, родовымъ признакамъ. Примѣромъ предметовъ перваго рода могутъ служить: извѣстное имѣніе, домъ, фабрика, выигрышный билетъ извѣстной серіи и нумера и т. п.; примѣромъ предметовъ второго

рода—мука, зерновой хлѣбъ, сукно, холстъ извѣстной мѣры, вѣса или количества и извѣстной доброты или качества и т. п. Въ случаѣ обмѣна предметовъ перваго рода, рѣчь идетъ именно о томъ или другомъ индивидуально существующемъ, реальномъ предметѣ; въ случаѣ же обмѣна предметовъ второго рода, безразлично будетъ ли обмѣненъ тотъ или другой предметъ; требуется только, чтобъ они имѣли опредѣленные признаки количества и качества. На этомъ различіи вертится различіе между куплей-продажей и поставкой, между ссудой на прокатъ или на подержаніе и займомъ-ссудою, между отдачей денегъ на храненіе и ихъ займомъ-ссудой. Соотвѣтственно этому различію, обязательства объ обмѣнѣ цѣнностей подраздѣляются на двѣ группы. Къ одной относятся всѣ сдѣлки и условія о передачѣ правъ собственности и правъ въ чужой вещи; обязательства этого рода такъ близко соприкасаются съ передачею и уступкою вещныхъ правъ, что легко съ ними смѣшиваются и обыкновенно отъ нихъ не различаются. Въ эту ошибку впали и составители свода и французскіе юристы. Даже римляне не вполнѣ ясно сознавали это различіе, назвавъ этого рода обязательства контрактами реальными и приписавъ имъ обязательную силу только въ соединеніи съ дѣйствительною передачею имущества. Къ другой группѣ относятся обязательства объ обмѣнѣ цѣнностей, опредѣляемыхъ по общимъ родовымъ признакамъ. Смѣшать ихъ съ переходомъ вещныхъ правъ было невозможно, потому что въ нихъ рѣчь идетъ, строго говоря, не о вещи или предметѣ а о понятіи, представляющемъ лишь юридическую возможность дѣйствительныхъ вещей въ будущемъ. Такъ, въ силу обязательства купли-продажи, продавецъ обязанъ продать ту самую вещь, о которой условился; а по обязательству займа-ссуды денегъ, хлѣба и т. п. занимающій получаетъ занятое въ свою собственность и обязанъ возвратить не тотъ самый предметъ, который занялъ, а предметъ того же качества и въ томъ же количествѣ. Вотъ почему въ обязательствахъ первой изъ названныхъ группъ, дѣйствіе лица ступенывается индивидуально опредѣленнымъ предметомъ, который и выступаетъ на первый планъ, а въ обязательствахъ второй группы, наоборотъ, вещи, цѣнности какъ бы отступаютъ на второй планъ, а на первый выдвигается дѣйствіе лица.

Подобно вещамъ или предметамъ [illegible] пиваемыя услуги бываютъ двоякаго [illegible] одинхъ личныя качества или особенности того лица, которое ихъ оказ[illegible] не играютъ никакой роли, и кто ихъ окажетъ совершенно безразлично; услуги, напротивъ, носятъ на себѣ [illegible] ную, характерную печать того, кто [illegible] вершаетъ, и этимъ болѣе или мен[illegible] ственно отличаются отъ друг[illegible] услугъ и дѣйствій. Этимъ отличается работа поденщика отъ попѣвки Тр[illegible] сатиръ Гоголя и Салтыкова, или [illegible] или оперы Глинки: трудъ писмоно[illegible] посланнаго съ важными бумагами [illegible] страну, занятую непріятелемъ; услу[illegible] щика—отъ услуги пажа или на[illegible] трудъ стряпухи въ артели рабоч[illegible] труда Ватель или Тромпета; услуги [illegible] по дѣламъ—отъ защитительной рѣч[illegible] вича или Плевако и т. д. Въ т[illegible] или услугахъ перваго рода, важнѣе[illegible] ропу представляетъ то, что сдѣлан[illegible] го, кто дѣлалъ; въ дѣйствіяхъ же и у[illegible] второго рода, особенно цѣнятся [illegible] того, отъ кого ожидается или спра[illegible] трудъ или работа: послѣдніе тѣс[illegible] образомъ связаны съ личными с[illegible] того, кто ихъ исполняетъ, проник[illegible] Въ связи съ этимъ различіемъ [illegible] другое, весьма важное различіе о[illegible] мыхъ услугъ, иначе говоря, дѣйств[illegible] шаемыхъ однимъ лицомъ въ пользу [illegible] одни состоятъ исключительно въ [illegible] дѣйствіи, другія исполняются пр[illegible] вещей или предметовъ и составляю[illegible] услугу имущественнаго свойства. Ч[illegible] чается, напримѣръ, трудъ адвоката, [illegible] доктора, комиссіонера и т. п. отъ [illegible] людей и тяжестей, исполненія ка[illegible] Вслѣдствіе указанныхъ различій, [illegible] бота, услуга, по существу своему [illegible] въ извѣстныхъ случаяхъ и при [illegible] обстоятельствахъ, измѣняютъ свой [illegible] и получаютъ ревльный, объектив[illegible] нокъ; личная сторона дѣятеля ка[illegible] ляется на второй планъ, а на пер[illegible] гается результатъ дѣйствія — вы[illegible] работа, произведенное дѣйствіе. М[illegible] что при обмѣнѣ цѣнностей, опред[illegible] общими родовыми признаками, вещ[illegible] устраняются выдающіяся роль ли[illegible] ствія; здѣсь наоборотъ: изъ-за [illegible] щаго матеріальнаго интереса дѣя[illegible]

…это личная сторона. Смотря по …преобладаетъ въ дѣйствіи, личный …ивный, реальный характеръ, и …ва объ обмѣнѣ услугъ имѣютъ …ственный или болѣе личный ха… …личіе это выражается, главнымъ …въ томъ, что чисто личныя обя… …прекращаются со смертью того, …язанъ выполнить дѣйствіе, трудъ …напротивъ, обязательства объ …ѣе вещественнаго, объективнаго …ближаются, по своему юридиче… …актеру, къ обязательствамъ объ …костей, и въ извѣстныхъ случаяхъ, …ихъ условіяхъ, переносятся, послѣ …вшагося, на того, кто наслѣдо… …имуществѣ.

…иныхъ соображеніяхъ содержатся …для правильной классификаціи …ъ по ихъ существеннымъ при… …прежде чѣмъ къ ней присту… …мъ нѣкоторыя оговорки, въ из…ныхъ недоразумѣній.

…одательства и кодексы грѣшатъ …раются установить для юридиче…ношеній вообще, и для обяза… …особенности, нормы и правила, …ихъ опредѣлили разъ навсегда …добныя же поползновенія замѣ… …наукѣ; она тоже создаетъ си…ествующія не только умѣстить …никахъ все разнообразное содер…ительныхъ юридическихъ явле…едуставить заранѣе точную форму …нихъ. Трудно себѣ представить …ибочнѣе, безплоднѣе, вреднѣе …явленія законодательства и науки …ялась невозможною задачей исчер… …урегулировать всѣ ея мельчай…ости, законъ и наука стѣснятъ, …надобности, свободное развитіе …безобидныхъ и правильныхъ юри…отношеній. Не находя себѣ хо…да и удовлетворенія, они про…ными обходами закона или вступ…имъ въ открытую борьбу. Въ …, выдаваемыя за непреложныя …выражающія самое существо …превращаются, съ измѣнившимися …вами, въ мертвыя схемы, не …явленіямъ дѣйствительной жизни, …нуть своей цѣли и не мѣшать …тельности людей, законъ долженъ …зомъ опредѣлить границы, ука…

…, т. IV.

…знаемыя требованіями и условіями правиль…наго человѣческаго общежитія, которыхъ сво…бодная дѣятельность людей не должна пе…реступать, и установить извѣстныя нормы, обязательныя для заинтересованныхъ лицъ и сторонъ, въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ сами не опредѣлили какъ чему быть и когда недостатокъ такихъ нормъ могъ бы подать поводъ къ неизвѣстности правъ. Что касается науки, то ея дѣло лишь выяснить и указать общія начала или принципы, заключающіеся въ разнообразныхъ дѣйстви…тельныхъ явленіяхъ извѣстнаго порядка, принципы, къ которымъ они сводятся. Только въ этомъ смыслѣ и при такихъ условіяхъ, принятая въ законѣ классификація и научная система становится не помѣхою, а руководителями дѣйствительной жизни, помогаютъ ея успѣхамъ и развитію.

Справедливость такого взгляда въ особенности оправдывается на обязательствахъ. Отражая на себѣ непосредственно, вѣрно и точно безчисленныя мелкія обстоятельства, случайности и условія, которыми обставлена ежедневная жизнь и взаимныя отношенія людей, они въ высшей степени подвижны и измѣнчивы. Для необозримаго моря быстротечныхъ часто только минутныхъ отношеній, немыслимы строгія, неподвижныя обязательныя нормы. Стоитъ только ихъ установить и самые законные интересы тотчасъ же будутъ разстроены и нарушены. Вотъ почему, при правильной постановкѣ дѣла, классификація кодекса, какъ и научная система, должна совершенно отказаться отъ мысли заранѣе опредѣлить всѣ возможныя обязательства и вписать ихъ въ ту или другую рубрику. Единственно полезная сторона классификаціи и системы та, что ими дается возможность каждому ориентироваться въ массѣ обязательствъ и узнать юридическія послѣдствія различныхъ юридическихъ фактовъ и положеній, встрѣчающихся въ разнообразныхъ обязательныхъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ обязательства подвергаются вслѣдствіе судебнаго рѣшенія. Что они, насколько касается отношеній имущественнаго свойства, установляютъ или уничтожаютъ обязательства — это подмѣтили еще римскіе юристы. Но вопросъ въ томъ, какія именно обязательства они установляютъ или прекращаютъ: тѣ ли, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, или какія нибудь другія? Съ

перваго взгляда кажется, будто рѣшеніе или приговоръ суда представляютъ такое же основаніе обязательства, его измѣненія или прекращенія, какъ и различные факты, договоръ, нарушеніе права, законъ, правительственное распоряженіе, давность. Оттого многіе думаютъ, что измѣненія, сдѣланныя приговоромъ или рѣшеніемъ въ обязательствѣ, какимъ оно являлось въ началѣ процесса, составляютъ его дѣйствительную трансформацію. Но это только такъ кажется: обязательство дѣйствительно возникаетъ, когда оно прежде того не существовало; оно измѣняется или прекращается, когда уже существовало передъ тѣмъ; но очевидно, ни того, ни другого нельзя сказать объ обязательствѣ, которое сдѣлалось предметомъ судебнаго рѣшенія или приговора. Если ими признано, что обязательства нѣтъ, значитъ его юридически и до суда не существовало; если же судъ, въ своемъ рѣшеніи или приговорѣ, призналъ спорное обязательство и опредѣлилъ его существо, это значитъ, что оно и прежде, до нихъ, на самомъ дѣлѣ, существовало именно въ томъ видѣ, какой признанъ судомъ. Слѣдовательно, приговоръ или рѣшеніе не создали, собственно говоря, ничего новаго, а только утвердили то, что было прежде, до постановленія рѣшенія или приговора; а отсюда вытекаетъ, что они установляютъ и прекращаютъ обязательства совсѣмъ другого рода, именно процессуальныя—обязательства стать на судъ и исполнять извѣстныя дѣйствія, предписанныя правилами судопроизводства. Обязательства такого рода не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, и относятся къ судопроизводству, а не къ правамъ имущественнымъ.

XII.

Согласно съ сказаннымъ выше, мы предлагаемъ слѣдующую классификацію основныхъ и простѣйшихъ формъ обязательствъ.

Раздѣлъ первый. Обязательства, установляемыя и существующія согласно съ законами, безъ нарушенія чьихъ-либо правъ.

I. Обязательства по обмѣну цѣнностей.

Глава первая. Обязательства по обмѣну правъ на предметы, имѣющіе индивидуальные признаки.

Отд. 1. Обязательства одностороннія: да-

ренія, Всемилостивѣйшее пожалова-
наю предмета; ссуда на прокатъ,
награжденіи; отдача имущества
или въ закладъ, въ видѣ обезпеч

Отд. 2. Обязательства обоюдн
имуществъ, купля и продажа, об
рендное содержаніе, наемъ имуще

Отд. 3. Обязательства, возника
обществъ и товариществъ: раз
ществъ: размежеваніе черезполос
нія: распредѣленіе земель и пол
членами поземельной общины; кап
земельный кредитъ и т. п.

Глава вторая. Обязательства о
цѣнностей, опредѣляемыхъ родовы
ками, въ томъ числѣ и денегъ.

Отд. 1. Обязательства односто
дарокъ, пожертвованіе, приноше
гами, стипендіи, пенсіи, подати, с
лины, и т. п.

Отд. 2. Обязательства обоюдны
страхованіе, заемъ, вексельныя и
сдѣлки и т. п.

Отд. 3. Обязательства, возник
товариществъ и обществъ: торго
мышленныхъ, банкирскихъ, акціон
паній, обществъ взаимнаго обезпе
довольствія, эмеритальныхъ и т.

II. Обязательства по обмѣну у
ботъ.

Глава первая. Обязательства
услугъ и работъ съ вещественн
теромъ.

Отд. 1. Обязательства одност
жертвованія произведеніями ис
работы; повинности дорожная,
тому под.

Отд. 2. Обязательства обоюдн
заказъ; храненіе вещей за воз
перевозка вещей и цѣнностей и

Глава вторая. Обязательства
личныхъ услугъ.

Отд. 1. Обязательства односто
пошеніе или пожертвованіе ли
домъ; воинская повинность и т.

Отд. 2. Обязательства обоюд
художника, литератора, ученаго
тому под., исполняемый за воз
царственная или общественная
вознагражденіемъ; коммиссіонере
наемъ и т. п.

Отд. 3. Обязательства, возни
обществъ или товариществъ: и
ныя закономъ, или интереса.

второй. Обязательства, возни-
нарушеній.
рная. Обязательства, относящіяся
ымъ предметамъ: возвращеніе, по
сти, имѣнія или вещи; разные
кація и т. п.
ьи. Обязательства, относящіяся
тямъ, опредѣляемымъ родовыми
и къ деньгамъ: вознагражденіе
убытки; аварія, или возпатражде-
ъ убытковъ; пени и штрафы, и

тья. Обязательства, относящіяся
мъ или работамъ, обязательства
редметъ въ должный видъ; обяза-
работать податную недоимку, долгъ

XIII.

ыхъ выше немногихъ замѣтокъ,
достаточно, чтобы показать, въ
равленіи и духѣ желательны пре-
въ законахъ объ обязательствахъ.
подробный разборъ свода, проек-
дробный планъ кодификаціи обя-
—не дѣло журнальной статьи, да
вамъ не подъ силу. Мы желали
инуть на первый планъ и ярче
жнѣйшія и существеннѣйшія сто-
которыя опущены или пренебре-
ашемъ дѣйствующемъ законода-
русское гражданское уложеніе, до-
ого названія, должно поставить
ридическаго элемента въ Россіи на
, открыть широко двери образо-
рановленію національныхъ, тузем-
юридическихъ отношеній, какъ
ливаютъ наши мѣстныя обстоя-
этомъ должна состоять его пер-
ая задача, и если оно ее разрѣ-
должно, цѣль его будетъ вполнѣ
Хотя бы въ подробностяхъ и ока-
остатки, недосмотры и обмолвки,
въ такомъ громадномъ и слож-
А для того, чтобы наше граж-
ение положило прочный фунда-
тію самобытной русской юриспру-
дарительныя работы должны рас-
его почву, освободить ее отъ
дразсудковъ и предвзятыхъ воз-
ящихся частью въ ошибочныхъ
теоріяхъ, частью въ рутинѣ, сло-
въ преданій московскихъ дьяковъ
и подлячихъ стараго времени и изъ принятыхъ на вѣру, безъ критики, европейскихъ образцовъ. Противъ этихъ подводныхъ камней предстоящей кодификаціи русскаго гражданскаго уложенія и направлены, главнымъ образомъ, наши замѣтки. Достаточно ли онѣ убѣдительны, чтобы остановить на себѣ вниманіе и заставить серьезно призадуматься передъ составленіемъ окончательнаго плана новаго уложенія — это другой вопросъ. Мы больше всего опасаемся, чтобы въ основаніе новаго зданія нашихъ гражданскихъ законовъ не былъ принятъ одинъ изъ европейскихъ кодексовъ, въ подправленномъ видѣ, или подновленный и освѣженный сводъ гражданскихъ законовъ. Потому-то и особенно желательно, чтобы именно теперь на выработку общаго плана гражданскаго уложенія были, прежде всего, направлены всѣ силы знающихъ и мыслящихъ русскихъ юристовъ. Быть можетъ, совокупнымъ, напряженнымъ и упорнымъ трудамъ ихъ и удастся побѣдить тѣ безчисленныя препятствія и затрудненія, которыя, судя по нѣкоторымъ признакамъ, окружаютъ зарожденіе и колыбель русскаго гражданскаго уложенія и угрожаютъ низвести его до размѣровъ исправленной редакціи первой части десятаго тома свода законовъ. Дай Богъ, чтобы этого не случилось, хотя надѣяться и разсчитывать на это мы не осмѣливаемся. Весьма благопріятнымъ признакомъ будетъ уже и то, если окончательное, безповоротное рѣшеніе относительно общаго плана гражданскаго уложенія и его частей затянется до большаго разъясненія спорныхъ теоретическихъ вопросовъ, на которые мы старались указать въ нашихъ статьяхъ.

XIV.

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о такъ называемомъ укрѣпленіи правъ на имущества и по обязательствамъ. Укрѣпленіе правъ относится къ области законодательства, не имѣющей, строго говоря, ничего общаго съ опредѣленіемъ правъ и юридическихъ отношеній по существу, и касается лишь ихъ, такъ сказать, внѣшней стороны. Важность и огромное вліяніе послѣдней объясняется необходимостью придать правамъ и отношеніямъ видимость, осязательность, объективную, всѣмъ доступную доказательность дѣйствительнаго существованія

юридическихъ отношеній, ибо безъ нихъ право, юридическое отношеніе, не имѣютъ силы, существуютъ лишь въ отвлеченномъ смыслѣ, въ теоріи, въ лучшемъ случаѣ только какъ предметъ нравственной обязательности. Но въ дѣлахъ и отношеніяхъ нравственныхъ, единственный свидѣтель есть наша совѣсть, единственные судьи — мы сами или тѣ, на чей судъ мы добровольно отдаемся; въ отношеніяхъ же юридическихъ, опредѣляемыхъ закономъ, подлежащихъ, въ случаѣ сомнѣнія, спора или нарушенія, разсмотрѣнію или прекращенію публичной власти, необходимы, кромѣ ихъ дѣйствительнаго существованія, еще и внѣшніе признаки, по которымъ послѣднее могло бы быть несомнѣнно узнано и удостовѣрено. Эти то внѣшніе признаки и образуютъ то, что, въ самомъ общемъ, обширномъ смыслѣ, можетъ быть названо *формою*. Но такъ какъ каждый можетъ имѣть и имѣетъ свои понятія о томъ, какіе признаки удостовѣряютъ дѣйствительность юридическаго отношенія или факта, а у различныхъ людей понятія эти могутъ быть и бываютъ весьма различны, то во всѣхъ устроенныхъ человѣческихъ обществахъ, весьма рано появляются формы, опредѣленныя сперва обычаемъ, а потомъ закономъ,—формы, которыя всѣ обязаны признавать за внѣшніе знаки дѣйствительно существующихъ фактовъ и отношеній.

Таковы необходимость и происхожденіе *принципія* правъ, которое на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ ихъ удостовѣреніе извѣстнымъ способомъ, установленнымъ законами и публичною властью. Очень простое по существу, оно, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, мало-по-малу осложняется и измѣняетъ свои первоначальныя характеръ. Происходитъ это такимъ образомъ: когда разъ установилась форма, удостовѣряющая юридическій фактъ или юридическое отношеніе, является съ тѣмъ имѣетъ и возможность создать, посредствомъ поддѣлки, призракъ отношенія или факта, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ и не существовало. Это вынуждаетъ озаботиться о предупрежденіи и отвращеніи возможности такой поддѣлки; съ этою цѣлью издаются постановленія и правила, которыя дѣлаютъ формы удостовѣренія болѣе и болѣе сложными и искусственными. Такимъ образомъ, удостовѣреніе правъ и отношеній вырабатывается мало-помалу въ самостоятельный юридическій институтъ. Затѣмъ, государство и общество, рано или поздно, начинаютъ [illegible] этимъ институтомъ какъ средствомъ [illegible] личныхъ цѣлей, не имѣющихъ съ [illegible] ничего общаго. Акты об[illegible] пошлинами. Это еще болѣе осложня[illegible] стовѣреніе правъ и, что всего чаще, [illegible] вить послѣднее въ зависимость отъ [illegible] нія такихъ дѣйствій, которыя не [illegible] нимъ никакой связи. Такъ, юридич[illegible] ношеніе, право, фактъ, остаются не[illegible] веренными, если пошлина или сбор[illegible] чены въ назначенное время и въ о[illegible] номъ количествѣ. Благодаря этой [illegible] причинамъ, взаимное отношеніе ме[illegible] нія, и права или факта, которые [illegible] стовѣряются, мало-по-малу изм[illegible] Вмѣсто того, чтобы быть къ нимъ [illegible] комъ, удостовѣреніе становится [illegible] исходною точкою права, главнымъ, [illegible] нымъ обстоятельствомъ или усло[illegible] котораго оно зависитъ и безъ кото[illegible] не признается существующимъ.

Въ этомъ коренится формализмъ [illegible] скихъ отношеній. Его чрезмѣрное, [illegible] развитіе замѣчается въ извѣстно[illegible] вѣку и составляетъ у всѣхъ нар[illegible] рактеристическій признакъ извѣстно[illegible] развитія законодательства. У рим[illegible] имѣлъ огромное и благотворное [illegible] выработку весьма точныхъ и тон[illegible] дическихъ опредѣленій и началъ, [illegible] щую отличительную черту и велик[illegible] римской юриспруденціи. У новыхъ [illegible] формализмъ тоже когда-то прони[illegible] никогда не имѣлъ такого значенія [illegible] римскомъ правѣ, и рано или поз[illegible] отступилъ передъ стремленіемъ вы[illegible] первый планъ содержаніе правоо[illegible] шеній и возвратить формѣ подоб[illegible] значеніе публичнаго удостовѣренія [illegible] тельныхъ фактовъ.

То же замѣчается и у насъ. До [illegible] тѣхъ крайностей развилась у [illegible] маловажная сторона юридическихъ [illegible] всѣмъ извѣстно и памятно. При чр[illegible] слабыхъ юридическихъ познаніяхъ [illegible] ства юридическаго образованія в[illegible] скомъ государствѣ, старинные к[illegible] стряпчіе и дѣльцы задавили сам[illegible] тые права безсмысленной и нелѣп[illegible] формалистикой. Рѣзкія и крутыя м[illegible] не пособили злу, противъ котораго [illegible] хомъ можетъ бороться только знан[illegible] зованіе. Первыя и серьезныя попыт[illegible]

ему границы мы встрѣчаемъ въ осто-
жныхъ, но мѣткихъ правилахъ граждан-
судопроизводства 1864 года; къ сожа-
нію, они въ началѣ не были поддержаны
практикой кассаціоннаго сената. Нотаріаль-
ые уставы, единственная заслуга котораго
стояла только въ серьезномъ намекѣ на
ключеніе обязательствъ отъ правъ въ чу-
ыя вещи, былъ во всѣхъ другихъ отноше-
ихъ возвратомъ къ старинным взглядамъ
вѣковъ назадъ въ сравненіи съ правилами
удебныхъ уставовъ. Со введеніемъ неудач-
ыхъ нотаріальныхъ правилъ, удостовѣреніе
ыло, по своей дороговизнѣ, недоступности
большинству населенія и придирчивости, ме-
очному, нерѣдко безсмысленному канцеляр-
скому формализму, затруднено до того, что
стало фактически, въ массѣ случаевъ, невоз-
можнымъ. Послѣдствія этого, какъ и слѣдо-
вало ожидать, были самыя печальныя. Безчи-
сленное множество правовыхъ отношеній, от-
носящихся къ дѣйствующими нотаріальными пра-
вилами отъ удостовѣренія, существуютъ
только фактически и лишены судебной за-
щиты, еслибы кому-нибудь вздумалось ихъ
нарушить. По отзывамъ лицъ, заслуживаю-
щихъ полнаго довѣрія, въ цѣлыхъ краяхъ
имперіи права землевладѣнія лишь изрѣдка,
въ видѣ изъятія, укрѣплены актами. Что же
болѣе того сказать о договорахъ и сдѣлкахъ?
Благодаря обычному закону, дѣйствительная
жизнь чуждается удостовѣренія правъ. Это
прискорбное явленіе, конечно, не лежавшее
въ намѣреніи законодательства, ведетъ къ
необезпеченности правъ и къ отказу въ право-
судіи. Можно ли винить въ этомъ народъ или
общество? Кто имѣлъ хоть какія-нибудь дѣла,
тотъ едва ли рѣшится взвалить въ этомъ
случаѣ всю вину на нашу обычную безпеч-
ность и спустя рукава. На удостовѣреніе са-
мой ничтожной сдѣлки у насъ приходится
потратить столько времени, хлопотъ и де-
негъ, что отбивается всякая охота ее заклю-
чать при посредствѣ публичной власти, и
остается только, скрѣпя сердце, предоставить
несомнѣнныя законныя свои права волѣ су-
дебъ и случая. Практика, вмѣсто того, чтобы
смягчить строгую формальность и недостатки
нотаріальнаго закона, напротивъ, ее усили-
ваетъ и усугубляетъ. Нотаріусы, и по тре-
бованію старшихъ нотаріусовъ и по собствен-
ному усмотрѣнію, нерѣдко передѣлываютъ
предоставленные имъ проекты соглашеній и
сдѣлокъ такъ, что ихъ и узнать нельзя. Ка-
залось бы, что проще засвидѣтельствованія
подписи? Но и этотъ, самъ-по-себѣ, не голово-
ломный актъ, влечетъ за собою безчислен-
ныя придирки. Въ засвидѣтельствованіи руки
отказываютъ, то потому, что вы имѣли не-
осторожность не подписать своего чина, то
потому, что вы подписались подъ домашнимъ
актомъ, когда онъ долженъ быть совершенъ
нотаріальнымъ порядкомъ. Вопреки здравому
смыслу, ни одинъ нотаріусъ не убѣждается
доводомъ, что, свидѣтельствуя подпись, онъ
не отвѣчаетъ за законность подписаннаго, а
только за достовѣрность подписи. Въ такомъ
извращеніи самыхъ простыхъ понятій о зна-
ченіи публичнаго удостовѣренія правъ, изъ-
явленія воли и фактовъ, вина падаетъ не на
однихъ нотаріусовъ, но и на судебную власть,
отъ которой всегда зависитъ разъяснять за-
конъ и обуздать порывы слѣпострастнаго вле-
ченія къ формализму чрезмѣрно ярыхъ его
поклонниковъ. При такихъ условіяхъ, какое,
спрашивается, возможно у насъ развитіе юрис-
пруденціи?

Превратный взглядъ на удостовѣреніе
правъ, отношеній и фактовъ, до безобразія
развившій формальную сторону въ ущербъ
содержанія, проникъ, къ несчастію, и въ сферу
гражданскаго суда. Составилось злосчастное
убѣжденіе, что только уголовный судъ имѣетъ
задачею и цѣлью доискаться матеріальной
правды, не останавливаясь на обманчивой
формальной оболочкѣ, которою она бываетъ
извращена; а судъ гражданскій будто бы, по
существу своему, призванъ выяснить только
формальную сторону и, только основываясь
на ней, долженъ постановлять свои рѣшенія.
Во имя такого предразсудка, вопіющія не-
правыя гражданскія дѣла выигрываются въ
судѣ, а правыя, по сознанію самихъ судей,
проигрываются, какъ будто гражданскія юри-
дическія отношенія должны имѣть своимъ
мѣриломъ не ту же правду, какъ и возни-
кающія изъ нарушеній, а какое-то свое осо-
бенное, условное, исключительно зависящее
отъ внѣшней формальности. Крайность въ
этомъ ошибочномъ направленіи нашей судеб-
ной практики дошла до того, что по призна-
нію лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ и
вполнѣ компетентныхъ, надо, чтобы добиться
справедливаго рѣшенія, стараться придать
гражданскому дѣлу уголовный характеръ и
повести его уголовнымъ порядкомъ. Подоб-
ные отзывы самыхъ авторитетныхъ и выдаю-
щихся членовъ нашей судебной магистратуры

не требуютъ комментарiевъ и достаточно свидѣтельствуютъ объ ошибочномъ и ложномъ направленіи нашей гражданской юриспруденціи.

Мысль, будто цѣль гражданскаго процесса есть раскрытіе формальной правды, а процесса уголовнаго — правды матеріальной, по существу, одинъ изъ крайне вредныхъ предразсудковъ, который долго еще будетъ гормозить у насъ правильный ходъ правосудія. Факты, подлежащіе разсмотрѣнію и уголовнаго и гражданскаго суда, должны быть въ одинаковой мѣрѣ удостовѣрены тѣмъ или другимъ способомъ; иначе говоря, и тѣ и другіе должны имѣть внѣшнюю осязательность, настолько убѣдительную для суда, чтобы можно было по ней съ увѣренностью признать ихъ дѣйствительное существованіе. Если такой осязательности и убѣдительности фактъ не имѣетъ, судья не можетъ его признать и основать на немъ свое рѣшеніе. Въ этомъ отношеніи факты уголовные и гражданскіе совсѣмъ между собою не различаются: какъ тѣ, такъ и другіе, должны быть облечены въ извѣстную форму, которая и придаетъ имъ осязательность и убѣдительность. Слѣдовательно, ни судъ уголовный, ни судъ гражданскій не могутъ задаваться идеальной задачей открыть матеріальную правду, оба, по необходимости, должны довольствоваться правдой формальной, ибо о фактѣ можно судить только по его внѣшнимъ проявленіямъ, а не по внутренней его сущности, которая, сама-по-себѣ, недоступна и невѣдома.

Все это такъ, скажутъ намъ, но при сужденіи фактовъ уголовныхъ судъ не стѣсненъ условной формой, которой они не имѣютъ, тогда какъ для гражданскихъ юридическихъ отношеній и фактовъ форма предписана закономъ, и когда она вполнѣ соблюдена, судъ не можетъ, помимо ея, доискиваться другихъ признаковъ достовѣрности или недостовѣрности. Аргументація эта совершенно правильна, но она только показываетъ, что корень зла не въ недостаткахъ процедуры, а въ ошибочной системѣ удостовѣренія правъ, отношеній и фактовъ гражданскаго права. Благодаря такой системѣ, внѣшняя условная форма получила самостоятельное значеніе, независимо отъ содержанія, котораго, однако, должна бы только служить выраженіемъ, и безъ котораго и помимо котораго не должна бы имѣть никакой силы. У насъ же теперь какъ разъ наоборотъ: условной формѣ придано значеніе содержанія, и еслибы юридическій фактъ или отношеніе не
характера могли быть неопровержи
заны на судѣ, то всѣ эти доказа
могутъ быть приняты въ уваже
что они, помимо условной формы не
никакого значенія. Точно такъ же и
если условная форма существуетъ
всякомъ случаѣ, уже предполагаетъ
ществуетъ и соотвѣтствующее
хотя бы и могло быть неопровер
зано, что выражаемаго этой формой
нія или факта уже не существуетъ и
никогда не существовало; а разъ
противорѣчія между формой и со
права, факта или отношенія, пол
суду гражданскому, относится къ
ціи уголовной. Противъ такого
значенія и силы условной формы
ражаемъ. Здѣсь скрывается источ
зла, которое извращаетъ правиль
на юридическія отношенія и ихъ
рѣшеніе, проводитъ искусственное ра
жду правдой уголовнаго и граждан
какого по существу дѣла не
разобщаетъ міръ дѣйствительныхъ
ческихъ отношеній, предназначен
здравому смыслу, находиться въ
взаимной связи, и придаетъ силу
зракамъ, отказывая въ ней дѣйстви
фактамъ.

Изъ сказаннаго видно, въ какомъ
леніи и духѣ необходимо преобразо
ствующихъ нашихъ нотаріальныхъ
ленія. Такъ называемому укрѣпле
долженъ быть приданъ характеръ
удостовѣренія возникновенія, пре
измѣненія правъ, отношеній и ф
то же время должно быть исчерпы
доказываніе какъ неправильности
ренія, такъ и существованія, пр
или измѣненія правъ, отношеній
помимо ихъ публичнаго удостов
этомъ отношеніи гражданскому
предстоитъ идти по стопамъ устав
скаго судопроизводства 1864 года
далѣе принятыя въ немъ начала, с
облегчить и упростить удостовѣре
сдѣлокъ и юридическихъ фактовъ,
вить возможность поправки въ
чаяхъ, когда форма противорѣчит
нію, формальный актъ — дѣйстви
правду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне
приблизить, сдѣлать болѣе сподр
значительно удешевить для массы

е юридическихъ фактовъ, изъ
и и сдѣлокъ. Теперешніе нота-
ъ и судебные порядки, разсчи-
тое или достаточное меньшин-
ваютъ слишкомъ мало вниманія
сти и нужды огромнаго большин-
удъ и нотаріатъ будутъ такъ до-
оступны и дороги, какъ теперь,
о развитіи у насъ юриспруденціи и правиль-
ныхъ юридическихъ понятій нечего и ду-
мать; жизнь и законъ будутъ попрежнему
расходиться, къ существенному вреду част-
ныхъ интересовъ, общества и государства.

(Журн. гражд. и угол. права, 1882, кн. VIII — X, и 1883, кн. II).

ПРАВА СЕМЕЙСТВЕННЫЯ *).

ніи всѣхъ семейныхъ отношеній,
имущественныхъ, лежитъ физіо-
соединеніе лицъ различнаго пола
ческое послѣдствіе такого соеди-
еніе дѣтей. Эти факты, находя-
области права, получаютъ въ по-
ридическое опредѣленіе, соотвѣт-
тіямъ людей въ данномъ обществѣ
обстоятельствахъ, степени куль-
ваніямъ правильнаго общежитія.
соединеніе есть, само по себѣ,
ѣнное физіологическое явленіе и
обычаи и законъ его не ввели
я не подвели подъ опредѣленіе,
бѣ печать грубой и слѣпой силы,
буждающей и роковой, какъ всѣ
всѣ силы природы. Это подтвер-
сторія. Въ древнѣйшихъ преда-
шихъ народовъ, при совершен-
тости общественной жизни, бра-
слѣ постояннаго союза мужчины
нѣтъ, а есть только случайное
смѣшеніе половъ, причемъ муж-
сильнѣйшій, обращаетъ женщину
въ пассивный предметъ удовлетворенія сво-
ихъ желаній. Есть впрочемъ сказанія объ
амазонкахъ, есть намеки на то, что когда-то
дѣти назывались по матери, а не по отцу.
Такіе факты указываютъ, какъ будто, на бы-
шее кое-гдѣ, въ первобытныя времена, пре-
обладаніе женщинъ надъ мужчинами. Но эти
факты еще недостаточно изслѣдованы, и дѣ-
лать изъ нихъ положительныхъ заключеній
пока нельзя.

Многоженство (какъ и полиандрія, напр., въ Тибетѣ и Индіи) и существованіе, рядомъ съ женами, наложницъ, представляютъ уже, сравнительно высшую ступень развитія, какъ попытка установить продолжительный и прочный союзъ между мужчиной и женщиной, и, различить случайное ихъ соединеніе отъ правильнаго союза. При этомъ роль женщины все еще весьма униженная, но, сравнительно, въ полигаміи уже просвѣчиваетъ мысль, что она не есть только предметъ удовлетворенія страстей, виденъ намекъ на ея будущее, болѣе самостоятельное личное положеніе.

*) *Къ отдѣльному изданію* — Изда-
содержитъ въ себѣ лекціи, читанныя
и въ началѣ 1881 года, въ Военно-
академіи, гг. офицерамъ старшаго об-
въ научномъ, какъ и въ практическомъ
лекціи не представляютъ ничего по-
реснаго. Въ своемъ курсѣ я старался
съ слушателями сложныя основанія се-
и юридическія формы, въ какія онѣ
устроеномъ человѣческомъ общежитіи,
оды развитія, у различныхъ народовъ.
было дать моимъ слушателямъ понять не-
предмета и внушить обдуманное и
ему отношеніе, что такъ существенно
ебно въ наше переходное время, пред-
располагающее къ крайнимъ взглядамъ съ одной сто-
роны и къ большому легкомыслію съ другой. Та же
цѣль заставила меня рѣшиться выступить съ прочитан-
нымъ курсомъ и въ академической аудиторіи, передъ
читающей публикой. Сердечно буду радъ, если пода-
ваемая книжка будетъ хоть сколько-нибудь содѣйство-
вать къ подворенію и укрѣпленію у насъ правиль-
ныхъ взглядовъ на семью и ея роль въ обществѣ. —
Знающій читатель встрѣтитъ въ моихъ лекціяхъ не-
досмотры, пробѣлы и ошибки. Заранѣе прошу это быть
снисходительнымъ. Въ срочномъ трудѣ, изо дня въ
день, они были неизбѣжны, откладывать же изданіе
курса я не хотѣлъ, изъ боязни, чтобы другія понятія
потомъ не помѣшали. Къ тому же въ мои лѣта откла-
дывать и небезопасно.

[illegible]

Развитіе нравственной и бытовой стороны отношенія мужчины и женщины въ семьѣ останавливается и пошло назадъ. Какъ прежде во времена дикости, царилъ одинъ половой инстинктъ и физическая сила, такъ потомъ, въ противоположность этой крайности появилась другая, — смотрѣть на половыя отношенія какъ на грѣховныя сами по себѣ и лишь терпимыя, по необходимости, только какъ вынужденная уступка физической природѣ человѣка. На бракъ, даже съ одной женщиной, стали смотрѣть какъ на зло и грѣхъ: онъ подвергнутъ различнымъ ограниченіямъ во всемъ, что подавало поводъ предполагать въ брачныхъ наклонностяхъ преобладаніе половыхъ инстинктовъ. Такое стремленіе по возможности устранить изъ брака его физіологическую подкладку не могло имѣть крайность, долго удержаться и должно было постепенно уступить мѣсто другому, болѣе правильному взгляду на брачный союзъ, какъ на физіологическій фактъ, но опредѣленный и урегулированный психическими и социальными сторонами человѣческаго существованія.

Подобно тому, какъ отношеніе двухъ половъ, и отношенія родителей и дѣтей имѣютъ основаніемъ физіологическій фактъ рожденія. Человѣкъ, болѣе и ранѣе чѣмъ всѣ животныя, остается послѣ рожденія безпомощнымъ, неспособнымъ заботиться о самомъ себѣ и о поддержаніи своего существованія. Это устанавливаетъ постоянныя отношенія между родителями, съ зависимостью [illegible] послѣднихъ, не только въ человѣкѣ, но и у многихъ породъ животныхъ.

Такимъ непосредственнымъ физіологическимъ фактомъ лежащимъ въ основаніи семьи, являются отношенія между родителями и дѣтей. Въ первобытныхъ обществахъ особенно половымъ отношеніямъ [illegible] чисто животнымъ, не вмѣшивается [illegible] животными инстинктами. Въ этихъ обществахъ физическая сила опредѣляетъ характеръ отношеній. Дѣти находятся въ рабской зависимости отъ родителей, и власть надъ [illegible] ничѣмъ не отличается отъ власти отца надъ рабами. Извѣстно, когда родители дѣлаются рабами своихъ дѣтей, послѣдніе властвуютъ надъ ними и убиваютъ ихъ, если они становятся [illegible] или ихъ нечѣмъ кормить.

Съ успѣхами культуры, съ развитіемъ нравственной стороны, съ установленіемъ [illegible] семейнаго сожительства между [illegible] родителями отношенія постепенно [illegible] уступаютъ мѣсто болѣе человѣческимъ [illegible] между родителями и дѣтьми устанавливаются [illegible] кровныя связи, продолжающіяся всю жизнь, которыя различаются отъ отношеній господъ къ рабамъ, съ тѣхъ поръ [illegible] перестали смѣшиваться съ рабами [illegible] сначала одного главы семейства, отношеніе [illegible] родителей надъ дѣтьми признается [illegible] она регулируется обществомъ и [illegible] заботамъ о физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей: за родителями остается столько власти, сколько нужно, для достиженія этихъ двухъ цѣлей. Во всѣхъ [illegible] отношеніяхъ общество признаетъ [illegible] скую правоспособность и самостоятельность дѣтей, личную и имущественную, [illegible] на нихъ обязанность заботиться [illegible] лягъ, неспособныхъ печись о самихъ себѣ, преклоннымъ лѣтамъ, состоянію [illegible] бѣдности.

Таковы основанія семеннаго [illegible] измѣненія, которыя въ немъ происходятъ мѣрѣ развитія людей и общественныхъ [illegible] Физіологическіе факты и природные [illegible] ты, служащіе основой семьи и [illegible] отношеній, заслоняются и отодвигаются [illegible] второй планъ развитіемъ психическихъ [illegible] роны и требованіями правильной общественной жизни. По своей психической [illegible] человѣкъ не можетъ оставаться при [illegible] животныхъ инстинктахъ и переходитъ [illegible] въ кругъ своей душевной и духовной

ороны, общественная жизнь, ко-
шая задача заключается въ воз-
еральномъ и личномъ огражде-
ѣчени каждаго изъ членовъ об-
можетъ допустить господства
животныхъ инстинктовъ и гру-
на, по своей природѣ, призвана
ь въ границы, сдѣлать безпред-
лей правильнаго общежитія лю-
бъясняется и оправдывается вмѣ-
общества въ семейныя отношенія,
ѣ ихъ обычаемъ и закономъ. Но,
бщество т.-е. обычай или за-
бходимости, удаляются отъ факта
различіе между фактомъ закон-
нымъ и не признаваемымъ въ
акимъ образомъ, бокъ-о-бокъ съ
знанной обществомъ, образуется
инная, существующая фактически,
ически: незаконное сожительство
женщины, незаконнорожденныя
онное сожительство преслѣдуется
болѣе или менѣе строго, смотря
ъ его на необходимость обуздывать и регулировать половые инстинкты,
ими, стремленіе подчинить ихъ
правиламъ, проистекаетъ не изъ
одимости ограждать личную не-
ность всѣхъ и каждаго, не изъ
атій о плотскомъ совокупленіи,
-то самомъ въ себѣ грѣховномъ
нимомъ по необходимости, но и
поддержать расу, не дать ей за-
ѣстно, что многія болѣзни, какъ
достоинства и наклонности, пере-
ѣдственно, изъ поколѣнія въ по-
то браки въ близкихъ степеняхъ
ть къ вырожденію породы. Что
незаконнорожденныхъ, то они
признаются членами семейнаго
ю самый фактъ ихъ существова-
ихъ членами общества, которое
тказать имъ въ призрѣніи, вос-
ѣщитъ, не даваемыхъ имъ семьею.
, на общество падаетъ попеченіе
отя и законнорожденныхъ, но ко-
дствіе той или другой случай-
ались родителей и остались безъ
Наконецъ, бываютъ случаи, что
ѣ лица принимаютъ на свое по-
торонникъ дѣтей, не связанныхъ
ожденіемъ, наравнѣ съ своими,
бы они были ихъ собственныя

Такимъ образомъ въ обществѣ, рядомъ съ семьею естественною, основанною на кровномъ родствѣ, является семья искусственная, юридическая; рядомъ съ родительскою властью создается, по ея образцу, опека, рядомъ съ рожденными дѣтьми—дѣти усыновленныя.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ обществѣ физіологическіе, естественные факты соединенія половъ и рожденія, подъ вліяніемъ духовной природы человѣка и условій организованнаго сожительства людей, подвергаются существеннымъ видоизмѣненіямъ. Мы знаемъ, что отношенія къ вещамъ и самыя вещи получаютъ, подъ вліяніемъ правовыхъ опредѣленій, другой характеръ и значеніе; что отношенія между собою людей, благодаря духовной ихъ природѣ и потребностямъ человѣческаго сожительства, получаютъ въ правѣ извѣстное постоянство, продолжительность и правильность: такимъ же точно образомъ существенно видоизмѣняются и физіологическіе факты, лежащіе въ основаніи семьи. Сдѣлавшись предметомъ юридическихъ опредѣленій, они, подъ вліяніемъ психическихъ и общественныхъ элементовъ, тоже возводятся въ постоянныя, правильныя отношенія, ограничиваются, опредѣляются. Рядомъ съ ними и по ихъ образцу установляются другія отношенія, въ которыхъ физіологическія отношенія вовсе отсутствуютъ.

Таково происхожденіе семьи и семейныхъ отношеній. Значеніе и роль ихъ въ организованномъ сожительствѣ людей—громадныя. Семья есть начальная клѣтка, изъ которой выростаетъ общественность. Она—основной атомъ организованной общественной жизни. Семья разрождается въ родъ и племя, въ которыхъ весьма долго семейныя отношенія служатъ образцомъ, прототипомъ для всякихъ вообще отношеній людей между собою. Кровное родство, кровныя связи, отношенія, установляемыя между семьями вслѣдствіе брачныхъ союзовъ (свойство), были вездѣ первичными формами общественныхъ отношеній и публичнаго права, и это естественно. Люди вездѣ и всегда переносятъ на новыя явленія тѣ понятія, которыя несутъ съ собою, до тѣхъ поръ, пока жизнь, опытъ, размышленіе не убѣдятъ въ томъ, что новый фактъ не похожъ на извѣстный прежній, имѣетъ свои особыя условія и управляется другими законами. Мы теперь знаемъ и понимаемъ, что семейныя и родственныя отношенія—совсѣмъ не то, что общественныя, публичныя, госу-

царственныя; но это различіе есть результатъ долгаго опыта, котораго люди сперва не имѣли и, знакомые сначала только съ семейными и родственными отношеніями, переносили ихъ на всѣ другія.

Семейныя связи и устроившіяся по ихъ образцу связи родства и свойства не могли навсегда оставаться единственнымъ прототипомъ общественныхъ отношеній. Рядомъ съ ними появились другія, совсѣмъ иного свойства и характера. Роды и племена, чуждые другъ другу, пришли въ соприкосновеніе между собою. Мирныя и дружественныя ихъ сближенія еще могли принять характеръ семейныхъ и кровныхъ, уподобиться имъ; но они далеко не всегда были мирныя и дружественныя: очень часто роды и племена враждовали между собою, похищали другъ у друга имущество, людей, женъ; часто племена и роды жили разбоемъ и хищничествомъ, выходили въ походъ или цѣлымъ родомъ и племенемъ, или дружинами охотниковъ, подъ предводительствомъ почему либо выдающихся вождей, овладѣвали цѣлыми родами и племенами въ мѣстахъ ихъ поселеній и уводили ихъ въ плѣнъ и рабство, или овладѣвали землями, на которыхъ побѣжденные были поселены, истребляли ихъ или обращали въ рабовъ на мѣстахъ ихъ жительства, или ограничивались однимъ обращеніемъ ихъ въ подвластныхъ и данниковъ. Такъ возникали и установлялись отношенія, непохожія на семейныя и родственныя. Изъ сожительства чужеродцевъ и иноплеменниковъ, даже когда первоначальная враждебность впослѣдствіи проходила и забывалась, возникали отношенія новаго рода, прототипъ которыхъ нисколько не напоминалъ узъ, связывавшихъ членовъ семьи, рода и племени. Торговля и промышленность, въ свою очередь, много содѣйствовали установленію другихъ отношеній между людьми помимо семейныхъ и родственныхъ. Наконецъ, общій всей органической жизни законъ дифференціаціи мало-по-малу развилъ и внутри семей и родовъ начало индивидуализма и велъ къ замѣнѣ кровныхъ и родственныхъ отношеній гражданскими. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, были причиною постепеннаго перерожденія быта семейнаго и родового въ гражданскій. Это не значитъ, что кровныя связи упразднились: физіологическаго основанія, изъ котораго выросло общежитіе и которое служитъ первичной ячейкой организованной общественности, невозможно вычеркнуть изъ числа факторовъ общественнаго [illegible] кровныя и родственныя связи мало утратили то преобладающее, почти [illegible] тельное значеніе въ опредѣленіи [illegible] между людьми, какое имѣли сначала, [illegible] вались все болѣе и болѣе, удержались въ тѣсномъ кругѣ семьи и ближайшаго родства, гдѣ ихъ вліяніе не могло [illegible] ниться по самому существу дѣла.

А. Союзъ супружескій.

Какъ сказано было выше, физиологическій фактъ соединенія лицъ двухъ половъ [illegible] ствіе того, что въ человѣкѣ сильна [illegible] психическая, духовная сторона, превр[illegible] въ постоянное сожительство и общ[illegible] чины и женщины, въ которыхъ физ[illegible] ское отношеніе отступаетъ на второ[illegible] и стушевывается разнообразящимися [illegible] нѣческими отношеніями другого р[illegible] рядка.

Таково существо супружескаго со[illegible] стоянство, продолжительность, общ[illegible] ни и быта, отличаетъ его отъ всѣхъ [illegible] видовъ и формъ отношеній между [illegible] различнаго пола.

Этого мало. Съ супружескимъ [illegible] тѣсно связаны интересы общества [illegible] обезпеченіи и воспитаніи дѣтей и [illegible] нихъ, нарождающихся членовъ об[illegible] тересы имущественные лицъ, соста[illegible] супружескомъ союзѣ, требующіе [illegible] со стороны общества; наконецъ [illegible] смотря по своимъ вѣрованіямъ, по[illegible] взглядамъ, связываетъ съ предста[illegible] супружескомъ союзѣ извѣстныя воз[illegible] торыя и переноситъ на чету, сос[illegible] бракѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обсто[illegible] супружескій союзъ, составляющій [illegible] мому, дѣло частное и личное, [illegible] только супруговъ и никого болѣе, [illegible] общественный, публичный характе[illegible] руется обществомъ и ставится по[illegible] троль. Результатомъ этого является [illegible] всякое сожительство мужчины и [illegible] хотя бы добровольное и постоян[illegible] знается за супружество: является [illegible] между супружествомъ законнымъ и [illegible] нымъ. Первымъ считается то, ко[illegible] влетворяетъ всѣмъ условіямъ, пр[illegible] мымъ закономъ—письменнымъ или [illegible]

которое не удовлетворяетъ этимъ
и потому обществомъ не при-
вается нарушеніемъ установ-
щественныхъ нормъ, — фактомъ,
мъ юридическаго характера и зна-

имъ оба эти вида супружества и
какія юридическія послѣдствія они

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Законный бракъ

Вступленіе въ бракъ.

, чтобы бракъ былъ признанъ за-
дѣйствительнымъ, требуются из-
вія, которыя отчасти опредѣ-
дическую правоспособность лицъ
ъ законный бракъ, отчасти ка-
каго совершенія или заключенія
д, вступленія въ бракъ.
я, *требуемыя отъ вступающихъ*
и дѣйствительности супружескаго

эти крайне разнообразны и много-
что зависитъ отъ объясненной
вости элементовъ, опредѣляющихъ
ъ гражданское учрежденіе.
чѣмъ станемъ излагать эти усло-
мъ, что сила ихъ и дѣйствіе не
Одни изъ нихъ признаются безу-
бходимыми и при несоблюденіи
не можетъ быть заключенъ, а со-
ки бракъ считается незаконнымъ,
ельнымъ и расторгается; другія не
кой безусловной обязательности, и
ченный съ ихъ нарушеніемъ, не
ся, остается въ своей силѣ. Они,
енѣе, признаются условіями всту-
брачный союзъ; отсутствіе ихъ
репятствіемъ къ совершенію брако-
которое отлагается; заключеніе
неніе брака съ нарушеніемъ этихъ
ечетъ за собою, въ извѣстныхъ
взысканіе или наказаніе, только
послѣдствіемъ недѣйствительность
расторженіе. Какія условія при-
условно необходимыми и какія
лько относительное значеніе—бу-
ано при самомъ ихъ изложеніи.
тву и характеру элементовъ, опре-
ъ бракъ, какъ общественное, граж-
данское учрежденіе, условія для вступленія въ супружескій союзъ суть: 1) физіологическія; 2) психическія или нравственныя, духовныя; 3) гражданскія, общественнаго свойства и характера.

1) Условія физіологическія возникаютъ изъ того, что въ основаніи брака лежитъ, какъ объяснено выше, соединеніе мужчины и женщины, могущее имѣть послѣдствіемъ рожденіе дѣтей. Общество требуетъ отъ вступающихъ въ брачный союзъ извѣстныхъ физіологическихъ условій, узаконяетъ, возводитъ въ обязательное правило законы природы, которые произволомъ людей могутъ быть нарушены, но вредъ самихъ брачущихся или ихъ дѣтей, будущихъ членовъ общества.

Сюда относятся слѣдующія условія:

1) Возрастъ. Отъ вступающихъ въ бракъ требуется, чтобы они достигли возраста, при которомъ брачное сожительство возможно безъ вреда здоровью. Церковное право опредѣлило возрастъ гораздо болѣе ранній (14 и 12 л.), чѣмъ дѣйствующій теперь свѣтскій законъ, потому что основано на обычаяхъ и законахъ восточныхъ и южныхъ странъ, гдѣ люди достигаютъ возмужалости ранѣе, чѣмъ въ другихъ. Возрастъ, требуемый свѣтскимъ законодательствомъ для вступленія въ бракъ, въ различныхъ государствахъ опредѣленъ различно. По своду законовъ (т. X ч. 1) для мужчинъ опредѣленъ 18-лѣтній возрастъ, для женщинъ—16-лѣтній. Только для Закавказскаго края, по климатическимъ условіямъ, возрастъ, требуемый для вступленія въ супружество, пониженъ для мужчинъ и женщинъ на три года - 15 и 13 л. (ст. 3). Съ разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ бракъ можетъ быть допущенъ и ранѣе, но не болѣе полугода до узаконеннаго возраста (тамъ же, ст. 3, примѣч.). Правила о возрастѣ для вступленія въ бракъ распространяются на брачущихся всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, магометанъ и евреевъ (тамъ же, ст. 63 и 91). Язычниковъ они, повидимому, не касаются и для нихъ необязательны.

Условіе возраста признается по русскому законодательству безусловно обязательнымъ. Заключенный вопреки его бракъ признается недѣйствительнымъ (тамъ же, ст. 37 и. 5), и супруги разлучаются отъ дальнѣйшаго сожительства. Но если, по достиженіи совершенолѣтія, они пожелаютъ продолжать супружество, то союзъ ихъ подтверждается въ церкви, „по установленному для того чино-

положеніи" (тамъ же, ст. 39). Эта оговорка относится только къ бракамъ между православными. Какъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ поступать относительно иновѣрцевъ, нарушившихъ при вступленіи въ бракъ законъ о возрастѣ, не объяснено.

2) Преклонныя лѣта. По нашему законодательству предѣльнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ признается 80 лѣтъ (тамъ же, ст. 4). Предполагается, что послѣ 80 лѣтъ вступленіе въ бракъ не можетъ уже имѣть цѣлью супружескій союзъ и служитъ только благовиднымъ предлогомъ для достиженія различныхъ другихъ цѣлей, не имѣющихъ съ бракомъ ничего общаго.

3) Родство и свойство. Родство и свойство, какъ проистекающія изъ рожденія дѣтей и супружества, должны быть отнесены къ физіологическимъ условіямъ заключенія супружескаго союза. Съ родствомъ и свойствомъ въ этомъ смыслѣ не должно смѣшивать родства духовнаго, возникающаго вслѣдствіе воспріятія отъ св. купели, уподобленнаго церковью рожденію физическому и установляющаго, вслѣдствіе того, родственныя отношенія особаго рода между крещаемыми и воспріемниками, послѣднихъ между собою и съ родителями и родственниками воспринятыхъ отъ святой купели. Не слѣдуетъ его также смѣшивать и съ родствомъ гражданскимъ, возникающимъ изъ усыновленія. Поэтому здѣсь, говоря о физіологическихъ условіяхъ вступленія въ бракъ, мы будемъ имѣть въ виду только родство и свойство кровное, происходящее изъ рожденія и брака. Различаются они между собою тѣмъ, что родство опредѣляется рожденіемъ. Родственниками считаются тѣ, которые связаны между собою рожденіемъ или происходятъ отъ одного лица по рожденію; свойство заключается въ связи, установляемой бракомъ. Связь такого рода установляется между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого супруга, между родственниками одного супруга и родственниками другого, наконецъ, между членами двухъ родовъ, связанныхъ между собою чрезъ посредство брачнаго соединенія съ третьимъ родомъ. Въ физіологическомъ отношеніи вполнѣ понятно запрещеніе браковъ въ опредѣленномъ кругѣ кровнаго родства, такъ какъ чрезъ это ухудшается порода. Противъ браковъ по свойству нѣтъ возраженія физіологическаго свойства, почему оно какъ препятствіе къ браку, и признается теперь въ Германіи въ видѣ исключенія изъ общаго правила, въ ближайшемъ свойствѣ.

Въ томъ видѣ, въ какомъ родство [illegible] препятствіемъ къ браку въ законо[illegible]стахъ, физіологическое вырожденіе [illegible]ства устраняется далеко не удов[illegible]тельно. Законъ, особливо у насъ, сов[illegible] игнорируетъ родство и свойство, уст[illegible]мыя самымъ фактомъ сожительства [illegible]нія, когда они не освящены закон[illegible]вершенное исключеніе незаконнаго с[illegible]ства и рожденія изъ круга отношен[illegible]щихъ юридическое значеніе, ве[illegible] вопросъ: можетъ ли родство и свойс[illegible]ствительное, хотя и незаконное, [illegible] препятствіемъ къ браку? На это в[illegible] законодательствѣ нѣтъ отвѣта. По[illegible] вѣроятнымъ, бракъ не будетъ на само[illegible] допущенъ между матерью и ея незако[illegible]деннымъ, между послѣднимъ и его [illegible] съ восходящими родственниками со[illegible] матери и съ ея другими ближайш[illegible]ственниками; по никакого закона п[illegible] предмету нѣтъ. Что касается отца не[illegible]рожденнаго и его родственниковъ, [illegible] бы онъ былъ всѣмъ извѣстенъ и [illegible] отрицалъ своей кровной связи съ не[illegible]рожденнымъ, отношенія послѣдняго [illegible] и его ближайшимъ родственникамъ н[illegible] юридически, считаться препятствіем[illegible] ключенію брака. Такимъ образомъ, [illegible] игнорированіе естественной семьи [illegible] повлечь за собою полное и очевид[illegible]шеніе по существу закона, устано[illegible] церковью и государствомъ въ вид[illegible] держанія породы и предупрежденія [illegible]нія ея чрезъ браки въ ближайше[illegible] родства.

По законамъ церкви, родство в[illegible]щихъ и исходящихъ линіяхъ есть [illegible]ное препятствіе къ супружеству. [illegible]выхъ линіяхъ запрещеніе браков[illegible] ограничивалось одними ближайши[illegible]нями, но потомъ (съ VIII в.) расп[illegible] и на болѣе широкій кругъ родств[illegible]новилось въ XIII в. на 7-ой степ[illegible]чительно. Впрочемъ, съ разрѣше[illegible]ной или свѣтской власти, допускае[illegible] и въ пятой степени родства. По [illegible]же закону европейскихъ государст[illegible] разрѣшены въ 4-ой и даже 3-[illegible] родства (нѣмецк. имп. законъ [illegible] 1875 г. § 33). По русскому законо[illegible] постановленія церковнаго закона [illegible]

безусловно запрещены браки до
ти родства, а въ дальнѣйшихъ
запрещенныхъ Кормчею, они
совершены съ разрѣшенія епар-
сти (Нобѣдоносцевъ, стр. 33).
ется свойства, то по законамъ
приравнено къ родству, при чемъ
а считались за одно лицо. Вслѣд-
тѣ же препятствія къ браку, ко-
ты на основаніи родственныхъ
остранены и на отношенія по
именно: браки запрещены по ли-
ства восходящимъ и нисходящимъ,
ихъ между лицами, состоящими
въ 7-ой степени. Что касается
ныхъ свѣтскихъ законодательствъ
они считаютъ препятствіемъ къ
о первую степень свойства. Отно-
ного супруга и родственниковъ
епени свойства совпадаютъ съ
родства; что же касается связей
ду родственниками обоихъ супру-
на двѣ степени дальше.
ующему русскому законодатель-
нымъ препятствіемъ къ браку
въ боковыхъ линіяхъ признается
свойство до 4-ой степени. Въ
кихъ степеняхъ, въ которыхъ
рковному закону не допускается,
быть дозволенъ съ разрѣшенія
й власти (Нобѣдоносцевъ, стр. 33).
исленія родства и свойства
ены впослѣдствіи, въ своемъ

особность къ брачному сожитель-
оставляетъ препятствіе къ брач-
ю, не имѣя видимыхъ, осязатель-
аковъ, обыкновенно не можетъ
къ фактъ, предшествующій со-
соединенію, и потому признается,
нашемъ законодательствѣ, лишь
ие къ разводу (Зак. гражд. ст. 48).
диѣ признается и церковными
ями и свѣтскими законодатель-
способность къ половому соеди-
яетъ одно изъ условій брачнаго
о при различномъ взглядѣ на по-
особность толкуется болѣе или
е. По византійскому праву „фи-
особность признавалась законо-
ствомъ къ супружеской жизни
-хъ лѣтъ послѣ вступленія въ
она оказывалась на дѣлѣ какъ
ъ или немощь природы" (Аль-

бовъ, стр. 187; Зак. гражд., ст. 48). Церковное католическое и протестантское право точно также признаютъ препятствіемъ къ браку постоянную и неизлечимую неспособность, при чемъ протестантское церковное право признаетъ неспособность препятствіемъ, хотя бы она и была извѣстна другой сторонѣ. Сводъ законовъ стѣсняетъ разводъ по поводу неспособности и не допускаетъ его, если она началась уже по вступленіи въ бракъ (Зак. гр., ст. 49).

5) „Запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими" (Зак. гр., ст. 5). Такое препятствіе считается безусловнымъ (тамъ же, ст. 37, п. 1). Его относятъ обыкновенно исключительно къ условіямъ гражданскимъ, такъ какъ безуміе и сумасшествіе исключаютъ возможность разумнаго и сознательнаго вступленія въ бракъ, безъ чего онъ не можетъ считаться правильно заключеннымъ; но мы думаемъ, что безуміе и сумасшествіе, какъ природное болѣзненное, ненормальное состояніе, передаваемое нерѣдко и по наслѣдству, можетъ быть, въ смыслѣ препятствія къ браку, отнесено отчасти и къ физіологическимъ условіямъ вступленія въ брачный союзъ.

II) Условія духовныя возникли вслѣдствіе различныхъ причинъ. Во 1-хъ, въ историческомъ развитіи брачнаго союза, физіологическая сторона, господствовавшая въ немъ сначала, имѣетъ съ гражданскими, общественными, почти исключительно, въ первые вѣка христіанства, вслѣдствіе сильнѣйшей реакціи психическихъ, идеальныхъ элементовъ, отодвинута на задній планъ. Возникающія изъ брака психическія отношенія признаны существенною сторопою брачныхъ отношеній, а физіологическія второстепенною, неважною, по существу дѣла грѣховною и только терпимою по слабости и немощи человѣческой природы. Бракъ уподобленъ соединенію Іисуса Христа съ церковью, крещеніе—рожденію, восприятіе отъ св. купели—отношенію родителей къ дѣтямъ. Когда такимъ образомъ идеальная, психическая сторона человѣка была сильно выдвинута впередъ и стала господствовать почти также исключительно, какъ прежде физіологическая, духовныя отношенія признаны препятствіями ко вступленію въ бракъ на ряду съ физіологическими, по образцу и на подобіе которыхъ они сложились. Во 2-хъ, вслѣдствіе того же исключительнаго господства психическихъ элемен-

томъ, соединеніе и сожительство половое признано по принципу грѣховнымъ, какъ плотское; безбрачіе и воздержаніе отъ полового соединенія возведены къ добродѣтель, угодную Богу. Отсюда проистекли различныя стѣсненія и ограниченія брачныхъ союзовъ, удержавшія и до сихъ поръ силу обязательныхъ постановленій.

Условія вступленія въ бракъ, духовнаго характера, суть слѣдующія:

1) „Запрещается вступать въ четвертый бракъ" (Зак. гражд., ст. 21). Церковь неблагосклонно смотрѣла на повтореніе брака, особенно когда оно возобновлялось нѣсколько разъ, считая это равнымъ многоженству, дѣломъ распутства (Альбовъ, стр. 211 и 212). Это условіе существуетъ только по византійскому церковному и нашему свѣтскому праву. Ни по католическому, ни по протестантскому церковному праву нѣтъ препятствія вступать въ четвертый бракъ.

2) Духовное родство „образуется чрезъ воспріятіе отъ крещенія", какъ между воспріемниками и воспринятыми, такъ и между ними и ихъ кровными родственниками. По Трулльскому собору духовное родство признано выше тѣлеснаго, почему препятствіе къ браку по духовному родству распространено, какъ и по родству кровному, до седьмой степени. Свѣтскій законъ ограничилъ у насъ предѣлы духовнаго родства одною первою степенью, именно между воспріемникомъ и самой воспринятой, между воспріемницей и самимъ воспринятымъ (Побѣдоносцевъ, стр. 33). Бракъ между воспріемникомъ и воспріемницею одного и того же младенца, между дѣтьми воспріемника съ воспринятымъ, между воспріемникомъ ребенка и его матерью допускается, но съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, хотя духовное родство между этими лицами и не признается (Альбовъ, стр. 195). Католическая церковь тоже признаетъ духовное родство между воспріемниками съ одной стороны, крестниками и ихъ родителями съ другой, какъ препятствіе къ браку. Протестантская церковь не признаетъ вовсе такого родства.

3) Обѣтъ священства и монашества. „Монашествующимъ и посвященнымъ въ іерейскій или діаконскій санъ, доколѣ они въ семъ санѣ пребываютъ, бракъ вовсе запрещается на основаніи церковныхъ постановленій" (Зак. гражд., ст. 21). Оговорка, „доколѣ въ семъ санѣ пребываютъ", относится и къ монашествующимъ. Такое же запреще[ніе] ствуетъ и по правиламъ католической [церкви], которая, кромѣ того, признаетъ преп[ятствіе] къ браку и простой обѣтъ цѣломудр[ія]. Протестантская церковь не знаетъ это[го] пятствій. Западныя свѣтскія законо[дательства] тоже ихъ не знаютъ, за исключение[мъ] цузскаго и австрійскаго.

4) Различіе вѣроисповѣданій. По [нашимъ] законамъ бракъ между православны[ми] толиками съ одной стороны, и не[православ]ными съ другой, запрещенъ безусло[вно] (гражд. ст. 37 п. 7; ст. 85); протестан[ты] только съ язычниками (тамъ же, [ст. 86]). браки протестантовъ съ лицами [не]закона и магометанами допускаются [тамъ] же, ст. 87). Браки православныхъ съ [ино]вѣрниками допускаются не иначе, как[ъ по] вращеніи послѣднихъ въ православ[іе и] удостовѣреніемъ такого присоедине[нія] сягою (тамъ же, ст. 33). Расколь[ники], желающіе въ бракъ въ православной [церкви] признаются перешедшими въ пра[вос]чтò и удостовѣряется ими присяг[ою] (тамъ же, ст. 33). Но, разрѣшая бракъ [ино]вѣрныхъ съ христіанами-иновѣрцами, [законъ] обязываетъ послѣднихъ не укоря[ть] православныхъ своихъ супруговъ за [то, что] не склонять ихъ къ принятію своей [вѣры], воспитывать своихъ дѣтей въ [ней], въ чемъ они и даютъ подписку (Зак. ст. 67 п. 1 по прод.). Въ Финляндіи [эта] оговорка относится не къ коренны[мъ] лямъ, а къ военно-служащимъ, [находя]въ Финляндіи по командѣ и квар[тирамъ] (тамъ же, ст. 68).

Браки иновѣрцевъ-христіанъ [между] славными по нашимъ церковнымъ [законамъ] были строго запрещены и разрѣш[ались] съ царствованія Петра Великаго. [Въ] европейскія законодательства по [этому] препятствій къ браку по различію [вѣро]вѣданій, исключая австрійскаго, [не] прещаетъ браки между христіа[нами и] христіанами (Альбовъ, стр. 200).

5) Наконецъ, какъ тѣсно свя[зано] исповѣданіемъ, должно еще назва[ть] шенію къ христіанамъ и лицамъ [иного] закона, условіе единобрачія. „[Не] ступать въ новый бракъ во время [существо]нія прежняго, закономъ не раст[оргнутаго]" (Зак. гражд., ст. 20; ст. 62, п. [1]). церковный и законъ свѣтскія одн[ако] прещаютъ христіанамъ и іудеямъ

міо и полиандрію, хотя едва ли
равильно видѣть въ такого рода
одни духовные мотивы. Какъ
ыше, единобрачіе возникло еще
и Римѣ и находится въ тѣсной-
не съ различіемъ вѣроученій,
мъ развитіемъ культуры рода
го, при которомъ преобладаніе
ностинктовъ и униженное положе-
ины мало-по-малу замѣняются
всего быта и жизни и признан-
сти женщины. Единобрачіе счи-
рь условіемъ, тѣсно связаннымъ
ными воззрѣніями только потому,
ество закрѣпило и освятило эту
ного союза, которую нашло уже
сложившееся въ греко-римскомъ
такъ же, какъ магометанство за-
освятило многоженство, существо-
существующее помимо него въ
нообразныхъ видахъ.

ловія вступленія въ бракъ, опре-
бщественнымъ бытомъ.

изіологической и психической или
стороны, брачный союзъ имѣетъ
ченіе факта общественнаго. Въ
хъ, соединяются, для особеннаго
ельства, два лица (при многожен-
ліандріи нѣсколько лицъ), кото-
члены общества и состоять, въ
ныхъ и личныхъ отношеніяхъ,
защитою и охраною; во 2-хъ,
ая жизнь и условія имѣютъ свои
съ которыми супружескій союзъ
ть согласованъ, къ которымъ онъ
ть приложенъ. Этими двумя обстоя-
объясняется, почему, въ числѣ
тупленія въ бракъ, встрѣчается
хъ, которыя имѣютъ гражданскій,
ный характеръ.

-гражданскія, вообще говоря, не
словнаго значенія и не разру-
ка, заключеннаго вопреки ихъ.
ается тѣмъ, что они не касаются
щества брачныхъ отношеній, кото-
тся прежде и больше всего на
ескихъ и психическихъ основа-

віямъ вступленія въ бракъ обще-
арактера принадлежатъ:
вольное и непринужденное согла-
акъ. Вступленіе въ бракъ, какъ
дной воли, подходитъ подъ условія
обставляется всѣми юридическими

[illegible] опе-
[illegible] и со-
[illegible] опе-
[illegible] ству и
быт[illegible] [illegible]ству-
и нетр[illegible] [illegible]ей.
лицъ [illegible] [illegible]ность,
съ тѣмъ [illegible] по
тельными [illegible]
или въ [illegible]
чившихся [illegible]
п. 1). Это правил[illegible]
дательствамъ и [illegible]
вамъ всѣхъ христ[illegible]
въ толкованіи принужд[illegible]
весьма осторожнымъ [illegible]
наго смысла, относя [illegible]
поступкамъ, которые [illegible]
насилія; въ противномъ [illegible]
ніемъ можетъ показаться [illegible]
ное вліяніе, всякое убѣжден[illegible]
чужому авторитету со стороны [illegible]
имѣющихъ своей воли, или безразлич[illegible]
сящихся къ вопросу о вступленіи въ бр[illegible],
вообще, или съ тѣмъ или съ другимъ [illegible].
(Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. права, том[illegible] с
стр. 19, 23 и 24). Въ этомъ смыслѣ [illegible]
дуетъ понимать запрещеніе родителямъ и
опекунамъ принуждать дѣтей и состоящихъ
подъ опекою къ вступленію въ бракъ противъ
ихъ желанія (Зак. гражд., ст. 12 по прод.).
Напротивъ, бракъ, вынужденный обманомъ,
устрашеніемъ или насиліемъ, или заключен-
ный по ошибкѣ, недѣйствителенъ, само собою
разумѣется, если вовлеченный такимъ обра-
зомъ въ бракъ потомъ, совершенно свободно
и непринужденно, не признаетъ совершив-
шагося факта. Въ этомъ отношеніи всѣ законо-
дательства и церковныя права христіанскихъ
народовъ согласны между собою, различаясь
лишь въ подробностяхъ. Такъ, по католиче-
скому церковному праву ошибка только въ
такомъ случаѣ дѣлаетъ бракъ недѣйствитель-
нымъ, когда она касается лица, его свобод-
наго (?) состоянія и такихъ его свойствъ,
которыя опредѣляютъ его индивидуальность
и отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ (error
qualitatis in personam redundans); а протес-
тантское церковное право придаетъ ошибкѣ
значеніе препятствія, дѣлающаго бракъ не-
дѣйствительнымъ и въ такомъ случаѣ, когда
она относится и къ недостаткамъ, которые
вѣроятно удержали бы отъ вступленія въ
бракъ, если-бы были напередъ извѣстны (та-
кова ошибка, касающаяся недостатковъ, воз-

буждающихъ отвращеніе, психическихъ болѣзней, цѣломудрія, совершенныхъ до брака тяжкихъ преступленій). Къ насилію относится устрашеніе и похищеніе. Но устрашеніе или угроза должны быть тоже толкуемы строго. Надо, чтобъ принуждающій къ браку угрозою обладалъ дѣйствительною силою совершить зло, нанести вредъ здоровью, жизни, лишить свободы, а тотъ, кому угрожаютъ, не имѣлъ средствъ оборониться отъ очевидной или вѣроятной опасности. Къ числу угрозъ относится также, когда родители или опекуны принуждаютъ къ браку подъ страхомъ лишенія пищи, изгнанія изъ дома. Не считается принужденіемъ, когда родители заставляютъ сына жениться, не навязывая ему той или другой невѣсты. Похищеніе опредѣляется юридически слѣдующимъ образомъ: а) увозъ женщины, т. е. лица женскаго пола; б) намѣреніе поставить его въ такое положеніе, чтобъ оно не могло освободиться отъ воли похитителя; в) дѣйствительное перемѣщеніе похищенной съ одного мѣста на другое посредствомъ физическаго насилія, хитрости, угрозъ (Альбовъ, Церковное право, стр. 183—185). Католическое церковное право считаетъ похищеніе безусловною помѣхою къ браку и основаніемъ къ его недѣйствительности только до тѣхъ поръ, пока похищенная не будетъ въ состояніи, по освобожденіи изъ подъ власти похитителя и находясь отъ него въ совершенной безопасности, изъявить на бракъ свое согласіе. Что касается до похищенія и увоза съ согласія похищенной, то случай этотъ вовсе сюда не относится и нарушаетъ лишь запретъ вступать въ бракъ безъ согласія родителей и опекуновъ.

2) Неисполненіе условія или обязательства, заключеннаго передъ вступленіемъ въ бракъ. Неисполненіе обязательства, какъ условіе, препятствующее заключенію брака или его дѣйствительности, встрѣчается только въ католическомъ церковномъ правѣ, по которому допускается, съ разрѣшенія епископа, вступленіе въ бракъ подъ извѣстными условіями. Если эти условія не противны нравственности, то неисполненіе ихъ влечетъ за собою недѣйствительность брака. Такихъ условій, противорѣчащихъ существу брака и всему католическому на него воззрѣнію, не знаетъ ни наше, ни протестантское церковное право. По разъясненію кассаціоннаго сената „вступленіе въ бракъ не можетъ быть обусловливаемо никакими обязательствами; обѣщаніе вступить въ бракъ имѣетъ характеръ нравственный и можетъ быть свобо[д]но во всякое время, до самаго совершенія брака по обрядамъ ар[х]. этому обѣщаніе вступить въ бракъ не быть облекаемо въ форму юридическ[ую] зательства; договоръ, устанавливающ[ій] ственныя послѣдствія на случай не[ис]полнія такого обѣщанія, ничтоженъ. отъ обѣщанія, даннаго женихомъ [и] стой, или ихъ родителями не мож[ет] жить основаніемъ и для взысканія конъ" (Разъясн. кас. сената къ ст. 12 прод. См. Боровиковск., стр. силу этого, не могутъ быть истреб[о]ваны подарки, сдѣланные по случаю [об]ѣщаннаго и несостоявшагося брака, [и] это обстоятельство не допускаетъ [ни] гражданскимъ законамъ, обратно[му] нія сдѣланнаго подарка.

3) Дозволеніе на вступленіе въ [б]ракъ. По принципу, каждый воленъ вступать [въ] если къ тому нѣтъ законныхъ пр[е]пятствій, не испрашивая ни у кого дозво[ле]нія разрѣшенія. Это начало всюду [не] исходить въ условіи браки граждан[ъ] свободнаго состоянія. По нашимъ [гра]жданскимъ законамъ, „лица православ[ныя] вѣданія всѣхъ безъ различія состо[я]ній вступать между собою въ бракъ, [не] шивая на сіе ни особаго отъ прав[ительства] дозволенія, ни увольненія отъ сос[ло]вныхъ обществъ, къ коимъ они принадлежа[тъ]. Сказано и о лицахъ всѣхъ вообще [ино]скихъ исповѣданій (Зак. гражд., ст. [1]). Начало это распространяется равн[о] закономъ и на вступленіе въ бракъ не[пра]вославныхъ между собою и съ христіанами. [Ни] этого нигдѣ не выражено. Затѣ[мъ] распространяетъ то же правило и [на] не браковъ между православными [хри]стіанами и иностранцами (тамъ же, [ст.] также безъ сомнѣнія распростра[ня]ется на неправославныхъ подданныхъ и ино[ст]ранцевъ. Только недостаткомъ органическаго [и] казуистическимъ характеромъ свод[а] объясняется, почему у насъ это [не] выражено въ видѣ общаго правила.

Казалось бы, что это начало [есть] само собою и не требуетъ особа[го] дательнаго утвержденія. Почему же [оно] корено въ Сводѣ? Объясненія долж[но] въ исторіи. У насъ личная гражданс[кая] стоятельность есть явленіе отн[о]

сходить далѣе Петра Великаго, ...ившее царствованіе милліоны ... и полукрѣпостныхъ (приписныхъ и проч.) получили гражданолько при императрицѣ Екатеручили гражданскія права двогородскіе классы; только при ... податныя такъ называемыя тоянія получили право пріобрѣмыя имущества. Если мы обраѣ, предшествовавшей Петру, что въ XVII вѣкѣ все народоляная отъ высшихъ его слоевъ ижнихъ, было распредѣлено на такъ называемые чины, изъ котосоставлялъ особое вѣдомство, венно или наслѣдственно свое особое тягло на пользу госуѣ крѣпостныхъ, помѣстныхъ, монастырскихъ, которые отпра и тянули тягло въ пользу айшихъ господъ). Каждый изъ состоялъ подъ своимъ управле свой особый судъ, и приписан люди съ ихъ семействами нахоого управленія въ полномъ подтвѣтственно съ такимъ общеполитическимъ строемъ никто нать въ бракъ безъ явки своему ли вѣдомству, къ которому былъ безъ уплаты установленнаго лучаевъ побора. Такіе явки и ены лишь въ 1775 году при Екатеринѣ II. Нѣчто подобное вало въ городскихъ и сельскихъ Германіи и отмѣнено лишь въ бѣдоносц., ст. 27, 22 и 23).

разомъ, въ настоящее время, въ ждый можетъ вступать въ бракъ спрашивая ни у кого разрѣ... этого общаго правила есть ченія, обусловленныя разными общественнаго, административаго характера. По своду суть слѣдующія:

дается вступать въ бракъ безъ дителей, опекуновъ и попечитестражд., ст. 6; ср. ст. 62 п. 2); овской и Полтавской губерніяхъ, еще силу закона нѣкоторыя ского Статута, допускается, въ ъ случаяхъ, апелляція на зателей къ суду, а именно: когда ршеннолѣтняя и ея имѣніемъ управляетъ отецъ или мать въ качествѣ опекуновъ (тамъ же, ст. 7). Эта оговорка и сопоставленіе родителей съ опекунами и попечителями указываютъ на дѣйствительную и разумную причину ограниченія дѣтей вступать въ бракъ безъ разрѣшенія родителей. Право заключить брачный союзъ наступаетъ, какъ сказано выше, до совершеннолѣтія (по церковнымъ законамъ съ 14 и 12 лѣтъ); а такъ какъ, до наступленія совершеннаго возраста, фактическая правоспособность и въ дѣлахъ имущественныхъ ограничивается опекой и попечительствомъ, то понятно, что недостигшіе совершеннолѣтія не могутъ вступать въ супружество, не получивъ на то дозволенія родителей. По сводъ законовъ не дѣлаетъ этой оговорки и безусловно, безъ всякаго ограниченія, поставляетъ заключеніе брака дѣтьми въ зависимость отъ усмотрѣнія родителей. Этотъ остатокъ римскихъ юридическихъ воззрѣній на власть домовладыки едва ли соотвѣтствуетъ понятіямъ о христіанской семьѣ и началу гражданской самостоятельности лица, достигшаго совершеннолѣтія. Римскія понятія, подъ конецъ, какъ извѣстно, тоже значительно смягчились. Отецъ, не соглашаясь на бракъ, долженъ былъ представить основанія, почему отказываетъ въ дозволеніи, и если не мотивируетъ отказа справедливыми доводами, то разрѣшеніе даетъ судъ (Альбовъ, стр. 201). Церковное право никогда не признавало безусловнаго права родителей отказывать дѣтямъ въ правѣ вступать въ бракъ. Новыя европейскія законодательства тоже признаютъ лишь опекунское право родителей надъ несовершеннолѣтними дѣтьми. Если родителя нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ согласія опекуновъ нужно еще согласіе матери, дѣда или бабки. По недостатокъ согласія родителей не разрушаетъ заключеннаго брака. Тоже и по нашимъ законамъ: въ числѣ браковъ, признаваемыхъ незаконными и недѣйствительными, не упоминаются браки, заключенные безъ согласія родителей, опекуновъ и попечителей (см. ст. 37); но въ нѣкоторыхъ европейскихъ законодательствахъ удержано, хотя и съ различными ограниченіями, право оспаривать бракъ, заключенный противъ воли родителей. Особенно строги въ этомъ отношеніи постановленія французскаго права. По кодексу Наполеона „бракъ подлежитъ опроверженію, когда заключенъ сыномъ моложе 25-ти лѣтъ, или дочерью моложе 21-го года, безъ согла-

сія отца, а въ отсутствіи его—матери, или дѣда или бабки: равно когда несовершеннолѣтніе вступили въ бракъ безъ согласія опекуна или семейнаго совѣта. Совершеннолѣтнія дѣти должны испрашивать согласіе своихъ родителей, либо дѣда и бабки, посредствомъ acte respectueux et formel, чрезъ двухъ нотаріусовъ, и при томъ до трехъ разъ, черезъ мѣсяцъ, если мужчина не старше 30-ти, а женщина 25-ти лѣтъ; кто старше, и тотъ не освобождается отъ этой обязанности, но довольствуется однократнымъ предъявленіемъ почтительнаго акта; лишь черезъ мѣсяцъ послѣ окончательнаго предъявленія дозволяется вступленіе въ бракъ безъ авторизаціи" (Побѣдоносц., стр. 21). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что только въ нашемъ законодательствѣ существуетъ безусловное и ничѣмъ не ограниченное право родителей отказывать дѣтямъ, несмотря на ихъ возрастъ, въ заключеніи брака.

б) „Запрещается лицамъ, состоящимъ въ гражданской службѣ, вступать въ бракъ безъ дозволенія ихъ начальствъ, удостовѣреннаго письменнымъ свидѣтельствомъ" (Зак. гражд., ст. 9 по прод. Ср. ст. 62 п. 2). Этого требованія нѣтъ ни въ Англіи, ни во Франціи, но оно удержалось въ Германіи. Въ Австріи, съ 1815 года, чиновники не испрашиваютъ у начальства разрѣшенія на бракъ, а только заявляютъ о вступленіи своемъ въ супружество (Побѣдоносц., стр. 21). У насъ испрашиваніе разрѣшенія обратилось въ обременительную формальность и давно потеряло всякое дѣйствительное значеніе. Серьезный юридическій характеръ имѣютъ условія, предписанныя для вступленія въ бракъ дипломатическихъ чиновниковъ и военно-служащихъ.

в) „При вступленіи въ бракъ дипломатическихъ чиновниковъ съ иностранками не только должны они испрашивать на то предварительное дозволеніе начальства, съ объявленіемъ какое имѣніе получатъ въ приданое и нѣтъ ли въ виду права на наслѣдство въ чужихъ краяхъ, но притомъ представить и подписку невѣсты, что ей объявлено, что, будучи въ замужествѣ за дипломатическимъ чиновникомъ, она должна продать имѣніе свое въ чужихъ краяхъ: ибо въ противномъ случаѣ мужъ ея обязанъ оставить сей родъ службы" (Зак. гражд., ст. 66). Побужденіемъ къ такому ограниченію служитъ опасеніе, чтобъ дипломатическій чиновникъ, женатый на иностранкѣ, не былъ связанъ матеріальными интересами съ той страной, [illegible] является представителемъ и [illegible] ского правительства. Въ этомъ статья 66 не довольно опредѣлена, и во всякомъ случаѣ недостаточ ждаетъ независимость представит ского правительства отъ матеріаль зей съ чужими краями.

г) Ограниченія вступленія въ бр но-служащихъ. Супружеское сост многихъ отношеніяхъ можетъ з для нихъ отправленіе служебныхъ стей и стѣснять распоряженія вое домства, которое не можетъ не при соображеніе домашняго и семейнаго нія военно-служащихъ. Эти причи нали, въ 1866 году, особыя закон ограничившія право вступленія офицеровъ и нижнихъ чиновъ. „Оф состоящимъ въ военной службѣ во исключенія регулярныхъ войскахъ управленіяхъ и учрежденіяхъ, не вовсе вступать въ бракъ ранѣе 2 возраста. Съ 23-лѣтняго до 28-л возраста бракъ разрѣшается ли ствомъ не иначе, какъ по пре имущественнаго обезпеченія, которое быть собственностью жениха или или обоихъ вмѣстѣ, и должно сос недвижимости или въ процентныхъ принимаемыхъ казною въ залогъ центныя бумаги или документы на жимую собственность хранятся въ казнѣ. Женатый офицеръ можетъ буде вновь поступаетъ въ военную тоже обязанъ представить обезпеч печеніе возвращается владѣльцу женіи 28-лѣтняго возраста, или въ отставку; ранѣе того можетъ вращаема лишь часть обезпеченія вычайныхъ случаяхъ, съ разрѣшен пика дивизіи". Редакція правил ченія, по своей эластичности, мож вать поводъ къ различнымъ зло и обратить самую мѣру въ отяг ную и стѣснительную формальность.

„Неженатымъ рядовымъ (съ 1 класснымъ топографамъ) бракъ пается до увольненія въ безсрочны Нижнимъ чинамъ унтеръ-офицерск бракъ дозволяется не иначе, какъ 5-ти лѣтъ въ этомъ званіи, съ подъ не будутъ требовать отъ казны особыхъ квартирныхъ помѣщеній.

ися отъ безсрочнаго отпуска, браки
ся по усмотрѣнію начальства, съ
подпиской. Это ограниченіе до
распространено на войска Кавказ-
, бывшаго Оренбургскаго и Сибир-
товъ" (Побѣдоносцевъ, стр. 261.
лицамъ Воспитательнаго дома, до
изъ его вѣдомства (для большей
ступленіемъ совершеннолѣтія), за-
жениться. Одержимые увѣчьемъ
ли остаются навсегда на попеченіи
льнаго дома и, слѣдовательно, всѣ
могутъ вступить въ бракъ; однако
съ извѣстнымъ условіемъ, могутъ
озволеніе на вступленіе въ супру-
вмѣстѣ съ тѣмъ увольняются изъ
Воспитательнаго дома. Но сель-
ли того же вѣдомства могутъ всту-
вкъ, съ разрѣшенія своего началь-
игнувъ совершеннолѣтія (Побѣдо-
тр. 27).

пятствія, проистекающія изъ недо-
рѣшенія брака со стороны началь-
вѣдомства, не суть безусловныя и
шаютъ брака, заключеннаго безъ
дозволенія.

данское родство есть тоже одно
й, ограничивающихъ право всту-
брачный союзъ. Гражданское род-
ювляется усыновленіемъ, которое
тношенія между людьми, не имѣю-
съ другомъ кровной связи,—на
вной. По римскому праву усынов-
, не состоящаго ни подъ чьею отe-
стью, называлось arrogatio, а лица,
подъ такою властью — adoptio.
arrogatio установляли родство по
олѣну, agnatio. Adoptio составляло
е къ браку между усыновителемъ
емымъ, arrogatio—къ браку между
азанными между собою родствомъ
му колѣну (усыновленный не могъ
ъ супружество съ сестрою усыно-
его дочерью, внучкою, не могъ
а дочери усыновленной вмѣстѣ съ
ы, или на усыновленной сестрѣ
ъбовъ, стр. 194). Въ современныхъ
хъ законодательствахъ эти разли-
, и бракъ остается запрещеннымъ
ду усыновителемъ и усыновлен-
только до тѣхъ поръ, пока усы-
ществуетъ. Въ нашемъ законода-
объ усыновленіи, какъ о препят-
раку, вовсе не упоминается.

5) Въ имперскомъ законѣ 6 февраля 1875 г. есть запрещеніе состоящимъ подъ опекою вступать въ бракъ съ лицами, у которыхъ они находятся подъ опекою, или съ дѣтьми ихъ. Это запрещеніе очевидно имѣетъ цѣлью предупредить разныя злоупотребленія имущественнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно, можетъ быть, находится въ связи и съ тѣмъ, что опекунъ заступаетъ мѣсто родителей.

6) Препятствія къ браку, возникающія изъ правонарушеній. Съ нѣкоторыми преступленіями и нарушеніями закона, влекущими за собою наказанія, соединены, безусловно или временно, ограниченія права вступать въ супружество. Сюда относятся:

а) Всегдашнее запрещеніе вступать въ супружество лицамъ, которыя сознательно и преднамѣренно заключили бракъ, впослѣдствіи расторгнутый или признанный недѣйствительнымъ. Св. зак. гражд. постановляетъ такое ограниченіе для тѣхъ, которые вступили въ новый бракъ, при существованіи прежняго, законнымъ порядкомъ не расторгнутаго (ст. 40, 41 и 42), или оставили свою супругу или супруга и болѣе пяти лѣтъ скрывались въ неизвѣстности. Не подвергаются такому ограниченію нижніе чины военнаго вѣдомства, бывшіе и болѣе пяти лѣтъ въ плѣну, или въ безвѣстной отлучкѣ на войнѣ (тамъ же, ст. 41). Здѣсь, въ видѣ частнаго случая, выраженъ общій принципъ, который было бы справедливо примѣнить и ко всѣмъ подобнымъ. Не одни военно-служащіе нижніе чины могутъ быть въ положеніи, препятствующемъ, противъ ихъ воли и желанія, жить съ своими супругами.

По церковному праву, бракъ, расторгнутый вслѣдствіе прелюбодѣянія, лишаетъ виноватаго супруга права вступать въ новый бракъ. И въ нашемъ законодательствѣ существовало такое ограниченіе, но оно отмѣнено (Побѣдоносц., стр. 29). По католическому церковному праву, одно прелюбодѣяніе не составляетъ препятствія къ вступленію въ бракъ съ лицомъ, съ которымъ оно совершено: нужно для этого, чтобы виновные дали обѣщаніе вступить между собою въ бракъ въ случаѣ смерти невиннаго супруга, или чтобы одинъ или оба виновные въ прелюбодѣяніи сдѣлали покушеніе на жизнь невинной стороны. Въ томъ же католическомъ каноническомъ правѣ существуетъ запрещеніе брака между лицами, которыя, и не совершивъ между собою прелюбодѣянія, по уговору лишили жизни одного

или обоихъ своихъ супруговъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ ихъ смерти соединиться бракомъ. Изъ нѣмецкихъ законодательствъ австрійское запрещаетъ разведенному супругу вступать въ новый бракъ съ лицомъ, съ которымъ оно совершило прелюбодѣяніе (Побѣдоносц., стр. 30). То же ограниченіе постановлено и въ германскомъ правѣ. Французское право слѣдуетъ относительно разведенныхъ вслѣдствіе прелюбодѣянія началамъ католическаго церковнаго права.

б) „Арестантамъ холостымъ или вдовцамъ, содержащимся въ арестантскихъ ротахъ, не позволяется вступать въ бракъ во все время нахожденія ихъ въ сихъ ротахъ" (Зак. граж., ст. 19).

в) Ссыльнымъ, до распредѣленія въ Тюмени, запрещается вступать между собою въ бракъ. Женщины, сосланныя въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ, могутъ выходить замужъ только за подобныхъ же ссыльныхъ. Ссыльно-каторжнымъ разрѣшается вступать въ бракъ между собою и съ ссыльными лишь по поступленіи въ разрядъ исправляющихся, перваго разряда черезъ три года, третьяго разряда—черезъ одинъ годъ (Побѣдоносцевъ, стр. 28).

7) Кромѣ перечисленныхъ условій гражданскаго и общественнаго характера, слѣдуетъ еще назвать нѣкоторыя, предписываемыя тѣми или другими законодательствами. Сюда относятся:

а) Такъ называемый *траурный годъ*. По нѣкоторымъ законодательствамъ, овдовѣвшая женщина можетъ вступить въ новый бракъ лишь по истеченіи опредѣленнаго срока, если достовѣрно не доказано, что она не была и не могла быть беременна отъ прежняго брака. Въ основаніи этого запрещенія едва ли лежитъ что-либо другое, кромѣ воспоминанія о нерасторжимости, вѣчности брака, въ этой жизни и будущей,—воспоминанія, которому, какъ часто бываетъ, старались потомъ, когда взглядъ измѣнился, придать какое-нибудь практическое объясненіе. Это видно изъ того, что продолжительность траурнаго года (6—12 мѣсяцевъ) слишкомъ велика для удостовѣренія беременности, и еще болѣе изъ того, что и вдовецъ тоже подлежитъ такому ограниченію, но срокъ его гораздо короче (6 недѣль). (Побѣдоносцевъ, стр. 29). По послѣднему имперскому закону удержанъ траурный годъ (Wartezeit) только для женщинъ, и срокъ его сокращенъ (10 мѣсяцевъ).

б) По французскому праву супруг... рые расторгли свой бракъ по взаи... гласію, могутъ вступить въ новый бра... три года послѣ того (Побѣдоносц. ... Поводомъ къ такому ограниченію слу... жется, неодобреніе разводовъ, кото... заключенъ правильно и къ его рас... нѣтъ законнаго основанія.

в) По нѣкоторымъ законодательств... маніи вступленію въ новый бракъ ... предшествовать указаніе, выясненіе ... печеніе имущества. Пока этого не ... бракъ отлагается. Это правило вош... имперскимъ закономъ 6 февраля 18... Основаніе такого ограниченія лежи... ланіи обезпечить матеріальное п... семьи и дѣтей.

II. Заключеніе или совершеніе бр...

Дѣйствительность заключенія бра... юза въ различныя эпохи развитія ... лась различно.

Когда брака еще нѣтъ, а есть т... ловое сожительство, при чемъ сог... несогласіе женщины не имѣетъ ник... ченія и все рѣшаетъ сила мужчи... леніе въ бракъ, очевидно, не може... никакой формы удостовѣренія. Вс... самый фактъ. Указанія на дикій б... такія отношенія были возможны, со... въ дошедшихъ до насъ историче... даніяхъ и въ символическихъ обыч... и похищенія невѣсть.

Съ установленіемъ постоянныхъ ... ныхъ и мирныхъ сношеній межд... прежніе дикіе порядки смѣнились ... и договорными. Похищеніе невѣс... лось ихъ покупкою. Домоначальни... семействъ, входили между собою ... относительно браковъ своихъ дѣте... которыхъ вовсе не требовалось. То... сказать между-семейные и меж... трактаты о покупкѣ и продажѣ нев... таты такого рода, съ успѣхами ... должны были мало-по-малу изъ пр... говоровъ о покупкѣ и продажѣ ... на степень торжественныхъ согла... какъ въ нихъ шла рѣчь не объ ... а о соединеніи брачнымъ сожитель... новъ различныхъ семействъ или р... чемъ женщина оставляла свою ... свой родъ и поступала въ составъ ... рода своего мужа. Такъ какъ об... религіи, на этой ступени развит... было, и каждый родъ, каждая се...

ъ, а первосвященникомъ и жрецомъ
а семейства, то для женщины, вступ
другую семью чрезъ бракъ, такой
сопровождался отреченіемъ отъ
культа и прежней власти домона
принятіемъ новаго культа и пере
дъ власть другого домоначальника,
ейства мужа. Отъ этого періода
до насъ дошли весьма *немыя* указ
о сохранившіяся въ древнѣйшихъ
о совершеніи браковъ у римлянъ
ихъ свадебныхъ обрядахъ. Съ этого
аключеніе или совершеніе брака
ѣтнымъ, виднымъ моментомъ, полу
отличительный признакъ.
ѣ того, какъ роды и семьи слива
дствіе тѣснѣйшаго сближенія между
гражданское общество, вмѣсто се
родового быта выработался постепе
ть гражданскій, въ которомъ каж
получило гражданскую самостоя
к имущественныя права; родовой
ій культъ отодвинулся на второй
на первый выдвинулась обществен
сударственная религія, съ своими
ервосвященниками и жрецами. Въ
ѣ развитія и заключеніе или со
брака должно было подвергнуться
ымъ измѣненіямъ. Главнѣйшую
аченіе получило добровольное, не
ное согласіе самихъ брачущихся
еніе въ супружескій союзъ, а тор
е его совершеніе съ религіозными
и семейными празднествами потеряло
нее свое значеніе и мало-по-малу
ъ во второстепенную обрядность.
ается бракъ въ позднѣйшемъ рим
нѣ и такимъ онъ былъ долго послѣ
христіанство стало господствую
гіей. Бракъ обратился въ договоръ
ъ сожительствѣ. Взаимное согласіе
стало господствующимъ, существен
ентомъ его заключенія. Если оно
выражено прямо и положительно въ
й формѣ, то самый фактъ брачнаго
тва, въ продолженіе извѣстнаго
придавалъ такому союзу между
и женщиной значеніе и юридиче
ѣдствія правильно существующаго
союза.
ство, выдвинувшее на первый
хическую, духовную сторону чело
знало въ бракѣ таинство — союзъ
расторжимый, мужчины и женщины,
зависящій не отъ воли человѣка, а отъ Бога. Какъ таинство, бракъ можетъ быть совершаемъ не иначе, какъ церковью и ея служителями, и весь супружескій бытъ, съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ, равно какъ и все его продолженіе и всѣ его послѣдствія, поставлены подъ охрану и наблюденіе церкви. Такое превращеніе брака изъ союза плотскаго и гражданскаго въ духовный было цѣлымъ переворотомъ. Всеобщій и всемірный (вселенскій) характеръ христіанской церкви, поставившій ее выше національныхъ и политическихъ различій и раздѣленія общества на соціальные слои и разряды, сообщился и браку, ставшему религіознымъ учрежденіемъ. Въ немъ, съ тѣхъ поръ, что онъ сталъ таинствомъ, ослабѣло и получило второстепенное значеніе все то, что̀ напоминало его національный и гражданскій характеръ и, напротивъ, получило особенную важность все то, что̀ прямо или косвенно имѣло отношеніе къ правовѣрію и уставамъ церкви.

Такой характеръ получилъ бракъ разумѣется не вдругъ, но послѣ продолжительной упорной борьбы съ прежними воззрѣніями. Долго послѣ введенія христіанства брачныя постановленія древняго грекo-римскаго міра сохраняли свою силу, и бракъ, управляемый ими, только благословлялся церковью.

Мало-по-малу, такое благословеніе сдѣлалось обязательнымъ; но рядомъ съ нимъ продолжали сохранять свою силу и дѣйствительность, какъ необходимыя условія законнаго и дѣйствительнаго брачнаго союза, и грекоримскія свѣтскія постановленія. Только къ концу IX вѣка церковное благословеніе стало существеннымъ условіемъ брака свободныхъ людей, и законность брака поставлена въ юридическую зависимость отъ церковнаго благословенія. Въ концѣ XI в. (въ 1095 г.) правило это распространено и на браки рабовъ. Точно такъ же мало-по-малу распространено церковное благословеніе на обрученіе. Оно не ранѣе XI столѣтія признано нерасторжимымъ, а до тѣхъ поръ существовало бокъ-о-бокъ съ гражданскимъ, которое сохранило свой договорный характеръ (Альбовъ, стр. 202—206).

Взглядъ на бракъ какъ на таинство, совершаемое церковью черезъ ея служителей, подчинившій супружескій союзъ исключительному вѣдѣнію церковной іерархіи и церковнымъ постановленіямъ, вызвалъ возраженія, которыя, начиная съ XVI вѣка, привели,

мало-по-малу, въ Европѣ къ установленію такъ называемаго гражданскаго брака. Послѣдній не есть, какъ многіе у насъ думаютъ, свободное отъ всякаго признанія сожительство мужчины и женщины, а означаетъ лишь бракъ, не имѣвшій характера таинства и заключенный, безъ участія церкви и ея служителей, передъ органами свѣтской власти и согласно съ постановленіями свѣтскаго законодательства. Гражданскій бракъ не есть только брачное сожительство какъ фактъ, но есть юридическое учрежденіе, признанное общественною, публичною властью и имъ одобренное и утвержденное. Въ европейскихъ государствахъ гражданскій бракъ мало-помалу отодвинулъ бракъ церковный на второй планъ и въ настоящее время почти вездѣ заступилъ его мѣсто, какъ обязательная форма заключенія брачнаго союза. Причины такой реформы очень разнообразны. Главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія:

Во-1-хъ, христіанское супружество въ смыслѣ таинства, отбросивъ всѣ различія гражданскія національныя и общественнаго положенія,—придало особенную важность различіямъ вѣроисповѣднымъ. По мѣрѣ того какъ бракъ подчинялся церкви и ея уставамъ, становились обязательными препятствія къ браку, заключающіяся въ различіи вѣры брачущихся. Запрещены браки съ язычниками, съ евреями, съ сектантами, отступившими отъ православія, и это было вполнѣ естественно: если бракъ есть таинство, то въ немъ неправовѣрные участвовать не могутъ. Но браки однако существуютъ и у неправовѣрныхъ. Признать ихъ правовѣрными нельзя, оставить ихъ брачныя соединенія безъ всякаго законнаго опредѣленія — тоже нельзя. Отсюда необходимость гражданскаго брака вытекала сама собою. Она даже у насъ вынудила допущеніе гражданскаго брака между раскольниками. Тѣмъ болѣе это было естественно и необходимо въ Европѣ, гдѣ весьма рано появились расколы и секты, не признававшіе ни ученій, ни іерархіи господствующей церкви, и разрѣшились, въ XVI вѣкѣ, отложеніемъ протестантовъ и образованіемъ церквей, независимыхъ отъ католической церкви и ея іерархіи.

Во-1-хъ, когда при выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, разные общественные элементы жившіе разрозненно, каждый своею особенною жизнью, начали мало-по-малу складываться въ большія территоріальныя организованныя политическія тѣла, съ единою у каж[дой] тральною монархическою властью [и] вслѣдствіе того стала усиливать [и] пенно подчинять себѣ всѣ, прежде [су]щіе общественные элементы, не [мо]произойти столкновенія между [цер]вію возникшею политическою [вла]ей не было, политическою объед[ин]властью была церковь, которая вез[да]ралась удержать за собою это по[ло]въ то время, когда рядомъ съ нею [воз]другая власть, свѣтская, претендова[вшая] на ничѣмъ неограниченное господ[ство] предѣлахъ своей территоріи. Отс[юда] между этими двумя властями обвар[ы]между прочимъ, и на бракѣ. Какъ [церковь] присвоивала себѣ исключительно пр[аво] дѣлять бракъ, разсматривать брачн[ыя] вообще имѣть бракъ въ своемъ вѣдѣн[іи], точно и свѣтская власть старалась п[рисвоить] это право себѣ: бракъ, будучи явл[ен]щественнымъ, соціальнымъ, не могъ [не] лежать ея вѣдѣнію.

Въ-3-хъ, какъ государство и госуд[арст]пая власть старалась вытѣснить цер[ковь] несвойственной ей области свѣтск[ой] министрація и законодательства, точно [такъ же] и наука вступила съ церковью въ [борьбу] несвойственной послѣдней области [человѣ]наго знанія, единственнымъ основан[іемъ] которому служитъ лишь критика, изслѣ[дованіе] индуктивный методъ. Церковь, [по] существу своему, относится къ вн[ѣшней] нравственной, духовной жизни чел[овѣка], не къ его внѣшней дѣятельности и [отно]ніямъ, которыя, съ объективной то[чки зре]нія, всецѣло составляютъ предметъ [положи]наго, т.-е. научнаго знанія. Вотъ су[щест]ный и глубокій смыслъ той борьб[ы], [кото]ученіемъ церкви, религіей, съ одной [стороны] и наукой, съ другой,—борьбы, кот[орая] лась весьма рано въ Европѣ, уси[лилась] XV — XVI вѣка, именно съ возр[ожденіемъ] наукъ, и въ XVIII вѣкѣ разрѣшилас[ь] отрицаніемъ церкви и религіи. Въ [Англ]ніи къ браку и брачному союзу [отно]выразилась отрицаніемъ брака как[ового] и сведеніемъ его, съ одной стороны, [къ] физіологическому основанію—соеди[ненію] ловъ а съ другой къ гражданской [сторо]ственному—къ добровольному сож[ительству] сожительству въ силу предшествую[щаго] глашенія или договора. Въ наше [время] понемногу начинаютъ отступаться

въ которыя впало объективное
ении побѣды, то, что составляетъ
ржаніе и существенную задачу
еркви, нравственное, духовное
ичнаго лица, руководительство
нею жизнью и душевными дви-
правдѣ, добру и истинѣ, болѣе
знаются живою потребностью
актической общественной жизни,
, которой одно знаніе, одна на-
юрить не можетъ. Отсюда коле-
зяющія отличительную черту на-
днаго времени. Но существенныя
ѣннаго пути чрезъ это не мо-
и сглажены, ни опровергнуты.
ѣнно выяснилось, что сожитель-
ы и женщины въ бракѣ не есть
ое совокупленіе, ни договорное
ичнаго или имущественнаго ха-
ве менѣе того выяснилось также,
жно насильно заставить людей
ракъ таинство и подвергать ихъ
ческимъ послѣдствіямъ, которыя
зываетъ съ такимъ взглядомъ.
ропѣ установилось, въ XIX вѣкѣ,
ѣстно различеніе брака церков-
анскаго. Первый предоставленъ
женію заинтересованныхъ лицъ,
ихся; послѣдній опредѣленъ за-
ными свѣтскою государственною
озведенъ въ правило, юридически
для всѣхъ и каждаго. Отъ всяк-
ъ, смотря по его внутреннему
сообразоваться или не сообразо-
ерковными правилами при вступ-
ракъ, но все продолженіе брач-
и при его расторженіи; но каж-
, вступая въ бракъ, живя въ су-
союзѣ или желая его прекратить,
сообразоваться съ правилами,
ми свѣтскимъ закономъ, состав-
ительную норму для взаимныхъ
людей во всякомъ правильно
общежитіи.

фазисы, чрезъ которые бракъ про-
шномъ историческомъ развитіи,
въ различныхъ церковныхъ и
остановленіяхъ о вступленіи въ
ъ всегда бываетъ, ни въ одномъ
не осуществились вполнѣ послѣ-
а являются въ различныхъ смѣ-
роловичатыхъ формахъ, выражаю-
дныя ступени, въ которыхъ пре-
о или другое возрѣніе на брач-

У язычниковъ и магометанъ, допускающихъ многоженство, у которыхъ, слѣдовательно, преобладаютъ древнѣйшія, по преимуществу чувственныя отношенія мужчины къ женщинѣ, бракъ близко подходитъ къ грубому половому сожительству, въ которомъ господство принадлежитъ конечно мужчинѣ. Въ Японіи и у магометанъ-шіитовъ допускаются кратковременные, срочные браки, по взаимному о томъ соглашенію между брачущимися. Евреи представляютъ, по отношенію къ браку, такое же замѣчательное исключеніе изъ общаго правила, какъ и по всемъ остальномъ. У нихъ нѣтъ полигаміи. Бракъ, по еврейскимъ воззрѣніямъ, существуетъ для произведенія дѣтей; поэтому безплодіе есть основаніе къ разводу. Казалось бы, что при такихъ воззрѣніяхъ чувственная сторона должна преобладать въ еврейскихъ бракахъ, со всѣми послѣдствіями,—съ легкостью разводовъ, съ преобладаніемъ мужа надъ женою. Замѣчательно, что на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то: разводы у евреевъ дѣйствительно очень легки и зависятъ столько же отъ мужей, сколько и отъ женъ. Больше чѣмъ у кого-либо женщина у евреевъ равноправна съ мужчиной: малѣйшее нарушеніе этой равноправности, въ ущербъ женщины, есть поводъ къ разводу; а между тѣмъ еврейскія семьи отличаются большою чистотою нравовъ и примѣрнымъ супружескимъ цѣломудріемъ.

По еврейскому закону бракъ не есть таинство и покоится прежде всего на договорѣ. Заключеніе брака благословляется раввиномъ и сопровождается семейными празднествами.

По римскому законодательству, бракъ считался свободнымъ, основаннымъ на взаимномъ непринужденномъ согласіи. По преданіямъ и обычаямъ, онъ сопровождался религіозными обрядами и празднествами, но по существу дѣла сводился къ сожительству мужчины и женщины и не различался рѣзкими чертами отъ конкубината, который также былъ дозволенъ.

Возведеніе брака въ таинство и общественное установленіе, вслѣдствіе чего онъ пересталъ быть частнымъ дѣломъ брачущихся, произвело существенныя измѣненія въ воззрѣніи заключенія брачнаго союза. Согласіе на вступленіе въ бракъ, иначе говоря взаимно данное другъ другу обѣщаніе стать мужемъ и женою, совершеніе таинства брачнаго союза и приданіе браку публичнаго характера, признаніе брака обществомъ, путь

три момента въ заключеніи брачнаго союза, которые очень долго не могли быть согласованы между собою, сведены въ гармоническое цѣлое и остаются несогласованными отчасти и до сихъ поръ.

Частный элементъ брака, взаимное согласіе на вступленіе въ брачный союзъ, выражалось въ обрученіи. По греко-римскимъ законамъ обрученіе предшествовало браку и было договоромъ, правильнѣе взаимнымъ обѣщаніемъ двухъ лицъ на вступленіе въ бракъ впослѣдствіи (Альбовъ, стр. 202). Юридическій характеръ обрученія уловить весьма трудно. Оно похоже на договоръ о вступленіи въ бракъ и на простое обѣщаніе, не имѣющее никакой обязательной силы. Въ этомъ смыслѣ обрученіе представляетъ большую аналогію съ нашей запродажей, которая тоже есть договоръ о будущей продажѣ, но не имѣющій послѣдствіемъ принужденіе къ продажѣ или покупкѣ. Подобно запродажѣ, обрученіе не имѣло обязательной силы для обручаемыхъ, не имѣло послѣдствіемъ принужденіе къ браку, могло быть расторгнуто по волѣ той или другой стороны безъ всякихъ причинъ; но подобно запродажѣ, и расторженіе обрученія влекло за собою лишь имущественныя послѣдствія — возвращеніе обручальныхъ задатковъ или даровъ вдвое, если расторженіе произошло со стороны получившаго ихъ, или потерю ихъ, если обрученіе расторгнуто тѣмъ, кто ихъ далъ.

Но что же тогда собственно было обрученіе и какой былъ его юридическій смыслъ? У насъ, съ XVII вѣка, церковное вѣнчаніе было и остается теперь единственнымъ способомъ заключенія брачнаго союза; поэтому договоръ о бракѣ или обрученіе, закрѣплявшееся огромными неустойками, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ обмановъ и злоупотребленій и на фактѣ обратился въ способъ принужденія къ браку, что и повело къ запрещенію неустоекъ, а впослѣдствіи къ соединенію обрученія съ вѣнчаніемъ, которому оно теперь непосредственно предшествуетъ.

Съ распространеніемъ христіанства, обрученіе стало сопровождаться церковнымъ благословеніемъ. Это нѣсколько измѣнило его значеніе, придавъ договорному обѣщанію религіозный характеръ. На отношеніе, освященное церковью, нельзя было смотрѣть какъ на простое обѣщаніе; этому взгляду, безъ сомнѣнія, много способствовала и договорная форма, въ которую обѣщаніе облекалось въ обрученіи. Какъ бы то ни было, [illegible] III вѣка христіанской эры [illegible] обрученіе установляетъ не только [illegible] ственныя, но и личныя отношенія обрученными. До формальнаго [illegible] обрученія невѣста должна была [illegible] жениху,—невѣрность ея наказывал прелюбодѣяніе; второе обрученіе [illegible] торженія перваго, считалось [illegible] женихъ могъ преслѣдовать искомъ нанесъ обиду его невѣстѣ (Альбовъ [illegible] Такимъ образомъ, обрученіе стало, малу, приближаться, по своему [illegible] дѣйствительному вступленію въ [illegible] стіанская церковь сдѣлала еще томъ же направленіи и уравняла [illegible] съ дѣйствительнымъ бракомъ. „По нію, вступленіе въ бракъ съ [illegible] ченною другому, есть какъ бы свят ное нарушеніе благословенія, пре священникомъ". Соборныя постано нивали этотъ взглядъ далѣе, и бра ченный съ невѣстой, обрученной признанъ за прелюбодѣяніе. Так малу, обрученіе и совершеніе бра по своему значенію въ одно вст бракъ, различаясь только по внѣш Церковное и свѣтское обрученіе и брака хотя и удержались какъ об но прежнее значеніе и смыслъ гр обрученія былъ потерянъ, и тр найти строгую разграничительну жду обрученіемъ и совершеніемъ

Что касается самаго заключен оно точно такъ же постепенно пр изъ частнаго приватнаго согласі собою брачущихся въ бракъ пе впослѣдствіи въ бракъ гражданск

„Уже въ II столѣтіи церковь чтобы браки совершались съ со скопа, о Господѣ, а не по ст III вѣкѣ, браки, совершаемые б церкви, приравнивались блуду. ковнаго бракосочетанія заключали что женихъ и невѣста, въ назначе приходили въ церковь, слушали общественныя за нихъ молитвы, пр и благословлялись епископомъ и никомъ (Альбовъ, стр. 204). Но между христіанами, и только для коннный бракъ былъ обязателенъ чихъ, и для тѣхъ изъ христіанъ, не хотѣли подчиниться требованіям оставались обязательными граждан

…ские законы, которые признавали дѣйстви…ными браки, заключенные по одному про…му выраженію согласія на бракъ передъ …дѣтелями. Какъ сказано, лишь въ концѣ …вѣка церковное благословеніе стало не…ходимымъ условіемъ законности и дѣйстви…льности брака свободныхъ людей, и лишь …концѣ XI вѣка тому же правилу подчи…ены и рабы.

Точно такъ же медленно, постепенно сла…лся и гражданскій бракъ, какъ обществен…ое, публичное учрежденіе.

Въ XVI столѣтіи продолжительная борьба …отивъ католической церкви и ея притяза…ій на безусловное господство разрѣшилась …ложеніемъ протестантовъ. „Провозгласивъ …дѣленіе государства отъ церкви и полную …втономію государственной власти, церковная …реформа стремилась распространить ее и на …ла брачныя. Самый бракъ, по идеѣ проте…тантской, представлялся хотя и богоучреж…деннымъ святымъ союзомъ, но стоящимъ внѣ …церковной юрисдикціи". „Брачное дѣло, по …слову Лютера,—внѣшнее свѣтское дѣло, какъ …платье, какъ пища, какъ домъ и дворъ, под…ащенное свѣтской власти" (Побѣдоносцевъ, стр. 41 и 42). Это ученіе послужило осно…ваніемъ и было исходной точкой движенія въ свѣтскомъ законодательствѣ, направленнаго къ созданію и утвержденію, независимо отъ католической церкви, самостоятельныхъ пра…вилъ и формъ брачнаго союза. Въ протестант…скихъ земляхъ свѣтское законодательство долгое время удерживало за бракомъ, хотя и потерявшимъ значеніе таинства, характеръ союза, для заключенія котораго необходимо благословеніе церкви. Объясняется это тѣмъ, что протестантская церковь, будучи подчи…нена свѣтской государственной власти, не стояла къ послѣдней въ тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ постоянно находи…лась съ нею церковь католическая. По той же причинѣ, правила о бракахъ содержались большею частью въ церковныхъ уставахъ евангелической церкви, и судъ по брачнымъ дѣламъ, до XVIII вѣка, былъ предоставленъ церковнымъ консисторіямъ. И такъ, въ про…тестантскихъ государствахъ долгое время не было выработано особой формы свѣтскаго, гражданскаго брака. Но это была лишь пе…реходная фаза. Если бракъ не есть таинство, то нѣтъ никакого основанія оставаться ему подъ вѣдѣніемъ церковной, а не свѣтской власти. Таковъ былъ естественный логиче…скій выводъ изъ протестантскихъ возэрѣній на бракъ. Но, сдѣлавшись свѣтскимъ, а не церковнымъ учрежденіемъ, бракъ все-таки не сдѣлался, попрежнему, установленіемъ частнымъ, приватнымъ. Церковь придала ему объективное значеніе, совлекла съ него ха…рактеръ частной сдѣлки, зависящей исклю…чительно отъ усмотрѣнія и доброй воли бра…чущихся. Этотъ характеръ объективнаго учре…жденія, имѣющаго обязательный публичный характеръ независимо отъ доброй воли всту…пившихъ въ супружество, бракъ удержалъ, ставъ изъ церковнаго учрежденія свѣтскимъ. Гражданскій бракъ, въ этомъ своемъ значе…ніи, началъ устанавливаться задолго до нашего времени. Первыя попытки сдѣланы были въ половинѣ XVII в. въ Англіи. Окончательно гражданскій бракъ получилъ силу закона въ Англіи лишь въ 1837 году, но онъ не сдѣлался тамъ исключительно обязательнымъ, и усмотрѣнію самихъ брачущихся предостав…лено вѣнчаться церковнымъ или граждан…скимъ бракомъ. Во Франціи гражданскій бракъ установленъ окончательно гораздо ра…нѣе, чѣмъ въ Англіи, именно въ 1803 году, гражданскимъ кодексомъ Наполеона. Согласно съ возэрѣніями, сложившимися во Фран…ціи, бракъ, по своей духовной сторонѣ, есть таинство и какъ таинство подлежитъ вѣдѣ…нію церкви; но, какъ свѣтское учрежденіе, вытекающее изъ контракта и на немъ основанное, бракъ есть гражданскій институтъ, подлежащій вѣдѣнію государства, и можетъ быть регулированъ только свѣтскимъ зако…номъ. Вслѣдствіе такого взгляда граждан…скій бракъ признанъ обязательнымъ для всѣхъ и каждаго, а церковное вѣнчаніе предостав…лено усмотрѣнію самихъ брачущихся. Тоже начало принято и въ итальянскомъ граж…данскомъ кодексѣ 1866 г., съ тою однако разницею, что церковный бракъ можетъ пред…шествовать гражданскому, тогда какъ во Франціи онъ не допускается, пока не будетъ удостовѣрено, что гражданскій бракъ уже со…вершился.

Англійскій гражданскій бракъ произволь…ный, или французскій обязательный, принятъ теперь почти во всѣхъ европейскихъ зако…нодательствахъ. По имперскому закону 6 фев…раля 1875 года обязательный гражданскій бракъ введенъ во всей Германіи. Изъ право…славныхъ странъ гражданскій бракъ устано…вленъ, въ 1864 году, въ Румыніи, по на…чаламъ французскаго кодекса, а у насъ, по

закону 19 апрѣля 1874 г. только между раскольниками, и притомъ необязательно.

III. Форма заключенія брачнаго союза.

Формы вступленія въ брачный союзъ опредѣляются тѣми элементами, изъ которыхъ онъ слагается. Мы видѣли, что въ основѣ его лежитъ взаимное согласіе на брачную жизнь и физіологическій фактъ; что кромѣ того, общество по разнообразнымъ причинамъ ставитъ для вступленія въ бракъ различныя условія, безъ соблюденія которыхъ заключеніе супружества не допускается; наконецъ, мы знаемъ, что на бракъ смотрятъ одни какъ на таинство, другіе какъ на союзъ свѣтскій, гражданскій. Всѣ эти различныя стороны брака и взгляды на него отражаются и на формахъ его совершенія.

Взаимное соглашеніе на брачный союзъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ бракосочетанія. Всѣ формы безъ различія—и церковное вѣнчаніе и гражданскій бракъ,—признаютъ основною существенною составною частью бракосочетанія прямо, положительно и свободно выраженное согласіе.

Въ нѣкоторыхъ формахъ такою же существенною составною частью бракосочетанія является также передача невѣсты жениху, отводъ ея къ нему въ домъ и физическое совокупленіе, по крайней мѣрѣ—и это, кажется, смягченная, менѣе грубая форма того же—общее супружеское ложе. Въ народныхъ брачныхъ торжествахъ эта сторона совершенія брака выдается гораздо ярче и рѣзче, чѣмъ даже взаимное соглашеніе, которое, въ древнѣйшія времена, замѣнялось соглашеніемъ домохозяевъ о продажѣ и покупкѣ невѣсты. Но физическое совокупленіе удержалось долго какъ существенная часть совершенія брака и лишь въ новѣйшемъ правѣ утратило это значеніе. Такъ, до Тридентинскаго собора (1542 г.) обрученіе превращалось въ дѣйствительное совершеніе брака, когда за нимъ слѣдовало плотское совокупленіе. По католическому церковному праву, бракъ считается нерасторжимымъ съ того момента, когда между супругами произошло физическое соединеніе.

Желаніе предупредить заключеніе браковъ съ отступленіемъ отъ условій, которыми онъ вездѣ обставленъ, создало рядъ формальностей, сопровождающихъ бракосочетаніе, какъ-то: оглашеніе или публикацію во всеобщее свѣдѣніе о предстоящемъ бракѣ и обыскъ, т.-е. изслѣдованіе, нѣтъ ли к[ому] шенію брака законныхъ препятств[ій].

Наконецъ, необходимою составн[ою] совершенія брака является въ брак[ахъ] ковныхъ—совершеніе таинства вѣн[чанія] гражданскихъ—объявленіе органомъ [свѣт]ной власти, къ тому уполномоч[ен]томъ, что бракъ признается состо[явшимся].

Всѣ эти составныя части встрѣч[аются] различныхъ сочетаніяхъ, во всѣхъ [законо]и церковныхъ постановленіяхъ о со[вершеніи] брака.

По нашему законодательству, не[которымъ] намъ „дозволяется вступать въ б[рак] правилами ихъ закона, или по [ихъ] обычаямъ, безъ участія въ томъ [духов]ского начальства или христіанского [свѣт]наго правительства" (Зак. гражд., [ст. 1] при чемъ совершеніе браковъ и [всѣ] брачными дѣлами магометанъ, еврее[въ] маитовъ принадлежатъ ихъ духовны[мъ] стямъ (уст. иностр. исповѣд., ст. 1[4], ст. 1143, 1230 и примѣч. по прод[олж.] сается христіанъ, православныхъ и [ино]ныхъ, то для нихъ признается ед[ин]ною и исключительною формою со[вер]брака церковное вѣнчаніе (Зак. граж[д.] Изъятіе сдѣлано въ пользу раско[льни]для которыхъ допущенъ бракъ гра[жда]потому только, что законъ не приз[на]скольничьихъ ученій и толковъ; раск[ол]религіозныя собранія, общества и [союзы] не имѣютъ, въ глазахъ государства [ни] церквей и церковныхъ уставовъ; а [для] раскольники, съ своей стороны, не [считаютъ] обязательными для себя нашихъ [церковныхъ] постановленій, то и оказалось необ[ходимымъ] установить для нихъ гражданске[е бракосочетаніе], которые узаконяли бы ихъ супруже[скія] шенія, отношенія родителей и дѣ[тей], текающія изъ семейнаго союза им[ущественныя] ныя права и обязанности. Но, устан[овивъ] раскольниковъ гражданскіе браки, [государство] оставляетъ на ихъ волю совершать [эти] браки или не совершать. Въ по[слѣднемъ] случаѣ, брачное сожительство раско[льниковъ] признаваемое ими законнымъ, не [влечетъ] за такое свѣтскимъ закономъ и [церковью] по свѣтскому закону, юридическихъ [послѣдс]ствій, которыя онъ связываетъ съ [законнымъ] бракомъ.

О совершеніи брака между право[славными]. Объ этомъ въ законѣ постановле[ны слѣдующія] правила: 1) о намѣреніи вступить [въ бракъ]

женихомъ своему приходскому
у; 2) по такому заявленію произ-
ъ церкви оглашеніе въ три бли-
скресные или праздничные дни,
ртіи. Если женихъ и невѣста не
хода, то оглашеніе дѣлается и въ
церкви невѣсты. Чрезъ оглаше-
ся извѣстнымъ постороннимъ ли-
стоящемъ бракосочетаніи. Каждый,
ны какія-либо препятствія къ пред-
браку, обязанъ заявить о томъ свя-
не позже послѣдняго оглашенія.—
шенія, предписана еще и другая
предупрежденія неправильныхъ и
къ браковъ—это такъ называемый
ъ состоитъ въ томъ, что произво-
ѣдованіе, нѣтъ ли законныхъ пре-
ъ совершенію брака; о томъ, что
удостовѣряется свидѣтелями и
ва ихъ подписью. Препятствія,
ли хотя бы во время самаго вѣн-
анавливаютъ его, до разрѣшенія
, а въ случаяхъ, превышающихъ
—синодомъ.

ое вѣнчаніе совершается въ церкви,
твенно ему предшествуетъ опросъ
невѣсты о желаніи и согласіи ихъ
въ бракъ, и обрученіе. Брачу-
ркны быть налицо. Внѣ церкви
допускается только тамъ, гдѣ оно
ельствамъ невозможно въ церкви,
же, какъ съ разрѣшенія епархіаль-
рея. Вѣнчаніе происходитъ въ дни
положенные уставами, при двухъ
свидѣтеляхъ, по правиламъ и обря-
ославной церкви (Зак. гражд., ст.
1).

шеніи браковъ между православ-
иновѣрцами христіанами.—Общее
ъ нашемъ законодательствѣ то, что
ду православнымъ и иновѣрцемъ,
то мужчина или женщина, при-
конно совершившимся лишь съ той
огда онъ совершенъ по правиламъ,
нымъ для браковъ между право-
. Не дозволяется даже просить о
и бракосочетанія по правиламъ
ь иновѣрной церкви (Зак. гражд.
2 и 3. Ср. ст. 69, 72). Указомъ
1832 года правила эти распро-
и на западный край (тамъ же,
ъ ст. 67). Въ Финляндіи имъ под-
лько лица, находящіяся тамъ по
квартированію (тамъ же, ст. 68).

О совершеніи браковъ православныхъ съ иновѣрными христіанами и по обрядамъ иновѣрной церкви нигдѣ въ законѣ не сказано. Это предоставлено усмотрѣнію и взаимному соглашенію брачущихся.

О совершеніи браковъ между иновѣрными христіанами.—Такіе браки, какъ сказано, вѣнчаются непремѣнно въ церкви, духовенствомъ. Но если въ томъ мѣстѣ, гдѣ такіе браки совершаются, нѣтъ священника или пастора той вѣры, къ которой брачущіеся принадлежатъ, то вѣнчать ихъ можетъ, конечно по ихъ желанію, и православный священникъ. Такой бракъ признается законно совершеннымъ; но въ такомъ случаѣ, какъ совершеніе, такъ и расторженіе подобныхъ браковъ, производится уже по правиламъ и обрядамъ православной церкви (Зак. гражд., ст. 65).

По католическому церковному праву совершеніе брака очень сходно съ изложеннымъ выше по нашему законодательству. Оглашеніе и обыскъ, т.-е. удостовѣреніе свидѣтелей, требуются, какъ и у насъ. Но замѣчательная особенность католическаго брака заключается въ томъ, что разъ согласіе на вступленіе въ бракъ дано передъ священникомъ и свидѣтелями, послѣдующее благословеніе или вѣнчаніе можетъ и не имѣть мѣста: дѣйствительность брака чрезъ это не ослабляется. Такимъ образомъ, въ католическомъ церковномъ правѣ, выдающимся, рѣшающимъ моментомъ совершенія брака является, какъ и въ римскомъ правѣ, изъявленіе согласія; особенность же состоитъ въ томъ, что оно непремѣнно должно быть выражено передъ священникомъ. Второстепенное значеніе вѣнчанія показываетъ, что по католическому церковному праву вся сила совершенія брака заключается не въ религіозномъ его значеніи какъ таинства, а въ томъ, чтобы согласіе на бракъ было выражено передъ церковью. Такая постановка дѣла объясняетъ, какимъ образомъ совершился переходъ къ гражданскому браку въ понятіяхъ людей. Если совершеніе вѣнчанія признается дѣломъ второстепеннымъ, то все различіе между католическимъ и гражданскимъ бракомъ сводится къ тому, передъ священникомъ или свѣтскимъ чиновникомъ будетъ выражено согласіе на вступленіе въ брачный союзъ.

По протестантскому церковному праву, точно такъ же какъ по католическому и у насъ, совершенію брака должно предшествовать оглашеніе, обыскъ и изъявленіе согласія

на вступленіе въ бракъ передъ пасторомъ, удостовѣренное свидѣтелями. Такъ какъ протестантская церковь не признаетъ бракъ таинствомъ, то церковное вѣнчаніе и не можетъ имѣть въ протестантскомъ бракѣ того значенія, какое имѣетъ у насъ и должно бы имѣть, но по странной непослѣдовательности, не имѣетъ по католическому церковному праву. Вслѣдствіе признанной самою протестантскою церковью зависимости ея отъ государства и свѣтской власти, вѣдѣніе браковъ церковью, совершеніе браковъ пасторами есть скорѣе дѣло обычая и не вытекаетъ изъ самаго существа брачнаго союза. Переходъ отъ протестантскаго брака къ гражданскому поэтому еще легче, чѣмъ отъ католическаго, который, въ принципѣ, считается таинствомъ.

Совершеніе гражданскаго брака.—Оно, по существу, ничѣмъ не отличается отъ брака церковнаго протестантскаго, который не есть таинство, и отъ католическаго, который, какъ сказано, признается дѣйствительнымъ и безъ вѣнчанія. Вся разница въ совершеніи гражданскаго брака состоитъ только въ томъ, что оно производится не священникомъ или пасторомъ, а свѣтскимъ органомъ свѣтской общественной власти. Отъ православнаго брака гражданскій бракъ отличается напротивъ вѣнчаніемъ, которое признается совершеніемъ таинства и есть существенная составная часть самого совершенія или заключенія брачнаго союза.

Во Франціи, по кодексу Наполеона, „браку должно предшествовать двукратное оглашеніе объ именахъ, званіи, мѣстѣ жительства, возрастѣ и родителяхъ жениха и невѣсты. Оглашеніе это совершается въ теченіе восьми дней въ два праздника, у дверей конторы мэра (mairie), и записывается въ книгу, съ точнымъ означеніемъ дня и часа и съ выставкою публичнаго объявленія. Оно совершается по мѣсту жительства жениха и невѣсты или ихъ родителей, буде сами они несовершенныхъ лѣтъ. Бракъ совершается не ранѣе трехъ дней послѣ второго оглашенія (которое можетъ быть опущено въ крайности, по важнымъ причинамъ, съ особаго разрѣшенія правительства); но если въ теченіе года послѣ оглашенія бракъ не совершится, оглашеніе должно быть повторено. Между оглашеніемъ и бракомъ могутъ быть предъявлены отъ лицъ, имѣющихъ право, возраженія противъ брака (oppositions), и въ такомъ случаѣ совершеніе брака [illegible] дотолѣ, пока не устранится возр[illegible] приговору суда, который долженъ [illegible] становленъ не позже десяти дн[illegible] бракъ совершается чрезъ посредство [illegible] скаго чиновника (officier de l'etat [illegible] ковымъ обыкновенно бываетъ мэръ [illegible] помощникъ), въ присутственномъ ме[illegible] при открытыхъ дверяхъ, публично [illegible] сутствіи четверыхъ, особо избран[illegible] дѣтелей. Совершеніе состоитъ въ [illegible] мэръ прочитываетъ содержаніе ак[illegible] стовѣряющихъ законность брака, [illegible] закона гражданскаго объ обязанност[illegible] и жены, затѣмъ спрашиваетъ жен[illegible] вѣсту о взаимномъ ихъ согласіи [illegible] объявляетъ имъ торжественно, что [illegible] вершился, и составляетъ о томъ фо[illegible] актъ". Не всѣ эти принадлежности [illegible] законной формы совершенія брака [illegible] существенны. Несоблюденіе формал[illegible] уничтожаетъ дѣйствительности бр[illegible] условно существенно и необходим[illegible] въ совершеніи брака гражданскаго [illegible] который удостовѣряетъ согласіе б[illegible] и объявляетъ, что бракъ совершил[illegible] доносцевъ, стр. 46 и 47).

Въ существенныхъ чертахъ та[illegible] рядокъ заключенія гражданскаго бр[illegible] гражданскимъ чиновникомъ и въ [illegible] по имперскому закону 6 февраля [illegible] Объявленіе чиновника дѣлаетъ бр[illegible] шившимся. Записка его въ реест[illegible] кахъ служитъ только доказатель[illegible] бракъ совершился, и потому дѣйст[illegible] брака не ослабляется опущеніемъ [illegible] мальности.

По этимъ образцамъ допущен[illegible] свій бракъ и въ нашемъ законо[illegible] но только между раскольниками [illegible] воспользоваться этою формою, дл[illegible] нія своихъ браковъ, и еретики — [illegible] Но бывъ закона, гражданскій бра[illegible] ленъ только для раскольниковъ [illegible] православныхъ же, но не призна[illegible] подствующей православной церкв[illegible] ной іерархіи и признаваемаго ею[illegible] щенныхъ книгъ и ея толкованій [illegible] ность гражданскаго брака, какъ о[illegible] у насъ, состоитъ въ томъ, что на[illegible] совершенно игнорируетъ расколь[illegible] Будутъ ли они совершены прежд[illegible] гражданскаго, -объ этомъ законъ [illegible] упоминаетъ, хотя редакція его [illegible]

…агать, что имѣлось въ виду, пре… …жданскаго брака, придать бра… …никовъ, въ гражданскомъ отно… …и послѣдствія законнаго брака … прилож. къ ст. 78, примѣч. 2, …раскольниковъ, подлежатъ, по …ла, условіямъ, предписаннымъ …ля въ бракъ законами граждан… …енно условіямъ: возраста (Зак. …3 и 4), нормальнаго состоянія … способностей (тамъ же, ст. 5), …непринужденнаго согласія (тамъ … единобрачія (тамъ же, ст. 20), …брачнаго союза не болѣе трехъ …же, ст. 21) и не ближе установ… …овью степеней родства и свой… …же, ст. 23). Послѣднее условіе …ла то, что гражданскій бракъ …только для раскольниковъ и воз… …росъ, какъ поступать въ томъ …ь бракъ заключается въ степе… …и свойства, въ которыхъ бракъ …лишь съ разрѣшенія православ… …ія.

…ій бракъ раскольниковъ не со… …ъ удостовѣряется опредѣленіемъ … управленія и запиской въ метри… …. Записка, какъ и въ европей… …одательствахъ, служитъ только …омъ; самое же существованіе …ается начавшимся со дня заяв… … полицейское управленіе встрѣ… …твіе къ запискѣ, а потомъ опре… …будетъ признано неправильнымъ … прилож. къ ст. 78, примѣч. 2 …3). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ …е брака раскольниковъ считает… …мъ со дня записи въ метриче… (тамъ же), хотя и не пояснено, …емени считать такой бракъ су… …ъ, если будетъ доказано, что за… …ическую книгу сдѣлана не въ …огда состоялось опредѣленіе, а …законодательство смотритъ на …метрическую книгу какъ на до… … и не связываетъ съ нимъ са… …енія брака, —видно изъ того, что …метрическую книгу брака неза… …дѣйствительнаго не дѣлаетъ его …мъ и законнымъ (тамъ же, п. 5) …юденіе установленныхъ правилъ … въ метрическую книгу не раз… …ка (тамъ же, п. 6). Что касается …вѣренія брака полиціею, то оно совершается по правиламъ, почти одинаковымъ съ тѣми, которыя предписаны для совершенія гражданскихъ браковъ европейскими законодательствами. Тѣ же предосторожности, какія предписываетъ законъ для предупрежденія незаконныхъ браковъ,—оглашеніе, обыскъ, требованіе необходимыхъ удостовѣреній о неимѣніи препятствій къ браку, присутствіе свидѣтелей при удостовѣреніи брака—требуются и при гражданскихъ бракахъ раскольниковъ (Зак. сост., прилож. къ ст. 1093, п. 11—18).

Отд. II. Отношенія между супругами, личныя и имущественныя.

Отношенія супруговъ опредѣляются въ различные періоды развитія брака различно.

Пока бракъ опредѣляется одной его физіологической стороной, преобладаніе физической силы въ мужчинѣ дѣлаетъ женщину безличной и безправной, низводитъ ее на степень безотвѣтной рабы. Въ этотъ періодъ, никакихъ юридическихъ опредѣленій взаимныхъ отношеній, личныхъ и имущественныхъ, между супругами не было и быть не могло.

Положеніе это стало измѣняться съ того времени, когда самый взглядъ на женщину сталъ измѣняться и за нею начали признавать гражданскую личность и права. Такой взглядъ, какъ сказано, уже замѣчается при многоженствѣ, которое было первою попыткою правильно организовать супружескую жизнь. Еще болѣе онъ высказывается въ единобрачіи. Въ этомъ отношеніи, племя семитическое и монгольскія представляютъ особенности, которыхъ не замѣчаемъ въ племенахъ арійскихъ. У первыхъ, несмотря на многоженство, женщина поставлена, въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ, замѣчательно независимо и самостоятельно отъ мужа, и свобода расторженія брака со стороны женщины почти ничѣмъ не стѣснена. У племенъ арійскихъ, не обратившихся къ магометанству, высвобожденіе женщины изъ подъ власти мужчины совершалось, напротивъ, весьма постепенно и медленно, и далеко еще не совершилось и до сихъ поръ. Новыя европейскія законодательства отчасти признаютъ, отчасти не признаютъ имущественную независимость жены отъ мужа; но всѣ безъ изъятія подчиняютъ жену власти мужа и, затрудняя болѣе или менѣе разводъ, дѣлаютъ зависимость ея, во многихъ случаяхъ, крайне тяжкой, безъисходной и несправедливой.

По римскому праву мужъ и жена, въ имущественномъ отношеніи, вполнѣ независимы другъ отъ друга: бракъ ни въ чемъ не измѣняетъ ихъ имущественнаго положенія. Издержки сожительства и на принятыхъ сообща дѣтей ложатся на обоихъ супруговъ. Это достигается посредствомъ приданаго съ одной стороны (dos) и дара по случаю брака (donatio propter nuptias) съ другой, а именно сами супруги или ихъ родители назначаютъ часть имущества исключительно на покрытіе издержекъ брачнаго сожительства. Каждая сторона, на все время брака, отдаетъ предназначенную съ этою цѣлью часть имущества въ собственность другого супруга. Но такъ какъ мужъ есть глава семейства и формально онъ долженъ нести издержки, вызываемыя супружескимъ сожительствомъ, то онъ отдаетъ женѣ свою долю только въ собственность, но удерживаетъ за собою владѣніе ею, управленіе, распоряженіе, пользованіе и употребленіе. Эти права остаются за нимъ какъ надъ этою долею, такъ и надъ тою, которую принесла ему въ приданое и подарила жена. За употребленіе и пользованіе обѣими долями онъ не обязанъ отчетомъ своей женѣ и обращаетъ въ свою исключительную собственность получаемые отъ тои и другой доли проценты и плоды. И такъ, повидимому, только мужъ получаетъ вкладъ отъ жены. Такъ оно и было по древнему римскому праву. Но истинный характеръ обѣихъ долей выступаетъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе о самомъ ихъ существованіи, или способѣ ихъ употребленія. Когда, при несостоятельности мужа, открывается конкурсъ, какъ dos, такъ и donatio propter nuptias, не входятъ въ составъ конкурсной массы и удерживаются въ пользу брака. Если мужъ броситъ жену и оставитъ ее безъ средствъ, то она имѣетъ право требовать содержанія изъ той и другой доли. Въ случаѣ прекращенія брака, обѣ доли должны быть возвращены, кому онѣ принадлежали до брака, развѣ одна изъ сторонъ получитъ меньше потому, что подвергнется штрафу, или по договору будетъ опредѣлено иначе. Это сначала законодательство объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ установилось, повидимому, въ позднѣйшія времена, когда развилось понятіе о юридической и имущественной самостоятельности женщины. Возникли имущественныя отношенія, безъ сомнѣнія, въ доисторическія времена и согласны съ другими характеромъ и значеніемъ.

[illegible] приданое, выработалось [illegible] время, когда установились [illegible] шенія между родами, и бракъ [illegible] чаться по взаимному согласію [illegible] вами семействъ или родовъ, [illegible] nuptias, по всѣмъ вѣроятіямъ, [illegible] бывшей когда-то покупки невѣ[illegible] невѣсту, отдававшаяся сперва [illegible] стия, къ которому она принадле[illegible] женію, перешла потомъ въ [illegible] вѣтъ; а поступленіе приданаго [illegible] ственность мужа и управленіе [illegible] частями сохраняетъ на себѣ [illegible] того времени, когда все, что [illegible] становилось собственностью мужа [illegible] не имѣла никакой правоспособно[illegible]

Кромѣ этихъ долей, отдѣляемы[illegible] надобности семейства, и мужъ и [illegible] по римскому праву, имѣлъ свою [illegible] ственность (bona paraphernа — [illegible] управляли и распоряжались, [illegible] шенно самостоятельно и вполнѣ [illegible] другъ отъ друга. Не допускалось [illegible] реніе между супругами; оно при[illegible] недѣйствительно и получаетъ [illegible] по смерти дарителя, если онъ не [illegible] дара назадъ до своей смерти, по[illegible] или прежде своего супруга, полу[illegible] него даръ, или въ одно съ ним[illegible] кая имущественная самостоятел[illegible] и жены очевидно могла возни[illegible] древнѣйшій періодъ, а лишь по[illegible] женщина получила большую [illegible] стоятельность, которой въ нача[illegible]

Но рядомъ съ такимъ полн[illegible] ніемъ имущественной правоспос[illegible] ницы, она остается въ личной [illegible] вполнѣ зависимой отъ власти м[illegible] легкость развода смягчала ее. [illegible] жена находилась подъ властью [illegible] manûs, которая была выше кла[illegible] своими дѣтьми. Власть эта очев[illegible] быть впослѣдствіи такой же с[illegible] была въ началѣ, когда простир[illegible] мую жизнь жены, но юридиче[illegible] корда не была ни отмѣнена, ни[illegible] По древнему обычаю, мужъ [illegible] ною какъ своей собственностью, [illegible] нуть ее отъ себя, дать разводъ, [illegible] гому. Для этого была придумана [illegible] жена мужу вмѣсто дочери что [illegible] бы отецъ. Все это впослѣдстви[illegible] нравы, давшіе женщинѣ большу[illegible] тельность (Альбовъ, стр. 21 [illegible]

чертахъ римскаго брака не трудно замѣтить сходство съ восточными воззрѣніями, гдѣ тоже признаютъ имущественную самостоятельность женщины (жены), рядомъ съ большею легкостью разводовъ и съ полнымъ подчиненіемъ власти мужа.

Иначе развились личныя и имущественныя отношенія мужа и жены у новыхъ европейскихъ народовъ. Личное положеніе женщины, значительно улучшившееся къ концу древняго міра подъ вліяніемъ христіанства и подъ высокой культуры, несомнѣнно стало гораздо прочнымъ и обезпеченнымъ, несмотря на то, что древне-германскія воззрѣнія, отличавшіяся дикимъ бытомъ, черезъ которыя прошли всѣ народы, задержали развитіе личныхъ правъ женщины, весьма сильное къ концу древняго міра, и подогрѣли запоздалые остатки отжившаго древняго римскаго права.

Что же касается имущественныхъ правъ, то въ этомъ отношеніи новыя европейскія законодательства истолковали ихъ въ пользу мужчины, къ невыгодѣ женщины, и представляютъ рѣзкій, бросающійся въ глаза шагъ назадъ сравнительно не только съ римскимъ, но и съ восточными правами, еврейскимъ и мусульманскимъ.

По германскому праву, бракъ установилъ опеку мужа надъ женою. Она не можетъ, безъ участія и помощи мужа, явиться въ судъ; вообще мужъ есть представитель жены и внѣ семьи является главою супружескаго товарищества. Жена есть товарищъ мужа, раздѣляетъ съ нимъ его имя, гражданское состояніе и мѣсто жительства. Впрочемъ, равенство гражданскаго положенія мужа и жены до супружества играетъ въ германскомъ бракѣ великую роль и отражается на юридическомъ положеніи и правахъ жены. По германскимъ понятіямъ, мужъ и жена должны быть равны по своему гражданскому положенію; если этого нѣтъ, если жена, по гражданскому положенію, ниже мужчины, то бракъ есть неравный (Missheirath, disparagium), и это отзывается на дѣтяхъ: они слѣдуютъ состоянію матери. Въ этомъ нельзя еще видѣть униженнаго положенія жены въ бракѣ, такъ какъ опредѣленіе состоянія дѣтей по отцу, кто бы ни была ихъ мать, скорѣе заставляетъ предполагать вообще выдающееся положеніе мужчины сравнительно съ женщиной; но во всякомъ случаѣ, понятіе о равномъ и неравномъ бракѣ вноситъ въ полное общеніе мужа и жены совершенно несвойственное и противорѣчащее ему различеніе по гражданскому положенію. Такое вторженіе въ бракъ сословнаго начала, какъ опредѣляющаго юридическую сторону брачнаго союза, объясняемое аристократическими наклонностями германскаго племени, значительно смягчилось въ послѣднее время и ограничивается теперь только высшимъ дворянствомъ. Спорнымъ является также вопросъ, возникаетъ ли неравный бракъ только изъ брака съ женою не-дворянскаго происхожденія, или же съ женою, непринадлежащею къ высшему дворянству? Въ различныхъ фамиліяхъ, принадлежащихъ къ высшему дворянству, такой или другой взглядъ на то, что слѣдуетъ считать неравнымъ бракомъ, опредѣляется фамильной практикой. Послѣдствія неравнаго брака заключаются вообще въ томъ, что женѣ не присвоивается званіе и состояніе мужа, и что дѣти слѣдуютъ состоянію матери. Жена, въ случаѣ смерти мужа, не имѣетъ имущественныхъ правъ, присвоенныхъ равноправной по состоянію женѣ, а дѣти не наслѣдуютъ въ родовыхъ и ленныхъ имѣніяхъ и фиденкомиссахъ отца. Если, при неравномъ бракѣ, судьба жены и дѣтей обезпечивается договоромъ, то бракъ называется морганатическимъ или бракомъ съ лѣвой руки (matrimonium ad morganaticam, ad legem salicam). Французскому и русскому законодательству такіе браки вовсе неизвѣстны.

Имущественныя отношенія супруговъ по германскому праву крайне разнообразны, и могутъ быть подведены подъ слѣдующія группы:

1) имущества супруговъ соединяются подъ однимъ общимъ управленіемъ мужа. Но нѣкоторыя имущества жены, по закону или по договору, изъемлются изъ общаго управленія (Sonder Einhandsgut, bona recepticia). Движимостью жены мужъ управляетъ по своему усмотрѣнію, недвижимымъ имуществомъ можетъ распоряжаться не иначе, какъ съ ея согласія. Если мужъ слишкомъ задолжаетъ, а также въ случаѣ конкурса, жена обыкновенно имѣетъ право требовать возвращенія ей того, что она, вступая въ бракъ, принесла съ собою. Право самостоятельнаго распоряженія принадлежитъ женѣ только относительно того, что касается домашняго хозяйства (Schusselgewalt). По нѣкоторымъ германскимъ законодательствамъ, мужу принадлежитъ въ имуществѣ жены право пользованія

и употребленія (ususfructus maritalis, или видоизмѣненная система правъ на приданое):

2) имущество жены смѣшивается съ имѣніемъ мужа и образуется полное общеніе имуществъ. Но оно, въ различныхъ законодательствахъ, имѣетъ свои оттѣнки. Въ однихъ, имущество жены, въ томъ числѣ и ея недвижимыя имѣнія, въ случаѣ нужды, и слѣд., при конкурсѣ, могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за долги мужа; вообще же, жена сохраняетъ на свое имущество указанныя выше права (это называется formale (Gütergemeinschaft). Самое полное общеніе имуществъ установляется въ томъ случаѣ, когда съ обѣихъ сторонъ принесенныя имущества сливаются въ одну массу и распоряженія общею недвижимостью могутъ дѣлаться не иначе, какъ по взаимному согласію обоихъ супруговъ. Слитое такимъ образомъ въ одну массу имущество отвѣчаетъ за долги и мужа, и жены, сдѣланные какъ до брака, такъ и послѣ заключенія брака;

3) общеніе установляется не во всѣхъ имуществахъ мужа и жены, а только въ извѣстной ихъ части (particulare (Gütergemeinschaft). Оно представляется въ двухъ видахъ: а) какъ общеніе имущества, пріобрѣтеннаго однимъ супругомъ, или сообща обоими, въ продолженіе брака (Gütergemeinschaft des Adquestes). Изъ общенія исключается то, что достается тому или другому супругу по какому-нибудь случаю, или безвозмездно; б) какъ общеніе имущества, пріобрѣтеннаго общимъ, совокупнымъ трудомъ обоихъ супруговъ (Gütergemeinschaft des Konquestes). Часто, хотя и рѣже чѣмъ указанные виды общенія, встрѣчается общеніе движимостей. —всего употребляемаго въ хозяйствѣ (der fahrenden Habe). Въ случаѣ прекращенія брака, жена или ея наслѣдники имѣютъ, при ususfructus maritalis, право на все принесенное ею съ собою имущество или на соотвѣтствующее вознагражденіе. Но гдѣ принятъ принципъ соединенія имуществъ, тамъ это право не простирается на движимыя вещи, потребленныя въ продолженіе брака. Въ обоихъ случаяхъ, жена пользуется привиллегіями, предоставленными ей по приданому римскимъ правомъ. При формальномъ общеніи имуществъ, она пользуется такимъ правомъ только въ томъ случаѣ, когда что-либо останется отъ имѣнія мужа по удовлетвореніи его кредиторовъ, слѣдовательно вступаетъ въ свои права послѣ нихъ, а гдѣ начало общенія имуществъ проведено [illegible] конца, тамъ либо все имущество [illegible] части, либо, въ случаѣ смерти [illegible] супруговъ, оно сосредоточивается [illegible] остающагося въ живыхъ супруга. [illegible] чала не проведены послѣдовате[illegible] нихъ есть отступленія, одна сис[illegible] нается нерѣдко другою, при чемъ [illegible] етъ то обстоятельство, остались ли [illegible] ка дѣти, или нѣтъ. Если отъ бра[illegible] шли дѣти, то со смертью одного [illegible] гомъ имущественное отношеніе [illegible] премѣнно прекращается; часто [illegible] въ живыхъ родитель владѣетъ им[illegible] нераздѣльно съ дѣтьми, на тѣхъ же [illegible] какъ и въ продолженіе супруже[illegible] совпаденіе называется Beisitz. Если [illegible] брака было общеніе имуществъ, то [illegible] должается (communio bonorum [illegible] При этомъ перѣдко недвижимыя [illegible] обоихъ родителей тотчасъ же пере[illegible] собственность дѣтей, а оставшемуся [illegible] выхъ супругу останется одно пра[illegible] ванія и употребленія (Verlangensch[illegible] Такое отношеніе прекращается с[illegible] дителя, дѣтей, или выдѣломъ с[illegible] Въ томъ случаѣ, когда существу[illegible] на извѣстную часть (такъ называ[illegible] recht), оставшійся въ живыхъ суп[illegible] можетъ ее выдѣлить и чрезъ это [illegible] право свободнаго распоряженія сво[illegible] Въ извѣстныхъ случаяхъ и дѣти [illegible] во требовать опредѣленія слѣду[illegible] части. Вообще выдѣлъ относится [illegible] долѣ дѣтей въ имуществѣ покой[illegible] теля (отца или матери) и лишь [illegible] лѣтія можетъ быть, въ то же время, [illegible] временнымъ наслѣдованіемъ (succ[illegible] cipata) въ имуществѣ родителя, [illegible] въ живыхъ. Поводомъ къ выдѣлу [illegible] съ тѣмъ и къ прекращенію совм[illegible] Beisitzes), служитъ, въ обыкновенномъ [illegible] рядкѣ, вступленіе въ новый бракъ [illegible] гося въ живыхъ родителя. Но [illegible] быть отстранено установленіемъ [illegible] дѣтей (Einkindschaft, unio prolium) [illegible] ствомъ договора между вступающим[illegible] вый бракъ супругомъ и новымъ [illegible] въ силу котораго дѣти отъ пер[illegible] новаго брака, въ имущественном[illegible] ніи, уравниваются въ правахъ. [illegible] различаются дѣти, уже родившіяся [illegible] даемыхъ впослѣдствіи (Vor- und N[illegible] первымъ извѣстная часть перѣдк[illegible]

едъ, вторые получаютъ остало-
договоръ долженъ быть заклю-
судомъ, и въ интересѣ дѣтей
жденія, производится предвари-
ѣдованіе.

зскому праву, бракъ есть обще-
хъ интересовъ подъ руководи-
мужа, который является главою
ва. Супруги обязаны другъ другу
ъ особенности супружескою), со-
помощью (въ особенности денеж-
имѣетъ особенное право на за-
обязанъ принять ее къ себѣ и
отвѣтственно своему граждан-
нію и средствамъ. Мужъ имѣ-
е право на послушаніе: жена
нимъ слѣдовать и у него жить;
этому мѣсту, онъ можетъ ее
удить силою, — но въ законѣ этого
взглядъ есть, очевидно, отголо-
къ, старинныхъ порядковъ. Осо-
аженіемъ власти мужа надъ же-
требуемая для дѣйствительно-
юридическаго дѣйствія жены
его мужемъ. Жена можетъ зани-
ѣлею не иначе, какъ съ согла-
рахъ такое согласіе дано, гипо-
оризаціи со стороны мужа на то
юридическое дѣйствіе жены по
требуется.

ѣныя отношенія супруговъ, по
ѣять въ общеніи движимости и
Втораго въ продолженіе брака.
е правило, которое, однако, мо-
имѣніе по договоромъ. Въ состав
щества входятъ всѣ движимыя
ыми супруги владѣли въ день
брака, или которыя имъ доста-
ъ бы то ни было образомъ въ
супружества; всѣ полученные
е отъ имѣнія супруговъ, въ про-
ка, плоды, доходы, проценты и
прибыли; наконецъ, всѣ приоб-
продолженіе супружества подви-
ества, кромѣ подаренныхъ или
по наслѣдству. Къ долгамъ, па-
бщее имущество, принадлежатъ,
ъ, долги супруговъ, сдѣланные
по движимому имуществу, долги
у или дару, доставшимся супру-
ложеніе брака и состоящимъ ис-
изъ движимыхъ вещей, и из-
ужеской жизни. Общимъ иму-
рияметъ мужъ, какъ глава су-

пружескаго союза. Какое значеніе имѣетъ это правило? Прежде за мужемъ признавалось дѣйствительное право собственности надъ общимъ имуществомъ. Позднѣе, на послѣднее стали смотрѣть какъ на юридическое лицо, которому мужъ служитъ представителемъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Наконецъ, къ управленію мужемъ общаго имущества ныне примѣняютъ начала usus-fructus maritalis. Но ни одно изъ этихъ объясненій и аналогій не можетъ быть признано вполнѣ точнымъ. Мужъ имѣетъ полное и исключительное право совершать дѣйствія, относящіяся собственно къ управленію, а также отчуждать. Распоряжаться при жизни общимъ имуществомъ безвозмездно онъ можетъ лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ: дѣлать завѣщаніе можетъ конечно только о той долѣ общаго имущества, которая ему принадлежитъ. Издержки на содержаніе дѣтей, родившихся въ супружествѣ, онъ можетъ покрывать изъ общаго имущества; изъ него же онъ можетъ покрывать и присужденное противъ него вознагражденіе за вредъ и убытки, нанесенные съ злымъ умысломъ: но денежныя пени, къ которымъ онъ присужденъ, онъ не вправѣ платить изъ общаго имущества.

Дѣйствія, предпринимаемыя женою безъ согласія мужа, не обязательны для общаго имущества. Не падаетъ на это имущество отвѣтственность и за тѣ дѣйствія жены, на которыя мужъ изъявилъ согласіе; онъ отвѣчаетъ за нихъ лично. По обыкновеннымъ текущимъ расходамъ домашняго хозяйства, законъ признаетъ жену законною представительницею мужа. По злоумышленнымъ дѣйствія она отвѣчаетъ сама, они не падаютъ на общее имущество.

Мужъ управляетъ и особеннымъ имуществомъ жены, но не въ качествѣ главы супружескаго союза, а въ качествѣ завѣдывающаго чужимъ имуществомъ, съ отвѣтственностью за каждую вину.

Общеніе имущества между супругами прекращается смертью, безвѣстнымъ отсутствіемъ одного изъ супруговъ, разводомъ, разлученіемъ отъ стола и ложа; наконецъ, общее имущество можетъ быть разъединено по просьбѣ жены судебнымъ приговоромъ. Кромѣ этихъ случаевъ, имущественныя отношенія, установленныя при началѣ супружества остаются неизмѣнными.

По прекращеніи имущественнаго общенія,

отъ жены или ея наслѣдниковъ зависитъ принять на себя послѣдствія общенія, въ особенности отвѣтственность за долги, падающіе на общее имущество, или отказаться отъ его выгодъ и убытковъ. Это правило установлено обычнымъ правомъ. Принятіе можетъ быть прямо выражено словами, или выразиться самимъ дѣломъ,—умолчательствомъ въ распоряженіи, утайкой имущества. Отказъ долженъ быть выраженъ формально. Только въ случаѣ развода, разлученія отъ стола и ложа и разъединенія имуществъ, отказъ, по истеченіи опредѣленнаго срока, предполагается и имѣетъ обратное дѣйствіе: предполагается что общее имущество было, съ самаго начала, исключительною собственностью мужа.

По взаимному соглашенію, общеніе имуществъ, составляющее общее правило, можетъ быть, при вступленіи въ бракъ, измѣнено. Наполеоновъ кодексъ перечисляетъ и нормируетъ закономъ нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ условій и договорныхъ системъ этого рода. Таковы: общеніе всѣхъ имуществъ, частичное общеніе лишь движимостей и имуществъ, пріобрѣтенныхъ въ продолженіе брака, общеніе однихъ послѣднихъ, условія о мобилизированіи, о выдѣленіи долговъ, о возвращеніи женѣ ея доли свободною отъ долговъ и нѣк. друг.

Общеніе имуществъ можетъ быть и совсѣмъ исключено, по договору. Въ такомъ случаѣ все имущество, полученія и долги мужа и жены остаются раздѣльными, но мужъ управляетъ имѣніемъ жены и пользуется плодами, на правахъ пользованія и употребленія (ususfructus). Но если въ брачномъ договорѣ положительно выражено, что имущества должны оставаться раздѣленными, то жена сама управляетъ своимъ имуществомъ, пользуется получаемыми отъ него доходами и, если нѣтъ особаго условія, несетъ треть издержекъ супружескаго сожительства.

Въ брачномъ договорѣ можетъ быть также условлено, что супруги подчиняются правиламъ о приданомъ (régime dotal). Основная мысль этихъ правилъ, создавшихся въ южной Франціи и существенно отступающихъ отъ римскаго права, заключается въ томъ, что имущества супруговъ остаются раздѣленными, но жена можетъ назначить доходы отъ извѣстной части своего имущества, отъ кого бы оно ей ни досталось, на покрытіе издержекъ супружескаго сожительства [illegible] частью управляетъ мужъ, какъ [illegible] жескаго союза, и ему принадлежат[illegible] личныя сбереженія. Все остал[illegible] ство жены, управленіе которы[illegible] отъ котораго принадлежатъ са[illegible] paraphernal. Можетъ случиться, [illegible] щество жены есть параферналь[illegible] считается заключеннымъ по прави[illegible] dotal, хотя никакого приданаго [illegible] объясняется тѣмъ, что въ теченіе [illegible] ственно не назначеніе приданаго, [illegible] ность имуществъ. Выдѣленіе пр[illegible] предполагается теперь, какъ бы[illegible] оно должно быть прямо и положи[illegible] говорено въ брачномъ контрактѣ[illegible] оно въ немъ назначено, оно от[illegible] мѣнимымъ. Обязанности назначи[illegible] нѣтъ. Земли, вошедшія въ сос[illegible] наго, вообще неотчуждаемы. Н[illegible] правила есть исключенія.

Русское законодательство о лич[illegible] щественныхъ отношеніяхъ суп[illegible] своему характеру, представляетъ [illegible] ныя особенности, отличающія ег[illegible] другихъ. Подобно восточнымъ з[illegible] ствамъ, оно ставитъ жену, въ [illegible] ному отношеніи, въ совершенно[illegible] и самостоятельное положеніе, и[illegible] проведено въ немъ съ большою [illegible] тельностью, въ личномъ же отн[illegible] придерживается началъ законода[illegible] ныхъ европейскихъ народовъ, въ[illegible] эпоху ихъ развитія и подчиняетъ [illegible] власти мужа, ограждая ее тольк[illegible] возможно при крайней трудно[illegible] отъ грубыхъ злоупотребленій эт[illegible]

По русскому законодательству, [illegible] одно тѣло: мужъ есть глава же[illegible] отлучается отъ мужа. На этихъ [illegible] выводахъ изъ нихъ построено [illegible] конодательство о личныхъ отно[illegible] пруговъ.

„Мужъ обязанъ любить свою [illegible] собственное свое тѣло, жить съ [illegible] ласки, уважать, защищать, в[illegible] достатки и облегчать ея немощ[illegible] зань доставлять женѣ пропита[illegible] жаніе по состоянію и возмож[illegible] (Зак. гр., ст. 106). Этотъ законъ [illegible] лишь взглядъ русскаго законода[illegible] личныя отношенія супруговъ и, [illegible] шемъ трудно уловимой обязанно[illegible] щищать жену и неопредѣленно

женѣ пропитаніе и содержаніе, не можетъ имѣть юридическаго

язана повиноваться мужу своему, семейства, пребывать къ нему очтенія и неограниченномъ по-казывать ему всякое угожденіе и ь, какъ хозяйка дома" (Зак. 07). И въ этомъ законѣ, кромѣ жены повиноваться мужу и ен-ной обязанности неограничен-нія (ибо она ограничивается ершить преступленіе), выра-ко взглядъ русскаго законода-отношенія жены къ мужу.

ъ европейскихъ законодатель-носить фамилію мужа, „име-нію мужа" (тамъ же, ст. 101). обязаны жить вмѣстѣ. Посему спрещаются всѣ акты, клоня-вольному разлученію супруговъ: ѣселенія, при поступленіи на при иной перемѣнѣ постояннаго ужа, жена должна слѣдовать за же, ст. 103 по прод.).

аконодательство, какъ сказано етъ неравныхъ браковъ. Мужъ внѣ своей, если она по роду при-ь состоянію низшему, всѣ права тва, сопряженныя съ его со-нкомъ или званіемъ" (Зак. гр., тупивъ въ бракъ съ лицомъ низ-ія, женщина не сообщаетъ сво-ужу, но не теряетъ своихъ, при-по происхожденію или по преж-Зак. о сост., ст. 5). Это конечно) къ правамъ, пріобрѣтаемымъ лужебному положенію отца или ., къ чину и титуламъ).

ющія правила. Но изъ нихъ дѣ-ченія въ томъ случаѣ, когда чается съ лицомъ, лишеннымъ состоянія, или съ лицомъ, со-ъ лишенія правъ, или лише-нѣкоторыхъ правъ, а также въ ъ, когда одному изъ этихъ на-рнется одинъ изъ супруговъ, кого рода, назначаемое за пре-тевидно не можетъ отмѣниться равами; потому, въ приведен-ъ, супружескія отношенія вре-вредъ вліяніемъ наказанія, а права мужей не переходятъ на торыя, будучи лишены всѣхъ правъ состоянія и по истеченіи опредѣлен-ныхъ закономъ сроковъ перечислены въ сословіе государственныхъ поселянъ, вступить въ бракъ съ лицами высшаго состоянія. Точно также права мужей не переходятъ на женщинъ, которыя, будучи лишены всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ съ ссылкою въ сибирскія и другія отдаленныя губерніи, вступятъ въ бракъ въ новомъ мѣстѣ жительства (Зак. гражд., ст. 100, примѣч.); 2) подъ вліяніемъ наказанія за преступленія дѣлается также отступленіе и отъ правила, что жена обязана жить съ мужемъ. Женамъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь предоставляется слѣдовать или не слѣдовать за своими мужьями въ ссылку (уст. о ссыльн., ст. 40 по прод.). При ссылкѣ въ Сибирь евреекъ, мужья ихъ не могутъ за ними слѣдовать (тамъ же, прим. 1). Мѣщане и крестьяне могутъ слѣдовать въ ссылку за своими женами не иначе, какъ переписавшись изъ своихъ губерній въ сибирскія (тамъ же, прим. 2 по прод.); значитъ, если есть препятствія къ такой перепискѣ, правило объ обязательномъ сожительствѣ мужа и жены нарушается.—Жены лицъ, переселяемыхъ по приговору обществъ, обязаны слѣдовать за мужьями, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда переселяемый мужъ изъявитъ согласіе на то, чтобы она оставалась на мѣстѣ, или когда жена тяжко и неизлечимо больна, или когда мужъ жестоко съ нею обращается, или ведетъ явно развратную жизнь (уст. о ссыльн., прилож. къ ст. 40, примѣч. 3 по прод. ст. 2). Это правило распространено и на случаи удаленія изъ мѣстъ жительства административнымъ порядкомъ (тамъ же, ст. 9, примѣч.).

Кромѣ этихъ отступленій отъ общаго правила, что мужъ и жена должны жить вмѣстѣ, и именно въ мѣстѣ жительства мужа, есть случаи, когда подъ вліяніемъ преступленія мѣстожительство супруговъ опредѣляется пребываніемъ не мужа, а жены, именно: если съ женщиной, лишенной правъ состоянія и сосланной въ Сибирь, по перечисленіи ея въ сословіе государственныхъ поселянъ или крестьянъ, вступитъ кто-либо въ бракъ, то онъ не имѣетъ права ни вывозить свою жену, ни самъ переселиться на постоянное жительство изъ Сибири (Зак. гражд., ст. 105); уст. о ссыльн., ст. 765 п. 1).

Кромѣ преступленій, обязательное сожительство мужа и жены нарушается, хотя

я временно, заключеніемъ, передвиженіемъ войскъ въ военное время (уст. о земск. повин., ст. 259 примѣч. 5), выѣздомъ заграничныхъ пайтцевъ, женившихся на русскихъ поддан-ныхъ евангелическаго исповѣданія или маго-меданскаго закона, въ свое отечество (Зак. гражд., ст. 88 и 96).

Съ законными ограниченіями общаго на-чала, что жена обязана жить съ мужемъ тамъ, гдѣ онъ находится, и съ запрещеніемъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ, клонящихся къ расторженію брачнаго сожительства, не должно смѣшивать временной, иногда про-должительной разлуки супруговъ по дѣламъ, занятіямъ и промысламъ, которыя ставятъ ихъ въ необходимость жить розно. Законъ не запрещаетъ такихъ разлукъ и установ-ляетъ правила для выдачи видовъ и паспор-товъ женамъ отдѣльно отъ мужей, съ согла-сія мужа. Въ этомъ нѣтъ отступленія отъ об-щаго правила, такъ какъ отъ мужа, и при та-кихъ видахъ и паспортахъ, всегда зависитъ вытребовать къ себѣ жену. Дѣйствительное отступленіе отъ правила, кромѣ указанныхъ выше, составляетъ выдача женѣ особаго вида или паспорта правительствомъ, безъ согласія и желанія мужа, мѣра, которая во многихъ случаяхъ представляется крайне необходимою въ огражденіе жены отъ мужа. Такая выдача существуетъ на практикѣ, хотя о ней и не упоминается въ законѣ. Она смягчаетъ на фактѣ крайнюю суровость подчиненія жены мужу и заключаетъ въ себѣ зародышъ болѣе справедливаго и правильнаго законодатель-ства о личныхъ отношеніяхъ супруговъ.

Хотя наше законодательство и не форму-лируетъ власти или опеки мужа надъ женой, по толкуя, особливо прежде, весьма строго обязанность жены всюду слѣдовать за мужемъ и право его требовать ее къ себѣ, хотя бы силою, черезъ полицію, нашъ законъ придаетъ словамъ „повиновеніе" и „неограниченное по-слушаніе" не одно нравственное, но и юри-дическое значеніе. Кромѣ того, законъ во многихъ случаяхъ прямо и положительно огра-ничиваетъ права жены дозволеніемъ или раз-рѣшеніемъ мужа, а именно: а) жены не мо-гутъ вступать въ договоръ личнаго найма безъ позволенія мужей (Зак. гражд., ст. 2202 по прод.). При распространительномъ толкованіи кассац. сенатомъ личнаго найма (см. Боровиковскій разъясн. къ ст. 2201), жена не мо-жетъ безъ позволенія мужа исполнить, за вознагражденіе, личныхъ обязанностей, тре-бующихъ извѣстныхъ познаній и [illegible] дѣятельности, ни брать на себя [illegible] какой-либо работы; б) безъ позв[illegible] жена не можетъ выдавать векс[illegible] довъ съ возвратомъ на себя (ст. [illegible] 546 по прод.).

Что касается отношенія имущ[illegible] то къ нашему законодательству [illegible] строго-послѣдовательно начало по[illegible] шенной гражданской самостоятель[illegible] полной ея равноправности съ муж[illegible] ношеніи къ правамъ на имущест[illegible] жена разсматривается какъ совер[illegible] стоятельныя лица, какъ будто бы [illegible] чужіе другъ другу. „Бракомъ не со[illegible] общаго владѣнія въ имуществѣ [illegible] каждый изъ нихъ можетъ имѣть и [illegible] обрѣтать отдѣльную свою соб[illegible] (Зак. гражд., ст. 109). „Супруг[illegible] ляется продавать, закладывать и [illegible] поряжать собственнымъ своимъ [illegible] прямо отъ своего имени, незави[illegible] отъ друга и не испрашивая на [illegible] ни дозволительныхъ, ни вѣрящ[illegible] (Зак. гражд., ст. 114 по прод.). „К[illegible] мужу поступаться имѣніемъ жены [illegible] имѣніемъ мужа, иначе, какъ по [illegible] сіе довѣренности" (Зак. гражд., ст. [illegible] пругамъ не возбраняется взаимно [illegible] лять между собою собственное [illegible] посредствомъ продажи, или дара, [illegible] законномъ основаніи" (тамъ же, [illegible] воспрещается равномѣрно супру[illegible] шать взаимно закладныя на при[illegible] каждому изъ нихъ имѣніе и вступ[illegible] гія законныя между собою об[illegible] (тамъ же, ст. 117). Даже относ[illegible] данаго, которое по всѣмъ законод[illegible] европейскимъ, римскому и поль[illegible] вится въ большую или меньшую зав[illegible] мужа, проведено то же начало им[illegible] самостоятельности жены. „Прио[illegible] равно какъ имѣніе, пріобрѣтен[illegible] на ея имя, во время замужества, [illegible] даръ, наслѣдство или инымъ зак[illegible] собомъ, признается ея отдѣльной [illegible] ностью" (Зак. гражд., ст. 110). По [illegible] статуту, имущественныя отноше[illegible] говъ опредѣлялись по началамъ [illegible] права; по литовскій статутъ сов[illegible] закона по этому предмету только [illegible] ніяхъ Полтавской и Черниговско[illegible] ст. 111 и 118).

Этой безусловной имущественн[illegible]

супруговъ и самостоятельности жены, ...димому, противорѣчатъ: поставленіе въ ...симость отъ позволенія мужа извѣстнаго ... перечисленныхъ выше имущественныхъ ...ошеній жены, отвѣтственность одного супруга за долги другого; обращеніе казеннаго ...скванія, падающаго на умершаго,—на пенсію, получаемую его вдовою. Но на самомъ ... противорѣчіе это—только кажущееся, и ..., въ которыхъ оно встрѣчается, предполагаютъ болѣе или менѣе удачную попытку ...мѣнить общія начала личной зависимости ... отъ мужа и полной имущественной самостоятельности супруговъ къ сложнымъ явленіямъ дѣйствительной жизни.

Во 1-хъ, запрещеніе женѣ заниматься и ...вать на себя векселя касается такого ... дѣйствій, которыя, хотя и имѣютъ ...мѣнно имущественный характеръ, но находятся въ тѣсной связи съ личностью и гораздо легче и чаще, чѣмъ распоряженія имуществомъ реально существующимъ, могутъ имѣть послѣдствіемъ личную отвѣтственность, ... тѣмъ вести къ отлученію жены отъ мужа. ...мѣчательно, что прежде на производство ...ною торговли требовалось дозволеніе мужа, ... въ новомъ положеніи о пошлинахъ за ...рево торговли и промысловъ объ этомъ ограниченіи болѣе не упоминается.

Во-2-хъ, отвѣтственность одного супруга за долги другого, какъ было объяснено прежде, имѣетъ мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда одинъ супругъ перевелъ безвозмездно свое имущество на имя другого, съ намѣреніемъ обмануть кредиторовъ и сохранить свое имущество, которое, безъ такого обманнаго дѣйствія, отвѣчало бы за долги. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, никакого отступленія отъ основныхъ началъ полной имущественной самостоятельности супруговъ тоже нѣтъ: жена не отвѣчаетъ за долги мужа, ни мужъ за долги жены своимъ имуществомъ, а только тѣмъ, которое они безвозмездно и съ цѣлью обмана пріобрѣли отъ супруга.

Наконецъ, въ-3-хъ, казенное взысканіе съ умершаго чиновника падаетъ на пенсію, получаемую его вдовою (Зак. гражд. суд., ст. 1461) потому, что она получаетъ пенсію за службу мужа, а не въ видѣ дохода отъ принадлежащаго ей имущества.

Отд. 4. **Прекращеніе супружества.**

Прекращеніе брака не слѣдуетъ смѣшивать съ признаніемъ брака незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о такомъ союзѣ между мужчиной и женщиной, который имѣлъ лишь обманчивый видъ брака, на самомъ же дѣлѣ никогда имъ не былъ и потому не можетъ имѣть и послѣдствій дѣйствительнаго, законнаго брака. Напротивъ того, прекращеніе брака предполагаетъ, что онъ, до его прекращенія, законно и дѣйствительно существовалъ, почему все, что изъ него и въ продолженіе его, до его прекращенія, законно произошло, имѣетъ полную юридическую силу.

По русскому законодательству, бракъ не признается дѣйствительнымъ и законнымъ: 1) когда онъ совершился по насилію и въ сумасшествіи, хотя бы одного изъ брачившихся; 2) когда вступившіе въ бракъ находятся между собою въ кровномъ или духовномъ родствѣ или свойствѣ, въ степеняхъ, запрещенныхъ церковными правилами; 3) когда вступаетъ въ бракъ лицо, еще состоящее въ бракѣ (это правило относится только къ христіанамъ и евреямъ); 4) когда вступитъ въ бракъ лицо, которому, по расторженіи прежняго брака, вступать въ новый запрещено; 5) когда вступившій въ бракъ не достигъ или перешелъ установленный возрастъ, или прежде того былъ женатъ три раза или замужемъ (послѣднее правило относится къ однимъ православнымъ); 6) бракъ монаховъ, священниковъ и дьяконовъ, пока находятся въ этомъ санѣ (относится тоже къ однимъ православнымъ); 7) бракъ православныхъ съ не-христіанами (Зак. гражд., ст. 87).

Браки, признанные недѣйствительными, имѣютъ послѣдствіемъ разлученіе отъ сожительства, а если заключены завѣдомо, - то церковное покаяніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и гражданское наказаніе. Но это не лишаетъ виновныхъ права вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ, кромѣ осужденныхъ на всегдашнее безбрачіе (тамъ же, ст. 38 и 39).

Прекращеніе брака происходитъ или по законамъ естественнымъ, вслѣдствіе естественной физической смерти (Зак. гражд., ст. 43), или вслѣдствіе расторженія брака между супругами, которые, оба, находятся въ живыхъ. Кромѣ расторженія брака, есть еще разлученіе супруговъ. Оно не есть полное прекращеніе или расторженіе брака, но лишь прекращеніе сожительства супруговъ, безъ уничтоженія самаго брака въ принципѣ.—Естественномъ прекращеніи брака смертью распространяться нечего. Разсмотрѣнія требуютъ лишь расторженіе брака и разлученіе супруговъ.

Расторженіе брака, въ историческомъ своемъ развитіи, сообразовалось съ различными воззрѣніями на бракъ, которыя послѣдовательно установлялись между людьми.

Когда исключительно господствовала грубая, физіологическая сторона во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ и физическая сила опредѣляла ихъ характеръ, о расторженіи, какъ и о совершеніи браковъ, не могло быть рѣчи, такъ какъ и самаго брака, въ смыслѣ правильнаго и постояннаго сожительства лицъ различныхъ половъ, не было.

Съ первыми же зачатками брака, когда женщина получила гражданское значеніе и личность ея стала признаваться, взаимныя отношенія между мужемъ и женой хотя далеко не были равноправны, однако уже замѣтно стремленіе опредѣлить ихъ юридически, а имѣетъ съ тѣмъ и установить какъ моментъ начала, такъ и моментъ прекращенія брачнаго союза. На этой ступени развитія огромныя личныя права надъ женой принадлежали мужу; послѣдствіе того и прекращеніе брака является въ двухъ формахъ: въ видѣ добровольнаго развода и въ видѣ отверженія мужемъ жены. При господствовавшемъ въ то время взглядѣ на бракъ какъ на частное дѣло супруговъ, оба эти вида не имѣютъ обязательно публичнаго характера и зависятъ исключительно или отъ обоихъ супруговъ, или отъ одного усмотрѣнія мужа. Таковы формы расторженія брака у восточныхъ народовъ и по римскому праву.

Сдѣлавшимъ таинствомъ, бракъ, по самому существу, сталъ нерасторжимъ. Изъ этого общаго правила сдѣланы современемъ нѣкоторыя изъятія, но вообще церковный бракъ остался такимъ. Понятіе о таинствѣ исключаетъ расторженіе, т.-е. раздѣленіе таинства. Взглядъ этотъ и сохранился тамъ, гдѣ бракъ признается таинствомъ. Подъ вліяніемъ практическихъ потребностей, дѣлающихъ сожительство супруговъ во многихъ случаяхъ невозможнымъ, католическая церковь, удержавъ нерасторжимость браковъ въ принципѣ, допустила временное или постоянное разлученіе супруговъ, т.-е. прекращеніе ихъ сожительства. Но какъ разводъ или расторженіе брака, такъ и разлученіе супруговъ, по католическому церковному праву, есть дѣло церкви и постановляется духовными властями.

Когда появились стремленія совлечь съ супружества значеніе таинства, закончившіяся установленіемъ гражданскаго брака, разводъ мало-по-малу возстановленъ. Разв[одъ] воды и основанія, отчасти древ[ніе] скому праву, отчасти новые, пред[ста]точными причинами для дол[жно]торженія брачнаго союза. Самое рас[торженіе] какъ дѣло свѣтское, а не церковное [пе]ставлено свѣтскому суду, и изъ[ято] ховнаго вѣдомства.

Такимъ ходомъ развитія объясн[яет]шое разнообразіе законныхъ основ[аній] торженію брачнаго союза по древ[не]скому праву, греко-римскому законод[ат]церковнымъ правамъ: православному, [ка]ческому и протестантскому, и по[ра]современнымъ свѣтскимъ законодат[ель]

По римскому праву, отверженіе [же]rudium) было, очевидно, древнѣйш[ее] расторженія брака, соотвѣтствов[ав]скому положенію жены. Разводъ, [по] взаимнаго согласія о расторженіи [бра]ского союза (divortium)—позднѣйш[ее] хожденія, и сначала, вѣроятно, ис[ко]противоположность отверженію, ос[ту]женою мужа. Обѣ формы прекращ[енія] извѣстны и восточнымъ народамъ [и] ствуютъ по мусульманскому и [ев]праву и обычаю. Repudium у рим[лян] шался передачею женѣ разводн[ой] мужа вольноотпущенникомъ. Имп[ера]густъ установилъ, чтобы эта перед[ача] шалась при свидѣтеляхъ.

По католическому церковному [пра]произвольное расторженіе брака, [раз]гивное понятію о таинствѣ, немысли[мо] послѣ брачнаго ложа, нерасторж[имо] единенія въ брачномъ ложѣ онъ м[ожет] расторгнутъ не иначе, какъ съ [вст]папы, или вступленіемъ въ монаш[ество]. католическое церковное право [зна]разлученіе супруговъ (separatio [a] mensa), т.-е. прекращеніе супруж[ества] жительства. Такое разлученіе пр[оис]церковнымъ судомъ, по жалобѣ [одной] стороны: за прелюбодѣяніе и друг[ие] пороки навсегда, а по другимъ у[важи]нымъ причинамъ лишь на врем[я]. причинами признаются, когда слу[чится] либо такое, что можетъ болѣе или [ме]нести къ разрушенію супружеск[ой] или когда разлученіе необходимо [для] опасности и блага невиннаго [суп]именно: вслѣдствіе жестокаго обр[ащ]кушенія на жизнь, покинутія су[пру]основательныхъ причинъ (malitiosa

...орнаго отказа въ исполненіи супружескихъ ...занностей, отпаденія отъ церкви; по по... ...ительство или болѣзни, внушающія от... ...щеніе, когда онѣ возникли во время су... ...жества, не признаются достаточными осно... ...ями для разлученія супруговъ. Разлуче... ...присуждается на неопредѣленный, или ...вѣстный срокъ, смотря по тому, можно ли нельзя предвидѣть прекращеніе, по про... ...ствіи опредѣленнаго времени, причины, по... ...жившей основаніемъ къ разлученію.

Только неповинный супругъ пріобрѣтаетъ ...ѣдствіе приговора, право на разлученіе, потому, по его требованію, виновная сто... ...на во всякое время обязана возобновить ...ружеское сожительство.

Послѣдствіемъ всегдашняго разлученія бы... ...ть и раздѣленіе имущества между супру... ...ми, а послѣдствіемъ временнаго разлуче... ...ія — опредѣленіе содержанія и другія не... ...ходимыя по этому случаю мѣры. По като... ...ическому церковному праву то и другое при... ...длежитъ компетенціи духовныхъ судовъ; но ...ъ Германіи право это присвоено свѣтскими законодательствами судамъ свѣтскимъ.

Протестантское церковное право, отверг... ...шее понятіе о бракѣ какъ о таинствѣ, про... ...ило въ ученіи о расторженіи браковъ су... ...щественныя измѣненія. Они относятся и къ способу расторженія и къ поводамъ или осно... ...ніямъ, по которымъ бракъ можетъ быть расторгнутъ. Что касается до способовъ рас... ...женія, то протестантское ученіе присвоило судамъ право расторгать браки. Въ поводахъ или основаніяхъ къ расторженію замѣчается большое колебаніе, которое выразилось въ крайнемъ разнообразіи по этому предмету нѣмецкихъ свѣтскихъ законодательствъ. Всѣми приняты, какъ основанія къ расторженію: прелюбодѣяніе, оставленіе супруга и приравненные къ оставленію поступки (каковъ, напримѣръ, отказъ въ исполненіи супружескихъ обязанностей), жестокое обращеніе, покушеніе на жизнь, присужденіе къ позорному лишенію свободы. По нѣкоторымъ нѣмецкимъ законодательствамъ строгость закона о разводѣ, въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю, смягчается правомъ государя, посредствомъ рескрипта, допустить разводъ. Нѣкоторыя нѣмецкія законодательства допускаютъ, подобно католическому церковному праву, временное разлученіе супруговъ. Прусское общее земское право стремившееся строго разграничить религіозную сторону брака отъ юридической и общественной, чрезвычайно расширило законную возможность расторженія брачнаго союза, признавъ законными основаніями къ разводу: наступившую послѣ заключенія брака неспособность къ брачному сожительству или неизлѣчимые, возбуждающіе отвращеніе недостатки; бѣшенство и сумасшествіе (Wahnsinn), тяжкія оскорбленія чести (между лицами высшихъ сословій къ нимъ относятся неоднократныя, злостныя обиды словомъ); когда супруги до того не терпятъ другъ друга и сварливы, что возбуждаютъ опасенія; заѣдомо ложный доносъ одного супруга; совершеніе другимъ супругомъ преступленія; позорный промыселъ; развратный (unordentlicher) образъ жизни; глубоко вкоренившееся, непобѣдимое отвращеніе; безплодіе, по при взаимномъ согласіи на разводъ.

Имперскій законъ 6 февраля 1875 года, узаконившій для всей Германской имперіи обязательный гражданскій бракъ и установившій общія правила о законныхъ препятствіяхъ къ заключенію супружескаго союза, не коснулся основаній къ расторженію брака; поэтому, принятыя въ различныхъ нѣмецкихъ законодательствахъ основанія къ разводу сохранили свою силу; только всегдашнее разлученіе замѣнено разводомъ. Подсудимость брачныхъ дѣлъ духовнымъ судамъ и опредѣленіе ея по принадлежности къ тому или другому исповѣданію совершенно устранены.

Въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ, на ряду съ свѣтскимъ законодательствомъ, дѣйствуетъ и церковное право, дѣла о разводѣ рѣшаются по началамъ свѣтскаго или церковнаго права, смотря по тому, которому изъ нихъ подчиненъ обвиняемый супругъ.

По французскому законодательству расторженіе супружества совершается формальнымъ объявленіемъ о томъ гражданскаго чиновника, имѣющаго власть расторгнуть подсудный ему бракъ, но не иначе, какъ по требованію одного изъ супруговъ и по приговору свѣтскаго суда. Основаніемъ къ разводу служитъ или опредѣленная причина, или взаимное согласіе. Причины суть: прелюбодѣяніе — со стороны мужа въ такомъ только случаѣ, когда онъ содержалъ любовницу въ домѣ, гдѣ живетъ съ своею женою, развратная жизнь, дурное обращеніе, грубыя обиды, по усмотрѣнію суда; присужденіе къ позорному наказанію. Взаимное согласіе на расторженіе

брака законъ обставляетъ различными сроками и условіями, съ тою цѣлью, чтобъ удостовѣриться, что съ обѣихъ сторонъ серьезно и непремѣнно желаютъ разойтись. Съ объявленіемъ чиновника бракъ прекращается, но лишь тогда, когда оно вошло въ окончательную законную силу. Когда бракъ расторгается по какой-либо опредѣленной причинѣ, виновная сторона теряетъ всѣ тѣ выгоды, которыя предоставлены ей другою стороною по брачному договору, или во время супружества; наоборотъ, невиновная сторона удерживаетъ ихъ. Виноватая сторона теряетъ также и проистекающія изъ родительской власти права надъ дѣтьми, рожденными въ расторгнутомъ бракѣ, но не освобождается относительно дѣтей отъ обязанностей, лежащихъ на ней по закону или по брачному договору. Для разрѣшенія всѣхъ такого рода вопросовъ судъ облеченъ обширными полномочіями. Послѣдствія развода по взаимному согласію супруговъ опредѣляются самими супругами.

Въ 1816 году, разводъ отмѣненъ во Франціи и замѣненъ разлученіемъ. Послѣ, неоднократно возникали попытки возстановить разводъ, но пока онѣ не имѣли успѣха. Тѣ же основанія, которыя по кодексу Наполеона служили основаніемъ къ разводу, служатъ теперь основаніемъ къ разлученію. Имъ прекращаются только тѣ юридическія послѣдствія брака, которыя вытекаютъ изъ обязанности сожительства. Поэтому не прекращается ни обязанность супружеской вѣрности, ни обязанность оказывать денежную помощь, ни право мужа давать женѣ уполномочіе на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій имущественнаго характера. Разлученіе всегда влечетъ за собою прекращеніе имущественнаго общенія. Прекращается разлученіе примиреніемъ, т.-е. согласіемъ снова жить вмѣстѣ; что же касается имущества, то общеніе его можетъ быть возстановлено не иначе, какъ съ соблюденіемъ предписанной закономъ, публичной и опредѣленной формы.

У насъ, въ Россіи, вмѣстѣ съ воднореніемъ христіанской вѣры, получили силу закона, въ отношеніи къ расторженію супружества церковные уставы и свѣтскіе законы Византійской имперіи. Понятіе о нерасторжимости однажды заключеннаго брака уже въ первые вѣка христіанства было свято чено, и отъ него допущены самою церковью нѣкоторыя отступленія. Еще болѣе такихъ отступленій допущено свѣтскимъ законодательс греко-римскому праву. дѣйствова древней Россіи, основанія къ рас брака или влекли за собою одно или, сверхъ того, личную отвѣтстве имущественныя гурныя послѣдствія. ваго рода основаніямъ принадлежат способность къ брачному сожит развная въ теченіе 3-хъ лѣтъ всѣ чения брака; 2) безвѣстное отсутств временное, когда смерть мужа не Продолжительность безвѣстнаго от опредѣлена практикою въ 4 года, 3 и 5) умопомѣшательство, но не тяж стое, а бѣшеное (mania furiosa), изл жизни и безнадежное къ исцѣленію состояніе даетъ мужу лишь черезъ 5 а женѣ чрезъ пять лѣтъ, право т развода; 4) принятіе епископскаго монашескій обѣтъ, подъ условіемъ на то другого супруга. Основанія воду, имѣвшія послѣдствіемъ личную ственность и имущественный ущер слѣдующія: 1) государственная изм кушеніе на жизнь другого супруг жизни другого супруга грозитъ 3) прелюбодѣяніе, даже не вполнѣ ное, а только предполагаемое, или ное поведеніе мужа, позорящее семь тящее честь и цѣломудріе жен спрятіе отъ купели собственнаго Невыгодныя послѣдствія развода основанію установлены съ тою цѣл не было повода злоупотреблять ни

До 1850 г. 6 февраля, эти осн расторженію брака имѣли силу з нась. Но съ этого времени разво ственно стѣснены и ограничены, чистоты нашей семейной жизни. какой надежды ожидать въ скоро возстановленія дѣйствія хотя бы то нихъ греко-римскихъ постановлені предмету.

По дѣйствующему русскому зак ству, расторженіе брака между хри не-христіанами можетъ совершиться домъ духовнымъ, а не свѣтскимъ. (Ст ст. 45, 65, 73, 75. Ср. ст. 76 и торженіи браковъ православныхъ ликами пояснено, что бракъ, рас православнымъ духовнымъ судомъ, быть, сверхъ того, расторгаемъ и католическому закону (тамъ же). Правило о расторженіи браковъ

ие свѣтскимъ, послѣдовательно
относительно браковъ магоме-
въ и ламаитовъ. Только браки
ъ расторгаются свѣтскимъ су-
тѣмъ же основаніямъ, по кото-
быть расторгнутъ бракъ между
ми (тамъ же, прилож. къ ст. 78,
т. 4 по прод).

ие браковъ производится по на-
ю по всѣмъ другимъ законода-
ве иначе, какъ по просьбѣ или
ко изъ супруговъ (Зак. гражд.

онодательство допускаетъ тоже
пруговъ, безъ расторженія брака;
лученіи лицъ, вступившихъ въ
не достигнувъ установленнаго
ж. гражд., ст. 39). Точно такъ же,
безъ расторженія брака, можетъ
во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда
ьства одного изъ супруговъ из-
лѣдствіе ссылки: не виновному
доставляется въ такомъ случаѣ
вѣдовать за сосланнымъ и пра-
; если онъ о разводѣ не про-
къ не расторгается, но факти-
ъ мѣсто разлученіе, допускаемое
номъ. Юридическія послѣдствія
не выяснены въ нашемъ законо-
Они могутъ касаться только
язанностей личныхъ, а не иму-
ъ, такъ какъ по имуществу су-
нашему закону, признаются ли-
ѣ самостоятельными, независи-
отъ друга, и общеніе имущества
насъ положительно запрещено
ст. 109).

всякое самовольное расторженіе
безъ утвержденія расторженія су-
становленною властью, строго за-
ав. гражд., ст. 46. Сравн. ст. 76,

ъ или основаніяхъ къ разводу по
му и протестантскому церковнымъ
дѣйствующимъ и въ Россіи, было
ю выше. Браки, заключенные ме-
дами христіанскихъ исповѣданій,
я по основаніямъ, признаваемымъ
правилами того исповѣданія, по
тораго бракъ заключенъ. Для рас-
браковъ православныхъ допущены
шь слѣдующія основанія:
ное прелюбодѣяніе. Нужны до-
несомнѣнныя. Собственнаго при-
знанія недостаточно (Зак. гражд., ст. 45 п. 1; ст. 47).

2) Неспособность къ брачному сожитію. Но надо доказать, что она природная и началась до вступленія въ бракъ. Искъ о расторженіи можетъ быть начатъ, по этому основанію, лишь три года спустя по совершеніи брака (Зак. гражд., ст. 45 п. 9 и ст. 48 и 49).

3) Лишеніе всѣхъ правъ состоянія (тамъ же, ст. 45 п. 2; ст. 50, 51, 53, 97). Это основаніе къ расторженію брака распространено и на тотъ случаи, когда виновный супругъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, съ которымъ бракъ невиннаго супруга расторгнутъ не былъ, вторично совершитъ преступленіе, вновь подвергающее его лишенію всѣхъ правъ состоянія (тамъ же, ст. 52).

4) Безвѣстное отсутствіе. Оно можетъ служить основаніемъ къ расторженію брака, но толкуется нашими законами строго. Общій срокъ, по истеченіи котораго можно просить о расторженіи брака по этому основанію, есть пятилѣтній; но для женъ, мужья которыхъ пропали безъ вѣсти на войнѣ, или взяты въ плѣнъ непріятелемъ — десятилѣтній. Теперь пятилѣтній срокъ распространенъ и на эту категорію безвѣстно отсутствующихъ. Если оставленный супругъ самъ подалъ поводъ къ его оставленію, то онъ не имѣетъ права на расторженіе; если находящійся въ безвѣстномъ отсутствіи супругъ можетъ жить въ Россіи гдѣ пожелаетъ, то бракъ расторгается не прежде, какъ по увѣдомленіи отъ всѣхъ губернскихъ правленій, что мѣсто пребыванія его не открыто (тамъ же ст. 45 п. 3, ст. 54, 56, 58, 59, 98).

Безвѣстное отсутствіе имѣетъ, по нашимъ законамъ, особое примѣненіе къ бракамъ магометанскаго закона и женщинъ евангелическаго исповѣданія съ магометанами. По своду законовъ, съ заграничными азіатцами, женившимися на русскихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія или магометанскаго закона, при выѣздѣ ихъ въ отечество, жены и дѣти ихъ не отпускаются (для женатыхъ на магометанкахъ есть изъ этого правила нѣкоторыя изъятія) и съ нихъ берутся росписки, что они возвратятся къ своимъ женамъ въ теченіе двухъ лѣтъ; за все это время они обязаны обезпечить ихъ содержаніе. Если же они въ теченіе двухъ лѣтъ не возвратятся, то жены ихъ считаются свободными отъ супружества (Зак. гражд., ст. 88, 89 и 961.

Тому же правилу подлежатъ и военнослѣдующіе, живущіе въ Россіи, вступившіе въ бракъ съ русскими подданными православнаго исповѣданія, при отпускѣ ихъ къ отечеству (Зак. гражд., ст. 78).

5) Принятіе православнаго исповѣданія супругомъ или супругою не-христіанскаго брака, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть основаніемъ къ расторженію супружества. По общему правилу, принятіе православія однимъ изъ супруговъ или обоими, само-по-себѣ, не разрушаетъ брака, заключеннаго по обрядамъ не-христіанскимъ. Но если обратившіеся въ православіе состоялъ въ многоженствѣ, то бракъ можетъ продолжаться лишь при условіи единобрачія: мужъ долженъ оставить многихъ женъ и держать одну жену, если она приняла православіе, то ее,—и кромѣ того, дать обязательство, что вновь рождающіяся у нихъ дѣти, которыя должны быть крещены въ православную вѣру, не будутъ имъ приводимы къ своей вѣрѣ, и что онъ не будетъ наносить своей женѣ ни поношеній, ни укоризнъ, за принятіе православія. Если мужъ не согласится на эти условія, то бракъ расторгается. За исключеніемъ единобрачія, такія же условія постановлены и для продолженія іудейскаго брака, въ случаѣ принятія православія однимъ изъ супруговъ. Кромѣ того, обратившіеся къ православію обязуется водворскою тщательно стараться о склоненіи своего супруга къ православію, и имѣетъ право, если не пожелаетъ оставаться въ прежнемъ бракѣ, требовать развода, послѣ котораго можетъ вступить въ бракъ съ православнымъ. При этомъ, однако, поясненно, что въ случаѣ продолженія разновѣрнаго брака евреевъ, принятіе православія однимъ изъ супруговъ не даетъ права жить тамъ, гдѣ осѣдлость евреямъ запрещена (Зак. гражд., ст. 79—81 и 84). Сходныя съ этимъ правила постановлены и вообще для не-христіанъ, когда одинъ изъ супруговъ или оба примутъ православіе (тамъ же, ст. 82—84).

6) Вступленіе въ монашество признается у насъ основаніемъ къ прекращенію супружества только въ такомъ случаѣ, когда оба супруга вступаютъ въ монашество (зак. о сост., 347 п. 1).

Законодательство о бракѣ и брачныхъ отношеніяхъ, какимъ оно является въ настоящее время у разныхъ народовъ, представляется весьма неудовлетворительнымъ. Каждое изъ главныхъ положеній, которыми брак дѣляется, имѣетъ не только свое с ское объясненіе, какъ все на св свою разумную причину, глубоко ко въ природѣ человѣка и въ услов мильной общественности; имѣетъ з эти положенія представляютъ вѣчно и неотъемлемое, не доведенное д органической системы,—точно будто работа остановилась и недостало вести ее до конца. Болѣе чѣмъ в либо другой отрасли законодательст нились на законахъ о бракѣ слѣды слѣдовательныхъ перемѣнъ, возрѣ нятій, которыя происходили въ об чинали отъ древнѣйшихъ временъ и намъ только по темнымъ преданіям чивая самыми смѣлыми попытками по всю жизнь и быть на основаніи философской мысли, свободной отъ Такое смѣшеніе различныхъ начал лежащихъ разнымъ эпохамъ и во дѣлаетъ современныя законодат бракѣ весьма нескладными.

Причины крайней неудовлетвор юридической постановки брака въ щихъ законодательствахъ иные дѣтъ въ томъ, что законъ отсталъ временныхъ возрѣній; другіе, нап томъ, что онъ дѣлаетъ слишкомъ покъ современному направленію, по мнѣнію нѣкоторыхъ, къ сов разложенію брака и семейной ж кажется, что причина неудовлетвор теперешней постановки брака въ тельствахъ лежитъ гораздо глубже, по-лѣхъ, въ чрезвычайной сложн стоящаго на грани между физичес логическими условіями существо вѣка съ одной стороны и психи общественными съ другой, и в крайне смутныхъ и сбивчивыхъ значеніи и роли нравственныхъ ных элементовъ въ жизни и дѣ людей, не только частной, но и общежитія. Такимъ же неудовле нымъ, и по тѣмъ же причинамъ, с современный законъ по отношени къ браку, но и ко всѣмъ столько пымъ явленіямъ, въ которыхъ с разнообразные элементы и услов ского существованія. Къ числу ихъ напримѣръ, волнующій весь совреме пейскій міръ вопросъ о положеніи

сть. Къ послѣднему лучшіе умы тоже подходили со всѣхъ сторонъ, предлагая для разрѣшенія безчисленныя мѣры, изъ которыхъ многія вошли въ законодательство; но онѣ и не разрѣшаютъ и не могутъ разрѣшить, потому что онъ слишкомъ сложенъ и предполагаетъ сильное развитіе нравственно-религіозныхъ элементовъ, которыхъ нельзя внушить предписаніями закона.

Какую бы сторону брака ни взять, каждая, развиваясь слишкомъ сильно, выдаваясь слишкомъ впередъ передъ другими, искажаетъ самое понятіе о бракѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое учрежденіе.

Въ супружествѣ, т.-е. въ самомъ существѣ его, содержится физіологическій фактъ взаимнаго влеченія и соединенія особей двухъ различныхъ половъ, — фактъ, разсчитанный на воспроизведеніе особей того же рода, или смѣшанной породы. Этою стороною, какъ и многими другими, человѣкъ и родъ человѣческій неразрывно связанъ съ природой, раздѣляетъ влеченіе всѣхъ организованныхъ живыхъ существъ и управляется одинаковыми съ ними законами. Вытѣснить физіологическую сторону изъ брака, считать ее несущественной, случайной, придаточной, или стремиться придать ей какое-то другое значеніе, кромѣ ей свойственнаго, значитъ исказить самое понятіе о супружествѣ. Бракъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ отношеній между людьми, что ему присуще различіе половъ, половое влеченіе и соединеніе. Это характеристическій признакъ брака.

Но попробуемъ выдвинуть физіологическую сторону брака впередъ передъ всѣми другими, попытаемся опредѣлить бракъ какъ физіологическое соединеніе мужчины и женщины, и мы придемъ къ величайшимъ несообразностямъ и нелѣпостямъ. Выйдетъ, что бракъ можетъ продолжаться только за тотъ періодъ времени, когда появляются половые инстинкты и пока они продолжаются; что продолжительность его должна зависѣть отъ колебаній половыхъ влеченій между данными особями; что гдѣ влеченій нѣтъ, тамъ нѣтъ брака; что, слѣдовательно, вызванная какими-нибудь случайностями невозможность полового соединенія сама-по-себѣ уничтожаетъ бракъ, что такъ какъ цѣль и естественное послѣдствіе половыхъ влеченій и полового соединенія есть рожденіе дѣтей, то безплодіе разрушаетъ бракъ. Неправильность, ошибочность всѣхъ такихъ и имъ подобныхъ выводовъ бросается въ глаза и противорѣчитъ дѣйствительности, фактамъ ежедневной жизни. Физіологическое влеченіе превращается, въ психической, духовной природѣ человѣка, въ любовь, въ которой только по нѣкоторымъ признакамъ и при самомъ тонкомъ анализѣ можно заподозрить и открыть физіологическую подкладку. — такъ она въ любви перерождается и принимаетъ совсѣмъ другой видъ и характеръ. Въ любви мужчины и женщины половыя влеченія преобразуются въ духовное сближеніе, въ которомъ половая сторона играетъ уже второстепенную роль. Долго можетъ продолжаться такая связь, не переходя въ сожительство, и безъ того, чтобы въ помыслы о любимомъ лицѣ примѣшивалась мысль о половомъ сближеніи. Мы называемъ это идеализмомъ, называемъ такую любовь платонической; а она, однако, — такой же несомнѣнный дѣйствительный фактъ, какъ и половое влеченіе другъ къ другу мужчины и женщины, и притомъ не только въ пору юности, но и въ періодъ вполнѣ осмысленнаго возраста.

Но вотъ половое соединеніе послѣдовало и началось сожительство мужчины и женщины. Если бы любовь была только утонченною и одухотворенною формою чувственныхъ пожеланій, то она должна бы, съ достиженіемъ цѣли, прекратиться. Такъ какъ видимое назначеніе и цѣль полового соединенія — рожденіе дѣтей и ихъ воспитаніе до той минуты, когда они станутъ на свои ноги, — то крайнимъ предѣломъ супружескаго сожительства должно бы быть возмужаніе дѣтей. Но на дѣлѣ мы видимъ другое: взаимная любовь и привязанность супруговъ переживаютъ и первые восторги соединенія и охлажденіе половыхъ инстинктовъ и тотъ періодъ, когда помощь дѣтямъ, достигшимъ зрѣлаго возраста, дѣлается и излишней и невозможной, по преклоннымъ лѣтамъ родителей, требующихъ заботы и ухода за собою. Такъ, супружеская любовь, подобно юношеской, платонической, имѣя подкладкой половые инстинкты, благодаря психической, духовной природѣ человѣка, преобразуется въ ней въ отношеніи совсѣмъ иного рода и порядка, въ которыхъ половая сторона отступаетъ, а на первый планъ выступаютъ особаго рода связи, обусловленныя продолжительнымъ сожительствомъ. То, что эти связи начались подъ вліяніемъ полового соединенія, придаетъ имъ особенный харак-

теръ, отличающій ихъ отъ всякихъ другихъ отношеній и связей.

Ставъ изъ физіологическаго психическимъ, супружеское отношеніе получаетъ всѣ свойства психическаго факта, а именно отрѣшается отъ пространства и времени, становится постояннымъ и прочнымъ въ сравненіи съ тѣмъ матеріальнымъ дѣленіемъ, изъ котораго возникло и которому соотвѣтствуетъ. Таковы всѣ продукты психической дѣятельности: представленіе, художественное произведеніе, юридическое отношеніе; таковъ и брачный союзъ. Когда онъ существуетъ не по одному названію, а на самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ полное личное общеніе и полное сліяніе всѣхъ жизненныхъ и житейскихъ интересовъ двухъ лицъ различнаго пола. Отъ того такъ трудно, даже невозможно указать, въ чемъ заключается цѣль брака, когда онъ изъ физіологическаго факта становится фактомъ психическимъ. Въ немъ сливаются всѣ стороны человѣческаго существованія, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа главною, существенною, для которой бракъ только и существуетъ, потому что онъ обнимаетъ всѣ. Въ дѣйствительности, чрезвычайное разнообразіе людей, ихъ своихъ, наклонностей и вкусовъ, придаетъ каждому данному браку особый оттѣнокъ: въ брачныхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе того, преобладаетъ та сторона, которую люди бываютъ склонны считать главною или даже исключительною цѣлью брака. Но именно это крайнее разнообразіе и убѣждаетъ, что общеніе жизни и быта, которое каждый понимаетъ по своему, есть настоящая, дѣйствительная цѣль брака. Римскіе мыслители древняго міра опредѣлили ее какъ consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio, христіане признали его таинствомъ, выражая этимъ, что бракъ не можетъ быть подведенъ ни подъ какую точно-опредѣленную аналитическую формулу, что онъ есть основной жизненный фактъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ основныхъ, къ которымъ, какъ къ фокусамъ, сходятся самыя разнородныя и разнообразныя теченія человѣческаго существованія.

Таковъ бракъ по своей идеѣ, вслѣдствіе того, что человѣкъ, въ одно и то же время, живетъ и физіологическою и психическою жизнью. Таковъ бракъ и дѣйствительности, — что зависитъ отъ степени культуры, отъ мѣста, занимаемаго женщиною посреди даннаго общества, и взгляда на нее людей, и отъ ихъ нравственнаго развитія. Пр[illegible] юридическихъ нормъ, по существ[illegible] внѣшнихъ, отвлеченныхъ и потому [illegible] сухихъ и безличныхъ, брака устро[illegible] можно; онъ, какъ всякій живой ф[illegible] подчается подъ юридическія [illegible] подъ которыя поддаются только ф[illegible] былъ уклоненія отъ брака, когда [illegible] не бракъ, а только его названіе ф[illegible] обманчивая оболочка, внѣшняя [illegible] менѣе бракъ—фактъ психическій, т[illegible] больше доступенъ юридическому [illegible] законодательному направленію въ т[illegible] ную сторону: какъ фактъ психическій [illegible] неуловимъ для закона; а при извѣ[illegible] пени культуры онъ необходимо и [illegible] становится фактомъ психическимъ.

Въ этой двойственности супруже[illegible] заключается чрезвычайная, «два [illegible] нибудь вполнѣ устранимая трудно[illegible] дательнаго и юридическаго опред[illegible] пружескихъ отношеній. Будь бра[illegible] только частнымъ и личнымъ, он[illegible] быть предоставленъ доброй волѣ [illegible] вію частныхъ лицъ, съ тѣми лиш[illegible] личной и имущественной безопасн[illegible] прикосновенности, которыя устрое[illegible] житію даетъ всѣмъ и каждому. Но [illegible] своимъ послѣдствіямъ, не есть част[illegible] ное дѣло, а фактъ общественный [illegible] важности. Отъ брака могутъ п[illegible] обыкновенно происходить дѣти. О[illegible] высокой степени заинтересованно[illegible] чтобы раса не портилась, чтобы [illegible] и психическіе недостатки и поро[illegible] давались изъ поколѣнія въ поколѣ[illegible] воспитаніе и будущность дѣтей, [illegible] достигнутъ зрѣлаго возраста, не [illegible] отъ случайностей и были по [illegible] обезпечены, чтобы переходъ имущ[illegible] поколѣній, уходящихъ въ могилу, [illegible] дающимся, заступающимъ ихъ мѣ[illegible] шалъ правильно и соотвѣтственн[illegible] ресами устроеннаго общежитія. Но[illegible] даетъ браку и супружескимъ от[illegible] общественное, публичное значеніе, [illegible] нуждается общество вмѣшиваться [illegible] отношенія, регулировать ихъ; а д[illegible] общества и публичной власти вн[illegible] средствъ, кромѣ внѣшнихъ, юридич[illegible] ческихъ нормъ, которыя, по своему [illegible] не способны примѣняться къ ка[illegible] ному случаю и быть къ соотвѣтств[illegible] ведливостью и въ то же время с[illegible]

ществующимъ данным фактомъ
отношеній. Законъ, юридическое
ожетъ нормировать только внѣш-
и притомъ фактъ опредѣленный
мъ признакамъ: явленія психиче-
, что не имѣетъ доказательности
мъ примѣтамъ, ускользаетъ отъ
ихъ нормъ и законныхъ опредѣ-

вразрѣшимое противорѣчіе между
стью нормировать бракъ, какъ яв-
ственное, и невозможностью уста-
осуществить необходимую норму
твами, какими общество распола-
ленидно, недостаетъ связующаго
рое сблизило и слило бы въ одно
и условія съ дѣйствительною жизнью,
но бы законъ въ единичныхъ явле-
мъ придалъ ему живое значеніе,
язующимъ звеномъ является нрав-
чувство добра, правды, истины,
готовность каждаго осуществлять
йствительной жизни, выработанная
у всѣхъ и каждаго сообразовать
вій съ чувствомъ добра, правды и
а необходимая функція, безъ ко-
лима никакая правильная обще-
жизнь, въ наше время пренебре-
и забыта. Мы придаемъ безуслов-
ѣе юридическимъ и экономическимъ
и убѣждены, что онѣ однѣ, сами
пособны переродить общество, сдѣ-
нравственными и создать нра-
бщественность. Но это—самообо-
ъ нравственной выработки единич-
й, изъ которыхъ слагается обще-
и не можетъ быть ни правильной
ности, ни осуществленія нравствен-
лонъ. Коренные недостатки совре-
законодательствъ о бракѣ вытекаютъ
ъ той ошибочной мысли, будто мож-
ешнюю сторону брачныхъ отноше-
ировать внѣшними юридическими
Мира, согласія семейной жизни
дать крайнимъ затрудненіемъ раз-
раллученія супруговъ: посредствомъ
ельзя преслѣдовать политическихъ,
дныхъ и вообще какихъ бы то ни
ихъ цѣлей: точно также нельзя
юридически, на всегдашнія вре-
которыя взаимныхъ отношеній супру-
ыхъ и по имуществу, обязанъ при-
извѣстному периоду развитія и съ
обстоятельствъ можетъ и долженъ
имѣться. Подчиненіе жены власти, опекѣ
или авторизаціи мужа, общеніе имуществъ,
права мужа на имущество жены, отзываются
эпохами, изъ которыхъ выживаютъ народы,
по мѣрѣ развитія культуры, гражданской само-
стоятельности женщины и ея равноправно-
сти съ мужчиною. Къ этой же категоріи от-
жившихъ или отживающихъ возрѣній, за-
крѣпленныхъ закономъ, относятся и моргана-
тическіе неравные браки и ступеваніе
всей личности жены фамиліи, гражданскимъ
состояніемъ, титулами и почетными отличіями
мужа, какъ будто женщина есть придатокъ
къ семьѣ родителей или къ мужу и не имѣетъ
своей гражданской личности по рожденію.

Бракъ есть учрежденіе публичное: но изъ
этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы заключеніе
его, такъ глубоко и тѣсно связанное съ воз-
зрѣніями и убѣжденіями брачущихся, непре-
мѣнно должно было совершаться въ церкви,
или наоборотъ, непремѣнно, неизбѣжно, пе-
редъ свѣтскимъ чиновникомъ. Нельзя принуд-
ить людей вѣровать, что бракъ есть рели-
гіозное таинство, или, наоборотъ, заставить
смотрѣть на него какъ на гражданское обя-
зательство, совершаемое передъ особаго рода
нотаріусомъ. И то, и другое, въ смыслѣ обя-
зательнаго правила, есть тяжкое насиліе
совѣсти брачущихся. Имъ должно быть пре-
доставлено, по взаимному соглашенію, вступить
въ бракъ такъ, какъ позволяетъ или по-
литъ имъ совѣсть, лишь бы совершеніе брака
имѣло публичный характеръ.

Изъ сказаннаго видно, въ какомъ направ-
леніи желательно и возможно дальнѣйшее
развитіе и усовершенствованіе законодатель-
ства о супружествѣ. То, что составляетъ пси-
хическую, внутреннюю, душевную сторону
брачнаго союза и брачныхъ отношеній, не
подлежитъ законодательнымъ опредѣленіямъ
и рано или поздно должно быть изъ нихъ
исключено и предоставлено нравственному
развитію и воспитанію людей. Цѣлью законо-
дательства будетъ опредѣлить, въ виду фи-
зіологическихъ и общественныхъ условій бра-
ка, препятствія къ вступленію въ бракъ, за-
трудить легкомысленное, необдуманное его
расторженіе, установить формы заключенія и
прекращенія брачнаго союза соотвѣтствую-
щія возрѣніямъ и совѣсти брачущихся или
состоящихъ въ бракѣ, наконецъ, обезпечить
полную, личную и имущественную неприкос-
новенность и самостоятельность супруговъ.
Для разсмотрѣнія и рѣшенія ихъ взаимныхъ

неудовольствій должны современемъ, создаться органы болѣе близкіе къ супругамъ, болѣе имъ сподручные, менѣе формальные и далекіе, чѣмъ теперешніе церковные и свѣтскіе суды,—органы, которые были бы въ состояніи близко войти въ дѣйствительныя, неформальныя причины взаимныхъ недоразумѣній и неудовольствій супруговъ и разрѣшать ихъ по существу дѣла и совѣсти, не стѣсняясь буквою закона. Такими органами могли бы служить выбранные самими супругами посредники, духовные или свѣтскіе, и семейные совѣты изъ родственниковъ и друзей. Формальности учрежденія такихъ судовъ и постановленія ими приговоровъ, а равно и ихъ исполненія, должны быть всячески облегчены и упрощены. Современное формальное и строго юридическое законодательство о бракѣ и примѣненіе его обыкновенными судами не упрочиваютъ, а напротивъ ослабляютъ и колеблятъ крѣпость супружескаго союза, который имѣется въ виду поддержать и упрочить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незаконное сожительство.

Брачное сожительство безъ брака есть фактъ, лежащій внѣ юридическихъ нормъ, и потому не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій, ни личныхъ, ни имущественныхъ.

Такой установившійся взглядъ, никѣмъ не оспариваемый и послѣдовательно вытекающій изъ общихъ предпосылокъ юридическаго свойства.

Но такой взглядъ выработался въ теоріи и практикѣ лишь съ того времени, когда бракъ сталъ дѣломъ публичнымъ и признаніе его, церковью или государствомъ, сдѣлалось отличительнымъ признакомъ законнаго брака; до тѣхъ же поръ именно пока бракъ оставался дѣломъ частнымъ, приватнымъ, и устанолялся по взаимному соглашенію брачущихся или ихъ родителей и родственниковъ, не требуя публичнаго признанія, сожительство мужчины и женщины, безъ заключенія брака, отличалось лишь слабыми, неточными признаками отъ брачнаго союза. И если для установленія брака достаточно одного взаимнаго согласія, то трудно провести разграничительную черту между согласіемъ, выраженнымъ словами, и дѣломъ, фактомъ сожительства. Мы [illegible] тельно и видимъ, что на ко[illegible] съ бракомъ, существуетъ наложниче[illegible] строгаго между ними различія. [illegible] ство дѣлало это различіе еще [illegible] вимымъ. Наложницы мы находимъ [illegible] немъ Египтѣ, у евреевъ къ [illegible] эпоху, у древнихъ персовъ. Наложн[illegible] гнушались сами жены, какъ [illegible] примѣръ женъ Іакова.

Законъ Моисея вноситъ [illegible] ченія суровыхъ обычаевъ, въ обще[illegible] ложницы, которую обыкновенно [illegible] числа рабынь, сыну, пришедшему [illegible] расть; ее слѣдовало содержать как[illegible] слѣдовало содержать хорошо, если [illegible] нею продолжалась и по вступлени[illegible] бракъ; если же связь прекращала[illegible] надлежало отпустить на волю, в[illegible] случаѣ наложницу запрещено было [illegible] въ чужой народъ.

Когда установилось единобрачіе, [illegible] чество не исчезло, въ смыслѣ [illegible] полу-юридическаго учрежденія, но [illegible] нило свои формы, правильнѣе ск[illegible] предѣлы. Наложничество, рядомъ [illegible] менно, съ законнымъ бракомъ, [illegible] женствѣ, естественно не могло и[illegible] кого юридическаго характера; но [illegible] ное сожительство существовало и[illegible] менно съ бракомъ, римляне не у[illegible] нять у него всякій юридическій х[illegible] отличали его отъ случайнаго и [illegible] соединенія съ женщиной, а тѣм[illegible] женщиной продажной и развратно[illegible] бивать быть по всемъ сходенъ с[illegible] быть такимъ же, какъ онъ, посто[illegible] жительствомъ мужчины и женщи[illegible] не было родственныхъ препятствій [illegible] гимъ конкубинатъ отличался отъ [illegible] шенія. Однако конкубинатъ не [illegible] комъ. Почему? Основаніе къ ихъ [illegible] сводилось, повидимому, къ различію [illegible] данскомъ положеніи супруговъ, и [illegible] смыслѣ конкубинатъ представляет[illegible] аналогіи съ неравными браками [illegible] менныхъ нѣмецкихъ законодатель[illegible] наложницы брались или полноп[illegible] или свободно рожденныя низкаго [illegible] денія, т.-е. женщины, по своему [illegible] скому положенію стоявшія ниже м[illegible] которыми онѣ вступали въ брачное [illegible] ство, и заключить бракъ съ ко[illegible]

понятіямъ, было безчестно и за-
не признавать такого сожитель-
ть ему по всѣхъ юридическихъ
къ, было нельзя; признать его
ельнымъ браку тоже было невоз-
ские юристы, какъ во всѣхъ по-
учаяхъ, выбрали средній путь и,
онкубината къ кругъ отношеній
юридически существующихъ, сое-
нимъ нѣкоторыя юридическія по-
ракъ они это сдѣлали съ извѣ-
бязательствами ex jure naturali.
шей справедливости. По римскому
убинатъ установлялся фактомъ,
нарушенъ всегда, не обязывалъ
къ супружеской вѣрности. По-
ещенные между супругами, были
между лицами, живущими въ кон-
именно потому, что конкубинатъ
юридическаго характера брака.
тныя въ конкубинатѣ, назывались
ми (liberi naturales) и занимали
жду законными и рожденными отъ
соединенія и отъ кровосмѣшенія.
требовать отъ отца содержанія и
ъ въ наслѣдствѣ; но отецъ не
ними отеческой власти.

къ законодательствахъ конкуби-
знается вовсе и не имѣетъ ни-
ческаго значенія, но въ дѣй-
жизни онъ принимаетъ всюду
и большіе размѣры. Его поддер-
наше время не тѣ гражданскія
торыя вызвали его въ Римѣ, а
тія, именно отчасти юридическія,
омическія. Законодательство, осо-
ставя многія искусственныя пре-
и крайне затруднявшія разводы,
и вопреки своему намѣренію,
развитіе конкубината, —фактиче-
аго сожительства между лицами,
закону, не могутъ вступить въ
ракъ. Экономическая же причина
енія конкубината скрывается въ
ключеніе законнаго брака и за-
бнаго брачнаго сожительства со-
значительными издержками, ко-
будетъ отчасти законъ, но еще бо-
и которыхъ желающіе жить въ
покрыть не въ состояніи, по не-
едствіе.

ранение незаконнаго брачнаго со-
вѣсть, во всѣхъ отношеніяхъ, не-
ственное зло. Вѣ-законное по-
ложеніе дѣйствительныхъ брачныхъ отношеній, которымъ только недостаетъ публичнаго признанія, не можетъ не дѣйствовать разрушительнымъ образомъ на нравственную сторону фактическихъ брачныхъ союзовъ, отнимая у нихъ, нерѣдко по малоуважительнымъ причинамъ, поддержку юридическихъ, личныхъ и имущественныхъ послѣдствій законнаго брака. Но главное зло вѣ-законнаго брачнаго сожительства, несравненно болѣе вредное для общества, есть неправильное отношеніе родителей и дѣтей, личное и имущественное. Наше законодательство, безусловно игнорирующее связи между незаконными дѣтьми и ихъ родителями, ослабляетъ то, что такъ существенно необходимо для нарождающихся и подростающихъ поколѣній, опору семьи, безъ которой человѣкъ, въ началѣ своей жизни, до возмужанія, не можетъ развиваться нормально. Что замѣнитъ ребенку и юношѣ поддержку семьи? Тѣ, которые закономъ ея лишены, только въ исключительныхъ случаяхъ становятся хорошими гражданами. По этимъ соображеніямъ, рано или поздно, законодательства о бракахъ, въ особенности наше, должно подвергнуться пересмотру, въ смыслѣ расширенія и упрощенія брачныхъ соединеній и приближенія относящихся къ нимъ юридическихъ нормъ къ дѣйствительной жизни, съ которой онѣ болѣе и болѣе расходятся. Юридическая норма не можетъ и не должна идти на перекоръ дѣйствительности; она сохраняетъ свою силу и свой авторитетъ лишь до тѣхъ поръ, пока сдерживаетъ одни уклоненія отъ началъ, лежащихъ въ основаніи правовъ, быта и потребностей, и держитъ обаяніе и власть когда отступаетъ отъ этихъ началъ во имя взглядовъ и понятій, которыя уже замѣнились другими, или поколеблены въ общемъ сознаніи.

В. Союзъ родителей и дѣтей.

Если половыя отношенія, такъ трудно поддающіяся юридическому опредѣленію, получивъ, благодаря психическои сторонѣ человѣческой природы, постоянство и прочность, регулируются обычаемъ и закономъ, то тѣмъ болѣе должны подвергнуться такому регулированію отношенія родителей и дѣтей. Причинъ и основаній къ вмѣшательству въ ихъ обычаи и законы гораздо больше, и подчинить эти отношенія извѣстной нормѣ гораздо легче,

чѣмъ супружескія. Правда, въ основаніи отношеній родителей и дѣтей лежитъ тоже физіологическій фактъ, союзъ крови; но для развитія и упроченія личной самостоятельности и гражданской равноправности совершеннолѣтней женщины, въ ея отношеніяхъ и сожительствѣ съ мужчиною, потребовались столѣтія, потому что правильный взглядъ на женщину вырабатывался крайне медленно и туго; напротивъ того, естественная несамостоятельность и неравноправность дѣтей по отношенію къ родителямъ, по законамъ природы, прекращается по вступленіи дѣтей въ совершенный возрастъ, или по выходѣ дочерей замужъ, послѣ чего между родителями и дѣтьми, также естественно, остаются лишь отношенія чисто психическія -нравственныя, духовныя. Кромѣ того, смѣна поколѣній ставитъ юридическимъ отношеніямъ родителей и дѣтей сравнительно короткій предѣлъ времени, чего нельзя сказать о супружескомъ сожительствѣ. Притомъ, взаимныя отношенія родителей и дѣтей, по самому ихъ существу, далеко не такія близкія и сложныя, какъ отношенія супружескія, и потому гораздо легче поддаются юридическому анализу и опредѣленію, чѣмъ послѣднія.

Но если вмѣшательство общества во взаимныя отношенія родителей и дѣтей сравнительно легче и проще, чѣмъ въ отношеніяхъ между супругами, то оно, до совершеннолѣтія и полной возмужалости дѣтей, гораздо необходимѣе, чѣмъ въ отношеніяхъ супружескихъ. Въ бракѣ, лицомъ къ лицу поставлены совершеннолѣтніе: въ союзѣ родителей и дѣтей являются, съ одной стороны, возмужалые, зрѣлые съ другой несовершеннолѣтніе, начиная съ младенцевъ въ колыбели,—слабые, требующіе ухода, содержанія, помощи и заботы, физической и духовной. Между животными, природный инстинктъ заставляетъ родителей заботиться о дѣтяхъ, пока они станутъ на свои ноги; у людей, съ развитіемъ и преобладаніемъ психической стороны, сознаніе заступаетъ мѣсто природныхъ инстинктовъ, а оно не у всѣхъ людей одинаково сильно, ясно и внушительно. Какъ въ дѣйствительности будутъ относиться между собою супруги, —это для общества безразлично: оно можетъ довольствоваться однимъ отраженіемъ личной безопасности и имущественной неприкосновенности супруговъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу, предоставляя все остальное ихъ личному усмотрѣнію. Совсѣмъ иная роль общества относ[ительно] тей и несовершеннолѣтнихъ, будущихъ [граж]данъ и членовъ общежитія, оно [не] посредственно заинтересовано въ [томъ], изъ нихъ вышли хорошіе граждане, [дѣя]тельнѣе, заботливѣе должно въ [семъ] носиться, что сами они не изъ-[за] своему бессилію и неразвитости, [о] себя и заботиться о своей участи.

Говоря о взаимныхъ отношеніяхъ [ро]телей, мы замѣтили, что юридическое [за]конодательство и судъ не въ состоя[ніи] сами по себѣ, водворить нормальныя [от]ношенія не брачнаго союза, безъ сознательно-нравственно-религіознаго элемента, [кото]рый еще въ большей степени, должно [быть] о взаимныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей. Юридическія нормы могутъ только [опре]дѣлить, грубымъ образомъ ограничить [и] имущественную неприкосновенность [раз]вивающихся, возрастающихъ и возмужалыхъ, отживающихъ поколѣній; создать [ихъ] взаимныя отношенія между ними, [ихъ] взаимную связь, поддержку и помощь [не] безкорыстную; это можетъ только [въ] людяхъ нравственно-религіозная [сила], которая одна въ состояніи перенести [въ] и дѣйствительность, къ единичным[ъ] и отношеніяхъ, требованіе, выра[женное] закономъ въ видѣ общей, отвлеченной [нор]мы.

Регулируя брачное сожительство [и] въ однихъ случаяхъ, признаетъ его [и] подъ свою защиту, въ другихъ —[не] и отвергаетъ, какъ неподходящее [къ] новленныя имъ нормы. Это различ[ие] рается и на естественныя послѣдст[вія] наго соединенія на дѣтей. Въ [за]условіяхъ, предписанныхъ закон[ами] знаются законными, а рожденныя [въ] тельства, не признаваемаго обществ[ом] законнорожденными. Общественное [от]и взаимныя отношенія родителей [къ] томъ и другомъ случаѣ, существ[ен]ничны. Поэтому, права и отношен[ія] и незаконнорожденныхъ слѣдуетъ [раз]рѣть особо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О законнорожденныхъ дѣтяхъ и ихъ отношеніяхъ къ родителямъ.

Въ историческомъ развитіи, [от]взаимныя отношенія родителей и

много общаго съ положеніемъ и
и женъ къ мужьямъ, и женщинъ
амъ вообще. Пока бракъ не выра-
ока взаимныя отношенія обоихъ
редѣлялись одними физіологиче-
ентами и физической силой, до
ное было и не могло быть разли-
аконными и незаконными дѣтьми.
ыла и взаимныя отношенія отца,
семьи, и дѣтей. Дѣти были без-
полными рабами, которыхъ отецъ
о убивалъ, продавалъ и отдавалъ,
Такъ продолжалось, пока, по за-
роды, дѣти не становились сильны
отецъ старъ и дряхлъ. Когда это
упало, дѣти обращались точно
домъ, какъ прежде онъ съ дѣтьми:
регали имъ, а когда отецъ, волѣ-
ни, становился въ тягость семей-
ли его на произволъ судьбы, или,
ткѣ средствъ къ пропитанію, уби-
тери не было и рѣчи; она была
олная раба отца, какъ и дѣти, и
хъ судьбу.

отныя отношенія, о которыхъ со-
историческія воспоминанія и ко-
ь живые примѣры между дикими
должны были измѣниться съ рос-
сти, гражданственности и созна-
ть выразился, на первый разъ,
акѣ, юридическимъ закрѣпленіемъ
чалъ, которыя лежали въ осно-
семьи. Установилась отеческая
ia potestas), родство по мужскому
ation), съ полнымъ юридическимъ
ъ дѣтей отцу, въ личномъ и иму-
ъ отношеніяхъ. Такова точка зрѣ-
права, удержавшаяся, съ нѣко-
ченіями, до временъ Юстиніана.
онодательства идутъ отъ другихъ
ъ замѣной родоваго быта органи-
ственной и публичной, юридиче-
ръ семьи, уже поколебленный къ
ого міра, отошелъ на второй планъ,
равственнымъ. Мѣсто власти отца
ласть родителей, —отца и матери.
терь власти существенно измѣ-
обратилась изъ юридической въ
ограничена потребностями попе-
лѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ,
и имущественномъ отношеніи, до
ихъ въ зрѣлый возрастъ. Такое
тво поставлено къ зависимости
и публичной власти, регули-

руется и контролируется закономъ и правительствомъ.

Такова новая постановка семьи и отношеній между родителями и дѣтьми въ принципѣ; но она далеко еще не развилась вполнѣ, особливо въ европейскихъ законодательствахъ, которыя носятъ на себѣ, по отношенію къ родительской власти и имущественнымъ отношеніямъ родителей и дѣтей, живые слѣды первоначальной грубой семьи и сильнаго вліянія римскаго права. Наше законодательство представляетъ и по этому предмету тѣ же особенности, какъ и по брачному союзу. Признавъ полную имущественную самостоятельность дѣтей, оно въ опредѣленіи личныхъ отношеній родителей и дѣтей отстало отъ европейскихъ законодательствъ и придерживается началъ римскаго права, хотя причина этого объясняется не вліяніемъ этого права, а давленіемъ нашихъ старинныхъ нравовъ и обычаевъ.

Установленіе извѣстныхъ правильныхъ отношеній, личныхъ и имущественныхъ, между родителями и дѣтьми зависитъ прежде всего отъ того, между какими именно лицами признается существованіе такихъ отношеній, другими словами, кого законъ признаетъ связанными между собою союзомъ родителей и дѣтей. Мы видѣли, что состоящими въ союзѣ супружескомъ признаются лица различнаго пола, вступившія между собою въ бракъ при соблюденіи извѣстныхъ условій, пока не наступили другія условія, которыя бракъ разрушаютъ, вполнѣ или отчасти. Союзъ и отношенія родителей и дѣтей, въ семьѣ естественной, установляются не добровольнымъ соглашеніемъ, а физіологическимъ фактомъ рожденія. Такъ какъ существенный смыслъ этого союза, существенное его назначеніе состоитъ въ воспитаніи нарождающихся покольній до того времени, когда они могутъ стать на свои ноги, то съ естественной, физіологической стороны, присущи этому союзу, и отношенія между родителями и дѣтьми, по вступленіи послѣднихъ въ совершенный возрастъ и по выходѣ ихъ изъ семьи, должны бы прекратиться. Но присутствіе въ человѣкѣ сильно развитой психической стороны даетъ этому ходу естественныхъ отношеній другое направленіе, какъ къ бракѣ. Связь родителей и дѣтей переходитъ изъ естественной и физіологической въ психическую, получаетъ прочность и постоянство, и къ этому виду переживаетъ союзъ, возникшій изъ факта рожде-

ція и поддерживаемыя практическими нуждами возрастающаго потомства. Сдѣлавшись постоянными и независимыми отъ физіологической стороны, отношенія родителей и дѣтей, пока тѣ и другіе живы, могутъ прекратиться лишь вслѣдствіе условій юридическихъ, обусловленныхъ требованіями организованнаго общежитія.

Вслѣдствіе сказаннаго, намъ слѣдуетъ изложить: во-1-хъ, при какихъ условіяхъ отношенія между родителями и дѣтьми признаются законно существующими,—иначе сказать, при какихъ условіяхъ дѣти признаются законнорожденными; во-2-хъ, въ чемъ состоитъ и какъ опредѣляется союзъ родителей и дѣтей, въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ, и въ-3-хъ, какія условія и обстоятельства прекращаютъ или разрываютъ этотъ союзъ.

Отд. 1. Установленіе союза родителей и дѣтей.

Союзъ родителей и дѣтей, какъ сказано, устанавливается законностью рожденія. Поэтому слѣдуетъ изложить, при какихъ условіяхъ дѣти признаются законнорожденными.

Законно родившимся признается тотъ, кто произошелъ отъ законнаго брака отца и матери. И такъ, по принципу, тотъ только есть законнорожденный, кто зачатъ отъ законнаго брака, хотя бы родился по смерти отца. Изъ этого, по принципу же, слѣдуетъ, что тотъ есть незаконнорожденный, кто зачатъ хотя отъ извѣстнаго отца, но до вступленія его въ законный бракъ съ матерью, или хотя и во время законнаго брака, но не отъ законнаго мужа.

Строгое, вполнѣ послѣдовательное примѣненіе этого принципа въ дѣйствительности, къ каждому данному случаю, оказывается однако невозможнымъ, вслѣдствіе чего отъ него сдѣланы важныя отступленія.

Чтобы быть увѣрену въ законности рожденія, надо ли имѣть возможность доказать, по какимъ-нибудь не оффиціальнымъ объективнымъ признакамъ, фактъ зачатія ребенка отъ извѣстнаго лица: но именно этого-то и нельзя доказать. Поэтому, пришлось признать законнорожденными всѣхъ зачатыхъ въ законномъ бракѣ, если не будетъ доказано, что родившійся не зачатъ отъ законнаго мужа.

Но и это установленіе законности рожденія по отрицательнымъ признакамъ, вынужденное невозможностью опредѣлить достовѣрность зачатія отъ извѣстнаго лица, оказалось еще узкимъ и потребовало [illegible] важнымъ причинамъ, значительнымъ [illegible] ренія. Строго говоря, тотъ, кто [illegible] извѣстнаго отца, но до вступленія [illegible] бракъ съ матерью, не есть законнорожденный. Однако, нѣкоторыми законодательствами, въ томъ числѣ и нашимъ, [illegible] его должно считать законнорожденным[illegible] только мужъ матери не захочетъ [illegible] дѣтъ въ состояніи доказать, что ро[illegible] во время брака зачатъ не отъ [illegible] другого отца. Итакъ, можетъ случит[illegible] родившійся въ продолженіе супруже[illegible] чатъ несомнѣнно раньше, чѣмъ [illegible] конный бракъ, и несмотря на то [illegible] дѣтъ признанъ законнорожденным[illegible] гражд. ст. 119). Причина такого [illegible] ступленія отъ основного начала [illegible] рожденія заключается отчасти въ [illegible] разстраивать семейный союзъ, пре[illegible] раго сами заинтересованныя лица [illegible] жаютъ, отчасти вѣроятно въ желан[illegible] рить превращеніе незаконнаго сож[illegible] въ законный бракъ. Какъ бы то ни [illegible] изъ сказанныхъ двухъ основаній [illegible] началу, что супругъ матери предп[illegible] отцомъ ребенка, пока противное [illegible] доказано. Начало это высказано еще [illegible] сконъ правъ, которое, впрочемъ, [illegible] французскимъ, опредѣляло законнорож[illegible] денія не по времени разрѣшенія [illegible] мени, а по времени зачатія.

Но какъ доказать, что супругъ [illegible] отецъ ребенка? На это есть нѣсколько [illegible] собовъ: 1) можетъ случиться что [illegible] дающее себя за такого-то сына и [illegible] кихъ-то родителей, на самомъ дѣлѣ [illegible] онъ или она. Если это обстоятельство [illegible] доказать, то законность рожденія [illegible] лица отъ извѣстныхъ родителей бу[illegible] пернута; 2) по физіологическимъ [illegible] нямъ, беременность женщины, [illegible] щаяся рожденіемъ такого младенца, [illegible] способенъ жить, имѣетъ свои самый [illegible] жительный и самый короткій сроки, [illegible] различно опредѣляется въ различных[illegible] нодательствахъ: въ нашемъ—306 [illegible] (Зак. гражд. ст. 125 и 127), въ [illegible] отъ 300 до 310 и отъ 180 до 182 [illegible] срокамъ опредѣлить, можетъ ли [illegible] жетъ быть данное лицо зачато [illegible] наго мужа матери. Если мужъ [illegible] находясь въ отсутствіи, не мог[illegible] сношеніяхъ съ матерью рожден[illegible]

время, къ которому относится его зачатіе, т. е. очевидно, что рожденный не могъ быть плодомъ законнаго мужа матери (выкидышъ или рожденіе ребенка, неспособнаго жить, можетъ быть доказательствомъ прелюбодѣянія или незаконнаго сожительства и сюда не относится).

Опредѣленіе законности рожденія самымъ продолжительнымъ и самымъ краткимъ періодомъ беременности представляетъ большія трудности. Новѣйшія физіологическія изслѣдованія дѣлаютъ принятые въ законодательствахъ крайніе предѣлы самой краткой и самой продолжительной беременности весьма сомнительными и спорными, а между тѣмъ, отъ нихъ зависитъ часто признаніе или непризнаніе законности рожденія, которая сама по себѣ никогда не можетъ быть доказана, даже при доказанномъ прелюбодѣяніи матери, состоящей въ сожительствѣ съ законнымъ мужемъ.

При совершенной невозможности проникнуть въ тайну зачатія и при большой шаткости и невѣрности соображеній о законности или незаконности зачатія по періодамъ беременности, законодательства естественно допускаютъ опроверженіе законности рожденія неохотно и съ разными ограниченіями, затрудняющими споры противъ законности рожденія. Нельзя не находить весьма правильнымъ, что право признать или не признать законность рожденія ребенка предоставлено, въ сомнительныхъ случаяхъ, лишь мужу матери (Зак. гражд. ст. 125, 127, 128), да и то съ разными оговорками. Если онъ не отрицалъ, имѣя къ тому возможность, законности рожденія, то считается что онъ ее призналъ (тамъ же, ст. 130, 127). Отрицаніе его, чтобы быть дѣйствительнымъ, должно быть не голословное, а основано на доказательствахъ неопровержимыхъ, а именно, что въ то время, къ которому относится зачатіе, онъ не могъ находиться въ сношеніяхъ съ матерью, т.-е. съ своею женою, по отсутствію (Зак. гражд. ст. 127), или по другимъ причинамъ. (Наше законодательство другихъ причинъ, кромѣ отсутствія, не признаетъ. Уст. гр. суд., ст. 1348). Наконецъ, право мужа опровергать законность лица, рожденнаго его женою, ограничивается извѣстнымъ срокомъ, который считается со дня рожденія ребенка, и только если будетъ доказано, что онъ о рожденіи и самомъ существованіи ребенка не могъ знать, то съ того времени, когда онъ узналъ о его рожденіи. Для находящихся въ предѣлахъ государства срокъ полагается годовой, для проживающихъ за границей двухгодовой (Зак. гр., ст. 129).

Еще болѣе затруднено опроверженіе законности рожденія со стороны другихъ лицъ. Только въ такомъ случаѣ, когда ребенокъ родился позже 300 дней по смерти супруга матери или по расторженіи брака, всѣ тѣ, коихъ права личныя и по имуществу были бы нарушены признаніемъ родившагося законнорожденнымъ, могутъ оспоривать законность его рожденія, но и то лишь въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ послѣ этого событія (Зак. гражд., ст. 131). За исключеніемъ этого случая, опровергать законность рожденія могутъ только наслѣдники отца и притомъ съ большими ограниченіями этого права, а именно: 1) надобно, чтобы мужъ матери ребенка умеръ до истеченія предоставленнаго ему срока для опроверженія законности рожденія и чтобы съ его стороны не было сдѣлано ничего такого, что бы заставляло предполагать, что онъ признавалъ его своимъ ребенкомъ; 2) наслѣдники обязаны доказать, что мужу матери существованіе ребенка было вовсе неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, что онъ объ этомъ узналъ незадолго до своей смерти и не успѣлъ объявить споръ о незаконности рожденія; 3) на вчинаніе иска о незаконности рожденія наслѣдникамъ, при вышеизложенныхъ условіяхъ, дается лишь три мѣсяца срока со дня смерти отца, или, если отецъ умеръ до рожденія ребенка, то со дня его рожденія (Зак. гр., ст. 130).

Итакъ, опроверженіе законности рожденія крайне затруднено. Напротивъ, доказываніе законности неограничено никакимъ срокомъ для самого лица, законность рожденія котораго оспоривается, и переходитъ къ его наслѣдникамъ, но уже на общихъ началахъ давности, если самъ онъ умеръ не достигнувъ совершеннолѣтія, или до окончанія начатаго имъ иска о законности рожденія (Зак. гр., ст. 126).

Въ этихъ правилахъ, опредѣляющихъ семейное и гражданское положеніе людей и выработанныхъ долговременной практикой и размышленіемъ лучшихъ умовъ, обнаруживается совершенная невозможность правильно разрѣшить, при помощи кабинетныхъ юридическихъ нормъ, такіе личные вопросы и установить отношенія, не поддающіяся юридическому анализу. Разсматривая эти правила, нельзя не отдать похвальнаго желанія, по

возможности, оградить связь дѣтей и родителей, а чрезъ нее и прочность брачнаго союза отъ неосторожныхъ, необдуманныхъ и своекорыстныхъ его колебаній. Но это лишь одна сторона картины; другая, гораздо менѣе утѣшительная, состоитъ въ томъ, что благодаря препятствіямъ, которыя ставитъ законъ признанію дѣтей незаконнорожденными, многіе, несомнѣнно зачатые внѣ законнаго брака и не отъ законнаго мужа матери, остаются, юридически, дѣтьми мнимаго отца, вопреки его доброй волѣ и справедливости, только по невозможности вести съ успѣхомъ юридическую аргументацію. Чрезъ это въ семью вносится вражда и ненависть, и то, что разсчитано на укрѣпленіе и упроченіе семьи, дѣйствуетъ на нее во многихъ случаяхъ разлагающимъ образомъ. Нормы закона слишкомъ отвлеченны, судъ слишкомъ далекъ, чтобы быть въ состояніи устроить справедливо такія тонкія, сложныя и безконечно разнообразныя отношенія, каковы брачныя и семейныя. Какъ для разбирательства дѣлъ о разводѣ, такъ и для разрѣшенія сомнѣній относительно законности дѣтей и улаженія взаимныхъ неудовольствій между супругами и между родителями и дѣтьми, долженъ быть устроенъ ближайшій къ тѣмъ и другимъ примирительный, домашній судъ, изъ самыхъ близкихъ родныхъ и друзей, свидѣтелей и участниковъ жизни семьи, всего болѣе способныхъ взвѣсить и оцѣнить основательность и справедливость взаимныхъ притязаній и обвиненій. Этого рода присяжнымъ, посвященнымъ во всѣ тайны семейныхъ отношеній, должно быть ввѣрено, при участіи публичной власти, разрѣшеніе семейныхъ неудовольствій, споровъ и сомнительныхъ случаевъ.

Отд. 2. Взаимныя отношенія родителей и дѣтей, личныя и имущественныя.

Развитіе ихъ въ исторіи представляетъ большое сходство съ развитіемъ отношеній между супругами. Въ тѣхъ и другихъ замѣчается, въ древнѣйшія времена, при слабомъ развитіи гражданственности, полное отсутствіе личныхъ и имущественныхъ правъ женъ и дѣтей. Личность ихъ совершенно поглощалась личностью главы семейства, и ничѣмъ нельзя отличить членовъ семьи отъ рабовъ.

По мѣрѣ развитія гражданскаго быта, съ упадкомъ родовыхъ порядковъ и замѣною ихъ гражданскими отношеніями, начинаетъ развиваться индивидуализмъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возникаетъ и вырабатывается и юридическая личность, личныя и имущественныя права какъ женъ, такъ и дѣтей. Законъ беретъ подъ свою защиту противъ безправія власти главы семейства, ограждаетъ личность, признаетъ ихъ имущественную способность какъ гражданъ, членовъ семейства. Власть главы семейства и предѣлы и удерживается настолько, насколько она необходима для поддержанія семейнаго союза. Такимъ образомъ исторія представляетъ, съ одной стороны, постепенную дифференціацію составныхъ частей семьи, съ другой—постепенное ея преданіе на новыхъ началахъ, опредѣляемыхъ требованіями и нуждами правильной общественности. Физіологическіе факты, составляющіе основу и подкладку семейныхъ отношеній и рожденіе дѣтей,—освѣщенные и просвѣтленные психической, духовной стороной человѣческой природы, являются основаніе семьи, вмѣсто силы и произвола, на которыхъ она была построена при первыхъ зачаткахъ гражданственности.

На римскомъ правѣ, напримѣръ, можно прослѣдить слѣды постепеннаго развитія этихъ отношеній отъ древнѣйшаго періода до позднѣйшихъ временъ Римской имперіи. Мы видѣли, какъ мало-по-малу перерождалась древняя семья въ новую. Сначала безгранично царила власть отца надъ дѣтьми, и эта власть держалась въ римскомъ правѣ до конца, хотя терпѣла замѣтно измѣнялся. Изъ строго-юридическая, она простиралась на всѣхъ дѣтей, съ ихъ потомствомъ, продолжалась всю жизнь, была безграничною, простиралась на самую жизнь, и нельзя было дѣтей на какое-либо имущество. Все, что они пріобрѣтали, принадлежало не имъ, а домовладыкѣ, точно какъ теперь у насъ у крестьянъ, имущество пріобрѣтается отдѣленными дѣтьми. Впослѣдствіи эта безграничная власть смягчилась. Дѣти освобожденіе изъ-подъ отеческой власти (emancipatio; допущено пріобрѣтеніе собственнаго имущества peculium, возникло обязательство отъ своего имени совершилось не сразу. Особое имущество дѣтей, пріобрѣтаемое ими самими или данное имъ отцомъ, составляло его собственность только то была собственность, находящаяся въ пользованіи и дѣтей. Мало-по-малу, ограничено право владыки продавать и убивать дѣтей. Власть отца надъ дѣтьми, впослѣдствіи

уже только посредствомъ иска, были подчинены контролю публич- Имущественная самостоятель- относительно особеннаго ихъ lium) расширена дарованіемъ имъ для его защиты. Относительно пріобрѣтеннаго на войнѣ (pecu- se), дѣти получили право завѣ- распоряженія, а позднѣе, и право щиты этого имущества. Понятіе ществѣ мало-по-малу расширя- все болѣе и болѣе получало зна- собственности дѣтей. Съ иму- пріобрѣтеннымъ на войнѣ, урав- ѣе, имущества, пріобрѣтенныя на и духовной службѣ (peculium use). При императорѣ Констан- возникли peculia quasi castrensia, такъ называемыя bona adventitia— доставшіяся дѣтямъ отъ матери. щества признаны собственностью аходились въ usufructus'ѣ отца. анѣ, къ bona adventitia приравъ- ства, доставшіяся отъ восходя- венниковъ, кромѣ матери, а на- кое имущество, пріобрѣтаемое . Съ такою раздѣльностью иму- ратилась и имущественная отвѣт- отца за проступки сына.

ственною правоспособностью дѣ- личная ихъ самостоятельность, мператорами подъ свою защиту. у, отеческая власть ограничена, мѣшательства государства въ се- ошенія, однимъ правомъ легкихъ ныхъ наказаній. Сперва это вмѣ- касалось однихъ сыновей, потомъ лось и на дочерей (Муромцевъ, ю древн. Рима, стр. 24—27; 40— 38).

ъ мірѣ, старинная власть домо- ъ чадами и домочадцами совсѣмъ али выдвигаться на первый планъ кіе и возникающіе изъ нихъ эле- ементы семейнаго союза, почва съ была расчищена усиленіемъ и публичныхъ элементовъ и упад- наго родового быта. Однако, но- кій міръ, развившійся подъ силь- емъ греко-римскаго, не отрѣшился созданныхъ послѣднимъ. Семья улучшилась, отношенія между и дѣтьми поставлены, вообще го- льнѣе, но современныя законода- тельства не вполнѣ отказались отъ римскихъ возрѣній и носятъ на себѣ живые слѣды ихъ вліянія.

По германскому праву, родительская власть (отца и матери) заступила мѣсто отцовской римской и изъ строгой юридической стала скорѣе опекунской, смыслъ которой опредѣляется потребностью физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, до ихъ совершеннолѣтія. Отсюда, идя послѣдовательно, должно было бы придти къ полной имущественной самостоятельности дѣтей, къ равнымъ правамъ и обязанностямъ отца и матери относительно дѣтей, наконецъ, къ строгому ограниченію родительской власти предѣлами воспитанія и образованія. Но ни одно изъ этихъ началъ не проведено до конца, и примѣненіе ихъ отзывается римскими вліяніями. Этому конечно много способствовало то обстоятельство, что жена, въ имущественномъ, а отчасти и въ личномъ отношеніи, подчинена мужу и не пользуется полною съ нимъ равноправностью.

Неотдѣленныя дѣти участвуютъ теперь въ общемъ гражданскомъ положеніи родителей, именно отца, пользуются ихъ правами, носятъ фамилію отца, принадлежатъ къ одному съ нимъ сословію, къ одной съ родителями религіи и церкви, имѣютъ одно съ ними мѣсто жительства и состоятъ подъ однимъ съ ними судомъ. Родители имѣютъ право и обязанность содержать и воспитывать дѣтей и соотвѣтствующую тому власть надъ ними. По вступленіи дѣтей въ совершеннолѣтіе продолжается взаимная обязанность доставлять, въ случаѣ надобности, содержаніе, обязанность дѣтей почитать своихъ родителей, право родителей давать или не давать согласіе на вступленіе дѣтей въ бракъ и взаимное право наслѣдованія въ имуществѣ. Но у римлянъ, вслѣдствіе историческаго развитія ихъ права, удержались различныя запутанныя отношенія между отцомъ и дѣтьми по имуществамъ и обязательствамъ. По римскому праву, дѣти могли пріобрѣтать имущество, но со стороны, а не отъ отца: послѣдній не могъ ни уступить имъ на правѣ собственности, ни подарить имущество, а могъ только фактически передать имъ его, удержавъ за собою право востребованія назадъ. На имущество дѣтей отецъ, по римскому праву, имѣлъ не только право управленія, но и право пользованія. Никакихъ договоровъ и обязательствъ римское право между дѣтьми и родителями не

допускало. Особеннымъ образомъ опредѣлилась у римлянъ и отвѣтственность отца по обязательствамъ, заключаемымъ дѣтьми съ посторонними, и за наносимый ими ущербъ и убытки. Малолѣтніе вовсе не могли вступать въ обязательства; несовершеннолѣтніе могли и безъ согласія отца; но сдѣланные ими, безъ согласія отца, долги не могли быть отыскиваемы судомъ; отецъ отвѣчалъ по обязательствамъ своихъ дѣтей, когда они заключались по его порученію, полномочію, даже когда онъ зналъ объ нихъ и молча ихъ терпѣлъ и одобрялъ, а также когда онъ самъ извлекалъ пользу или выгоду изъ заключеннаго дѣтьми обязательства. Что касается до обязательствъ совершеннолѣтнихъ то при продолжающейся по смерть власти отца и фактическомъ владѣніи принадлежащимъ ему имуществомъ, которое онъ выдѣлилъ, оставаясь его собственникомъ, то отвѣтственность дѣлилась между отцомъ и дѣтьми. Такая двойственная отвѣтственность объясняется еще и тѣмъ, что по римскому ученію о представительствѣ, сынъ былъ непосредственно самъ въ отвѣтѣ, за обязательства, которыя заключалъ для отца, а на отца отвѣтственность падала лишь дополнительно (adjectitiae qualitatis). Наконецъ, отвѣтственность отца за дѣтей по наносимому ими ущербу и убытку совсѣмъ отпала въ римскомъ правѣ, съ тѣхъ поръ, какъ была отмѣнена выдача дѣтей головою. Казалось бы, имущественныя отношенія такого рода, составляющія отголосокъ исчезнувшаго быта, должны были измѣниться кореннымъ образомъ съ другою постановкою семьи у новыхъ народовъ: но на дѣлѣ мы видимъ не то. Правда, зависимость дѣтей отъ родительской власти ограничена совершеннолѣтіемъ, хотя и удержалась еще эмансипація дѣтей изъ подъ власти отца чрезъ публичное объявленіе о томъ передъ судомъ и самымъ фактомъ основаніемъ особаго хозяйства и семьи и выходомъ замужъ: вслѣдствіе того, въ имущественномъ отношеніи, правоспособность и самостоятельность дѣтей признана, а вмѣстѣ съ тѣмъ допущены и всякаго рода имущественныя сдѣлки и обязательства между родителями и дѣтьми: однако, несмотря на то, всетаки удержалось различіе свободнаго и несвободнаго имущества дѣтей, т.-е. такого, которое находится въ полномъ распоряженіи дѣтей, и того, на которое права дѣтей ограничиваются родителями: послѣднее находится въ управленіи и пользованіи (usus fructus) отца (по австрійскому и англійскому праву въ управленіи). Въ такого рода имущественности находится, по русскому праву, имущество дѣтей, за исключеніемъ того, которое они сами пріобрѣли, а также всѣхъ пожертвованій внѣ родительскаго дома и всего, что имъ досталось подъ условіемъ, чтобы него не простиралось право употребленія пользованія отца. Отвѣтственность за и убытки, наносимые дѣтьми, при ственной самостоятельности дѣтей, теперь только къ тому случаю, когда наносится дѣтьми вслѣдствіе того, ними не было присмотра, или что они лучили воспитанія.

Французское право, въ опредѣленіи отношеніи родителей и дѣтей, очень съ германскимъ. Родительская власть къ попечительству надъ дѣтьми и ности ихъ содержать и воспитывать этомъ отношеніи имѣетъ публичный теръ и значеніе. Постановка мужа жескомъ союзѣ, какъ по германскому по французскому праву, даетъ преи власти отца надъ властью матери, к она переходитъ лишь со смертью участи опекуна, назначеннаго от семейнымъ совѣтомъ. Дѣти, безъ согл не могутъ оставлять родительскаго того, гдѣ отецъ велитъ жить. Въ доставленнаго отцу права исправ дѣше дѣтей, онъ имѣетъ право их аресту. То же право переходитъ но въ меньшемъ объемѣ, когда отец лишенъ своего права, или почему можетъ имъ пользоваться.

Отецъ, или послѣ его смерти м когда она не есть опекунша, имѣ употребленія и пользованія имущес тей, кромѣ того имущества, которое нажили, или которое завѣщано или имъ въ полную собственность, но с пую этимъ правомъ родителей. Изъ требленія и пользованія имуществ вытекаетъ для родителей обязанно жать и воспитывать ихъ соотвѣтст состоянію. Право употребленія и п прекращается для родителей, между со вступленіемъ дѣтей въ 18-ти л растъ, или съ освобожденіемъ отъ ской власти и чрезъ вступленіе бракъ матери, которой принадле право.

Дѣти обязаны уважать родителей

…очетъ всю свою жизнь. Между …дителями существуетъ взаимная …давать содержаніе. Отецъ, въ про… …ка, имѣетъ неограниченное право …имѣніемъ своихъ малолѣтнихъ …

…му законодательству, отношенія …дѣтей, личныя и имущественныя …ены по началамъ, противоположнымъ …другу. Въ личномъ отношеніи, …ески ограждаетъ по возможности …ершенную зависимость дѣтей отъ …ъ продолженіе всей жизни, отступая …о начала неохотно, лишь въ случаѣ …ей необходимости; въ имуще… …е отношеніи, напротивъ, русское …ство признаетъ полную, совер… …возможность и самостоятель… …и раздѣльность ихъ отъ родите… …образомъ, отставъ отъ другихъ …ствъ въ опредѣленіи личныхъ …, нашъ законъ стоитъ выше ихъ …нію правъ имущественныхъ.

…аконныя дѣти, какъ вездѣ, пока …въ составѣ семьи, пользуются пра…ніями отца и отличіями, которыя …по наслѣдству, не составляя лич…ежности (но дочери, подобно же… …е вступятъ въ бракъ, пользуются …итуломъ, присвоеннымъ отцу по …дуютъ послѣ родителей по за… …тся, вмѣстѣ съ родителями, въ …ими мѣстѣ жительства и подъ…ъ съ ними судебнымъ установ…ого общее правило, до выхода …ставa семьи и прекращенія об…требованія.

…ношенія родителей и дѣтей опре…дѣляющими положеніями:

обязанности родителей заклю…ъ обязанности давать несовер…ъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и …ю своему состоянію (Зак. гражд., …, по разъясненію сената, отсюда …ь для родителей обязанность пла…ей долги; 2) они могутъ воспи…й дома, или отдавать въ обще…режденія, частныя и правитель…ю отъ 10 до 18 лѣтъ дѣти долж…оспитываемы внутри Россіи (Зак. …173). Сенатомъ разъяснено, что …ки волѣ родителей, не вправѣ …у себя ихъ дѣтей, развѣ будетъ …о въ интересахъ дѣтей необходимо разлучить ихъ съ родителями; что когда, въ силу Высочайшаго указа, опека надъ малолѣтнимъ вѣрена постороннему лицу, то отецъ не имѣетъ права требовать къ себѣ такого малолѣтняго отъ опекуна; что родители, не устраненные отъ опеки за неспособностью, удерживаютъ и при опекунѣ родительскую власть надъ своими дѣтьми; однако, если сторонній опекунъ установленъ надъ лицомъ малолѣтняго, то онъ не можетъ быть устраненъ отъ участія въ распоряженіи личностью малолѣтняго, и если родителями заключенъ невыгодный для малолѣтняго договоръ объ отдачѣ его на воспитаніе, то можетъ требовать уничтоженія такого договора; что родители могутъ отдавать дѣтей въ обученіе и безъ ихъ согласія, почему отвѣчаютъ за неисполненіе дѣтьми условій договора, по которому дѣти отданы въ обученіе. 3) По достиженіи дѣтьми извѣстнаго возраста, родители обязаны заботиться объ опредѣленіи ихъ въ службу или въ промыселъ, соотвѣтственно ихъ состоянію, и объ отдачѣ дочерей въ замужество (Зак. гражд., ст. 164). 4) Если несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ нанесена обида, родители имѣютъ право за нихъ вступиться и вчинать искъ судебнымъ порядкомъ (Зак. гражд., ст. 175). 5) Родители имѣютъ право употреблять относительно своихъ дѣтей домашнія исправительныя мѣры (тамъ же, ст. 165 прод.), но не могутъ лишать ихъ жизни (тамъ же, ст. 170). За упорное неповиновеніе, развратную жизнь и другіе „явные" пороки, родители имѣютъ право отдавать своихъ дѣтей, не состоящихъ въ государственной службѣ, въ смирительные домы, на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, но могутъ и уменьшить время заключенія и совсѣмъ ихъ простить (Зак. граж., ст. 165 прод. п. 1, улож. о наказ., ст. 1592). Они могутъ также приносить на нихъ жалобы суду (Зак. гражд., ст. 165 прод. п. 2). 6) Въ случаѣ оскорбленія родителей дѣтьми, отъ родителей не требуется никакихъ доказательствъ и не производится слѣдствія, но требуются лишь тѣ объясненія, какія судъ признаетъ нужными. Только въ двухъ случаяхъ производится изслѣдованіе и требуются отъ родителей доказательства: а) если судебное рѣшеніе гражданской тяжбы между родителями и дѣтьми (которая всегда должна разбираться прежде разсмотрѣнія жалобы родителей на дѣтей) докажетъ неправильныя притязанія родителей; притязанія эти должны быть выражены

родителями на письмѣ иначе отзывы дѣтей о такихъ тяжбахъ не принимаются; б) когда родители жалуются на оскорбленія и неповиновеніе замужней дочери. За исключеніемъ этихъ случаевъ, отъ дѣтей, по жалобамъ родителей, отбирается только показаніе о томъ, что они могутъ представить въ свое оправданіе. Вина дѣтей увеличивается, если въ отвѣтѣ они помѣстятъ извѣтъ на родителей, ненужный для оправданія, или позволятъ себѣ непочтительное выраженіе о родителяхъ. Жалобы родителей объ оскорбленіи ихъ дѣтьми могутъ быть взяты назадъ, когда оскорбленіе нанесено словомъ (Зак. угол. суд., ст. 703). 7) Отъ дѣтей не принимается жалобъ на родителей въ личныхъ обидахъ или оскорбленіяхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда родители, по отношенію къ дѣтямъ, покушаются на такія дѣйствія, которыя подлежатъ уголовнымъ наказаніямъ; въ такихъ случаяхъ, дѣти принимаются публичною властью подъ защиту и дѣла ведутся уголовнымъ порядкомъ (Зак. гражд., ст. 168. Зак. угол. суд., ст. 704). 8) родители не имѣютъ права принуждать дѣтей къ совершенію противозаконныхъ дѣйствій или къ участію въ нихъ; въ противномъ случаѣ дѣти освобождаются отъ обязанности повиноваться родителямъ „противъ своей совѣсти, особливо въ томъ, что требуетъ собственнаго ихъ разсужденія и воли" (Зак. гражд., ст. 168).

Права и обязанности дѣтей, въ личныхъ отношеніяхъ къ родителямъ, опредѣляются въ сводѣ законовъ слѣдующимъ образомъ: „дѣти должны оказывать родителямъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь; служить имъ на самомъ дѣлѣ, отзываться о нихъ съ почтеніемъ и сносить родительскія увѣщанія и исправленія терпѣливо и безъ ропота. Почтеніе дѣтей къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ родителей" (Зак. гражд., ст. 177). Объ этомъ изложеніи отношеній дѣтей къ родителямъ слѣдуетъ сказать то же, что было сказано выше объ опредѣленіи взаимныхъ личныхъ отношеній супруговъ: оно выражаетъ взглядъ закона на обязанности дѣтей, но опредѣляетъ юридическую ихъ сторону весьма неудовлетворительно. Въ юридическомъ отношеніи, кромѣ обязанности дѣтей оказывать родителямъ почтеніе (которое трудно уловить въ юридическую формулу), быть къ нимъ послушными и покорными, подчиняться ихъ увѣщаніямъ и мѣрамъ взысканія безъ возражеій, ничего изъ этого опредѣ-
нелія, такъ какъ все остальное
къ нравственной, духовной, психи-
ронѣ, неуловимой для закона.
опредѣленіе это и не полно: мы в
что обязанность повиновенія и бе
для дѣтей не безусловна и огр
вѣстными предѣлами, за которы
только имѣютъ право жаловать
гать къ защитѣ суда и публичной
тивъ родителей, но самимъ за
бождаются отъ обязанности по
дительской власти (Зак. гражд.
169). Неполнота опредѣленія о
занностей дѣтей въ приведен
закона тѣмъ болѣе бросается в
наше законодательство какъ мы
димъ, признаетъ полную имущест
стоятельность дѣтей, которая с
косвенно, ограничиваетъ власть

Имущественныя отношенія ро
тей ни въ чемъ и ни въ какомъ
не отличаются отъ имущественн
ній супруговъ. Все, что принад
телямъ, составляетъ ихъ личну
ность, на которую дѣти не им
права. Поэтому родители не
долги дѣтей, или отвѣчаютъ и
сколько сами желаютъ, что ник
щено и относительно совершен
нихъ лицъ. Точно такъ же все.
житъ дѣтямъ, составляетъ ихъ
ственность, на которую родите
ни малѣйшаго права. Если дѣт
лѣтія, то они имѣютъ общее
дически самостоятельнымъ лиц
поряжаться своимъ имуществ
личія, нажито ли оно ихъ труд
обрѣтено какимъ бы то ни бы
стороны, или получено по выд
телей. Если же дѣти несовер
родители управляютъ принад
тямъ имуществомъ на правѣ
отчетомъ и отвѣтственностью п
скими установленіями, а вп
достиженіи дѣтьми совершенн
ними, наравнѣ съ опекунами
нихъ лицъ. Какъ между супр
между родителями и дѣтьми,
всякія юридическія имуществ
нія, обязательства и сдѣлки на
ваніи, которыя ничѣмъ не от
отношеній, обязательствъ и с
постороннимъ лицамъ. Единств

...ныя отношенія, вытекающія изъ союза ...телей и дѣтей, суть, во-1-хъ, обязанность ...ей, хотя бы они были отдѣлены отъ ро...телей, доставлять послѣднимъ „пропитаніе ...одержаніе по самую ихъ смерть", если ...„находятся въ бѣдности, дряхлости или ...олѣзняхъ", и во-2-хъ, взаимное другъ послѣ ...ство наслѣдованіе въ имуществѣ на осно...ніяхъ, которыя будутъ изложены въ отдѣлѣ ...правѣ наслѣдованія (Зак. гр., ст. 180 ...). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ европейскихъ законодательствъ наше провело полную имущественную раздѣльность и самостоятельность родителей и дѣтей съ желѣзною послѣдовательностью и освободилось отъ ...хъ запутанностей, которыя въ этомъ отношеніи унаслѣдованы прочими европейскими законодательствами отъ римскаго права, стремящагося, въ своемъ развитіи, къ цѣли, ...олѣ достигнутой лишь у насъ.

Практика кассаціоннаго сената еще болѣе ...вердила и разъяснила начала, принятыя въ ...нованіе нашего законодательства касательно имущественныхъ отношеній родителей и дѣтей. По разъясненіямъ кассаціоннаго сената, распоряженія родителей по имуществу малолѣтнихъ могутъ быть признаны ...олѣе законными и обязательными для дѣтей только тогда, если родители утверждены въ ...ваніи опекуновъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда несомнѣнная польза малолѣтнихъ требуетъ безотлагательныхъ дѣйствій ихъ именемъ: но когда сдѣлка родителей, не утвержденныхъ опекунами, явно клонится къ ущербу дѣтей, то она для послѣднихъ необязательна. Еслибъ даже родители и были утверждены опекунами, то совершенные ими акты обязательны для дѣтей только въ такомъ случаѣ, когда въ актѣ объяснено, что онъ выданъ родителями въ качествѣ опекуновъ, а не отъ своего имени. Родители, не утвержденные опекунами, не въ правѣ представлять интересы дѣтей на судѣ: но пока опека не учреждена родители вправѣ ходатайствовать въ судѣ за своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Родители не отвѣчаютъ за цѣлость имущества, принятаго отъ кого-либо ихъ неотдѣленными дѣтьми; но если родители ведутъ съ дѣтьми общую торговлю, то отвѣтственность за долги, сдѣланные неотдѣленными дѣтьми, можетъ быть возложена и на родителя, хотя бы по тому или другому долгу неотдѣленныхъ дѣтей и не было доказано спеціальное согласіе или уполномочіе родителя. Обязанность дѣтей доставлять содержаніе и пропитаніе своимъ родителямъ, какъ чисто личная, не переходитъ на наслѣдниковъ дѣтей. Если между родителями и дѣтьми и существуетъ договоръ о размѣрѣ содержанія, то судъ можетъ увеличить этотъ размѣръ, въ случаѣ вздорожанія жизненныхъ продуктовъ. Причина такого толкованія очевидна: обязанность содержать родителей не можетъ быть ограничена контрактомъ. (Боровиковскій, разъясненія къ ст. 180 и 194, стр. 39, 40, 42 и 43).

Отд. 3. **Ограниченіе и прекращеніе родительской власти.**

Во всѣхъ законодательствахъ родительская власть, по вступленіи дѣтей въ возрастъ, или по отдѣленіи отъ семьи и основаніи собственнаго хозяйства, или вовсе прекращается, или болѣе или менѣе ограничивается, особливо въ имущественномъ отношеніи. У насъ, вслѣдствіе признанія закономъ полной имущественной независимости дѣтей отъ родителей, только въ личномъ отношеніи дѣти находятся подъ родительской властью, но безъ всякаго ограниченія ея какими бы то ни было лѣтами. Она ограничивается: 1) „поступленіемъ дѣтей въ общественное училище". Училищное начальство, во всемъ что̀ касается воспитанія, заступаетъ мѣсто родителей; 2) опредѣленіемъ дѣтей въ службу"; 3) „вступленіемъ дочерей въ замужество" (зак. гражд. ст. 179), и 4) ссылкою. Когда родители, одинъ или оба, подвергаются ссылкѣ, дѣти либо слѣдуютъ за ними, либо не слѣдуютъ; въ послѣднемъ случаѣ родительская власть очевидно ограничивается. Ограниченіе такого рода происходитъ, при ссылкѣ, или по волѣ дѣтей, или по закону, смотря по тому, предоставлено ли самимъ дѣтямъ не слѣдовать за своими родителями, если не захотятъ, или закономъ предписывается не отпускать дѣтей за родителями въ ссылку. Объ этомъ, въ 1862 году, постановлены слѣдующія правила: а) дѣти старше 14-ти лѣтъ могутъ слѣдовать за родителями по собственному желанію. Рѣчь идетъ конечно о дѣтяхъ неотдѣленныхъ, которыя могутъ, значитъ, и не слѣдовать за родителями; б) дѣти, находящіяся въ казенныхъ заведеніяхъ и на казенномъ содержаніи, не могутъ быть требуемы родителями къ слѣдованію за ними въ мѣста ихъ ссылки; и в) о дѣтяхъ моложе 14-ти лѣтъ родители распоряжаются по соглашенію между собою;

если же соглашенія не состоится, то при отправленіи обоихъ родителей, дѣти моложе 14-ти лѣтъ отправляются съ ними, а когда одинъ изъ супруговъ остается на мѣстѣ, то и дѣти остаются при немъ, подъ его попечительствомъ; г) при ссылкѣ въ каторжную работу, дѣти моложе 14-ти лѣтъ, въ случаѣ неслѣдованія невиннаго супруга, остаются при послѣднемъ; если же ссылается въ каторгу единственный изъ живыхъ родителей или оба, то дѣти моложе 14-ти лѣтъ или оставляются на мѣстѣ, или отсылаются съ ними, смотря по тому, что лучше можетъ ихъ обезпечить. Если невиновный супругъ слѣдуетъ за ссылаемымъ въ каторжную работу, то дѣти отправляются съ ними, когда кто либо, по ихъ желанію, не приметъ дѣтей на свое попеченіе; д) грудные младенцы всегда остаются при матеряхъ (уст. ссыльн., прилож. къ ст. 40, примѣч. 3, по прод., ст. 4—7). При этомъ административная ссылка приравнена къ ссылкѣ или къ переселенію по суду (тамъ же, примѣч. къ ст. 9).

Прекращается личная родительская власть только естественною смертью, или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, но въ послѣднемъ случаѣ только тогда, когда дѣти неослѣдуютъ въ ссылку за родителями (Зак. гражд., ст. 178). Судя по этой статьѣ закона, можно полагать, что отреченіе отъ міра и вступленіе въ монашество не прекращаетъ родительской власти.

Взаимныя личныя отношенія родителей и дѣтей, какъ они опредѣлены въ нашемъ законодательствѣ, вызываютъ много вопросовъ. Въ чемъ эти отношенія юридически состоятъ, когда и какъ ограничиваются или прекращаются, не опредѣлено въ законѣ достаточно точно и предоставлено обычаямъ и нравамъ. Это было бы вполнѣ правильно и цѣлесообразно, еслибъ законъ не опредѣлялъ родительской власти въ такихъ общихъ выраженіяхъ и широкихъ предѣлахъ, которые необходимо требуютъ весьма точнаго обозначенія всѣхъ справедливыхъ отступленій и изъятій, установляемыхъ или терпимыхъ. Отсутствіе въ нашемъ законѣ такихъ точныхъ обозначеній предоставляетъ слишкомъ много ближайшему усмотрѣнію и произволу власти и суда, при взаимныхъ неудовольствіяхъ родителей и дѣтей, особливо при безсрочности родительской власти.

Это недостатокъ одного пашего тельства. Недостатокъ, общій всѣ законодательствамъ, нашему и др древнимъ и новымъ, — это ошибо новка имущественныхъ отношен дителями и дѣтьми. Въ основан жено, понятному, справедливое дической самостоятельности и ной независимости родителей и чало, которое впервые стали к римляне, а мы, въ нашемъ законо провели послѣдовательно до конц малѣйшихъ подробностяхъ. Въ сн чала, все имущество принадлежа скому праву, на правахъ собстве а дѣтямъ, на тѣхъ же правахъ, отдѣлитъ отецъ, что они сами что имъ достанется отъ матери ронникъ лицъ. Но правильна ли п что все достояніе семейства, кро принадлежитъ женѣ и дѣтямъ, с тельная, личная собственность семейства? Мы думаемъ, что та ошибоченъ и объясняется историч витіемъ семьи. Выше было по первоначально, въ древнѣйшія образованія гражданскаго и госуд быта, существовали лишь незави отъ друга семьи и роды, въ ко какъ въ зародышахъ частной и жизни, нераздѣльно слиты и ч частные элементы. Домоначал вмѣстѣ и первосвященникъ, и властитель семьи и семейнаго собственникъ всего, что семьѣ пр Римляне, первые закрѣпившіе этотъ древнѣйшій бытъ, первые начало личности, индивидуализ Не отдавая себѣ яснаго отчета въ древнѣйшей семьѣ были сли публичные и частные, они пер и построили имущественныя пра политическомъ началѣ древнѣйш него союза. Вслѣдствіе того, им ставшееся семьѣ по наслѣдству ковъ и нажитое совокупнымъ повъ семьи, жены и дѣтей, и вляющее общее семейное дост управляемое главою семейнаго нано исключительною, неограни ственностью одного домоначальн литическая власть истолкована имущественнаго частнаго права лица, и это толкованіе удержало

…и родъ утратили публичныя ха… …гда развилась гражданственность, …на индивидуализмѣ, и сложилось …и государственная власть, въ …средоточилась публичная жизнь. …ядъ перенесенъ и въ новыя европ… …законодательства, лежитъ въ осно… …ешнихъ внутреннихъ распоряд… …членами семьи по имуществу и …къ мы видѣли, и въ русское за… …во, опредѣлявшее, до 1861 года, …тельно, юридическія отношенія …нихъ классовъ русскаго общества. …одныхъ крестьянскихъ массахъ …и до сихъ поръ другой, болѣе …взглядъ на семейное достояніе, …еще не разработанный, но кото… …димому, предстоитъ будущность. …нскимъ понятіямъ, имущество …общее ея достояніе, которое …вляется и завѣдывается домохо… …не составляетъ его личной соб… …ТЬ члены семьи, которые живутъ …на нее работаютъ дома, или на …обзаведясь особымъ хозяйствомъ, …ю часть или долю къ общемъ се… …муществѣ: только заправленіе …имѣетъ семья, какъ и самизи ра… …надлежитъ одному домохозяину. …выходитъ замужъ, или когда сынъ …свое особое хозяйство, имъ вы… …ость изъ общаго семейнаго до… …которое всѣ имѣютъ право, такъ …сть результатъ труда и усилій …ъ семьи. Примѣненіе къ нашей …й семьѣ началъ римскихъ, при… …водъ законовъ, кажется нашимъ …, съ ихъ точки зрѣнія, крайне …вымъ, и нельзя не признать, что …не лишены основанія. Особенно …ется въ глаза неправильное при… …скихъ воззрѣній, когда мѣсто отца …ій домомъ и хозяйствомъ засту… …ъ изъ братьевъ или дядей, т.-е. …ое не соединяетъ въ себѣ, какъ …ть надъ дѣтьми и въ то же время …вающаго общимъ семейнымъ хо… Отецъ, въ крестьянскомъ быту, …ами содержалъ и выходилъ дѣтей, …еще не могли работать: оттого …ъ семейномъ имуществѣ больше …; но этого нельзя сказать о братѣ, …ъ мѣсто отца въ завѣдываніи до… …йствомъ. Поэтому, нельзя при… …знать справедливымъ, когда нотаріусы и суды смотрятъ на домоначальника какъ на собственника семейнаго имущества. Въ народѣ сложились объ этомъ другія понятія, едва ли не болѣе правильныя.

Исторія нашего быта показываетъ, что взглядъ крестьянъ на общее семейное достояніе былъ у насъ когда-то господствующимъ. Понятія о родовомъ имуществѣ, въ отличіе отъ купленнаго, т.-е. пріобрѣтеннаго, указываетъ на то, что наслѣдованное имущество не есть личная собственность того, кому оно досталось, а принадлежитъ всей семьѣ. На то же самое указываетъ и право выкупа родового имѣнія, проданнаго въ чужой родъ. Изъ этого права слѣдуетъ, что семейное достояніе не отчуждаемо по волѣ или личному усмотрѣнію одного изъ членовъ семьи и всегда можетъ быть возвращено другими членами, конечно съ вознагражденіемъ купившаго. Но изъ этого же слѣдуетъ и то, что семейное имущество не составляетъ личной собственности того или другого изъ членовъ семьи, а принадлежитъ всѣмъ сообща, что въ немъ каждый изъ неотдѣленныхъ членовъ семьи имѣетъ свою долю. Началу индивидуализма, лежащее въ основаніи всей современной общественности, разложило этотъ семейный строй. Будущее покажетъ, не должны ли мы будемъ къ нему возвратиться, отбросивъ римскій взглядъ и принявъ за основаніе принадлежность имущества семьѣ, а не главѣ семейства, коллективной единицѣ, а не отдѣльному лицу. Въ примѣненіи къ аналогическому факту, общинному землевладѣнію все болѣе и болѣе выясняется, что прекращеніе его въ личную собственность владѣльцевъ, совершившееся въ древнемъ Римѣ и новыхъ европейскихъ государствахъ, было причиною бѣдствія народныхъ массъ и создало опасный для общества и государства классъ безземельныхъ и бездомныхъ людей. Шаткое положеніе семейнаго союза и семейныхъ отношеній повидимому объясняется такимъ же преобладаніемъ индивидуализма въ современной семьѣ. Болѣе основательное и глубокое знакомство съ условіями индивидуальнаго и соціальнаго существованія людей указываетъ съ большою ясностью и убѣдительностью на крайнюю односторонность индивидуализма и невозможность построить на немъ одномъ правильный частный, общественный и политическій бытъ. Предвидится необходимость, въ болѣе или менѣе отдален-

ближ будущемъ, внести въ соціальныя условія человѣческаго существованія, на равныхъ правахъ съ индивидуализмомъ, начало коллективизма. Въ этомъ направленіи дѣлается уже много, подъ давленіемъ насущныхъ практическихъ потребностей; но въ теоріи, въ доктринѣ, индивидуализмъ все еще признается основнымъ началомъ и исходной точкой всякихъ соціальныхъ и политическихъ построеній, и пройдетъ еще не мало времени, пока онъ будетъ введенъ въ должныя границы, какъ одинъ изъ факторовъ, но не единственный, исключительный факторъ человѣческаго существованія и правильной общественной организаціи. Когда этотъ взглядъ вполнѣ выяснится и получитъ права гражданства, перестроятся на новыхъ началахъ и имущественныя отношенія между членами семьи; семейное достояніе вѣроятно перестанетъ быть исключительною собственностью главы семейства, а будетъ находиться лишь въ его завѣдываніи и управленіи, при участіи взрослыхъ неотдѣленныхъ членовъ семьи, жены, дѣтей и съ извѣстною идеальною долею всѣхъ членовъ семейства, не исключая и малолѣтнихъ, въ наслѣдованномъ и благоприобрѣтенномъ общемъ имуществѣ. Въ какомъ видѣ выработаются эти отношенія, какую получатъ они юридическую форму, объ этомъ теперь еще трудно гадать: это покажетъ будущее.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незаконнорожденные дѣти. Ихъ отношенія къ родителямъ и гражданское положеніе.

Относительно незаконнорожденныхъ дѣтей, правильнѣе сказать — признанныхъ незаконнорожденными, нѣтъ законодательства суровѣе и безпощаднѣе русскаго. Они съ царствованія Николая I-го не могутъ быть узаконены (Зак. гражд., ст. 144 примѣч.), что прежде допускалось въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній и такъ называемаго „привѣнчиванія" — при вступленіи между собою въ бракъ родителей незаконнорожденнаго, который, при совершеніи вѣнчанія, присоединялся къ брачущимся. Отъ теперешняго строгаго закона дѣлались и дѣлаются неоднократныя отступленія, которыя не ослабляютъ тягости общаго правила. Незаконнорожденные, по своду законовъ, не могутъ быть и усыновляемы

ихъ родителями, развѣ послѣ
жать къ мѣщанскому или сель
нію (Зак. гражд., ст. 145 и при
п. 2—ст. 153. Ср. ст. 156, по пр
ясненію сената, судьба дѣтей,
внѣ брака, или до вступленія р
бракъ, отягчена въ сравненіи с
торые родились во время бра
только на послѣднихъ, а не на
пространены сроки, ограничива
опровергать законность рожде
ковскій, разъясн. къ ст. 152, с
смотря на то, сенатъ не могъ
естественной связи незаконнор
своими родителями, когда она
сомнѣнію, или признается самим
ми (Боровиковскій, разъясн. къ
29 и 30). Но законъ вполнѣ
такую связь, запрещаетъ незак
нымъ безусловно носить „имя ф
и исключаетъ ихъ изъ числа
не только послѣ отца, но и
(Зак. гражд., ст. 136. Ср. ст. 140
законъ упоминаетъ о связи межд
рожденнымъ и его родителями,
для неженатаго, прижившаго съ
ребенка, и для изнасиловавшаго
торая отъ того сдѣлалась бере
менность обезпечить, сообразно
состояніемъ, приличнымъ обраще
ніе ребенка и матери (улож. о н
Зак. гражд., ст. 663 и 666),
когда одинъ изъ супруговъ вов
законный и недѣйствительный
номъ или насиліемъ, и отъ
произойдутъ дѣти, то какъ они,
нутый или насиліемъ вовлеченн
ствительный бракъ супругъ,
исключительномъ положеніи, не
безъ явной несправедливости, по
дѣйствіе сурового закона. Въ
чаяхъ участь ихъ повергается
шее усмотрѣніе, и отъ Госуд
опредѣлить личное положеніе
(Зак. гражд., ст. 133).

Всѣ другія законодательства,
римскаго, человѣколюбивѣе и
относятся къ дѣтямъ, неприча
ступку или преступленію родите
имъ жизнь. Во-1-хъ, понятіе о
дѣтяхъ не такъ широко, какъ
да, по своду законовъ дѣти, р
законномъ бракѣ, хотя и зачат
признаются законными, если

случаяхъ его наслѣдниками не
вано противное: зато, по нашему
ьству, дѣти, рожденныя въ не-
ли недѣйствительномъ бракѣ, при-
законнорожденными, тогда какъ
имъ правамъ католическому и про-
ку и по европейскимъ свѣтскимъ
ьствамъ зачатые въ мнимо-закон-
, т.-е. такомъ, въ который супруги
въ убѣжденіи, что онъ законный,
законнорожденными, и только
слѣ того какъ родители узнали.
ихъ незаконный, признаются не-
денными; во-2-хъ, всѣ другія за-
ства, кромѣ нашего, допускаютъ
х узаконеніе отцомъ незаконно-
дѣтей. Самымъ обыкновеннымъ
узаконенія было вступленіе въ
незаконнорожденнаго съ его ма-
чемъ отецъ прямо или молча вы-
знаніе его своимъ сыномъ. Уза-
зъ признаніе дѣтей ихъ отцомъ
ничивалось у римлянъ только за-
мнимо-законномъ бракѣ и дѣтьми
ми (naturales), прижитыми въ
ѣ, и не простиралось на дѣтей,
ть случайнаго соединенія (spurii),
тной женщиной (vulgo concepti,
ъ прелюбодѣянія и кровосмѣше-
вонническое право допустило и уза-
тей послѣднихъ двухъ категорій.
, римское право допускало запре-
насъ, по крайней мѣрѣ закономъ,
рескриптомъ императора, если
ютъ вступить въ бракъ съ своей
и если онъ не имѣлъ законнаго
Желаніе объ узаконеніи такимъ
могло быть выражено въ за-
ѣ которомъ отецъ назначалъ не-
деннаго своимъ наслѣдникомъ. На-
мскимъ законодательствомъ допу-
коненіе посредствомъ такъ назыв.
iae, т.-е. назначеніемъ незаконно-
сына декуріономъ, или выдачею
ожденной дочери замужъ за де-
куріонъ былъ отвѣтственное, го-
муниципальное должностное лицо.
никто не хотѣлъ принимать на
олжность, то и дана упомянутая
, въ видѣ поощренія). Послѣд-
коненія однимъ изъ этихъ спосо-
вступленіе узаконеннаго во всѣ
ложеніе законнорожденнаго.
аніи и Франціи узаконеніе тоже
допущено, но съ различіями и оттѣнками въ способахъ и въ юридическихъ послѣдствіяхъ. По кодексу Наполеона, а частью и въ Германіи, узаконеніе не допускается рескриптомъ государя, а только послѣдующимъ бракомъ, почему не допускается узаконеніе дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, ибо въ этихъ случаяхъ послѣдующій бракъ невозможенъ. Въ Германіи узаконеніе не сообщаетъ узаконеннымъ правъ высшаго привилегированнаго состоянія, ни права наслѣдовать въ имуществахъ ленныхъ и сословныхъ.

И такъ, всѣ законодательства, кромѣ нашего, даютъ возможность, тѣмъ или другимъ способомъ, включить незаконнорожденнаго въ семью, насколько это не вредитъ правамъ другихъ, не относится къ сословнымъ привилегіямъ и самое происхожденіе незаконнорожденнаго обставлено условіями, близко подходящими къ дѣйствительному и законному брачному союзу. Но сверхъ того, въ-3-хъ, иностранныя законодательства снисходительнѣе и человѣколюбивѣе, чѣмъ наше, смотрятъ и на дѣтей незаконнорожденныхъ, не признанныхъ и не узаконенныхъ ихъ отцами. Римское право исходило изъ того начала, что незаконнорожденные (исключая дѣтей, происшедшихъ отъ конкубината) не имѣютъ ни отца, ни родственниковъ съ отцовской стороны, а состоятъ въ кровномъ родствѣ (naturalis cognatio) съ матерью и состоящими съ нею въ когнативномъ родствѣ, т.-е. по кровному родству, а не по гражданскому, агнативному. На этомъ основаніи, незаконнорожденные не состояли подъ отцовскою властью, но имѣли право получать содержаніе (alimenta) отъ восходящихъ родственниковъ со стороны матери. Однако, по мѣрѣ того, какъ древнее родовое устройство приходило въ упадокъ и право наслѣдованія, по преторскому праву, стало опредѣляться не по гражданскому, а по кровному родству, незаконнорожденные получили право наслѣдовать имущество послѣ родственниковъ матери по женской линіи, братьевъ и сестеръ матери по кровному родству, точно такъ же какъ и эти кровные родственники получили такое же право по отношенію къ незаконнорожденнымъ. Мало того: дѣти, прижитыя въ конкубинатѣ, получили нѣкоторыя права по отношенію даже къ отцу, а именно: liberi naturales могли быть узаконены, а Юстиніанъ предоставилъ имъ право требо-

вать отъ отца и его наслѣдниковъ содержанія и, при извѣстныхъ условіяхъ, право наслѣдовать въ ¼ части изъ имѣнія отца. Но права нѣкоторыхъ разрядовъ незаконнорожденныхъ, какъ-то происшедшихъ отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, были впослѣдствіи ограничены.

Въ Германіи, въ средніе вѣка, незаконнорожденные были лишены правъ и опеки семьи, но состояли подъ защитою главы государства, почему и назывались „королевскими дѣтьми". Со введеніемъ римскаго права, положенія его о незаконнорожденныхъ приняты и въ Германіи, но, повидимому, съ распространеніемъ правъ дѣтей, рожденныхъ въ конкубинатѣ, на всѣхъ незаконнорожденныхъ; несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что они получили здѣсь право на содержаніе и воспитаніе отцомъ, а обязанность восходящихъ родственниковъ матери давать имъ содержаніе отошла на второй планъ. Согласно съ началами римскаго права, въ Германіи незаконнорожденные уравнены въ правахъ съ законнорожденными по отношенію къ матери и семейству, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда спеціальный законъ лишаетъ ихъ тѣхъ или другихъ правъ, какъ, напримѣръ, ленное право по отношенію къ леннымъ имѣніямъ, или прусское законодательство по отношенію къ имѣніямъ дворянскимъ. Незаконнорожденные слѣдуютъ состоянію матери и имѣютъ общее съ нею мѣстожительство; на нихъ распространяется также, по мнѣнію многихъ, законная опека матери и бабки. Относительно отца имъ принадлежитъ право на полученіе содержанія и ограниченное право наслѣдованія въ его имуществѣ (право на ¼-ую долю). Такое же право наслѣдованія принадлежитъ и отцу послѣ его незаконнорожденныхъ дѣтей и, кромѣ того, право назначить имъ по завѣщанію опекуна. Но усыновленіе не обращаетъ ихъ въ законныхъ, и признаніе незаконнорожденнаго своимъ ребенкомъ не даетъ ему правъ законнаго.

Таковы правила обще-германскаго права, т.-е. римскаго, въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствуетъ въ Германіи. Въ особенныхъ (партикулярныхъ) законодательствахъ различныхъ государствъ Германіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, замѣтно стремленіе ограничить болѣе или менѣе права незаконнорожденныхъ.

Французское право признаетъ отношеніе между незаконнорожденнымъ и [illegible] его отцомъ обязательнымъ только [illegible] а не для его родственниковъ. [illegible] искъ о признаніи гражданскій [illegible] пускаетъ противъ отца только [illegible] случаѣ, когда мать была похи[illegible] насилована. Но, ограничивая съ [illegible] права незаконнорожденныхъ, [illegible] право опредѣляетъ ихъ нѣкоторы[illegible] пускаетъ ихъ къ наслѣдованію [illegible] особенномъ порядкѣ и при су[illegible] законныхъ наслѣдниковъ: отлич[illegible] законнорожденныхъ, происшедши[illegible] любодѣянія и кровосмѣшенія, от[illegible] правомъ на содержаніе; кромѣ [illegible] коннорожденные ограничены в[illegible] слѣдовать по завѣщанію и въ [illegible] чать подарки отъ отца при его [illegible]

Какъ бы то ни было, но при[illegible] торыхъ связей между незаконно[illegible] и ихъ родителями и родстве[illegible] родителей, не лишающее ихъ [illegible] дающее имъ, не повиннымъ въ [illegible] деніи, хотя бы нѣкоторую опор[illegible] въ томъ возрастѣ, когда человѣ[illegible] въ ней нуждается, гораздо чело[illegible] справедливѣе и согласнѣе съ [illegible] общества и государства, чѣмъ [illegible] отношеніе къ незаконнорожде[illegible] ствующаго русскаго законодате[illegible]

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Семья гражданская, основанная не на кр[illegible] Опека и усыновленіе.

До сихъ поръ мы разсматр[illegible] природную, въ основаніи ко[illegible] физіологическіе факты половог[illegible] и рожденія, и старались объ[illegible] видѣть получаютъ эти факты м[illegible] на различныхъ ступеняхъ р[illegible] двоственнымъ дѣйствіемъ и [illegible] хическои, духовной природы чел[illegible] бованій и нужд, организованна[illegible] Теперь намъ предстоитъ разсм[illegible] шенія, аналогическія съ семейн[illegible] шіеся по ихъ образцу и прогото[illegible] лицами, не связанными между с[illegible] крови. Отношенія такого рода [illegible] суть напоминать лишь совсѣ[illegible] дѣтей и восполнять его недост[illegible]

гражданскихъ отношеній, подобнымъ, нѣтъ и быть не можетъ.

ский искусственный семейный союзъ, естественнаго, кровнаго, созданъ омъ историческаго развитія общей, отчасти насущными практичебностями правильно организованвенности.

ская причина установленія искусемьи скрывается въ законахъ раческихъ общества и права. Повдѣ и всегда закрѣпляетъ и возобязательныя нормы тѣ отношелюдьми, которыя въ данномъ оби данныхъ обстоятельствахъ и съ господствующихъ въ этомъ обятій, взглядовъ и степени развигуры, признаются наиболѣе споановить правильное сожительство. елъ всѣхъ учрежденій частнаго го права, послѣдовательно смѣъ исторіи; они не только закрѣто было, но имѣетъ съ тѣмъ, приование и точку отправленія то, старались существующее примѣародившимся новымъ потребноечь изъ него практическую польможно лучшаго устройства общей.

наченіе и древнѣйшихъ родовыхъ къ учрежденій. Они не представъ древнихъ семей и родовъ въ редственномъ, такъ сказать сыромъ ъ юридической обдѣлкѣ, въ видѣ ыхъ юридическихъ нормъ, въ основыхъ лежитъ предшествовавшая , дикая семья и родъ, но уже въ , болѣе или менѣе правильныхъ, ъ отношеніяхъ съ другими родами. Выше и дальше родовыхъ и отношеній тогдашніе люди не тому положили ихъ въ основаніе нной общественности, стараясь ихъ ъ потребностямъ нарождавшейся ьности. Но, обратившись разъ въ ательныя юридическія нормы, серодовыя отношенія мало-по-малу о измѣнялись. Рядомъ съ фактомъ норма этого факта, которую она себѣ подчинить, установитъ въ другомъ видѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ поличіе между фактами подходящихходящими подъ норму. Юридическразвившійся изъ родового и семейнаго быта, не совпадалъ съ тѣмъ же самымъ бытомъ, какимъ онъ являлся на фактѣ, въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, рядомъ съ семейными и родовыми отношеніями дѣйствительными, образовались юридическія нормы родовыхъ и семенныхъ отношеній, которыя могли и не совпадать съ дѣйствительными, расходиться съ ними. Вотъ въ этомъ-то различеніи факта съ нормой, изъ него же развившейся, и лежитъ зародышъ семьи гражданской, искусственной, въ отличіе отъ семьи кровной, естественной, по образцу и прототипу которой первая сложилась.

Вторая причина возникновенія гражданской семьи лежитъ, какъ сказано, въ чисто практическихъ потребностяхъ. Исторически сложившаяся гражданская или юридическая семья, съ возникновеніемъ и развитіемъ гражданственности и совершенно измѣнившимися, вслѣдствіе того, понятіями и отношеніями людей, мало-по-малу ослабѣла и разрушилась; но практическія нужды, вынудившія создать и поддерживать искусственную семью, остались и дѣйствуютъ по сіе время, почему она и упрочилась во всѣхъ законодательствахъ до нашего времени и останется въ нихъ навсегда, какъ необходимая принадлежность всякой благоустроенной общественности. Главнѣйшая изъ практическихъ причинъ, создавшихъ искусственную семью, заключается въ неотложной потребности замѣнить чѣмъ-нибудь семью для тѣхъ, которые ея не имѣютъ, но въ ней нуждаются,—именно для дѣтей и несовершеннолѣтнихъ. Пока человѣкъ не возмужалъ и не сдѣлался способенъ стать на свои ноги, необходимо, чтобы кто-нибудь объ немъ заботился, его содержалъ и воспитывалъ физически, умственно и нравственно. Въ естественномъ порядкѣ, заботы такого рода лежатъ на отцѣ и матери; но когда, по той или другой причинѣ, у непришедшаго въ возрастъ нѣтъ ни отца, ни матери, или они, почему-либо, не могутъ воспитывать своихъ дѣтей и прилагать къ нимъ заботы, необходимо замѣнить ихъ кѣмъ или чѣмъ-либо другимъ, и эта замѣна и создастъ искусственную семью. Другой, рѣже встрѣчающійся, менѣе настоятельный, но не менѣе естественный поводъ къ установленію искусственной семьи представляетъ обратный случаю тому, который представленъ выше. Естественное послѣдствіе брака есть рожденіе дѣтей. Безъ дѣтей семья не полна. Многіе супруги это ощущаютъ. Въ низшихъ клас-

сахъ, живущихъ и кормящихся работой, тѣми необходимы какъ работники. Когда ихъ нѣтъ, оказывается потребность замѣнить ихъ чужими, заступающими мѣсто природныхъ. Это тоже создаетъ семью искусственную, гражданскую, заступающую мѣсто природной, кровной. Первой изъ указанныхъ потребностей удовлетворяетъ опека и попечительство, второй—усыновленіе.

Мы должны разсмотрѣть, во-1-хъ, семью юридическую, гражданскую, какъ исторически сложившееся общественное учрежденіе, свойственное той ступени развитія, которая предшествуетъ періоду гражданственности: во-2-хъ, опеку и попечительство, и въ 3-хъ,—усыновленіе.

Отд. 1. Семья гражданская, какъ общественное учрежденіе.

Такая семья существовала у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ, до установленія гражданскаго общества, но нигдѣ она не получала такого точно опредѣленнаго юридическаго характера, какъ у римлянъ, и нигдѣ не сохранилась такъ живо въ воспоминаніяхъ, даже до позднѣйшаго времени, какъ у нихъ. Поэтому, чтобъ составить себѣ ясное понятіе о семьѣ гражданской, будетъ совершенно достаточно указать на особенности, отличающія римскую семью отъ современной европейской. Особенности эти заключаются въ томъ, что въ первой, т.-е. въ римской семьѣ, отношенія, имѣвшія первоначальнымъ источникомъ кровныя связи, превратились въ юридическія и въ этомъ видѣ до того разошлись съ своимъ первообразомъ, что нерѣдко шли съ нимъ въ разрѣзъ и становились въ очевидное противорѣчіе. Напротивъ, въ современной семьѣ кровныя связи и естественныя отношенія, изъ нихъ возникающія, приняты въ основаніе семейнаго устройства и законодательныхъ опредѣленій. Переворотъ этотъ подготовленъ уже въ Римѣ постепеннымъ разложеніемъ юридической семьи и развитіемъ гражданскаго общества; но только у новыхъ народовъ онъ совершился вполнѣ, вслѣдствіе устраненія древняго политическаго значенія семьи и преобладанія сильно и прочно установившейся общественной и политической жизни, сдѣлавшей политическій и юридическій характеръ семьи ненужнымъ для правильно устроеннаго общежитія.

Выше было показано, что римская семья была построена на власти домовладыки надъ женою, дѣтьми и рабами. Эта власть простиралась не только на нихъ, но и на тѣ, которые отъ нихъ происходили и вступали въ составъ семьи. Такихъ [illegible] внутри общественной единицы, какъ ставилась семья, не было никого, не состоялъ подъ властью домовладыки. Каждый принадлежалъ къ какой-нибудь или въ качествѣ состоящаго подъ домоначальника, или облеченнаго властью. Отсюда было послѣдовательно ведено, что всѣ свободные римляне, пользующіеся правами римскихъ гражданъ, раздѣлялись, по своему семейному положію, на людей самостоятельныхъ (sui juris) или подвластныхъ (alieni juris). Самостоятельный есть, тѣмъ самымъ, человѣкъ, облеченный властью, хотя бы никого подвластныхъ не было. Въ такомъ положеніи могли находиться даже дѣти послѣ смерти отца: вышедши изъ подъ отеческой власти, они становились sui juris, а не иными отеческою властью, у которой были подвластныхъ. Только женщины не могли быть sui juris, потому что прототипъ человѣка sui juris былъ домовладыка, а могъ быть только мужчина, а не женщина.

По своему происхожденію, власть домовладыки принадлежала отцу надъ чадами и домочадцами, къ которымъ причислялась и жена. Но, получивъ юридическій характеръ, эта власть отрѣшилась отъ крови. Каждый, выходившій изъ подъ власти одного домоначальника и поступавшій подъ власть другого, разрывалъ всякую связь съ первымъ и его семьею и становился членомъ семьи второго, вступалъ въ родство [illegible] ское родство съ нимъ и съ его семьею. Одинъ самостоятельный человѣкъ могъ [illegible] власть другого, такого же самостоятельнаго, даже отецъ подъ власть сына, и тотъ могъ вступить съ нимъ въ гражданское родство, не имѣвшее съ кровнымъ рѣшительно общаго.

Подобно отеческой власти и гражданское родство представляло рѣзкое различіе отъ кровнаго. Гражданское родство первоначально тоже возникло очевидно изъ кровнаго родства между лицами, происходящими отъ одного лица, и между нимъ и тѣми, которые отъ него произошли. Но превратившись въ юридическое, это родство перестало совпадать съ кровнымъ, разошлось съ нимъ. Гражданскіе родственники назывались адгнатами считались тѣ, которые находились

отношеніяхъ семейной власти и
ей, и также тѣ, которые были
власти одного домоначальника,
ѣмъ уже не былъ въ живыхъ. Не
нять, что такое родство могло не
кровнымъ родствомъ ничего обща-
съ нимъ въ разрѣзѣ. Дѣвушка,
мужъ, переставала быть въ агнат-
ленами семейства, въ которомъ ро-
вступала въ агнатство съ чужими,
мьѣ, куда она выходила замужъ;
рый разрывалъ связь агнатства съ
й, къ которой принадлежалъ по
и соединялся агнатствомъ съ чле-
йства, въ которомъ былъ усынов-
я и былъ этимъ людямъ совсѣмъ
натство, какъ основанное на власти
ьника и подчиненія ей, совершенно
родство по женской линіи и могло
впадать (хотя, какъ мы видѣли, да-
сегда совпадало) съ родствомъ по
-линіи. Внукъ не былъ агнатомъ
всѣ и родственникамъ по матери, а
томъ своей бабкѣ по отцу, и родъ
мъ послѣдняго, да и то до тѣхъ
ръ, пока онъ самъ или они не по-
подъ власть другого домоначальника.
съ образованіемъ и усиленіемъ
венности, древній семейный и ро-
ъ утратилъ свое общественное и
вое значеніе, гражданская семья,
рое родство потеряли всякій смыслъ.
имъ выступило родство кровное,
—связь, опредѣляемая узами крови,
ластностью домовладыкѣ. По срав-
гражданской семьей, такое возвра-
ественнымъ семейнымъ узамъ ихъ
атемненнаго и заслоненнаго семьей
вой и гражданской, было успѣхомъ.
ло успѣхомъ, что изъ-за нея за-
ересы общества, и что кровное род-
о однимъ изъ главнѣйшихъ началъ
дѣленія имущественныхъ отноше-
у уходящими и нарождающимися
ми. Надобно впрочемъ замѣтить,
й ходъ развитія представляется
знятымъ и естественнымъ въ древ-
ствѣ, въ которомъ индивидуализмъ
на разныхъ степенях старинного семей-
дового быта, и гдѣ вся общественная
изація сосредоточивалась почти ис-
ючительно въ одной государственной влас-
ти, когда политическая сторона на-
сильно вполнѣ выработана и упро-
чена, когда на первый планъ выступило пра-
вильное устройство общественной жизни въ
интересахъ всѣхъ, когда, вслѣдствіе того,
публичные элементы и мотивы проникли во
всѣ подробности ежедневнаго быта и взаим-
ныхъ отношеній людей, кровное родство не
можетъ уже играть той роли, какую играло
прежде, и вліяніе началъ кровнаго родства
должно быть, рано или поздно, ограничено
ближайшимъ кругомъ тѣсныхъ семейныхъ от-
ношеній, къ которомъ ему, по его природѣ,
суждено всегда сохранять значеніе и дѣй-
ствіе. Подробнѣе эта мысль будетъ развита
при изложеніи родства и наслѣдственнаго
права.

Отд. 2. Опека и попечительство.

Подъ опекой и попечительствомъ смѣши-
ваются обыкновенно учрежденія, совершенно
между собою различныя. По своему прин-
ципу, опека и попечительство замѣняютъ
семью для тѣхъ малолѣтнихъ и несовершен-
нолѣтнихъ, которые, по той или другой при-
чинѣ, лишились отца и матери и, по своему
возрасту и развитію, требуютъ заботы о себѣ
и надзора. Въ этомъ смыслѣ, опека и попе-
чительство есть искусственная замѣна, для
малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, отца
и матери, гражданское возстановленіе недо-
ставшихъ старшихъ членовъ семеннаго союза,
въ интересахъ подрастающихъ поколѣній и
гражданскаго общества. Но такъ какъ на
отцѣ и матери лежатъ, по естественному за-
кону, содержаніе и воспитаніе дѣтей и завѣ-
дываніе ихъ матеріальными интересами, то
впослѣдствіи, съ успѣхами гражданственности,
опека и попечительство расширились далеко
за предѣлы ихъ первоначальнаго назначенія
и распространены на всѣ тѣ случаи, когда,
по самымъ разнообразнымъ причинамъ, лицо,
подобно малолѣтнимъ или несовершеннолѣт-
нимъ, неспособно заботиться о самомъ себѣ
и дѣйствовать самостоятельно и свободно,
или когда, по тому или другому основанію,
завѣдываніе и управленіе имуществомъ пере-
ходитъ, по распоряженію публичной власти,
изъ рукъ того, кому принадлежитъ право за-
вѣдыванія и управленія, къ другимъ лицамъ.
Таковы: опека надъ безумными и сумасшед-
шими съ одной стороны, а съ другой надъ
расточителями, надъ имѣніемъ безвѣстно-
отсутствующихъ, несправныхъ должниковъ
и т. п. Эти виды опеки и попечительства
лежатъ уже внѣ круга предметовъ семеннаго
права и, служа лишь восполненіемъ дѣйстви-

тельнаго или только предполагаемаго недостатка дѣеспособности, должны быть излагаемы въ ученіи о лицахъ и въ ученіи объ имуществахъ и цѣнностяхъ, а возникающія изъ опеки и попечительства юридическія отношенія—въ ученіи объ обязательствахъ.

Но и опека и попечительство, въ смыслѣ замѣны родителей, все болѣе и болѣе отпадаютъ отъ семейнаго права, по мѣрѣ постепеннаго существеннаго измѣненія взгляда на семью и на отношеніе родителей къ дѣтямъ. Пока семья и семейныя отношенія лежали въ основаніи общественнаго и политическаго быта, опека и попечительство естественно примыкали къ семейному праву; но съ упадкомъ юридической семьи и развитіемъ гражданственности, самое значеніе семенныхъ отношеній, какъ мы видѣли, существенно измѣнилось. У новыхъ народовъ, родительская власть ограничена предѣлами совершеннолѣтія и есть скорѣе обязанность содержать и воспитывать дѣтей, подъ контролемъ публичныхъ, общественныхъ элементовъ, чѣмъ право и власть. Съ признаніемъ полной правоспособности дѣтей и имущественной равноправности ихъ съ родителями, родительская власть все болѣе и болѣе переходитъ въ опеку и попечительство, и тѣмъ только отъ нихъ и отличается, что опекунами и попечителями являются не посторонніе лица, а сами родители, но съ такою же отвѣтственностью передъ общественною и государственною властью, какъ и посторонніе лица. Въ русскомъ законодательствѣ, строго послѣдовательно проводящемъ имущественную раздѣльность родителей и дѣтей, первые назначаются опекунами послѣднихъ, какъ только дѣти становятся обладателями собственнаго имущества; слѣд., въ этомъ отношеніи, родительская власть прямо сводится на опекунскую и ставится подъ контроль публичной власти. Остается, затѣмъ, власть личная; но, въ извѣстныхъ случаяхъ, опека, и при живыхъ родителяхъ, выбирается вмѣстѣ съ ними и постороннимъ лицамъ: съ огромнымъ, все усиливающимся развитіемъ публичнаго воспитанія и обязанностей передъ обществомъ, личная власть родителей болѣе и болѣе ограничивается; государственныя потребности, какова, напримѣръ, потребность въ войскѣ, вынуждаютъ государство распоряжаться молодыми людьми, достигшими совершеннолѣтія, сообразно съ своими надобностями, и тѣмъ, на фактѣ, ограничить личную власть родителей; наконецъ, власть стратегическая и судебная, во многихъ случаяхъ, и по самымъ разнообразнымъ поводамъ, бываетъ вступаться во взаимныя личныя отношенія родителей и дѣтей. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, показываютъ, что родительская власть, на самомъ дѣлѣ, и личная власть родителей надъ дѣтьми все болѣе и болѣе регулируется, вводится въ извѣстные предѣлы, становится подъ контроль публичной власти и тѣмъ сближается съ опекунской и попечительской.

Изъ сказаннаго выясняется значеніе опеки и попечительства. Пока юридическая семья составляла основаніе общежитія и общественность была слабо развита, опека и попечительство являются дополненіемъ существующихъ семейныхъ связей и принадлежатъ къ семейному праву. Такими они и были въ древнемъ римскомъ правѣ. Но по мѣрѣ того, какъ развивается и усиливается общественность, замѣчается обратное явленіе: опека и попечительство получаютъ все болѣе и болѣе публичный характеръ и служатъ образцомъ и прототипомъ, по которому формируется власть родителей надъ дѣтьми. Этотъ характеръ опека получаетъ уже въ римскомъ правѣ, въ періодъ его полнаго развитія, но окончательно въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ.

Излагая семейное право, мы отразимъ разсмотрѣніемъ опеки и попечительства, сколько они примыкаютъ къ семьѣ, какъ къ пополненію попеченія и заботливости родителей въ личномъ и имущественномъ ихъ. Какъ мѣры гражданскія и восполняющія отсутствіе или недостатокъ личной и имущественной дѣеспособности, опека и попечительство имѣютъ значеніе и относятся къ другой части юридическихъ наукъ. Что касается до дѣтей, не имѣющихъ ни родителей, ни родственниковъ, то попеченіе о нихъ, до совершеннолѣтія, составляетъ особую отрасль общественной благотворительности и не входитъ въ составъ административнаго и полицейскаго права.

Какъ составная часть семейнаго права, опека является выработаннымъ уже у римлянъ. При преобладаніи родовыхъ элементовъ и юридической семьи и при слабомъ развитіи гражданственности, опека, подломъ семей и родовъ, тѣмъ болѣе

одъ властью домоначальника не
ственнаго имущества. Опекунами
ато подъ властью (sui juris), до его
лѣтія, были агнаты, которые при-
ъ опекѣ въ томъ же порядкѣ и
ельности, въ какомъ бы наслѣдо-
ѣ несовершеннолѣтняго, еслибъ
Въ случаѣ недостатка агнатовъ,
ходила къ членамъ рода, такъ
мъ случаѣ онъ наслѣдовалъ. Такъ
хъ поръ пока, рядомъ съ наслѣ-
но закону, не появилось наслѣдо-
завѣщанію. Когда въ индивидуали-
юнь семьи былъ сдѣланъ этотъ
гъ, стало возможнымъ и назначе-
въ завѣщательномъ распоряже-
способъ установленія опеки вы-
ое болѣе и болѣе впередъ. Вмѣ-
публичной власти въ дѣла опеки
все не существовало.
ственно съ всей бытовой обста-
асть и кругъ дѣятельности опе-
въ началѣ совсѣмъ не то, что
ми. Дѣйствія опекуна контролиро-
публичною властью, а сородичами.
была неограниченная: онъ былъ
бственникъ имущества опекаемаго,
алъ мѣсто домовладыки: онъ со-
дѣлки, велъ процессы отъ своего

въ законахъ XII таблицъ видны
еобразованія этихъ древнѣйшихъ
Завѣщаніями стали назначаться
представители публичной власти—
онсулы, что указываетъ на упа-
ія къ агнатамъ. Появляется право
нивъ опекуна, но не прежде какъ
ніи опеки, за похищеніе вещей,
ащихъ несовершеннолѣтнему: на-
явилось смѣщеніе неблагонадеж-
на публичною властью, по осно-
требованію любого римскаго гра-
Прежде право смѣщать опекуна
ало самой семьѣ и роду, и въ
осилось, главнымъ образомъ, къ
назначавшимся по завѣщаніямъ.
же какъ право жалобы вѣроятно
ало лишь членамъ рода или семьи.
щимъ усиленіемъ публичной власти,
ала принадлежать власть изслѣдо-
надежность опекуна не только по
и по собственной иниціативѣ.
опекуны стали назначаться госу-
ю властью, сперва въ томъ случаѣ,
когда у малолѣтняго возникала тяжба съ опекуномъ, а позднѣе въ этомъ случаѣ назначался особый кураторъ для возникшей тяжбы, или одинъ для всѣхъ тяжбъ между малолѣтнимъ и опекуномъ, и при томъ по просьбѣ малолѣтняго, къ которой преторъ могъ потомъ его принудить. Этимъ сдѣланъ былъ еще шагъ въ подчиненіи опеки контролю публичной власти. Мало-по-малу вошло въ практику вмѣшательство, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, публичной власти и въ назначеніе опекуновъ. Но такіе опекуны были назначаемы для извѣстнаго дѣла или рода дѣлъ: на основаніи изданнаго впослѣдствіи закона (L. Atilia), публичной власти предоставлено назначать постоянныхъ опекуновъ, когда малолѣтніе ихъ вовсе не имѣли, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, которыя имѣли право указывать кандидатовъ. Опекунами могли быть назначаемы публичною властью и лица, состоявшія подъ отеческою властью; это показываетъ, что публичный характеръ опекунской должности выступалъ все болѣе и болѣе впередъ, такъ какъ взрослые, подчиненные отеческой власти, не имѣли гражданской правоспособности, но имѣли политическую. Женщины, какъ состоявшія подъ вѣчною опекой, сначала тоже не могли быть призываемы къ опекѣ; но при императорахъ это право предоставлено матери и бабкѣ, съ преимуществомъ передъ другими законными опекунами.

Дальнѣйшее усиленіе и расширеніе публичной власти по дѣламъ опекунскимъ выразилось въ томъ, что она стала назначать опекуновъ не только къ тѣмъ малолѣтнимъ которые ихъ вовсе не имѣли, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-либо временная причина мѣшала опекуну вступить въ должность. Замѣна правительственными опекунами допущена сперва только по отношенію къ опекунамъ, назначеннымъ по завѣщанію, позднѣе и къ тѣмъ, которые были опекунами по закону.

По мѣрѣ того, какъ опека принимала такимъ образомъ все болѣе и болѣе публичный, общественный характеръ, вырабатались основанія, по которымъ можно было отказываться отъ обязанности принять эту должность, а также условія, при которыхъ то или другое лицо не могло быть опекуномъ. Значеніе опекуновъ по закону все болѣе и болѣе падало. Съ нихъ стали требовать особаго обезпеченія, безъ чего они или не до-

пускались къ опекѣ, или вовсе отъ нея устранялись. Опекуны по завѣщанію предпочитались имъ, не давали обезпеченія, и если ихъ право быть опекунами представляло формальныя затрудненія, то они утверждались публичною властью. Наконецъ, не только назначеніе, но и самая дѣятельность опекуна поставлена была въ зависимость отъ публичной власти и подчинена правиламъ, ограничившимъ и опредѣлившимъ его права, обязанности и отвѣтственность.

Съ распространеніемъ контроля публичной власти на опекунскія дѣла, появляется (въ силу l. Plaetoria) особый видъ опеки—попечительство (cura). Молодые люди, вышедшіе изъ опеки (14 –15 лѣтъ), но не достигшіе 25-тилѣтняго возраста, нерѣдко подвергались обманамъ и вовлекались въ невыгодныя сдѣлки. Хотя такія сдѣлки и сохраняли свою силу, но если кто-либо вчинялъ по нимъ искъ, то виновный подвергался денежному штрафу. Такая отвѣтственность отпадала, если недостигшій 25-ти лѣтъ, на случаи заключенія сдѣлки, испрашивалъ себѣ у публичной власти особаго попечителя и вступалъ въ сдѣлку съ его согласія. Только къ важнѣйшимъ сдѣлкамъ, займу, продажѣ недвижимости и т. п., привлекался кураторъ; для мелкихъ въ немъ не было надобности. Позднѣе, публичная власть стала отмѣнять сдѣлки, невыгодныя для молодыхъ людей, и возстановлять ихъ первоначальное юридическое положеніе, какое было до сдѣлки (restitutio in integrum). Попечительство, въ періодъ императоровъ, развилось и упрочилось. Создана была особенная должность куратора. Каждый, не достигшій 25-ти лѣтъ, долженъ былъ имѣть по всѣмъ имущественнымъ дѣламъ постояннаго попечителя, до вступленія въ 25-тилѣтній возрастъ. О назначеніи попечителя долженъ былъ просить самъ несовершеннолѣтній, но никто не могъ его къ тому принудить. Однако должность попечителя мало чѣмъ отличалась отъ должности опекуна: онъ управлялъ имуществомъ лица, состоящаго подъ попечительствомъ, велъ его процессы, принималъ уплаты по долгамъ, отчуждалъ имѣніе; безъ согласія попечителя нельзя было отчуждать имѣнія. Состоящій подъ попечительствомъ, кажется, не могъ также вступать въ доли. При утвержденіи попечителя публичная власть удостовѣрялась въ его личныхъ качествахъ, какъ и при утвержденіи опекуновъ, смѣщала неблагонадежныхъ и проч. (Муромцевъ, с. 415 –429).

Несмотря на то, что публичный характеръ опеки выс… болѣе и болѣе, онъ не достигъ въ … правѣ, полнаго развитія, исключ… публичные, общественные элемент… греко-римскомъ мірѣ слабо предста… того опека, несмотря на вмѣша… конодательства и публичной вла… нила у римлянъ, до конца, частно… ное значеніе. Общаго надзора … нами не было, какъ не было особ… наго учрежденія, завѣдывавшаго … дѣлами. Публичная власть не назна… куновъ отъ себя, а по предложени… которые, съ упадкомъ семейнаго … быта, объ этомъ мало заботились. … ставить ихъ внимательнѣе отно… нуждамъ ихъ родственниковъ-сирот… грозилъ имъ потерею правъ насл… Затѣмъ, опекунъ, во все продолже… оставался безъ надзора и контроля … по окончаніи опекунства отдавал… лицу, состоявшему подъ его опекой … наслѣдникамъ, и долженъ былъ от… редъ ними. Подобно также … вмѣшательство публичной власти о… даже по законодательству Юстиніа… нымъ образомъ, къ имуществу; что … личности состоящаго подъ опекой … лоръ оставался за совѣтомъ родст… Только въ новыхъ законодательст… получила характеръ публичнаго … и въ этомъ значеніи въ особенно… талась въ Германіи и преимуще… Пруссіи; во Франціи она все еще … тельной степени сохранила черты … учрежденія и болѣе примыкаетъ … ному праву.

Въ Германіи преобладающій пу… рактеръ опеки развился изъ шир… тія о защитѣ королемъ всѣхъ, кто … защищаться. Эта охрана короля … никовъ простиралась и на состоя… опекою. Отсюда выработался … верховный надзоръ государя надъ … и правительственная опека. Попеч… лѣтнихъ отнесено къ обязанност… которая одна можетъ допустить … отправленію своихъ обязанностей … его къ присягѣ и наблюдаетъ за … реніями. Такому взгляду остал… Пруссія, гдѣ опекунъ былъ уполно…

, и опека стала вполнѣ обществен-
остью, подъ руководительствомъ
номъ 5 іюля 1875 года власть опе-
олько расширена, и устроенъ изъ
ицины сиротскій совѣтъ, для над-
спитаніемъ состоящихъ подъ опе-
ъ нѣсколько смягчился строго и
чиновническій характеръ опеки въ

ціи, какъ сказано, опека имѣетъ
йный характеръ и съ этой сто-
е къ воззрѣніямъ римскаго права.
у Наполеона, надзоръ за опекой
мейному совѣту, состоящему изъ
ъ родственниковъ, подъ предсѣда-
мирового судьи. Только въ важ-
лучаяхъ нужно утвержденіе суда
станціи. Наконецъ, по всѣмъ судеб-
мъ, касающимся состоящихъ подъ
ребуется заключеніе прокуратуры.
дѣла по опекамъ разематриваются
ыя, а не публичныя, и предостав-
ной иниціативѣ.

емъ законодательствѣ опека мало-
несовершеннолѣтнихъ учрежденіе
ово новое (съ 1775 г. по учрежд.
характеръ ея еще не вполнѣ вы-
авно уже задуманное преобразо-
ской части, находящейся въ очень
ъ положеніи, все откладывается, и
тоится, то едва ли приведетъ къ
ъ результатамъ, такъ какъ пред-
или добрые нравы въ обществѣ,
ло развитую и устроенную боро-
у насъ, въ обоихъ отношеніяхъ,
ще многаго желать.

ванаго видно, что опека имѣетъ
различныхъ сторонъ, которыми
я къ различнымъ частямъ права.
ѣна родителей, опека входитъ со-
частью въ семейное право; какъ
, имѣющее публичный характеръ
, опека есть предметъ права обще-
или публичнаго. наконецъ, опе-
упая лицо малолѣтняго, управляя
ствомъ, дѣйствуя его именемъ, ста-
ь юридическія отношенія какъ съ
ъ и съ посторонними лицами, изъ
каютъ обязательства имуществен-
ктера и свойства. Во всѣхъ этихъ
хъ она и должна быть разсмотрѣна.
ложеніе опеки и попечительства.
оустроить подъ опекою и попечи-
?

Какъ учрежденіе, примыкающее къ семей-
ному праву, опека, по своему назначенію,
восполняетъ для малолѣтнихъ недостатокъ
фактической способности управлять своимъ
лицомъ, завѣдывать и распоряжаться своимъ
имуществомъ. Въ естественномъ порядкѣ, та-
кое восполненіе принадлежитъ отцу и матери,
на которыхъ лежитъ забота о воспитаніи и
имущественныхъ интересахъ дѣтей. Пока
гражданская жизнь не развилась и сосредо-
точивается въ семьяхъ и родахъ, только не-
достатокъ родителей вызываетъ необходи-
мость замѣны ихъ опекунами; но съ упад-
комъ родовыхъ и семейныхъ формъ обще-
ственнаго быта и соотвѣтственнымъ тому
образованіемъ и усиленіемъ гражданствен-
ности и публичной власти, случаи замѣны
родителей опекунами естественно появляются
не только тогда, когда у малолѣтнихъ нѣтъ
обоихъ родителей или одного изъ нихъ, но
и тогда, когда послѣдніе, по той или другой
причинѣ, не могутъ или оказываются неспо-
собными отправлять, относительно малолѣт-
нихъ, лежащія на нихъ обязанности. Съ даль-
нѣйшей индивидуализаціей членовъ семейства,
когда гражданская правоспособность, личная
и имущественная, признается и за дѣтьми и
установляется, какъ, напримѣръ, въ нашемъ
законодательствѣ, начало полной имуществен-
ной раздѣльности родителей и дѣтей и пол-
ной имущественной самостоятельности по-
слѣднихъ, вводится начало, что малолѣтніе,
лишенные дѣеспособности, но имѣющіе свое
особое отъ родителей имущество, хотя бы ро-
дители и были живы, ставятся, въ имуще-
ственномъ отношеніи, подъ охрану опеки,
вѣряемой опекунамъ, подъ контролемъ пу-
бличной власти, безъ различія, будутъ ли
опекунами назначены родители малолѣтняго
или посторонніе лица. Такимъ образомъ,
опека, въ современныхъ законодательствахъ,
не только замѣняетъ для малолѣтнихъ недо-
статокъ родителей, одного или обоихъ, но
учреждается и въ тѣхъ случаяхъ, когда ро-
дители, по какой-либо причинѣ, не могутъ
отправлять относительно дѣтей лежащихъ на
нихъ обязанностей, или когда малолѣтніе
имѣютъ собственное, имъ принадлежащее
имущество.

Отъ полной замѣны дѣеспособности, какою
является опека, наши и нѣкоторыя европей-
скія законодательства отличаютъ такъ назы-
ваемое попечительство (curatel), установляе-
мое для несовершеннолѣтнихъ, начиная съ

17-тилѣтняго возраста и до полнаго совершеннолѣтія. Разница между опекой и попечительствомъ заключается въ томъ, что малолѣтній не можетъ самъ совершать никакихъ юридическихъ дѣйствій; ихъ, вмѣсто него, совершаетъ его опекунъ; напротивъ, совершеннолѣтній дѣйствуетъ юридически самъ, но въ ограждение его интересовъ, нѣкоторыя его дѣйствія, для того чтобы быть дѣйствительными и для него обязательными, могутъ быть совершаемы не иначе, какъ съ согласія на нихъ попечителя. По своду законовъ, къ такого рода дѣйствіямъ относятся: 1) дѣланіе долговъ; 2) выдача письменныхъ обязательствъ; 3) совершеніе актовъ и сдѣлокъ какого-либо рода; 4) распоряженіе капиталами, находящимися гдѣ-либо въ обращеніи; 5) полученіе капиталовъ обратно изъ кредитныхъ установленій (Зак. гражд., ст. 220). Кассаціонный сенатъ разъяснилъ, что несовершеннолѣтній можетъ, безъ согласія попечителя: 1) искать и отвѣчать на судѣ; 2) отчуждать движимость (кромѣ, конечно, той, которою по закону не можетъ распоряжаться); 3) пріобрѣтать движимость на наличныя деньги; 4) дозволять отдачу своихъ вещей (?) въ залогъ; 5) получать проценты съ своего капитала и вообще причитающіяся ему по имѣнію деньги; 6) уничтожать довѣренность на управленіе его дѣлами (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 220 § 6, стр. 49). Толкованіе, данное кассац. сенатомъ попечительству, нельзя назвать вполнѣ удачнымъ; оно слишкомъ придерживается буквы закона и недостаточно обращаетъ вниманія на его цѣль и намѣреніе. Законъ, очевидно, имѣетъ въ виду оградить несовершеннолѣтняго отъ необдуманныхъ и невыгодныхъ распоряженій своими дѣлами и имуществомъ, и потому требуетъ, чтобы такія распоряженія дѣлались не иначе, какъ съ согласія попечителя. Вслѣдствіе того, невозможно провести, по объективнымъ признакамъ, какъ пытается кассац. сенатъ, строгую разграничительную черту между юридическими дѣйствіями, которыя несовершеннолѣтній можетъ и которыхъ онъ не можетъ совершать безъ согласія попечителя. Между перечисляемыми сенатомъ дѣйствіями, на которыя будто бы ненужно согласіе попечителя, многія могутъ нанести несовершеннолѣтнему чувствительный ущербъ, и какъ по духу, такъ и по буквѣ закона, требуютъ, для своей дѣйствительности, согласія попечителя.

Большинство европейскихъ законода-

тельствъ, находя въ римскомъ [illegible] лишь формальное различіе, по [illegible] жду опекой и попечительствомъ [illegible] и удержали одну опеку для [illegible] несовершеннолѣтнихъ. Нѣкоторые [illegible] гаютъ сдѣлать также и у насъ, [illegible] это будетъ правильно. У насъ [illegible] чительство обозначаютъ различ[illegible] недостатка дѣеспособности, опек[illegible] личнымъ возрастамъ. До 17-ти [illegible] нѣкъ признается вовсе неспособ[illegible] дическимъ дѣйствіямъ, ихъ сов[illegible] его интересахъ, по собственному [illegible] вовсе его не спрашиваясь, опеку[illegible] дѣлахъ предоставленной ему зак[illegible] Послѣ 17-ти лѣтъ, до наступленія [illegible] лѣтія, человѣкъ считается уже [illegible] совершать юридическія дѣйствія [illegible] усмотрѣнію; но въ ограждение [illegible] совъ, важнѣйшія изъ нихъ треб[illegible] сія или одобренія попечителя, бе[illegible] дѣйствительны, т.-е. необязател[illegible] совершеннолѣтняго. Вдаваясь въ [illegible] можно утверждать, что по см[illegible] всѣ юридическія дѣйствія, совер[illegible] совершеннолѣтнимъ безъ согласія [illegible] обязательны для несовершеннол[illegible] сторонихъ лицъ, если такія д[illegible] несли первому матеріальную по[illegible] году. На это указываютъ и разъясн[illegible] сената, который находитъ, что [illegible] крѣпостные, совершенные не о[illegible] а на имя малолѣтняго, полноц[illegible] цомъ, дѣйствительны, и что вос[illegible] дѣйствительность сдѣлки, совер[illegible] вершеннолѣтнимъ, безъ согласія [illegible] въ правѣ ссылаться лишь самъ н[illegible] лѣтній, или преемникъ его пр[illegible] ковскій, разъясн. къ ст. 218 и [illegible] 47 и 50).

2) Кто можетъ быть опекуно[illegible] телемъ?

Опекунъ и попечитель, какъ [illegible] няющіи родителей и облеченны[illegible] время, публичнымъ характеро[illegible] соединять въ себѣ личныя усло[illegible] ихъ способными исполнять во[illegible] нихъ обязанности въ интерес[illegible] нихъ и несовершеннолѣтнихъ. [illegible] поступать какъ хорошіе родите[illegible] своихъ дѣтей, и въ то же врем[illegible] ные, добросовѣстные должности[illegible] гласно съ этими требованіями. [illegible] конодательствахъ выработались

ѣстныя категоріи лицъ или безу-
опускаются къ должности опекуна
теля, или же могутъ быть не до-
ъ опекѣ или попечительству. При-
безусловной или относительной
сти къ отправленію той или дру-
сти очень разнообразны и заклю-
бю въ физической и умственной
сти, или въ нравственной негод-
отправленію такихъ обязанностей.
особенныхъ личныхъ или имуще-
отношеніяхъ къ малолѣтнему, не-
раѣтнему или его родителямъ и
которыя заставляютъ предпола-
екунъ или попечитель не будетъ
жнаго безпристрастія и усердія
ленія своихъ обязанностей.
у законовъ, запрещено опредѣлять
1) расточившихъ свое и роди-
имѣніе; 2) имѣющихъ явные и
роки, или же лишенныхъ по суду
ѣхъ, особенныхъ или даже только
ъ; 3) извѣстныхъ суровыми своими
и; 4) имѣвшихъ ссору съ родите-
лѣтняго; 5) несостоятельныхъ (Зак.
. 256). По разъясненію кассаціон-
та, это перечисленіе категорій
пособныхъ быть опекунами, сдѣ-
ко въ видѣ примѣра; въ числѣ
подходящихъ подъ это перечисле-
ъ быть и такія, которыя не сов-
въ себѣ условій, указанныхъ въ
тьи, въ которой сдѣлано это пере-
сказано: „выборъ въ опекуны дол-
обращаемъ на такихъ людей, кои
ными качествами даютъ надежду
нію малолѣтняго въ здравіи, добро-
воспитаніи и достаточномъ по его
содержаніи, и отъ которыхъ ожи-
ю отеческаго къ малолѣтнему по-
Зак. гражд., ст. 256. Боровиковс-
ясн. къ этой ст., стр. 56 и 57).
ихъ категоріи лицъ, въ Черниговс-
Полтавской губерніяхъ, по Литов-
туту, не могутъ быть опекунами
е въ русскомъ подданствѣ и не-
собственнаго имущества, достаточ-
обезпеченію опеки; но изъ послѣд-
ченія есть исключеніе (Зак. гражд.,
)
скому праву, препятствія къ опре-
ъ должность опекуна суть или
ѣ, или даютъ публичной власти
утвердить въ должности. Къ пер-
вымъ принадлежатъ: неимѣніе правъ граж-
данства; когда лицо само должно состоять
подъ опекою (женщины, кромѣ матери и
бабки, несовершеннолѣтніе, лица, признан-
ныя судомъ за расточителей); епископы и
монахи; лица, недостойныя по своимъ нрав-
ственнымъ свойствамъ быть опекунами (та-
ковы люди безчестной или развратной жизни,
удаленные отъ должности опекуна, подку-
помъ получившіе званіе опекуна). Могутъ не
быть допущены къ должности опекуна: ду-
шевно-больные, нѣмые, глухіе, слѣпые и со-
стоящіе въ особенныхъ личныхъ отноше-
ніяхъ къ тѣмъ, которые должны состоять
подъ ихъ опекою или къ ихъ родителямъ
(находящіеся во враждѣ съ отцомъ того
лица, которое будетъ состоять подъ ихъ
опекою; ведущіе съ послѣднимъ процессъ
о его правахъ состоянія; состоящіе съ нимъ
въ обязательствѣ; принадлежащіе къ различ-
ной съ нимъ вѣрѣ; тѣ, коихъ родители за-
претили назначать опекунами къ своимъ дѣ-
тямъ; лица, обрученныя или вступившія въ
бракъ съ несовершеннолѣтней и долженст-
вующія имѣть надъ ней опеку; лица, отъ
которыхъ можно опасаться вреда для состоя-
щихъ подъ ихъ опекою). Такъ какъ римское
право имѣетъ силу закона въ Германіи, то
тѣ же причины недопущенія къ должности
опекуна признаются и здѣсь. По имперскому
законодательству, сверхъ того, лица, лишен-
ныя гражданской чести, считаются тоже не-
способными быть опекунами; но публичная
власть можетъ допустить ихъ къ опекѣ надъ
ихъ нисходящими родственниками. По парти-
кулярнымъ законодательствамъ не могутъ
быть также опекунами несостоятельные, во
все продолженіе конкурснаго производства.

3) Должность опекуна есть публичная, и
потому всякій, кто къ ней призывается, обя-
занъ ее нести, какъ общественную службу.
Таковъ принципъ; но отъ него допускаются
отступленія. Римское право признаетъ из-
вѣстныя законныя причины, по которымъ
можно отказаться отъ должности опекуна.
Причины эти могутъ быть или чисто личныя,
или объективнаго характера. Къ первымъ
принадлежатъ: душевная или тѣлесная бо-
лѣзнь, преклонныя лѣта, бѣдность, безгра-
мотность, неопытность въ дѣлахъ, тяжба ме-
жду лицомъ, призываемымъ къ опекѣ, и тѣмъ,
къ кому оно назначается опекуномъ. Ко вто-
рымъ причисляется: когда кто былъ три
раза опекуномъ, когда опека очень сложная,

или когда дѣла опеки находятся въ большомъ разстояніи отъ мѣста жительства лица, которое призывается къ опекѣ. Уважительными причинами отказа отъ опеки признаются также, по римскому праву, препятствія общественнаго характера и общественной пользы, напримѣръ: извѣстныя должности, соединенныя съ начальственною властью, отсутствіе по дѣламъ службы, содержаніе въ арендѣ казенныхъ имѣній, врачебныя обязанности и практика. Наконецъ, отъ принятія должности опекуна можно было отказаться и въ силу привилегіи. Такою привилегіею пользовались военнослужащіе, получившіе отставку отъ военной службы, атлеты и др. По каноническому праву, епископы и монахи могли отказаться отъ принятія опеки. Въ германскомъ правѣ, причины отказа сокращены и урѣзаны противъ римскаго.

Допускаются ли нашимъ законодательствомъ законныя причины отказа отъ должности опекуна? Объ этомъ наши гражданскіе законы умалчиваютъ; только въ ст. 230 и 231 говорится о правѣ родителей отказаться отъ опеки. Но г. Побѣдоносцевъ справедливо замѣчаетъ, что по смыслу русскаго законодательства онѣ существуютъ и у насъ, и въ доказательство ссылается на ст. 268 устава врачебнаго (по прод.), которой управляющимъ аптеками предоставлено право отказаться отъ выбора въ опекуны.

4) Должность опекуна, будучи публичной, подлежитъ и всѣмъ условіямъ отправленія публичныхъ обязанностей. Поэтому, призваніе къ опекѣ, назначеніе опекуномъ, контроль надъ исполненіемъ опекунскихъ обязанностей и удаленіе отъ должности опекуна зависитъ отъ учрежденій, которымъ, по дѣйствующимъ въ каждой странѣ законамъ, вѣрено завѣдываніе опекунскими дѣлами или опекунами. Таковъ основной принципъ. Но онъ не проведенъ послѣдовательно во всѣхъ подробностяхъ. Происходитъ это по двумъ причинамъ. Во-1-хъ, опека, какъ сказано, развилась постепенно до того значенія, какое имѣетъ въ настоящее время, изъ семейныхъ и родовыхъ учрежденій, долго примыкала главнымъ образомъ къ нимъ и потому, естественно, носитъ на себѣ и до сихъ поръ отчасти, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, слѣды своего историческаго происхожденія; во-2-хъ, находится въ тѣсной связи съ семьей и ея потребностями, пополняя недостатокъ семьи. опека, по самому своему [illegible] гораздо болѣе, чѣмъ другія публ[illegible] пости, зависитъ отъ соображен[illegible] семейной жизни, которыя и оказ[illegible] вліяніе на это учрежденіе и пр[illegible] намъ объ опекѣ. у насъ, особы[illegible] отличающій эту должность отъ др[illegible] ностей общественнаго или пу[illegible] рактера.

Особенности опеки относите[illegible] нія, назначенія, контроля и уд[illegible] новъ, сравнительно съ другими [illegible] должностями, заключаются въ сл[illegible]

а) Неспособность быть опекун[illegible] которымъ изъ германскихъ законо[illegible] рѣшается прямо тѣми учрежде[illegible] рымъ вѣрено завѣдываніе опека[illegible] имъ, для признанія опекуна не[illegible] имъ быть по причинамъ, лежащ[illegible] отношеніяхъ къ лицу, подлежащ[illegible] или его роднымъ, требуется пр[illegible] пое изслѣдованіе и заключеніе [illegible] совѣта.

б) Опекуны могутъ быть прин[illegible] должности не только по закону и [illegible] ченію опекунскихъ учрежденій, [illegible] вѣщанію, по избранію самого по[illegible] лѣтняго (у насъ, когда ему испо[illegible] лѣтъ. Зак. гражд., ст. 219), на[illegible] предложенію: въ Германіи — суд[illegible] пеки, во Франціи — мэра, въ Прус[illegible] скаго совѣта и наслѣдниковъ, [illegible] малолѣтняго или несовершеннолѣ[illegible] они лишились этого своего права.

в) Мы сейчасъ указали разли[illegible] нія признанія къ опекунской до[illegible] именно, завѣщаніе, законъ, назна[illegible] кунскими учрежденіями (у насъ кр[illegible] выборъ, въ извѣстномъ, закономъ о[illegible] номъ случаѣ, самаго лица, состо[illegible] опекою, и Высочайшее повелѣніе [illegible] отношенія этихъ различныхъ осн[illegible] европейскихъ законодательствахъ [illegible] ляются слѣдующимъ образомъ. В[illegible] скому общему праву, каждый мож[illegible] чать опекуна своимъ несовершенн[illegible] и еще не родившимся дѣтямъ въ [illegible] при чемъ допускается опредѣленіе [illegible] ныхъ условій, сроковъ и т. п. В[illegible] опекуна, назначеннаго по завѣщ[illegible] завѣщаніе недѣйствительно, то д[illegible] опекунъ, указываемый закономъ. [illegible] призываются къ опекѣ агнаты, ч[illegible] мужского пола и кровные родст[illegible]

законодательству, кромѣ того, мать и дѣдъ. Наконецъ, когда опекуна, указываемаго завѣ закономъ, или когда призы- въ откажется или назначенный однымъ и будетъ смѣщенъ, опе- ится опекунскимъ учрежденіемъ, либо предлагается различными (семейнымъ совѣтомъ, сирот- съ или придаточнымъ опеку- акъ, напримѣръ, въ Пруссіи, учрежденіемъ рекомендуется у въ такихъ случаяхъ родствен- ственниковъ малолѣтняго. По. законодательству, законный оставшійся въ живыхъ роди- имѣетъ также право назна- по завѣщанію. Такимъ обра- нцузскому кодексу, опекунъ по одинъ изъ родителей, именно— въ живыхъ. Затѣмъ, послѣдній о назначить, уже къ полному у сиротѣ, опекуна по завѣща- и такого въ виду нѣтъ, то по закону, переходитъ къ вос- дственникамъ, а если и ихъ лицу, выбранному семейнымъ

званія къ опекѣ слѣдуетъ от- женіе въ должности опекуна. опредѣляется лишь право или извѣстнаго лица быть опекуномъ малолѣтняго или несовершенно- рожденіемъ въ должности опре- ъ моментъ, съ котораго имѣю- ги обязанность быть опекуномъ мъ въ дѣйствительности, на са- практическая важность этого раз- ючается въ томъ, что лишь съ рожденія можетъ начаться дѣя- екуна и начинается отвѣтствен- отправленію должности. Но такъ ьшинствѣ случаевъ, опека воз- ближайшихъ родныхъ малолѣт- есовершеннолѣтняго, и притомъ характеръ опеки въ однихъ за- ахъ развитъ болѣе, въ другихъ рожденіе въ должности въ иныхъ ебуется, въ другихъ нѣтъ. Въ правѣ въ которомъ должностной, й, публичный характеръ опеки о сильнѣе, утвержденіе опекуна и составляетъ правило, отъ ко- ется отступленіе только въ та- комъ случаѣ, когда къ опекѣ призывается отецъ или дѣдъ. Напротивъ, по французскому праву, въ которомъ преобладаетъ частный и семейный характеръ опеки, утвержденія въ должности опекуна не требуется.

д) Число опекуновъ при одномъ малолѣтнемъ или несовершеннолѣтнемъ не опредѣлено законодательствами. Ихъ можетъ быть и одинъ и нѣсколько. По общегерманскому праву, отъ усмотрѣнія учрежденія, завѣдывающаго опекою, зависитъ поручить опекунамъ веденіе опеки сообща, или каждому особой ея части. Въ первомъ случаѣ, опекуны имѣютъ равныя права и несутъ одинаковыя обязанности. Въ случаѣ разногласія между ними, преимущество имѣетъ голосъ того, кто воспрещаетъ. По общему правилу, всѣ опекуны солидарны между собою въ отвѣтственности передъ состоящимъ подъ ихъ опекою, но изъ этого сдѣланы нѣкоторыя изъятія. Опекунское управленіе раздѣляется между нѣсколькими опекунами или по географическому пространству, или по роду дѣлъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, дѣло ведетъ одинъ, и онъ есть дѣйствующій (gerens), а другіе суть почетные (honorarii) и только наблюдаютъ за его дѣятельностью; также точно распредѣляется дѣятельность между опекунами и тогда, когда одному изъ нихъ поручается управленіе всѣми дѣлами опеки. Но могутъ быть назначаемы особые опекуны, не солидарные между собою, и даже спеціальный опекунъ для совершенія одного какого-нибудь дѣла по опекѣ. По дѣйствующему теперь прусскому законодательству, опекунъ, по закону, можетъ быть только одинъ; нѣсколько опекуновъ можетъ быть назначено только по завѣщанію. Если имъ не указанъ, каждому, особый кругъ дѣятельности, то они ведутъ дѣло сообща; въ случаѣ разногласія, дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ или опекунскимъ учрежденіемъ. Французское право представляетъ въ этомъ отношеніи свои замѣчательныя особенности. По общему правилу, долженъ быть одинъ опекунъ; только въ опредѣленныхъ случаяхъ назначается заступающій его мѣсто (protuteur), а когда опекуншею является мать, то ей придется соопекунъ, въ лицѣ ея мужа. Отецъ имѣетъ также право придать матери-опекуншѣ, совѣтъ по веденію опеки. Если, при смерти мужа, жена останется беременной и у нихъ нѣтъ другихъ малолѣтнихъ дѣтей налицо, то назначается curator ventris, который, послѣ

рожденія младенца, становится придаточнымъ опекуномъ при матери.

По кодексу Наполеона, опекуну, завѣдывающему дѣлами опеки, всегда придается, для надзора и повѣрки его дѣйствій, такъ называемый tuteur subrogé, назначаемый семейнымъ совѣтомъ. Оба опекуна не могутъ принадлежать къ одной и той же линіи родства. Обязанности придаточнаго опекуна заключаются: 1) въ надзорѣ за опекунскимъ управленіемъ, въ принятіи необходимыхъ мѣръ обезпеченія; онъ же, въ случаѣ надобности, предлагаетъ смѣстить опекуна; 2) при столкновеніи интересовъ опекуна и лица, состоящаго подъ его опекою, онъ представляетъ послѣдняго; 3) онъ присутствуетъ при составленіи инвентарей, въ которыхъ лицо, состоящее подъ опекою, заинтересовано; 4) кромѣ того, на придаточномъ опекунѣ лежатъ различныя обязанности, а именно: предлагать о назначеніи другого опекуна, составлять инвентарь при прекращеніи общенія имуществъ, и нѣкоторыя другія, въ интересахъ лица, состоящаго подъ опекою. За неисполненіе лежащихъ на немъ обязанностей, придаточный опекунъ отвѣчаетъ передъ состоящимъ подъ опекою и посторонними. Но кромѣ указанныхъ выше случаевъ, онъ не представляетъ лица, состоящаго подъ опекою, и не подлежитъ ограниченіямъ, установленнымъ для заключенія сдѣлокъ между опекуномъ и состоящимъ подъ его опекою. Эти правила о придаточномъ опекунѣ нѣсколько измѣнены новыми постановленіями Пруссіи въ тѣхъ областяхъ, гдѣ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона. Итальянское законодательство о придаточномъ опекунѣ очень сходно съ французскимъ.

е) По обще-германскому праву, опекунъ, при вступленіи въ должность, обезпечиваетъ правильное веденіе опеки залогомъ или поручительствомъ.

Русское законодательство объ установленіи опеки, какъ уже сказано, менѣе выработано, чѣмъ иностранныя, и представляетъ нѣкоторыя своеобразныя черты. Характеристично, прежде всего, различеніе, до наступленія совершеннолѣтія, трехъ возрастовъ: до 14-ти лѣтъ, отъ 14-ти до 17-ти и отъ 17-ти до 21-го года (Зак. гражд., ст. 213). До 17-ти лѣтъ человѣкъ считается малолѣтнимъ, хотя это названіе и не всегда точно употребляется (тамъ же, примѣч.), и состоитъ подъ опекою, съ тою разницею, что до 14-ти лѣтъ онъ состоитъ подъ о… въ выборѣ котораго не принимае… участія; но съ наступленіемъ … онъ можетъ испросить себѣ за… который называется попечитель… момъ (дѣтей имѣетъ тѣ же пра… пости что и опекунъ, и ничѣмъ … не отличается, кромѣ названія. … онъ испрошенъ самимъ состоя… опекою (Зак. гражд., ст. 210). К… простирается это право и может… лѣтній сынъ или дочь испросить … вмѣсто отца или матери, другое … разъяснено ни закономъ, ни кас… сенатомъ. Съ наступленіемъ 1… возраста, опека сама собою прек… превращается въ попечительст… продолжается до вступленія въ со… возрастъ. По разъясненію кассац… пата, никакого распоряженія о … вращеніи опеки въ попечительст… буется, и если при несовершенно… достиженіи имъ 17-ти лѣтъ, оста… самое лицо, какое было при н… номъ, то оно тѣмъ самымъ превр… попечителя (Зак. гражд., ст. 220. … ский, разъясн. къ этой ст. § 1, ст… если бы несовершеннолѣтній пожел… можетъ выбрать другое лицо вм… именно разъяснено, что замужня… правѣ избрать себѣ въ попечител… а мужа и даже постороннее лицо … § 2); то же самое сказано и о … обще (тамъ же, разъясн. къ ст. 2…

О различіи опеки и попечител… сказано выше. Нашъ законъ … опредѣляетъ ограниченіе имущест… способности состоящаго подъ о… дующимъ образомъ: „малолѣтніе … ни управлять непосредственно … ніемъ, ни распоряжаться имъ, … его по какимъ бы то ни было у… ниже уполномочивать на то о… ихъ" (Зак. гражд., ст. 217). … совершать какія бы то ни было … акты отъ имени малолѣтняго, … ные имъ признавать дѣйствител… водить въ исполненіе (тамъ же, … достиженіи 14-тилѣтняго возра… его (малолѣтняго) на распоряж… ствомъ чрезъ то не увеличивает… даваемое съ его стороны согласі… либо актъ считается по прежн… нымъ" (тамъ же, ст. 219).

ли также, что по русскому законо- опека учреждается не только, осиротѣютъ, но и въ томъ слу- они, при жизни родителей, будутъ собственное имущество. „Опека ществомъ, дошедшимъ въ собствен- лѣтнимъ дѣтямъ, при жизни ихъ принадлежитъ отцу" (Зак. гражд., Родители имѣютъ право назначить омъ завѣщаніи, къ остающимся ъ малолѣтнимъ дѣтямъ и имуще- уновъ по собственному своему из- амъ же, ст. 227). „Если въ завѣ- назначено особыхъ опекуновъ къ къ малолѣтнимъ дѣтямъ имуще- пека принадлежитъ оставшемуся отцу или матери", когда нѣтъ въ нъ, по которымъ они не могли бы унами (тамъ же, ст. 229). „Когда ніи опекуна не назначено, а остав- шихъ отецъ или мать сей обя- на себя не примутъ, то опекуны и опредѣляются правительствомъ" д., ст. 231. (Сравн. ст. 251 п. 2). могутъ быть опредѣляемы какъ енниковъ или свойственниковъ ма- такъ и изъ посторонихъ" (тамъ 4). „Мимо установленныхъ опекун- ъ, опекуны къ малолѣтнимъ, если азначены по завѣщанію, могутъ дѣляемы единственно Высочайшею (тамъ же, ст. 261). Изъ приведен- й видно, что у насъ опекуны при- ли по закону, или по завѣщанію, нскими учрежденіями, или, нако- очайшею властью, и именно въ е въ другомъ порядкѣ. Малолѣт- нуюъ 14-ти лѣтъ, имѣютъ право обѣ опекуна у опекунскаго учре- мъ же, ст. 219). Состоитъ ли та- шеніе только въ заявленіи, что недоволенъ своими опекунами и азначить другого, или онъ можетъ то лицо, подъ опекою котораго состоять? На это въ законѣ и въ ахъ сената нѣтъ указаній. Новикъ желаетъ передать въ такихъ выборъ опекуна усмотрѣнію опе- учрежденія, ограничивъ малолѣт- къ нежеланіемъ оставаться подъ ю существующаго опекуна, и тол- ассаціоннаго сената, по которому малолѣтній избираетъ самъ себѣ Боровиковскій, разъясн. къ ст. 220 § 1. стр. 48) едва ли правильно. По несовершеннолѣтній, 17-ти лѣтъ, имѣетъ право, по толкованію кассаціоннаго сената, избирать себѣ попечителя (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 220 § 2 стр. 48 и къ ст. 230, стр. 52), хотя въ законѣ этого нигдѣ прямо не выражено.

Какимъ бы порядкомъ ни призывались опекуны къ опекунской должности, они (кромѣ назначаемыхъ Высочайшею властью) опредѣляются, утверждаются и удаляются отъ должности или смѣщаются опекунскими учрежденіями. Тому же правилу подлежатъ и родители. Такъ установлено закономъ и разъяснено кассаціоннымъ сенатомъ (Зак. гражд. ст. 259.—Боровиковскій, разъясн. къ ст. 180, стр. 39; къ ст. 228, стр. 51; къ ст. 251, стр. 55; къ ст. 256, стр. 57). Попечитель несовершеннолѣтняго подлежитъ такому же правилу. По крайней мѣрѣ, изъ разъясненій кассаціоннаго сената можно заключить, что онъ „назначается" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 220, § 1), хотя и неясно, слѣдуетъ ли подъ этимъ выраженіемъ разумѣть дѣйствительное назначеніе попечителя, въ томъ случаѣ, когда несовершеннолѣтній самъ не сдѣлалъ выбора, или только утвержденіе избраннаго имъ самимъ.

Всѣ опекуны, безъ различія, не исключая и родителей, состоятъ, по своду законовъ, подъ надзоромъ опекунскихъ учрежденій, обязаны давать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, испрашивать, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, ихъ разрѣшенія и исполнять ихъ законныя распоряженія и требованія (Зак. гражд., ст. 286, 294). Это правило распространяется или не распространяется на опеки, установляемыя Высочайшею властью, смотря по буквѣ и смыслу акта, которымъ такія опеки установлены (Зак. гражд. ст. 236. Сравн. Боровиковскій, разъясн. къ ст. 173 § 1, стр. 37; къ ст. 295, стр. 71).

Опекунъ, по нашимъ законамъ, можетъ быть одинъ, но ихъ можетъ быть и нѣсколько (Зак. гражд., ст. 250, 253). По разъясненіямъ кассаціоннаго сената, опекуны могутъ быть опредѣляемы и при существованіи опеки родителей, когда интересы малолѣтнихъ того требуютъ. Назначенные въ такомъ случаѣ опекуны равноправны родителямъ. Когда существуетъ нѣсколько опекуновъ, то всѣ они имѣютъ представлять личность малолѣтняго; но отъ опекунскаго учрежденія зависитъ поручить совершеніе какого-либо дѣйствія и

одному изъ опекуновъ. Представляя всѣ вмѣстѣ личность малолѣтняго, опекуны могутъ лишь вмѣстѣ искать и отвѣчать на судѣ и передъ кассаціоннымъ сенатомъ. Но могутъ, однако, быть случаи, когда, по обстоятельствамъ дѣла, привлекается къ суду лично одинъ изъ опекуновъ. Равнымъ образомъ, требованіе совокупнаго дѣйствія опекуновъ не исключаетъ возможности производить дѣло въ судѣ, когда одинъ или нѣсколько опекуновъ къ суду не явились, а другіе явились; необходимо только, чтобъ всѣ были оповѣщены и имѣли возможность искать и отвѣчать. Несогласія между соопекунами по дѣламъ опеки разсматриваются не судомъ, а опекунскимъ учрежденіемъ, къ которому и должны быть обращаемы жалобы опекуновъ на неправильныя дѣйствія по опекѣ ихъ сотоварищей (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 173 § 1 стр. 37; къ ст. 230, стр. 51 и 52; къ ст. 253, стр. 56; къ ст. 282 § 3, стр. 64 и 65; къ ст. 286 § 1, стр. 66).

Несмотря на усилія кассаціоннаго сената, правила о совокупной дѣятельности опекуновъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и отвѣтственности передъ малолѣтнимъ, вызываютъ много вопросовъ и не такъ опредѣлительны и точны, какъ въ европейскихъ законодательствахъ.

II. Права и обязанности опекуновъ.

Какъ сказано выше, опека относится къ личности и къ имуществу малолѣтняго. По германскимъ законодательствамъ, на опекунѣ не лежитъ обязанности содержать и воспитывать малолѣтняго; опекунъ долженъ только наблюдать за тѣмъ и другимъ, въ интересахъ лица, состоящаго подъ его опекою. Собственно воспитаніе зависитъ отъ усмотрѣнія и распоряженій опекунскаго учрежденія, причемъ въ соображеніе принимается воля отца. Восходящіе и другіе кровные родственники обязаны воспитывать состоящихъ подъ опекою. По прусскому законодательству, матери, преимущественно предъ прочими, принадлежитъ право воспитывать дѣтей, — право, котораго она не теряетъ, вступивъ во второй бракъ; но оно можетъ быть у нея отнято, по уважительнымъ причинамъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, воспитаніе состоящаго подъ опекою и избраніе имъ образа жизни лежитъ на обязанности опекуна. Съ 14-ти лѣтъ, малолѣтнему самому принадлежитъ право избрать себѣ религію; до тѣхъ же поръ онъ воспитывается въ религіи отца, если [illegible] рѣшитъ иначе.

Наше законодательство требуетъ [illegible] опекуны назначались „ко всѣмъ [illegible] безъ различія, числится или не числ[illegible] ними какое-либо имущество" (Зак[illegible] ст. 251 примѣч. 2, по прод.). Это [illegible] относится, кажется, только къ круг[illegible] ротамъ, т.-е. не имѣющимъ ни отц[illegible] тери, такъ какъ, пока отецъ или ма[illegible] опека надъ лицомъ малолѣтняго не и[illegible] своего имущества, не назначается [illegible] ст. 250 п. 1 и ст. 251 п. 2). Обя[illegible] опекуна по попеченію о личности [illegible] няго излагаются въ законѣ такъ: [illegible] долженъ печись объ особѣ и здра[illegible] лѣтняго. Онъ старается, чтобъ ма[illegible] воспитанъ былъ въ страхѣ Божіемъ, [illegible] знаніи той вѣры, въ которой ро[illegible] правилахъ добронравія и удаленія о[illegible] примѣровъ: для сего, ежели малол[illegible] отданъ въ общественное училище, [illegible] обязанъ, смотря по роду его и состо[illegible] дать его на воспитаніе и для изуче[illegible] личныхъ ему знаній людямъ доб[illegible] нымъ, или избрать учителей, кои [illegible] въ своихъ познаніяхъ и поведеніи [illegible] ленное законами свидѣтельство, для [illegible] же опредѣлить къ малолѣтнему н[illegible] только нужныхъ служителей, добра[illegible] рочнаго поведенія. Вообще опекун[illegible] приготовить малолѣтняго къ жизни [illegible] ной его состоянію, но всегда труд[illegible] умѣренной и безмятежной" (Зак[illegible] ст. 264). Изъ этой статьи видно, что [illegible] ввѣряется не только наблюденіе, [illegible] забота и дѣятельность по содержа[illegible] лѣтняго, круглаго сироты. Кромѣ т[illegible] куну предоставляется отыскивать [illegible] удовлетворенія въ личной обидѣ, [illegible] нему нанесенной" (Зак. гражд. ст[illegible] цѣли и назначенію опеки, это [illegible] право, какъ бы можно заключать из[illegible] наго смысла, сколько обязанность.

Обязанности и права опекуна отн[illegible] имущества лица, состоящаго подъ [illegible] опредѣлены въ европейскихъ зако[illegible] ствахъ съ большою подробностью. В[illegible] этихъ правъ и обязанностей входятъ [illegible] ство имущества, его сохраненіе, у[illegible] имъ и его употребленіе. Уже по [illegible] праву, завѣдываніе имуществомъ с[illegible] подъ опекою раздѣлилось на полно[illegible] полное; послѣднее ограничивалось

ъ (cura) и исключало управлѣніе
ре. Опекуну принадлежало полное
. Вообще онъ можетъ, по отно-
имуществу лица, состоящаго подъ
уществлять всѣ права послѣдняго
имуществомъ, долженъ все то
дѣлаетъ хорошій хозяинъ при
ихъ собственныхъ дѣлъ. Ему въ
ся и малая неосмотрительность
); но она ему не вмѣняется, если
ъ, что и въ своихъ собственныхъ
ступаетъ не лучше. Управляя ввѣ-
екѣ имуществомъ, опекунъ дол-
раловаться не только съ общими
ми закона, но и съ послѣднею
, отъ кого досталось имущество,
е въ опекунское управленіе, а
предписаніями опекунскаго учре-
твѣчаетъ за совѣстливое и честное
своихъ обязанностей по нача-
олько гражданскаго, но и уголов-
а. Въ видахъ сохраненія имуще-
ъ обязанъ имѣть надзоръ за тѣмъ,
ъ въ составъ того имущества, и
у придти въ худшее состояніе;
вещи, подвергающіяся скорой
ртиться о реализаціи сомнитель-
ваній; платить обременительные
вирать за дѣйствіями своихъ со-
заботиться о томъ, чтобы имуще-
сило обыкновенные доходы, но не
потреблять на это чрезмѣрный
время: достаточно, если онъ съ
о отдастъ недвижимыя имущества
или аренду, а торговыя дѣла бу-
лжать вести чрезъ уполномочен-
помощниковъ. Относительно по-
денегъ, принадлежащихъ тому,
ъ въ опекѣ, и управленія ими
особыя правила. Изъ весьма
ныхъ постановленій по этому пред-
каго права, практика въ Германи
лишь предписаніе преторскаго
силу котораго деньги слѣдуетъ
дать въ недвижимости, приносящія
и отдавать въ проценты. Опекунъ,
замедлить это сдѣлать, обязанъ
за то обыкновенные проценты, а
лебить деньги въ свою пользу,—то
въ высшемъ дозволенномъ размѣрѣ.
ение денегъ опекуну дается срокъ:
чный относительно денегъ, со-
на лицо при принятіи опеки, и
ный —относительно поступающихъ
вновь во время опеки. Что касается употребленія или расходованія имущества, то опекунъ имѣетъ право дѣлать изъ него отчужденія и обременять его долгами и повинностями лишь въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ правильное, хорошее управленіе; недѣйствительно лишь отчужденіе, не оправдываемое полезною для хозяйства цѣлью, а также подарки на счетъ имущества, состоящаго подъ опекою, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ приличіе (подарки по случаю рожденія, праздниковъ и т. п.) или родственныя обязанности (деньги на содержаніе—alimenta, приданое). Во всѣхъ другихъ случаяхъ отчужденіе какого бы то ни было имущества, движимаго или недвижимаго, реальнаго или нереальнаго, требуетъ согласія опекунскаго учрежденія. Ограниченіе это распространяется и на переносъ обязательствъ на другія лица (cessio и novatio). Опекунъ можетъ только, безъ предписанія опекунскаго учрежденія, получать доходы, приносимые имуществомъ, исключая однако, когда они не были уплачиваемы болѣе 2-хъ лѣтъ и превышаютъ 100 solidi (червонцевъ).

Таковы правила общегерманскаго права, перешедшія изъ римскаго.

По французскому праву, опекунъ обязанъ, въ теченіе 10-ти дней по вступленіи въ должность, составить, при участіи соопекуна, инвентарь имущества, поступающаго въ завѣдываніе опеки; затѣмъ, въ теченіе мѣсяца послѣ того, обязанъ, тоже при участіи соопекуна, продать съ публичнаго торга всю движимость, исключая, когда семейный совѣтъ разрѣшитъ сохранить ее въ натурѣ, или же когда остающійся въ живыхъ родитель имѣетъ на имущество, доставшееся тому, надъ кѣмъ учреждается опека, право употребленія и пользованія. Если состоящій подъ опекою — круглый сирота, то семейный совѣтъ опредѣляетъ, какую сумму опекунъ можетъ ежегодно расходовать на состоящаго подъ опекою и на управленіе его имуществомъ и сколько денегъ онъ можетъ, для той цѣли, отложить, не отдавая на проценты. Остальныя суммы опекунъ обязанъ помѣстить на проценты, иначе долженъ самъ ихъ платить. По управленію и относительно отчужденія имущества, въ томъ числѣ и по отдачѣ имущества въ аренду, опекунъ, говоря вообще, ничѣмъ не стѣсненъ, кромѣ, однако, важныхъ дѣлъ, по которымъ требуется разрѣшеніе семейнаго совѣта, или сверхъ того,

утвержденіе постановленія семейнаго совѣта судомъ. Такова замѣна отчужденія недвижимыхъ имуществъ, обремененіе ихъ повинностями. При разрѣшеніи сомнительныхъ отношеній по взаимному соглашенію (Vergleich), законъ обязываетъ, по утвержденіи такой сдѣлки семейнымъ совѣтомъ и судомъ, выслушать заключеніе трехъ юристовъ.

По прусскому закону объ опекѣ 5 іюля 1875 года, опекунъ тоже имѣетъ право на всѣ дѣйствія по управленію имуществомъ, но не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать изъ него подарки, кромѣ тѣхъ, которые требуются обычаемъ (подарки къ празднику), или полезны для управленія имуществомъ. На освобожденіе залоговъ и обезпеченій нужно согласіе сообпекуна, а при разрѣшеніи сомнительныхъ отношеній взаимнымъ соглашеніемъ требуется, когда сумма сдѣлки превышаетъ 300 марокъ, согласіе суда по дѣламъ опеки. Опекунъ воленъ отчуждать движимости, если нѣтъ въ виду какихъ-либо особыхъ объ этомъ распоряженій того лица, отъ котораго наслѣдство досталось; но на отчужденіе недвижимаго имущества и обремененіе его повинностями нужно согласіе суда, — конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это происходитъ не добровольно, а въ видѣ принудительной мѣры. Если состоящему подъ опекою болѣе 18-ти лѣтъ, то судъ обязанъ напередъ его выслушать; судъ же опредѣляетъ ближайшимъ образомъ и способъ отчужденія. Договоры объ отдачѣ въ наемъ и въ аренду только тогда требуютъ утвержденія, когда отдаваемое недвижимое имущество приноситъ 3 тыс. и болѣе марокъ чистаго дохода, или когда договоръ заключается на срокъ, переходящій за предѣлы совершеннолѣтія. На распоряженіе относительно взысканій опекунъ обязанъ заручиться согласіемъ сообпекуна. Наконецъ, опекунъ имѣетъ право обременить состоящее въ его завѣдываніи имущество долгами; но, дѣлая заемъ и вступая въ нѣкоторыя другія обязательства, перечисленныя въ законѣ, онъ обязанъ испросить согласіе суда.

Правила русскаго законодательства о правахъ и обязанностяхъ опекуновъ по управленію имуществомъ малолѣтняго, въ общихъ чертахъ, сходны съ изложенными выше, но, какъ всѣ наши законы, не имѣютъ той же юридической опредѣленности и точности.

Опекуну сдается все движимое и недвижимое имущество малолѣтняго по описи, которую онъ составляетъ самъ [illegible] опекунскаго учрежденія, при [illegible] роднихъ свидѣтеляхъ (Зак. гражд. [illegible] движимыя вещи должны быть [illegible] тщательно сохраняемы и деньги [illegible] въ частныя руки изъ процентов[illegible] денежные залоги или вклады, [illegible] или употребляемы въ торги и [illegible] помѣщены въ кредитныя установ[illegible] перечисленныя въ законѣ), или въ об[illegible] и долговыхъ обязательствахъ дер[illegible] обществъ (тамъ же, ст. 268 по пр[illegible] законъ запрещаетъ опекунамъ (по[illegible] у лицъ, состоящихъ подъ ихъ опе[illegible] гражд., прим. къ ст. 268 по прод[illegible] также недѣйствителенъ, по разъ[illegible] сац. сената, к актъ, выданный не[illegible] нолѣтнимъ въ пользу попечителя [illegible] конекій, разъясн. къ ст. 220, т. 4) [illegible] обязанъ также поддерживать въ [illegible] состояніи и по возможности улуч[illegible] движимое имущество, торги, про[illegible] прочія дѣла и заведенія малолѣтн[illegible] гражд., ст. 269 по прод. и ст. [illegible] разъясн. касаш. сената, опекунъ [illegible] леніе имуществомъ малолѣтняго м[illegible] ственною властью заключать всѣ [illegible] которыя законъ не требуетъ разрѣ[illegible] кунскихъ учрежденій. Поэтому, он[illegible] право, безъ особаго разрѣшенія, [illegible] продукты и заключать договоры [illegible] ожидаемыхъ продуктовъ; но такіе [illegible] говоры обязательны для малолѣт[illegible] въ такомъ случаѣ, когда относятс[illegible] обязанностей по управленію состо[illegible] опекою имуществомъ (Боровиковскій [illegible] къ ст. 270, §§ 1 и 2). Опекунъ об[illegible] временно получать доходы съ имущ[illegible] нолѣтняго и производить расходы [illegible] шества (Зак. гражд., ст. 273); [illegible] оспоримые долги изъ доходовъ, о[illegible] отъ расходовъ, а если доходовъ [illegible] го выплачивать напередъ долги, и[illegible] отлагательства, чтобы чрезъ про[illegible] допустить продажи имущества (Зак. [illegible] ст. 275). Нужныя на уплату [illegible] суммы могутъ быть покрываемы [illegible] кредиторовъ, новыми земными [illegible] ствами, но не иначе, какъ съ р[illegible] опекунскаго учрежденія (Зак. гражд. [illegible] къ ст. 275 по прод.). Для отчужд[illegible] щества малолѣтняго постановлены [illegible] правила: а) вещи, подлежащія ско[illegible] лю и гратамъ, опекунъ продаетъ

тво, доводя объ этомъ до свѣдѣнія
го учрежденія въ годовомъ отчетѣ;
ныя вещи, не подлежащія порчѣ или
зволено закономъ продавать, съ раз-
опекунскихъ учрежденій, когда это
но для уплаты долговъ или для со-
малолѣтняго, или если эти вещи
ли товаръ; в) недвижимыя имущества
ать продаваемы лишь съ разрѣше-
ымо опекунскаго учрежденія (сената),
ъ въ опредѣленныхъ закономъ слу-
именно: при раздѣлѣ наслѣдства;
числѣ наслѣдниковъ есть совершен-
когда это нужно для уплаты дол-
рещедшихъ по наслѣдству и, нако-
да строеніе совершенно ветхо, или
ребуетъ на свое содержаніе болѣе,
лько оно даетъ дохода (Зак. гражд.,
по прод.). Такое запрещеніе про-
нія, безъ разрѣшенія высшаго опе-
учрежденія, простирается даже на
, когда имѣніе подлежитъ, по су-
рѣшенію, продажѣ по закладнымъ
примѣч. по прод.). Этотъ ошибоч-
дъ поправленъ разъясненіями кас-
та, въ силу которыхъ разрѣшеніе
лько на вольную продажу, а не на
ельную (Боровиковскій, разъясн. къ
§ 1, стр. 63). Подобно продажѣ,
дъ залогъ имѣній малолѣтнихъ со-
я лишь съ разрѣшенія высшаго опе-
учрежденія (Зак. гражд., ст. 281).
денежнымъ претензіямъ малолѣтняго
инить въ надлежащій срокъ взы-
ъ должниковъ, а въ случаѣ непла-
требуетъ постановленныя въ зако-
ы" (Зак. гражд., ст. 274).
унъ обязанъ имѣть ходатайство по
жебнымъ дѣламъ малолѣтняго, пода-
него... просьбы и апелляціи и во-
бирать способы, которые могли бы
ему спокойное владѣніе его иму-
" (тамъ же, ст. 282). Въ примѣчаніи
статьѣ постановлено, но едва ли пра-
то на опекунѣ дѣтей умершаго чи-
въ отчетахъ котораго въ казенныхъ
при повѣркѣ, откроются невѣрно-
тъ обязанность давать за того чи-
требуемыя объясненія. Законъ смо-
этомъ случаѣ на начеты по службѣ
точки зрѣнія имущественной, упу-
виду, что они имѣютъ еще и дру-
ю личную, по которой ни опекунъ,
сами дѣти чиновника, отвѣчать не
въ состояніи. Правильнѣе было бы, не на-
лагая на опекуна въ этомъ случаѣ обязан-
ностей, предоставить ему, въ интересѣ дѣ-
тей, давать объясненія, если онъ будетъ
имѣть въ виду достаточныя къ тому основа-
нія и поводы.

Относительно защиты малолѣтнихъ на
судѣ, кассаціон. сенатъ разъяснилъ, что су-
дебныя мѣста приступаютъ къ производству
дѣлъ, касающихся интересовъ малолѣтнихъ,
не вслѣдствіе сообщеній и требованій опе-
кунскихъ учрежденій, которыя не имѣютъ
права ходатайствовать за малолѣтнихъ на
судѣ, а только по ходатайству представите-
лей малолѣтнихъ, т.-е. ихъ опекуновъ. Пока
опекунъ, не уволенъ отъ своей должности,
онъ ходатайствуетъ за малолѣтняго на судѣ,
хотя бы и утратилъ правоспособность быть
опекуномъ, и всѣ процессуальныя дѣйствія
опекуна, до момента сдачи имѣнія и судеб-
ныхъ дѣлъ новому опекуну, сохраняютъ свою
силу, хотя бы уже послѣдовало распоряженіе
опекунскаго учрежденія о замѣнѣ одного опе-
куна другимъ (Боровиковскій, разъясн. къ ст.
282, § 1 и 2, стр. 64).

Опекуны обязаны „по прошествіи каж-
даго года, непремѣнно въ январѣ мѣсяцѣ,
представлять имъ (опекунск. учрежденіямъ)
годовой отчетъ о доходахъ, расходахъ, со-
держаніи и воспитаніи, а также промыслахъ
малолѣтняго, если таковые имѣются; по окон-
чаніи же опеки давать общій отчетъ" (Зак.
гражд., ст. 286).

„За труды свои опекуны получаютъ изъ
доходовъ малолѣтняго всѣ вмѣстѣ пять про-
центовъ ежегодно" (Зак. гражд., ст. 284). По
разъясненіямъ кассац. сената, подъ доходомъ
слѣдуетъ разумѣть чистый, а не валовой до-
ходъ. На этомъ основаніи, опекуны не должны
получать вознагражденія со взысканныхъ съ
должниковъ суммъ, изъ суммъ, вырученныхъ
продажею лѣса, если черезъ это уменьшилась
цѣнность имѣнія, съ разнаго рода прибылей
и приращеній къ имуществу, не входящихъ
въ понятіе обыкновеннаго чистаго дохода,
наприм., выигрыша на лотерейный билетъ,
съ приращенія имѣнія вслѣдствіе выигрыша
процесса и т. п. На полученіе вознаграж-
денія опекунъ имѣетъ право не только во
время опеки, но и впослѣдствіи, хотя бы и
по ея прекращеніи, до истеченія давности
(Боровиковскій, разъясн. къ ст. 284, § 1 и 2,
стр. 65 и 66).

III. *Юридическая сила дѣйствій опекуна относительно лицъ, состоящихъ подъ опекою, и постороннихъ лицъ.*

Предметъ этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ ученіи объ опекѣ. Опекунъ дѣйствуетъ вмѣсто малолѣтняго, подъ надзоромъ и контролемъ опекунскихъ учрежденій: дѣйствія его приносятъ пользу или выгоду малолѣтнему, или наносятъ ему вредъ и убытки. Отвѣчаетъ ли опекунъ передъ малолѣтнимъ за послѣдніе и какъ, какимъ образомъ? Съ другой стороны, дѣйствуя за малолѣтняго, опекунъ вступаетъ въ юридическія отношенія съ посторонними лицами. Если эти дѣйствія, установляющія для малолѣтняго права и обязанности по отношенію къ посторонникъ лицамъ, будутъ для него убыточны и вредны, можетъ ли онъ искать нанесенный ему вредъ и убытки на посторонникъ, или только на одномъ опекунѣ? Вотъ вопросы, которые предстоитъ разсмотрѣть.

По общимъ началамъ права, представитель всѣми своими законными дѣйствіями, совершенными въ предѣлахъ даннаго ему полномочія, обязываетъ то лицо, которое представляетъ, и эти его дѣйствія имѣютъ законную силу и для посторонникъ лицъ. Поэтому, если малолѣтній ими недоволенъ, то онъ можетъ искать своихъ убытковъ и требовать удовлетворенія только отъ одного опекуна, а не отъ посторонникъ лицъ, такъ какъ относительно послѣднихъ дѣйствія опекуна сохраняютъ полную силу, какъ вполнѣ законныя. Но какъ разрѣшается тотъ же вопросъ въ томъ случаѣ, когда опекунъ вышелъ изъ предѣловъ своей власти и своего полномочія и совершилъ юридическія дѣйствія въ законной формѣ по отношенію къ посторонникъ лицамъ? Слѣдуетъ ли признать такія юридическія дѣйствія не имѣющими законной силы, и въ такомъ случаѣ, кто отвѣчаетъ передъ третьими лицами за нанесенные имъ чрезъ то ущербъ и убытки? Если же они сохраняютъ свою силу, то кто долженъ отвѣтить передъ малолѣтними за понесенные ими убытки? Въ примѣненіи къ дѣйствіямъ опекуна разрѣшеніе этихъ вопросовъ усложняется еще тѣмъ, что не малолѣтній даетъ опекуну полномочія, а законъ и распоряженія опекунскихъ учрежденій, и слѣдовательно, законность и правильность дѣйствій опекуна опредѣляется не волею малолѣтняго, а такъ сказать, распредѣляется между опекуномъ и опекунскими учрежденіями, имѣющими право разрѣ
или другія дѣйствія. Общія на
даютъ и на этотъ вопросъ сл
сомнѣнно правильный отвѣтъ
скія дѣйствія опекуна, имѣющія
силу, по несправедливыя, вред
точныя для состоящаго подъ
чаетъ тотъ, кто ихъ совершилъ
шилъ, т.-е. допустилъ ихъ совер
если опекунъ, имѣя право собст
стью предпринять юридическое д
полнилъ его, то онъ за него отвѣ
законъ требуетъ на такое дѣй
шенія опекунскихъ учрежденій
то отвѣчаетъ вмѣстѣ съ опеку
кунское учрежденіе, когда вредъ
нанесенъ по его несмотрительнос
мательности или умыслу; наконец
совершеніи дѣйствія участвовало
куна и опекунскихъ учрежденія
кое-либо должностное лицо или
наприм., нотаріусъ, и по его вин
сти или умыслу) дѣйствіе, вредное
лѣтняго, получило законную силу,
вѣтственности за ущербъ и убыт
кается и это должностное лицо или
ніе. Такъ разрѣшается вопросъ
томъ только случаѣ, когда юрид
ствіе, хотя и убыточное для состо
опекою, имѣетъ законную силу.
рѣшается онъ, когда законъ не
такого дѣйствія законнымъ, объ
заранѣе какъ бы несостоявшимся
ствительнымъ. Въ этихъ случа
новляется то матеріальное или
ное положеніе дѣтъ, какое суще
совершенія юридическаго дѣйст
наемаго незаконнымъ и недѣйст
поэтому, отъ него состоящій п
не терпитъ убытка: ущербъ не
посторонняя лица, относительно
дѣйствіе совершено (которыя, на
его имущество, или заключили с
говоръ), и въ такомъ случаѣ,
они, а не состоящій подъ опек
право требовать вознагражденія
по чьей винѣ совершены юриди
ствія, признанныя недѣйствител
конными.

При строго-послѣдовательномъ
началѣ юридическаго представит
изложенные выводы вытекаютъ
и не возбуждаютъ ни сомнѣнія.
Если, въ примѣненіи къ опекѣ

ки возбуждали и до сихъ поръ
ь различныя недоумѣнія, то при-
шается въ томъ, что въ римскомъ
ившемъ силу закона въ Европѣ,
дставительства не было примѣ-
юридическимъ отношеніямъ, возни-
съ опеки между опекуномъ и со-
подъ опекой, а не было оно при-
ому, что публичный характеръ
имскомъ правѣ, хотя и создался,
ъ выработаться во всѣхъ примѣ-
подробностяхъ; главное же—по-
тношеніи публичныхъ элементовъ
къ явленіямъ и фактамъ граж-
частной жизни почти вовсе не
ены съ тою подробностью, какъ
жъ теперь. По римскому праву,
добно главѣ семейства, не исклю-
ческой дѣятельности состоящаго
о, какъ власть домоначальника
да, ее въ подвластныхъ ей. Но
кать подчиненный власти домо-
онъ тѣлалъ для него, а не для
ицамъ, подчиненнымъ опекѣ, это
могло быть примѣнено вполнѣ
вившнюю эпоху, потому что они
способны и граждански самостоя-
когда состоящіе подъ властью
у начали становиться правоспо-
отвѣтственными за свои дѣйствія,
вовсѣмъ невозможнымъ примѣнить
начало власти домоначальника.
ь мы думаемъ, скрывается при-
запутанностей въ ученіи объ
имскому праву. Опекунъ дѣйство-
олѣтняго, пока послѣдній фактиче-
былъ въ состояніи дѣйствовать
да онъ становился къ тому спо-
было закона, который бы призна-
ченныя имъ юридическія дѣйствія
ми законной силы. Однако такія
по самому возрасту состоящаго
о, могли быть для него невыгод-
ять онъ легко могъ стать въ сво-
ихъ жертвою безсовѣстности и
бы отвратить это послѣдствіе не-
придумано возстановленіе въ преж-
ie (in integrum restitutio), т.е.
или признаніе юридическихъ дѣй-
ршенныхъ лицомъ, недостигшимъ
дѣтія, не имѣющими законной
онъ и возвращался юридически
олніе, въ какомъ находился до
такихъ дѣйствій. Этимъ спосо-
бомъ, невыгодная и несправедливая для несовершеннолѣтняго сторона его права совершать юридическія дѣйствія, конечно, была устранена; но отсюда возникало другое важное неудобство для постороннихъ лицъ: вступая въ обязательства и сдѣлки съ несовершеннолѣтними, они не могли быть увѣрены въ прочности несомнѣнности такихъ обязательствъ и сдѣлокъ, такъ какъ возстановленіе правъ несовершеннолѣтняго могло сдѣлать такія обязательства и сдѣлки недѣйствительными. Чтобы помочь этому злу, придумано попечительство—curatela. По смыслу римскаго попечительства, несовершеннолѣтнему придавался попечитель, котораго участіе въ совершеніи несовершеннолѣтнимъ юридическихъ дѣйствій дѣлало послѣдніе безповоротными и навсегда крѣпкими. Такимъ образомъ, уже въ римскомъ правѣ намѣченъ путь дальнѣйшаго развитія ученія объ опекѣ у новыхъ народовъ: во время малолѣтства, опекунъ дѣйствуетъ за малолѣтняго; съ наступленіемъ несовершеннолѣтія, когда человѣкъ становится способенъ дѣйствовать самъ, но его дѣйствія еще не безповоротны, ему, въ интересахъ третьихъ лицъ, придавался попечитель, который, своимъ участіемъ въ совершаемыхъ имъ сдѣлкахъ, придавалъ послѣднимъ значеніе законныхъ и неизмѣнныхъ. Попечительство, въ этомъ смыслѣ, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ, устроеннымъ въ интересахъ не постороннихъ лицъ, а самого несовершеннолѣтняго. Поэтому, какъ оно, такъ и in integrum restitutio, были отмѣнены въ новыхъ европейскихъ законодательствахъ, и послѣдовательное примѣненіе началъ юридическаго представительства къ ученію объ опекѣ устранило всѣ тѣ запутанности и недоразумѣнія, которыя вызывались обычностью римскаго права по этому предмету. Въ нашемъ законодательствѣ, по примѣру европейскихъ, принято и разъясненіями кассац. сената утверждено начало представительства опекуномъ лица малолѣтняго, со всѣми изложенными выше послѣдствіями, какъ по внѣшнимъ отношеніямъ опекуна и состоящаго подъ опекою, такъ и для постороннихъ лицъ. Сводъ законовъ различаетъ юридическія дѣйствія, касающіяся состоящаго подъ опекою, вовсе недѣйствительныя, отъ такихъ, которыя сохраняютъ свою силу и законность, но создаютъ для состоящаго подъ опекою право искать убытковъ съ опекуна. Недѣйствитель-

ными признаются: крѣпости и акты отъ имени малолѣтняго, или имъ написанные (Зак. граж., ст. 218), въ томъ числѣ и выданныя отъ него закладныя (тамъ же, примѣч.); согласіе, данное малолѣтнимъ на какой-либо актъ (тамъ же, ст. 219); обязательства, выданныя несовершеннолѣтнимъ безъ согласія и подписи попечителя (тамъ же, ст. 220). „Несовершеннолѣтній, давшій письменное обязательство или совершившій какой-либо актъ отъ своего лица, безъ согласія опекуна, не подвергается по онымъ никакому взысканію и отвѣту, ни во время малолѣтства его, ниже по вступленіи въ совершенныя возрасть" (Зак. гражд., ст. 222). По разъясненію кассаціоннаго сената, точно такъ же недѣйствительно, для несовершеннолѣтняго, обязательство, принятое попечителемъ самостоятельно, безъ участія несовершеннолѣтняго. Всякій актъ, выданный несовершеннолѣтнимъ безъ согласія попечителя, если этимъ актомъ несовершеннолѣтній принимаетъ на себя какое-либо обязательство и входитъ въ долгъ, недѣйствителенъ. Правило это относится и къ векселямъ, и къ передачѣ обязательствъ, и къ отказу отъ правъ, наприм., отъ права требовать отчета отъ бывшаго опекуна и проверять его дѣйствія. Выданныя безъ согласія попечителя обязательства недѣйствительны, хотя бы несовершеннолѣтній состоялъ уже въ бракѣ, или вовсе не имѣлъ попечителя, или другая, участвовавшая въ актѣ сторона и не знала о несовершеннолѣтіи своего контрагента. Всякое значеніе самаго факта, изъ котораго возникло такое недѣйствительное обязательство, по отношенію къ несовершеннолѣтнему, уничтожается; поэтому, обязательство остается ничтожнымъ, хотя бы обязавшійся, достигнувъ совершеннолѣтія, призналъ выдачу обязательства и не отрицалъ факта, изъ котораго оно возникло. Но само собою разумѣется, отъ него зависитъ, вступивъ въ совершеннолѣтіе, признать актъ для себя обязательнымъ: въ этомъ случаѣ онъ становится обязательнымъ къ силу изъявленія воли совершеннолѣтнимъ. Наконецъ, недѣйствительность сдѣлки, заключенной несовершеннолѣтнимъ безъ согласія попечителя, не можетъ быть источникомъ ни правъ или выгодъ для посторонихъ лицъ (получившихъ деньги отъ малолѣтняго не можетъ удержать ихъ въ свою пользу), ни служить къ выгодѣ или пользѣ самого несовершеннолѣтняго (несовершеннолѣтній, взявши приданое своей жены, обязанъ его возвратить, получивъ свои деньги, не можетъ требовать ихъ вторично (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 220, § 3, стр. 48 и къ ст. 222, §§ 49 и 50).

Кромѣ дѣйствій, признаваемыхъ [illegible] щими вообще силы, т.-е. вообще [illegible] тельными, всѣ прочія дѣйствія [illegible] совершаемыя ими въ качествѣ [illegible] лей малолѣтнихъ, точно такъ же [illegible] ствія самихъ несовершеннолѣтнихъ [illegible] сія попечителей, признаются [illegible] шившимися и сохраняютъ свою [illegible] для опекуновъ-попечителей [illegible] несовершеннолѣтнихъ, такъ и для [illegible] нихъ лицъ; но если такими дѣй[illegible] рушены интересы лицъ, состоящ[illegible] опекою или попечительствомъ, то, [illegible] характеру и свойству дѣйствія, [illegible] попечители или только отвѣчаютъ [illegible] сенный ими ущербъ и убытокъ или [illegible] вергаются, сверхъ того, отказу [illegible] ловнымъ законамъ. (См. начала [illegible] части въ законахъ гражданскихъ [illegible] въ разъясненіяхъ кассац. сената, [illegible] состоящаго подъ опекою обязательны[illegible] знаются такія лишь сдѣлки опекун[illegible] рыя заключены имъ въ предѣлахъ [illegible] занностей, да и то, когда онъ [illegible] рилъ, что выдалъ актъ въ [illegible] куна. Если опекунъ не требовалъ [illegible] ченному съ малолѣтнимъ контракту [illegible] нія отъ контрагента, то малолѣтній [illegible] право впослѣдствіи взыскивать съ [illegible] понесенные чрезъ то убытки. Если [illegible] пропустилъ срокъ давности на пре[illegible] иска по обязательству, то состоящ[illegible] его опекою можетъ впослѣдствіи [illegible] нимъ убытковъ, но не прежде, к[illegible] чить отказъ, по рѣшенію суда ко[illegible] по тому обязательству съ самого [illegible] та. (О пропускѣ срока давности [illegible] малолѣтняго будетъ сказано ниже [illegible] опекунскихъ отчетовъ опекунскими [illegible] ніями не имѣетъ никакого отно[illegible] праву малолѣтняго искать на опе[illegible] ковъ и никакого вліянія на это [illegible] стоящій подъ опекою можетъ [illegible] опекуновъ убытковъ до и послѣ р[illegible] жетъ также требовать представле[illegible] если онъ не представленъ или пр[illegible] кунскимъ учрежденіемъ недостато[illegible] ровиковскій, разъясн. къ ст. 270, §§ [illegible] 60 и 61; къ ст. 274, стр. 61; к[illegible]

б). По закону „опекуны и попе-
случаѣ нерадѣнія или умысла въ
равъ лица, попеченію ихъ вѣ-
тѣчаютъ собственнымъ своимъ
по мѣрѣ происшедшей чрезъ то
й (?) произошли для малолѣтняго
ак. гражд., ст. 290). По кассац.
ъяснилъ весьма правильно, что
Данные опекуномъ въ этомъ сво-
для пользы малолѣтняго, или для
дохода изъ его имущества, па-
послѣднее, а не насчетъ опекуна;
расходы или заключенныя опе-
зательства будутъ потомъ при-
изводительными или вредными
щаго подъ опекою, то опекунъ
ъ привлеченъ къ отвѣтственности.
ность передъ третьимъ лицомъ за
тиненные ему нарушеніемъ, со
екуна, договора, обязательнаго
аго подъ его опекою, падаетъ
ого. Неправильность дѣйствій опе-
ъ служить основаніемъ къ требо-
екуна убытковъ, но не къ упи-
коино совершеннаго дѣйствія по
къ третьему лицу, наприм., про-
дажи имущества малолѣтняго, ко-
ана неправильными дѣйствіями
ровиковскій, разъясн. къ ст. 290,
же начало выражено и въ слѣ-
аконѣ: „Ежели опекуны или по-
ринадлежащее малолѣтнему иму-
капиталы отдадутъ изъ прибыли
вшемуся впослѣдствіи несостоя-
го хотя таковыя имущества и
въ конкурсную массу, но мало-
убыткахъ отвѣтствуютъ опекуны
нители" (Зак. гражд., ст. 291).
самъ опекунъ или попечитель,
капиталы или имущества, попе-
вѣренные по дѣламъ своимъ,
несостоятельнымъ, то имущества
поступаютъ въ массу, но сохра-
олѣтнимъ сполна и съ причитаю-
центами, по день открытія несо-
ти. Несостоятельный же долж-
коиольное употребленіе тѣхъ ка-
имуществъ, подвергается законо-
нію" (Зак. гражд., ст. 292).
зложеннаго видно, что состоя-
екою и попечительствомъ нахо-
екуномъ или попечителемъ ви
представляемаго къ представи-
ки только особенностями и отли-
чіями отъ обыкновеннаго юридическаго представительства, которыя вызываются различіемъ добровольно даннаго полномочія или довѣренности дѣеспособнымъ лицомъ отъ необходимаго, обязательнаго представительства лица недѣеспособнаго, не могущаго имѣть и выражать свою волю, и которое, потому, состоитъ подъ защитою и охраною общества и публичной власти. Юридическія послѣдствія опеки и попечительства представляютъ лишь частный случай необходимаго или обязательнаго представительства, имѣющаго весьма обширный кругъ примѣненія въ современныхъ европейскихъ обществахъ и множество разнолидностей. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ случаи, когда органъ публичной власти, судъ или администрація, съ согласія или безъ согласія или даже противъ воли лица, дѣйствуютъ вмѣсто него, охраняютъ его имущество, распоряжаются имъ, отчуждаютъ его, вступаютъ въ обязательства и сдѣлки. Эти виды представительства, созданныя развитіемъ публичнаго элемента и потребностями правильнаго общежитія, еще не вполнѣ выработаны, но рано или поздно должны занять принадлежащее имъ мѣсто въ законодательствахъ и въ наукѣ правовѣдѣнія.

IV. *Привилегіи состоящихъ подъ опекою.*

Съ перваго взгляда можно бы признать за такую привилегію юридическую недѣйствительность извѣстныхъ дѣйствій какъ опекуна и попечителя, такъ и лицъ, состоящихъ подъ опекою и попечительствомъ. Но на самомъ дѣлѣ, никакой привилегіи, исключительно принадлежащей малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ, тутъ нѣтъ. Законъ, опредѣляя при какихъ условіяхъ то или другое дѣйствіе признается имѣющимъ законную силу, тѣмъ самымъ объявляетъ незаконными и недѣйствительными, въ большей или меньшей мѣрѣ или степени, тѣ, которыя этимъ условіямъ не удовлетворяютъ, съ ними не сообразуются, и это начало одинаково примѣняется ко всѣмъ случаямъ, въ томъ числѣ и по отношенію къ дѣйствіямъ опекуновъ, попечителей малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Единственной привилегіей лицъ, состоящихъ подъ опекою, является установленное закономъ въ ихъ пользу пріостановленіе теченія давности до наступленія ихъ совершеннолѣтія. Привилегія эта изложена такъ: „при исполненіи 10-тилѣтняго срока давно-

сти въ отношеніи къ малолѣтнимъ... соблюдаются слѣдующія правила: 1) если наслѣдникъ или преемникъ права на имущество будетъ малолѣтній, то на все время малолѣтства его теченіе давности пріостанавливается; съ достиженіемъ же совершеннолѣтія, ему предоставляется, по вышесказанному, только остальное отъ его предшественника время; но буде оно составитъ менѣе 2-хъ лѣтъ, то ему предоставляются полные два года" (Зак. гражд., прилож. по продолж. къ ст. 694, примѣч., ст. 2, п. 1; ст. 1098). Это важное преимущество требуетъ ближайшаго поясненія.

Во-1-хъ, оно изложено въ правилахъ о земской давности „для начатія тяжбъ и исковъ", слѣдовательно, относится только къ давности погашающей, а не пріобрѣтающей; другими словами — теченіе давности владѣнія въ силу которой малолѣтній пріобрѣтаетъ имущество въ собственность, не прекращается и продолжается за все время безостановочно, до наступленія совершеннолѣтія;

во-2-хъ, привилегія, о которой идетъ рѣчь, относится только къ земской, т.-е. десятилѣтней давности. Отсюда слѣдуетъ, что менѣе продолжительные сроки для начатія иска, — а правъ иска, погашаемыхъ болѣе короткими сроками, весьма много — подъ изложенное правило не подходятъ, и на время малолѣтства теченіе ихъ не пріостанавливается, исключая тѣ случаи, когда объ этомъ прямо сказано въ законѣ (см. Зак. гр., ст. 1098);

въ-3-хъ, хотя въ законѣ и говорится только о малолѣтнихъ, но онъ относится и къ несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ въ немъ прямо сказано, что привилегія прекращается съ достиженіемъ совершеннолѣтія;

въ-4-хъ, упомянутая привилегія установлена только въ пользу малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, а не въ пользу посторонихъ лицъ. На этомъ основаніи нельзя понимать законъ такъ, будто теченіе давности пріостанавливается и для тѣхъ, которые имѣютъ право иска противъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ: воспользоваться привилегіею могутъ только состоящіе подъ опекою и попечительствомъ, въ ихъ искахъ и тяжбахъ противъ посторонихъ лицъ.

Кромѣ того, кассаціоннымъ сенатомъ было разъяснено, что правило о пріостановленіи давности относится къ искамъ на всякаго рода имущество и по обязательствамъ [illegible] давность для малолѣтнихъ по [illegible] чаѣ пріостанавливается, независимо [illegible] исполнилъ или не исполнилъ [illegible] обязанность по защитѣ правъ [illegible] Но можетъ ли самъ опекунъ [illegible] въ интересахъ состоящаго подъ [illegible] пріостановкою теченія давности [illegible] ною для послѣдняго, или этою [illegible] можетъ воспользоваться лишь [illegible] подъ опекою, по достиженіи [illegible] лѣтія? Сначала кассаціонный [illegible] жался послѣдняго взгляда, но [illegible] измѣнилъ его и перешелъ къ [illegible] переходъ нельзя не признать [illegible] вильнымъ: опекунъ есть не что [illegible] представитель малолѣтняго и [illegible] можетъ, дѣйствуя за него въ [illegible] пользоваться всѣми принадлежащими [illegible] правами (Боровиковскій, разъясн. къ [illegible] закону §§ 1—3, стр. 736 и 737).

Кромѣ привилегіи пріостановки [illegible] сти, погашающей право иска в [illegible] новъ установлена еще другая, [illegible] малолѣтніе пользуются, по достиженіи [illegible] шеннолѣтія, въ продолженіе опред[illegible] числа лѣтъ (пребывающіе въ Росс[illegible] а находящіеся за границею) пре[illegible] правомъ приносить апелляціонныя [illegible] хотя бы опекуны подписали ул[illegible] или апелляціонный срокъ былъ пр[illegible] Для воспитывающихся въ публичны[illegible] ныхъ заведеніяхъ льготные апе[illegible] сроки считаются „съ того врем[illegible] они, быв выпущены изъ учебны[illegible] нія, вступятъ въ управленіе сво[illegible] вѣмъ" (Зак. гражд., ст. 293 [illegible] Кассаціонный сенатъ призналъ [illegible] легію отмѣненной въ тѣхъ мѣстн[illegible] введены судебные уставы 1864 г., [illegible] потому, что о ней въ судебныхъ [illegible] не упоминается.

V. *Прекращеніе опеки и попеч[illegible]*

Здѣсь идетъ рѣчь не о прекращ[illegible] и попечительства въ лицѣ того и[illegible] опекуна или попечителя, а о [illegible] ея вообще по отношенію къ [illegible] или несовершеннолѣтнему.

Опека и попечительство прекр[illegible] этомъ смыслѣ тогда, когда исчезл[illegible] и обстоятельства, при которыхъ [illegible] знаетъ существованіе опеки и [illegible] ства необходимыми, другими слов[illegible] отпадаютъ отсутствіе или недо[illegible]

сти, зависящія отъ возраста, и
ные полнымъ или неполнымъ
а это возможно только въ двухъ
именно: или когда самое суще-
ловѣка—малолѣтняго или несо-
няго — прекращается смертью,
ъ, съ лѣтами, перестанетъ быть
и несовершеннолѣтнимъ, т.-е.
совершеннолѣтіе.
къ было сказано, съ наступле-
лѣтняго возраста, сама собою
я въ попечительство. Что ка-
слѣдняго, то оно можетъ пре-
иначе, какъ въ силу постанов-
скаго учрежденія, отъ котораго
тановленіе опеки и попечитель-
рожденіе опекуновъ и попечите-
ности.
щественныя черты опеки и по-
въ настоящее время. Изъ раз-
довъ организаціи опеки и попе-
въ современныхъ законодатель-
всѣхъ подходитъ къ нормаль-
йство опеки во Франціи, благо-
что въ основаніи его лежитъ се-
ѣть, на необходимость котораго
ообще семейнымъ дѣламъ было
ше. Попытки обратить опеку въ
чную должность не привели и
ривести къ удовлетворительному
задачи, потому что всѣ вообще
ношенія не подходятъ подъ чисто
опредѣленія. Дѣла опеки и по-
должны завѣдываться ближай-
венниками и друзьями малолѣт-
совершеннолѣтняго, подъ контро-
чной власти и подъ апелляціей
лько такая комбинація обѣщаетъ
ультаты, и постепенное введеніе
емейныя дѣла, личныя и по иму-
дставляетъ, мы глубоко въ томъ
диственный исходъ изъ тепе-
рудненій.

Усыновленіе.

ніе, какъ уже замѣчено, не слѣ-
ивать съ узаконеніемъ. Послѣд-
ѣтъ незаконнорожденныхъ дѣтей
ъ; усыновленіе пріобщаетъ къ
лица посторонніе, не связанные
ными узами крови съ усынов-
амѣняетъ природныхъ дѣтей, если
выразиться, искусственными, и
ается нами въ отдѣлѣ семьи
гражданской, созданной по образцу есте-
ственной, кровной.

Усыновленіе, подобно опекѣ, имѣетъ двѣ
стороны, которыя не всегда достаточно раз-
личаются: частную и публичную. Первое
усыновленіе примыкаетъ къ семьѣ и семей-
ному праву, такъ какъ восполняетъ недоста-
токъ природныхъ дѣтей усыновленными, ко-
рая вытекаетъ изъ того, что дѣти наслѣ-
дуютъ не только имя и имущество, но и
гражданское состояніе, другими словами—
общественное положеніе родителей, насколько
послѣднее не составляетъ личнаго преиму-
щества, не передаваемаго никому другому
(напримѣръ, чины, должности, занимаемыя
въ государственной и общественной службѣ).
Въ частномъ быту, замѣна естественныхъ
дѣтей усыновленными есть частное семейное
дѣло, составляющее настолько предметъ за-
конодательныхъ опредѣленій и наблюденія
публичной власти, насколько имъ подлежатъ
всякія вообще отношенія между людьми, лич-
ныя и имущественныя. Такимъ образомъ, и
по этой причинѣ, законъ не только установ-
ляетъ правила удостовѣренія факта усынов
ленія и его прекращенія, но и регулируетъ
отношенія усыновителей къ усыновляемымъ,
въ интересахъ природныхъ и усыновляемыхъ
дѣтей. Въ общественномъ или публичномъ
смыслѣ послѣдствія усыновленія разсматри-
ваются и опредѣляются совсѣмъ съ иной
точки зрѣнія, а именно по тому значенію,
какое ему можетъ быть присвоено въ инте-
ресахъ общественнаго или государственнаго
быта, — интересахъ, которые могутъ совпа-
дать, но могутъ и расходиться съ частными,
личными и семейными соображеніями.

Подобно опекѣ, и усыновленіе лишь по-
степенно выработалось изъ частнаго, привать-
наго характера и подчинено юридическимъ
опредѣленіямъ. Въ историческомъ своемъ
развитіи, оно, подобно другимъ семейнымъ
установленіямъ, измѣнялось въ своихъ фор-
махъ, соотвѣтственно съ постепенною замѣ-
ною однихъ условій общественной жизни
другими. Мы не разъ указывали на то, что
первоначальными древнѣйшими юридически
бытъ у всѣхъ народовъ представлялъ юри-
дически закрѣпленный семенной и родовой
бытъ, вслѣдствіе чего, изъ замѣны семьи есте-
ственной, кровной, установилась семья граж-
данская, искусственная: что на этомъ раз-
витіи, однако, не остановилось и выразилось
въ постепенномъ перерожденіи быта семей-

наго и родового къ гражданскій, характеристическими признаками котораго являются: юридическая самостоятельность членовъ семьи, пріобрѣтеніе каждымъ изъ нихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, образованіе и усиленіе общественной, публичной власти, упадокъ юридическихъ рода и семьи и высвобожденіе изъ-подъ нея природныхъ, кровныхъ отношеній, изъ которыхъ первоначально и развились семья и родъ искусственные, гражданскіе. Эти фазисы развитія отразились и на постепенной выработкѣ усыновленія, которую можно, подобно развитію опеки, прослѣдить съ подробностью въ исторіи римскаго права.

Усыновленіе, по древнѣйшему римскому праву, сложилось въ условіяхъ гражданской или искусственной семьи въ двухъ видахъ — arrogatio и adoptio. По смыслу семейныхъ и родовыхъ юридическихъ отношеній, усыновленіе не было, какъ теперь, замѣною естественныхъ, природныхъ дѣтей, усыновленными посторонними лицами а приводилось къ подчиненію отеческой власти. Если поступавшій подъ отеческую власть постороннято лица былъ самостоятелемъ, т.-е. самъ былъ, юридически, домовладыка, то такое подчиненіе отеческой власти другого называлось arrogatio; если же кто-либо изъ-подъ отеческой власти одного лица переходилъ подъ такую же власть другого, то такая перемѣна отеческой власти называлась adoptio. Для того, чтобы понять смыслъ всѣхъ запутанныхъ постановленій римскаго права объ arrogatio и adoptio, надобно не терять изъ виду, что имѣетъ съ старинными семейными и родовыми отношеніями значеніе отеческой власти домовладыки постепенно сглаживалась и теряясь уступая мѣсто реальнымъ, дѣйствительнымъ кровнымъ отношеніямъ, которыя все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ и что въ древнемъ римскомъ правѣ по мѣрѣ развитія личной и имущественной самостоятельности лицъ, подчиненныхъ власти домовладыки сложились крайне сбивчивыя и спутанныя имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми, такъ какъ по древнему праву дѣти никакихъ имущественныхъ правъ не имѣли а позднѣйшее право все болѣе и болѣе отклонялось отъ этого принципа и постепенно переходило къ признанію имущественныхъ правъ дѣтей. Но до конца римской имперіи, права эти никогда не были вполнѣ проведены.

ражались лишь въ частныхъ постановленіяхъ и существовали бокъ-о-бокъ съ постановленіями древнѣйшей формы [illegible] перешли и въ законодательныхъ народовъ, которые приняли право какъ дѣйствующій законъ, и при буквально догматическомъ толкованіи положеній, съ практическою цѣлью [illegible] долго не могли разобраться въ [illegible] и противорѣчіяхъ, вытекавшихъ [illegible] изъ невыясненности самыхъ начальныхъ существенному своему смыслу усыновленіе обоихъ значеніяхъ, устанавливало [illegible] ныхъ, имущественныя отношенія усыновителемъ и усыновленнымъ и [illegible] наслѣдованія. Такъ какъ и это [illegible] давало поводъ къ усыновленію съ [illegible] цѣлью, то въ римскомъ правѣ [illegible] раторовъ сдѣланы были различныя [illegible] ченія относительно усыновленія [illegible] слѣдствій, съ цѣлью устранить [illegible] для усыновляемыхъ имущественныхъ [illegible] ствія. Римскія постановленія перешли [illegible] съ римскимъ правомъ, въ Германію, [illegible] пеніе ихъ, съ измѣнившимся [illegible] отеческой власти и гражданскаго [illegible] ослабѣло и умалилось. Новѣйшія [illegible] тельства, саксонское и прусское, [illegible] различія между adoptio и arrogatio, [illegible] усыновителю не имущественныхъ [illegible] правъ наслѣдованія въ имѣніи [illegible] наго, а предоставляютъ только [illegible] право наслѣдованія въ имуществѣ [illegible] теля и сохраняютъ связь усыновленнаго [illegible] той семьей, въ которой онъ родился. [illegible] сонскому праву, на усыновленіе [illegible] королевскій рескриптъ, по прусскому [illegible] или приговоръ (по римскому праву [illegible] совершалось рескриптомъ императора [illegible] datio — договоромъ въ судѣ). [illegible] скому праву, усыновленіе дозволяется [illegible] человѣку не моложе 60-ти лѣтъ, [illegible] законныхъ нисходящихъ, лица [illegible] тнаго, которому онъ давалъ [illegible] жаніе не менѣе 60-ти лѣтъ во время [illegible] совершеннолѣтія. Исключеніе [illegible] только въ томъ случаѣ, если усыновитель спасъ усыновителя отъ смерти [illegible] усыновитель, по человѣческимъ [illegible] не можетъ ложить по своему [illegible] усыновляемаго.

Изъ сказаннаго видно, что [illegible] новомъ мірѣ имѣетъ совершенно [illegible] рактеръ, чѣмъ въ древнемъ. У [illegible]

емья гражданской, юридической,
сопровождалось выходомъ усы-
изъ одной семьи и переходомъ
при чемъ всякая связь родства
о прекращалась и устанавлялась
ьею усыновителя, со всѣми юри-
послѣдствіями такой перемѣны.
вій всякаго юридическаго значе-
ь связей, которыя, однако, послу-
-то прототипомъ семьѣ граждан-
полное прекращеніе естествен-
дныхъ связей и полная замѣна
твенными не могла продержаться
, еще въ римскомъ обществѣ.
данской и вступленіемъ въ свои
естественной и кровныхъ род-
тношеніи. Еще менѣе это было
новыхъ законодательствахъ. От-
ъ усыновленіе и получило совер-
характеръ. „Въ нынѣшнемъ видѣ
новленіе не устанавливаетъ цѣль-
го отношенія между усыновите-
новляемымъ, какое возникаетъ
естественнаго рожденія. Оно обни-
ю нѣкоторыя стороны родитель-
ленія, оставляя другія вовсе не
-не разрываетъ связи усыновляе-
ными родственниками его, не
ь родственнаго отношенія между
мъ и кровными родственниками
. Отношеніе, подобное родствен-
аетъ только между усыновите-
мъ усыновляемымъ и его нисхо-
сыновленіе не даетъ вполнѣ тѣхъ
ущества, которыя соединены съ
ми отношеніями кровной связи,
усыновителю всѣхъ тѣхъ правъ,
лежатъ кровному родителю, не
шествіемъ къ браку въ той мѣрѣ,
ложено римскими и греко-рим-
ами" (Побѣдоносцевъ, стр. 157).
новленія требуется соблюденіе
особыхъ условій. Во-1-хъ, на-
ь усыновителемъ былъ человѣкъ
способнымъ къ браку (по этому
ви католической церкви неспо-
ыновленію). Бездѣтная жена счи-
ся способною къ усыновленію, съ
ка, а французскій законъ и мужа
ъ подобномъ случаѣ согласенъ
-хъ, усыновитель долженъ быть
50 лѣтъ (прусск., австр., франц.).
ь долженъ быть старше усыно-
оженнымъ числомъ годовъ (австр.
18 франц. 15; въ прусскомъ нѣтъ этого
условія)" (Побѣдоносцевъ, стр. 158). Въ-4-хъ,
по французскому законодательству, какъ ска-
зано, требуется, чтобы усыновляемый со-
стоялъ подъ попечительствомъ усыновителя,
но ни этого условія, ни условія возраста не
требуется, если усыновляемый спасъ жизнь
усыновляющему. Разъ совершившееся усы-
новленіе не можетъ быть взято назадъ. Усы-
новленный, по французскому праву, остается
чуждымъ семейству усыновителя. Изъ усы-
новленія возникаютъ обоюдныя обязанности
давать содержаніе. Если усыновляющій со-
стоитъ въ бракѣ, то на усыновленіе нужно
согласіе супруга. Допускается и усыновленіе
обоими супругами вмѣстѣ. „Въ-5-хъ должно
быть согласіе родителей усыновляемаго или
опекуновъ. Въ-6-хъ, усыновленіе совершается
съ разрѣшенія правительственной власти (во
Франціи мироваго судьи, потомъ суда пер-
вой степени), по предварительномъ разсмо-
трѣніи обстоятельствъ" (Побѣдоносц., стр.
158 и 159).

Побѣдоносцевъ пріурочиваетъ къ усыно-
вленію попечительство неформальное (tutelle
officieuse), установленное французскимъ пра-
вомъ, и такъ называемое Einkindschaft, су-
ществующее, какъ мы видѣли, по нѣкоторымъ
партикулярнымъ правамъ Германіи, въ силу
котораго дѣти перваго брака, при вступленіи
матери ихъ въ новый бракъ, остаются подъ
властью вотчима и получаютъ одинаковое съ
будущими ихъ дѣтьми право на наслѣдованіе
послѣ родителей. Однако tutelle officieuse
болѣе подходитъ подъ понятіе объ опекѣ, а
Einkindschaft дѣйствительно имѣетъ большое
сходство съ усыновленіемъ.

По русскому законодательству, усыновленіе
не выработалось въ самостоятельное учре-
жденіе семейнаго порядка и опредѣляется
различно по сословіямъ и общественнымъ
группамъ. Происходитъ это оттого, что обще-
ственная и публичная сторона усыновленія,
на которую было указано выше, не разли-
чена отъ частной, домашней, смѣшеніе ихъ
и производитъ замѣчаемую въ нашемъ сво-
дѣ двойственность началъ, мѣшающую этому
учрежденію сложиться самостоятельно и пра-
вильно.

Общія начала усыновленія по своду
законовъ такія: усыновить своихъ незаконно-
рожденныхъ лицамъ неопредѣленныхъ состояній
запрещено (Зак. гражд., ст. 145; примѣч. къ
ст. 14 т. II, 2 по прод.; ст. 153). Изъ лицъ по-

данныхъ состояній (т.-е. по прежнему платящихъ подушную подать) это ограниченіе не простирается, но имъ вообще разрѣшено усыновлять только лицъ податнаго же состоянія (Зак. гражд., ст. 1581). Потомственные дворяне могутъ усыновлять не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія (тамъ же, ст. 146). Цѣль такого усыновленія возобновленіе фамиліи и передача, при жизни, фамиліи и герба, или присоединеніе ихъ къ фамиліи и гербу усыновителя. Согласно съ такимъ назначеніемъ усыновленія въ дворянскихъ родахъ, не имѣющаго ничего общаго съ усыновленіемъ въ смыслѣ семейственномъ, оно обставлено особыми условіями (Зак. гражд., ст. 145, 150), требуетъ согласія родителей усыновляемаго, если они живы (тамъ же, ст. 148), но не даетъ права наслѣдованія въ имуществѣ (тамъ же ст. 149). Для дворянъ личныхъ, не передающихъ своихъ правъ состоянія потомству, постановлены особыя правила. Имъ дозволено усыновлять, если у нихъ нѣтъ родныхъ дѣтей. Усыновляемымъ передается фамилія усыновителя, но безъ его правъ состоянія, и присвоиваются всѣ прочія права законныхъ дѣтей, въ томъ числѣ право наслѣдованія въ имуществѣ. Усыновленіе такого рода утверждается сенатомъ (Зак. гражд., примѣч. къ ст. 145 по прод.). Купцы могутъ, такимъ же порядкомъ, усыновлять своихъ воспитанниковъ и пріемышей (кромѣ своихъ незаконнорожденныхъ, которые черезъ то пріобрѣтаютъ всѣ права законныхъ дѣтей. Никакой оговорки о правахъ состоянія не сдѣлано, очевидно потому, что права состоянія купечества зависятъ отъ уплаты гильдейскихъ повинностей и записки въ гильдію (Зак. гражд., ст. 151—154). По званію потомственнаго почетнаго гражданина, какъ право состоянія, усыновленному не передается (тамъ же, ст. 154). Наконецъ, мѣщане и крестьяне могутъ принимать усыновляемыхъ податнаго состоянія къ своимъ семействамъ, чрезъ что усыновляемые вступаютъ въ права законныхъ дѣтей. Но полноправными членами крестьянскихъ обществъ, съ правами на надѣлъ, усыновленные становятся въ такомъ только случаѣ, когда на ихъ усыновленіе крестьянское общество изъявило свое согласіе (Зак. гражд., ст. 155—158). Такъ какъ право на надѣлъ землею есть дѣйствительное и существенное право членовъ крестьянскихъ обществъ, то мы не ошибемся, если скажемъ, что и по отношенію къ крестьянамъ нашъ законъ [illegible] сословное усыновленіе отъ семейнаго или первое въ зависимость отъ [illegible] обществъ, къ которымъ принадлежатъ усыновители.

Изъ этого очерка русскаго законодательства объ усыновленіи видно, что [illegible] смыслѣ семейнаго учрежденія, весьма развито и находится еще, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи.

В. родство и свойство.

Говоря о бракѣ, мы уже коснулись [illegible] шеній родства и свойства. Оба, по [illegible] происхожденію, коренятся въ тѣлесно-біологическихъ условіяхъ человѣческаго рода, какъ бракъ и союзъ родителей. Родство устанавливается рожденіемъ, новою связью физическаго происхожденія лицъ отъ другихъ; свойство устанавливается отношеніями или связью возникающими между людьми вслѣдствіе брака и черезъ [illegible] брака, именно не между супругами, а [illegible] членами двухъ или нѣсколькихъ родственныхъ союзовъ, вслѣдствіе того, что они сблизились между собою браками своихъ членовъ.

Подобно браку или связи родителей, родство и свойство имѣютъ [illegible] роны, которыя, соотвѣтствуя тремъ сторонамъ человѣческой природы, оказываютъ или менѣе замѣтное вліяніе на законодательство. Эти три стороны: біологическая, нравственная или [illegible] и общественная.

О физіологической сторонѣ родства мы уже говорили выше. Что [illegible] черты, нѣкоторыя болѣзни и [illegible] предрасположенія, даже привычки, [illegible] рожденіемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, [illegible] фактъ вполнѣ дознанный, хотя и [illegible] еще выясненный. Другой фактъ, [illegible] и несомнѣнно установленный, [illegible] недостаточно еще изслѣдованный, [illegible] что брачныя соединенія между членами [illegible] рода или нѣсколькихъ родовъ, [illegible] нихся тѣсно между собою частыми [illegible] ведетъ къ физическому и психическому [illegible] рожденію расы. Эти два факта, [illegible] установленія ихъ въ наукѣ, повели [illegible] преще нію браковъ въ извѣстныхъ [illegible] родства и свойства. Такимъ обра[illegible]

ванная на немъ общественность встрѣчается лицомъ къ лицу съ физіологическимъ фактомъ и условіемъ человѣческаго существованія, котораго упразднить или замѣнить другими нельзя. Правильное разрѣшеніе этого противорѣчія можетъ быть найдено, какъ мы думаемъ, только въ болѣе правильной постановкѣ отношеній индивидуализма къ общественности, а такая постановка будетъ всецѣло зависѣть отъ того значенія и роли, которыя будутъ признаны нравственности въ частной и публичной жизни. Наконецъ, во всѣхъ законодательствахъ, родство имѣетъ важное общественное значеніе по той роли, которая ему придана въ наслѣдованіи имуществъ. По закону природы, поколѣнія смѣняются, и послѣ вымирающихъ остаются имущества и отношенія имущественнаго характера, въ которыхъ заинтересованы многіе живущіе люди. Къ кому должны эти имущества и отношенія перейти послѣ умершихъ.—кто заступитъ ихъ мѣсто въ качествѣ владѣльцевъ, должниковъ и кредиторовъ? Разумѣется, семья. А если семьи нѣтъ—кто же? На это всѣ законодательства даютъ одинъ отвѣтъ—родственники; свойство не даетъ права наслѣдованія. Такой отвѣтъ противорѣчитъ, однако, общему ходу развитія. Родственники—члены рода, а родъ, какъ мы видѣли, съ установленіемъ гражданственности, ведетъ теряетъ мало-по-малу свое общественное значеніе, сперва въ законодательствѣ, а потомъ и въ нравахъ. Почему же родство, во всемъ и со всѣхъ сторонъ съуживаемое и вытѣсняемое по мѣрѣ усиленія гражданственности, основанной на индивидуализмѣ, удержалось какъ юридическое и общественное основаніе для передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе имущества, имущественныхъ правъ и обязательствъ? Въ томъ видѣ, въ какомъ наслѣдованіе существуетъ теперь, оно не объясняется даже психической и нравственной близостью, порождаемой сожительствомъ и привычкой, ибо опредѣляется лишь по ариѳметическому счету рожденій и близости крови и исключаетъ свойство вовсе не принимая въ соображеніе дѣйствительно существующихъ нравственныхъ связей и отношеній родственниковъ. Общество, въ высшей степени заинтересованное въ поддержаніи и сохраненіи своей начальной, зачаточной физіологической и нравственной ячейки—семьи, не имѣетъ никакого интереса въ увѣковѣченіи связей и отношеній родства и свойства, въ его интересѣ устранить браки въ ближайшихъ степеняхъ родства, такъ какъ подобные браки за собою вырождение поколѣній.

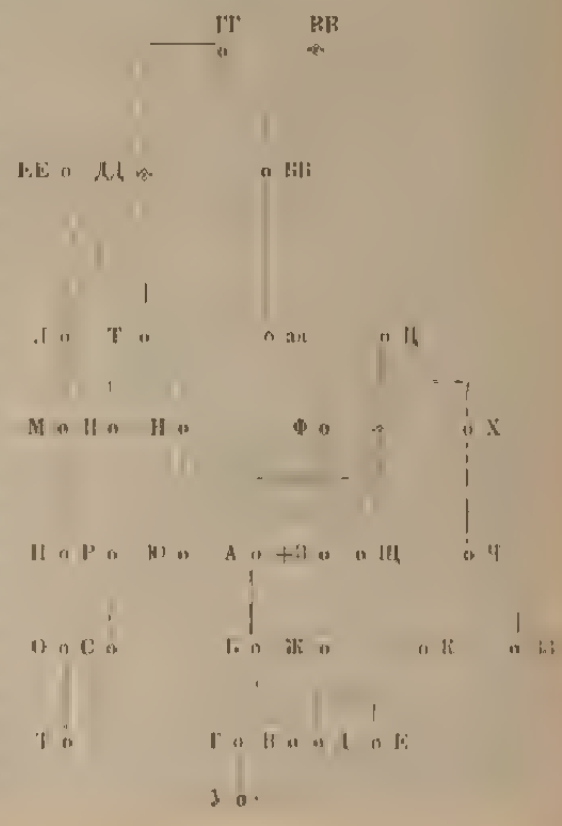
Противорѣчіе и непослѣдовательность, которую мы указываемъ, объясняются исторіей. Современныя законодательства воспріяли начала наслѣдованія отъ древняго права, въ которомъ преемство по родству имуществъ, имущественныхъ правъ и отношеній, выработано всѣмъ ходомъ римской жизни. Посреди тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ развитіе совершалось, сначала, въ свое время, было важнымъ шагомъ и успѣхомъ. Въ древнемъ римскомъ правѣ господствовала семья и начала, гражданская, юридическая, дальнѣйшее свое продолженіе и развитіе въ такомъ же юридическомъ, исключительно гражданскомъ родѣ. Съ появленіемъ гражданственности, эти основанія когда-то исключительно руководившія жизни пали и замѣнены, въ частности болѣе естественнымъ—кровнымъ. Но развитіе римской жизни и остановилось на томъ, съ тѣмъ водворился безграничный индивидуализмъ какъ естественное послѣдствіе разложенія древняго родового и общественнаго строя, служившаго прежде общественною связью; а гражданственность, объединяющій элементъ не были еще достаточно сильны, чтобъ создать новыя связи и отношенія между людьми, какъ впослѣдствіи въ современныхъ европейскихъ обществахъ, результатъ римской жизни, на сколько она касается наслѣдованія, перенесенной въ современныя европейскія законодательства и по наше время удержалось, не смотря на совершенно измѣнившіяся условія и обстановку частной и общественной жизни въ государствахъ новой формаціи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, попытаемся объяснить, въ какомъ видѣ родство получили юридическое значеніе въ древнихъ и новыхъ законодательствахъ.

Съ тѣхъ поръ, что прежнее родовое семейное общественное устройство распалось, и индивидуализмъ сталъ основаніемъ и исходною точкою юридическихъ отношеній, объективнымъ мѣриломъ ихъ не можетъ служить гражданское родство, а психическая близость людей. Ибо мѣрило родство—кровная связь, и сама связь, возникающая при посредствѣ

вящія, происходящія отъ одного отца или матери, разсматриваются, всѣ вмѣстѣ, какъ нѣкое цѣлое, члены котораго связаны между собою союзомъ крови или рожденій. Придуманъ особый счетъ для опредѣленія близости родства между членами одного и того же рода, тоже по объективному признаку рожденія или происхожденія. Такой же счетъ придуманъ и для свойства. Исходной точкой для него принята связь, возникающая между двумя или тремя родами вслѣдствіе соединенія членовъ этихъ родовъ посредствомъ браковъ. И въ свойствѣ различены близкія и отдаленныя связи, мѣрою для которыхъ послужили тѣ же отношенія и связи крови или рожденія. Такимъ образомъ выработался цѣлый сложный счетъ для опредѣленія близости и дальности отношеній родства и свойства. Онъ ведется слѣдующимъ образомъ:

1) *По родству.* Для опредѣленія близости родства даннаго лица къ прочимъ лицамъ, принадлежащимъ, по рожденію или крови, къ одному роду, исходнымъ пунктомъ естественно служитъ данное лицо. Кто будетъ къ нему самый близкій по крови? — Тѣ, которые отъ него непосредственно произошли по рожденію, и тѣ, отъ кого оно само непосредственно произошло, т.-е. дѣти, отецъ и мать. Изъ нихъ дѣти ближе, чѣмъ родители, такъ какъ связь съ дѣтьми болѣе новая, болѣе живая; въ дѣтяхъ кровь даннаго лица: оно само основало свою семью; семья, въ которой оно родилось, считаетъ его однимъ изъ своихъ членовъ, а въ своей оно—глава и первое лицо. Послѣ дѣтей и родителей и тутъ уже внуки. Они, по рожденію, дальше отъ даннаго лица, чѣмъ дѣти. Правнуки еще дальше, хотя вообще они къ нему ближе, чѣмъ родители, потому что происходятъ отъ него: оно родоначальникъ своего потомства. Дѣды и бабки родители родителей ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ данному лицу; прадѣды и прабабки отъ него еще дальше и т. д. Но кто ближе: братья и сестры, или родители?—Очевидно родители, потому что отъ нихъ данное лицо произошло непосредственно, а связь и близость по крови съ братьями и сестрами образовалась вслѣдствіе того, что данное лицо и они произошли отъ однихъ и тѣхъ же родителей. Но дяди и тетки, братья и сестры родителей, не такъ близки, какъ братья и сестры, потому что съ послѣдними данное лицо принадлежитъ или принадлежало къ одной семьѣ, а съ первыми - дѣтъ; по той же причинѣ, племянники и племянницы, дѣти братьевъ и сестеръ, по крови, менѣе близки, чѣмъ братья и сестры, и т. д. Такимъ образомъ, за исходный пунктъ всѣхъ счетовъ кровнаго родства принимается данное лицо, его семейство, т.-е. то, которое оно основало, и то, въ которомъ оно родилось. Изъ этого центра идетъ уже счетъ внизъ, вверхъ, въ стороны; чѣмъ отъ него дальше, тѣмъ дальше родство. Объективнымъ средствомъ для опредѣленія степени близости родства принятъ фактъ рожденія, и ариѳметическое сложеніе числа рожденій разрѣшаетъ вопросъ о близости или дальности родства, при чемъ счетъ ведется по тѣмъ же началамъ, которыя изложены выше, то-есть каждый разсматривается какъ центральный пунктъ, отъ котораго удаляющимися радіусами расходятся родственники разныхъ степеней, сначала близкіе, потомъ болѣе и болѣе отдаленные. Желаемъ ли мы, напримѣръ, опредѣлить близость родства даннаго лица *Ж* къ другому данному лицу *М* (см. прилагаемую родословную таблицу, заимствованную изъ курса Побѣдоносцева, стр. 187), мы должны опредѣлить,



изъ какой одной семьи оба произошли. Оказывается, что оба происходятъ отъ мужа *EE* и жены его *ДД*. по *М* — ихъ внукъ, а *Ж*— праправнукъ. У супруговъ *EE* и *ДД* было два сына: отъ одного произошелъ *М*, отъ другого *Ж*. Между супругами *EE* и *ДД* и *М* — два рожденія. во-1-хъ, родился сынъ, во-2хъ, отъ сына родился внукъ; между тѣми же супругами *EE* и *ДД* и *Ж*, такимъ же порядкомъ, насчитывается четыре рожденія; 2 + 4 = 6; значитъ, между *М* и *Ж* — шесть рожденій, иначе говоря — 6 степеней родства, или они родственники въ шестой степени. Если мы, затѣмъ, захотимъ узнать, кто ближе между собою по родству названныя два лица *М* и *Ж* или другія два лица *ЗЗ* и *У*, мы, считая точно такимъ же образомъ, найдемъ, что оба произошли отъ лица *П*, отъ котораго до лица *У* — пять рожденій, а до лица *ЗЗ* три рожденія, всего восемь рожденій или степеней, изъ чего слѣдуетъ, что *М* къ *Ж* на двѣ степени родства ближе, чѣмъ *ЗЗ* къ *У*.

Этотъ взглядъ на родство и способъ счета придуманы и выработаны римлянами, и вполнѣ соотвѣтствовали историческимъ и бытовымъ условіямъ римской жизни. Когда она сложилась, родовой бытъ отступилъ на второй планъ, а на первый выдвинулся болѣе тѣсный союзъ,—семья, сперва юридическая, потомъ кровная. Упраздненный родовой бытъ возсоздался въ кровномъ родствѣ, но уже совсѣмъ на иныхъ началахъ. Однако и кровная, естественная семья пришла въ упадокъ, подъ вліяніемъ безграничнаго индивидуализма, котораго древній міръ не могъ осилить. Привести его въ должные предѣлы было дѣломъ христіанства и сильнаго развитія общественныхъ элементовъ у народовъ новой формаціи. Римляне, при скудныхъ зачаткахъ общественной организаціи, не могли придумать другихъ основаній преемства поколѣній, кромѣ завѣщаннаго исторіей, и установленныя ими счетъ родства былъ ничѣмъ инымъ, какъ переводомъ на юридическій языкъ старинныхъ основаній родоваго и семейнаго быта, но приспособленныхъ къ индивидуализму, положенному въ основаніе позднѣйшаго римскаго быта. Что это было дѣйствительно такъ, доказывается сравненіемъ римскаго счета родства съ другими, напр. съ старинымъ нашимъ, насколько онъ выяснилъ изъ порядка наслѣдованія князей Рюрикова дома и изъ мѣстническихъ счетовъ между служилыми родами Московскаго царства. Мы видѣли, что по римскому ... исходной точкой служитъ данное ... ближайшими родственниками считаю... съ ихъ нисходящимъ потомствомъ, въ ... ней же Россіи, такимъ исходнымъ ... счета былъ глава рода, и близость ... опредѣляла старшинство, или преим... однихъ лицъ передъ другими. По это... дядя сначала имѣлъ преимущество п... повями. Переходъ къ римскимъ во... совершился впослѣдствіи, вѣроятно, ... вліяніемъ греко-римскаго права, ... наго у насъ духовенствомъ; но он... шился лишь постепенно: сначала у... въ старшинствѣ старшіе сыновья с... ми, а уже потомъ сыновьямъ дано ... щество передъ братьями.

Замѣчательныя особенности пред... также древне-германскій счетъ ... усвоенный каноническимъ законоведе... комъ. По этому счету, который ра... римскаго только при опредѣленіи ... между боковыми родственниками, ро... числяется по числу рожденій между ... лицами, но не по двумъ линіямъ, ... по одной; при чемъ, если числа рожд... обѣихъ линіяхъ не равно, то счетъ ... дится по той, въ которой рожденій ... Въ объясненіе обратимся къ прим... выше двумъ примѣрамъ. Мы вид... *М* и *Ж*, по римскому счету, нахо... жду собою въ шестой степени род... и *У*—въ восьмой; а по древне-герма... каноническому счету, изъ двухъ ... которымъ принадлежатъ *М* и *Ж* и ... первый *М* отдѣленъ отъ своихъ ро... никовъ *EE* и *ДД* двумя рожденіями ... четырьмя, по этому *М* и *Ж* дол... читаться между собою въ четвертой, ... той степени родства. *ЗЗ* отдѣленъ ... его родоначальника *П* тремя рожде... *У* пятью; слѣдовательно, по древне... скому счету *ЗЗ* и *У* будутъ наход... въ восьмой, а лишь въ пятой степ... ства. Побѣдоносцевъ замѣчаетъ, что ... манскомъ счисленіи преобладаетъ ид... ническаго единства семьи въ сост... ...ной", а „въ римской семьѣ всѣ р... ники считаются за одно цѣлое... при ... чезаетъ всякое значеніе семейственн... ности, и ни одной линіи не отдает... почтеніе передъ другою" (стр. 105). ... взглядъ подкрѣпляется слѣдующимъ

…мъ; по римскому счисленію внукъ моего …ата, мои двоюродный братъ и братъ моего …да —всѣ трое въ одинаковомъ со мною родствѣ, въ 4-й степени; а по германскому счисленію первый приходится мнѣ родня во 2-мъ поколѣніи, второй —въ 3-мъ, а послѣдній въ четвертомъ. Удареніе въ германской системѣ счета дѣйствительно лежитъ въ семьѣ, почему и называется Parentelenordnung. Нельзя также не согласиться, что въ римскомъ отвлеченномъ счетѣ по суммѣ рожденій просвѣчиваетъ воспоминаніе о единствѣ кѣлаго рода. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что и въ римскомъ способѣ счисленія родства видно уже значительное и рѣшительное преобладаніе семейнаго начала надъ родовымъ, въ чемъ легко удостовѣриться, сравнивъ его съ древнѣйшимъ русскимъ, и что счетъ по рожденіямъ, какъ и счетъ по семьямъ, во многомъ очень близки между собою, такъ какъ въ понятіи о рожденіи уже заключается понятіе о семьѣ.

Въ заключеніе, остается, говоря о родствѣ, сказать о мѣстѣ, занимаемомъ въ немъ женщинами, и о такъ называемыхъ сводныхъ братьяхъ и сестрахъ.

Положеніе женщинъ въ родствѣ существенно разнилось въ древнѣйшихъ обществахъ, построенныхъ на родовомъ началѣ, отъ новыхъ, въ которыхъ получили права гражданства кровныя связи и на первый планъ выдвинулся индивидуализмъ. Въ древнѣйшихъ обществахъ, когда роды жили обособленною, замкнутою жизнью, женщина, выходя замужъ, отрывалась отъ рода, къ которому принадлежала по рожденію, и роднилась съ родомъ своего мужа. Таковъ былъ смыслъ гражданскаго родства агнатовъ, которое только служило юридическимъ выраженіемъ древнѣйшихъ родовыхъ порядковъ. Когда же родство стало считаться по кровнымъ связямъ, а прежнее гражданское родство, съ упадкомъ родового быта, ослабѣло и потеряло значеніе, положеніе женщины существенно измѣнилось. Пока она не выходила замужъ, она, и по старымъ и по новымъ понятіямъ, находилась въ родствѣ съ своими родственниками по крови; но и замужняя, при новыхъ порядкахъ, не становилась родственницей того рода, въ который вступила чрезъ бракъ, и не переставала быть, попрежнему, родственницей членовъ рода, къ которому принадлежала по происхожденію. Такимъ образомъ, въ родствѣ по крови, мужчины и женщины ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются. Но послѣдствіемъ этого является смѣшеніе и слитіе родовъ: ибо чрезъ браки, лица, происшедшія отъ чужеродца-отца, входятъ, по родству, въ составъ того рода, къ которому принадлежитъ мать, и понятіе о раздѣльности и разобщенности родовъ постепенно должно сгладиться и исчезнуть. Такъ оно въ дѣйствительности и происходитъ, и совершалось бы еще быстрѣе, еслибъ въ воспоминаніяхъ, нравахъ и законодательствѣ долго и упорно не удерживалось старинное представленіе о преимуществѣ мужчинъ передъ женщинами.

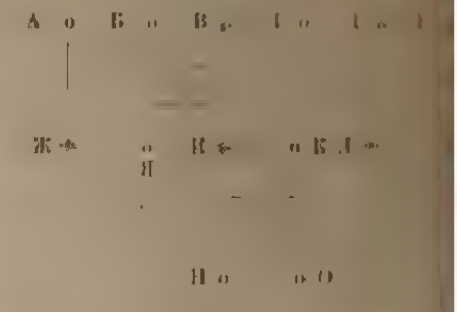
Сводными братьями и сестрами называются тѣ, которые произошли отъ одного отца и разныхъ матерей, и наоборотъ — отъ одной матери и разныхъ отцовъ. Въ противоположность братьямъ и сестрамъ, происшедшимъ отъ одного отца и одной матери, они называются неполнородными, и притомъ тѣ, которые произошли отъ одного отца и разныхъ матерей — единокровными, а отъ одной матери и разныхъ отцовъ — единоутробными. Сводными же они называются потому, что дѣти различныхъ браковъ сводятся такимъ образомъ въ одну семью вмѣстѣ.

Сводные братья и сестры устанавливаютъ между различными по крови родами отношенія и связи, имѣющія нѣкоторыя общія черты съ тѣми, какія устанавливаются посредствомъ вообще браковъ и происходящихъ отъ нихъ дѣтей. Когда бракъ заключается между лицами, принадлежащими по рожденію къ разнымъ родамъ, — а сначала браки иначе и не заключались — происходящія отъ нихъ дѣти принадлежатъ по крови къ двумъ родамъ — отца и матери. То же самое должно сказать и о единокровныхъ и единоутробныхъ братьяхъ и сестрахъ: только въ нихъ принадлежность къ различнымъ родамъ, если можно такъ выразиться, удвоивается и утроивается что и является наглядно въ самомъ составѣ новыхъ семей, возникающихъ изъ смѣшенія родовъ. Полнородные предполагаютъ смѣшеніе браковъ и происшедшими отъ него дѣтьми двухъ родовъ; неполнородные — трехъ и болѣе. Если при этомъ припомнимъ, что такія же смѣшенія родовъ происходили при бракѣ дѣдовъ, прадѣдовъ, прапрадѣдовъ, бабокъ, прабабокъ и прапрабабокъ, то получимъ наглядную картину того, какъ роды, сначала обособленные, должны были силою вещей, мало-по-малу, слиться ме-

жду собою и образовать гражданское общество, въ которомъ родовые порядки ослабѣли и отодвинулись. Въ этомъ же смѣшеніи родовъ лежитъ зародышъ и преобладаніе семейнаго начала, индивидуализаціи и равноправности женщинъ съ мужчинами.

Къ сказанному о родствѣ остается прибавить, что рядъ рожденій отъ отца къ сыну, внуку, правнуку и т. д. принято называть линіей. Когда счетъ идетъ вверхъ, отъ сына къ отцу, дѣду, прадѣду — линія называется восходящей; когда же онъ ведется внизъ, отъ отца къ сыну, внуку, правнуку — то нисходящей; боковыми называются, по отношенію одна къ другой, линіи, происходящія отъ одного общаго родоначальника. Каждое рожденіе есть степень, и по такимъ степенямъ ведется счетъ. Степень отъ которой расходятся боковыя линіи, называется по отношенію къ нимъ, колѣномъ (Зак. гражд. ст. 196—208. Сравн. ст. 1112, 1114—1118).

2) *Но свойству.* Какъ сказано, подъ свойствомъ разумѣется отношеніе или связь, установляемая бракомъ, во-1-хъ, между однимъ супругомъ и родственниками другого; во-2-хъ, между родственниками по крови одного супруга и кровными родственниками другого. Въ томъ и другомъ случаѣ, связь свойства возникаетъ между членами двухъ родовъ, и потому оно называется двухродимымъ; но, въ-3-хъ, свойство можетъ быть и трехроднымъ, когда установляется между членами двухъ родовъ, чрезъ посредство третьяго, который находится въ свойствѣ и съ тѣмъ и съ другимъ. Это бываетъ или вслѣдствіе вторичнаго брака, или вслѣдствіе двухъ отдѣльныхъ браковъ. Первый случай не требуетъ пояснения; примѣромъ второго можетъ служить свойство между матерью моего отца и сестрою моей жены, между сыномъ моей мачехи, моимъ сведеннымъ братомъ и племянницею моей жены и т. п.; но нетрудно подыскать примѣры трехроднаго свойства, въ которыхъ вторичный бракъ не играетъ никакой роли. Такъ, я нахожусь въ трехродномъ свойствѣ съ свойственниками жены моего брата, которая съ своими родственниками находится ко мнѣ въ отношеніяхъ двухроднаго свойства. Можно было бы, или такимъ образомъ далѣе указать на связи свойства четверороднаго, пятироднаго, и т. д. но за трехроднымъ свойствомъ, болѣе далекія связи такого рода не признаются и не упоминаются.



Счетъ свойства, какъ сказано, ведется по бракамъ, которые служатъ связующими звеньями между родами, а внутри каждаго рода по рожденіямъ, какъ и при счетѣ родства. Напримѣръ, чтобъ опредѣлить степень двухроднаго свойства съ *A*, надо сперва считать количество рожденій между моею сестрою *H*, выше-данною замужъ, и сыномъ *A*. Между мною и моею сестрою рожденія, между ея мужемъ и его матерью одно. Складывая ихъ, получимъ, что я нахожусь съ *A* въ третьей степени двухроднаго. Точно такимъ же образомъ опредѣляется счетъ и при исчисленіи свойства трехроднаго. Напримѣръ, чтобы опредѣлить степень моего трехроднаго свойства съ *K*, по сдѣланному выше расчету слѣдуетъ прибавить еще два рожденія:—отъ *A* къ его матери *B*, и отъ ея мужа *M* къ его сыну *K*; видно, что я состою съ *K* въ третьей степени трехроднаго свойства.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что при счетѣ свойства всегда принимаются и жена за одно лицо или одно тѣло съ мужемъ, будутъ ли въ немъ одинаковыя или разныя степени родства. До сихъ поръ не было никакого различія между степенями родства и свойства: какъ считалось степеней въ родствѣ, столько считалось ихъ и въ свойствѣ. Но существуетъ и другой способъ счисленія, по которому мужъ и жена признаются не за одно лицо, а между ними считается одна степень. По такомъ счетѣ, свойственники теряютъ право считаться одинаковыми степенями съ родственниками: двухродные свойственники стали на одну степень дальше родства, а трехродные на двѣ степени. Этотъ способъ счисленія практически можетъ имѣть весьма благонамѣренныя и полезныя послѣдствія, но начать теоретически правильнымъ, такъ какъ связь между женою и мужемъ

принадлежа ни къ родству, ни къ свойству, не имѣетъ никакого объясненія придуманной фикціи.

Чрезвычайное разнообразіе русскихъ названій для обозначенія различныхъ степеней родства и свойства показываетъ, что въ отдаленныя времена сближеніе и смѣшеніе родовъ произошло, главнымъ образомъ, чрезъ постоянные ихъ браками. Наслѣдованіе народныхъ свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, вѣроятно, укажетъ на воспоминанія о двухъ различныхъ періодахъ развитія: древнѣйшемъ—когда роды жили разрозненно и браки происходили при похищеніи или насильственномъ отнятіи невѣстъ, и болѣе позднемъ,—когда роды вступили въ дружественныя отношенія сосѣдства и сожительства и браки стали заключаться по взаимному соглашенію и уговору родовъ.

Въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ ученіе о кровномъ родствѣ и свойствѣ сложилось по началамъ римскаго права.

Спб, 1884 (отд. „Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза").

ПРАВО НАСЛѢДОВАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книжка содержитъ въ себѣ вторую половину курса, читаннаго мною въ Военно-юридической Академіи, въ 1883—1884 году, гг. офицерамъ старшаго общаго класса. Какъ и при изложеніи семейнаго права, я старался выяснить слушателямъ основныя положенія права наслѣдованія и связное ихъ развитіе въ исторіи, безъ чего ихъ нельзя понять и усвоить какъ слѣдуетъ. Въ переходную эпоху, переживаемую теперь всѣмъ европейскимъ міромъ, только знакомство съ историческимъ развитіемъ учрежденій даетъ изучающимъ надежную руководящую нить и твердый оплотъ противъ увлеченій и крайностей въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, естественно вызываемыхъ исканіемъ новыхъ путей и открывающимися перспективами будущаго.

Въ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ о наслѣдованіи, развивавшемся подъ сильнымъ вліяніемъ не только началъ помѣстнаго права, но и европейской юриспруденціи, въ основѣ которой лежитъ римское право, многіе вопросы первостепенной практической важности остались неразрѣшенными, а кассаціонныя рѣшенія не пополнили этого пробѣла и ставятъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ правильно. Разъясненію вызываемыхъ тѣмъ недоумѣній я посвятилъ часть своего курса. Надѣюсь, что этимъ онъ принесетъ крупицу пользы не однимъ моимъ бывшимъ и будущимъ слушателямъ.

Прошу читателей смотрѣть и на этотъ трудъ какъ на очеркъ, нимало не претендующій на значеніе ученаго наслѣдованія. Всякій, кто прочтетъ книжку, легко убѣдится, что едва ли наступило уже время для капитальнаго ученаго труда о наслѣдованіи: такъ много возбуждено по этому предмету важныхъ вопросовъ и столько ихъ возникаетъ безпрестанно вновь. Для основательнаго ихъ рѣшенія, во всякомъ случаѣ, не хватило бы силъ одного человѣка.

Наслѣдованіе и сопряженныя съ нимъ права, обязанности и юридическія отношенія вытекаютъ изъ одного основнаго факта, филологическаго и общественнаго смѣны поколѣній. Люди, проживъ много ли, мало ли, умираютъ, другіе заступаютъ ихъ мѣсто. Между уходящими и нарождающимися поколѣніями есть, какъ мы знаемъ, связь личнаго преемства, выражающаяся въ наслѣдованіи физіологическихъ и психическихъ свойствъ, наклонностей предрасположеній, привычекъ, навыковъ и опытности всякаго рода; до такой же связи существуетъ и по всѣмъ остальнымъ, въ правахъ и обязанностяхъ имущественнаго свойства, вообще въ юридическихъ отношеніяхъ людей и въ ихъ общественномъ положеніи. Наслѣдство, оставляемое вымирающими поколѣніями новымъ, можетъ быть,

по своему достоинству, весьма различно. Въ интересахъ живущихъ оно регулируется, съ тѣмъ, чтобы упрочить и усилить то, что въ немъ есть хорошаго, и наоборотъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить дурное и вредное. Въ примѣненіи къ физіологическимъ свойствамъ людей эти цѣли преслѣдуютъ гигіена и медицина; умственное и нравственное воспитаніе дѣлаютъ тоже самое относительно условій и явленій психической жизни. Экономическое управленіе, законодательство и судъ задаются такими же цѣлями въ примѣненіи къ имущественнымъ правамъ и обязанностямъ общественному положенію и юридическимъ отношеніямъ, создаваемымъ смѣною поколѣній: они регулируютъ наслѣдство имущественное, юридическое и общественное, оставляемое людьми и поколѣніями, въ интересахъ живущихъ и тѣхъ, которые имѣютъ родиться впослѣдствіи. Такимъ образомъ, на наслѣдованіе нельзя смотрѣть только съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ, пользъ и выгодъ, или убытковъ и неудобствъ. Оно, по существу своему, имѣетъ двѣ стороны—частную, личную, приватную, которою обращено къ тому или другому лицу, или категоріямъ людей,—и публичную, общественную, которая дѣлаетъ наслѣдованіе, какъ и всѣ другія условія существованія людей—семью, собственность, обязательства — предметомъ публичнаго, общественнаго интереса.

Разсматривая наслѣдованіе съ этой точки зрѣнія, нельзя признать правильнымъ приуроченіе его къ такъ называемому гражданскому праву. Съ наслѣдованіемъ мы встрѣчаемся на каждомъ шагу, во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ правовѣдѣнія. Если же имѣть въ виду одинъ только видъ наслѣдованія, именно преемство имущества и обязательствъ имущественнаго характера,—что обыкновенно и разумѣется подъ наслѣдованіемъ,—то этотъ его видъ есть не что иное какъ особое примѣненіе къ извѣстному факту, именно къ случаю смѣны поколѣній, общихъ началъ права вещныхъ и по обязательствамъ, въ виду пользы и интересовъ правильно устроеннаго общежитія. Въ этомъ смыслѣ, права и обязательства по наслѣдованію входятъ въ систему не гражданскаго, а имущественнаго права, какъ одна изъ его прикладныхъ частей, опредѣляемая въ своихъ руководящихъ основаніяхъ, началами публичнаго права.

Этою особенностью права наслѣдованія въ имуществѣ и обязательствахъ объясняется одна характеристическая его черта, [illegible] на себѣ сравнительно мало должное вниманіе. У всѣхъ народовъ наслѣдованіе въ имуществѣ и обязательствахъ находилось въ тѣснѣйшей связи съ [illegible] общественной жизни, всегда отражало и измѣнялось вмѣстѣ съ нимъ, ходу историческаго развитія общества, быта и его формъ. Тоже было и съ [illegible] отъ которыхъ законодательства [illegible] новѣйшихъ народовъ заимствовали [illegible] положенія наслѣдственнаго и [illegible] ловъ такъ называемаго гражданск[illegible] Долгое время практическій потреб[illegible] ставляли обращать почти исключ[illegible] вниманіе на догматическое истолко[illegible] нія римскаго права, ставшаго у [illegible] родовъ дѣйствующимъ закономъ, и [illegible] нало отъ глазъ изслѣдователей [illegible] рическія и бытовыя условія римск[illegible] ственнаго права; по глубокія [illegible] быта древнѣйшихъ народовъ и [illegible] до сихъ поръ полудикихъ племенъ [illegible] гельной степени выяснили эту ст[illegible] ского права. Теперь мы знаемъ, [illegible] ни, на которыхъ покоятся его [illegible] составляли въ свое время важный [illegible] редь и представляли когда-то [illegible] пень развитія въ сравненіи съ [illegible] было у другихъ народовъ и у [illegible] лишь въ предшествующія времена [illegible] не представляютъ совершенныя [illegible] и послѣднюю слова человѣческой [illegible] Послѣдовательно развивая далѣе [illegible] работанныя римскимъ правомъ къ [illegible] процвѣтанія, новые европейскіе [illegible] шли, въ наше время, къ выводу [illegible] ственно ослабившимъ довѣріе къ [illegible] непогрѣшимости римскихъ ученій [illegible] кающимъ новыя, неизвѣстныя древ[illegible] линамъ перспективы.

Ученіе наслѣдованія въ его [illegible] своемъ развитіи показываетъ, что в[illegible] шій періодъ, наслѣдованія, въ тѣ[illegible] его значенія, не было и не могло [illegible] перь права наслѣдованія признад[illegible] дѣльнымъ лицамъ по закону, или по [illegible] шію, при чемъ различіе имущества, [illegible] ли послѣ умершаго, долго наслѣ[illegible] блюсть ихъ родства къ оставившим[illegible] себя наслѣдство, и цѣли, преслѣду[illegible] царствомъ и обществомъ, имѣютъ [illegible] ше или менѣе сильное вліяніе на [illegible] законы, опредѣляющіе правила нас[illegible]

ни одного изъ этихъ условій въ древнѣйшемъ быту народовъ не существовало. Роды, единственные въ то время носители частной и публичной жизни, жили разрозненно, каждый про себя, и общей надъ ними власти, политической и общественной, устроявшей ихъ взаимныя отношенія, сначала не было. Внутри родовъ, единственнымъ въ то время постоянѣльнымъ лицомъ былъ начальникъ или глава рода. Члены рода, вообще лица, входившія въ его составъ, не имѣли никакой гражданской — ни личной, ни имущественной —самостоятельности и правоспособности и находились въ безусловной и безграничной власти главы рода. Значитъ, о различныхъ правахъ наслѣдованія различныхъ лицъ не могло быть и рѣчи. Смѣнялся родоначальникъ, другой заступалъ его мѣсто, но положеніе и права лицъ, входящихъ въ составъ рода, отъ того нисколько не измѣнялись. Къ этому надо прибавить, что въ бродячемъ и кочевомъ быту, съ котораго начинали всѣ древнѣйшіе народы, земля не составляла даже общей родовой собственности, слѣд. не могла быть предметомъ наслѣдованія даже для цѣлаго рода. Что касается до движимыхъ вещей, то въ младенческомъ быту онѣ естественно ограничивались незатѣйливыми предметами первой необходимости и грубыхъ потребностей полудикихъ людей. Наконецъ, никакихъ обязательствъ внутри родовъ между лицами, входившими въ ихъ составъ, не было и не могло быть. Обязательства, похожія на теперешнія наши, были возможны только между отдѣльными родами, т.-е. между родоначальниками; но при разрозненности и самостоятельности родовъ, эти обязательства болѣе подходили подъ типъ международныхъ отношеній и трактатовъ, чѣмъ подъ характеръ нашихъ гражданскихъ обязательныхъ отношеній.

Мы нарочно представили черты древнѣйшаго быта народовъ въ самомъ ихъ рѣзкомъ и крайнемъ выраженіи, чтобы рельефнѣе оттѣнить его особенности и лежавшія въ основаніи его начала. Въ дѣйствительности, мы нигдѣ не находимъ ихъ въ этомъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, потому что изслѣдованія показываютъ намъ древнѣйшій бытъ уже въ разложеніи, на пути къ другимъ общественнымъ формамъ, и мы только посредствомъ аналогій и умозаключеній можемъ доискаться до условій быта, о которомъ нѣтъ прямыхъ и связныхъ историческихъ воспоминаній.

Разрожденіе и осѣдлость повели мало-помалу къ другимъ порядкамъ, при которыхъ однако, какъ и при предъидущемъ, мѣста для наслѣдованія въ теперешнемъ смыслѣ не было. Осѣдлость распространила владѣніе и собственность на недвижимость — землю; кромѣ того, осѣдлость установила сожительство родовъ, ихъ постоянное правильное сосѣдство и отношенія. Размноженіе родовъ повело, рано или поздно, къ ослабленію связей внутри родовъ и къ обособленію семей, поселившихся особыми хозяйствами. Постоянное сожительство и отношенія по сосѣдству породили, путемъ мирныхъ сношеній, или войнъ и завоеваній, къ установленію между родами, а впослѣдствіи между осѣдлыми семьями и хозяйствами, общей власти, съ которой и появились первые зачатки гражданственности, постепенно упразднившей весь древнѣйшій, родовой строй жизни.

Сначала общая власть только поверхностно связывала роды и хозяйства и не касалась вовсе ихъ внутреннихъ распорядковъ, даже взаимныхъ отношеній ихъ между собою. Только внѣшнія отношенія и общія дѣла соединяли ихъ въ одно цѣлое. Внутри родовъ и осѣдлыхъ хозяйствъ продолжали старинный бытъ. Главы родовъ, домоначальники, долго болѣе походили на маленькихъ царьковъ, чѣмъ на частныхъ людей въ теперешнемъ смыслѣ. Земельныя владѣнія и имущество принадлежали не лицамъ, а цѣлому роду, дому или хозяйству, имѣли болѣе междуродовой, междусемейный характеръ и должны разсматриваться не съ частной, приватной, а съ публичной точки зрѣнія. При такихъ условіяхъ, ни раздѣла имущества и земель между членами рода или дома, ни распредѣленія общаго родоваго или семейнаго достоянія между ними по волѣ домоначальника или главы дома сначала не могло быть. „Завѣтъ" если и былъ, то имѣлъ лишь значеніе совѣта и наставленія умирающихъ опытныхъ и мудрыхъ старыхъ людей какъ жить оставшимся въ живыхъ и какъ вести дѣла рода или дома.

Дальнѣйшій ходъ развитія уже совершенно иной и происходилъ при полномъ освѣщеніи сознанія, такъ сказать, на глазахъ исторіи. Общественные элементы, связавшіе разрозненные роды и хозяйства въ политическія тѣла, болѣе и болѣе усиливаются и крѣпнутъ, распространяя свое вліяніе и власть сначала на взаимныя отношенія родовъ и хозяйствъ, а потомъ и на распорядки, существующіе

внутри родовъ и между членами отдѣльныхъ хозяствъ. Параллельно съ тѣмъ идетъ постепенное разложеніе родоваго и старинаго обособленнаго домашняго быта, который мало-по-малу теряетъ свой прежній общественный характеръ и превращается въ условіе лишь частной, приватной жизни. Роды и семьи постепенно все болѣе и болѣе дифференцируются, т.-е. разлагаются на свои составныя единицы — индивидуальныя лица, для которыхъ слагающимъ элементовъ служатъ уже не родовые и домашніе порядки, утратившіе политическое и общественное значеніе, а власть общественная и условія организованной гражданственности: въ частномъ же, приватномъ быту связи опредѣляются кровнымъ союзомъ родства и свойства, установляемыхъ бракомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общее достояніе рода и дома или хозяйства совершенно измѣняется въ своемъ значеніи. Оно тоже теряетъ, вмѣстѣ съ родомъ и хозяйствомъ, полуобщественный, полуполитическій характеръ, становится частнымъ, приватнымъ имуществомъ отдѣльныхъ лицъ, которымъ они вольны распоряжаться по своему усмотрѣнію, дѣлить между собою и между членами своей семьи, отчуждать постороннимъ при жизни и на случай смерти.

До этой точки зрѣнія доработались римляне; она и лежитъ въ основаніи римскаго права, въ которомъ развита съ большою подробностью. Другой стороны наслѣдованія, именно публичной, общественной, римское право почти не коснулось. Она была выдвинута на первый планъ новыми европейскими народами, у которыхъ общественные, публичные интересы съ самаго начала новой европейской исторіи и до нашего времени играютъ важнѣйшую роль и имѣютъ первенствующее значеніе. Какъ ни различны идеалы среднихъ вѣковъ отъ нашихъ теперешнихъ, какъ ни существенно разнятся между собою средневѣковое сословное устройство и гражданская общественная организація современныхъ европейскихъ государствъ, основанная на полномъ равенствѣ правъ, но они стоятъ на одной почвѣ, подчиняя лицо требованіямъ общественной организаціи и оставляя весьма мало простора индивидуальной, частной, приватной дѣятельности и свободѣ. Тѣмъ же духомъ пропитаны и новѣйшія экономическія ученія, волнующія и до сихъ поръ волнующія европейскія массы; существенный ихъ смыслъ—подчинить свободную борьбу экономическихъ отношеній регул[ированію] контролю общественной организаціи, [подчинить] въ эту борьбу условія правильно [развивать] наго общежитія. Преемство [имущественных] юридическихъ отношеній имуществ[енных] рактера при смѣнѣ поколѣній, съ [развитіем] вѣковъ новой исторіи, опредѣлялось [индивидуаль]ватнымъ интересомъ, не волею от[дѣльнаго] лица какъ у римлянъ, а полиціи, [преслѣдующей] цѣлями и задачами той общественной [группы], къ которой оно принадлежало. [Вліяніе] ского права и римскихъ возрѣній [было] и смягчило первоначальную суровость взгляда, но онъ никогда не измѣнялся ственнымъ образомъ; измѣнялись только мы, въ которыхъ онъ выражался. [Въ] время имущественныя права, обязательства и интересы, отнесенные, подъ вліяніем ского права, къ кругу частной, [индивидуальной] дѣятельности, все болѣе и болѣе подпадали требованіямъ государственной и общественной жизни, пропитываются общественными элементами и втягиваются въ условія низованнаго общежитія. Несомнѣнные знаки этого направленія видны не только въ движеніи науки, но и положительныхъ законодательствъ, предвѣщая, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, замѣну началъ наслѣдованія другими, болѣе [соотвѣтствующими] ванными съ потребностями правильно организованнаго сожительства людей [въ] номъ общежитіи.

Что же собственно представляетъ [собою] стоящемъ своемъ видѣ, наслѣдованіе [имущества] ществѣ и въ юридическихъ отношеніях щественнаго характера? Оно опредѣляется прежде всего, самымъ предметомъ [наслѣдо]ванія. Все, что имѣетъ объективное существованіе помимо человѣка, [что] составляетъ, въ юридическомъ смыслѣ, [имущество],—все это остается, несмотря на лицъ и поколѣній. Имущество, въ [какомъ] по смерти владѣльца, достается [другому], другому, или другимъ. Однако мы [знаемъ], есть цѣнности, почти исключительно [принадле]жащія личнымъ свойствамъ лица, [которыя] не получили объективнаго, реальнаго существованія отдѣльно отъ человѣка, [и] гутъ быть отдѣлены отъ него, съ нимъ [родив]ствуютъ и съ нимъ же исчезаютъ, [не] ходя въ наслѣдство. Первоклассный [докторъ], врачъ, художникъ, ученый, литераторъ [зара]батываютъ большія деньги; но [права], ты умираютъ вмѣстѣ съ ними, и [ихъ]

ъ переходитъ только то, что они
роизвести. Виртуозъ-музыкантъ, сце-
артистъ, балерина, преподаватель,
свой талантъ въ могилу, оставляя
не въ матеріальныхъ вещахъ, а
воспоминаніяхъ зрителей и слуша-
ромадное множество цѣнностей съ
нѣ реальнаго и объективнаго ха-
сохраняютъ свою стоимость, возвы-
ли падаютъ по своей цѣнѣ, только
личныхъ свойствъ, качествъ и спо-
того лица, которое ихъ создало или
ряжается: напр., торговая фирма,
рика, промышленное заведеніе, век-
жное и всякое другое обязатель-
обезпеченное залогомъ или надеж-
учительствомъ, могутъ, смотря по
ышаться и падать въ своей стои-
смѣнѣ лицъ и поколѣній въ со-
лѣдства естественно можетъ войти
что имѣетъ внѣшнее, предметное
аніе внѣ человѣка, независимо отъ
которая придается ему тою или
чностью или отношеніемъ къ ней.
разомъ, кромѣ вещей матеріаль-
составъ наслѣдства входятъ права,
вательства, привилегіи, насколько
висятъ отъ личныхъ свойствъ вла-
обладателя и имѣютъ предметомъ
ую цѣнность, притомъ по ихъ но-
или оцѣночной стоимости, опре-
ная деньги, которыя представляютъ
ъективное мѣрило всякихъ мате-
цѣнностей; не входятъ же въ со-
лѣдства такіе источники и условія
нія матеріальныхъ цѣнностей, кото-
рывно связаны съ личностью того,
о наслѣдство осталось, и не имѣютъ
аго внѣ его существованія. Со-
тѣмъ, въ составъ наслѣдства вхо-
видѣ актива или пассива, оконча-
присужденные штрафы, иски о воз-
ѣи за понесенный вредъ или ущербъ,
енежные долги и полученія, обяз-
имущественнаго характера, и не
обязательства чисто личныя, или
ющія изъ преступленій, которыя не
ись при жизни виновнаго, по окон-
у приговору суда, въ денежныя
обязательства (Зак. гражд., ст. 1259
., Боровиковскій, разъясн. §§ 9, 10,
51—352).

ство, въ смыслѣ имущества, остаю-
ѣлѣ умершаго, переходитъ къ дру-
гимъ лицамъ, или согласно съ волею того, кому это имущество принадлежало при его жизни, или согласно съ требованіями обычая или закона. Различіе это имѣетъ весьма важное значеніе не столько по своимъ послѣдствіямъ, сколько по принципу. Воля лица, оставляющаго послѣ себя наслѣдство, можетъ совпадать и въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣроятно и совпадаетъ съ требованіями обычая или закона; во всѣхъ такихъ случаяхъ, послѣдствія для наслѣдниковъ будутъ, по существу, одинаковы и потому безразличны. Но юридически и въ интересахъ общественности, между тѣмъ и другимъ способомъ перехода наслѣдства—различіе громадное. Распредѣляется ли имущество, при смѣнѣ поколѣній, по указаніямъ обычая или закона, другими словами—согласно съ требованіями устроеннаго общежитія и его интересами, или по личнымъ соображеніямъ частныхъ лицъ, входящихъ въ составъ устроеннаго сожительства,—въ этомъ вся суть вопроса, вся такъ сказать политика наслѣдственнаго права. На этомъ различіи вертится вся полемика и борьба противъ наслѣдованія въ имуществѣ. Борьба эта, возникшая и разыгравшаяся съ особенною силою въ текущемъ столѣтіи, не привела пока ни къ какимъ яснымъ и опредѣленнымъ результатамъ. Исходъ ея зависитъ отъ разрѣшенія другого, болѣе общаго вопроса объ отношеніяхъ индивидуальнаго лица къ обществу, а этотъ послѣдній вопросъ, несмотря на безчисленное множество соображеній и взглядовъ, высказанныхъ по его поводу и въ его разрѣшеніе, едва лишь затронутъ и ожидаетъ еще тщательной разработки. Въ дѣйствующихъ законодательствахъ, оба способа перехода имущества при смѣнѣ поколѣній, по волѣ умершаго и по закону или обычаю, допускаются рядомъ, съ преобладаніемъ того или другого. На эти оттѣнки и разновидности имѣли большое вліяніе различныя обстоятельства, между которыми первое мѣсто занимаютъ ходъ и степень историческаго развитія и культуры. Преобладаніе личной, индивидуальной воли при распредѣленіи наслѣдства между остающимися въ живыхъ появляется въ то время, когда разлагается древнѣйшія основы общественности—родовой бытъ и юридическая семья—и на развалинахъ ихъ возникаетъ гражданское общество, основанное на индивидуализмѣ; наслѣдованіе же по закону господствуетъ въ эпохи, когда

личность, индивидуальное лицо еще не получило самостоятельной роли и значенія, и затѣмъ еще впослѣдствіи, когда сильное развитіе общественности и публичной жизни вводитъ индивидуализмъ въ границы и подчиняетъ его условіямъ и требованіямъ организованнаго общежитія. Такимъ образомъ, начало и конецъ развитія, представляя, въ этомъ отношеніи, многія общія черты, раздѣляются преобладаніемъ индивидуализма и личнаго произвола. Такое различіе періодовъ развитія отразилось и на послѣдовательномъ развитіи законодательства о наслѣдованіи. Не случайно наслѣдованіе по завѣщанію получило такое громадное развитіе въ римскомъ правѣ и не случайно принято оно въ новыхъ европейскихъ государствахъ въ то время, когда средневѣковое устройство и организація пришли въ упадокъ и возникла новая гражданственность на началахъ индивидуализма. У насъ, взаимное отношеніе наслѣдованія по завѣщанію и по закону до сихъ поръ не выяснилось. Въ примѣненіи къ движимому и благопріобрѣтенному имуществу русское законодательство даетъ большой просторъ личному усмотрѣнію завѣщателя; родовыя же имущества переходятъ отъ однихъ поколѣній къ другимъ почти исключительно порядкомъ наслѣдованія по закону. Такія начала вполнѣ бы отвѣчали преобладанію въ народныхъ массахъ юридической семьи началъ индивидуальностью и сравнительно недавнему у насъ развитію индивидуализма: но такое заключеніе существенно ослабляется сбивчивымъ понятіемъ о родовыхъ и движимыхъ имуществахъ, которое дастъ всему ученію о наслѣдованіи по русскому законодательству неопредѣленный характеръ. Слѣдуетъ ли приписать это неразвитости у насъ юридическихъ началъ, какъ думаютъ многіе, или же, какъ мы болѣе склонны думать, объясненія должно искать въ предстоящей, по ходу развитія, не только у насъ, но въ цѣломъ мірѣ, другой постановкѣ взаимныхъ отношеній лица и устроенію общежитія—это рѣшитъ будущее.

Въ юридическомъ и практическомъ смыслѣ наслѣдованіе по закону и по завѣщанію представляетъ тоже весьма характерныя и существенныя различія. Наслѣдованіе по завѣщанію, въ которомъ главнѣйшую роль играетъ воля завѣщателя, сближаетъ этотъ видъ перехода имущества отъ одного поколѣнія къ другому съ дареніемъ. Оба, т.-е. наслѣдованіе по завѣщанію и возмо
щества въ видѣ дара, представляю
разновидности одного и того же
Напротивъ, наслѣдованіе по закон
прежде и больше всего обществен
бличнымъ характеръ. Опредѣляется
обычаемъ или письменными зако
ными постановленіями, оно, въ об
чаяхъ, установляется не по частны
нымъ и индивидуальнымъ мотива
господствующимъ въ обществѣ, в
время, при данныхъ обстоятельств
ставленіямъ и понятіямъ, къ кому,
ресахъ того общества, должно пер
щество, оставшееся послѣ умер
этому существенному различію о
домъ наслѣдованія и по существен
нымъ юридическимъ послѣдствія
другого, ихъ должно разсмотрѣть

А. Наслѣдованіе по завѣщ

По нашему закону „духовное
есть законное объявленіе воли в
его имуществѣ, на случай его сме
гражд., ст. 1010). Этимъ, какъ м
ниже, неполнымъ и односторонни
леніемъ, завѣщаніе приравнено к
законнымъ выраженіямъ воли каза
щества, отличаясь отъ нихъ то
что оно вступаетъ въ силу по см
щателя, а не при его жизни.

Не таково было завѣщаніе сна
имѣло прежде совсѣмъ иной ха
значеніе. Постепенное его преобр
теперешній видъ были результато
ного измѣненія формъ и условій
Всего нагляднѣе это видно на ра
скаго права.

Въ то время, когда весь бытъ,
общественный, былъ построенъ
родѣ, потомъ на юридической семь
начальникъ былъ ея первосвящен
политическимъ главою и имѣлъ
лемъ ея и всего ея достоянія, зат
могло быть приватнымъ распоряж
имуществѣ, а было торжественно
чею полуполитической власти до
ника надъ всѣмъ домомъ, лицами
ствомъ, другому лицу, которое,
смерти, заступало его мѣсто. У
щаніе весьма долго сохраняло это
терь, а у крестьянъ отчасти сохра

къ поръ. Завѣщаніе было сперва за-
настановленіемъ умирающаго тѣмъ,
остаются послѣ него, кому быть во
ьи и хозяйства, какъ надо жить и
жаться общимъ достояніемъ. О раз-
стей имущества между наслѣдниками
сначала и рѣчи, потому что семья
ерти домоначальника оставалась еди-
нераздѣльной. А кому слѣдовало за-
мѣсто умершаго—это установлялъ
и было дѣломъ семьи.

трѣчались случаи, когда преемство
ти было сомнительно или спорно и
ь не опредѣлялось; такъ, напримѣръ,
е было дѣтей, способныхъ быть домо-
ами. Въ этихъ случаяхъ наслѣдованіе
лялось съ одобренія и разрѣшенія
ей публичной власти народнаго со-
во время мира, или съ согласія войска
ѣ. Но народное собраніе, какъ нашъ
няй крестьянскій міръ, состояло изъ
ievъ и представляло роды, соединен-
одно сожительство для веденія об-
лъ. Домохозяинъ, у котораго не было
енныхъ сыновей или внуковъ, прини-
къ себѣ въ домъ постороннаго и
ъ его по себѣ преемникомъ, съ со-
другихъ домохозяевъ.

кѣрѣ того какъ древнѣйшая обще-
жизнь, основанная на родовомъ
юридической семьѣ, падала и замѣ-
гражданственностью, построенною на
уализмѣ, всѣ условія быта, а съ ними
е, характеръ и содержаніе завѣщанія,
лись кореннымъ образомъ. Родовыя
нія и домашніе распорядки все болѣе
е теряютъ публичный характеръ и
тся частнымъ, приватнымъ дѣломъ.
ная жизнь постепенно обособляется
дальныхъ органахъ, которые сосредо-
тъ въ себѣ публичную, обществен-
асть и становятся ея носителями и
вителями. Внутри родовъ и семействъ
ѣтъ выступать на первый планъ инди-
измъ, личное начало, которое мало-
разлагаетъ роды и семьи на ихъ
ые элементы, придавая каждой еди-
самостоятельное гражданское положе-
личныя права. Съ тѣмъ вмѣстѣ и
семейное достояніе постепенно пере-
въ личное право членовъ семьи на
ую его часть или долю, и представ-
домѣ, о хозяйствѣ, какъ о единомъ
стушевывается и теряется.

Такія существенныя перемѣны въ цѣломъ строѣ древнѣйшаго быта создали типъ завѣщаній совсѣмъ иного характера, тѣмъ прежнія: они утрачиваютъ публичное значеніе и становятся частнымъ дѣломъ домоначальниковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно исчезаетъ ихъ утвержденіе согласіемъ народнаго собранія. Мѣсто его заступаетъ оглашеніе завѣщанія передъ свидѣтелями, чтобы всѣ знали о распоряженіяхъ и волѣ домоначальника по его частнымъ дѣламъ, на сколько посторонними знать объ этомъ необходимо. Въ одномъ такомъ измѣненіи уже заключался зародышъ свободныхъ распоряженій домовладыки, на случай смерти, своимъ имуществомъ и дѣлами. Сначала, и вѣроятно весьма долго, онъ руководился въ своихъ распоряженіяхъ заведеннымъ изстари обычаемъ и порядками; но съ развитіемъ индивидуализма, съ ослабленіемъ и упадкомъ общественнаго контроля, съ утратою публичнаго значенія семейнаго быта и съ обращеніемъ достоянія семьи, дома, хозяйства въ частное имущество его членовъ, домоначальники, съ теченіемъ времени, все менѣе и менѣе стѣснялись преданіями и слѣдовали въ своихъ распоряженіяхъ на случай смерти личнымъ понятіямъ и вкусу. Въ римскомъ правѣ этотъ постепенный переходъ закрѣпленъ для исторіи весьма оригинальной формой завѣщанія, а именно—продажею завѣщателемъ своего дома (familiae), въ присутствіи свидѣтелей, постороннему лицу, которое должно было, по смерти продавца, распредѣлить оставленное имъ имущество согласно съ его волей, объявленной ему заранѣе. Эта форма завѣщательнаго распоряженія уже показываетъ на сколько древнѣйшая юридическая семья успѣла разложиться и изъ факта общественнаго, публичнаго, стать частнымъ: семью въ полномъ составѣ, т.-е. власть свою надъ лицами и имуществомъ, домоначальникъ могъ продать постороннему. Побудительной причиной такой продажи могло быть желаніе отступить отъ обычая, который былъ для прирожденнаго домоначальника обязателенъ, и распорядиться домашними дѣлами и имуществомъ по своему усмотрѣнію и волѣ. Посторонній, чужой, могъ это сдѣлать, и вотъ ему и передавалась власть, въ видѣ отчужденія семьи и имущества, съ обязательствомъ распорядиться согласно съ волею и указаніями продавца. По-видимому, подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ выступаетъ назначеніе легатовъ или

отказовъ, рядомъ съ назначеніемъ наслѣдника.

Раздробленіе семеннаго и домашняго имущества между отдѣльными лицами было однимъ изъ послѣдствій упадка юридической семьи и политическаго значенія власти домоначальника. Сначала эта власть была единою, и семья, домъ, хозяйство представляли общественную единицу, не подлежавшую дробленію. Наслѣдникъ былъ преемникомъ политической власти домоначальника, продолжателемъ и замѣстителемъ умершаго. Только когда старая юридическая семья потеряла политическое и общественное значеніе и стала частнымъ дѣломъ, а семейное достояніе — частнымъ имуществомъ домохозяина, онъ сталъ дробить его между членами, причемъ естественно оставлялъ тѣмъ, кого любилъ больше, или которые больше работали на семью, лучшую и большую долю. Еще шагъ въ томъ же направленіи, и домохозяинъ могъ отдавать предпочтеніе постороннимъ передъ своими естественными наслѣдниками, могъ желать передать имъ, а не наслѣдникамъ, свое имущество. Такія передачи частей имущества любимымъ лицамъ, безъ обязанности быть наслѣдниками, и дѣлались посредствомъ отказовъ — легатовъ. Старинное наслѣдованіе власти въ семьѣ, даже въ новомъ своемъ видѣ, раздробленное, разошлось съ новѣйшей его формой -легатомъ. Продажа власти надъ семьей постороннему, на извѣстныхъ условіяхъ, открывала этому новому шагу въ упадкѣ и разложеніи юридической семьи широкія двери. Впослѣдствіи и этого обхода старыхъ обычаевъ наслѣдованія стало не нужно. Юридическая семья на столько разложилась, индивидуализмъ на столько окрѣпъ, семейное достояніе на столько обратилось въ частное, личное имущество домохозяина, что онъ могъ, не стѣсняясь и не прибѣгая къ постороннему лицу, самъ непосредственно дѣлать распоряженія на восковыхъ дощечкахъ, предъявивъ ихъ, для вѣдома и огласки, свидѣтелямъ. Покупщикъ стушевался, потерялъ значеніе и наконецъ совсѣмъ исчезъ. Завѣщаніе стало съ этого времени такимъ, какимъ мы его теперь знаемъ: объявленіемъ воли объ имуществѣ на случай смерти.

На этомъ развитіе однако не остановилось и пошло еще далѣе. Чѣмъ сильнѣй развивался индивидуализмъ, тѣмъ личный произволъ больше и больше стремился стать единственнымъ мѣриломъ завѣщательныхъ распоряженій. Обычаи, нравы, предавая уже въ состояніи его сдерживать въ цахъ; а потребности организованной житія и пользы подростающихъ настоятельно указывали на необ такой узды и сдержки. Роль эта долю преемницы павшаго родового наго быта, на публичную гражданст и ея органы—судей, преторовъ, менное законодательство. Они ор и ввели мало-по-малу въ грани тельное право, на основаніяхъ и чалъ, которыя будутъ разсмо изложеніи наслѣдованія по зак ограничимся замѣчаніемъ, что эт и начала всего наглядѣе и оче ражаютъ слабое, младенческое р личныхъ и общественныхъ эле Римѣ, сравнительно съ тѣмъ, ка лучили въ современныхъ европей дарствахъ.

Особый видъ завѣщательныхъ ній, имѣющихъ обязательную сил ляютъ, со временъ Августа, такъ fideicommissi. Они записывались особыхъ просьбахъ или такъ codicilli, обращенныхъ къ насл впослѣдствіи вносились и въ сам ния. Просьбамъ этимъ придано з ручений, который былъ обязанъ тотъ, къ кому онѣ были обращен былъ этотъ видъ завѣщательных женіи тѣмъ, что подобныя про содержанію, ни по формѣ, не под сложившіяся условія и формы ных распоряженій и потому не дической силы, а между тѣмъ обязательными для наслѣдниковъ для лицъ, къ которымъ онѣ относ ставлялось справедливымъ. Фид съ этой точки зрѣнія, представля рическомъ развитіи, новый шагъ отмѣнѣ стариннаго быта и удержа него формъ, потерявшихъ смыслъ.

Въ новыхъ законодательствах тельныя распоряженія, въ смыслѣ воли на случай смерти, предста сравненіи съ римскими, свои зам особенности и характерныя чер однако остались не вполнѣ ви благодаря тому обстоятельству, что къ преданіямъ и обычаямъ древнѣ примѣшались, съ тѣхъ поръ, т

право стало дѣйствующимъ закономъ, римск вліянія. Въ новыхъ европейскихъ законодательствахъ индивидуализмъ никогда не достигалъ такого безусловнаго значенія какъ въ греко-римскомъ мірѣ, а потому и завѣщательныя распоряженія не имѣли никогда того преимущества передъ порядкомъ законнаго наслѣдованія, какъ въ Римѣ, гдѣ распоряженія имуществомъ по волѣ завѣщателя образовались въ правило, изъ котораго были сдѣланы нѣкоторыя исключенія въ пользу наслѣдниковъ по закону. У новыхъ народовъ, съ самаго начала, лицо было поставлено въ границы и рамки общественной организаціей, не родовой и семейной, какъ сначала у римлянъ, а средневѣковыми учрежденіями. По общему ходу развитія, изъ этихъ зачатковъ могъ образоваться порядокъ наслѣдованія, который уже смутно предчувствовался римлянами, а именно съ слабымъ участіемъ лица въ распредѣленіи остающагося послѣ него наслѣдства и съ преобладаніемъ въ этомъ распорядкѣ интересовъ устроеннаго общежитія. Но этого не случилось, потому что и въ Европѣ, какъ и всюду, тоже наступилъ, при выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, періодъ высвобожденія и обособленія индивидуальности. Потребности этой всего болѣе соотвѣтствовала римская точка зрѣнія, и этимъ объясняется, почему римское право о наслѣдованіи такъ впиталось въ европейскую почву. Вліяніе римскаго права, въ этомъ отношеніи, задержало, отчасти даже отклонило развитіе наслѣдственнаго права отъ того пути, который былъ намѣченъ въ Европѣ историческими предпосылками и основаніями европейской жизни и составляетъ задачу дальнѣйшей исторіи. Такая помѣха отразилась позднѣе въ движеніяхъ соціальнаго характера и въ ученіяхъ соціализма и коммунизма, отрицающихъ распоряженіе наслѣдствомъ по завѣщанію и вообще наслѣдованіе частныхъ лицъ въ имуществѣ. Другое характеристическое отличіе европейскаго наслѣдованія по завѣщанію отъ римскаго заключается въ томъ, что въ немъ утратили значеніе и смыслъ, столь важныя въ римскомъ правѣ, различія между наслѣдствомъ, отказомъ (легатомъ) и фидеикоммиссомъ. Какъ показано выше, въ римскомъ правѣ въ назначеніи наслѣдника сохранялось воспоминаніе о передачѣ власти домоначальника, имѣвшей когда-то публичное, общественное значеніе; отказъ (легатъ) выражалъ взглядъ на наслѣдство какъ на частное имущество, которымъ собственникъ можетъ распорядиться на случай смерти по своему усмотрѣнію; а фидеикоммиссы были тѣ же завѣщательныя распоряженія, но которыя сначала были, какъ несогласныя съ строгимъ правомъ и древними воззрѣніями, недѣйствительны, по крайней мѣрѣ необязательны для наслѣдниковъ, и лишь впослѣдствіи, когда старинный бытъ, а съ нимъ и его формы, ослабли и потеряли значеніе, были мало-по-малу признаны дѣйствительными и обязательными. У новыхъ европейскихъ народовъ древнѣйшій родовой и семейный бытъ былъ весьма рано перерванъ въ своемъ развитіи обстоятельствами, сопровождавшими возникновеніе государствъ новой формаціи, и потому ходъ римскаго развитія оставался имъ чуждымъ и не имѣлъ для нихъ никакого значенія, вслѣдствіе чего у нихъ съ самаго начала водворился взглядъ, что имущество есть достояніе лица, распоряженіе которымъ ограничено не родовыми и семейными, а общественными и политическими условіями. Вотъ почему различіе наслѣдника по завѣщанію, легатарія и фидуціарія не должно бы имѣть у нихъ никакого значенія; но благодаря водворенію римскаго права, оно привилось въ Европѣ и не мало способствовало запутанности въ немъ завѣщательнаго права.

Кромѣ завѣщательныхъ распоряженій, у новыхъ народовъ встрѣчается еще особая форма передачи имущества на случай смерти, неизвѣстная ни римскому праву, ни нашему законодательству, именно договоръ, въ силу котораго одинъ или оба контрагента получаютъ право наслѣдованія. Въ такіе договоры входитъ, очевидно, одинъ изъ существенныхъ элементовъ завѣщательныхъ распоряженій—воля завѣщателя; но въ завѣщательномъ договорѣ она является не въ видѣ односторонняго акта, а въ комбинаціяхъ, придающихъ завѣщанію юридическія послѣдствія имущественнаго обязательства. По завѣщательному договору, наслѣдникомъ можетъ быть назначенъ не только контрагентъ, но и постороннее лицо; можно также назначить наслѣдникомъ контрагента, но съ обязательствомъ со стороны послѣдняго передать наслѣдство извѣстному постороннему лицу. Договоръ, по которому оба контрагента назначаютъ другъ друга послѣ себя наслѣдниками, заключается между супругами, и можетъ состоять въ одномъ договорномъ актѣ, или въ видѣ двухъ договорныхъ обязательствъ. Главное отличіе за-

вѣщательныхъ договоровъ отъ завѣщаній состоитъ въ томъ, что распоряженія о наслѣдствѣ, сдѣланныя по договору, не могутъ быть самопроизвольно взяты назадъ, безъ согласія контрагента. Изъ новыхъ законодательствъ такіе договоры допускаютъ прусское, саксонское и австрійское, послѣднее только между супругами. Двойственный характеръ подобныхъ контрактовъ подаетъ ученымъ поводъ къ различнымъ на нихъ взглядамъ, при чемъ споръ вертится о томъ, въ какихъ случаяхъ и въ какой мѣрѣ къ нимъ должны быть примѣняемы начала завѣщательнаго или договорнаго права.

Въ исторіи развитія завѣщательнаго права, завѣщательные договоры представляютъ особенный интересъ. Въ нихъ совершенно исчезаютъ послѣдніе слѣды стариннаго воззрѣнія на завѣщательныя распоряженія какъ на передачу власти. Наслѣдство, оставляемое лицомъ, является въ такомъ договорѣ исключительно въ видѣ имущества, которымъ договаривающійся можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію, тогда какъ въ завѣщательномъ распоряженіи все еще удерживается, хотя бы только въ видѣ смутнаго воспоминанія, отголосокъ стариннаго, полуполитическаго характера наслѣдства и власти домохозяина, главы семьи и дома.

Объ особенностяхъ русскаго законодательства было говорено выше. Оно всего менѣе подверглось вліянію римскаго права, которое не имѣло и не имѣетъ у насъ силы закона; но точка отправленія, съ которой началось наше развитіе, и основы нашего быта представляютъ нѣкоторыя поразительно сходныя черты съ римскими. Къ этому однако присоединились у насъ элементы общественнаго строя государствъ и народовъ новаго міра, въ которыхъ крайнее развитіе индивидуализма было задержано преобладаніемъ общественности. Отсюда сравнительно слабое у насъ развитіе завѣщательнаго начала и преобладаніе наслѣдованія по закону. Но изъ рамокъ мѣстнаго историческаго развитія ни наслѣдованіе по завѣщанію, ни наслѣдованіе по закону у насъ еще не выросло.

Обращаясь къ юридической сторонѣ завѣщательныхъ распоряженій, въ томъ видѣ, какъ она установилась въ дѣйствующихъ законодательствахъ, а именно разсматривая ихъ какъ распоряженія имуществомъ на случай смерти, слѣдуетъ вообще замѣтить, что они занимаютъ середину между наслѣдованіемъ по закону и безвозмездно[illegible] имущества въ видѣ дара, которая [illegible]ляетъ особый видъ односторонних[illegible]тельствъ, имѣющихъ предметомъ им[illegible] или цѣнности. Завѣщательныя распо[illegible] соединяя въ себѣ черты и наслѣ[illegible] даренія, соприкасаются и съ наслѣ[illegible] по закону и съ безвозмезднымъ отч[illegible] имущества, но не могутъ быть [illegible] вполнѣ ни къ тому, ни къ друго[illegible] Этимъ и объясняется сложность и т[illegible] правилъ, опредѣляющихъ завѣщ[illegible] право. Съ одной стороны завѣщатель[illegible] поряженіе имуществомъ, какъ всякая [illegible] его передача отъ одного лица друг[illegible] чиняется общимъ условіямъ догов[illegible] добровольнаго обязательства. Что и[illegible] его обусловлено смертью того, к[illegible] ляетъ имущество въ пользу друг[illegible] лишь особенность этого вида обяза[illegible] —особенность, придающая ему своё[illegible] юридическія послѣдствія; но сущес[illegible] отъ того нисколько не измѣняется. [illegible] образомъ, не измѣняется оно и отъ [illegible] завѣщательное распоряженіе не [illegible] воръ, на который обѣ стороны одно[illegible] выражаютъ свое согласіе, ибо есть [illegible] домъ добровольныхъ обязательствъ, [illegible] рыхъ изъявленіе воли однимъ изъ [illegible] товъ не совпадаетъ съ такимъ же [illegible] ніемъ воли со стороны другого, и [illegible] обоихъ раздѣлено болѣе или мен[illegible] тельнымъ промежуткомъ времени. [illegible] шаетъ, однако, включать такія обяз[illegible] въ систему договорныхъ отношен[illegible] щательное распоряженіе имѣетъ вс[illegible] тіе несомнѣнные признаки обязател[illegible] договору. Такъ, завѣщатель должен[illegible] нять въ себѣ всѣ условія, требуе[illegible] лица, добровольно вступающаго въ об[illegible] ство,—иначе выраженная имъ воля [illegible] знается дѣйствительною, не имѣетъ [illegible] силы: на имущество, къ которому о[illegible] завѣщательное распоряженіе, зав[illegible] долженъ имѣть то право, какое он[illegible] ляетъ другому, такъ какъ никто не [illegible] передавать другому правъ, котор[illegible] имѣетъ. Кромѣ того, односторонняя[illegible] тельство только тогда обращается в[illegible] воротный договоръ, когда на него [illegible] сторона изъявила согласіе. Такъ и[illegible] тельствѣ по простому и переводному в[illegible] по даренію, по пожертвованію, по [illegible] роннему исполненію обязательства за[illegible]

ъ предварительнаго его на то со-
ія порученія (negotiorum gestio) и
этомъ же основаніи необязательно
альное распоряженіе и для того лица,
у котораго оно сдѣлано, пока пос-
е изъявитъ своего согласія, и никто
ъ принять имущества, оставленнаго
ѣщательнымъ распоряженіемъ безъ
ой его на то воли. Изъ сказаннаго
го ученіе о завѣщательныхъ распо-
ъ, по дѣйствующимъ законодатель-
остроено на началахъ односторон-
ожныхъ обязательствъ. Право за-
отмѣнить или измѣнить сдѣланное
оряженіе не представляетъ изъятія
аго правила, такъ какъ оно, по су-
воему, не противорѣчитъ началамъ
оннаго изъявленія согласія на дого-
ка на него не послѣдовало согласія
стороны, чего до смерти завѣ-
по самому характеру и свойству
ьныхъ распоряженій, и не можетъ
другой же стороны несомнѣнно что
если можно такъ выразиться, дого-
авѣ вышить узоръ, которымъ завѣ-
ія распоряженія примыкаютъ къ на-
ному праву, а не къ договорамъ.
столько относится ихъ внѣшняя
оторая опредѣляется необходимыми
рожностями при составленіи актовъ,
ихъ законную силу послѣ смерти
авителя, сколько тѣ значительныя
нія завѣщательнаго права, которыя
ны договорнымъ соглашеніямъ объ
сѣ между живыми и объясняются со-
ями публичнаго или общественнаго
внушенными заботами объ охране-
тересовъ живущихъ поколѣній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лица въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ

илу ихъ принадлежатъ:
а, которыя дѣлаютъ завѣщательныя
ѣнія;
а, въ пользу которыхъ завѣщатель-
поряженія дѣлаются.

I. Лица, дѣлающія завѣщатель-тпоряженія.

ставленію завѣщательныхъ распоря-знается способнымъ только: 1) тотъ, ѣетъ въ себѣ условія, требуемыя закономъ для выраженія юридически дѣйстви-тельной и законной воли; 2) тотъ, кто имѣетъ право отчуждать имущество, о которомъ дѣлаетъ завѣщательное распоряженіе. Къ этимъ двумъ началамъ сводятся всѣ постановленія русскаго и иностранныхъ законодательствъ, опредѣляющія право завѣщательныхъ распо-ряженій.

По нашимъ гражданскимъ законамъ, духов-ныя завѣщанія должны быть составляемы „въ здравомъ умѣ и твердой памяти" (ст. 1016). Кассац. сенатъ совершенно правильно прибавилъ къ этому требованію полную свободу воли (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1016, стр. 271). На этомъ основаніи „недѣйстви-тельны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшед-шихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства; 2) самоубійцъ" (тамъ же, ст. 1017). Смыслъ постановленій о завѣщаніяхъ душевно-больныхъ очень ясенъ: требуется, чтобы завѣщатель обладалъ вполнѣ своими умственными способ-ностями въ то время, когда дѣлалъ завѣща-тельное распоряженіе. Послѣдующее или предшествовавшее психическое разстройство не дѣлаетъ завѣщательнаго распоряженія не-дѣйствительнымъ. Но нѣкоторыя иностран-ныя законодательства смотрятъ на дѣло иначе. По французскому гражданскому кодексу, при-знанный душевно-больнымъ не способенъ дѣ-лать завѣщательныхъ распоряженій даже въ такъ называемые свѣтлые промежутки. Рим-ское право, напротивъ, признавало такія рас-поряженія дѣйствительными. Прусское общее земское право признаетъ дѣйствительными завѣщанія, составленныя въ свѣтлые проме-жутки лицами, которыя только временами лишаются разсудка. У насъ этотъ важный вопросъ не выясненъ ни въ законѣ, ни кас-сационной практикой, что, при сильномъ пре-обладаніи формальной стороны, не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на разрѣшеніе дѣлъ о дѣйствительности завѣщаній. Къ со-жалѣнію, разъясненія кассаціоннаго сената не благопріятны ограничительному толкова-нію свободы душевно-больныхъ дѣлать за-вѣщательныя распоряженія (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1017 §§ 1 и 2, стр. 271 и 272).

Что касается самоубійцъ, то недѣйстви-тельность ихъ завѣщательныхъ распоряженій признана римскимъ правомъ во времена им-періи. Обвиненные въ государственныхъ пре-ступленіяхъ присуждались къ смертной каз-

ни, и имущества ихъ конфисковались. Такъ какъ многіе предупреждали смертный приговоръ самоубійствомъ и составляли завѣщанія, въ которыхъ отказывали свое имущество частнымъ лицамъ, то чтобы государственные преступники не могли избѣжать конфискаціи, завѣщанія ихъ признаны недѣйствительными. Это постановленіе было отмѣнено уголовнымъ уложеніемъ императора Карла V (1532 г.), но въ практикѣ удержалось, и какъ видно изъ одного сенатскаго указа 1760 года, у насъ, еще въ XVIII столѣтіи, самоубійство, совершенное не въ безуміи или безпамятствѣ, считалось преступленіемъ, почему завѣщаніе самоубійцы, какъ преступника, признавалось недѣйствительнымъ. Этого же взгляда держится и кассаціонный сенатъ (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1017 § 3, стр. 272), хотя едва ли правильно. Что самоубійство есть преступленіе противъ религіи и нравственности не подлежитъ сомнѣнію, но оно не есть преступленіе противъ свѣтскаго юридическаго закона, такъ какъ съ самоубійствомъ не соединено никакихъ юридическихъ послѣдствій, сопровождающихъ преступленіе, а потому и завѣщаніе самоубійцы, если онъ не лишилъ себя жизни въ припадкѣ душевной болѣзни, не можетъ считаться недѣйствительнымъ. Повидимому кассаціонный сенатъ чувствовалъ шаткость принятаго имъ основанія для объясненія недѣйствительности завѣщанія самоубійцы; по крайней мѣрѣ, въ разъясненіяхъ его замѣтно желаніе ограничить слишкомъ широкое примѣненіе закона.

Къ ограниченіямъ завѣщательнаго права относятся и слѣдующія постановленія нашихъ гражданскихъ законовъ. „Всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они составляются лицами, имѣющими по законамъ право отчуждать свое имущество" (Зак. гражд., ст. 1018). „Посему недѣйствительны завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ; 2) людей, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія, когда приговоръ имъ объявленъ" (Зак. гражд., ст. 1019). Здѣсь, въ весьма неудовлетворительной редакціи, смѣшаны ограниченія завѣщательнаго права, по существу своему совершенно различныя. Несовершеннолѣтніе не могутъ завѣщевать не потому, что неправоспособны отчуждать имущество, а потому что не имѣютъ необходимой для того дѣеспособности. Это видно изъ того, что имущество несовершеннолѣтнихъ можетъ быть отчуждаемо [illegible] купами, въ извѣстныхъ случаяхъ съ [illegible] шенія опекунскихъ учрежденій, и [illegible] чиная съ 17-ти лѣтъ) ими самими, с[illegible] сія попечителей; лишенные же всѣх[illegible] состоянія неправоспособны къ сос[illegible] завѣщаній, и завѣщанія, составлен[illegible] послѣ объявленія имъ приговора, не[illegible] тельны. Правило это представляетс[illegible] леніе отъ начала, что завѣщательно[illegible] риженіе, сдѣланное въ условіяхъ [illegible] правоспособности и дѣеспособности, [illegible] тельно, какъ законное выраженіе в[illegible] бы впослѣдствіи завѣщатель и сдѣл[illegible] правоспособнымъ и недѣеспособны[illegible] ніе всѣхъ правъ состоянія имѣет[illegible] обратное дѣйствіе. Въ Германіи этот[illegible] отмѣненъ частью практикой, часть[illegible] дательнымъ порядкомъ. Слѣдуетъ л[illegible] его юридически правильнымъ? Ест[illegible] въ пользу и противъ него. Съ точ[illegible] воли завѣщателя, признаніе завѣщ[illegible] дѣйствительнымъ на основаніи по[illegible] шаго преступленія представляется н[illegible] ливымъ; но есть другая точка зрѣні[illegible] торой оно вполнѣ оправдывается. [illegible] ступленіе само по себѣ, а лише[illegible] правъ состоянія, въ томъ числѣ и пр[illegible] щественныхъ, дѣлаетъ недѣйствител[illegible] односторонніе изъявленія воли об[illegible] ствѣ, которыя получаютъ силу зак[illegible] по смерти лица. Когда оно умираетъ[illegible] уже нѣтъ того имущества и тѣхъ п[illegible] торыми оно распорядилось въ завѣ[illegible] по этой только причинѣ завѣщан[illegible] ствительно, какъ недѣйствительно з[illegible] лица, состоящаго подъ опекою по[illegible] сели, за удовлетвореніемъ всѣхъ з[illegible] цевъ, у него не останется свободн[illegible] щества (Зак. гражд., ст. 1021). Пра[illegible] такого толкованія закона подтвер[illegible] тѣмъ, что „лица, состоящія подъ з[illegible] доколѣ приговоръ о лишеніи ихъ п[illegible] стоянія имъ не объявленъ, не и[illegible] права составлять завѣщанія на о[illegible] общихъ правилъ, о домашнихъ зав[illegible] постановленныхъ" (Зак. гражд., ст.

Имѣютъ ли право завѣщательныя [illegible] ряженій лица, отрекшіяся отъ мір[illegible] щества, именно принявшія обѣтъ ни[illegible] По европейскимъ законодательствам[illegible] имѣютъ, послѣ произнесенія монаш[illegible] обѣтовъ. У насъ дѣлается различі[illegible] монашествующими низшихъ степеней

ществующими властями (архіереями, архимандритами и др.). Первые лишены права дѣлать завѣщанія; также лишены его и настоятели и настоятельницы общежительныхъ монастырей. Прочія монашествующія власти имѣютъ право дѣлать завѣщанія объ имуществѣ, на которое они по закону могутъ имѣть частное право, а именно: о движимыхъ вещахъ, кромѣ капиталовъ, внесенныхъ въ кредитныя установленія (Зак. гражд., ст. 1025 и примѣч. по прод.).

О правѣ завѣщательныхъ распоряженій лицъ, отданныхъ подъ опеку за расточительность, въ сводѣ законовъ нѣтъ постановленія. По разъясненію кассаціон. сената, это право принадлежитъ имъ безъ всякихъ ограниченій и безъ согласія на то опеки (Коровниковскій, разъясн. къ ст. 1018 § 2, стр. 273). Законодательства Германіи по этому предмету очень разнообразны: одни вовсе лишаютъ расточителя права завѣщательныхъ распоряженій, другія даютъ его безъ всякихъ ограниченій, третьи ограничиваютъ половиною имущества.

Къ этимъ различнымъ ограниченіямъ присоединяется въ германскихъ законодательствахъ запрещеніе завѣщательныхъ распоряженій глухимъ, нѣмымъ и глухонѣмымъ, если они не въ состояніи выразить свою волю словесно или на письмѣ. Затѣмъ, по всѣмъ вообще законодательствамъ и, конечно, по нашему, хотя объ этомъ въ сводѣ и нѣтъ прямого постановленія, не допускается ни представительство, ни дополненіе личной воли завѣщателя другими лицами (опекуномъ, главою семейства, супругомъ).

И такъ, по общему правилу, всякій, кто способенъ отчуждать свое имущество безвозмездно при жизни, можетъ распорядиться имъ и въ завѣщаніи на случай смерти.

Отд. II. Лица, въ пользу которыхъ можетъ быть сдѣлано завѣщательное распоряженіе.

По общему началу, завѣщательное распоряженіе объ имуществѣ можетъ быть сдѣлано въ пользу лица правоспособнаго, могущаго быть собственникомъ или обладателемъ того имущества. Поэтому, недѣйствительно завѣщательное распоряженіе въ пользу такого лица, которое по закону правъ на оставляемое имущество имѣть не можетъ. На этомъ основаніи, законъ запрещаетъ завѣщательныя распоряженія, которыми недвижимыя дворянскія имѣнія оставляются лицамъ, не имѣющимъ права ими владѣть (Зак. гражд., ст. 1028). Это запрещеніе могло имѣть полную силу при существованіи крѣпостного права, хотя и въ то время оно, повидимому, не влекло за собою недѣйствительности завѣщательнаго распоряженія; по крайней мѣрѣ до 1836 г., когда такія распоряженія на случай смерти были запрещены, дворянскія имѣнія, доставшіяся по завѣщанію непотомственнымъ дворянамъ, брались въ опеку и продавались съ публичныхъ торговъ (Зак. гражд., ст. 1028, примѣч.). Съ отмѣною крѣпостного права, дворянскимъ имѣніемъ стало то, которое было населено временно-обязанными крестьянами. Влекло ли за собою оставленіе такого имѣнія по завѣщанію въ пользу не-дворянина недѣйствительность завѣщательнаго распоряженія — мы не знаемъ: но знаемъ, что „населенныя имѣнія, доставшіяся по наслѣдству (т.-е. въ порядкѣ наслѣдованія по закону) не потомственнымъ дворянамъ, поступаютъ въ вѣдомство дворянскихъ опекъ, впредь до совершенія акта о выкупѣ крестьянами сихъ имѣній поземельнаго надѣла въ установленномъ размѣрѣ, или до отчужденія имѣнія самимъ владѣльцемъ въ собственность потомственному дворянину“ (Зак. гражд., ст. 1304, по прод.). Этимъ косвенно выражено, что остальная часть дворянскаго имѣнія, т.-е. за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, не имѣла прежняго, сословнаго характера. Но по буквѣ закона, завѣщательныя распоряженія такого рода оставались запрещенными, хотя юридическія послѣдствія запрещенія и не опредѣлены закономъ. Въ настоящее время, съ обязательнымъ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ онъ не былъ еще сдѣланъ, и съ переходомъ всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ, понятіе о дворянскомъ имѣніи исчезло изъ русскаго законодательства, и статьи 1028 и 1304 законовъ гражданскихъ утратили всякое практическое значеніе.

Въ силу того же начала, по которому дворянскія имѣнія не могли быть завѣщаны недворянамъ, запрещено дѣлать завѣщательныя распоряженія въ пользу монашествующихъ, со времени постриженія ихъ въ иноческій чинъ, и въ пользу лицъ, лишенныхъ правъ состоянія (Зак. гражд., ст. 1067 п. 9 и 41. На томъ же основаніи, завѣщательное распоряженіе, сдѣланное въ пользу лица которое лишь подъ извѣстными условіями становится

правоспособнымъ къ пріобрѣтенію имущества, вступаетъ въ законную силу только съ выполненіемъ этихъ условій. Такъ, по нашимъ законамъ, монастыри и церкви не могутъ пріобрѣтать непаселенныхъ недвижимыхъ имуществъ, безъ испрошенія на то Высочайшаго соизволенія. Такое Высочайшее соизволеніе требуется и для принятія откловъ по завѣщаніямъ въ пользу благотворительныхъ заведеній московскаго попечительнаго комитета (Зак. гражд., ст. 1067 п. 2 и 6). Изъ этого слѣдуетъ, что полная правоспособность означенныхъ юридическихъ лицъ къ наслѣдованію по завѣщательнымъ распоряженіямъ начинается, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, лишь съ момента Высочайшаго на то соизволенія.

Кромѣ указанныхъ объективныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ правоспособность къ наслѣдованію по завѣщанію, есть особенныя, личныя условія, ограничивающія или, напротивъ, расширяющія ее въ видѣ изъятія изъ общаго правила. Примѣръ ограниченія представляетъ запрещеніе служащимъ въ карантинныхъ учрежденіяхъ и начальникамъ карантинныхъ округовъ получать по завѣщанію какую-либо часть изъ имѣнія лица, умершаго въ карантинѣ, если они не суть его наслѣдники по закону (Зак. гражд., ст. 1067 п. 5, по прод.). Ограниченіе это не распространяется на членовъ карантинныхъ совѣтовъ. Смыслъ такого, крайне не точно выраженнаго правила объясняется его цѣлью. Законъ опасается, чтобы заболѣвающіе и умирающіе въ карантинѣ, строго отдѣленные отъ всѣхъ другихъ и состоящіе въ сношеніяхъ только съ служащими въ карантинѣ, не сдѣлались, передъ кончиною, жертвами обмана, своекорыстія и эксплоатаціи окружающихъ ихъ лицъ, и потому объявляетъ недѣйствительными тѣ завѣщанія умершихъ въ карантинѣ въ пользу служащихъ въ немъ, которыя составлены во время карантиннаго очищенія, чего однако въ законѣ прямо не выражено. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что случайное совпаденіе смерти въ карантинѣ съ составленіемъ завѣщанія въ пользу карантиннаго чиновника, до карантиннаго очищенія, внѣ карантина, когда еще и рѣчи не было о болѣзни, заставившей ввести карантинныя предосторожности, не въ состояніи было бы отмѣнить законную силу завѣщательнаго распоряженія въ пользу карантиннаго чиновника. Что касается расширенія правоспособности наслѣдованія по завѣщанію мѣрою можетъ служить установл закономъ, а разъясненіями кассацион ната, право завѣщатели сдѣлать завѣ ное распоряженіе въ пользу лица родившагося и, слѣдовательно, еще ствующаго, даже еще не зачатаго, гущаго родиться" отъ указаннаго лемъ лица (Боровиковскій, ст. 1026, § 4, стр. 275). Еще шире опредѣлен наслѣдованія по завѣщанію, когда тельное распоряженіе имѣетъ бл тельныя цѣли. Изъ разъясненій ка ната выходитъ, что въ этомъ случаѣ никомъ можетъ быть даже не юр лицо, уже существующее, а отв предметъ, мысль о предметѣ, осущ которой только предполагается, хот даже была не точно и ошибочно ризована въ завѣщаніи. Такое ра круга лицъ, имѣющихъ право на по завѣщанію, далеко за предѣлы тельной юридической личности, не извольное и основано на точномъ дѣйствующихъ постановленій (Зак. ст. 1090—1094. Боровиковскій, ра ст. 1026, § 5, стр. 275).

Правоспособность лицъ, въ пол рыхъ сдѣлано завѣщательное расп можетъ быть различна въ момент ленія завѣщанія и въ моментъ см щателя. Спрашивается: какой изъ эт моментовъ правоспособности даетъ слѣдовать въ силу завѣщательнаго женія? Говоря о правѣ дѣлать так ряженія, мы видѣли, что дѣйстви ихъ опредѣляется правоспособност способностью завѣщателя въ момент ленія завѣщательнаго распоряженія, раженія законной воли. Дѣеспособ лучающаго имущество по завѣща не имѣетъ значенія, ибо если онъ способенъ, то вмѣсто него дѣйству представитель (Зак. гражд., ст. 12 же касается правоспособности, то разъясненію кассаціоннаго сената, лется не по моменту составлени ія, а по моменту смерти завѣщател виковскій, разъясн. къ ст. 1067 § 1, с Толкованіе это вполнѣ правильно, основаніи, что выраженная въ завѣща получаетъ безповоротную законную с со смерти завѣщателя, и потому т этого момента начинаются права то

пользу котораго сдѣлано завѣщательное распоряженіе. Лицо это могло быть правоспособнымъ въ моментъ составленія завѣщанія и все-таки не получить завѣщаннаго имущества, если въ моментъ смерти завѣщателя уже не имѣло той же правоспособности. По той же самой причинѣ, недостатокъ правоспособности получить завѣщанное имущество въ моментъ составленія завѣщанія не можетъ служить препятствіемъ къ полученію завѣщаннаго, если въ моментъ смерти завѣщателя имѣющій право получить имущество по завѣщанію обладаетъ требуемою правоспособностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Содержаніе завѣщательныхъ распоряженій.

Подъ содержаніемъ завѣщательныхъ распоряженій разумѣются въ системѣ права только такія выраженія законной воли завѣщателя, которыя имѣютъ цѣлью опредѣлить права и обязанности, долженствующія установиться послѣ смерти завѣщателя. Въ завѣщаніи могутъ быть выражены разныя желанія, чувства, мысли, совѣты, наставленія и проч.; но они имѣютъ юридическое значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда устанавливаютъ права, обязанности и отношенія юридическаго свойства.

Главное содержаніе завѣщанія составляютъ распоряженія объ имуществѣ въ юридическомъ смыслѣ, т.-е. о томъ, что представляетъ матеріальную стоимость или цѣнность, слѣдовательно не только о матеріальныхъ вещахъ или предметахъ, но и о правахъ, искахъ, обязательствахъ, привилегіяхъ. Но предметами завѣщательныхъ распоряженій могутъ быть лишь стоимости или цѣнности, которыя имѣютъ или могутъ имѣть независимое отъ человѣка реальное существованіе и переходить отъ одного лица къ другому (Зак. гражд., ст. 1258 и 1259 и примѣч., по прод.; Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1104 §§ 1 и 2, стр. 299 и 300; разъясн. къ ст. 1258, стр. 347; разъясн. къ ст. 1259 §§ 9—11, 13 и 14, стр. 351—353). Талантъ, искусство, умѣнье, приносящіе доходъ, служащіе средствомъ существованія и содержанія семьи, тоже представляютъ капиталъ, дающій проценты, но они исчезаютъ со смертью лица и не переходятъ къ другимъ лицамъ и потому не могутъ быть предметами завѣщательныхъ распоряженій. Подъ ту же категорію подходятъ также имущества, которыя по закону не отчуждаемы; таковы публичныя должности, съ которыми соединено извѣстное содержаніе, владѣніе или пользованіе извѣстнымъ имуществомъ, извѣстные доходы и т. п. Общественныя положенія такого рода несомнѣнно представляютъ капиталъ, приносящій доходы, но онъ составляетъ лишь предметъ личнаго пользованія, не отчуждаемъ и не передаваемъ, а слѣдовательно не можетъ быть предметомъ завѣщательныхъ распоряженій. Впрочемъ, есть изъятія изъ общаго правила. Такъ, должность нотаріуса есть публичная; однако во Франціи она передается и отчуждается по частнымъ сдѣлкамъ и потому представляетъ имущество въ полномъ смыслѣ слова.

Такъ какъ завѣщаніе опредѣляетъ судьбу имущества, которымъ завѣщатель можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію на случай смерти, то къ завѣщательнымъ распоряженіямъ вполнѣ примѣняется общее правило, въ силу котораго всякій можетъ передать или уступить другому только то, что ему принадлежитъ и чѣмъ онъ располагаетъ,— никакъ не больше. Нельзя ни по завѣщанію, ни другимъ способомъ самопроизвольно передать или уступить то, что принадлежитъ другому: такого рода передача или уступка недѣйствительна, потому что нарушаетъ права третьихъ лицъ; дѣйствительной она можетъ быть признана только въ такомъ случаѣ, когда дѣлается подъ условіемъ, что передаваемое или уступаемое имущество будетъ принадлежать завѣщателю. Въ этомъ условномъ видѣ передача или уступка, конечно, не нарушаетъ ничьихъ правъ, но зато она и не есть передача или уступка имущества, а условіе о передачѣ или уступкѣ, имѣющихъ совершиться впослѣдствіи.

Кромѣ перехода имущества по смерти завѣщателя, завѣщательнымъ распоряженіемъ могутъ быть опредѣлены: а) опека надъ малолѣтними и б) способы приведенія въ исполненіе завѣщательныхъ распоряженій.

О правѣ назначать въ завѣщаніи опекуновъ было уже говорено въ очеркѣ семейныхъ отношеній. Это право несомнѣнно ограничено законодательными постановленіями, а также распоряженіями и мѣрами опекунскихъ учрежденій, въ интересахъ малолѣтнихъ. Воля завѣщателя, противорѣчащая закону и интересамъ лицъ, надъ которыми установляется

опека, конечно должна уступить и подчиниться. Но въ такихъ предѣлахъ и съ такими ограниченіями, назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ въ завѣщаніи допускается, а это показываетъ, что завѣщаніе не есть только законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай смерти, какъ сказано въ законахъ гражданскихъ.

Что касается до способовъ приведенія въ исполненіе завѣщательныхъ распоряженій объ оставляемомъ имуществѣ, то и они представляютъ категорію завѣщательныхъ распоряженій особаго рода и своеобразнаго характера. Завѣщатель очень часто не ограничивается опредѣленіемъ того, что должно статься съ его имуществомъ послѣ его смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и то, какимъ образомъ воля его должна быть исполнена. Такія указанія, если они не противорѣчатъ законамъ, должны быть исполнены; между тѣмъ они, строго говоря, тоже не подходятъ подъ опредѣленіе завѣщанія, какъ законнаго объявленія воли владѣльца о его имуществѣ на случай смерти.

Исполненіе завѣщательныхъ распоряженій объ имуществѣ нерѣдко возлагается на тѣ лица, которымъ оставляется большая или меньшая его часть. Такъ, напримѣръ, на наслѣдника возлагается обязанность продать часть имущества и изъ вырученныхъ денегъ, или же изъ доходовъ, отдать извѣстную сумму въ церковь, на поминовеніе души, или раздать бѣднымъ или внести въ кассу благотворительнаго общества и т. п.; иногда же завѣщатель поручаетъ исполненіе завѣщательныхъ распоряженій не наслѣдникамъ, а посторонимъ лицамъ, такъ называемымъ душеприказчикамъ, которые не участвуютъ въ наслѣдствѣ (Зак. гражд., ст. 1084). Назначеніе такихъ посредниковъ по исполненію завѣщанія создаетъ юридическія отношенія особаго рода, требующія ближайшаго разсмотрѣнія.

Душеприказчикъ, какъ сказано, не есть наслѣдникъ, а то постороннее лицо, которому по завѣщанію поручено привести въ исполненіе завѣщательныя распоряженія объ имуществѣ. Такъ какъ такое порученіе дается завѣщателемъ односторонним выраженіемъ его воли, которая не обязательна, если на нее не будетъ выражено согласія, то лицо, назначенное душеприказчикомъ, можетъ и отказаться отъ исполненія такого порученія. Отсюда же слѣдуетъ, что душеприказчикъ вступаетъ въ права и обязанности [illegible] лишь съ того времени, когда формал[illegible] самымъ фактомъ принялъ его на себя. [illegible]дѣлить это время потому необходимо, [illegible] него начинается отвѣтственность [illegible] казчика передъ наслѣдниками за [illegible] ряженія по исполненію завѣщанія.

Отъ душеприказчика слѣдуетъ [illegible] наслѣдника по завѣщанію, которо[illegible] ляется завѣщателемъ какое-либо и[illegible] и вмѣстѣ дается порученіе исполни[illegible] либо распоряженія имущественнаг[illegible] тера относительно посторонних[illegible] какъ порученіе такого рода почт[illegible] падаетъ на счетъ имущества, ост[illegible] въ наслѣдство лицу, которому дан[illegible] віе, то имъ не устанавливается ду[illegible] чикъ въ лицѣ наслѣдника, а опр[illegible] лишь условіе, подъ которымъ наслѣ[illegible] лучаетъ оставленное ему по завѣщ[illegible] щество. Отъ сказаннаго слѣдуетъ [illegible] тотъ случай, когда на душеприка[illegible] ложено исполнить завѣщательныя [illegible] женія, и въ то же время ему завѣщ[illegible] имущества. Будетъ ли онъ въ та[illegible] чаѣ душеприказчикомъ? Конечно д[illegible] первомъ изъ приведенныхъ прим[illegible] слѣднику дается порученіе, отн[illegible] только къ той части имущества, ко[illegible] оставлена, а во второмъ — душеп[illegible] поручается исполнить всѣ завѣщ[illegible] распоряженія, касающіяся вообще [illegible] маго имущества.

По самому свойству возложенна[illegible] порученія, душеприказчикъ получ[illegible] оставленное умершимъ имущество [illegible] менное свое распоряженіе. Но рас[illegible] наслѣдствомъ по его личному усмо[illegible] допускается, и если оно предостав[illegible] приказчику въ завѣщаніи, то не и[illegible] закономъ и недѣйствительно: душеп[illegible] есть исполнитель не своей воли, а [illegible] вѣщателя, иначе подъ именемъ ду[illegible] чиковъ могли бы, въ обходъ от[illegible] закона, призываться къ наслѣдова[illegible] роннія лица. Душеприказчикъ може[illegible] шать относительно оставленнаго [illegible] имущества только такія дѣйствія, [illegible] рымъ онъ уполномоченъ въ самомъ [illegible] ніи, или которыя необходимы для [illegible] нія возложеннаго на него поруч[illegible] имущество завѣщателя душеприка[illegible] лучаетъ въ свое распоряженіе с[illegible] утвержденія въ своемъ званіи и

всего, привести его въ такое поло-
при которомъ возможно исполнить
тельныя распоряженія. Въ интересахъ
аго его завѣдыванію имущества, душе-
икъ вправѣ предъявлять иски и хода-
ать въ судѣ, но не въ пользу тѣхъ
угихъ лицъ, а лишь вообще въ инте-
рученнаго ему дѣла.

исполняющій порученіе завѣщателя
ельно лицъ, которымъ онъ оставляетъ
ущество, душеприказчикъ, за невоз-
тью отвѣчать передъ завѣщателемъ,
тъ за свои дѣйствія передъ тѣми, къ
ршло оставшееся послѣ него иму-
Наслѣдники вправѣ требовать отъ
иказчика отчета даже до полученія
слѣдства. Отвѣтственность душепри-
имѣетъ мѣсто, когда доказано, что
оими дѣйствіями или бездѣйствіемъ
ущербъ тѣмъ, для пользы которыхъ
нъ. Если, вслѣдствіе неправильныхъ
й душеприказчика, имущество пере-
посторонніе руки, то наслѣдникъ,
й на него право, можетъ обратить
ие на душеприказчика; впрочемъ, онъ
ъ напередъ доказать, что лишенъ воз-
жи получить это имущество отъ его
ца. Въ случаѣ промедленія въ выдачѣ
щаго имущества, наслѣдникъ вправѣ
ать отъ душеприказчика вознагражде-
тковъ.

душеприказчика кончается съ окон-
или выполненіемъ возложеннаго на
вѣщателемъ порученія. Въ случаѣ от-
шеприказчика отъ этого званія, или
ъ его смерти, обязанности его пере-
на другого душеприказчика, назна-
въ завѣщаніи, а если другихъ нѣтъ,
щаніе исполняется самими наслѣдни-

шемъ законодательствѣ ученіе о душе-
икахъ совсѣмъ опущено. Оно развито
ъ видѣ, какъ изложено выше, въ разъ-
хъ кассаціоннаго сената (Боровиков-
ъясн. къ ст. 1011, § 1, стр. 268 и 269;
1024, стр. 273 и 274 и къ ст. 1084,
6, стр. 292—294) и пополняетъ весьма
и существенный пробѣлъ въ сводѣ
ихъ законовъ. Единственное замѣ-
ротивъ вообще весьма правильныхъ
ній сенатомъ правъ и обязанностей
иказчика относится къ несовсѣмъ точ-
ъличенію душеприказчиковъ отъ на-
овъ. Въ одномъ рѣшеніи говорится, что въ собственность душеприказчика можетъ поступить какая-либо часть имущества завѣщателя развѣ только въ томъ случаѣ, если именно завѣщана ему въ собственность (Боровиковскій, разъясненія къ ст. 1084, § 1, стр. 292), а въ другомъ сказано, что если исполненіе воли завѣщателя относительно управленія и распоряженія завѣщаннымъ имуществомъ возложено на одного изъ наслѣдниковъ, то такой наслѣдникъ не можетъ быть признанъ душеприказчикомъ (тамъ же, § 6, стр. 293 и 294). Это противорѣчіе легко устранить, если принять начало, высказанное выше, а именно, что душеприказчикомъ слѣдуетъ считать того, кому поручено выполненіе всѣхъ вообще завѣщательныхъ распоряженій, хотя бы ему и была оставлена по завѣщанію часть имущества; наслѣдникомъ же, а не душеприказчикомъ, будетъ тотъ, кому поручено исполненіе завѣщательныхъ распоряженій только по той части имущества, которая ему оставлена. На этомъ основаніи, наслѣдникомъ, а не душеприказчикомъ, будетъ тотъ, кому по завѣщанію оставлено все имущество, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручено исполнить различныя завѣщательныя распоряженія въ пользу другихъ лицъ.

Обязанности душеприказчика возлагаются по закону на правительственныя учрежденія и должностныя лица въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщательное распоряженіе сдѣлано въ пользу юридическаго лица публичнаго характера, или на предметъ благотворительности или общественной пользы (Зак. гр., ст. 1088; ст. 1092—1093, по продолженіямъ). Выписки о такихъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ сообщаются по принадлежности прокуроромъ (Зак. гражд., прилож. къ ст. 1012 по прод., ст. 31; ст. 1090 по прод., ст. 1091 по прод.). Нѣкоторыя правительственныя кредитныя учрежденія исполняютъ, по закону, обязанности душеприказчиковъ по завѣщаніямъ, въ нихъ хранящимся, и относительно обращающихся въ нихъ капиталовъ (Зак. гр., ст. 1087).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ограниченія завѣщательныхъ распоряженій имуществомъ.

По принципу, съ точки зрѣнія индивидуализма, каждый воленъ распорядиться своимъ имуществомъ, на случай смерти, по своему усмотрѣнію. Въ римскомъ правѣ, по-

строеніемъ на началѣ индивидуализма, это начало проводилось съ желѣзною послѣдовательностью, пока живы были преданія о публичномъ характерѣ власти домоначальника, устроителя судьбы юридической семьи послѣ своей смерти. Но когда старинная юридическая семья разрушилась, отголоски о ея бывшемъ когда-то политическомъ значеніи исчезли изъ памяти людей и семейное достояніе обратилось въ личное и приватное имущество домохозяина, завѣщательныя распоряженія, мало-по-малу, перестали быть выраженіемъ заботы о судьбѣ семьи, оставшейся послѣ умершаго, а сдѣлались выраженіемъ его личныхъ расположеній, привязанностей и капризовъ, въ ущербъ семьи и ея членовъ. Особенно рѣзкимъ и несправедливымъ представлялся такой произволъ вслѣдствіе того, что съ виду сохранялось преданіе, отголосокъ древнѣйшаго быта, когда наслѣдникъ былъ преемникомъ власти домоначальника, распорядителемъ и верховнымъ обладателемъ семейнаго достоянія, отвѣтственнымъ за всѣ взысканія, падавшія на семью, на самомъ же дѣлѣ достояніе семьи предоставлялось постороннимъ лицамъ къ видѣ легатовъ или отказовъ. Выходило, что на наслѣдниковъ падали одни обязательства, долги и выдачи, а средства покрыть ихъ, оставляемыя умершимъ, раздавались посторонимъ лицамъ, для которыхъ составляли чистую прибыль или выгоду. Наслѣдникъ (heres) былъ, по старинымъ воспоминаніямъ изъ древнѣйшихъ временъ, представителемъ и продолжателемъ умершаго и единства семьи и семейнаго достоянія, почему на него и падали долги и взысканія, лежавшія на умершемъ; но потомъ эти воспоминанія потеряли всякій смыслъ. Вопіющее противорѣчіе между преданіемъ и дѣйствительностью и проистекавшая отсюда явная несправедливость повели къ ограниченію свободы завѣщательныхъ распоряженій, въ видахъ огражденія интересовъ законныхъ наслѣдниковъ. Повидимому, прежде всего приняты мѣры къ охраненію „наслѣдниковъ по нисходящей, которые рождались послѣ составленія завѣщанія, или даже послѣ смерти завѣщателя. Появленіе на свѣтъ постума (такъ назывались эти наслѣдники) отнимало у завѣщателя его юридическую силу".

Законъ Фуріевъ „запретилъ отказы на сумму свыше 1000 ассовъ одному лицу, сдѣлавъ... исключеніе въ пользу ближайшихъ родственниковъ завѣщателя". Потомъ „Воконіевъ законъ, которымъ предписывалось не отказывать отцому лицу болѣе того, что оставляется самому наслѣднику" (Gaius). Вообще, наслѣдники, получившіе слишкомъ сравнительно съ тѣмъ, что имъ слѣдовало по закону, могли просить объ отмѣнѣ обиднаго завѣщанія (querela inofficiosi testamenti), и оно судомъ отмѣнялось. Законъ Фальцидіевъ „отмѣнилъ законы Фуріева и Воконіева законовъ и возстановилъ что наслѣднику по завѣщанію должно оставаться во всякомъ случаѣ не менѣе четверти всего состоянія завѣщателя. Состояніемъ же разумѣлся тотъ чистый остатокъ, который имѣетъ быть за вычетомъ наличнаго имущества всѣхъ долговъ наслѣдителя, расходовъ на его погребеніе и пр. Если кто-либо назначалъ въ отказахъ трехъ четвертей своего состоянія, то отказы подлежали уменьшенію, пропорціонально ихъ величинѣ, для того, чтобы дать требуемую сумму отказаннаго имущества (falcidiani praedia" (Муромцевъ, стр. 406—408). При Юстиніанѣ установились личные размѣры обязательной наслѣдственной доли, смотря по числу наслѣдниковъ (1/2, 1/3)", при чемъ „обязательная доля должна оставаться непремѣнно въ формѣ наслѣдственія подлежащаго лица наслѣдника, а не въ какой-либо иной формѣ." (Муромцевъ, стр. 414 и 415). Эти ограниченія, вытекавшія изъ различія наслѣдниковъ и легатаріевъ, были вызваны только историческимъ развитіемъ римскаго быта и совершенно утратили свой смыслъ, когда условія, при которыхъ возникли, исчезли. Несмотря на то, что остатки старины перешли, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ, въ современныя системы законодательства и порождаютъ въ нихъ практически ненужную и даже вредную двойственность, которой не избѣгло и французское право, возникшее во время революціи и имѣвшее, вслѣдствіе того, полную возможность отнестись свободно, критически къ римскимъ преданіямъ.

Изъ дѣйствующихъ законодательствъ римское всего свободнѣе относится къ своимъ римскимъ постановленіямъ въ Пруссіи. Оно не знаетъ различія между наслѣдниками и легатаріями и предоставляетъ завѣщательныя распоряженія ограниченія ихъ родомъ имущества. Основной принципъ его такой: каждый можетъ

ся какъ хочетъ тѣмъ, что самъ пріобрѣтенное) (Зак. гражд., ст. 1062); движимое имущество всегда считается
слѣдственное имущество, оставшееся смерти лица, должно непремѣнно поступать въ пользу его законныхъ наслѣдниковъ же, ст. 1068). Въ этихъ правилахъ
ышится отголосокъ глубокой старины. можно было свободно распоряжаться по Русской Правдѣ. Нажитое, пріобретенное самимъ лицомъ, составляло его собственность, а наслѣдованное, пріобретенное предками, составляло общее родовое или семейное имущество, на которое даже самъ домохозяинъ, не имѣлъ права. Но въ сводѣ законовъ это знаніе старинныхъ порядковъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, и даже не могло служить исходнымъ пунктомъ для какого, рано или поздно, преобразованія завѣщательнаго и вообще наслѣдственнаго права въ интересахъ семьи и ближайшихъ умершему лицъ, дѣлившихъ съ нимъ горе и жизнь, радость и горе. Теперь уже больше общаго родового и семейнаго имущества: оно раздроблено между его членами, принадлежитъ имъ на правахъ полной собственности; при полной свободѣ продажи родовой собственности, она существуетъ только по имени и легко претворяется въ благопріобрѣтенную: стоитъ только продать ее чужеродцу и купить у него обратно, или изъ третьихъ рукъ; движимое имущество, каково бы ни было его происхожденіе и назначеніе, признано нажитымъ, благопріобрѣтеннымъ, вопреки очевидной фиктивности такого взгляда, отъ котораго законодательство вынуждено было допустить во многихъ случаяхъ важныя отступленія въ правилахъ о заповѣдныхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ и т. подъ. При такихъ условіяхъ, ограниченіе завѣщательныхъ распоряженій по отношенію къ родовымъ имуществамъ никого и ничего не обезпечиваетъ, оставляетъ лишь одно изъ формальныхъ затрудненій и ненужныхъ стѣсненій, которое при желаніи всегда можно обойти. Правила, повидимому, категорическаго, родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію, имѣетъ нѣсколько важныхъ изъятій. Всего не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто всякое завѣщательное распоряженіе о родовомъ имуществѣ уже по одному тому само по себѣ, недѣйствительно. Если завѣщатель, вполнѣ сообразуясь съ порядкомъ законнаго наслѣдованія, захочетъ назначить каждому слѣдующую ему по закону часть наслѣдства по своему усмотрѣнію, въ томъ или другомъ имуществѣ, то такое завѣщаніе по справедливости не можетъ быть признано недѣйствительнымъ, потому что порядокъ законнаго наслѣдованія опредѣляетъ лишь долю наслѣдованія и не содержитъ никакихъ указаній относительно права законныхъ наслѣдниковъ получить свою часть преимущественно изъ того или другого имѣнія. Да и вообще завѣщательныя распоряженія о родовомъ имуществѣ едва ли, сами по себѣ, могутъ быть признаны недѣйствительными. Мы полагаемъ, что законъ имѣетъ только въ виду оградить интересы законныхъ наслѣдниковъ и съ этою цѣлью дастъ имъ лишь право опровергать завѣщаніе, которое ихъ нарушаетъ, предоставляя на ихъ волю воспользоваться или не воспользоваться этимъ правомъ. Поэтому мы думаемъ, что завѣщаніе можетъ содержать въ себѣ завѣщательныя распоряженія и о родовомъ имуществѣ, и что оно сохраняетъ свою силу даже въ такомъ случаѣ, если бы и отступало отъ установленнаго порядка законнаго наслѣдованія, когда законные наслѣдники, которыхъ интересы и права завѣщаніемъ затронуты или нарушены, не предъявятъ противъ него протеста и спора. Что это дѣйствительно такъ, доказывается тѣмъ, что завѣщаніе утверждается судомъ безъ изслѣдованія, относится ли оно къ родовому или благопріобрѣтенному имуществу и, слѣдовательно, законъ всегда можетъ быть обойденъ: стоитъ только умолчать въ завѣщаніи о какомъ имуществѣ идетъ рѣчь, родовомъ или благопріобрѣтенномъ; и разъ завѣщаніе утверждено, оно можетъ быть опровергнуто только заинтересованными лицами, т.-е. наслѣдниками. Во-2-хъ, законъ прямо указываетъ два случая, когда завѣщателю предоставлено распоряжаться родовымъ имуществомъ вопреки правиламъ законнаго наслѣдованія, а именно: всякій можетъ передать по завѣщанію свое родовое имущество въ пожизненное владѣніе оставшемуся въ живыхъ супругу; кромѣ того, не имѣющій дѣтей и нисходящаго потомства можетъ передать свое родовое имущество въ собственность одному изъ дальнихъ родственниковъ, помимо ближайшихъ (Зак. гражд., прилож. къ ст. 116 по прод.,—ст. 1058). О правѣ пожизненнаго владѣнія супруговъ въ

силу завѣщанія и объ отличіи этого права отъ другихъ видовъ пожизненнаго владѣнія было сказано при изложеніи правъ имущественныхъ (ср. Боровиковскій, разъясн. къ ст. 514 § 5, стр. 1241). Право завѣщать родовое имущество къ собственности дальнему родственнику помимо ближайшихъ обставлено въ законѣ различными условіями и изложено такъ: „Лицо, не имѣющее ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ, можетъ предоставить все свое родовое имущество, или же часть онаго, мимо ближайшихъ своихъ наслѣдниковъ, и несмотря ни на какую степень родства, одному лицу изъ дальнѣйшихъ или равно близкихъ родственниковъ или родственницъ своихъ, но лишь того рода, изъ котораго досталось завѣщаемое избранному имъ наслѣднику имущество, хотя бы сіе лицо, по происхожденію отъ женскаго въ томъ родѣ колѣна, или по иной причинѣ, и не носило имени, фамиліи завѣщателя или завѣщательницы. На семъ же основаніи владѣлецъ, не имѣющій ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ, можетъ, если имѣніе дошло къ нему изъ разныхъ родовъ, избрать и назначить по одному отъ каждаго изъ сихъ родовъ наслѣднику"... Но дѣлающіе такого рода завѣщательное распоряженіе „обязаны предоставить остающимся послѣ нихъ супругу или супругѣ въ нѣчное и потомственное владѣніе седьмую часть всего родового имущества своего, какъ того, которое переходитъ къ избранному ими наслѣднику, такъ и того, которое оставляется прочимъ наслѣдникамъ по закону" (Зак. гражд., ст. 1068). Право отдавать родовое имѣніе по завѣщанію остающемуся супругу выработалось постепенно изъ отдѣльныхъ ходатайствъ и случаевъ, разрѣшенныхъ Высочайшею властью, и лишь въ 1862 возведено въ общій законъ. Его цѣлесообразность и справедливость, не нарушающая правъ посторонихъ лицъ, не подлежитъ сомнѣнію. Возраженіе можетъ относиться только къ праву пожизненнаго владѣльца родового имущества отдавать его на аренду на сроки, превышающіе срокъ пожизненнаго владѣнія, и основательности такого арендаго договора для собственника этого родового имущества. По общему правилу, никто не можетъ передавать другому больше правъ чѣмъ сколько самъ имѣетъ, а въ настоящемъ случаѣ это основное правило, безъ справедливаго основанія, нарушено. Что касается до права завѣщать родовое имущество почти
ихъ законныхъ наслѣдниковъ, то
добно 1-м 1-й указной части супр
чери въ оставшемся послѣ смерти
движимомъ имуществѣ, совершенно
но безъ археологическихъ поясн
сводѣ законовъ, подъ этимъ постан
находимъ ссылку на законъ 1831 г.
дующее: по заимствованіи онъ из
Петра Великаго 1714 г. 23 марта
маіоратахъ и, по непонятной слу
притомъ въ искаженномъ смыслѣ,
до нашего времени, когда поня
вести у насъ маіораты общимъ
исчезла безъ слѣда, даже въ имя
Петръ задумалъ ввести у насъ, к
дробленія недвижимаго имущества
сколькими или многими наслѣдника
неніе его въ цѣломъ составѣ, непр
нымъ, изъ поколѣнія въ поколѣ
кахъ одного законнаго наслѣдника
такого наслѣдника въ линіи нисхо
было, то оставляющему наслѣдс
ставлялось право выбрать одного
изъ числа родственниковъ, опять
цѣлью сохранить недвижимое иму
однихъ рукахъ, безъ раздробленія
вило, въ общемъ составѣ указа о
разрѣшало частный случай и им
понятное и разумное основаніе.
отмѣны этого указа, который пр
лишь до 1731 г. 17 марта, он
всякое значеніе и, непонятно как
внесено въ систему законнаго на
возстановившую начала, на кот
была построена до указа о маорат
маю: постановленіе о единонасл
лѣйшее послѣ отмѣны Петровск
было передѣлано и полновлено,
прилаженія его къ родовымъ на
распредѣленіи имуществъ между
ками и, вслѣдствіе того, сдѣлалось
понятнымъ. Трудно, напримѣръ,
почему, послѣ отмѣны единонасл
можно безусѣтнымъ отказывать род
только одному, а не нѣсколькимъ
въ то же время дозволено, если
досталось отъ различныхъ родовъ,
по одному наслѣднику для каждой
родовыхъ имуществъ, т.-е. нѣсколь
никовъ? Почему предоставлено б
оставлять послѣ себя одному изъ
никовъ или все свое родовое имущ
часть его? Наше такъ называемое

раво конца XVII и XVIII и за первую
ну XIX вѣка обилуетъ подобными не-
ыми постановленіями, свидѣтельствуя
не низкой ступени юридическаго обря-
. Къ сожалѣнію, кассаціонный сенатъ
ихъ разъясненіяхъ не коснулся суще-
ѣла и ограничился однимъ подтверж-
буквальнаго смысла статья 1068
ковскій. разъясн. къ этой статьѣ, стр.
290). Наконецъ, въ 3-хъ, законъ дозво-
завѣщательныя распоряженія относи-
родовыхъ имуществъ въ видѣ денеж-
ыдачъ, падающихъ на наслѣдниковъ,
ъ эти имущества достанутся; но на-
ки вправѣ отказаться отъ исполненія
завѣщательныхъ распоряженій, если
единены съ утратою изъ родового
ства большей или меньшей части (Зак.
ст. 1086). Смыслъ этого правила тотъ,
нежныя выдачи обязательны для на-
ка, если могутъ быть выполнены изъ
ъ отъ полученнаго въ наслѣдство ро-
имущества, и не обязательны, если
полненіе можетъ послѣдовать не иначе,
ресъ уменьшеніе капитальной стоимо-
слѣдованнаго родового имущества. Та-
амѣреніе закона, изложеннаго въ весь-
довлетворительной редакціи. Онъ мало
щаетъ наслѣдниковъ родового имуще-
какъ какъ, по буквальному его смыслу
разъясненіямъ кассаціоннаго сената
ковскій, разъясн. къ ст. 1086 ,§ 3, стр.
енежными выдачами можетъ быть ис-
ъ весь доходъ наслѣдника отъ полу-
имъ родового имущества, до самой
ерти.

ѣ ограничений завѣщательныхъ распо-
й по роду имуществъ есть еще и об-
есьма важное ограниченіе именно за-
іе субституціи.

ъ субституціей разумѣется завѣщате-
споряженіе, въ силу котораго завѣща-
редѣляетъ, кому оставляемое имъ иму-
должно достаться послѣ смерти его при-
непосредственнаго наслѣдника. Этимъ
ное распоряженіе послѣдняго имуще-
, которое ему досталось, вполнѣ или
отмѣняется волею того лица, отъ ко-
имущество къ нему перешло. Съ суб-
ей въ этомъ смыслѣ не должно смѣ-
назначеніе другого прямого наслѣд-
на тотъ случай, естибъ первый умеръ
могъ стать наслѣдникомъ въ то время,
завѣщаніе вступитъ въ законную силу.

Такое назначеніе тоже называется субституціей, но въ русскомъ законодательствѣ положительно запрещена лишь субституція въ первомъ смыслѣ (Зак. гражд. ст. 1011, примѣч.; ст. 1086). Кассаціонный сенатъ разъяснилъ, что послѣдній ея видъ допускается (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1011, § 9, ст. 270; къ ст. 1029, § 1, стр. 277; къ ст. 1086, § 3, стр. 295). Право завѣщателя опредѣлять судьбу оставляемаго имущества на будущее время, послѣ своей смерти, представляется важною привилегіей частнаго лица; тѣмъ значительнѣе такая привилегія, когда она простирается на судьбу наслѣдства послѣ смерти непосредственныхъ наслѣдниковъ и лишаетъ ихъ права свободнаго распоряженія принадлежащимъ имъ имуществомъ. Подобное расширеніе контроля надъ судьбою наслѣдства на грядущія поколѣнія выходитъ изъ границъ частнаго имущественнаго права и имѣетъ общественный, публичный характеръ. Вездѣ, гдѣ такое право существуетъ въ современныхъ государствахъ, оно имѣетъ и политическое значеніе. Въ Англіи оно служитъ могущественнымъ средствомъ для поддержанія и упроченія поземельной аристократіи, которая одними субституціями въ завѣщаніяхъ, безъ помощи общаго, обязательнаго закона, удерживаетъ почти всѣ земли въ рукахъ высшаго сословія; напротивъ, во Франціи она, со времени революціи, запрещена закономъ, на основаніи политическихъ соображеній, заставившихъ отмѣнить прежнія постановленія, которыми она допускалась. Наше законодательство весьма правильно смотритъ на закрѣпленіе имущества потомственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, за извѣстными фамиліями, не какъ на частное дѣло частныхъ лицъ, не какъ на предметъ завѣщательныхъ распоряженій, а какъ на мѣру, имѣющую государственное значеніе, зависящую въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнія и разрѣшенія верховной власти. Вотъ почему, запрещая субституцію въ завѣщаніяхъ, наше законодательство допускаетъ учрежденіе законныхъ наслѣдственныхъ имѣній съ Высочайшаго разрѣшенія. Порядокъ передачи этихъ имѣній отъ одного лица къ другому къ отной и той же фамиліи происходитъ на основаніи закона о переходѣ такихъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія и акта, утвержденнаго государемъ объ учрежденіи наслѣдственнаго имѣнія въ извѣстной фамиліи. Въ своёмъ гражданскихъ законовъ (ст. 1011, примѣч.) находимъ не-

удачную попытку объяснить запрещеніе у насъ субституціи по завѣщанію исключительно юридическими соображеніями. Имущество, читаемъ мы здѣсь, перейдя къ наслѣднику, изъ благопріобрѣтеннаго становится родовымъ, и родовое имущество нельзя передавать по завѣщанію; оно наслѣдуется по закону. Такое объясненіе примѣнимо только къ благопріобрѣтеннымъ недвижимымъ и совсѣмъ не идетъ къ движимымъ, остающимся навсегда благоприобрѣтенными и относительно которыхъ субституція однако тоже запрещена.

Кромѣ изложенныхъ ограниченій завѣщательныхъ распоряженій, въ нашемъ гражданскомъ сводѣ упоминаются и нѣкоторыя другія, напримѣръ запрещеніе завѣщать аренды до истеченія срока кому-либо, кромѣ жены и дѣтей или одному изъ ихъ наслѣдниковъ по прямой линіи (Зак. гражд., ст. 1067, п. *а*), запрещеніе завѣщать имѣнія заповѣдныя наслѣдственныя и имѣнія, пожалованныя въ западныхъ губерніяхъ на правѣ маіоратовъ, вопреки правиламъ, постановленнымъ для перехода этихъ имѣній по наслѣдству (тамъ же, ст. 1069, по прод.). Эти и имъ подобныя постановленія только по недоразумѣнію и ошибочной редакціи имѣютъ видъ ограниченій воли завѣщателя; на самомъ дѣлѣ они суть лишь примѣненія къ частнымъ случаямъ общаго основанія завѣщательнаго права, въ силу котораго никто не можетъ распорядиться въ завѣщаніи такимъ правомъ, которое ему не принадлежитъ. Аренды, заповѣдныя наслѣдственныя имѣнія, маіораты въ западныхъ губерніяхъ составляютъ имущества особаго рода, предоставленныя владѣльцамъ ихъ на особомъ правѣ или условіяхъ, и потому только въ границахъ этого права и этихъ условій владѣлецъ и можетъ ими распорядиться на случай смерти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Форма завѣщательныхъ распоряженій.

Понятіе о формѣ завѣщательныхъ распоряженій весьма разнично по римскому праву и сложившимся по его образцу европейскимъ законодательствамъ, и по нашему. У насъ съ понятіемъ о формѣ завѣщательныхъ распоряженій связано представленіе о тѣхъ правилахъ, которыя законъ предписываетъ для ихъ составленія. Исключительная цѣль такихъ правилъ обезпечить достовѣрность и [illegible] ность воли завѣщателя, предупредить [illegible] пить подлоги этой воли, а также и [illegible] которымъ самъ завѣщатель можетъ [illegible] гаться при ея выраженіи. Не то [illegible] подъ формою завѣщательныхъ распо[illegible] въ римскомъ правѣ и развившихся [illegible] вліяніемъ европейскихъ законодатель[illegible] тутъ сохранилось воспоминаніе о [illegible] когда-то каждый родъ завѣщательн[illegible] поряженій имѣлъ свой, ему собствен[illegible] надлежавшій способъ выраженія, и [illegible] слѣдствіи эти различія потеряли пер[illegible] ное свое значеніе и точную опредѣ[illegible] но все же болѣе или менѣе удер[illegible] нашего времени. Они-то и дѣлаютъ [illegible] тельное право европейскихъ народо[illegible] нымъ и запутаннымъ.

Причины указаннаго различія в[illegible] понятіи о формѣ завѣщательныхъ [illegible] женій у насъ и въ Европѣ объясняю[illegible] чевною выше исторіею ихъ постепе[illegible] витія. Мы видѣли, что оно началось [illegible] редачи власти домоначальника над[illegible] и домомъ, когда послѣдніе имѣли [illegible] полу-политическаго общественнаго [illegible] окончилось частнымъ распоряже[illegible] оставляемомъ послѣ смерти имуще[illegible] промежуткѣ между этими двумя [illegible] пунктами проявляется въ Римѣ разл[illegible] стремленіе остаться при преданіяхъ [illegible] сохранить домъ, семью въ прежнемъ [illegible] и противоположное тому стремлени[illegible] дому, хозяйству значеніе частнаго пр[illegible] которымъ хозяинъ или владѣлецъ мо[illegible] порядиться на случай смерти как[illegible] мается. Первому, древнѣйшему пере[illegible] щательныхъ распоряженій соотвѣт[illegible] такъ называемый тестаментъ, суще[illegible] содержаніе котораго состояло въ [illegible] нии наслѣдника; когда сталъ вырабат[illegible] взглядъ на оставляемое наслѣдство [illegible] частное, личное имущество хозяина, [illegible] онъ желалъ распорядиться не въ по[illegible] слѣдниковъ, какъ требовалъ старин[illegible] чаи, а въ пользу посторонникъ лиц[illegible] рыхъ предпочиталъ законнымъ н[illegible] камъ — появился кодицилль, въ кото[illegible] назначался наслѣдникъ, а дѣлались [illegible] Наконецъ, различіе наслѣдства и [illegible] исчезновеніемъ самыхъ воспоминаній [illegible] вѣшнемъ бытѣ и обращеніемъ дома [illegible] ства въ частное имущество владѣл[illegible] рало всякій смыслъ. Формы завѣщат[illegible]

распоряженій, обозначавшія послѣдовательныя ступени историческаго развитія, смѣнялись, и на мѣсто ихъ выступило нестѣснимое ничѣми и преданіями свободное выраженіе послѣдней завѣщателя въ видѣ довѣрительнаго порученія (fideicommissio) наслѣднику, которое при Августѣ получило обязательную юридическую силу и сначала записывалось въ особомъ актѣ, а потомъ стало вноситься въ завѣщаніе. Различныя формы завѣщательныхъ распоряженій не были отмѣнены по мѣрѣ того, какъ теряли свое значеніе, а продолжали жить рядомъ, чрезвычайно затрудняя практическое отправленіе правосудія и открывая широкую дверь для хитросплетенныхъ юридическихъ толкованій, фикцій и утонченнаго анализа. Это запутанное законодательство перешло въ такомъ видѣ къ новымъ европейскимъ народамъ и укоренилось у нихъ съ частичными отступленіями, до нашего времени. Съ тестаментомъ, т.-е. завѣщаніемъ въ специфическомъ смыслѣ слова, соединяется понятіе о назначеніи наслѣдника, преемника и продолжателя личности и власти когда-то бывшаго верховнаго главы единой и нераздѣльной семьи, дома и хозяйства. Еще въ Римѣ, во времена республики, наслѣдникъ въ этомъ смыслѣ обратился въ фикцію, но имѣвшую для него весьма тяжелыя практическія послѣдствія. Какъ замѣститель и продолжатель личности умершаго, наслѣдникъ отвѣчалъ за его долги, долженъ былъ исполнить его волю относительно имущества, хотя бы умершій ничего ему не оставилъ. Суровость и несправедливость такого значенія тестамента были впослѣдствіи ограничены и смягчены различными косвенными мѣрами, но принципъ удержанъ. Подъ кодициллами разумѣлись различныя завѣщательныя распоряженія, за исключеніемъ лишь назначенія наслѣдниковъ,—распоряженія, которыя излагались особо, безъ соблюденія строгихъ формальностей, предписанныхъ для завѣщаній, и главнымъ образомъ относились къ легатамъ, или отказамъ имуществъ, въ отступленіе отъ порядка законнаго наслѣдованія. По мѣрѣ того, какъ слѣды стариннаго быта сглаживались и посмертныя распоряженія имуществомъ получали все болѣе и болѣе приватный характеръ и выражали личные взгляды завѣщателей, кодициллы все болѣе и болѣе оттѣснили тестаменты и, по своему дѣйствительному значенію, заступали ихъ мѣсто.

Нельзя не признать важнымъ преимуществомъ русскаго законодательства, что оно не перенесло въ себѣ археологическихъ обломковъ разныхъ періодовъ римскаго развитія, усвоивъ себѣ лишь конечный его результатъ — взглядъ на завѣщаніе какъ на законное распоряженіе оставляемымъ имуществомъ, провело его послѣдовательно и въ упрощенной формѣ завѣщательныхъ распоряженій, не путаясь въ обременительныхъ и ненужныхъ различіяхъ. Намъ осталось чуждымъ различіе тестаментовъ, кодициллова и фидеикоммиссовъ, и, какъ сказано, форма завѣщательныхъ распоряженій разсчитана единственно на обезпеченіе и удостовѣреніе законной воли завѣщателя.

Главнѣйшія постановленія о формѣ завѣщательныхъ распоряженій, по своду законовъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Завѣщаніе можетъ быть только письменное. Словесное, изустная память, не допускается (Зак. гражд., ст. 1023). По толкованію кассац. сената, недѣйствительно, на этомъ основаніи, упоминаніе въ завѣщаніи о томъ что завѣщателемъ дано душеприкащику особое (словесное) распоряженіе (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1023, § 1, стр. 273).

2) Завѣщаніе можетъ быть сдѣлано только однимъ лицомъ, составленное двумя или болѣе лицами недѣйствительно (Зак. гражд., ст. 1032), хотя бы, какъ разъясняетъ кассац. сенатъ, два лица въ одномъ завѣщаніи взаимно завѣщали другъ другу свое имущество (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1032, стр. 278).

Въ законѣ такое ограниченіе мотивируется тѣмъ, что „всякое завѣщаніе, по усмотрѣнію завѣщателя, при жизни его, можетъ подлежать отмѣнѣ или измѣненію"; но такое объясненіе едва ли можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ смерть одного изъ завѣщателей, или составленіе однимъ изъ нихъ, впослѣдствіи, особаго завѣщанія, могло бы служить основаніемъ къ признанію его завѣщанія дѣйствительнымъ. Причина, почему законъ не допускаетъ у насъ завѣщанія, составленнаго двумя и болѣе лицами, заключается, какъ мы думаемъ, въ томъ, что наше завѣщательное право, сложившееся по однимъ началамъ съ римскимъ, смотритъ на завѣщаніе какъ на изъявленіе воли и не допускаетъ внесеніе въ него элементовъ контракта, по примѣру Германіи. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что законъ, не позволяя двумъ лицамъ составить одно завѣщаніе, не объявляетъ ихъ недѣйствительными; безусловно противо-

пыми присылать ихъ кассац. сенатъ, но едва ли правильно

3) Въ сводѣ законовъ различены завѣщанія, составляемыя обыкновеннымъ, общимъ порядкомъ, и составленныя, по особеннымъ случаямъ и обстоятельствамъ, безъ соблюденія тѣхъ или другихъ формальностей, предписанныхъ закономъ. Это различіе ведетъ свое начало изъ римскаго права и есть больше дань воспоминаніямъ, чѣмъ удовлетвореніе дѣйствительной практической потребности. Если законъ находитъ возможнымъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, признать завѣщаніе дѣйствительнымъ, хотя оно и составлено безъ соблюденія извѣстныхъ формальностей, то это доказываетъ, что они излишни и могли бы быть, безъ всякаго неудобства, упрощены или вовсе отмѣнены и по отношенію къ завѣщаніямъ, составляемымъ обыкновеннымъ, общимъ порядкомъ, такъ какъ форма завѣщательныхъ распоряженій имѣетъ единственною цѣлью по возможности предупредить подлоги, обманы и другія дѣйствія, искажающія дѣйствительную волю завѣщателя.

Въ обыкновенномъ, общемъ порядкѣ, завѣщанія могутъ быть, по нашему законодательству, или нотаріальныя (крѣпостныя), или домашнія (Зак. гражд., ст. 1012). Разница между ними состоитъ существенно въ томъ, что достовѣрность, несомнѣнность, подлинность воли завѣщателя, выраженной въ завѣщаніи, удостовѣряется публичною властью: въ нотаріальныхъ завѣщаніяхъ — еще при жизни завѣщателя, а въ домашнихъ — судомъ, только послѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя завѣщаніе. Такъ какъ въ первомъ случаѣ удостовѣреніе совершается при участіи самого завѣщателя, то нотаріальныя (крѣпостныя) завѣщанія имѣютъ преимущество передъ домашними (Зак. гражд., ст. 1030. Прилож. къ ст. 1012 прим., ст. 10).

1) Для мѣстностей, въ которыхъ дѣйствуютъ судебные уставы 1864 года, изданы особыя временныя правила о составленіи нотаріальныхъ духовныхъ завѣщаній (Зак. гражд., прилож. къ ст. 1012, примѣч.). Правила же о составленіи крѣпостныхъ завѣщаній, изложенныя въ текстѣ свода законовъ гражданскихъ, сохраняютъ свою силу только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ судебные уставы еще не введены и дѣйствуютъ прежнія правила составленія актовъ крѣпостныхъ и явочныхъ. Существенный смыслъ составленія завѣщаній нотаріальнымъ или крѣпостнымъ порядк[ом] ключается въ томъ, что завѣщаніе, сос[тав]ное самимъ завѣщателемъ, предъявля[ется] лично нотаріусу, который, удостовѣр[ив]въ его личности правоспособности и д[ее]собности и въ томъ, что въ завѣща[ніи] ствительно выражена его воля, вноси[тъ] ставленное имъ завѣщаніе въ актову[ю] Разница нотаріальнаго совершенія за[вѣ]отъ крѣпостного состоитъ въ томъ, [что] первомъ случаѣ выдается завѣщателю [вы]изъ актовой книги, а во второмъ возвр[а]представленное подлинное завѣщаніе, [съ] писью на немъ о томъ, что оно явле[но] писано въ книгу (см. правила о сос[тав]завѣщаній нотаріальнымъ порядком[ъ] гражд., прилож. къ ст. 1012, примѣч., [п.] 6, 8; о составленіи крѣпостныхъ завѣ[щ]зак. гражд., ст. 1013, 1033 — 1041). Сравнивая между собою правила со[ст]нія нотаріальныхъ и крѣпостныхъ зав[ѣ]нельзя не замѣтить, что послѣднія, [во] гихъ отношеніяхъ, представляютъ не[ко]мыя преимущества передъ первыми. [Э]ше это относится какъ къ редакціи, [та]къ самому содержанію. Такъ, напри[мѣ]правилахъ нотаріальнаго совершенія [за]ній, замѣна подлинныхъ завѣщаній [вы]изъ нотаріальной книги не можетъ [бы]звана удачною. Выпись ни въ какомъ [слу]не можетъ служить такимъ же точны[мъ] раженіемъ воли завѣщателя и его пос[лѣ]какъ представленный имъ подлинник[ъ]. Ввиду этого, въ правилахъ о составле[ніи] таріальныхъ завѣщаній (ст. 7) оговор[ено], хотя „выпись, выданная завѣщателю, [и] сильна подлинному завѣщанію", одн[ако] случаѣ спора о несходствѣ между сим[и] документами, преимущество отдается [под]линному, если въ немъ не окажется, [въ] ныхъ статьяхъ, „подчистокъ или поп[ра]надлежащимъ образомъ не оговоренных[ъ]. эта поправка остается однимъ благожел[а]безъ всякихъ практическихъ послѣдстві[й]. какъ нигдѣ не упоминается объ обяз[а]нотаріуса засвидѣтельствовать подлин[ность] вѣщаніе, безъ чего оно, по смерти з[а]гателя, есть не болѣе какъ частная [бу]легко можетъ быть подложена подъ руку [ин]шаго и, потому, въ сравненіи съ тѣм[ъ], внесено въ нотаріальную книгу, ни [въ] комъ случаѣ не можетъ заслуживать [ува]почтенія.

Къ числу весьма существенныхъ не[до]

Законъ правилъ о составленіи нотаріальныхъ завѣщаній должно быть отнесено и то, что въ немъ не разъяснено, какого рода упущенія въ соблюденіи формальностей при совершеніи лишаютъ завѣщаніе силы и значенія нотаріальнаго и какія нѣтъ. Этого не объясняютъ и правила о составленіи крѣпостныхъ завѣщаній; но отъ позднѣйшаго закона можно было ожидать исправленія недостатковъ прежняго, а этого не было сдѣлано. Совершеніе завѣщанія нотаріальнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ имѣетъ единственною цѣлью поставить внѣ всякаго сомнѣнія дѣйствительную волю завѣщателя. Если она выражена передъ органомъ публичной власти, о чемъ послѣдній свидѣтельствуетъ, то одного этого совершенно достаточно, чтобъ сдѣлать волю завѣщателя несомнѣнною, разъ было бы доказано, что самаго факта такого выраженія воли не было, что завѣщаніе подложно. Отсюда слѣдуетъ, что нотаріальное или крѣпостное завѣщаніе, хотя бы при его составленіи и засвидѣтельствованіи и были опущены несущественныя формальности, не должно терять своей силы. Мало того: завѣщаніе не нотаріальное и не крѣпостное, при составленіи котораго опущены несущественныя формальности, должно имѣть равную силу съ нотаріальнымъ и крѣпостнымъ, если только воля завѣщателя, соединяющаго въ себѣ необходимыя условія правоспособности и дѣеспособности, не подлежитъ сомнѣнію. При повсемѣстной еще у насъ наклонности къ формализму эти предметы требовали бы подробнаго разъясненія и законнаго опредѣленія; къ сожалѣнію о нихъ въ законѣ вовсе не упоминается, и кассац. сенатомъ ничего не сдѣлано, чтобъ оградить завѣщателя и его посмертныя распоряженія отъ слишкомъ придирчиваго и несправедливаго предпочтенія внѣшней формы существу дѣла, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя находится съ первой въ очевидномъ и вопіющемъ противорѣчіи.

3) Домашнія завѣщанія суть тѣ, которыя составлены безъ участія органовъ публичной власти, частнымъ образомъ, и относительно которыхъ подлинность выраженной въ нихъ воли официальнымъ образомъ не удостовѣрена во время самого составленія и вообще при жизни завѣщателя. Весьма вѣскія соображенія вынуждаютъ законодательство относиться къ такимъ завѣщаніямъ съ большимъ недовѣріемъ. Къ невозможности, за недостаткомъ несомнѣнныхъ фактовъ, опредѣлить дѣеспособность лица во время составленія завѣщанія, присоединяется еще и неувѣренность въ подлинности самаго завѣщательнаго акта, которая тѣмъ больше и сильнѣе, чѣмъ выгоднѣе подлогъ и обманъ для мнимыхъ наслѣдниковъ умершаго. Такого рода опасенія не разъ возбуждали вопросъ, не слѣдуетъ ли вовсе запретить составленіе такъ называемыхъ домашнихъ завѣщаній, а составленныя признать недѣйствительными? Но осуществить на дѣлѣ такую рѣшительную мѣру оказалось совершенно невозможнымъ. Разъ что право завѣщательныхъ распоряженій имуществомъ допущено закономъ, оно не можетъ быть, безъ явной несправедливости, отнято у тѣхъ, которые, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствъ, не могутъ составить завѣщанія при участіи органа публичной власти. Многіе желаютъ составить завѣщаніе передъ самою смертью и прежде о томъ не думаютъ, да и не имѣли повода объ этомъ думать. Многихъ приближеніе кончины застаетъ въ расплохъ, при такой обстановкѣ, что участіе органа публичной власти для удостовѣренія послѣдней воли оказывается совершенно невозможнымъ. Вслѣдствіе того, законодательство было вынуждено оставить право составленія домашнихъ или частныхъ завѣщаній неприкосновеннымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно обставило это право множествомъ условій и ограниченій формальнаго свойства и характера, при которыхъ поддѣлки и подлоги завѣщаній, если и не устраняются совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ дѣлаются, по возможности, трудными и невѣроятными. Главнѣйшія изъ этихъ предосторожностей и формальностей суть слѣдующія: а) домашнее завѣщаніе должно быть удостовѣрено свидѣтелями. Цѣль ихъ привлеченія къ составленію завѣщанія — убѣдиться, что завѣщаніе дѣйствительно составлено тѣмъ самымъ лицомъ, за чье оно выдается, и что въ моментъ составленія завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти (Зак. гражд., ст. 1050; ср. ст. 1044). Для предупрежденія подлоговъ, отъ свидѣтельства по завѣщаніямъ устраняются, кромѣ тѣхъ, которые вообще не могутъ быть свидѣтелями, или сами не имѣютъ права составлять завѣщаній (?), лица заинтересованныя, тѣ, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе, ихъ ближайшіе родственники и свойственники, если завѣщаніе составлено, хотя бы отчасти, не въ пользу прямыхъ наслѣд-

никовъ (т.-е. наслѣдниковъ по закону), а также душеприказчики и опекуны, назначенные въ завѣщаніи (тамъ же, ст. 1054); б) если завѣщаніе писано все рукою завѣщателя, то достаточно двухъ свидѣтелей (тамъ же, ст. 1051); если же не имъ, а другимъ лицомъ, то нужно не менѣе трехъ свидѣтелей, или тоже двухъ, но въ ихъ числѣ долженъ находиться духовникъ завѣщателя (Зак. гражд., ст. 1048; в) переписчикъ завѣщанія долженъ дать на завѣщаніи свою подпись особо. Онъ не можетъ быть свидѣтелемъ и не можетъ подписать завѣщанія за завѣщателя или свидѣтеля (тамъ же, ст. 1042, примѣч. по прод.); г) по общему правилу, завѣщаніе должно быть подписано самимъ завѣщателемъ (тамъ же, ст. 1046); если же онъ не умѣетъ или по болѣзни не можетъ подписать завѣщанія, то подпись можетъ дать, по его просьбѣ, и другое, но особое лицо, не изъ числа свидѣтелей, имѣющее однако всѣ свойства достовѣрнаго свидѣтеля. Въ подписи своей за завѣщателя рукоприкладчикъ долженъ оговорить, по какой именно изъ двухъ указанныхъ выше причинъ онъ, а не самъ завѣщатель подписалъ завѣщаніе (Зак. гражд., ст. 1053). Рукоприкладчикъ за завѣщателя не можетъ, въ томъ же завѣщаніи, быть свидѣтелемъ, ни рукоприкладчикомъ за свидѣтеля (тамъ же, ст. 1048, примѣч., по прод.). Кромѣ этихъ важнѣйшихъ предосторожностей противъ подлоговъ и обмановъ въ домашнихъ завѣщаніяхъ, предписанныхъ закономъ и многія другія (Зак. гражд., ст. 1046—1049, 1051, 1056, 1057). Разъясненія кассац. сената содержатъ много указаній относительно правильнаго примѣненія закона, но трудно уловить общее направленіе нашей кассаціонной практики по этому предмету: нѣкоторыя разъясненія рѣзче усиливаютъ строгость закона, вопреки несомнѣнному его смыслу. Такъ, законъ упоминаетъ о рукоприкладчикахъ за свидѣтелей (Зак. гражд., ст. 1048, примѣч., по прод.), а кассац. сенатъ призналъ неграмотныхъ неспособными быть свидѣтелями при завѣщаніи (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1054, § 4, стр. 285).

б) Особенными завѣщаніями, какъ сказано, называются у насъ тѣ, которыя составлены съ отступленіями отъ предписанной формы, но несмотря на то признаются закономъ за дѣйствительное, достовѣрное выраженіе воли завѣщателя. Такія отступленія допущены по различнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, дѣлающимъ соблюденіе предписанныхъ крайне затруднительнымъ или [illegible] нымъ. Въ нашихъ законахъ упоминаются слѣдующіе виды особ завѣщаній: а) вдовъ, о внесенныхъ полыу во вдовью казну капиталахъ тыхъ процентахъ. По общему прав щанія устныя не имѣютъ силы, и машнихъ завѣщаній предписаны формы, при несоблюденіи которыхъ тельныя распоряженія признаются тельными; вдовамъ же объ упомянут ихъ имуществѣ разрѣшено объяс волю опекунскимъ совѣтамъ, или дѣ пись на самихъ билетахъ на прин имъ капиталы. Засвидѣтельствованіе духовникомъ, или лицомъ, совершив гребеніе завѣщательницы, или же ными органами публичной или общ власти, въ обыкновенномъ порядк правляющими нотаріальныхъ обяз съ удостовѣреніемъ, что надпись безъ всякаго принужденія, и что за ница умерла,—придаетъ такому р нію силу дѣйствительнаго завѣщанія бующаго засимъ никакого дальнѣйш смотрѣнія и утвержденія (Зак. ст. 1024). б) Завѣщанія военныхъ ковъ и другихъ при арміи служа время похода за границею могутъ бы шаемы въ полковыхъ и другихъ ходныхъ канцеляріяхъ: явленныя ные въ нихъ имѣютъ силу крѣпости же, ст. 1071). в) Такую же силу им вѣщанія, составленныя на военномъ или другомъ военномъ суднѣ во хода, съ вѣдома начальника кор судна, или старшаго по немъ (ст. 1072). г) Русскій подданный, щійся за границею, можетъ совер машнее духовное завѣщаніе по об страны, гдѣ оно написано. Тѣ изъ вѣщаній, которыя будутъ явлены ской миссіи или консульствѣ, имѣ крѣпостныхъ (Зак. гражд., ст. 1077 По разъясненіямъ кассац. сената, у словесное завѣщаніе и въ этомъ с дѣйствительно (Боровиковскій, ра ст. 1077, стр. 291). д) Завѣщанія, ные больными въ госпиталяхъ во публичныхъ, признаются достовѣрн подписаны смотрителемъ госпиталя ванными въ законѣ лицами, состоя больныхъ въ качествѣ священни

...ей, дежурныхъ по больницѣ, сестеръ милосердія (Зак. гражд., ст. 1081). Сходное съ симъ правило постановлено для вдовъ, живущихъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ вдовьихъ домахъ, и дѣвицъ, призрѣваемыхъ въ С.-Петербургскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія: ихъ домашнія духовныя завѣщанія признаются достовѣрными, если засвидѣтельствованы священникомъ дома, смотрителемъ и врачемъ (Зак. гражд., ст. 1082).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Юридическое значеніе и сила завѣщаній. Ихъ дополненіе, измѣненіе, отмѣна и храненіе.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ ученіи о завѣщаніяхъ есть тотъ, какую силу они имѣютъ, въ какой мѣрѣ они обязательны и для кого,—словомъ, какія законъ связываетъ съ ними юридическія послѣдствія, т.-е. права и обязанности? Обставляя завѣщанія извѣстными условіями и ограниченіями, предписывая для нихъ извѣстную форму, законъ, очевидно не безъ опредѣленной цѣли, выдѣляетъ завѣщанія, подходящія подъ установленныя имъ рамки и нормы, отказывая другимъ въ своемъ признаніи и не придавая имъ юридическаго характера. Этотъ характеръ и предстоитъ теперь объяснить.

Завѣщаніе, какъ документъ или письменный актъ, представляетъ двѣ стороны, которыя необходимо строго различать. Во-1-хъ, оно должно быть достовѣрнымъ, несомнѣннымъ выраженіемъ воли завѣщателя; во-2-хъ, изъявленная имъ воля не должна противорѣчить требованіямъ закона. Подъ этими двумя условіями завѣщаніе признается публичною властью дѣйствительнымъ, т.-е. имѣющимъ юридическую силу послѣ смерти завѣщателя; въ противномъ случаѣ, оно юридическаго характера и послѣдствій не имѣетъ.

Каждое изъ этихъ условій относится, какъ сказано, къ различнымъ сторонамъ завѣщанія, и потому, несоблюденіе ихъ при его составленіи влечетъ за собою непризнаніе публичною властью и недѣйствительность въ различномъ смыслѣ. Если при составленіи завѣщанія не соблюдены формы, предписанныя для обезпеченія несомнѣнной достовѣрности воли умершаго, то значитъ, что волю эту нельзя признать выраженною, а слѣдовательно, все заключающееся въ завѣщаніи, хотя бы оно и не противорѣчило закону, не имѣетъ никакого юридическаго значенія: воля завѣщателя есть мнимая, а слѣдовательно и то, что будто бы имъ выражено въ завѣщаніи, есть тоже мнимое. Напротивъ, если формы, обезпечивающія достовѣрность воли умершаго, соблюдены, если фактъ, что она въ завѣщаніи дѣйствительно выражена, не подлежитъ сомнѣнію, то остается еще опредѣлить, соотвѣтствуютъ ли заключающіяся въ завѣщаніи распоряженія требованіямъ закона, не противорѣчатъ ли первыя послѣднимъ. Распоряженія, которыя этимъ требованіямъ не противорѣчатъ, остаются дѣйствительными и законными, а несогласныя съ закономъ остаются недѣйствительными, не имѣютъ юридическаго характера. Такимъ образомъ, основанія недѣйствительности завѣщанія могутъ заключаться или въ формахъ и условіяхъ его составленія, или же въ помѣщенныхъ въ немъ распоряженіяхъ; первыя дѣлаютъ все завѣщаніе, въ полномъ его составѣ, недѣйствительнымъ; вторыя дѣлаютъ недѣйствительными только распоряженія, противорѣчащія закону. Послѣднее прямо выражено въ нашихъ законахъ гражданскихъ: „если въ завѣщаніи допущены распоряженія, законамъ противныя, то сіи распоряженія суть недѣйствительны; но при семъ всѣ другія распоряженія, законамъ не противныя, остаются въ своей силѣ" (ст. 1029). Кассаціонный сенатъ разъяснилъ, что это правило „имѣетъ въ виду внутреннее содержаніе завѣщанія, а не его форму. Завѣщаніе же, недѣйствительное по своей формѣ, недѣйствительно во всемъ его объемѣ" (Боровиковскій, реш. касс. къ ст. 1029, § 2, стр. 277).

Различеніе завѣщаній на нотаріальныя (крѣпостныя) и домашнія относится къ формѣ, а не къ содержанію завѣщаній, опредѣляетъ степень достовѣрности выраженной завѣщателемъ воли, а не законность или незаконность содержащихся въ немъ завѣщательныхъ распоряженій. Нотаріальныя (крѣпостныя) завѣщанія, составляемыя при участіи публичной власти, подъ ея контролемъ и съ необходимыми предосторожностями относительно удостовѣренія личности завѣщателя, его дѣеспособности и несомнѣнности выражаемой имъ въ завѣщаніи воли, заслуживаютъ, съ этой стороны, предпочтенія передъ домашними завѣщаніями, составляемыми частнымъ образомъ, внѣ надзора публичной власти.

тѣмъ болѣе, что вопросъ о подлинности завѣщанія, т.-е. о достовѣрности выраженной въ немъ воли, возникаетъ послѣ смерти завѣщателя, и его собственными показаніями воспользоваться уже нельзя для опредѣленія степени достовѣрности завѣщательнаго документа. Что касается законности или незаконности содержащихся въ немъ распоряженій, то способъ составленія нотаріальнымъ (крѣпостнымъ) или домашнимъ порядкомъ не имѣетъ на нихъ никакого вліянія и никакого къ нимъ отношенія. „Явкою завѣщанія въ судѣ и записью его въ книгѣ удостовѣряется только подлинность завѣщанія, но не утверждается тѣмъ законность содержащихся въ немъ распоряженій. Посему, при явкѣ къ свидѣтельству завѣщаній, не слѣдуетъ входить въ разсмотрѣніе самыхъ распоряженій завѣщателя, но наблюдать только за тѣмъ, сохранены ли въ составѣ завѣщанія установленныя закономъ формы" (Зак. гражд., ст. 1042). Правило это постановлено для крѣпостныхъ завѣщаній, но оно относится очевидно и къ нотаріальнымъ. Наперекоръ такому категорически выраженному требованію закона, нотаріусы, при совершеніи нотаріальныхъ завѣщаній, позволяютъ себѣ нерѣдко передѣлывать предоставляемыя имъ къ совершенію завѣщанія и отказывать въ ихъ совершеніи, ссылаясь на незаконность помѣщенныхъ въ завѣщаніи распоряженій. Происходитъ это послѣдствіе неправильной у насъ постановки нотаріальной части и недостаточно точнаго разграниченія удостовѣренія акта отъ опредѣленія законности или незаконности его содержанія. Только первое есть дѣло нотаріата, второе есть дѣло суда. Точное разграниченіе этихъ различныхъ функцій значительно упростило бы дѣло и облегчило бы какъ нотаріусовъ, такъ и частныя лица, совершающія или свидѣтельствующія у нихъ акты и документы.

Большая достовѣрность нотаріальныхъ (крѣпостныхъ) завѣщаній сравнительно съ домашними имѣетъ весьма важныя юридическія послѣдствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждается сомнѣніе, дѣйствительно ли умершій оставилъ послѣ себя завѣщаніе, а также когда послѣ него осталось нѣсколько завѣщаній, и возникаетъ вопросъ, которому изъ нихъ отдать преимущество передъ другими.

Когда возбуждается сомнѣніе о дѣйствительномъ существованіи воли завѣщателя, представляющейся въ видѣ какого-л[ибо] документа, преимущество нотаріальнаго (крѣпостнаго) завѣщанія передъ домашн[имъ] выражается въ томъ, что подлинность, вѣрность воли, выраженной въ нотар[іальномъ] завѣщаніи, предполагается, со стор[оны] ности доказывать. Кто возбуждаетъ с[омнѣніе] тому ничего другого не остается, к[ромѣ] казать, что такое завѣщаніе по(ло)жен[ія] его никогда не существовало. Если о[н] не докажетъ, то возбужденное имъ с[омнѣніе] не имѣетъ ровно никакого значенія и [не] безъ послѣдствій. Совсѣмъ иначе [ставится] вопросъ, когда рѣчь идетъ о домаш[немъ] завѣщаніи. Оно не болѣе какъ част[ный] документъ, которому никто не обязанъ [вѣрить] пока не будетъ доказано, что оно [дѣйст]вительно содержитъ въ себѣ посмерт[ное] распоряженія умершаго. Доказано это [можетъ] быть допросомъ свидѣтелей и друг[ихъ лицъ], принимавшихъ участіе въ составл[еніи] завѣщанія, выясненіемъ передъ судом[ъ] свидѣтельствъ, доказывающихъ, что пред[ъявленное] завѣщаніе дѣйствительно состав[лено] тому, кому оно приписывается. Всѣ эти [доказа]тельства должны быть предоставлен[ы] тому, кто основываетъ на домашнемъ з[авѣщаніи] свои права на наслѣдство. Такимъ о[бразомъ] существенная разница въ силѣ но[тар]іальныхъ и завѣщательныхъ распоряж[еній] стоитъ въ томъ, что въ случаѣ сом[нѣнія] или спора противъ достовѣрности завѣ[щатель]ныхъ распоряженій умершаго, опр[овер]гающій нотаріальное (или крѣпостное) з[авѣщаніе] долженъ доказать, что оно подложно; [тотъ], основывающій свои права на домашнемъ [завѣща]ніи долженъ напередъ доказать его [достовѣр]ность, а тѣмъ и достовѣрность выр[ажен]ной въ немъ воли. Таковъ смыслъ не [только] точно выраженныхъ правилъ свода [мѣстн]ыхъ законовъ: „противъ подлинности [завѣща]ній... нотаріальныхъ и крѣпостн[ыхъ] равно... тѣхъ изъ особенныхъ завѣщ[аній], имъ дѣйствующимъ закономъ присво[енныхъ] крѣпостныхъ... можетъ быть предъ[явленъ] только споръ о подлогѣ; заявленіе [сомнѣ]нія въ подлинности сихъ актовъ [не] допускается" (Зак. гражд., прилож. къ [ст.] примѣч. по прод., ст. 141). На пол[оженіи] завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ со[ставлен]ныхъ, „не пріемлются впослѣдствіи [никакія] возраженія" (Зак. гр., ст. 1042).

При существованіи нѣсколькихъ [завѣща]ній представляется вопросъ, кото[рому]

ыражаютъ окончательную, достовѣр-
ю умершаго? Вопросъ этотъ разрѣ-
очень неполно и недостаточно сво-
кононъ и практикой кассац. сената, и
необходимо на немъ остановиться.
послѣ умершаго осталось нѣсколько
ній, сила ихъ опредѣляется: време-
хъ составленія, формою и содержа-
завѣщательныхъ распоряженій.
ый вправѣ, въ границахъ и условіяхъ
измѣнять, дополнять, отмѣнять свои
тельныя распоряженія, дѣлать ихъ въ
одного или нѣсколькихъ лицъ, обо
или только о той или другой части
имущества. Вслѣдствіе того, возмо-
лучай, что послѣ лица останется нѣ-
завѣщаній. Изъ нихъ необходимо вы-
окончательное намѣреніе и волю умер-
этого можно достигнуть не иначе,
опредѣливъ взаимныя отношенія всѣхъ
документовъ, нерѣдко составленныхъ
рое время и противорѣчащихъ другъ
Правила, которыми эти отношенія
яются, суть слѣдующія:
ервый случай. Если завѣщанія, про-
ящія другъ другу, составлены въ
формѣ, т.-е. всѣ нотаріальныя (крѣ-
ія) или имѣющія силу нотаріальныхъ,
домашнія, то дѣйствительными при-
тѣ, которыя составлены позднѣе
составленныя прежде не имѣютъ силы.
торой случай. Если завѣщанія проти-
ть другъ другу, но составлены они въ
ныхъ формахъ, т.-е. одни изъ нихъ но-
ныя (крѣпостныя), другія домашнія,
имущество отдается тѣмъ, которыя
являются болѣе достовѣрными и не-
ными, а именно нотаріальнымъ (крѣ-
мъ) завѣщаніямъ передъ домашними
р., ст. 1030, 1031).
ретій случай. Если завѣщанія не про-
ѣчатъ другъ другу, напримѣръ, содер-
въ себѣ завѣщательныя распоряженія
ичномъ имуществѣ въ пользу одного и
е или нѣсколькихъ различныхъ лицъ,
они, хотя бы и были составлены въ
время и въ различной формѣ, имѣютъ
силу. Но кассац. сенатъ весьма пра-
указываетъ на необходимость обра-
при этомъ вниманіе на взаимную связь
тельныхъ распоряженій и намѣреніе
теля. По разъясненіямъ кассац. се-
завѣщаніе должно быть признано не-
ительнымъ, „если завѣщатель распо-
рядился благоприобрѣтеннымъ имуществомъ согласно закону и родовымъ—въ нарушеніе закона", когда завѣщатель „имѣлъ цѣлью установить равномѣрное распредѣленіе всего своего имущества между наслѣдниками, такъ что исполненіе завѣщанія только относительно благопріобрѣтеннаго имущества извращало бы истинную волю завѣщателя". Точно также кассац. сенатъ призналъ, что незаконность нѣкоторыхъ изъ распоряженій завѣщателя не влечетъ признанія недѣйствительными и прочихъ частей завѣщанія, „когда распоряженія завѣщателя не состоятъ между собою во взаимной связи, такъ что удобно могутъ быть отдѣлены одно отъ другого и исполнено каждое въ отдѣльности. Если же воля завѣщателя выразилась въ такомъ распоряженіи, которое въ одной своей части законно, а въ другой, по волѣ завѣщателя неразрывно связанной съ первою, незаконно,—тогда завѣщательное распоряженіе разрушается въ цѣломъ своемъ составѣ, а не въ одной только его части" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1029 § 1, стр. 276 и 277). Это толкованіе, высказанное въ примѣненіи къ одному завѣщанію, должно быть распространено и на тѣ случаи, когда воля завѣщателя выразилась въ нѣсколькихъ завѣщательныхъ актахъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что могутъ быть случаи, когда домашнее завѣщаніе сохранитъ свою силу рядомъ съ нотаріальнымъ или крѣпостнымъ, составленнымъ прежде или послѣ домашняго.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще замѣтить, что завѣщаніе можетъ быть отмѣнено не только новымъ, равносильнымъ по формѣ завѣщаніемъ, но и равносильнымъ заявленіемъ объ отмѣнѣ (Зак. гр., ст. 1030, прил. къ ст. 1012 примѣч. по прод., ст. 10 и 11). Правило это, выраженное въ законѣ о цѣломъ завѣщательномъ актѣ, должно быть примѣнимо и къ отдѣльнымъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, содержащимся въ одномъ или въ различныхъ завѣщаніяхъ.

Что касается до храненія завѣщаній, то каждому предоставляется распорядиться этимъ по своему усмотрѣнію—хранить его у себя, или у другого, у нотаріуса или въ указанныхъ въ законѣ учрежденіяхъ: опекунскомъ совѣтѣ, особомъ отдѣленіи канцеляріи совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, Закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія (Зак. гр., ст. 1043 и примѣчанія 1 и

2 по прод.; ст. 1058 и 1059; прилож. къ ст. 1012 примѣч. по прод., ст. 12). Особенныя завѣщанія могутъ быть храними у лицъ, указанныхъ въ правилахъ о такихъ завѣщаніяхъ. Самъ по себѣ вопросъ о храненіи завѣщанія не имѣетъ, въ юридическомъ отношеніи, никакой важности и значенія; но публичный характеръ учрежденій и должностныхъ лицъ, у которыхъ храненіе завѣщаній дозволено закономъ, не остается безъ вліянія на разрѣшеніе, въ сомнительныхъ случаяхъ, вопроса о достовѣрности или подлинности выраженной въ завѣщаніи воли. Поэтому необходимо опредѣлить, каково можетъ быть это вліяніе, то-есть въ какой мѣрѣ внесеніе завѣщанія на храненіе въ правительственныя учрежденія и къ должностнымъ лицамъ, увеличиваютъ достовѣрность завѣщанія. Ни въ законѣ, ни въ рѣшеніяхъ кассаціоннаго сената нѣтъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ.

Когда завѣщаніе составлено съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ формъ, то гдѣ бы оно ни хранилось, оно во всякомъ случаѣ, какъ достовѣрное и несомнѣнное, признается выраженіемъ воли умершаго, и храненіе его въ опекунскомъ совѣтѣ, человѣколюбивомъ обществѣ, закавказскомъ приказѣ или у нотаріуса, не имѣетъ на его подлинность никакого вліянія. Другое дѣло, когда въ формѣ завѣщанія есть такіе недостатки, которые возбуждаютъ сомнѣніе въ его подлинности, а между тѣмъ несомнѣнно, что самъ завѣщатель внесъ его на храненіе въ публичное учрежденіе или къ должностному лицу. Здѣсь представляется очевидное противорѣчіе между требованіями закона, обезпечивающаго подлинность воли завѣщателя, и несомнѣннымъ фактомъ, что онъ самъ составилъ отданное имъ на храненіе завѣщаніе что оно содержитъ его волю. По началамъ правильнаго юридическаго толкованія и здравому смыслу, завѣщаніе нотаріальное или крѣпостное, отданное самимъ завѣщателемъ на храненіе въ одно изъ правительственныхъ учрежденій или должностному лицу, къ тому уполномоченнымъ, должно быть, если оно только не подложное, признано за несомнѣнное и вполнѣ достовѣрное выраженіе воли умершаго, хотя бы въ немъ и оказались отступленія отъ установленныхъ закономъ формъ. Нельзя того же сказать о домашнемъ завѣщаніи: несоблюденіе въ немъ предписанныхъ формальностей подаетъ справедливый поводъ усомниться въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ дѣйствитель[ное] выраженіе воли завѣщателя, хотя бы онъ [лично], внесъ свое завѣщаніе на хр[анение] ибо этимъ послѣднимъ обстоятельство[мъ] бы несомнѣнно доказано, что завѣщ[ание] ставлено имъ, но не было бы дока[зано], онъ имѣлъ требуемую дѣеспособност[ь] время, когда завѣщаніе было бы имъ [со]лено. Такихъ сомнѣній не можетъ воз[ни]нотаріальное или крѣпостное завѣща[ніе].

Б. Наслѣдованіе по закону.

„Наслѣдство по закону есть сово[куп]имуществъ, правъ и обязательствъ, ост[а]послѣ умершаго безъ завѣщанія“ (зак[он] ст. 1104). Это положеніе дополняет[ся] поясняется слѣдующимъ: „Наслѣдство [пе]дитъ къ наслѣднику по закону: 1) ко[гда] шій оставилъ по себѣ родовое имѣніе, умершій не учинилъ, на случай смер[ти] распоряженія въ благопріобрѣтенном[ъ] завѣщаніемъ, и 3) когда завѣщатель[ныя] поряженія будутъ судомъ признаны [не]ствительными“ (тамъ же, ст. 1100).

При всѣхъ большихъ недостатках[ъ] ціи этихъ статей, смыслъ и намѣре[ніе] очень ясны: наслѣдованіе по закону [имѣ]мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда оно [вся]или отчасти, не отстраняется завѣ[щан]нымъ распоряженіемъ, которое суд[омъ] знано дѣйствительнымъ и законнымъ. [Въ] не предрѣшается вопросъ, какому [изъ] наслѣдованія дается предпочтеніе [въ] или другомъ законодательствѣ. Тѣ [изъ] какъ, напр., французское, которыя не [от]ятствуютъ завѣщаніямъ, даютъ одна[ко] почтеніе наслѣдникамъ, назначенным[ъ] вѣщаніи, передъ наслѣдниками по з[ако]тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда зав[ѣщ]ныя распоряженія вообще допускаю[тся] тѣхъ границахъ, въ какихъ такія [рас]женія разрѣшены закономъ. Можно [съ] точно съ такимъ же основаніемъ, ска[зать], наслѣдство по завѣщанію есть сово[куп]имуществъ, правъ и обязательствъ [ост]шихся послѣ умершаго, когда права [эти] не принадлежатъ наслѣдникамъ, ука[за]въ законѣ. Что въ сводѣ ударение [пад]на завѣщательномъ распоряженіи. [Въ] наслѣдованіи по закону, есть отголос[ки] скихъ возрѣній, которыя поставили [во]вѣщателя правиломъ, а наслѣдованіе

...одвинули на второй планъ. Въ новыхъ ...дательствахъ смыслъ этихъ воззрѣній ...чезъ, или измѣнился коренным образ...

...ъ сказано выше, наслѣдованіе по за... ...опредѣляется по началамъ, которыя пра... ...устроенное общежитіе признаетъ, по ...понятіямъ, справедливыми и для себя ...ыми въ данное время, при данныхъ ...тельствахъ. У римлянъ наслѣдованіе по ... принадлежало агнатамъ, пока живы ...оспоминанія о семьѣ гражданской; когда ...а разрушилась, стали призываться къ ...дованію по закону кровные родствен... потому что кровныя родственныя связи ...авлялись самыми естественными и ра...ными послѣ упадка семьи гражданской. ...чка зрѣнія, которой греко-римскій міръ ...я вѣренъ до конца, была лишь продол...ъ древнѣйшихъ воззрѣній, въ основа... ...торыхъ когда-то лежала самостоятель... ...и обособленность родовъ и семей. Влія... ...бличныхъ элементовъ на переходъ иму... ..., оставляемыхъ уходящими поколѣ... ...къ новымъ, выразилось лишь отрица... ..., въ огражденіи интересовъ и правъ ...ихъ родственниковъ противъ произвола, ...душія и пренебреженія завѣщателей. Въ ...ъ государствахъ участіе публичныхъ ...тонъ въ опредѣленіи правилъ перехода ...ствъ отъ умершихъ къ живымъ, со... ... съ интересами общества и государ... ...выступаетъ гораздо ясніе и рѣшитель... ...точка зрѣнія на человѣка, какъ на члена ...зованнаго общежитія, преобладаетъ у ...ъ европейскихъ народовъ, и вслѣдствіе ...сь самаго начала новой европейской ...и, наслѣдованіе по закону опредѣляется ...нимъ кровнымъ родствомъ, а соображе... ... общественнаго и политическаго свой... ...сначала болѣе тѣсными и узкими—со... ...ыми, корпоративными, а потомъ болѣе ...ми и широкими —государственными, меж...одными, экономическими, религіозными, ...ственными. Эта точка зрѣнія, преобла... ...я въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣ... ... на время ослабѣла и затуманилась, ... и въ Европѣ наступила пора индиви...заціи, выработки личной и имущественъ... ...амостоятельности лица, разрѣшившейся ...VIII вѣкѣ упраздненіемъ средневѣко...олитическихъ и общественныхъ условій ... и быта, стѣснительныхъ для индиви...ьнаго существованія. Но такъ сильно и глубоко проникнуты новыя европейскія государства элементами общественности, такъ крѣпко укоренился въ нихъ взглядъ на человѣка какъ на члена организованнаго сожительства, что вслѣдъ за разрушеніемъ средневѣковаго общественнаго и политическаго строя во имя индивидуализма, явилось стремленіе снова подчинить права и потребности индивидуальнаго лица требованіямъ и условіямъ благоустроенной общественной и государственной жизни. Въ теченіе XIX вѣка эти стремленія идутъ все усиливаясь, высказываются громче и грознѣе въ самыхъ, повидимому, противоположныхъ явленіяхъ, взглядахъ, теоріяхъ, и не остались безъ замѣтнаго вліянія на различныя попытки подчинить порядокъ передачи имуществъ отъ однихъ поколѣній—другимъ условіямъ и интересамъ общественной и политической жизни.

Что касается юридической стороны наслѣдованія по закону, то она существенно разнится отъ юридическихъ основаній наслѣдованія по завѣщанію. Послѣднее имѣетъ, какъ мы видѣли, всѣ признаки односторонняго обязательства, которому юридическую силу придаетъ смерть лица, выразившаго односторонне свою волю, и согласіе того, къ кому она обращена, при чемъ общество, устами закона, регулируетъ такія обязательства въ интересахъ общежитія. Совсѣмъ иначе поставлено дѣло въ наслѣдованіи по закону. Воля оставляющаго послѣ себя имущество не играетъ при этомъ никакой роли, не имѣетъ никакого значенія. Законъ непосредственно призываетъ къ наслѣдованію тѣхъ, кого признаетъ нужнымъ, руководствуясь при этомъ своими взглядами на справедливость и общественную или государственную пользу. Призываемый къ наслѣдованію закономъ, какъ и назначенный наслѣдникомъ по завѣщанію, можетъ принять или не принять слѣланное ему предложеніе: это его неотъемлемое право; но разъ онъ его принялъ, онъ уже обязанъ, въ томъ и другомъ случаѣ, подчиниться всѣмъ условіямъ, на какихъ право наслѣдованія ему предоставлено. Такимъ образомъ, съ юридической точки зрѣнія, наслѣдованіе по закону отличается отъ наслѣдованія по завѣщанію тѣмъ, что условія перехода наслѣдства отъ умершихъ къ живымъ ставятся въ послѣднемъ случаѣ самимъ умершимъ, конечно подъ контролемъ закона и публичной власти, а въ первомъ—однимъ закономъ, безъ всякаго участія того, кто по смерти оставилъ имущество.

О томъ, что составляетъ предметъ наслѣдованія и вообще кто правоспособенъ принять наслѣдство, было объяснено выше. Въ этомъ отношеніи никакой разницы между наслѣдованіемъ по закону и по завѣщанію нѣтъ. Характеристично для наслѣдованія по закону то, кто именно и въ какомъ порядкѣ и послѣдовательности призывается къ наслѣдованію послѣ умершаго, ибо въ этомъ и выражается взглядъ законодательства на наслѣдованіе съ точки зрѣнія господствующихъ въ данномъ обществѣ понятій о справедливости и общественной пользѣ.

Всѣ современныя европейскія законодательства, по примѣру позднѣйшаго римскаго, признаютъ основнымъ началомъ права наслѣдованія кровное родство. Прежде всего законъ призываетъ къ наслѣдованію родственниковъ по крови, отдавая преимущество ближайшимъ передъ болѣе далекими. Въ этомъ отношеніи всѣ европейскія законодательства, несмотря на различныя отступленія и изъятія, на разнообразныя примѣненія и различный взглядъ на близость или дальность родства, въ общемъ и главномъ, согласны между собою. Въ послѣднее время противъ такого взгляда чаще и чаще раздаются возраженія и высказываются, съ разныхъ сторонъ, сомнѣнія въ его безусловной правильности, справедливости и соотвѣтствіи интересамъ устроеннаго общежитія; но вѣскость критики существенно ослабляется тѣмъ, что на мѣсто упраздняемаго начала наслѣдованія предлагается голая, безличная и безплотная отвлеченность — идея государства или общества, при чемъ живое индивидуальное лицо, которое и составляетъ дѣйствительную подкладку общества и всякаго устроеннаго общественнаго быта, вовсе не принимается въ соображеніе, какъ будто бы его вовсе не существовало, или, въ лучшемъ случаѣ, какъ будто оно представляетъ лишь отвлеченную цифру, индивидуальныя особенности и свойства которой могутъ быть опущены безъ всякаго вліянія на правильность общаго вывода. Эта коренная ошибка возбуждаетъ глубокое и справедливое недовѣріе ко всѣмъ попыткамъ замѣнить римскій взглядъ на начала наслѣдованія по закону другимъ и мѣшаетъ выясненію дѣла, располагая видѣть въ критикѣ одну лишь отрицательную силу, неспособную создать что-либо прочное и благотворное для людей и общества.

Въ случаѣ недостатка кровныхъ родственниковъ, новыя европейскія законодательства призываютъ къ наслѣдованію ра[зно]дическія лица и наконецъ само го[сударство] какъ высшее изъ всѣхъ юридическихъ [лицъ]. Этимъ косвенно и отчасти вполнѣ со[знательно] выражается, что обществу и го[сударству] должно, въ послѣдней инстанціи, [принадле]жать устроеніе того, что создано [трудами] усиліями и сбереженіями отдѣльн[ыхъ лицъ], что, призывая прежде всего къ наслѣ[дованію] кровныхъ и близкихъ родимыхъ, орга[ническое] общежитіе видитъ въ этомъ [наилучшее] лучшее употребленіе имущества ос[тавшагося] послѣ умершаго, въ интересахъ [самого] общежитія и его членовъ. Этотъ [взглядъ], хотя, повторяемъ, не вполнѣ созна[тельно] житъ въ основаніи всего современна[го] дательства о наслѣдованіи и объя[сняетъ] всегда удачныя попытки преобраз[ованія] и подчинить общественнымъ и го[сударственнымъ] нымъ видамъ и политическимъ сообр[ажен]. Наслѣдственное право, какъ скаж[ется] и всегда находилось въ тѣснѣйшей [связи] общественною и политическою жи[знью] и всегда отъ нея зависѣло и имѣ[ло] измѣняло свои формы. Исторія ро[дст]слѣдственнаго права не представляе[тъ] изъ этого правила,—напротивъ, подт[вер]его. Мысль, будто у римлянъ сло[жил]ватное наслѣдственное право незав[исѣ]политическихъ и общественныхъ ус[ло]не болѣе какъ недоразумѣніе, об[ъ]только не довольно яснымъ понима[ніе]ія и обстоятельствъ развитія ро[дст]щественной и политической жизн[и]однако не замѣтить, что въ новых[ъ]скихъ законодательствахъ нѣтъ то[ж]вительности началъ наслѣдованія, [ко]димъ въ римскомъ правѣ. Посл[ѣд]строено на личной волѣ и усмотр[ѣн]наго лица, впослѣдствіи нѣсколько [ст]ныхъ, а за ихъ недостаткомъ — пл[ем]нихъ тоже частнаго, приватнаго [ха]семейной близости и кроннаго ро[дст]перь же замѣтна въ отношеніи к[ъ]ванію нѣкоторая половинчатость, и [ст]ность рядомъ съ личнымъ усмотрѣ[ніе]наго лица, которое тоже ограничс[ено]ымъ родствомъ, носящимъ частны[й]ный характеръ. Новыя европейскія [за]тельства создаютъ цѣлый рядъ ос[об]наслѣдованію, объясняемыхъ лишь [по]ній и потребностей общественной [и]ной жизни. Выходитъ что однов[ре]рено новыя законодательства пр[ед]

...римскимъ воззрѣніямъ и началамъ, подчиняя ихъ, болѣе или менѣе, соображеніямъ общественнаго, публичнаго характера, другая ихъ сторона создана заново, подъ вліяніемъ требованій и условій организованнаго общежитія. Такая двойственность отзывается особенно рѣзко на наслѣдованіи по закону и вынуждаетъ разсмотрѣть семейныя и родственныя основанія наслѣдованія отдѣльно отъ общественныхъ и публичныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Семейныя и родственныя основанія наслѣдованія по закону.

У римлянъ, наслѣдованіе по закону происходило, въ разные періоды, по двумъ различнымъ системамъ. Въ древнѣйшую эпоху оно было построено на родствѣ гражданскомъ, юридическомъ, впослѣдствіи на родствѣ кровномъ. Обѣ системы соотвѣтствовали различнымъ ступенямъ развитія римскаго быта.

По первой системѣ наслѣдовали только состоявшіе подъ властью, „свои", за недостаткомъ ихъ агнаты, т.-е. опять же соединенные съ умершимъ гражданскимъ родствомъ, а если и ихъ не было—то родъ. Такъ какъ жена и усыновленный состояли подъ властью, а выданная въ чужую семью дочь, отдѣлившійся отъ семьи (вышедшій изъ подъ власти, эманципированный) сынъ — не состояли, то первые призывались къ наслѣдованію по закону, вторые—нѣтъ. Если непосредственно состоящаго подъ властью, во время смерти домоначальника, не было въ живыхъ, а послѣ него оставались подчиненные власти того же домоначальника внуки, то всѣ они вмѣстѣ заступали мѣсто отца, представляли его, какъ наслѣдники представляли умершаго домовладыку послѣ его смерти. Каждый изъ состоявшихъ подъ властью (а заступающіе мѣсто его — всѣ совокупно) получали изъ наслѣдства по одной равной долѣ, или паю: жена, незамужняя дочь, пріемышъ, сынъ неотдѣленный; дѣти умершаго неотдѣленнаго сына, оставшіеся подъ властью умершаго, получали вмѣстѣ одинъ пай. Это были свои, домашніе. Если никого изъ нихъ не было, то призывались къ наслѣдованію агнаты—тѣ, которые были въ гражданскомъ родствѣ съ умершимъ, т.-е. состояли съ нимъ въ связи по подвластности, а не по рожденію или браку. Ближайшіе агнаты преддочитались дальнѣйшимъ (братъ дядѣ). Представительство дѣтьми умершаго агната не допускалось.

Этотъ порядокъ наслѣдованія носитъ на себѣ живые слѣды предшествующаго, еще древнѣйшаго періода, когда семьи, домъ не дѣлились, а составляли одно цѣлое хозяйство, въ которомъ смѣнялся только домохозяинъ, распоряжавшійся общимъ достояніемъ семьи. Во время установленія системы наслѣдованія, которую мы очертили, индивидуализація уже проникла въ гражданскую римскую семью, и это выразилось въ распредѣленіи долей между наслѣдниками; но распредѣленіе происходило по началамъ и въ духѣ той эпохи, когда семья и домъ, по смерти домовладыки, оставались нераздѣльными. Оттого-то въ началѣ „свои" даже не считались наслѣдниками и не могли отказаться отъ наслѣдства. Значеніе наслѣдниковъ придано имъ впослѣдствіи; сначала умершій домоначальникъ замѣнялся другимъ, а домъ, хозяйство оставались, по прежнему едиными, нераздѣльными (Муромцевъ, стр. 119—122).

Съ упадкомъ юридической семьи, эта система наслѣдованія замѣнилась призваніемъ къ наслѣдству родственниковъ по крови, по рожденію—когнатовъ. Впервые начато было преобразованіе прежнихъ порядковъ преторомъ, а завершилось при Юстиніанѣ. Сперва когнаты стали призываться къ наслѣдованію вмѣсто рода, послѣ „своихъ" и агнатовъ, и притомъ сначала ближайшіе, а потомъ слѣдующіе за ними, до шестой степени включительно (Муромцевъ, стр. 406). Впослѣдствіи, вмѣсто подвластныхъ, стали призываться къ наслѣдству дѣти и нисходящіе по мужской линіи: если же ихъ не было — то ближайшій агнатъ; за нимъ когнаты, въ послѣдовательности степеней родства, наконецъ—оставшійся въ живыхъ супругъ. „Юристы имперіи и сами императоры продолжали реформу претора. Нѣтъ нужды приводить, во всѣхъ ея подробностяхъ, эту кропотливую работу столѣтій, продолжительность и дробность которой только показываетъ, съ какимъ трудомъ можетъ даваться юристу и законодателю послѣдовательное переустройство порядка наслѣдованія. Достаточно ограничиться немногими указаніями. Первый классъ наслѣдниковъ (дѣти) расширялся на счетъ третьяго; къ нему включили дѣтей, рожденныхъ внѣ законнаго брака и потомъ узаконенныхъ;... къ нему включили, далѣе, нисхо-

дящее потомствомъ по женской линіи, при чемъ, до Юстиніана, такіе нисходящіе получали долю нѣсколько меньшую сравнительно съ нисходящими по мужской линіи; наконецъ, положеніе усыновленныхъ было нѣсколько измѣнено въ томъ смыслѣ, что въ наслѣдственныхъ отношеніяхъ они стали нѣсколько ближе, чѣмъ прежде, къ своему отцу. Рядомъ со всѣмъ этимъ раздвинулись рамки второго класса... Въ противоположность древнему возрѣнію, подъ агнатствомъ понимали просто всѣхъ родственниковъ (когнатовъ) по мужской линіи, и всѣ такіе агнаты были зачислены во второй классъ наслѣдниковъ, безъ различія мужчинъ и женщинъ. Далѣе во второмъ классѣ наслѣдовала мать послѣ своихъ дѣтей и дѣти послѣ своей матери, а при Юстиніанѣ – отецъ послѣ сына, отпущеннаго имъ изъ подъ своей власти... Второй классъ совершенно потерялъ свою прежнюю физіономію. Единственный существенный остатокъ старины состоялъ только въ томъ, что преемственность степеней не примѣнялась во второмъ классѣ вплоть до самаго Юстиніана. Къ третьему классу принадлежали, по прежнему, когнаты, не включенные въ первые два класса. Юстиніанъ дѣятельно участвовалъ, рядомъ постановленій, въ завершеніи всѣхъ этихъ преобразованій и, наконецъ, счелъ за лучшее, отмѣнивъ сразу накопившуюся массу конституцій, сенатусконсультовъ и толкованій юристовъ, замѣнить ихъ однимъ общимъ закономъ. Это было сдѣлано имъ въ 543 году, новеллою 118. Послѣдніе слѣды различія когнатства и агнатства были уничтожены, наслѣдственныя права женщинъ сравнены съ правами мужчинъ, когнаты призваны къ наслѣдованію безъ ограниченія степеней. Весь порядокъ наслѣдованія представился въ слѣдующемъ видѣ: сначала призываются: 1) нисходящіе, при чемъ внуки, правнуки и т. д. наслѣдовали поколѣнно, какъ это было и въ старомъ правѣ; потомъ слѣдуютъ 2) восходящіе (въ порядкѣ степеней), полнородные братья и сестры и дѣти умершихъ братьевъ и сестеръ, послѣдніе поколѣнно; 3) единокровные и единоутробные братья и сестры, также братья и сестры по усыновленію и незаконныя дѣти; 4) всѣ остальные родственники по боковымъ линіямъ, съ соблюденіемъ преемственности степеней родства; 5) супругъ или супруга того, послѣ котораго открылось наслѣдство. Кромѣ того, на особыхъ правахъ участвовали въ наслѣдованіи малолѣтніе усыновленные, дѣти, рожденныя въ конк… и бѣдная вдова наслѣдователя, –на… нія въ томъ случаѣ, когда она не … лась по пятому классу" (Муромце… 411 – 413).

Вмѣстѣ съ римскимъ правомъ Юст… новелла о наслѣдованіи получила … кона въ Германіи, но съ болѣе … значительными отступленіями въ … тельствахъ отдѣльныхъ германск… царствъ. Въ большей ихъ части … имѣютъ гораздо большія права … ство умершаго супруга, чѣмъ по … праву. Эти права вытекаютъ … общенія имуществъ въ продолжен… частью должны быть признаны … тельное право наслѣдованія. Посл… наго брака право это перѣдко про… на все остающееся имущество; е… бракѣ прижиты дѣти, то оставшем… выхъ супругу все-таки достается … менѣе значительная доля, при чемъ … ную часть имущества часто предос… по крайней мѣрѣ, право употребле… зованія. Доля эта, какъ и у насъ, … указною частью (statutarische P… особенности оставшіяся въ живы… многими законодательствами пред… особыя имущественныя выгоды, ко… присоединяются къ ея другимъ пр… или заступаютъ ихъ мѣсто. Сюда … жать: право на часть имущества, … въ женскомъ скарбѣ (Gerade… которая, подъ названіемъ Gerade… дитъ послѣ смерти мужа къ его … послѣ ея смерти – къ ближайшей … ницѣ съ женской стороны; кромѣ то… на долю въ наличныхъ хозяйствен… пасахъ (Musstheil или Hofspreuse; … право на утренній подарокъ (Mo… который былъ сначала подаркомъ … на другой день послѣ первой ночи, … получалъ потомъ значеніе „вдовь… или доли. Это послѣднее названіе (… Vuihahtuna) стало общимъ для об… нѣкаго рода имущественныхъ вы… которыя обезпечивались супругѣ … смерти ея мужа. Въ дворянствѣ, … особенный видъ вдовьей части по… кіемъ Widerlage (первоначально … только, что у нашихъ крестьянъ кла…

Французское наслѣдованіе по … ставляетъ свои особенности. Оно, … европейски, признаетъ, прежде …

ровнію кровныхъ родственниковъ, но
ѣе 12-й степени включительно, тогда
ъ другихъ законодательствахъ подоб-
ограничений нѣтъ. Въ этомъ высказы-
мысл, что кровное родство не мо-
читаться безусловнымъ началомъ на-
ѣнія, и съ этой стороны оговорка фран-
го законодательства имѣетъ особенно
значеніе. — Кровные родственники
ются на четыре класса, которые при-
ся къ наслѣдованію въ слѣдующемъ
ѣ: 1) прежде всѣхъ — законнорожден-
ти и ихъ потомки, поголовно и поко-
съ правомъ представленія безъ огра-
, не различая пола и первородства,
ѣбныя и узаконенныя дѣти; послѣд-
послѣ вступленія въ бракъ ихъ роди-
между собою, считаются равноправ-
ъ законнорожденными. 2) За недостат-
исходящихъ, къ наслѣдованію призы-
отецъ, мать, братья и сестры, съ
ъ представленія, безъ ограниченія. На-
со второго класса все наслѣдство, безъ
нія рода и происхожденія имуществъ,
на двѣ равныя половины, изъ кото-
на достается роднымъ отца, другая —
ъ матери. Тѣ и другіе призываются
слѣдованію одни независимо отъ дру-
Такое раздвоеніе наслѣдства можетъ
мѣсто, разумѣется, только въ такомъ
если отецъ и мать живы и у умер-
стались неполнородные братья и се-
ли ихъ нисходящіе; ибо если оба ро-
умерли и послѣ умершаго остались
олнородные братья или сестры, или
томство, то очевидно, что раздвоенія
тва вовсе не нужно. Если родители
наслѣдуютъ имѣетъ съ братьями и
ми и ихъ нисходящими, то на ихъ
остается половина наслѣдства; если
только отецъ, или только мать, — то
тая часть. 3) При отсутствіи наслѣд-
второго класса, къ наслѣдству при-
ся восходящіе, дѣды и бабки, безъ
представленія, при чемъ подаренныя
ершему вещи или ихъ стоимость имъ
дается. 4) Послѣ всѣхъ призываются
слѣдованію всѣ прочіе боковые род-
ки, въ дозволенныхъ степеняхъ, по
ія родства и безъ права представленія.
нѣтъ наслѣдниковъ со стороны отца
тери, то наслѣдство не дѣлится на
ловины.

Перечисленныя лица, призываемыя къ наслѣдству, считаются обыкновенными наслѣдниками (héritiers). Но кромѣ нихъ, частью рядомъ съ ними, частью послѣ нихъ, есть и чрезвычайные (successeurs), а именно: незаконнорожденные, родители, братья и сестры незаконнорожденнаго и остающійся въ живыхъ супругъ.—Незаконнорожденные не суть наслѣдники; но если нѣтъ вовсе наслѣдниковъ, то имъ достается все имущество, оставленное умершимъ; если же есть наслѣдники, то имъ предоставляется извѣстная доля наслѣдства, различная, смотря по различію наслѣдниковъ, и пропорціональная съ тѣми долями наслѣдства, какія бы они получили, еслибъ были законнорожденные. Дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, вовсе не участвуютъ въ наслѣдствѣ, а могутъ имѣть право на содержаніе.

Если незаконнорожденный умретъ, не оставя послѣ себя законно или незаконнорожденнаго потомства, то послѣ него наслѣдуетъ отецъ или мать или оба, если они его признали; но родители послѣднихъ не наслѣдуютъ. За недостаткомъ незаконнорожденныхъ дѣтей наслѣдуютъ незаконнорожденные братья и сестры и ихъ законнорожденные потомки. Если нѣтъ въ живыхъ отца или матери незаконнорожденнаго, то законнорожденнымъ братьямъ и сестрамъ возвращаются особо тѣ вещи, которыя умершій получилъ отъ отца или матери.

Остающійся въ живыхъ супругъ призывается, по французскому законодательству, къ наслѣдству лишь въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ ни обыкновенныхъ, ни чрезвычайныхъ наслѣдниковъ.

Наше законодательство о наслѣдованіи по закону построено на тѣхъ же началахъ, какъ и прочія европейскія, но подобно имъ имѣетъ свои особенности.

Въ обыкновенномъ порядкѣ къ наслѣдованію призываются: 1) нисходящее потомство; 2) за недостаткомъ нисходящихъ — боковые родственники. Не допускаются къ наслѣдованію: лица, лишенныя всѣхъ правъ состоянія (Зак. гражд., ст. 1107 и разъясн. См. Боровиковскій, стр. 301) и монашествующіе, принявшіе постриженіе (Зак. гражд., ст. 1109). Усыновленіе дворянами, въ обыкновенномъ порядкѣ, не даетъ усыновленнымъ права наслѣдованія (Зак. гражд., ст. 1119 и разъясненія в. м. Боровиковскій, стр. 303).

Въ нисходящемъ потомствѣ наслѣдниками являются собственно одни лица мужского

пола; лица женскаго пола наслѣдуютъ по особымъ правиламъ, которыя будутъ изложены ниже. Наслѣдство переходитъ къ наслѣдникамъ по близости степеней, но съ правомъ представленія потомковъ за умершаго, и дѣлится между наслѣдниками равныхъ степеней поголовно, а потомки, заступающіе мѣсто умершаго, наслѣдуютъ поколѣнно.

Право представленія или заступленія не измѣняетъ, относительно тѣхъ, кто его имѣетъ, общихъ началъ наслѣдованія, точно также, какъ и при непосредственномъ наслѣдованіи, лица мужскаго пола имѣютъ при наслѣдованіи по представленію преимущество передъ лицами женскаго, но послѣднія не лишены этого права „въ томъ случаѣ, когда они, за недостаткомъ мужескаго, призываются къ наслѣдству“ по праву представленія (Зак. гражд., ст. 1126).

Если нѣтъ нисходящихъ, то наслѣдство переходитъ къ боковымъ родственникамъ, по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и при наслѣдованіи нисходящихъ, а именно: ближайшіе исключаютъ дальнѣйшихъ; въ боковыхъ линіяхъ тоже допущено право представленія; родственники равныхъ степеней наслѣдуютъ поголовно; на долю представляющихъ умершаго часть наслѣдства опредѣляется поколѣнно. Ближайшіе, находящіеся въ живыхъ, исключаютъ отъ наслѣдованія свое потомство (Зак. гражд. ст. 1121, 1122, 1123, 1125, 1127, 1128, 1134, 1136, 1137). Естественная и легко понятная особенность наслѣдованія въ боковомъ родствѣ заключается въ томъ, что родовыя имѣнія переходятъ: полученныя отъ отца—къ боковымъ родственникамъ по отцу, а полученныя отъ матери — къ боковымъ родственникамъ по матери. Благопріобрѣтенное поступаетъ къ боковымъ родственникамъ отца (Зак. гражд., ст. 1138). Трудно объяснить справедливость этого закона.

Вотъ общія основанія; но отъ нихъ сдѣланы важныя отступленія по отношенію: 1) къ лицамъ женскаго пола, 2) супруга, оставшагося въ живыхъ, 3) единоутробныхъ и единокровныхъ братьевъ и сестеръ и 4) восходящихъ родственниковъ.

1. „Сестра при братѣ не вотчинница“ т.-е. не наслѣдница. Вотъ правило, которое сначала одинаково примѣнялось при переходѣ имущества къ нисходящимъ и къ боковымъ родственникамъ. Дочь не остается въ домѣ, она выходитъ замужъ, а потому ей нѣтъ части въ домашнемъ хозяйствѣ. Такой взглядъ естественно сложился въ то [illegible] когда домъ не дѣлился, невѣсты брали [illegible] бежами, наѣздомъ, въ лучшемъ случаѣ [illegible] давались и покупались, и съ выходомъ [illegible] мужъ, подобно другимъ отдѣлившимся [illegible] намъ семьи, основавшимъ свои отдѣ[illegible] хозяйства, порывали всякую связь съ [illegible] изъ которой вышли. Съ установленіемъ [illegible] стоянныхъ мирныхъ сношеній между [illegible] и отдѣльными хозяйствами, эти первобы[illegible] порядки замѣнились другими. Появилась [illegible] дача замужъ съ приданымъ, которое [illegible] лось изъ общаго семейнаго достоянія [illegible] не получала наслѣдства не потому, что [illegible] талась чужою, отрѣзанным отъ семьи [illegible] темъ, а потому, что на ея часть было [illegible] выдано при выходѣ ея замужъ, въ видѣ [illegible] даннаго. Если дочь не была замужемъ [illegible] смерти отца, то обязанность дать ей при[illegible] ходѣ въ замужество приданое падала [illegible] братьевъ. А такъ какъ единственнымъ [illegible] назначеніемъ дѣвушки было взять м[illegible] то и сложился взглядъ, что она вообще [illegible] можетъ наслѣдовать въ домашнемъ [illegible] ствѣ, а имѣетъ только право на при[illegible]

Помѣстная система, введенная Іоанн[illegible] и развившаяся вполнѣ въ XVII ст[illegible] усвоила себѣ этотъ взглядъ. Назначе[illegible] мѣстій, заступавшихъ мѣсто теперешни[illegible] лованья и содержанія и дававшихъ [illegible] щимъ возможность содержать себя и с[illegible] лить царскую службу, не могло сно[illegible] вать передачѣ ихъ въ наслѣдство до[illegible] остававшимся послѣ смерти помѣщико[illegible] мѣстья могли переходить только к[illegible] которые несли царскую службу. Но та[illegible] значительнѣйшее большинство помѣ[illegible] ничего кромѣ помѣстій не имѣли, а [illegible] выдать дочерей замужъ нужно было пр[illegible] котораго взять было неоткуда, то и [illegible] мано было, въ случаѣ смерти по[illegible] оставлять его незамужнимъ дочерям[illegible] торую часть изъ его помѣстій, которая [illegible] ствіе того, и получила названіе „при[illegible] помѣстья. Такое отступленіе отъ ос[illegible] начала помѣстнаго права и владѣни[illegible] быть допущено тѣмъ легче, что прида[illegible] мѣстья лишь временно, до вступлен[illegible] владѣлицы въ супружество, въ худше[illegible] чаѣ—лишь пожизненно, обращались [illegible] служебныя надобности, и затѣмъ, [illegible] ходѣ владѣлицъ замужъ, переходили [illegible] мужьямъ или, послѣ смерти незамужн[illegible] жизненныхъ владѣлицъ, снова обраща[illegible]

раздачу помѣщикамъ, для отправленія съ ихъ государевой службы. Сначала размѣръ приданыхъ помѣстій опредѣленъ не былъ; позднѣе ввелось отдѣлять дочерямъ въ приданое извѣстную долю изъ помѣстій отца. Въ среднемъ выводѣ эта доля составляла около 14-й доли отцовскаго помѣстья.

Начало надѣленія незамужнихъ дочерей помѣщиковъ приданными помѣстьями изъ помѣстнаго оклада было впослѣдствіи перенесено цѣликомъ на наслѣдованіе въ вотчинахъ, именно съ тѣхъ поръ, что помѣстья, въ теченіе XVIII вѣка, обратились въ полную собственность ихъ владѣльцевъ, бывшихъ помѣщиковъ, которые были вмѣстѣ освобождены и отъ обязанности нести царскую службу. Но смыслъ правилъ помѣстнаго права чрезъ это утратился. Приданое, находившееся во временномъ владѣніи дочерей помѣщика, сдѣлавшись ихъ собственностью, перестало быть приданымъ, и обратилось въ какое-то особенное, своеобразное право наслѣдованія, неизвѣстное древнему русскому законодательству и объяснимое только при помощи археологіи. По тѣмъ же началамъ древняго русскаго права, сестры не получали доли наслѣдства, какъ и дочери. При господствѣ помѣстной системы не было никакой надобности измѣнять этого стариннаго правила, такъ какъ сестры уже были надѣлены приданными изъ помѣстій отца. Но съ паденіемъ помѣстной системы, съ обращеніемъ помѣстій въ собственность бывшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, установился, какъ мы видѣли, для дочерей, безъ различенія замужнихъ отъ незамужнихъ, своеобразный порядокъ наслѣдованія; между тѣмъ, наслѣдованіе сестеръ оставлено въ прежнемъ видѣ: сестры при братьяхъ не могли наслѣдовать. Почему? При помѣстной системѣ каждый изъ служилыхъ людей имѣлъ свой помѣстный окладъ, и слѣдовательно всѣ сестры, принадлежавшія по рожденію къ служилому классу, имѣли приданыя помѣстья изъ оклада отцовъ; но когда помѣстья обратились въ собственность, дочери, по неимѣнію у отца никакого состоянія, могли не получить послѣ него ничего. И такъ, не было никакого справедливаго основанія удерживать прежнее начало: сестра при братѣ не наслѣдница; однако оно осталось и дѣйствуетъ до сихъ поръ.

Лишая сестеръ права наслѣдованія при братьяхъ, старый обычай не отнималъ у женщинъ вообще и безусловно право наслѣдовать. Если у кого не было сыновей, а однѣ дочери, то наслѣдство переходило къ нимъ. Обычай этотъ могъ, конечно, образоваться лишь съ той поры, когда на домъ, хозяйство перестали смотрѣть какъ на недѣлимую единицу, когда они мало-по-малу обратились въ личную собственность членовъ семьи, подлежащую раздѣлу между ними. Въ эту эпоху развитія гражданская личность женщины выросла, и если она не сравнялась съ мужчинами въ правахъ, то стала пользоваться ими при отсутствіи мужчинъ, заступая ихъ мѣсто. Это начало перенесено и въ позднѣйшее наше законодательство и удержалось въ немъ, въ томъ же самомъ видѣ, до сихъ поръ. Сестры при братьяхъ не наслѣдницы, но онѣ наслѣдуютъ, если нѣтъ братьевъ.

Всѣ эти правила вошли въ сводъ законовъ въ слѣдующемъ видѣ: „каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ, т.-е сестра при братѣ, получаетъ изъ всего наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія $^1/_{14}$ часть“ (ниже будетъ объяснено, почему она, сверхъ того, изъ движимаго имущества получаетъ $^1/_8$ часть) (Зак. гражд., ст. 1130). Но такъ какъ случалось, что за выдѣломъ частей сестрамъ, братьямъ приходилось получить изъ наслѣдства меньше чѣмъ сестрамъ, то сдѣлана поправка, что въ такихъ случаяхъ наслѣдство дѣлится между братьями и сестрами поровну (Зак. гражд., ст. 1131). „Когда сыновей и нисходящихъ отъ нихъ не останется, то въ наслѣдство вступаютъ дочери и ихъ нисходящіе и дѣлятъ оное между собою по тѣмъ же правиламъ, какъ и сыновья“ (Зак. гражд., ст. 1132). „Въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола не имѣютъ права на наслѣдство“ (тамъ же, ст. 1135); „въ недостаткѣ же оныхъ (братьевъ) наслѣдуютъ сестры какъ незамужнія, такъ и замужнія, съ ихъ нисходящими“ (тамъ же, ст. 1137).

2. Права на наслѣдованіе супруговъ. Въ древнѣйшія времена о правѣ наслѣдованія по закону вдовы не могло быть рѣчи: она или получала что-либо по завѣщанію мужа, изъ нажитаго имъ самимъ, а не изъ общаго семейнаго достоянія, либо оставалась въ дому съ дѣтьми; а если вновь выходила замужъ, то пристраивалась въ новой семьѣ. Приданое поставило ее въ болѣе независимое положеніе, такъ какъ оставалось ея собственностью послѣ смерти мужа. Греко-римскіе законы даютъ вдовѣ право на $^1/_4$ часть дви-

жимаго имущества, оставшагося послѣ смерти мужа; церковь, имѣвшая у насъ въ своемъ завѣдываніи дѣла о наслѣдствѣ, до Петра Великаго, приняла это право и въ Россіи, чѣмъ, безъ сомнѣнія не мало содѣйствовала обезпеченію имущественной самостоятельности вдовъ.

Помѣстная система застала мысль о необходимости создать вдовѣ послѣ смерти мужа независимое гражданское положеніе уже укоренившейся въ понятіяхъ и правахъ, и успокоила ее себѣ. По смерти помѣщика, вдовѣ его выдѣлялась изъ его помѣстья часть на прожитокъ, до смерти или до новаго замужества: въ первомъ случаѣ прожиточное помѣстье, послѣ смерти вдовы, шло на удовлетвореніе помѣстьями служилыхъ людей, а во второмъ—зачислялось въ окладъ мужа. Доля мужина помѣстья, выдѣлявшаяся вдовѣ, была, въ среднемъ выводѣ, вдвое больше доли, которая оставлялась въ приданое дочери, а именно составляла около $\frac{1}{3}$ части. Такъ это и осталось и впослѣдствіи, когда помѣстья стали собственностью помѣщиковъ, конечно съ тою разницею, что теперь вдовья часть уже доставалась вдовѣ не въ пожизненное или временное владѣніе, а въ полную собственность, и создала для нея право на наслѣдованіе послѣ мужа и въ его недвижимомъ имуществѣ, которое она прежде имѣла, по греко-римскимъ законамъ, только въ движимомъ.

Воспоминаніе объ историческомъ происхожденіи права наслѣдованія вдовы послѣ мужа въ теченіе XVIII и XIX вѣка совершенно исчезло. Создалось новое ученіе о наслѣдованіи другъ послѣ друга супруговъ, а не одной жены послѣ мужа. Очень можетъ быть, даже весьма вѣроятно, что на такое преобразованіе имѣли вліяніе германскія законодательства. Слѣды прежняго сохранились только въ опредѣленіи наслѣдственной доли супруговъ. Странной аномаліей, объясняемой только полнымъ смѣшеніемъ самыхъ разнородныхъ понятій, представляется распространеніе на дочерей наслѣдственныхъ правъ вдовъ, но по началамъ помѣстнаго права, а именно: дочерямъ предоставлено право наслѣдовать и въ движимомъ имуществѣ отцу, только,—какъ было въ XVII вѣкѣ въ примѣненіи къ однимъ помѣстьямъ, т.-е. недвижимымъ,—въ половину менѣе противъ матери, т.-е. $\frac{1}{8}$ долю движимости, вмѣсто $\frac{1}{4}$.

Уравнивъ супруговъ въ правахъ наслѣдованія другъ послѣ друга, наше законодательство съ особенною заботливостью опредѣляетъ права супруговъ на слѣдующую имъ часть наслѣдства, и даетъ имъ, для успѣшнаго преслѣдованія ихъ, привилегіи, которыя составляютъ важныя отступленія отъ общихъ началъ наслѣдованія по закону.

Правило о наслѣдованіи по закону супруговъ изложены въ сводѣ гражданскихъ законовъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Законная жена послѣ мужа, имѣющаго живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ оныхъ, получаетъ изъ недвижимаго имѣнія [illegible] изъ движимаго—$\frac{1}{4}$." (Зак. гражд., т. X, ч. 1, ст. 1152). Изъ продолженія той же статьи и изъ статьи 1153 видно, что „мужья наслѣдуютъ по тѣмъ же правамъ, какъ и жена послѣ мужа". — „Вдовѣ принадлежится указной части и изъ того имѣнія, которое слѣдовало бы мужу ея, если бы при открытіи наслѣдства послѣ отца его, сыновья живыхъ находился" (Зак. гражд., т. X, ч. 1, ст. 1153). Почему только отца, а не матери или другихъ лицъ? Не есть ли это перенесеніе на супружескія права началъ помѣстнаго права, по которому помѣстье отца переходило преимущественно, а подъ конецъ XVII исключительно, къ сыновьямъ? „Когда умершимъ собственнаго недвижимаго имѣнія не было, а осталось одно только движимое, то вдова его получаетъ при жизни ея указную часть изъ той доли недвижимаго имѣнія сего послѣдняго, которая слѣдовала бы умершему ея мужу, и четвертую часть изъ движимаго собственнаго мужнина имѣнія; но на движимое свекра, при жизни его, она права не имѣетъ" (Зак. гражд., т. X, ч. 1, ст. 1154). Въ этомъ правилѣ, и въ особенности въ оговоркѣ о движимомъ имуществѣ, видно видѣть остатка положенія помѣстнаго права. Само по себѣ, право требовать указной части послѣ умершаго мужа изъ имѣнія его свекра противорѣчитъ всѣмъ началамъ наслѣдственнаго права, по которому требовать можно только въ имуществѣ, оставшемся послѣ умершаго. Кассаціонный сенатъ разъяснилъ, что это правило относится къ родовому имуществу свекра (Коронные разъясн. къ ст. 1151, стр. 314 и 315). Такое толкованіе это вѣрно съ историческою точки зрѣнія, по началамъ помѣстнаго права, но съ точки зрѣнія современнаго русскаго законодательства, признающаго бывшія помѣстья за недвижимую собственность ихъ [illegible]

...ать, такое толкованіе нельзя признать пра...ельнымъ. „Если бездѣтная жена умретъ, не ...росивъ при жизни своей о выдѣлѣ ея указ...ой части, то наслѣдники ея не имѣютъ ...рава требовать сей части...; вступленіемъ ...же въ новый бракъ и пропущеніемъ 10-ти-...тней давности не лишается какъ сама ...жена, такъ и ея наслѣдники, сей части, если ...только просьба о выдѣлѣ оной подана при ...ея жизни" (Зак. гражд., ст. 1152). Это важное преимущество овдовѣвшаго супруга, составляющее видное изъятіе изъ правилъ давности, ограничено въ разъясненіяхъ кассаціоннаго сената, который въ одномъ рѣшеніи проводитъ мысль, что этой привилегіей оставшійся супругъ можетъ воспользоваться только въ такомъ случаѣ, если имущество не перешло, хотя бы и неправильно, во владѣніе посторонняго лица, у котораго нельзя отнять права пріобрѣсти это имущество въ собственность посредствомъ давности (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1152 § 2, стр. 315).—„Выдѣлъ законной части... дѣлается изъ того только недвижимаго имѣнія тестя или свекра, которое дѣйствительно было въ его владѣніи въ день смерти его сына или дочери. Выдѣлъ же ¼ части... изъ движимаго имѣнія тестя или свекра производится только послѣ кончины послѣдняго, изъ того имущества, какое въ день его смерти въ наличности окажется" (Зак. гражд., ст. 1154). Наконецъ, въ духѣ тѣхъ же постановленій и общихъ началъ имущественныхъ правъ, въ законѣ пояснено, что въ случаѣ признанія оставшагося въ живыхъ супруга несостоятельнымъ должникомъ, право на указную часть переходитъ или къ конкурсу или къ кредиторамъ, если на покрытіе долговъ наличнаго имущества у него не достанетъ. Но это право принадлежитъ имъ только пока должникъ живъ; послѣ его смерти требованіе выдѣла не допускается (Зак. гражд., ст. 1155).

3. Наслѣдованіе по закону единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ. Оно опредѣляется различно въ имуществахъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ. Такъ какъ первыя переходятъ въ тотъ родъ, отъ котораго дошли къ умершему, то наслѣдованіе единокровными и единоутробными братьями и сестрами не представляетъ никакого сомнѣнія и затрудненія: единокровные наслѣдуютъ, вмѣстѣ съ полнородными и на одинаковыхъ съ ними правахъ, въ родовыхъ имуществахъ отца, единоутробные, точно такимъ же образомъ—въ родовомъ имѣніи матери (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1038, §§ 1 и 2, стр. 309 и 310). Что же касается благопріобрѣтеннаго имущества, то законъ призываетъ къ наслѣдованію въ немъ, предпочтительно передъ прочими боковыми родственниками, и единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ имѣетъ, если у умершаго не осталось полнородныхъ братьевъ и сестеръ, или ихъ потомства (Зак. гражд., ст. 1140). Это правило представляетъ важное отступленіе отъ основныхъ началъ наслѣдованія по кровному родству: единоутробные для отца и его родственниковъ, единокровные для матери и ея родныхъ—чужеродцы. На какомъ же основаніи и тѣ другіе призываются закономъ къ наслѣдованію въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ на одинаковыхъ правахъ? Это было бы понятно при общеніи между супругами имуществъ, пріобрѣтенныхъ, въ продолженіе брака, общими трудами и сбереженіями супруговъ; въ такомъ случаѣ и ихъ дѣти, владѣя имуществомъ, пріобрѣтеннымъ сообща обоими родителями, могли бы наслѣдовать другъ послѣ друга, безъ различенія къ какому роду они принадлежатъ. Это было бы тоже непослѣдовательно, такъ какъ рѣчь идетъ не объ имуществѣ, пріобрѣтенномъ родителями, а однимъ изъ братьевъ и сестеръ; въ нашихъ же законахъ, признающихъ различіе между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами и строго послѣдовательно проводящихъ начало имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ, такое постановленіе является аномаліей. Правильнѣе было бы и благопріобрѣтенныя имѣнія передавать единокровнымъ и единоутробнымъ на одинаковомъ основаніи съ родовыми, не создавая особой категоріи наслѣдниковъ-чужеродцевъ. Кассаціонный сенатъ обратилъ вниманіе на эту непослѣдовательность, признавъ приведенное право сводныхъ братьевъ и сестеръ на благопріобрѣтенное имущество умершаго - „отступленіемъ отъ общаго духа нашихъ законоположеній о наслѣдствѣ", и потому заключилъ, что „постановленіе это, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ, нельзя распространять далѣе предѣловъ, точно указанныхъ закономъ" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1140, § 1, стр. 311). Кромѣ того, кассаціонный сенатъ разъяснилъ, что если послѣ умершаго остались полнородные, единокровные и единоу-

утробные братья и сестры, то послѣдніе, т.-е. единоутробные, не наслѣдуютъ, а единокровные призываются къ наслѣдству наравнѣ съ полнородными. Только когда нѣтъ полнородныхъ, единоутробные призываются къ наслѣдству наравнѣ съ единокровными (Боровиковскій, тамъ же, § 2). Затѣмъ, по закону, къ единокровнымъ и единоутробнымъ примѣняется правило объ исключеніи сестеръ братьями (Зак. гражд., ст. 1140), а по разъясненію кассаціоннаго сената единокровные братья и ихъ потомство исключаютъ полнородныхъ сестеръ, въ силу того, что „полнородные и единокровные братья въ наслѣдованіи благоприобрѣтеннымъ (и родовымъ отцовскимъ) имуществомъ вполнѣ равноправны" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1140, § 3, стр. 311).

4. Наконецъ, восходящіе родственники, по русскому законодательству, не наслѣдуютъ. Если умершій, не имѣвшій потомства, оставитъ послѣ себя благоприобрѣтенное имущество, то оно отдается отцу и матери на правахъ пожизненнаго владѣнія; а если послѣ него осталось имущество, подаренное родителями, то оно возвращается къ тому изъ нихъ, которымъ подарено (Зак. гражд., ст. 1141, 1142). Законъ прямо оговариваетъ, что подаренное достается родителямъ „не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ". Кассаціонный сенатъ придаетъ этому выраженію единственно возможное юридическое толкованіе, а именно, что „родители, какъ не признаваемые закономъ наслѣдниками своихъ дѣтей, не отвѣчаютъ за долги послѣднихъ..., т.-е. они не обязаны, въ случаѣ недостатка оставшагося послѣ дѣтей ихъ имѣнія, платить ихъ долги изъ собственнаго своего имущества" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1141, § 2, стр. 312). Но во всякомъ случаѣ, употребленное въ законѣ выраженіе „яко даръ" нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ нѣтъ правила, по которому бы дарятель имѣлъ право, въ случаѣ смерти получившаго отъ него подарокъ, требовать послѣдній къ себѣ обратно.

Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, разсмотримъ основанія наслѣдованія по завѣщанію и по закону, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить удовлетворяютъ ли своему назначенію современныя европейскія законодательства по этому предмету.

Дѣйствующими правилами наслѣ
опредѣляется, въ обыкновенномъ
судьба имущества, оставляемаго умер
переходъ его къ живымъ. Если нѣтъ
наслѣдниковъ по завѣщанію, ни лицъ
щихъ по закону право наслѣдовать,
щество считается выморочнымъ (Зак.
ст. 1162) и переходитъ по особымъ
ламъ, которыя будутъ изложены на
кимъ образомъ, нормальнымъ, обыкнов
правильнымъ считается переходъ им
послѣ умершаго или согласно съ е
немъ и выраженною имъ волею, ли
нымъ и близкимъ, на которыхъ ука
законъ; только когда ни той, ни дру
теоріи наслѣдниковъ въ виду нѣтъ,
ство умершаго получаетъ назначеніе,
наемое исключительно общественны
сударственными интересами и сообра
Итакъ, наслѣдство разематривается,
ципѣ, какъ частное имущество, к
владѣлецъ распоряжается, на случай
по своему усмотрѣнію, и которое,
имъ не распорядился, должно, во
случаѣ, оставаться, послѣ его смерти,
немъ частныхъ лицъ. Общество и
ство беруть его на себя лишь въ
случаѣ, когда частнаго распоряженія
ныхъ наслѣдниковъ нѣтъ.

Однако изъ всего сказаннаго выше
что европейскія законодательства, пр
имущество, остающееся послѣ умерш
принципѣ, предметомъ частныхъ рас
нія и частныхъ правъ, не оставляю
перехода отъ умершихъ къ живымъ
изволъ судьбы и случайностей. Уже в
римскомъ мірѣ и еще болѣе въ новы
пейскихъ обществахъ видно стремле
лировать частную волю завѣщателей
реемъ наслѣдниковъ, подчинить части
поряженія и частныя права извѣстны
виламъ. Чѣмъ опредѣляются послѣдн
подствующими въ томъ или другомъ
ствѣ, при данныхъ обстоятельствахъ
тіями и взглядами на то, что для в
лезно, по крайней мѣрѣ, совмѣстимо с
ресами правильно устроеннаго сожит
людей. Во имя этихъ-то понятій уре
и вводится въ извѣстныхъ рамки во
щателей, опредѣляется порядокъ, в
рожь родные и близкіе призываются
слѣдованію въ извѣстной постепенно
конодательство, по отношенію къ нас
нію, какъ и во всемъ остальномъ, подч

частные, единичные факты и явленія пользъ организованнаго сожительства и во имя ихъ приводить частныя явленія къ единству, направляя ихъ къ одной общей цѣли.

При такихъ условіяхъ можно было бы ожидать отъ правилъ наслѣдованія единства руководящихъ началъ, послѣдовательности и стройности во всѣхъ его частяхъ и видахъ. Если общая польза стала уже руководящимъ началомъ законовъ о наслѣдованіи, то она должна бы одинаково опредѣлять наслѣдованіе и по завѣщанію и по закону и въ вымороченомъ имуществѣ. Но этого-то и нѣтъ. Современныя европейскія законодательства о наслѣдованіи представляютъ такую же половинчатость стремленій, неясность и сбивчивость основныхъ задачъ и цѣлей, на которыя мы уже указали, излагая семейное право. О дѣйствующихъ въ Европѣ законахъ наслѣдованія можно по справедливости сказать то же, что и о позднѣйшемъ римскомъ правѣ: творческая энергія въ нихъ какъ бы ослабѣла, у нихъ какъ будто не достало силъ провести послѣдовательно, до конца, тѣ начала, которыя новый міръ несетъ съ собою и которыми онъ такъ рѣзко отличается отъ древняго. Римляне развили до крайности начало индивидуализма, съ которымъ не могли подъ конецъ справиться: въ противоположность тому, новый міръ, съ самаго начала, преслѣдовалъ задачу крѣпкой и сильной общественной и политической организаціи, но во имя отвлеченныхъ идей и принциповъ, въ которыхъ застрялъ и запутался, дошелъ, въ концѣ концовъ, до совершеннаго обезличенія индивидуальности, до обращенія людей въ отвлеченныя количества, въ единицы отвлеченной математической формулы, признаваемой за непреложное и самое точное выраженіе законовъ правильно устроеннаго человѣческаго общежитія. Греко-римскій міръ палъ подъ напоромъ разнуздавшагося индивидуализма; новому грозитъ тоже самое, вслѣдствіе обезсиленія и ничтожества лица, раздавленнаго отвлеченностями, изъ подъ которыхъ оно не можетъ выбиться. Греко-римскій міръ выдвинулъ, въ противоположность родовой и семейной общественной и политической организаціи, индивидуальное лицо, идя отъ той мысли, что кровный, родственный союзъ представляетъ естественную и потому вполнѣ надежную и прочную основу правильнаго общественнаго строя и быта. Но факты не оправдали этого взгляда: кровныя связи оказались безсильными противъ индивидуализма. Новые европейскіе народы не воспользовались пока опытомъ Рима: они перенесли къ себѣ его наслѣдіе, но не съумѣли приладить его къ задачамъ, которыя выпали имъ на долю въ ходѣ всемірной исторіи, не отнеслись съ должнымъ вниманіемъ къ вопросу, какое значеніе имѣютъ кровныя связи и личная воля въ устроенномъ общежитіи людей?—какое мѣсто можетъ и должно быть имъ отведено въ общей экономіи различныхъ факторовъ человѣческаго существованія? Вычеркнуть ихъ совсѣмъ нельзя, какъ предлагаютъ поборники отвлеченныхъ принциповъ, несогласные между собою во всемъ остальномъ и мотивирующіе свою мысль самыми противоположными возрѣніями — нельзя, потому что фактовъ и явленій цѣлыя вычеркивать: ихъ можно только группировать извѣстнымъ образомъ и только этимъ способомъ достигать предположенныхъ цѣлей. Но какая группировка кровныхъ отношеній и личнаго произвола нужна для согласованія ихъ съ требованіями правильно устроенной общественности и пользою всѣхъ—этотъ вопросъ, въ примѣненіи къ наслѣдственному праву, еще не ставился. Правда, законодательство не разъ вводило общественныя и государственныя задачи и цѣли въ правила перехода имуществъ отъ вымирающихъ поколѣній къ новымъ; но то были отдѣльныя, безсвязныя попытки, вызываемыя практическими нуждами, нерѣдко случайными обстоятельствами, личными взглядами, и не представляютъ ничего систематическаго, осуществленія общей мысли по обдуманному плану. Точка зрѣнія римлянъ, усвоенная новыми европейскими законодательствами, составляетъ до сихъ поръ основаніе, на которомъ построено современное наслѣдственное право. Правда, нѣсколько новыхъ ограниченій личнаго произвола завѣщателей въ пользу законныхъ наслѣдниковъ прибавлено къ тѣмъ, которыя придуманы были еще въ римскомъ правѣ; нѣсколько родовъ и видовъ имущества изъяты изъ общаго порядка наслѣдованія и подчинены особымъ правиламъ; но этимъ пока все и ограничилось.

Выдти изъ того половинчатаго состоянія, въ какомъ находится право наслѣдованія, современныя законодательства могутъ не прежде, какъ выяснивъ сперва, каковы должны быть отношенія отдѣльнаго лица къ другимъ людямъ и устроенному общежитію. Права от-

дѣльныхъ лицъ имѣютъ границу въ правахъ другихъ людей и въ общихъ потребностяхъ устроеннаго сожительства; то и другое налагаетъ на каждое отдѣльное лицо обязанности, которыя оно должно исполнить, тягости и лишенія, которыя оно должно нести. Личныя произволъ, индивидуальные вкусы и предрасположенія могутъ свободно развиваться только за предѣлами обязанностей и только послѣ того, какъ послѣднія выполнены. Съ другой стороны, исходной точкой человѣческаго общежитія не есть отвлеченная человѣческая личность, а человѣкъ, съ перваго дня рожденія поставленный въ ближайшей къ нему обстановкѣ другихъ людей. Обыкновенно, всего чаще, это его отецъ, мать, братья, сестры; если ихъ нѣтъ — то кормилица, няня, воспитатель, словомъ тѣ, которые его выходили и поставили на ноги. Вотъ первая общественная среда каждаго, кто бы онъ ни былъ. Впослѣдствіи, въ продолженіе жизни, она много разъ измѣняется; являются связи товарищества, дружбы, общаго дѣла и работы, общаго направленія. Первая была данная среда, а вторая самимъ человѣкомъ нажитая, имъ для себя созданная. Наконецъ, огромное большинство людей основываетъ свою семью, вступаетъ въ бракъ, приживаетъ дѣтей. Какъ сначала человѣкъ живетъ только въ ближайшей, тѣсной обстановкѣ, такъ и обзаведясь семьей, онъ выдѣляется въ ней въ болѣе тѣсный и близкій кругъ. Созданная имъ семья налагаетъ на него обязанности; эти обязанности — самыя непосредственныя и потому изъ всѣхъ общественныхъ обязанностей самыя настоятельныя и близкія. Общество особенно заинтересовано въ томъ, чтобъ онѣ исполнялись какъ можно лучше, ибо съ этимъ тѣсно связано удовлетвореніе кровныхъ нуждъ и потребностей нарождающихся поколѣній. Семья — первая ячейка общественности, и исторически, по времени, и по своему значенію въ общественной организаціи. Правильно и крѣпко устроенная семья должна быть первой и главнѣйшей заботой самого общества, такъ какъ сплоченная семья не только готовитъ и выпускаетъ изъ себя новыхъ его членовъ, на смѣну вымирающихъ, но и призрѣваетъ тѣхъ, которые, по болѣзни или дряхлости и безсилію, не въ состояніи сами о себѣ заботиться.

Такова круговоротъ личной, индивидуальной жизни. Съ начала и до конца она проходитъ не вообще въ обществѣ, государствѣ, человѣчествѣ, но рядомъ съ тѣми и въ ближайшей, интимной связи съ немногими, которыхъ отчасти дала судьба или случай, отчасти собственный выборъ и дѣятельность. Каковы бы ни были личныя чувства къ этимъ ближайшимъ спутникамъ жизни, какія имѣетъ въ отношеніи къ нимъ обязанности нравственныя и имущественныя, которыя онъ долженъ исполнить.

Въ возможномъ охраненіи и огражденіи семей —этихъ начальныхъ ячеекъ общественности, этихъ живыхъ разсадниковъ людей и будущихъ гражданъ,—общество заинтересовано въ высшей степени. Когда эти зачаточные узлы организованной общественной ткани, составляющіе переходъ отъ животной стороны человѣка къ психической, находятся въ здоровомъ состояніи.—тѣло общественное политическое имѣетъ необходимый запасъ силъ, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ внѣшнихъ бѣдъ и внутреннихъ неурядицъ: по разъ эти атомы и молекулы организованной общественности болѣютъ, разстроены, оно носитъ въ себѣ сѣмена разложенія и смерти, которые могутъ долгое время не быть замѣтны, скрываться за блестящей внѣшностью, но обнаруживаются при первомъ же сильномъ внѣшнемъ или внутреннемъ толчкѣ.

Правильнымъ мѣриломъ законодательства о семьѣ и наслѣдованіи служитъ единственно то, въ какой мѣрѣ оно способствуетъ поддержанію семьи въ нормальномъ состояніи. Но именно съ этой точки зрѣнія, дѣйствующія европейскія законодательства, усвоивъ себѣ начала и взгляды римскаго права, далеко не соотвѣтствуютъ своему назначенію. О недостаткахъ ихъ по отношенію къ устройству семьи было сказано прежде, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остается разсмотрѣть, съ указанной точки зрѣнія, основныя начала наслѣдованія по завѣщанію и по закону.

Чтобы правильно оцѣнить вліяніе законодательства о наслѣдованіи на семью, необходимо, прежде всего, уяснить себѣ его первоначальное положеніе, потребности и нужды какъ онѣ выработались вслѣдствіе продолжительнаго историческаго развитія.

Мы видѣли, что семья представляла сначала нераздѣльное хозяйство, что всѣ ея члены были подчинены безусловной, ничѣмъ неограниченной власти домовладыки. Теперешняя семья далеко отошла отъ этого типа. Теперь каждый членъ семьи имѣетъ свою

гражданскую правоспособность и личность; нераздѣльное хозяйство превратилось въ имущество, принадлежащее въ особенности тому или другому члену семьи, и не только послѣ смерти, но и при жизни его собственниковъ, подлежитъ раздробленію. Власть домохозяина замѣнена властью родителей, которая все болѣе и болѣе сводится къ опекунской власти и служитъ, главнымъ образомъ, къ восполненію дѣеспособности, недостающей малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ. Вслѣдствіе такой коренной перемѣны въ самыхъ основаніяхъ семейнаго быта, психическіе элементы, подавленные въ немъ хозяйственными и юридическими, должны были выдвинуться на первый планъ. Такъ оно дѣйствительно и есть, и съ этой точки зрѣнія мы и смотримъ теперь на семью. Идеалъ семейной жизни въ образованныхъ слояхъ новыхъ народовъ есть нравственная связь между ея членами, —взаимная любовь, преданность, довѣріе, оттѣняемыя особенностями лѣтъ, роли въ семейномъ сожительствѣ, опытности, различія пола и проч. Нравственная связь есть основной, господствующій тонъ въ идеалахъ семейнаго благополучія и счастія у новыхъ народовъ. Иначе и быть не могло, съ тѣхъ поръ, что изъ семьи древнѣйшей, гражданской, основанной на власти, безличности и безправіи, выработалась семья, въ которой каждый членъ есть полноправная личность, имѣющая свои права и свои обязанности. Но нравственнаго идеала предписать нельзя. Его водворенію, развитію, укрѣпленію въ людяхъ обстоятельства могутъ благопріятствовать или не благопріятствовать; но прежде всего онъ —плодъ нашей личной, внутренней психической работы и усилій. Все, чего можно требовать отъ общества, закона, администраціи, это чтобы они не мѣшали естественному росту и развитію нравственныхъ элементовъ семьи: остальное есть дѣло личной психической дѣятельности каждаго и не можетъ быть сдѣлано за него другимъ. Если между членами семьи нѣтъ нравственной связи, то они представляютъ группу людей, связанныхъ только внѣшними, случайными узами —физіологическими, или хозяйственными интересами, или привычками сожительства. Одни такіе осязаемые факты, составляющіе внѣшнюю оболочку семьи, и доступны для дѣйствія общества, законодательства и администраціи; только ихъ законъ и можетъ регулировать, въ видахъ укрѣпленія и упроченія семьи. Но именно съ точки зрѣнія пользъ и потребностей семейнаго союза дѣйствующія европейскія законодательства о наслѣдованіи оставляютъ желать многаго. Причина ихъ неудовлетворительности лежитъ именно въ томъ, что они усвоили себѣ римскія возрѣнія, не приспособивъ ихъ къ условіямъ современной семьи, о которой римляне не имѣли понятія.

Завѣщательное право, какъ сказано, ограничено лишь обязанностью оставить извѣстную долю имущества законнымъ наслѣдникамъ. Это правило ставитъ наслѣдованіе на неправильную, ошибочную почву. Умирающій имѣетъ, относительно домашнихъ и близкихъ, съ которыми прошла его жизнь, положительныя обязанности: онъ долженъ ихъ устроить и обезпечить матеріально; этого требуютъ и справедливость и общественная польза. Умершій нажилъ свое имущество при содѣйствіи и помощи, хотя бы только косвенной, домашнихъ и близкихъ, иногда прямо ихъ же трудами, по этому онъ и долженъ оставить имъ то, что необходимо для обезпеченія ихъ существованія. Только имуществомъ, которое за тѣмъ остается, онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. А по теперешнему завѣщательному праву выходитъ какъ разъ наоборотъ: личный произволъ поставленъ выше исполненія прямыхъ обязанностей. Принятое въ нашемъ законодательствѣ ограниченіе завѣщательнаго права однимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, при включеніи въ благопріобрѣтенное всего движимаго имѣнія и при легкости обратить родовое въ благопріобрѣтенное, тоже не достигаетъ своей цѣли и даетъ полный просторъ личному произволу лица, въ ущербъ семьи и исполненія долга по отношенію къ домашнимъ и близкимъ.

Столько же неудовлетворителенъ, по своимъ началамъ, и порядокъ законнаго наслѣдованія. Въ основаніи его лежитъ кровное родство. Начало это уже потому недостаточно, что не включаетъ супруга—именно то лицо, которое въ семьѣ и домашней жизни играетъ первую роль. Нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ и наше, такъ или иначе, поправили эту узкость и односторонность основнаго начала и, пожертвовавъ послѣдовательностью, призвали супруга къ наслѣдованію, съ разными привилегіями, въ ущербъ кровнымъ родственникамъ; зато другія, напримѣръ, римское и французское,

принесли живой фактъ дѣйствительной семьи въ жертву принципу кроваго родства и поставили супруга въ послѣдній разрядъ наслѣдниковъ.

Вообще, нельзя назвать правильнымъ построеніе наслѣдованія по закону на кровномъ родствѣ, вмѣсто того, чтобы основать его на принципѣ семьи и домашняго быта, на непосредственной, ближайшей и тѣснѣйшей связи съ людьми, раздѣлявшими жизнь и судьбу умершаго. Кровное родство нерѣдко является въ вопіющемъ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ, живымъ фактомъ семейной и домашней жизни. Древнѣйшее римское право, исключавшее изъ числа наслѣдниковъ выбывшихъ членовъ семьи и включившее въ ихъ число посторонихъ, не кровныхъ родственниковъ, вступившихъ въ семью, гораздо болѣе оберегало сплошность семьи и дома, чѣмъ позднѣйшее, построенное на физіологическомъ началѣ происхожденія и крови, вдобавокъ съ совершеннымъ пренебреженіемъ психической связи, которая когда-то можетъ быть и совпадала съ связью кровною, но потомъ съ нею разошлась совсѣмъ. Гораздо ближе къ дѣйствительной семейной и домашней жизни стояло и старинное русское право, которое какъ видно изъ Псковской судной грамоты, призывало къ наслѣдованію тѣхъ, кто жилъ съ умершимъ, „кормилъ" его, и отстраняло отъ наслѣдства даже близкихъ кровныхъ родственниковъ, порвавшихъ съ умершимъ всякую связь и основавшихъ свои хозяйства особо отъ него. Общество и государство заинтересованы въ охраненіи дѣйствительныхъ, живыхъ союзовъ людей, святыни домашняго очага и связанныхъ съ нимъ добрыхъ нравовъ и преданій, а не отвлеченныхъ юридическихъ принциповъ, разошедшихся съ живою дѣйствительностью. Съ этими интересами совпадаютъ и личные интересы умирающаго: ему ближе къ сердцу судьба тѣхъ, которые раздѣляли его жизнь, радости и горе, несли вмѣстѣ съ нимъ одну судьбу, подвергались отнимъ съ нимъ невзгодамъ и превратностямъ всякаго рода; мысль объ устроеніи и обезпеченіи ихъ послѣ своей смерти заботитъ его несравненно больше, чѣмъ мысль о близкихъ по крови, которые его бросили и объ немъ забыли. Дѣйствующія правила о наслѣдованіи по закону, заимствованныя изъ римскаго права, нерѣдко становятся съ этими животрепещущими личными и общественными интересами въ рѣзкое противорѣчіе. Послѣдовательно проведенное начало кровнаго родства исключаетъ изъ числа наслѣдниковъ супруга, свойственниковъ. Отсюда слѣдуетъ, что бракъ долженъ быть признанъ за прочную и крѣпкую личную связь, связь по рожденію. Возможно ли это допустить? Кто ближе: супругъ или тесть? Вопросъ неразрѣшимый: каждый отвѣтитъ по своимъ личнымъ чувствамъ къ тому и другому. Если это такъ, то призваніе къ наслѣдству кровныхъ родственниковъ и устраненіе отъ него свойственниковъ представляется отголоскомъ какой-то забытой старины, именно римскихъ понятій, которыя, въ свою очередь, создались подъ вліяніемъ началъ древняго быта и юридической, гражданской семьи.

Изъ сказаннаго видно, что оба порядка наслѣдованія, въ теперешнемъ своемъ видѣ, не только не поддерживаютъ дѣйствительной семьи, домашняго быта, а напротивъ, разлагаютъ ихъ и раздробляютъ, подчиняя живыя домашнія связи отвлеченнымъ началамъ, заимствованнымъ у римлянъ, и, притомъ той эпохи развитія римской жизни, когда семейныя связи разложились и открыли настежъ дверь самому безграничному личному произволу, рѣзко противорѣчащему и существеннымъ интересамъ и первымъ вопросамъ справедливости по отношенію къ домашнимъ и близкимъ.

Чтобы возродить семью, а съ нею и индивидуальность, дошедшую до послѣдней степени разслабленія и паденія, необходимо, съ одной стороны, ограничить личныя произволы завѣщателей во имя тѣхъ обязанностей, которыя на нихъ лежатъ по отношенію къ нимъ, близкимъ, домашнимъ, и поставить исполненіе этихъ обязанностей на первый планъ, а съ другой — призывать къ наслѣдованію по закону исключительно только тѣхъ, которые дѣйствительно были близки къ умершему, были ему свои, домашніе, не стирая ихъ круга одними родственниками по крови и не устраняя отъ наслѣдованія никого изъ близкихъ, хотя бы они и не были связаны съ умершимъ родствомъ или свойствомъ. Только при такомъ характерѣ наслѣдованія имущество будетъ переходить отъ мертвыхъ къ живымъ согласно съ справедливостью, съ условіями дѣйствительной жизни, а не [illegible] съ тѣмъ наслѣдованіе приблизится къ [illegible] нимъ умершаго и будетъ согласовано съ интересами организованнаго общежитія.

Противъ такой постановки дѣла [illegible]

вають, что она, не установляя точныхъ общихъ правилъ, открываетъ большой просторъ произволу и злоупотребленіямъ. Указываютъ также на практическую невозможность осуществить на дѣлѣ подобное приближеніе закона къ разнообразію явленій дѣйствительной жизни.

На первое возраженіе мы отвѣтимъ, что точное опредѣленіе закономъ всѣхъ возможныхъ случайностей и ближайшихъ примѣненій общихъ началъ невозможно не только по отношенію къ наслѣдованію, но и по всѣмъ другимъ отраслямъ законодательства, почему теперь все болѣе и болѣе ограничиваются указаніемъ лишь общихъ руководящихъ началъ и главныхъ положеній, предоставляя суду и администраціи примѣнять ихъ сообразно съ данными обстоятельствами каждаго отдѣльнаго явленія и факта. По своему свойству, общія начала, выражаемыя закономъ, не могутъ предусмотрѣть и предопредѣлить всѣхъ разнообразныхъ и сложныхъ, запутанныхъ явленій дѣйствительной жизни. Какъ только законъ пытается выйти изъ свойственной ему сферы общихъ началъ и положеній и вдается въ частности, онъ, вмѣсто того, чтобы направлять факты и явленія къ желаемой цѣли, тотчасъ же расходится съ дѣйствительною жизнью, обращается въ мертвую формулу, которую всячески стараются обойти, и которая потому не способствуетъ правильному развитію, а затрудняетъ и разстраиваетъ его, подавая поводъ къ произволу и злоупотребленіямъ, которые имѣлось въ виду устранить. Мысли о наслѣдованіи, высказанныя выше, легко могутъ быть выражены въ законѣ въ видѣ общихъ началъ и положеній, а это все, что нужно для руководства судовъ и администраціи.

Что касается невозможности осуществить въ дѣйствительности высказанныя предположенія, то трудности дѣла, которыхъ отрицать нельзя, совсѣмъ не такъ велики и непобѣдимы, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Что можетъ быть, повидимому, труднѣе, какъ возстановить живой образъ сложнаго преступленія, со всѣми его обстоятельствами, мотивами, обстановкой, которые преступникъ обыкновенно всячески старается скрыть, изгладить и истребить? А слѣдствіе, веденное свѣдущимъ, умнымъ и опытнымъ лицомъ, устраняетъ эти трудности и выставляетъ въ сознаніи живой совершившійся фактъ. На такомъ воспроизведеніи живой дѣйствительности покоится все уголовное правосудіе. Возстановить живой фактъ дѣйствительной обстановки, сношеній и ежедневнаго быта умершаго, при помощи его знакомыхъ и сосѣдей, гораздо легче, чѣмъ раскрыть загадочное и таинственное преступленіе. Существенно будутъ этому способствовать семейные совѣты, о которыхъ мы говорили въ очеркѣ семейнаго права, составленные изъ совершеннолѣтнихъ членовъ семьи, ближайшихъ родныхъ, свойственниковъ и друзей, и дѣйствующіе подъ наблюденіемъ публичной власти. Введеніе ихъ у насъ есть дѣло времени. Кругъ ихъ дѣятельности долженъ быть гораздо шире, чѣмъ во Франціи, гдѣ онъ ограниченъ одними опекунскими дѣлами, и простираться на всѣ внутреннія дѣла семейства, въ томъ числѣ и на завѣщательныя распоряженія и на опредѣленіе наслѣдованія по закону, согласно съ основною мыслью о наслѣдованіи, высказанною выше. Только при существованіи семейныхъ совѣтовъ законы о расточителяхъ перестанутъ быть мертвой буквой и начнутъ примѣняться какъ слѣдуетъ; только семейные совѣты внесутъ организацію въ семью, разлагаемую теперь индивидуализмомъ, не знающимъ границъ въ частной жизни; а съ устройствомъ семьи и общественный бытъ неминуемо и естественно улучшится.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общественныя и политическія основанія наслѣдованія.

Мы видѣли, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ въ виду наслѣдниковъ по завѣщанію или по закону, имѣющихъ право получить наслѣдство и желающихъ воспользоваться этимъ правомъ, имущество, оставшееся послѣ умершаго, признается выморочнымъ и получаетъ назначеніе, указываемое исключительно одними соображеніями общественнаго, публичнаго характера.

Кромѣ того, новыя европейскія законодательства установляютъ для многихъ родовъ и видовъ имуществъ особый порядокъ наслѣдованія, отличный отъ изложеннаго выше, по соображеніямъ общественнаго и политическаго свойства. Римскому праву такія изъятія изъ общаго порядка наслѣдованія не были извѣстны. Причина указана въ самомъ мѣстѣ,—именно слабое развитіе общественныхъ

и публичныхъ элементовъ въ цвѣтущій періодъ римскаго правовѣдѣнія. Древній міръ не совпадалъ съ гражданственностью, созданною имъ на началѣ индивидуализма.

Наконецъ, владѣльцами и собственниками имущества бываютъ не одни физическія, но и юридическія, отвлеченныя, фиктивныя лица. Они неспособны къ дѣйствіямъ, предполагающимъ актъ личной воли и потому не могутъ лично совершать преступленій, присягать; потому же они не могутъ и дѣлать завѣщаній. Но они возникаютъ и прекращаются, передко оставляя послѣ себя имущество. Какая его судьба? Кому оно должно достаться? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ тоже только на основаніи мотивовъ чисто общественныхъ и политическихъ.

Отд. I. Наслѣдованіе въ выморочномъ имуществѣ.

По римскому праву, выморочное имущество достается государству. Наше законодательство предоставляетъ право на него ближайшимъ къ умершему общественнымъ группамъ, которыхъ онъ при жизни былъ сочленомъ, — обществамъ территоріальнымъ, сословнымъ, корпораціямъ, учрежденіямъ и проч. Государство, казна наслѣдуетъ у насъ теперь послѣ всѣхъ, въ видѣ изъятія изъ общаго правила. Общаго постановленія по этому предмету нѣтъ, но существуетъ множество частныхъ законовъ, изъ которыхъ и выведено нами общее правило.

1) Выморочныя имущества поступаютъ въ пользу общества или корпораціи, въ которыхъ умершій числился: послѣ сельскихъ обывателей (Зак. гражд., ст. 1172 и примѣч. по прод.; ст. 1180); членовъ кронштадтскаго общества вольныхъ матросовъ (Зак. гражд., ст. 1173); римско-католическихъ монахинь — собственно ихъ приданыя деньги (тамъ же, ст. 1171). Въ послѣднее время, уже въ нынѣшнее царствованіе, право наслѣдовать въ выморочныхъ имуществахъ послѣ лицъ дворянскаго сословія предоставлено дворянскимъ обществамъ (тамъ же, ст. 1167 примѣч. по прод.). Кромѣ того, городамъ предоставлено право на выморочныя недвижимыя имущества въ предѣлахъ города и отведенныхъ ему земель, если не сдѣлано изъятія изъ этого правила въ пользу другихъ юридическихъ лицъ (Зак. гражд., ст. 1172 по прод.).

2) Такимъ же правомъ пользуются нѣкоторыя вѣдомства: духовное — послѣ духовныхъ властей (Зак. гражд., ст. 1170); казачьи войска послѣ ихъ чиновниковъ и казны (тамъ же, ст. 1174 по прод.).

3) Наконецъ, тѣмъ же правомъ пользуется множество разныхъ учрежденій: академія художествъ — послѣ членовъ и художниковъ ея вѣдомства; университеты и заведенія ученаго вѣдомства — послѣ членовъ университетовъ и чиновниковъ учебнаго вѣдомства (тамъ же, ст. 1168 и дополн. по прод.); учебныя заведенія Императрицы Маріи — послѣ служившихъ (въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ), а также своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ (тамъ же, ст. 1169 по прод.); Одесское женское благотворительное общество — послѣ пріѣзжихъ въ него (Зак. гражд., ст. 1169 по прод.); Сохранная Казна воспит. дома — послѣ вкладчика капитала (тамъ же, ст. 1175); инвалидная сумма — послѣ убитыхъ въ сраженіи, на слѣдующимъ долю изъ призовъ (тамъ же, ст. 1177); комитетъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ на выморочныя суммы по частнымъ взысканіямъ, накопившіяся въ присутственныхъ мѣстахъ (тамъ же, ст. 1177); госпитали послѣ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, умершихъ на военномъ кораблѣ, или другомъ казенномъ суднѣ, но время похода (тамъ же, ст. 1178 и примѣч. 2, по прод.); эмеритальная касса морскаго вѣдомства послѣ умершихъ офицеровъ, въ призовыхъ деньгахъ (тамъ же, ст. 1176, примѣч. 1 по прод.) и послѣ служившихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, кромѣ нижнихъ военныхъ чиновъ (тамъ же, ст. 1178, примѣч. 2, по прод.); сельскохозяйственная и харчевая суммы морскаго вѣдомства послѣ умершихъ нижнихъ флотскихъ чиновъ, въ ихъ артельныхъ или собственныхъ деньгахъ (Зак. гражд., ст. 1178, прим. 1 по прод.).

За исключеніемъ перечисленныхъ случаевъ выморочныя имущества обращаются въ государственную казну (тамъ же, ст. 1167).

Отд. 2. Особые порядки наслѣдованія по роду имущества.

Новыя законодательства, по разнымъ соображеніямъ, изъемлютъ различные роды и виды имущества изъ общаго порядка наслѣдованія по закону и постановляютъ для нихъ особыя правила. Въ этихъ изъятіяхъ личная и частная сторона наслѣдованія отодвинута на второй планъ, а на первый выступаютъ побужденія, имѣющія общественное значеніе, внушенныя нуждами и пользами организованнаго сожительства. Такіе особые по-

рядки наслѣдованія для имуществъ извѣстнаго рода существуютъ въ Германіи и у насъ.

Въ Германіи, особые порядки наслѣдованія установлены для имѣній ленныхъ, фидеикомиссовъ и родовыхъ имѣній, а также для крестьянскихъ хозяйствъ. Къ наслѣдованію въ ленномъ имѣніи призываются рожденные въ законномъ, равномъ бракѣ, мужскаго пола, правоспособные владѣть леномъ, и притомъ не нѣсколько лицъ вмѣстѣ, а всегда одно. Для наслѣдованія въ ленномъ имѣніи послѣ владѣльца, не оставившаго послѣ себя нисходящаго потомства, существуютъ правила, различныя въ различныхъ государствахъ. Фидеикомиссы—тоже имѣнія нераздробимыя, переходящія къ одному владѣльцу, въ порядкѣ, установленномъ ихъ учредителями. При наслѣдованіи фидеикомиссовъ мужчины имѣютъ обыкновенно преимущество передъ женщинами. Наиболѣе принятые порядки наслѣдованія въ фидеикомиссахъ суть сеніоратъ и маіоратъ. При сеніоратѣ къ наслѣдованію призывается старшій въ фамиліи, въ какихъ бы степеняхъ родства съ умершимъ онъ ни состоялъ; при маіоратѣ, лѣта играютъ роль только въ такомъ случаѣ, когда на наслѣдованіе имѣютъ равныя права нѣсколько лицъ, а принципомъ служитъ первородство, при чемъ наслѣдство переходитъ по порядку линій, сначала въ старшую, затѣмъ во вторую и т. д., каждый разъ по началу первородства. Часто возлагается на наслѣдующаго фидеикомиссъ обязанность дать членамъ семейства, устраненнымъ отъ наслѣдства, особое имущество (Apanage), дочерямъ—приданое. Обыкновенно не могутъ наслѣдовать въ фидеикомиссѣ незаконнорожденные, узаконенные, усыновленные, рожденные въ неравномъ бракѣ. Сходныя съ этими начала опредѣляютъ порядокъ наслѣдованія въ фамильныхъ (родовыхъ) имѣніяхъ высшаго, отчасти даже и низшаго дворянства; вся разница въ томъ что порядокъ наслѣдованія опредѣляется не частнымъ актомъ, а фамильнымъ закономъ или обычаемъ. Кромѣ того, въ наслѣдованіи фамильныхъ имѣній нерѣдко не признается ихъ нераздѣльность, и все различіе отъ обыкновеннаго порядка наслѣдованія состоитъ въ томъ, что наслѣдство переходитъ лишь къ агнатамъ. Всѣ эти виды наслѣдованія имѣютъ отчасти историческое происхожденіе, отчасти создались и поддерживаются аристократическимъ духомъ и воззрѣніями владѣльческаго класса Германіи.

Совсѣмъ другія причины создали особый порядокъ наслѣдованія въ крестьянскомъ имуществѣ. Тутъ имѣлось въ виду, прежде всего, сохранить платежную силу такого имущества, при переходѣ его изъ однѣхъ рукъ въ другія въ порядкѣ наслѣдованія. Этимъ объясняется предпочтеніе наслѣдниковъ мужскаго пола женщинамъ и начало нераздробимости крестьянскаго имущества, которое передается въ полномъ составѣ, изъ числа имѣющихъ равное право наслѣдованія, одному, старшему (Majorat) или младшему (Minorat). Мѣстами такой порядокъ наслѣдованія въ крестьянскомъ имуществѣ отмѣненъ закономъ, но и въ этихъ случаяхъ предоставляется кое-гдѣ возможность, косвенными мѣрами, сохранить нераздѣльность крестьянской земли. Характеръ крестьянскаго хозяйства дѣлаетъ необходимымъ, чтобъ хозяинъ могъ самъ хозяйничать, имѣлъ необходимую для того физическую силу. Отсюда—договоры о передачѣ крестьянскаго хозяйства состарѣвшимся его владѣльцемъ другому, болѣе молодому, обыкновенно одному изъ своихъ дѣтей (Gutsuberlassungs- и Altentheilsvertrag). Съ такой передачей связаны условія давать пожизненное содержаніе тому, который уступаетъ свое хозяйство, и его женѣ; пріобрѣтающій хозяйство обязанъ также давать содержаніе братьямъ и сестрамъ. Если законный наслѣдникъ еще несовершеннолѣтенъ, а хозяинъ умеръ, то часто назначается временный хозяинъ, чтобъ завѣдывать хозяйствомъ до наступленія совершеннолѣтія наслѣдника. Временный хозяинъ ведетъ дѣла отъ своего имени и въ свою пользу и обязанъ только содержать и воспитывать наслѣдника. Такой хозяинъ назначается обыкновенно въ томъ случаѣ, когда мать наслѣдника вступаетъ въ новый бракъ, при чемъ, почти всегда, вотчимъ и назначается временнымъ хозяиномъ. Такимъ образомъ, переходъ крестьянскаго имущества въ Германіи отъ однихъ поколѣній къ другимъ опредѣляется, главнымъ образомъ, интересами хозяйственными и мѣрами, необходимыми для поддержанія платежной способности крестьянскаго двора.

У насъ, судя по первому взгляду, особенные порядки наслѣдованія въ различныхъ имуществахъ гораздо многообразнѣе и разновиднѣе. Сводъ законовъ гражданскихъ пере-

числятъ ихъ двѣнадцать (Зак. гражд., ст. 1181 и прод.), но почти всѣ они не представляютъ особыхъ порядковъ наслѣдованія, а опредѣляются пространствомъ правъ, предоставленныхъ вообще частнымъ лицамъ на то или другое имущество, чего съ порядкомъ наслѣдованія въ имуществѣ нельзя смѣшивать, не впадая въ большія ошибки. Такъ, въ числѣ особенныхъ порядковъ наслѣдованія указано наслѣдованіе въ собственности литературной и художественной; но изъ относящагося сюда постановленія (Зак. гражд., ст. 1185) видно, что этотъ видъ имущества переходитъ къ наслѣдникамъ по общимъ правиламъ, а только самое право „не можетъ продолжаться долѣе 50—70 лѣтъ со дня смерти сочинителя, переводчика или художника-автора, или со времени появленія въ свѣтъ сочиненія, перевода или произведенія, не изданнаго до смерти его". Ограниченіе этого рода не составляетъ особаго порядка наслѣдованія, а зависитъ отъ того, что право литературной и художественной собственности не есть вѣчное, а по истеченіи извѣстнаго срока прекращается. Не представляютъ особыхъ порядковъ наслѣдованія и большинство прочихъ, перечисленныхъ въ своей подъ этою рубрикою. Священныя изображенія въ жалуемыхъ духовнымъ лицамъ панагіяхъ и крестахъ не могутъ быть предметомъ наслѣдованія (Зак. гражд., ст. 1186), также какъ и ризницы монашествующихъ властей и движимое имущество монашествующихъ низшихъ степеней (тамъ же, ст. 1187). Нехристіане могутъ наслѣдовать и по закону и по завѣщанію св. иконы, „частицы св. мощей, части одежды и гробовъ святыхъ, и иные освященные предметы благочестія православной церкви", но обязаны, въ опредѣленный срокъ, передать ихъ въ руки православныхъ, или же въ православную церковь (Зак. гражд., ст. 1188 и 1189). Развѣ можно видѣть въ этомъ особый порядокъ наслѣдованія? Также точно нѣтъ основанія считать особыми порядками наслѣдованія переходъ правъ отъ умершихъ къ живымъ на казенныя имѣнія, состоящія въ арендѣ у частныхъ лицъ (Зак. гр., ст. 1184 прим. по прод.), на участки, отведенные малоимущимъ крестьянамъ (тамъ же, ст. 1191), на поземельные участки отцамъ чиновниковъ (Уст. о воин. повин. тамъ же, ст. 1210, по прод.), на имѣнія малороссійскихъ казаковъ (тамъ же, ст. 1
всѣ такого рода имущества, не состо
полной собственности владѣльцевъ, ни
надлежа на правахъ собственности
или юридическимъ лицамъ, находя
владѣніи у тѣхъ или другихъ лицъ въ
ниченномъ правѣ, обставленномъ
роны собственника, разными услов
томъ числѣ и относительно перехода
послѣ смерти владѣльца (относительно
малороссійскихъ казаковъ даже тако
ворки не сдѣлано). Замѣчаніе это отн
и къ поземельнымъ владѣніямъ сел
обывателей сточѣе лицъ, принадлеж
къ крестьянскому сословію) и не
пожалованнымъ на правѣ майората
какъ маіоратныя имѣнія, какъ было
нено подробно въ курсѣ имуществ
права, лишь по недоразумѣнію назв
ственностью владѣльцевъ, на самом
дѣлѣ они — казенныя имѣнія, отдан
потомственное владѣніе и пользован
ныхъ лицъ на извѣстныхъ услов
томъ числѣ и относительно перехо
отъ однихъ владѣльцевъ, послѣ ихъ
къ другимъ. Что касается крестьян
бывшихъ колонистскихъ земель
частью отведены имъ казною, но не
нахъ собственности, какъ, по недора
сказано въ законѣ, а на особаго рода
владѣнія и пользованія (см. курсъ
ственнаго права), частью находятся
щинномъ владѣніи и, слѣдовательно
лютъ собственность не отдѣльныхъ
хозяевъ, а всего крестьянскаго
латымъ остается крестьянское
владѣніемъ, юридическій характеръ
далеко еще не выясненъ. И нын
стные, у которыхъ земля оставал
поную личную собственность,
наслѣдуютъ не по особому, а
праву. О земляхъ колонистовъ
нать сдѣлать разъясненіе въ томъ
слѣ: „бывшимъ колонистамъ, прина
къ разряду поселянъ-собственниковъ,
лено руководствоваться мѣстными
въ порядкѣ наслѣдованія только
земель, данныхъ имъ во владѣ
сямъ; въ порядкѣ же наслѣдованія
имуществъ они почитаются
намъ" (Сперанскій, цитир. въ
стр. 52). Наконецъ нельзя отнести
особыхъ порядковъ наслѣдованія
страняемыхъ и побуждаемыхъ

съ пособіемъ отъ казны (Зак. гр., ст. 1219 по прод.), ни наслѣдованіе въ имѣніи ссыльныхъ, пріобрѣтенномъ ими во время пребыванія на поселеніи (тамъ же, ст. 1221), такъ какъ въ первомъ случаѣ самый предметъ наслѣдованія не составляетъ полной личной собственности инвалидовъ, а во второмъ—владѣлецъ принадлежитъ къ числу лицъ, не обладающихъ полною имущественною правоспособностью. Объ иностранцахъ и наслѣдованіи послѣ нихъ безсрочныхъ долговъ, внесенныхъ въ государственную долговую книгу, не было никакого основанія говорить въ отдѣлѣ объ особомъ порядкѣ наслѣдованія, ибо имущества этого рода переходятъ къ наслѣдникамъ общимъ порядкомъ, но только по законамъ того государства, къ которому владѣлецъ принадлежалъ. Такимъ образомъ, изъ двѣнадцати видовъ особыхъ правилъ наслѣдованія по закону, перечисленныхъ въ сводѣ, собственно только одинъ —именно наслѣдованіе въ заповѣдныхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ владѣльцамъ на правахъ собственности, хотя и ограниченной, дѣйствительно подчиненъ особымъ правиламъ (зак. гр., ст. 1192—1213), сходнымъ, въ главныхъ чертахъ, съ наслѣдованіемъ въ ленныхъ имѣніяхъ, фидеикоммиссахъ и фамильныхъ родовыхъ имѣніяхъ, которое послужило образцомъ и прототипомъ для порядка перехода по наслѣдству заповѣдныхъ наслѣдственныхъ имѣній по русскому законодательству,—но съ тою разницею, что въ Европѣ майораты ведутъ свое начало изъ феодальныхъ временъ, или устроены по образцу ленныхъ майоратовъ частными актами владѣльцевъ или фамильными нравами и преданіями; у насъ же они созданы вновь, по желанію нѣкоторыхъ владѣльцевъ, съ разрѣшенія верховной власти, въ видѣ изъятія изъ общаго правила.

Отд. 3. Переходъ имуществъ, принадлежавшихъ юридическимъ лицамъ, послѣ ихъ прекращенія.

Юридическое лицо, какою бы оно ни было, есть продуктъ организованнаго общежитія, и либо нѣкоторыми своими сторонами, либо всѣми, входитъ въ условія и формы общественной, публичной жизни. Лицо юридическое есть фиктивное, вымышленное, въ дѣйствительности не существующее, но самыя разнообразныя, личныя и общественныя соображенія побуждаютъ придать этимъ фиктивнымъ лицамъ возможную для нихъ правоспособность,—между прочимъ и имущественную; для непосредственной же дѣеспособности они, очевидно, не имѣютъ необходимыхъ свойствъ и потому, въ этомъ отношеніи, ихъ представляютъ дѣйствительныя, живыя лица.

Юридическія, фиктивныя лица возникаютъ и прекращаются, смотря по надобности. Разъ что имъ присвоена большая или меньшая имущественная правоспособность, они могутъ, въ предписанныхъ для нея закономъ условіяхъ и границахъ, имѣть свое имущество и входить въ имущественныя юридическія отношенія. Спрашивается: что происходитъ съ имуществами, когда то фиктивное лицо, которому они принадлежали, перестало существовать? Завѣщательныя распоряженія для юридическаго лица невозможны, не только по недостатку дѣеспособности, но и потому еще, что будучи создано организованною общественностью, оно входитъ въ ея условія, которыя только и могутъ опредѣлять судьбу его имущества и его имущественныхъ отношеній, присвоенныхъ ему въ виду общественныхъ потребностей и пользы.

Сказанное не относится, впрочемъ, безразлично ко всякимъ вообще юридическимъ лицамъ. Между ними слѣдуетъ различать: 1) юридическія лица, которыя представляютъ совокупность лицъ физическихъ, соединившихся между собою и сложившихъ имѣетъ свои имущества для преслѣдованія дозволенныхъ закономъ общихъ цѣлей, и 2) юридическія лица въ строгомъ и точномъ смыслѣ слова, т. е. дѣйствительныя юридическія фикціи, которыя какъ бы существуютъ и живутъ помимо людей и для которыхъ люди служатъ лишь представителями, выполняя недостающую имъ дѣеспособность. Къ юридическимъ лицамъ первой категоріи принадлежатъ артели, товарищества, акціонерныя общества, общества взаимности и т. п. Они тоже представляютъ юридическія единицы, дѣйствующія какъ одно лицо; но ихъ имущества и имущественныя отношенія суть складочныя, въ которыхъ каждый изъ участниковъ, членовъ общества, имѣетъ свой паи или долю, точно также, какъ и долги и надающія на такое лицо взысканія распредѣляются между его членами, соразмѣрно съ величиною пая или складочной доли каждаго въ общемъ имуществѣ. Прекращеніе такого фиктивнаго лица имѣетъ только тотъ смыслъ, что члены его прекращаютъ свою совокупную

дѣятельность и распадаются на отдѣльно и самостоятельно дѣйствующія лица, каждое про себя. За прекращеніемъ такого юридическаго лица, никакого ему принадлежащаго имущества не остается, да и не можетъ оставаться: долги его покрываются складочнымъ имуществомъ, а то, что за тѣмъ остается, дѣлится между участниками соразмѣрно ихъ складочнымъ паямъ или долямъ.

Совсѣмъ другое представляютъ юридическія лица второй категоріи. Ихъ имущество, какъ бы оно ни сложилось, не есть имущество ихъ членовъ, а принадлежитъ исключительно самимъ этимъ лицамъ: члены имъ только управляютъ, завѣдываютъ, въ качествѣ дѣеспособныхъ представителей фиктивнаго лица. Они смѣняются, а оно остается. Поэтому, когда такое лицо прекращается, имущество его не распредѣляется между его членами. Возникаетъ вопросъ: къ кому же оно должно перейти? Какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ, мы здѣсь встрѣчаемся съ фактомъ, аналогичнымъ съ наслѣдованіемъ. Переходъ имущества отъ прекратившаго свое существованіе юридическаго лица къ другимъ владѣльцамъ, безъ завѣщанія, имѣетъ, въ юридическомъ отношеніи, большое сходство съ наслѣдованіемъ по закону, съ тѣми конечно отличіями, которыя обусловливаются различеніемъ лица дѣйствительно существующаго, живого, отъ фиктивнаго, отвлеченнаго, искусственно созданнаго.

Вопросъ о юридическихъ лицахъ и ихъ постановкѣ въ организованномъ общежитіи мало еще разработанъ, всего менѣе въ нашемъ законодательствѣ, гдѣ онъ, сравнительно весьма недавно, сталъ предметомъ сколько-нибудь точныхъ юридическихъ опредѣленій. Для порядка наслѣдованія послѣ юридическихъ лицъ, при такомъ положеніи дѣла, не существуетъ никакихъ общихъ правилъ, что въ значительной степени зависитъ и отъ самаго свойства юридическихъ лицъ, имѣющихъ по преимуществу общественное назначеніе и потому, прежде всего, зависящихъ отъ общественныхъ и политическихъ потребностей и соображеній въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Имущество, принадлежавшее юридическому лицу, которое перестало существовать, по принципу, должно перейти къ государству, отъ котораго уже и зависитъ дать ему то или другое назначеніе. Дѣлается это актами верховной власти особо по каждому представляющемуся случаю прекращенія юридическаго лица, послѣ котораго остается имущество.

Съ наслѣдованіемъ послѣ юридическаго лица не слѣдуетъ смѣшивать переходъ имущества, находящагося въ распоряженіи органа публичной власти, по случаю управленія, въ распоряженіе другого. Тутъ очевидно и несомнѣнно, что одно съ другимъ не имѣетъ ничего общаго, одни переходы имущества, въ томъ и другомъ случаѣ нерѣдко смѣшиваются, изъ чего проистекаютъ важныя въ юридическомъ отношеніи недоразумѣнія. Не только въ общественномъ и государственномъ, но и въ частномъ обиходѣ перемѣна органовъ и уполномоченныхъ должностныхъ лицъ не измѣняетъ существа юридическихъ отношеній. Будетъ ли распоряжаться казенными горными заводами, землями, лѣсами министерство финансовъ или хозяйство государственныхъ имуществъ, казенное имущество не перестанетъ быть ихъ собственностью и находиться по этимъ имуществамъ въ однихъ и тѣхъ же юридическихъ отношеніяхъ, въ какихъ уже находилась. Совершенно противъ, съ прекращеніемъ юридическаго лица, принадлежавшее ему имущество перестаетъ быть его собственностью, и права на него переходятъ, по распоряженію верховной власти, къ другому лицу, а это влечетъ за собою цѣлый рядъ сложныхъ юридическихъ послѣдствій, существенно отличныхъ отъ тѣхъ, какія возникаютъ при передачѣ собственникомъ принадлежащаго ему имущества въ руки одного уполномоченнаго въ заботы другого. При отсутствіи у насъ строгой и точнаго разграниченія органовъ общественной и государственной власти отъ юридическихъ лицъ, смѣшеніе однихъ послѣднихъ съ другими встрѣчается, къ сожалѣнію, довольно часто, съ вредными послѣдствіями для казны и частныхъ лицъ.

В. Открытіе наслѣдства и переходъ его къ наслѣдникамъ.

До сихъ поръ мы разсматривали основанія, по которымъ имущество, по случаю смерти его владѣльца, можетъ законнымъ порядкомъ перейти къ другимъ лицамъ, на томъ или другомъ правѣ. Остается разсмотрѣть, какимъ образомъ такой переходъ совершается.

Передача правъ и фактическаго вла-

ествомъ между живыми лицами проис-
ъ, сравнительно, довольно просто. До-
льно или при помощи органовъ пуб-
й власти, облеченной правомъ принуж-
ія, право и самое владѣніе передаются
режняго владѣльца новому, и какъ пер-
такъ и послѣднее становится достоя-
новаго хозяина. Далеко не такъ прость
ходъ имущества отъ умершихъ къ остаю-
мъ, въ видѣ наслѣдства. Послѣ смерти
нужно: 1) узнать, какое имущество
него осталось, и сохранить его; 2) при-
въ извѣстность, кто законные наслѣд-
и на какомъ основаніи имъ принадле-
право на наслѣдованіе, а также въ
состоитъ передаваемыя имъ права на
дство, и 3) передать наслѣдникамъ то,
должно принадлежать имъ по праву.
ый изъ этихъ трехъ главныхъ момен-
перехода имуществъ при наслѣдованіи
ляется множествомъ случайностей и,
сказать, входныхъ обстоятельствъ, ко-
должны быть предусмотрѣны закономъ
рѣшены правильнымъ и справедливымъ
омъ, въ интересахъ наслѣдниковъ и по-
нихъ лицъ и условій правильнаго, ор-
ованнаго сожительства. Вотъ что дѣ-
процессъ перехода наслѣдства весьма
ымъ, требующимъ установленія много-
ныхъ и подробныхъ юридическихъ
дѣленій и правилъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Открытіе наслѣдства.

слѣдство открывается съ того момента,
прекращаются всѣ принадлежавшія
права и обязанности имущественнаго
тера. Это можетъ произойти троякимъ
омъ: вслѣдствіе смерти, лишенія всѣхъ
состоянія и вступленія въ монашество
гражд., ст. 1222, 1223). Съ наступле-
этого момента, оставшееся имущество
ло перейти въ другія руки. Это и есть
тіе наслѣдства.

рвыя дѣйствія по открытіи наслѣдства
ютъ въ сохраненіи оставшагося имуще-
а въ приведеніи къ извѣстности кому
олжно перейти (зак. гражд., ст. 1224 и
).

язанность охраненія наслѣдственнаго
ества лежитъ на мировомъ судьѣ, въ
участкѣ котораго оно находится. По его поруче-
нію, судебный приставъ составляетъ опись оставшагося имущества, опечатываетъ его и сберегаетъ до явки наслѣдниковъ (уст. гражд. суд., ст. 1403). Это общее правило требуетъ поясненія.

Опись установляетъ фактическое состояніе имущества въ то время, когда наслѣдство открылось. Она, слѣдовательно, необходима при малѣйшемъ сомнѣніи въ томъ, кому наслѣдство достанется, и не нужна, когда никакихъ въ этомъ отношеніи сомнѣнія нѣтъ, что возможно только въ томъ случаѣ, когда всѣ наслѣдники во время открытія наслѣдства находятся налицо. Поэтому въ законѣ и сказано, что опись оставшемуся имуществу производится: 1) когда при открытіи наслѣдства наслѣдниковъ налицо не будетъ, и 2) когда имущество послѣ умершаго должно, по закону, поступить въ опекунское управленіе. Но движимому имуществу опись должна быть производима во всякомъ случаѣ, когда нѣкоторые изъ наслѣдниковъ въ отсутствіи, или есть сомнѣніе, что всѣ они налицо (зак. гражд., ст. 1226 и прим.).

Охраненіе имущества послѣ умершаго, до окончательнаго перехода его къ лицамъ, имѣющимъ на него право, принадлежитъ, по существу дѣла, къ первымъ дѣйствіямъ по открытіи наслѣдства, но оно падаетъ, смотря по обстоятельствамъ, на самихъ наслѣдниковъ, или на органы публичной власти, а въ извѣстныхъ случаяхъ—на лица, заступающія ихъ мѣсто въ минуту открытія наслѣдства. Охраненіе наслѣдства лежитъ на наслѣдникахъ, когда они налицо, и имъ сдается; оно падаетъ на органы публичной власти, или заступающихъ ихъ мѣсто, когда наслѣдники отсутствуютъ, или когда наслѣдство не можетъ быть сдано наслѣдникамъ въ виду закона или въ интересахъ другихъ наслѣдниковъ или третьихъ, постороннихъ лицъ.

Одною изъ мѣръ охраненія движимаго имущества является опечатаніе, которое прекращаетъ возможность его употреблять и имъ пользоваться. Когда движимости сдаются наслѣдникамъ, то они, само собою разумѣется, не подвергаются опечатанію. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдство не можетъ быть, по той или другой причинѣ, сдано на храненіе наслѣдникамъ, не все движимое имущество опечатывается, а только то, пользованіе которымъ можетъ быть прекращено безъ ущерба для наслѣдства. Инвентарь фаб-

рики, завода, селы хозяйственнаго имѣнія, даже дома, въ которомъ есть жилыя квартиры, не можетъ быть опечатанъ, безъ остановки дѣла, въ ущербъ наслѣдниковъ; очевидно, домашнія животныя и т. п. тоже не могутъ быть опечатаны (ср. зак. гр., ст. 1238 п. 1—3).

Вообще говоря, храненіе имущества, смотря по его свойству и по обстоятельствамъ, можетъ быть и очень легко и просто, или напротивъ, весьма трудно, хлопотливо и убыточно. Деньги легко положить въ банкъ и хранить вкладной на нихъ документъ; другое дѣло хранить громоздкія вещи или подвергающіяся легко и скоро порчѣ; по отношенію къ нимъ обязанность храненія, возлагаемая закономъ на органы публичной власти, не должна быть толкуема слишкомъ буквально; ибо невозможно требовать, чтобы представитель публичной власти самъ, непосредственно, хранилъ наслѣдство и несъ на свой, казенный или общественный счетъ сопряженные съ тѣмъ расходы и издержки. Въ очень многихъ случаяхъ, храненіе должно быть поручено постороннимъ лицамъ, по уговору съ ними, за вознагражденіе и съ отнесеніемъ всѣхъ издержекъ на храненіе, иногда весьма значительныхъ, на счетъ наслѣдниковъ (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1225 § 2, стр. 334). Такимъ образомъ, обязанности органа публичной власти по охраненію наслѣдства сводятся собственно къ распоряженіямъ о его сохраненіи, и онъ только отвѣчаетъ передъ послѣдними за правильность, цѣлесообразность и обдуманность принятыхъ имъ мѣръ и сдѣланныхъ распоряженій.

Наконецъ, особенную важность для наслѣдниковъ и заинтересованныхъ третьихъ лицъ представляетъ самый первый моментъ открытія наслѣдства, именно когда владѣлецъ умираетъ. Необходимо въ эту самую минуту предохранить оставленное имъ имущество отъ расхищенія, въ лучшемъ случаѣ отъ невнимательнаго и небрежнаго съ нимъ обращенія. Нельзя не замѣтить, что новѣйшія правила охранительнаго судопроизводства, изданныя въ 1866 году и помѣщенныя въ уставѣ гражданскаго судопроизводства (ст. 1103 и слѣд.), оставляютъ этотъ предметъ мало разъясненнымъ и не даютъ хотя бы самыхъ общихъ указаній относительно того, какъ поступать въ такихъ случаяхъ. Прежнее наше законодательство относилось къ дѣлу внимательнѣе и заботливѣе. Въ сводѣ законовъ гражданскихъ содержался
правила о мѣрахъ къ охраненію имущ
тотчасъ послѣ смерти лица (зак. гр., ст.
и примѣч. по прод., ср. ст. 1237; ст.
Вообще же, о первыхъ мѣрахъ къ охр
имущества до прибытія органа зем
власти нѣтъ указаній въ нашихъ за
и правила охранительнаго судопроиз
не пополнили этого пробѣла: нѣтъ (
наго указанія, сохраняютъ ли свою
послѣ изданія правилъ охранительнаго
производства, статьи свода, предпис
такія правила въ нѣкоторыхъ осо
случаяхъ, какъ, напр., при смерти и
на кораблѣ и т. п. Что отъ недост
щихъ правилъ по этому предмету стр
и наслѣдники и третьи лица, не т
поясненія.

Наконецъ, къ сказанному объ ох
имущества должно прибавить, что за
все не возлагаетъ на органы публич
сти обязанности разыскивать и прив
извѣстность все имущество, принадле
умершему: она ограничивается лиш
неніемъ того, что при немъ находи
состояло въ непосредственномъ его за
ніи въ минуту смерти (Боровиковскій, р
къ ст. 1225 § 1, стр. 334).

Къ числу первыхъ же дѣйствій
крытія наслѣдства относится, какъ
выше, и вызовъ наслѣдниковъ. „Вы
слѣдниковъ дѣлается, въ указанныхъ
1230 законовъ гражданскихъ случа
распоряженію мироваго судьи, въ
коего наслѣдственное имущество нах
(уст. гр. суд., ст. 1401). Случаи эт
1) когда всѣ наслѣдники, или нѣкото
нихъ, находятся въ отсутствіи; 2) ко
шій оставилъ по себѣ капиталъ, вне
въ одно изъ государственныхъ кре
учрежденій; 3) когда не выкупилъ пр
заложенныхъ вещей въ ссудной казн
тательнаго дома и уже просроченны
гр., ст. 1239). Неудовлетворительн
устарѣлость этого закона бросается
Кто можетъ съ достовѣрностью рѣши
самомъ открытіи наслѣдства, нахо
всѣ наслѣдники налицо, или нѣкотор
нихъ отсутствуютъ? Мировой судья
жетъ знать объ этомъ иначе, какъ
хамъ или по личному убѣжденію.
дается до имущества, находящагося
дарственныхъ кредитныхъ учрежденій
обязательность вызова наслѣдниковъ

ществованіи такого имущества одинакова и въ томъ случаѣ, когда оно находится и въ частномъ кредитномъ учрежденіи. Въ виду этого, въ ограждение всякихъ правъ и всѣхъ интересовъ, правильнѣе было бы дѣлать вызовъ наслѣдниковъ послѣ каждаго умершаго, хотя бы въ минуту его смерти и не было извѣстно, осталось ли послѣ него какое-либо имущество, ибо легко можетъ случиться, что умершій, повидимому не оставившій послѣ себя никакого имущества, можетъ впослѣдствіи оказаться владѣльцемъ значительнаго состоянія.

„Мировой судья дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ или по просьбѣ частныхъ лицъ, или по заявленію полиціи, или же по требованію лицъ прокурорскаго надзора, либо начальства умершаго. Частныя лица имѣютъ право обращаться съ просьбою по сему предмету какъ къ судьѣ участковому, такъ и къ одному изъ живущихъ въ сосѣдствѣ почетныхъ мировыхъ судей" (зак. гр. суд., ст. 1402). По точному смыслу этого закона, мировому судьѣ не предоставлено права, по собственному почину, вызывать наслѣдниковъ. Это правило, строго вытекающее изъ того начала, что въ дѣлахъ гражданскихъ (къ которымъ отнесены и дѣла о наслѣдованіи) судья никакой инициативы имѣть не долженъ, можетъ нарушить несомнѣнныя права и интересы наслѣдниковъ и третьихъ лицъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе какой-либо случайности не найдется никого, кто бы потребовалъ вызова наслѣдниковъ. Вотъ почему такъ желательно, чтобы вызовъ наслѣдниковъ послѣ каждаго умершаго былъ предписанъ общимъ, обязательнымъ правиломъ.

Вызовъ наслѣдниковъ дѣлается чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ (зак. гр., ст. 1239). Публикація дѣлается нѣсколько разъ, но сколько именно — не сказано (зак. гражд., ст. 1241).

Если мѣстопребываніе отсутствующихъ наслѣдниковъ извѣстно, то имъ дается знать объ открытіи наслѣдства, помимо публикаціи, и чрезъ полицію (зак. гр., ст. 1240). О смерти нижнихъ воинскихъ чиновъ публикаціи не дѣлается, но военные начальники извѣщаютъ наслѣдниковъ чрезъ мѣстную полицію (тамъ же, ст. 1239, примѣч. 1). Сохранятъ ли свою силу эти постановленія съ изданіемъ новыхъ правилъ объ охранительномъ судопроизводствѣ—не разъяснено.

Публикація о вызовѣ наслѣдниковъ имѣетъ весьма важное юридическое значеніе. Она поставляетъ преклюзивный срокъ, по истеченіи котораго наслѣдники должны явиться и предъявить свои права на оставшееся имущество. По справедливому разъясненію кассац. сената, срокъ этотъ назначается для отсутствующихъ наслѣдниковъ, т.-е. тѣхъ, которые могли не знать объ открытіи наслѣдства, со дня послѣдней публикаціи, а для наличныхъ—со дня открытія наслѣдства (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1241, §§ 1 и 2, стр. 341). Срокъ явки наслѣдниковъ полугодовой (зак. гражд., ст. 1241). По истеченіи этого срока, явившіеся наслѣдники вступаютъ „во владѣніе" наслѣдствомъ. Права прочихъ, не явившихся, этимъ не погашаются, но юридическое положеніе ихъ становится хуже, нежели наличныхъ: имъ уже приходится вести судебнымъ порядкомъ дѣло противъ явившихся въ срокъ и вступившихъ „во владѣніе" наслѣдствомъ и доказывать свои права на наслѣдство, такъ какъ явившіеся въ срокъ имъ уже „владѣютъ". Ниже будетъ объяснена крайняя неудовлетворительность правилъ о передачѣ наслѣдства явившимся и находящимся налицо наслѣдникамъ, и по существу и по редакціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Утвержденіе наслѣдниковъ въ правахъ наслѣдованія.

Чтобы вступить въ права наслѣдованія, мало явиться въ срокъ и предъявить свои права: надобно, чтобы эти права были признаны публичною властью. Такимъ образомъ, за мѣрами охраненія имущества и вызовомъ наслѣдниковъ слѣдуетъ признаніе ихъ законными наслѣдниками оставшагося имущества, другими словами, утвержденіе ихъ въ правахъ наслѣдованія. Оно возложено на судебную власть, именно на окружные суды, которые разсматриваютъ эти права и утверждаютъ ихъ къ исполненію, т.-е. разрѣшаютъ наслѣдникамъ имя воспользоваться, ихъ осуществить на дѣлѣ, если по разсмотрѣніи окажется, что эти права дѣйствительно и законно имъ принадлежатъ.

Такое утвержденіе наслѣдниковъ въ правахъ по существу дѣла не есть безусловное, а только относительное. Утверждая наслѣдниковъ, судъ не признаетъ, что права ихъ несомнѣнны и безповоротны; онъ этимъ только

высказываетъ, что съ точки зрѣнія закона нѣтъ препятствія къ оставленію наслѣдства за тѣмъ, кто предъявилъ на него свои права, не отнимая ни у кого возможности ихъ опровергать и доказывать, что его права больше и лучше. Съ общей точки зрѣнія совершенно безразлично, получитъ ли наслѣдство А или Б.; весь интересъ общества и публичной власти состоитъ только въ томъ, чтобы тотъ изъ нихъ получилъ наслѣдство, который дѣйствительно имѣетъ на него законныя права. Разсматривая представленныя ему доказательства и основанія правъ и не находя, съ точки зрѣнія закона, что-либо противъ нихъ возразить, судъ предоставляетъ заинтересованнымъ лицамъ самимъ указать и доказать, въ своихъ интересахъ, неосновательность и ложность предъявленныхъ правъ и преимущество права на наслѣдство, которое эти лица себѣ присвоиваютъ (зак. гр., прилож. къ ст. 1012 примѣч., ст. 21, 22, 23. Боровиковскій, разъясн. къ ст. 22 § 3, стр. 784. Зак. гр., тамъ же, ст. 35. Боровиковскій, разъясн. къ этой ст. §§ 1—3). Вслѣдствіе этого, и послѣ утвержденія наслѣдниковъ судомъ въ правахъ, законъ допускаетъ споры и тяжбы о наслѣдствѣ, до истеченія срока общей земской 10-тилѣтней давности, по наступленіи котораго право отыскивать наслѣдство, какъ бы ни были несомнѣнны и неопровержимы права на него, погашается совсѣмъ (зак. гр., ст. 1246).

Утвержденіе наслѣдниковъ въ правахъ, въ объясненномъ выше условномъ смыслѣ, есть весьма сложный актъ, различный, смотря по основаніямъ наслѣдственныхъ правъ, и потому необходимо разсмотрѣть его подробнѣе.

Утвержденію наслѣдниковъ въ правахъ должно, конечно, предшествовать ихъ предъявленіе и разсмотрѣніе.

Отд. I. Предъявленіе правъ на наслѣдованіе.

Права на наслѣдованіе должны быть предъявлены, иначе судъ не можетъ войти въ ихъ разсмотрѣніе. Судъ не розыскиваетъ наслѣдниковъ, а только даетъ, чрезъ публикацію, возможность воспользоваться правами наслѣдованія каждому, кто ихъ имѣетъ.

Предъявленіе правъ на наслѣдованіе бываетъ различно, смотря по тому, основаны они на завѣщаніи, или на порядкѣ наслѣдованія по закону. Наслѣдники по закону должны удостовѣрить, что они находились съ умершимъ въ отношеніяхъ, дающихъ имъ право получить послѣ него наслѣдство (зак. гр. 1162, 1163. Боровиковскій, разъясн. къ 35 прилож. къ ст. 1012, примѣч. стр. 789; къ ст. 1100 стр. 298; къ стр. 301 и 302); представленіе же наслѣдованіе по завѣщанію состоитъ въ явленіи суду завѣщательнаго акта. Дѣлается тѣми, у кого онъ находится: самими наслѣдниками, или ними лицами, у которыхъ оно храни оно находится на храненіи у дов лица, или въ правительственномъ у или найдено между бумагами и ве койнаго при описи оставшагося имущества, то имѣющіе его у себ публичной власти обязаны выдать значенію, или препроводить въ суд ст. 1061, 1062, 1233; прилож. къ примѣч., по прод., ст. 18 и 19).

„Срокъ для явки завѣщаній полаг пребывающихъ въ Россіи годовой, ходящихся за границею двухгодич тая отъ дня кончины завѣщателя" ст. 1063). „По истеченіи сего срок нія къ явкѣ не пріемлются, а оста тожными" (тамъ же, ст. 1065). „ наслѣдникъ по завѣщанію можетъ вить неопровержимыя доказатель срокъ для явки пропущенъ или по ности о существованіи завѣщанія другой законной причинѣ: въ такомъ оставляется ему право иска до исте щей земской давности, считая он со дня смерти завѣщателя" (тамъ же).

При важности предъявленія зав опредѣленный срокъ и тяжкихъ до совъ наслѣдника послѣдствіяхъ не этого правила, было бы необходимо какой отвѣтственности подвергаются и должностныя лица и публичныя уч которыя, имѣя завѣщаніе у себя на по небрежности или умышленно, н дутъ его въ судъ по публикаціи о н слѣдниковъ, или въ теченіе года, въ продолженіе десяти лѣтъ. Къ с ни въ законѣ, ни въ разъясненіях сената нѣтъ по этому предмету никак заніи. Сказано только, что „въ случ наслѣдникомъ по закону завѣщанія наго въ пользу другого лица — пос томъ основаніи, какъ законами поста самовольномъ завладѣніи" (зак. гр.,

Отд. II. Разсмотрѣніе прав слѣдованіе.

бязанъ прежде всего удостовѣриться, ѣльно ли имѣютъ право на наслѣдо- лица, которыя предъявили свои на ава. Удостовѣреніе не состоитъ въ ваніи, кто имѣетъ лучшія права: до- то есть дѣло самихъ наслѣдниковъ, сованныхъ въ полученіи наслѣдства. ѣдѣлитъ только, на основаніи предъ- къ ему данныхъ, въ какой мѣрѣ за- наслѣдниками права согласны, по рмѣ и по своему содержанію, съ тре- и закона; судъ, при разсмотрѣніи слѣдниковъ, не принимаетъ на себя щитника правъ и интересовъ част- цъ, а дѣйствуетъ лишь въ качествѣ глашатая закона, его требованій и ній. Имѣніе не названо родовымъ въ ли, или прямо названо благопріобрѣ- , а на самомъ дѣлѣ оно родовое: изслѣдуетъ, какое оно на самомъ ли правильно ли оно названо благо- ѣннымъ, предоставляя самимъ на- мъ, въ своихъ интересахъ, разъяс- обстоятельство судебнымъ поряд- к. гр., ст. 1099, 1102); но въ завѣ- мѣніе названо родовымъ и оно отка- чужеродцу: этого судъ допустить не такъ какъ родового имущества завѣ- ѣродцу, по нашимъ законамъ, нельзя, не утверждаетъ такого завѣщатель- споряженія, предоставляя заинтере- мъ лицамъ доказать на судѣ, что имѣ- ано родовымъ по ошибкѣ, что оно обрѣтенное и завѣщатель могъ его кому хотѣлъ. Или, послѣ умершаго сыновья и племянники, но изъ нихъ послѣдніе предъявили свои права на ѣво, а первые нѣтъ: судъ не входитъ лѣдованіе, нѣтъ ли у умершаго сыно- почему они не предъявили своихъ признаетъ наслѣдниками племянни- редоставляя сыновьямъ самимъ озабо- своихъ правахъ. Дѣло суда—огра- исполнить законъ; а доказать, что за- етъ право тому, а не другому лицу— хъ лицъ, а не суда.

сложно и требуетъ объясненія раз- ле правъ на наслѣдованіе по завѣ- Завѣщаніе подлежитъ разсмотрѣнію со стороны формы, и со стороны со- . Форма завѣщанія служитъ только стовѣренія подлинности заключаю- ъ немъ распоряженій умершаго. По- при разсмотрѣніи завѣщанія первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію суда, есть тотъ, соблюдены ли въ завѣщаніи всѣ формы, предписанныя закономъ и обезпечивающія несомнѣнную подлинность выраженной въ немъ воли умершаго. О различіи въ этомъ отношеніи нотаріальныхъ (крѣпостныхъ) и домашнихъ завѣщаній, а также о вліяніи отступленій отъ установленныхъ формъ на признаніе подлинности завѣщаній было говорено выше. Второй уже затѣмъ вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію суда, когда первый разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, есть тотъ, законны ли сдѣланныя въ завѣщаніи распоряженія, съ точки зрѣнія закона, а не интересовъ и правъ частныхъ лицъ? Отъ всякаго зависитъ воспользоваться или не воспользоваться имущественнымъ правомъ, принадлежащимъ ему по закону, и потому на обязанности суда лежитъ только ограждать неприкосновенность закона, не входя въ разбирательство правъ наслѣдниковъ и другихъ лицъ на наслѣдство, иначе, какъ по требованію о томъ самихъ заинтересованныхъ лицъ (зак. гр., прилож. къ ст. 1012, примѣч. по прод., ст. 22. Боровиковскій, разъясн. къ этой ст., § 3, стр. 784).

По различію формы завѣщаній нотаріальныхъ (крѣпостныхъ) и домашнихъ и самая процедура разсмотрѣнія ихъ въ судѣ различна. При разсмотрѣніи нотаріальныхъ (крѣпостныхъ) завѣщаній судъ удостовѣряется, простымъ осмотромъ документа, соблюдены ли формы, предписанныя закономъ для составленія (или засвидѣтельствованія) завѣщаній такого рода. Провѣрка правильности всѣхъ дѣйствій нотаріуса или суда, совершившаго или засвидѣтельствовавшаго завѣщаніе, не производится, и она не имѣла бы смысла, такъ какъ нотаріусы и суды — органы публичной власти, дѣйствія которыхъ подвергаются повѣркѣ только въ такомъ случаѣ когда будетъ доказано, что эти дѣйствія были совершены неправильно, несогласно съ требованіями закона; но доказать это обязаны заинтересованныя лица: самъ собою судъ въ это не вступается. Кромѣ того, возможенъ и такой случай, что представленное суду завѣщаніе, имѣющее форму нотаріальнаго или крѣпостного, на самомъ дѣлѣ никакимъ нотаріусомъ или судомъ совершено или засвидѣтельствовано не было, что оно подложное. Доказать это есть тоже дѣло заинтересованныхъ лицъ. Такимъ образомъ, судъ предпринимаетъ провѣрку нотаріальнаго (крѣпостного) завѣщанія

не иначе, какъ по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ и по предоставленіи ими доказательствъ, дающихъ ему законное основаніе усомниться въ правильности или подлинности завѣщанія (зак. гр., ст. 1099).

Совѣтъ иначе поступаетъ судъ при разсмотрѣніи домашняго завѣщанія. Послѣднее совершено безъ участія органа публичной власти и есть частный актъ, подлинность и достовѣрность котораго, для признанія ему публичнаго характера и обязательной юридической силы, должны быть провѣрены. Провѣрка и дѣлается судомъ и состоитъ какъ въ осмотрѣ завѣщанія, съ цѣлью удостовѣриться, соблюдены ли при его составленіи всѣ предписанныя закономъ формы, такъ и въ допросѣ безъ присяги лицъ, участвовавшихъ въ его составленіи въ качествѣ свидѣтелей и руко-прикладчиковъ за завѣщателей (зак. гр., прилож. къ ст. 1012, примѣч. по прод., ст. 24, Бороникovскій, разъясн., стр. 785). По разъясненію кассац. сената, допросъ переписчика не обязателенъ (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1049, § 1, стр. 282). Всѣхъ свидѣтелей допрашивать нѣтъ надобности, достаточно допросить только такое ихъ число, какое требуется закономъ (зак. гр., ст. 1052). Смерть одного или даже всѣхъ свидѣтелей и, слѣдовательно, невозможность ихъ допросить не можетъ служить препятствіемъ къ признанію завѣщанія подлиннымъ (тамъ же).

Разсмотрѣніе законности содержащихся въ завѣщаніи распоряженій есть, такъ сказать, второй актъ дѣятельности суда по разсмотрѣнію и утвержденію завѣщаній. Здѣсь, кромѣ уже сказаннаго выше о завѣщательныхъ распоряженіяхъ и о юридическомъ значеніи и характерѣ признанія завѣщанія, со стороны суда, законнымъ, необходимо объяснить еще слѣдующее:

Чтобы признать законнымъ завѣщательное распоряженіе, выраженное въ подлинномъ и достовѣрномъ духовномъ завѣщаніи, необходимо, прежде всего, чтобъ оно было точно и ясно выражено, чтобъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что хотѣлъ завѣщатель сказать. „Недѣйствительны завѣщанія (правильнѣе было бы сказать завѣщательныя распоряженія), учиненныя съ очевидною ошибкою въ лицѣ или въ самомъ имуществѣ завѣщаемомъ“ (зак. гр., ст. 1026). Но это правило влекущее за собою такія важныя послѣдствія, выражено темно и можетъ подать поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Что значитъ „очевидная“ ошибка: то ли, что [illegible] знать, кого и что именно разумѣлъ [illegible] тель, или и то, когда онъ хотя и [illegible] ошибку въ имени или названіи, [illegible] не оставляетъ сомнѣнія въ его [illegible] номъ намѣреніи и волѣ. У меня [illegible] и одно имѣніе; но сына Дмитрія я [illegible] Петромъ, или имѣніе при сельцѣ Ив[illegible] звалъ имѣніемъ при сельцѣ Варвар[illegible] дѣтъ ли такая очевидная ошибка [illegible] нымъ основаніемъ для признанія моего [illegible] тельнаго распоряженія недѣйствит[illegible] Кассаціонный сенатъ подымалъ было [illegible] просъ, но не разрѣшилъ его, повто[illegible] своемъ разъясненіи буквально тѣ [illegible] выраженія закона, которыя подаютъ [illegible] къ недоумѣнію (Боровиковскій, разъ[illegible] 1026 § 1, стр. 275). Мы думаемъ, [illegible] „очевидною“ ошибкою слѣдуетъ [illegible] лишь такую, при которой невозможно [illegible] чего именно хотѣлъ завѣщатель. Но [illegible] тельное распоряженіе о пожертвов[illegible] признается и по закону недѣйствит[illegible] хотя бы оно было сдѣлано безъ точ[illegible] занія предмета, даже и безъ указан[illegible] денія или лица, въ распоряженіе [illegible] отдается завѣщанное (зак. гражд., [illegible] по прод.; ср. ст. 1026, Боровиковскій, [illegible] къ этой статьѣ § 5, стр. 275).

Далѣе: можно ли признать завѣщ[illegible] распоряженіе законнымъ, когда за[illegible] имущество измѣнилось въ формѣ, [illegible] самыхъ свойствахъ? Едва ли можно [illegible] ваться въ томъ, что и въ этомъ [illegible] должно сохранять свою силу; ибо [illegible] при такихъ обстоятельствахъ, не [illegible] оставляется, а то, кому оставляется. [illegible] такъ смотритъ на дѣло и кассація [illegible] нялъ. Въ разъясненіяхъ своихъ онъ [illegible] мысль, что распоряженіе должно быть [illegible] дено, хотя бы форма наслѣдственн[illegible] щества измѣнилась противъ означ[illegible] завѣщаніи, если только видно, ка[illegible] наслѣдства умершій желалъ предоста[illegible] лицу, въ пользу котораго данное и[illegible] оставляется; что отказъ имущества [illegible] щанію въ общую собственность нѣс[illegible] лицъ, безъ означенія доли каждаго, [illegible] можетъ служить основаніемъ къ [illegible] завѣщательнаго распоряженія дѣлс[illegible] нымъ, такъ какъ предполагается, [illegible] дому назначено по равной долѣ; что [illegible] ковании завѣщанія слѣдуетъ имѣть [illegible] не то положеніе, въ какомъ имущес[illegible]

...ѣлія находилось въ моментѣ составленія, ...о, въ какомъ оно оказывается въ моментъ ...рти завѣщателя (Боровиковскій, разъясн. ...ст. 1010 § 4 и къ ст. 1026 §§ 2 и 3, стр. ...7 ... и 275). На этомъ основаніи, по разъясне...ямъ кассаціоннаго сената, подъ выраже...мъ „все" имущество, „весь капиталъ", слѣ...ъ разумѣть и то, что пріобрѣтено послѣ ...ставленія завѣщанія, и наслѣдники отвѣ...ютъ по обязательствамъ, заключеннымъ за...щателемъ послѣ составленія завѣщанія (Бо...виковскій, разъясн. къ ст. 1027 § 1, стр. ...5 и 276; къ ст. 1259 § 14, стр. 3531. Кромѣ ...го, кассаціонный сенатъ весьма правильно ...разъяснилъ, что право представленія къ на...слѣдованію по завѣщанію не примѣняется, ...другими словами, что нисходящее потомство ...ына, умершаго до открытія наслѣдства, не ...мѣетъ, по началу представленія, права на ...о имущество, которое этому лицу отказано ...по завѣщанію (Боровиковскій, разъясн. къ ...ст. 1010 § 2, стр. 267; къ ст. 1123 § 3, стр. ...505).

Наконецъ — и это весьма важно — судъ, признавая завѣщательныя распоряженія, не дѣ...лаетъ никакого постановленія о тѣхъ ча...стяхъ имущества, о которыхъ нѣтъ въ завѣ...щаніи никакихъ распоряженій; эти части, обой...денныя молчаніемъ въ завѣщаніи, остаются въ пользу наслѣдниковъ по закону и переходятъ къ нимъ порядкомъ, постановленнымъ для такого наслѣдованія (зак. гражд., ст. 1110 и. 2. Боровиковскій, разъясн. къ этой ст., § 1, стр. 301).

Отд. III. Утвержденіе въ правахъ наслѣдованія. Юридическія послѣдствія утвержденія.

Выше было объяснено, что признаніе судомъ правъ наслѣдованія извѣстныхъ лицъ послѣ умершаго есть только условное и не лишаетъ заинтересованныхъ лицъ права доказывать свои права на наслѣдованіе. Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть: въ чемъ состоитъ такое условное признаніе? когда оно наступаетъ? какія его юридическія послѣдствія? Разрѣшить эти вопросы тѣмъ болѣе необходимо, что и въ законѣ и въ разъясненіяхъ кассаціоннаго сената замѣчается, по отношенію къ нимъ, нѣкоторая неопредѣленность, могущая подать поводъ къ недоумѣніямъ.

Что касается наслѣдованія по завѣщанію, то утвержденіе наслѣдниковъ въ правахъ въ силу завѣщательнаго акта и его послѣдствія опредѣлены въ законѣ и разъяснены кассаціонной практикой довольно подробно. Завѣщаніе утверждается опредѣленіемъ суда (зак. гражд., прилож. къ ст. 1012, примѣч. по прод., ст. 20, 29). „Объ утвержденіи или неутвержденіи завѣщанія дѣлается надпись на представленномъ къ утвержденію подлинномъ завѣщаніи или выписи" (тамъ же, ст. 28). Затѣмъ, объ утвержденіи завѣщанія дѣлается публикація (тамъ же, ст. 30), и наслѣднику передается наслѣдство: недвижимое посредствомъ ввода во владѣніе, движимое — посредствомъ передачи по описи (зак. гражд., ст. 1098, 1097, 1296, 1297). О вводѣ во владѣніе дѣлается особая публикація (уст. гражд. судопр., ст. 1431). Этимъ различіемъ утвержденія въ правахъ наслѣдованія и передачи самого наслѣдства, введеннымъ новыми правилами, послѣ изданія судебныхъ установъ, сдѣланъ важный шагъ къ необходимому точному разграниченію правъ на наслѣдованіе отъ правъ на наслѣдство. По прежнимъ правиламъ такого разграниченія не было, и публикація дѣлалась вмѣстѣ и объ утвержденіи завѣщанія и о вводѣ во владѣніе завѣщаннымъ имуществомъ (зак. гражд., ст. 1098; Боровиковскій, разъясн. § 4 къ прилож. къ ст. 1012, примѣч. по прод., ст. 35).

Изложенный порядокъ соблюдается въ томъ случаѣ, когда завѣщаніе или завѣщательныя распоряженія не вызываютъ ни споровъ между наслѣдниками, ни жалобъ на дѣйствія суда. Когда же возникаютъ споры и жалобы, порядокъ этотъ значительно осложняется и видоизмѣняется. „Для предъявленія какъ исковъ (о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ и объ утвержденіи завѣщанія), такъ и всѣхъ вообще споровъ противъ завѣщаній, назначается 2-хъ лѣтній срокъ. Онъ исчисляется со дня публикаціи объ утвержденіи завѣщанія къ исполненію, а для исковъ объ утвержденіи завѣщанія — со дня объявленія опредѣленія окружнаго суда или судебной палаты объ оставленіи завѣщанія безъ утвержденія. Для малолѣтнихъ 2-хъ лѣтній срокъ считается со дня вступленія ихъ въ совершеннолѣтіе" (зак. гражд., прилож. къ ст. 1012, примѣч. по прод., ст. 35; ср. ст. 1098).

Двухгодичный срокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, никакъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ срокомъ, установленнымъ для предъявленія правъ на наслѣдованіе, основанныхъ на завѣщательномъ актѣ. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго. Не предъявившій завѣщанія въ теченіе года

или двухъ лѣтъ) теряетъ право на наслѣдованіе, основанное на завѣщаніи: напротивъ, не предъявившій въ теченіе двухъ лѣтъ иска или спора противъ утвержденія или неутвержденія завѣщанія, теряетъ право начать такой споръ или искъ. Первый срокъ относится къ предъявленію правъ, второй — къ утвержденію въ правахъ. Относительно погашенія 2-хъ лѣтнею давностью исковъ и споровъ по утвержденію въ правахъ наслѣдованія, основанныхъ на завѣщаніи, кассаціоннымъ сенатомъ сдѣланы слѣдующія весьма важныя разъясненія: 1) „значеніе этого (2-хъ годичнаго срока) заключается въ томъ, что 2-хъ годичною давностью погашаются всѣ споры относительно формальной, обрядной стороны завѣщанія"; и 2) „срокъ этотъ имѣетъ въ виду споры противъ дѣйствительности завѣщанія какъ завѣщательнаго акта и не относится до споровъ противъ законности того или другого завѣщательнаго распоряженія. Къ этимъ, безспорно-правильнымъ разъясненіямъ кассаціонный сенатъ присовокупилъ другія, правильность которыхъ очень сомнительна. Таково утвержденіе, что двухгодичный срокъ имѣетъ приложеніе только въ такомъ случаѣ, „когда права, основанныя на завѣщаніи, осуществлены вводомъ во владѣніе и вообще фактическимъ вступленіемъ въ обладаніе завѣщаннымъ имуществомъ". Такое толкованіе могло имѣть мѣсто при дѣйствіи прежнихъ правилъ, въ силу которыхъ публикація дѣлалась заодно и объ утвержденіи завѣщанія и о вводѣ во владѣніе, а не въ 1875 году, послѣ того, какъ временными правилами о духовныхъ завѣщаніяхъ предписано публиковать особо объ утвержденіи завѣщанія и о вводѣ во владѣніе наслѣдствомъ. Также ошибочно разъясненіе, будто „споръ противъ завѣщанія можетъ быть предъявленъ только наслѣдниками завѣщателя по закону, ибо только ихъ права могутъ быть нарушены завѣщательными распоряженіями"; права однихъ наслѣдниковъ по завѣщанію могутъ быть нарушены другими наслѣдниками по завѣщанію же, когда утверждено завѣщаніе прежде составленное или домашнее, въ пользу одного лица, а есть и въ пользу другого завѣщаніе позднѣйшее или нотаріальное (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1012, примѣч. по прод., ст. 35, §§ 1—3 и 5, стр. 787—789).

Сообразно закономъ и разъясненіями кассаціоннаго сената опредѣлено и юридическое положеніе наслѣдства въ продолжен
и споровъ по завѣщанію или завѣщат
распоряженіямъ. Если споръ по
утвержденія завѣщанія или до пер
слѣдства по владѣніе наслѣдника.
утвержденіе завѣщанія отлагается
шенія спора, а наслѣдство поступает
кѣдываніе опеки; но если наслѣдник
вѣщанію уже владѣетъ наслѣдствен
ществомъ въ то время, когда нач
или споръ, то наслѣдство отъ него
рается и остается въ его владѣ
него налагается запрещеніе. Един
изъятіе изъ этого правила дѣлается
тельно родоваго имущества, отказа
жеродцу по завѣщанію; такое им
хотя бы наслѣдникъ имъ уже влад
дается въ опекунское управленіе (ст
ст. 1098, 1100; прилож. къ ст. 10
по прод., ст. 36 и 37).

И такъ, вопросы объ утвержденіи
вахъ наслѣдниковъ по завѣщанію и
дическихъ послѣдствіяхъ, отсюда
щихъ, разрѣшены, вообще говоря,
рительно въ нашемъ законодательс
саціонной практикой. Большія н
возбуждаетъ переходъ правъ на нас
ное имущество къ наслѣдникамъ
вслѣдствіе неясности закона и шат
саціонной практики по этому пред

Мы видѣли, что при самомъ отк
слѣдства принимаются мѣры къ о
оставшагося имущества и вызыв
слѣдники. Для чего дѣлается их
Для того, чтобы всячески отградить
тересы возможно скорою передаче
ства въ ихъ руки: ибо наслѣдни
чѣмъ кто-либо посторонній могутъ
наслѣдство, вести дѣла умершаго
пуская ихъ до разстройства. Въ
дахъ, для явки наслѣдниковъ на
сравнительно короткій (полугодовой
постановлено: наличнымъ, явившим
срокъ наслѣдникамъ передавать и
вание оставшіяся послѣ умершаго и
и дѣла, впредь до того времени, по
на наслѣдство выяснятся и уже с
возможнымъ, съ гораздо большею
ностью, чѣмъ въ самый моментъ отк
слѣдства, установить кому оно дол
надлежать.

Но самое допущеніе наличныхъ
ковъ къ завѣдыванію имуществомъ
умершаго есть уже первое косвен

наліе ихъ въ правахъ наслѣдниковъ. Не всякій же встрѣчный-поперечный можетъ воспользоваться важнымъ преимуществомъ принять наслѣдство въ свое завѣдываніе; оно предоставляется только тѣмъ, которые завѣдомо всѣмъ суть наслѣдники; при малѣйшемъ сомнѣніи, при малѣйшемъ возраженіи со стороны прочихъ наслѣдниковъ, права претендента подвергаются предварительной поверхностной повѣркѣ, и только послѣ удостовѣренія, что онъ повидимому можетъ имѣть права на наслѣдство, онъ допускается, вмѣстѣ съ другими, или же и одинъ, къ управленію дѣлами и имуществомъ умершаго (сравн. Боровиковск., разъясн. къ ст. 1241, § 3, стр. 341). Опись, обязательная во всякомъ случаѣ,—есть ли, нѣтъ ли въ виду и налицо наслѣдникъ—должна служить обезпеченіемъ для тѣхъ, за кѣмъ будутъ впослѣдствіи признаны права на наслѣдство.

Послѣ этого перваго, предварительнаго, косвеннаго признанія правъ наслѣдниковъ, вынужденнаго необходимостью обезпечить цѣлость и сохранность наслѣдства, начинается уже обстоятельное установленіе ихъ правъ. Оно производится самимъ судомъ и заинтересованными сторонами при посредствѣ суда. Судъ, какъ охранитель закона, устраняетъ и объявляетъ недѣйствительными всѣ притязанія къ наслѣдству, которыя несогласны съ предписаніями и требованіями закона; заинтересованныя лица, съ своей стороны, представляютъ суду доказательства, на которыхъ основаны ихъ права на наслѣдство и, въ случаѣ столкновенія этихъ правъ, подвергаютъ ихъ разбирательству суда, который и рѣшаетъ, чьи права лучше. Этотъ второй періодъ признанія правъ на наслѣдство не довольно ясно различенъ отъ перваго—періода предварительнаго признанія правъ, въ видахъ сбереженія наслѣдства, откуда происходитъ запутанность закона и колебаніе практики кассаціоннаго сената. Второй періодъ оканчивается утвержденіемъ наслѣдниковъ въ правахъ и передачею наслѣдства во владѣніе и распоряженіе лицъ, признанныхъ судомъ за наслѣдниковъ. Если такихъ не окажется, или если до передачи во владѣніе между ними произойдетъ споръ, то наслѣдство берется въ опеку (зак. гражд., ст. 1164; ср. ст. 1145). За вторымъ періодомъ слѣдуетъ еще третій, окончательный, въ продолженіе котораго наслѣдники, не воспользовавшіеся своими правами на наслѣдованіе, могутъ еще ихъ предъявить. Періодъ этотъ продолжается до истеченія земской давности, послѣ чего всѣ права на наслѣдство и претензіи къ наслѣдникамъ, воспользовавшимся своими правами, погашаются и теряютъ юридическое значеніе.

О предварительномъ признаніи правъ наличныхъ наслѣдниковъ, выражающемся въ отдачѣ наслѣдства въ ихъ завѣдываніе, было уже сказано. Такъ какъ назначеніе такой передачи наилучшимъ образомъ оградить интересы наслѣдниковъ, кто бы они ни были, то слѣдовало бы точнымъ образомъ опредѣлить, во-1-хъ, какимъ именно наличнымъ наслѣдникамъ передается наслѣдство: тѣмъ ли только, которые находились налицо въ моментъ открытія наслѣдства, или же и тѣмъ, которые явятся по вызову въ полугодовой срокъ; во-2-хъ, на какихъ именно правахъ наслѣдство имъ передается: на правахъ ли наслѣдниковъ, или на правахъ хранителей, которые, какъ наиболѣе заинтересованные въ цѣлости наслѣдства и въ поддержаніи его въ хорошемъ видѣ, предпочитаются всѣмъ прочимъ хранителямъ изъ постороннихъ лицъ, и въ 3-хъ, съ какого момента наличные наслѣдники изъ хранителей и оберегателей наслѣдства превращаются въ его дѣйствительныхъ владѣльцевъ въ силу наслѣдственнаго права. Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не разрѣшенъ закономъ, и въ толкованіяхъ кассаціоннаго сената нѣтъ указаній для правильнаго ихъ разрѣшенія. Изъ нѣкоторыхъ рѣшеній можно заключить, что кассаціонный сенатъ смотритъ на передачу наслѣдства наличнымъ наслѣдникамъ только какъ на мѣру охраненія, но называетъ право этихъ наслѣдниковъ „владѣніемъ" и тѣмъ подаетъ поводъ къ ошибочнымъ толкованіямъ этихъ правъ; въ другихъ же рѣшеніяхъ сенатъ неправильно приписываетъ правамъ наличныхъ наслѣдниковъ характеръ дѣйствительнаго владѣнія. Такъ, сенатомъ разъяснено, что если имущество уже поступило „во владѣніе" наслѣдника, по праву законнаго наслѣдованія или по завѣщанію, то мѣры охраненія наслѣдства не могутъ имѣть мѣста, точно такъ же какъ и въ томъ случаѣ, когда наслѣдственное имущество уже поступило въ вѣдѣніе опеки, или, по несостоятельности наслѣдователя, въ вѣдѣніе конкурса, или уже находилось въ опекѣ въ моментъ смерти наслѣдователя (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1226, §§ 2 и 3, стр. 345). Здѣсь сопоставле-

ніе наслѣдниковъ, „владѣющихъ" наслѣдствомъ, съ опекой и конкурсомъ объясняетъ взглядъ сената на то, каково это „владѣніе"; а что рѣчь идетъ о моментѣ открытія наслѣдства, видно изъ того, что разъясненіе относится къ ст. 1226 объ описи и опечатаніи имущества, оставшагося послѣ умершаго: что сенатъ называетъ право явившихся наслѣдниковъ на наслѣдство „владѣніемъ", видно и изъ разъясненія, что „во владѣніе наслѣдствомъ вступаютъ ближайшіе изъ явившихся наслѣдниковъ, хотя бы и были другіе, болѣе близкіе, коль скоро тѣ по вызову не явились" (Бороникевскій, разъясн. къ ст. 1241 § 3, стр. 341). Неопредѣленность правъ явившихся наслѣдниковъ и отсутствіе точной разграничительной черты между завѣдываніемъ ими наслѣдственнымъ имуществомъ съ цѣлью охраненія и дѣйствительнымъ владѣніемъ, повело къ крайне вредному для наслѣдниковъ правилу въ самомъ законѣ, что наслѣдники по закону могутъ, до предъявленія спора, продавать и заложить наслѣдство, и такія распоряженія признаны дѣйствительными (зак. гражд., ст. 1301); въ практикѣ же кассаціоннаго сената по этому предмету замѣтно колебаніе и, между прочимъ, проглядываетъ мысль, что наслѣдники по закону, явившіеся въ теченіе 6-ти мѣсячнаго срока со времени вызова, вступаютъ въ дѣйствительное владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ (Бороникевскій, разъясн. къ ст. 1301, § 3, стр. 366 и 367).

Остается изложить порядокъ и правила формальнаго признанія правъ наслѣдниковъ по закону, которое должно непосредственно предшествовать передачѣ наслѣдства въ ихъ владѣніе. Въ этомъ отношеніи, между признаніемъ правъ наслѣдниковъ, уже допущенныхъ къ завѣдыванію наслѣдствомъ и не явившихся по вызову въ назначенный срокъ, есть весьма существенная разница. Первые уже предполагаются наслѣдниками; вторые должны еще доказать, что они имѣютъ право на наслѣдство, съ исключеніемъ или безъ исключенія прочихъ, уже вступившихъ въ управленіе имъ. На самомъ дѣлѣ, это различіе въ наибольшемъ числѣ случаевъ, совпадаетъ съ различіемъ наслѣдованія по закону и по завѣщанію, когда они вполнѣ и совершенно между собою расходятся. Завѣщаніе, какъ мы уже знаемъ, можетъ по существу содержащихся въ немъ завѣщательныхъ распоряженій, имѣть нѣсколько различныхъ значеній: оно можетъ идти совсѣмъ въ ра
съ порядкомъ наслѣдованія по зако
можетъ съ нимъ согласоваться въ об
главномъ, но отступать отъ него въ по
ностяхъ и частностяхъ, конечно въ п
цахъ и условіяхъ, предписанныхъ зак
наконецъ, завѣщательныя распоряж
гутъ и вполнѣ совпадать съ порядком
слѣдованія по закону. На какомъ осн
наслѣдники, явившіеся по вызову и
личные, могутъ вступить въ завѣдыван
слѣдствомъ? Очевидно не въ силу завѣ
а въ силу права наслѣдованія по зако
вѣщаніе еще требуетъ разсмотрѣнія и у
жденія къ исполненію, которое впереди
довательно, единственнымъ основаніемъ
допущенія наличныхъ наслѣдниковъ к
вѣдыванію наслѣдствомъ есть право н
дованія по закону, которое или всѣ
вѣстно, или легко можетъ быть выя
поверхностной повѣркой.

Изъ сказаннаго вытекаетъ рядъ в
важныхъ юридическихъ послѣдствій,
цихъ существенное значеніе для всей
цедуры формальнаго признанія правъ
крывшееся наслѣдство. Наслѣдники,
щенные до завѣдыванія наслѣдствомъ,
наслѣдники по закону, а не въ силу
щанія, и не доказываютъ уже потомъ с
правъ. Они остаются хранителями на
ства и завѣдывающими его дѣлами до
поръ, пока не окажется, что наслѣ
должно принадлежать другому, или др
лицамъ, имѣющимъ на него лучшія п
а если ничего подобнаго не окажется
ихъ завѣдываніе и управленіе наслѣд
само собою, безъ особаго юридическаго
ствія и распоряженія суда, превращает
владѣніе наслѣдствомъ и въ право на

Вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ
мать одно изъ основныхъ положеній на
ственнаго права въ европейскихъ зако
тельствахъ, что наслѣдство пріобрѣт
наслѣдникомъ, безъ особаго вступлен
права, съ момента смерти лица, остави
наслѣдство. Положеніе это выражает
нѣмецкомъ правѣ словами: der Todte
den Lebenden. Этому противоположно п
ло Наполеонова кодекса, который, ка
нашъ сводъ, напротивъ, вводитъ наслѣд
по закону во владѣніе. У римлянъ было
способа вступленія въ наслѣдство: въ
самаго наслѣдственнаго права для сви
слѣдниковъ ближайшихъ, домашнихъ;

е во владѣніе, т.-е. пріобрѣтеніе наслѣдства чрезъ его принятіе, для посторонних лицъ, и наконецъ, по распоряженію высшей власти, именно претора. Нельзя не замѣтить, что въ этихъ тонкихъ различеніяхъ способовъ пріобрѣтенія наслѣдства проявляется большая путаница понятій, которая, съ новыми осложненіями, перешла въ законы и въ разъясненія кассаціоннаго сената. Наслѣдованіе силою закона, вступленіемъ во владѣніе и по судебному опредѣленію смѣшивается между собою и только по недоразумѣнію разсматриваются какъ разныя формы одного и того же общаго начала—перехода наслѣдства отъ умершаго къ живымъ. Пока семья, хозяйство, составляли одно нераздѣльное цѣлое и передавалась только власть домовладыки, не было и не могло быть никакого судебнаго постановленія о переходѣ наслѣдства отъ умершаго къ живымъ; не могло также быть и вступленія во владѣніе наслѣдствомъ. Преданіе объ этомъ и сохранилось въ правилѣ, что свои, домашніе наслѣдники получаютъ силою закона, безъ вмѣшательства завѣщателя и безъ вступленія во владѣніе. Впослѣдствіи, когда нераздѣльность дома и хозяйства прекратилась, когда семейное и домашнее достояніе превратилось въ отдѣльное имущество членовъ семьи и завѣщаніе получило значеніе распоряженія имуществомъ, которое все болѣе и чаще отказывалось въ завѣщаніи не своимъ, домашнимъ, законнымъ наслѣдникамъ, а въ пользу чужихъ и посторонних, естественно возникло представленіе, что наслѣдникъ долженъ овладѣть наслѣдствомъ, какъ новое не подразумѣвалось, что каждый человѣкъ наслѣдуетъ послѣ умершаго; самъ собою дѣлался наслѣдникомъ только ближайшій домашній, близкій. Наконецъ, когда и основанія наслѣдованія по закону измѣнились, и къ нему, вмѣсто агнатовъ, стали призываться когнаты, а это преобразованіе совершилъ преторъ, облеченный юрисдикціей. Вступленіе и переходъ наслѣдства сталъ совершаться подъ контролемъ публичной власти, которая усилилась и начала устраивать судьбу наслѣдства сообразно съ своими воззрѣніями на общественныя нужды и пользы. И такъ различные способы вступленія въ наслѣдство объясняются исторіей; но уже у римлянъ, подъ конецъ, такое различіе утратило всякій смыслъ и продолжало удерживаться только по старой памяти. Юристы новыхъ народовъ, сперва мало знакомые съ исторіей римскаго развитія и интересовавшіеся преимущественно практическимъ примѣненіемъ римскаго права, совсѣмъ спутались въ этихъ различіяхъ и перемѣшали права, вытекающія изъ наслѣдованія, съ юридическими послѣдствіями перехода вообще имущества отъ одного лица къ другому. Такъ произошла по вопросу о формахъ признанія правъ наслѣдованія путаница, которая отразилась и въ нашемъ сводѣ и въ разъясненіяхъ сената. Только этимъ объясняется, почему въ наслѣдованіи по завѣщанію и по закону и въ правилахъ охранительнаго судопроизводства, относящихся къ наслѣдованію, говорится о вводѣ во владѣніе наслѣдованнымъ имуществомъ (зак. граж., ст. 1097, 1296, 1297) и о раздѣлѣ наслѣдства (тамъ же, ст. 1315—1345; уст. гражд. суд., ст. 1409—1423)—предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ наслѣдованію; ибо по какому бы юридическому основанію имущество ни перешло отъ одного собственника или владѣльца къ другому, оно, сдѣлавшись принадлежностью новаго лица, передается ему по правиламъ, постановленнымъ вообще для передачи имуществъ, не различая способовъ, какъ оно досталось, лишь бы они были законные. То же самое должно сказать и о раздѣлѣ наслѣдства: онъ ничѣмъ не отличается отъ раздѣла всякаго другого имущества, находящагося въ общей собственности, и говорить о немъ особо въ законахъ о наслѣдованіи нѣтъ никакой основательной причины. Объясняется же включеніе ввода во владѣніе и раздѣла въ этотъ отдѣлъ законовъ тѣмъ, что наши юристы, подобно европейскимъ, перемѣшали пріобрѣтеніе имущества съ признаніемъ въ правахъ на наслѣдованіе. Составители свода, повидимому, проводили мысль, что какимъ бы порядкомъ права на наслѣдство ни переходили къ наслѣдникамъ, они, во всякомъ случаѣ, должны быть утверждены за послѣдними судебною властью; но впали въ противорѣчіе, не узаконя положительнымъ правиломъ утвержденія для тѣхъ наслѣдниковъ, которые, явившись въ срокъ по вызову, вступили въ завѣдываніе и управленіе наслѣдствомъ. Кассац. сенатъ, не замѣтивъ этого важнаго пробѣла, разъяснилъ, относительно наслѣдниковъ по закону, что „переходъ наслѣдственныхъ правъ совершается... силою самого событія смерти наслѣдодателя. Для предпринятія какихъ-либо дѣйствій относительно наслѣдственнаго иму-

щества, не требуется со стороны лицъ, которыя имѣютъ наслѣдственное право, безусловно предварительнаго утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства. Поэтому лицо, имѣющее наслѣдственное право, можетъ—независимо отъ того, утверждено оно или не утверждено въ правахъ наслѣдства,—отыскивать наслѣдственное имѣніе изъ чужого владѣнія, заявить споръ противъ завѣщанія наслѣдодателя, предъявить искъ объ отысканіи наслѣдства, принять участіе въ дѣлѣ, касающемся наслѣдственнаго имущества, получить исполнительный листъ по состоявшемуся въ пользу наслѣдодателя судебному рѣшенію, отчуждать наслѣдственное имущество и т. п. Судъ не вправѣ отвергнуть право лица являться преемникомъ умершаго исключительно на томъ основаніи, что лицо это не утверждено въ правахъ наслѣдства, а долженъ войти въ разсмотрѣніе, можетъ ли это лицо, по представленнымъ имъ доказательствамъ и имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ, быть почитаемо преемникомъ правъ умершаго, по законамъ о наслѣдствѣ... Однакожъ есть случаи, когда утвержденіе въ правахъ наслѣдства необходимо для осуществленія наслѣдственныхъ правъ. Такъ, оно необходимо для полученія наслѣдникомъ охраненнаго наслѣдства, для полученія сдѣланнаго наслѣдодателемъ вклада въ городскіе общественные банки" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1254, § 1, стр. 345 и 346). Въ приведенныхъ разсужденіяхъ кассац. сената отразилось смѣшеніе различныхъ юридическихъ началъ, о которомъ сказано выше. Не подлежитъ сомнѣнію, что права наслѣдованія не требуютъ безусловно судебнаго утвержденія; но когда оно не нужно? Только въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ, явясь по вызову въ срокъ, получитъ наслѣдство въ свое завѣдываніе и управленіе. Разумѣется, судъ не всякому отдаетъ наслѣдство въ управленіе: онъ сначала разсмотритъ его права, а если явится нѣсколько наслѣдниковъ, то взвѣситъ, которымъ изъ нихъ можно отдать наслѣдство въ завѣдываніе и которымъ нельзя; напримѣръ, если явятся сыновья и братья умершаго, то судъ навѣрное устранитъ братьевъ и допуститъ сыновей. Во всякомъ случаѣ, къ завѣдыванію и управленію наслѣдствомъ будутъ допущены только тѣ, которые основываютъ свои права наслѣдованія на законѣ, а не на завѣщаніи, хотя бы завѣщаніе и было сдѣлано въ ихъ пользу, такъ какъ права наслѣдованія по завѣщанію требуютъ ...нія ихъ судомъ. Затѣмъ, не всѣ ... по закону могутъ обойтись безъ утверж... къ правахъ, а только тѣ, которые ... наслѣдство въ свое завѣдываніе и уп... ніе, ошибочно называемое въ нѣкот... статьяхъ свода гражд. закон. ...(наприм. ст. 1241); только для ... слѣдниковъ завѣдываніе и управле... собою, незамѣтно, переходитъ въ ... ственное право на наслѣдство, безъ ... утвержденія судомъ; ибо если наслѣдн... закону не получитъ наслѣдства въ уп... ніе, то ему придется доказывать свои ... на наслѣдованіе передъ судомъ, и су... рѣшеніе въ его пользу и будетъ утв... ніемъ его въ правахъ наслѣдованія. В... сужденіяхъ сената эта весьма важн... ропа дѣла осталась невыясненною. ... того, въ нихъ смѣшаны права наслѣ... съ имущественнымъ правомъ на насл... что еще увеличиваетъ сбивчивость ... денныхъ разсужденій и соображеній. ... наслѣдованія есть лишь юридическо... ваніе для пріобрѣтенія имуществ... правъ, которыя пріобрѣтаются и осущ... ются особыми способами, предписанн... закономъ для правъ имущественныхъ ... не различая ихъ законнаго основа... рейдетъ ли имущество къ новому лицу ... ствіе даренія, покупки, мѣны, выдѣл... щанія, наслѣдованія по закону или ... шаго срока давности—это безразл... всякомъ случаѣ, оно должно быть за... но за новымъ собственникомъ общ... рядкомъ, установленнымъ для прио... имущества въ собственность. Другое ... пріобрѣтеніе или полученіе законнаг... ванія на имущественное право. Когд... основаніе пріобрѣтается покупкою ... ною, способъ его пріобрѣтенія опред... законами объ обязательствахъ; когда ... лучается въ силу обязанности давать ... таніе и содержаніе—обязанность эт... новляется или правами семейственны... законами о вознагражденіи за нан... ущербъ и убытки; способы пріобрѣтен... наслѣдованія вслѣдствіе завѣщанія ... слѣдованія по закону опредѣляются з... о наслѣдованіи. Согласно съ тѣмъ, въ ... законодательства о наслѣдованіи р... жетъ идти о полученіи правъ на нас... ніе, а никакъ не о пріобрѣтеніи ... ственныхъ правъ на самое наслѣдс...

юръ противъ завѣщанія, предъявляя наслѣдствѣ, наслѣдникъ отыскиваетъ ва на наслѣдованіе, старается за- за собою законное основаніе, въ ораго имущественное право на на- должно принадлежать ему, а не но отыскивать наслѣдственное имѣ- чужого владѣнія, принимать участіе касающемся наслѣдственнаго иму- получить исполнительный листъ по ну рѣшенію въ пользу наслѣдователя, ъ наслѣдственное имущество, при- раненное наслѣдство, или вкладъ на- теля въ городскіе банки онъ можетъ только будучи уже обладателемъ о основанія для наслѣдованія: до порь онъ можетъ предпринимать дѣйствія только въ качествѣ завѣ- аго наслѣдственнымъ имуществомъ, нтеля. Исключенія допускаются лишь случаяхъ, когда отъ строгаго при- основнаго принципа могли бы суще- пострадать матеріальные интересы; исключенія допускаются не относи- дного наслѣдованія, а также и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при ительномъ исполненіи рѣшенія, еще дшаго въ окончательную законную ри предварительномъ обезпеченіи т. п. Кассац. сенатъ не обратилъ о вниманія на то обстоятельство, что случаи изъ подлежавшихъ его раз- ію вынуждаютъ допустить изъятія вного принципа, а не вытекаютъ по юридической логикѣ и, слѣдо- не ослабляютъ общаго правила. неблагопріятно повліяло на практику сената отсутствіе точнаго разгранич- авъ на наслѣдованіе отъ правъ на твенное имущество, видно изъ того, однимъ разъясненіямъ, утвержденіе никовъ въ правахъ не даетъ еще вещ- равъ на наслѣдственное имущество, ругимъ, напротивъ, утвержденіе въ признается равнозначительнымъ и веннымъ съ пріобрѣтеніемъ на на- имущественныхъ правъ. Такъ, по рѣшеніямъ „утвержденіе даннаго правахъ наслѣдства къ имуществу о относится не къ одной какой-либо слѣдства, но ко всей совокупности въ, правъ и обязательствъ, послѣ на- теля оставшихся, и наслѣдникамъ из- рода принадлежащихъ“... „Наслѣд- никъ, утвержденный въ правахъ наслѣдства только въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ наслѣдодателя, тѣмъ самымъ долженъ признаваться наслѣдникомъ не только по отношенію къ этимъ имѣніямъ, но и ко всѣмъ другимъ имѣніямъ и правамъ наслѣдователя“ (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1104 § 3, стр. 300). „Завѣщаніе служитъ лишь доказательствомъ перехода къ наслѣднику тѣхъ правъ, которыя принадлежали завѣщателю; само по себѣ, оно не доказываетъ еще, что завѣщателю дѣйствительно принадлежали тѣ права, которыя имъ завѣщаны. Поэтому, завѣщаніе можетъ служить основаніемъ для вводa во владѣніе лишь въ связи съ актомъ укрѣпленія, доказывающимъ право собственности завѣщателя, или въ связи съ доказательствами пріобрѣтенія завѣщателемъ даннаго имущества силою давности“ (тамъ же, разъясн. къ ст. 1097 § 1, стр. 297). Разъясненіе это относится не только къ наслѣдованію по завѣщанію, но и къ наслѣдованію по закону (тамъ же, разъясн. къ ст. 1296, стр. 364). Приведенныя разъясненія идутъ отъ мысли, что пріобрѣтеніе правъ на наслѣдованіе и пріобрѣтеніе правъ на наслѣдство совсѣмъ не одно и тоже. Другія разъясненія, напротивъ, вовсе не признаютъ этого различія. Такъ, кассац. сенатомъ постановлено, что отреченіе отъ наслѣдства недѣйствительно послѣ утвержденія въ правахъ наслѣдства (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1265 § 1, стр. 357), между тѣмъ какъ извѣстно, что оно можетъ состояться и безъ вѣдома наслѣдника, напримѣръ, когда завѣщаніе хранилось въ публичномъ учрежденіи или у нотаріуса и, согласно съ волею завѣщателя, передано имъ, послѣ его смерти, прямо въ судъ. Далѣе, по разъясненію кассац. сената, наслѣдники соучастника въ общей собственности могутъ требовать раздѣла наслѣдства отъ другихъ соучастниковъ или ихъ наслѣдниковъ только тѣмъ способомъ, который принадлежалъ самому пріобрѣтателю въ нераздѣльномъ наслѣдствѣ. Въ этомъ усматривается какой-то особенный способъ раздѣла, свойственный только наслѣдству и отличный отъ раздѣла общаго имущества, пріобрѣтеннаго другимъ способомъ (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1313 § 2, стр. 368). Но никакого особаго способа раздѣла, свойственнаго наслѣдству, нѣтъ, и мысль о немъ могла возникнуть только вслѣдствіе смѣшенія права наслѣдованія съ правомъ на имущество. Послѣднее,

имущественнаго свойства. Сюда, напримѣръ, принадлежатъ: права и обязанности по правамъ на чужую вещь — ипотекамъ, сервитутамъ, арендным контрактамъ, залоговому и закладному праву, недоимки въ казенныхъ податяхъ и т. п. Но кромѣ этихъ правъ и обязанностей, есть и вытекающія изъ того законнаго основанія, въ силу котораго имущество перешло къ новому хозяину отъ прежняго, тѣсно связаны съ этимъ основаніемъ, и потому могутъ быть весьма различны. Имущество можетъ быть отчуждено, продано, обмѣнено, уступлено, подарено, на извѣстныхъ условіяхъ, и такія условія, опредѣляя особеннымъ образомъ права и обязанности новаго хозяина имущества, составляютъ, такъ сказать, тотъ придатокъ, который объясняется не общими началами вещныхъ правъ и правъ по обязательствамъ, а тѣмъ особеннымъ основаніемъ, въ силу котораго имущество перешло къ новому хозяину. Такія особенности относятъ къ имущественное право на наслѣдство и право наслѣдованія. Завѣщаніе и законъ могутъ ставить наслѣднику условія для полученія наслѣдства, вовсе не вытекающія изъ самаго существа передаваемыхъ ему правъ и обязательствъ, — напримѣръ заплатить долги, лично лежавшіе на умершемъ, выдѣлить изъ наслѣдства извѣстную часть въ пользу того или другого лица или учрежденія, давать содержаніе по смерть или въ продолженіе опредѣленнаго времени извѣстному лицу и т. п. Эти особенности, вытекающія изъ права наслѣдованія, и должны быть здѣсь разсмотрѣны. Они собственно приводятся къ двумъ категоріямъ, находящимся въ тѣсной связи съ двумя различными взглядами на наслѣдство. По одному взгляду, наслѣдованіе есть продолженіе личности умершаго въ наслѣдникахъ. По этому взгляду, умершій живетъ въ наслѣдникахъ, они его представляютъ, послѣ его смерти, между живыми, а потому его личныя обязательства имущественнаго свойства переходятъ на наслѣдниковъ, которые и обязаны ихъ выполнить, хотя бы полученное ими наслѣдство и не было въ состояніи ихъ покрыть и наслѣдникамъ пришлось употребить на это средства изъ собственнаго кармана въ дополненіе къ тому, что принесло наслѣдство. По другому взгляду, наслѣдство есть не болѣе какъ имущество, не имѣетъ съ личностью умершаго и его наслѣдниковъ другой связи, кромѣ установляемой принадлежностью имущества тому или другому лицу, и потому, отвѣтствен наслѣдника за долги и взысканія, пад на умершаго, ограничивается стоимост лученнаго отъ него наслѣдства и ни комъ случаѣ не можетъ перейти на имущество наслѣдника. Послѣдній выражается въ такъ называемой прив инвентаря (beneficium inventario), въ которой наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги шаго только стоимостью наслѣдства — лѣе. Въ Германіи, на основаніи общ данскаго, т.-е. римскаго права, принят слѣдній видъ отвѣтственности; по п гражданскимъ законамъ, наслѣдникъ пр наслѣдство, отвѣчаетъ за долги умерш падающіе на него взысканія, и бывшим и своимъ собственнымъ имуществомъ гражд., ст. 1259 п. 2; разъясн. къ этой см. Боровиковск., стр. 348 – 354). По р ненію кассаціоннаго сената, такой ственности подлежатъ, сверхъ наслѣдя въ собственномъ смыслѣ слова, еще пругъ, получившій указную часть, лица, чившія имѣніе въ пожизненное влад вообще легатаріи (Боровиковск., разъясн. ст. 1259 §§ 2 и 3, стр. 348 и 349). какъ не только супруги, но и всѣ легатаріи, по разъясненію сената, су наслѣдники наслѣдниковъ, а не их торы (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 10 стр. 294). Въ пользу того и другого приводятся различныя соображенія, ческаго и нравственнаго свойства, но происхожденіе объясняется лишь ист Когда домъ и хозяйство составляли от дѣлимое цѣлое и наслѣдовалась только домохозяина, всѣ долги и взысканія съ шаго оставались на хозяйствѣ и до переходили, вмѣстѣ съ властью, на домовладыку. Но когда понятіе о домохо исчезло и единство домашняго хозяйст мѣнилось представленіемъ объ имущ принадлежащемъ въ особенности тому другому изъ членовъ семьи, нельзя уже по справедливости, признать, что наслѣд обязанъ отвѣчать собственнымъ имущест за долги другого лица. Съ особенною зительною очевидностью это обнару въ Римѣ, гдѣ отказы — легаты — вест назначались посторонимъ, а на долю на никовъ оставлялись одни взысканія и Такая явная несправедливость повела, мы видѣли, къ ряду ограниченій завѣща въ ихъ распоряженіяхъ и вызвала

облегченіе наслѣдниковъ предоставленіемъ имъ права отвѣчать за долги лица, послѣ котораго они получили наслѣдство, лишь соразмѣрно съ стоимостью или цѣнностью послѣдняго.

Въ пользу отвѣтственности наслѣдника за долги умершаго своимъ особымъ имуществомъ приводятъ соображенія нравственныя—благоговѣйное отношеніе къ покойному, желаніе, чтобы по немъ осталась добрая память. Но этотъ аргументъ мало убѣдителенъ: кто чтитъ память умершаго и заботится о томъ, чтобы на ней не оставалось пятенъ, тотъ уплатитъ долги лица, послѣ котораго получилъ наслѣдство, и не будучи къ тому обязанъ. Это прежде часто бывало и теперь нерѣдко дѣлается, даже по долгамъ, юридически недѣйствительнымъ; въ законѣ же можетъ быть рѣчь только объ отношеніяхъ юридически обязательныхъ. Современныя законодательства смотрятъ на наслѣдство только какъ на имущество, на наслѣдованіе только какъ на переходъ имущества отъ умершаго къ живымъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, нельзя, вопреки логикѣ, привлекать наслѣдника къ отвѣтственности за долги умершаго, на покрытіе которыхъ у него не доставало средствъ. Въ оправданіе этой непослѣдовательности приводятъ, что каждый воленъ принять или не принять наслѣдство; но принявъ, наслѣдникъ уже обязанъ подчиниться всѣмъ условіямъ, на какихъ совершилась передача. Это разсужденіе не выдерживаетъ критики. Во-1-хъ, долги и взысканія, падающіе на имущество, которое входитъ въ составъ наслѣдства, безспорно остаются на немъ, и по нимъ наслѣдникъ отвѣчаетъ; но въ этомъ случаѣ отвѣтственность его и теперь ограничивается стоимостью наслѣдства, вслѣдствіе чего, если умершій оказался несостоятельнымъ, то все, что онъ послѣ себя оставилъ, идетъ въ конкурсъ, на удовлетвореніе кредиторовъ и наслѣдникамъ достается лишь то, что останется за покрытіемъ долговъ. Но рѣчь идетъ не о долгахъ, переходящихъ отъ одного собственника къ другому вмѣстѣ съ имуществомъ, а о тѣхъ, которые падали на умершаго, безъ различія, лежали они на имуществѣ или лично на немъ, имѣли реальный или личный характеръ. Если на наслѣдство смотрѣть какъ на имущество, то нѣтъ справедливаго основанія привлекать къ отвѣтственности наслѣдника за взысканія, которыя наслѣдованнымъ имуществомъ не покрываются. Во-2-хъ, безъ сомнѣнія, каждый, вступая въ извѣстныя юридическія отношенія, обязанъ подчиниться и всѣмъ условіямъ, которыя съ ними связаны, принять всѣ послѣдствія, какія изъ нихъ проистекаютъ; но къ данному случаю это начало не примѣняется. Обязанность подчиниться условіямъ и принять всѣ послѣдствія юридическаго отношенія предполагаетъ, что тѣ и другія извѣстны и опредѣлены заранѣе: за неизвѣстное и неопредѣленное никто не отвѣчаетъ. Новый собственникъ и хозяинъ имущества впередъ знаетъ, какія взысканія лежатъ на имуществѣ, которое къ нему переходитъ, и если его принялъ, то по всей справедливости отвѣчаетъ за нихъ: по этого никакъ нельзя сказать о личныхъ обязательствахъ, хотя и имущественнаго характера, лежащихъ на умершемъ: они могутъ оставаться неизвѣстными не только при открытіи наслѣдства, но и гораздо позднѣе, до той минуты, когда потребуется по нимъ исполненіе. Какъ же возлагать на наслѣдника отвѣтственность за то, чего онъ не знаетъ и не можетъ знать, принимая наслѣдство? Но всѣмъ этимъ соображеніямъ, справедливость требуетъ, признавъ наслѣдство за имущество, признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что только это имущество, а не лично наслѣдникъ, отвѣчаетъ за долги умершаго. Сводъ законовъ держится по отношенію къ отвѣтственности наслѣдника, старинныхъ римскихъ воззрѣній, и признавая наслѣдство имуществомъ, въ тоже время не допускаетъ для наслѣдника облегченій, установленныхъ позднѣйшимъ римскимъ правомъ въ beneficium inventarii. Въ законахъ гражданскихъ прямо выражено (ст. 1259 п. 1), что наслѣдникъ обязанъ „платить долги умершаго соразмѣрно наслѣдственной его долѣ и отвѣтствовать, въ случаѣ недостатка имѣнія, даже собственнымъ капиталомъ и имуществомъ". Это правило противорѣчитъ взгляду нашего законодательства на наслѣдство какъ на имущество. Но Сводъ идетъ еще далѣе и постановляетъ, что „казна и прочія мѣста и вѣдомства, принявшія наслѣдство въ выморочныхъ имуществахъ", „не только не изъемлются отъ обязанности удовлетворять долги, на тѣхъ имѣніяхъ лежащіе", но „и вообще отвѣтствовать въ искахъ порядкомъ, законами установленнымъ" (Зак. гр., ст. 1263). Что казна и юридическія лица отвѣчаютъ за долги, лежащіе на поступившихъ къ нимъ выморочныхъ имуществахъ, можно принять, хотя оговорка о beneficium inventarii была бы здѣсь весьма умѣстна; но

остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ отвѣтственность юридическихъ лицъ, и въ особенности казны, можетъ простираться и на прочіе долги и обязательства умершаго? Въ пользу такой отвѣтственности не могутъ быть приведены даже тѣ нравственныя и юридическія основанія, которыя разсмотрѣны нами выше. При этомъ законъ не поясняетъ, имѣютъ ли юридическія лица, въ томъ числѣ казна, право отказаться отъ наслѣдства, достающагося имъ по закону, или не имѣютъ. Такое умолчаніе только увеличиваетъ недоумѣнія, вызываемыя статьею 1263.

Несовмѣстимость отвѣтственности наслѣдника за умершаго собственнымъ имуществомъ съ господствующимъ теперь взглядомъ на наслѣдство какъ на имущество, побуждаетъ и наше законодательство, и судебную практику въ сомнительныхъ случаяхъ, освобождать наслѣдниковъ отъ отвѣтственности собственнымъ имуществомъ. Такъ, постановлено, что „по долговымъ обязательствамъ безсрочнымъ и выданнымъ срокомъ до востребованія, если они предъявлены ко взысканію по смерти заемщика, наслѣдники его отвѣтствуютъ только всѣмъ принятымъ ими по наслѣдству отъ должника имѣніемъ" (Зак. гр., ст. 1259, примѣч. по прод.). Та же мысль просвѣчиваетъ и въ разъясненіи кассац. сената, что „наслѣдникъ по завѣщанію обязанъ къ производству денежныхъ выдачъ только въ предѣлахъ полученнаго наслѣдства" (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1086, § 2, стр. 294). Намекъ на beneficium inventarii содержится и въ правилѣ Свода законовъ гражданскихъ, въ силу котораго наслѣдованіе по праву представленія освобождаетъ отъ обязанности уплачивать изъ полученнаго такимъ способомъ имущества долги представляемаго лица. Правило это выражено такъ: „Дѣти не обязаны платить долговъ за родителей, если по смерти ихъ никакого имѣнія въ наслѣдство не получили, хотя бы, по праву представленія, и досталось имъ потомъ наслѣдство отъ дѣдовъ и другихъ родственниковъ" (Зак. гр., ст. 1262). Кассаціонный сенатъ, въ своихъ разъясненіяхъ, идетъ далѣе, и вообще не признаетъ обязанности лица, наслѣдовавшаго по праву представленія, платить долги представляемаго (Боровиковскій, разъясн. къ ст. 1124, § 1, стр. 304, къ ст. 1259, § 8, стр. 351). Такое широкое толкованіе закона кассац. сенатъ основываетъ на томъ, что при наслѣдованіи по праву представленія „наслѣдство переходитъ прямо отъ наслѣдодателя, безъ всякаго посредства пре[ста]маго лица" (Боровиковскій, тамъ же). Эти разсужденія сената, и по существу редакціи, едва ли могутъ быть признаны вѣрными. Законъ (ст. 1262) имѣетъ въ [ви]дѣ одинъ лишь случай, именно когда пре[дста]вляемый не оставилъ послѣ себя ни[че]го имѣнія, сенатъ же, своими разъясне[ні]ями распространяетъ дѣйствіе ст. 1262 [и] на случаи, когда представляемый оставля[етъ] имѣніе, но его недостаточно на покрыт[іе] его долговъ, и тѣмъ прямо отмѣняетъ [пра]вило объ отвѣтственности наслѣдни[ко]въ тѣхъ, послѣ кого они наслѣдовали, [ли]чнымъ и собственнымъ имуществомъ. Кромѣ [то]го, нельзя согласиться съ взглядомъ, бу[дто] слѣдованіе по праву представленія е[сть] посредственное и личное. Будь это [та]къ, наслѣдство дѣлилось бы поголовно а не [по] колѣнно. Нельзя не сочувствовать стре[мле]нію по возможности расширить примѣненіе beneficii inventarii, но въ данномъ [слу]чаѣ такое примѣненіе не имѣетъ подъ собою [ни]какой юридической почвы.

Въ заключеніе, остается разсмотрѣть положенія, которыми также опредѣл[яются] права и обязанности, вытекающія для наслѣдниковъ изъ наслѣдованія. Одно изъ [нихъ] относитъ начало правъ и обязанностей наслѣдниковъ, по достающемуся имъ наслѣдству, къ моменту открытія наслѣдства (Зак. гр., ст. 1254); другое признаетъ наслѣдство, оно не переходитъ къ наслѣдникамъ, а к[ъ] ческое лицо. Оба эти положенія, про[ти]ставляются другъ другу, и потому д[олж]ны быть разсмотрѣны вмѣстѣ.

Практикою кассац. сената установлено, не только права на наслѣдованіе начи[на]ются съ момента смерти лица, послѣ котораго наслѣдство осталось, но что, съ того [са]мого момента, начинаются и самыя права [на]слѣдниковъ на наслѣдство (Боровиковскій, [ра]зъясн. къ ст. 1010, § 2, стр. 267; къ ст. 1011, стр. 269; къ ст. 1254, § 1, стр. 33[5]), какъ будто исключаетъ возможность см[ер]ти на наслѣдство какъ на юридическое [ли]цо, — такъ разсуждаютъ юристы — [по] смертью того, кто оставилъ послѣ себя [на]слѣдство и закрѣпленіемъ за наслѣдни[ка]ми правъ на это наслѣдство, нѣтъ промежу[тка] времени, когда бы оно никому не при[на]лежало и могло бы, хотя временно, [су]ществовать въ видѣ самостоятельной юридической [ли]чности. Фикція никому не принадлежа[щаго] наслѣдственнаго имущества не имѣетъ

этому никакого практическаго значенія и должна быть, какъ не нужная, отброшена. Объ ней въ нашихъ гражданскихъ законахъ и не упоминается. Однако римскіе юристы смотрѣли на дѣло иначе, признавали наслѣдство, послѣ его открытія до перехода къ наслѣдникамъ, никому не принадлежащимъ hereditas jacens—и соединяли съ нимъ имущественныя права и обязанности, принадлежащія юридическимъ лицамъ.

Откуда взялись эти противоположныя воззрѣнія и которое изъ нихъ слѣдуетъ считать правильнымъ? Мы думаемъ, что ихъ противопоставленіе другъ другу есть дѣло недоразумѣнія, что оба они должны быть приняты и дѣйствовать рядомъ; мысль, что они исключаютъ себя взаимно, могла возникнуть только вслѣдствіе смѣшенія права на наслѣдованіе съ правами на наслѣдственное имущество. Если расчленить, какъ слѣдуетъ, эти понятія, то окажется, что оба приведенныя выше положенія не противорѣчатъ другъ другу и не только могутъ, но должны, въ интересахъ наслѣдниковъ и по здравой юридической логикѣ, дѣйствовать бокъ-о-бокъ, взаимно поддерживая и дополняя другъ друга. Это видно изъ слѣдующаго:

Права на наслѣдованіе начинаются для наслѣдниковъ съ момента смерти того, кто оставилъ послѣ себя наслѣдство; но пока не разрѣшится вопросъ, кто долженъ быть признанъ за наслѣдника—а это можетъ продолжаться очень долго, особливо въ случаѣ спора о правахъ наслѣдованія,—лица, предъявляющія права на наслѣдованіе, не имѣютъ еще правъ на наслѣдство. Они получаютъ эти права съ того лишь момента, когда права на наслѣдованіе будутъ за ними признаны и закрѣплены. Въ какомъ же положеніи находится наслѣдственное имущество съ момента смерти бывшаго его хозяина и до утвержденія наслѣдниковъ въ правахъ? Относительно денежныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, а также вообще движимостей, требующихъ лишь храненія, это вопросъ праздный: они ни нуждаются ни въ какихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, кромѣ храненія. Но возьмемъ хозяйство, фабрику, горный заводъ, промышленное заведеніе, даже домъ и т. п., и дѣло представится совсѣмъ въ другомъ видѣ. Эти имущества должны быть завѣдываемы и управляемы, а съ этимъ можетъ быть сопряжено множество самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ юридическихъ сдѣлокъ и отношеній — покупки и продажи, контракты и условія личнаго найма, иски и процессы, денежныя дѣла, пріобрѣтеніе и потеря правъ давностью и т. п. Такого рода юридическія отношенія не могутъ быть ни отложены, ни прекращены, безъ разстройства имущества, оставшагося послѣ умершаго, и безъ ущерба интересамъ наслѣдниковъ, будущихъ хозяевъ наслѣдства. Кто же юридически уполномоченъ вести всѣ эти дѣла? Прежній хозяинъ не существуетъ, новый еще не имѣетъ правъ. На это отвѣчаютъ: опека; но опека дѣйствуетъ во имя того, кого она представляетъ. Кого же она будетъ представлять въ данномъ случаѣ? Вотъ это-то обстоятельство—несуществованіе лица, имѣющаго право на наслѣдственное имущество, и побудило римскихъ юристовъ возвести наслѣдство, за указанный промежутокъ времени, въ юридическое лицо, во имя котораго опека и дѣйствуетъ въ качествѣ его представителя.

Наконецъ, для наслѣдства наступаетъ послѣдній моментъ: права на него наслѣдниковъ выяснены и опредѣлены, послѣдніе становятся настоящими его хозяевами. Спрашивается, какой юридическій характеръ имѣетъ все то, что произошло съ наслѣдственнымъ имуществомъ съ момента смерти лица, послѣ котораго оно осталось, до того момента, когда оно перешло къ наслѣдникамъ? Единственно возможный отвѣтъ тотъ, что наслѣдникъ считается какъ бы получившимъ право на наслѣдство съ момента смерти бывшаго хозяина этого имущества; ибо только такой отвѣтъ сразу устраняетъ всѣ юридическія затрудненія, которыя могли бы возникнуть безъ разрѣшенія вопроса въ этомъ смыслѣ. Если права наслѣдника на наслѣдство считать переходящими къ нему со смерти бывшаго хозяина наслѣдственнаго имущества, то всѣ вопросы, связанные съ преемствомъ правъ на имущество, какъ-то: о давности, о срокахъ по обязательствамъ и процессамъ о правѣ требовать вознагражденія за ущербъ и убытки, нанесенные наслѣдственному имуществу какъ тѣми лицами, которыя имъ управляли въ указанный промежутокъ времени, такъ и посторонними, и множество другихъ, весьма сложныхъ юридическихъ отношеній разрѣшаются легко и просто, по общимъ началамъ правъ вещныхъ и по обязательствамъ. Дать такое рѣшеніе представляется тѣмъ естественнѣе, что фикція юридической личности наслѣдства вѣдь и допущена съ единственною цѣлью

обезпечить и оградить интересы наслѣдниковъ. При всякой другой юридической постановкѣ дѣла рождается множество недоумѣній относительно всего того, что происходило съ наслѣдственнымъ имуществомъ со смерти бывшаго его хозяина до перехода къ наслѣдникамъ.

Изъ сказаннаго видно, что возведеніе начала правъ наслѣдниковъ къ моменту смерти бывшаго хозяина наслѣдства, а наслѣдственнаго имущества — въ юридическое лицо, не только не исключаютъ другъ друга, а напротивъ, взаимно другъ друга дополняютъ: надобно только вникнуть въ ихъ истинный смыслъ и дѣйствительное юридическое значеніе, которые вполнѣ выясняются цѣлью ихъ установленія. Возведеніе начала правъ наслѣдниковъ къ моменту смерти бывшаго хозяина наслѣдства вовсе не значитъ, что съ этого момента наслѣдникъ уже можетъ распоряжаться доставшеюся ему частью наслѣдства на правахъ хозяина: такое толкованіе невозможно потому, что, до утвержденія въ правахъ, остается неизвѣстнымъ, кому наслѣдство будетъ принадлежать; утвержденіе же въ правахъ наступаетъ не въ моментъ открытія наслѣдства, а гораздо позднѣе. Итакъ, можно и должно понимать приведенное положеніе только въ томъ смыслѣ, что правамъ и обязанностямъ наслѣдниковъ, по утвержденіи ихъ, приписывается обратное дѣйствіе, вплоть до момента открытія наслѣдства. Точно также и возведеніе наслѣдства въ юридическое лицо не должно понимать въ широкомъ смыслѣ; придумано оно и допущено съ единственною цѣлью восполнить недостатокъ настоящаго хозяина наслѣдственнаго имущества, и притомъ лишь на столько, на сколько это крайне необходимо для того, чтобы наслѣдство не пришло въ разстройство и упадокъ, до перехода его въ руки наслѣдниковъ на правахъ полныхъ хозяевъ. Согласно съ тѣмъ, вещи удобохранимыя и денежные капиталы, входящіе въ составъ наслѣдства, не имѣютъ характера и значенія юридическихъ личностей: но та часть наслѣдственнаго имущества, которая представляетъ собою какое-нибудь хозяйство, промыселъ или промышленное предпріятіе, находящееся въ дѣйствіи или ходу, имѣющіе свои инвентарь и свою особаго рода жизнь и дѣятельность, по необходимости возводятся въ юридическія лица. Эта фикція даетъ юридическую [illegible] и форму дѣятельности и жизни имуществу, не имѣющему настоящаго хозяина. Такъ какъ единственная цѣль подобной фикціи — [illegible] держать наслѣдство въ хорошемъ видѣ, къ передачи наслѣдникамъ, то имущественная правоспособность наслѣдства, въ качествѣ юридическаго лица, ограничивается лишь тѣми правами, какія совершенно необходимы для поддержанія наслѣдственнаго имущества въ исправномъ положеніи. Наслѣдственное имущество, возведенное въ юридическую личность, можетъ пріобрѣтать, отчуждать, вступать въ обязательства, вести процессы только въ тѣхъ условіяхъ и границахъ, какія указываются необходимостью поддержать хозяйство, не дать ему придти въ разстройство и упадокъ; но вводить коренныя улучшенія, измѣнять систему хозяйства, пускаться въ спекуляціи и аферы нельзя, ибо такого рода права принадлежатъ только хозяину. Въ такомъ лишь смыслѣ слѣдуетъ понимать наслѣдство какъ юридическое лицо — hereditas jacens. Такимъ лицомъ становится только та часть наслѣдства, которая находится въ бездѣйствіи къ моментъ смерти хозяина и остается — перейдя въ управленіе и завѣдываніе назначныхъ наслѣдниковъ или опеки, вплоть до перехода къ наслѣдникамъ. До этого послѣдняго момента и наслѣдники и опека только завѣдываютъ, управляютъ имуществомъ, не имѣющимъ хозяина, и слѣдовательно не могутъ дѣйствовать въ качествѣ представителей хозяина, а представляютъ лишь имущество, вѣренное ихъ управленію.

Этимъ мы и оканчиваемъ изложеніе наслѣдственнаго права, то есть правъ, обязанностей и юридическихъ отношеній, возникающихъ по поводу перехода имущества и имущественныхъ юридическихъ отношеній отъ умершихъ къ живымъ, съ характеромъ наслѣдства. Все остальное — вводъ во владѣніе, передача движимаго имущества, раздѣлъ наслѣдства и т. п. опредѣляются началами наслѣдственнаго права, а имущественныя права — вещныхъ и по обязательствамъ, и потому къ наслѣдственному праву не относятся. Они уже были разсмотрѣны при изложеніи имущественныхъ правъ.

(Отд. „Очеркъ юридическихъ отношеній возникающихъ изъ наслѣдованія имущества." Спб., 1885.)

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

I.

Этнографія.

Стр. 5—204.

Съ переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ въ 1848 г. К. Д. Кавелинъ много работалъ въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ О-вѣ, гдѣ въ то время объединились лучшія петербургскія научныя силы съ представителями высшей администраціи. Среди этихъ первыхъ членовъ О-ва образовалась группа, въ которую вошелъ Кавелинъ и которая была одушевлена одной идеей—подготовкой почвы къ уничтоженію крѣпостного права и къ улучшенію крестьянскаго быта; съ этой цѣлью предпринимался рядъ серьезныхъ этнографическихъ изученій низшихъ слоевъ русскаго народа. Характеръ этихъ изученій представленъ К. нимъ въ сдѣланныхъ имъ „извлеченіяхъ“ изъ собираемыхъ въ Географическомъ О-вѣ этнографическихъ матеріаловъ (См. стр. 167—180 IV т. настоящ. изданія).—Въ 1853 г. въ Географическомъ Обществѣ возникаетъ спеціальное изданіе, посвященное этнографіи Россіи, подъ заглавіемъ: „Этнографическій Сборникъ“, первый томъ котораго редактируетъ К. Д. Кавелинъ вмѣстѣ съ Надеждинымъ.—Второй томъ этого изданія появляется въ слѣдующемъ 1854 г., подъ редакціей уже одного Кавелина. Подробности о работахъ его въ Географическомъ Обществѣ см. въ моемъ предисловіи къ тремъ запискамъ Константина Дмитріевича объ освобожденіи крестьянъ (Русск. Стар. 1886 г., т. LIII, стр. 433—450).—Всѣ помѣщаемыя въ отдѣлѣ монографіи Кавелина написаны въ связи съ его занятіями въ Географическомъ Обществѣ.—Оцѣнка этихъ монографій, въ которыхъ Кавелинъ предугадалъ выводы, ставшіе достояніемъ науки лишь въ наши дни, принадлежитъ *М. И. Кулишеру*. См. его статью: „Кавелинъ и русская этнографія“, „Вѣстн. Европы“, 1885 г., августъ, стр. 657—665.—Этнографическія изученія не покидалъ К. Д. Кавелинъ до конца жизни; онъ постоянно руководствовался ими для выясненія какъ основныхъ вопросовъ древнѣйшей исторіи русскаго народа тѣхъ періодовъ, отъ которыхъ не можетъ быть ни письменныхъ, ни вещественныхъ источниковъ, такъ и правовыхъ явленій на основаніи доселѣ живущихъ въ русскомъ крестьянствѣ юридическихъ обычаевъ. Полнѣе всего выразилъ онъ приложеніе этнографіи къ русской исторіи въ монографіи: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“ (См. наст. изд. „Сочиненій“, т. I, стр. 583—676), а къ вопросамъ юридическимъ—въ статьяхъ о русской сельской общинѣ, помѣщенныхъ во II т. настоящаго изданія, и въ монографіи: „Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы“? (т. IV, стр. 759 и слѣд.).

II.

Исторія русскаго права и законодательства.

Стр. 205—420.

„Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства“ и т. д.—диссертація К. Д. Кавелина на степень магистра гражданскаго права. Онъ защитилъ ее въ Москвѣ, 24 февраля 1844 года. О диспутѣ Погодинъ печаталъ замѣтки въ своемъ „Москвитянинѣ“ (см. 1844 г., мартъ, московская лѣтопись, стр. 229—235), перепечатанныя *П. Барсуковымъ*, въ его книгѣ: „Жизнь и труды Погодина“, т. VII, стр. 371—380.—См. также статью *У. Т—м*, Приношеніе М. П. Погодину, по поводу защищенія разсужденія Кавелина. „Литературная Газета“, 1844 г., № 14 (стр. 251—252).—Самая книга вызвала слѣдующія рецензіи: 1) „Отеч. Записки“, 1844 г., т. XXXIII, мартъ, библіограф. хроника, № 92, стр. 11—17.—2) „Современникъ“ 1844 года, т. XXXIV, стр. 99.—3) „Русскій Инвалидъ“ 1844 г., № 67.

III.

Гражданское право и правовѣдѣніе вообще.

Стр. 503—582.

„О теоріяхъ владѣнія“—самый первый печатный трудъ К. Д. Кавелина, составляетъ переработку

его студенческой диссертаціи, написанной въ 1839 г. на тему, данную проф. римскаго права Н. И. Крыловымъ, и награжденной юридическимъ факультетомъ и совѣтомъ Московскаго университета золотой медалью.

Стр. 532—626.

Рѣчь Кавелина: „Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія"... и т. д., почти черезъ годъ послѣ произнесенія этой рѣчи на актѣ С.-Петербургскаго Университета и изданія ея въ свѣтъ, въ 1860 г., вызвала рѣзкую рецензію со стороны *А. В. Лохвицкаго*, подъ заглавіемъ „Сравнительный методъ въ правѣ и рѣчь г. Кавелина", помѣщ. въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1861 г., январь, крит. и библ., стр. 1—28. –Кромѣ проф. Лохвицкаго, рѣчь Кавелина подвергъ разбору *Н. И Вараднновъ*, на страницахъ „Журнала Мин. Юстиціи", 1863 г., т. XVI, кн. 6-я, стр. 767—773.—К. Д Кавелинъ отвѣчалъ А. В. Лохвицкому въ „Современникѣ", 1861 г., кн. 2, Совр. обозр., стр. 217–235.—Этотъ отвѣтъ помѣщенъ въ настоящемъ изданіи вслѣдъ за „рѣчью" (стр. 626—644).

Стр. 759—902.

Монографія, находящіяся на этихъ страницахъ, посвящены развитію своеобразныхъ возэрѣній К. Д. Кавелина на задачу и объемъ гражданскаго права, въ исключительномъ смыслѣ *ученія объ имуществахъ* и *обязательствахъ*. Такія возэрѣнія вызвали возраженія со стороны русскихъ цивилистовъ. По поводу монографіи: „Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?" написаны статьи: 1) *М. Филиппова*, подъ заглавіемъ: „Невинные юриспруденты", „Р. Слово" 1864 г., кн. 6, стр. 1—26. 2) *А. Думашевскаго*, въ „Журналѣ Мин. Юстиціи" 1865 г., т. XXV, кн. 8, стр. 3[illegible] 335, и 9, стр. 513—535. 3) *Г. Зольберга* напечат[illegible] особую брошюру подъ тѣмъ же заглавіемъ „[illegible] есть гражданское право?", Спб. 1861 г.—Ку[illegible] К. Д. Кавелина, читанный имъ въ Военно-[illegible] дической Академіи и изданный въ 1879 г. отдѣл[illegible] книгой подъ заглавіемъ „Права и обязанности [illegible] имуществамъ и обязательствамъ", вызвали [illegible] чанія со стороны проф. *М. И. Муромцева* [illegible] „Критическомъ Обозрѣніи" 1879 г., №№ 1[illegible] и *Л. З. Слонимскаго*, подъ заглавіемъ: „На[illegible] юриспруденція", въ „Словѣ" 1879 г., [illegible] эти возраженія К. Д. Кавелинъ отвѣчалъ ста[illegible] „Какое мѣсто занимаетъ гражданское право [illegible] системѣ права вообще?" (наст. томъ, стр. 8[illegible] 902).—Кромѣ указанныхъ выше статей гг. Му[illegible] цева и Слонимскаго, на „Курсъ" Кавелина [illegible] еще слѣдующія рецензіи: 1) „Юридич. Вѣст[illegible] 1879 г., кн. 8. -2) „Варшавскія губернскія в[illegible] мости" 1879 г., № 34.—3) „Вѣстникъ Евр[illegible] 1879 г., кн. 6 (на оберткѣ).—4) „Кіевскія Е[illegible] Извѣстія" 1880 г., кн. 6 (въ протоколахъ Юр[illegible] О-ва).

Стр. 1006—1181.

„Очеркъ юрид. отношеній, возникающ[illegible] семейнаго союза". -Отрывокъ изъ этой моно[illegible] былъ помѣщенъ въ „Журналѣ гражд. и [illegible] права" 1882 г., книга 9, стр. 1—24.—По [illegible] отрывка, а затѣмъ самой книги, появились [illegible] дующія статьи: 1) „Научное слово о [illegible] Замѣчанія г. Кавелина о правахъ семейн[illegible] „Нов. Время" 1882 г., №2436. 2) „Юридич. О[illegible] 1882 г., №91. -3) *К. Змирлова*. О союзѣ р[illegible] лей и союзѣ родственномъ. „Журн. Гражд. [illegible] права" 1882 г., кн. 1.—4) *В. Х.*, „Двухъ новыя [illegible] данія". По поводу статей гг Кавелина и Зм[illegible] „Юридич. Обозр." 1883 г., №98.—5) *Н. Тв[illegible]* „Семейныя отношенія". — „Русское Бо[illegible] 1884 г., кн. 4, стр. 101—131.

Д. Корсаковъ.

Списокъ сочиненій и статей К. Д. Кавелина

въ хронологическомъ порядкѣ.

(Статьи, отмѣченныя *одною звѣздочкою*, не вошли въ настоящее изданіе по незначительности или исключительной спеціальности ихъ содержанія. *Двѣ звѣздочки* означаютъ пропускъ статьи самимъ авторомъ въ изданіи 1859 г. *Тремя звѣздочками* отмѣчены статьи, оставшіяся въ рукописи и не бывшія еще въ печати, при чемъ заглавія тѣхъ изъ нихъ, которыя не вошли въ настоящее изданіе, напечатаны курсивомъ).

1841. 1) О теоріяхъ владѣнія. (Диссертація на тему, заданную юридическимъ факультетомъ Моск. унив. въ 1839 г. и награжденная золотою медалью).

Напечатана въ перераб. видѣ въ „Юридич. Запискахъ", изд. П. Г. Рѣдкинымъ, М., 1841, т. I.

1844 2) Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ. (Диссертація на степень магистра гражданскаго законодательства). Изд. отдѣльно, Москва, 1844, in 8°, III, 186 стр.

Отрывокъ изъ нея (III-я гл. первой части), подъ загл.: „Устройство граждсудовъ отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до Петра Вел." помѣщенъ въ „Юридич. Запискахъ", изд. П. Г. Рѣдкинымъ, т. II, Москва, 1842.

1845. *3) Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ. (Составлено по сочиненію Tzschoppe и Stenzel'я: „Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte in Schlesien und der Ober-Lausitz", Hamburg, 1832, in 4°).

Напечатано въ „Сборникѣ историч. и статистич. свѣд. о Россіи", изд. Д. А. Валуевымъ, т. I, ч. I, Москва, 1845, стр. 9—50.

— 4) О „Сибирскомъ Сборникѣ", изд. Д. А. Валуева, т. I, М., 1845.

Отеч. Зап. 1845, т. XLI, кн. 7, библіогр. хроника, № 222.

— 5) О книгѣ С. М. Соловьева „Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ", М., 1845.

Отеч. Зап., 1845, т. XLIII, кн. 12, № 387.

1846. **6) О „Біографіи Д. А. Валуева" (псевд. автора), М., 1846.

От. Зап. 1846, т. XLVI, кн. 6, библ. хрон., № 130.

6а) О „Сборникѣ историч. и статистич. свѣд. о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ", изд. Д. А. Валуевымъ, т. I, Москва, 1845.

Отеч. Зап., 1846, т. XLVII, кн. 7, крит., стр. 1—28.

— 7) По поводу статьи С. М. Соловьева „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси", помѣщ. въ „Московск. литер. и уч. сборникѣ", 1846.

От. З., 1846, т. XLVII, кн. 8, библіогр. хроника, № 221.

— **8) „Текстъ Русской Правды по четыремъ спискамъ", Н. В. Калачова.

От. З., 1846, т. XLIX, кн. 12, библіогр. хрон., № 353

1847. 9) Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи.

Современникъ, 1847, т. I, кн. 1, отд. II, стр. 1—52 (подп.: Москва, 23 февраля 1846.). Возраженія на эту статью М... З... К... (Ю. О. Самарина) въ „Москвитянинѣ" 1847, кн. 2, критика, стр. 133—222. Перепечат. въ „Сочиненіяхъ Самарина", т. I (М., 1877), стр. 28—109; заглавіе статьи: „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ".

— 10) Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи за 1846 г.

Современникъ, 1847, т. I, кн. 2, крит. и библ., стр. 41—52.

— 11) Объ „Историко-крит. отрывкахъ", М. П. Погодина, М., 1846.

От. З., 1847, т. L, кн. 2, критика, стр. 18—38.

— 12) Объ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ по русской исторіи", Погодина, Москва, 1846, т. I—III

От. Зап., 1847, т. L, кн. 2, крит., стр. 39—76; т. LI, кн. 3, крит., стр. 1—47.

— 13) По поводу „Изслѣдованія о Русской Правдѣ", Н. В. Калачова, М., 1846.

От. З., 1847, т. L, кн. 2, библіогр. хрон., № 59.

— 14) О „Чтеніяхъ въ Моск. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ", кн. 5—9.

Современникъ, 1847, т. II, кн. 3, крит. и библ., стр. 1—38; т. III, кн. 5, id., стр. 1—23; кн. 6, id., стр. 69—83; т. IV, кн. 7, id., стр. 84—96.

— **15) О сочиненіи Хавскаго „Семисотлѣтіе Москвы".

Современникъ, 1847, т. III, кн. 4, крит. и библ., стр. 51.

— 16) О „Памятникахъ, изд. врем. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ", т. II.

Современникъ, 1847, т. III, кн. 5, крит. и библіогр., стр. 23—36.

— **16а) О статьѣ С. М. Соловьева, „О мѣстничествѣ", помѣщ. въ „Московскомъ литературн. и учен. сборникѣ на 1847 г.".

Отеч. Зап., 1847, т. LII, кн. 5, библ. хр. № 164 (разб. „Моск. литер. и уч. сборн." на 1847 г.), стр. 3—5.

— 17) Объ „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома", С. М. Соловьева, М., 1847.

Современникъ, 1847, т. IV, кн. 8, кр. и библ., стр. 43—58; т. VI, кн. 12, id., стр. 161—221; — 1848, т. IX, кн. 5, id., стр. 1—48.

— **18) Замѣтка о „Москвитянинѣ" и мнѣніяхъ М. П. Погодина о новой исторической школѣ (гг. Бѣляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьева).

Современникъ, 1847, т. IV, кн. 8, смѣсь, въ статьѣ: „Современныя Замѣтки", стр. 114—125.

— 19) О „Рѣчахъ, произнесенныхъ въ торжеств. собраніи Моск. Унив. 17 іюня 1847 г.".

От. Зап. 1847, т. LIII, кн. 8, библ. хрон., № 234.

20) Отвѣтъ „Москвитянину" (на статью М... З., К..., т.-е. Ю. О. Самарина).

Современникъ, 1847, кн. 12, стр. 109—134.

1848. 21. О книгѣ Лакіера „О вотчинахъ и помѣстьяхъ", Спб., 1848.

Современникъ, 1848, т. VIII, кн. 4, кр. и библ., стр. 57—93.

— 22) О книгѣ Ив. Фундуклея, „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ.", Кіевъ, 1848.

Соврем., 1848, т. X, кн. 8, крит. и библ., стр. 94—101.

— **23) О соч. Савельева-Ростиславича, „Древній и нынѣшній Переславль-Залѣсскій".

Соврем., 1848, т. X, кн. 7, крит. и библ. стр. 52—53.

— 24) По поводу соч. Терещенки, „Бытъ русскаго народа", Спб., 1848, семь частей, in 8°.

Соврем., 1848, т. XI, кн. 9, крит и библ., стр. 1—48, кн. 10, id., стр. 85—139; т. XII, кн. 12, id., стр. 95—138.

25) О „Руководствѣ къ россійскимъ законамъ", Рождественскаго, Спб., 1848. -Современникъ, 1848, т. XI, кн. 10, крит. и библ., стр. 140—143.

— 26) Объ „Наслѣдованіяхъ, относящихся къ древней русской исторіи", Филиппа Круга. 2 изд. Спб., 1848.—От. З., 1848, т. LXI, кн. 12, стр. 41—78.

1849. 27) Объ „Исторіи образованія и развитія системы русскаго гражд. судопроизв. до Уложенія 1649 г.", М. Михайлова, Спб. 1848.-Современникъ, 1849, т. XIII, кн. 2, крит. и библ., стр. 91—104.

— 28) О книгѣ Рождественскаго, „Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законод.". Спб., 1848. —От. Зап., 1849, т. LXIII, кн. 3, библ. хр. № 75.

— 29) Ремесленная богадѣльня и ея управленіе ремесленнымъ сословіемъ въ Спб.—„С.-Петербургск. Вѣд.", 1849, № 173.

1850. **30) О диссертаціи Т. Н. Грановскаго „Аббатъ Сугерій", М., 1849. — Современникъ 1850, т. XIII, кн. 1, крит. и библ., стр. 67—80. (Снова напечатана въ „Примѣчаніяхъ" къ III т. настоящаго изданія „Сочиненій" стр. 1246—1255).

— 31) О книгѣ Богомолова, „О значеніи словъ Варягъ, Казакъ, Россъ и Ретъ", Тифлисъ. 1849. —От. Зап., 1850, LXVIII, кн. 3, библіогр. хрон., № 27.

— **32) О „Библіогр. обозрѣніи русскихъ исторій", Полѣнова. — От. Зап., 1850, т. LXX, кн. 4, № 77.

— 33) О сочиненіи Тюрина, „Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси", Спб., 1850. — От. Зап., 1850, т. LXIX, кн. 7, библіогр. хрон., № 78.

— 34) Нѣсколько словъ о примѣтахъ.—Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, издав. Н. В. Калачовымъ, кн. I, Москва, 1850, отд. VI, стр. 3—13.

— 35) Нѣкоторыя извлеченія изъ собранія въ Имп. Русскомъ Геогр. обществѣ этнографическихъ матеріаловъ о Россіи съ замѣчаніями ихъ многосторонней занимательности и пользы для науки. — Географич. извѣстія, 1850, кн. II, стр. 323—339.

— 36) Объ „Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи", изд. Н. В. Калачовымъ, кн. I, М., 1850.—От. Зап., 1850, т. LXX, кн. 5, крит., стр. 1—28.

— 37) Объ „Описаніи Госуд. архива старыхъ дѣлъ", Иванова, М., 1850.—От. З., 1850, т. LXX, кн. 7, библ. хрон., № 108.

— 38) О сочиненіи Шульгина, „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В.", Кіевъ, 1850. —От. Зап., 1850, т. LXXI, кн. 8, библ. хрон. № 130.

— 39) О книгѣ П. В. Павлова, „Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова", М. 1850. — От. Зап., 1850, т. LXXII, кн. 9, крит. 13—30.

1851. 40) О вѣдунѣ и вѣдьмѣ (по поводу статьи г. Аѳанасьева подъ этимъ заглавіемъ въ запискахъ „Комета"). — От. Зап., 1851, т. LXXVI, кн. 6, критика, стр. 53—64.

— **41) О „Лѣтописцѣ Переясл. Суздал.", изд. Кн. Оболенскимъ. — От. Зап., 1851 г., т. LXXVII кн. 8, стр. 67—70.

— 42) О книгѣ Троицины, „Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи", Спб., 1851. — От. Зап.

1851, т. LXXVIII, кн. 10, библ. хрон., стр. 51—59.

— 43) Объ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", С. М. Соловьева, т. I, М., 1851.— От. Зап., 1851, т. LXXIX, кн. 12, крит., стр. 45—122.

1855. 44) Записка объ освобожденіи крестьянъ. „Русская Старина", 1885, т. XLIX, кн. 1, стр. 131—180, кн. 2, стр. 293—320, т. L, кн. 5, стр. 287—310. Первыя двѣ главы I-й части напеч. въ 1856 г. въ сборникѣ, изд. А. И. Герценомъ, „Голоса изъ Россіи", кн. III. То же во 2-мъ изд. этой книжки, 1858. Извлеченіе въ „Современникѣ", 1858, кн. IV, апрѣль (о „новыхъ условіяхъ сельскаго быта").

— ***45) *О русскомъ историческомъ развитіи.* (Не обработано и не закончено въ рукописи).

1856. 46) О книгѣ Б. Н. Чичерина, „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ", М., 1856. От. Зап., 1856, т. CIX, кн. 12, крит., стр. 428—477.

— 47) Некрологъ П. В. Кирѣевскаго.—„Спб. Вѣдомости", 1856, № 242.

1857. 48) Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи.—„Русская Старина", 1887, т. LII, кн. 3, стр. 431—463.

— 49) Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ.—„Русская Старина", 1887, т. LIV, кн. 4, стр. 165—167.

— ***50) Изъ дневника.—Въ сокращеніи напечатано Д. А. Корсаковымъ въ „Матеріал. для біографіи К. Д. Кавелина", „В. Евр.", 1886, т. IV, кн. 8, стр. 541—557.

***51) *Конспектъ уроковъ по правовѣдѣнію Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу.* (Рук.).—Введеніе къ этому конспекту (программа преподаванія правовѣдѣнія Его Имп. Высочеству) напечатано Д. А. Корсаковымъ въ его „Матеріал. для біогр." К. Д. Кавелина, „Вѣстн. Евр.", 1886, т. IV, кн. 8, стр. 557—561.

— 52) Слуга, современный физіологическій очеркъ (по поводу статьи В. В. Григорьева о Грановскомъ).—„Русскій Вѣстникъ", 1857, т. VIII, кн. 6, стр. 277—292.

— 53) Рѣчь передъ началомъ курса гражд. права въ Спб. Университетѣ, 11 сент. 1857. Въ „Сочин. К. Д. Кавелина", изд. Солдатенкова и Н. Щепкина, М., 1859, т. IV, стр. 361.

— 54) Рѣчь на обѣдѣ въ Москвѣ 28 декабря 1857 г.—„Русскій Вѣстникъ", 1857, т. XII, кн. 12, Соврем. лѣт., стр. 210—211.

1858. 55) Рѣчь на обѣдѣ въ С.-Петербургѣ 12 янв. 1858 г.—„Спб. Вѣдомости", 1858, № 14.

— *56) Отчетъ Имп. Эк. Общества за 1856 г. Труды И. В. Э. Общества, 1857, кн. 3, отд. брош., Спб., 1857 г., стр. 103.

— *57) Соображеніе о предметахъ занятій, цѣли и способахъ дѣйствія Имп. Вольн. Экон. общества.—„Сочин. К. Д. Кавелина", изд. Солдатенкова и Щепкина, М., 1859, т. IV.

— 58) А. А. Ивановъ. Некрологъ.—„Русскій Вѣстникъ", 1858, т. XVI, кн. 12, соврем. лѣт., стр. 70—71.

1859. 59) Взглядъ на русскую сельскую общину. „Атеней", 1859, кн. 2, стр. 165—196.

— ***60) *По поводу эмеритуры морского вѣдомства*, рец.

— ***61) *О женскомъ пансіонѣ г-жи Труба* (возраженіе „Спб. Вѣдомостямъ"), 1859.

— *62) Замѣтка о подрядахъ и поставкахъ.—„Архивъ юридическо-практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи" Н. В. Калачова, 1859, кн. 1, Прилож., стр. 28—36.

1860. 63) Взглядъ на историч. развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ русск., франц. и прусскимъ. (Рѣчь, произнесенная на актѣ въ Спб. Унив. 8 февр. 1860). — „Современникъ", 1860, кн. 2, отд. 1, стр. 455—540. Отд. брош., Спб., 1860, стр. 88.

— 64) Объ учетѣ досрочныхъ платежей по обязательствамъ.—„Юридич. Журналъ", изд. Салмановымъ, 1860, кн. 1.

— 65) Письма изъ деревни.—„Моск. Вѣд.", 1860, №№ 192 и 194.

— *66) Путевыя впечатлѣнія (подп. „Проѣзжій"), рец.

— *67) Письмо къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей" о поѣздкѣ по Волгѣ отъ Ярославля до Балакова—безъ подписи.—„Моск. Вѣд.", 1860, № 169.

1861. ***68) Уставная грамота. Напис. лѣтомъ или осенью 1861 г. (Впервые помѣщ. въ наст. изд. т. II, стр. 689—718).

— *69) Юридич. хроника въ еженедѣльномъ журналѣ „Вѣкъ", издав. А. В. Дружининымъ и К. Д. Кавелинымъ подъ редакціей Вейнберга, 1861, №№ 1, 2, 4 и 8 (обзоры текущаго законодательства и юридической практики)

Общіе вопросы, №№ 1 и 2.—Случай при публичной продажѣ имѣній, № 4.—О неявкѣ свидѣтелей и цѣновщиковъ къ описи и оцѣнкѣ имѣній, № 5.—Отмѣна старыхъ ярмарочныхъ обычаевъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, № 5.—Новыя обложенія для евреевъ, № 6.—Отмѣна нѣкоторыхъ исправительныхъ наказаній солдатъ, № 7.—Заселеніе помѣщичьихъ земель Крыма, № 8.

— *70) Паспорты въ Россіи. „Вѣкъ" 1861, №№ 3 и 4.

— *71) Мировые посредники. „Вѣкъ" 1861, № 17.

— 72) Отвѣтъ г. Лохвицкому. (По поводу замѣчаній г. Лохвицкаго на рѣчь К. Д. Кавелина объ исторіи законнаго порядка наслѣдованія, см. выше № 63). — „Соврем.", 1861, кн. 2. Современное Обозрѣніе, стр. 217—235.

— 73) Дворянство и освобожденіе крестьянъ, 1862. Отд. брошюра, безъ имени автора, изд. книгопр. Баръ, Берлинъ, 68 стр., in 12°.

— 74) Записка о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ.—Въ „Письмахъ къ А. И. Герцену, К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева". Женева, 1892.

1862. 75) Объ ограниченіи гражданской правоспособности въ Россіи.—„Журн. Мин. Юстиціи", 1862, т. III, стр. 1—64.

— 76) Объ общественномъ значеніи дворянства, письмо къ Б. П. Обухову.—„Новости", 1886, № 29.

— *77) Записка по поводу годового собранія Общества для пособія нужд. литераторамъ.—„Спб. Вѣдомости", 1862, № 43.

— 78) Замѣчанія на проектъ общаго устава Императ. Россійскихъ Университетовъ. Сборникъ замѣчаній на проектъ Общ. Уст. Имп. Росс. У—товъ, над. М—вомъ Нар. Просв., Спб., ч. I.

— *79) Очеркъ французскаго университета.—„Ж. Мин. Н. Пр.", 1862, кн. VI, VII, XI.

(Подробное описаніе организаціи франц. учебн. заведеній въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), 167 стр.

— 80) Извлеченіе изъ письма К. Д. Кавелина къ А. В. Головнину изъ Парижа (о высшемъ преподав. во Франціи).—„Журн. Мин. Нар. Просв.", 1862, кн. XI.

**81) О различіи законовъ и постановленій (рук.).

1863. 82) Извлеченіе изъ письма проф. Кавелина отъ 25 марта (8 апрѣля) 1863 г. изъ Тюбингена къ г. Министру Нар. Просв. (А. В. Головнину). (Напеч. по расп. Мин. Н. Пр. въ весьма огран. колич. экз.), 27 стр.

— 83) Краткій взглядъ на русскую исторію. Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ, 1863—64 г.—„Русская Старина", 1887, кн. II.

— 84) Замѣтки о Новоузенскомъ краѣ. „Спб. Вѣдомости", 1863, № 216. Тоже въ „Самарск. Губ. Вѣдом.", 1863 г., №№ 44 и 45.

— 85) Чего желательно для Россіи: новаго свода законовъ или уложенія?—„Спб. Вѣдомости", 1863, № 223.

— 86) Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? Одинъ изъ современныхъ юридич. вопросовъ. (Написано въ 1863 г. въ Боннѣ на Рейнѣ).—„Спб. Вѣд.", 1864, №№ 14, 15, 18, 24, 31 и 37. Отд. оттискъ, Спб., 1864, стр. 152.

— 87) Свобода преподаванія и ученія въ Германіи.—„Журн. Мин. Нар. Пр.", 1864, кн. III IV.

— 88) По поводу губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій.—„Спб. Вѣдомости", 1864, №№ 49, 51 и 53.

— 89) Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ (писано въ 1864 г.).—„Русскій Вѣстникъ", 1865, кн. II, III и IV.

1865. 90) Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ. По поводу диссертаціи Н. А. Некрасова: „Уголовно-стат. этюды".—„Спб. Вѣд.", 1865, №№ 132 и 133. Отд. отт., Спб., 1865, in 12°.

91) Объ общественной роли дворянства. Письмо къ А. Л. Корсакову. (Извлеченіе изъ наст. письма напеч. безъ подписи автора, въ видѣ передовой статьи въ „Спб. Вѣд.", 1865, № 118).

1866. 92) Мысли и замѣтки о русской исторіи. По поводу „Исторіи Россіи" Соловьева и „Исторіи Петра В." Устралова.—„Вѣстникъ Европы"; 1866, кн. II, отд. I.

**93) Отвѣтъ И. В. Вѣляеву по поводу „Мыслей и замѣтокъ о русской исторіи". (Рук.).

94) О сочиненіяхъ Т. Н. Грановскаго, М., 1866.—„Вѣстникъ Европы", 1866, кн. IV, отд. II (безъ подписи).

— 95) „Сборникъ статей о конституціонномъ началѣ", барона А. Гакстгаузена. Перев. съ нѣмецкаго К. Д. Кавелина и Б. И. Утина. Спб., 1866, in 8°. *К. Д. Кавелинымъ переведена 2-я часть, включающая въ себѣ статьи Гельда, Гнейста, Лабэ, В. Козегартена; имъ же написана соотвѣтственная вторая часть предисловія.

— 96) Съ Волги.—„Русскій Инвалидъ", 1866, № 254.

1867. 97) Современная нѣмецкая психологія. По поводу книги проф. М. М. Троицкаго: „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи" М., 1867.—„Вѣстникъ Европы", 1868, кн. I.

1870. ***98) *Объ Академическомъ правописаніи и печительствѣ*, 1870, рук.

1872. 99) Задачи психологіи.—„Вѣстникъ Европы", 1872, кн. I, II, III и IV. Отд. изд. Спб. 1872, 240 стр., in 8°.

— 100) О книгѣ Д. А. Корсакова „Меря и Ростовское княжество", Казань, 1872.—„Спб. Вѣдом.". 1872, № 102.

— 101) О неполномъ правѣ собственности по своду законовъ.—„Журн. гражд. и торгов. права" 1872, кн. IV.

— 102. Н. А. Милютинъ (некрологъ) Подп. К. В. — Конецъ некролога писанъ другимъ лицомъ.—„Вѣстникъ Европы". 1872, III.

— 103) — Другой некрологъ Н. А. Милютина.—Спб. Вѣд. 1872, № 33.

1873. *104) Кульяванно-Хаджибейскій солевой промыселъ.—„Юридич. Вѣстникъ", 1873, кн. 3—4 10 11.

— 105) Письмо къ редактору „Русскаго Архива" по поводу писемъ Л. Н. Ростовцева къ князю П. П. Оболенскому.—„Русскій Архивъ", 1873, стр. 218—219.

— 106) Некрологъ великой княгини Елены Павловны.—„Спб. Вѣд.", 1873, № 25.

— 107) Изъ записной книжки деревенскаго жителя. (Подписано: *Ивановскій*).—„Спб. Вѣдомости", 1873, №№ 259, 260 и 264.

1874. 108) Психологическая критика. Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы" по поводу замѣчаній и вопросовъ проф. Сѣченова.—„Вѣстн. Евр." 1874, кн. 3, 4, 5, 6.

109) Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „нѣсколько словъ" проф. Сѣченова.—„Вѣстникъ Европы". 1874, кн. 9.

*** 110) Воспоминанія о Бѣлинскомъ, рук.

1875. 111) Априорная философія или положительная наука? (По поводу диссертаціи Вл. Соловьева: „Кризисъ западной философіи", М., 1874). Отд. брош., 8°, Спб., 1875, 48 стр.

— 112) Нашъ умственный строй. „Недѣля". 1875, № 10.

— 113) По поводу полемики гг. Лесевича и Вл. Соловьева.—„Недѣля", 1875, № 15.

— *114) Приходскія общества въ Спб. — „Недѣля", 1875, № 28.

— 115) Проектъ поземельной реформы.—„Недѣля", 1875, №№ 32 и 33.

— 116) Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики. (Письмо къ А. Н. Пыпину) —„Недѣля", 1875, № 40.

— 117) Возможно-ли метафизическое знаніе? —„Недѣля", 1875, № 42.

118) Психологическая критика. Замѣтки Ю. О. Самарина на книгу: „Задачи психологіи".—„Вѣстникъ Европы", 1875, кн. 5, 6 и 7.

— 119) „Чѣмъ намъ быть?“ Отвѣтъ редактору газеты „Русскій Міръ“ въ двухъ письмахъ. Берлинъ, 1875, 86 стр. Отд. брош., in 12° безъ имени автора. По поводу статей ген. Р. А. Фадѣева, над. въ 1874 г. въ Петербургѣ отд. книжкой подъ заглавіемъ: „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ“ (первонач. помѣщались въ газетѣ „Русскій Міръ“).

1876. 120) Общинное владѣніе.—„Недѣля“, 1876, № 3—7. Отд. брош., Спб., 1876, in 12° стр. 63.

*121) Первый съѣздъ депутатовъ приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ въ Спб. Одного изъ уполномоченныхъ.—„Недѣля“, 1876, № 8.

— 122) О книгѣ Ю. Лисона: „Опыты статистич. изслѣдов. о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.“—„Сѣверный Вѣстникъ“ (газета), 1876, № 21.

— 123) Идеалы и принципы.—„Недѣля“, 1876, № 36.

— 124) Ю. Ѳ. Самаринъ (некрологъ). — „Вѣстникъ Европы“, 1876, кн. 4.

1877. 125) Русское наслѣдованіе о позитивизмѣ (о книгѣ г. Лесевича).—„Недѣля“, 1877, № 2.

— 126) Московскіе славянофилы сороковыхъ годовъ (по поводу I. т. сочиненій Ю. Ѳ. Самарина). „Сѣверн. Вѣсти.“ (газ.), 1877, №№ 20, 23 и 24.

127) Виноваты всѣ (Отвѣтъ на замѣчанія по поводу статьи о славянофилахъ). „Сѣверн. Вѣсти.“ (газ.) 1877, № 49.

— 128) А. П. Елагина (библіографич. очеркъ). „Сѣв. Вѣсти.“, 1877, №№ 68—9.

— 129. Поземельная община въ древней и новой Россіи. (По поводу книги Кейслера: „Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, I-er Th., 1876). „Вѣстн. Евр.“, 1877, кн. 5, стр. 200—233.

— 130. Землевладѣніе и земледѣліе. (По поводу сочиненія князя А. И. Васильчикова).—„Недѣля“, 1877, №№ 26—29.

— 131) О привлеченіи нижнихъ чиновъ.—„Голосъ“ 1877.

1878. 132) Политическіе призраки. Верховная власть и административный произволъ, одинъ изъ современныхъ русскихъ вопросовъ. Берлинъ, 1878, 12°, стр. V+125. Отд. брош., безъ имени автора (писано въ 1876 и 1877 г.).

— ***133. Наши недоразумѣнія. (Рукоп.).

— *134) Объ освященіи дома бѣдныхъ.—„Русская Правда“, 1878, № 14.

— 135) О задачахъ искусства.—„Вѣсти Евр.“, 1887, кн. 10, стр. 465—507.

— 136) Некрологъ Н. Н. Тютчева.—„Биржев. Вѣд.“, 1878, № 348 и

— 137) Другой некрологъ Н. Н. Тютчева.—„Голосъ“ 1879, № 64.

1879. 138) Записка о положеніи полеваго хозяйства у крестьянъ сельца Иванова, Тульской губ., Бѣлевскаго у., и о томъ, какъ его поправить. Отд. брош., 8°, 16 стр., 1879.

— *139) Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія (Курсъ гражданскаго права въ Военно-юридич. академіи, читанный въ 1878—1879 акад. году).—Книга. Спб., 1879, in 8° стр. XXXII+410+XV.

— ***140) О преподаваніи правовѣдѣнія въ средникъ учебныхъ заведеніяхъ. (Рукоп.).

— 141) Письмо К. Д. Кавелина къ проф. В. Юрид. Акад. Лузанову. „Р. Стар.“ т. II, стр. 461—462.

1880. 142) Какое мѣсто занимаетъ гражданское право въ системѣ права вообще? (По поводу статей С. А. Муромцева и Л. З. Слонимскаго о книгѣ „Права и обяз. и пр.“). „Журн. Гражд. и Угол. Права“, 1880, кн. I—II.

— 143) Замѣтка о введеніи многопольной системы въ крестьянскихъ хозяйствахъ, „Земледѣльческ. Газета“ 1880, № 39.

— 144) Замѣтка по поводу передовой статьи въ № 51 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1880 (о покушеніи на графа Лорисъ-Меликова). „Молва“, 1880, № 59.

— 145) Мефистофель Антокольскаго. „Вѣсти. Евр.“, 1880, кн. 7, стр. 389—400.

— ***146) Мысли о представительствѣ. (Рукоп.).

— ***147) *Письмо къ гр. Лорисъ-Меликову*, 1880. (Рукоп.).

— ***148) О государственной власти и бюрократіи, 1880 г. (Рукоп.).

— 149) Разговоръ съ соціалистомъ-революціонеромъ. Берлинъ, 1880, in 12° стр. 52. Отд. брош., безъ имени автора.

— 150) Письмо Ѳ. М. Достоевскому. „Вѣстникъ Евр.“, 1880, кн. 11, стр. 431—456.

— 151. Письма изъ медвѣжьяго угла. „Русская мысль“, 1880, кн. 11, стр. 1—26.

— 152) Нѣсколько словъ о народности. По поводу національности Уэтлеса, убійцы г-жи Скобелевой. (Возраженіе на замѣтку Ал. Майкова о томъ, что преступникъ не могъ оказаться русскимъ). „Русскія Вѣдом.“ 1880, іюльскіе №№.

1881. 153) Статьи въ газетѣ „Порядокъ“, 1881:

*a) О невозможности достать полный обиходъ, № 1 (замѣтка въ нѣсколько строкъ); по этому же поводу о разрозненности вѣдомствъ въ Россіи, № 8.

— b) 19 Февраля 1861—1881, № 49.

— c) Рѣчь на обѣдѣ 19 Февраля 1881, № 51.

— d) Чего только у насъ не бываетъ! № 54.

— e) Наши инородцы и иновѣрцы, № 133 (фельетонъ).

— f) По дорогѣ. Замѣтки и впечатлѣнія (подп.: С—цо Иваново, Бѣл. у., Тульск. губ., 24 Мая 1881). № 149 (фельетонъ).

— g) Изъ деревни. Письма въ редакцію, №№ 162 и 174.

— h) Некрологъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, № 356.

— *** 154) *Замѣтка при воцареніи имп. Ал. III*, 1881. (Рукоп.).

— 155) Крестьянскій вопросъ.

„Вѣсти. Евр.“, 1881, кн. 3, 8, 9, 10, 11 и 12. (Извлеченіе изъ этихъ статей въ рижской „Zeitung für Stadt und Land“ въ октябрьскихъ №№ 1881).

— Крестьянскій вопросъ. (Отд. изд.).

Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго надѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. Спб., 1882, 8°, 210 стр. (Предисл. подпис: 15 апр. 1882).

1882. 156) Письма къ О. К. Нотовичу по поводу его книги: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія“, Спб. 1882. —„Новости“, 1882, №№ 240 и 256.

— 157) Путевыя письма.—„Вѣстникъ Европы", 1882, кн. 10, стр. 685—708.

— 158) Новый портретъ В. Г. Бѣлинскаго (мал. замѣтка).—„Русская Мысль", 1882, кн. 9.

— 159) Полемика по поводу книги г. Нотовича: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія".—„Вѣстникъ Европы", 1882, кн. 12.

1882—1883. 160) О гражданскомъ уложеніи.—„Журн. Гражд. и Торгов. Права", 1882, кн. 11, и 1883, кн. 1 и 2.

1883. 161) О мѣрахъ къ оживленію дѣятельности Имп. В.-Эк. общества по улучшенію экономич. условій сельскаго хозяйства.—„Труды И. В.-Эк. Общ.", 1883, кн. IV.

— 162) Освобожденіе крестьянъ и г. фонъ-Самсонъ - Гиммельстіерна.—„Вѣстникъ Европы", 1883, кн. 9.

— ***163) Нужно ли знать гражданское право военнымъ юристамъ? 1883. (Рук.).

1884. *164) Крестьянскій разговоръ.—„Сельскій Вѣстникъ", 1884, № 18.

— 165) Некрологъ врача Лукина.—„Новости", 1884, № 16 и дополнительное сообщеніе въ № 72.

— 166) Философія и наука въ Европѣ и у насъ.—„Сборн. за XXV л.", изд. Литер. фонда, 1884.

— 167) Замѣтка о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ.—„Недѣля", 1884, № 17.

— 168) Злобы дня. „Русская Мысль", 1888. кн. 3 и 4. (Писано въ 1884).

— 169) Письмо къ редактору „Новостей" ... тивахъ отказа отъ дальнѣйшаго исполненія ... занностей президента Имп. Вольно-Экон. Об... —„Новости", 1884, № 324.

— 170) Задачи этики.—„Вѣстникъ Ев... 1884, кн. 10, 11 и 12.—2-е изд. съ біограф... портретомъ. Спб., 1885, in 8°, стр. 148.

— ***171) Программа по исторіи фи... 1884. (Рукоп.).

— ***172) О естественной религіи. 188...

— 173) Очеркъ юридическихъ отно... возникающихъ изъ семейнаго союза (О... Спб., 1884, in 8° стр. 166. Первонач. въ „... Гражд. и Торг. Права", 1882—1883.

— 174) Письмо къ И. И. Ивановскому объ... помъ владѣніи. (Напеч. въ „Политич. эко... соч. г. Ивановскова, въ введеніи, Спб. 1884).

— *** 175) *Письмо къ Товарищу Пр... теля Спб. Окр. Суда (по отзыву Острож... Худина).* (Рукоп.).

— ***176) *Письмо Г. Е. Колосову.* (Ру...

— ***177) Кое о чемъ. (неоконч.). (З... о равныхъ общественныхъ вопросахъ).

— 178) Очеркъ юридическихъ отношен... нающихъ изъ наслѣдованія имущества... изд. Спб., 1885. in 8° стр. 132. Первонач. въ „... Граждан. и Уг. Права", 1884.

— 179) Рѣчь 19 Февраля 1885.—„Русск... рина", 1882, кн. III.

Списокъ статей о К. Д. Кавелинѣ.

(Въ настоящій списокъ не вошли критическія и полемическія статьи по поводу отдѣльныхъ монографій и изслѣдованій К. Д. Кавелина; онѣ указаны въ соотвѣтствующихъ примѣчаніяхъ къ каждому тому).

1855. Автобіогр. изв. о *К. Д. Кавелинѣ*. Біограф. словарь профессоровъ Московскаго Ун—та. М. 1855, ч. I, с. 361—366.

1857—1862. Отз. о К—нѣ *Н. Г. Чернышевскаго*:
a) о знач. К—ва въ разраб русской истор. науки. Зам. о совр. литерат. 1856 — 1862 г. Спб. 1894, с. 164—165.
b) Отнош. К—на къ *Добролюбову* и отзывъ о послѣднемъ Тург—ва, ibid. с. 440—441. (изъ Современника 1857 и 1862 гг.).

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Современное состояніе русской ист. какъ науки. „Моск. Обозр." 1859, кн. I.

1860. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. Крит. ст.: Соч. *К. Кавелина*, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859.—О. З. 1860, кн. 4 и 8, (CXXIX и CXXXI). Отд. III, с. 47—94; 59—89.

— Рец. *Ѳ. М. Дмитріева*. — „Моск. Вѣд." 1860 г. № 185. Соч. К. Кавелина, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859 г.

— *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. Отвѣтъ Ѳ. М. Дмитріеву.—О. З. 1860, кн. 6 и 11 т. CXXX, отд. III, с. 28—59, т. CXXXIII, id., с. 1—17.

— *Ѳ. М. Дмитріевъ*.—Отвѣтъ К. Н. Бестужеву-Рюмину.—„Моск. Вѣд.", 1860, № 209.

— Соч. К. Кавелина. М. 1859. Рец. *Д. М.* . . . Ж. М. Юст. 1860 г., № 10, с. 131—160.

— Соч. К. Кавелина. Рец. „Книжн. Вѣстн." 1860, № 3—6, с. 8.

— *И. Е. Забѣлинъ*, „Органическій взглядъ на р. ист. *К. Д. Кавелина*, въ связи съ предъид. и послѣд. возрѣніями", въ ст. „Размышленія о соврем. задачахъ Русской Исторіи и древностей". От. Зап. 1860, ноябрь. Перепеч. въ II т. сб. статей *И. Е. Забѣлина* „Опыты изуч. русск. древностей и исторіи". М. 1873, стр. 1—71; о К—нѣ, с. 30—36.

— Біограф. очеркъ К. Д. К—на. Портретная галлерея русск. дѣятелей, изд. А. Мюнстера.—Спб. 1860, т. II (съ портр.).

— Новая газета „Вѣкъ" съ 1861 г., подп. *И.(екрасовъ?)*—Соврем. 1860, т. LXXXIV, отд. II, с. 407—408 (№ 12, дек.)
Газету „Вѣкъ" изд. въ 1861 г. Кав—нъ, съ Безобраз., Дружин. и Вейнбергомъ.

— (Д. А. Хрущовъ).—Матер. для ист. упразд. крѣпостнаго сост. пом. крестьянъ въ ц—ніе Александра II. Верл. 1860, ч. I, с. 230—250. Исторія Записки К. объ освобожд. крестьянъ и его увольн. отъ препод., ibid.—О московск. обѣдѣ 1857, (см. ч. I стр. 182—207).

1861. *И. И. Панаевъ*. Литературныя воспоминанія Спб. 1876.—Тоже, 3-е изд. Спб. 1888.—(Первонач. въ „Современникѣ" 1861.).—Студенчество К—на. К—нъ въ Петербургѣ въ 40-хъ гг.

1862. Опред. *Кавелина* въ наставники къ насл. Ник. Ал—др.(1857). Короткое изв.—*Кн. И. В. Долгорукій*, „Правдивый", изд. имъ въ Лейпцигѣ газета. 1862, № 2 (18 Апр.)

1869. *А. В. Станкевичъ*. Біогр. оч. Т. Н Грановскаго.—М., 1869 г., in 8°. 2-е изд. М. 1897 г. in 8°. 1847 — 1855. — Отнош. К—на къ Грановскому (по 2-му изд.) стр. 155, 202, 263, 274.

1870. *В. В. Григорьевъ*. Имп. Спб. У—тъ въ теч. первыхъ 50-ти л. его существованія. Историч. записка. Спб. 1870. О К. Д. Кавелинѣ: за 1857 — 1862, стр. 80, 126, 152, 158, 317.—Прим. 44, 503, 508.

— *В. Д. Спасовичъ*. Пятидесятилѣтіе Петербургскаго У—та. По поводу исторіи этого Унив—та, написанн. В. В. Григорьевымъ. „В. Евр." 1870, кн. 4 и 5, перепеч. въ Собр. сочиненій В. Д. Спасовича, т. IV, Спб. 1891, с. 1—66.

1873. *К. Д. Кавелинъ*.—Письмо его къ П. И. Бартеневу 11 Янв 1873, по пов. его отношеній къ Я. И. Ростовцеву.
„Русскій Арх." 1873, т. I, с. 0218—0219.
Это письмо вызв. по поводу письма *Я. И. Р—ви* къ декаб—сту кн. Е. П. Оболенскому

отъ 18 н-бря 1858, гдѣ гов. о К—нѣ; ном. ibid. 486—509 (о К—нѣ, с. 490).

– Дополн. къ эт. письму: a) ibid. I, 665b.— Б) „Р. Стар." т. LXIII, с. 617—633.– К—нъ упом., с. 620, 626. 629.

1877. *М. de-Пуле.*—Біогр. оч. Н. И. Второва (р. 1818, †1865), гл. V. VI и VII. „Р. Арх." 1877, т. II, с. 426—469

a) 1848—1858. Отн. К—на къ Н. И. В—ву и А. К—ву-Дольнику и складъ петербургск. жизни 1845—1853, с. 427—428; 430, 433—434; 437—438; 446—447; 469

b) Характ.-ка Н. И. Рост—ва и его реформъ въ в. учебн. завед., с. 439—443.

1879 *А. С. Хомяковъ.* — Воспоминанія о немъ А. И. Кошелева и его письма Ю. О. Самарину и другимъ. „Р. Арх." 1879, т. III, с. 264—364.

Кавелинъ упомин.—1848, с. 332, 1856,—с. 345.

— *А. Д. Галаховъ.* Мои сношенія съ Н. И. Ростовцевымъ (1850—1858). „Р. Ст." 1879 г., т. XXIV, стр. 317—334.

– Письма К—на къ Галах., с. 317, 324—326.

— *Его-же.* К—нъ за 1860, упомин. въ „Р. Ст." (1888) т. LVII, с. 33—34

– *De-Hubernatis.* Dizionario biographico degli scrittori contemporanei. -Firenze, 1879. Стр. 582. Біогр. оч. К. Д. К—на.

1880. *К. Д. Кавелинъ.* — Его отзывъ о Сперанскомъ времени въ Моск. У—тѣ (1835—1848), въ книгѣ В. П. Барсукова „Русскіе Шлецологи", Спб. 1880, с. 98.

— Письма *Ю. Ѳ. Самарина*, изд. братомъ его Д. Ѳ. С—нымъ. „Р. Арх." 1880, т. II, с. 241—332. К—нъ упом. 278, 325

— Письмо Ю. Ѳ. С—на къ А. О. Россети (вдовѣ Смирновой). „Р. Ст." 1887 г. т. XLI.— К—нъ упом., с. 440.

1880—1882 Записка *Н. В. Семеновой.* „Р. Ст." 1880, т. XXVIII, с. 289—316. См. с. 307, 308, 315.

— Прод. эт. записокъ.—„Р. Ст." 80 г., XXVIII, 477—484 725—752; XXIX, 851—882; 1881 г., XXXI, 531—546,—1882, XXXIII 625—686.

1882. Біограф. оч. К. Д. К—на. Фотогр. портреты зам. русск. дѣятелей. Изд. фотогр. Шапиро. Спб. 1882.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и хар—ки. Спб. 1882. Въ ст. о С. В. Ешевскомъ.

– *Н. П. Иванюковъ.* „Паденіе крѣпостного права въ Россіи."—СПБ 1882. 1855 и 1861 г. Труды К—на по осв. крестьянъ.

1883. *В. В. Стасовъ*, въ ст. „Нѣс. перевода Рум. музея изъ П—га въ М. „ Р. Ст." 1883, т. XXXVII. К—нъ упом. с. 92.

1884. Выходъ К—на изъ предс. И. В. Э. О-ва.

a) объ эт. выходѣ—„Прогресс. Сельск. Хоз." 1884, № 44.

b) К. Д. К—нъ, письмо въ редакц. „Новостей" (отв. на эт. ст.).—„Новости" 1884, № 324 (23 ноября).

c) Отвѣтъ на это письмо редакц. „Пр. Сельск. Хоз." 1884, № 48

– *И. С. Тургеневъ.* — Письмо его къ Ник. Ал. и (Маріи Ал.) Милютинымъ.—1869.

„Р. Ст." 1884, т. XLI, с. 175—191 Кн. упом. с. 181. Т—въ передѣлывалъ по его словамъ свой разск. „Несчастная"

— *А. Н. Кошелевъ.* Записки изд. его вдовой О. А. Кошелевой (1812—1883). Берл., 1884 (О. К—нѣ 50—70 гг.)

1885. *К. Д. Кавелинъ.* Автобіогр. наброски 1884

— „Русск. Стар." 1885 г., т. XLVI, с. 661

– Тоже „Знакомые", альб. изд. М. И. Семевскимъ. Спб. 1888, стр. 123.

— Некрол. К. Д. К—на (кратк. біогр. свѣд. и х.-ка).—„Новости" 1885, № 121 (4 мая). Перем. „Кас. Бирж. листъ" 1885, № 57 (17 мая). Сообщеніе о засѣд. Гражд. Отд. 6 мая. О—ва 4 мая (въ память К. Д. К—на) и упом. о рѣчи о немъ *К. К. Арсеньева.*—„Новости" 85 г., № 123 (6 мая).

— Извѣщеніе о панихидѣ по Кавелинѣ, бывшей 6 мая, въ 8 ч. веч., въ ном. В. Э. О.—„Новости" 85 г., № 124 (7 мая).

— *К. Д. К—нъ*—(дополнит. біогр. данныя).—„Новости" 1885, № 124 (7 мая).

Похороны Кавелина. Направленіе шествія; кол. депутатовъ; порядокъ процессіи 7 мая.—„Новости" 85, № 124 (7 мая).

– У могилы К—на (общ. х—ка). [рѣчи у гребенія].—„Новости" 1885, № 124 (7 мая.

— Памяти К—на. Письмо въ ред. А. А. (характеристика, вк. „чел. 40-хъ гг.").—„Новости" 1885, № 124(7 мая).

— (Фактич. опис. погребенія К—на) – „Новости" 1885, № 125 (8 мая).

– Характеристика погребенія К—на и его рѣчей, произнес. на могилѣ)—„Новости" 85, № 125 (8 мая). — Перепеч. въ „Р. Вѣд." 85, № 126 (10 мая).

Тоже.—„Од. Вѣсти." 85, № 104 (11 мая)

Тоже.—„Од. Новости" 85, № 124 (11 мая)

— Некрол. К—на.—„Нов. Вр." 1885, № 3208 (7 мая)

– Оп. похор. К—на. „Нов. Вр." 1885, № 3208 (8 мая).

Х—ка К—на и предл. объ осв. памяти его имени (подп. одинъ изъ его слушателей въ В. Юр. акад.). „Нов. Вр." 1885, № 3209 (8 мая).

— Некрологъ К. Д. К—на. „Петерб. Газ." 1885, № 121 (5 мая).

— Описаніе похоронъ К—на. „Петерб. Газ." 1885, № 124 (8 мая).

– *П. А. Гильфердингъ*—Некр. К. Д. К—на „Недѣля" 1885, № 19 (12 мая).

– *А. Ѳ. Аоня.*—Памяти К. Д. Кавелина „Недѣля" 1885, № 19 (мая)

Перепечат.: a) Русск. Стар. 1885, іюнь. b) въ сборникѣ „К. Д. Кавелинъ. Изъ переписки о покойномъ" (1885), стр. 21—27

— Перечисленіе депутацій на похорон. К—а „Недѣля" 85, № 19 (12 мая).

— Некрол. К—на. „Всем. Илл." 1885, № 7 (18 мая) съ портр.

— Кр. некрол. К. Д. К—на. „Пчела" 1885, № 8 (съ портр.).

— Некр. и х—ка К—на.—„Сѣверъ" 1885, № 8 (6 мая).

— Х—ка Кавелина, передовая статья, „Рус. Вѣд." 1885, № 123 (7 мая).

— *Н. Н. Колюпановъ.*—Памяти К. Д. К—на (1814—1848). „Русск. Вѣд." 1885, № 123 (7 мая).

— *А. Н. Пыпинъ.*—К. Д. К—нъ (біогр. оч. и оцѣнка уч. заслугъ). „Русск. Вѣд." 1885, № 128 (12 мая).

— *А. В. Васильевъ.* К. Д. К—нъ (К. о крестьянскомъ дѣлѣ). „Волжск. Вѣстн." 1885, № 99 (4 мая).

— *С. Шаверовъ.* Воспом. о К. Д. К—нѣ. „Волжск. Вѣстн." 1885, № 102 (8 мая).

— *Д. А. Корсаковъ.*—Памяти К. Д. Кавелина (и Костомарова). „Волжск. Вѣстн." 1885. Перепеч. въ „Извѣст. Каз. Общ. арх., ист. и этногр." за 1885.

— Некр. К. Д. К—на. „Од. Вѣсти." 1885, № 100 (5 мая).

— *Е. И. Колбасинъ.*—Памяти К. Д. Кавелина. (1848—1870). „Од. Вѣсти" 1885, № 102 (8 мая).

— По пов. газетн. замѣткѣ о К. Д. К—нѣ. (по сп. Колюпанова, А. А. въ „Новостяхъ" и статей „Зари"). Для х-ки К—на прив. стихи Некрасова; ...Да были личности... и т. д. „Од. Вѣстн." 1885 г., № 101 (7 мая).

— Кратк. некрол. К—на. „Одесск. Нов." 1885, № 121 (7 мая).

— О К—нѣ. (Извлеч. изъ отз. „Биржев. Вѣдомостей", восп. Колюпанова и собств. х—ка). Од. Новости 1885, № 124 (10 мая).

— Воспоминанія о К—нѣ. №№ „Заря" (кіевская газ.) 1885 г., № 100.
Два отрывка изъ нихъ перепечат.:
a) въ „Новостяхъ." 1885, № 125.
b) въ „Одесск. Вѣстн." 1885, № 101).

— Два некролога К—на. (Первый изъ нихъ подписанъ: Л. К.). „Заря" (кіевская газ.). 1885, № 100.
(Отрыв. изъ втораго некролога помѣщ. въ „Одесск. Вѣстн." 1885, № 101.

— *В. И. Безобразовъ.*—На могилу К. Д. К—на. „Новь" 1885, кн. 14-я (2-я за май). 2 стр.

— *Д. А. Корсаковъ* (безъ подп.). Памяти К. Д. К—на. „Истор. Вѣстн." 1885, іюнь, 1—8. (особ. пагин.) съ портр.

— 1859—1862. *Л. І. Грассъ.* Воспом. о К—нѣ. „Ист. Вѣстн." 1885, т. XXI, авг., стр. 295—298.

— *К. А. Бестужевъ-Рюминъ.* Некрологъ К—на. Ж. М. Н. Пр. 1885, іюнь.

— *М. М. Стасюлевичъ.* Некрологъ К. Д. К—на. „В. Евр." 1885, іюнь. Перепечатанъ: a) въ брош. „К. Д. К—нѣ. Изъ первыхъ воспоминаній о покойномъ" (1885), стр. 1—20; b) при 2-мъ изд. соч. К—на: „Задачи этики", Спб. 1886.

— *Спасовичъ, В. Д.* Рѣчь о К—нѣ, произнесенн. въ засѣданіи администр. отд. С.-Петербургскаго Юридич. О-ва 11 мая 1885. „В. Евр." 1885, кн. 6.
Перепеч.: a) въ сборникѣ: „К. Д. К—нъ, изъ первыхъ воспоминаній о покойн." Спб. 1885, стр. 31—34, b) въ Собр. сочиненій В. Д. Спасовича, т. I (Спб. 1889) стр. 203—207.

— *Н. Минскій* (псевд.). Надъ свѣжей могилой К. Д. К—на, стихотв., „В. Евр." 1885, іюнь. Перепеч. въ сборникѣ: К. Д. К—нъ, изъ первыхъ воспом. о покойн., стр. 41.

— *Д. Д. Языковъ.* Библіогр. оч. трудовъ К—на. „В. Евр." 1885, іюнь. Перепеч. a) въ сборникѣ: „К. Д. К—нъ. изъ первыхъ воспом. о покойн.", стр. 42—50; b) съ исправл. въ Словарѣ объ умерш. писателяхъ за 1885. Прилож. къ „Историч. Вѣстн." 1889.

— *А. Н. Пыпинъ.* Кавелинъ и народническія теоріи Сборн., изд. ред. „Вѣстн. Евр."—„К. Д. Кавелинъ. Изъ первыхъ воспоминаній о покойномъ", 8°. Спб. 1885, стр. 35—40.

— К. Д. Кавелинъ. Изъ первыхъ воспоминаній о покойномъ. Сборникъ статей, посв. его памяти. Изд. ред. „В. Евр". Спб. 1885, in 8°. 52 стр. Сюда вошли статьи: 1) М. М. Стасюлевича. 2) А. О. Коni. 3) В. Д. Спасовича. 4) А. Н. Пыпина. 5) Д. Д. Языкова. 6) По пов. сельск. школъ и 7) стих. Минскаго (См. эти статьи).

— Некрологъ К. Д. К—на. „Русск. Мысль" 1885, май.

— *П. И. Костомаровъ.* Автобіографія. О К—нѣ 1858—1862 въ Спб. „Русск. Мысль" 1885 іюнь, стр. 33, 35—36, 37—41.
Въ „Литер. наслѣдіи", послѣд. сборникѣ статей Н. И. К—ва, помѣщ. его автобіогр., но глава, напат. указ. выше года, исключена.

— *М. М. Троицкій.* К. Д. К—нъ. Страница изъ исторіи философіи въ Россіи. Читано въ засѣданіи Московскаго Психологическаго О-ва 24 окт. 1885.—„Русская Мысль" 1885, кн. XI (ноябрь), стр. 160—194.

— *С. А. Муромцевъ* (Предсѣд. Москов. Юридич. О-ва). Рѣчь въ чрезв. засѣд. эт. общ. 7 мая 1885, посвящ. пам. Кавелина. Проток. эт. засѣд. въ „Юридич Вѣстн." (Москва). 1885, кн. VI—VII.

— *В. А. Гольцевъ* (тов. предс. Москов. Юрид. О-ва) Рѣчь въ чрезв. засѣд. эт. О-ва 7 мая 1885, посв. памяти К—на Прот. эт. засѣд. Общ. „Юр. Вѣстн." (вых. въ М.) 1885, кн. VI—VII.

— *А. Л. Чупровъ* (предс. ст. отд. Моск. Юрид. О-ва). Рѣчь въ чрезв. засѣданіи эт. О-ва 7 мая 1885, посвящ. памяти Кавелина. Протокъ засѣд. въ „Юр. Вѣстн." вых. въ М.) 1885, кн. VI—VII.

— *М. Г. Моринсисъ.* К. Д. К—нъ по его трудамъ, сообщеніе въ Одесск. Юридич. О-вѣ. Извѣстія Одесск. Юрид. Общ. 1885, стр. 221—232 (отд. оттискъ). Перепеч. въ „Новостяхъ" 1885, №№ 272, 277, 280.

— Некр. Кавелина. „Съв. Вѣстн." 1885, кн. 5.

— Некрол. К—на „Колосья" (журналъ) 1885, кн. 5.

— Некрол. К—на. „Сибирск. Вѣстн." 1885, кн. 1.

— Ст. о К. Д. Кавелинѣ. „Газета Гатцука" 1885, №№ 18 и 19.

— Некр. К—на. „Голосъ Москвы" 1885, № 125.
Некр. К—на. „Восточ. Обозр." 1885, № 19.
Некр. К—на. „Моск. Церк. Вѣд." 1885, № 16.

— Некр. Кавелина. „Церк. Общ. Вѣстн." 1885, № 39.
Некр. К—на. „Церк. Вѣстн." 1885, № 19.

— Некр. К—на. „Волынск. епарх. вѣд." 1885, № 16.

— Кр. некр. К—на на англ. яз. The Athenæum 1885, № 3006, 23 мая.

— *А. Н. Лешковъ.* Записка объ осн. кр. „Р. Арх." 1885, кн. II, № 8 (стр. 475 и слѣд.)
Участіе К—на въ предварит. работахъ по

освобожд. кр. и его „Записка" объ эт. вопр. (1855—1860).

— Отз. о К—нѣ *А. С. Хомякова* (1842). Письмо Х—ва къ А. В. Веневитинову. Р. Арх. 1885, № 6.

— *Д. В. Аверкіевъ.* Черты изъ жизни К. Д. К—на (его выходъ изъ профес. Спб. У-та 1861). Дневникъ писателя, изд. *Д. В. Аверкіевымъ*, 1885, № 7—8, стр. 273—274.

— По поводу сельскихъ школъ К—на. „В. Евр." 1885, іюнь. Перепеч. въ сборникѣ: „К. Д. К—въ. Изъ первыхъ воспоминаній о покойномъ", стр. 51—52.

— Чествов. памяти К—на на обѣдѣ по случаю 25-лѣтія Новор. У-та, въ Одессѣ, 5 мая 1885. Одесскій Вѣстн. 1885, № 101, 7 мая.

— Протоколъ чрезвыч. засѣд. Московскаго Юрид. О-ва, 7 мая 1885, посвящ. памяти К. Д. К—на.

„Юрид. Вѣстн." 1885 (вых. въ М.), кн. VI—VII. Здѣсь помѣщены рѣчи о К—нѣ *Муромцева, Чупрова* и *Гольцева*. (См. выше).

Ср. *Юридич. Вѣстн. 1885, т. XIX, „Памяти К. Д. Кавелина".*

— Изложеніе засѣданія Моск. Юрид. О-ва 7 мая, въ память К—на. „Русскій Курьеръ" 1885, № 126, 10 мая.

— Подробн. излож. засѣд. Моск. Юридич. О-ва 7 мая, посвящ. пам. К—на. „Русск. Вѣд." 1885, № 125 (9 мая).

1886. *А. Н. Поповъ.* Его переписка съ М. А. Стаховичемъ, А. П. Елагиной, М. В. Кирѣевской, А. И. Кошелевымъ (1839 г. и посл.). Р. Арх. 1886 г., т. I, стр. 320 и слѣд. О К—нѣ упомин. стр. 335, 342, 344, 357.

— *К. Д. Кавелинъ.* Письмо его къ В. И. Семевскому о его „Запискѣ объ освоб. крестьянъ" (1884 г.). „Р. Стар.", 1886 г., т. XLIX, стр. 131.

— Поминки по *К. Д. Кавелинѣ.* Обѣдъ 19 февраля 1886 г. „Р. Ст.", 1886, т. XLIX, с. 760—765.

Ср. рѣчь Домонтовича о К—нѣ.

— *К. И. Домонтовичъ.* Рѣчь о К—нѣ на обѣдѣ 19 февр. 1886 г. „Р. Стар.", 1886, мартъ. Ср. поминки по К—нѣ 19 февр. 1886 г.

— *А. Н. Аванасьевъ* (р. 1826, † 1871 г.). Воспом. о Моск. ун—тѣ 40-хъ годовъ. „Р. Стар.", 1886, т. LI, с. 356—394.

О К—нѣ упомин. стр. 363, 366, 367, 371, 374, 375, 377, 385.

— *Ѳ. Еленевъ.* Первые шаги освобожд. пом. крестьянъ въ Россіи (1855—1861). Р. Арх. 1886, т. II, с. 353—397.

Упомин. „Зап. К—на" объ освобожд. крестьянъ, стр. 388.

1886—1888. *Д. А. Корсаковъ.* Матеріалы для біографіи К. Д. К—на, изъ семейной переписки и воспоминаній. „Вѣстн. Евр.". 1886, май, стр. 5—30. 1886, іюнь, стр. 455—491. 1886, іюль, стр. 21—38. 1886, авг., стр. 559—564. 1886, окт., стр. 731—756. 1886, нбрь, стр. 162—194. 1887, февр., стр 608—645. 1887, апр., стр. 457—488. 1887, май, стр. 5—32. 1887, авг., стр. 765—776.

Послѣдніе годы *К. Д. К—на* (1877—188[illegible] 1888, май, стр. 5—51.

1887. *В. К. Болдыревъ.* К. Д. Кавелинъ, к[illegible] профессоръ В. Юр. Академіи. „Нед[illegible] 1887, № 19 (9 мая).

— *Д. А. Корсаковъ.* Предисловіе къ трем[illegible] писямъ К. Д. К—на по крестьянскому [illegible] прюсу (1857—1862). „Р. Стар.", 1887, т. [illegible] с. 431—450.

О трудахъ К—на по осв. крестьянъ за [illegible] годы и о его занятіяхъ въ И. Р[illegible] Геогр. О—вѣ 1848—1856.

— *А. Г. Рубинштейнъ.* Воспоминанія. „Р. [illegible] 1887, т. LIV, стр. 513—518.

К—нъ упомин. стр. 570.

— *П. Д. Шестаковъ* († 1889). Москов[illegible] У—тъ въ 40-хъ гг. „Р. Стар.", 1887 т. [illegible] стр. 640—662.

К—нъ упомин стр. 647, 659.

1888. *Вл. Сорокинъ.* Воспомин. стараго стр[illegible] та (Спб. У—та) (1858—1861). „Р. Ст." [illegible] т. LX, с. 617—647. Кав. упом. с. 626, 634, 645.

— *Д. Д. Языковъ.* *К. Д. Кавелинъ*, кр[illegible] біограф. очеркъ съ присовокупл[illegible] 1) [illegible] о немъ, посв. какъ при его жизни, та[illegible] по †, 2) списка его учено-литерат. тру[illegible] напечатанн. до 1888 г. включит. (спи[illegible] этотъ не совсѣмъ точенъ и полонъ. [illegible] списокъ трудовъ того же авт., сост. [illegible] Языковымъ въ брош. о Кавелинѣ, изд. [illegible] Ст—чемъ въ 1885 г.).

Оба. жизни и трудовъ пок. русскихъ [illegible] телей Д. Д. Я—ва. В. V-й, русск. пи[illegible] умерш. въ 1885 г. Прилож. къ „[illegible] Вѣстн." 1888 г.

— *Н. Н. Крамской.* Его жизнь и художе[illegible] критическія статьи (1837—1887). Изд. А. Суворина. Спб. 1888.

— Письмо Крамского къ А. С. Суворину [illegible] нив. 1885 г. съ упом. о „Задачахъ ст[illegible] К. Д. К—на (стр. 508—512).

1888—1889. *С. Шевдомскій.* Катковъ и [illegible] время. Спб. 1888.

—*Н. А. Любимовъ.* М. Н. Катковъ и его п[illegible] рическая заслуга. Спб. 1889.

Обѣ эти книги заключаютъ въ себѣ нѣко[illegible] данныя объ отнош. К—на къ Кат[illegible] въ 50-хъ годахъ.

1889. *А. Я. Головачева* (по первому браку [illegible] нева, рожд. Брянская). Ея воспомин[illegible] (1839—1862). „Истор. Вѣстн." 1889, ф[illegible] мартъ, май, іюнь, іюль, сент.

(Сообщается много интересныхъ данны[illegible] литературныхъ и журнальныхъ дѣ[illegible] ляхъ, къ котор. стоялъ близко Кавел[illegible]

— *П. Д. Боборыкинъ.* Университетъ и [illegible] щество Памяти А. Д. Градовскаго (18[illegible] 1876). „Сѣв. Вѣст." 1889, кн. 12, о К[illegible] стр. 138—139.

(Параллель между нимъ и Гр—скимъ, [illegible] проф.-юристами, представителями [illegible] и 60-хъ гг.). Говорится о К. за 18[illegible] 1876 гг.

1890. Постановка бюста *К—на* въ конф[illegible] Военно-Юридич. Академіи. Исп. худ. [illegible]

кольскій. „Новое Вр." 1890, № 5041 (12 марта), хроника.

— *Ѳ. И. Буслаевъ.* Воспоминанія о К—нѣ за время его студенчества „Воспоминанія" Буслаева, „В. Евр." 1890, кн. 10, стр. 671—673. Отд. изд. „Воспоминаній" Буслаева, Спб., 1897.

— *Т. О. Бобровскій.* К. Д. Кавелинъ, на каѳедрѣ гражд. права въ Военно-Юрид. Академіи (1877—1885), Спб., 1890. (Отд. брошюра). См. о ней „В. Евр." 1890, ноябрь, литер. хрон.

— *Н. А. Опарева* (рожд. Тучкова). Ея воспоминанія (1846—1855). „Р. Стар.", 1890, окт.

— Матеріалы для біографіи *Н. А. Добролюбова.* Переписка его 1853—1861. т. I. М. 1890. (О К—нѣ въ концѣ 50-хъ годовъ).

1892. Письма К. Д. Кавелина къ *А. И. Герцену* и *Н. П. Огареву*, съ примѣчаніями М. П. Драгоманова (1857—1863). Въ кн. „Письма К. Д. К. и И. С. Т—ва къ А. И. Герцену", изд. М. Драгомановымъ, Женева, 1892, in 12°, стр. 1—84.

— *В. А. Гольцевъ.* „Нравственныя идеи К. Д. Кавелина". Лекція, чит. имъ 28 января въ 8 час. веч. въ аудиторіи ист. музея въ Москвѣ.—„Русск. Мысль". 1892, февр.

— О „Вѣкѣ", журн. *К—на* (его замыслѣ). Письмо *П. П. Пекарскаго* къ *А. И. Аѳанасьеву.*—Помощь голодающ., сборн. изд. „Русск. Вѣд.", М., 1892, стр. 534.

— Изъ писемъ *В. П. Боткина* и *Бѣлинскаго* къ Анненкову о *К—нѣ* (1847). П. В. Анненковъ и его друзья. Литер. восп. и перен., 1835—1885, т. I. Спб., 1892, стр. 530, 544, 545, 596.

(Ст. К—на „Взгл. на юр. бытъ др. Россіи". Докт. диспутъ Соловьева и возраж. ему К—на. Разрывъ К. и Крыл.—Б. обѣдаетъ у К—на. Бѣлинскій объ участіи К—на въ О. З.)

— *Н. М. Соковнинъ.* Изъ воспоминаній стараго Казанскаго студента (1857—1861).—„Русск. Стар.", 1892, май.

(Проф—во К—на въ Спб. ун—тѣ. Поѣздка съ Кав. на пароходѣ отъ Тв. до Самары по Волгѣ. „Да и осв. крестьянъ".)

— Увольн. *К—на* отъ преподав. наслѣднику въ 1858 г. Дневникъ *О. М. Бодянскаго*, 1858.—„Р. Арх.," 1892, кн. III, № 12, стр. 440, 443.

— Участіе К—на въ выкупѣ изъ крѣпостной зависимости родичей Т. Гр. Шевченки, въ концѣ 1860 г. „Кіевская Стар.", 1892, февр., стр. 319—320.

— *Н. П. Колюпановъ.* Біографія А. И. Кошелева, т. II, стр. 301—411 (оцѣнка воззрѣній К. Д. К—на на русскую сельскую общину въ исходѣ 50-хъ гг., въ связи съ возникшей въ то время полемикой по этому вопросу).

1892—1897. Изъ литературной переписки *К. Д. Кавелина* (1847—1884), съ предислов. и примѣч. Д. А. Корсакова. „Русская Мысль", 1892, янв., стр. 104—138. 1892, мартъ, стр. 1—16. 1892, май, стр. 82—91. 1892, окт., стр. 1—16. 1895, февр., стр. 226—232 1896, февр., 1897, янв., стр. 221—223.

Здѣсь помѣщены и письма Кавелина къ:

1 А. И. Кошелеву (1856).
2 Кн. А. И. Васильчикову (1876).

34 письма къ Кавелину:

2 Бѣлинскаго 1847.
2 Калачова 1849—1850.
1 Аѳанасьева 1850.
4 Леонтьева 1857—1858.
1 Бабста 1857.
5 Каченовскаго 1858—1871.
1 Утина 1858.
1 Самарина 1859.
6 Тургенева 1859—1871.
2 Добролюбова 1860—1861
1 Гр. Корфа 1863.
1 Чистякова 1875.
2 Гончарова 1872—1873.
2 Салтыкова-Шедрина 1884.
2 Кошелева.
1 Кн. Васильчикова 1876.

1892—1899. Отношенія К—на къ *Мих. Петр. Погодину* (1838—1855). *П. П. Барсуковъ.* „Жизнь и труды Погодина", тт. V—XIII. (Подробно см. указатель именъ при VII т. назв. книги и отд. брош. „Указатель къ т. VIII—XIII", состав. В. В. Майковымъ.)

1893. *А. В. Никитенко* Встрѣча съ К—нымъ и отзывы о немъ съ 1855 по 1861 г. включ. Записки и дневникъ Н—кія. Отд. изд., Спб. 1893, т. I, стр. 573—588, т. II, 42—43, 65, 74, 97, 98, 155—156, 177, 240, 244, 245, 289.

1895. *Н. П. Колюпановъ.* Изъ прошлаго. Посмертныя записки. Гл. II (Московск. У—тъ, 1843—1839).—„Русск. Обозр.", 1895, т XXXII, стр. 527—547 (апр.). О К—нѣ, стр. 534—536.

1896. *С. М. Соловьевъ.* Записки изъ неизданныхъ бумагъ, сообщ. его сыномъ, Вс. С. Соловьевымъ (Московскій У—тъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, профессорство въ немъ К—на и его положеніе среды моск. литер. кружковъ). „Р. В.", 1896, кн. 2, стр. 1—28; кн. 3, стр. 53—71; кн. 4, стр. 1—25 (кн. 5, стр. 113—149, о К—нѣ ничего нѣтъ).

— Біогр. оч. К. Д. К—на. Біогр. слов. проф. Спб. У—та, Спб., 1896, т. I.

1896—1898. *Д. А. Корсаковъ* Біогр. оч. К. Д. К—на. Біогр. слов., изд. Имп. Русск. Историч. О немъ, въ Спб., т., ныщ. въ 1898 г.—*Н.—К.*

Отд. отт., Спб., 1896, 16 стр., 2 ст. in 8°.

— Переписка *Т. Н. Грановскаго*, изд. *П. В. Станкевича*, М., 1897.

a) 1845—1855. Письма Г—го къ женѣ, Е. Б. Чичериной, Фроловымъ, Б. Н. Чичерину, А. А. Краевскому.

К—нъ уп. стр. 273, 276, 278, 280, 287, 288, 289, 312, 425, 426, 427, 436, 444, 471.

b) 1852—1855. Гр. къ К—ну, 5 писемъ, ibid 452—458.

1897. Отзывы поэта *Н. М. Языкова* о К—нѣ и „западникахъ" (1844—1846). Ст. В. И. Шенрока, Н. М. Языковъ. „В. Евр.", 1897, декабрь, стр. 597—651.

О К—нѣ стр. 638; 639—642; 643, 644—648, 649—650 примѣч.

1898. *Джаншіевъ*, Гр. Эпоха великихъ реформъ, 7-е дополн. над., М., in 8°, LXX+896+X==976 стр. (съ 15 портр.). Участіе К—на въ дѣлѣ освобожд. крестьянъ (1855—1860). Въ 2-хъ главахъ I отд. „Освобожденіе крестьянъ" (стр. 1—187), въ особ. стр. 164, и въ III отд.—Университетская автономія, стр. 263—319 (въ особ. стр. 279, 285, 299, 313 (Цит. сборн. „Университетскій вопросъ", 1863, стр. 42—43).

Ср. *Его же* отд. кн.: „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ", М., 1891 (перв. въ „Русск. Мысли", 1891, кн. 5, б. нанеч. отрыв. изъ эт. кн.: „Обзоръ основ., принятыхъ Тверскимъ К—томъ по св. проекту освоб. крестьянъ.")

— *В. Д. Спасовичъ*. Воспоминанія о К. Д. К—нѣ (1857—1885). „В. Евр.", 1898, февр.

— *I. Г. Н...* Przed burzą (канунъ польскаго повстанья 1863 г.), съ портр. К—на.—Польск. журн. „Kraj", 1898, №№ 46 и 47 (портр. К—на въ № 46).

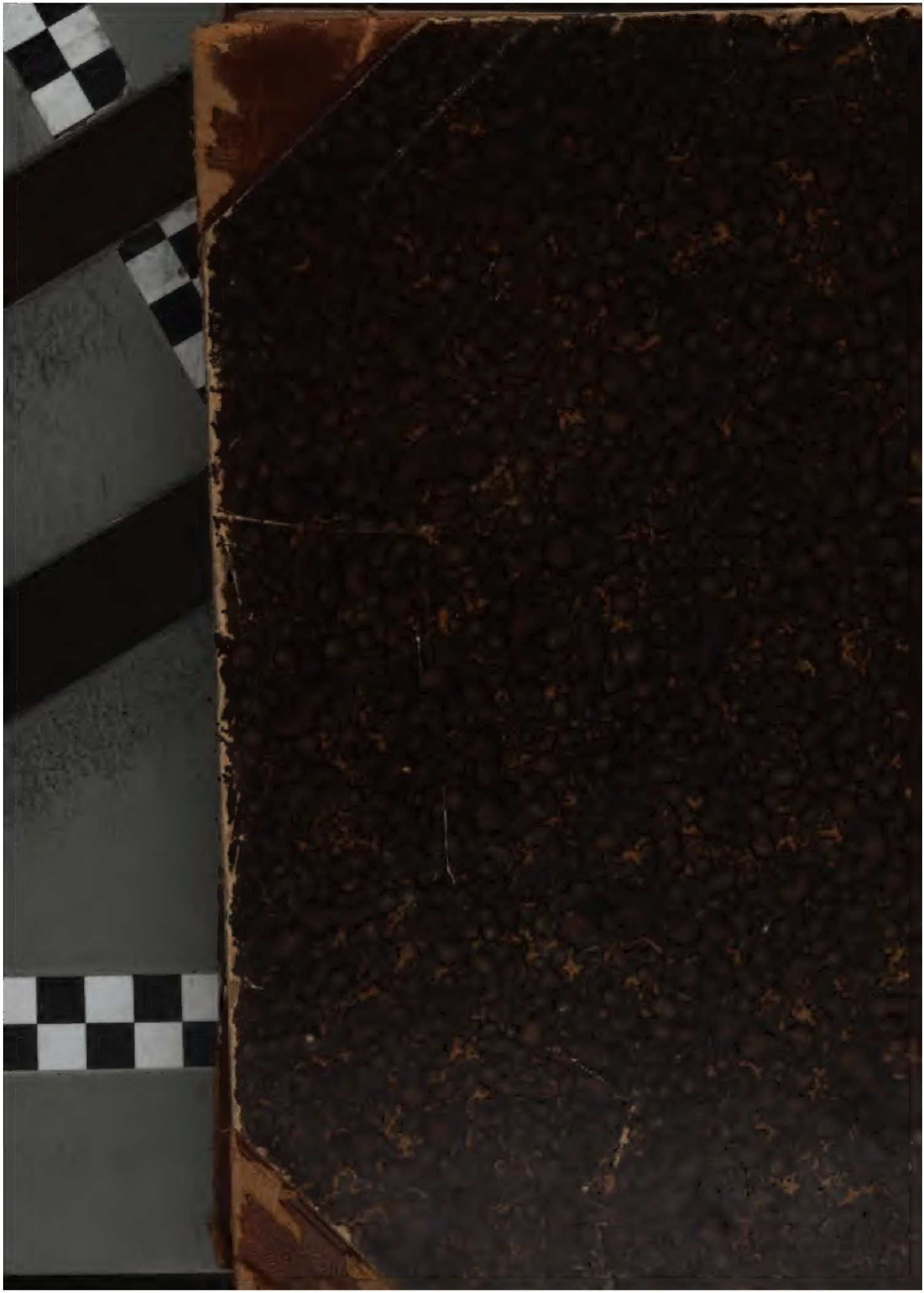
1899. Изъ записокъ *М. А. Милютиной* (1855—1861).—„Русск. Ст.", 1899, т. XCVII (стр. 39—65; 265—288; 575—601), кн. 1, 2, 3.

— Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ *К. К. Гроту*, съ предисл. и примѣч. Д. А. Корсакова.—„Русск. Ст.", 1899, т. CXVII, янв. (стр. 135—157), февр. (стр. 377—399).

— *Д. А. Корсаковъ*. Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—64 гг. (по его перепискѣ за это время).—„Русская Мысль", 1899, май, августъ, ноябрь и декабрь. (не окончено).

AC
65
K34
v.4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

MAR 21 1986